ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Издалъ Ив. Блиновъ.

Изданіе 10-е.

Пересмотрѣнное и исправленное.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

Первымъ своимъ появленіемъ въ печати настоящія „Лекціи" обязаны энергіи и труду моихъ слушателей по Военно-юридической Академіи, И. А. Блинова и Р. Р. фонъ-Раупаха. Они собрали и привели въ порядокъ всѣ тѣ „литографированныя записки", какія издавались учащимися въ разные годы моего преподаванія. Хотя нѣкоторыя части этихъ „записокъ" были составлены по даннымъ мною текстамъ, однако, въ общемъ, первыя изданія „Лекцій" не отличались ни внутренней цѣльностью, ни внѣшней отдѣлкой, представляя собою собраніе разновременныхъ и разнокачественныхъ учебныхъ записей. Трудами И. А. Блинова четвертое изданіе „Лекцій" пріобрѣло значительно болѣе исправный видъ, а къ слѣдующимъ изданіямъ текстъ „Лекцій" пересматривался и лично мною.

Въ частности, въ восьмомъ изданіи пересмотръ коснулся главнымъ образомъ тѣхъ частей книги, которыя посвящены исторіи Московскаго княжества въ XIV—XV вѣкахъ и исторіи царствованій Николая I и Александра II. Для усиленія фактической стороны изложенія въ этихъ частяхъ курса мною были привлечены нѣкоторыя выдержки изъ моего „Учебника русской исторіи" съ соотвѣтствующими измѣненіями текста, такъ же, какъ въ прежнихъ изданіяхъ были оттуда же сдѣланы вставки въ отдѣлъ исторіи Кіевской Руси до XII вѣка. Кромѣ того, въ восьмомъ изданіи заново была изложена характеристика царя Алексѣя Михайловича. Въ девятомъ изданіи сдѣланы необходимыя, въ общемъ небольшія, исправленія. Для десятаго изданія текстъ былъ пересмотрѣнъ.

Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Лекціи" далеки еще отъ желаемой исправности. Живое преподаваніе и

научная работа оказываютъ непрерывное вліяніе на лектора, измѣняя не только частности, но иногда и самый типъ его изложенія. Въ „Лекціяхъ“ можно видѣть только тотъ фактическій матеріалъ, на которомъ обычно строятся курсы автора. Конечно, въ печатной передачѣ этого матеріала остались еще и теперь нѣкоторые недосмотры и погрѣшности; равнымъ образомъ и конструкція изложенія въ „Лекціяхъ“ весьма нерѣдко не соотвѣтствуетъ тому строю устнаго изложенія, котораго держусь я въ послѣдніе годы.

Только съ этими оговорками и рѣшаюсь я выпустить въ свѣтъ настоящее изданіе „Лекцій“.

С. Платоновъ.

Петроградъ. 5 Августа 1917 г.

ВВЕДЕНІЕ.

(Изложеніе конспективное).

Наши занятія русской исторіей умѣстно будетъ начать опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ понимать подъ словами историческое знаніе, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимается исторія вообще, мы поймемъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ исторіей одного какого-либо народа, и сознательно приступимъ къ изученію русской исторіи.

Исторія существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Ѳукидидомъ, напримѣръ, покажетъ вамъ, что греки были по своему правы, относя исторію къ области искусствъ. Подъ исторіей они понимали художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ вмѣстѣ съ эстетическимъ наслажденіемъ и рядъ нравственныхъ назиданій. Тѣ же цѣли преслѣдовало и искусство.

При такомъ взглядѣ на исторію, какъ на *художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ,* древніе историки держались и соотвѣтствующихъ пріемовъ изложенія. Въ своемъ повѣствованіи они стремились къ правдѣ и точности, но строгой объективной мѣрки истины у нихъ не существовало. У глубоко правдиваго Геродота, напримѣръ, много басенъ (о Египтѣ, о Скиѳахъ и т. под.); въ однѣ онъ вѣритъ, потому что не знаетъ предѣловъ естественнаго, другія же, и не вѣря въ нихъ, заноситъ въ свой разсказъ, потому что онѣ прельщаютъ его своимъ художественнымъ интересомъ. Мало этого, античный историкъ, вѣрный своимъ художественнымъ задачамъ, считалъ возможнымъ украшать повѣствованіе сознательнымъ вымысломъ. Ѳукидидъ, въ правдивости котораго мы не сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ героевъ рѣчи, сочиненныя имъ самимъ, но онъ считаетъ себя правымъ въ силу того, что вѣрно передаетъ въ измышленной формѣ дѣйствительныя намѣренія и мысли историческихъ лицъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ точности и правдѣ въ исторіи было до нѣкоторой степени ограничиваемо стремленіемъ къ художественности и занимательности, не говоря уже о другихъ условіяхъ, мѣшавшихъ историкамъ съ успѣхомъ различать истину отъ басни. Несмотря на это, стремленіе къ точному знанію уже въ древности требуетъ отъ историка *прагматизма*. Уже у Геродота мы наблюдаемъ проявленіе этого прагматизма, т. е. желаніе связывать факты причинною связью, не только разсказывать ихъ, но и объяснять изъ прошлаго ихъ происхожденіе.

Итакъ, на первыхъ порахъ исторія опредѣляется, какъ *художественно-прагматическій разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ*.

Ко временамъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на исторію, которые требовали отъ нея, помимо художественныхъ впечатлѣній, практической приложимости. Еще древніе говорили, что *исторія есть наставница жизни* (magistra vitae). Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое бы объясняло событія настоящаго и задачи будущаго, служило бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка и дожилъ до нашихъ временъ; онъ, съ одной стороны, прямо сближалъ исторію съ моральной философіей, съ другой—обращалъ исторію въ «скрижаль откровеній и правилъ» практическаго характера. Одинъ писатель XVII вѣка (De-Rocoles), говорилъ, что „исторія исполняетъ обязанности, свойственныя моральной философіи, и даже въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть ей предпочтена, такъ какъ, давая тѣ же правила, она присоединяетъ къ нимъ еще и примѣры“. На первой страницѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина найдете выраженіе той мысли, что исторію необходимо знать для того, „чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе“.

Съ развитіемъ западно-европейской философской мысли стали слагаться новыя опредѣленія исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смыслъ жизни человѣчества, мыслители обращались къ изученію исторіи или съ цѣлью найти въ ней рѣшеніе своей задачи, или же съ цѣлью подтвердить историческими данными свои отвлеченныя построенія. Сообразно съ различными философскими системами, такъ или иначе опредѣлялись цѣли и смыслъ самой исторіи. Вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ опредѣленій: Боссюэтъ (1627—1704) и Лоранъ (1810—1887) понимали исторію, какъ изображеніе тѣхъ міровыхъ событій, въ которыхъ съ особенною яркостью выражались пути Провидѣнія, руководящаго человѣческою жизнью въ своихъ цѣляхъ. Итальянецъ Вико (1668—1744) задачею исторіи, какъ науки, считалъ изображеніе тѣхъ одинаковыхъ состояній, которыя суждено переживать всѣмъ народамъ. Извѣстный

философъ Гегель (1770—1831) въ исторіи видѣлъ изображеніе того процесса, которымъ „абсолютный духъ“ достигалъ своего самопознанія (Гегель всю міровую жизнь объяснялъ, какъ развитіе этого „абсолютнаго духа“). Не будетъ ошибкою сказать, что всѣ эти философіи требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того же: исторія должна изображать не всѣ факты прошлой жизни человѣчества, а лишь основные, обнаруживающіе ея общій смыслъ.

Этотъ взглядъ былъ шагомъ впередъ въ развитіи исторической мысли,—простой разсказъ о быломъ вообще, или случайный наборъ фактовъ различнаго времени и мѣста для доказательства назидательной мысли не удовлетворялъ болѣе. Появилось стремленіе къ объединенію изложенія руководящей идеей, систематизированію историческаго матеріала. Однако философскую исторію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она руководящія идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи.

Наукою исторія стала только въ началѣ XIX вѣка, когда изъ Германіи, въ противовѣсъ французскому раціонализму, развился идеализмъ: въ противовѣсъ французскому космополитизму, распространились идеи націонализма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономѣрно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ ни случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ его развитія. Исторія стала пониматься, какъ *наука о законахъ исторической жизни человѣческихъ обществъ.*

Это опредѣленіе различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо (1787—1874), напримѣръ, понималъ исторію, какъ ученіе о міровой и національной цивилизаціи (понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданскаго общежитія). Философъ Шеллингъ (1775—1854) считалъ національную исторію средствомъ познанія „національнаго духа“. Отсюда выросло распространенное опредѣленіе исторіи, какъ *пути къ народному самосознанію.* Явились далѣе попытки понимать исторію, какъ науку, долженствующую раскрыть общіе законы развитія общественной жизни внѣ приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности присваивали исторіи задачи другой науки—*соціологіи. Исторія же есть наука, изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ обществъ и всего человѣчества.*

Такая задача требуетъ многаго для успѣшнаго выполненія. Для того, чтобы дать научно-точную и художественно-цѣльную картину какой либо эпохи народной жизни или полной исторіи народа, необходимо: 1) собрать историческіе матеріалы, 2) изслѣдовать ихъ достовѣрность, 3) возстановить точно отдѣльные историческіе факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести ихъ въ общій научный обзоръ или въ художественную картину. Тѣ способы, которыми историки достигаютъ указанныхъ частныхъ цѣлей, называются научными критическими пріемами. Пріемы эти совершенствуются съ развитіемъ исторической науки, но до сихъ поръ ни эти пріемы ни самая наука исторіи не достигли полнаго своего развитія. Историки не собрали и не изучили еще всего матеріала, подлежащаго ихъ вѣдѣнію, и это даетъ поводъ говорить, что исторія есть наука, не достигшая еще тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія, болѣе точныя, науки. И, однако, никто не отрицаетъ, что исторія есть наука съ широкимъ будущимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,— съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшихъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность, открылось болѣе широкое поле—историческій синтезъ, имѣющій цѣль возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только въ прошломъ, но и въ будущемъ человѣчества.

Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться *русскій* историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ мировой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской историографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого историческаго процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку—дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ идти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность и значеніе того или другого факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей; добытыми результатами онъ можетъ служить историку всеобщему, положить и свой камень въ основаніе общеисторическаго синтеза. Но этимъ и ограничивается его связь съ общей исторіей и вліяніе на нее. Конечной цѣлью

русской исторіографіи всегда остается построеніе системы мѣстнаго историческаго процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и другая, болѣе практическая задача, лежащая на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своею исторіею, живетъ сознательно, чутокъ къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача, въ данномъ случаѣ можно выразиться—долгъ національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то ни было предвзятыя точки зрѣнія; субъективная идея не есть идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которыя характеризовали собою различныя стадіи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ дастъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него.

Такъ, и отвлеченныя соображенія и практическія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ одинаковую задачу—систематическое изображеніе русской исторической жизни, общую схему того историческаго процесса, который привелъ нашу національность къ ея настоящему состоянію.

Очеркъ русской исторіографіи.

Когда же началось систематическое изображеніе событій русской исторической жизни и когда русская исторія стала наукой? Еще въ Кіевской Руси, наряду съ возникновеніемъ гражданственности, въ XI вѣкѣ появились у насъ первыя лѣтописи. Это были перечни фактовъ, важныхъ и не важныхъ, историческихъ и не историческихъ, вперемежку съ литературными сказаніями. Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія лѣтописи не представляютъ собою историческаго труда; не говоря о содержаніи—и самые пріемы лѣтописца не соотвѣтствуютъ теперешнимъ требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія сказанія и лѣтописи стали впервые свѣрять и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась и сформировалась Московская Русь. Сплотившись въ единое тѣло, подъ властью единаго Московскаго князя, русскіе старались объяснить себѣ и свое происхожденіе,

и свои политическія цѣли, и свои отношенія къ окружающимъ ихъ государствамъ.

И вотъ въ 1512 году (повидимому старцемъ Филоѳеемъ) составляется *хронографъ*, т. е. обозрѣніе всемірной исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ переводы съ греческаго языка и только какъ дополненія внесены русскія и славянскія историческія сказанія. Хронографъ этотъ кратокъ, но даетъ достаточный запасъ историческихъ свѣдѣній; за нимъ появляются и вполнѣ русскіе хронографы, представляющіе собою переработку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникаютъ въ XVI вѣкѣ лѣтописные своды, составленные по древнимъ лѣтописямъ, но представляющіе не сборники механически сопоставленныхъ фактовъ, а произведенія, связанныя одной общей идеей. Первымъ такимъ произведеніемъ была „*Степенная книга*", получившая такое названіе потому, что она раздѣлялась на „поколѣнія" или на „степени", какъ ихъ тогда называли. Она передавала въ хронологическомъ, послѣдовательномъ, т. е. „постепенномъ" порядкѣ дѣятельность русскихъ митрополитовъ и князей, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой книги ошибочно считали митрополита Кипріана; она была обработана митрополитами Макаріемъ и его преемникомъ Аѳанасіемъ при Иванѣ Грозномъ, т. е. въ XVI вѣкѣ. Въ основаніи „Степенной книги" лежитъ тенденція и общая и частная. Общая проглядываетъ въ желаніи показать, что власть Московскихъ князей есть не случайная, а преемственная, съ одной стороны, отъ южно-русскихъ, кіевскихъ князей, съ другой — отъ византійскихъ царей. Частная же тенденція сказалась въ томъ уваженіи, съ какимъ неизмѣнно повѣствуется о духовной власти. „Степенная книга" можетъ быть названа историческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы изложенія. Въ началѣ XVI вѣка былъ составленъ другой историческій трудъ — „*Воскресенская лѣтопись*", болѣе интересная по обилію матеріала. Въ основаніе ея легли всѣ прежнія лѣтописи, „Софійскій временникъ" и иныя, такъ что фактовъ въ этой лѣтописи дѣйствительно много, но скрѣплены они чисто механически. Тѣмъ не менѣе, „Воскресенская лѣтопись" представляется намъ самымъ цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ всѣхъ, ей современныхъ или болѣе раннихъ, такъ какъ она составлена безъ всякой тенденціи и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, которыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своею простотою она могла не нравиться, безыскусственность изложенія могла казаться убогою знатокамъ риторическихъ пріемовъ, и вотъ ее подвергли переработкѣ и дополненіямъ и составили, къ серединѣ XVI же вѣка, новый сводъ, называемый „*Никоновской лѣтописью*". Въ этомъ сводѣ мы видимъ много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ греческихъ хронографовъ, по исторіи греческихъ и славянскихъ странъ, лѣтопись же о русскихъ событіяхъ, особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, хотя и подробная, но не совсѣмъ на-

дежная,—точность изложенія пострадала отъ литературной переработки: поправляя безхитростный слогъ прежнихъ лѣтописей, невольно искажали и смыслъ нѣкоторыхъ событій.

Въ 1674 году появился въ Кіевѣ и первый учебникъ русской исторіи—„*Синопсисъ*“ *Иннокентія Гизеля,* очень распространившійся въ эпоху Петра Великаго (онъ часто встрѣчается и теперь). Если рядомъ со всѣми этими переработками лѣтописей помянемъ рядъ литературно-написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ (напр., Сказаніе кн. Курбскаго, повѣсти о Смутномъ времени), то обнимемъ весь тотъ запасъ историческихъ трудовъ, съ которымъ Русь дожила до эпохи Петра Великаго, до учрежденія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петръ очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены петербургской Академіи; изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать *Готлиба Зигфрида Байера* (1694—1738). Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ два довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ и теперь уже не имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи,—это „*Сѣверная Географія*“ и „*Изслѣдованія о Варягахъ*“ (ихъ перевели на русскій языкъ только въ 1767 г.). Гораздо плодотворнѣе были труды *Герарда Фридриха Миллера* (1705—1783) который жилъ въ Россіи при императрицахъ Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II и уже настолько хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, что писалъ свои произведенія по-русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи (прожилъ 10 лѣтъ, съ 1733 по 1743 г., въ Сибири) и хорошо изучилъ ее. На литературномъ историческомъ поприщѣ онъ выступилъ, какъ издатель русскаго журнала „*Ежемѣсячныя сочиненія*“ (1755—1765) и сборника на нѣмецкомъ языкѣ „*Sammlung Russischer Geschichte*“. Главною заслугою Миллера было собираніе матеріаловъ по русской исторіи; его рукописи (такъ наз. Миллеровскіе портфели) служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и изслѣдователей. И изслѣдованія Миллера имѣли значеніе,—онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи, имъ посвящены его труды: „Опытъ новѣйшей исторіи Россіи“, и „Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ“. Наконецъ, онъ былъ первымъ ученымъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ московскій архивъ Иностранной коллегіи, директоромъ котораго и умеръ (1783 г.). Среди академиковъ XVIII в. видное мѣсто, трудами по русской исторіи, занялъ и *Ломоносовъ,* написавшій учебную книгу русской исторіи и одинъ томъ „Древней Русской исторіи“ (1766 г.). Его труды по исторіи были обусловлены полемикой

съ академиками—нѣмцами. Послѣдніе выводили Русь-Варяговъ отъ норманновъ и норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до пришествія варяговъ представляли страною дикою; Ломоносовъ же варяговъ признавалъ за славянъ и такимъ образомъ русскую культуру считалъ самобытною.

Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя отдѣльные вопросы нашей исторіи, не успѣли дать общаго ея обзора, необходимость котораго чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзоръ появились внѣ академической среды.

Первая попытка принадлежитъ *В. Н. Татищеву* (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ, что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи, и, будучи человѣкомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся ея составленіемъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, перерабатывалъ его не одинъ разъ, но только по его смерти, въ 1768 г., началось его изданіе. Въ теченіе 6-ти лѣтъ вышло 4 тома, 5-ый же томъ былъ случайно найденъ уже въ нашемъ вѣкѣ и изданъ „Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ". Въ этихъ 5-ти томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII вѣка. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи; мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ эскизовъ о древнихъ народахъ—варягахъ, славянахъ и др. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ; такъ, напр., онъ воспользовался изслѣдованіемъ „о Варягахъ" Байера и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія эта теперь, конечно, устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла, такъ какъ (въ XVIII вѣкѣ) Татищевъ обладалъ такими источниками, которыхъ теперь нѣтъ, и слѣдовательно многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ возстановить уже нельзя. Это возбудило подозрѣніе, существовали ли нѣкоторые источники, на которые онъ ссылался, и Татищева стали обвинять въ недобросовѣстности. Особенно не довѣряли приводимый имъ „Іоакимовской Лѣтописи". Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало, что Татищевъ только не сумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ, со всѣми ея баснями, въ свою исторію. Строго говоря, трудъ Татищева есть не что иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; тяжелый его языкъ и отсутствіе литературной обработки дѣлали его неинтереснымъ для современниковъ.

Первая популярная книга по русской исторіи принадлежала перу *Екатерины II*, но трудъ ея *„Записки касательно Русской исторіи"*, доведенный до конца XIII вѣка, научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только, какъ первая попытка разсказать обществу легкимъ язы-

комъ его прошлое. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была „*Исторія Россійская*“ *князя М. Щербатова* (1770—1792), которою впослѣдствіи пользовался и Карамзинъ. Щербатовъ былъ человѣкъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшійся просвѣтительной литературы XVIII в. и всецѣло сложившійся подъ ея вліяніемъ, что отразилось и на его трудѣ, въ который внесено много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не успѣвалъ разбираться, что заставлялъ иногда своихъ героевъ умирать по 2 раза. Но, несмотря на такіе крупные недостатки, исторія Щербатова имѣетъ научное значеніе благодаря многимъ приложеніямъ, заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическія бумаги XVI и XVII вѣковъ. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи.

Случилось, что при Екатеринѣ II, нѣкто французъ *Леклеркъ*, совершенно не знавшій ни русскаго государственнаго строя, ни народа, ни его быта, написалъ ничтожную „*L'histoire de la Russie*“, при чемъ въ ней было такъ много клеветъ, что она возбудила всеобщее негодованіе. *И. Н. Болтинъ* (1735—1792), любитель русской исторіи, составилъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка и которыя издалъ въ двухъ томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ *Возраженіе*. Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на „Исторію“ Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающіе въ немъ историческій талантъ, интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина не совсѣмъ точно зовутъ иногда „первымъ славянофиломъ“, потому что онъ отмѣчалъ много темныхъ сторонъ въ слѣпомъ подражаніи Западу, подражаніи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра, и желалъ, чтобы Россія крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ, какъ историческое явленіе. Онъ служилъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII вѣкѣ въ обществѣ, даже у неспеціалистовъ по исторіи, былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ *Н. И. Новиковъ* (1744—1818), извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія, собравшій „Древнюю Россійскую Вивліоѳику“ (20 томовъ), обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованій (1788—1791 г.г.). Одновременно съ нимъ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, выступилъ купецъ *Голиковъ* (1735—1801), издавшій сборникъ историческихъ данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названіемъ „*Дѣянія Петра Великаго*“ (1-ое изд. 1788—1790, 2-е 1837 года). Такимъ образомъ, рядомъ съ попытками дать общую Исторію Россіи, зарождается и стремленіе подготовить матеріалы для такой исторіи. Помимо иниціативы частной, въ этомъ направленіи работаетъ и сама Академія Наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.

Но во всемъ томъ, что нами перечислено, еще мало было науч-

ности въ нашемъ смыслѣ: не существовало строгихъ критическихъ пріемовъ, не говоря уже объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.

Впервые рядъ научно-критическихъ пріемовъ въ изученіе русской исторіи внесъ ученый иностранецъ *Шлецеръ* (1735—1809). Познакомившись съ русскими лѣтописями, онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ: ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи и будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи. Результатомъ этой работы былъ знаменитый трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ „*Несторъ*" (1805 г. по-нѣмецки, 1809—1819 г. по-русски). Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ даетъ краткій обзоръ того, что сдѣлано по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи—печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ, считаетъ свою книгу почти единственнымъ годнымъ трудомъ по русской исторіи. И дѣйствительно, трудъ его далеко оставлялъ за собою всѣ прочіе по степени научнаго сознанія и пріемовъ автора. Эти пріемы создали у насъ какъ бы школу учениковъ Шлецера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей, вродѣ М. П. Погодина. Послѣ Шлецера стали возможны у насъ строгія историческія изысканія, для которыхъ, правда, создавались благопріятныя условія и въ другой средѣ, во главѣ которой стоялъ *Миллеръ*. Среди собранныхъ имъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи людей особенно выдавались Штриттеръ, Малиновскій, Бантышъ-Каменскій. Они создали первую школу ученыхъ архиваріусовъ, которыми Архивъ былъ приведенъ въ полный порядокъ и которые, кромѣ внѣшней группировки архивнаго матеріала, производили рядъ серьезныхъ ученыхъ изысканій на основаніи этого матеріала. Такъ, мало-по-малу, созрѣвали условія, создавшія у насъ возможность серьезной исторіи.

Въ началѣ XIX вѣка создался, наконецъ, и первый цѣльный взглядъ на русское историческое прошлое въ извѣстной „Исторіи Государства Россійскаго" *Н. М. Карамзина* (1766—1826). Обладая цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, литературнымъ талантомъ и пріемами хорошаго ученаго критика, Карамзинъ во всей русской исторической жизни видѣлъ одинъ главнѣйшій процессъ—созданіе національнаго государственнаго могущества. Къ этому могуществу привелъ Русь рядъ талантливыхъ дѣятелей, изъ которыхъ два главныхъ—Иванъ III и Петръ Великій, своею дѣятельностью ознаменовали переходные моменты въ нашей исторіи и стали на рубежахъ основныхъ ея эпохъ,—древней (до Ивана III), средней (до Петра Великаго) и новой (до начала XIX вѣка). Свою систему русской исторіи Карамзинъ изложилъ увлекательнымъ для своего времени

языкомъ, а свой разсказъ онъ основалъ на многочисленныхъ изысканіяхъ, которыя и до нашего времени сохраняютъ за его Исторіей важное ученое значеніе.

Но односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображеніемъ только судебъ государства, а не общества съ его культурой, юридическими и экономическими отношеніями, была вскорѣ замѣчена уже его современниками. Журналистъ 30-хъ годовъ XIX в. *Н. А. Полевой* (1796—1846) упрекалъ его за то, что онъ, назвавъ свое произведеніе „Исторіей Государства Россійскаго", оставилъ безъ вниманія „Исторію Русскаго народа". Именно этими словами Полевой озаглавилъ свой трудъ, въ которомъ думалъ изобразить судьбу русскаго общества. На смѣну системы Карамзина онъ ставилъ свою систему, но не совсѣмъ удачную, такъ какъ былъ диллетантъ въ сферѣ историческаго вѣдѣнія. Увлекаясь историческими трудами Запада, онъ пробовалъ чисто механически прикладывать ихъ выводы и термины къ русскимъ фактамъ, такъ, напримѣръ,—отыскать феодальную систему въ древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что трудъ Полевого не могъ замѣнить труда Карамзина: въ немъ вовсе не было цѣльной системы.

Менѣе рѣзко и съ большею осторожностью выступилъ противъ Карамзина петербургскій профессоръ *Устряловъ* (1805—1870), въ 1836 году, написавшій „*Разсужденіе о системѣ прагматической русской исторіи*". Онъ требовалъ, чтобы исторія была картиной постепеннаго развитія *общественной* жизни, изображеніемъ переходовъ гражданственности изъ одного состоянія въ другое. Но и онъ еще вѣритъ въ могущество личности въ исторіи и, наряду съ изображеніемъ народной жизни, требуетъ и біографій ея героевъ. Самъ Устряловъ, однако, отказался дать опредѣленную общую точку зрѣнія на нашу исторію и замѣчалъ, что для этого еще не наступило время.

Такимъ образомъ, недовольство трудомъ Карамзина, сказавшееся и въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ, не исправило Карамзинской системы и не замѣнило ея другою. Надъ явленіями русской исторіи, какъ ихъ связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создалось научной системы. Устряловъ былъ правъ, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшіе профессора русской исторіи, жившіе въ эпоху, близкую къ Карамзину, *Погодинъ и Каченовскій* (1775—1842), еще были далеки отъ одной общей точки зрѣнія; послѣдняя сложилась лишь тогда, когда русской исторіей стали дѣятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодинъ и Каченовскій воспитывались на ученыхъ пріемахъ Шлецера и подъ его вліяніемъ, которое особенно сильно сказывалось на Погодинѣ. Погодинъ во многомъ продолжалъ изслѣдованія Шлецера и, изучая древнѣйшіе періоды нашей

исторіи, не шелъ далѣе частныхъ выводовъ и мелкихъ обобщеній, которыми, однако, умѣлъ иногда увлекать своихъ слушателей, не привыкшихъ къ строго-научному и самостоятельному изложенію предмета. Каченовскій за русскую исторію принялся тогда, когда пріобрѣлъ уже много знаній и опыта въ занятіяхъ другими отраслями историческаго вѣдѣнія. Слѣдя за развитіемъ классической исторіи на Западѣ, которую въ то время вывели на новый путь изысканія Нибура, Каченовскій увлекался тѣмъ отрицаніемъ, съ какимъ стали относиться къ древнѣйшимъ даннымъ по исторіи, напримѣръ, Рима. Это отрицаніе Каченовскій перенесъ и на русскую исторію: всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ первымъ вѣкамъ русской исторіи, онъ считалъ недостовѣрными; достовѣрные же факты, по его мнѣнію, начались лишь съ того времени, какъ появились у насъ письменные документы гражданской жизни. Скептицизмъ Каченовскаго имѣлъ послѣдователей: подъ его вліяніемъ основалась такъ называемая „*Скептическая школа*", не богатая выводами, но сильная новымъ, скептическимъ пріемомъ отношенія къ научному матеріалу. Этой школѣ принадлежало нѣсколько статей, составленныхъ подъ руководствомъ Каченовскаго. При несомнѣнной талантливости Погодина и Каченовскаго, оба они разрабатывали хотя и крупные, но частные вопросы русской исторіи; оба они сильны были критическими методами, но ни тотъ, ни другой не возвышались еще до цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія: давая методъ, они не давали результатовъ, къ которымъ можно было прійти съ помощью этого метода.

Только въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія въ русскомъ обществѣ сложилось цѣльное историческое міровоззрѣніе, но развилось оно не на научной, а на метафизической почвѣ. Въ первой половинѣ XIX-го вѣка русскіе образованные люди все съ большимъ и большимъ интересомъ обращались къ исторіи, какъ отечественной, такъ и западно-европейской. Заграничные походы 1813—1814 г.г. познакомили нашу молодежь съ философіей и политической жизнью Западной Европы. Изученіе жизни и идей Запада породило съ одной стороны политическое движеніе декабристовъ, съ другой—кружокъ лицъ, увлекавшихся болѣе отвлеченной философіей, чѣмъ политикой. Кружокъ этотъ выросъ всецѣло на почвѣ германской метафизической философіи начала нашего вѣка. Эта философія отличалась стройностью логическихъ построеній и оптимизмомъ выводовъ. Въ германской метафизикѣ, какъ и въ германскомъ романтизмѣ, сказался протестъ противъ сухого раціонализма французской философіи XVIII-го вѣка. Революціонному космополитизму Франціи Германія противополагала начало народности и выяснила его въ привлекательныхъ образахъ народной поэзіи и въ рядѣ метафизическихъ системъ. Эти системы стали извѣстны образованнымъ русскимъ людямъ и увлекали ихъ. Въ германской философіи русскіе образованные люди видѣли цѣлое откровеніе.

Германія была для нихъ „Іерусалимомъ новѣйшаго человѣчества“—такъ назвалъ ее Бѣлинскій. Изученіе главнѣйшихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля соединило въ тѣсный кружокъ нѣсколько талантливыхъ представителей русскаго общества и заставило ихъ обратиться къ изученію своего (русскаго) національнаго прошлаго. Результатомъ этого изученія были двѣ совершенно противоположныя системы русской исторіи, построенныя на одинаковой метафизической основѣ. Въ Германіи въ это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнѣнію Шеллинга, каждый историческій народъ долженъ осуществлять какую нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею міру—историческое призваніе народа. Исполняя его, народъ дѣлаетъ шагъ впередъ на поприщѣ всемірной цивилизаціи; исполнивъ его, онъ сходитъ съ исторической сцены. Тѣ народы, бытіе которыхъ не одухотворено своей идеей безусловнаго, суть народы неисторическіе, они осуждены на духовное рабство у другихъ націй. Такое же дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе даетъ и Гегель, но онъ, развивая почти тотъ же принципъ, пошелъ еще далѣе. Онъ далъ общую картину мірового прогресса. Вся міровая жизнь, по мнѣнію Гегеля, была развитіемъ абсолютнаго духа, который стремится съ самопознанію въ исторіи различныхъ народовъ, но достигаетъ его окончательно въ германо-романской цивилизаціи. Культурные народы древняго востока, античнаго міра и романской Европы были поставлены Гегелемъ въ извѣстный порядокъ, представлявшій собою лѣстницу, по которой восходилъ міровой духъ. На верху этой лѣстницы стояли германцы, и имъ Гегель пророчилъ вѣчное міровое главенство. Славянъ же на этой лѣстницѣ не было совсѣмъ. Ихъ онъ считалъ за неисторическую расу и тѣмъ осуждалъ на духовное рабство у германской цивилизаціи. Такимъ образомъ, Шеллингъ требовалъ для своего народа только всемірнаго гражданства, а Гегель—всемірнаго главенства. Но, несмотря на такое различіе взглядовъ, оба философа одинаково повліяли на русскіе умы въ томъ смыслѣ, что возбуждали стремленіе оглянуться на *русскую* историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, которая раскрывалась въ русской жизни, опредѣлить мѣсто и назначеніе русскаго народа въ ходѣ мірового прогресса. И тутъ то, въ приложеніи началъ германской метафизики къ русской дѣйствительности, русскіе люди разошлись между собою. Одни изъ нихъ, *западники*, повѣрили тому, что германо-протестантская цивилизація есть послѣднее слово мірового прогресса. Для нихъ древняя Русь, не знавшая западной, германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой, страной „азіатской“, какъ назвалъ ее Бѣлинскій (въ статьѣ о Котошихинѣ). Изъ вѣковой азіатской косности вывелъ ее Петръ, который, пріобщивъ Россію къ гер-

манской цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса и исторіи. Во всей русской исторіи, стало быть, только эпоха Петра В. можетъ имѣть историческое значеніе. Она главный моментъ въ русской жизни; она отдѣляетъ Русь азіатскую отъ Руси европейской. До Петра полная пустыня, полное ничто; въ древней русской исторіи нѣтъ никакого смысла, такъ какъ въ древней Руси нѣтъ своей культуры.

Но не всѣ русскіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ думали такъ; нѣкоторые не соглашались съ тѣмъ, что германская цивилизація есть верхняя ступень прогресса, что славянское племя есть племя неисторическое. Они не видѣли причины, почему міровое развитіе должно остановиться на германцахъ. Изъ русской исторіи вынесли они убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами въ своемъ прошломъ и что оно, наконецъ, имѣло свою культуру. Это ученіе было хорошо изложено *И. В. Кирѣевскимъ* (1806—1856). Онъ говоритъ, что славянская культура въ основаніяхъ своихъ была самостоятельна и отлична отъ германской. Во 1-хъ, славяне получили христіанство изъ Византіи (а германцы изъ Рима) и ихъ *религіозный* бытъ получилъ иныя формы, чѣмъ тѣ, которыя сложились у германцевъ подъ вліяніемъ католичества. Во 2-хъ, славяне и германцы выросли на *различной культурѣ*: первые—на греческой, вторые—на римской. Въ то время, какъ германская культура выработала свободу личности, славянскія общины совершенно поработили ее. Въ 3-хъ, *государственный строй* былъ созданъ различно. Германія сложилась на римской почвѣ. Германцы былъ народъ пришлый; побѣждая туземное населеніе, они порабощали его. Борьба между побѣжденными и побѣдителями, которая легла въ основаніе государственнаго строя Западной Европы, перешла впослѣдствіи въ антагонизмъ сословій; у славянъ государство создалось путемъ мирнаго договора, добровольнаго признанія власти. Вотъ различіе между Россіей и Зап. Европой, различіе религіи, культуры, государственнаго строя. Такъ думали *славянофилы*, болѣе самостоятельные послѣдователи германскихъ философскихъ ученій. Они были убѣждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшаго развитія своихъ началъ въ эпоху Московскаго государства. Петръ В. грубо нарушилъ это развитіе, насильственною реформою внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложный путь заимствованія, потому что не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего національнаго духа. Цѣль славянофиловъ—вернуться на путь естественнаго развитія, сгладивъ слѣды насильственной Петровской реформы.

Общія точки зрѣнія западниковъ и славянофиловъ служили имъ основаніемъ для толкованія не только смысла нашей исторіи, но и отдѣльныхъ ея фактовъ: можно насчитать много историческихъ тру-

довъ, написанныхъ западниками и особенно славянофилами (изъ славянофиловъ историковъ слѣдуетъ упомянуть *Константина Сергѣевича Аксакова*, 1817—1860). Но ихъ труды были гораздо болѣе философскими или публицистическими, чѣмъ собственно историческими, а отношеніе къ исторіи гораздо болѣе философскимъ, чѣмъ научнымъ.

Строго-научная цѣльность историческихъ воззрѣній впервые создана была у насъ только въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Первыми носителями новыхъ историческихъ идей были два молодые профессора московскаго университета: *Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ* (1820—1879) и *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ* (1818—1885). Ихъ воззрѣнія на русскую исторію въ то время назывались „теоріею родового быта", а впослѣдствіи они и другіе ученые ихъ направленія стали извѣстны подъ названіемъ „историко-юридической школы". Воспитались они подъ вліяніемъ германской исторической школы. Въ началѣ XIX вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели такъ называемой германской исторической школы внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя руководящія идеи и новые методы изслѣдованія. Главною мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ общинъ не есть результатъ случайностей или единичной воли отдѣльныхъ лицъ: развитіе общества совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ ни историческая случайность, ни личность, какъ бы геніальна она ни была. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ XVIII-го столѣтія *Фридрихъ Августъ Вольфъ* въ произведеніяхъ „Prologomena ad Homerum", въ которыхъ онъ занимался изслѣдованіемъ происхожденія и состава греческаго эпоса „Одиссеи" и „Иліады". Давая въ своемъ трудѣ рѣдкій образецъ исторической критики, онъ утверждалъ, что Гомеровскій эпосъ не могъ быть произведеніемъ отдѣльной личности, а былъ постепенно, органически созданнымъ произведеніемъ поэтическаго генія цѣлаго народа. Послѣ труда Вольфа такое органическое развитіе стали искать не только въ памятникахъ поэтическаго творчества, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни, искали и въ исторіи и въ правѣ. Признаки органическаго роста античныхъ общинъ наблюдали *Нибуръ* въ римской исторіи, *Карлъ Готфридъ Миллеръ* въ греческой. Органическое развитіе правового сознанія изучили историки юристы *Эйхгорнъ* (Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, въ пяти томахъ, 1808) и *Савиньи* (Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, въ шести томахъ, 1815—1831). Эти труды, носившіе на себѣ печать новаго направленія, къ половинѣ XIX вѣка создали въ Германіи блестящую школу историковъ, которая и до сихъ поръ еще не пережила вполнѣ своихъ идей.

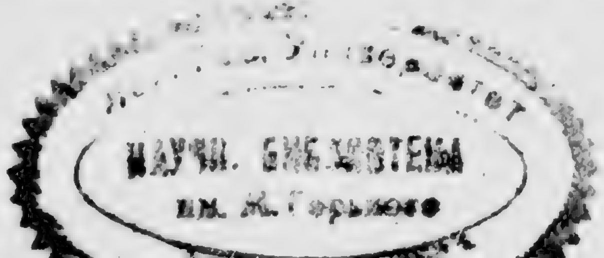
Въ идеяхъ и пріемахъ ея выросли наши ученые историко-юридической школы. Одни усвоили ихъ путемъ чтенія, какъ, напр., Каве-

лин; другіе—прямо слушаніемъ лекцій, какъ, напр., Соловьевъ, который былъ ученикомъ Ранке. Они усвоили себѣ все содержаніе нѣмецкаго историческаго направленія. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и германской философіей Гегеля. Въ Германіи точная и строго-фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими ученіями гегеліанства; тѣмъ не менѣе и историки, и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ обществъ. И историки и Гегель одинаково отрицали въ ней случайность, поэтому ихъ воззрѣнія могли ужиться въ одной и той же личности. Эти воззрѣнія и были впервые приложены къ русской исторіи нашими учеными *Соловьевымъ* и *Кавелинымъ*, думавшими показать въ ней органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени и которыя коренились въ природѣ нашего народа. На бытъ культурный и экономическій они обращали меньше вниманія, чѣмъ на внѣшнія формы общественныхъ союзовъ, такъ какъ имѣли убѣжденіе, что главнымъ содержаніемъ русской исторической жизни была именно естественная смѣна однихъ законовъ общежитія другими. Они надѣялись подмѣтить порядокъ этой смѣны и въ немъ найти законъ нашего историческаго развитія. Вотъ почему ихъ историческіе трактаты носятъ нѣсколько односторонній историко-юридическій характеръ. Такая односторонность не составляла индивидуальности нашихъ ученыхъ, а была занесена ими отъ ихъ германскихъ наставниковъ. Нѣмецкая исторіографія считала главной своей задачей изслѣдованіе именно юридическихъ формъ въ исторіи; корень этого взгляда кроется въ идеяхъ *Канта*, который понималъ исторію, „какъ путь человѣчества“ къ созданію совершенныхъ государственныхъ формъ. Таковы были тѣ основанія, на которыхъ строилось первое научно-философское воззрѣніе на русскій историческій бытъ. Это не было простое заимствованіе чужихъ выводовъ, не было только механическое приложеніе чужихъ идей къ плохо понятому матеріалу,—нѣтъ, это было самостоятельное научное движеніе, въ которомъ взгляды и научные пріемы были тождественны съ германскими, но выводы отнюдь не предрѣшались и зависѣли отъ матеріала. Это было научное творчество, шедшее въ направленіи своей эпохи, но самостоятельно. Вотъ почему каждый дѣятель этого движенія сохранялъ свою индивидуальность и оставилъ по себѣ цѣнныя монографіи, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего историческаго развитія, подъ вліяніемъ которой до сихъ поръ живетъ русская исторіографія.

Исходя изъ мысли, что отличительныя черты исторіи каждаго народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили вниманіе на первоначальную форму русскаго общественнаго быта, которая, по ихъ мнѣнію, опредѣлялась началами *родового быта*.

Всю русскую исторію представляли они, какъ послѣдовательный органически стройный переходъ отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ, отъ родового быта—къ быту государственному. Между эпохою кровныхъ союзовъ и государственною лежитъ промежуточный періодъ, въ которомъ происходила борьба начала кровнаго съ началомъ государственнымъ. Въ первый періодъ личность безусловно подчинялась роду, и положеніе ея опредѣлялось не индивидуальной дѣятельностью или способностями, а мѣстомъ въ родѣ; кровное начало господствовало не только въ княжескихъ, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, оно опредѣляло собою всю политическую жизнь Россіи. Россія въ первой стадіи своего развитія считалась родовою собственностью князей; она дѣлилась на волости, соотвѣтственно числу членовъ княжескаго дома. Порядокъ владѣнія обусловливался родовыми счетами. Положеніе каждаго князя опредѣлялось его мѣстомъ въ родѣ. Нарушеніе старшинства порождало междоусобицы, которыя, съ точки зрѣнія Соловьева, ведутся не за волости, не за нѣчто конкретное, а за нарушеніе старшинства, за идею. Съ теченіемъ времени измѣнились обстоятельства княжеской жизни и дѣятельности. На сѣверо-востокѣ Руси князья явились полными хозяевами земли, сами призывали населеніе, сами строили города. Чувствуя себя создателемъ новой области, князь предъявляетъ къ ней новыя требованія; въ силу того, что онъ самъ ее создалъ, онъ не считаетъ ее родовой, а свободно распоряжается ею и передаетъ ее своей семьѣ. Отсюда возникаетъ понятіе о собственности семейной, понятіе, вызвавшее окончательную гибель родового быта. Семья, а не родъ, стала главнымъ принципомъ; князья даже начали смотрѣть на своихъ дальнихъ родственниковъ, какъ на людей чужихъ, враговъ своей семьи. Наступаетъ новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не создалось. Наступаетъ хаосъ, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Изъ этого хаоса выростаетъ случайно усилившаяся семья Московскихъ князей, которые свою вотчину ставятъ выше другихъ по силѣ и богатству. Въ этой вотчинѣ мало-по-малу вырабатывается начало единонаслѣдія — первый признакъ новаго *Государственнаго* порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра Великаго.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, взглядъ С. М. Соловьева на ходъ нашей исторіи, взглядъ, разработанный имъ въ двухъ его диссертаціяхъ: 1) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ и 2) „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“. Система Соловьева была талантливо поддержана К. Д. Кавелинымъ въ нѣсколькихъ его историческихъ статьяхъ (см. томъ I „Собранія Сочиненій Кавелина“ изд. 1897 г.). Въ одной лишь существенной частности расходился Кавелинъ съ Соловьевымъ: онъ думалъ, что и безъ случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ на сѣверѣ Руси родовой бытъ княжескій

долженъ былъ разложиться и перейти въ семейный, а затѣмъ въ государственный. Неизбѣжную и послѣдовательную смѣну началъ въ нашей исторіи онъ изображалъ въ такой краткой формулѣ: „родъ и общее владѣніе: семья и вотчина или отдѣльная собственность; лицо и государство".

Толчокъ, данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской историографіи, былъ очень великъ. Стройная научная система, впервые данная нашей исторіи, увлекла многихъ и вызвала оживленное научное движеніе. Много монографій было написано прямо въ духѣ историко-юридической школы. Но много и возраженій, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильныхъ, раздалось противъ ученія этой новой школы. Рядъ горячихъ научныхъ споровъ, въ концѣ концовъ, окончательно расшаталъ стройное теоретическое воззрѣніе Соловьева и Кавелина въ томъ его видѣ, въ какомъ оно появилось въ ихъ первыхъ трудахъ. Первое возраженіе противъ школы родового быта принадлежало славянофиламъ. Въ лицѣ *К. С. Аксакова* (1817—1860) они обратились къ изученію историческихъ фактовъ (къ нимъ отчасти примкнули московскіе профессора *Лешковъ* и *Бѣляевъ*, 1810—1873); на первой ступени нашей исторіи они увидѣли не родовой бытъ, а *общинный* и мало-по-малу создали свое ученіе объ общинѣ. Оно встрѣтило нѣкоторую поддержку въ трудахъ одесскаго профессора *Леонтовича*, который постарался опредѣлить точнѣе примитивный характеръ древней славянской общины: эта община, по его мнѣнію, очень походитъ на существующую еще сербскую „*задругу*", основанную, отчасти на родственныхъ, отчасти же—на территоріальныхъ отношеніяхъ. На мѣстѣ рода, точно опредѣленнаго школою родового быта, стала не менѣе точно опредѣленная община и, такимъ образомъ, первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возраженіе противъ частностей этой схемы сдѣлано было ученымъ, близкимъ по общему своему направленію къ Соловьеву и Кавелину. *Борисъ Николаевичъ Чичеринъ* (1828—1904), воспитывавшійся въ той же научной обстановкѣ, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, отодвинулъ за предѣлы исторіи эпоху кровныхъ родовыхъ союзовъ на Руси. На первыхъ страницахъ нашего историческаго бытія онъ видѣлъ уже разложеніе древнихъ родовыхъ началъ. Первая форма нашей общественности, какую знаетъ исторія, по его взгляду, была построена не на кровныхъ связяхъ, а на началахъ гражданскаго права. Въ древне-русскомъ быту личность не ограничивалась ничѣмъ, ни кровнымъ союзомъ, ни государственными порядками. Всѣ общественныя отношенія опредѣлялись гражданскими сдѣлками—*договорами*. Изъ этого-то договорнаго порядка естественнымъ путемъ выросло впослѣдствіи государство. Теорія Чичерина, изложенная въ его трудѣ „О духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей великихъ и удѣльныхъ", получила даль

нѣйшее развитіе въ трудахъ проф. *В. И. Сергѣевича* и въ этой послѣдней формѣ уже совсѣмъ отошла отъ первоначальной схемы, данной школою родового быта. Вся исторія общественнаго быта у Сергѣевича дѣлится на два періода: первый—съ преобладаніемъ частной и личной воли надъ началомъ государственнымъ, второй—съ преобладаніемъ государственнаго интереса надъ личною волею.

Если первое, славянофильское возраженіе явилось на почвѣ соображеній объ *обще культурной* самостоятельности славянства, если второе выросло на почвѣ изученія *правовыхъ* институтовъ, то третье возраженіе школѣ родового быта сдѣлано скорѣе всего съ точки зрѣнія *историко-экономической*. Древнѣйшая Кіевская Русь не есть страна патріархальная; ея общественныя отношенія довольно сложны и построены на тимократической основѣ. Въ ней преобладаетъ аристократія капитала, представители которой сидятъ въ княжеской думѣ. Таковъ взглядъ проф. *В. О. Ключевскаго* (1879—1911 въ его трудахъ „Боярская дума Древней Руси“ и „Курсъ русской исторіи“).

Всѣ эти возраженія уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось вѣрно своей метафизической основѣ, а въ позднѣйшихъ представителяхъ отошло отъ историческихъ розысканій. Система Чичерина и Сергѣевича сознательно считаетъ себя системой только исторіи права. А точка зрѣнія историко-экономическая пока не приложена къ объясненію всего хода нашей исторіи. Наконецъ, въ трудахъ другихъ историковъ мы не встрѣчаемъ сколько-нибудь удачной попытки дать основанія для самостоятельнаго и цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія.

Чѣмъ же живетъ теперь наша исторіографія? Вмѣстѣ съ К. Аксаковымъ мы можемъ сказать, что у насъ теперь нѣтъ „исторіи“, что „у насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, не болѣе“. Но отмѣчая этимъ отсутствіе одной господствующей въ исторіографіи доктрины, мы не отрицаемъ существованія у нашихъ современныхъ историковъ общихъ взглядовъ, новизною и плодотворностью которыхъ обусловливаются последніе успѣхи нашей исторіографіи. Эти общіе взгляды возникали у насъ одновременно съ тѣмъ, какъ появлялись въ европейской наукѣ; касались они и научныхъ методовъ, и историческихъ представленій вообще. Возникшее на Западѣ стремленіе приложить къ изученію исторіи пріемы естественныхъ наукъ сказалось у насъ въ трудахъ извѣстнаго *Щапова* (1830—1876). Сравнительный историческій методъ, выработанный англійскими учеными (Фриманъ) и требующій, чтобы каждое историческое явленіе изучалось въ связи съ подобными же явленіями другихъ народовъ и эпохъ,—прилагался и у насъ многими учеными (напримѣръ, *В. И. Сергѣевичемъ*). Развитіе этнографіи вызвало стремленіе создать историческую этнографію и съ точки зрѣнія этнографической разсмо-

трѣть вообще явленія нашей древнѣйшей исторіи *(Н. И. Костомаровъ*, 1817—1885*)*. Интересъ къ исторіи экономическаго быта, выросшій на западѣ, сказался и у насъ многими попытками изученія народно-хозяйственной жизни въ разныя эпохи *(В. О. Ключевскій* и другіе). Такъ называемый эволюціонизмъ имѣетъ и у насъ своихъ представителей въ лицѣ современныхъ университетскихъ преподавателей.

Не только то, что вновь вносилось въ научное сознаніе, двигало впередъ нашу исторіографію. Пересмотръ старыхъ уже разработанныхъ вопросовъ давалъ новые выводы, ложившіеся въ основаніе новыхъ и новыхъ изысканій. Уже въ 70-хъ годахъ С. М. Соловьевъ въ своихъ „Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ“ яснѣе и доказательнѣе высказалъ свою старую мысль о томъ, что Петръ Великій былъ традиціоннымъ дѣятелемъ и въ своей работѣ реформатора руководился идеалами старыхъ Московскихъ людей XVII вѣка и пользовался тѣми средствами, которыя были подготовлены раньше него. Едва-ли не подъ вліяніемъ трудовъ именно Соловьева началась дѣятельная разработка исторіи Московской Руси, показывающая теперь, что до-Петровская Москва не была азіатски коснымъ государствомъ и дѣйствительно шла къ реформѣ еще до Петра, который самъ воспринялъ идею реформы изъ окружавшей его Московской среды. Пересмотръ старѣйшаго изъ вопросовъ русской исторіографіи—варяжскаго вопроса—(въ трудахъ В. Гр. Васильевскаго (1838—1900), А. А. Куника 1814—1908), С. А. Гедеонова и другихъ) освѣщаетъ новымъ свѣтомъ начало нашей исторіи. Новыя изслѣдованія по исторіи западной Руси открыли передъ нами любопытныя и важныя данныя по исторіи и быту литовско-русскаго государства (В. Б. Антоновичъ 1848—1908, Дашкевичъ, р. въ 1852 г., и другіе). Указанными примѣрами не исчерпывается, конечно, содержаніе новѣйшихъ работъ по нашему предмету; но эти примѣры показываютъ, что современная исторіографія трудится надъ темами весьма крупными. До попытокъ историческаго синтеза, поэтому, можетъ быть и недалеко.

Въ заключеніе исторіографическаго обзора слѣдуетъ назвать тѣ труды по русской исторіографіи, въ которыхъ изображается постепенное развитіе и современное состояніе нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства съ нашею исторіографіею: 1) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* „Русская Исторія“ (2 т., конспективное изложеніе фактовъ и ученыхъ мнѣній съ очень цѣннымъ введеніемъ объ источникахъ и исторіографіи; 2) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* „Біографіи и характеристики“ (Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и др.). Спб. 1882; 3) *С. М. Соловьевъ*, статьи по исторіографіи, изданныя Товариществомъ „Общественная Польза“ въ книгѣ „Собраніе сочиненій С. М. Соловьева“. Спб.; 4) *О. М. Кояловичъ*, „Исторія русскаго самосознанія“ Спб., 1884; 5) *В. С. Икон-*

никовъ, „Опытъ русской исторіографіи" томъ первый, книга первая и вторая. Кіевъ, 1891; 6) *П. Н. Милюковъ,* „Главныя теченія русской исторической мысли"—въ „Русской мысли" за 1893 годъ (и отдѣльно).

Обзоръ источниковъ русской исторіи.

Въ обширномъ смыслѣ слова историческій источникъ есть всякій остатокъ старины, будетъ ли это сооруженіе, предметъ искусства, вещь житейскаго обихода, печатная книга, рукопись или, наконецъ, устное преданіе. Но въ узкомъ смыслѣ источникомъ мы называемъ печатный или письменный остатокъ старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучаетъ историкъ. Нашему вѣдѣнію подлежатъ лишь остатки послѣдняго рода.

Обзоръ источниковъ можетъ быть веденъ двумя путями: во 1-хъ, онъ можетъ быть простымъ логически-систематичнымъ перечнемъ различныхъ видовъ историческаго матеріала, съ указаніемъ главнѣйшихъ его изданій; во 2-хъ, обзоръ источниковъ можетъ быть построенъ исторически и совмѣстить въ себѣ перечень матеріала съ обзоромъ движенія у насъ археографическихъ трудовъ. Второй путь ознакомленія съ источниками для насъ гораздо интереснѣе, во 1-хъ, потому, что здѣсь мы можемъ наблюдать появленіе археографическихъ трудовъ въ связи съ тѣмъ, какъ въ обществѣ развивался интересъ къ рукописной старинѣ и, во 2-хъ, потому еще, что здѣсь мы познакомимся съ тѣми дѣятелями, которые собираніемъ матеріаловъ для родной исторіи составили себѣ вѣчное имя въ нашей наукѣ.

Въ эпоху до-петровскую отношеніе къ рукописямъ въ грамотныхъ слояхъ Московскаго общества было самымъ внимательнымъ, потому что въ то время рукопись замѣняла книгу, была источникомъ и знаній и эстетическихъ наслажденій и составляла цѣнный предметъ обладанія; рукописи постоянно переписывались съ большой тщательностью и часто жертвовались передъ смертью владѣльцами въ монастыри „по душѣ": жертвователь за свой даръ проситъ монастырь или церковь о вѣчномъ поминовеніи его грѣшной души. Акты законодательные и вообще всѣ рукописи юридическаго характера, т. е. то, что мы назвали бы теперь офиціальными и дѣловыми бумагами, тоже ревниво сберегались. Печатныхъ законоположеній, кромѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, тогда не существовало и этотъ рукописный матеріалъ былъ какъ бы кодексомъ дѣйствовавшаго права, руководствомъ тогдашнихъ администраторовъ и судей. Законодательство тогда было письменнымъ, какъ теперь оно печатное. Кромѣ того на рукописныхъ же грамотахъ монастыри и частныя лица основывали свои льготы и различнаго рода права. Понятно,

что весь этотъ письменный матеріалъ былъ дорогъ въ обиходѣ тогдашней жизни и что его должны были цѣнить и хранить.

Въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ вкусовъ, съ распространеніемъ печатной книги и печатныхъ законоположеній, отношеніе къ старымъ рукописямъ очень измѣняется: упадокъ чувства ихъ цѣнности замѣчается у насъ въ продолженіе всего XVIII в. Въ XVII в. рукопись очень цѣнилась тогдашнимъ культурнымъ классомъ, а теперь въ XVIII в. этотъ классъ уступилъ мѣсто новымъ культурнымъ слоямъ, которые къ рукописнымъ источникамъ старины относились презрительно, какъ къ старому негодному хламу. Духовенство также переставало понимать историческую и духовную цѣнность своихъ богатыхъ рукописныхъ собраній и относилось къ нимъ небрежно. Обиліе рукописей, перешедшихъ изъ XVII в. въ XVIII в., способствовало тому, что ихъ не цѣнили. Рукопись была еще, такъ сказать, вещью житейской, а не исторической и мало-по-малу съ культурныхъ верховъ общества, гдѣ прежде вращалась, переходила въ нижніе его слои, между прочимъ и къ раскольникамъ, которыхъ нашъ археографъ П. М. Строевъ называлъ „попечителями нашихъ рукописей“. Старые же архивы и монастырскія книгохранилища, заключавшіе въ себѣ массу драгоцѣнностей, оставались безъ всякаго вниманія, въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ. Вотъ примѣры уже изъ XIX вѣка, которые показываютъ, какъ невѣжественно обращались съ рукописной стариной ея владѣльцы и хранители. „Въ одной обители благочестія, къ которой въ исходѣ XVII в. было приписано болѣе 15 другихъ монастырей“, писалъ П. М. Строевъ въ 1823 году, „старый ея архивъ помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ на полъ-аршина кучу книгъ и столбцовъ, наваленныхъ безъ разбору, и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ Геркулана. Этому шесть лѣтъ.—Слѣдовательно, снѣгъ шесть разъ покрывалъ сіи рукописи и столько же на нихъ таялъ, теперь вѣрно осталась одна ржавая пыль“... Тотъ же Строевъ въ 1829 г. доносилъ Академіи Наукъ, что архивъ старипнаго города Кевроля, по упраздненіи послѣдняго перенесенный въ Пинегу, „сгнилъ тамъ въ ветхомъ сараѣ и, какъ мнѣ сказывали, послѣдніе остатки его не задолго передъ симъ (т. е. до 1829 г.) брошены въ воду“.

Извѣстный любитель и изслѣдователь старины митрополитъ Кіевскій Евгеній (Болховитиновъ, 1767—1837), будучи архіереемъ во Псковѣ, пожелалъ осмотрѣть богатый Новгородскій - Юрьевъ монастырь. „Впередъ онъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ“,—пишетъ біографъ митр. Евгенія, Ивановскій,—„и этимъ разумѣется заставилъ начальство обители нѣсколько посуетиться и привести нѣкоторыя изъ монастырскихъ помѣщеній въ болѣе благовидный порядокъ. Ѣхать въ монастырь онъ могъ одной изъ двухъ дорогъ: или верхнею, болѣе проѣзжею, но скучною, или

нижнею, близъ Волхова, менѣе удобною, но болѣе пріятною. Онъ поѣхалъ нижнею. Близъ самого монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока. Желая узнать, что везетъ инокъ къ рѣкѣ, онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ, что онъ везетъ разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ навозную кучу нельзя, а надобно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ подошелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожу, увидѣлъ порванныя книжки и рукописные листы и затѣмъ велѣлъ иноку возвратиться въ монастырь. Въ этомъ возу оказались драгоцѣнные остатки письменности даже XI в." (*Ивановскій* „Митр. Евгеній", стр. 41—42).

Таково было у насъ отношеніе къ памятникамъ старины даже въ XIX в. Въ XVIII в. оно было, конечно, не лучше, хотя нужно отмѣтить, что рядомъ съ этимъ, съ начала уже XVIII ст. являются отдѣльныя личности, сознательно относившіяся къ старинѣ. Самъ Петръ I собиралъ старинныя монеты, медали и другіе остатки старины, по западно-европейскому обычаю, какъ необыкновенные и курьезные предметы, какъ своего рода „монстры". Но собирая любопытные вещественные остатки старины, Петръ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ „вѣдать государства россійскаго исторію" и полагалъ, что „о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано". Съ 1708 г. по приказу Петра надъ сочиненіемъ русской исторіи (XVI и XVII вв.) трудился тогдашній ученый дѣятель Славяно-греко-латинской академіи *Θедоръ Поликарповъ*, но трудъ его не удовлетворилъ Петра, а намъ остался неизвѣстенъ. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петръ до конца своего царствованія не оставлялъ мысли о полной русской исторіи и заботился о собраніи для нея матеріала; въ 1720 г. онъ приказалъ губернаторамъ пересмотрѣть всѣ замѣчательные историческіе документы и лѣтописныя книги во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ, составить имъ описи и доставить эти описи въ сенатъ. А въ 1722 году синоду было указано по этимъ описямъ отобрать всѣ историческія рукописи изъ епархій въ синодъ и сдѣлать съ нихъ списки. Но синоду не удалось привести это въ исполненіе: большинство епархіальныхъ начальствъ отвѣчало на запросы синода, что у нихъ нѣтъ такихъ рукописей, а всего въ синодъ было прислано до 40 рукописей, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, и изъ нихъ только 8 собственно историческихъ, остальныя же духовнаго содержанія. Такъ желаніе Петра имѣть историческое повѣствованіе о Россіи и собрать для этого матеріалъ разбилось о невѣжество и небрежность его современниковъ.

Историческая наука родилась у насъ позже Петра, и научная обработка историческаго матеріала началась вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ ученыхъ нѣмцевъ; тогда стало выясняться мало-по-малу и значеніе рукописнаго матеріала для нашей исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отно-

шеніи неоцѣнимыя услуги нашей наукѣ оказалъ извѣстный уже намъ *Герардъ Фридрихъ Миллеръ* (1705—1785 г.). Добросовѣстный и трудолюбивый ученый, осторожный критикъ-изслѣдователь и въ то же время неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ своею разнообразною дѣятельностью вполнѣ заслуживаетъ имя „отца русской исторической науки", какое ему даютъ наши исторіографы. Наша наука еще до сихъ поръ пользуется собраннымъ имъ матеріаломъ. Въ такъ называемыхъ „портфеляхъ" Миллера, хранящихся въ Академіи Наукъ и въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ Дѣлъ, заключается болѣе 900 нумеровъ разнаго рода историческихъ бумагъ. Эти портфели и теперь еще для изслѣдователя составляютъ цѣлое сокровище, и новые историческіе труды часто черпаютъ изъ нихъ свои матеріалы; такъ, археографическая комиссія до послѣдняго времени наполняла его матеріаломъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій (Сибирскія дѣла въ дополненіяхъ къ „Актамъ историческимъ"). Миллеръ собиралъ письменные памятники не въ одной только Европейской Россіи, но и въ Сибири, гдѣ онъ провелъ около 10 лѣтъ (1733—1743). Эти изысканія въ Сибири дали важные результаты, потому что только здѣсь Миллеру удалось найти массу цѣнныхъ документовъ о смутѣ, которые были потомъ напечатаны въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и Договоровъ во II томѣ. При императрицѣ Екатеринѣ II Миллеръ былъ назначенъ начальникомъ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и имѣлъ отъ императрицы порученіе составить собраніе дипломатическихъ документовъ по примѣру Амстердамскаго изданія Дюмона (Corps universel diplomatique du droit des Gens, 8 т., 1726—1731). Но Миллеръ былъ уже старъ для такого грандіознаго труда и, какъ начальникъ архива, успѣлъ только начать разборъ и упорядоченіе архивнаго матеріала и приготовилъ цѣлую школу своихъ учениковъ, которые по смерти учителя продолжали работать въ этомъ архивѣ и вполнѣ развернули свои силы позднѣе въ такъ называемую „Румянцевскую эпоху". Рядомъ съ Миллеромъ дѣйствовалъ *Василій Никитичъ Татищевъ* (1686—1750). Онъ намѣревался писать географію Россіи, но понималъ, что географія безъ исторіи невозможна и потому рѣшилъ сперва написать исторію и обратился къ собиранію и изученію рукописнаго матеріала. Собирая матеріалы, онъ нашелъ и первый оцѣнилъ „Русскую Правду" и „Царскій Судебникъ". Эти памятники, какъ и самая „Исторія Россійская" Татищева изданы были уже послѣ его смерти Миллеромъ. Кромѣ собственно историческихъ трудовъ Татищевъ составилъ инструкцію для собиранія этнографическихъ, географическихъ и археологическихъ свѣдѣній о Россіи. Эта инструкція была принята Академіей Наукъ.

Со времени Екатерины II дѣло собиранія и изданія историческаго матеріала очень развилось. Сама Екатерина находила досугъ для заня-

тій русской исторіей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала историческіе труды. При такомъ настроеніи императрицы русское общество стало больше интересоваться своимъ прошлымъ и сознательнѣе относиться къ остаткамъ этого прошлаго. При Екатеринѣ, какъ собиратель историческаго матеріала, дѣйствуетъ, между прочимъ, графъ *А. И. Мусинъ-Пушкинъ*, нашедшій „Слово о полку Игоревѣ“ и старавшійся собрать изъ монастырскихъ библіотекъ въ столицу всѣ рукописныя лѣтописи въ видахъ ихъ лучшаго храненія и изданія. При Екатеринѣ начинаются многочисленныя *изданія лѣтописей* въ Академіи Наукъ и при Синодѣ, изданія, впрочемъ, еще несовершенныя и не научныя. И въ обществѣ начинается то же движеніе въ пользу изученія старины.

Въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто занимаетъ *Николай Ивановичъ Новиковъ* (1744—1818), больше извѣстный нашему обществу изданіемъ сатирическихъ журналовъ, массонствомъ и заботами о распространеніи образованія. По своимъ личнымъ качествамъ и гуманнымъ идеямъ—это рѣдкій въ своемъ вѣкѣ человѣкъ, свѣтлое явленіе своего времени. Онъ намъ уже извѣстенъ, какъ собиратель и издатель „Древней Россійской Вивліоѳики“ — обширнаго сборника старыхъ актовъ разнаго рода, лѣтописцевъ, старинныхъ литературныхъ произведеній и историческихъ статей. Изданіе свое онъ началъ въ 1773 году и въ 3 года издалъ 10 частей. Въ предисловіи къ Вивліоѳикѣ Новиковъ опредѣляетъ свое изданіе, какъ „начертаніе нравовъ и обычаевъ предковъ“ съ цѣлью познать „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. (Надо замѣтить, что идеализація старины уже сильна была и въ первомъ сатирическомъ журналѣ *Новикова* „Трутень“, 1769—1770 г.). Первое изданіе „Вивліоѳики“ теперь уже забыто ради второго, болѣе полнаго, въ 20 томахъ (1788—1791). *Новикова* въ этомъ его изданіи поддерживала сама Екатерина II и деньгами, и тѣмъ, что допустила его къ занятіямъ въ архивѣ Иностранной коллегіи, гдѣ ему очень радушно помогалъ старикъ *Миллеръ*. По содержанію своему, „Древняя Россійская Вивліоѳика“ была случайнымъ сводомъ подъ руку попавшагося матеріала, изданнаго почти безъ всякой критики и безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь.

Въ этомъ отношеніи еще ниже стоятъ „Дѣянія Петра Великаго“ курскаго купца *Ив. Ив. Голикова* (1735—1801), который съ дѣтства восторгался дѣяніями Петра, имѣлъ несчастіе попасть подъ судъ, но былъ освобожденъ по манифесту по случаю открытія памятника Петру. По этому поводу Голиковъ рѣшилъ всю свою жизнь посвятить работѣ надъ біографіей Петра. Онъ собиралъ всѣ извѣстія, какія только могъ достать, безъ разбора ихъ достоинствъ, письма Петра, анекдоты о немъ и т. п. Въ началѣ своего собранія онъ помѣстилъ краткій обзоръ XVI и XVII вв. На трудъ Голикова обратила вниманіе Екатерина и открыла ему архивы, но этотъ трудъ лишенъ всякаго научнаго значенія, хотя по недостатку

лучшихъ матеріаловъ имъ пользуются и теперь. Для своего же времени онъ былъ крупнымъ археографическимъ фактомъ (I-ое изданіе 30 т. 1778—1798. II-ое изданіе 15 томовъ 1838).

Кромѣ Академіи и частныхъ лицъ, къ памятникамъ старины обратилась дѣятельность и „Вольнаго Россійскаго собранія“, ученаго общества, основаннаго при Московскомъ университетѣ въ 1771 году. Это общество было очень дѣятельно въ помощи отдѣльнымъ ученымъ, открывая имъ доступъ въ архивы, сооружая ученыя этнографическія экспедиціи и т. д., но само издавало немного памятниковъ старины: въ 10 лѣтъ оно выпустило только 6 книгъ своихъ „Трудовъ“.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, дѣятельность второй половины прошлаго вѣка по собиранію и изданію матеріаловъ. Эта дѣятельность отличалась случайнымъ характеромъ, захватывала только тотъ матеріалъ, который, если можно такъ выразиться, самъ шелъ въ руки: заботъ о тѣхъ памятникахъ, которые были въ провинціи, не проявлялось. Сибирская экспедиція Миллера и собираніе лѣтописей, по мысли Мусина-Пушкина, были отдѣльными эпизодами исключительнаго характера, и историческое богатство провинціи оставалось пока безъ оцѣнки и вниманія. Что же касается историческихъ изданій прошлаго столѣтія, то они не выдерживаютъ и самой снисходительной критики. Кромѣ разныхъ техническихъ подробностей, мы требуемъ теперь отъ ученаго издателя, чтобы онъ пересмотрѣлъ по возможности всѣ извѣстные списки издаваемаго памятника, выбралъ изъ нихъ древнѣйшіе и лучшіе, то есть съ исправнѣйшимъ текстомъ, одинъ изъ лучшихъ положилъ въ основу изданія и печаталъ его текстъ, приводя къ нему всѣ варіанты другихъ исправныхъ списковъ, избѣгая малѣйшихъ неточностей и опечатокъ въ текстѣ. Изданію должна предшествовать провѣрка исторической цѣнности памятника; если памятникъ окажется простой компиляціей, то лучше издать его источники, чѣмъ самую компиляцію. Но въ XVIII вѣкѣ на дѣло смотрѣли не такъ; считали возможнымъ издавать, напримѣръ, лѣтопись по одному ея списку со всѣми ошибками, такъ что теперь, по нуждѣ, пользуясь нѣкоторыми изъ изданій за неимѣніемъ лучшихъ, историкъ постоянно въ опасности сдѣлать ошибку, допустить неточность и т. под. Только Шлецеръ теоретически устанавливалъ пріемы ученой критики, да Миллеръ въ изданіи „Степенной книги“ (1775 г.) соблюдалъ нѣкоторыя изъ основныхъ правилъ ученаго изданія. Въ предисловіи къ этой лѣтописи онъ говоритъ о своихъ пріемахъ изданія: они у него научны, хотя еще не выработаны; но въ этомъ его нельзя упрекать,—полная разработка критическихъ пріемовъ явилась у насъ только въ XIX-мъ столѣтіи, и ей болѣе всего способствовали ученики Миллера.

Старѣясь, Миллеръ просилъ императрицу Екатерину назначить послѣ его смерти начальникомъ Архива Иностранной Коллегіи кого-нибудь изъ

его учениковъ. Просьба его была уважена, и послѣ Миллера Архивомъ завѣдывали его ученики: сперва *І. Стриттеръ*, потомъ *Н. Н. Бантышъ-Каменскій* (1739—1814). Этотъ послѣдній, составляя описаніе дѣлъ своего архива, на основаніи этихъ дѣлъ занимался и изслѣдованіями, которыя, къ сожалѣнію, далеко не всѣ напечатаны. Они очень много помогали Карамзину при составленіи „Исторіи Государства Россійскаго".

Когда въ первые годы XIX столѣтія архивъ Иностранной Коллегіи поступилъ въ главное вѣдѣніе графа *Николая Петровича Румянцева* (1754—1826), въ архивѣ воспиталась уже цѣлая семья археографовъ, и для Румянцева были готовы достойные помощники. Именемъ Румянцева означаютъ цѣлую эпоху въ ходѣ нашего народнаго самопознанія, и справедливо. Графъ Н. П. Румянцевъ явился въ ту самую пору, когда приготовлялась „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, когда назрѣвало сознаніе, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда, наконецъ, явились и дѣятели по этой части съ научными пріемами. Графъ Румянцевъ сталъ выразителемъ сознательнаго отношенія къ старинѣ и, благодаря своему положенію и средствамъ, явился центромъ новаго историко-археологическаго движенія, такимъ почтеннымъ меценатомъ, предъ памятью котораго должны преклоняться и мы и всѣ грядущія поколѣнія.

Родился Румянцевъ въ 1754 г.; отцомъ его былъ знаменитый графъ Румянцевъ-Задунайскій. Началъ свою службу Николай Петровичъ въ средѣ русскихъ дипломатовъ Екатерининскаго вѣка и болѣе 15-ти лѣтъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. При имп. Павлѣ I хотя Румянцевъ и былъ въ милости у императора, но не занималъ никакихъ должностей и оставался не у дѣлъ. При Александрѣ I ему былъ данъ портфель министра коммерціи, а затѣмъ въ 1809 г. поручено Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ сохраненіемъ поста министра коммерціи. Съ теченіемъ времени онъ былъ возведенъ въ званіе Государственнаго Канцлера и назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Во время управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и его Архивомъ сказалась любовь Румянцева къ старинѣ, хотя почвы для нея повидимому не было никакой. Уже въ 1810 г. графъ Николай Петровичъ предлагаетъ Бантышъ-Каменскому составить планъ изданія *Сборника государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Этотъ планъ былъ скоро готовъ, и гр. Румянцевъ ходатайствовалъ предъ Государемъ объ учрежденіи, при Архивѣ Иностранной коллегіи, Комиссіи для напечатанія „Государственныхъ грамотъ и договоровъ". Всѣ издержки по изданію онъ принималъ на свой счетъ, но съ условіемъ, что комиссія останется въ его вѣдѣніи и тогда, когда онъ оставитъ управленіе вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Желаніе его было исполнено, и 3 Мая 1811 года комиссія была учреждена. Двѣнадцатый

годъ задержалъ выпускъ 1-го тома, но Бантышъ-Каменскій успѣлъ спасти вмѣстѣ съ архивомъ и напечатанные листы этого перваго тома, и первый томъ вышелъ къ 1813 г. подъ заглавіемъ „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ“. На заглавномъ листѣ красовался гербъ Румянцева, какъ и на всѣхъ его прочихъ изданіяхъ. Во вступленіи къ первому тому главный его редакторъ Бантышъ-Каменскій такъ объяснялъ потребности, вызвавшія изданіе, и цѣли, какія оно преслѣдовало: „Испытатели древностей Россійскихъ и желавшіе пріобрѣсть познаніе въ дипломатикѣ отечественной не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ, въ Древней Вивліоѳикѣ помѣщенныхъ, ибо потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествіяхъ и союзахъ своего государства у иностранныхъ писателей и сочиненіями ихъ руководствоваться“ (С. Г. Г. и Д., т. I, стр. II). Слова эти справедливы, потому что изданіе гр. Румянцева было первымъ систематическимъ сводомъ-документомъ, съ которымъ не могло соперничать ни одно предшествовавшее изданіе. Въ выпущенномъ (первомъ) томѣ были собраны замѣчательныя грамоты времени 1229—1613 годовъ. Съ ихъ появленіемъ входила въ научный оборотъ масса цѣннаго матеріала, изданнаго добросовѣстно и роскошно.

Второй томъ Румянцевскаго собранія вышелъ въ 1819 году и заключаетъ въ себѣ грамоты до XVI вѣка и документы смутнаго времени. Бантышъ-Каменскій умеръ до выхода 2-го тома (1814 г.), и вмѣсто него работалъ надъ изданіемъ Малиновскій. Подъ его редакціей вышелъ въ 1822 г. третій томъ, а въ 1828-мъ, когда Румянцева уже не стало въ живыхъ, и четвертый. Оба эти тома заключаютъ въ себѣ документы XVII вѣка. Въ предисловіи къ II-му тому Малиновскій объявилъ, что изданіе грамотъ переходитъ въ вѣдѣніе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженій; однако, и до сей поры дѣло не пошло далѣе начала пятаго тома, который съ недавняго времени обращается въ продажѣ и заключаетъ въ себѣ дипломатическія бумаги. Если бы дѣятельность Румянцева ограничилась только этимъ изданіемъ (на которое онъ затратилъ до 40.000 р.), то и тогда бы память его жила вѣчно въ нашей наукѣ, такое значеніе имѣетъ этотъ сборникъ документовъ. Какъ историческое явленіе, это первый научный сборникъ актовъ, ознаменовавшій собою начало у насъ научнаго отношенія къ старинѣ, а какъ историческій источникъ, это и до сихъ поръ одинъ изъ важнѣйшихъ сводовъ матеріала, имѣющій значеніе для основныхъ вопросовъ общей исторіи нашего государства.

Стремясь такъ старательно къ извлеченію на свѣтъ архивнаго ма-

теріала, графъ Румянцевъ не былъ простымъ диллетантомъ, но обладалъ большой эрудиціей въ русскихъ древностяхъ и не переставалъ жалѣть, что въ немъ поздно пробудились вкусы къ старинѣ, хотя ихъ позднее появленіе не помѣшало ему потратить массу труда и матеріальныхъ жертвъ на отысканіе и спасеніе памятниковъ. Общая сумма его издержекъ на научныя цѣли доходила до 300.000 руб. сер. Онъ не разъ на свой счетъ отправлялъ научныя экспедиціи, самъ совершалъ экскурсіи въ окрестностяхъ Москвы, тщательно разыскивая всевозможные остатки старины, и щедро платилъ за каждую находку. Изъ его переписки видно, между прочимъ, что за одну рукопись онъ отпустилъ на волю цѣлую крестьянскую семью. Высокое служебное положеніе Румянцева облегчало ему любимое дѣло и помогало вести его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: такъ, онъ обращался ко многимъ губернаторамъ и архіереямъ, прося ихъ указаній о мѣстныхъ древностяхъ, и посылалъ имъ въ руководство свои программы для собиранія памятниковъ старины. Мало того, онъ руководилъ изысканіями въ заграничныхъ книгохранилищахъ по части русской исторіи и, кромѣ русскихъ памятниковъ, хотѣлъ предпринять обширное изданіе иностранныхъ писателей о Россіи: имъ было отмѣчено до 70 иностранныхъ сказаній о Россіи, былъ составленъ и планъ изданія, но къ сожалѣнію это дѣло не состоялось. Но не одно дѣло собиранія памятниковъ интересовало канцлера; часто онъ оказывалъ поддержку и изслѣдователямъ старины, поощряя ихъ трудъ, а часто и самъ вызывалъ молодыя силы на изслѣдованія, ставя имъ научные вопросы и оказывая матеріальную поддержку. Передъ смертью графъ Румянцевъ завѣщалъ для общаго пользованія соотечественниковъ свое богатое собраніе книгъ, рукописей и другихъ древностей. Императоръ Николай I открылъ это собраніе для публики, подъ названіемъ „Румянцевскаго музея", первоначально въ Петербургѣ; но при императорѣ Александрѣ II-мъ музей переведенъ былъ въ Москву, гдѣ и соединенъ съ такъ называемымъ публичнымъ музеемъ въ знаменитомъ Пашковомъ домѣ. Эти музеи—драгоцѣнныя хранилища нашей древней письменности. Такъ широка была дѣятельность графа Румянцева на полѣ нашей исторической науки. Стимулы ея заключались въ высокомъ образованіи этого человѣка и въ его патріотическомъ направленіи. У него было много ума и матеріальныхъ средствъ для достиженія его научныхъ цѣлей, но надо сознаться, что онъ не сдѣлалъ бы многаго изъ того, что сдѣлалъ, если бы за нимъ не стояли въ качествѣ его помощниковъ замѣчательные люди того времени. Помощниками его были дѣятели Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Начальниками Архива при Румянцевѣ были *Н. Н. Бантышъ-Каменскій* (1739—1814) и *А. Ѳ. Малиновскій*, совѣтами и трудами которыхъ пользовался Н. М. Карамзинъ, и которые очень много сдѣлали для благоустройства своего Архива. А изъ молодыхъ ученыхъ,

начавшихъ свою дѣятельность въ этомъ Архивѣ при Румянцевѣ, упомянемъ только самыхъ видныхъ: *Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева*. Оба они замѣчательно много сдѣлали по числу и по значенію ихъ работъ, трудясь надъ научнымъ изданіемъ памятниковъ, собирая и описывая рукописи во всеоружіи прекрасныхъ критическихъ пріемовъ.

Біографія *Калайдовича* мало извѣстна. Родился онъ въ 1792 году, жилъ немного—всего 40 лѣтъ, и кончилъ умопомѣшательствомъ и почти нищетой. Въ 1829 году Погодинъ писалъ о немъ Строеву: „Калайдовича сумасшествіе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Онъ въ нуждѣ"... Въ своей дѣятельности Калайдовичъ почти всецѣло принадлежалъ къ Румянцевскому кружку и былъ любимымъ сотрудникомъ Румянцева. Онъ участвовалъ въ изданіи „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ"; вмѣстѣ съ Строевымъ совершилъ въ 1817 г. поѣздку по Московской и Калужской губерніямъ для розысканія старыхъ рукописей. Это была первая по времени научная экспедиція въ провинцію съ исключительной цѣлью—палеографической. Создалась она по почину гр. Румянцева и увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Строевъ и Калайдовичъ нашли *Изборникъ Святослава* 1073 г., Илларіонову *Похвалу Когану Владиміру* и между прочимъ въ Волоколамскомъ монастырѣ *Судебникъ Ивана* III. Эта была тогда полная новинка: Княжескаго Судебника не зналъ никто въ *русской* редакціи, и Карамзинъ пользовался имъ въ *латинскомъ* переводѣ Герберштейна. Графъ привѣтствовалъ находки и благодарилъ молодыхъ ученыхъ за ихъ труды. Судебникъ былъ изданъ на его средства Строевымъ и Калайдовичемъ въ 1819 г. („Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича". Москва 1819 г., второе изданіе, Москва 1878 г.).—Кромѣ своихъ издательскихъ трудовъ и палеографическихъ розысканій, Калайдовичъ извѣстенъ и своими филологическими изслѣдованіями („Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій"). Ранняя смерть и печальная жизнь не дали этому таланту возможности вполнѣ развернуть свои богатыя силы.

Въ близкомъ общеніи съ Калайдовичемъ во дни юности былъ *П. М. Строевъ*. Строевъ, происходя изъ небогатой дворянской семьи, родился въ Москвѣ въ 1796 году. Въ 1812 году онъ долженъ былъ поступить въ университетъ, но военныя событія, прервавшія ходъ университетскаго преподованія, помѣшали этому, такъ что только въ августѣ 1813 г. сталъ онъ студентомъ. Замѣчательнѣйшими изъ учителей его здѣсь были *Р. Ѳ. Тимковскій* († 1820 г.), профессоръ римской словесности, знаменитый изданіемъ лѣтописи Нестора (вышла въ 1824 г., къ изданію ея онъ примѣнилъ пріемы изданія древнихъ классиковъ) и *М. Т. Каченовскій* († 1842 г.)—основатель такъ называемой, „скептиче-

ской школы". Тотчасъ по поступленіи въ университетъ, т. е. 17-ти лѣтъ, Строевъ уже составилъ краткую Россійскую Исторію, которая издана была въ 1814 году, стала общепринятымъ учебникомъ и черезъ пять лѣтъ потребовала новаго изданія. Въ 1815 г. Строевъ выступаетъ уже со своимъ собственнымъ журналомъ „Современный наблюдатель Россійской Словесности", который онъ думалъ сдѣлать еженедѣльнымъ и который выходилъ только съ марта по іюль. Въ концѣ того же 1815 года Павелъ Михайловичъ выходитъ изъ университета, не окончивъ курса, и поступаетъ по предложенію Румянцева въ Комиссію печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Румянцевъ высоко цѣнилъ его и, какъ увидимъ, былъ правъ. Кромѣ удачныхъ кабинетныхъ работъ, Строевъ съ 1817-го по 1820-й годъ на средства Румянцева объѣзжаетъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ книгохранилища Московской и Калужской епархій. Мы уже знаемъ, какіе важные памятники были тогда найдены. Кромѣ находокъ было описано до 2.000 рукописей, и Строевъ въ этихъ поѣздкахъ пріобрѣлъ большое знаніе рукописнаго матеріала, которымъ онъ много помогъ Карамзину. И послѣ своихъ экспедицій, до конца 1822 г., Строевъ продолжаетъ работать при Румянцевѣ. Въ 1823 году Строевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (это общество учреждено было въ 1804 году для изданія древнихъ лѣтописей). Въ засѣданіи Общества 14 Іюля 1823 года Строевъ выступилъ съ грандіознымъ проектомъ. По поводу своего выбора онъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой благодарилъ за избраніе, указалъ, что цѣль общества—изданіе лѣтописей—слишкомъ узка, и предложилъ замѣнить ее разборомъ и изданіемъ всѣхъ вообще историческихъ памятниковъ, какими Общество будетъ имѣть возможность располагать: „общество должно", говорилъ Строевъ, „извлечь, привести въ извѣстность и, если не само обработать, то доставить другимъ средства обрабатывать всѣ письменные памятники нашей исторіи и древней словесности"... „Пусть цѣлая Россія" говорилъ онъ, „превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей должны мы ограничить наши занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ въ монастыряхъ и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ, въ архивахъ, кои нещадно опустошаютъ время и нерадивое невѣжество, въ кладовыхъ и подвалахъ, не доступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ, кажется, снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе!"... Строевъ, словомъ, предлагалъ обществу привести въ наличность всю письменную старину, какою располагали провинціальныя библіотеки, и предлагалъ для достиженія этой цѣли послать ученую экспедицію, чтобы описать провинціальныя книгохранилища. Пробная поѣздка этой экспедиціи должна была

быть совершена по проекту Строева въ Новгородъ, гдѣ слѣдовало разобрать находившуюся въ Софійскомъ соборѣ библіотеку. Далѣе, экспедиція должна была совершить свою первую или *сѣверную* поѣздку, въ районъ которой входили по плану Строева 10 губерній (Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская и Тверская). Эта поѣздка должна была занять два съ лишнимъ года и дать, какъ надѣялся Строевъ, блестящіе результаты, „богатую жатву“, потому что на сѣверѣ много монастырей съ библіотеками; тамъ жили и живутъ старообрядцы, которые очень внимательно относятся къ рукописной старинѣ; а затѣмъ, на сѣверѣ меньше всего было непріятельскихъ погромовъ. Вторая или *средняя* поѣздка, по проекту Строева, должна была занять два года времени и охватить среднюю полосу Россіи (губерніи: Московскую, Владимірскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую). Третья или *западная* поѣздка должна была направиться въ юго-западную Россію (9 губерній: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Кіевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую) и потребовала бы годъ времени. Этими поѣздками Строевъ надѣялся достичь систематическаго описанія всего историческаго матеріала въ провинціи, преимущественно въ духовныхъ библіотекахъ. Издержки онъ опредѣлялъ въ суммѣ 7.000 р. въ годъ. Всѣ составленныя экспедиціей описанія онъ предполагалъ слить въ одну общую роспись лѣтописнаго и историко-юридическаго матеріала и предлагалъ обществу издавать потомъ историческіе памятники по лучшимъ изъ описанныхъ экспедиціей редакціямъ, а не по случайнымъ спискамъ, какъ это дѣлалось до того времени. Рисуя такія привлекательныя перспективы, Строевъ искусно доказывалъ возможность исполненія своего проекта и настаивалъ на его принятіи. Рѣчь свою онъ закончилъ хвалой Румянцеву, благодаря которому онъ могъ пріобрѣсть навыкъ и опытъ въ археографическомъ дѣлѣ. Конечно, Румянцевскія экспедиціи 1817—20 годовъ заставили Строева размечтаться о той грандіозной экспедиціи, какую онъ предлагалъ.

Общество, въ своемъ большинствѣ, приняло рѣчь Строева за смѣлую мечту молодого ума и дало Строеву средства для обозрѣнія одной лишь Новгородской Софійской библіотеки, которая и была имъ описана. Рѣчь Строева даже не была напечатана въ журналѣ общества, а появилась въ „Сѣверномъ Архивѣ“. Ее прочли и забыли. Самъ Строевъ занимался въ то время исторіей Донского Казачества и составилъ свой извѣстный „Ключъ къ исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, писалъ въ журналахъ, поступилъ библіотекаремъ къ графу Ѳ. А. Толстому, вмѣстѣ съ Калайдовичемъ составилъ и издалъ въ свѣтъ каталогъ богатаго собранія рукописей графа Ѳ. А. Толстого, нынѣ находящихся

въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Труды Строева были замѣчены Академіею Наукъ и она въ 1826 году дала ему званіе своего корреспондента. Среди своихъ послѣднихъ трудовъ Строевъ какъ будто забылъ о своей рѣчи: на самомъ же дѣлѣ оказалось не такъ. По преданію, великая княгиня Марія Павловна съ большимъ участіемъ отнеслась къ рѣчи Строева, которую прочитала въ „Сѣверномъ Архивѣ", и это участіе, какъ говорятъ, побудило Строева обратиться съ письмомъ къ президенту Академіи Наукъ *графу С. С. Уварову*. Въ этомъ письмѣ онъ развиваетъ тѣ же планы, которые развивалъ и въ обществѣ, предлагаетъ себя, какъ опытнаго археографа, для археографическихъ поѣздокъ и сообщаетъ подробный планъ практическаго исполненія предлагаемаго имъ дѣла. Уваровъ передалъ письмо Строева въ академію, академія же—своему члену Кругу поручила его разборъ и оцѣнку. 21-го мая 1828 года, благодаря прекрасному отзыву Круга, важное дѣло было рѣшено. Академія, признавая, что археографическая экспедиція есть „священная обязанность, отъ которой первое ученое заведеніе Имперіи не можетъ уклониться, не подвергаясь справедливымъ упрекамъ въ равнодушіи", рѣшила отправить Строева въ путешествіе, ассигновавъ 10 тыс. руб. ассигнаціями. Археографическая экспедиція была такимъ образомъ учреждена. Выборъ помощниковъ для археографической экспедиціи былъ предоставленъ самому Строеву. Онъ выбралъ двухъ чиновниковъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и заключилъ съ ними очень любопытное условіе, гдѣ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „экспедицію ожидаютъ не забавы различныя, но труды, трудности и лишенія всякаго рода. Поэтому спутники мои должны одушевиться терпѣніемъ и готовностью переносить все тяжкое и непріятное, да не овладѣютъ ими малодушіе, нерѣшительность, ропотъ"!.. Далѣе онъ предупреждаетъ своихъ помощниковъ, что имъ часто придется имѣть дурную квартиру, телѣгу, вмѣсто рессорнаго экипажа, не всегда чай и т. п. Строевъ, очевидно, зналъ, въ какой обстановкѣ будетъ онъ трудиться, и сознательно шелъ навстрѣчу лишеніямъ. Первые же его спутники, испытавъ трудности дѣла, черезъ полгода отъ него отказались.

Приготовивъ все для поѣздки, запасшись офиціальными бумагами, которыя должны были открыть ему входъ во всѣ архивы, Строевъ въ маѣ 1829 года выѣхалъ изъ Москвы къ берегамъ Бѣлаго моря. Слишкомъ долго было бы излагать любопытнѣйшія подробности этой экспедиціи. Лишенія, трудности сообщеній и самой работы, убійственныя гигіеническія условія жизни и труда, болѣзни, подчасъ недоброжелательство и подозрительность невѣжественныхъ хранителей архивовъ и библіотекъ,—все это стоически вынесъ Строевъ. Всего себя отдавалъ онъ работѣ, часто удивительно трудной и сухой, и лишь изрѣдка, пользуясь

отпусками для отдыха на какой нибудь мѣсяцъ, возвращался къ своей семьѣ. Утѣшительно то, что въ этихъ трудахъ онъ нашелъ себѣ достойнаго помощника въ лицѣ *Як. Ив. Бередникова* (1793—1854), которымъ онъ въ 1830 г. и замѣнилъ прежнихъ чиновниковъ. Энергія этихъ двухъ тружениковъ достигла чудесныхъ результатовъ; пять съ половиною лѣтъ трудились они, изъѣздивъ всю сѣверную и среднюю Россію, осмотрѣли болѣе 200 библіотекъ и архивовъ, списали до 3,000 историко-юридическихъ документовъ, относящихся въ XIV, XV, XVI и XVII вв., обслѣдовали массу памятниковъ лѣтописнаго и литературнаго характера. Собранный ими матеріалъ, будучи переписанъ, занялъ 10 огромныхъ фоліантовъ, а въ ихъ черновыхъ портфеляхъ осталась масса справокъ, выписокъ и указаній, которыя позволили Строеву составить два замѣчательныхъ труда, появившихся въ печати уже послѣ его смерти. (Это „*Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви*", всѣхъ, которыхъ помнитъ исторія, и „*Библіологическій словарь или алфавитный перечень всѣхъ рукописей историческаго и литературнаго содержанія*", какія только Строевъ видѣлъ на своемъ вѣку).

За путешествіемъ Строева слѣдила вся образованная Россія. Ученые обращались къ нему, прося выписокъ, указаній и справокъ. *Сперанскій*, готовя тогда въ печать „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи", обращался къ Строеву за помощью въ собираніи указовъ. Ежегодно, 29-го декабря, въ день годичнаго засѣданія Академіи Наукъ, между прочимъ, читались отчеты и о дѣйствіяхъ археографической экспедиціи. Свѣдѣнія о ней помѣщались въ журналахъ. Императоръ Николай прочитывалъ „отъ доски до доски" большіе томы переписанныхъ набѣло актовъ, собранныхъ экспедиціею.

Въ концѣ 1834 года Строевъ былъ близокъ къ окончанію своего дѣла. Сѣверная и средняя поѣздки его были окончены. Оставалась самая меньшая—западная, т. е. Малороссія, Волынь, Литва и Бѣлоруссія. Въ своемъ отчетѣ Академіи за 1834 годъ Строевъ съ торжествомъ заявлялъ объ этомъ и, перечисляя результаты археографической экспедиціи за все время ея существованія, говорилъ: „Отъ благоусмотрѣнія Императорской Академіи Наукъ зависитъ: а) продолжать археографическую экспедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: болѣе сего нѣтъ, т. е. нѣтъ неизвѣстнаго матеріала, или b) начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ, и собраніе разныхъ писаній (т. е. лѣтописныхъ) по моимъ указаніямъ"... Этотъ отчетъ Строева читался въ торжественномъ собраніи Академіи 29 декабря 1834 г., и почти въ тотъ же день Строевъ узналъ, что волей начальства (не академіи) археографическая экспедиція прекратила свое существованіе, что для разбора и изданія добытыхъ Строевымъ актовъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена

Археографическая комиссія. Строевъ былъ назначенъ простымъ членомъ этой комиссіи наравнѣ съ своимъ прежнимъ помощникомъ Бередниковымъ и еще двумя лицами, къ экспедиціи вовсе не причастными *). Учрежденіемъ комиссіи, скоро превратившейся въ постоянную (она существуетъ и до сихъ поръ), начинается новая эра въ изданіи памятниковъ нашей старины.

Археографическая комиссія, которая была учреждена сначала съ временною цѣлью изданія найденныхъ Строевымъ актовъ, стала съ 1837 г., какъ мы упомянули, *постоянной* комиссіей для разбора и изданія историческаго матеріала вообще. Дѣятельность ея выразилась за все время ея существованія многочисленными изданіями, изъ которыхъ необходимо указать главнѣйшія. Въ 1836 г. издала она четыре первыхъ своихъ фоліанта подъ заглавіями: *„Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографической экспедиціей Императорской Академіи Наукъ“*. (Въ просторѣчіи изданіе это носитъ названіе „Актовъ Экспедиціи“, а въ ученыхъ ссылкахъ означается буквами А. Э.). Въ 1838 году явились *„Акты юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства“* (одинъ томъ). Въ этомъ изданіи помѣщены акты частнаго быта до XVIII в. Въ 1841 и 1842 годахъ вышли пять томовъ *„Актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографической комиссіей“* (1-й т. акты до XVII-го вѣка, отъ II-го до V-го тома— акты XVII-го вѣка). Затѣмъ стали выходить *„Дополненія къ актамъ историческимъ“* (всего XII томовъ, заключающихъ документы XII—XVII-го вѣковъ). Съ 1846 г. комиссія принялась за систематическое изданіе *„Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей“*. Довольно скоро успѣла она выпустить восемь томовъ (I-й томъ—*Лаврентьевская лѣтопись*. II-й—*Ипатьевская лѣтопись*. III и IV—*Новгородская лѣтопись*, конецъ IV и V—*Псковская*, VI-й—*Софійскій Временникъ*, VII и VIII—*Воскресенская лѣтопись*). Затѣмъ изданіе нѣсколько замедлилось, и лишь черезъ много лѣтъ вышли томы IX—XIV (заключающіе въ себѣ текстъ *Никоновской Лѣтописи*), а затѣмъ XV-й томъ (заключающій *Тверскую лѣтопись*), XVI-й томъ (*Лѣтопись Аврамки*), XVII (*Западнорусскія Лѣтописи*), XIX-й (*Казанскій Лѣтописецъ*), XX (*Львовская Лѣтопись*), XXI (*Степенная Книга*), XXII (*Русскій Хронографъ*), XXIII (*Ермолинская Лѣтопись*) и др.

*) Тяжело было Строеву видѣть дорогое дѣло въ чужомъ распоряженіи; поэтому онъ скоро выходитъ изъ комиссіи, поселяется въ Москвѣ, но невольно сохраняетъ съ членами комиссіи живыя сношенія. На первыхъ порахъ комиссія много зависѣла отъ него въ своей научной дѣятельности; для нея онъ продолжаетъ работать и до конца жизни, разрабатывая московскіе архивы. Здѣсь подъ его руководствомъ начинаютъ свои труды всѣмъ извѣстные *И. Е. Забѣлинъ и Н. В. Калачевъ*. Въ то же время Строевъ продолжалъ трудиться и для Общества исторіи и древностей, описывая, между прочимъ, библіотеку общества. Скончался онъ 5 января 1876 года, восьмидесяти лѣтъ.

Весь этотъ матеріалъ, громадный по числу и по важности документовъ, оживилъ нашу науку. Почти исключительно на немъ основывались многія монографіи (напр. прекрасные труды *Соловьева и Чичерина*), были уяснены вопросы древняго общественнаго быта, стала возможна разработка многихъ частностей древней жизни.

Послѣ своихъ первыхъ монументальныхъ трудовъ комиссія продолжала дѣятельно работать. До сихъ поръ ею выпущено болѣе сорока изданій. Наибольшее значеніе, сверхъ уже названныхъ, имѣютъ: 1) *„Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи“* (5 томовъ), 2) *„Акты, относящіеся къ исторіи Западной и Южной Россіи“* (15 томовъ), 3) *„Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи“* (3 тома), 4) *„Русская Историческая библіотека“* (28 томовъ), 5) *„Великія Минеи Четьи митрополита Макарія“* (до 20 выпусковъ) 6) *„Писцовыя книги“* Новгородскія и Ижорскія XVII вѣка, 7) *„Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи“* (3 тома съ дополненіемъ), 8) *„Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи“* (Rerum Rossicarum scriptores exteri) 2 тома и т. д.

По образцу Императорской Археографической Комиссіи возникли такія же Комиссіи въ *Кіевѣ* и *Вильнѣ*—какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не успѣлъ побывать Строевъ. Онѣ занимаются изданіями и изслѣдованіями мѣстнаго матеріала и сдѣлали уже очень много. Особенно успѣшно идетъ дѣло въ Кіевѣ.

Помимо изданій археографическихъ комиссій, мы располагаемъ еще цѣлымъ рядомъ правительственныхъ изданій. Второе отдѣленіе Канцеляріи Его Величества не ограничилось изданіемъ *„Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“* (Законы отъ 1649 года до настоящаго времени), оно издало еще *„Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго Государства съ Европой“* (10 томовъ), *„Дворцовые разряды“* (5 томовъ) и *„Книги разрядныя“* (2 тома). Рядомъ съ правительственной развернулась и частная дѣятельность по изданію древнихъ памятниковъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое во времена Строева едва влачило свое существованіе, ожило и постоянно заявляетъ о себѣ новыми изданіями. Послѣ „Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей“, редактированныхъ *О. М. Бодянскимъ*, оно издало подъ редакціей *И. Д. Бѣляева*: „Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ (25 книгъ, заключающихъ богатый матеріалъ, изслѣдованія и цѣлый рядъ документовъ). Въ 1858 году секретаремъ Общества былъ вновь избранъ Бодянскій, который сталъ издавать по-прежнему „Чтенія“ вмѣсто „Временника“ Бѣляева. Послѣ Бодянскаго секретаремъ былъ избранъ въ 1871 году *А. Н. Поповъ*, а послѣ смерти его въ 1881 году *Е. В. Барсовъ*, при которыхъ и продолжаются тѣ же „Чтенія“. Издавали и издаютъ свои труды и архео-

логическія общества: *Петербургское*, называемое „Русскимъ“ (основано въ 1846 г.), и *Московское* (основано въ 1864 г.). Занималось и занимается археологіей и исторіей Географическое Общество (въ Петербургѣ съ 1846 г.). Изъ его изданій для насъ интересны въ особенности „*Писцовыя книги*“ (2 тома подъ редакціей Н. В. Калачева). Съ 1866 года работаетъ (преимущественно надъ исторіей XVIII в.) Императорское *Русское Историческое Общество*, которое успѣло издать уже до 150 томовъ своего „Сборника“. Ученыя Историческія Общества начинаютъ основываться и въ провинціи, напримѣръ: Одесское Общество Исторіи и Древностей, губернскія ученыя архивныя комиссіи. Проявляется и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ: частные сборники *Муханова, кн. Оболенскаго, Ѳедотова-Чеховскаго, Н. П. Лихачева* и др. заключаютъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы. Съ 30-хъ и 40-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ начинаютъ печататься матеріалы для исторіи, являются даже журналы, спеціально посвященные русской исторіи, напримѣръ: *Русскій Архивъ*, *Русская Старина* и др.

Перейдемъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ видовъ историческаго матеріала и прежде всего остановимся на источникахъ *лѣтописнаго типа* и, въ частности, на *лѣтописи*, такъ какъ ей, главнымъ образомъ, мы обязаны знакомствомъ съ древнѣйшей исторіей Руси. Но для того, чтобы изучать лѣтописную литературу, надобно знать употребительные въ ней термины. Въ наукѣ „лѣтописью“ называется погодный разсказъ о событіяхъ, мѣстами краткій, мѣстами болѣе подробный, всегда съ точнымъ указаніемъ лѣтъ. Лѣтописи наши сохранились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ или *списковъ* XIV—XVIII вв. По мѣсту и времени составленія и по содержанію, лѣтописи дѣлятся на *разряды* (есть Новгородскіе, Суздальскіе, Кіевскіе, Московскіе). Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою не только въ словахъ и выраженіяхъ, но даже и въ самомъ выборѣ извѣстій, и часто въ одномъ изъ списковъ извѣстнаго разряда есть событіе, котораго нѣтъ въ другомъ; вслѣдствіе этого списки дѣлятся на *редакціи* или *изводы*. Различія въ спискахъ одного разряда и навели нашихъ историковъ на мысль, что лѣтописи наши суть сборники и что ихъ первоначальные источники не дошли до насъ въ чистомъ видѣ. Впервые эта мысль была выражена П. М. Строевымъ еще въ 20-хъ годахъ въ его предисловіи къ „Софійскому Временнику“. Дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями привело окончательно къ убѣжденію, что лѣтописи, которыя намъ извѣстны, представляютъ *своды* извѣстій и сказаній, компиляціи изъ нѣсколькихъ трудовъ. И теперь въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что даже древнѣйшія лѣтописи суть компилятивные своды. Такъ, лѣтопись Нестора есть *сводъ*

XII вѣка, Суздальская лѣтопись—*сводъ* XIV вѣка, Московскія—*своды* XVI и XVII вв. и т. д.

Знакомство съ лѣтописной литературой начнемъ съ такъ называемой лѣтописи Нестора, которая начинается разсказомъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, а кончается около 1110 года; заглавіе ея таково: „*Се повѣсти временныхъ лѣтъ* (въ иныхъ спискахъ прибавлено: *черноризца Ѳедосьева Печерскаго монастыря) откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первые княжити, и откуда Русская земля стала есть*“. Такимъ образомъ по заглавію мы видимъ, что авторъ обѣщаетъ сказать только слѣдующее: кто первый сталъ княжить въ Кіевѣ и откуда произошла русская земля. Самая исторія этой земли не обѣщана и между тѣмъ она ведется до 1110 года. Послѣ этого года мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующую приписку: *Игуменъ Селивестръ Святого Михаила написавъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимірѣ княжащю ему въ Кыевѣ, а мнѣ то время игуменящу у Св. Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта* (т. е. въ 1116 г.). Такимъ образомъ выходитъ, что авторомъ лѣтописнаго свода былъ Сильвестръ, по другимъ же даннымъ не Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря, написалъ лѣтопись, извѣстную подъ названіемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, а монахъ Печерскаго монастыря *Несторъ*; еще Татищевъ приписывалъ ее Нестору. Въ древнемъ „Патерикѣ Печерскомъ“ мы читаемъ разсказъ о томъ, что Несторъ пришелъ въ монастырь, къ Ѳеодосію 17-ти лѣтъ былъ имъ постриженъ, писалъ лѣтопись и умеръ въ монастырѣ. Въ лѣтописи же подъ 1051 г. въ разсказѣ о Ѳеодосіи лѣтописецъ говоритъ о себѣ: „къ нему же (Ѳеодосію) *и азъ пріидохъ* худый и пріятъ мя лѣтъ ми сущу семнадцати“. Далѣе, подъ 1074 годомъ лѣтописецъ передаетъ разсказъ о великихъ подвижникахъ *Печерскихъ* и по поводу ихъ подвиговъ говоритъ, что многое онъ слышалъ отъ монаховъ, а другое „и самовидецъ быхъ“. Подъ 1091 годомъ лѣтописецъ отъ своего лица разсказываетъ о томъ, какъ при немъ и даже съ его участіемъ печерская братія перенесла на новое мѣсто мощи св. Ѳеодосія; въ разсказѣ этомъ лѣтописецъ называетъ себя „рабомъ и ученикомъ“ Ѳеодосія. Подъ 1093 г. слѣдуетъ разсказъ о нападеніи половцевъ на Кіевъ и о взятіи ими Печерскаго монастыря, разсказъ цѣликомъ веденный въ 1-омъ лицѣ; затѣмъ подъ 1110 годомъ мы находимъ вышеприведенную приписку Сильвестра игумена не Печерскаго, а Выдубицкаго монастыря.

На томъ основаніи, что авторъ лѣтописи говоритъ о себѣ, какъ о Печерскомъ монахѣ, и въ виду того, что извѣстія, постороннія лѣтописи, называютъ въ Печерскомъ монастырѣ лѣтописцемъ монаха Нестора, Татищевъ такъ увѣренно приписывалъ лѣтопись до 1110 г. Нестору,—а Сильвестра считалъ только переписчикомъ ея. Мнѣніе Татищева

встрѣтило поддержку въ *Карамзинѣ*, но съ тою лишь разницею, что первый думалъ, что Несторъ довелъ лѣтопись только до 1093 года, а второй—до 1110-го. Такимъ образомъ вполнѣ установилось мнѣніе, что лѣтопись принадлежала перу одного лица изъ Печерской братіи, составлявшаго ее вполнѣ самостоятельно. Но Строевъ, при описаніи рукописей графа Толстого, открылъ греческую хронику Георгія Мниха (Амартола), которая мѣстами оказалась дословно схожею со введеніемъ къ лѣтописи Нестора. Такой фактъ освѣтилъ этотъ вопросъ съ совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить *источники* лѣтописи. Строевъ первый и намекнулъ, что *лѣтопись есть не что иное, какъ сводъ разнаго историко-литературнаго матеріала*. Авторъ ея дѣйствительно сводилъ и греческія хроники и русскій матеріалъ: краткія монастырскія записи, народныя преданія и т. д. Мысль, что лѣтопись есть компилятивный сборникъ, должна была вызвать новыя изысканія. Многіе историки занялись изслѣдованіемъ достовѣрности и состава лѣтописи. Этому вопросу посвящалъ свои ученыя статьи и *Каченовскій*. Онъ пришелъ къ тому выводу, что первоначальная лѣтопись составлена не Несторомъ и вообще намъ не извѣстна. Извѣстныя намъ лѣтописи, по словамъ Каченовскаго, суть „сборники XIII или даже XIV столѣтія, коихъ источники большею частью намъ неизвѣстны". Несторъ, по своему образованію, живя въ эпоху общей грубости, не могъ составить ничего подобнаго дошедшей до насъ обширной лѣтописи; ему могли принадлежать только тѣ вставленныя въ лѣтопись „монастырскія записки", въ которыхъ онъ, какъ очевидецъ, повѣствуетъ о жизни своего монастыря въ XI вѣкѣ и говоритъ о самомъ себѣ. Мнѣніе Каченовскаго вызвало основательныя возраженія со стороны *Погодина*. (См. „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи" Погодина, т. I, М. 1846). Погодинъ утверждаетъ, что, если мы не сомнѣваемся въ достовѣрности лѣтописи, начиная съ XIV вѣка, то не имѣемъ основанія сомнѣваться и въ показаніяхъ лѣтописи о первыхъ вѣкахъ. Идя отъ достовѣрности позднѣйшаго разсказа лѣтописи, Погодинъ восходитъ все въ большую и большую древность и доказываетъ, что и въ древнѣйшіе вѣка лѣтопись совершенно вѣрно изображаетъ событія и состоянія гражданственности. Скептическіе взгляды на лѣтопись Каченовскаго и его учениковъ вызвали въ защиту лѣтописи книгу *Буткова* („Оборона лѣтописи русской", М. 1840) и статьи *Кубарева* („Несторъ" и о „Патерикѣ Печерскомъ"). Трудами этихъ трехъ лицъ, Погодина, Буткова и Кубарева, утвердилось въ 40-хъ годахъ мысль, что именно Нестору, жившему въ XI вѣкѣ, принадлежитъ древнѣйшій лѣтописный сводъ. Но въ 50-хъ годахъ это убѣжденіе стало колебаться. Трудами *П. С. Казанскаго* (статьи во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей), *Срезневскаго* („Чтенія о древн. русск. лѣтописяхъ"), *Сухомлинова* („О древн. русской лѣтописи, какъ

памятникѣ литературномъ"), *Бестужева-Рюмина* („О составѣ древне-русскихъ лѣтописей до XIV в."), *А. А. Шахматова* (статьи въ научныхъ журналахъ и громадное по объему и очень важное по ученому значенію изслѣдованіе „Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ", вышедшее въ 1908 году)—вопросъ о лѣтописи былъ поставленъ иначе: къ изслѣдованію ея были привлечены новые историко-литературные матеріалы (несомнѣнно принадлежащія Нестору житія и проч.) и приложены новые пріемы. Компилятивный, сводный характеръ лѣтописи былъ установленъ вполнѣ, источники свода были указаны очень опредѣленно; сличеніе трудовъ Нестора съ показаніями лѣтописи обнаружило противорѣчія. Вопросъ о роли Сильвестра, какъ собирателя лѣтописнаго свода, сталъ серьезнѣе и сложнѣе, чѣмъ былъ раньше. Въ настоящее время первоначальную лѣтопись ученые представляютъ себѣ, какъ сводъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, составленныхъ разными лицами, въ разное время, изъ разнообразныхъ источниковъ. Эти отдѣльныя произведенія въ началѣ XII в. были не разъ соединяемы въ одинъ литературный памятникъ, между прочимъ, тѣмъ самымъ Сильвестромъ, который подписалъ свое имя. Внимательное изученіе первоначальной лѣтописи позволило намѣтить въ ней весьма многія составныя части, или точнѣе, самостоятельныя литературныя произведенія. Изъ нихъ всего замѣтнѣе и важнѣе: во 1-хъ, собственно „Повѣсть временныхъ лѣтъ"—разсказъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и о водвореніи на Руси варяжскихъ князей (только къ этой первой части лѣтописнаго свода и можетъ относиться заглавіе свода, приведенное выше: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ и проч."); во 2-хъ, обширный разсказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, въ началѣ XI вѣка, и, въ 3-хъ, лѣтопись о событіяхъ XI в., которую приличнѣе всего назвать *Кіевскою* первоначальною лѣтописью. Въ составѣ этихъ трехъ произведеній, образовавшихъ сводъ, и особенно въ составѣ перваго и третьяго изъ нихъ, можно замѣтить слѣды другихъ болѣе мелкихъ литературныхъ произведеній, „отдѣльныхъ сказаній" и, такимъ образомъ, можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ есть компиляція, составленная изъ компиляцій—настолько сложенъ его внутренній составъ.

Знакомясь съ извѣстіями *Лаврентьевскаго* списка, древнѣйшаго изъ тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ такъ назыв. Несторову лѣтопись (онъ написанъ монахомъ Лаврентіемъ въ Суздалѣ въ 1377 г.), мы замѣчаемъ, что за 1110 годомъ, за лѣтописью первоначальной, въ Лаврентьевскомъ спискѣ идутъ извѣстія, по преимуществу относящіяся къ сѣверо-восточной *Суздальской* Руси: значитъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *лѣтописью*

мѣстную. Ипатьевскій списокъ (XIV—XV в.в.) за первоначальной лѣтописью даетъ намъ очень подробный разсказъ о событіяхъ *Кіевскихъ*, а затѣмъ вниманіе лѣтописи сосредоточивается на событіяхъ *въ Галичѣ* и *Волынской землѣ*; и здѣсь, стало быть, мы имѣемъ дѣло съ *мѣстными* же лѣтописями. Этихъ мѣстныхъ областныхъ лѣтописей дошло до насъ очень много. Виднѣйшее мѣсто между ними занимаютъ лѣтописи *Новгородскія* (ихъ нѣсколько редакцій и есть очень цѣнныя) и *Псковскія*, доводящія свой разсказъ до XVI, даже XVII вѣка. Немалое значеніе имѣютъ и лѣтописи *Литовскія*, дошедшія въ разныхъ редакціяхъ и освѣщающія исторію Литвы и соединенной съ нею Руси въ XIV и XV вѣкахъ.

Съ XV вѣка являются попытки собрать въ одно цѣлое историческій матеріалъ, разбросанный въ этихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Такъ какъ эти попытки совершались въ эпоху Московскаго государства и часто официальными средствами правительства, то онѣ слывутъ подъ именемъ *Московскихъ сводовъ* или *Московскихъ лѣтописей*, тѣмъ болѣе, что даютъ обильный матеріалъ именно для Московской исторіи. Изъ этихъ попытокъ болѣе ранняя—*Софійскій Временникъ* (двѣ редакціи), который соединяетъ извѣстія *Новгородскихъ* лѣтописей съ извѣстіями *Кіевской*, *Суздальской* и другихъ мѣстныхъ лѣтописей, дополняя этотъ матеріалъ отдѣльными сказаніями историческаго характера. Софійскій временникъ относится къ XV вѣку и представляетъ собою чисто внѣшнее соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, соединеніе подъ опредѣленнымъ годомъ всѣхъ относящихся къ послѣднему данныхъ безо всякой ихъ переработки. Такой же характеръ простого соединенія матеріала изъ всѣхъ доступныхъ составителю лѣтописей имѣетъ *Воскресенская лѣтопись*, возникшая въ началѣ XVI вѣка. Воскресенскій сводъ сохранилъ до насъ въ чистомъ видѣ массу цѣнныхъ извѣстій по исторіи удѣльной и московской эпохъ, почему и можетъ быть названъ самымъ богатымъ и надежнымъ источникомъ для изученія XIV—XV вѣковъ. Иной характеръ имѣютъ *Степенная книга* (составленная лицами близкими къ митрополиту Макарію, XVI вѣка) и *Никоновская лѣтопись съ Новымъ Лѣтописцемъ* (XVI—XVII вѣковъ). Пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, какъ и прежде названные своды, эти памятники даютъ намъ этотъ матеріалъ въ переработанномъ видѣ, съ риторикой въ языкѣ, съ извѣстными тенденціями въ освѣщеніи фактовъ. Это первыя попытки *обработки* историческаго матеріала, вводящія насъ уже въ исторіографію.

Позднѣйшее русское лѣтописаніе пошло въ Московскомъ государствѣ двумя путями. Съ одной стороны, оно стало официальнымъ дѣломъ,— при дворѣ московскомъ записывались погодно дворцовыя и политическія событія (лѣтописи времени Грознаго, напр.: *Александро-Невская*,

Царственная книга и вообще послѣднія части Московскихъ сводовъ,— *Никоновскаго, Воскресенскаго, Львовскаго*), а съ теченіемъ времени и самый типъ лѣтописей сталъ измѣняться, онѣ стали замѣняться такъ называемыми разрядными книгами. Съ другой стороны, въ разныхъ мѣстностяхъ Руси стали являться лѣтописи строго мѣстнаго, областного, даже городского характера, въ большинствѣ лишенныя значенія для политической исторіи (таковы *Нижегородская, Двинская, Угличская* и др.; таковы до нѣкоторой степени и *Сибирскія*).

Съ XVI вѣка, рядомъ съ лѣтописями, возникаетъ новый видъ историческихъ произведеній: это—*Хронографы* или обзоры исторіи всемірной (точнѣе, библейской, византійской, славянской и русской). *Первая редакція хронографа* была составлена въ 1512 году, преимущественно, на основаніи греческихъ источниковъ съ дополнительными свѣдѣніями по русской исторіи. Она принадлежала псковскому „старцу Филоѳею". Въ 1616—1617 году былъ составленъ *хронографъ 2-ой редакціи*. Это произведеніе интересно въ томъ отношеніи, что болѣе древнія событія изображаетъ на основаніи первой редакціи хронографа, а русскія—начиная съ XVI, XVII вѣковъ—описываетъ за-ново, самостоятельно. Авторъ его несомнѣнно обладалъ литературнымъ талантомъ и, кто хочетъ ознакомиться съ древне-русской риторикой въ ея удачныхъ образцахъ, долженъ прочитать статьи по русской исторіи въ этомъ хронографѣ. Въ XVII вѣкѣ московское общество начинаетъ проявлять особенную склонность къ хронографамъ, которые растутъ въ большомъ количествѣ. Погодинъ въ свою библіотеку собралъ ихъ до 50-ти экземпляровъ; нѣтъ сколько нибудь крупнаго собранія рукописей, гдѣ бы ихъ не считали десятками. Распространенность хронографовъ легко объяснить: краткіе по системѣ изложенія, написанные литературнымъ языкомъ, они давали русскимъ людямъ тѣ-же свѣдѣнія, что и лѣтописи, но въ болѣе удобномъ видѣ.

Кромѣ собственно лѣтописей, въ древне-русской письменности можно найти много литературныхъ произведеній, служащихъ источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древне-русская литературная письменность должна разсматриваться, какъ историческій источникъ, и часто трудно бываетъ предугадать, изъ какого литературнаго труда историкъ почерпнетъ лучшее разъясненіе интересующаго его вопроса. Такъ, напримѣръ смыслъ *сословнаго* наименованія Кіевской Руси „огнищанинъ" толкуется въ исторіографіи не только изъ памятниковъ законодательства, но и изъ древняго славянскаго текста поученій св. Григорія Богослова, въ которомъ встрѣчаемъ архаическое реченіе „огнище" въ смыслѣ „рабы", „челядь" („грѣдящеся мъногы огнищи и стады"). Переводы священныхъ книгъ, сдѣланные кн. А. М. Курбскимъ, даютъ матеріалъ для біографіи и характеристики этого знаменитаго дѣятеля XVI вѣка. Но при такомъ

значенiи всего историко-литературнаго матерiала нѣкоторые его виды имѣютъ все-таки особенный интересъ для историка; таковы *отдѣльныя сказанiя* о лицахъ и фактахъ, носящiя на себѣ характеръ то *историческiй*, то *публицистическiй*. Рядъ историческихъ сказанiй цѣликомъ занесенъ въ наши лѣтописные своды: таковы, напримѣръ, сказанiя о *крещенiи Руси, объ ослѣпленiи князя Василька, о битвѣ на Липицѣ, о Батыевомъ нашествiи, о Куликовской битвѣ* и много другихъ. Въ отдѣльныхъ спискахъ или также въ сборникахъ дошли до насъ любопытныя публицистическiя произведенiя древней Руси, которыми особенно богатъ былъ XVI вѣкъ; изъ нихъ видное мѣсто занимаетъ „Исторiя“, написанная *кн. А. М. Курбскимъ* о Грозномъ; памфлетическiя произведенiя такъ называемаго *Ивашки Пересвѣтова*, защитника правительственной системы Грознаго; „*Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа*“, бывшаго противникомъ этой системы; „*Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ*“, въ которой видятъ произведенiе боярской среды, недовольной Московскими порядками, и т. п. Рядомъ съ публицистикой въ XVI—XVII вв. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядомъ любопытныхъ повѣстей и сказанiй, принимавшихъ часто крупные внѣшнiе объемы. Такова, напримѣръ, составленная въ XVI вѣкѣ „*Исторiя о Казанскомъ царствѣ*“, излагающая исторiю Казани и паденiе ея въ 1552 году. Въ XIII томѣ „Русской исторической Библiотеки“ издана цѣлая серiя русскихъ *повѣстей о смутномъ времени*, изъ которыхъ многiя давно уже стали извѣстны изслѣдователямъ смуты. Среди десятковъ этихъ повѣстей выдаются: 1) такъ называемое *Иное сказанiе*, представляющее собою политическiй памфлетъ, вышедшiй изъ партiи Шуйскихъ въ 1606 году; 2) *Сказанiе* келаря Троице-Сергiевой Лавры *Авраамiя Палицына*, написанное въ окончательномъ видѣ въ 1620 г.; 3) *Временникъ Ивана Тимоѳеева*, очень любопытная хроника смуты; 4) *Повѣсть князя И. Мих. Катырева Ростовскаго*, отмѣченная печатью большого литературнаго таланта; 5) *Новый Лѣтописецъ*—попытка фактическаго обзора смутной эпохи и т. д. Къ болѣе поздней эпохѣ относятся сказанiя *о взятiи Азова казаками*, *описанiе Московскаго государства*, сдѣланное *Г. К. Котошихинымъ* въ 60 годахъ XVII вѣка, и, наконецъ, цѣлый рядъ записокъ русскихъ людей (*кн. С. И. Шаховскаго, Баима Болтина, А. А. Матвѣева, С. Медвѣдева, Желябужскаго* и др.) о времени Петра Великаго. Этими записками открывается безконечный рядъ *мемуаровъ* русскихъ дѣятелей, принимавшихъ участiе въ правительственной дѣятельности и общественной жизни XVIII и XIX столѣтiй. Общеизвѣстность нѣкоторыхъ мемуаровъ (Болотова, Дашковой) избавляетъ отъ необходимости перечислять виднѣйшiе изъ нихъ.

Рядомъ съ историческими сказанiями въ качествѣ историческаго источника стоятъ сказанiя *агiографическiя* или *житiя святыхъ и повѣ-*

ствованія о чудесахъ. Не только самое житіе святого даетъ иногда цѣнныя историческія показанія объ эпохѣ, въ которую жилъ и дѣйствовалъ святой, но и въ „чудесахъ“ святого, приписанныхъ къ житію, историкъ находитъ важныя указанія объ обстоятельствахъ того времени, когда совершались чудеса. Такъ, въ житіи *Стефана Сурожскаго* одно изъ повѣствованій о чудѣ святого даетъ возможность установить существованіе народа *Русь* и его дѣйствія въ Крыму ранѣе 862 года, когда, по лѣтописи, Русь была призвана въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Безыскусственная форма древнѣйшихъ житій даетъ особенную цѣнность ихъ показаніямъ, но съ XV в. вырабатываются особые пріемы писанія житій, замѣняющіе риторикой фактическую содержательность и искажающіе смыслъ факта въ угоду литературной модѣ. Житія (св. Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго), составленныя въ XV вѣкѣ *Епифаніемъ Премудрымъ,* уже страдаютъ риторикой, хотя и отмѣчены литературнымъ талантомъ и силою искренняго чувства. Больше риторики и холодной условности въ житіяхъ, составленныхъ учеными сербами, жившими на Руси въ XV в.: *митр. Кипріяномъ* и монахомъ *Пахоміемъ Логоѳетомъ.* Сочиненія ихъ создали на Руси условную форму житійнаго творчества, распространеніе которой замѣтно на житіяхъ XVI и XVII вв. Эта условная форма, подчиняя себѣ содержаніе житій, лишаетъ ихъ показанія свѣжести и точности.

Мы закончимъ перечень историческихъ источниковъ литературнаго типа, если упомянемъ о большомъ числѣ тѣхъ записокъ о Россіи, которыя были въ разные вѣка составлены иностранцами, посѣщавшими Русь. Изъ *сказаній иностранцевъ* замѣтнѣе труды: католика-монаха *Плано Карпини* (XIII вѣка), *Сигизмунда Герберштейна* (начало XVI в.), *Павла Іовія* (XVI вѣка), *Іеронима Горсея* (XVI вѣка), *Гейденштейна* (XVI в.), *Флетчера* (1591), *Маржерета* (XVII), *Конрада Буссова* (XVII в.), *Жолкѣвскаго* (XVII вѣка), *Олеарія* (XVII вѣка), *фонъ-Мейерберга* (XVII вѣка), *Гордона* (конецъ XVII вѣка), *Корба* (конецъ XVII вѣка). Для исторіи XVIII вѣка большое значеніе имѣютъ дипломатическія депеши западноевропейскихъ пословъ при русскомъ дворѣ и безконечный рядъ мемуаровъ иностранцевъ, знакомыхъ съ русскими дѣлами. На ряду съ сочиненіями иностранныхъ писателей, знавшихъ Россію, слѣдуетъ помянуть и тотъ иноземный матеріалъ, которымъ пользуются историки при изученіи первыхъ страницъ исторіи славянъ и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, напримѣръ, изучать безъ знакомства съ *арабскими писателями* (IX—X вв. и позднѣе), знавшими хозаръ, русь и, вообще народы, обитавшіе на нашей равнинѣ; одинаково необходимо пользоваться сочиненіями и *византійскихъ писателей,* хорошее знакомство съ которыми въ послѣднее время даетъ особенные результаты въ трудахъ В. Г. Васильевскаго, Ѳ. И. Успенскаго и другихъ нашихъ византини-

стовъ. Наконецъ, свѣдѣнія о славянахъ и руссахъ находятся у средневѣковыхъ писателей западно-европейскихъ и польскихъ: готскаго историка *Іорнанда* (VI вѣка), польскихъ *Мартина Галла* (XII вѣка), *Яна Длугоша* (XV вѣка) и другихъ.

Перейдемъ *къ памятникамъ юридическаго характера*, къ памятникамъ правительственной дѣятельности и гражданскаго общежитія. Этотъ матеріалъ обыкновенно зовется *актами* и *грамотами* и во множествѣ хранится въ правительственныхъ *архивахъ* (изъ которыхъ замѣчательны: въ Москвѣ—Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Архивъ Министерства Юстиціи, въ Петроградѣ—Архивы Государственный и Сенатскій, наконецъ, Архивы въ Вильнѣ, въ Витебскѣ и Кіевѣ). Чтобы освоиться съ архивнымъ матеріаломъ, слѣдуетъ его по возможности точно классифицировать, но памятниковъ юридическаго характера до насъ дошло такъ много и они такъ разнообразны, что это довольно трудно сдѣлать. Мы можемъ отмѣтить только главные виды: 1) *Государственные акты*, т. е. всѣ документы, которые касаются важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, напримѣръ, *договоры*. Памятники этого рода сохранились у насъ отъ самого начала нашей исторіи, это—замѣчательные договоры съ греками Олега и послѣдующихъ князей. Далѣе, рядъ междукняжескихъ договоровъ дошелъ до насъ отъ XIV—XVI вѣковъ. Въ этихъ договорахъ опредѣляются политическія отношенія древне-русскихъ князей. Рядомъ съ договорными грамотами надо поставить грамоты *душевныя*, т. е. духовныя завѣщанія князей. До насъ, напримѣръ, дошли два духовныхъ завѣщанія Ивана Калиты. Первое написано передъ поѣздкой въ орду, второе передъ смертью. Въ нихъ онъ дѣлитъ все имущество между сыновьями и поэтому перечисляетъ его. Такимъ образомъ, душевная грамота является подробнѣйшимъ перечнемъ земельныхъ владѣній и имущества русскихъ князей и съ этой точки зрѣнія представляетъ весьма цѣнный историческій и географическій матеріалъ. За душевными грамотами упомянемъ *грамоты избирательныя*. Первая изъ нихъ относится къ избранію Бориса Годунова на московскій престолъ (ея составленіе приписываютъ патріарху Іову); вторая, къ избранію Михаила Ѳеодоровича Романова. Наконецъ, къ государственнымъ актамъ должны быть отнесены *памятники древне-русскаго законодательства*. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести *Русскую Правду*, поскольку ее можно признавать актомъ *правительственной дѣятельности*, а не частнымъ сборникомъ. Затѣмъ, сюда же относятся *Судныя грамоты* Новгорода и Пскова, утвержденныя вѣчемъ; онѣ заключаютъ рядъ установленій по судебнымъ дѣламъ. Такимъ же характеромъ отличается и *Судебникъ Ивана III-го* 1497 года (называемый *первымъ* или *княжескимъ*). Въ 1550 году за этимъ судебникомъ послѣдовалъ второй или *царскій Судебникъ Ивана Грознаго*, болѣе полный, а черезъ 100 лѣтъ послѣ него

въ 1648—1649 годахъ было составлено *Соборное Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича, которое было сравнительно уже очень полнымъ кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права. Рядомъ съ сборниками свѣтскаго законодательства дѣйствовали въ сферѣ церковнаго суда и администраціи сборники законодательства церковнаго (*Кормчая книга или Номоканонъ* и др.); эти сборники составлены были въ Византіи, но въ теченіе вѣковъ понемногу принаравливались къ особенностямъ русской жизни. 2) Вторымъ видомъ историко-юридическаго матеріала являются *административныя грамоты*: это отдѣльныя правительственныя распоряженія, даваемыя или на частные случаи административной практики, или отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ для того, чтобы опредѣлить отношенія этихъ лицъ и общинъ къ власти. Изъ такихъ грамотъ нѣкоторыя имѣли довольно широкое содержаніе,—напримѣръ, грамоты *уставныя* и *губныя*, опредѣлявшія порядокъ самоуправленія цѣлыхъ волостей. Въ большинствѣ же это отдѣльныя распоряженія правительства по текущимъ дѣламъ. Въ Московскомъ государствѣ законодательство развивалось именно путемъ накопленія отдѣльныхъ законоположеній, изъ которыхъ каждое, возникая по поводу частнаго случая, обращалось затѣмъ въ прецедентъ для всѣхъ подобныхъ случаевъ, становилось постояннымъ закономъ. Такой казуистическій характеръ законодательства создалъ въ Москвѣ такъ называемыя *Указныя книги Приказовъ* или отдѣльныхъ вѣдомствъ,—каждое вѣдомство записывало у себя въ хронологическомъ порядкѣ царскіе указы, которые его касались, и возникала „Указная книга", становившаяся руководствомъ для всей административной или судебной практики вѣдомства. 3) Третьимъ видомъ юридическаго матеріала можно считать *челобитья*, т. е. тѣ просьбы, которыя по разнымъ дѣламъ подавались правительству. Право челобитій ничѣмъ не было стѣснено въ древней Руси до середины XVII вѣка, и законодательная дѣятельность правительства зачастую была прямымъ отвѣтомъ на челобитья; отсюда ясно большое историческое значеніе челобитій,—они не только знакомятъ съ нуждами и бытомъ населенія, по объясняютъ и направленіе законодательства. 4) На четвертомъ мѣстѣ помянемъ *грамоты частнаго гражданскаго быта*, въ которыхъ отражались личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ,—кабальныя записи, купчія и т. п. 5) Далѣе, особымъ видомъ памятниковъ можно считать *памятники судопроизводства*, въ которыхъ находимъ много данныхъ для исторіи не только суда, но и тѣхъ гражданскихъ отношеній, той реальной жизни, которыхъ касался судъ. 6) Наконецъ, особое мѣсто въ ряду источниковъ занимаютъ такъ называемыя *Приказныя книги* (одинъ видъ ихъ—Указныя книги—уже упомянутъ). Приказныхъ книгъ было много видовъ, и намъ слѣдуетъ ознакомиться только съ важнѣйшими въ историческомъ отношеніи. Любопытнѣе всѣхъ *книги писцовыя*, содержащія въ себѣ поземельную опись

уѣздовъ Московскаго государства, производившуюся съ податными цѣлями; *книги переписныя,* содержащія въ себѣ перепись людей податныхъ классовъ населенія; *книги кормленныя* и *десятни,* заключающія въ себѣ переписи придворныхъ и служилыхъ людей съ указаніями на ихъ имущественное положеніе; *книги разрядныя* (и такъ называемыя *дворцовые разряды),* въ которыхъ записывалось все, что относилось къ придворной и государственной службѣ боярства и дворянства (иначе говоря, это дневники придворной жизни и служебныхъ назначеній).

Если мы упомянемъ о матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній („наказы", т. е. инструкціи посламъ, „статейные списки", т. е. дневники переговоровъ, отчеты пословъ и т. п.), то историко-юридическіе памятники будутъ нами перечислены съ достаточною полнотою. Что касается до этого рода памятниковъ Петровской Руси, то ихъ терминологія и классификація въ XVIII вѣкѣ въ главныхъ чертахъ настолько мало рознится отъ современной намъ, что не требуетъ поясненій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предварительныя историческія свѣдѣнія.—Кіевская Русь.—Колонизація Суздальско-Владимірской Руси.—Вліяніе татарской власти на удѣльную Русь.—Удѣльный бытъ Суздальско-Владимірской Руси.—Новгородъ.—Псковъ.—Литва.—Московское княжество до середины XV вѣка.—Время великаго князя Ивана III.

Предварительныя историческія свѣдѣнія.

Древнѣйшая исторія нашей страны.

Въ настоящее время нѣтъ нужды указывать на то, что природа страны вліяетъ на бытъ народа, обусловливаетъ особенности народнаго хозяйства, налагаетъ свой отпечатокъ и на весь ходъ историческаго развитія общества. Тотъ, кто хотѣлъ бы познакомиться съ вопросомъ о вліяніи нашей страны на разселеніе, бытъ и исторію русскаго племени, найдетъ прекрасный матеріалъ въ 1-мъ томѣ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева и въ „Курсѣ русской исторіи“ проф. Ключевскаго: эти историки съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на объясненіи того значенія, какое имѣла наша равнина въ качествѣ историческаго фактора. Въ нашемъ курсѣ мы можемъ дать лишь намеки на главнѣйшія стороны вопроса. Прежде всего мы отмѣтимъ, что равнинность страны и обиліе рѣчныхъ путей, идущихъ въ разныя стороны, должны были содѣйствовать широкому разселенію славянъ, должны были облегчать и даже вызывать тотъ грандіозный процессъ колонизаціи, которымъ славянское племя осваивало громадныя пространства земель. Фактъ колонизаціи—одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ нашей исторіи, многое объясняющій историку въ сферѣ народнаго хозяйства и въ сферѣ народнаго права. Далѣе, плодородная почва страны и обиліе лѣсовъ должны были развить земледѣльческій и лѣсной промыслы, тогда какъ рѣки, вытекавшія изъ центра равнины во всѣ четыре окраинныхъ моря, должны были содѣйствовать зарожденію и развитію торговли и внутри страны, и съ сосѣдними стра-

нами. Такъ, *особенности страны предопредѣляли разнообразіе хозяйственной дѣятельности народа.*

Но, давая широкій просторъ для передвиженія жителей, содѣйствуя сложенію ихъ въ крупныя общества, природа страны, въ то же время, не охраняла эти общества отъ чуждыхъ вторженій. Ничѣмъ незащищенные со стороны Азіи наши предки не разъ дѣлались жертвами дикихъ азіатскихъ кочевниковъ и въ природѣ не имѣли вѣрнаго союзника противъ этихъ враговъ. Въ первые вѣка нашей исторіи, какъ мы знаемъ, кіевскіе князья искусственной границей, цѣпью укрѣпленій, обороняли свою землю отъ степныхъ кочевниковъ; позднѣе, Московскіе государи создали такую же искусственно укрѣпленную границу („черту", „берегъ") отъ татаръ. Такъ, рядомъ съ условіями, содѣйствующими успѣхамъ народной жизни, *страна создала и условія, противодѣйствующія этимъ успѣхамъ.*

Условія русскаго юга, благопріятныя для развитія человѣческой дѣятельности, очень рано привлекали туда разноплеменное населеніе. На всемъ пространствѣ южной Россіи находится громадное количество „древностей", то есть памятниковъ, оставшихся отъ древнѣйшаго населенія, въ видѣ отдѣльныхъ погребальныхъ насыпей (кургановъ), цѣлыхъ кладбищъ (могильниковъ), развалинъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ (городищъ), различныхъ предметовъ быта (посуды, монетъ, драгоцѣнныхъ украшеній) и т. п. Наука объ этихъ древностяхъ (археологія) успѣла опредѣлить, какимъ именно народностямъ принадлежатъ тѣ или другіе предметы древности. Древнѣйшіе изъ нихъ и самые замѣчательные суть памятники *греческіе* и *скиѳскіе.* Изъ исторіи древней Эллады извѣстно, что на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря (или Евксинскаго Понта, какъ называли его греки) возникло много греческихъ колоній, по преимуществу, на устьяхъ большихъ рѣкъ и при удобныхъ морскихъ бухтахъ. Изъ этихъ колоній наиболѣе извѣстны: Ольвія при устьѣ р. Буга, Херсонесъ (по старо-русски Корсунь) въ окрестностяхъ нынѣшняго Севастополя, Фанагорія на Таманскомъ полуостровѣ, Пантикапей на мѣстѣ нынѣшней Керчи, Танаисъ въ устьяхъ р. Дона. Колонизуя морское побережье, древніе греки обыкновенно не удалялись отъ морского берега въ глубь страны, а предпочитали привлекать туземцевъ на свои береговые рынки. На черноморскихъ берегахъ было то же самое: названные города не распространили своихъ владѣній внутрь материка, но тѣмъ не менѣе подчинили мѣстныхъ жителей своему культурному вліянію и привлекли ихъ къ оживленному торговому обмѣну. Отъ туземцевъ варваровъ, которыхъ греки называли *скиѳами,* они пріобрѣтали мѣстные продукты, главнымъ образомъ, хлѣбъ и рыбу, и отправляли въ Элладу, а взамѣнъ продавали туземцамъ предметы греческаго производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши). Торговля сблизила грековъ съ туземцами настолько, что образовались смѣшанныя,

такъ называемыя „эллино-скиѳскія“ поселенія, а въ Пантикапеѣ въ V в. до Р. Хр. возникло даже значительное государство, называемое Боспорскимъ (отъ имени пролива Боспора Киммерійскаго). Подъ властью Боспорскихъ царей то греческаго, то мѣстнаго происхожденія объединились нѣкоторые греческіе города побережья и туземныя племена, жившія у моря отъ Крыма до предгорій Кавказа.

Боспорское царство и города Херсонесъ и Ольвія достигли значительнаго процвѣтанія и оставили послѣ себя рядъ замѣчательныхъ памятниковъ. Раскопки, предпринятыя въ Керчи на мѣстѣ древняго Пантикапея, въ Херсонесѣ и Ольвіи, открыли остатки городскихъ укрѣпленій и улицъ, отдѣльныхъ жилищъ и храмовъ (языческой и позднѣйшей христіанской поры). Въ погребальныхъ склепахъ обнаружено много предметовъ греческаго искусства иногда громадной художественной цѣнности. Золотыя украшенія тончайшей работы и роскошныя вазы, добытыя этими раскопками, составляютъ единственное въ мірѣ, по художественному значенію и по количеству предметовъ, собраніе Императорскаго Эрмитажа въ Петроградѣ, расположенное въ его нижнихъ залахъ. Рядомъ съ типичными вещами аѳинской работы (напримѣръ, росписныя вазы съ рисунками на чисто-греческія темы) встрѣчаются въ этомъ собраніи предметы, сработанные греческими мастерами на мѣстный фасонъ, повидимому, по заказу мѣстныхъ „варваровъ“. Такъ, золотыя ножны, сдѣланныя для скиѳскаго меча, непохожаго на греческіе мечи, украшались чисто-греческимъ орнаментомъ по вкусу мастера-грека. Металлическія или глиняныя вазы, сдѣланныя по греческимъ образцамъ, снабжались иногда рисунками не греческаго характера, а скиѳскаго, „варварскаго“: на нихъ изображались фигуры туземцевъ и сцены изъ скиѳскаго быта. Двѣ такія вазы пользуются міровою извѣстностью. Одна изъ нихъ, золотая, вырыта изъ склепа въ курганѣ Куль-Оба около г. Керчи; другая, серебряная, оказалась въ большомъ курганѣ близъ села Никополя на нижнемъ Днѣпрѣ у рѣчки Чертомлыка. На обѣихъ вазахъ художественно представлены цѣлыя группы скиѳовъ въ ихъ національной одеждѣ и вооруженіи. Такая же серебряная ваза съ фигурами скиѳовъ была найдена недавно въ Воронежской губерніи. Въ 1913 году профессору Н. И. Веселовскому посчастливилось найти рядъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ греческаго искусства въ курганѣ Солоха на нижнемъ Днѣпрѣ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ золотому гребешку съ литыми изображеніями пѣшихъ и конныхъ воиновъ, грековъ и скиѳовъ, въ моментъ ихъ боя. Столь же замѣчательно серебряное налучье (колчанъ) съ рельефными фигурами сражающихся скиѳовъ.

Такимъ образомъ, греческое искусство служило вкусамъ мѣстныхъ „варваровъ“. Для насъ это обстоятельство важно потому, что мы получаемъ возможность непосредственно познакомиться съ внѣшнимъ видомъ

тѣхъ скиѳовъ, съ которыми имѣли дѣло греки на Черноморскомъ побережьѣ. Въ превосходно изваянныхъ или нарисованныхъ греческими мастерами фигурахъ скиѳскихъ воиновъ и наѣздниковъ мы отчетливо различаемъ черты арійскаго племени и всего скорѣе иранской его вѣтви. Изъ описаній скиѳскаго быта, оставленныхъ греческими писателями, и изъ скиѳскихъ погребеній, раскопанныхъ археологами, можно сдѣлать тотъ же выводъ. Греческій историкъ Геродотъ (V вѣкъ до Р. Хр.), разсказывая о скиѳахъ, дѣлитъ ихъ на много племенъ и различаетъ между ними кочевниковъ и земледѣльцевъ. Первыхъ онъ помѣщаетъ ближе къ морю въ степяхъ, а вторыхъ—западнѣе и сѣвернѣе—примѣрно на среднемъ теченіи Днѣпра. Земледѣліе было настолько развито у нѣкоторыхъ скиѳскихъ племенъ, что они торговали зерномъ, доставляя его въ громадномъ количествѣ въ греческіе города для отправки въ Элладу. Извѣстно напримѣръ, что Аттика получала половину необходимаго ей количества хлѣба именно отъ скиѳовъ черезъ Боспорское царство. Тѣхъ скиѳовъ, которые торговали съ греками, и тѣхъ, которые кочевали вблизи отъ моря, греки болѣе или менѣе знали, и Геродотъ даетъ о нихъ любопытныя и основательныя свѣдѣнія. Тѣ же племена, которыя жили въ глубинѣ нынѣшней Россіи, грекамъ не были извѣстны, и у Геродота мы читаемъ о нихъ баснословные разсказы, которымъ невозможно вѣрить.

Ко времени Рождества Христова вмѣсто скиѳовъ въ сосѣдствѣ греческихъ колоній въ южной Руси оказываются *сарматы*, затѣмъ *роксаланы* и *аланы*. О нихъ извѣстно очень мало; но, повидимому, всѣ эти племена принадлежали къ тому же самому иранскому корню, къ которому принадлежали и болѣе ранніе скиѳы. Уступивъ со временемъ свои мѣста другимъ племенамъ, эти иранцы удержались лишь въ Кавказскихъ горахъ, гдѣ и теперь слывутъ подъ именемъ осетинъ. На сѣверныхъ же берегахъ Чернаго моря вмѣсто нихъ утвердились со II—III вѣка по Р. Хр. германскія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *готовъ*. Они пришли съ низовьевъ Вислы, съ южнаго побережья Балтійскаго моря, овладѣли всѣмъ Черноморьемъ отъ Дуная до Дона и Кубани и держали въ страхѣ жителей восточной Римской Имперіи своими набѣгами по морю и сушѣ на Малую Азію и Балканскій полуостровъ. Въ VI столѣтіи готы сравнительно успокоились подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, проповѣданнаго у нихъ епископомъ ихъ Вульфилою (или Ульфилою). Въ то время они дѣлились на два главныхъ племени: *вестготовъ* (тервинги) на Дунаѣ и Днѣпрѣ и *остготовъ* (грейтунги) на Днѣпрѣ и на Дону. Изъ среды остготовъ вышелъ въ серединѣ IV вѣка вождь, объединившій въ одно „царство“ не только готскія племена, но и сосѣдніе съ нимъ народцы (вѣроятно, финскіе и славянскіе). Это былъ Германрихъ, при которомъ готамъ пришлось испытать нашествіе гунновъ и затѣмъ начать переселеніе на западъ.

Нашествіемъ *гунновъ* открывается рядъ послѣдовательныхъ азіатскихъ вторженій въ Россію и Европу. Монгольская орда гунновъ, постепенно придвигаясь съ востока къ Дону, въ 375 году обрушилась на остготовъ, разгромила готское королевство и увлекла съ собою готскія племена въ движеніи на западъ. Гонимые гуннами готы вступили въ предѣлы Римской имперіи а гунны, овладѣвъ Черноморьемъ и кочуя между Волгою и Дунаемъ, образовали пространное государство, въ которомъ соединилось много покоренныхъ ими племенъ. Позднѣе, въ V вѣкѣ, гунны продвинулись еще болѣе на западъ и основались въ нынѣшней Венгріи, откуда доходили въ своихъ набѣгахъ до Константинополя и до теперешней Франціи. Послѣ ихъ знаменитаго вождя Аттилы, во второй половинѣ V вѣка сила гунновъ была сломлена междоусобіями въ ихъ средѣ и возстаніями подчиненныхъ имъ европейскихъ племенъ. Гунны были отброшены на востокъ за Днѣпръ, и самое ихъ государство исчезло. Но вмѣсто гунновъ изъ Азіи въ VI вѣкѣ появилось новое монгольское племя аваровъ. Оно заняло тѣ же мѣста, на которыхъ сидѣли ранѣе гунны, и до конца VIII в. держалось въ Черноморьѣ и на Венгерской равнинѣ, угнетая покоренныя европейскія племена, пока, въ свою очередь, его не истребили германцы и славяне. Паденіе аварскаго могущества совершилось такъ быстро и рѣшительно, что у славянъ послужило предметомъ особой поговорки: русскій лѣтописецъ, называвшій аваровъ *обрами*, говоритъ, что изъ нихъ въ живыхъ не осталось ни одного, „и есть притча въ Руси и до сего дни: погибоша аки обри". Но обры погибли, а на ихъ мѣстѣ появились съ востока еще новыя орды все того же монгольскаго корня, именно—угровъ (или венгровъ) и хозаръ. Угры, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій въ южной Россіи, заняли нынѣшнюю Венгрію, а *хозары* основали обширное государство отъ Кавказскихъ горъ до Волги и до средняго Днѣпра. Однако движеніе народовъ съ востока не остановилось и послѣ образованія хозарской державы: за хозарами въ южно-русскихъ степяхъ появились новые азіатскіе народы тюрко-татарскаго племени; это были печенѣги, торки, половцы и, позднѣе *всѣхъ*, татары (въ XIII вѣкѣ).

Такъ послѣдовательно въ продолженіе почти цѣлаго тысячелѣтія южныя степи нынѣшней Россіи были предметомъ спора пришлыхъ племенъ: готы смѣнялись гуннами, гунны—аварами, авары—уграми и хозарами, хозары—печенѣгами, печенѣги—половцами, половцы—татарами. Начиная съ гунновъ, Азія посылала на Европу одно кочевое племя за другимъ. Проникая черезъ Уралъ или Кавказъ въ Черноморье, кочевники держались вблизи отъ Черноморскихъ береговъ, въ степной полосѣ удобной для кочевья и не заходили далеко на сѣверъ, въ лѣсныя пространства нынѣшней средней Россіи. Лѣса спасали здѣсь отъ окончательнаго разгрома пришлыхъ ордъ постоянное мѣстное населеніе, состоявшее главнымъ образомъ изъ славянъ и финновъ.

Русскіе славяне и ихъ сосѣди.

Что касается до славянъ, то древнѣйшимъ мѣстомъ ихъ жительства въ Европѣ были, повидимому, сѣверные склоны Карпатскихъ горъ, гдѣ славяне подъ именемъ венедовъ, антовъ и склавенъ были извѣстны еще въ римскія, готскія и гуннскія времена. Отсюда славяне разошлись въ разныя стороны: на югъ (балканскіе славяне), на западъ (чехи, моравы, поляки) и на востокъ (русскіе славяне). Восточная вѣтвь славянъ пришла на Днѣпръ вѣроятно еще въ VII вѣкѣ и, постепенно разселяясь, дошла до озера Ильменя и до верхней Оки. Изъ русскихъ славянъ вблизи Карпатъ остались *хорваты* и *волыняне* (дулѣбы, бужане). *Поляне, древляне* и *дреговичи* основались на правомъ берегу Днѣпра и на его правыхъ притокахъ. *Сѣверяне, радимичи* и *вятичи* перевалили за Днѣпръ и сѣли на его лѣвыхъ притокахъ, причемъ вятичи успѣли продвинуться даже на Оку. *Кривичи* тоже вышли изъ системы Днѣпра на сѣверъ, на верховья Волги и Зап. Двины, а ихъ отрасль *словене* заняли рѣчную систему озера Ильменя. Въ своемъ движеніи вверхъ по Днѣпру, на сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ своихъ новыхъ поселеній, славяне приходили въ непосредственную близость съ *финскими племенами* и постепенно оттѣсняли ихъ все далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ то же время на сѣверо-западѣ сосѣдями славянъ оказывались *литовскія племена*, понемногу отступавшія къ Балтійскому морю передъ напоромъ славянской колонизаціи. На восточныхъ же окраинахъ, со стороны степей, славяне, въ свою очередь, много терпѣли отъ кочевыхъ азіатскихъ пришельцевъ. Какъ мы уже знаемъ, славянъ особенно „примучили" обры (авары). Позднѣе же поляне, сѣверяне, радимичи и вятичи, жившіе восточнѣе прочихъ родичей, въ большей близости къ степямъ, были покорены *хозарами*, можно сказать, вошли въ составъ хозарской державы. Такъ опредѣлилось первоначальное сосѣдство русскихъ славянъ.

Самымъ дикимъ изъ всѣхъ сосѣдившихъ со славянами племенъ было *финское племя*, составляющее одну изъ отраслей монгольской расы. Въ предѣлахъ нынѣшней Россіи финны жили съ незапамятной поры, подчиняясь воздѣйствію какъ скиѳовъ съ сарматами, такъ позднѣе готовъ, тюрковъ, литовцевъ и славянъ. Дѣлясь на много маленькихъ народцевъ (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемисы, вотяки, зыряне и многіе другіе), финны занимали своими рѣдкими поселеніями громадныя лѣсныя пространства всего русскаго сѣвера. Разрозненные и неимѣвшіе никакого внутренняго устройства слабые финскіе народцы оставались въ первобытной дикости и простотѣ, легко поддаваясь всякому вторженію въ ихъ земли. Они быстро подчинялись болѣе культурнымъ пришельцамъ и ассимилировались съ ними, или же безъ замѣтной борьбы уступали имъ свои земли и уходили отъ нихъ на сѣверъ или востокъ. Та-

кимъ образомъ съ постепеннымъ разселеніемъ славянъ въ средней и сѣверной Россіи масса финскихъ земель переходила къ славянамъ, и въ славянское населеніе мирнымъ путемъ вливался обрусѣлый финскій элементъ. Лишь изрѣдка тамъ, гдѣ финскіе жрецы-шаманы (по старому русскому названію „волхвы“ и „кудесники“) поднимали свой народъ на борьбу, финны становились противъ русскихъ. Но эта борьба кончалась неизмѣнною побѣдою славянства, и начавшееся въ VIII—IX вѣкахъ обрусѣніе финновъ продолжалось неуклонно и продолжается еще до нашихъ дней. Одновременно со славянскимъ воздѣйствіемъ на финновъ началось сильное воздѣйствіе на нихъ со стороны тюркскаго народа *болгаръ волжскихъ* (названныхъ такъ въ отличіе отъ болгаръ дунайскихъ). Пришедшіе съ низовьевъ Волги къ устьямъ Камы кочевые болгары основались здѣсь и, не ограничиваясь кочевьями, построили города, въ которыхъ началась оживленная торговля. Арабскіе и хозарскіе купцы привозили сюда съ юга по Волгѣ свои товары (между прочимъ, серебряную утварь, блюда, чаши и проч.); здѣсь они вымѣнивали ихъ на цѣнные мѣха, доставляемые съ сѣвера Камою и верхнею Волгою. Сношенія съ арабами и хозарами распространили между болгарами магометанство и нѣкоторую образованность. Болгарскіе города (въ особенности Болгаръ или Булгаръ на самой Волгѣ) стали очень вліятельными центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Вліяніе болгарскихъ городовъ сказывалось и на русскихъ славянахъ, торговавшихъ съ болгарами, а впослѣдствіи враждовавшихъ съ ними. Въ политическомъ отношеніи волжскіе болгаре не были сильнымъ народомъ. Завися первоначально отъ хозаръ, они имѣли однако особаго хана и многихъ подчиненныхъ ему царьковъ или князей. Съ паденіемъ хозарскаго царства, болгары существовали самостоятельно, но много терпѣли отъ русскихъ набѣговъ и были окончательно разорены въ XIII вѣкѣ татарами. Ихъ потомки чуваши представляютъ теперь слабое и мало развитое племя.

Литовскія племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющія особую вѣтвь арійскаго племени, уже въ глубокой древности (во II вѣкѣ по Р. Хр.) заселяли тѣ мѣста, на которыхъ ихъ позднѣе застали славяне. Поселенія литовцевъ занимали бассейны рѣкъ Нѣмана и Зап. Двины и отъ Балтійскаго моря доходили до р. Припяти и истоковъ Днѣпра и Волги. Отступая постепенно передъ Славянами, литовцы сосредоточились по Нѣману и Зап. Двинѣ въ дремучихъ лѣсахъ ближайшей къ морю полосы и тамъ надолго сохранили свой первоначальный бытъ. Племена ихъ не были объединены, они дѣлились на отдѣльные роды и взаимно враждовали. Религія литовцевъ заключалась въ обожествленіи силъ природы (Перкунъ—богъ грома), въ почитаніи умершихъ предковъ и вообще находилась на низкомъ уровнѣ развитія. Вопреки

старымъ разсказамъ о литовскихъ жрецахъ и различныхъ святилищахъ, теперь доказано, что у литовцевъ не было ни вліятельнаго жреческаго сословія, ни торжественныхъ религіозныхъ церемоній. Каждая семья приносила жертвы богамъ и божкамъ, почитала животныхъ и священные дубы, угощала души умершихъ и занималась гаданіями. Грубый и суровый бытъ литовцевъ, ихъ бѣдность и дикость ставили ихъ ниже славянъ и заставляли литву уступать славянамъ тѣ свои земли, на которыя направлялась русская колонизація. Тамъ же, гдѣ литовцы непосредственно сосѣдили съ русскими, они замѣтно поддавались культурному ихъ вліянію.

По отношенію къ финскимъ и литовскимъ своимъ сосѣдямъ русскіе славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дѣло съ *хозарами*. Кочевое тюркское племя хозаръ прочно осѣло на Кавказѣ и въ южно-русскихъ степяхъ и стало заниматься земледѣліемъ, разведеніемъ винограда, рыболовствомъ и торговлей. Зиму хозары проводили въ городахъ, а на лѣто выселялись въ степь къ своимъ лугамъ, садамъ и полевымъ работамъ. Такъ какъ черезъ земли хозаръ пролегали торговые пути изъ Европы въ Азію, то хозарскіе города, стоявшіе на этихъ путяхъ, получили большое торговое значеніе и вліяніе. Особенно стали извѣстны столичный городъ Итиль на нижней Волгѣ и крѣпость Саркелъ (по русски Бѣлая Вѣжа) на Дону близъ Волги. Они были громадными рынками, на которыхъ торговали азіатскіе купцы съ европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христіане. Вліяніе ислама и еврейства было особенно сильно среди хозаръ; хозарскій ханъ („каганъ“ или „хаканъ“) со своимъ дворомъ исповѣдывалъ іудейскую вѣру; въ народѣ же всего болѣе было распространено магометанство, но держалась и христіанская вѣра и язычество. Такое разновѣріе вело къ вѣротерпимости и привлекло къ хозарамъ поселенцевъ изъ многихъ странъ. Когда въ VIII столѣтіи нѣкоторыя русскія племена (поляне, сѣверяне, радимичи, вятичи) были покорены хозарами, это хозарское иго не было тяжелымъ для славянъ. Оно открыло для славянъ легкій доступъ на хозарскіе рынки и втянуло русскихъ въ торговлю съ востокомъ. Многочисленные клады арабскихъ монетъ (диргемовъ), находимые въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, свидѣтельствуютъ о развитіи восточной торговли именно въ VIII и IX вѣкахъ, когда русь находилась подъ прямою хозарскою властію, а затѣмъ подъ значительнымъ хозарскимъ вліяніемъ. Позднѣе, въ X вѣкѣ, когда хозары ослабѣли отъ упорной борьбы съ новымъ кочевымъ племенемъ—печенѣгами, русскіе сами стали нападать на хозаръ и много способствовали паденію Хозарскаго государства.

Перечень сосѣдей русскихъ славянъ необходимо дополнить указаніемъ на *варяговъ*, которые не были прямыми сосѣдями славянъ, но жили

„за моремъ“ и приходили къ славянамъ „изъ-за моря“. Именемъ „варяговъ“ („варанговъ“, „верииговъ“) не только славяне, но и другіе народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманновъ, выходившихъ изъ Скандинавіи въ другія страны. Такіе выходцы стали появляться съ IX вѣка среди славянскихъ племенъ, на Волховѣ и Днѣпрѣ, на Черномъ морѣ и въ Греціи въ видѣ военныхъ или торговыхъ дружинъ. Они торговали или нанимались на русскую и византійскую военную службу, или же просто искали добычи и грабили, гдѣ могли. Трудно сказать, что именно заставляло варяговъ такъ часто покидать свою родину и бродить по чужбинѣ; въ ту эпоху вообще было очень велико выселеніе норманновъ изъ Скандинавскихъ странъ въ среднюю и даже южную Европу: они нападали на Англію, Францію, Испанію, даже Италію. Среди же русскихъ славянъ съ середины IX столѣтія варяговъ было такъ много и къ нимъ славяне такъ привыкли, что варяговъ можно назвать прямыми сожителями русскихъ славянъ. Они вмѣстѣ торговали съ греками и арабами, вмѣстѣ воевали противъ общихъ враговъ, иногда ссорились и враждовали, при чемъ то варяги подчиняли себѣ славянъ, то славяне прогоняли варяговъ „за море“ на ихъ родину. При тѣсномъ общеніи славянъ съ варягами можно было бы ожидать большаго вліянія варяговъ на славянскій бытъ. Но такого вліянія вообще не замѣтно— знакъ, что въ культурномъ отношеніи варяги не были выше славянскаго населенія той эпохи.

Первоначальный бытъ русскихъ славянъ.

Мы познакомились съ тѣми извѣстіями о славянахъ, которыя позволяютъ намъ сказать, что русскіе до начала самобытнаго политическаго существованія имѣли нѣсколько вѣковъ примитивной жизни. Древніе писатели византійскіе (Прокопій и Маврикій) и германскіе (готъ Іорнандъ) раскрываютъ намъ и черты первоначальнаго быта славянъ, съ которыми интересно познакомиться, чтобы уяснить себѣ, въ какомъ положеніи, на какой степени общественнаго развитія застаетъ славянъ исторія? Прійдя въ предѣлы топерешней Россіи, въ Поднѣпровье, славяне не нашли здѣсь такой культуры и цивилизаціи, какъ германскія племена, вторгшіяся въ Западно-Римскую имперію. Послѣднія сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы; славяне же предстаютъ передъ нами въ достаточной чистотѣ примитивнаго быта. Объ этомъ бытѣ еще въ XVIII вѣкѣ сложились два воззрѣнія. Представителемъ перваго былъ извѣстный *Шлецеръ*; другая же теорія получила окончательное развитіе въ „Исторіи русской жизни“ недавно умершаго ученаго *И. Е. Забѣлина*. Шлецеръ представлялъ себѣ первоначальный бытъ славянъ не выше быта дикарей ирокезцевъ. Еще лѣтописецъ

говорилъ, что славяне „живяху звѣриньскимъ образомъ“; такъ думалъ и Шлецеръ. Первыя сѣмена гражданственности и культуры, по его мнѣнію, были брошены варягами, которые вызвали славянъ за собою на историческую арену. Это взглядъ, очевидно, крайній. Забѣлинъ же („Исторія русской жизни“, 2 тома, М. 1876—1879) рисуетъ намъ бытъ славянъ русскихъ въ IX—X вв. очень сложнымъ и высоко развитымъ и впадаетъ поэтому въ иную крайность. Отрѣшимся отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и разсмотримъ, какія несомнѣнныя данныя для выясненія этого вопроса можемъ мы найти у древнихъ источниковъ.

Прежде всего—славяне народъ не кочевой, а осѣдлый. Уже Тацитъ, который сближаетъ ихъ съ сарматами, отмѣчаетъ, что они были дикимъ народомъ, но отличались отъ сарматовъ тѣмъ, что жили осѣдло и строили дома. Осѣдлость славянъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что главный капиталъ ихъ состоялъ не въ стадахъ и табунахъ, а въ землѣ, и хозяйство было основано на эксплоатаціи земли. Но эта осѣдлость была не прочна, такъ какъ, истощивъ пашню на одномъ мѣстѣ, славяне легко покидали свое жилище и искали другого. Такимъ образомъ, поселки славянъ имѣли первоначально очень подвижной характеръ. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ и греческіе писатели и лѣтописецъ, который говоритъ о древлянахъ и вятичахъ такъ, что можно понять, что они только-что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словамъ лѣтописца, „живяху звѣриньскимъ образомъ“, уже ко времени лѣтописца „дѣлаютъ нивы своя и земля своя“. Области, въ которыхъ приходилось жить и пахать славянамъ, были лѣсныя, поэтому рядомъ съ земледѣліемъ возникла и эксплоатація лѣсовъ, развиты лѣсные промыслы, бортничество и охота съ цѣлью промышленною. Воскъ, медъ и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Русь на Дунаѣ. Святославъ, напримѣръ, желая остаться на Дунаѣ, говоритъ: „хочу жити въ Переяславцѣ на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся“,—и далѣе онъ перечисляетъ, что привозятъ туда изъ Греціи и Рима, а о Руси говоритъ: „изъ Руси же скора и медъ, воскъ и челядь“. Охота на пушного звѣря составляла одинъ изъ основныхъ промысловъ славянъ, точно такъ же, какъ издѣлія изъ дерева (лодки и т. п.).

Въ оборотъ хозяйственной жизни славянъ издавна входила и торговля. На пространствѣ отъ южнаго побережья Балтійскаго моря до Урала и Волги находятъ клады съ арабскими (куфическими) монетами, относящимися къ VIII, даже и къ VII вѣку. Если принять во вниманіе, что у арабовъ былъ обычай при каждомъ халифѣ перечеканивать монеты, то можно приблизительно точно опредѣлить время, по крайней мѣрѣ, вѣкъ, въ которомъ зарытъ кладъ. На основаніи этого и дѣлаютъ выводъ, что въ VIII, IX и X вѣкахъ тѣ народы, которые жили на Руси,

вели торговлю съ арабами. Эти археологическія предположенія совпадають съ разсказами арабскихъ писателей, которые передаютъ намъ, что арабы торговали въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и, между прочимъ, съ народомъ Россъ. Велась торговля, вѣроятно, рѣчными путями, по крайней мѣрѣ, клады своимъ мѣстонахожденіемъ намекаютъ на это. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить, напр., по тому, что у Великихъ Лукъ и недавно у Твери найдены клады въ нѣсколько тысячъ рублей. Возможность зарыть въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ, что торговля велась большими капиталами. Въ торговлѣ съ Востокомъ для славянъ, какъ мы уже видѣли, большое значеніе имѣли хозары, открывшіе имъ безопасный путь къ Каспійскому морю. Подъ покровительствомъ этихъ же хозаръ славяне проникли и въ Азію. Это было одно направленіе торговли славянъ-русскихъ. Второе вело въ Грецію на югъ. Древній договоръ Олега съ греками показываетъ, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что въ X вѣкѣ сложились уже опредѣленныя формы и традиціи торговыхъ сношеній. Указываютъ и еще на торговый путь, который шелъ изъ Руси въ Западную Европу. Профессоръ Васильевскій, основываясь на хорошихъ данныхъ, говоритъ, что славяне въ глубокой древности подъ именемъ „руговъ" постоянно торговали на верхнемъ Дунаѣ. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ отъ древнѣйшей поры, показываютъ, что рядомъ съ земледѣліемъ славяне занимались и торговлею; а при такомъ условіи мы можемъ предположить у славянъ раннее существованіе городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ. Этотъ выводъ—выводъ несомнѣнный—проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя явленія древней кіевской жизни. Хотя Іорнандъ и утверждалъ, что у славянъ не было городовъ, тѣмъ не менѣе, съ перваго же времени исторической жизни славянъ мы видимъ у нихъ признаки развитія городской жизни. Скандинавскія саги, знакомыя съ Русью, зовутъ ее „Гардарикъ", т. е. страна городовъ. Лѣтопись уже не помнитъ времени возникновенія на Руси многихъ городовъ: они были „изначала". Главнѣйшіе города древней Руси (Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ) всѣ расположены на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ и имѣли значеніе именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вотъ тѣ несомнѣнныя данныя о первоначальномъ бытѣ славянъ, которыя показываютъ, что послѣдніе были далеко не дикимъ народомъ, что лѣтописецъ впалъ въ неточность, говоря, что въ большинствѣ своемъ они „живяху звѣриньскимъ образомъ"; но, съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакой возможности доказать, что этотъ бытъ достигалъ высокихъ степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацію имѣли славяне? Разрѣшеніе этого вопроса вводитъ насъ въ интересную полемику.

Бытъ славянъ вначалѣ былъ несомнѣнно *племенной*. На первыхъ страницахъ лѣтописецъ постоянно называетъ ихъ по племенамъ; но, читая лѣтопись далѣе, мы видимъ, что имена полянъ, древлянъ, вятичей и т. п. постепенно исчезаютъ и замѣняются разсказами о волостяхъ: „Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся *власти* (то есть *волости*), якоже на думу, на вѣча сходятся“,—говоритъ лѣтописецъ и подъ именемъ этихъ «властей» разумѣетъ не членовъ какого-либо племени, а жителей городовъ и волостей. Такимъ образомъ, бытъ племенной, очевидно, перешелъ въ бытъ волостной. Это не подлежитъ сомнѣнію, нужно только понять, какое общественное устройство дѣйствовало внутри крупныхъ племенъ и волостей. Изъ какихъ мелкихъ союзовъ состояли сперва племена, а затѣмъ волости? Какая связь скрѣпляла людей: родовая, или сосѣдственная, территоріальная? Дерптскій профессоръ *Эверсъ* въ 1826 году издалъ книгу „*Das aelteste Recht der Russen*“, въ которой впервые попробовалъ дать научный отвѣтъ на эти вопросы (его книга переведена и на русскій языкъ). Во 1-хъ, онъ отмѣчаетъ у славянъ фактъ *общаго* владѣнія при отсутствіи личной собственности; во 2-хъ, въ лѣтописи постоянно упоминается о родѣ: „живяху *родомъ*“, „возста *родъ* на *родъ*“. Святославъ „имаше за убіенные глаголя: яко *родъ* его возьметъ“; и, въ 3-хъ, „Русская Правда“ умалчиваетъ о личной поземельной собственности. На основаніи этихъ данныхъ и возникла теорія, по которой славяне, на первыхъ ступеняхъ жизни, жили родомъ, по образцу рода римскаго, т. е. жили обществами, построенными на родовыхъ началахъ; во главѣ рода стояла власть родовладыки—авторитетъ патріархальный. Со смертью родовладыки родовая собственность не дѣлилась, а движимое и недвижимое имущество все находилось во владѣніи рода. Родовой бытъ, дѣйствительно, исключалъ возможность личнаго владѣнія. Теорія Эверса была принята нашею „школою родового быта“: *Соловьевъ* и *Кавелинъ* развили ее и перенесли въ сферу политической исторіи. Но когда родовая теорія легла въ основаніе всей нашей исторіи, она встрѣтила безпощаднаго критика въ лицѣ извѣстнаго славянофила *К. С. Аксакова*, выступившаго со статьею „О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности“, и историковъ-юристовъ *Бѣляева* и *Лешкова*. Они утверждаютъ, что слово „родъ“ въ лѣтописи употребляется не какъ римское „*genus*“, что оно имѣетъ нѣсколько значеній, такъ какъ иногда подъ нимъ подразумѣвается семья (въ сказаніяхъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ), иногда родъ (въ призваніи князей); стало быть народъ, а съ нимъ и лѣтописецъ, подъ этимъ словомъ понимали различныя вещи. Общее же владѣніе и отсутствіе личнаго землевладѣнія могутъ доказывать не родовыя формы быта, а общинную организацію. Подъ ударами критики родовое ученіе потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой бытъ существовалъ лишь во

времена глубокой древности, быть можетъ, доисторическія, а затѣмъ замѣнился общиннымъ. Ученіе объ общинѣ было развито Аксаковымъ и Бѣляевымъ. По ихъ мнѣнію, славяне жили общиною, не на основаніи физіологическихъ, кровныхъ началъ, а въ силу совмѣстнаго жительства на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и единства хозяйственныхъ, матеріальныхъ интересовъ. Общины управлялись властью избранныхъ старшинъ, такъ называемымъ *вѣчемъ*. Мелкія общины или *верви* сливались въ *волости*, которыя уже были общинами политическими. Въ первоначальныхъ разсужденіяхъ объ общинѣ было много неопредѣленнаго. Гораздо удачнѣе, конкретнѣе поставилъ вопросъ о первоначальномъ бытѣ славянъ профессоръ *Леонтовичъ* (его поддержалъ *Бестужевъ-Рюминъ*). Взгляды Леонтовича извѣстны подъ названіемъ теоріи *задружно-общиннаго быта*. По этой теоріи родственныя славянскія семьи не принимали строгой родовой организаціи, но жили, не забывая своего физическаго родства, уже на началахъ территоріальныхъ, сосѣдственныхъ. Образцомъ подобнаго рода общинъ была сербская задруга. Въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ (г-жи А. Я. Ефименко и др.) указано было на *существованіе своеобразныхъ общинъ архаическаго склада и у русскихъ людей* въ историческое уже время. Эти труды окончательно позволяютъ утверждать, что у славянъ на первой стадіи исторической жизни существовалъ своеобразный общинный, а не родовой бытъ.

Если же славяне не держались исключительно кровнаго быта и легко соединялись въ общины по интересамъ хозяйственнымъ, то можно объяснить, какъ и почему племенной бытъ скоро распался и замѣнился волостнымъ. Въ первое время своей жизни на Ильменѣ и Днѣпрѣ наши предки жили „каждый своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ“. Родовые старѣйшины, по этому опредѣленію лѣтописца, имѣли большую власть въ своемъ родѣ; а сойдясь вмѣстѣ на совѣтъ (*вѣче*), они рѣшали дѣла за все свое племя. Но такъ бывало только въ особо важныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ минуты общей опасности, грозившей всему племени. Съ теченіемъ же времени, когда племена и роды разселились на большихъ пространствахъ, не только ослабѣла связь между родами, но распадались и самые роды, подѣлившись на самостоятельныя семьи. Каждая отдѣльная семья на просторѣ заводила свою особую пашню, имѣла свои особые покосы, особо охотилась и промышляла въ лѣсахъ. Общая родовая собственность переставала существовать, когда расходились семьи, составлявшія родъ. Она замѣнялась собственностью семейною. Точно также переставала дѣйствовать и власть родовладыки: онъ не могъ управлять сразу всѣми хозяйствами родичей, потому что эти хозяйства были разбросаны на большихъ разстояніяхъ. Власть родовладыки переходила къ отцу каждой отдѣльной семьи, къ домовладыкѣ. Съ распаденіемъ родовыхъ связей родичи пере-

стали чувствовать свое взаимное родство и въ случаѣ нужды соединялись для общихъ дѣлъ уже не по родству, а по сосѣдству. На общій совѣтъ (*вѣче*) сходились домохозяева извѣстной округи, и родные другъ другу и неродные одинаково. Соединенные однимъ какимъ нибудь общимъ интересомъ, они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для веденія общихъ дѣлъ выборныхъ старѣйшинъ. Такъ древнѣйшее родовое устройство замѣнялось постепенно общиннымъ, при чемъ въ составъ общинъ могли входить семьи, принадлежащія не только къ разнымъ родамъ, но даже къ разнымъ племенамъ. Такъ бывало въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосѣдили другъ съ другомъ различныя племена, или же въ тѣхъ мѣстахъ, куда одновременно шла колонизація отъ нѣсколькихъ племенъ (напримѣръ, въ верхнемъ Поволжьѣ, которое заселялось и отъ кривичей и отъ вятичей).

Съ развитіемъ по русскимъ рѣкамъ торговаго движенія къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ въ землѣ славянъ стали возникать большіе города. Такими были: Кіевъ—у полянъ, Черниговъ—у сѣверянъ, Любечъ—у радимичей, Смоленскъ и Полоцкъ—у кривичей, Новгородъ у ильменскихъ славянъ и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцовъ и складочными мѣстами для товаровъ. Въ нихъ встрѣчались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, съ русскими промышленниками и торговцами; происходилъ торгъ, составлялись торговые караваны и направлялись по торговымъ путямъ на хозарскіе и греческіе рынки. Охрана товаровъ въ складахъ и на путяхъ требовала вооруженной силы, поэтому въ городахъ образовались военныя *дружины* или товарищества, въ составъ которыхъ входили свободные и сильные люди (витязи) разныхъ народностей, всего чаще варяги. Во главѣ такихъ дружинъ стояли обыкновенно варяжскіе предводители—*конунги* (по славянски конунгъ — кънѧзь). Они или сами торговали, охраняя оружіемъ свои товары, или нанимались на службу въ городахъ и оберегали города и городскіе торговые караваны, или же, наконецъ, конунги захватывали власть въ городахъ и становились городскими владѣтельными *князьями*. А такъ какъ городу обыкновенно подчинялась окружавшая его волость, то въ такомъ случаѣ образовывалось цѣлое княжество, болѣе или менѣе значительное по своему пространству. Такія варяжскія княжества были основаны, напримѣръ, Аскольдомъ и Диромъ въ Кіевѣ, Рюрикомъ въ Новгородѣ, Рогволодомъ въ Полоцкѣ. Иногда княжеская власть возникала у славянскихъ племенъ и независимо отъ варяжскихъ конунговъ: такъ, у древлянъ былъ свой мѣстный князь, по имени Малъ („бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску“, говоритъ современникъ).

Появленіе городовъ, а съ ними торговыхъ иноземцевъ и военныхъ дружинъ на Руси колебало старый племенной бытъ русскихъ племенъ еще больше, чѣмъ разселеніе на новыхъ мѣстахъ. Люди, собиравшіеся

въ города изъ разныхъ мѣстъ, выходили изъ своихъ родовыхъ союзовъ и соединялись по своимъ дѣламъ и занятіямъ въ иныя сообщества: становились воинами-дружинниками, вступали въ торговыя компаніи, обращались въ городскихъ промышленниковъ. Вмѣсто патріархальнаго соединенія родичей нарождались общественные классы въ нашемъ смыслѣ слова: людей военныхъ, торговыхъ, промышленныхъ, которые зависѣли уже не отъ родовладыкъ, а отъ городскихъ властей—князей и хозяевъ. И тѣ люди, которые оставались въ волостяхъ на своихъ пашняхъ и лѣсныхъ угодьяхъ, тоже чувствовали на себѣ вліяніе городовъ съ ихъ торговлею и промыслами. Въ прежнее патріархальное время каждый родъ и даже каждая семья, жившая особымъ дворомъ, имѣла свое обособленное хозяйство. Каждый для себя пахалъ землю и охотился, самъ себя обстраивалъ своимъ лѣсомъ, одѣвался и обувался въ ткани и кожи своего собственнаго издѣлія; каждый самъ для себя изготовлялъ всѣ необходимыя орудія. Со стороны ничего не покупалось и на сторону ничего не продавалось. Запасалось и готовилось въ прокъ только то, что необходимо было для своей семьи или рода. Такое хозяйство, независимое отъ другихъ и не знающее торговаго обмѣна продуктовъ, называется „натуральнымъ". Когда на Руси развилась торговля и выросли города, на городскіе рынки сталъ требоваться товаръ, всего болѣе медъ, воскъ и мѣха, бывшіе главными предметами русскаго вывоза. Эти предметы добывались въ лѣсахъ деревенскимъ людомъ. Подъ вліяніемъ спроса изъ городовъ ихъ стали добывать уже не только для себя, но и на продажу: изъ предмета домашняго потребленія ихъ обратили въ товаръ и мѣняли на другія цѣнности или продавали на деньги, которыхъ раньше не знали. Тамъ, гдѣ прежде все производили сами для себя и сами же все потребляли, понемногу начали многое покупать со стороны и запасать товары для продажи, или копить доходы за проданные товары, иначе говоря образовывали капиталы. Вмѣсто натуральнаго хозяйства начиналось денежное.

Такъ постепенно измѣнялся типъ жизни нашихъ предковъ. Изъ патріархальнаго родового и племенного быта славяне понемногу переходили къ общинному устройству и соединялись подъ вліяніемъ главныхъ „старѣйшихъ" городовъ въ волости или княжества, въ которыхъ объединяли людей уже не родственныя отношенія, а гражданскія и государственныя. Съ теченіемъ времени отдѣльныя городскія и племенныя волости и княжества собрались вмѣстѣ и объединились подъ одною государственною властью. Тогда началось единое Русское государство; но оно вначалѣ не отличалось внутреннею сплоченностью и однородностью. Когда знаменитый князь Олегъ бралъ дань на грекахъ, то бралъ ее не только для себя, но и на города: „по тѣмъ бо городомъ *сѣдяху велиціи князи*, подъ Олгомъ суще". Кіевскій князь еще терпѣлъ другихъ, себѣ подобныхъ.

Кіевская Русь.

Образованіе Кіевскаго княжества.

Вопросъ объ образованіи одного на Руси великаго княженія (Кіевскаго) приводитъ насъ къ вопросу о варягахъ-руси, которымъ приписывается водвореніе на Руси политическаго единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покорившіе сперва Новгородъ, а затѣмъ и Кіевъ? Вопросъ этотъ возникъ въ русской исторіографіи уже давно, но изслѣдованія за 150 лѣтъ настолько осложнили его, что и теперь разрѣшать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двухъ мѣстахъ лѣтописи, мѣстахъ важныхъ, которыя, въ сущности, и породили варяжскій вопросъ: 1) лѣтописецъ, перечисляя племена, жившія по берегамъ Балтійскаго моря, говоритъ: „По сему же морю Варяжскому (т. е. Балтійскому) сѣдятъ Варязи“... „и то Варязи: Свеи, Урмане (норвежцы), Готѣ, Русь, Англяне“. Все это сѣверо-германскія племена, и варяги поставлены среди нихъ, какъ ихъ родовое имя среди видовыхъ названій. 2) Далѣе въ разсказѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: „Идоша за море къ варягамъ-руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свеи, друзіи же Англяне, Урмяне, друзіи Готѣ тако и си“. Такимъ образомъ, по словамъ лѣтописи, изъ варяговъ одни назывались русью, другіе англянами, урманами и т. д.; лѣтописецъ, очевидно, думаетъ, что русь есть одно изъ многихъ варяжскихъ племенъ. На основаніи этихъ и другихъ показаній лѣтописей ученые стали искать болѣе точныхъ свѣдѣній и увидали, что варяговъ зналъ не только нашъ лѣтописецъ, но и греки. Слово „варягъ“ писалось съ юсомъ и, стало-быть, произносилось какъ „варенгъ“. Такое слово встрѣчается и у греческихъ писателей и служитъ совершенно опредѣленнымъ понятіемъ—у грековъ подъ именемъ *Βάραγγοι* (варанги) разумѣлись наемныя дружины сѣверныхъ людей, норманновъ, служившихъ въ Византіи. Съ тѣмъ же значеніемъ сѣверныхъ дружинъ встрѣчается слово *Waeringer* (варанги) и въ скандинавскихъ сагахъ; арабскіе писатели также знаютъ варанговъ, какъ норманновъ. Слѣдовательно „варанги“ представляютъ собою нѣчто вполнѣ опредѣленное въ смыслѣ этнографическомъ,—дружину норманскаго происхожденія. Въ послѣднее время удалось, какъ кажется, опредѣлить точно и родину варяговъ, т. е. страну Варангію, благодаря одному извѣстію, найденному и напечатанному профессоромъ Васильевскимъ въ его статьѣ: „Совѣты и отвѣты Византійскаго боярина XI вѣка“. Этотъ византійскій бояринъ, пересказывая извѣстную скандинавскую сагу о Гаральдѣ, прямо

называетъ Гаральда сыномъ короля Варангіи, а извѣстно, что Гаральдъ былъ изъ Норвегіи. Такъ отождествляются Норвегія и Варангія, норвежцы и варяги. Этотъ выводъ очень важенъ въ томъ отношеніи, что раньше была тенденція толковать слово варяги, какъ техническое названіе бродячаго наемнаго войска (варягъ—врагъ—хищникъ—бродячій); на основаніи такого пониманія Соловьевъ нашелъ возможнымъ утверждать, что варяги не представляли отдѣльнаго племени, а только сбродную дружину и не могли имѣть племенного вліянія на славянъ.

Итакъ варяги—норманны. Но этотъ выводъ еще не рѣшаетъ такъ называемаго „варяго-русскаго“ вопроса, потому что не говоритъ намъ, кто назывался именемъ *русь*. Лѣтописецъ отождествилъ варяговъ и русь; теперь же ученые ихъ различаютъ и для этого имѣютъ свои основанія. У иностранныхъ писателей *русь* не смѣшивается съ варягами и дѣлается извѣстной раньше варяговъ. Древніе арабскіе писатели не разъ говорятъ о народѣ *русь* и жилища его помѣщаютъ у Чернаго моря, на побережьѣ котораго указываютъ и городъ *Русію*. Въ сосѣдствѣ съ печенѣгами помѣщаютъ *русь* въ Черноморьѣ и нѣкоторые греческіе писатели (Константинъ Багрянородный и Зонара). Два греческихъ житія (Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго), разработанныя В. Г. Васильевскимъ, удостовѣряютъ присутствіе народа *русь* на Черномъ морѣ въ началѣ IX вѣка, стало быть, ранѣе призванія варяговъ въ Новгородъ. Рядъ другихъ извѣстій также свидѣтельствуетъ о томъ, что варяги и русь дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя руси принадлежало не варягамъ, а славянамъ и всегда обозначало то же, что оно значило въ XII вѣкѣ, т. е. *Кіевскую область* съ ея населеніемъ. Такъ и склоненъ рѣшать дѣло Д. П. Иловайскій. Есть, однако, извѣстія, по которымъ считать *русь* славянскимъ племеннымъ названіемъ нельзя.

Первые изъ этихъ извѣстій—Бертинскія лѣтописи, составлявшіяся въ монархіи Карла Великаго. Въ нихъ говорится, что въ 839 году цареградскій императоръ Θеофилъ отправилъ пословъ къ Людовику Благочестивому, а съ ними людей: „Rhos vocari dicebant“—т. е. людей, назвавшихъ себя россами и посланныхъ въ Византію ихъ царемъ, называемымъ Хаканомъ („rex illorum Chacanus vocabulo“). Людовикъ спросилъ у нихъ о цѣли ихъ прихода; они отвѣчали, что желаютъ вернуться къ себѣ на родину черезъ его, Людовика, землю. Людовикъ заподозрилъ ихъ въ шпіонствѣ и сталъ разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежатъ къ шведскому племени (eos gentis esse Sueonum). Такимъ образомъ въ 839 году русь относятъ къ шведскому племени, чему въ то же время какъ будто противорѣчитъ имя ихъ царя—„Chacanus“—Хаканъ, вызвавшее много различныхъ толкованій. Подъ этимъ именемъ одни разумѣютъ германское, скандинавское имя „Гаконъ“, другіе же прямо пере-

водятъ это „Chacanus“ словомъ „каганъ“, разумѣя здѣсь хозарскаго хана, который назывался титуломъ „каганъ“. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей сбиваетъ до сихъ поръ всѣ теоріи. Не лучше и слѣдующее извѣстіе: писатель X-го вѣка *Лiутпрандъ Кремонскiй* говоритъ, что „греки зовутъ Russos тотъ народъ, который мы зовемъ Nordmannos—по мѣсту жительства (a positione loci)“ и тутъ же перечисляетъ народы „печенѣги, хозары, руссы, которыхъ мы зовемъ норманнами“. Очевидно авторъ запутался: вначалѣ онъ говоритъ, что русь—это норманны потому, что они живутъ на сѣверѣ, а вслѣдъ за тѣмъ помѣщаетъ ихъ съ печенѣгами и хозарами на югѣ Россіи.

Такимъ образомъ, опредѣляя варяговъ, какъ скандинавовъ, мы не можемъ опредѣлить руси. По однимъ извѣстіямъ, русь—тѣ же скандинавы, по другимъ—русь живетъ у Чернаго, а не у Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ хозарами и печенѣгами. Самый надежный матеріалъ для опредѣленія національности *руси*—остатки ея языка—очень скуденъ. Но на немъ-то главнымъ образомъ и держится такъ называемая норманнская школа. Она указываетъ, что собственныя имена князей руси—норманнскія,—Рюрикъ (Hrurikr), Аскольдъ (Осколдъ, Höskuldr), Труворъ (Труваръ, Торвардъ), Игорь (Ингваръ), Олегъ, Ольга (Helgi, Helga; у Константина Багрянороднаго наша Ольга называется Ἔλγα), Рогволодъ (Рагнвальдъ); всѣ эти слова звучатъ по-германски. Названіе Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго (въ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“) приведены *по-русски* и *по-славянски;* имена *русскія* звучатъ не по славянски и объясняются изъ германскихъ корней (Юссупи, Ульворси, Геландри, Ейфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ); напротивъ, тѣ имена, которыя Константинъ Багрянородный называетъ славянскими, дѣйствительно славянскія (Островунипрахъ, Неясить, Вулнипрахъ, Веруци, Напрези). Въ послѣднее время нѣкоторые представители норманнской школы, настаивая на различіи руси и славянъ, ищутъ Руси не на скандинавскомъ сѣверѣ, а въ остаткахъ тѣхъ германскихъ племенъ, которыя жили въ первые вѣка нашей эры у Чернаго моря; такъ, профессоръ Будиловичъ находитъ возможнымъ настаивать на готскомъ происхожденіи Руси, а самое слово Русь или Росъ производитъ отъ названія готскаго племени Hroth (произносится „росъ“). Цѣнныя изслѣдованія Васильевскаго давно шли въ томъ же направленіи и отъ ихъ продолжателей можно ждать большихъ результатовъ.

Къ норманнской школѣ примыкаетъ и оригинальное мнѣніе А. А. Шахматова: „Русь—это тѣ же норманны, тѣ же скандинавы; русь—это древнѣйшій слой варяговъ, первые выходцы изъ Скандинавіи, осѣвшіе на югѣ Россіи раньше, чѣмъ потомки ихъ стали осѣдать на менѣе привлекательномъ лѣсистомъ и болотистомъ славянскомъ сѣверѣ“. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, всего правильнѣе будетъ представлять дѣло такъ,

что русью звали въ древности не отдѣльное варяжское племя, ибо такого не было, а варяжскія дружины вообще. Какъ славянское названіе *сумь* означало тѣхъ финновъ, которые сами себя звали suomi, такъ у славянъ названіе *русь* означало прежде всего тѣхъ заморскихъ варяговъ—скандинавовъ, которыхъ финны звали ruotsi. Это названіе *русь* ходило среди славянъ одинаково съ названіемъ *варягъ*, чѣмъ и объясняется ихъ соединеніе и смѣшеніе у лѣтописца. Имя *русь* переходило и на славянскія дружины, дѣйствовавшія вмѣстѣ съ варяжскою русью, и мало по малу закрѣпилось за славянскимъ Поднѣпровьемъ.

Въ такомъ состояніи находится нынѣ варяго-русскій вопросъ (Доступнѣйшее его изложеніе въ трудѣ датскаго ученаго *Вильгельма Томсена*, русскій переводъ котораго „Начало русскаго государства" изданъ отдѣльною книгою и въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей" за 1891 годъ, книга I). Наиболѣе авторитетныя силы нашей научной среды всѣ держатся воззрѣній той норманской школы, которая основана еще въ XVIII вѣкѣ Байеромъ и совершенствовалась въ трудахъ позднѣйшихъ ученыхъ (Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевскаго). Рядомъ съ ученіемъ, господствующимъ давно, существовали и другія, изъ которыхъ большую пользу для дѣла принесла такъ называемая *славянская школа*. Представители ея, начиная съ Ломоносова, продолжая Венелинымъ и Морошкинымъ, далѣе Гедеоновымъ и, наконецъ, Иловайскимъ, пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая доводы школы норманской, эта славянская школа заставила не разъ пересматривать вопросъ и привлекать къ дѣлу новые матеріалы. Книга Гедеонова „Варяги и Русь" (два тома: Пгд., 1876) заставила многихъ норманнистовъ отказаться отъ смѣшенія варяговъ и Руси и тѣмъ самымъ сослужила большую службу дѣлу. Что касается до иныхъ точекъ зрѣнія на разбираемый вопросъ, то о существованіи ихъ можно упомянуть лишь для полноты обзора (*Костомаровъ* одно время настаивалъ на литовскомъ происхожденіи руси, *Щегловъ*—на происхожденіи финскомъ).

Знать положеніе варяго-русскаго вопроса для насъ важно въ одномъ отношеніи. Даже не рѣшая вопроса, къ какому племени принадлежали первые русскіе князья съ ихъ дружиною, мы должны признать, что частыя извѣстія лѣтописи о варягахъ на руси указываютъ на сожительство славянъ съ людьми чуждыхъ, именно германскихъ племенъ. Каковы же были отношенія между ними, и сильно ли было вліяніе варяговъ на жизнь нашихъ предковъ? Вопросъ этотъ не разъ поднимался, и въ настоящее время можетъ считаться рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, *что варяги не повліяли на основныя формы общественнаго быта нашихъ предковъ-славянъ*. Водвореніе варяжскихъ князей въ Новгородѣ, затѣмъ въ Кіевѣ не принесло съ собою ощутительнаго чуждаго вліянія на жизнь

славянъ, и сами пришельцы, князья и ихъ дружины, подверглись на Руси быстрой славянизаціи.

Итакъ, вопросъ о началѣ государства на Руси, связанный съ вопросомъ о появленіи чуждыхъ князей, вызвалъ рядъ изысканій, не позволяющихъ вполнѣ вѣрить той лѣтописной легендѣ, которая повѣствуетъ о новгородцахъ, что они, наскучивъ внутренними раздорами и неурядицами, послали за море къ варягамъ-руси съ знаменитымъ приглашеніемъ: „земля наша велика и обилна, а наряда (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: нарядникъ) въ ней нѣту, да поидѣте къняжить и владѣтъ нами"; и пришелъ къ нимъ Рюрикъ и два его брата „съ роды своими", „пояша по себѣ всю русь". Эпическій характеръ этого разсказа ясенъ изъ сравненія съ другими подобными: извѣстно сказаніе англійскаго лѣтописца Видукинда о такомъ же точно призваніи бриттами англосаксовъ, при чемъ и свою землю бритты хвалили тѣми же словами, какъ новгородцы свою: „terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam".

Сквозь красивый туманъ народнаго сказанія историческая дѣйствительность становится видна лишь со времени новгородскаго правителя или князя *Олега* (879—912), который, перейдя съ Ильменя (882) на Днѣпръ, покорилъ Смоленскъ, Любечъ и, основавшись въ Кіевѣ на житье, сдѣлалъ его столицею своего княжества, говоря, что Кіевъ будетъ „матерью городовъ русскихъ". Олегу удалось объединить въ своихъ рукахъ всѣ главнѣйшіе города по великому водному пути. Это была его первая цѣль. Изъ Кіева онъ продолжалъ свою объединительную дѣятельность: ходилъ на древлянъ, затѣмъ на сѣверянъ и покорилъ ихъ, далѣе подчинилъ себѣ радимичей. Подъ его рукою собрались, такимъ образомъ, всѣ главнѣйшія племена русскихъ славянъ, кромѣ окраинныхъ, и всѣ важнѣйшіе русскіе города. Кіевъ сталъ средоточіемъ большого государства и освободилъ русскія племена отъ хозарской зависимости. Сбросивъ хозарское иго, Олегъ старался укрѣпить свою страну крѣпостями со стороны восточныхъ кочевниковъ (какъ хозаръ, такъ и печенѣговъ) и строилъ города по границѣ степи.

Но объединеніемъ славянъ Олегъ не ограничился. По примѣру своихъ Кіевскихъ предшественниковъ Аскольда и Дира, сдѣлавшихъ набѣгъ на Византію, Олегъ задумалъ походъ на грековъ. Съ большимъ войскомъ „на коняхъ и на корабляхъ" подошелъ онъ къ Константинополю (907), опустошилъ его окрестности и осадилъ городъ. Греки завели переговоры, дали Олегу „дань", то есть откупились отъ разоренія, и заключили съ Русью договоръ, вторично подтвержденный въ 912 году. Удача Олега произвела глубокое впечатлѣніе на Русь: Олега воспѣвали въ пѣсняхъ и его подвиги изукрасили сказочными чертами. Изъ пѣсенъ лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись разсказъ о томъ, какъ Олегъ поставилъ свои суда на колеса и по суху на парусахъ „черезъ поля" по-

шелъ къ Царюграду. Изъ пѣсни же, конечно, взята въ лѣтопись подробность о томъ, что Олегъ, „показуя побѣду", повѣсилъ свой щитъ въ вратахъ Царяграда. Олегу дали прозванiе „вѣщаго" (мудраго, знающаго то, что другимъ не дано знать). Дѣятельность Олега, въ самомъ дѣлѣ, имѣла исключительное значенiе: онъ создалъ изъ разобщенныхъ городовъ и племенъ большое государство, вывелъ славянъ изъ подчиненiя хозарамъ и устроилъ, путемъ договоровъ, правильныя торговыя сношенiя Руси съ Византiей; словомъ, онъ былъ создателемъ русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега вступилъ во власть *Игорь* (912—945), повидимому, не имѣвшiй таланта ни воина, ни правителя. Онъ сдѣлалъ два набѣга въ греческiя владѣнiя: на Малую Азiю и на Константинополь. Въ первый разъ онъ понесъ жестокое пораженiе въ морскомъ бою, въ которомъ греки примѣнили особыя суда съ огнемъ и пускали „трубами огнь на ладьи русскихъ". Во второй разъ Игорь не дошелъ до Царяграда и помирился съ греками на условiяхъ, изложенныхъ въ договорѣ 945 года. Этотъ договоръ считается менѣе выгоднымъ для Руси, чѣмъ договоръ Олега. Въ кампанiи Игоря противъ грековъ принимали участiе и печенѣги, впервые при Игорѣ напавшiе на Русскую землю, а затѣмъ помирившiеся съ Игоремъ. Игорь погибъ въ странѣ древлянъ, съ которыхъ онъ хотѣлъ собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянскаго князя Мала, желавшаго взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянамъ за смерть мужа—составляютъ предметъ поэтическаго преданiя, подробно разсказаннаго въ лѣтописи.

Ольга (по древнескандинавски и по гречески Helga) осталась послѣ Игоря съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ и взяла на себя правленiе княжествомъ (945—957). По древнему славянскому обычаю вдовы пользовались гражданскою самостоятельностью и полноправiемъ и вообще положенiе женщины у славянъ было лучше, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что княгиня Ольга стала правительницею. Отношенiе къ ней лѣтописца—самое сочувственное: онъ считаетъ ее „мудрѣйши всѣхъ человѣкъ" и приписываетъ ей большiя заботы объ устроенiи земли. Объѣзжая свои владѣнiя, она вездѣ устанавливала порядокъ и вездѣ оставляла по себѣ добрую память. Главнымъ же ея дѣломъ было принятiе христiанской вѣры и благочестивое путешествiе въ Царьградъ (957). По разсказу лѣтописи Ольгу крестили „царь съ патрiархомъ" въ Царьградѣ, хотя вѣроятнѣе, что она крестилась дома на Руси, ранѣе своей поѣздки въ Грецiю. Императоръ Константинъ Багрянородный, съ честью принявшiй Ольгу въ своемъ дворцѣ и описавшiй ея прiемъ въ сочиненiи „Объ обрядахъ Византiйскаго двора", повѣствуетъ о русской княгинѣ сдержанно и спокойно. Преданiе же, сложившееся на Руси о путешествiи княгини, разсказываетъ, что импера-

торъ былъ пораженъ красотою и умомъ Ольги настолько, что даже хотѣлъ на ней жениться; однако Ольга уклонилась отъ этой чести. Она держала себя почтительно по отношенію къ патріарху, но вполнѣ независимо по отношенію къ императору. Лѣтописецъ даже увѣренъ, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первыхъ, она ловко сумѣла отказаться отъ его сватовства, а во-вторыхъ, она отказала ему въ дани или дарахъ, на которые онъ, будто бы, легковѣрно расчитывалъ. Таково было наивное преданіе, усвоившее Ольгѣ исключительную мудрость и хитрость. Съ торжествомъ христіанства на Руси память княгини Ольги, во святомъ крещеніи Елены, стала почитаться и православною церковью: княгиня Ольга была причтена къ лику святыхъ.

Сынъ Ольги *Святославъ* (957—972) носилъ уже славянское имя, но нравомъ былъ еще типичный варягъ-воинъ дружинникъ. Едва успѣлъ онъ возмужать, какъ составилъ себѣ большую и храбрую дружину и съ нею сталъ искать себѣ славы и добычи. Онъ рано вышелъ изъ подъ вліянія матери и „гнѣвался на мать“, когда она убѣждала его креститься: „какъ мнѣ одному перемѣнить вѣру? дружина начнетъ смѣяться надо мною“, говорилъ онъ. Съ дружиною онъ сжился крѣпко, велъ съ нею суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: „легко ходя, аки пардусъ (барсъ)“, по выраженію лѣтописи.

Еще при жизни матери, оставивъ на попеченіи Ольги Кіевское княжество, Святославъ совершилъ свои первые блестящіе походы. Онъ пошелъ на Оку и подчинилъ вятичей, которые тогда платили дань хозарамъ; затѣмъ обратился на хозаръ и разгромилъ Хозарское царство, взявъ главные города хозаръ (Саркелъ и Итиль). Заодно Святославъ побѣдилъ племена ясовъ и касоговъ (черкесовъ) на р. Кубани и овладѣлъ мѣстностью въ устьяхъ Кубани и на Азовскомъ побережьѣ подъ названіемъ Таматарха (позднѣе Тмутаракань). Наконецъ, Святославъ проникнулъ на Волгу, разорилъ землю Камскихъ болгаръ и взялъ ихъ городъ Болгаръ. Словомъ, Святославъ побѣдилъ и разорилъ всѣхъ восточныхъ сосѣдей Руси, входившихъ въ систему Хозарской державы. Главною силою въ Черноморьѣ становилась теперь Русь. Но паденіе Хозарскаго государства усиливало кочевыхъ печенѣговъ. Въ ихъ распоряженіе попадали теперь всѣ южнорусскія степи, занятыя раньше хозарами; и самой Руси скоро пришлось испытать большія бѣды отъ этихъ кочевниковъ.

Возвратясь въ Кіевъ послѣ своихъ завоеваній на Востокѣ, Святославъ получилъ приглашеніе отъ грековъ помочь Византіи въ ея борьбѣ съ дунайскими болгарами. Собравъ большую рать, онъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить въ г. Переяславцѣ на Дунаѣ, такъ какъ считалъ Болгарію своей собственностью. „Хочу жить въ Переяславцѣ Дунайскомъ“, говорилъ онъ: „тамъ середина (центръ) моей земли, тамъ

собираются всякія блага: отъ грековъ золото, ткани, вина и плоды, отъ чеховъ и угровъ—серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ и медъ и рабы". Но ему пришлось на время вернуться изъ Болгаріи въ Кіевъ, потому что на Русь въ его отсутствіе напали печенѣги и осадили Кіевъ. Кіевляне съ княгинею Ольгою и дѣтьми Святослава едва отсидѣлись отъ грознаго врага и послали къ Святославу съ упреками и съ просьбою о помощи. Святославъ пришелъ и прогналъ печенѣговъ въ степь, но въ Кіевѣ не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ея кончины. Онъ исполнилъ ея желаніе, но похоронивъ мать, сейчасъ же ушелъ въ Болгарію, оставивъ князьями на Руси своихъ сыновей. Однако греки не желали допустить господства русскихъ надъ болгарами и потребовали удаленія Святослава назадъ на Русь. Святославъ отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій одолѣлъ Святослава. Послѣ ряда тяжелыхъ усилій онъ заперъ русскихъ въ крѣпости Дористолѣ (теперь Силистрія) и вынудилъ Святослава заключить миръ и очистить Болгарію. Войско Святослава, истомленное войною, на пути домой было захвачено въ днѣпровскихъ порогахъ печенѣгами и разсѣяно, а самъ Святославъ убитъ (972). Такъ печенѣги довершили пораженіе русскаго князя, начатое греками.

Послѣ смерти Святослава на Руси между его сыновьями (Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ) произошли междоусобія, въ которыхъ погибли Ярополкъ и Олегъ, и Владиміръ остался единодержавнымъ. Потрясенное усобицами государство являло признаки внутренняго разложенія и Владиміру пришлось потратить много силъ, чтобы дисциплинировать варяговъ, у него служившихъ, и усмирить отложившіяся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось послѣ неудачи Святослава и внѣшнее могущество Руси. Владиміръ велъ много войнъ съ разными сосѣдями за пограничныя волости, воевалъ также съ камскими болгарами. Втянулся онъ и въ войну съ греками, въ результатѣ которой принялъ христіанство по греческому обряду. Этимъ важнѣйшимъ событіемъ окончился первый періодъ власти варяжской династіи на Руси.

Такъ образовалось и крѣпло Кіевское княжество, объединившее политически большую часть племенъ русскихъ славянъ.

Общія замѣчанія о первыхъ временахъ Кіевскаго княжества.

Образованіе государствъ совершается различно. Можетъ произойти такъ, что извѣстное общество складывается естественно: подъ вліяніемъ мирной дѣятельности, хозяйственныхъ заимокъ, постепенно обозначаются тѣ или другія границы занятой племенемъ территоріи; слагаются опредѣ-

ленныя общественныя связи и затѣмъ въ обществѣ выдѣляется правящій классъ, господствующій обыкновенно въ силу знатности происхожденія или своего экономическаго преобладанія. Всеобщая исторія показываетъ намъ развившееся такимъ образомъ кельтское общество, въ которомъ создался рядъ вполнѣ опредѣленныхъ отношеній экономическаго характера, и въ силу этихъ отношеній во главѣ общества, какъ его вожди, стали лица, имѣющія большее количество земли и рабочаго скота. Это и была аристократія, господствующій классъ, который мало-по-малу пріобрѣлъ полное преобладаніе. Таковъ былъ ростъ общества, совершавшійся въ силу кровныхъ и экономическихъ связей. Но бываетъ и иначе. Извѣстное общество уже сложилось, въ немъ образовалась или образуется политическая власть, какъ вдругъ является непріятель, захватываетъ въ свои руки путемъ открытаго насилія политическое преобладаніе и власть, а вмѣстѣ съ этимъ перерабатываетъ и всѣ прежнія общественныя отношенія. Такъ было въ Западной Римской Имперіи, когда въ нее вторглись германцы, заняли первое мѣсто въ старомъ обществѣ и захватили себѣ земли. Экономическій порядокъ, который существовалъ здѣсь раньше, перестроился къ выгодамъ господствующаго класса.

Который же изъ этихъ порядковъ имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ? Мы видимъ, что племенной бытъ славянъ естественно измѣнился въ волостной и въ этомъ уже сложившемся организмѣ общественной жизни возникла власть варяжскихъ князей. Чрезвычайно важно опредѣлить: отразилось ли вліяніе этихъ князей съ ихъ дружинами на общественныхъ отношеніяхъ славянъ или нѣтъ? Судя по историческимъ даннымъ, мы скорѣе можемъ сказать—нѣтъ. Вліяніе варяговъ было крайне ничтожно; они не нарушили общаго порядка прежней общественной жизни. Какую же роль играли варяжскіе князья, въ чемъ заключалась ихъ дѣятельность и какова была ихъ власть? Власть эта была настолько неопредѣленна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить въ готовыя формулы. Вообще говоря, теорія государственнаго права различаетъ три главныхъ вида политической власти. Первый выростаетъ на основаніи кровныхъ связей: постепенно развивается аристократическій (господствующій) родъ, и его родовладыка признается владыкою и вмѣстѣ политическою властью всего племени. Такой власти присвоено названіе власти *патріархальной*, она является у народовъ кочевыхъ и полукочевыхъ. Второй видъ есть такъ называемая *вотчинная* или *патримоніальная* власть: извѣстное лицо считаетъ своею собственностью всю территорію племени, а въ силу этого и людей, живущихъ на территоріи, признаетъ подвластными себѣ. Такой типъ власти наблюдается у насъ въ удѣльный періодъ XIII, XIV, XV вѣковъ, и притомъ въ очень чистой формѣ. Третій видъ власти зиждется уже не на кровныхъ родовыхъ началахъ и не на территоріальной основѣ, а на основаніи болѣе сложномъ. Современная намъ полити-

ческая власть возникаетъ на почвѣ національнаго самосознанія, когда племя, сознавая свое единство племенное и вѣроисповѣдное, сознаетъ и свое историческое прошлое, обращается въ націю съ національнымъ самосознаніемъ. И такой моментъ былъ въ исторіи Руси впервые въ XVI вѣкѣ. Что же касается до власти варяжскихъ князей, то она, въ сущности, не подходитъ ни къ одному изъ указанныхъ типовъ: во 1-хъ, варяжскіе князья не могли у насъ господствовать въ силу кровнаго начала, во 2-хъ, они не считали землю своею собственностью и, въ 3-хъ, самое понятіе земли русской впервые слагается на глазахъ исторіи въ устахъ прежде всего князя Святослава, который говорилъ своимъ воинамъ: „не посрамимъ земли Русской!“ Кіевскіе князья въ сущности представляютъ собою защитниковъ страны, которые за извѣстную плату охраняютъ общество отъ непріятеля. Читая скудныя свидѣтельства лѣтописи, мы видимъ, что главная дѣятельность князей направлялась на то, чтобы: 1) объединить русскія племена и создать на Руси единое государство; 2) устроить какъ можно выгоднѣе торговыя сношенія съ сосѣдями и обезопасить торговое движеніе къ иноземнымъ рынкамъ и 3) оборонить Русь отъ внѣшнихъ враговъ.

1. Завладѣвъ сначала всѣмъ великимъ водныимъ путемъ „изъ варягъ въ греки“, отъ Ладоги до Кіева, Кіевскіе князья старались затѣмъ покорить себѣ и тѣ славянскія племена, которыя жили въ сторонѣ отъ этого пути (древляне, вятичи). Въ подчиненныхъ областяхъ они или лично устраивали порядокъ, или посылали туда для управленія своихъ сыновей и дружинниковъ въ качествѣ своихъ намѣстниковъ („посадниковъ“), или же, наконецъ, оставляли тамъ мѣстныхъ князей „подъ рукою своею“. Главною задачею управленія былъ тогда сборъ „дани“. Константинъ Багрянородный сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какъ самъ князь или его посадники объѣзжали волости, творя судъ и расправу и собирая дань деньгами или натурою. Такой объѣздъ назывался „полюдьемъ“ и совершался по зимнему пути. Къ веснѣ собранная княземъ дань свозилась на рѣчныя пристани, грузилась на суда и весною сплавлялась въ Кіевъ. Въ то же время „везли повозъ“, то есть доставляли дань въ Кіевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не успѣли побывать сами князья съ дружинниками. Въ рукахъ Кіевскихъ князей сосредоточивались такимъ образомъ большіе запасы различныхъ товаровъ, которыми князья и торговали, посылая ихъ отъ себя въ Грецію или къ хозарамъ, или (какъ Святославъ) на Дунай.

2. Весною въ Кіевѣ составлялись большіе торговые караваны изъ лодокъ, которыя по славянски назывались „ладьями“, а по гречески „моноксилами“, то есть однодеревками. Такое названіе дано было ладьямъ потому, что ихъ днище (киль) состояло изъ одного дерева; подобныя ладьи подымали нѣсколько сотъ пудовъ груза и до 40—50 человѣкъ

экипажа. Къ ладьямъ княжескимъ присоединялись ладьи княжеской дружины и купцовъ („гостей“); весь караванъ охранялся княжескою стражею и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись внизъ по Днѣпру. Вотъ какъ разсказываютъ современники о томъ караванѣ, который шелъ въ Константинополь: собравшись окончательно верстахъ въ 50 ниже Кіева, въ Витичевѣ, караванъ оттуда двигался „въ греческій путь“. Плывя по Днѣпру, онъ достигалъ „пороговъ“, то есть скалистыхъ гранитныхъ грядъ, пересѣкающихъ теченіе Днѣпра въ нѣсколькихъ мѣстахъ недалеко отъ нынѣшняго города Екатеринослава. Въ порогахъ нельзя было плыть межъ камней съ полнымъ грузомъ; иногда же и вовсе не было хода ладьямъ. Тогда Русь приставала къ берегу, разгружала суда, выводила скованныхъ невольниковъ, которыхъ везла на продажу, тащила товары въ обходъ порога по берегу, иногда даже перетаскивала по-суху и самыя ладьи. Въ то время, какъ одни обходили порогъ, другіе охраняли ихъ и сторожили берегъ, боясь нападенія печенѣговъ на караванъ. Пройдя пороги, Русь выходила въ Черное море и, держась болгарскихъ береговъ, достигала Константинополя. Огромный русскій караванъ греки не пускали въ стѣны своей столицы. Русь помѣщалась въ предмѣстьѣ св. Мамы и жила тамъ съ полгода, пока не кончала своихъ торговыхъ дѣлъ. Прибывшихъ русскихъ пословъ и купцовъ греки переписывали и по списку доставляли имъ съѣстные припасы отъ казны. Изъ предмѣстья въ самый Царьградъ греки допускали русскихъ сразу не болѣе 50 человѣкъ, безъ оружія и съ провожатымъ: оставаться на зиму въ Греціи не позволяли никому. Такимъ образомъ греки разрѣшали Руси устраивать подъ Константинополемъ какъ бы свою ярмарку съ ихъ покровительствомъ, но подъ надзоромъ и съ предосторожностями. Правила, которыя устанавливали порядокъ торговли русскихъ въ Греціи и опредѣляли всѣ возникавшія между Русью и греками во время торга отношенія, обыкновенно вносились въ договоры и составляли главное ихъ содержаніе; вотъ почему эти договоры и называются торговыми. Для того, чтобы устроить общій для всей Руси ежегодный караванъ въ Грецію и такіе же караваны въ другія мѣста (въ хозарскій Итиль, въ дунайскія области), Кіевскіе князья должны были тратить много труда и силъ. На нихъ лежала забота о томъ, чтобы своевременно стянуть къ Кіеву свои товары, полученные въ видѣ дани, и всякій купеческій товаръ, затѣмъ снабдить караваны сильною охраною и проводить ихъ до мѣста назначенія; наконецъ, путемъ мирныхъ отношеній или оружіемъ подготовить выгодныя условія торговли въ чужихъ странахъ. Походы Кіевскихъ князей на Грецію, походы Святослава на Донъ и Волгу были тѣсно связаны съ торговыми дѣлами Кіева. Такимъ образомъ, торговля страны направляла собою внѣшнюю политику Кіевскихъ князей.

3. Кромѣ того, на князьяхъ лежала забота объ оборонѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ. Степняки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ея—Кіевъ. Этотъ городъ лежалъ слишкомъ близко къ степному пространству и былъ открытъ со стороны степи. Поэтому Кіевскіе князья понемногу окружаютъ его крѣпостями, „рубятъ города“ на границахъ степи и укрѣпляютъ самую границу валами и другими сооруженіями. Чтобы степняки печенѣги не мѣшали торговому движенію черезъ степь, князья нападаютъ на нихъ въ степи, или же вступаютъ съ ними въ дружбу и даже въ союзъ, увлекая ихъ вмѣстѣ съ собою на грековъ. Но такая дружба была все же исключеніемъ: обыкновенно Русь бывала въ острой враждѣ съ печенѣгами.

Изъ того, что было сказано о торговлѣ Руси, можно заключить, въ чемъ именно заключалось значеніе Кіева и почему Олегъ далъ ему имя „матери русскихъ городовъ“. Кіевъ былъ самымъ южнымъ городомъ на Днѣпрѣ и сосѣдилъ со степью. Поэтому въ Кіевѣ, естественно, собирались всѣ тѣ купцы, которые везли изъ Руси товары на югъ и востокъ. Здѣсь устраивали главный складъ вывозимыхъ товаровъ; здѣсь былъ главный рынокъ и для тѣхъ товаровъ, которые привозились на Русь своими и чужими купцами отъ хозаръ и грековъ. Словомъ, Кіевъ былъ торговымъ центромъ всей тогдашней Руси; прочіе торговые русскіе города зависѣли отъ него въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Понятно, почему сильнѣйшіе русскіе князья предпочитали Кіевъ всякому иному городу и почему именно Кіевъ сталъ столицею образованнаго этими князьями государства.

Вотъ все, что можно сказать несомнѣннаго о характерѣ дѣятельности и власти первыхъ русскихъ князей. Историческое значеніе ихъ дѣятельности не трудно уловить. Будучи первою общею властью среди многихъ разрозненныхъ раньше міровъ, варяжскіе князья съ ихъ дружинами были первыми представителями *племенного единства.* Передвигаясь съ мѣста на мѣсто по русской землѣ, соединяя племена и города въ общихъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, князья создавали этимъ почву для національнаго объединенія и національнаго самосознанія. Сплотивъ государство внѣшнимъ образомъ, они создавали и возможность внутренняго сплоченія.

Крещеніе Руси.

Другимъ еще болѣе могучимъ факторомъ объединенія для Руси послужило христіанство. Выше сказано, что кіевскій князь Владиміръ Святославичъ принялъ христіанство. За крещеніемъ князя тотчасъ же послѣдовало принятіе христіанства всею Русью и торжественное упраздненіе языческаго культа на Руси.

Языческія вѣрованія нашихъ предковъ вообще мало извѣстны. Какъ и всѣ арійцы, русскіе славяне покланялись силамъ видимой природы и почитали предковъ. Силы природы воплощались у нихъ въ личныя божества. Первое мѣсто среди нихъ занимало божество солнца—Дажь-богъ или Даждь богъ, Хорсъ, Велесъ или Волосъ. Трудно сказать, почему ему давались различныя имена: Дажь-бога почитали, какъ источникъ тепла и свѣта, какъ подателя всѣхъ благъ, Велеса—какъ покровителя стадъ или „скотьяго бога“, „великимъ Хорсомъ“ повидимому называли самое солнечное свѣтило, свершающее путь по небу. Другимъ божествомъ былъ Перунъ, въ которомъ олицетворялась гроза съ страшнымъ громомъ и смертоносною молніею. Вѣтеръ имѣлъ свое божество—Стрибога. Небо, въ которомъ пребывалъ Дажь-богъ, звалось Сварогомъ и считалось отцомъ солнца, почему Дажь-богу было усвоено отчество Сварожича. Божество земли носило имя Мать-Земля сырая; почитая землю, какъ свою мать, славяне чтили Дажь-бога и Велеса, какъ дѣдовъ человѣческихъ. Но всѣ эти образы боговъ не получили у славянъ той ясности и опредѣленности, какъ, напримѣръ, въ болѣе развитой греческой миѳологіи. Внѣшній культъ у славянъ также не былъ развитъ: не было ни храмовъ, ни особаго сословія жрецовъ. Кое-гдѣ на открытыхъ мѣстахъ ставились грубыя изображенія боговъ, „идолы“. Имъ приносились жертвы, иногда даже человѣческія; этимъ и ограничивалось идолослуженіе. Замѣчательно, что варяжская (германская) миѳологія не оказала никакого вліянія на славянскую, несмотря на политическое господство варяговъ; такъ было по той причинѣ, что языческія вѣрованія варяговъ не были ни яснѣе, ни крѣпче славянскихъ: варяги очень легко мѣняли свое язычество на славянскій культъ, если не принимали греческаго христіанства. Князь Игорь, варягъ по происхожденію, и его варяжская дружина уже клялись славянскимъ Перуномъ и покланялись его идолу.

Болѣе культа видимой природы у русскихъ славянъ былъ развитъ культъ предковъ, связанный съ родовымъ бытомъ. Родоначальникъ, давно умершій, обоготворялся и считался какъ бы живымъ покровителемъ своего потомства. Его звали *родомъ*, *щуромъ* (отсюда наше слово *пращуръ*) и приносили ему жертвы. Прародительницы рода назывались *рожаницами* и также почитались, какъ и *родъ*. Съ паденіемъ родовыхъ связей, когда семьи обособились въ отдѣльныхъ дворахъ, мѣсто *рода* заступилъ семейный предокъ—*дѣдушка домовой*, покровитель своего двора, невидимо управляющій ходомъ его хозяйства. Вѣра въ загробную жизнь, проникавшая весь этотъ культъ предковъ, сказывалась и въ томъ вѣрованіи, что души умершихъ будто-бы бродили по землѣ и населяли поля, лѣса и воды *(русалки)*. Вѣря въ существованіе таинственныхъ хозяевъ человѣческихъ жилищъ, славянинъ искалъ такихъ же

хозяевъ и внѣ жилищъ, въ лѣсу *(лѣшіе)* въ водѣ *(водяные)*. Вся природа казалась ему одухотворенною и живою. Онъ вступалъ съ ней въ общеніе, хотѣлъ участвовать въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя совершались въ природѣ, и сопровождалъ эти перемѣны различными обрядами. Такъ создался кругъ языческихъ праздниковъ, связанныхъ съ почитаніемъ природы и съ культомъ предковъ.

Наблюдая правильную смѣну лѣта зимою, а зимы лѣтомъ, видя какъ бы уходъ солнца и тепла къ зимѣ и ихъ возвращеніе къ лѣту, славяне привѣтствовали „поворотъ солнца на лѣто“ особымъ праздникомъ—колядою (отъ латинскаго calendae; другое названіе этого праздника „овсень“—отъ „о-весень“). За этимъ праздникомъ слѣдовали другіе въ честь того же солнца—проводы зимы, встрѣча весны („красная горка“), проводы лѣта (праздникъ „купалы“). Одновременно шли праздники и въ воспоминаніе объ умершихъ, носившіе общее названіе тризнъ. Была весенняя тризна по предкамъ—„радуница“, былъ лѣтній праздникъ „русалій“, такого же поминальнаго характера. Обряды, сопровождавшіе языческіе праздники, пережили самое язычество. Они удержались въ народѣ даже до нашего времени и были пріурочены къ праздникамъ христіанскаго календаря: коляда—къ Святкамъ, проводы зимы—къ масленицѣ, красная горка и радуница—къ Святой и Ѳоминой недѣлямъ, „купала“ и русалій—къ Иванову дню.

Христіанство на Руси до крещенія князя Владиміра. Не достигшее большого развитія и не имѣвшее внутренней крѣпости языческое міросозерцаніе нашихъ предковъ должно было легко уступать посторроннимъ религіознымъ вліяніямъ. Если славяне легко примѣшивали къ своимъ суевѣріямъ суевѣрія дикихъ финновъ и подпадали вліянію финскихъ шамановъ—„волхвовъ“ и „кудесниковъ“,—то тѣмъ болѣе должна была вліять христіанская вѣра на тѣхъ изъ славянъ, которые могли ее узнать. Торговыя сношенія съ Греціею облегчали для Руси знакомство съ Христовою вѣрою. Варяжскіе купцы и дружинники, раньше и чаще славянъ ходившіе въ Царьградъ, прежде славянъ стали тамъ обращаться въ христіанство и приносили на Русь новое ученіе, передавая его славянамъ. Въ княженіе Игоря въ Кіевѣ была уже христіанская церковь св. Иліи, такъ какъ, по словамъ лѣтописца, въ Кіевѣ „мнози бо бѣша варязи христіани“. Въ дружинѣ самого князя Игоря было очень много христіанъ. Жена князя св. Ольга также была христіанкою. Словомъ христіанская вѣра стала хорошо знакома кіевлянамъ еще при первыхъ варяжскихъ князьяхъ. Правда, Святославъ былъ холоденъ къ греческой вѣрѣ, а при сынѣ его Владимірѣ въ Кіевѣ еще стояли языческіе „кумиры“ (идолы) и еще бывали предъ ними человѣческія „требы“ или жертвы. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ при Владимірѣ языческая толпа кіевлянъ однажды (983) убила двухъ варяговъ-

христіанъ, отца и сына, за отказъ отца добровольно отдать своего сына въ жертву „богамъ". Но все же несмотря на это мученіе христіанъ, христіанство въ Кіевѣ продолжало распространяться и, въ общемъ, дѣлало большіе успѣхи. Князь Владиміръ принялъ новую вѣру, имѣя полную возможность познакомиться съ нею и узнать ея превосходство и внутреннюю силу.

Лѣтописное преданіе о крещеніи князя Владиміра. О томъ, какъ крестился князь Владиміръ и какъ онъ крестилъ свой народъ, на Руси существовало много преданій. Не помня точныхъ обстоятельствъ дѣла, одни разсказывали, что князь крестился въ Кіевѣ; другіе указывали мѣсто его крещенія въ городкѣ Василевѣ (въ 35 верстахъ отъ Кіева); третьи говорили, что онъ принялъ крещеніе въ Крыму, въ греческомъ городѣ Корсунѣ (Херсонесѣ), послѣ того, какъ взялъ этотъ городъ у грековъ. Лѣтъ сто спустя послѣ крещенія Руси лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись такія преданія объ этомъ событіи:

Пришли (говоритъ онъ) къ Владиміру (986) сначала волжскіе болгары, похваляя свое магометанство, затѣмъ нѣмцы отъ римскаго папы, затѣмъ хозарскіе евреи съ проповѣдью своего закона и, наконецъ, греческій философъ съ православнымъ ученіемъ. Всѣ они хотѣли привлечь Владиміра къ своей вѣрѣ. Онъ же выслушалъ ихъ и всѣхъ отослалъ прочь, кромѣ грека. Съ грекомъ онъ бесѣдовалъ долго, отпустилъ его съ дарами и почестями, но пока не крестился. Въ слѣдующемъ году (987) созвалъ Владиміръ своихъ совѣтниковъ и разсказалъ имъ о приходѣ къ нему проповѣдниковъ, прибавивъ, что болѣе всего его поразили разсказы греческаго философа о православной вѣрѣ. Совѣтники дали мысль князю послать въ разныя страны своихъ пословъ посмотрѣть: „кто какъ служитъ Богу"? Побывавъ и на востокѣ и на западѣ, послы попали въ Царьградъ и были поражены тамъ несказаннымъ благолѣпіемъ греческаго богослуженія. Они такъ и сказали Владиміру, прибавивъ, что сами не хотятъ оставаться болѣе въ язычествѣ, познавъ православіе. Это испытаніе вѣръ черезъ пословъ рѣшило дѣло. Владиміръ прямо спросилъ своихъ совѣтниковъ: «гдѣ крещеніе примемъ»? А они согласно отвѣтили: „гдѣ тебѣ любо". И вотъ въ слѣдующемъ 988 году Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь и осадилъ его. Городъ упорно сопротивлялся. Владиміръ далъ обѣтъ креститься, если возьметъ Корсунь, и дѣйствительно взялъ его. Не крестясь еще, онъ послалъ въ Царьградъ къ царямъ-братьямъ Василію и Константину, грозя идти на нихъ и требуя за себя замужъ ихъ сестру Анну. Цари сказали ему, что не могутъ выдать царевну замужъ за „поганаго", то есть за язычника. Владиміръ отвѣтилъ, что готовъ креститься. Тогда цари прислали въ Корсунь сестру свою и съ нею духовенство, которое крестило русскаго князя и вѣнчало его съ царевною. Передъ крещеніемъ Владиміръ

заболѣлъ и ослѣпъ, но чудесно исцѣлился во время самаго таинства крещенія. Помирясь съ греками, онъ возвратился съ православнымъ духовенствомъ въ Кіевъ и крестилъ всю Русь въ православную греческую вѣру.

Таково сказаніе лѣтописи. Въ немъ, повидимому, соединились въ одну повѣсть разныя преданія: во-первыхъ, преданіе о томъ, что Владиміру предлагали свою вѣру болгары, хозары, нѣмцы и греки, пришедшіе въ Кіевъ и жившіе въ немъ; во вторыхъ, преданіе о томъ, что Владиміръ, не только пребывавшій во тьмѣ язычества, но пораженный и физическою слѣпотою, чудесно во время крещенія прозрѣлъ сразу и духовными и тѣлесными очами, и, въ третьихъ, преданіе о томъ, что для принятія греческой вѣры Владиміръ счелъ нужнымъ осадить греческій городъ Корсунь, чтобы вмѣстѣ съ нимъ какъ бы завоевать и греческую вѣру, принявъ ее рукою побѣдителя.

Послѣднее преданіе было основано на дѣйствительномъ походѣ Владиміра на Корсунь. Въ то время въ Византійской имперіи произошло возстаніе войска подъ предводительствомъ полководца Варды-Фоки. Греческое правительство, не располагая силами, искало помощи у кіевскаго князя Владиміра. Союзъ былъ заключенъ (987): Владиміръ соглашался послать свои войска въ помощь Византіи, за что получалъ руку греческой царевны Анны, а самъ обязался принять христіанство. Благодаря русскому вмѣшательству мятежъ былъ подавленъ и Варда-Фока погибъ (988). Но византійцы послѣ побѣды не исполнили своихъ обѣщаній, данныхъ Владиміру. Тогда Владиміръ началъ войну съ греками, осадилъ и взялъ Корсунь,—главный греческій городъ въ Крыму,—и настоялъ на исполненіи греками договора. Онъ принялъ христіанство и получилъ въ супружество царевну (989). Гдѣ именно былъ онъ крещенъ и когда именно состоялось крещеніе,—въ 988 или въ 989,—точно неизвѣстно.

Возвратившись изъ Корсунскаго похода въ Кіевъ съ греческимъ духовенствомъ, Владиміръ началъ обращать кіевлянъ и всю Русь къ новой вѣрѣ. Онъ крестилъ въ Кіевѣ народъ на берегу Днѣпра и его притока Почайны. Кумиры старыхъ боговъ были повергнуты наземь и брошены въ рѣку. На ихъ мѣстахъ были поставлены церкви. Такъ было и въ другихъ городахъ, гдѣ христіанство водворяли княжескіе намѣстники. По преданію, новая вѣра распространялась мирно, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ. Такъ, въ Новгородѣ пришлось примѣнить силу. Въ глухихъ углахъ (напримѣръ, у вятичей) язычество держалось, не уступая христіанской проповѣди, еще цѣлые вѣка; да и по всей странѣ старыя вѣрованія не сразу были забыты народомъ и сплетались съ новымъ вѣроученіемъ въ пеструю смѣсь вѣры и суевѣрія.

Послѣдствія принятія Русью христіанства.

Внѣшнее устройство церкви въ древней Руси. Крещеніе Руси не слѣдуетъ представлять себѣ какъ простую перемѣну вѣрованій. Христіанство, ставъ господствующей религіею на Руси, выразилось не только въ проповѣди и богослуженіи, но и въ цѣломъ рядѣ новыхъ установленій и учрежденій. Изъ Греціи пришла на Русь *іерархія:* въ Кіевѣ сталъ жить русскій митрополитъ, поставляемый Константинопольскимъ патріархомъ; въ другихъ городахъ были поставлены подчиненные митрополиту епископы (на первыхъ порахъ ихъ было пять, потомъ число ихъ дошло до пятнадцати). Въ Кіевѣ и во всѣхъ епархіяхъ строились *церкви* и устраивались *монастыри*; причты церквей и братія монастырей подчинялись своему епископу, а черезъ него митрополиту. Такимъ образомъ власть митрополита простиралась на всю Русь и объединяла все духовенство страны. Вмѣстѣ съ христіанствомъ на Русь пришла *письменность*, а съ нею книжное просвѣщеніе. Какъ ни слабо оно было на первыхъ порахъ, оно все же оказывало могучее вліяніе на познавшихъ его людей. Богослужебныя и священныя книги принесены были на Русь на доступномъ для всѣхъ языкѣ славянскомъ, томъ самомъ, на которомъ изложили ихъ славянскіе первоучители св. Кириллъ и Меѳодій и ихъ болгарскіе ученики. Языкъ этихъ книгъ былъ вполнѣ понятенъ русскимъ и „книжное ученіе" было поэтому не затруднено. Тотчасъ по крещеніи на Руси возникаютъ *школы* съ учителями священниками и появляются книжники-любители просвѣщенія, собиравшіе и переписывавшіе книги. Митрополитъ и вообще духовенство управляли и судили подчиненныхъ имъ людей такъ, какъ это дѣлалось въ греческой церкви, на основаніи особаго сборника законовъ *Номоканона,* получившаго на Руси въ болгарскомъ переводѣ названіе *Кормчей книги.* Въ этомъ сборникѣ заключались церковныя правила Апостольскія и вселенскихъ соборовъ, также гражданскіе законы православныхъ византійскихъ императоровъ. Церкви принадлежали земли, на которыхъ духовенство и монастыри вели *хозяйство* по своему, руководствуясь византійскими обычаями и законами, устанавливая такія юридическія отношенія къ земледѣльцамъ, какія были приняты въ Греціи.

Такимъ образомъ на Руси вмѣстѣ съ новымъ вѣроученіемъ появились новыя власти, новое просвѣщеніе, новые законы и суды, новые землевладѣльцы и новые землевладѣльческіе обычаи. Такъ какъ Русь приняла вѣру изъ Византіи, то все новое, что пришло вмѣстѣ съ вѣрою, имѣло византійскій характеръ и служило проводникомъ византійскаго вліянія на Русь. Для того, чтобы понять, какъ именно сказывалось это вліяніе, необходимо нѣсколько ознакомиться съ тѣми чертами обще-

ственнаго быта Руси въ до-христіанское время, которыя наиболѣе характеризуютъ первобытность тогдашнихъ общественныхъ отношеній.

Черты до-христіанскаго быта русскихъ славянъ. По нашимъ понятіямъ, государство, въ которомъ мы живемъ, имѣетъ право и въ то же время обязанность карать виновныхъ за преступленія и проступки и по возможности предупреждать всякое нарушеніе порядка и права. Воръ или убійца отыскивается и наказывается независимо отъ того просятъ объ этомъ или не просятъ потерпѣвшіе отъ него люди. Въ древнѣйшее до-христіанское время было не такъ. Князья не имѣли ни склонности, ни возможности вмѣшиваться въ общественную жизнь и поддерживать порядокъ, когда къ нимъ не обращалось за этимъ само населеніе. Преступленіе тогда считалось „обидою", за которую долженъ былъ отплатить, „отомстить" самъ обиженный или его родъ. Человѣка защищалъ не князь, а свои близкіе ему люди; за убитаго „мстили" отецъ, братья, дяди, племянники. Обычай „кровной мести" и вообще „мести" былъ такъ широко распространенъ, что признавался даже закономъ, какъ нормальное правило. Иначе и быть не могло въ такомъ обществѣ, гдѣ княжеская власть только что возникла, гдѣ князь былъ иноплеменникомъ и былъ окруженъ дружиною такихъ же иноплеменниковъ варяговъ. На подобіе того, какъ варяжская дружина съ своимъ конунгомъ-княземъ составляла особое сообщество среди славянъ, и самые славяне имѣли такіе же особые союзы и сообщества. Они жили или родами или общинами; въ другихъ случаяхъ они сами устраивали дружины и торговыя товарищества въ городахъ. Каждый человѣкъ, принадлежавшій къ какому нибудь союзу или входившій въ какое нибудь сообщество, пользовался защитою рода, общины, дружины, товарищества, и мало надѣялся на князя, потому что княжеская власть была еще слаба. Лишенный покровительства своихъ близкихъ, прогнанный изъ какого либо сообщества человѣкъ становился беззащитнымъ, потому что никто не шелъ къ нему на помощь; его можно было, по старому выраженію „убити во пса мѣсто"—и остаться безъ всякаго наказанія и возмездія. Такіе безпризорные и беззащитные люди назывались изгоями (отъ того же корня, какъ и слово „гой": „гой еси" значило: будь здравъ, будь живъ); изгои были какъ бы „изжитые", выкинутые изъ жизни вонъ люди. Въ одномъ церковномъ уставѣ XII вѣка дается такое опредѣленіе изгоямъ: „изгои—трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство о себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ".

Родовой бытъ первоначально велъ людей къ обособленію. Роды жили замкнуто, чуждались одинъ другого и враждовали одинъ съ другимъ. А между тѣмъ каждому роду было необходимо со стороны добывать невѣстъ для браковъ своихъ родичей. Отсюда возникъ обычай до-

бывать ихъ насиліемъ и хитростью, посредствомъ „умычки“ или увоза. Впослѣдствіи этотъ обычай смягчился: если невѣсту „умыкали“, то по предварительному съ нею уговору. Въ то же время возникли и другіе способы заключенія брака: женихъ мирно приходилъ за невѣстою и выкупалъ ее у рода, уплачивая за нее „вѣно“. Кое-гдѣ, тамъ, гдѣ нравы были мягче, бракъ заключался ближе къ нашимъ обычаямъ: невѣста пріѣзжала въ домъ жениха и за нею привозили ея приданое. Но такъ бывало, по словамъ лѣтописца, только у полянъ. Въ прочихъ же мѣстахъ семейный бытъ отличался грубостью, тѣмъ болѣе, что вездѣ существовалъ обычай многоженства. Преданіе говоритъ, что самъ князь Владиміръ до крещенія своего держался этого обычая. Положеніе женщины въ семьѣ, особенно при многоженствѣ, было очень тяжело, о чемъ свидѣтельствуютъ народныя пѣсни. Въ нихъ горько оплакивается судьба дѣвушки, отдаваемой или продаваемой въ чужой родъ.

Въ языческое время на Руси было лишь одно сословное различіе. люди дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ или рабовъ. Свободные назывались *мужами*, рабы носили названіе *челядь* (въ единственномъ числѣ *холопъ*, *роба*). Положеніе рабовъ, очень многочисленныхъ, было тяжко: они разсматривались какъ рабочій скотъ въ хозяйствѣ своего господина. Они не могли имѣть собственнаго имущества, не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не отвѣчали за свои преступленія. За нихъ отвѣтствовалъ господинъ, который имѣлъ право жизни и смерти надъ своимъ холопомъ и наказывалъ его самъ, какъ хотѣлъ. Свободные люди находили себѣ защиту въ своихъ родахъ и сообществахъ; холопъ могъ найти себѣ защиту только у господина; когда же господинъ его отпускалъ на волю или прогонялъ, рабъ становился изгоемъ и лишался всякаго покровительства и пристанища.

Такимъ образомъ въ языческомъ обществѣ княжеская власть не имѣла той силы и значенія, какое имѣетъ государственная власть теперь. Общество дѣлилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своихъ членовъ. Вышедшій изъ своего союза человѣкъ оказывался безправнымъ и беззащитнымъ изгоемъ. Семья, при обычаѣ многоженства, умычки и покупки невѣстъ, имѣла грубый языческій характеръ. Рабство было очень распространено и притомъ въ тяжелой формѣ. Грубая сила господствовала въ обществѣ и человѣческая личность сама по себѣ въ немъ не имѣла никакого значенія.

Вліяніе церкви на гражданскій бытъ. Христіанская церковь, основанная на Руси княземъ Владиміромъ, не могла примириться съ такимъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ Христовымъ ученіемъ о любви и милости, церковь принесла на Русь и начала византійской культуры. Уча язычниковъ вѣрѣ, она стремилась улучшить ихъ житейскіе порядки. Подъ вліяніемъ христіанства отдѣльныя лица изъ языческой среды измѣняли къ

лучшему свои взгляды и нравы, шли въ слѣдъ Христу и являли высокіе примѣры нравственной христіанской жизни и даже подвижничества. О самомъ князѣ Владимірѣ преданіе говоритъ, что онъ смягчился подъ вліяніемъ новой вѣры, сталъ милостивъ и ласковъ. Среди дружины и земскихъ людей появилось много благочестивыхъ христіанъ, почитавшихъ церковь, любившихъ книги и иногда уходившихъ отъ мірскихъ соблазновъ въ монастыри и въ пустынное житье. Черезъ свою іерархію и примѣромъ ревнителей новой вѣры церковь дѣйствовала на нравы и учрежденія Руси. Проповѣдью и церковною практикою она показывала, какъ надо жить и дѣйствовать въ дѣлахъ личныхъ и общественныхъ.

Церковь старалась поднять значеніе княжеской власти. Князей она учила, какъ они должны управлять: „воспрещать злымъ и казнить разбойниковъ". „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе", говорило духовенство князю Владиміру, указывая ему, что князь не можетъ оставаться безучастнымъ къ насилію и злу въ своей землѣ, что онъ долженъ блюсти въ ней порядокъ. Такой взглядъ духовенство основывало на убѣжденіи, что княжеская власть, какъ и всякая земная власть, учинена отъ Бога и должна творить Божью волю. Но такъ какъ „всяка власть отъ Бога" и такъ какъ князь „есть Божій слуга", то ему надлежитъ повиноваться и его надлежитъ чтить. Церковь требовала отъ подданныхъ князя, чтобы они „имѣли пріязнь" къ князю, не мыслили на него зла и смотрѣли на него какъ на избранника Божія. Очень грубо было воззрѣніе языческой Руси на князей, какъ на дружинныхъ конунговъ, которые берутъ дань за свои военныя услуги землѣ и которыхъ можно прогонять, если они не угодны, и даже убивать (какъ древляне Игоря). Церковь всячески боролась съ такимъ взглядомъ и поддерживала авторитетъ князей, смотря на нихъ, какъ на прирожденныхъ и богоданныхъ государей. Когда князья сами роняли свое достоинство въ грубыхъ ссорахъ и междоусобіяхъ („которахъ" и „коромолахъ"), духовенство старалось мирить ихъ и учить, чтобы они „чтили старѣйшихъ" и „не преступали чужого предѣла". Такъ духовенство проводило въ жизнь идеи правильнаго государственнаго порядка, имѣя предъ собою примѣръ Византіи, гдѣ царская власть стояла очень высоко.

Найдя на Руси рядъ союзовъ, родовыхъ и племенныхъ, дружинныхъ и городскихъ, церковь образовала собою особый союзъ—церковное общество. Въ составъ его вошло духовенство, затѣмъ люди, которыхъ церковь опекала и питала и, наконецъ, люди, которые служили церкви и отъ нея зависѣли. Церковь опекала и питала тѣхъ, кто не могъ самъ себя кормить: нищихъ, больныхъ, убогихъ. Церковь давала пріютъ и покровительство всѣмъ изгоямъ, потерявшимъ защиту мірскихъ обществъ и союзовъ. Церковь получала въ свое владѣніе села, населенныя рабами. И изгои и рабы становились подъ защиту церкви и дѣлались ея работ-

никами. Всѣхъ своихъ людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книгѣ) и по церковнымъ обычаямъ; всѣ эти люди выходили изъ подчиненія князю и становились подданными церкви. И какъ бы ни былъ слабъ или ничтоженъ церковный человѣкъ, церковь смотрѣла на него по христіански—какъ на свободнаго человѣка. Для церковнаго сознанія всѣ были братья во Христѣ, и не было предъ Господомъ ни раба, ни господина. Въ церкви не существовало рабства: рабы, подаренные церкви, обращались въ людей, лично свободныхъ; они были только прикрѣплены къ церковной землѣ, жили на ней и работали на пользу церкви. Такимъ образомъ, церковь давала свѣтскому обществу примѣръ новаго, болѣе совершеннаго и гуманнаго устройства, въ которомъ могли найти себѣ защиту и помощь всѣ немощные и беззащитные.

Церковь затѣмъ вліяла на улучшеніе семейныхъ отношеній и вообще нравственности въ русскомъ обществѣ. На основаніи греческаго церковнаго закона, принятаго и подтвержденнаго первыми русскими князьями въ ихъ „церковныхъ уставахъ", всѣ проступки и преступленія противъ вѣры и нравственности подлежали суду не княжескому, а церковному. Церковные суды, во-первыхъ, судили за святотатство, еретичество, волшебство, языческія моленія. Церковные суды, во-вторыхъ, вѣдали всѣ семейныя дѣла, возникавшія между мужьями и женами, родителями и дѣтьми. Церковь старалась искоренить языческіе обычаи и нравы въ семейномъ быту: многоженство, умыканіе и покупку женъ, изгнаніе жены мужемъ, жестокости надъ женами и дѣтьми и т. п. Примѣняя въ своихъ судахъ византійскіе законы, болѣе развитые, чѣмъ грубые юридическіе обычаи языческаго общества, духовенство воспитывало лучшіе нравы на Руси, насаждало лучшіе порядки.

Въ особенности возставало духовенство противъ грубыхъ формъ рабства на Руси. Въ поученіяхъ и проповѣдяхъ, въ бесѣдахъ и разговорахъ представители духовенства дѣятельно учили господъ быть милосердными съ рабами и помнить, что рабъ—такой же человѣкъ и христіанинъ, какъ и самъ его господинъ. Въ поученіяхъ запрещалось не только убивать, но и истязать раба. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковь прямо требовала у господъ отпуска рабовъ и рабынь на свободу. Получая рабовъ въ даръ, церковь давала имъ права свободныхъ людей и селила ихъ на своихъ земляхъ; по примѣру церкви иногда то же дѣлали и свѣтскіе землевладѣльцы. Хотя такіе примѣры были рѣдки, хотя увѣщанія благочестивыхъ поученій и не искореняли рабства, однако измѣнялся и смягчался самый взглядъ на раба, и дурное обращеніе съ рабами стало почитаться „грѣхомъ". Оно еще не каралось закономъ, но уже осуждалось церковью и становилось предосудительнымъ.

Такъ широко было вліяніе церкви на гражданскій бытъ языческаго общества. Оно охватывало всѣ стороны общественнаго устройства и под-

чиняло себѣ одинаково какъ политическую дѣятельность князей, такъ и частную жизнь всякой семьи. Это вліяніе было особенно дѣятельно и сильно благодаря одному обстоятельству. Въ то время, какъ княжеская власть на Руси была еще слаба, и кіевскіе князья, когда ихъ становилось много, сами стремились къ раздѣленію государства,—церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. Настоящее единовластіе на Руси явилось прежде всего въ церкви и это сообщало церковному вліянію внутреннее единство и силу.

Христіанское просвѣщеніе на Руси. Рядомъ съ воздѣйствіемъ церкви на гражданскій бытъ Руси мы видимъ и просвѣтительную дѣятельность церкви. Она была многообразна. Прежде всего просвѣтительное значеніе имѣли тѣ практическіе примѣры новой христіанской жизни, которые давали русскимъ людямъ отдѣльные подвижники и цѣлыя общины подвижниковъ—монастыри. Затѣмъ просвѣтительное вліяніе оказывала письменность какъ переводная греческая, такъ и оригинальная русская. Наконецъ, просвѣтительное значеніе имѣли тѣ предметы и памятники искусства, которые церковь создала на Руси съ помощью греческихъ художниковъ.

Практическіе примѣры христіанской жизни являли какъ мірскіе, такъ и церковные люди. Лѣтописецъ говоритъ, что самъ князь Владиміръ послѣ крещенія сталъ добрымъ и милостивымъ, заботился объ убогихъ и нищихъ, думалъ о книжномъ просвѣщеніи. Среди его сыновей были также благочестивые князья. Въ средѣ простыхъ людей, на первыхъ же порахъ послѣ принятія новой вѣры, являются христіане въ самомъ высокомъ смыслѣ слова. Таковъ, напримѣръ, Иларіонъ, изъ священниковъ села Берестова (около Кіева), поставленный въ санъ русскаго митрополита за свое благочестіе, ученость и удивительный ораторскій талантъ. Таковъ инокъ св. Ѳеодосій, игуменъ Печерскаго кіевскаго монастыря, съ дѣтства проникнутый Христовымъ ученіемъ, оставившій зажиточный домъ для монашеской убогой жизни и стяжавшій себѣ славу подвижника, писателя и проповѣдника. Вліяніе подобныхъ людей въ русскомъ обществѣ было очень велико и благотворно. Вокругъ нихъ собирались ихъ послѣдователи и ученики и образовывали цѣлыя общины, называемыя монастырями. Древніе монастыри не всегда были похожи на нынѣшніе. Удалясь изъ городовъ въ лѣсную глушь, тогдашніе монахи составляли свое особое поселеніе, какъ бы въ пустынѣ, не имѣя до времени ни храма, ни монастырскихъ стѣнъ. Ихъ община кормилась своими трудами и терпѣла нужду даже во всемъ необходимомъ до той поры, пока не получала извѣстности и не привлекала благочестивыхъ поклонниковъ. Строгая жизнь и трогательное братство иноковъ, способъ хозяйства ихъ, совершенно новый для языческой среды, основанный на личномъ безкорыстіи иноковъ и на ихъ неустанномъ трудѣ на пользу

братіи,—все это очень сильно дѣйствовало на умы тогдашнихъ людей. Они желали помочь благочестивой братіи, чѣмъ могли: строили въ монастырѣ храмы, дарили монастырю земли и рабовъ, жертвовали золото и драгоцѣнности. Скромная община монаховъ превращалась въ богатый и благоустроенный монастырь и дѣлалась религіознымъ и просвѣтительнымъ средоточіемъ для своей области. Монастырь училъ не только вѣрѣ, но и „книжному почитанію“ и хозяйственнымъ пріемамъ. Въ монастыряхъ образовывались цѣлыя библіотеки и процвѣтала грамотность; почти всѣ знаменитые писатели Кіевской Руси вышли изъ монастырей. Хозяйство монастырей устраивалось по византійскимъ образцамъ и руководилось византійскими законами и правилами. Въ этомъ хозяйствѣ не было рабовъ, потому что церковь не допускала у себя рабства. Рабочій людъ былъ лично свободенъ, но прикрѣпленъ къ церковной землѣ и управлялся церковными властями. На обширныхъ земляхъ монастырей всѣ хозяйственные порядки устанавливались сообразно указаніямъ греческаго закона и отличались правильностью и стройностью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладѣніе становилось образцомъ не только для частныхъ, но даже и для княжескихъ земельныхъ хозяйствъ.

Въ первое время христіанская письменность на Руси не была обширна. Книги, принесенныя на Русь вмѣстѣ съ крещеніемъ, представляли собою болгарскіе переводы библіи, богослужебныхъ книгъ, поученій, историческихъ книгъ, Кормчей книги и т. п. Подъ вліяніемъ этой болгарской письменности создалась и собственная русская письменность, въ которой главное мѣсто занимали лѣтописи и житія святыхъ, поученія и молитвы. Эта письменность, за немногими исключеніями, не отличалась ни ученостью, ни литературнымъ искусствомъ. Первые кіевскіе писатели были просто грамотными людьми, обладавшими нѣкоторою начитанностью. Они подражали переводнымъ образцамъ такъ, какъ умѣли, безъ школьной учености и риторическаго искусства. Тѣмъ не менѣе ихъ произведенія оказывали замѣтное вліяніе на духовную жизнь нашихъ предковъ и содѣйствовали смягченію нравовъ на Руси.

Наконецъ, христіанская вѣра на Руси совершила переворотъ въ области пластическаго искусства. Языческая Русь не имѣла храмовъ и довольствовалась изваяніями идоловъ. Христіанство повело къ созданію громадныхъ каменныхъ храмовъ въ главнѣйшихъ городахъ. Кіевскій храмъ Успенія Богоматери, получившій названіе Десятинной церкви потому, что Владиміръ удѣлилъ на его содержаніе „десятину“ (то есть десятую часть) княжескихъ доходовъ, былъ древнѣйшимъ каменнымъ храмомъ въ Кіевѣ. Кіевская церковь Св. Софіи, новгородская церковь Св. Софіи и другіе храмы въ главнѣйшихъ городахъ Руси были созданы вслѣдъ за Десятинною церковью. Они строились по византійскимъ образцамъ и украшались богатѣйшими мозаиками и фресками. Архитектурное

дѣло и живопись подъ вліяніемъ церковнаго строительства достигли въ Кіевѣ значительнаго развитія. А съ ними вмѣстѣ развились и прочія искусства и художественныя ремесла, въ особенности же ювелирное дѣло и производство эмали. Первыми мастерами во всѣхъ отрасляхъ художественнаго производства были, конечно, греки. Позднѣе подъ ихъ руководствомъ появились и русскіе мастера. Развилось, такимъ образомъ, національное искусство. Но оно въ Кіевской Руси отличалось рѣзко выраженнымъ византійскимъ характеромъ и поэтому извѣстно въ наукѣ подъ именемъ русско-византійскаго.

Кіевская Русь въ XI—XII вѣкахъ.

Принятіе христіанства съ его многообразными послѣдствіями представляетъ собою въ исторіи Кіевской Руси тотъ рубежъ, который отдѣляетъ древнѣйшую эпоху отъ эпохи XI и XII вѣковъ. Изучая періодъ до-христіанскій, мы приходимъ къ тому заключенію, что единодержавія въ то время не было; Русь нѣсколько разъ дробилась на княжества (послѣ Святослава, Владиміра Св.). При жизни князя-отца, сыновья сидѣли намѣстниками въ главныхъ городахъ и платили отцу дань. По смерти отца, земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила къ тому, что въ концѣ концовъ возстановлялось единодержавіе. Братья, враждуя изъ-за наслѣдства, обыкновенно истребляли другъ друга. После такой борьбы между сыновьями Св. Владиміра Русь раздѣлилась на двѣ части: лѣвою стороною Днѣпра владѣлъ Мстиславъ, правою—Ярославъ. По смерти же Мстислава Ярославъ владѣлъ всей землей; умирая (1054 г.) онъ раздѣлилъ землю такимъ образомъ. старшему сыну Изяславу далъ Кіевъ и Новгородъ, т. е оба конца воднаго торговаго пути (очевидно, что Изяславъ былъ самый богатый, самый могущественный князь), второму сыну Святославу —Черниговъ, третьему—Всеволоду—Переяславль (недалеко отъ Кіева), четвертому—Вячеславу—Смоленскъ, пятому—Игорю—Владиміръ-Волынскій; но у Ярослава былъ еще внукъ отъ старшаго сына, Владиміра Ярославича, доблестный Ростиславъ, о которомъ сложилось много легендъ; ему Ярославъ ничего не далъ. Ростиславъ бросился самъ на Тмутаракань, захватилъ ее и оставилъ за собою. Ярославъ велѣлъ почитать Изяслава, какъ старѣйшаго, но Изяславъ не сумѣлъ поддержать свой авторитетъ, возстановилъ противъ себя кіевлянъ, которые его изгнали. Возвратясь затѣмъ въ Кіевъ, Изяславъ былъ вторично изгнанъ оттуда братьями; онъ бѣжалъ въ Польшу; кіевскій столъ занялъ Святославъ и княжилъ тамъ до смерти. Затѣмъ Кіевъ опять переходитъ къ Изяславу, а Черниговъ въ это время достается Всеволоду. Послѣ смерти

Изяслава, Кіевскій престолъ занялъ Всеволодъ, а второй городъ—Черниговъ—Всеволодъ отдалъ своему старшему сыну Владиміру. Дѣтей Святослава онъ совсѣмъ вычеркнулъ изъ общаго наслѣдія, какъ *изгоевъ*, которые не имѣли права на великокняжескій престолъ, ибо отецъ ихъ не могъ бы стать великимъ княземъ, если бы соблюдалъ старшинство и не прогналъ съ престола старшаго брата своего, который его пережилъ. Въ 1093 году умеръ Всеволодъ, оставивъ послѣ себя сына Владиміра, прозваннаго Мономахомъ по имени своего дѣда со стороны матери. Владиміръ не встрѣтилъ бы препятствій со стороны кіевлянъ, если бы захотѣлъ занять отцовскій великокняжескій престолъ, но не желая новыхъ усобицъ и соблюдая родовое старшинство, Мономахъ предоставляетъ кіевскій столъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Святополку Изяславичу, который, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ на великокняжескій столъ всѣ права. Этотъ князь, однако, не умѣлъ поддержать спокойствіе въ русской землѣ и потому не пользовался народнымъ расположеніемъ; во время его княженія Святославичи, признанные *изгоями* со стороны своихъ дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться полноправности и заявили притязаніе на черниговскій столъ, занятый Мономахомъ. Послѣ долгихъ смутъ Любечскимъ съѣздомъ 1097 года права Святославичей на Черниговъ были возстановлены и вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ подѣлилъ всѣ русскія волости между князьями на началахъ справедливости, утвердивъ правило: „каждо да держитъ отчину свою". Но справедливость была вскорѣ попрана главнымъ ея блюстителемъ Святополкомъ, который дѣйствуя заодно съ Давидомъ Игоревичемъ, ослѣпилъ одного изъ князей изгоевъ Василька. Это насиліе повлекло за собой новыя усобицы, для прекращенія которыхъ былъ назначенъ новый съѣздъ. Въ 1100 году въ городѣ Увѣтичахъ или Витичевѣ, Святополкъ, Мономахъ и Святославичи заключили между собой союзъ для возстановленія мира на Руси. Когда Витичевскимъ съѣздомъ былъ водворенъ порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, тогда стало возможно подумать и о дѣлахъ внѣшнихъ—о борьбѣ съ половцами. Владиміръ и Святополкъ съѣхались на берегу Долобскаго озера (1103 г.) и рѣшили двинуться общими силами на половцевъ. Эти съѣзды—Любечскій, Витичевскій и Долобскій—показываютъ намъ, что въ важныхъ спорныхъ вопросахъ князья—внуки Ярослава—прибѣгаютъ къ съѣздамъ, какъ къ высшему учрежденію, имѣющему право безапелляціоннаго рѣшенія. Событія же ихъ вызвавшія свидѣтельствуютъ, что Русь во время княженія Святополка не пользовалась спокойствіемъ и что нарушителемъ этого спокойствія часто былъ самъ великій князь. Понятно, почему по смерти Святополка (1113 г.) даже лѣтописецъ, всегда готовый хвалить покойнаго князя, хранитъ о немъ полное молчаніе.

Послѣ смерти нелюбимаго князя, кіевляне посылаютъ звать на ве-

ликокняжескій престолъ Владиміра Мономаха, но Мономахъ, не желая нарушать разъ признанныя права Святославичей, отказывается отъ великаго княженія. Однако, кіевляне, не любившіе Святославичей, не принимаютъ ни Святославичей, ни отказа Мономаха и отправляютъ къ нему новое посольство съ тѣмъ же предложеніемъ, угрожая возмущеніемъ въ случаѣ его упорства: тогда Владиміръ вынужденъ былъ согласиться и принять Кіевъ. Такъ воля гражданъ нарушила права старшинства, передавъ ихъ въ руки достойнѣйшему помимо старѣйшаго. Однако, это нарушеніе старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новыя усобицы, и если при жизни сильнаго и всѣми любимаго Мономаха, Святославичи должны были затаить свою ненависть къ невольному нарушителю ихъ правъ, то они передали эту ненависть своимъ дѣтямъ; она то и послужила причиной кровавыхъ усобицъ между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода. Эти усобицы произошли значительно позднѣе. Потомки Святослава Черниговскаго не препятствовали тому, чтобы послѣ смерти Мономаха (1125 г.) занялъ кіевскій столъ сынъ его Мстиславъ. Да и не легко было оспаривать у него великокняжескій столъ: Святославичи, по тогдашнимъ понятіямъ, потеряли свои права на Кіевъ, оттого что не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ; этимъ они понизили свой родъ передъ родомъ Мономаха и утратили, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, всякое право на великокняжескій столъ. Со стороны черниговскихъ князей также не послѣдовало возобновленія притязаній на Кіевъ и тогда, когда (1132) Мстиславъ умеръ и старшинство перешло въ руки брата его Ярополка Владиміровича, что вполнѣ согласовалось съ желаніемъ кіевлянъ, никого не желавшихъ, кромѣ Мономаховичей. Черниговскіе князья не могли протестовать, ибо они были безсильны, пока миръ господствовалъ въ родѣ Мономаха. Въ княженіе Ярополка, однако, этотъ миръ былъ нарушенъ. Передъ смертью Мстиславъ обязалъ своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну Всеволоду Мстиславовичу. Вступивъ на великокняжескій престолъ, Ярополкъ исполнилъ предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствіе со стороны младшихъ сыновей Мономаха—Юрія Ростовскаго и Андрея Владиміро-Волынскаго. Узнавъ о перемѣщеніи племянника въ Переяславль, они сочли это шагомъ къ старшинству помимо ихъ и поспѣшили выгнать Всеволода изъ Переяславля. Тогда Ярополкъ водворилъ туда второго Мстиславича-Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ. Но и это распоряженіе не успокоило младшихъ князей: въ каждомъ племянникѣ, который сидѣлъ въ Переяславлѣ, они видѣли наслѣдника старшинства, будущаго князя кіевскаго. Чтобы успокоить братьевъ, Ярополкъ вывелъ и Изяслава изъ Переяславля и послалъ туда брата своего Вячеслава, но тотъ скоро самъ оставилъ эту область, и она была уступлена Юрію Ростовскому.

Враждою между дядями и племянниками въ потомствѣ Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и предъявили свои права на великое княженіе. Обстоятельства сложились благопріятно для Святославичей: Ярополкъ Владиміровичъ скончался въ 1139 году и мѣсто его заступилъ братъ его Вячеславъ, человѣкъ безхарактерный и неспособный. Такимъ ничтожествомъ великаго князя воспользовались Святославичи въ лицѣ Всеволода Ольговича; онъ подступилъ къ Кіеву и занялъ его. Вячеславъ не оспаривалъ у него великаго княженія, и Всеволодъ не только самъ остался въ Кіевѣ до своей кончины, но укрѣпилъ тамъ послѣ себя брата своего Игоря. Но едва Игорь вокняжился, какъ кіевляне отправили посольство звать на Кіевскій столъ Изяслава Мстиславича. Послѣдній немедленно двинулся къ Кіеву, объявивъ, что терпѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода, какъ мужа старшей сестры своей, но что другихъ Ольговичей на кіевскомъ столѣ не потерпитъ. Кіевляне перешли на его сторону. Игорь былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ, а Изяславъ занялъ великокняжескій столъ.

Въ лицѣ Изяслава родъ Мономаха снова восторжествовалъ надъ родомъ Святослава. Но самовольный захватъ Изяславомъ кіевскаго стола вооружилъ противъ него двухъ старшихъ Мономаховичей, двухъ его дядей—Вячеслава, который былъ изгнанъ Всеволодомъ Ольговичемъ, и Юрія князя Ростовскаго. Юрій, недовольный тѣмъ, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, началъ съ Изяславомъ борьбу и одержалъ верхъ. Изяславъ удалился во Владиміръ-Волынскій, а въ Кіевѣ сталъ княжить Юрій. Но и онъ не долго удержалъ за собой кіевскій столъ; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себѣ Кіевъ, а чтобы обезпечить себя отъ обвиненій въ беззаконномъ захватѣ престола, онъ пригласилъ въ Кіевъ старшаго дядю Вячеслава, который, довольствуясь почетомъ, предоставилъ всю власть племяннику. Однако, Юрій не оставилъ своихъ притязаній на Кіевъ, несмотря на то, что Изяславъ обставилъ дѣло вполнѣ законно, воспользовался первою удобною минутою и подступилъ къ Кіеву. Изяславъ и Вячеславъ оставили городъ и Юрій вторично завладѣлъ имъ, опять-таки ненадолго. Кіевскіе граждане любили Изяслава и при первомъ его появленіи перешли на его сторону. Юрій снова уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ вѣрный прежнему намѣренію сталъ княжить именемъ Вячеслава. Въ 1154 году Изяславъ умеръ; престарѣлый Вячеславъ вызвалъ другого своего племянника Ростислава Смоленскаго, и кіевляне присягнули ему, заключивъ, однако, договоръ, что онъ будетъ чтить своего дядю Вячеслава, какъ дѣлалъ это его покойный братъ. Послѣ же смерти Вячеслава кіевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей, но тутъ снова явился Юрій, и престолъ, въ третій разъ перейдя къ нему, остается за нимъ до его смерти. Въ 1157 г. Юрій умираетъ, и кіевляне, не любившіе этого

князя, хотя онъ и былъ Мономаховичъ, снова зовутъ на кіевскій столъ Изяслава Давидовича. Тогда одинъ изъ младшихъ Мономаховичей, Мстиславъ Изяславичъ Владиміро-Волынскій, опасаясь, что кіевскій столъ уйдетъ изъ рукъ Мономаховичей, изгналъ Изяслава изъ Кіева и водворилъ тамъ своего дядю Ростислава, а послѣ смерти его въ 1168 году самъ занялъ великокняжескій престолъ. Въ то же время претендентомъ на Кіевъ является сынъ Юрія—Андрей (котораго Мстиславъ обошелъ, какъ раньше отецъ его Изяславъ обошелъ дядю своего Юрія). Побѣда въ борьбѣ осталась на сторонѣ Андрея: въ 1169 г. Кіевъ былъ имъ взятъ, а Мстиславъ удалился въ свою Волынскую область. Кіевъ былъ ограбленъ и сожженъ, а самъ побѣдитель не остался въ немъ и ушелъ на сѣверъ.

Таковы факты политической жизни такъ называемаго Кіевскаго періода. Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать выводъ, что въ данное время признавался правильнымъ порядокъ наслѣдованія и владѣнія *родовой*—отъ брата къ брату и отъ дяди къ племяннику, и что этотъ порядокъ въ первое же время своего существованія терпѣлъ нарушенія. События времени внуковъ и правнуковъ Ярослава ясно показываютъ, что эти нарушенія были чрезвычайно часты и что наслѣдованіе столовъ запутывалось до чрезвычайности. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Кіевской Руси поэтому представляетъ много трудностей; онъ вызывалъ массу изслѣдованій и споровъ между историками. Научная полемика вращалась здѣсь около двухъ вопросовъ: 1) что породило и поддерживало раздробленіе на княжества древней Руси? 2) на какомъ принципѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, держалось единство Русской земли?

1. Отвѣтъ на первый вопросъ сначала казался очень простымъ. Историки прошлаго вѣка, и отчасти *Карамзинъ*, объясняли его тѣмъ, что князья не желали обижать сыновей и всѣмъ имъ давали землю; но впослѣдствіи поняли, что личный княжескій произволъ не можетъ раздробить государство, которое обладаетъ національнымъ единствомъ, и стали искать причину въ другихъ явленіяхъ, въ обычаяхъ и отвлеченныхъ воззрѣніяхъ племенъ. Одни думали, что политическое дробленіе вообще въ нравахъ и обычаяхъ славянъ (впервые эта мысль была высказана *Надеждинымъ*). Другіе (какъ *Погодинъ*) видѣли причину образованія многихъ княжескихъ столовъ въ томъ, что князья, какъ собственники земли, считали себя въ правѣ, по обычаю славянскому, владѣть землею *сообща*. Наконецъ, третьи (школа родового быта) удачно подмѣтили *родовой* порядокъ наслѣдованія столовъ и думали, что родовой бытъ князей въ одно время и поддерживалъ земское единство, и дѣлилъ землю на части по числу родичей, имѣющихъ право на владѣніе родовымъ имуществомъ. Въ послѣдующее время изслѣдователи искали причины раздробленія Руси въ реальныхъ условіяхъ общественной жизни:

Пассекъ находилъ эти причины въ стремленіи городскихъ общинъ къ автономіи; *Костомаровъ* полагалъ, что причины эти вытекали изъ стремленія къ обособленію не городскихъ общинъ, а племенъ, входившихъ въ составъ Кіевскаго княжества (онъ насчитывалъ 6 племенъ); *Ключевскій*, въ сущности, поддерживалъ взглядъ *Пассека*, говоря такимъ образомъ: „Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій—военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался (благодаря подвижности, бродячести князей), составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію, тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ и аристократія оружія со своими князьями поверхъ этихъ міровъ“ („Боярская Дума“).

2. Второй вопросъ—на чемъ держалось единство земли?—разрѣшался также различно. Прежніе историки и даже *Карамзинъ* не останавливались надъ нимъ долго: они говорили, что единство земли основывалось на чувствѣ княжескаго родства, которое связывало князей въ одно цѣлое. Школа родового быта первая дала научное построеніе вопросу, основываясь на понятіи родового владѣнія. Родъ князей, представляя одно неразрывное цѣлое, соединяетъ въ своемъ владѣніи землю. Землею сразу владѣютъ всѣ князья, помня, что сами они „одного дѣда внуки“. Русь была, такимъ образомъ, единымъ государствомъ, потому что она была владѣніемъ одного рода. Иного мнѣнія были представители федеративной теоріи, во главѣ которой стоялъ *Костомаровъ:* онъ видѣлъ въ древней Руси федерацію, основанную на единствѣ происхожденія и языка, единствѣ вѣры и церкви и, наконецъ, на единствѣ династіи, правящей страной. Но федерація предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ учрежденій, общихъ для всей федераціи, между тѣмъ на Руси такихъ учрежденій указать нельзя; княжескіе съѣзды, напримѣръ, не представляютъ ничего юридически опредѣленнаго. Вотъ почему федеративную теорію смѣнила новая, договорная, принадлежащая *Сергѣевичу*. Еще Чичеринъ говорилъ, что древняя Русь не знала государственнаго порядка и жила на правѣ частномъ, на порядкѣ договорномъ. Исходя изъ этой мысли, *Сергѣевичъ* пришелъ къ тому выводу, что древняя Русь не имѣла политическаго единства, а единственнымъ движущимъ началомъ жизни было начало личнаго интереса. Князья не знаютъ сдержки личному произволу, они не наслѣдуютъ столовъ по праву, а „добываютъ“ ихъ силой или искусствомъ, формулируя свои отношенія къ другимъ князьямъ и къ земщинѣ условіями „рядовъ“, т. е. договоровъ; о единствѣ государства не можетъ быть и рѣчи. *Ключевскій* говоритъ, что въ основаніи единства русской земли лежатъ двѣ связи: 1-я родственная, связывающая князей, 2-я экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетаніе условій, вытекающихъ изъ экономической

жизни волостей, съ условіями родового быта князей породило постоянное движеніе князей по городамъ и постоянное взаимодѣйствіе земскихъ міровъ. Въ этомъ и выражалось единство Русской земли.

Всѣ приведенныя ученія были правы, потому что всѣ освѣщали правильно одну какую-нибудь сторону вопроса: одни уловили формулу законнаго владѣнія, собственно идею порядка (это школа родового быта); другіе занимались не столько изученіемъ нормъ, хотя бы и идеальныхъ, сколько изслѣдованіемъ ихъ нарушеній (Сергѣевичъ); третьи отмѣтили роль общества въ древней Руси, при чемъ принимали ее различно (Костомаровъ и Пассекъ). Каждый вносилъ свой взглядъ, и взглядъ этотъ возбуждалъ возраженія другихъ. При всѣхъ разногласіяхъ, существующихъ въ вопросѣ, можно однако сказать, что вопросъ теперь достаточно освѣщенъ въ основныхъ своихъ чертахъ. Родовой порядокъ наслѣдованія столовъ, какъ идеальная законная норма, несомнѣнно существовалъ. Но рядомъ съ нимъ существовали и условія, подрывавшія правильность этого порядка. Такъ, княжескіе съѣзды нерѣдко постановляли рѣшенія, противныя законному теченію наслѣдованія. Любечскій съѣздъ князей (1097) постановилъ рѣшеніе о князьяхъ, чтобы каждый изъ нихъ „держалъ отчину свою“. Этотъ принципъ отчинности, т. е. семейнаго наслѣдованія отъ отца къ сыну, безспорно начиналъ слагаться въ умахъ этой эпохи, разлагая родовое начало. (Очень хорошо раскрыто это въ новой книгѣ „Княжое право въ древней Руси“ *А. Е. Прѣснякова*). Произволъ князей или не признававшихъ законнаго порядка и авторитета старшихъ, или же нарушавшихъ, благодаря силѣ и старшинству, интересы младшихъ князей—тоже препятствовалъ правильности политической жизни. Изгойство, исключеніе князей изъ правъ ихъ состоянія, создавало по краямъ Русской земли такія области изгоевъ, которыми они владѣли уже прямо по семейному, а не по родовому порядку: владѣтель-изгой не могъ претендовать на иныя волости, но и на его волость не должны были претендовать другіе князья. Наконецъ, если мы вспомнимъ вмѣшательство въ политическія дѣла и въ вопросы наслѣдованія городскихъ вѣчъ, которыя иногда не признавали для себя обязательными счеты княжескаго старшинства и звали въ города князей по своему выбору, то мы укажемъ всѣ важнѣйшія условія, разлагавшія правильный порядокъ политической жизни.

Наличность этихъ условій служитъ яснымъ доказательствомъ того, что политическое устройство кіевскаго княжества было неустойчиво. Составленное изъ многихъ племенныхъ и городскихъ міровъ это княжество не могло сложиться въ единое *государство* въ нашемъ смыслѣ слова и въ XI вѣкѣ распалось. Поэтому, точнѣе всего будетъ опредѣлить Кіевскую Русь, какъ совокупность многихъ княженій, объединенныхъ одною династіей, единствомъ религіи, племени, языка и народнаго

самосознанія. Это самосознаніе достовѣрно существовало: съ его высоты народъ осуждалъ свое политическое неустройство, осуждалъ князей за то, что они „несли землю розно“ своими „которами“, т. е. распрями, и убѣждалъ ихъ быть въ единствѣ ради единой „земли Русской“.

Политическая связь Кіевскаго общества была слабѣе всѣхъ другихъ его связей, что и было одною изъ самыхъ видныхъ причинъ паденія Кіевской Руси.

Отъ общей формы политическаго быта перейдемъ къ его частностямъ. Мы замѣтили, что первою политическою формою, которая зародилась на Руси, былъ бытъ городской или областной. Когда областная и городская жизнь уже сложилась, въ города и области явилась княжеская династія, объединившая всѣ эти области въ одно княжество. Рядомъ съ властями городскими стала власть княжеская. Этимъ и обусловливается тотъ фактъ, что въ XI—XII вв. наблюдаются на Руси два политическихъ авторитета: 1) княжескій и 2) городской или вѣчевой. Вѣче старше князя, но зато князь часто виднѣе вѣча; послѣднее иногда на время уступаетъ ему свое значеніе.

Князья Кіевской Руси, старшіе или младшіе, были всѣ политически другъ отъ друга независимы, на нихъ лежали только нравственныя обязанности: князья волостные должны были почитать старшаго, великаго князя, „въ отца мѣсто“, вмѣстѣ съ нимъ должны были охранять „отъ поганыхъ“ свою волость, сообща съ нимъ думать-гадать о русской землѣ и рѣшать важные вопросы русской жизни. Мы отличаемъ три главныя функціи дѣятельности древне-кіевскихъ князей. Во первыхъ, князь законодательствовалъ, и древній законъ, „Русская Правда“, нѣсколькими изъ своихъ статей прямо подтверждаетъ это. Въ „Правдѣ“ читаемъ, напримѣръ, что сыновья Ярослава, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, совмѣстно постановили замѣнить месть за убійство денежнымъ штрафомъ. Заглавія нѣкоторыхъ статей „Правды“ свидѣтельствуютъ, что эти статьи были „судомъ“ княжескимъ, т. е. были установлены князьями. Такимъ образомъ законодательная функція князей засвидѣтельствована древнимъ памятникомъ. Вторая функція ихъ власти—военная. Князья явились въ первый разъ въ русскую землю, какъ защитники ея границъ, и въ этомъ отношеніи послѣдующіе князья не отличались отъ первыхъ. Припомнимъ, что Владиміръ Мономахъ едва ли не главной своей задачей считалъ оборону границъ отъ половцевъ; къ борьбѣ съ половцами склонялъ онъ и другихъ князей на съѣздахъ и предпринималъ вмѣстѣ съ ними общіе походы на кочевниковъ. Третья функція—есть функція судебная и административная. „Русская Правда“ свидѣтельствуетъ, что князья сами судили уголовныя дѣла. По „Русской Правдѣ“ за убіеніе княжескаго коню-

шаго взимался штрафъ въ 80 гривенъ „яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобужьци“. Здѣсь „Правда“ указываетъ дѣйствительный судебный случай. Относительно административной дѣятельности князей мы можемъ сказать, что они съ давнишнихъ поръ несли на себѣ обязанности управленія, устанавливали „погосты и дани“. Еще на самыхъ первыхъ страницахъ лѣтописи мы читаемъ, какъ Ольга „устави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“. (Погосты представляли собою административные округа). Вотъ главныя обязанности князя Кіевской эпохи: онъ законодательствуетъ, онъ военный вождь, онъ верховный судья и верховный администраторъ. Эти признаки всегда характеризуютъ высшую политическую власть. Сообразно съ характеромъ своей дѣятельности князья имѣютъ и слугъ, такъ называемую дружину, своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, съ помощью которыхъ управляютъ страною. Въ лѣтописи можно найти много свидѣтельствъ, даже съ поэтическимъ характеромъ, о близкомъ отношеніи дружины къ князю. Еще Владиміръ Святой, по лѣтописному преданію высказалъ мысль, что серебромъ и золотомъ дружины нельзя пріобрѣсти, а съ дружиною можно достать и золото и серебро. Такой взглядъ на дружину, какъ на нѣчто неподкупное, стоящее къ князю въ отношеніяхъ нравственнаго порядка, проходитъ черезъ всю лѣтопись. Дружина въ древней Руси пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла: она требовала, чтобы князь безъ нея ничего не предпринималъ, и когда одинъ молодой кіевскій князь рѣшилъ походъ, не посовѣтовавшись съ нею, она отказала ему въ помощи, а безъ нея не пошли съ нимъ и союзники князя. Солидарность князя съ дружиною вытекала изъ самыхъ реальныхъ жизненныхъ условій, хотя и не опредѣлялась никакимъ закономъ. Дружина скрывалась за княжескимъ авторитетомъ, но она поддерживала его; князь съ большой дружиной былъ силенъ, съ малой—слабъ. Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшая называлась „мужами“ и „боярами“ (происхожденіе этого слова толкуютъ различно, между прочимъ, существуетъ предположеніе, что оно произошло отъ слова „болій“, большій). Бояре были вліятельными совѣтниками князя, они въ дружинѣ безспорно составляли самый высшій слой и нерѣдко имѣли свою собственную дружину. За ними слѣдовали такъ называемые „мужи“ или „княжи мужи“—воины и княжескіе чиновники. Младшая дружина называется „гриди“; иногда ихъ называютъ „отроками“, при чемъ это слово нужно понимать лишь какъ терминъ общественнаго быта, который могъ относиться, можетъ быть, и къ очень старому человѣку. Вотъ какимъ образомъ дѣлилась дружина. Вся она, за исключеніемъ княжескихъ рабовъ - холоповъ, одинаково относится къ князю; она приходила къ послѣднему и заключала съ нимъ „ряды“, въ которыхъ обозначала свои обязанности и права. Князь долженъ былъ относиться къ

дружиннику и „мужу“, какъ къ человѣку, вполнѣ независимому, потому, что дружинникъ всегда могъ покинуть князя и искать другой службы. Изъ дружины князь бралъ своихъ администраторовъ, съ помощью которыхъ онъ управляетъ землею и охраняетъ ее. Эти помощники назывались „вирниками“ и „тіунами“; обязанность ихъ состояла въ судѣ и взысканіи виры, т. е. судебной пошлины, въ управленіи землею и въ сборѣ дани. Дань и вира кормили князя и дружину. Князь собиралъ дань иногда съ помощью чиновниковъ, а иногда и лично. Собиралась дань натурой и деньгами, и точно также не одной натурой, но и деньгами давалась дружинѣ. Одинъ лѣтописецъ начала XIII вѣка пишетъ о времени болѣе раннемъ, что князь „еже будяше права вира, и ту возма,—даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его... не жадаху: маломи есть, княже, 200 гривенъ, не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху ихъ жены въ серебрѣ“. Окладъ въ 200 гривенъ каждому дружиннику очень великъ по тогдашнимъ понятіямъ и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о богатствѣ кіевскихъ князей (если въ гривнѣ считать ½ фунта серебра, то ея вѣсовая стоимость около 10 рублей). Откуда же появилось это богатство, какими источниками доходовъ пользовались князья? Во-первыхъ, средства князьямъ давала ихъ судебная дѣятельность. Во-вторыхъ, князья получали дань, о которой уже говорилось. Въ-третьихъ, въ пользу князей шла военная добыча. Наконецъ, послѣдній видъ княжескихъ доходовъ—частные доходы. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, князья пріобрѣтаютъ себѣ частныя земли (села), которыя они строго различаютъ отъ владѣній политическихъ. Князь не можетъ завѣщать политическое владѣніе женщинѣ, а только сыну или брату, а между тѣмъ мы видимъ, что свои частныя земли онъ даетъ женѣ или дочери, или въ монастыри.

Вѣче было старѣе князя. У лѣтописца мы читаемъ: „Новгородцы бо изначала и смольняне и кыяне, и полочане и вся власти яко же на думу на вѣче сходятся, и на что же старшіе думають, на томъ и пригороды станутъ“. Смыслъ этихъ словъ такой: изначала города и волости („власти“) управлялись вѣчами и вѣче старшаго города управляло не только городомъ, но и всею его волостью. Рядомъ съ этими вѣчами, на которыхъ правомъ голоса пользовались всѣ главы семействъ, появилась власть князей, но князья не упразднили вѣча, а правили землею иногда при содѣйствіи, а иногда и съ противодѣйствіемъ послѣдняго. Отношенія князя къ вѣчу и, наоборотъ, вѣча къ князю многіе историки пытались опредѣлить съ точки зрѣнія нашихъ политическихъ понятій, но это приводило только къ натяжкамъ. Факты вѣчевой дѣятельности, собранные въ книгѣ В. И. Сергѣевича „Князь и вѣче“, прежде всего не позволяютъ установить самой формы вѣча, которое очень легко спутать съ простыми народными сходками. И неопредѣленность формы часто

заставляла изслѣдователей различать вѣче законное и незаконное. Законнымъ называлось вѣче, созванное княземъ; вѣче же, собранное противъ воли князя, мятежнически, считалось незаконнымъ. Слѣдствіемъ юридической неопредѣленности положенія вѣча было то, что послѣднее было въ большой зависимости отъ условій чисто мѣстныхъ или временныхъ: политическое значеніе его понижалось при сильномъ князѣ, имѣвшемъ большую дружину, и, наоборотъ, усиливалось при слабомъ; кромѣ того, въ большихъ городахъ оно имѣло большее политическое значеніе, чѣмъ въ малыхъ. Изученіе этого вопроса заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что отношенія между княземъ и вѣчемъ постоянно колеблются. Такъ, при Ярославѣ и его сыновьяхъ вѣче далеко не имѣло той силы, какъ при его внукахъ и правнукахъ. Когда власть князей усилилась и опредѣлилась, вѣче отъ политической дѣятельности перешло къ хозяйственной—стало заниматься дѣлами внутренняго быта города. Но когда родъ Рюриковичей размножился и наслѣдственные счеты запутались, — городскія вѣча стремились возвратить себѣ политическое значеніе. Пользуясь смутою, они сами призывали къ себѣ того князя, котораго хотѣли, и заключали съ нимъ „ряды“. Мало по-малу, вѣче почувствовало себя настолько сильнымъ, что рѣшалось спорить съ княземъ: случалось, что князь стоялъ за одно, а вѣче за другое, и тогда вѣче зачастую „указываетъ князю путь“, т. е. изгоняетъ его.

Перейдемъ къ общественному дѣленію древне-кіевской Руси. Нужно замѣтить, что общество, стоящее на первой ступени развитія, всегда имѣетъ одно и то же общественное дѣленіе: у всѣхъ народовъ арійскаго племени мы встрѣчаемъ слѣдующія три группы: 1) основная масса (въ Кіевской Руси *люди*), 2) привилегированный слой (*старцы*, *бояре*) и 3) лишенные правъ рабы (или на древне-кіевскомъ языкѣ *холопы*). Такимъ образомъ, первоначальное общественное дѣленіе создавалось не какимъ нибудь исключительнымъ мѣстнымъ историческимъ условіемъ, а природою племени, если можно такъ выразиться. Уже на глазахъ исторіи сложились и росли мѣстныя условія. Свидѣтельствомъ этого роста служитъ „Русская Правда“ — почти единственный источникъ нашихъ сужденій о соціальномъ строѣ Кіевской Руси. Она дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: краткой и пространной. Краткая состоитъ изъ 43 статей, изъ которыхъ первыя 17 слѣдуютъ другъ за другомъ въ логической системѣ. Новгородская лѣтопись, содержащая въ себѣ этотъ текстъ „Правды“ выдаетъ ее за законы, изданные Ярославомъ. Краткая редакція „Правды“ многимъ отличается отъ нѣсколькихъ пространныхъ редакцій этого памятника. Она, несомнѣнно, древнѣе ихъ и отражаетъ въ себѣ Кіевское общество въ древнѣйшую пору его жизни. Простран-

ныя редакціи „Правды“, состоящія уже болѣе, чѣмъ изъ 100 статей, заключаютъ въ своемъ текстѣ указанія на то, что возникли онѣ въ цѣломъ составѣ въ XII вѣкѣ, не ранѣе; онѣ заключаютъ въ себѣ законоположенія князей именно XII вѣка (Владиміра Мономаха) и рисуютъ намъ общество Кіевской Руси уже въ полномъ его развитіи. Разнообразіе текста разныхъ редакцій „Правды“ затрудняетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого памятника. Старые историки (*Карамзинъ, Погодинъ*) признавали „Русскую Правду“ за офиціальный сборникъ законовъ, составленный Ярославомъ Мудрымъ и дополнявшійся его преемниками. Въ позднѣйшее время такого же мнѣнія держится изслѣдователь „Правды“ *Ланге.* Но большинство ученыхъ (*Калачевъ, Дювернуа, Сергѣевичъ, Бестужевъ-Рюминъ* и др.) думаютъ, что „Правда“ есть сборникъ, составленный частными лицами, желавшими для личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ. По мнѣнію *В. О. Ключевскаго*, „Русская Правда“ возникла въ сферѣ церковной, гдѣ была нужда знать мірской законъ; здѣсь и записали этотъ законъ. Частное происхожденіе „Русской Правды“ всего вѣроятнѣе потому, что, во-первыхъ, въ текстѣ ея можно указать статьи не юридическаго, а хозяйственнаго содержанія, имѣвшія значеніе только для частнаго быта, и, во-вторыхъ, внѣшняя форма отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ редакцій „Правды“ имѣетъ характеръ частныхъ записей, составленныхъ какъ бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной дѣятельности.

Изучая по „Русской Правдѣ“ и по лѣтописи *составъ древняго кіевскаго общества*, мы можемъ отмѣтить три древнѣйшихъ его слоя: 1) высшій, называемый старцами „градскими“, „старцами людскими“; это земская аристократія, къ которой нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ и *огнищанъ.* О старцахъ мы уже говорили; что же касается до *огнищанъ*, то о нихъ много мнѣній. Старые ученые считали ихъ домовладѣльцами или землевладѣльцами, производя терминъ отъ слова *огнище* (въ областныхъ говорахъ оно означаетъ очагъ или пашню на изгари, т. е. на мѣстѣ сожженнаго лѣса); Владимірскій-Будановъ говоритъ въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“, что старшіе дружинники именовались сначала „огнищанами“, но тутъ же прибавляетъ, что чешскій памятникъ „Mater verborum“ толкуетъ слово огнищанинъ, какъ „вольноотпущенный“ („libertus, cui post servitium accedit libertas“); видимое противорѣчіе авторъ думаетъ скрыть тѣмъ соображеніемъ, что старшіе дружинники могли происходить изъ младшихъ, *невольныхъ* слугъ князя. Слово *огнище* въ древности значило дѣйствительно *рабъ, челядь;* въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ древнемъ, XI вѣка, переводѣ Словъ Григорія Богослова; поэтому нѣкоторые изслѣдователи (Ключевскій) въ огнищанахъ видятъ рабовладѣльцевъ, иначе говоря, богатыхъ людей въ ту древнѣй-

шую пору жизни общества, когда не земля, а рабы были главнымъ видомъ собственности. Если же обратить вниманіе на статьи пространной „Русской Правды", которыя, вмѣсто „огнищанина" краткой „Русской Правды", говорятъ о „княжемъ мужѣ" или „тіунѣ огнищномъ", то можно огнищанина счесть именно за княжа мужа, и въ частности за тіуна, завѣдывающаго княжескими холопами, т. е. за лицо, предшествующее позднѣйшимъ *дворскимъ* или *дворецкимъ*. Положеніе послѣднихъ было очень высоко при княжескихъ дворахъ, и въ то же время они могли быть сами холопами. Въ Новгородѣ же, какъ кажется, огнищанами звали не однихъ дворецкихъ, а весь княжескій дворъ (позднѣе *дворяне*). Такъ, стало быть, возможно принимать огнищанъ за знатныхъ княжескихъ мужей; но сомнительно, чтобы огнищане были высшимъ классомъ земскаго общества. 2) Средній классъ составляли *люди* (ед. числ. *людинъ*), *мужи*, соединенные въ общины, *верви*. 3) *Холопы* или *челядь*—рабы и притомъ безусловные, *полные, обельные* (облый—круглый) были третьимъ слоемъ.

Съ теченіемъ времени это общественное дѣленіе усложняется. На верху общества находится уже княжеская *дружина*, съ которой сливается прежній высшій земскій классъ. Дружина состоитъ изъ старшей („*бояръ* думающихъ и *мужей* храборствующихъ") и младшей (*отроковъ, гридей*), въ которую входятъ и рабы князя. Изъ рядовъ дружины назначается княжеская администрація и судьи (*посадникъ, тіунъ, вирники* и др.). Классъ *людей* дѣлится опредѣленно на *горожанъ* (купцы, ремесленники) и *сельчанъ*, изъ которыхъ свободные люди называются *смердами*, а зависимые — *закупами* (закупомъ *ролейнымъ*, напримѣръ, называется сельскій земледѣльческій батракъ). Закупы не рабы, но ими начинается на Руси классъ *условно* зависимыхъ людей, классъ, съ теченіемъ времени смѣнившій собою полныхъ рабовъ. *Дружина*, и *люди* не суть замкнутые общественные классы: изъ одного можно было перейти въ другой. Основное различіе въ положеніи ихъ заключалось, съ одной стороны, въ отношеніи къ князю (одни князю *служили*, другіе ему *платили*; что же касается до *холоповъ*, то они имѣли своимъ „господиномъ" хозяина, а не князя, который ихъ вовсе не касался), а съ другой стороны—въ хозяйственномъ и имущественномъ отношеніи общественныхъ классовъ между собою.

Мы допустили бы большой пробѣлъ, если бы не упомянули о совершенно особомъ классѣ лицъ Кіевскаго общества, классѣ, который повиновался не князю, а церкви. Это *церковное общество*, состоящее изъ: 1) іерархіи, священства и монашества; 2) лицъ, служившихъ церкви, церковнослужителей; 3) лицъ, призрѣваемыхъ церковью,—старыхъ, увѣчныхъ, больныхъ; 4) лицъ, поступившихъ подъ опеку церкви,—изгоевъ и 5) лицъ, зависимыхъ отъ церкви—„челядь" (холоповъ), перешедшую въ даръ церкви отъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Церковные уставы князей такъ

описываютъ составъ церковнаго общества: „А се церковныи люди: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ и дѣти ихъ, а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущенникъ (т. е. получившій чудесное исцѣленіе), задушный человѣкъ (т. е. вольноотпущенный по духовному завѣщанію), изгои (т. е. лица, потерявшія права гражданскаго состоянія); ...монастыреве, больницы, гостинницы, странопріимницы, то люди церковныя, богадѣльныя“. Всѣхъ этихъ людей церковная іерархія вѣдаетъ администраціей и судомъ: „или митрополитъ, или епископъ тыи вѣдаютъ, между ими судъ или обиду“. Изгоямъ и холопамъ и всѣмъ своимъ людямъ церковь создаетъ твердое общественное положеніе, сообщаетъ права гражданства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выводитъ ихъ вовсе изъ свѣтскаго общества.

Настолько развито и сложно стало общественное дѣленіе Кіевскаго общества къ XII вѣку. Раньше, какъ мы видѣли, общество было проще по составу и расчленилось уже на глазахъ исторіи.

Закончимъ нашъ обзоръ Кіевской Руси общей характеристикой ея культурнаго состоянія. Первое же знакомство съ кіевскимъ бытомъ покажетъ намъ существованіе древнихъ и сильныхъ городскихъ общинъ на Руси и обиліе вообще городскихъ поселеній; это обстоятельство—лучшій признакъ того, что торговые обороты страны были значительны. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ скандинавскихъ сагахъ Кіевъ называли „страной городовъ“, слѣдовательно, городская жизнь была въ глазахъ иноземцевъ отличительной чертою Руси. По лѣтописи насчитываются сотни городовъ, тянувшихъ къ „старѣйшимъ“ городскимъ центрамъ на Руси. Конечно, такая многочисленность городовъ обусловливалась не одними административными и военными потребностями, но и развитіемъ торговли, которая придавала городу значеніе рынка. Несомнѣнно, что главнымъ занятіемъ городскихъ жителей была торговля, и что масса городского населенія состояла изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. О развитіи торговли въ кіевской Руси говорятъ намъ многіе древніе авторы. Русскіе купцы ѣздили въ Грецію, Болгарію, Германію, Чехію и на Востокъ. Въ Кіевѣ и Новгородѣ было постоянное стеченіе купцовъ. Въ Новгородѣ жили нѣмецкіе купцы и имѣли свою церковь — „Варяжскую божницу“; нѣмецкіе же купцы черезъ Польшу ѣздили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ былъ еврейскій и, кажется, польскій кварталъ; жили постоянно купцы католическаго вѣроисповѣданія, которыхъ называли „Латиною“; есть извѣстіе и объ армянахъ. Кіевъ былъ торговой станціей не только между сѣверомъ и югомъ, т.-е. между варягами и Греціей, но и между западомъ и востокомъ, т.-е. между Европой и Азіей; отсюда понятно

торговое значеніе Кіева и всей южной Руси. Тихій земледѣльческій трудъ мѣшался здѣсь съ бойкимъ и шумнымъ торговымъ движеніемъ; жизнь отличалась многообразіемъ функцій; торговля, вызывая знакомство со многими народами, способствовала накопленію богатствъ и знаній. Много условій создавалось здѣсь для культурнаго развитія, и это развитіе начиналось и зацвѣтало яркимъ цвѣтомъ. Просвѣщеніе, принесенное христіанствомъ, нашло пріютъ въ русскихъ монастыряхъ и пріобрѣло себѣ много поборниковъ. Мы знаемъ, что христіанская мораль успѣшно боролась съ грубыми воззрѣніями языческой старины; мы видимъ князей, читающихъ и собирающихъ книги, князей, заказывающихъ переводы благочестивыхъ произведеній церковной литературы на русскій языкъ; мы видимъ распространеніе грамотности, видимъ школы при церквахъ и епископскихъ дворахъ; мы любуемся фресками, которыя писаны по греческимъ образцамъ русскими художниками; мы читаемъ произведенія богословски-образованныхъ русскихъ людей. Словомъ, въ отношеніи просвѣщенія, кіевская Русь стояла не ниже прочихъ молодыхъ государствъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей, славянъ. Изслѣдователи первоначальныхъ сношеній Руси и Польши прямо признаютъ культурное прево ходство первой. И матеріальная культура кіевскаго общества стояла, сравнительно съ прочей Европой, не низко. Внѣшность Кіева вызывала панегирики писателей XI вѣка. Западнымъ иностранцамъ Кіевъ казался соперникомъ Константинополя. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на иноземцевъ, вело къ невольнымъ гиперболамъ съ ихъ стороны: они, напр., считали въ Кіевѣ 400 церквей, чего на самомъ дѣлѣ не было. Но во всякомъ случаѣ Кіевъ былъ крупнымъ торговымъ городомъ восточной Европы, городомъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, высшіе классы котораго знакомы были съ лучшими произведеніями окрестныхъ странъ и вызывали со стороны нашего лѣтописца даже упреки въ роскоши. И если, за исключеніемъ Кіева и другихъ городовъ, вся прочая страна была еще въ младенческихъ формахъ общественнаго и хозяйственнаго быта, то, все-таки, мы не имѣемъ права назвать Кіевскую Русь некультурною страною, если возьмемъ во вниманіе бытъ древнихъ городовъ, отмѣченный явно культурными чертами.

Мы видѣли, что еще въ глубокой древности Русь стала терять черты патріархальнаго племенного строя, хотя и не отлилась еще въ окончательныя формы государственнаго быта. Долгое совмѣстное жительство, единство племени, языка и религіи дѣлали изъ Руси одну страну, изъ русскихъ славянъ—одинъ народъ. И это единство чувствовалось и ярко сознавалось нашими предками. Пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ", который помнилъ много такой старины, какая и для его времени была уже сѣдою стариною, мыслилъ русскую землю единую отъ южнаго Галича и Карпатъ до верхней Волги. Всѣхъ князей и сѣверныхъ и

южныхъ одинаково зоветъ онъ помочь бѣдѣ Игоря и стать „за землю русскую". Въ его глазахъ бѣда Игоря—бѣда всей земли русской, а не только Игорева княжества: „Тоска разлилась по Русской землѣ, обильна печаль потекла среди земли русскія!" говоритъ онъ объ этомъ. Въ XI вѣкѣ лѣтописецъ пишетъ свою „Повѣсть" не о томъ или другомъ княжествѣ, а о всей Русской землѣ. Такъ выростало постепенно твердое національное самосознаніе, выростало и въ сказаніяхъ, и въ лѣтописяхъ, и въ самой жизни. Въ XII вѣкѣ окончательно опредѣлилась русская національность.

Тѣмъ болѣе непонятнымъ долженъ казаться упадокъ кіевской Руси къ XIII вѣку. Какая же была тому причина? Первая и главная причина заключалась въ томъ, что въ единой землѣ, въ единомъ обществѣ не было единой политической власти,—владѣлъ Русью многочисленный княжескій родъ; при спутанности родовыхъ и семейныхъ счетовъ изъ-за старшинства или изъ-за какихъ нибудь обидъ, князья часто затѣвали усобицы и втягивали населеніе въ междоусобную войну; отъ этихъ усобицъ страдали люди, страдало развитіе народнаго быта. Изъ 170 лѣтъ (1055—1224) Погодинъ насчитываетъ 80 лѣтъ, прошедшихъ въ усобицахъ и 90 лѣтъ мирныхъ; и хотя тотъ же Погодинъ говоритъ, что для массы они не имѣли важнаго значенія, но въ дѣйствительности они были несчастьемъ для страны, какъ бы легко ни переносилось населеніемъ каждое отдѣльное разореніе. Вторымъ несчастьемъ Кіевской Руси было усиленіе, съ половины XII вѣка, ея степныхъ враговъ. Въ южныхъ степяхъ появились половцы и въ теченіе двухъ столѣтій 40 разъ опустошали русскую землю значительными набѣгами, а мелкихъ набѣговъ и не перечесть. Торговля съ югомъ стала замирать благодаря тѣмъ же половцамъ; они грабили купцовъ на нижнемъ Днѣпрѣ и Днѣстрѣ, и торговые караваны бывали внѣ опасности только подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Въ 1170 году у южныхъ русскихъ князей, по почину Мстислава Изяславича, былъ съѣздъ, на которомъ обсуждались средства борьбы съ половцами и говорилось, что половцы „уже у насъ и Греческій путь (въ Царьградъ) отнимаютъ, и Соляный (Крымскій или же Чешскій), и Залозный (на нижній Дунай)". Это было большимъ бѣдствіемъ для страны. Изъ-за половецкой грозы наши предки не замѣчали, что торговля ихъ падаетъ еще и по другой причинѣ, именно потому, что крестовыми походами былъ созданъ новый путь сообщенія Зап. Европы съ Азіей, мимо Кіева,—чрезъ восточныя побережья Средиземнаго моря. Къ XIII вѣку жизнь Кіевской Руси стала бѣднѣй и утратила послѣднюю безопасность; чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становилось жить на югѣ; вотъ почему цѣлые города и волости начинаютъ пустѣть, тѣмъ болѣе, что князья, какъ прежде ссорились изъ-за старшинства, такъ теперь стали ссориться изъ-за людей, за „полонъ". Они стали дѣлать набѣги

на сосѣднія княжества и уводили народъ толпами, населеніе не могло жить спокойно, потому что свои же князья отрывали его отъ земли, отъ хозяйства.

Эти обстоятельства—усобицы князей, отсутствіе внѣшней безопасности, паденіе торговли и бѣгство населенія—были главными причинами упадка южно-русской общественной жизни. Появленіе же татаръ нанесло ей лишь окончательный ударъ. Послѣ нашествія татаръ Кіевъ превратился въ маленькій городокъ въ 200 домовъ; торговля вовсе заглохла, и, мало по малу, Кіевскую Русь по частямъ захватили ея враги. А въ то же время на окраинахъ Русской земли зарождалась новая жизнь, возникали новые общественные центры, слагались новыя общественныя отношенія. Возникновеніе и развитіе Суздальской Руси, Новгорода и Галича начинаютъ уже собою иной періодъ Русской Исторіи *).

Колонизація Суздальско-Владимірской Руси.

Въ XII-мъ вѣкѣ, когда вслѣдствіе княжескихъ усобицъ и половецкихъ опустошеній начинается упадокъ кіевской Руси, неурядицы кіевской жизни вызываютъ передвиженіе населенія отъ средняго Днѣпра на юго-западъ и сѣверо-востокъ, отъ центра тогдашней Руси Кіева къ ея окраинамъ.

На сѣверо-востокѣ русскіе переселенцы попадаютъ на новыя мѣста, въ страну съ инымъ географическимъ характеромъ, чѣмъ Поднѣпровье. Особенности этой страны создаютъ постепенно и новыя черты въ физическомъ типѣ колонистовъ и новые соціальные и экономическіе порядки въ ихъ быту. Занятая русскими на сѣверо-востокѣ мѣстность—это страна между верхнимъ теченіемъ Волги и Окой. Природа здѣсь очень рознится отъ днѣпровской: ровная плодородная почва здѣсь смѣняется суглинкомъ, болотами и первобытнымъ лѣсомъ. Хотя обиліе рѣчныхъ водъ замѣчается и здѣсь, но свойства рѣкъ различны: южная Русь имѣетъ большія рѣки, текущія, въ громадномъ большинствѣ, къ одному центру, къ Днѣпру; въ сѣверной Руси—масса мелкихъ рѣчекъ, не имѣющихъ общаго центра, текущихъ по самымъ различнымъ направленіямъ. Климатъ сѣверо-восточной Руси вслѣдствіе обилія воды и лѣса суровѣе, почва требуетъ большихъ трудовъ для обработки. Пер-

*) Исторія Кіевской Руси стала въ послѣднее время предметомъ спеціальнаго изложенія ученыхъ, держащихся того взгляда, что историческая традиція древней Кіевщины не прервалась, а продолжала жить въ украинскомъ народѣ и въ учрежденіяхъ Литовскаго княжества (Грушевскій, А. Я. Ефименко).

воначальными жителями сѣверо-восточной окраины были финскія племена *меря* и *мурома*, о бытѣ которыхъ исторія не знаетъ ничего достовѣрнаго. Изслѣдователь древнѣйшей исторіи Суздальской Руси, проф. Корсаковъ („Меря и Ростовское княжество", 1872), пробуетъ возстановить бытъ мери: 1) по указаніямъ разныхъ источниковъ,—такъ какъ лѣтопись говоритъ о первоначальныхъ жителяхъ этой страны очень мало; 2) по сравненію быта теперешняго населенія губерній Московской, Владимірской, Костромской и Ярославской съ бытомъ жителей другихъ великорусскихъ губерній: особенности этого быта могутъ быть объясняемы бытомъ первоначальныхъ обитателей названныхъ губерній; 3) по сравненію данныхъ лѣтописи о бытѣ мери и муромы съ бытомъ сосѣднихъ имъ нынѣ существующихъ финскихъ племенъ: мордвы и черемисъ; этнографія ихъ нѣсколько разработана, и жизнь этихъ племенъ можетъ съ нѣкоторою вѣроятностью дать основанія для заключеній о жизни исчезнувшей ихъ родни; 4) по указаніямъ, добытымъ изъ раскопокъ, на мѣстахъ поселенія мери и муромы; эти раскопки, произведенныя здѣсь археологами—Савельевымъ и графомъ Уваровымъ, даютъ рядъ отрывочныхъ, правда, указаній на особенности мери и муромы. Тщательныя изысканія Корсакова не привели къ большимъ результатамъ: онъ указываетъ, что меря и мурома племена финскаго происхожденія, близкія по быту къ мордвѣ; религія ихъ была не развита; политической организаціи не существовало, не было и городовъ; культура была на очень низкой ступени развитія; первенствующее значеніе принадлежало жрецамъ.

Колонизаціонное движеніе Руси по Волгѣ—явленіе очень древнее: на первыхъ уже страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемся съ городами Суздалемъ и Ростовомъ, появившимися неизвѣстно когда. Откуда, т. е: изъ какихъ мѣстъ Руси, первоначально шла колонизація въ суздальскомъ краѣ, можно догадываться по тому, что Ростовъ въ древности политически тянулъ къ Новгороду, составляя какъ бы часть новгородскаго княжества. Это давало поводъ предположить, что первыми колонистами на Волгѣ были новгородцы, шедшіе на Востокъ, какъ и всѣ русскіе колонизаторы, по рѣкамъ. Противъ такого предположенія возражали, что Новгородъ отъ Волги и рѣкъ ея бассейна отдѣляется водораздѣлами (препятствія для свободнаго передвиженія) и указывали на различіе нарѣчій суздальскаго и новгородскаго. Но противъ перваго положенія можно сказать, что водораздѣлы никогда не могутъ задержать переселенія; а второе объясняется историческими причинами: подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ условій, встрѣчи съ чуждымъ народомъ и языкомъ, въ языкѣ колонистовъ могли выработаться извѣстныя особенности. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать, что первыми русскими колонистами въ суздальской Руси могли быть новгородцы.

Въ послѣднее время ученые (Шахматовъ, Спицынъ, Соболевскій и др.) заново подняли вопросъ о заселеніи средняго Поволжья славянами и, не сходясь въ деталяхъ, однако согласно представляютъ намъ дѣло такъ, что славянскій народный потокъ непрерывно стремился на сѣверо-востокъ отъ области кривичей и, можетъ быть, вятичей, заполняя Поволжье многими путями и изо многихъ мѣстъ, между которыми Новгородъ игралъ въ свое время важнѣйшую, но, вѣроятно, не исключительную роль. Позднѣе, съ упадкомъ Кіева, въ XII вѣкѣ главныя массы колонистовъ въ эту область стали двигаться съ юга, отъ Кіева. Сообщеніе Кіева съ Суздальской землей въ первые вѣка русской жизни совершалось кругомъ—по Днѣпру и верхней Волгѣ, потому что непроходимые лѣса вятичей мѣшали отъ Днѣпра прямо проходить на Оку, и только въ XII в. являются попытки установить безопасный путь изъ Кіева къ Окѣ: эти попытки и трудности самаго пути остались въ памяти народа въ разсказѣ былины о путешествіи Ильи Муромца изъ родного села Карачарова въ Кіевъ. Со второй половины XII вѣка этотъ путь, сквозь вятичеи, устанавливается и начинается замѣтное оживленіе Суздальскаго княжества,—туда приливаетъ населеніе, строятся города, и въ этой позднѣйшей порѣ колонизаціи замѣчается любопытное явленіе: появляются на сѣверѣ географическія имена юга (Переяславль, Стародубъ, Галичъ, Трубежъ, Почайна), вѣрный признакъ, что населеніе пришло съ юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпосъ,—фактъ, что былины южно-русскаго цикла сохранились до нашихъ дней *на сѣверѣ*, также ясно показываетъ, что на сѣверъ перешли и люди, сложившіе ихъ.

Страна, въ которую шли поселенцы, своими особенностями вліяла на разселеніе колонистовъ. Рѣчки, по которымъ селились колонисты, не стягивали поселенія въ густыя массы, а располагали ихъ отдѣльными группами. Городовъ было мало, господствующимъ типомъ селеній были деревни, и такимъ образомъ городской бытъ юга здѣсь замѣнился сельскимъ. Новые поселенцы, сидя на почвѣ не вполнѣ плодородной, должны были заниматься, кромѣ земледѣлія, еще лѣсными промыслами: угольничествомъ, лыкодерствомъ, бортничествомъ и пр.; на это указываютъ и названія мѣстностей: Угольники, Смолотечье, Деготино и т. д. Въ общемъ характерѣ Суздальской Руси лежали крупныя различія, сравнительно съ жизнью Кіевской Руси: изъ городской, торговой она превратилась въ сельскую, земледѣльческую. Переселяясь въ Суздальскій край, русскіе, какъ мы сказали, встрѣтились съ туземцами финскаго происхожденія. Слѣдствіемъ этой встрѣчи для финновъ было ихъ полное обрусѣніе. Мы не находимъ ихъ теперь на старыхъ мѣстахъ, не знаемъ объ ихъ выселеніи изъ Суздальской Руси, а знаемъ только, что славяне не истребляли ихъ, и что, слѣдовательно, оставаясь на старыхъ мѣстахъ,

они потеряли національность, ассимилировавшись совершенно съ русскими поселенцами, какъ расой, болѣе цивилизованной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и для славянскихъ переселенцевъ поселеніе въ новой обстановкѣ и смѣшеніе съ финнами не осталось и не могло бы остаться безъ послѣдствій: во 1-хъ, измѣнился ихъ говоръ; во 2-хъ, совершилось нѣкоторое измѣненіе физіологическаго типа; въ 3-хъ, видоизмѣнился умственный и нравственный складъ поселенцевъ. Словомъ въ результатѣ явились въ сѣверо-русскомъ населеніи нѣкоторыя особенности, выдѣлившія его въ самостоятельную великорусскую народность.

Со времени Любечскаго съѣзда, съ начала XII в. судьба Суздальскаго края связывается съ родомъ Мономаха. Изъ Ростова и Суздаля образуется особое княжество и первымъ самостоятельнымъ княземъ суздальскимъ дѣлается сынъ Мономаха, Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Очень скоро это вновь населяемое княжество становится сильнѣйшимъ среди другихъ старыхъ. Въ концѣ того же XII вѣка Владиміро-Суздальскій князь, сынъ Юрія Долгорукаго, Всеволодъ III уже считается могущественнымъ княземъ, который, по словамъ пѣвца „Слова о Полку Игоревѣ“, можетъ „Волгу веслы раскропити и Донъ шеломами выльяти“. Одновременно съ внѣшнимъ усиленіемъ Суздальскаго княжества мы наблюдаемъ внутри самаго княжества слѣды созидающаго процесса: здѣсь слагается иной, чѣмъ на югѣ, общественный строй. Въ XI-мъ и даже въ XII вѣкѣ въ Суздальской Руси, какъ и на югѣ, мы видимъ развитіе городскихъ общинъ (Ростовъ, Суздаль) съ ихъ вѣчевымъ бытомъ. Новые же города въ этой странѣ возникаютъ съ инымъ типомъ. „Разница между старыми и новыми городами та“, говоритъ Соловьевъ, „что старые города, считая себя старѣе князей, смотрѣли на нихъ, какъ на пришельцевъ, а новые, обязанные имъ своимъ существованіемъ, естественно, видятъ въ нихъ своихъ строителей и ставятъ себя относительно нихъ въ подчиненное положеніе“. Въ самомъ дѣлѣ, на сѣверѣ князь часто первый занималъ мѣстность и искусственно привлекалъ въ нее новыхъ посельниковъ, ставя имъ городъ или указывая пашню. Въ старину на югѣ было иначе: пришельцемъ въ извѣстномъ городѣ былъ князь, исконнымъ же владѣльцемъ городской земли вѣче; теперь на сѣверѣ пришельцемъ оказывалось населеніе, а первымъ владѣльцемъ земли князь. Роли перемѣнились, должны были измѣниться и отношенія. Какъ политическій владѣлецъ, князь на сѣверѣ по старому обычаю управлялъ и законодательствовалъ; какъ первый заимщикъ земель, онъ считалъ себя и свою семью сверхъ того вотчинниками—хозяевами даннаго мѣста. Въ лицѣ князя произошло соединеніе двухъ категорій правъ на землю: правъ политическаго владѣльца и правъ частнаго собственника. Власть князя стала шире и полнѣе. Съ этимъ новымъ явленіемъ не могли примириться старые вѣчевые города. Между ними и

княземъ произошла борьба; руководителями городовъ въ этой борьбѣ были, по мнѣнію Бѣляева и Корсакова, „земскіе бояре". И въ южной Руси, по „Русской Правдѣ" и лѣтописи, мелькаютъ слѣды земской аристократіи, которая состояла изъ земскихъ, а не княжескихъ бояръ— градскихъ старцевъ. На сѣверѣ въ городахъ должна была быть такая же аристократія съ земледѣльческимъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, что „бояре" новгородскіе, колонизуя востокъ, скупали себѣ въ Ростовской и Суздальской землѣ владѣнія, вызывали туда на свои земли работниковъ и составляли собою классъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ ихъ рукахъ, независимо отъ князя, сосредоточивалось вліяніе на вѣчѣ, и вотъ съ этой-то землевладѣльческой аристократіей, съ этой силой, сидѣвшей въ старыхъ городахъ, приходилось бороться князьямъ; въ новыхъ построенныхъ князьями городахъ такой аристократіи, понятно, не было. Борьба князей со старыми городами влечетъ за собою неминуемо и борьбу новыхъ городовъ со старыми. Эта борьба оканчивается побѣдой князей, которые подчиняютъ себѣ старые города и возвышаютъ надъ ними новые. Полнота власти князя становится признаннымъ фактомъ. Князь не тольконоситель верховной власти въ странѣ, онъ ея наслѣдственный владѣлецъ, „вотчинникъ". На этомъ принципѣ вотчинности (патримоніальности) власти строятся всѣ общественныя отношенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „удѣльнаго порядка" и весьма несходныя съ порядкомъ Кіевской Руси.

Вліяніе татарской власти на удѣльную Русь.

Новый порядокъ едва обозначился въ Суздальской Руси, когда надъ этою Русью стала тяготѣть татарская власть. Эта случайность въ нашей исторіи не достаточно изучена для того, чтобы съ увѣренностью ясно и опредѣленно указать степень историческаго вліянія татарскаго ига. Одни ученые придаютъ этому вліянію большое значеніе, другіе— его вовсе отрицаютъ. Въ татарскомъ вліяніи прежде всего надо различать двѣ стороны: 1) вліяніе на государственное и общественное устройство древней Руси и 2) вліяніе на ея культуру. Въ настоящемъ курсѣ насъ главнымъ образомъ долженъ занимать вопросъ о степени вліянія татаръ на политическій и соціальный строй. Эта степень можетъ быть нами угадана по измѣненіямъ: во 1-хъ, въ порядкѣ княжескаго престолонаслѣдія; во 2-хъ, въ отношеніяхъ князей между собою; въ 3-хъ, въ отношеніяхъ князей къ населенію. Въ первомъ отношеніи замѣчаемъ, что порядокъ наслѣдованія великокняжескаго престола при татарахъ, въ

первое столѣтіе ихъ власти (1240—1340), оставался тѣмъ же, какимъ былъ до татаръ: это—родовой порядокъ съ нерѣдкими ограниченіями и нарушеніями. Великое княженіе оставалось неизмѣнно въ потомствѣ Всеволода Большого Гнѣзда, въ линіи его сына Ярослава. Въ теченіе немногимъ болѣе 100 лѣтъ (съ 1212 по 1328) пятнадцать князей изъ четырехъ поколѣній было на великокняжескомъ столѣ и изъ нихъ только три князя захватили престолъ съ явнымъ беззаконіемъ, мимо дядей или старшихъ братьевъ (сыновья Всеволода: 1) Юрій, 2) Константинъ, затѣмъ опять Юрій, ранѣе сидѣвшій не по старшинству, 3) Ярославъ, 4) Святославъ; сыновья Ярослава Всеволодовича: 5) Михаилъ Хоробритъ, захватившій силою престолъ у дяди Святослава мимо своихъ старшихъ братьевъ, 6) Андрей, 7) Александръ Невскій, который былъ старше Андрея и со временемъ свергъ его, 8) Ярославъ Тверской, 9) Василій Костромской; сыновья Александра Невскаго: 10) Димитрій, 11) Андрей; 12) сынъ Ярослава Тверского Михаилъ; 13) внукъ Александра Невскаго Юрій Даниловичъ; 14) внукъ Ярослава Тверского Александръ Михайловичъ; 15) внукъ Александра Невскаго Иванъ Даниловичъ Калита). Если мы обратимся къ дотатарскому періоду, въ такъ называемую Кіевскую Русь, то увидимъ тамъ однородный порядокъ и однородныя правонарушенія. Очевидно, татарская власть ничего не измѣнила въ старомъ обычаѣ передачи столовъ и присвоила себѣ лишь право санкціонировать проявленія этого обычая. Мало того, и этимъ правомъ своимъ она какъ будто не дорожила и не всегда спѣшила его осуществлять: самоуправство князей оставалось подолгу ненаказаннымъ. Михаилъ Хоробритъ умеръ, владѣя великокняжескимъ столомъ и не бывъ наказанъ за узурпацію власти. Попранныя имъ права дяди Святослава, санкціонированныя ранѣе татарами, не были имъ возстановлены даже и тогда, когда послѣ смерти Хоробрита власть и стольные города—Владиміръ и Кіевъ—выпросили себѣ племянники Святослава, Андрей и Александръ. Въ поколѣніи внуковъ и правнуковъ Всеволода Большого Гнѣзда образовалась даже таковая повадка, которая явно изобличаетъ слабость татарскаго авторитета и вліянія; удѣльные князья неизмѣнно враждовали съ утвержденнымъ татарами великимъ княземъ и старались, въ одиночку или всѣ сообща, ослабить его. Александръ Невскій враждовалъ съ великимъ княземъ Андреемъ Ярославичемъ, Василій Костромской—съ великимъ княземъ Ярославомъ Тверскимъ, Димитрій Александровичъ—съ великимъ княземъ Василіемъ Костромскимъ, Андрей Александровичъ—съ великимъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ и т. д. Татары видѣли всѣ эти свары и усобицы и не думали, что ихъ существованіе подрываетъ на Руси значеніе татарской власти; напротивъ, не слѣдуя никакому опредѣленному принципу въ этомъ дѣлѣ, они смотрѣли на ссоры князей какъ на лишній источникъ дохода и цинично говорили князю: будешь

великимъ, „оже ты даси выходъ (то-есть, дань), больши“, т. е. если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались въ Ордѣ даже другъ съ другомъ. Искали, напримѣръ, великаго княженія Михаилъ Тверской и Юрій Московскій и Михаилъ посулилъ больше „выхода“, чѣмъ Юрій: тогда Юрій „шедъ къ нему рече: отче и брате, азъ слышу, яку хощеши большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не гибнетъ земля Русская насъ ради,—и шедше къ хану, объявиша ему о семъ; тогда даде ханъ ярлыкъ Михаилу на великое княженіе и отпусти я“. Такимъ образомъ, татарская власть не могла здѣсь что-либо установить или отмѣнить, такъ какъ не руководилась никакимъ сознательнымъ мотивомъ. Татары застали на Руси распадъ родового наслѣдованія и зародыши семейно-вотчиннаго владѣнія; при нихъ продолжался распадъ, и развивались и крѣпли зародыши семейно-вотчиннаго владѣнія. Нарушеній этого процесса, давно и глубоко измѣнявшаго основы общественной организаціи, мы не замѣчаемъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ сѣверно-русскихъ князей въ XIII и XIV вѣкахъ несомнѣнно происходятъ измѣненія и по сравненію ихъ съ болѣе древнимъ порядкомъ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя рѣзкія особенности, которыя многіе ученые приписываютъ татарскому игу; но, всматриваясь внимательнѣе, мы убѣждаемся, что причины, вызывавшія эти особенности, дѣйствовали въ русской землѣ и раньше татаръ. Къ этимъ особенностямъ принадлежатъ: 1) полное пренебреженіе родовымъ единствомъ; 2) передача владѣній отъ отца къ сыну, иначе—начало вотчиннаго наслѣдованія; 3) осѣданіе княжескихъ линій по волостямъ; князья сѣверо-восточной Руси (первые: Ярославъ Тверской и Василій Костромской Ярославичи), добившись великокняжескаго престола, не идутъ изъ удѣла княжить во Владиміръ, а присоединяютъ его къ своему княжеству и управляютъ имъ изъ своихъ удѣловъ; 4) опредѣленіе междукняжескихъ отношеній договорами, въ которыхъ подробно объясняются всѣ частности совмѣстной дѣятельности и степень зависимости одного князя отъ другого. Всѣ исчисленныя особенности суть прямое слѣдствіе того вотчиннаго характера, какой усвоила себѣ княжеская власть съ самаго начала своей дѣятельности въ Суздальской землѣ. Довѣряя надзоръ за порядкомъ въ русской землѣ старшему, великому князю, татары безъ призыва самихъ князей не имѣли ни повода, ни желанія вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Наконецъ, 5) и отношеніе князей къ населенію не подвергалось постоянному надзору и регламентаціи татарской власти, опредѣляясь тѣмъ же принципомъ вотчинности. Полнота княжескаго авторитета могла, конечно, выросли отъ того, что онъ опирался на татаръ, но существо княжеской власти оставалось то же.

Да и какъ татарское вліяніе на русскую жизнь могло быть значи-

тельно, если, завоевавъ Русь, татары не остались жить въ русскихъ областяхъ, богатыхъ неудобными для нихъ лѣсами, а отошли на югъ, въ открытыя степи? На Руси они оставили, для наблюденія, своихъ намѣстниковъ „баскаковъ“ съ военными отрядами. Особые татарскіе чиновники „численники“ или „писцы“ изочли и переписали все населеніе Руси, кромѣ церковныхъ людей, и наложили на него дань, получившую названіе „выхода“. Сборомъ этой дани и вообще татарскимъ управленіемъ на Руси завѣдывали въ Золотой ордѣ особые чиновники „даруги“ или „дороги“, посылавшіе на Русь „данщиковъ“ для дани и „пословъ“ для другихъ порученій. Русскіе князья у себя дома должны были имѣть дѣло съ баскаками и послами; когда-же князей для поклона или дѣлъ вызывали въ Орду, то тамъ ихъ „брали къ себѣ въ улусъ“ дороги, завѣдывавшіе ихъ княжествами. Рѣдко появляясь массами въ покоренной странѣ въ началѣ своего господства, татары впослѣдствіи еще рѣже появлялись тамъ—исключительно для сбора дани или въ видѣ войска, приводимаго большею частью русскими князьями для ихъ личной цѣли. Этотъ обычай брать дружину у сосѣднихъ народовъ—обычай стародавній; еще въ X и XI вв. князья нанимали себѣ въ помощь варяговъ, половцевъ и т. д. При такихъ условіяхъ если и находятся слѣды вліянія татаръ въ администраціи, во внѣшнихъ пріемахъ управленія, то они не велики и носятъ характеръ частныхъ отрывочныхъ заимствованій; такія заимствованія были и отъ варяговъ, и изъ Византіи. Поэтому мы можемъ далѣе разсматривать внутреннюю жизнь русскаго общества въ XIII в., не обращая вниманія на фактъ татарскаго ига и слѣдуя, такимъ образомъ, мысли С. М. Соловьева, который съ особымъ удареніемъ говорилъ: „историкъ не имѣетъ права съ половины XIII в. прерывать естественную нить событій, именно, постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, вставлять татарскій періодъ и выдвигать на первый планъ татаръ, татарскія отношенія, вслѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій“ (Исторія Россіи, т. I).

Ощутительно сказалось не вліяніе татаръ, а сказался самый фактъ ихъ господства надъ русской землей только въ томъ отношеніи, что содѣйствовалъ окончательному раздѣленію Руси на двѣ половины: на сѣверо-восточную и юго-западную, центромъ которой на время является Галичъ. Опаснымъ сосѣдомъ южной и западной Руси съ XIII вѣка становится вмѣстѣ съ поляками и Литва. Возвышеніе Литвы начинается съ княженія Миндовга, который, соединивъ подъ своею властью мелкія литовскія племена, увеличилъ свое княжество присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сосѣднихъ слабыхъ княжествъ западной Руси. Одновременно съ этими врагами сѣверо-западной Руси, являются нѣмецкіе рыцари, основавшіе на берегахъ Балтійскаго моря два ордена: меченосцевъ и

тевтоновъ, соединившихся затѣмъ въ одинъ. Придя сюда для обращенія Литвы въ христіанство помощью меча и путемъ ея порабощенія, нѣмцы очень скоро столкнулись здѣсь и съ Русью. Они стали тревожить земли Псковскую и Новгородскую, однако, получили сильный отпоръ. Героями борьбы съ нѣмцами являются во Псковѣ князь Довмонтъ, прибѣжавшій во Псковъ изъ Литвы, въ Новгородѣ—Александръ Невскій. Наблюдая одновременно съ появленіемъ татаръ на Руси наступательныя дѣйствія противъ Руси новыхъ пришельцевъ—рыцарей и стараго врага—Литвы, мы можемъ сказать, что XIII вѣкъ въ русской исторіи—время созданія той внѣшней обстановки, въ которой впослѣдствіи многіе вѣка дѣйствовало русское племя; въ XIII вѣкѣ являются тѣ враги, съ которыми Русь сравнительно только недавно кончила борьбу. При такомъ значеніи вѣка его героями становятся именно тѣ люди, которые выдвинулись въ этой борьбѣ съ врагами: Александръ Невскій, Довмонтъ Псковскій и Даніилъ Галицкій.

Удѣльный бытъ Суздальско-Владимірской Руси.

Опредѣливъ наше отношеніе къ вопросу о татарскомъ вліяніи, мы можемъ обратиться къ изученію основныхъ отличій общественнаго быта въ періодъ удѣльный. Это—періодъ, въ который сѣверо-восточная Русь раздробилась въ политическомъ отношеніи на независимые одинъ отъ другого удѣлы. За начало періода мы можемъ принять тотъ моментъ, когда князья начинаютъ усваивать привычку, даже и владѣя Владиміромъ, жить въ своихъ удѣлахъ, а окончаніемъ періода можемъ считать княженіе Ивана III, когда всѣ крупные удѣлы уже объединились подъ властью Москвы. Такимъ образомъ, удѣльный періодъ обнимаетъ время отъ XIII до конца XV вѣка, когда уже устанавливается единодержавіе. Что же такое удѣлъ?

По литературнымъ трудамъ вы составите себѣ понятіе объ удѣлѣ, какъ о территоріи, находящейся въ потомственномъ владѣніи какой либо княжеской семьи. Такое опредѣленіе наши изслѣдователи даютъ удѣламъ только съ XIII вѣка, съ того времени, когда князья уже не переходятъ съ удѣла на удѣлъ, а осѣдаютъ въ одной какой нибудь мѣстности и передаютъ свои территоріи не въ родъ, а по завѣщанію своему личному потомству. До XIII вѣка на югѣ мы видимъ волости, а не удѣлы. Однако необходимо оговориться, что термины „удѣльный“, „удѣльно-вѣчевой“ прилагаются иногда и къ разнымъ явленіямъ южно-русской жизни XI и XII вв., хотя и совсѣмъ неправильно. Подъ удѣлами и удѣльнымъ періодомъ въ своемъ изложеніи мы будемъ разумѣть

княжескія владѣнія и всѣ особенности древней жизни только въ XIII и болѣе позднихъ вѣкахъ. Отличіями этого удѣльнаго періода являются: ослабленіе (а по взгляду нѣкоторыхъ, и полное отсутствіе) государственнаго единства и господство частно-правовыхъ началъ во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни. Такая характеристика періода создалась на основаніи изслѣдованія трехъ преимущественно сторонъ удѣльнаго быта, отличныхъ отъ быта Кіевской Руси: 1) отношеній князей къ подвластной территоріи и населенію, 2) отношеній князей между собою и 3) положенія общественныхъ классовъ.

Изслѣдованіе этого періода, именно его особенностей, сравнительно съ болѣе раннимъ и болѣе позднимъ временемъ, началось не такъ давно. Прежде не выдѣляли въ самостоятельный періодъ русскую историческую жизнь съ XIII до XV вѣка. Такъ Шлецеръ бралъ для характеристики этого времени чисто внѣшній фактъ порабощенія татарами и называлъ Русь въ это время „Russia opressa". По представленію Карамзина, до Ивана III была одна эпоха—„древнѣйшая" и „система удѣловъ была ея характеромъ". Особенности удѣльной эпохи первый указалъ С. М. Соловьевъ въ своей диссертаціи „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ" (М., 1845) и еще больше развилъ свой взглядъ въ своемъ изслѣдованіи „Объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома".

Схема русской исторіи, данная Соловьевымъ, намъ извѣстна. По его взгляду, Кіевская Русь—родовая собственность князей, находящаяся въ общемъ ихъ владѣніи. Порядокъ владѣнія волостями тамъ обусловленъ родовыми счетами. Политическое положеніе каждаго князя опредѣляется его положеніемъ въ родѣ и нарушеніе этого положенія другими князьями ведетъ къ усобицамъ. Усобицы идутъ не за волости, потому что волости не принадлежатъ одному какому-либо князю, а за порядокъ владѣнія волостями. Но въ XII вѣкѣ начинается разложеніе родового порядка, благодаря младшимъ городамъ сѣверной Руси, которые, получая особаго князя, болѣе ему подчиняются, чѣмъ старые, старшіе города, что и позволяетъ князьямъ усилить свою власть. Князья, возвышая эти города въ ущербъ старымъ, смотрятъ на нихъ, какъ на собственность, устроенную ихъ личнымъ трудомъ, и стараются какъ личное владѣніе, передать ихъ въ семью, а не въ родъ. Благодаря этому, родовое владѣніе падаетъ, родовое старшинство теряетъ значеніе, и сила князя зависитъ не отъ родового значенія, а отъ матеріальныхъ средствъ. Каждый стремится умножить свою силу и средства увеличеніемъ своей земли, своего удѣла. Усобицы идутъ уже за землю, и князья основываютъ свои притязанія не на чувствѣ родового старшинства, а на своей фактической силѣ. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшаго въ родѣ князя. Теперь единства нѣтъ, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создалось. Есть только удѣлы.

враждующіе за матеріальное преобладаніе,—идетъ „борьба матеріальныхъ силъ“ и изъ этой борьбы, путемъ преобладанія Москвы, рождается государственная связь. Итакъ, родъ, распаденіе рода и борьба матеріальныхъ силъ, государство,—вотъ схема нашей исторіи. Въ ней три части. Средній періодъ есть періодъ *удѣльный*. По Соловьеву, это переходный періодъ: въ немъ нѣтъ государственнаго единства,—каждый князь—хозяинъ своего хозяйства, его политика руководится видами «личныхъ цѣлей съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей“. Въ этомъ періодѣ конецъ кровныхъ связей, въ немъ зарожденіе связи государственной.

Иначе смотритъ на дѣло К. Д. Кавелинъ. Въ своихъ трудахъ (Сочиненія, т. I и II) Кавелинъ вноситъ поправки къ историческимъ воззрѣніямъ Соловьева и именно къ періоду удѣльному. По его мнѣнію, возвышеніе младшихъ городовъ—фактъ случайный, который не могъ имѣть вліянія на измѣненія въ гражданскомъ бытѣ. Князь-членъ рода естественно долженъ былъ замѣниться княземъ-хозяиномъ вотчины. Крайнее развитіе княжескаго рода на Руси повело къ его разложенію и утратѣ родственныхъ связей. Родовой бытъ смѣнился естественно—семейнымъ, родовое владѣніе перешло естественно въ личное. При дробности удѣловъ князья стали простыми вотчинниками-землевладѣльцами: „наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній“, а удѣлы—простыми вотчинами. Князья начали завѣщать эти вотчины, какъ простое имущество, а не какъ государственную территорію; стало быть, родъ и родовое владѣніе естественно замѣнялись семьей и частной собственностью; результатомъ же этой смѣны было паденіе политическаго единства и частный характеръ всей жизни и управленія. Потомъ, при этомъ господствѣ частнаго быта, естественно развивается личное начало и, воплощаясь въ личности Московскаго князя, создаетъ государственный порядокъ. Таковы черты удѣльнаго періода, изъ котораго вышло государство Московское: въ этомъ періодѣ—полное господство частныхъ началъ.

Б. Н. Чичеринъ, въ статьѣ „Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ“, исходитъ изъ теоретическихъ понятій права; желая опредѣлить физіономію удѣльнаго періода, онъ задаетъ вопросъ: на какомъ правѣ создалась удѣльная жизнь? „Исходная точка гражданскаго права“, говоритъ онъ, „есть лицо съ его частными отношеніями; исходная точка государственнаго права—общество, какъ единое цѣлое“. Изученіе фактовъ удѣльной поры убѣждаетъ его, что въ удѣльной жизни господствовало право частное. Князья въ своихъ удѣлахъ не различали основаній, на которыхъ владѣли городами и всей территоріей удѣла, съ одной стороны, и какимъ-нибудь мелкимъ предметомъ своего обихода, въ родѣ одежды и утвари—съ другой. Въ своихъ частныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ они одинаково распоряжались самыми различными пред-

метами своего владѣнія. Между-княжескія отношенія регулировались договорами, а договоръ—фактъ частнаго права. Стало быть, ни въ отдѣльныхъ удѣлахъ, ни во всей русской землѣ не существовало ни государственной власти, ни государственныхъ понятій и отошеній въ средѣ князей; не было ихъ и въ отношеніяхъ князей къ населенію. Сословій тогда не было, и каждый членъ общества связанъ былъ съ княземъ не государственными узами, а договорными отношеніями. Однимъ словомъ, удѣльное общество есть „общество, основанное на частномъ правѣ". Впослѣдствіи, путемъ фактическаго преобладанія одного князя, образуется единовластіе и государственный порядокъ.

Такимъ образомъ, всѣ помянутые изслѣдователи историко-юридической школы въ сущности одинаково характеризовали удѣльный бытъ, какъ бытъ гражданскій, частный, лишенный государственныхъ установленій и понятій. Факты были собраны ими добросовѣстно, анализъ фактовъ былъ талантливъ, но точка зрѣнія вызвала возраженія со многихъ сторонъ отъ людей разныхъ направленій.

Относительно удѣльнаго быта первый представилъ вѣскія возраженія профессоръ государственнаго права А. Д. Градовскій („Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи", т. I). По его мнѣнію, удѣльные князья, завѣщая по духовнымъ грамотамъ волости и рядомъ села, въ сущности, передаютъ своимъ наслѣдникамъ разные предметы владѣнія въ волостяхъ (т. е. административныхъ округахъ) и селахъ. Села они передаютъ цѣликомъ, какъ полную собственность, а въ волостяхъ завѣщаются ими потомству только доходы и права управленія. Князья сознавали различіе своего владѣнія селомъ и волостью, и это служитъ для Градовскаго доказательствомъ, что въ удѣльномъ періодѣ существовали понятія, выходившія изъ сферы гражданскаго права и имѣвшія характеръ понятій государственныхъ. Эти замѣчанія Градовскаго вполнѣ раздѣляетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія, т. I). Онъ признаетъ существованіе двухъ категорій владѣнія, но думаетъ, что логика людей XIV—XV вв. не могла ихъ ясно различать и формулировать.

Между указанными мнѣніями становится В. О. Ключевскій. Въ своемъ „Курсѣ" и въ трудѣ „Боярская Дума" онъ проводитъ рѣзкую грань между Русью кіевской и суздальской, сѣверо-восточной. На сѣверо-востокѣ иная почва и природа, чѣмъ на югѣ; иной физіологическій и духовный складъ народности (великоруссы), иныя экономическія условія жизни,—поэтому иными становятся и формы общественнаго быта. Общество сѣверо-восточной Руси имѣетъ характеръ преимущественно сельскій, а князья приближаются къ типу простыхъ сельскихъ хозяевъ. „Приближеніе княжескаго владѣнія къ вотчинному владѣнію частнаго собственника" видно изъ двухъ признаковъ: удѣлы 1) завѣщаются женщинамъ и 2) управляются княжескими холопами. Это признаки боярскаго земле-

владѣнія въ древней Кіевской Руси. Но, сдѣлавшись вотчинникомъ, князь оставался и политической властью въ удѣлѣ; онъ сохранялъ такія права, какихъ не имѣли другіе, простые вотчинники. Впрочемъ, эти верховныя права онъ понималъ не въ государственномъ смыслѣ, а какъ важныя статьи дохода, которыя иногда уступалъ и другимъ лицамъ въ видѣ льготы. Поэтому сѣверно-восточный удѣльный князь можетъ быть опредѣленъ, какъ „вотчинникъ съ правами государя, государь съ привычками вотчинника". Князь вполнѣ различалъ села отъ волостей по праву владѣнія, но вполнѣ ихъ смѣшивалъ по способу эксплоатаціи.

Оригинальная попытка характеристики удѣльнаго періода сдѣлана И. Е. Забѣлинымъ (см. въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1881 г. его статью „Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія"). Характеристика эта совершенно лишена чертъ юридическаго опредѣленія. Единственной связью русской земли въ удѣльномъ періодѣ, по мнѣнію Забѣлина, было чувство національнаго единства, жившее въ народѣ. Князья совершенно забыли это единство и заботились о своемъ только удѣлѣ, и лучшимъ княземъ считался тотъ, кто лучше хозяйничалъ, лучше устраивалъ свой удѣлъ, „собиралъ его". Князьями-собирателями назывались не тѣ князья, которые стремились къ единодержавію, а тѣ, которые лучше устраивали свое хозяйство; хозяйственныя же и экономическія наклонности князей зависѣли отъ наклонностей всего народонаселенія, по преимуществу, „посадскаго", „рабочаго и промышленнаго". Тѣхъ князей, которые лучше хозяйничали (т. е. князей Московскихъ), народныя симпатіи постепенно поднимали на высоту національнаго государя.

Таковы главнѣйшія оцѣнки удѣльнаго быта, существующія въ нашей литературѣ. Къ чему же всѣ онѣ сводятся? Историко-юридическая школа дала намъ картину частнаго быта въ удѣльномъ періодѣ понимая этотъ быть, какъ подготовительный или переходный къ государственному бытію. На основаніи воззрѣній этой школы, объ удѣлѣ мы можемъ сказать, что *удѣлъ есть территорія, подчиненная князю на правѣ гражданскомъ, какъ частная земельная собственность, т. е. вотчина.* Однако нѣкоторые изслѣдователи находили въ удѣльное время явленія и понятія государственнаго порядка и поэтому отрицали исключительное господство въ удѣлѣ частноправовыхъ началъ. На основаніи ихъ воззрѣній, мы можемъ сказать, что *удѣлъ есть территорія, подчиненная князю наслѣдственно и управляемая имъ на основаніи началъ и государственнаго, и частнаго права, при чемъ различіе этихъ началъ князьями чувствуется, но въ практикѣ не проводится.* Въ мнѣніи Ключевскаго перевѣсъ на сторонѣ явленій частнаго права. Хотя онъ признаетъ политическое значеніе за княжеской властью, но проявленія этой власти считаетъ хозяйственно-административными пріемами, а не государственною дѣятельностью. На основаніи его воззрѣній, мы можемъ сказать, что *удѣлъ есть,*

вотчина съ чертами государственнаго владѣнія или государственное владѣніе съ вотчиннымъ управленіемъ и бытомъ. Наконецъ, Забѣлинъ, съ національно экономической (если можно такъ выразиться) точки зрѣнія на удѣльную жизнь, беретъ старое опредѣленіе удѣла, но этому опредѣленію даетъ новую не юридическую форму. По его представленію, *удѣлъ есть личное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусскимъ племенемъ.* Знакомясь со всѣми существующими взглядами на удѣлъ, не трудно замѣтить, что у всѣхъ изслѣдователей принятъ одинъ терминъ для обозначенія существа удѣла. Этотъ терминъ—вотчина. Всѣ признаютъ, что этотъ терминъ возможенъ, но всѣ разно опредѣляютъ цѣнность этого термина. Одни видятъ тождество удѣла и вотчины, другіе—только сходство (и то въ разной степени). Не трудно понять также, почему терминъ „вотчина" привился и имѣетъ право на существованіе: съ развитіемъ удѣльнаго порядка, при постоянномъ дробленіи удѣловъ между наслѣдниками, многіе удѣлы измельчали и фактически перешли въ простыя вотчины (какъ, напр., многіе удѣлы ярославской линіи князей, въ которыхъ не бывало ни одного городка, и было очень мало земли). Это обстоятельство измельчанія удѣловъ имѣетъ значеніе, между прочимъ, и потому, что указываетъ на слабую сторону всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами теорій объ удѣльной эпохѣ. Всѣ онѣ какъ бы забываютъ, что княжескія удѣльныя владѣнія были крайне разнообразны по размѣрамъ: одни изъ нихъ были незначительны настолько, что ничѣмъ не могли отличиться отъ частнаго владѣнія, а другія выростали въ громадныя области (московскій удѣлъ въ XV в.). Эти-то послѣдніе удѣлы по своимъ размѣрамъ уже заставляютъ предполагать, что власть ихъ владѣтелей должна отличаться нѣкоторыми государственными чертами.

Принимая это во вниманіе, мы должны поставить опредѣленіе удѣла такъ, чтобы избѣгнуть нѣкоторой неточности и неполноты и въ то же время не впасть въ противорѣчіе съ установленными наукою взглядами. Кажется, мы достигнемъ этого, если скажемъ, что *удѣлъ сѣверо-восточнаго князя есть наслѣдственная земельная собственность князя, какъ политическаго владѣтеля* (какъ частный землевладѣлецъ, онъ владѣлъ селами), *собственность, по типу управленія и быта подходящая къ простой вотчинѣ, а иногда и совсѣмъ въ нее переходящая.*

Разъ старинная княжеская „волость" замѣнилась „удѣломъ", которымъ князь владѣетъ, какъ собственностью,—всякое основаніе политическаго единства исчезаетъ, князья уже не имѣютъ привычки вспоминать, что они „одного дѣда внуки" и что у нихъ долженъ быть старшій, который бы „думалъ-гадалъ" о русской землѣ. Только единство зависимости отъ татаръ оставалось у различныхъ княжескихъ семей, а въ остальномъ—эти семьи жили особно. Каждая изъ нихъ, разростаясь,

превращалась въ родъ и, пока родичи помнили о своемъ родствѣ, имѣла одного „великаго князя“. Рядомъ съ великимъ княземъ Владимірскимъ были такіе же князья въ Твери, Рязани и т. д. И отношенія между этими княжескими родами и семьями уже не имѣли ничего родственнаго, а опредѣлялись *договорами*. Когда же дробленіе княжескихъ родовъ и земель достигало полнаго развитія, договорами стали опредѣляться даже отношенія родныхъ братьевъ. И не трудно указать причины, по которымъ князья нуждались въ договорахъ. Какъ личные землевладѣльцы-собственники, интересъ которыхъ заключался въ увеличеніи личной, семейной собственности, князья заботились о *примыслахъ*, т. е. объ увеличеніи своего имущества движимаго и недвижимаго на счетъ другихъ князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали для себя ту дань, которая собиралась на татаръ и иногда или вовсе, или частью не была имъ передаваема. Эти заботы о примыслахъ превращали князей въ хищниковъ, отъ которыхъ страдали интересы ихъ сосѣдей. Для этихъ сосѣдей договоръ являлся средствомъ оградить свои интересы отъ насилія смѣлаго и сильнаго князя или привлеченіемъ его въ союзъ, или уступкою ему нѣкоторыхъ правъ и выдачею обязательствъ. Договорами опредѣлялись и взаимныя отношенія заключившихъ ихъ князей и единство ихъ политики по отношенію къ прочимъ князьямъ и внѣшнимъ врагамъ Руси. Если князья договаривались, какъ равноправные владѣтели, они называли себя „братьями“; если одинъ князь признавалъ другого сильнѣйшимъ или становился подъ его покровительство, онъ называлъ сильнѣйшаго „отцомъ“ или „братомъ старѣйшимъ“, а самъ назывался „братомъ молодшимъ“. Владимірскій-Будановъ склоненъ думать, что междукняжескіе договоры, опредѣляя точно взаимныя отношенія сѣверо-русскихъ княжествъ, превращали эти княжества въ „сѣверно-русскій союзъ“. Въ XIV и XV вѣкахъ является въ договорахъ понятіе княжеской *службы*: служебный князь XV вѣка, не теряя фактически распоряженія вотчиной, становится мало-по-малу изъ государя простымъ вотчинникомъ и слугою другого князя. По договорамъ можно прослѣдить, какъ мелкіе князья входятъ все въ большую и большую зависимость отъ сильныхъ, и, наконецъ, всѣ впадаютъ въ полную зависимость отъ одного Московскаго князя, при чемъ удѣльные князья передавая свои вотчины великому князю, сознательно передаютъ ему верховныя права на ихъ вотчины, сохраняя въ то же время въ этихъ вотчинахъ права державнаго собственника. Эта зависимость однихъ князей отъ другихъ любопытна въ томъ отношеніи, что даетъ многія параллели съ феодальнымъ порядкомъ Зап. Европы. Совокупность князей сѣверо-восточной Руси какъ бы дѣлитъ между собой верховную власть, сливая ея права съ правомъ простого землевладѣнія. Будучи всѣ „государями“ въ своихъ удѣлахъ, князья въ то же время зависятъ одинъ

отъ другого, какъ вассалы отъ сюзерена. По землѣ устанавливаются разные виды зависимости, изученіе которыхъ въ послѣднее время привлекаетъ силы многихъ ученыхъ. Въ особенности много работалъ надъ изслѣдованіемъ „феодализма на Руси“ покойный Н. П. Павловъ-Сильванскій. Обзоръ же сдѣланнаго до сихъ поръ по этому вопросу можно найти въ книгѣ проф. Карѣева „Помѣстье—государство“ (С.-ПБ. 1906, Приложеніе I).

Смѣшеніе началъ государственнаго и частнаго, съ преобладаніемъ послѣдняго, мы встрѣчаемъ и въ устройствѣ самаго удѣльнаго общества и въ отношеніи его къ князьямъ. Въ отношеніи къ князьямъ населеніе дѣлится на людей *служилыхъ*, которые князю служатъ, и *тяглыхъ*, которые ему платятъ. (Это термины позднѣйшихъ временъ, эпоха Московскаго государства, но они могутъ быть употреблены въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ XIII и XIV в.в. для обозначенія общественныхъ группъ не существовало опредѣленныхъ названій). Во главѣ служилыхъ людей стояли тѣ лица, которыя участвовали въ княжеской администраціи. Первымъ лицомъ финансоваго управленія считался *дворскій* (дворецкій), управитель княжескаго двора. Въ попыткахъ точно опредѣлить значеніе должности дворскаго ученые расходятся. Одни говорятъ, что дворскій управлялъ вообще княжескимъ дворомъ; другіе,—что онъ управлялъ только княжескимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Въ зависимости отъ дворскаго находились „казначей“, „ключники“, „тіуны“ „посельскіе“ (сельскіе приказчики). Должность казначея съ теченіемъ времени становилась почетнѣе, и впослѣдствіи она сдѣлалась „боярскою“; въ эпоху болѣе древнюю и казначеи, и ключники часто выбирались изъ холоповъ. Всѣ эти лица вѣдали дворцовое, т.-е. частное княжеское хозяйство; во главѣ же правительственной администраціи находились бояре. Имъ давались въ управленіе города и волости. Управляющіе городомъ носили названіе „намѣстниковъ“, а управляющіе волостью—названіе „волостеля“. Изъ городовъ и волостей непосредственно бояре извлекали не только доходы для князя, но и средства на свое содержаніе, или „кормились“ отъ населенія; отсюда самая ихъ должность носила названіе „кормленій“, и такимъ образомъ провинціальное управленіе имѣло цѣлью скорѣе содержаніе княжескихъ слугъ, чѣмъ государственныя потребности. Что же касается до участія бояръ въ *дворцовомъ* управленіи, то здѣсь мы встрѣчаемся съ терминомъ „путные бояре“. „Путемъ“ называлась статья княжескаго дохода. Лицо, которому князь довѣрялъ управленіе „путемъ“, называлось „путнымъ бояриномъ“, если это былъ бояринъ, или „путникомъ“, если это не былъ бояринъ. Кромѣ „путныхъ бояръ“, мы встрѣчаемъ еще „введенныхъ“ и „большихъ“ бояръ. Что значили эти термины, точно до сихъ поръ не объяснено. Бояре составляли думу князя и въ ней пользовались большимъ значеніемъ, не меньшимъ, чѣмъ

въ Кіевской Руси. Люди, занимавшіе низшія ступени княжеской администраціи, извѣстны подъ именемъ „слугъ" и „дѣтей боярскихъ" и „слугъ подъ дворскимъ": послѣдніе не могли переходить, какъ бояре и слуги вольные, на службу отъ одного князя къ другому, не теряя при этомъ своей земли. Вообще же, княжескіе слуги находились въ двоякомъ отношеніи къ князю: они были или холопы князя, или же вольные его слуги, которые имѣли право перехода на службу отъ одного князя къ другому, сохраняя при этомъ за собою свои земли *(вотчины)* въ томъ удѣлѣ, откуда уходили. Только въ одномъ случаѣ бояре были безусловно обязаны службой тому князю, въ удѣлѣ котораго находились ихъ земли,— если городъ, въ области котораго лежала *вотчина* боярина, былъ въ осадѣ, то бояринъ былъ обязанъ помочь осажденному городу. Князь, имѣя такихъ вольныхъ слугъ, долженъ былъ имъ давать вознагражденіе или „*жалованьемъ*" (деньгами и вотчинами) или „*кормленіемъ*" (т. е. посылкою на должности „намѣстника" и „волостеля"). Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія, вошло въ обычай обезпеченіе—„помѣстьемъ". *Помѣстьемъ называлась земля, данная во владѣніе княземъ его слугѣ условно, т. е. до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба.* Вопросъ о времени и порядкѣ возникновенія помѣстій не рѣшенъ. Извѣстно, что въ XIV вѣкѣ помѣстья уже были, что видно, между прочимъ, изъ завѣщанія Ивана Калиты. О происхожденіи системы помѣстій существуютъ различныя мнѣнія. Старые ученые (Неволинъ) смѣшивали *кормленія* и *помѣстья* въ одинъ видъ условнаго владѣнія и говорили, что помѣстья произошли отъ кормленія; но между тѣмъ и другимъ существуетъ громадная разница: въ кормленіе давались области на правѣ публичномъ, т. е. давалось право сбора дани за обязанность управленія. Помѣстье же давалось на частномъ правѣ, какъ владѣніе за службу лица, изъ селъ, принадлежавшихъ лично князю.

Люди, не принадлежавшіе къ служилому сословію, т. е. люди „тяглые", раздѣлялись на *купцовъ* или *гостей* и людей „черныхъ", „численныхъ", позднѣе „крестьянъ". Купцовъ въ сѣверо-восточной Руси было немного, такъ какъ торговля не была особенно развита, и они не были особымъ сословіемъ съ извѣстными юридическими признаками: купцомъ могъ быть всякій по желанію. Люди черные или численные жили или на своихъ собственныхъ земляхъ, или на земляхъ владѣльческихъ (т. е. монастырскихъ, боярскихъ), или же на княжескихъ земляхъ, такъ называемыхъ „черныхъ". Крестьяне на черныхъ земляхъ платили за пользованіе ею князю дань и оброкъ; крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, платя подати князю, въ то же время платили оброкъ и землевладѣльцу деньгами, натурой или барщиной и пользовались правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Новгородъ.

Центромъ исторической жизни сѣверной Руси въ удѣльный періодъ, кромѣ Суздальско-Владимірскаго княжества, былъ Новгородъ. Онъ представлялъ собою цѣлое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее въ упадокъ благодаря внутреннимъ неурядицамъ. Вслѣдствіе оригинальныхъ особенностей своей жизни, которыми онъ такъ отличался отъ другихъ русскихъ областей, Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, такъ что мы имѣемъ обширную литературу, посвященную его исторіи. Важнѣе прочихъ труды: *Бѣляева* „*Исторія Новгорода Великаго*" въ его „Разсказахъ по Русской Исторіи", книга 2-я; *Костомарова* „*Сѣвернорусскія народоправства*" въ его „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ", тт. VI и VIII; *Пассека* „*Новгородъ самъ въ себѣ*" въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей", 1869 г., кн. IV и въ сборникѣ Пассека „Изслѣдованія въ области Русской Исторіи", М., 1870; *Никитскаго*: а) „Очеркъ внутренней исторіи Пскова", Спб., 1873, б) „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ", Спб., 1879, и в) „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода", М., 1893.

О племени, издревле населявшемъ Новгородъ, существуетъ много различныхъ мнѣній. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Бѣляевъ и Иловайскій, считаютъ новгородскихъ славянъ тождественными съ кривичами, жившими въ областяхъ Полоцкой и Смоленской. Костомаровъ считаетъ ихъ южно-руссами, такъ какъ говоръ новгородскихъ жителей схожъ съ южно-русскимъ; Гильфердингъ сближалъ новгородскихъ славянъ съ балтійскими. Мѣстность, заселенная новгородскими славянами, была болотиста, лѣсиста и мало плодородна, вслѣдствіе чего въ этомъ краѣ особенно развилась торговля, промышленность и колонизація; этому много способствовалъ и энергичный, смѣлый и предпріимчивый характеръ населенія, близость судоходныхъ рѣкъ и положеніе Новгорода на главномъ торговомъ пути „изъ Варягъ въ Греки". Главнымъ городомъ новгородскихъ славянъ былъ Новгородъ. Вопросъ о времени его происхожденія очень теменъ. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" есть извѣстіе о томъ, что Новгородъ стоялъ во главѣ племенъ, призвавшихъ варяговъ, слѣдовательно, въ IX вѣкѣ онъ уже достигъ большой вліятельности и силы. Существуетъ мнѣніе, что Новгородъ выросъ изъ старыхъ отдѣльныхъ поселеній, которыя потомъ получили названія „концовъ". Городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова, недалеко отъ озера Ильменя. Волховомъ Новгородъ дѣлился на двѣ „стороны": одна изъ нихъ— восточная, носила названіе „Торговой" отъ находящагося здѣсь рынка, другая—„Софійской" отъ храма во имя святой Софіи. Новгородская крѣ-

пость называлась „дѣтинецъ“ или кремль. Стороны дѣлились на пять „концовъ“. Концы, по всей вѣроятности, были первоначально отдѣльными слободами, а такъ какъ населеніе постепенно двигалось къ центру, то мѣсто, которое было слободой, становилось концомъ. То, что концы были отдѣльными самостоятельными слободами, подтверждается ихъ особымъ управленіемъ и частыми враждебными столкновеніями между ними. Кругомъ Новгорода лежали громадныя пространства земли, принадлежавшія Новгороду и называвшіяся „землею св. Софіи“. Эта земля дѣлилась на пятины и области. Число пятинъ соотвѣтствовало числу концовъ. Къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера, лежала пятина *Обонежская*; къ сѣверо-западу, между Волховомъ и Лугой, *Водьская*; къ юго-востоку, между Мстой и Ловатью, пятина *Деревская*; къ юго-западу, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони,— *Шелонская*; наконецъ, на юго-востокѣ простиралась пятина *Бѣжецкая*. Въ пятинахъ находились пригороды Новгорода: Псковъ, Изборскъ, Великія Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды были въ зависимости отъ Новгорода, принимали участіе въ его дѣлахъ и призывались на новгородскія вѣча; изъ нихъ только Псковъ въ XIV вѣкѣ достигъ государственной независимости и сталъ называться „младшимъ братомъ Новгорода“. За пятинами находились новгородскія „волости“ или „земли“, имѣвшія отличное отъ пятинъ устройство; число ихъ въ разное время было различно. Среди нихъ самое видное мѣсто занимали *Заволочье* и *Двинская земля*, лежащія за водораздѣломъ бассейна Онеги, З. Двины и Волги. Къ востоку простиралась *Пермская* земля, лежащая по рѣкамъ Вычегдѣ и Камѣ; къ сѣверо-востоку отъ Заволочья и Пермской земли находилась волость *Печора*, расположенная по рѣкѣ Печорѣ; по другую сторону Уральскаго хребта земля *Югра*, а на берегахъ Бѣлаго моря земля *Терская* или „Тре“ и др.

Ходъ обособленія Новгорода и условія, создавшія особенности новгородской жизни. Если мы всмотримся въ исторію Новгорода, то замѣтимъ такія особенности новгородской жизни, которыхъ нѣтъ въ южной Руси. Первоначально Новгородъ былъ въ такомъ же отношеніи къ великому князю, какъ и другіе города. При переселеніи изъ Новгорода въ Кіевъ Олегъ обложилъ его данью въ триста гривенъ и назначилъ ему посадника; при слѣдующихъ князьяхъ положеніе Новгорода было одинаково съ положеніемъ прочихъ городовъ древней Руси, и это продолжается до XII вѣка. Съ половины же XII вѣка мы встрѣчаемъ въ новгородской жизни рядъ явленій, существенно отличающихъ ее отъ жизни другихъ областей. Отдаленность отъ Кіева заставляетъ князей считать Новгородъ въ числѣ не самыхъ важныхъ волостей, и такимъ образомъ Новгородъ, не будучи предметомъ княжескихъ распрей, мало-по-малу освободился отъ давленія князя и дружины и могъ

на просторѣ развивать свой бытъ. Неплодородіе почвы заставило новгородцевъ искать занятій помимо земледѣлія, вслѣдствіе чего, какъ уже выше было сказано, въ Новгородѣ сильно была развита промышленность и торговля, обогатившая его. О торговомъ значеніи Новгорода мы имѣемъ многочисленныя извѣстія въ лѣтописи. Объ обширности торговыхъ сношеній Новгорода свидѣтельствуютъ восточныя монеты, находимыя въ большомъ количествѣ въ бывшихъ новгородскихъ земляхъ. Новгородъ торговалъ и съ Греціей и съ Западомъ. Когда торговое значеніе балтійскихъ славянъ перешло къ острову Готланду, тогда Новгородъ велъ съ нимъ торговлю, а въ XII в., когда торговое преобладаніе перешло къ ганзейскому городу Любеку, новгородцы помимо Готланда завели торговыя сношенія съ нѣмцами, на что указываютъ дошедшіе до насъ договоры, въ которыхъ опредѣляются отношенія нѣмецкихъ, готландскихъ и русскихъ купцовъ. При постоянно возрастающемъ торговомъ могуществѣ Новгорода распри князей изъ-за удѣловъ и ихъ частая смѣна въ Новгородѣ уронили ихъ авторитетъ передъ новгородцами и дали возможность окрѣпнуть и узакониться двумъ особенностямъ новгородской жизни, помогшимъ политическому обособленію Новгорода: *договорамъ съ князьями и особому характеру выборной администраціи*. „Ряды" съ князьями, имѣвшіе цѣлью опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, скрѣпляемые обыкновенно крестнымъ цѣлованіемъ, мы встрѣчаемъ уже въ XII вѣкѣ, хотя условій этихъ договоровъ до второй половины XIII вѣка не знаемъ. Такъ, напр., до насъ дошло извѣстіе о рядѣ Всеволода-Гавріила въ 1132 году. Въ 1218 г., когда новгородцы на мѣсто Мстислава Удалого, князя торопецкаго, призвали Святослава Смоленскаго, то послѣдній потребовалъ смѣны посадника Твердислава „безъ вины", какъ онъ объявилъ. Тогда ноогородцы замѣтили ему, что онъ *цѣловалъ крестъ* безъ вины мужа должности не лишать. Изъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотъ съ Ярославомъ тверскимъ въ 1264—65 и 1270 годахъ мы можемъ вполнѣ опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, степень его власти и кругъ его дѣятельности. Князь не могъ управлять иначе, какъ подъ контролемъ посадника, получая опредѣленный доходъ; онъ и его дружина не имѣли права пріобрѣтать въ собственность земли и людей. Право суда было тоже точно опредѣлено: князь долженъ былъ судить *въ Новгородѣ и съ содѣйствіемъ посадника*. Кромѣ того, князь обязанъ былъ не только дать льготы для торговли новгородскимъ купцамъ въ своемъ удѣлѣ, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положеніе князя зависѣло отъ силы партіи, которая его призвала, отъ отсутствія сильныхъ соперниковъ и отъ личности самого князя. Помощникъ князя въ управленіи, „посадникъ", при первыхъ князьяхъ назначался княземъ и служилъ представителемъ его интересовъ передъ новгородцами. Съ половины XII вѣка мы замѣчаемъ

обратное: посадникъ уже избирается новгородцами и служитъ представителемъ Новгорода передъ княземъ. Около этого времени и должность тысяцкаго становится выборной. Въ управленіи Новгорода большое значеніе имѣетъ епископъ (позднѣе архіепископъ)—высшее духовное лицо. До XII в. епископъ назначался митрополитомъ изъ Кіева, такъ какъ Новгородъ въ это время находился въ зависимости отъ Кіева, а въ 1156 г. новгородцы сами избрали себѣ въ епископы Аркадія и черезъ два года послали его въ Кіевъ для посвященія. Послѣ этого новгородцы всегда сами избирали епископовъ (впрочемъ, Аркадій *назначилъ* себѣ преемника). Вскорѣ установился порядокъ выбора епископа изъ 3 кандидатовъ (назначаемыхъ вѣчемъ), причемъ три жребія съ именами трехъ намѣченныхъ въ іерархіи лицъ клали на престолъ въ храмѣ св. Софіи и давали мальчику или слѣпому взять два изъ нихъ; чей жребій оставался, тотъ считался избраннымъ Божьей волею и посылался на утвержденіе кіевскаго митрополита. Такимъ образомъ, путемъ рядовъ и установленіемъ выборныхъ властей, Новгородъ выдѣлился политическимъ устройствомъ изъ ряда другихъ областей. Высшимъ политическимъ органомъ въ Новгородѣ стало съ этихъ поръ вѣче, а не княжеская власть, какъ это было въ то время въ сѣверо-восточной Руси.

Устройство и управленіе. Новгородское вѣче, по своему происхожденію, было учрежденіемъ однороднымъ съ вѣчами другихъ городовъ, только сложившимся въ болѣе выработанныя формы; но оно, тѣмъ не менѣе, не было вполнѣ благоустроеннымъ, постоянно дѣйствующимъ политическимъ органомъ. Вѣче созывалось не періодически, а тогда, когда въ немъ была надобность, княземъ, посадникомъ или тысяцкимъ на Торговой сторонѣ города, на Ярославовомъ дворѣ, или же звонили вѣче по волѣ народа, на Торговой или на Софійской сторонѣ. Состояло оно изъ жителей какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ; ограниченій въ средѣ новгородскихъ гражданъ не было, всякій свободный и самостоятельный человѣкъ могъ итти на вѣче. Вѣче призываетъ князей, изгоняетъ ихъ и судитъ, избираетъ посадниковъ и владыкъ (архіепископовъ), рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ и законодательствуетъ. Рѣшенія постановлялись единогласно; въ случаѣ несогласія, вѣче раздѣлялось на партіи, и сильнѣйшая силой заставляла согласиться слабѣйшую. Иногда, какъ результатъ распри, созывались два вѣча: одно на Торговой, другое на Софійской сторонѣ; раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту, и только вмѣшательство духовенства предупреждало кровопролитіе. При такомъ устройствѣ вѣча ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящіе на очереди вопросы, ни создавать законопроекты: нужно было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало бы важнѣйшіе вопросы, подлежащіе рѣшенію вѣча. Такимъ учрежденіемъ былъ въ Новгородѣ особый *правительственный совѣтъ*,

называемый нѣмцами „Herren“, „совѣтъ господъ“, такъ какъ этотъ правительственный совѣтъ состоялъ изъ старыхъ и степенныхъ посадниковъ, тысяцкихъ и сотскихъ и носилъ аристократическій характеръ; число его членовъ въ XV вѣкѣ доходило до пятидесяти. Указанія на существованіе такого совѣта въ научной литературѣ появились не особенно давно; долгое время историки и не подозрѣвали о его существованіи, такъ какъ это учрежденіе никогда не получало правильнаго юридическаго устройства. Честь его изслѣдованія принадлежитъ Никитскому.

Главной исполнительной властью въ Новгородѣ былъ „посадникъ“, пользовавшійся большимъ значеніемъ; какъ представитель города, онъ охранялъ интересы его передъ княземъ. Безъ него князь не могъ судить новгородцевъ и раздавать волости; а въ отсутствіе князя онъ управлялъ городомъ, часто предводительствовалъ войсками и велъ дипломатическіе переговоры отъ имени Новгорода. Опредѣленнаго срока службы для посадника не было: онъ правилъ, пока его не отставляло вѣче, и его отставка значила, что партія, представителемъ которой онъ былъ, потерпѣла пораженіе на вѣчѣ. Въ посадники могъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ Новгорода, но по лѣтописи видно, что должность посадника сосредоточивалась въ небольшомъ числѣ извѣстныхъ боярскихъ фамилій,—такъ, въ XIII и XIV вѣкахъ изъ одного рода Михаила Степановича избрано было 12 посадниковъ. Посадникъ не получалъ опредѣленнаго жалованья, но пользовался извѣстнымъ доходомъ съ волостей, называемыхъ „поралье“. Рядомъ съ посадникомъ видимъ другого важнаго Новгородскаго сановника—„тысяцкаго“. Характеръ власти тысяцкого теменъ; нѣмцы называютъ его „Herzog“, стало быть эта власть военная, на это намекаетъ и русское названіе „тысяцкій“, т. е. начальникъ городского полка, называемаго тысячей. Онъ, насколько можно судить, является представителемъ низшихъ классовъ новгородскаго общества, въ противоположность посаднику. У тысяцкаго былъ свой судъ; городская тысяча дѣлилась на сотни, съ сотскими во главѣ, которые подчинялись тысяцкому. Кромѣ посадника, тысяцкаго и сотскихъ, въ Новгородѣ замѣчаемъ еще территоріальныя власти—это старосты концовъ и улицъ, а концы и улицы представляли изъ себя автономныя административныя единицы. Что касается до областной жизни Новгорода, то вопросъ объ управленіи областей очень смутенъ. Всѣ пятины Новгорода, за исключеніемъ Бѣжецкой, своими предѣлами доходятъ до Новгорода; на основаніи этого можно предположить, что новгородскія пятины первоначально были маленькія области, примыкавшія къ концамъ и управлявшіяся кончанскими старостами. Съ распространеніемъ новгородскихъ завоеваній каждая завоеванная область приписывалась къ тому или другому концу, такъ что увеличеніе новгородской территоріи

шло вдаль отъ Новгорода по радіусамъ окружности. Но нельзя скрыть, что это предположеніе гадательное, основанное на совпаденіи числа пятинъ и концовъ и на аналогіи со Псковомъ, гдѣ всѣ пригороды были приписаны къ городскимъ концамъ. Что касается до документальныхъ свидѣтельствъ, то они заключаются лишь въ одномъ темномъ мѣстѣ записокъ Герберштейна о Россіи: Герберштейнъ говоритъ о Новгородѣ, что Новгородъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей (Latissimam ditionem, in quinque partes distributam habebat); далѣе онъ говоритъ, что каждая изъ нихъ вѣдалась у своего начальника, и житель могъ заключать сдѣлки только въ своей части (in sua dumtaxat civitatis regione). Здѣсь являются два трудно переводимыя мѣста: во-первыхъ, какимъ словомъ надо перевести „ditio"? мѣсто, занимаемое городомъ? территорія, занимаемая государствомъ? или государственная власть, какъ это слово понималось въ классической латыни? и, во-вторыхъ, что надо понимать подъ словомъ „civitas", городъ или государство? Что касается до толкованія этого мѣста Герберштейна въ русской наукѣ, то мнѣнія расходятся. Неволинъ, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ подъ нимъ понимаютъ только городъ, а Ключевскій и Замысловскій склонны видѣть здѣсь всю новгородскую территорію. Такимъ образомъ, вопросъ объ управленіи пятинъ остается нерѣшеннымъ. Что касается до новгородскихъ пригородовъ и волостей, то извѣстно, что Новгородъ предоставлялъ имъ полную внутреннюю самостоятельность,—такъ, Псковъ имѣлъ своего князя и право суда, а примѣръ Двинской земли съ ея собственными князьями говоритъ о малой зависимости отъ Новгорода и его властей. Такимъ образомъ, политической формой новгородской жизни была демократическая республика,— демократическая потому, что верховная власть принадлежала вѣчу, куда имѣлъ доступъ всякій свободный новгородскій гражданинъ. Но хотя все свободное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и судѣ, тѣмъ не менѣе, оно, при полномъ политическомъ равенствѣ, представляется намъ раздѣленнымъ на разные слои и классы. Въ основѣ этого дѣленія легло экономическое неравенство. Оно, создавъ сильную аристократію, имѣло важное вліяніе на развитіе и паденіе Новгорода, при немъ не осуществлялось должнымъ образомъ и политическое равенство.

Новгородское населеніе дѣлилось на *лучшихъ и меньшихъ людей.* Меньшіе не были меньшими по политическимъ правамъ, а лишь по экономическому положенію и фактическому значенію. Экономическимъ неравенствомъ, при полномъ равенствѣ юридическомъ, и обусловливаются новгородскія смуты, начиная съ XIV столѣтія; подъ экономическимъ давленіемъ высшихъ слоевъ масса не могла пользоваться своими политическими правами,—являлось противорѣчіе права и факта, что дразнило народъ и побуждало его къ смутамъ. Въ болѣе раннюю пору новгород-

ской жизни, какъ это видно по лѣтописямъ, смуты возникали изъ-за призванія князей: князья, призываемые въ Новгородъ, должны были открыть Новгородцамъ, по замѣчанію Пассека, торговлю въ другихъ частяхъ Руси, и при призваніи князя принималось въ расчетъ—какая область всего удобнѣе для новгородской торговли, при этомъ сталкивались интересы разныхъ кружковъ; новгородской аристократіи, крупныхъ новгородскихъ торговцевъ. Такимъ образомъ, до XIV вѣка смуты возникали изъ-за торговыхъ интересовъ и происходили въ высшихъ классахъ. Но съ XIV вѣка обстоятельства перемѣнились. Усиленіе Москвы съ одной стороны и Литвы съ другой, уменьшивъ число князей, упростило вопросъ о призваніи ихъ, и онъ пересталъ быть источникомъ смутъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XIV вѣкѣ, сильно увеличилась въ Новгородѣ разница состояній, вслѣдствіе чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характеръ,—мотивы торгово-политическіе смѣнились экономическими. Эти то смуты и содѣйствовали полному упадку Новгородскаго государства.

Кромѣ общаго раздѣленія на „лучшихъ и меньшихъ“ людей встрѣчаемъ дѣленіе новгородскаго населенія на три класса:—*высшій классъ—бояре*, *средній—житьи люди* и *купцы* и *низшій—черные люди*. Во главѣ новгородскаго общества стояли бояре: это было крупные капиталисты и землевладѣльцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участія въ торговлѣ, но, ссужая своими капиталами купцовъ, торговали черезъ другихъ и такимъ образомъ стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ Новгорода. Многихъ ученыхъ занималъ вопросъ, какимъ образомъ явилось боярство, которое въ древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, въ томъ краю, гдѣ княжеская власть была всегда слаба. *Бѣляевъ* объясняетъ его происхожденіе развитіемъ личнаго землевладѣнія, образованіе большихъ боярскихъ вотчинъ онъ относитъ еще къ тому времени, когда Новгородъ не обособился отъ остальной Руси; *Ключевскій* же говоритъ, что новгородское боярство вышло изъ того же источника, какъ и въ другихъ областяхъ; этимъ источникомъ была служба князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя,—князья, пріѣзжая въ Новгородъ, назначали тысяцкихъ и посадниковъ, по его мнѣнію, изъ туземцевъ, которые пріобрѣтали санъ боярина, сохраняли его за собою и передавали потомству. Слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому мнѣнію. Слѣдующій классъ составляли „*житьи люди*“. По мнѣнію однихъ, это—новгородскіе землевладѣльцы, по мнѣнію другихъ—средніе капиталисты, живущіе процентами со своихъ капиталовъ. За ними слѣдовали *купцы*, главнымъ занятіемъ которыхъ была торговля. Купцы дѣлились на сотни и основывали купеческія компаніи, куда принимали внесшихъ 50 гривенъ серебра; каждый членъ такого купеческаго общества въ своихъ торговыхъ оборотахъ пользовался

поддержкой своей общины. Вся остальная масса народа носила названіе «черныхъ людей». Къ нимъ принадлежали жившіе въ городахъ ремесленники, рабочіе и жившіе въ погостахъ—смерды и земцы. Подъ земцами, какъ кажется, слѣдуетъ подразумѣвать мелкихъ землевладѣльцевъ, а что касается до смердовъ, то, по мнѣнію Костомарова, это были безземельные люди, а по мнѣнію Бестужева-Рюмина, все сельское населеніе новгородской области. Противорѣчіе экономическаго устройства новгородской жизни политическому, какъ сказано выше, было причиною смутъ Новгорода и ускорило паденіе его вѣчевой жизни. Въ XV вѣкѣ управленіе фактически перешло въ руки немногихъ бояръ, вѣче превратилось въ игрушку немногихъ боярскихъ фамилій, которыя подкупали и своимъ вліяніемъ составляли себѣ большія партіи на вѣчѣ изъ такъ называемыхъ „худыхъ мужиковъ вѣчниковъ", заставляя ихъ дѣйствовать въ свою пользу; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени новгородское устройство выродилось въ охлократію, которая прикрывала собою олигархію. Другой причиной политической слабости Новгорода, кромѣ внутренняго сословнаго разлада, было равнодушіе областей къ судьбѣ главнаго города, вслѣдствіе чего, когда Москва стала думать о подчиненіи новгородской области, она незамѣтно достигла этого подчиненія и не встрѣтила крѣпкаго отпора со стороны новгородскаго населенія. Такимъ образомъ, причина паденія Новгорода была не только внѣшняя—усиленіе Московскаго государства, но и внутренняя; если-бы не было Москвы, Новгородъ сталъ-бы жертвою иного сосѣда, его паденіе было неизбѣжно, потому что онъ самъ въ себѣ растилъ сѣмена разложенія.

Псковъ.

Псковъ, одинъ изъ пригородовъ Новгорода, расположенный на концѣ новгородскихъ владѣній, на границѣ Руси и Литвы, по сосѣдству съ нѣмцами, игралъ роль передового русскаго поста на Западѣ и добросовѣстно исполнялъ свою задачу—задержать нѣмцевъ въ ихъ движеніи на русскія земли. Псковъ, по своему внутреннему устройству, подходилъ къ Новгороду,—то же вѣче, какъ господствующій органъ правленія, та же посадничья власть (два посадника), подобныя новгородскимъ сословныя дѣленія. Только Псковъ былъ централизованнѣе и демократичнѣе. А это, наряду съ мѣстными особенностями жизни, дало другое содержаніе исторіи Пскова. Псковъ, какъ городъ съ малой территоріей, достигъ централизаціи въ управленіи, которой не могъ достигнуть Новгородъ. Пригороды Пскова были или административные или военные посты, которые выставлялъ Псковъ на литовской и ливонской границѣ, но эти пригороды не имѣли самостоятельности. Псковъ настолько владѣлъ ими,

что переносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто и налагалъ на нихъ наказанія. Благодаря малой территоріи, боярскія владѣнія не достигли во Псковской землѣ такихъ размѣровъ, какъ въ Новгородѣ, вслѣдствіе чего не было большой разницы состояній; низшіе классы не находились въ такой зависимости отъ высшихъ, и боярскій классъ не былъ такимъ замкнутымъ, какъ въ Новгородѣ. Съ другой стороны, бояре не держали въ своихъ рукахъ политическую судьбу Пскова, какъ это было въ Новгородѣ. Вѣче, которое во Псковѣ было мирнымъ, избирало обыкновенно двухъ посадниковъ (въ Новгородѣ же вѣче избирало только одного), часто ихъ смѣняло и успѣшнѣе контролировало. Все общество имѣло болѣе демократическій складъ съ преобладаніемъ среднихъ классовъ надъ высшими. Того внутренняго разлада, какой губилъ Новгородъ, не было. Самостоятельность Пскова пала не отъ внутреннихъ его болѣзней, а отъ внѣшнихъ причинъ,—отъ усиленія Москвы, которымъ выражалось стремленіе великорусскаго племени къ государственному объединенію.

Литва.

Рядомъ съ расцвѣтомъ политической жизни въ Новгородѣ и Суздальско-Владимірской Руси, мы замѣчаемъ оживленіе и усиленіе Волыни и особенно Галича. „Центръ жизни перешелъ въ Руси южной отъ Днѣпра къ Карпатамъ“, говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ; „это перенесеніе средоточія исторической жизни становилось замѣтнымъ уже давно, хотя князья продолжали добиваться Кіева и передъ самымъ почти взятіемъ его татарами велись изъ-за него распри... но несмотря на эти распри, Кіевъ уже палъ еще послѣ взятія его войсками Боголюбскаго“ (1169 г.)... Жизнь историческая нашла себѣ новое русло:464 русломъ этимъ была земля галицкая. Но Мономаховичамъ, утвердившимся на Волыни и въ Галичѣ, пришлось бороться за власть съ могучимъ галицкимъ боярствомъ, которое выросло тамъ въ независимую отъ князя политическую силу, и выносить большое давленіе иноземныхъ сосѣдей: татаръ, поляковъ, угровъ и литвы. Открытая война и дипломатическая игра съ этими сосѣдями окончилась побѣдою не Галича. Волынь перешла подъ власть Литвы въ срединѣ XIV вѣка, а за обладаніе Галичемъ та же Литва спорила съ 1340 года съ Польшею. Галичу выпала недолгая слава, и та миссія соединенія южной и западной Руси, которая, казалось, была суждена именно Галичу, перешла отъ него къ Литвѣ.

Благодаря тому, что Литовское государство составилось преимущественно изъ *русскихъ* областей, жило общею политическою жизнью съ *Польшей* и имѣло постоянныя, хотя и враждебныя сношенія съ *нѣмцами*,

оно заинтересовало своей судьбой не только русскихъ, но и польскихъ и нѣмецкихъ историковъ; въ нѣмецкой и польской литературахъ есть очень серьезныя труды по литовской этнографіи и исторіи. Нѣмецкая литература располагаетъ такими солидными сочиненіями, какъ *Voigt*, Geschichte Preussens (1827—1837) *Röpell* und *Caro*, Geschichte Polens (1840—1869). Въ польской литературѣ послѣ старыхъ баснословій, въ родѣ Нарбута (Dzieje starozytne narodu Litewskiego и др.) и Лелевиля (Dzieje Litwy i Rusi и др.) явились очень хорошія монографіи по литовской исторіи, напримѣръ: Стадницкаго (рядъ монографій о Литовскихъ князьяхъ: Synowie Gedymina и др.) Вольфа (*Wolff*, Ród Gedymina), Смольки (*Smolka* Szkice historyczne и др.), Прохаски (*Prochazka*, Ostatnie lata Witolda 1882; Szkice historyczne z XV weku, 1884) и рядъ прекрасныхъ изданій памятниковъ въ сборникѣ „Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia“ (въ которомъ принимаютъ участіе и другіе ученые: Соколовскій, Шуйскій, Левицкій). Что касается русскихъ ученыхъ, то они прежде мало обращали вниманія на исторію Литвы, и только въ послѣднее время развилось сознаніе, что Литва была государствомъ по населенію русскимъ, и что изученіе ея, съ точки зрѣнія этнографической и исторической, составляетъ интересъ первостепенной важности для русскаго историка. Въ Литвѣ, исторія которой шла инымъ путемъ, чѣмъ исторія Москвы, сохранились чище и яснѣе нѣкоторые черты древне-русской жизни, и русское общество въ Литвѣ осталось въ своей массѣ вѣрнымъ своей народности, хотя и поставлено было въ тяжелыя условія жизни и развитія. Изъ старыхъ историковъ Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ почти ничего не говоритъ о Литвѣ; Соловьевъ, хотя и отмѣчаетъ Литовскія событія, но отдѣлъ о Литвѣ у него менѣе обработанъ, чѣмъ исторія Московской Руси. Въ трудахъ ученыхъ позднѣйшаго времени, исторія Литвы выступаетъ въ болѣе полномъ видѣ. Отмѣтимъ изъ болѣе раннихъ монографій: *Владимірскаго-Буданова*, „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ“, и др.; *Василъевскаго* „Очеркъ исторіи города Вильны“ и др. *Антоновича* „Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго“ (въ „Монографіяхъ по исторіи западной и юго-западной Россіи“, томъ I, 1885 года); *Дашкевича* „Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго княжества“. Для первоначальнаго руководства слѣдуетъ взять только-что названный трудъ Антоновича, у котораго находится сводъ достовѣрныхъ извѣстій о Литвѣ съ начала ея исторіи до уній съ Польшей; обстоятельный критическій обзоръ этого труда составленъ Дашкевичемъ въ его „Замѣткахъ“; Антоновичъ и Дашкевичъ взаимно дополняютъ одинъ другого, и въ ихъ трудахъ мы имѣемъ первую научно-достовѣрную исторію Литвы. Затѣмъ въ „Исторіи Россіи“ *Иловайскаго* исторія Литвы излагается на равныхъ правахъ съ исторіей Москвы. Подробные обзоры литовской исторіи находимъ также въ „Русской Исторіи“ *Бестужева-*

Рюмина. Наконецъ, въ позднѣйшіе годы появились монографіи: *Владимірскаго-Буданова:* „Помѣстья Литовскаго Государства“, „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ“ и др.; *Любавскаго* „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства“ и „Литовско-русскій сеймъ“; *Леонтовича* „Очерки исторіи литовско-русскаго права“; *Максимейко* „Сеймы Литовско-Русскаго государства до 1569 года“; *Лаппо* „Великое княжество Литовское“ во 2-й половинѣ XVI вѣка (два тома); *Довнаръ-Запольскаго* „Государственное хозяйство вел. княжества Литовскаго“ и „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в.“. Изъ популярныхъ изложеній литовской и западно-русской исторіи слѣдуетъ упомянуть: *Бѣляева* „Разсказы изъ русской исторіи“, томъ IV; *Кояловича* „Чтенія по исторіи Западной Россіи“ и превосходный курсъ проф. *М. К. Любавскаго* „Очеркъ по исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно“ (М. 1910).

Племя, извѣстное подъ названіемъ литовскаго, является разсѣяннымъ съ давнихъ поръ на балтійскомъ поморьѣ, между Западной Двиной и Вислой; на востокѣ оно распространяется на весь почти бассейнъ рѣки Нѣмана и своими крайними южными поселеніями достигаетъ до средняго теченія Западнаго Буга. Литовцы, какъ можно заключить по остаткамъ литовскаго языка, составляли самостоятельную вѣтвь арійскаго племени, близкую славянамъ. По немногочисленнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ о первоначальномъ бытѣ литовцевъ, мы можемъ указать въ X и XI вв. слѣдующія народности или племена, на которыя распалось литовское племя: на сѣверѣ литовской территоріи, на правой сторонѣ Двины, жило племя, называемое летгола; къ югу отъ него по лѣвому берегу Двины—жемгола или семигола; на полуостровѣ между Балтійскимъ моремъ и Рижскомъ заливомъ—корсь или куроны; къ западу между устьемъ Нѣмана и Вислы—пруссы. Они раздѣлялись на десять колѣнъ; названіе двухъ прусскихъ колѣнъ „судиновъ“ и „галиндовъ“ находимъ у Птоломея, писателя II вѣка по Р. Х. Онъ помѣщаетъ ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были позже, на основаніи чего ученые склонны думать, что литовское племя поселилось у Балтійскаго моря очень рано. По бассейну Нѣмана жили: жмудь по нижнему теченію и литва по среднему теченію. Наконецъ, по рѣкѣ Нареву простирались поселенія послѣдняго литовскаго народа ятвяговъ. Что касается до быта литовцевъ въ древности, то, какъ замѣчено было выше, свѣдѣнія о немъ скудны. Религія ихъ состояла, вѣроятно, въ поклоненіи силамъ природы. Историческія извѣстія объ именахъ литовскихъ божествъ (за исключеніемъ развѣ Перкуна) и религіозныхъ обрядахъ (за исключеніемъ немногихъ) подвергаются сильному подозрѣнію со стороны позднѣйшихъ ученыхъ и часто опускаются въ ученыхъ трудахъ. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ можемъ заключить, что у нихъ существовалъ очень вліятельный

классъ жрецовъ, находившихся въ подчиненіи у главнаго жреца Криве или Криво-Кривейто, который пользовался громаднымъ уваженіемъ. Характерной чертой быта литовцевъ было отсутствіе первыхъ началъ государственности, которыя, напримѣръ, у славянъ выражались основаніемъ городовъ. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, описывающихъ походы русскихъ на Литву, не упоминается о городахъ на литовской территоріи. Время ихъ возникновенія Антоновичъ относитъ лишь къ XIII вѣку, ссылаясь на лѣтописи, которыя впервые подъ 1252 годомъ упоминаютъ о литовскихъ городахъ: „Ворута" и „Твереметь" (Ворута былъ расположенъ въ мѣстности, занятой племенемъ литвой, а Твереметь въ мѣстности, занятой жмудью). Дашкевичъ говоритъ, что лѣтописи подъ 1252 годомъ упоминаютъ не объ основаніи городовъ, а объ ихъ существованіи; основаны они были, по его мнѣнію, немного раньше. Наряду съ отсутствіемъ въ древнѣйшей Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ центровъ, замѣтно и полное отсутствіе политической власти. До половины XIII вѣка польскія и нѣмецкія лѣтописи, описывая столкновенія литовцевъ съ сосѣдними народами, не только не называютъ литовскихъ вождей, но не упоминаютъ о существованіи какихъ бы то ни было правителей; до половины XIV вѣка упоминаются лишь вожди, но власть ихъ простиралась на незначительные округа; въ лѣтописяхъ на незначительномъ пространствѣ территоріи обыкновенно указываютъ на цѣлую группу такихъ начальниковъ. Это были скорѣе представители отдѣльныхъ родовъ, чѣмъ племенные правители. Такимъ образомъ литовское племя до половины XIV вѣка не только не составляло государства, но даже сплоченныхъ племенъ, а представляло массу небольшихъ волостей, управляемыхъ независимыми вождями безъ всякой политической связи между ними. Только тождество происхожденія, быта, языка, преданій и религіознаго культа объединяло отдѣльныя части этого племени. Но опасность со стороны внѣшнихъ враговъ заставила литовцевъ ускорить процессъ своей политической организаціи и замѣнить опиравшуюся на нравственное вліяніе власть жрецовъ властью князей. Этими врагами были нѣмецкіе рыцари, которые съ начала XIII вѣка появились на окраинахъ литовской земли съ цѣлью обращенія литовцевъ въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпостную зависимость отъ побѣдителей. Къ концу XIII вѣка нѣмцы подчинили себѣ пруссовъ, земли летголы и жемголы и приблизились къ поселеніямъ собственно литвы и жмуди; но эти народы, въ то время какъ ихъ современники боролись съ нѣмцами, успѣли уже создать довольно крѣпкій государственный строй и оказали сильное сопротивленіе послѣднимъ; этому помогли тѣ отношенія, въ какія стали литва и жмудь въ XIII вѣкѣ къ русскимъ. Одновременно съ возвышеніемъ Владимірской Руси (въ XIII вѣкѣ) русскія западныя княжества, сосѣднія литовскому государству,—Смоленское, Полоцкое и другія,—вслѣдствіе нападеній внѣш-

нихъ враговъ и внутреннихъ неурядицъ, слабѣютъ и дѣлятся на мелкія части. Междоусобіями русскихъ князей пользуются литовцы, которыхъ сами русскіе призываютъ на помощь и вмѣшиваютъ въ свои распри. Они, помогая той или другой сторонѣ, вторгаются въ жизнь русскихъ и пользуются этимъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Раньше всего литовцы вмѣшиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ, свыкаются съ мыслью о ея слабости и внутреннемъ устройствѣ. Съ конца XII вѣка литовцы уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междоусобіяхъ, но начинаютъ предпринимать походы съ цѣлью территоріальнаго захвата. Съ XIII вѣка литовцы начинаютъ вторгаться и въ другія русскія княжества, такъ, напримѣръ, въ Новгородскую землю, въ Смоленское и Кіевское княжества. Кто были первые литовскіе князья, неизвѣстно; самыя раннія извѣстія о нихъ, и то легендарныя, дошли до насъ только отъ XIII вѣка. Въ XIII вѣкѣ по литовскимъ преданіямъ, Эрдивилъ, современникъ Батыя, предпринялъ походъ на русскія земли и завладѣлъ Городномъ; въ то же время другой литовскій князь Мингайло предпринялъ будто бы походъ на Полоцкъ и основалъ въ немъ второе литовское княжество. Эти извѣстія о первыхъ литовскихъ княжествахъ на русской почвѣ однако не достовѣрны. Первое достовѣрное княженіе—княженіе Миндовга. Миндовгъ, сынъ Ромгольда, около 1235 года завладѣлъ русскимъ городомъ Новгородскомъ (Новгрудекомъ) и основалъ тамъ полу-русское, полу-литовское княжество. Расширяя свои владѣнія на счетъ русскихъ и литовцевъ, онъ дѣйствовалъ съ помощью русскихъ противъ литовцевъ и съ помощью литовцевъ противъ русскихъ. Въ стремленіи къ расширенію своего княжества онъ встрѣтился съ двумя врагами: съ возвышавшимся на югѣ Галицкимъ княжествомъ и съ Ливонскимъ орденомъ. Миндовгу (точнѣе его сыну Войшелку) удалось заключить договоръ съ Галицкимъ княземъ Даніиломъ, подъ условіемъ уступки Роману, сыну Даніила Галицкаго, русскихъ земель, занятыхъ Миндовгомъ Литовскимъ, но съ признаніемъ верховной власти Миндовга надъ этими землями. Этотъ договоръ, выгодный для Миндовга, былъ скрѣпленъ брачнымъ союзомъ дочери Миндовга съ сыномъ Даніила Шварномъ. Что касается Ливонскаго ордена, то Миндовгъ умиротворилъ его, принявъ крещеніе въ 1250 г. и выдавъ ордену грамоты на литовскія земли, ему прямо не принадлежащія. Такъ завязывалось и формировалось первое Литовское княжество, распавшееся однако послѣ Миндовга, убитаго вслѣдствіе заговора противъ него удѣльныхъ князей.

Послѣ его смерти въ Литвѣ произошли междоусобія, вслѣдствіе которыхъ Литовское княжество въ значительной степени потеряло пріобрѣтенную при Миндовгѣ силу и внутреннюю связь; однако оно уже настолько окрѣпло при Миндовгѣ, что не могло окончательно разложиться послѣ его смерти. Основателемъ же могущества Литовскаго княжества

считается *Гедиминъ,* хотя и предшественникъ его Витень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи.

О происхожденіи Витеня и Гедимина и времени ихъ вокняженія лѣтописи не даютъ точныхъ свѣдѣній. Въ разсказахъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ извѣстія о военной дѣятельности Витеня (1293—1316) и Гедимина (1316—1341), при чемъ характеръ ихъ военныхъ дѣйствій указываетъ на новый переворотъ, происшедшій во внутреннемъ строѣ Литовскаго княжества. У Витеня и Гедимина были уже дисциплинированныя войска вмѣсто прежнихъ нестройныхъ ополченій. Войска эти предпринимаютъ осаду городовъ, умѣютъ брать приступомъ укрѣпленія, имъ знакомо употребленіе осадныхъ орудій. Литва защищена не только дремучими лѣсами и болотами, но укрѣпленіями, замками и городами, жители которыхъ несутъ правильно распредѣленныя государственныя повинности и, главнымъ образомъ, обязаны защищать свои города и крѣпости. Перемѣна въ организаціи военныхъ силъ государства произошла отъ прилива русской народности, на которую главнымъ образомъ опирались литовскіе князья; доказательствомъ этого служатъ извѣстія лѣтописей, въ которыхъ постоянно встрѣчаются названія ополченій Витеня и Гедимина не литовскихъ только, а литовско-русскихъ. Участіе русскихъ не ограничивалось только военной помощью литовскимъ князьямъ; они участвуютъ въ дипломатическихъ дѣлахъ, правятъ посольства отъ литовскихъ князей, имѣютъ вліяніе и на внутреннее управленіе Литвы. Такъ, главнымъ сподвижникомъ Гедимина былъ русскій человѣкъ *Давидъ*—воевода Гродненскій. По дошедшимъ о немъ свѣдѣніямъ, онъ занималъ высокое положеніе въ странѣ, пользовался большимъ вліяніемъ на внутреннее управленіе Литвой; по словамъ литовскихъ источниковъ, онъ занималъ первое мѣсто послѣ великаго князя; кромѣ того ему была поручена охрана одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей, Гродны, и начальство надъ арміями въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ Гедиминъ лично не принималъ участія; въ одномъ изъ такихъ походовъ Давидъ былъ измѣнническимъ образомъ убитъ однимъ мазовецкимъ княземъ Андреемъ.

Гединимъ, какъ и его предшественники, держался завоевательной политики; однако лѣтописи и преданія часто приписываютъ ему завоеваніе такихъ областей, которыя или были покорены Литвою уже послѣ его смерти, или же были присоединены къ Литвѣ мирнымъ образомъ. (Такъ, напримѣръ, мы находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о походѣ Гедимина на Волынь и Кіевъ въ 1320 году, при чемъ лѣтописцы передаютъ это, какъ достаточно вѣрный фактъ; изображаютъ битвы, результатомъ которыхъ якобы явилось подчиненіе Волыни и Кіева; между тѣмъ изъ болѣе подробнаго изученія этихъ разсказовъ и сличенія съ болѣе достовѣрными источниками видно, что это вымыселъ). При такихъ недостовѣрныхъ источникахъ историческая критика можетъ только указать на

нѣкоторыя земли, присоединенныя Гедиминомъ къ Литвѣ: Кіевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразимъ количественное отношеніе территорій, населенныхъ русскими и литовцами, то увидимъ, что около *двухъ третей территоріи* было занято русскими, такъ что въ первой четверти XIV вѣка Литовское княжество пріобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго группировались болѣе слабыя русскія области. Московское государство находилось въ такомъ же положеніи; политика, какъ Московскихъ, такъ и Литовскихъ князей, была одинакова: тѣ и другіе стремились стягивать болѣе слабыя русскія области вокругъ сильнаго политическаго центра.

Между Москвою и Литвою въ XIV вѣкѣ находилась цѣлая полоса княжествъ, которыя служили предметомъ споровъ между этими двумя державами; Гедиминъ соперничалъ съ Москвою изъ-за вліянія на дѣла Пскова и Новгорода и затѣмъ изъ-за вліянія на смоленскихъ князей. Извѣстно, напримѣръ, что во время несогласій въ Новгородской землѣ, происходившихъ изъ-за стремленія Пскова отдѣлиться отъ Новгорода, псковитянъ поддерживала Литва, а Новгородъ Московскіе князья. Изъ-за этой полосы слабѣйшихъ земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы съ Литвою въ XIV и XV вѣкахъ.

Гедиминъ оставилъ *семь* сыновей, между которыми и подѣлилъ литовскія земли. Изъ нихъ *Ольгердъ* получилъ Крево и Витебскъ, *Кейстутъ*—Троки, Гродно и Жмудь, а младшій *Явнутій*, столицу Вильно. *В. Б. Антоновичъ*, вопреки старому мнѣнію, что послѣ Гедимина великимъ княземъ сталъ считаться Явнутій, высказывается въ томъ смыслѣ, что Явнутій, какъ самый младшій и неопытный въ дѣлахъ правленія, не могъ быть назначенъ отцомъ на великое княженіе; онъ поддерживаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ источникахъ о вліяніи Явнутія, какъ великаго князя, на событія того времени не упоминается; напротивъ, каждый удѣльный князь дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно: заключаетъ договоры съ иностранцами, предпринимаетъ походы. Поэтому Антоновичъ и предполагаетъ, что въ данный промежутокъ времени скорѣй никто не наслѣдовалъ старшаго стола, пока Ольгердъ и Кейстутъ не вступили въ союзъ съ цѣлью возстановить въ Литвѣ великокняжескую власть. По мнѣнію же *Бестужева-Рюмина*, великокняжескій престолъ достался именно младшему Явнутію, какъ и позднѣе Ольгердъ тоже отдалъ великокняжескій престолъ своему младшему сыну Ягайло. Это говоритъ Бестужевъ, указывая на извѣстный обычай, схожій со старымъ гражданскимъ обычаемъ: по „Русской Правдѣ" отцовскій домъ доставался младшему сыну. Однако Явнутій не долго оставался на великокняжескомъ престолѣ. Кейстутъ въ союзѣ съ Ольгердомъ свергъ Явнутія и Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ. Другіе князья должны были

признать его власть и обязались повиноваться ему, какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ удѣловъ.

Антоновичъ даетъ намъ слѣдующую мастерскую характеристику Ольгерда: „Ольгердъ, по свидѣтельству современниковъ, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованіями; онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ политическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы и удачно выбиралъ время для осуществленія своихъ политическихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгердъ отличался умѣніемъ въ непроницаемой тайнѣ сохранять свои политическіе и военные планы. Русскія лѣтописи, не расположенныя вообще къ Ольгерду, вслѣдствіе его столкновеній съ сѣверо-восточною Русью, называютъ его „зловѣрнымъ“, „безбожнымъ“ и „льстивымъ“; однако признаютъ въ немъ умѣніе пользоваться обстоятельствами, сдержанность, хитрость,—словомъ, всѣ качества, нужныя для усиленія своей власти въ государствѣ и для расширенія его предѣловъ. По отношенію къ различнымъ національностямъ, можно сказать, что всѣ симпатіи и вниманіе Ольгерда сосредоточивались на русской народности, Ольгердъ, по взглядамъ, привычкамъ и семейнымъ связямъ, принадлежалъ къ русской народности и служилъ въ Литвѣ ея представителемъ“. Въ то самое время, когда Ольгердъ усиливалъ Литву присоединеніемъ русскихъ областей, Кейстутъ является ея защитникомъ передъ крестоносцами и заслуживаетъ славу народнаго богатыря. Кейстутъ—язычникъ, но даже его враги, крестоносцы, признаютъ въ немъ качества образцоваго христіанина-рыцаря. Такія же качества признавали въ немъ поляки.

Оба князя такъ точно раздѣлили управленіе Литвой, что русскія лѣтописи знаютъ только Ольгерда, а нѣмецкія только Кейстута. О характерѣ борьбы Кейстута съ нѣмцами мы находимъ блестящую страницу въ уже указанной книгѣ *Антоновича* (стр. 99). Крестоносцы дѣлали ежегодно на Литву набѣги, называемые „рейзами“. Литовцы платили ордену тѣмъ же, но такъ какъ литовскія нападенія требовали большихъ приготовленій, то они бывали вдвое рѣже. Такимъ способомъ шли войны изъ года въ годъ, составляя главное занятіе литовцевъ и русскихъ въ теченіе всего княженія Ольгерда. Эти набѣги, болѣе или менѣе опустошительные и кровопролитные, обыкновенно не приводили къ окончательному результату, и большихъ и рѣшительныхъ битвъ было мало; въ княженіе Ольгерда ихъ насчитываютъ двѣ: на рѣкѣ *Стравѣ* (1348) и у замка *Рудавы* (1370). Они не имѣли никакихъ послѣдствій, хотя нѣмецкіе лѣтописцы придаютъ этимъ битвамъ рѣшительный характеръ и преувеличиваютъ размѣры побѣдъ. По отношенію къ Руси Ольгердъ продолжаетъ политику своего отца. Онъ старается вліять на Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ; поддерживаетъ тверскихъ князей противъ Москвы,

хотя его вмѣшательство въ этомъ случаѣ и неудачно. Соперничество Ольгерда съ Москвою въ стремленіи подчинить русскія земли, пограничныя съ Литвою, и въ Новгородѣ и Псковѣ склонялось въ пользу Москвы, но зато Ольгердъ умѣлъ захватить Сѣверскую Русь: Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій и др.

Послѣ смерти Ольгерда на престолъ вступилъ *Ягайло*, и наступило время династическаго соединенія Литвы съ Польшей въ уніи 1386 года. Соединеніе это было предложено Польшею съ цѣлью направить силы обоихъ государствъ на общаго врага, на нѣмцевъ. Успѣхъ былъ достигнутъ. Соединенныя литовско-русскія и польскія войска нанесли нѣмцамъ роковой ударъ подъ Грюнвальдомъ (Танненбергомъ, 1410), и сила нѣмецкаго ордена была сломлена навсегда. Но были и другіе результаты уніи, неблагопріятные для Литвы. Литва была вполнѣ русскимъ государствомъ съ русскою культурою, съ господствомъ русскаго языка и православія. А между тѣмъ унія политическая, по мнѣнію Ягайло и католиковъ, должна была вести къ уніи и религіозной. Поляки стремились окатоличить „языческую" Литву и ввести въ ней „культуру", то есть польскіе обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба, и борьба, направленная противъ нея, скоро перешла въ борьбу съ православіемъ. Именно такимъ образомъ въ новомъ государствѣ создались обстоятельства, которыя должны были дурно отозваться на его политическомъ могуществѣ, и вслѣдствіе національнаго и вѣроисповѣднаго внутренняго разлада Литва начинаетъ клониться къ погибели въ то самое время, когда она достигаетъ, казалось бы, полнаго разцвѣта своихъ силъ. Это было при Витовтѣ. Въ *русской* части Литвы унія и, въ особенности, принятіе католичества официальными лицами не могло обойтись безъ протеста: русскіе съ той поры, какъ Ягайло сталъ польскимъ королемъ, захотѣли имѣть своего особаго князя, что заставило ихъ сгрупироваться сначала вокругъ Андрея Ольгердовича, попытка котораго захватить власть однако окончилась неудачею. Тѣмъ не менѣе въ Литвѣ неудовольствіе противъ уніи все росло, чѣмъ и воспользовался сынъ Кейстута—*Витовтъ*. Заручившись союзниками, онъ вступилъ въ борьбу съ Ягайло, и тотъ въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить Литву Витовту и признать послѣдняго княземъ литовскимъ.

Литовскому государю предстояла теперь задача охранять независимость своего государства отъ Польши, но умъ Витовта на этотъ разъ не подсказалъ ему, на какое начало долженъ онъ опереться въ этомъ дѣлѣ. *Каро* говоритъ, что Витовта считали своимъ и католики, и православные: язычники же думали, что въ немъ не угасъ духъ предковъ. Въ этомъ была и его сила, и его слабость. Дѣйствительно, сближаясь со всѣми, будучи нерѣшителенъ, мѣняя нѣсколько разъ свою религію, Витовтъ не могъ твердо и прочно опереться на сильнѣйшій въ Литвѣ эле-

ментъ, на русскую народность, какъ могъ бы сдѣлать чисто православный князь. Русскіе въ концѣ концовъ отнеслись къ Витовту, какъ къ врагу Руси вообще: „Былъ убо князь Витовтъ прежде христіанинъ (говоритъ лѣтописецъ), и имя ему Александръ, и отвержеся православныя вѣры и христіанства и прія Лядскую..., а помыслилъ тако, хотѣлъ плѣнити русскую землю, Новгородъ и Псковъ". Разъ образовался такой взглядъ, Витовтъ лишенъ былъ надежнѣйшей опоры для его политики, клонившейся къ образованію изъ Литвы единаго независимаго государства, но окончившейся тѣснымъ сближеніемъ съ Польшею. Все княженіе Витовта наполнено блестящими дѣлами, но вмѣстѣ съ тѣмъ Польша все больше и больше пріобрѣтала вліяніе на Литву. Въ 1413 году въ городѣ *Городлѣ* собрался польско-литовскій сеймъ, на которомъ торжественнымъ актомъ былъ скрѣпленъ союзъ Польши съ Литвой. На основаніи Городельскаго акта подданные великаго князя Литовскаго, принимая католичество, получали тѣ права и привилегіи, какія имѣли въ Польшѣ лица соотвѣтствующаго сословія; дворъ и администрація въ Литвѣ устраивались по польскому образцу, при чемъ должности въ нихъ предоставлялись только католикамъ. Укрѣпляя польское вліяніе въ Литовскомъ государствѣ, Городельская унія отчуждала отъ литовской династіи русскую православную народность и послужила началомъ окончательнаго раздѣленія и вражды Литвы и Руси. Литва же съ этого момента, все болѣе и болѣе подпадая подъ вліяніе Польши, наконецъ окончательно сливается съ нею въ нераздѣльное государство.

Московское княжество до середины XV-го вѣка.

Начало Москвы. Во второй половинѣ XIII и началѣ XIV вѣка на сѣверо-востокѣ Руси начинаетъ возвышаться до сихъ поръ незамѣтное княжество Московское. Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію причинъ и хода возвышенія этого княжества, скажемъ нѣсколько словъ объ его главномъ городѣ—Москвѣ. Начнемъ съ первыхъ извѣстій о Москвѣ и не будемъ касаться басенъ о началѣ Москвы, приведенныхъ у Карамзина (томъ II, примѣчаніе 301). Первыя упоминанія о Москвѣ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи не ранѣе XII вѣка. Въ ней разсказывается, что въ 1147 году Юрій Долгорукій пригласилъ своего союзника, князя Святослава Ольговича Черниговскаго, на свиданіе въ Москву, гдѣ они пировали (учинили „обѣдъ") и обмѣнялись подарками. При этомъ не говорится, что Москва была „городомъ", такъ что можно подумать, что въ 1147 году она была селомъ, вотчиною князя. Это представляется

вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что есть извѣстіе о построеніи Москвы-*города* въ 1156 году. Извѣстіе это таково: „Того же лѣта (6664) князь великій Юрій Володимеричъ заложи градъ Москву на устниже Неглинны выше рѣки Аузы“. Прямой смыслъ этихъ словъ, дѣйствительно, говоритъ, что городъ Москва былъ основанъ на девять лѣтъ позже княжескаго обѣда въ Москвѣ-вотчинѣ. Но этому не всѣ вѣрятъ: истолковать и объяснить послѣднее извѣстіе очень трудно. Во первыхъ, оно дошло до насъ въ позднемъ (XVI вѣка) лѣтописномъ Тверскомъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычаи измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ. Нельзя, поэтому, быть увѣреннымъ, въ томъ, что въ данномъ случаѣ составитель сборника не измѣнилъ первоначальной формы разбираемаго извѣстія; его редакція отличается большою обстоятельностью и точностью географическихъ указаній, что намекаетъ на ея позднее происхожденіе. Такимъ образомъ, уже общія свойства источника заставляютъ заподозрить доброкачественность его сообщеній. Во-вторыхъ, авторъ Тверской лѣтописи, заявивъ объ основаніи Москвы въ 1156 году, самъ же повѣствуетъ о Москвѣ ранѣе: онъ сокращаетъ извѣстіе Ипатьевской лѣтописи о свиданіи князей въ Москвѣ въ 1147 году и ничѣмъ не оговариваетъ возникающаго противорѣчія, не объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ его Москвою 1147 года. Это прямо приводитъ къ мысли, что авторъ въ данномъ случаѣ или самъ плохо понималъ свой разнорѣчивый матеріалъ, или же въ извѣстіи о построеніи города Москвы хотѣлъ сказать не совсѣмъ то, что можно прочесть у него по первому впечатлѣнію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обязательна особенная осторожность при пользованіи даннымъ извѣстіемъ. Въ-третьихъ, наконецъ, сопоставленіе извѣстія съ текстомъ другихъ лѣтописей убѣждаетъ, что авторъ Тверского сборника заставилъ князя Юрія „заложить градъ Москву“ въ то время, когда этотъ князь окончательно перешелъ на югъ, и когда вся семья его уже переѣхала изъ Суздаля въ Кіевъ черезъ Смоленскъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ невозможно ни принять извѣстія на вѣру цѣликомъ, ни внести въ него какія-либо поправки.

Такъ, изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ одно настолько неопредѣленно, что само по себѣ не доказываетъ существованія *города* Москвы въ 1147 году, а другое, хотя и очень опредѣленно, но не можетъ быть принято за доказательство того, что *городъ* Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на иныя свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать существованіе Москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка. При описаніи событій, послѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ, какъ о городѣ, и о „Москьвлянахъ“, какъ его жителяхъ. Ипатьев-

ская лѣтопись подъ 1176 г. (6684) разсказываетъ, что больной князь Михалко, направляясь съ юга въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилкахъ „до Куцкова, рекше до Москвы“; тамъ онъ узналъ о приближеніи своего врага Ярополка и поспѣшилъ во Владиміръ „изъ Москвѣ“ въ сопровожденіи москвичей. „Москьвляне же,—продолжаетъ лѣтописецъ,—слышавше, оже идетъ на нѣ Ярополкъ, и възвратишася вьспять, блюдуче домовъ своихъ“. Въ слѣдующемъ 1177 г. (6685) лѣтописецъ прямо называетъ Москву городомъ въ разсказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Всеволода. „Глѣбъ же на ту осень прїѣха на Москвь (въ другихъ спискахъ: въ Москву) и пожже городъ весь и села“. Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существованіи города Москвы, въ то же время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ еще не установлено однообразное наименованіе города: городъ называется то—„Москвь“, то—„Кучково“, то—„Москва“; не доказываетъ-ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду, возможно и не связывать возникновенія Москвы непремѣнно съ именемъ князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы, собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности,—ихъ нельзя эксплоатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII вѣка.

Такъ, оставаясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже срединѣ XII вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны, и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется текстомъ лѣтописей. Если вдуматься въ извѣстіе лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Суздальско-Владимірскаго княжества. Съ юга, изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву, и именно, Москва была первымъ городомъ, который встрѣчали приходящіе изъ юго-западной Руси въ Суздальско-Владимірскую Русь. Когда, по смерти Боголюбскаго, князь Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова,—именно въ Москвѣ, на границахъ княженія Андрея Боголюбскаго встрѣтили ихъ ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, котораго не желали пускать внутрь княжества, они указали: „пожди мало на Москвѣ“. Ярополкъ отправился „к дружинѣ Переяславлю“, а Михалко, не слушая ростовцевъ, поѣхалъ во Владиміръ. Москва здѣсь рисуется, какъ перекрестокъ, отъ котораго можно было держать путь и въ Ростовъ, на сѣверъ, и во Владиміръ, на сѣверо-востокъ. Внутренніе пути Суздальской Руси сходились въ Москвѣ въ одинъ, шедшій на югъ, въ Черниговскую землю. Черезъ годъ

Михалко, выбитый изъ Владиміра, опять идетъ изъ Чернигова на сѣверъ по зову владимірцевъ. На встрѣчу ему выходятъ и владимірцы, его друзья, и племянникъ Ярополкъ—его врагъ. Первые хотятъ его встрѣтить и охранить, второй желаетъ не допустить его въ занятую Ростиславичами землю. При разныхъ цѣляхъ, враги спѣшатъ въ одинъ и тотъ же пунктъ—въ Москву. Очевидно въ данномъ случаѣ встрѣчать Михалка всего удобнѣе было на границѣ княжества, съ какой бы цѣлью его ни встрѣчали. Когда, наконецъ, Михалко и братъ его Всеволодъ укрѣпились прочно во Владимірѣ, князь черниговскій, Святославъ Всеволодовичъ, отправилъ къ нимъ ихъ женъ, „приставя къ нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвѣ". Проводивъ княгинь, Олегъ вернулся „во свою волость въ Лопасну". Здѣсь опять не требуетъ доказательствъ пограничное положеніе Москвы: княгинь проводили до перваго пункта владѣній ихъ мужей. Всѣ приведенныя указанія относятся къ 1175—1176 г.г. Не менѣе любопытенъ и позднѣйшій фактъ. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ 1207 (6715) г. походъ на югъ, на Ольговичей („хочю поити к Чернигову",—говоритъ онъ), послалъ въ Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Константинъ съ войскомъ пришелъ оттуда на соединеніе съ нимъ; Константинъ послушался и „дождася отца на Москвѣ". На Москву пришелъ и самъ Всеволодъ и, соединясь тамъ со своими сыновьями, „поиди с Москвы... и придоша до Окы", которая была тогда внѣ предѣловъ Суздальскаго княжества. Въ этомъ случаѣ Москва ясно представляется послѣднимъ, самымъ южнымъ городомъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда князь прямо вступаетъ въ чужую землю, во владѣнія черниговскихъ князей. Пограничное положеніе Москвы естественно должно было обратить ее на этотъ разъ въ сборное мѣсто дружинъ Всеволода, въ операціонный базисъ предпринятаго похода.

Но не только по отношенію къ Черниговской землѣ Москва играла роль пограничнаго города,—съ тѣмъ же самымъ значеніемъ являлась она иногда и въ отношеніяхъ Суздальской или Рязанской земель. Въ 1177 (6685) г. князь рязанскій Глѣбъ, нападая на владѣнія Всеволода, обратился именно на Москву, какъ это указано выше. То же повторилось и въ 1208 (6716) году; рязанскіе князья „начаста воевати волость Всеволожю великаго князя около Москвы". Москва по отношенію къ Рязани представляется намъ первымъ доступнымъ для рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по Москвѣ-рѣкѣ. Этимъ путемъ такъ или иначе воспользовались и татары Батыя, пришедшіе изъ рязанской земли, отъ Коломны, прежде всего къ Москвѣ.

Итакъ, слѣдуя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва—пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга. Москва—пунктъ, на который, прежде всего,

нападають враги суздальско-владимірскихъ князей. Москва, наконецъ,— исходный пунктъ военныхъ операцій суздальско-владимірскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга. Очевидно, что этотъ городъ былъ построенъ въ видахъ огражденія Суздальско-Владимірской земли со стороны черниговскаго порубежья. По крайней мѣрѣ объ этомъ скорѣе всего позволяетъ говорить письменный матеріалъ.

Какъ маленькій и новый городокъ, Москва довольно поздно стала стольнымъ городомъ особаго княжества. Наиболѣе замѣтнымъ изъ первыхъ московскихъ князей былъ Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, прозванный такъ за то, что онъ безъ всякаго права, благодаря одной своей смѣлости, свергъ князя Святослава и захватилъ въ свои руки великое княженіе. Вскорѣ за Хоробритомъ московскій столъ достался князю Даніилу Александровичу, умершему въ 1303 году, который сдѣлался родоначальникомъ московскаго княжескаго дома. Съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ княжествомъ съ постояннымъ княземъ.

Причины возвышенія Москвы и Московскаго княжества. Припомнимъ обстоятельства политической жизни Суздальско-Владимірской Руси. Вся она была въ обладаніи потомства Всеволода Большое Гнѣздо; его потомки образовали княжескія линіи: въ Твери Ярославъ Ярославичъ—внукъ Всеволода, братъ Александра Невскаго; въ Суздалѣ Андрей Ярославичъ—внукъ Всеволода; затѣмъ около 1279 года Андрей Александровичъ, сынъ Александра Невскаго; въ Ростовѣ Константинъ Всеволодовичъ и въ Москвѣ—Даніилъ, сынъ Александра Невскаго, правнукъ Всеволода. Только земля Рязанская, политически и географически притянутая къ совмѣстной жизни съ Суздальской Русью, находилась во владѣніи не Мономаховичей, а младшихъ Святославичей, потомковъ Святослава Ярославича. Изъ этихъ княжествъ сильнѣйшими въ XIV вѣкѣ становятся Тверское, Рязанское и Московское. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ былъ свой „великій“ князь и свои „удѣльные“ князья. Владимірское княженіе существуетъ безъ особой династіи, его присоединяютъ великіе князья къ личнымъ удѣламъ. Послѣднимъ изъ великихъ князей, княжившимъ по старинному обычаю въ самомъ Владимірѣ, былъ Александръ Невскій; братья его—Ярославъ Тверской и Василій Костромской, получивъ владимірское великое княженіе, живутъ не во Владимірѣ, а въ своихъ удѣлахъ. Добиться владимірскаго княженія для князей теперь значитъ добиться матеріальнаго обогащенія и авторитета „великаго“ князя. Средства добыть великое княженіе уже не нравственныя, не только право старшинства какъ прежде, но и сила удѣльнаго князя, поэтому за обладаніе Владиміромъ происходитъ борьба только между сильными удѣльными князьями. И вотъ въ 1304 году начинается борьба за великое княженіе между тверскими и московскими князьями,—многолѣтняя кровавая распря, окончившаяся побѣдой московскаго князя Ивана

Калиты, утвердившагося въ 1328 году съ помощью Орды на великокняжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ великое княженіе не разлучалось съ Москвою, а между тѣмъ, за какія нибудь тридцать лѣтъ до 1328 года Москва была ничтожнымъ удѣломъ: Даніилъ еше не владѣлъ ни Можайскомъ, ни Клиномъ, ни Дмитровомъ, ни Коломной, и владѣлъ лишь ничтожнымъ пространствомъ между этими пунктами, по теченію Москвырѣки. Калита же въ 1328 году владѣлъ только Москвой, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховымъ и Переяславлемъ, т. е. пространствомъ меньше нынѣшней Московской губерніи. Что же дало возможность Москвѣ получить великое княженіе и увеличиться, и какимъ путемъ шло это возвышеніе?

На этотъ вопросъ мы находимъ много отвѣтовъ въ исторической литературѣ. *Карамзинъ,* напримѣръ, въ пятомъ томѣ „Исторія Государства Россійскаго" упоминаетъ и таланты московскихъ князей, и содѣйствіе бояръ и духовенства, и вліяніе татарскаго завоеванія. Татарское иго, которое по его мнѣнію начало „новый порядокъ вещей" въ исторической жизни русскаго народа, измѣнило отношеніе князей къ населенію и отношеніе князей другъ къ другу, поставило князей въ зависимость отъ хана и этимъ имѣло вліяніе на ходъ возвышенія Московскаго княжества. Карамзинъ находитъ, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ". *Погодинъ,* возражая Карамзину, поражается счастливыми совпаденіями „случайностей", которыя слагались всегда какъ разъ въ пользу возвышенія и усиленія московскаго княжества. Блестящую характеристику усиленія московскаго княжества даетъ намъ *Соловьевъ.* Въ I и IV томахъ своей „Исторіи Россіи" онъ не разъ, говоря вообще о важномъ вліяніи географическихъ условій, отмѣчаетъ выгодное положеніе Москвы— на дорогѣ переселенцевъ съ юга, на серединѣ между Кіевской землей съ одной стороны и Владимірской и Суздальской съ другой. По бассейну Москвы-рѣки переселенцы, идя съ юга, осѣдали густыми массами и дѣлали московское княжество однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кромѣ переселенцевъ съ юга, въ Москву шли переселенцы изъ другихъ областей Руси сѣверной, вслѣдствіе отсутствія въ московскомъ княжествѣ междоусобицъ и бѣдствій отъ татаръ. Населеніе приносило князю доходъ; давало ему большія средства; мы знаемъ, что московскіе князья употребляли эти большія денежныя средства на покупку городовъ и выкупъ изъ орды плѣнныхъ, которыхъ и селили въ Московскомъ княжествѣ. Срединное положеніе Москвы-рѣки между Новгородомъ и востокомъ (Рязанью) имѣло также весьма важное значеніе. Если мы всмотримся въ географическую карту, то увидимъ, что Москва рѣка сокращала водный путь между Новгородомъ и Окою, слѣдовательно, Москва лежала на торговомъ пути Новгорода и Рязани. Срединное положеніе Москвы было важно и для церковнаго управленія. Митрополиты пересе-

лились изъ Владиміра въ Москву, потому что считали необходимымъ находиться въ центральномъ пунктѣ между областями сѣвера и юга Руси. Такимъ образомъ, главное условіе возвышенія Москвы, по мнѣнію Соловьева, это срединность ея положенія, дававшая политическія, торговыя и церковныя преимущества. Въ разныхъ мѣстахъ своего труда Соловьевъ указываетъ и на другія условія, содѣйствовавшія успѣху Москвы,— личность князей, дѣятельность бояръ, сочувствіе общества и такъ далѣе но въ оцѣнкѣ разныхъ фактовъ онъ кладетъ видимое различіе, одно— первая причина усиленія и возвышенія Москвы, другое—благопріятныя условія, помогавшія этому усиленію. *Костомаровъ*, излагая ходъ возвышенія московскаго княжества, объясняетъ усиленіе Москвы главнымъ образомъ помощью татаръ и даже самую идею самодержавія и единодержавія трактуетъ, какъ заимствованную отъ татаръ. *Бестужевъ-Рюминъ* находитъ, что положеніе князей, при зависимости великаго княженія отъ хана, должно было развивать въ князьяхъ политическую ловкость и дипломатическій тактъ, чтобы этимъ путемъ привлечь милость хана и захватить великокняжескій престолъ. Такою ловкостью и такимъ тактомъ обладали именно московскіе князья. Кромѣ того усиленію Москвы помогало духовенство, которому, при владѣніи большими вотчинами, было выгодно отсутствіе междоусобій въ московскомъ княжествѣ, и сверхъ того полнота власти московскаго князя соотвѣтствовала ихъ высокимъ представленіямъ объ единодержавной власти государя, вынесеннымъ изъ Византіи. Далѣе дѣятельность бояръ была направлена также на помощь московскимъ государямъ. Что же касается до срединности положенія Москвы, то К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это причиною второстепенною. Съ оргинальнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ выступаетъ *Забѣлинъ*. Онъ главное условіе возвышенія московскаго княжества видитъ въ національномъ сочувствіи, вызванномъ хозяйственною дѣятельностью московскихъ князей. Народъ, отягченный и татарскимъ погромомъ, и междоусобными распрями князей, естественно, относился сочувственно къ московскимъ князьямъ. Эклектическимъ характеромъ отличается мнѣніе *Иловайскаго*, который главною причиною роста Москвы, какъ политическаго центра, считаетъ пробужденіе народнаго инстинкта: народъ, который чувствовалъ опасность отъ татаръ, долженъ былъ сплотиться. Кромѣ того, Иловайскій находитъ слѣдующія причины, способствовавшія усиленію московскаго княжества: 1) географическое положеніе, дающее политическія и торговыя выгоды; 2) личность князей и ихъ политику (князья самихъ татаръ сдѣлали орудіемъ для возвышенія власти, что видно изъ борьбы между Тверью и Москвою); 3) опредѣленная въ пользу Москвы политика татаръ; 4) сочувствіе боярства и духовенства; 5) правильность престолонаслѣдія въ Москвѣ.

Разбираясь въ указанныхъ мнѣніяхъ, мы видимъ что вопросъ о

причинахъ возвышенія московскаго княжества не развивается, и послѣднее по времени мнѣніе не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать тѣ условія, которыя были причиною того, что незначительное московское княжество могло бороться съ сильнымъ тверскимъ княжествомъ, отъ тѣхъ, которыя поддерживали московское княжество въ томъ положеніи, на которое оно встало, благодаря первымъ, и помогли его усиленію. Въ числѣ первыхъ причинъ надо отмѣтить: 1) географическое положеніе, давшее московскому княжеству населеніе и средства, 2) личныя способности первыхъ московскихъ князей, ихъ политическую ловкость и хозяйственность, умѣніе пользоваться обстоятельствами, чего не имѣли тверскіе князья, несмотря на одинаковое выгодное положеніе тверского княжества и московскаго. Къ причинамъ, способствовавшимъ усиленію княжества, надо отнести: 1) сочувствіе духовенства, выраженное въ перемѣнѣ пребыванія митрополіи; 2) политическую близорукость татаръ, которые не могли своевременно замѣтить опасное для нихъ усиленіе княжества; 3) отсутствіе сильныхъ враговъ, такъ какъ Новгородъ не былъ силенъ, а въ Твери происходили постоянно междоусобія князей; 4) сочувствіе бояръ и сочувствіе населенія.

Свѣжую постановку вопроса о коренной причинѣ возвышенія Москвы далъ въ послѣднее время проф. *М. К. Любавскій* въ замѣчательной статьѣ „Возвышеніе Москвы" (сборникъ „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ", ч. I). По его толкованію, послѣ татарскаго погрома „подъ вліяніемъ опустошеній и разореній, произведенныхъ татарами въ восточныхъ и частью сѣверныхъ княженіяхъ Суздальской земли", произошелъ „переливъ населенія съ востока на западъ Суздальской земли и обусловилъ естественно возвышеніе княжествъ, лежавшихъ на западѣ этой земли, Тверского и Московскаго". „Итакъ (заключаетъ Любавскій), главною и основною причиною, обусловившею возвышеніе Москвы и всѣ ея политическія успѣхи, было выгодное географическое положеніе въ отношеніи татарскихъ погромовъ и происшедшее благодаря этому скопленіе населенія въ ея области".

Внѣшняя исторія Московскаго княжества въ XIV и XV вѣкахъ. Первые Московскіе князья. Первые два московскихъ князя, *Даніилъ Александровичъ* и сынъ его *Юрій*, успѣли „примыслить" себѣ все теченіе Москвы-рѣки, отнявъ отъ рязанскаго князя городъ Коломну на устьѣ р. Москвы и отъ смоленскаго князя городъ Можайскъ на верховьяхъ р. Москвы. Кромѣ того, князь Даніилъ получилъ городъ Переяславль-Залѣсскій по завѣщанію бездѣтнаго переяславскаго князя. Земли и богатства Юрія Даниловича выросли настолько, что онъ, какъ представитель старшей линіи въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича, рѣшился искать въ ордѣ ярлыка на великое княженіе Владимірское и

вступилъ въ борьбу за Владиміръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ (Этотъ князь Михаилъ былъ племянникомъ князя Александра Невскаго и приходился младшимъ двоюроднымъ братомъ Даніилу Московскому и, стало быть, дядею князю Юрію Даниловичу). Борьба велась въ ордѣ путемъ интригъ и насилій. Оба князя, и московскій и тверской, въ ордѣ были убиты. Великокняжескій столъ тогда достался сыну Михаила, Александру Тверскому; а въ Москвѣ вокняжился братъ Юрія, Иванъ, по прозвищу Калита (то-есть, кошель). Улучивъ минуту, Калита снова началъ борьбу съ Тверью и, наконецъ, въ 1328 году добился великаго княженія, которое съ той поры уже и не выходило изъ рукъ московской династіи.

О дѣятельности великаго князя *Ивана Даниловича Калиты* извѣстно немного. Но то, что извѣстно, говоритъ о его умѣ и талантѣ. Сѣлъ онъ на великомъ княженіи,—и, по словамъ лѣтописца, „бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаше татарове воевати Русскую землю". Именно этому князю приписывается та важная заслуга, что онъ исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе доставлять „выходъ" въ орду своими средствами, безъ участія татарскихъ сборщиковъ дани. Такимъ образомъ былъ уничтоженъ главный поводъ для въѣзда татаръ въ Русскія земли и было достигнуто внутренее спокойствіе и безопасность на Руси. По преданію, Иванъ Калита очистилъ свою землю и отъ „татей", то-есть внутреннихъ разбойниковъ и воровъ. Тишина и порядокъ во владѣніяхъ Калиты привлекали туда населеніе: къ Калитѣ приходили на службу и на житье какъ простые люди, такъ и знатные бояре съ толпами своей челяди. Самымъ же главнымъ политическимъ успѣхомъ Калиты было привлеченіе въ Москву русскаго митрополита.

Съ упадкомъ Кіева, когда его покинули старшіе князья, долженъ былъ возникнуть вопросъ и о томъ, гдѣ быть митрополиту всея Руси: оставаться ли ему въ заглохшемъ Кіевѣ или искать новаго мѣста жительства? Около 1300 года митрополитъ Максимъ рѣшилъ этотъ вопросъ, переселившись во Владиміръ-на-Клязьмѣ послѣ одного изъ татарскихъ погромовъ въ Кіевѣ. Уходъ владыки на сѣверъ побудилъ галичскихъ князей просить Цареградскаго патріарха устроить особую митрополію въ юго-западной Руси. Но патріархъ не согласился раздѣлить русскую церковь. Послѣ смерти Максима онъ поставилъ на Русь митрополитомъ игумена Петра, волынца родомъ; а Петръ, осмотрѣвшись въ Кіевѣ, поступилъ такъ же, какъ Максимъ и переѣхалъ на сѣверъ. Офиціальнымъ, мѣстопребываніемъ его сталъ стольный городъ Владиміръ; но такъ какъ въ этомъ городѣ великіе князья уже не жили, и за Владиміръ спорили Москва съ Тверью, то Петръ рѣшительно склонился въ пользу Москвы, во всемъ поддерживалъ московскаго князя Ивана Ка-

литу, подолгу живалъ у него въ Москвѣ и основалъ тамъ знаменитый Успенскій соборъ, на подобіе Успенскаго собора Владимірскаго. Въ этомъ соборѣ онъ и былъ погребенъ, когда кончина застигла его въ Москвѣ. Его преемникъ, грекъ Ѳеогностъ, уже окончательно утвердился въ Москвѣ, и такимъ образомъ Москва стала церковною столицею всей Русской земли. Ясна вся важность этого событія: въ одно и то же время въ Москвѣ образовалось средоточіе и политической и церковной власти и, такимъ образомъ, прежде малый, городъ Москва сталъ центромъ «всея Руси». Преданіе говоритъ, что создавая Успенскій соборъ въ Москвѣ, какъ главную святыню зарождавшагося государства, святитель Петръ предсказалъ славное будущее Москвы Ивану Калитѣ, тогда еще не получившему великаго княженія. Благодарные москвичи необыкновенно чтили память Петра митрополита и причли его къ лику святыхъ, какъ «всея Россіи чудотворца», вскорѣ же по его кончинѣ.

Таковы были первые успѣхи, достигнутые Московскими князьями благодаря ихъ ловкости и выгодному положенію ихъ удѣла. Немедленно же стали сказываться и послѣдствія этихъ успѣховъ. При самомъ Калитѣ (1328—1341) и при его двухъ сыновьяхъ *Семенѣ Гордомъ* (1341—1353) и *Иванѣ Красномъ* (1353—1359), которые такъ же, какъ и отецъ ихъ, были великими князьями всея Руси, Москва начала рѣшительно брать верхъ надъ прочими княжествами. Иванъ Калита распоряжался самовластно въ побѣжденной имъ Твери, въ Новгородѣ и въ слабомъ Ростовѣ. Сыну его Семену, по словамъ лѣтописца, „всѣ князья русскіе даны были подъ руки“: самое прозвище Семена „Гордый“ показываетъ, какъ онъ держалъ себя съ своими подручниками. Опираясь на свою силу и богатство, имѣя поддержку въ ордѣ, московскіе князья явились дѣйствительною властью, способною поддержать порядокъ и тишину не только въ своемъ удѣлѣ, но и во всей Владиміро-Суздальской области. Это было такъ важно и такъ желанно для измученнаго татарами и внутренними неурядицами народа, что онъ охотно шелъ подъ власть Москвы и поддерживалъ московскихъ князей. Къ московскимъ князьямъ пріѣзжало много знатныхъ слугъ, бояръ со своими дружинами, съ юга и изъ другихъ удѣловъ Суздальскихъ. Поступая на службу къ московскимъ князьямъ, эти слуги усиливали собою рать московскую, но и сами, служа сильному князю, улучшали свое положеніе и становились еще знатнѣе. Быть слугою и бояриномъ великаго князя было лучше, чѣмъ служить въ простомъ удѣлѣ; поэтому слуги московскихъ князей старались, чтобы великое княженіе всегда принадлежало Москвѣ. Бояре московскіе были вѣрными слугами своихъ князей даже и тогда, когда сами князья были слабы или же недѣеспособны. Такъ было при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Красномъ, который былъ «кроткій и тихій», по выраженію лѣтописи, и при его сынѣ Димитріи, который остался послѣ отца всего девяти лѣтъ.

Вмѣстѣ съ боярствомъ и духовенство проявляло особое сочувствіе и содѣйствіе московскимъ князьямъ. Послѣ того, какъ митрополитъ Ѳеогностъ окончательно поселился въ Москвѣ, онъ подготовилъ себѣ преемника,—московскаго инока. москвича родомъ, Алексія, происходившаго изъ знатной боярской семьи Плещеевыхъ. Посвященный въ митрополиты, Алексій при слабомъ Иванѣ Красномъ и въ малолѣтство сына его Димитрія стоялъ во главѣ Московскаго княжества, былъ, можно сказать, его правителемъ. Обладая исключительнымъ умомъ и способностями, митрополитъ Алексій пользовался большою благосклонностью въ ордѣ (гдѣ онъ вылѣчилъ болѣвшую глазами ханшу Тайдулу) и содѣйствовалъ тому, что великое княженіе укрѣпилось окончательно за московскими князьями. На Руси онъ являлся неизмѣннымъ сторонникомъ московскихъ князей и дѣйствовалъ своимъ авторитетомъ всегда въ ихъ пользу. Заслуги св. Алексія предъ Москвою были такъ велики и личность его была такъ высока, что память его въ Москвѣ чтилась необычайно. Спустя 50 лѣтъ послѣ его кончины (онъ умеръ въ 1378 году) были обрѣтены, въ основанномъ имъ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, его мощи и было установлено празднованіе его памяти. Руководимое св. Алексіемъ русское духовенство держалось его направленія и всегда поддерживало московскихъ князей въ ихъ стремленіи установить на Руси сильную власть и твердый порядокъ. Какъ мы знаемъ, духовенство изначала вело на Руси проповѣдь богоустановленности власти и необходимости правильнаго государственнаго порядка. Съ большою чуткостью передовые представители духовенства угадали въ Москвѣ возможный государственный центръ и стали содѣйствовать именно ей. Вслѣдъ за митрополитомъ Алексіемъ въ этомъ отношеніи долженъ быть упомянутъ его сотрудникъ, преподобный инокъ Сергій, основатель знаменитаго Троицкаго монастыря. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Алексіемъ и самостоятельно, самъ по себѣ, этотъ знаменитый подвижникъ выступалъ на помощь Москвѣ во всѣ трудныя минуты народной жизни и поддерживалъ своимъ громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ начинанія московскихъ князей.

За знатными боярами и высшимъ духовенствомъ тянулось къ Москвѣ и все народное множество. Московское княжество отличалось внутреннимъ спокойствіемъ; оно было заслонено отъ пограничныхъ нападеній окраинными княжествами (Рязанскимъ, Нижегородскимъ, Смоленскимъ. и др.); оно было въ дружбѣ съ ордою. Этого было достаточно, чтобы внушить желаніе поселиться поближе къ Москвѣ, подъ ея защиту. Народъ шелъ на московскія земли, и московскіе князья строили для него города, слободы, села. Они сами покупали себѣ цѣлые удѣлы у обѣднѣвшихъ князей (Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ) и простыя села у мелкихъ владѣльцевъ. Они выкупали въ ордѣ русскій «полонъ», выводили его на свои земли и заселяли этими плѣнниками,

„ордынцами", цѣлыя слободы. Такъ множилось населеніе въ московскихъ волостяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выростали силы и средства у московскихъ князей.

Такимъ образомъ, первые успѣхи московскихъ князей, давшіе имъ великокняжескій санъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ рѣшительное преобладаніе Москвы надъ другими удѣлами, а это, въ свою очередь, вызвало сочувствіе и поддержку Москвѣ со стороны боярства, духовенства и народной массы. До конца XIV столѣтія, при Калитѣ и его сыновьяхъ, ростъ московскихъ силъ имѣлъ характеръ только внѣшняго усиленія путемъ счастливыхъ „примысловъ". Позже, когда московскіе князья явились во главѣ всей Руси борцами за Русскую землю противъ Орды и Литвы, Москва стала центромъ народнаго объединенія, а московскіе князья—національными государями.

Князь Дмитрій Ивановичъ Донской и Куликовская битва. Сыновья Ивана Калиты умирали въ молодыхъ годахъ и княжили недолго. Семенъ Гордый умеръ отъ моровой язвы (чумы), обошедшей тогда всю Европу; Иванъ Красный скончался отъ неизвѣстной причины, имѣя всего 31 годъ. Послѣ Семена дѣтей не осталось вовсе, а послѣ Ивана осталось всего два сына. Семья московскихъ князей такимъ образомъ не умножалась и московскіе удѣльныя земли не дробились, какъ то бывало въ другихъ удѣлахъ. Поэтому сила Московскаго княжества не ослабѣла и осмковскіе князья одинъ за другимъ получали въ Ордѣ великое княженіе и крѣпко держали его за собою. Только послѣ смерти Ивана Краснаго, когда въ Москвѣ не осталось взрослыхъ князей, ярлыкъ на великое княженіе былъ отданъ суздальскимъ князьямъ. Однако десятилѣтній московскій князь Дмитрій Ивановичъ, направляемый митрополитомъ Алексіемъ и боярами, началъ борьбу съ соперниками, успѣлъ привлечь на свою сторону хана и снова овладѣлъ великимъ княженіемъ владимірскимъ. Суздальскій князь Дмитрій Константиновичъ былъ великимъ княземъ всего около двухъ лѣтъ.

Такъ началось замѣчательное княженіе *Дмитрія Ивановича*. Первые его годы руководство дѣлами принадлежало митрополиту Алексію и боярамъ; потомъ, когда Дмитрій возмужалъ, онъ велъ дѣла самъ. Во все время одинаково политика Москвы при Дмитріи отличалась энергіей и смѣлостью.

Во первыхъ, въ вопросѣ о великомъ княженіи московскій князь прямо и рѣшительно сталъ на такую точку зрѣнія, что великокняжескій санъ и городъ Владиміръ составляютъ „вотчину", то-есть наслѣдственную собственность московскихъ князей, и никому другому принадлежать не могутъ. Такъ Дмитрій говорилъ въ договорѣ съ тверскимъ княземъ и такъ же писалъ въ своей духовной грамотѣ, въ которой прямо завѣщалъ великое княженіе, вотчину свою, старшему своему сыну.

Во вторыхъ, въ отношеніи прочихъ князей Владиміро-Суздальской Руси, а также въ отношеніи Рязани и Новгорода Дмитрій держался властно и повелительно. По выраженію лѣтописца, онъ «всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, а на тѣхъ нача посягати». Онъ вмѣшивался въ дѣла другихъ княжествъ: утвердилъ свое вліяніе въ семьѣ суздальско-нижегородскихъ князей, побѣдилъ рязанскаго князя Олега и послѣ долгой борьбы привелъ въ зависимость отъ Москвы Тверь. Борьба съ Тверью была особенно упорна и продолжительна. Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ обратился за помощью къ литовскимъ князьямъ, которые въ то время обладали уже большими силами. Литовскій князь Ольгердъ осадилъ самую Москву, только что обнесенную новою каменной стѣною, но взять ее не могъ и ушелъ въ Литву. А московскія войска затѣмъ осадили Тверь. Въ 1375 году между Тверью и Москвою былъ заключенъ, наконецъ, миръ, по которому тверской князь признавалъ себя „младшимъ братомъ" московскаго князя и отказывался отъ всякихъ притязаній на Владимірское великое княженіе. Но съ Литвою осталась у Москвы вражда и послѣ мира съ Тверью. Наконецъ, въ отношеніи Новгорода Дмитрій держалъ себя властно; когда же, въ концѣ его княженія, новгородцы ослушались его, онъ пошелъ на Новгородъ войною и смирилъ его, наложивъ на новгородцевъ «окупъ» (контрибуцію) въ 8.000 рублей. Такъ выросло при Дмитріи значеніе Москвы въ сѣверной Руси: она окончательно торжествовала надъ всѣми своими соперниками и врагами.

Въ-третьихъ, при Дмитріи Русь впервые отважилась на открытую борьбу съ татарами. Мечта объ освобожденіи Руси отъ татарскаго ига жила и раньше среди русскихъ князей. Въ своихъ завѣщаніяхъ и договорахъ они нерѣдко выражали надежду, что „Богъ свободитъ отъ орды", что „Богъ Орду перемѣнитъ". Семенъ Гордый въ своей душевной грамотѣ увѣщевалъ братьевъ жить въ мирѣ по отцову завѣту, „чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, чтобы свѣча не угасла". Подъ этой свѣчой разумѣлась неугасимая мысль о народномъ освобожденіи. Но пока Орда оставалась сильною и грозною, иго ея по прежнему тяготѣло надъ Русью. Борьба съ татарами стала возможна и ноoбходима лишь тогда, когда въ Ордѣ началась «замятня многа», иначе говоря, длительное междоусобіе. Тамъ одинъ ханъ убивалъ другого, властители смѣнялись съ необыкновенною быстротою, кровь лилась постоянно, и, наконецъ, Орда раздѣлилась на двое и терзалась постоянною враждою. Можно было уменьшить дань Ордѣ и держать себя независимѣе. Мало того: явилась необходимость взяться за оружіе противъ отдѣльныхъ татарскихъ шаекъ. Во время междоусобій изъ Орды выбѣгали на сѣверъ изгнанники татарскіе и неудачники, которымъ въ Ордѣ грозила гибель. Они сбирались въ большіе военные отряды подъ предводительствомъ

своихъ князьковъ и жили грабежомъ русскихъ и мордовскихъ поселенiй въ области рѣкъ Оки и Суры. Считая ихъ за простыхъ разбойниковъ, русскiе люди безъ стѣсненiй гоняли ихъ и били. Князья рязанскiе, нижегородскiе и самъ великiй князь Дмитрiй посылали противъ нихъ свои рати. Сопротивленiе Руси озлобляло татаръ и заставляло ихъ, въ свою очередь, собирать противъ Руси все большiя и большiя силы. Они собрались подъ начальствомъ царевича Арапши (Арабъ-шаха), нанесли русскимъ войскамъ сильное пораженiе на р. Пьянѣ (притокъ Суры), разорили Рязань и Нижнiй-Новгородъ (1377). За это москвичи и нижегородцы разорили мордовскiя мѣста, въ которыхъ держались татары, на р. Сурѣ. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Тогда овладѣвшiй ордою и затѣмъ провозгласившiй себя ханомъ князь Мамай отправилъ на Русь свое войско для наказанiя строптивыхъ князей; Нижнiй-Новгородъ былъ сожженъ; пострадала Рязань. Но Дмитрiй Ивановичъ московскiй не пустилъ татаръ въ свои земли и разбилъ ихъ въ Рязанской области на р. Вожѣ (1378). Обѣ стороны понимали, что предстоитъ новое столкновенiе. Отбивая разбойничьи шайки, русскiе князья постепенно втянулись въ борьбу съ ханскими войсками, которыя поддерживали разбойниковъ; побѣда надъ ними давала русскимъ мужество для дальнѣйшей борьбы. Испытавъ неповиновенiе со стороны Руси, Мамай долженъ былъ или отказаться отъ власти надъ Русью, или же итти снова покорять Русь, поднявшую оружiе противъ него. Черезъ два года послѣ битвы на Вожѣ Мамай предпринялъ походъ на Русь.

Понимая, что Русь окажетъ ему стойкое сопротивленiе, Мамай собралъ большую рать и, кромѣ того, вошелъ въ сношенiе съ Литвою, которая, какъ мы знаемъ, была тогда враждебна Москвѣ. Литовскiй князь Ягайло обѣщалъ Мамаю соединиться съ нимъ 1 сентября 1380 года. Узнавъ о приготовленiяхъ Мамая, рязанскiй князь Олегъ также вошелъ въ сношенiе съ Мамаемъ и Ягайломъ, стараясь уберечь свою украинную землю отъ новаго неизбѣжнаго разоренiя татарами. Не укрылись приготовленiя татаръ къ походу и отъ московскаго князя. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ подручныхъ князей (ростовскихъ, ярославскихъ, бѣлозерскихъ). Послалъ онъ также за помощью къ прочимъ великимъ князьямъ и въ Новгородъ, но ни отъ кого изъ нихъ не успѣлъ получить значительныхъ вспомогательныхъ войскъ и остался при однѣхъ своихъ силахъ. Силы эти, правда, были велики, и современники удивлялись какъ количеству, такъ и качеству московской рати. По вѣстямъ о движенiи Мамая князь Дмитрiй выступилъ въ походъ въ августѣ 1380 года. Предъ началомъ похода былъ онъ у преподобнаго Сергiя въ его монастырѣ и получилъ его благословенiе на брань. Знаменитый игуменъ далъ великому князю изъ братiи своего монастыря

двухъ богатырей, по имени Пересвѣта и Ослебя *), какъ видимый знакъ своего сочувствія къ подвигу князя Дмитрія. Первоначально московское войско двинулось на Коломну, къ границамъ Рязани, такъ какъ думали, что Мамай пойдетъ на Москву черезъ Рязань. Когда же узнали, что татары идутъ западнѣе, чтобы соединиться съ Литвою, то великій князь двинулся тоже на западъ, къ Серпухову, и рѣшилъ не ждать Мамая на своихъ границахъ, а идти къ нему навстрѣчу въ «дикое поле» и встрѣтить его раньше, чѣмъ онъ успѣетъ тамъ сойтись съ литовскою ратью. Не дать соединиться врагамъ и бить ихъ порознь—обычное военное правило. Дмитрій переправился чрезъ Оку на югъ, пошелъ къ верховьямъ Дона, перешелъ и Донъ, и на Куликовомъ полѣ, при устьѣ рѣчки Непрядвы (впадающей въ Донъ справа) встрѣтилъ Мамаеву рать. Литовскій князь не успѣлъ соединиться съ нею и былъ, какъ говорили тогда, всего на одинъ день пути отъ мѣста встрѣчи русскихъ и татаръ. Боясь дурного исхода предстоящей битвы, великій князь поставилъ въ скрытномъ мѣстѣ, въ дубравѣ у Дона, особый засадный полкъ подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата князя Владиміра Андреевича и боярина Боброка, волынца родомъ. Опасенія Дмитрія оправдались; въ жесточайшей сѣчѣ татары одолѣли и потѣснили русскихъ; пало много князей и бояръ: самъ великій князь пропалъ безвѣстно: сбитый съ ногъ, онъ безъ чувствъ лежалъ подъ деревомъ. Въ критическую минуту засадный полкъ ударилъ на татаръ, смялъ ихъ и погналъ. Не ожидавшіе удара татары бросили свой лагерь и бѣжали безъ оглядки. Самъ Мамай убѣжалъ съ поля битвы съ малою свитою. Русскіе преслѣдовали татаръ нѣсколько десятковъ верстъ и забрали богатую добычу. Возвращеніе великаго князя въ Москву было торжественно, но и печально. Велика была побѣда, но велики и потери. Когда, спустя два года (1382), новый ордынскій ханъ, свергшій Мамая, Тохтамышъ внезапно пришелъ съ войскомъ на Русь, у великаго князя не было подъ руками достаточно людей, чтобы встрѣтить врага, и онъ не смогъ ихъ скоро собрать. Татары подошли къ Москвѣ, а Дмитрій ушелъ на сѣверъ. Москва была взята татарами, ограблена и сожжена; разорены были и другіе города. Татары удалились съ большою добычею и съ полономъ, а Дмитрій долженъ былъ признать себя снова данникомъ татаръ и дать хану заложникомъ своего сына Василія. Такимъ образомъ иго не было свергнуто, а сѣверная Русь была обезсилена безуспѣшною борьбою за освобожденіе.

Тѣмъ не менѣе Куликовская битва имѣла громадное значеніе для

---

*) Слово *Ослебя* (съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) склонялось какъ *осля, щеня, теля:* Ослебяти и т. д. Отъ этого имени произошла фамилія *Ослебятевыхъ*. Оба богатыря троицкихъ погибли въ бою съ татарами; могилы ихъ сохранились въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ.

сѣверной Руси и для Москвы. Современники считали ее величайшимъ событіемъ, и побѣдителю татаръ, великому князю Дмитрію, дали почетное прозвище „Донского“ за побѣду на Дону. Военное значеніе Куликовской побѣды заключалось въ томъ, что она уничтожила прежнее убѣжденіе въ непобѣдимости орды и показало, что Русь окрѣпла для борьбы за независимость. Набѣгъ Тохтамыша не уменьшилъ этого значенія Мамаева побоища: татары одолѣли въ 1382 г. только потому, что пришли «изгономъ», внезапно и крадучись, а Москва ихъ проглядѣла и не убереглась. Всѣ понимали, что теперь Русь не поддастся, какъ прежде, нашествіямъ орды и что татарамъ можно дѣйствовать противъ Руси только нечаянными набѣгами. Политическое же и національное значеніе Куликовской битвы заключалось въ томъ, что она дала толчокъ къ рѣшительному народному объединенію подъ властью одного государя, московскаго князя. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ русскихъ людей, событія 1380 года имѣли такой смыслъ: Мамаева нашествія со страхомъ ждала вся сѣверная Русь. Рязанскій князь, боясь за себя, «измѣнилъ», войдя въ покорное соглашеніе съ врагомъ. Другіе крупные князья (суздальско-нижегородскіе, тверской) притаились, выжидая событій. Великій Новгородъ не спѣшилъ со своею помощью. Одинъ московскій князь, собравъ свои силы, рѣшился дать отпоръ Мамаю и притомъ не на своемъ рубежѣ, а въ дикомъ полѣ, гдѣ онъ заслонилъ собою не одинъ свой удѣлъ, а всю Русь. Принявъ на себя татарскій натискъ, Дмитрій явился добрымъ страдальцемъ за всю землю Русскую; а отразивъ этотъ натискъ, онъ явилъ такую мощь, которая ставила его естественно во главѣ всего народа, выше всѣхъ другихъ князей. Къ нему, какъ къ своему единому государю, потянулся весь народъ. Москва стала очевиднымъ для всѣхъ центромъ народнаго объединенія и московскимъ князьямъ оставалось только пользоваться плодами политики Донского и собирать въ одно цѣлое шедшія въ ихъ руки земли.

Преемники Донского. Донской умеръ всего 39 лѣтъ и оставилъ послѣ себя нѣсколько сыновей. Старшаго, Василія, онъ благословилъ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и оставилъ ему часть въ Московскомъ удѣлѣ; остальнымъ сыновьямъ онъ подѣлилъ прочіе города и волости своего московскаго удѣла. При этомъ въ своемъ завѣщаніи онъ выразился такъ: «а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжь Васильевъ удѣлъ». На основаніи этихъ словъ второй сынъ Дмитрія, Юрій, считалъ себя наслѣдникомъ своего старшаго брата какъ въ московскихъ земляхъ, такъ и въ великомъ княженіи. Въ этомъ онъ былъ неправъ, потому что Дмитрій имѣлъ въ виду только тотъ случай, если бы Василій умеръ бездѣтнымъ; вообще же московскіе князья держались въ своихъ завѣщаніяхъ начала семейнаго наслѣдованія, а не родового,

и сами звали себя «вотчинниками» великокняжескихъ и своихъ удѣльныхъ земель.

Великій князь *Василій Дмитріевичъ* (1389—1425) былъ человѣкъ безличный и осторожный. При немъ Москва захватила Нижній-Новгородъ у суздальскихъ князей въ видѣ обычнаго въ то время примысла. Великій князь опирался въ этомъ дѣлѣ на хана Тохтамыша, который далъ ему ярлыкъ на Нижній сверхъ ярлыка на великое княженіе. Но когда Тохтамышъ былъ свергнутъ азіатскимъ ханомъ Тимуръ-Ленкомъ или Тамерланомъ, то отношенія съ татарами у Василія испортились. Русь ожидала страшнаго татарскаго нашествія и готовилась къ оборонѣ. Великій князь собралъ большое войско и сталъ на своемъ рубежѣ, на берегу Оки, рѣшившись отразить врага. Москва была готова къ осадѣ. Митрополитъ Кипріанъ, для того, чтобы поддержать бодрость въ народѣ, подалъ мысль принести въ Москву главную святыню всего великаго княженія—Владимірскую Икону Богоматери, привезенную во Владиміръ съ юга княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. (Съ тѣхъ поръ эта икона остается въ московскомъ Успенскомъ соборѣ). Но Тамерланъ не дошелъ о Оки и отъ города Ельца повернулъ назадъ (1395). Повидимому, внезапное отступленіе страшнаго татарскаго завоевателя было истолковано Русью, какъ знакъ татарской слабости. Великій князь прекратилъ уплату выхода и не оказывалъ никакого почтенія ханскимъ посламъ. Орда тогда замыслила набѣгъ на Русь. Татарскій князь Едигей внезапно и скрытно, обманомъ, вторгся въ Русскую землю и осадилъ Москву. Великій князь ушелъ на сѣверъ, а Едигей разорилъ почти всѣ его области и, взявъ «окупъ» съ Москвы, безнаказанно вернулся въ орду. Таковы были отношенія къ татарамъ. Съ Литвою у Василія также шла вражда, какъ и у его отца. Постоянно усиливаясь, литовскіе князья подчиняли себѣ русскія области на верховьяхъ Днѣпра и Зап. Двины. Но къ тому же стремилась и Москва, собиравшая къ себѣ русскія земли. Несмотря на то, что великій князь Московскій былъ женатъ на дочери великаго князя литовскаго Витовта (Софіи), между ними дѣло доходило до открытыхъ войнъ. Столкновенія закончились тѣмъ, что границею владѣній Литвы и Москвы была признана р. Угра, лѣвый притокъ Оки. Примирившись съ тестемъ, Василій Дмитріевичъ ввѣрилъ Витовту попечительство надъ своимъ сыномъ, а его внукомъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Это была минута наибольшаго превосходства Литвы надъ Московскою Русью.

Великій князь *Василій Васильевичъ*, по прозвищу Темный (то-есть слѣпой), остался послѣ своего отца всего 10-ти лѣтъ. Его княженіе (1425—1462) было очень безпокойно и несчастливо. Дядя великаго князя, Юрій Дмитріевичъ, не желалъ признавать малолѣтняго племянника ве-

ликимъ княземъ, желалъ себѣ старшинства и по смерти Витовта (1430) началъ открытую борьбу съ племянникомъ за Москву и Владиміръ. Въ борьбѣ приняли участіе и сыновья Юрія: Василій Косой и Дмитрій Шемяка. Юрій опирался на свой богатый галичскій удѣлъ (Галичъ Мерскій на верховьяхъ р. Костромы). За Василія же Васильевича стояло большинство населенія, духовенство и боярство. Москва много разъ переходила изъ рукъ въ руки. Юрій умеръ, обладая Москвою, на великомъ княженіи. Послѣ него особенно дѣйствовалъ противъ Василія Васильевича Василій Косой; но былъ пойманъ и ослѣпленъ по приказанію великаго князя. За то Дмитрій Шемяка, когда взялъ верхъ надъ Василіемъ Васильевичемъ, ослѣпилъ его самого (1446). Борьба шла почти все княженіе Темнаго и окончилась полною побѣдою великаго князя надъ Шемякою и другими удѣльными князьями, державшими его сторону. Въ 1450 г. Шемяка былъ разбитъ въ большомъ сраженіи при Галичѣ, бѣжалъ въ Новгородъ и тамъ вскорѣ погибъ, говорятъ, отъ отравы. Земли его были взяты на великаго князя, такъ же какъ и земли его союзниковъ. Въ борьбѣ галичскихъ князей съ великимъ княземъ въ послѣдній разъ въ сѣверной Руси выступаетъ старый принципъ родового наслѣдованія и старшинства дядей надъ племянниками. Московскій обычай вотчиннаго наслѣдованія отъ отца къ сыну восторжествовалъ здѣсь надъ старымъ порядкомъ рѣшительно и безповоротно благодаря всеобщему сочувствію: народъ уже оцѣнилъ преимущества семейнаго наслѣдованія, ведшаго къ установленію единовластія, желаемаго страною.

Во время московской усобицы татары безпокоили русскія земли, какъ и въ прежнее время, воровскими набѣгами. Распаденіе Золотой орды выражалось, между прочимъ, въ томъ, что татарскіе князья все въ большемъ и большемъ числѣ изгонялись изъ Орды во время междоусобій и должны были искать себѣ пристанища. Одни изъ нихъ мирно просились и поступали на службу къ московскимъ князьямъ; другіе же начинали разорять русскія земли и сами попадали подъ удары русскихъ. Изъ такихъ изгнанниковъ особенно замѣтенъ въ это время былъ ханъ Улу-Махметъ. Разоривъ русскія волости по Окѣ, онъ пошелъ на Волгу и устроилъ себѣ городъ Казань на р. Казанкѣ, близъ впаденія ея въ Волгу. Основавъ тамъ особое Казанское царство, онъ оттуда сталъ громить Русь, доходя въ своихъ набѣгахъ до самой Москвы. Великій князь Василій Васильевичъ вышелъ противъ татаръ, но подъ Суздалемъ былъ разбитъ и взятъ татарами въ плѣнъ (1445). Въ Москвѣ началась паника, ждали татаръ; но татары не пришли. Они выпустили великаго князя за большой выкупъ, который былъ собранъ съ народа и пришелся ему тяжко. Неудовольствіе народа усилилось еще и оттого, что съ великимъ княземъ, когда онъ вернулся изъ плѣна, пріѣхало въ Москву много татаръ на службу. Москвичамъ казалось, что великій князь „татаръ и рѣчь

ихъ любитъ сверхъ мѣры, а христіанъ томитъ безъ милости". Тогда-то Шемяка, воспользовавшись настроеніемъ народа, захватилъ великаго князя и осмѣлился его ослѣпить.

При многострадальномъ князѣ Василіи Васильевичѣ произошло важное событіе въ жизни русской церкви. Какъ извѣстно, въ 1439 году на соборѣ православнаго и котолическаго духовенства во Флоренціи была совершена унія церквей восточной и западной. Императоръ и патріархъ константинопольскіе искали этой уніи, надѣясь, что, когда будетъ уничтожена церковная распря востока и запада, тогда папа и западные государи помогутъ грекамъ въ ихъ борьбѣ съ турками. Погибая отъ турокъ, греческія власти готовы были на всякія уступки папѣ, и унія поэтому была устроена такъ, что греки сохраняли свой церковный обрядъ, но признавали всѣ католическіе догматы и главенство папъ. Въ то самое время, когда въ Царьградѣ готовились къ собору, надо было назначить на Русь митрополита. Назначили ученаго грека, очень склоннаго къ уніи, Исидора. Пріѣхавъ въ Москву, онъ сейчасъ же сталъ собираться на соборъ въ Италію, отправился туда съ большою свитою и тамъ сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ соединенія съ латинствомъ. Обласканный папою, возвратился онъ въ 1441 году въ Москву и объявилъ о состоявшемся соглашеніи съ Римомъ. Но въ Москвѣ соглашенія не приняли, такъ какъ сами же греки цѣлыми столѣтіями воспитывали въ русскихъ ненависть къ католичеству. Исидоръ былъ взятъ подъ стражу и ухитрился бѣжать, „изшелъ бездверіемъ", скрылся въ Литву и оттуда перебрался въ Италію. А въ Москвѣ рѣшились отдѣлиться отъ константинопольскаго патріархата, который предалъ православіе папѣ, и впредь самимъ ставить себѣ митрополита по избранію собора русскихъ архіереевъ. Новымъ порядкомъ и былъ поставленъ въ митрополиты московскіе рязанскій епископъ Іона. Въ то же время въ юго-западной Руси, на старой кіевской митрополіи, водворились особые митрополиты, попрежнему назначаемые изъ Константинополя.

Время великаго князя Ивана III.

Значеніе эпохи. Преемникомъ Василія Темнаго былъ его старшій сынъ Иванъ Васильевичъ. Историки смотрятъ на него различно. *Соловьевъ* говоритъ, что только счастливое положеніе Ивана III послѣ цѣлаго ряда умныхъ предшественниковъ дало ему возможность смѣло вести обширныя предпріятія. *Костомаровъ* судитъ Ивана еще строже,—онъ отрицаетъ всякія политическія способности въ Иванѣ, отрицаетъ въ немъ и человѣческія достоинства. *Карамзинъ* же оцѣниваетъ дѣятельность Ивана III совсѣмъ иначе: не сочувствуя насильственному характеру преобразованій

Петра, онъ ставитъ Ивана III выше даже Петра Великаго. Гораздо справедливѣе и спокойнѣе относится къ Ивану III *Бестужевъ-Рюминъ*. Онъ говоритъ, что хотя и много было сдѣлано предшественниками Ивана и что поэтому Ивану было легче работать, тѣмъ не менѣе онъ великъ потому, что умѣлъ завершить старыя задачи и поставить новыя.

Слѣпой отецъ сдѣлалъ Ивана своимъ соправителемъ и еще при своей жизни далъ ему титулъ великаго князя. Выросши въ тяжелое время междоусобій и смутъ, Иванъ рано пріобрѣлъ житейскій опытъ и привычку къ дѣламъ. Одаренный большимъ умомъ и сильною волей, онъ блестяще повелъ свои дѣла и, можно сказать, закончилъ собираніе великорусскихъ земель подъ властью Москвы, образовавъ изъ своихъ владѣній единое Великорусское государство. Когда онъ началъ княжить, его княжество было окружено почти отовсюду русскими владѣніями: господина Великаго Новгорода, князей тверскихъ, ростовскихъ, ярославскихъ, рязанскихъ. Иванъ Васильевичъ подчинилъ себѣ всѣ эти земли или силою, или мирными соглашеніями. Въ концѣ своего княженія онъ имѣлъ лишь иновѣрныхъ и иноплеменныхъ сосѣдей: шведовъ, нѣмцевъ, литву, татаръ. Одно это обстоятельство должно было измѣнить его политику. Ранѣе, окруженный такими же, какъ онъ самъ, владѣтелями, Иванъ былъ однимъ изъ многихъ удѣльныхъ князей, хотя бы и самымъ сильнымъ; теперь, уничтоживъ этихъ князей, онъ превратился въ единаго государя цѣлой народности. Въ началѣ своего княженія онъ мечталъ о примыслахъ, какъ мечтали о нихъ его удѣльные предки; въ концѣ же онъ долженъ былъ думать о защитѣ цѣлаго народа отъ иновѣрныхъ и иноземныхъ его враговъ. Коротко говоря, сначала его политика была удѣльною, а затѣмъ эта *политика стала національною*.

Пріобрѣтя такое значеніе, Иванъ III не могъ, разумѣется, дѣлиться своею властью съ другими князьями московскаго дома. Уничтожая чужіе удѣлы (въ Твери, Ярославлѣ, Ростовѣ), онъ не могъ оставлять удѣльныхъ порядковъ въ своей собственной роднѣ. Для изученія этихъ порядковъ мы имѣемъ большое количество духовныхъ завѣщаній московскихъ князей XIV и XV вѣковъ и по нимъ видимъ, что постоянныхъ правилъ, которыми бы устанавливался однообразный порядокъ владѣнія и наслѣдованія, не было; все это опредѣлялось каждый разъ завѣщаніемъ князя, который могъ передать свои владѣнія кому хотѣлъ. Такъ, напримѣръ, князь Семенъ, сынъ Ивана Калиты, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь свой личный удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Князья смотрѣли на свои земельныя владѣнія, какъ на статьи своего хозяйства, и совершенно одинаково дѣлили и движимое имущество, и частныя земельныя владѣнія, и государственную территорію. Послѣдняя обыкновенно дѣлилась на уѣзды и волости по ихъ хозяйственному значенію или по историческому происхожденію. Каждый наслѣдникъ получалъ свою долю въ этихъ зем-

ляхъ, точно также, какъ получалъ свою долю и въ каждой статьѣ движимаго имущества. Самая форма духовныхъ грамотъ князей была та же, что и форма духовныхъ завѣщаній частныхъ лицъ; точно также грамоты совершались при свидѣтеляхъ и по благословенію духовныхъ отцовъ. По завѣщаніямъ можно хорошо прослѣдить отношенія князей другъ къ другу. Каждый удѣльный князь владѣлъ своимъ удѣломъ независимо; младшіе удѣльные князья должны были слушаться старшаго, какъ отца, а старшій долженъ былъ заботиться о младшихъ; но это были скорѣе нравственныя, нежели политическія обязанности. Значеніе старшаго брата обусловливалось чисто матеріальнымъ количественнымъ преобладаніемъ, а не излишкомъ правъ и власти. Такъ, напримѣръ, Дмитрій Донской далъ старшему изъ пяти сыновей треть всего имущества, а Василій Темный половину. Иванъ III уже не хотѣлъ довольствоваться избыткомъ однихъ матеріальныхъ средствъ и желалъ полнаго господства надъ братьями. При первой возможности онъ отнималъ удѣлы у своихъ братьевъ и ограничивалъ ихъ старыя права. Онъ требовалъ отъ нихъ повиновенія себѣ, какъ государю отъ подданныхъ. Составляя свое завѣщаніе, онъ сильно обдѣлилъ своихъ младшихъ сыновей въ пользу старшаго ихъ брата, великаго князя Василія, и кромѣ того лишилъ ихъ всякихъ державныхъ правъ, подчинивъ великому князю, какъ простыхъ служебныхъ князей. Словомъ, вездѣ и во всемъ Иванъ проводилъ взглядъ на великаго князя, какъ на единодержавнаго и самодержавнаго монарха, которому одинаково подчинены какъ его служилые князья, такъ и простые слуги. Новая мысль о народномъ единодержавномъ государѣ вела къ перемѣнамъ въ дворцовой жизни, къ установленію придворнаго этикета („чина"), къ большей пышности и торжественности обычаевъ, къ усвоенію разныхъ эмблемъ и знаковъ, выражавшихъ понятіе о высокомъ достоинствѣ великокняжеской власти. Такъ вмѣстѣ съ объединеніемъ сѣверной Руси *совершалось превращеніе московскаго удѣльнаго князя въ государя-самодержца всей Руси.*

Наконецъ, ставъ національнымъ государемъ, Иванъ III усвоилъ себѣ *новое направленіе во внѣшнихъ отношеніяхъ Руси.* Онъ сбросилъ съ себя послѣдніе остатки зависимости отъ Золотоордынскаго хана. Онъ началъ наступательныя дѣйствія противъ Литвы, отъ которой Москва до тѣхъ поръ только оборонялась. Онъ даже заявилъ притязанія на всѣ тѣ русскія области, которыми со временъ Гедимина владѣли Литовскіе князья: называя себя государемъ „всея Руси", онъ подъ этими словами разумѣлъ не только сѣверную, но и южную и западную Русь. Твердую наступательную политику велъ Иванъ III и относительно ливонскаго ордена. Онъ умѣло и рѣшительно пользовался тѣми силами и средствами, которыя накопили его предки и которыя онъ самъ создалъ въ объединенномъ государствѣ.

Въ этомъ и заключается важное историческое значеніе княженія Ивана III. Объединеніе сѣверной Руси вокругъ Москвы началось давно: при Дмитріи Донскомъ обнаружились первые его признаки; совершилось же оно при Иванѣ III. Съ полнымъ правомъ поэтому Ивана III можно назвать создателемъ Московскаго государства.

Подчиненіе Великаго Новгорода. Мы знаемъ, что въ послѣднее время самостоятельной новгородской жизни въ Новгородѣ шла постоянная вражда между лучшими и меньшими людьми. Часто переходя въ открытыя усобицы, эта вражда ослабляла Новгородъ и дѣлала его легкою добычею для сильныхъ сосѣдей—Москвы и Литвы. Всѣ великіе московскіе князья старались взять Новгородъ подъ свою руку и держать тамъ своихъ служилыхъ князей въ качествѣ московскихъ намѣстниковъ. Не разъ за неповиновеніе новгородцевъ великимъ князьямъ москвичи ходили войною на Новгородъ, брали съ него окупъ (контрибуцію) и обязывали новгородцевъ къ послушанію. Послѣ побѣды надъ Шемякою, который скрылся въ Новгородѣ, Василій Темный разгромилъ новгородцевъ, взялъ съ нихъ 10.000 рублей и заставилъ присягнуть на томъ, что Новгородъ будетъ ему послушенъ и не будетъ принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Притязанія Москвы на Новгородъ заставляли новгородцевъ искать союза и защиты у литовскихъ великихъ князей; а тѣ, съ своей стороны, при всякой возможности старались подчинить себѣ новгородцевъ и брали съ нихъ такіе же окупы, какъ Москва, но въ общемъ плохо помогали противъ Москвы. Поставленные между двухъ страшныхъ враговъ, новгородцы пришли къ убѣжденію въ томъ, что они сами не могутъ охранить и поддержать свою независимость и что только постоянный союзъ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей можетъ продлить существованіе Новгородскаго государства. Въ Новгородѣ образовались двѣ партіи: одна—за соглашеніе съ Москвою, другая—за соглашеніе съ Литвою. За Москву стояло по преимуществу простонародье, за Литву—бояре. Простые новгородцы видѣли въ московскомъ князѣ православнаго и русскаго государя, а въ литовскомъ—католика и чужака. Передаться изъ подчиненія Москвѣ въ подчиненіе Литвѣ значило для нихъ измѣнить своей вѣрѣ и народности. Бояре же новгородскіе, съ семьею Борецкихъ во главѣ, ожидали отъ Москвы полнаго разрушенія стараго новгородскаго строя и мечтали сохранить его именно въ союзѣ съ Литвою. Послѣ разгрома Новгорода при Василіи Темномъ литовская партія въ Новгородѣ взяла верхъ и стала подготовлять освобожденіе отъ московской зависимости, установленной при Темномъ,—путемъ перехода подъ покровительство литовскаго князя. Въ 1471 году Новгородъ, руководимый партіей Борецкихъ, заключилъ съ литовскимъ великимъ княземъ и королемъ польскимъ Казиміромъ Ягайловичемъ (иначе: Ягел-

лончикомъ) союзный договоръ, по которому король обязался защищать Новгородъ отъ Москвы, дать новгородцамъ своего намѣстника и соблюдать всѣ вольности новгородскія и старину.

Когда въ Москвѣ узнали о переходѣ Новгорода къ Литвѣ, то взглянули на это, какъ на измѣну не только великому князю, но и вѣрѣ и русскому народу. Въ этомъ смыслѣ великій князь Иванъ писалъ въ Новгородъ, убѣждая новгородцевъ отстать отъ Литвы и короля-католика. Великій князь собралъ у себя большой совѣтъ изъ своихъ военачальниковъ и чиновниковъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, объявилъ на совѣтѣ всѣ новгородскія неправды и измѣну и спрашивалъ у совѣта мнѣнія о томъ, начать ли немедля войну съ Новгородомъ или ждать зимы, когда замерзнутъ новгородскія рѣки, озера и болота. Рѣшено было воевать немедля. Походу на новгородцевъ приданъ былъ видъ похода за вѣру на отступниковъ: какъ Дмитрій Донской вооружился на безбожнаго Мамая, такъ, по словамъ лѣтописца, благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ отъ православія къ латинству. Московская рать разными дорогами вошла въ новгородскую землю. Подъ начальствомъ князя Даніила Холмскаго она скоро побѣдила новгородцевъ: сначала одинъ московскій отрядъ на южныхъ берегахъ озера Ильменя разбилъ новгородское войско, а затѣмъ въ новой битвѣ на р. Шелони главныя силы новгородцевъ потерпѣли страшное пораженіе. Посадникъ Борецкій попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ. Дорога на Новгородъ была открыта, а Литва не помогла Новгороду. Пришлось новгородцамъ смириться предъ Иваномъ и просить пощады. Они отказались отъ всякихъ сношеній съ Литвою и обязались быть неотступными отъ Москвы; сверхъ того они заплатили великому князю огромный окупъ въ 15½ тысячъ рублей. Иванъ возвратился на Москву, а въ Новгородѣ возобновились внутреннія смуты. Обижаемые своими насильниками, новгородцы жаловались великому князю на обидчиковъ, и Иванъ лично отправился въ 1475 году въ Новгородъ для суда и управы. Правосудіе московскаго князя, не пощадившаго на своемъ судѣ сильныхъ бояръ, повело къ тому, что новгородцы, терпѣвшіе обиды у себя дома, стали ѣздить изъ года въ годъ въ Москву просить суда у Ивана. Во время одного изъ такихъ пріѣздовъ два чиновника новгородскихъ титуловали великаго князя „государемъ“, тогда какъ раньше новгородцы звали московскаго князя „господиномъ“. Разница была большая: слово „государь“ въ то время значило тоже, что теперь значитъ слово „хозяинъ“; государемъ тогда называли своего хозяина рабы и слуги. Для вольныхъ же новгородцевъ князь не былъ „государемъ“, и они его звали почетнымъ титуломъ „господинъ“, также точно, какъ звали и свой вольный городъ „господиномъ Великимъ Новгородомъ“. Естественно, что Иванъ могъ схватиться за этотъ поводъ, чтобы покончить съ новгородскою вольностью. Его

послы спросили въ Новгородѣ: на какомъ основаніи новгородцы называютъ его государемъ и какого хотятъ государства? Когда же новгородцы отреклись отъ новаго титула и сказали, что никого не уполномочивали называть Ивана государемъ, то Иванъ пошелъ походомъ на Новгородъ за ихъ ложь и запирательство. Новгородъ не имѣлъ силъ бороться съ Москвою. Иванъ осадилъ городъ и началъ переговоры съ новгородскимъ владыкою Ѳеофиломъ и боярами. Онъ потребовалъ безусловной покорности и объявилъ, что хочетъ въ Новгородѣ такого же государства, какъ въ Москвѣ: вѣчу не быть, посаднику не быть, а быть московскому обычаю, какъ государи великіе князья держатъ свое государство у себя въ московской землѣ. Долго думали новгородцы и, наконецъ, смирились: въ январѣ 1478 года согласились они на требованіе великаго князя и цѣловали ему крестъ. Новгородское государство перестало существовать; вѣчевой колоколъ былъ увезенъ въ Москву. Туда же была отправлена семья бояръ Борецкихъ, во главѣ которой стояла вдова посадника Марѳа (ее считали руководительницею противомосковской партіи въ Новгородѣ). Вслѣдъ за Великимъ Новгородомъ были подчинены Москвою и всѣ новгородскія земли. Изъ нихъ Вятка оказала нѣкоторое сопротивленіе. Въ 1489 году московскія войска (подъ начальствомъ князя Даніила Щеняти) силою покорили Вятку.

Въ первый годъ послѣ подчиненія Новгорода великій князь Иванъ не налагалъ своей опалы на новгородцевъ и не принималъ крутыхъ мѣръ противъ нихъ. Когда же въ Новгородѣ попробовали возстать и вернуться къ старинѣ,—всего черезъ годъ послѣ сдачи великому князю,—тогда Иванъ началъ съ новгородцами крутую расправу. Владыка новгородскій Ѳеофилъ былъ взятъ и отправленъ въ Москву, а взамѣнъ его былъ присланъ въ Новгородъ архіепископъ Сергій. Много новгородскихъ бояръ было казнено, еще больше было переселено на востокъ, въ московскія земли. Исподоволь всѣ лучшіе люди новгородскіе были выведены изъ Новгорода, а земли ихъ взяты на государя и розданы московскимъ служилымъ людямъ, которыхъ великій князь въ большомъ числѣ поселилъ въ новгородскихъ пятинахъ. Такимъ образомъ исчезла совсѣмъ новгородская знать, а съ нею исчезла и память о новгородской вольности. Меньшіе люди новгородскіе, смерды и половники, были избавлены отъ боярскаго гнета; изъ нихъ были образованы крестьянскія податныя общины на московскій образецъ. Въ общемъ, ихъ положеніе улучшилось, и они не имѣли побужденія жалѣть о новгородской старинѣ. Съ уничтоженіемъ новгородской знати пала и новгородская торговля съ западомъ, тѣмъ болѣе, что Иванъ III выселилъ изъ Новгорода нѣмецкихъ купцовъ. Такъ была уничтожена самостоятельность Великаго Новгорода. Псковъ пока сохранилъ свое самоуправленіе, ни въ чемъ не выходя изъ воли великаго князя.

Подчинение удѣльныхъ княжествъ. При Иванѣ III дѣятельно продолжалось подчиненіе и присоединеніе удѣльныхъ земель. Тѣ изъ мелкихъ ярославскихъ и ростовскихъ князей, которые до Ивана III сохранили еще свою независимость, при Иванѣ всѣ передали свои земли Москвѣ и били челомъ великому князю, чтобы онъ принялъ ихъ къ себѣ въ службу. Становясь московскими слугами и обращаясь въ бояръ московскаго князя, эти князья сохраняли за собою свои родовыя земли, но уже не въ качествѣ удѣловъ, а какъ простыя вотчины. Они были ихъ частными собственниками, а „государемъ" ихъ земель почитался уже московскій великій князь. Такимъ образомъ всѣ мелкіе удѣлы были собраны Москвою; оставались только Тверь и Рязань. Эти „великія княженія", когда-то боровшіяся съ Москвою, теперь были слабы и сохраняли только тѣнь своей независимости. Послѣдніе Рязанскіе князья, два брата, Иванъ и Ѳедоръ, были родными племянниками Ивана III (сыновьями его сестры Анны). Какъ мать ихъ, такъ и сами они не выходили изъ воли Ивана, и великій князь, можно сказать, самъ правилъ за нихъ Рязанью. Одинъ изъ братьевъ (князь Ѳедоръ) скончался бездѣтнымъ и завѣщалъ свой удѣлъ дядѣ великому князю, отдавъ такимъ образомъ добровольно половину Рязани Москвѣ. Другой братъ (Иванъ) умеръ также молодымъ, оставивъ малютку сына по имени Ивана, за котораго правила его бабушка и братъ ея Иванъ III. Рязань оказалась въ полной власти Москвы. Повиновался Ивану III и тверской князь Михаилъ Борисовичъ. Тверская рать ходила даже съ москвичами покорять Новгородъ. Но позднѣе, въ 1484—1485 годахъ, отношенія испортились. Тверской князь завелъ дружбу съ Литвою, думая отъ литовскаго великаго князя получить помощь противъ Москвы. Иванъ III, узнавъ объ этомъ, началъ войну съ Тверью и, конечно, побѣдилъ. Михаилъ Борисовичъ убѣжалъ въ Литву, а Тверь была присоединена къ Москвѣ (1485). Такъ совершилось окончательное объединеніе сѣверной Руси.

Мало того, объединительная національная политика Москвы влекла къ московскому государю и такихъ служилыхъ князей, которые принадлежали не сѣверной Руси, а Литовско-Русскому княжеству. Князья вяземскіе, одоевскіе, новосильскіе, воротынскіе и многіе другіе, сидѣвшіе на восточныхъ окраинахъ Литовскаго государства, бросали своего великаго князя и переходили на службу московскую, подчиняя московскому князю и свои земли. Именно переходъ старыхъ русскихъ князей отъ католическаго государя Литвы къ православному князю сѣверной Руси и давалъ поводъ московскимъ князьямъ считать себя государями всей Русской земли, даже и той, которая находилась подъ литовскимъ владычествомъ и хотя еще не соединялась съ Москвою, но должна была, по ихъ мнѣнію, соединиться по единству вѣры, народности и старой династіи Св. Владиміра.

Семейныя и придворныя дѣла. Необыкновенно быстрые успѣхи великаго князя Ивана III въ собираніи русскихъ земель сопровождались существенными перемѣнами въ московскомъ придворномъ быту. Первая жена Ивана III, тверская княжна Марія Борисовна, умерла рано, въ 1467 году, когда Ивану не было еще и 30 лѣтъ. Послѣ нея у Ивана остался сынъ— князь Иванъ Ивановичъ „Молодой", какъ его обыкновенно называли. Въ ту пору уже завязывались сношенія Москвы съ западными странами. По разнымъ причинамъ, римскій папа былъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы установить сношенія съ Москвою и подчинить ее своему вліянію. Отъ папы и вышло предположеніе устроить бракъ молодого московскаго князя съ племянницей послѣдняго константинопольскаго императора Зоей-Софіей Палеологъ. Послѣ взятія Царьграда турками (1453) братъ убитаго императора Константина Палеолога, по имени Ѳома, бѣжалъ съ семействомъ въ Италію и тамъ умеръ, оставивъ дѣтей на попеченіе папы. Дѣти были воспитаны въ духѣ Флорентійской уніи, и папа имѣлъ основанія надѣяться, что, выдавъ Софью за московскаго князя, онъ получитъ возможность ввести унію въ Москву. Иванъ III согласился начать сватовство и отправилъ въ Италію пословъ за невѣстою. Въ 1472 году она пріѣхала въ Москву и бракъ состоялся. Однако, надеждамъ папы не было суждено осуществиться: папскій легатъ, сопровождавшій Софью, не имѣлъ никакого успѣха въ Москвѣ; сама Софья ничѣмъ не содѣйствовала торжеству уніи, и, такимъ образомъ, бракъ московскаго князя не повлекъ за собою никакихъ видимыхъ послѣдствій для Европы и католичества *). Но онъ имѣлъ нѣкоторыя послѣдствія для московскаго двора.

Во-первыхъ, онъ содѣйствовалъ оживленію и укрѣпленію завязавшихся въ ту эпоху сношеній Москвы съ Западомъ, съ Италіей въ особенности. Вмѣстѣ съ Софьею прибыли въ Москву греки и итальянцы; пріѣзжали они и впослѣдствіи. Великій князь держалъ ихъ у себя, какъ „мастеровъ", поручая имъ строеніе крѣпостей, церквей и палатъ, литье пушекъ, чеканку монеты. Иногда этимъ мастерамъ ввѣрялись дипломатическія дѣла и они ѣздили въ Италію съ порученіями отъ великаго князя. Выѣзжихъ итальянцевъ въ Москвѣ называли общимъ именемъ „фрязинъ" (отъ „фрягъ", „франкъ"); такимъ образомъ дѣйствовали въ Москвѣ Иванъ Фрязинъ, Маркъ Фрязинъ, Антоній Фрязинъ и т. п. Изъ итальянскихъ мастеровъ особою извѣстностью пользовался Аристотель Фіоравенти, построившій въ московскомъ Кремлѣ знаменитые Успенскій соборъ и Грановитую палату. Вообще трудами итальянцевъ при Иванѣ III Кремль былъ обстроенъ и украшенъ заново. Рядомъ съ „фряжскими" мастерами у Ивана III работали и нѣмецкіе, хотя въ его пору они не

*) Роль Софьи Палеологъ основательно изслѣдована проф. *В. И. Саввою* („Московскіе цари и Византійскіе василевсы". 1901).

играли первой роли; выдавались только лѣкаря-„нѣмчины“. Кромѣ мастеровъ, въ Москвѣ появлялись иноземцы гости (напримѣръ, греческая родня Софьи) и послы отъ западно-европейскихъ государей. (Между прочимъ, посольство отъ римскаго императора предлагало Ивану III титулъ короля, отъ котораго Иванъ отказался). Для пріема гостей и пословъ при московскомъ дворѣ былъ выработанъ опредѣленный „чинъ“ (церемоніалъ), совсѣмъ отличный отъ того чина, который соблюдался прежде при пріемахъ татарскихъ посольствъ. И вообще порядокъ придворной жизни при новыхъ обстоятельствахъ измѣнился, сталъ сложнѣе и церемоннѣе.

Во-вторыхъ, появленію въ Москвѣ Софьи московскіе люди приписывали большія перемѣны въ характерѣ Ивана III и замѣшательства въ княжеской семьѣ. Они говорили, что какъ пришла Софья съ греками, такъ земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія. Великій князь измѣнилъ свое обращеніе съ окружающими: сталъ держать себя не такъ просто и доступно, какъ прежде, требовалъ знаковъ почтенія къ себѣ, сталъ взыскателенъ и легко опалялся (налагалъ немилость) на бояръ. Онъ сталъ обнаруживать новое, непривычно-высокое представленіе о своей власти. Женившись на греческой царевнѣ, онъ какъ будто считалъ себя преемникомъ исчезнувшихъ греческихъ императоровъ и намекалъ на это преемство тѣмъ, что усвоилъ себѣ византійскій гербъ—двуглаваго орла. Словомъ, послѣ брака съ Софьею Иванъ III проявилъ большое властолюбіе, которое потомъ испытала на себѣ и сама великая княгиня. Въ концѣ своей жизни Иванъ совсѣмъ было поссорился съ Софьею и отдалилъ ее отъ себя. Ссора ихъ произошла по вопросу о престолонаслѣдіи. Сынъ Ивана III отъ перваго брака, Иванъ Молодой, умеръ въ 1490 году, оставивъ великому князю маленькаго внука Дмитрія. Но у великаго князя былъ другой сынъ отъ брака съ Софьею—Василій. Кому было наслѣдовать престолъ московскій: внуку Дмитрію или же сыну Василію? Сначала Иванъ III рѣшилъ дѣло въ пользу Дмитрія и при этомъ наложилъ свою опалу на Софью и Василія. Дмитрія онъ при своей жизни вѣнчалъ на царство (именно на *царство*, а не на великое княженіе). Но черезъ годъ отношенія перемѣнились: Дмитрій былъ отстраненъ, а Софья съ Василіемъ снова вошли въ милость. Василій получилъ титулъ великаго князя и сталъ соправителемъ отца. При этихъ перемѣнахъ терпѣли придворные Ивана III: съ опалою на Софью попали въ немилость ея приближенные, при чемъ нѣсколько человѣкъ было даже казнено смертью; съ опалою на Дмитрія великій князь также воздвигъ гоненіе на нѣкоторыхъ бояръ и одного изъ нихъ казнилъ.

Вспоминая все то, что происходило при дворѣ Ивана III послѣ его женитьбы на Софьѣ, московскіе люди высказывали осужденіе Софьѣ и считали ея вліяніе на мужа скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Ей они приписывали паденіе старыхъ обычаевъ и разныя новизны въ мо-

сковскомъ быту, а также и порчу характера ея мужа и сына, ставшихъ властными и грозными монархами. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе личности Софьи: если бы ея и вовсе не было при московскомъ дворѣ, все равно, московскій великій князь созналъ бы свою силу и полновластіе и сношенія съ Западомъ, все равно, завязались бы. Къ этому велъ весь ходъ московской исторіи, въ силу котораго московскій великій князь сталъ единымъ государемъ могучей великорусской народности и сосѣдомъ нѣсколькихъ европейскихъ государствъ.

Внѣшняя политика Ивана III. Во время Ивана III существовали уже три самостоятельныхъ татарскихъ орды въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Золотая орда, истощенная усобицами, доживала свой вѣкъ. Рядомъ съ нею въ XV вѣкѣ образовалась въ Черноморьѣ Крымская орда, въ которой утвердилась династія Гиреевъ (потомковъ Азп-Гирея). Въ Казани золотоордынскіе выходцы основали, также въ серединѣ XV вѣка, особую орду, объединивъ подъ татарскою властью финскихъ инородцевъ: мордву, черемису, вотяковъ. Пользуясь несогласіями и постоянными междоусобіями среди татаръ, Иванъ III исподволь добился того, что подчинилъ Казань своему вліянію и сдѣлалъ своимъ подручникомъ казанскаго хана или „царя“ (тогда хановъ москвичи называли царями). Съ Крымскимъ царемъ у Ивана III образовалася прочная дружба, такъ какъ оба они имѣли общаго врага, Золотую орду, противъ которой и дѣйствовали вмѣстѣ. Что же касается до Золотой орды, то Иванъ III прекратилъ всякія зависимыя къ ней отношенія: не давалъ дани, не ѣхалъ въ орду, не оказывалъ почтенія хану. Разсказывали, что однажды Иванъ III даже бросилъ на землю и топталъ ногою ханскую „басму“, то-есть, тотъ знакъ (по всей вѣроятности золотую пластину, „жетонъ“ съ надписью), который ханъ вручилъ своимъ посламъ къ Ивану, какъ доказательство ихъ полномочій и власти. Слабый золотоордынскій ханъ Ахматъ пытался дѣйствовать противъ Москвы въ союзѣ съ Литвою; но такъ какъ Литва не давала ему вѣрной помощи, то онъ ограничивался набѣгами на московскія границы. Въ 1472 году онъ пришелъ къ берегамъ Оки и, пограбивъ, ушелъ назадъ, не смѣя идти на самую Москву. Въ 1480 году онъ повторилъ свой набѣгъ. Оставивъ вправо отъ себя верховья Оки, Ахматъ пришелъ на р. Угру, въ пограничныя между Москвою и Литвою мѣста. Но и здѣсь онъ не получилъ никакой помощи отъ Литвы, а Москва встрѣтила его сильною ратью. На Угрѣ и стали другъ противъ друга Ахматъ и Иванъ III—оба въ нерѣшимости начать прямой бой. Иванъ III велѣлъ готовить столицу къ осадѣ, отправилъ свою жену Софью изъ Москвы на сѣверъ и самъ пріѣзжалъ съ Угры къ Москвѣ, боясь какъ татаръ, такъ и своихъ родныхъ братьевъ (это прекрасно показано въ статьѣ *А. Е. Прѣснякова* „Иванъ III на Угрѣ“). Они были съ нимъ въ ссорѣ и внушали ему

подозрѣніе въ томъ, что измѣнятъ въ рѣшительную минуту. Осмотрительность Ивана и медлительность его показались народу трусостью, и простые люди, готовясь въ Москвѣ къ осадѣ, открыто негодовали на Ивана. Духовный отецъ великаго князя, архіепископъ ростовскій Вассіанъ, и словомъ и письменнымъ „посланіемъ", увѣщевалъ Ивана не быть „бѣгуномъ", а храбро стать противъ врага. Однако, Иванъ такъ и не рѣшился напасть на татаръ. Въ свою очередь и Ахматъ, простоявъ на Угрѣ съ лѣта до ноября мѣсяца, дождался снѣговъ и морозовъ и долженъ былъ уйти домой. Самъ онъ скоро былъ убитъ въ усобицѣ, а его сыновья погибли въ борьбѣ съ Крымскою ордою, и самая Золотая орда окончательно распалась (1502). Такъ окончилось для Москвы „татарское иго", спадавшее постепенно и въ послѣднюю свою пору бывшее номинальнымъ. Но не окончились для Руси бѣды отъ татаръ. Какъ крымцы, такъ и казанцы, и нагаи, и всѣ мелкія кочевыя татарскія орды, близкія къ русскимъ границамъ и „украйнамъ", постоянно нападали на эти украины, жгли, разоряли жилища и имущество, уводили съ собою людей и скотъ. Съ этимъ постояннымъ татарскимъ разбоемъ русскимъ людямъ пришлось бороться еще около трехъ столѣтій.

Отношенія Ивана III къ Литвѣ при великомъ князѣ Казимирѣ Ягайловичѣ не были мирными. Не желая усиленія Москвы, Литва стремилась поддерживать противъ Москвы Великій Новгородъ и Тверь, поднимала на Ивана III татаръ. Но у Казимира не было достаточно силъ, чтобы вести съ Москвою открыту войну. Послѣ Витовта внутреннія осложненія въ Литвѣ ослабили ее. Усиленіе польскаго вліянія и католической пропаганды создало въ Литвѣ много недовольныхъ князей; они, какъ мы знаемъ, уходили въ московское подданство со своими вотчинами. Это еще болѣе умаляло литовскія силы и дѣлало для Литвы очень рискованнымъ открытое столкновеніе съ Москвою. Однако, оно стало неизбѣжнымъ по смерти Казимира (1492), когда Литва избрала себѣ великаго князя особо отъ Польши. Въ то время какъ королемъ Польши сталъ сынъ Казимира Янъ Альбрехтъ, въ Литвѣ вокняжился его братъ Александръ Казимировичъ. Воспользовавшись этимъ раздѣленіемъ, Иванъ III началъ войну противъ Александра и добился того, что Литва формально уступила ему земли князей, перешедшихъ въ Москву (вяземскихъ, новосильскихъ, одоевскихъ, воротынскихъ, бѣлевскихъ), и, кромѣ того, признала за нимъ титулъ „государя всея Руси". Заключеніе мира было закрѣплено тѣмъ, что Иванъ III выдалъ свою дочь Елену замужъ за Александра Казимировича. Александръ былъ самъ католикъ, но обѣщалъ не принуждать къ католичеству своей православной супруги. Однако ему трудно было сдержать это обѣщаніе изъ-за внушеній своихъ католическихъ совѣтниковъ. Судьба великой княгини Елены Ивановны была очень печальна, и ея отецъ напрасно требовалъ отъ Александра лучшаго съ

ней обращенія. Съ другой стороны, и Александръ обижался на московскаго великаго князя. Къ Ивану III на службу продолжали проситься православные князья изъ Литвы, объясняя свое нежеланіе оставаться подъ властью Литвы гоненіемъ на ихъ вѣру. Такъ, Иванъ III принялъ къ себѣ князя бѣльскаго и князей новгородъ-сѣверскаго и черниговскаго съ громадными вотчинами по Днѣпру и Деснѣ. Война между Москвою и Литвою стала неизбѣжна. Она шла съ 1500 по 1503 годъ, при чемъ сторону Литвы принялъ Ливонскій орденъ, а сторону Москвы—Крымскій ханъ. Окончилось дѣло перемиріемъ, по которому Иванъ III удержалъ за собою всѣ пріобрѣтенныя имъ княжества. Было очевидно, что Москва въ ту минуту была сильнѣе Литвы, точно такъ же, какъ она была сильнѣе и ордена. Орденъ, несмотря на отдѣльныя военныя удачи, заключилъ съ Москвою также не особенно почетное перемиріе. До Ивана III, подъ напоромъ съ запада, Московское княжество уступало и проигрывало; теперь московскій великій князь самъ начинаетъ наступать на своихъ сосѣдей и, увеличивая съ запада свои владѣнія, открыто высказываетъ притязаніе на присоединеніе къ Москвѣ всѣхъ вообще русскихъ земель.

Воюя съ своими западными сосѣдями, Иванъ III искалъ дружбы и союзовъ въ Европѣ. Москва при немъ вступила въ дипломатическія сношенія съ Даніей, съ императоромъ, съ Венгріей, съ Венеціей, съ Турціей. Окрѣпшее русское государство входило понемногу въ кругъ европейскихъ международныхъ отношеній и начинало свое общеніе съ культурными странами Запада.

Великій князь Василій III Ивановичъ. Иванъ III, по примѣру своихъ предковъ, составилъ завѣщаніе, въ которомъ подѣлилъ свои владѣнія между своими пятью сыновьями. По формѣ это завѣщаніе было похоже на старыя княжескія душевныя грамоты, но по сути своей оно окончательно устанавливало новый порядокъ единодержавія въ Московскомъ государствѣ. Старшаго своего сына Василія Иванъ III дѣлалъ прямо государемъ надъ братьями и ему одному давалъ державныя права. Василій получилъ одинъ 66 городовъ, а четверо его братьевъ—только тридцать, и при томъ мелкихъ. Василій одинъ имѣлъ право бить монету, сноситься съ другими государствами; онъ наслѣдовалъ всѣ выморочные удѣлы бездѣтныхъ родственниковъ; только его дѣтямъ принадлежало великое княженіе, отъ котораго отказались заранѣе его братья. Такимъ образомъ Василій былъ государемъ, а его братья и прочая родня—подданными. Такова основная мысль завѣщанія Ивана III.

Василій III наслѣдовалъ властолюбіе своего отца, но не имѣлъ его талантовъ. Вся его дѣятельность была продолженіемъ того, что дѣлалъ его отецъ. Чего не успѣлъ довершить Иванъ III, то доканчивалъ Василій. Покоривъ Новгородъ, Иванъ оставилъ прежнее самоуправленіе

во Псковѣ. Внутренняя жизнь Пскова не давала тогда поводовъ къ вмѣшательству въ его дѣла. Во Псковѣ не было внутреннихъ усобицъ. Находясь на окраинѣ Русской земли, въ постоянномъ страхѣ отъ литвы и нѣмцевъ, Псковъ крѣпко держался Москвы, былъ ей послушенъ и всегда имѣлъ у себя, вмѣсто самостоятельнаго князя, московскаго намѣстника. При такихъ условіяхъ Псковское вѣче не могло сохранить за собою прежняго самостоятельнаго политическаго значенія; оно стало органомъ мѣстнаго самоуправленія подъ главенствомъ московскаго государя. Однако, послушаніе псковичей великому князю не обезпечивало ихъ отъ притѣсненій со стороны московскихъ намѣстниковъ. Псковичи жаловались на своихъ „князей" въ Москву, а намѣстники жаловались на псковичей. Въ 1510 году, послѣ одной изъ такихъ ссоръ, Василій III уничтожилъ вѣче во Псковѣ, взялъ въ Москву вѣчевой колоколъ и вывелъ изъ Пскова на жительство въ московскія волости 300 семей псковичей, а на ихъ мѣсто прислалъ столько же семей изъ Московскихъ городовъ. Псковъ не оказалъ великому князю никакого сопротивленія: псковичи только слезами оплакивали потерю своей вѣковой вольности и жаловались, что городъ ихъ поруганъ и разоренъ, „а псковичи бѣдные не вѣдали правды московскія".

То же было сдѣлано и съ Рязанью. Иванъ III, овладѣвъ одною половиною Рязани, другую оставилъ за малолѣтнимъ рязанскимъ княземъ Иваномъ, но управлялъ Рязанью за него, какъ его дѣдъ. Московская опека продолжалась и при Василіи III. Однако, возмужавъ, рязанскій князь сталъ тяготиться зависимостью отъ Москвы и мечтать о самостоятельности. Замѣтивъ это, Василій арестовалъ князя Ивана, а его волость присоединилъ къ Москвѣ (1517). Какъ и во Псковѣ, рязанцевъ толпами выводили въ Московскія волости, а на ихъ мѣсто селили москвичей. Такой „выводъ" изъ покоренныхъ земель дѣлали для того, чтобы уничтожить въ нихъ возможность возстаній и отпаденій отъ Москвы.

Наконецъ, оставались еще князья Сѣверной земли, перешедшіе къ Ивану III отъ Литовскаго великаго князя со своими волостями. Василій III, воспользовавшись ихъ распрями, выгналъ этихъ князей изъ ихъ городовъ и взялъ ихъ владѣнія къ Москвѣ (1523). Такимъ образомъ, всѣ такъ называемые „удѣлы" были упразднены, и въ Московскомъ государствѣ остались только простые служилые князья, которые въ своихъ вотчинахъ не имѣли уже никакихъ державныхъ правъ и служили великому князю, какъ простые бояре.

Внѣшняя политика Василія была продолженіемъ политики предшествующаго княженія. Москва по прежнему притягивала къ себѣ выходцевъ изъ Литвы (князья Глинскіе), а Литва, какъ и ранѣе, не могла примириться съ уходомъ князей и земель изъ литовскаго подданства. Дважды вспыхивала война между Василіемъ III и литовскимъ великимъ княземъ Сигизмундомъ Казимировичемъ. Василій III овладѣлъ въ

1514 году Смоленскомъ, имѣвшимъ важное военное значеніе. Какъ ни старались литовцы, эта крѣпость осталась въ московскихъ рукахъ, и Литва была вынуждена заключить (въ 1522 г.) перемиріе съ уступкою Смоленска Москвѣ до „вѣчнаго мира“ или „докончанія“, Но этого „докончанія“ такъ и не было достигнуто въ теченіе болѣе, чѣмъ столѣтія, ибо Литва и Москва никакъ не могли размежевать между собою спорныя промежуточныя между ними русскія волости.

Татарскія отношенія послѣ паденія Золотой орды не стали легче для Москвы. Дружба съ Крымомъ при Василіи III прекратилась, а вліяніе Москвы въ Казани не было прочно. И со стороны Крыма, и со стороны Казани на русскія области совершались постоянные набѣги. На южныхъ границахъ Московскаго государства грабили крымцы; въ мѣстахъ нижегородскихъ, костромскихъ и галицкихъ—казанскіе татары и подчиненная имъ мордва и черемиса. Отъ татарской и черемисской „войны“ русскіе люди не могли жить спокойно у себя дома и не имѣли возможности колонизовать ни плодородной черноземной полосы на югъ отъ Оки (такъ называемаго „дикаго поля“), ни лѣсныхъ пространствъ за Волгою по рр. Унжѣ и Ветлугѣ. Вся восточная и южная окраина государства была въ постоянномъ страхѣ татарскихъ набѣговъ. Мало того, если татарамъ удавалось не встрѣтить на границахъ Руси московской сторожевой рати, они устремлялись въ центральныя русскія волости и добирались даже до самой Москвы. Василію III оставалось только сторожить свои границы и при случаѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла татаръ и укрѣплять среди нихъ свое вліяніе. Въ Казани это и удавалось. Крымъ же, къ сожалѣнію, былъ такъ далекъ отъ Москвы, что нельзя было хорошо слѣдить за крымцами и вліять на нихъ. Московское правительство ограничивалось тѣмъ, что посылало въ Крымъ посольства съ „поминками“, то есть подарками, которыми думало задобрить и замирить врага; а въ то же время ежегодно лѣтомъ на южной границѣ государства (шедшей по берегу средней Оки и потому называвшейся тогда „берегомъ“) ставились войска, чтобы стеречь „берегъ“ отъ внезапныхъ набѣговъ. Сверхъ того, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ строили на Окѣ и за Окою недоступныя для татаръ каменныя крѣпости (Калуга, Тула, Зарайскъ) и помѣщали въ нихъ войска,

Василій III былъ женатъ на Соломоніи изъ боярскаго рода Сабуровыхъ и не имѣлъ дѣтей. Онъ, однако, никакъ не хотѣлъ оставить великаго княженія своимъ братьямъ (Юрію и Андрею), такъ какъ, по его мнѣнію, они и своихъ удѣловъ не умѣли устроить. Поэтому, съ разрѣшенія митрополита (Даніила), онъ заставилъ свою жену постричься въ монахини (съ именемъ Софіи) и отправилъ ее на житье въ Суздальскій женскій Покровскій монастырь. Самъ же женился вторично, взявъ за себя княжну Елену Васильевну Глинскую, изъ рода литовскихъ вы-

ходцевъ. Въ этомъ бракѣ у него было два сына, Иванъ и Юрій. Старшему изъ нихъ было всего 3 года, когда Василій III заболѣлъ случайнымъ нарывомъ и умеръ, не доживъ до 60 лѣтъ.

Отношенія къ боярству. Властный, требовательный и строгій Василій не обладалъ достоинствами Ивана III, но за то еще болѣе его любилъ власть и умѣлъ показать свое могущество и самовластіе всѣмъ его окружавшимъ. При немъ простыя удѣльныя отношенія подданныхъ къ государю исчезаютъ. Герберштейнъ, германскій посолъ, бывшій въ ту пору въ Москвѣ, замѣчаетъ, что Василій III имѣлъ власть, какой не обладалъ ни одинъ монархъ, и затѣмъ добавляетъ, что когда спрашиваютъ москвичей о неизвѣстномъ имъ дѣлѣ, они говорятъ, ровняя князя съ Богомъ: „мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ да государь". Такой казалась власть государя иноземцамъ; но пойманныя имя фразы назначались не только для того, чтобы политически возвысить государя въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иноземцами; внутреннія отношенія дѣйствительно мѣнялись и власть московскаго государя росла не только по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, какъ власть единаго властителя сильнаго государства, но и въ отношеніи подданныхъ. Эта перемѣна отношеній къ подданнымъ рѣзче всего сказалась измѣненіями въ бытѣ боярства.

Въ Москвѣ издавна, благодаря богатству московскихъ князей и другимъ причинамъ, собралось многочисленное боярство: со времени Ивана Калиты съ юга и съ запада пріѣзжали сюда именитые бояре и мало-по малу около московскаго великокняжескаго стола столпилось больше слугъ, чѣмъ у кого бы то ни было изъ другихъ русскихъ князей. Основаніемъ отношеній между княземъ и боярами до половины XV вѣка въ Москвѣ былъ договоръ; бояринъ приходилъ „служить князю", а князь за это долженъ былъ его „кормить",—вотъ главное условіе договора. Сообразно съ этимъ каждый служилый бояринъ имѣлъ право на „кормленіе" по заслугамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право отъѣзда и участія въ совѣтѣ князя. До половины XV вѣка интересы боярства были тѣсно связаны съ интересами князя: бояринъ долженъ былъ стараться объ усиленіи своего князя, такъ какъ, чѣмъ сильнѣе князь, тѣмъ лучше служить боярину и тѣмъ безопаснѣе его вотчина. Князья въ свою очередь признавали заслуги бояръ, что видимъ изъ завѣщанія Дмитрія Донского, въ которомъ онъ совѣтуетъ дѣтямъ во всемъ держаться совѣта бояръ. Словомъ, московскіе князья и бояре составляли одну дружную политическую силу. Но съ половины XV вѣка измѣняется составъ московскаго боярства и измѣняется отношеніе боярства къ государю. Съ этого времени, въ княженіе Ивана III и Василія III, въ эпоху окончательнаго подчиненія и присоединенія удѣловъ, замѣчается приливъ новыхъ слугъ къ московскому двору: во-первыхъ, это удѣльные князья, потерявшіе или уступившіе свои удѣлы московскому князю; во-вторыхъ, это удѣльные князья, которые

ранѣе потеряли свою самостоятельность и служили другимъ удѣльнымъ князьямъ; наконецъ, это бояре—слуги удѣльныхъ князей, перешедшіе вмѣстѣ со своими князьями на службу къ московскому князю. Толпа княжескихъ слугъ увеличивалась еще новыми пришельцами изъ Литвы,— это были литовскіе и русскіе князья, державшіеся православія подъ властью литовскихъ владѣтелей и послѣ уніи 1386 года стремившіеся перейти со своими удѣлами подъ власть православнаго государя. Всѣ перечисленные пришельцы скоро стали въ опредѣленныя отношенія къ старымъ московскимъ боярамъ и другъ къ другу. Эти отношенія выразились въ обычаяхъ *мѣстничества*. Такъ называется порядокъ служебныхъ отношеній боярскихъ фамилій, сложившійся въ Москвѣ въ XV и XVI вв. и основанный на „отечествѣ“, то есть на унаслѣдованныхъ отъ предковъ отношеніяхъ служилаго лица и рода по службѣ къ другимъ лицамъ и родамъ. Каждый князь или бояринъ, принимая служебное назначеніе, справлялся, не станетъ ли онъ въ равноправныя или подчиненныя отношенія къ лицу, менѣе его родовитому по происхожденію, и отказывался отъ такихъ назначеній, какъ отъ безчестящихъ не только его, но и весь его родъ. Такой обычай „мѣстничаться“ размѣстилъ мало-по-малу всѣ московскіе боярскіе роды въ опредѣленный порядокъ по знатности происхожденія, и на этомъ аристократическомъ основаніи большіе роды княжескіе, какъ самые знатные, стали выше другихъ; они занимали высшія должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московскихъ государей. Но бывшіе удѣльные князья, пришедшіе на службу къ московскому государю и ставшіе къ нему въ отношенія бояръ, въ большинствѣ сохранили за собою свои удѣльныя земли на частномъ правѣ, какъ боярскія вотчины. Переставъ быть самостоятельными владѣльцами своихъ удѣловъ, они оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣльцами, сохраняя иногда въ управленіи землями нѣкоторыя черты своей прежней правительственной власти. Такимъ образомъ, ихъ положеніе въ ихъ вотчинахъ перемѣнилось очень мало: они остались въ тѣхъ же суверенныхъ отношеніяхъ къ населенію своихъ вотчинъ, сохраняли свои прежнія понятія и привычки. Дѣлаясь боярами, эти княжата приносили въ Москву не боярскія мысли и чувства; дѣлаясь изъ самостоятельныхъ людей людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хорошихъ чувствъ къ московскому князю, лишившему ихъ самостоятельности. Они не довольствуются положеніемъ прежнихъ бояръ при князѣ, а стараются достигнуть новыхъ правъ, воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Помня свое происхожденіе, зная, что они—потомки прежнихъ правителей русской земли, они смотрятъ на себя и теперь, какъ на „хозяевъ“ русской земли, съ тою только разницею, что предки ихъ правили русской землей по-одиночкѣ, по частямъ, а они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, около московскаго князя, должны править *всѣ* вмѣстѣ

всей землей. Основываясь на этомъ представленіи, они склонны требовать участія въ управленіи страной, требуютъ, чтобы князья московскіе совѣтовались съ ними о всѣхъ дѣлахъ, грозя, въ противномъ случаѣ, отъѣздомъ. Но служилые князья не могли отъѣхать, какъ отъѣзжали бояре удѣльныхъ князей, то есть не могли переѣхать на службу отъ одного удѣльнаго князя къ другому; теперь удѣловъ не было и можно было отъѣхать только въ Литву или къ нѣмцамъ подъ иновѣрную власть, но и то и другое считалось измѣной русскому государству. Въ концѣ концовъ, ихъ положеніе опредѣлилось такъ: допуская мѣстничество, московскіе князья не спорили до поры до времени противъ права совѣта, но старались прекратить отъѣздъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, самый ходъ историческихъ событій все болѣе и болѣе мѣшалъ отъѣзду, а право совѣта иногда не осуществлялось. Съ царствованія Ивана III-го, именно со времени его брака съ Софьей Ѳоминишной, которую не любили бояре за ея властолюбивыя стремленія, начинаютъ раздаваться жалобы со стороны бояръ, что государь ихъ не слушаетъ. Время Василія III-го было еще хуже для бояръ въ этомъ отношеніи, еще болѣе увеличивалось ихъ неудовольствіе противъ князя. Выразителемъ боярскаго настроенія можетъ служить Берсень-Беклемишевъ, типичный представитель боярства начала XVI вѣка, человѣкъ очень умный, очень начитанный. Онъ часто ходилъ къ Максиму Греку и бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ на Руси, при чемъ высказывалъ откровенно свои взгляды. Онъ говорилъ, что все перемѣнилось на Руси, какъ „пришла Софья", что она переставила всѣ порядки, и потому государству стоять не долго; князь московскій не любитъ, какъ бывало прежде, совѣтоваться съ боярами и рѣшаетъ дѣла „самъ третей у постели", то есть, въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ не родовитыхъ людей. Эти рѣчи Беклемишева были обнаружены слѣдствіемъ, и за нихъ ему отрѣзали языкъ.

Такъ, въ началѣ XVI вѣка стали другъ противъ друга государь, шедшій къ полновластію, и боярство, которое приняло видъ замкнутой и точно расположенной по степенямъ родовитости аристократіи. Великій князь двигался, куда вела его исторія; боярскій классъ дѣйствовалъ во имя отжившихъ политическихъ формъ и старался какъ бы остановить исторію. Въ этомъ историческомъ процессѣ столкнулись, такимъ образомъ, двѣ силы, далеко неравныя. За московскаго государя стоятъ симпатіи всего населенія, весь складъ государственной жизни, какъ она тогда слагалась; а боярство, не имѣя ни союзниковъ, ни вліянія въ странѣ, представляло собою замкнутый аристократическій кругъ, опиравшійся при своемъ высокомъ служебномъ и общественномъ положеніи лишь на одни родословныя преданія и не имѣвшій реальныхъ силъ отстоять свое положеніе и свои притязанія. Однако, несмотря на неравенство силъ, фактъ борьбы московскаго боярства съ государемъ несомнѣненъ. Жалобы со

стороны бояръ начались съ Ивана III, при Василіи раздавались сильнѣе, и при обоихъ этихъ князьяхъ мы видимъ опалы и казни бояръ; но съ особенной силой эта борьба разыгралась при *Иванѣ Грозномъ*, когда въ крови погибла добрая половина бояръ.

Москва—третій Римъ. Такова фактическая сторона превращенія Московскаго удѣла въ національное великорусское государство. Была и идейная сторона въ этомъ быстромъ историческомъ движеніи. Простое накопленіе силъ и средствъ путемъ безразборчивыхъ „примысловъ" характеризуетъ московскую политику до конца XIV вѣка; съ этого же времени въ усиленіи Москвы замѣтно становятся мотивы высшаго порядка. Толчкомъ къ такому перелому послужила знаменитая Куликовская битва. Подготовленный исподволь разрывъ съ Ордою поставилъ Русь передъ опасностью всеобщаго разоренія. Рязань думала отвратить разгромъ покорностью, Москва приготовилась къ защитѣ, остальныя „великія княжества" и „господинъ Великій Новгородъ" выжидали. Подъ „высокою рукою" Димитрія Донского собрались только его служебные князья да удѣльная мелкота съ выѣзжими литовскими князьями. Со своею ратью Димитрій по стратегическимъ соображеніямъ—чтобы не дать соддиниться татарамъ съ Литвою—выдвинулся не только за предѣлы своихъ земель, но и за предѣлы русской осѣдлости вообще, въ „дикое поле", и встрѣтилъ татаръ на верховьяхъ Дона, въ мѣстности, носившей названіе Куликова поля. Битва, принятая русскими въ дурныхъ условіяхъ, окончилась однако ихъ побѣдою. Татары и Литва ушли, и такимъ образомъ Донской заслонилъ собою и спасъ не только Москву, но и всю Русь. И вся Русь почувствовала, кто именно оказался ея спасителемъ. Только московскій князь имѣлъ силу и желаніе стать за общенародное дѣло въ то время, когда Новгородъ и прочія княжества притаились въ ожиданіи бѣды. Съ этихъ поръ Димитрій изъ князя московскаго превратился въ „царя Русскаго", какъ стали называть его въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, а его княжество выросло въ національное государство московское. „Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты"—мѣтко и красиво сказалъ о немъ В. О. Ключевскій. Древне-русская письменность въ XV вѣкѣ отмѣтила намъ и эту перемѣну въ фактахъ, и переломъ въ народномъ сознаніи. Многочисленныя редакціи повѣстей о Куликовской битвѣ представляютъ ее, какъ національный подвигъ („Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ", „Повѣсть" о немъ, „Слово о Задонщинѣ"). „Слово о житіи Димитрія Донского" проникнуто національнымъ сознаніемъ; церковныя проповѣди конца XIV и начала XV в.в. на Московскихъ князей указываютъ какъ на національныхъ государей. Мало того, что народность сознала свое единство, она вскорѣ затѣмъ почувствовала свою силу, оцѣнила, быть можетъ, даже выше мѣры свои политическіе успѣхи и стала смотрѣть на себя, какъ на Богомъ избранный народъ, „новый Израиль",

которому суждено играть первенствующую роль среди другихъ православныхъ народовъ и въ этомъ отношеніи занять мѣсто отживающей, тѣснимой турками, подчинившейся папамъ (на Флорентійскомъ соборѣ) Византіи. Такія тенденціи начинаютъ проглядывать въ письменности того времени, въ разсказахъ (Серапіона) о Флорентійскомъ соборѣ, въ повѣствованіи о пребываніи на Руси апостола Андрея Первозваннаго, въ легендѣ о происхожденіи московскихъ князей отъ Пруса, брата императора Августа, въ преданіяхъ о передачѣ на Русь изъ Греціи „бѣлаго клобука", который носили новгородскіе архіепископы, Мономахова вѣнца и прочихъ „царскихъ утварей" и другихъ святынь, увозимыхъ изъ Византіи и обрѣтаемыхъ на Руси.

Всѣ эти сказанія о святыняхъ церковныхъ и о символахъ политическаго главенства имѣли цѣлью доказать, что политическое первенство въ православномъ мірѣ, ранѣе принадлежавшее старому Риму и „Риму новому" (Roma nova—Византія), Божіимъ смотрѣніемъ перешло на Русь въ Москву, которая и стала „третьимъ Римомъ". Въ то время, когда турки уничтожили всѣ православныя монархіи востока и плѣнили всѣ патріархаты, Москва сбрасывала съ себя ордынское иго и объединяла Русь въ сильное государство. Ей принадлежала теперь забота хранить и поддерживать православіе и у себя и на всемъ Востокѣ. Московскій князь становился теперь главою всего православнаго міра—„царемъ православія". Псковскій монахъ („старецъ") Филоѳей первый высказалъ ясно эту мысль о всемірномъ значеніи Москвы и ея „царства"—въ посланіи къ великому князю Василію: „блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти".

Эта пышная литературно-политическая фикція въ XVI вѣкѣ овладѣла умами московскихъ патріотовъ, стала предметомъ національнаго вѣрованія и освѣщала москвичамъ высокія, міровыя задачи ихъ національнаго существованія. Какъ идеалъ, она стала руководить московскою политикою и привела московскую власть къ рѣшимости сдѣлать Московское княжество „царствомъ" чрезъ офиціальное усвоеніе московскому князю титула „цезаря"—„царя" (1547 годъ). Немного позднѣе (1589) и московскій митрополитъ получилъ высшій церковный титулъ патріарха и такимъ образомъ московская церковь стала на ту же высоту, какъ и старѣйшія восточныя церкви.

Наблюдая развитіе національнаго сознанія и ростъ народной гордости въ московскомъ обществѣ, нѣкоторые историки (Милюковъ) склонны думать, что литературныя формы, въ какихъ выразилось умственное возбужденіе москвичей, составляютъ плодъ литературнаго заимствованія отъ Византіи черезъ посредство балканскихъ славянъ, а самая конструкція

московскихъ политическихъ теорій не что иное, какъ перенесеніе на Москву національно-политическихъ стремленій южныхъ славянъ, совершенное юго-славянскими выходцами въ Москву. Глубже и правильнѣе взглядъ И. Н. Жданова, хорошо изучившаго составъ патріотическихъ сказаній Московской Руси. „Содержаніе сказаній (говоритъ онъ) объясняется кругомъ тѣхъ историко-политическихъ представленій, которыя стали обращаться въ нашей литературѣ послѣ Флорентійской уніи и особенно послѣ паденія Константинополя. Какое же значеніе имѣли всѣ эти памятники старо-московской публицистики, въ которыхъ повторялось на разные лады, что истинное благовѣріе удержалось только въ Москвѣ, что Москва—третій Римъ, а московскій князь—наслѣдникъ власти римскихъ императоровъ и т. п.? Въ этой публицистикѣ нужно различать ея живой историческій смыслъ и условную литературную оболочку. Смыслъ сказаній объ Августѣ и Прусѣ, о византійскомъ вѣнцѣ, о третьемъ Римѣ представится намъ вполнѣ яснымъ, если припомнимъ то значеніе, которое получаетъ Московское княжество при Иванѣ III и Василіи Ивановичѣ. Рядомъ съ московскимъ княземъ не стало на Руси такихъ представителей власти, которые могли бы считать себя равными ему, не зависимыми отъ него. Силы, которыя стояли выше московскаго князя, исчезали: пала власть византійскихъ царей, пало „иго“ Золотой орды. Московскій князь поднимался на какую-то невѣдомую высоту. Нарождалось въ Москвѣ что-то новое и небывалое. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени. Придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и о третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ „каѳолическаго царя“, значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ государственнымъ и церковнымъ. Можно ли думать, что среди русскихъ людей откроется какое-то особенное увлеченіе византійскими идеалами какъ разъ въ то время, когда государственный строй, ихъ воплощавшій, терпѣлъ крушеніе, когда византійскому „царству“ пришлось выслушать суровый историческій приговоръ? Наши предки долго и пристально наблюдали процессъ медленнаго умиранія Византіи. Это наблюденіе могло давать уроки отрицательнаго значенія, а не вызывать на подражаніе, могло возбуждать отвращеніе, а не увлеченіе. И мы видимъ, дѣйствительно, что какъ разъ съ той поры, когда будто бы утверждаются у насъ византійскіе идеалы, наша государственная и общественная жизнь медленно, но безповоротно, вступаетъ на тотъ дѣйствительно новый путь, который привелъ къ „реформѣ Петра“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Время Ивана Грознаго. Московское государство передъ смутою.—Смута въ Московскомъ государствѣ.—Время Михаила Θеодоровича.—Время Алексѣя Михайловича.—Главные моменты въ исторіи Южной и Западной Руси въ XVI и XVII в.—Время Θеодора Алексѣевича.

Время Ивана Грознаго.

Время Ивана Грознаго давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и беллетристовъ необычнымъ въ русской исторіи драматизмомъ положеній и яркостью характеровъ. Въ эпохѣ Грознаго много содержанія: бурное дѣтство великаго князя; періодъ свѣтлыхъ реформъ и счастливыхъ войнъ на востокѣ; ссора съ совѣтниками и опалы на нихъ; опричнина, которая была, въ сущности, глубокимъ государственнымъ переворотомъ; сложный общественный кризисъ, приведшій къ опустѣнію государственнаго центра; тяжелая и неудачная борьба за балтійскій берегъ,—вотъ главнѣйшіе факты, подлежащіе нашему вниманію въ царствованіе Ивана Грознаго. Но нельзя сказать, чтобы мы хорошо знали эти факты. Матеріалы для исторіи Грознаго далеко не полны, и люди, не имѣвшіе съ ними прямого знакомства, могутъ удивиться, если узнаютъ, что въ біографіи Грознаго есть годы, даже цѣлые ряды лѣтъ безъ малѣйшихъ свѣдѣній о его личной жизни и дѣлахъ.

Первые годы. Таково прежде всего время его дѣтства и юности. По восьмому году онъ остался круглымъ сиротою и съ младшимъ братомъ Юріемъ попалъ на попеченіе бояръ, которые питали ихъ „яко иностранныхъ или яко убожайшую чадь“, такъ что Грозный, по его словамъ, много пострадалъ „во одѣяніи и во алканіи“. Внѣшнія лишенія сопровождались моральными обидами. Грозный съ негодованіемъ вспоминалъ, какъ Шуйскіе вели себя: „намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь

И. В. Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершися, отца нашего о постелю ногу положивъ, къ намъ же не преклоняяся". А въ официальной обстановкѣ, при народѣ, тѣ же Шуйскіе по „чину" низко преклонялися передъ маленькимъ великимъ княземъ и тѣмъ учили его двуличію и притворству. Растащивъ многое изъ велико-княжескаго имущества, бояре явились передъ мальчикомъ-государемъ грабителями и „измѣнниками". Ссорясь и „приходя ратью" другъ на друга, бояре не стѣснялись оскорблять самого государя, вламываясь ночью въ его палаты и силою вытаскивая отъ него своихъ враговъ. Шуйскихъ смѣнялъ князь Бѣльскій съ друзьями, Бѣльскаго опять смѣняли Шуйскіе, Шуйскихъ смѣняли Глинскіе, а маленькій государь смотрѣлъ на эту борьбу боярскихъ семей и партій до тѣхъ поръ, пока не научился самъ насильничать и опаляться,—и „отъ тѣхъ мѣстъ почали бояре отъ государя страхъ имѣти и послушаніе". Они льстили его дурнымъ инстинктамъ, хвалили жестокость его забавъ, говоря, что изъ него выйдетъ храбрый и мужественный царь,—и изъ мальчика вышелъ испорченный и распущенный юноша, возбуждавшій противъ себя ропотъ населенія. Однако въ концѣ 1546 и начала 1547 года этотъ юноша выступаетъ передъ нами съ чертами нѣкоторой начитанности и политической сознательности. Въ литературно отдѣланныхъ рѣчахъ, обращенныхъ къ митрополиту и боярамъ, онъ заявляетъ о желаніи жениться и принять царскій вѣнецъ: „хочу азъ поискати прежнихъ своихъ прородителей чиновъ—и *на царство* на великое княженіе хочу сѣсти". Грозный, принимая вѣнецъ (1547), является носителемъ того идеала, которымъ, какъ мы видѣли, опредѣляла свою миссію его народность; онъ ищетъ царства, а не только великаго княженія, и официально достигаетъ его въ утвердительной грамотѣ цареградскаго патріарха (1561). И не только въ дѣлѣ о царскомъ вѣнцѣ, но и во всѣхъ своихъ выступленіяхъ предъ духовенствомъ и боярами молодой царь обнаруживаетъ начитанность и умственную развитость: для своего времени это образованный человѣкъ. Раздумывая надъ тѣмъ, откуда могли прійти къ распущенному морально юношѣ его знанія и высшіе умственные интересы, мы можемъ открыть лишь одинъ источникъ благотворнаго вліянія на Грознаго. Это—кругъ того митрополита Макарія, который въ 1542 г. былъ переведенъ на московскую митрополію съ новгородской архіепископіи. Съ Макаріемъ въ Москву перешли его сотрудники по литературному дѣлу—собиранія „великихъ миней-четьихъ"—и въ ихъ числѣ знаменитый священникъ Сильвестръ. Самъ Макарій пользовался неизмѣннымъ почитаніемъ Грознаго и имѣлъ на него хорошее вліяніе; а Сильвестръ прямо сталъ временщикомъ при Грозномъ и „владяше обѣма властми и святительскими и царскими, яко же царь и святитель". Воздѣйствіе этихъ лицъ обратило Грознаго отъ забавъ къ чтенію, къ вопросамъ богословскаго знанія и политическихъ теорій. Способный и впечатлительный

отъ природы, Грозный скоро усвоилъ себѣ все то, чѣмъ питался умъ и возбуждалось чувство передовыхъ москвичей, и самъ сталъ (по выраженію одного изъ ближайшихъ потомковъ—князя И. М. Катырева-Ростовскаго) „мужъ чюднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло“. Такимъ образомъ моральное воспитаніе Грознаго не соотвѣтствовало умственному образованію: душа Грознаго была всегда ниже его ума.

Годы 1550—1564. Съ совершеннолѣтіемъ Грознаго начинается лучшій періодъ его дѣятельности. Вліяніе Сильвестра выразилось между прочимъ въ томъ, что онъ собралъ около царя особый кругъ совѣтниковъ, называемый обыкновенно „избранною радою“ (такъ именовалъ его въ своемъ сочиненіи о Грозномъ кн. Курбскій). Эта не была ни „ближняя дума“, ни дума вообще, а особая компанія бояръ, объединившихся въ одной цѣли овладѣть московскою политикою и направить ее по своему. Вспоминая объ этой компаніи, Грозный раздраженно говорилъ, что эти бояре „ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша“. Нѣтъ сомнѣнія, что „избранная рада“ пыталась захватить правленіе въ свои руки и укрѣпить свое вліяніе на дѣла рядомъ постановленій и обычаевъ, неудобныхъ для московскихъ самодержцевъ. Состоя, повидимому, изъ потомковъ удѣльныхъ князей, „княжатъ“, рада вела политику именно княжескую и потому должна была рано или поздно прійти въ острое столкновеніе съ государемъ, сознающимъ свое полновластіе. Столкновенія и начались съ 1553 года, когда, во время тяжкой болѣзни Грознаго, обнаружилось, что рада желала воцаренія не маленькаго сына Грознаго, Димитрія, а двоюроднаго брата его (Грознаго)—князя Владиміра Андреевича: „оттолѣ бысть вражда велія государю съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ (говоритъ лѣтопись), а въ боярѣхъ смута и мятежъ, а царству почала быти во всемъ скудость“. Полный разрывъ царя съ радою произошелъ около 1560 года, когда удалены были изъ Москвы Сильвестръ и другой царскій любимецъ А. Адашевъ. До тѣхъ же поръ, въ продолженіе 12—13 лѣтъ, правительственная дѣятельность Грознаго шла подъ вліяніемъ „избранной рады“ и отличалась добрыми свойствами. Въ это время была завоевана Казань (1552), занята Астрахань (1556) и были проведены серьезныя реформы.

Завоеваніе Казани имѣло громадное значеніе для народной жизни. Казанская татарская орда связала подъ своею властью въ одно сильное цѣлое сложный инородческій міръ: мордву, черемису, чувашей, вотяковъ, башкиръ. Черемисы за Волгою, на р. Унжѣ и Ветлугѣ, и мордва за Окою задерживали колонизаціонное движеніе Руси на востокъ; а набѣги татаръ и прочихъ „языкъ“ на русскія поселенія страшно вредили имъ, разоряя хозяйства и уводя въ „полонъ“ много русскихъ людей. Казань была хроническою язвою московской жизни, и потому ея взятіе стало народ-

нымъ торжествомъ, воспѣтымъ народною пѣснею. Послѣ взятія Казани, въ теченіе всего 20 лѣтъ, она была превращена въ большой русскій городъ; въ разныхъ пунктахъ инородческаго Поволжья были поставлены укрѣпленные города, какъ опора русской власти и русскаго поселенія. Народная масса потянулась, не медля, на богатыя земли Поволжья и въ лѣсные районы средняго Урала. Громадныя пространства цѣнныхъ земель были замирены московскою властію и освоены народнымъ трудомъ. Въ этомъ заключалось значеніе „Казанскаго взятія", чутко угаданное народнымъ умомъ. Занятіе нижней Волги и Западной Сибири было естественнымъ послѣдствіемъ уничтоженія того барьера, которымъ было для русской колонизаціи Казанское царство.

Одновременно съ казанскими походами Грознаго шла его внутренняя роформа. Начало ея связано съ торжественнымъ „соборомъ", засѣдавшимъ въ Москвѣ въ 1550—1551 годахъ. Это не былъ земскій соборъ въ обычномъ смыслѣ этого термина. Преданіе о томъ, будто бы въ 1550 г. Грозный созвалъ въ Москвѣ представительное собраніе „всякаго чина" изъ городовъ, признается теперь недостовѣрнымъ. Какъ показалъ впервые И. Н. Ждановъ, въ Москвѣ засѣдалъ тогда соборъ духовенства и боярства по церковнымъ дѣламъ и „земскимъ". На этомъ соборѣ или съ его одобренія въ 1550 году былъ „исправленъ" Судебникъ 1497 года, а въ 1551 г. былъ составленъ „Стоглавъ", сборникъ постановленій каноническаго характера. Вчитываясь въ эти памятники и вообще въ документы правительственной дѣятельности тѣхъ лѣтъ, мы приходимъ къ мысли, что тогда въ Москвѣ былъ созданъ цѣлый планъ перестройки мѣстнаго управленія. „Этотъ планъ (говоритъ В. О. Ключевскій) начинался срочною ликвидаціей тяжбъ земства съ кормленщиками, продолжался пересмотромъ Судебника съ обязательнымъ повсемѣстнымъ введеніемъ въ судъ кормленщиковъ, выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ и завершался уставными грамотами, отмѣнявшими кормленія". Такъ какъ примитивная система кормленій не могла удовлетворять требованіямъ времени, росту государства и усложненію общественнаго порядка, то ее рѣшено было замѣнить иными формами управленія. До отмѣны кормленія въ данномъ мѣстѣ кормленщиковъ ставили подъ контроль общественныхъ выборныхъ, а затѣмъ и совсѣмъ замѣняли ихъ органами самоуправленія. Самоуправленіе при этомъ получало два вида: 1) Вѣдѣнію выборныхъ людей передавались *судъ* и *полиція* въ округѣ („губѣ"). Такъ бывало обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе имѣло разносословный характеръ. Въ *губные старосты* выбирались обыкновенно служилые люди, и имъ въ помощь давались выборные же цѣловальники (т. е. присяжные) и дьякъ, составлявшіе особое присутствіе, „губную избу". Избирали вмѣстѣ всѣ классы населенія. 2) Вѣдѣнію выборныхъ людей передавались не только *судъ* и *полиція*, но и *финансовое управленіе:* сборъ податей и

веденіе общиннаго хозяйства. Такъ бывало обыкновенно въ уѣздахъ и волостяхъ со сплошнымъ тяглымъ населеніемъ, гдѣ издавна для податного самоуправленія существовали *земскіе старосты*. Когда этимъ старостамъ передавались функціи и губного института (или, что то же, намѣстничьи), то получалась наиболѣе полная форма самоуправленія, обнимавшая всѣ стороны земской жизни. Представители такого самоуправленія назывались разно: *излюбленные старосты, излюбленные головы, земскіе судьи*. Отмѣна кормленій въ принципѣ была рѣшена около 1555 г. и всѣмъ волостямъ и городамъ предоставлено было переходить къ новому порядку самоуправленія. „Кормленщики" должны были впредь оставаться безъ „кормовъ", и правительству надобны были средства, чтобы чѣмъ либо замѣнить кормы. Для полученія такихъ средствъ было установлено, что города и волости должны за право самоуправленія вносить въ государеву казну особый оброкъ, получившій названіе „кормленаго окупа". Онъ поступалъ въ особыя кассы, „казны", получившія наименованіе „четвертей" или „четей"; а бывшіе кормленщики получили право на ежегодные „уроки" или жалованье „изъ чети" и стали называться „четвертчиками".

Въ связи съ реформою мѣстнаго управленія и одновременно съ нею шли мѣры, направленныя къ организаціи служилаго класса. Служилые люди дѣлились на „статьи" или разряды. Изъ общей ихъ массы въ 1550 году была выдѣлена избранная *тысяча* лучшихъ дѣтей боярскихъ и надѣлена помѣстными землями въ окрестностяхъ Москвы („подмосковныя"). Такъ образовался разрядъ „дворянъ московскихъ", служившихъ по „московскому списку". Остальные служили „съ городовъ" и назывались дѣтьми боярскими „дворными" и „городовыми" (позднѣе „дворянами" и „дѣтьми боярскими"). Въ 1550-хъ годахъ былъ установленъ порядокъ дворянской службы (устроены „сотни" подъ начальствомъ „головъ"); была опредѣлена норма службы съ вотчинъ и помѣстій (съ каждыхъ 100 четвертей или полудесятинъ „доброй" земли „человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣ"); было регламентировано мѣстничество. Словомъ, былъ внесенъ извѣстный порядокъ въ жизнь, службу и хозяйство служилаго класса, представлявшаго собою до тѣхъ поръ мало дисциплинированную массу.

Если рядомъ съ этими мѣрами припомнимъ мѣры, приведенныя въ Стоглавѣ относительно улучшенія церковной администраціи, поддержанія церковнаго благочинія и исправленія нравовъ,—то поймемъ, что задуманный Грознымъ и его „радою" кругъ реформъ былъ очень широкъ и по замыслу долженъ былъ обновить всѣ стороны московской жизни. Но правительство Грознаго не могло вполнѣ успѣшно вести преобразовательное дѣло по той причинѣ, что въ немъ самомъ не было согласія и единодушія. Уже въ 1552—1553 гг. Грозный въ офиціальной лѣтописи

жалуется на бояръ, что они „Казанское строеніе поотложиша“, такъ какъ занялись внутреннею реформою, и что они не хотѣли служить его сыну, а передались на сторону князя Владиміра Андреевича. Въ 1557—1558 г. у Грознаго вышло столкновеніе съ боярами изъ-за ливонской войны, которой, повидимому, боярская рада не желала. А въ 1560 году, съ кончиною жены Грознаго Анастасіи Романовны, у Грознаго съ его совѣтниками произошелъ прямой разрывъ. Сильвестръ и Адашевъ были сосланы, попытки бояръ ихъ вернуть повели къ репрессіямъ; однако эти репрессіи еще не доходили до кровавыхъ казней. Гоненія получили рѣшительный и жестокій характеръ только въ связи съ отъѣздами („измѣною“) бояръ. Замѣтивъ наклонность недовольныхъ къ отъѣздамъ, Грозный бралъ съ бояръ, подозрѣваемыхъ въ желаніи отъѣхать въ Литву, обязательства не отъѣзжать за поручительствомъ нѣсколькихъ лицъ; такими „поручными грамотами“ онъ связалъ все боярство. Но отъѣзды недовольныхъ все-таки бывали, и въ 1564 году успѣлъ бѣжать въ Литву князь Андрей Михайловичъ Курбскій, бросивъ ввѣренныя ему на театрѣ войны войска и крѣпость. Принадлежа къ составу избранной рады, онъ пытался объяснить и оправдать свой побѣгъ „нестерпимою яростію и горчайшею ненавистью“ Грознаго къ боярамъ его стороны. Грозный отвѣтилъ Курбскому обличительнымъ письмомъ, въ которомъ противополагалъ обвиненіямъ боярина свои обвиненія противъ бояръ. Обѣ стороны—монархъ, стремившійся „самъ править“, и князь-бояринъ, представлявшій принципъ боярской олигархіи,—обмѣнялись мыслями съ рѣдкою откровенностью и рѣзкостью. Бестужевъ-Рюминъ въ своей „Русской Исторіи“ первый выяснилъ, что въ этомъ вопросѣ о царской власти и притязаніяхъ бояръ-княжатъ основа была династическая. Потомки старой русской династіи, „княжата“, превратившись въ служилыхъ бояръ своего сородича московскаго царя, требовали себѣ участія во власти; а царь мнилъ ихъ за простыхъ подданныхъ, которыхъ у него „не одно сто“, и потому отрицалъ всѣ ихъ притязанія. Въ полемикѣ Грознаго съ Курбскимъ вскрывался истинный характеръ „избранной рады“, которая очевидно служила орудіемъ не бюрократически-боярской, а удѣльно-княжеской политики, и желала ограниченія царской власти не въ пользу учрежденія (думы), а въ пользу извѣстной общественной среды (княжатъ).

Опричнина. Такой характеръ оппозиціи привелъ Грознаго къ рѣшимости уничтожить радикальными мѣрами значеніе княжатъ, пожалуй даже и совсѣмъ ихъ погубить. Совокупность этихъ мѣръ, направленныхъ на родовую аристократію, называется *опричниною*. Суть опричнины состояла въ томъ, что Грозный примѣнилъ къ территоріи старыхъ удѣльныхъ княжествъ, гдѣ находились вотчины служилыхъ князей-бояръ, тотъ порядокъ, какой обыкновенно примѣнялся Москвою въ завоеванныхъ земляхъ. И отецъ и дѣдъ Грознаго, слѣдуя московской правительственной

традиціи, при покореніи Новгорода, Пскова и иныхъ мѣстъ выводили оттуда наиболѣе видныхъ и для Москвы опасныхъ людей въ свои внутреннія области, а въ завоеванный край посылали поселенцевъ изъ коренныхъ московскихъ мѣстъ. Это былъ испытанный пріемъ ассимиляціи, которою московскій государственный организмъ усваивалъ себѣ новые общественные элементы. Въ особенности ясенъ и дѣйствителенъ былъ этотъ пріемъ въ Великомъ Новгородѣ при Иванѣ III и въ Казани при самомъ Иванѣ IV. Лишаемый мѣстной руководящей среды, завоеванный край немедля получалъ такую же среду изъ Москвы и начиналъ вмѣстѣ съ нею тяготѣть къ общему центру—Москвѣ. То, что удавалось съ врагомъ внѣшнимъ, Грозный задумалъ испытать съ врагомъ внутреннимъ. Онъ рѣшилъ вывести изъ удѣльныхъ наслѣдственныхъ вотчинъ ихъ владѣльцевъ княжатъ и поселить ихъ въ отдаленныхъ отъ ихъ прежней осѣдлости мѣстахъ, тамъ, гдѣ не было удѣльныхъ воспоминаній и удобныхъ для оппозиціи условій; на мѣсто же выселенной знати онъ селилъ служебную мелкоту на мелкопомѣстныхъ участкахъ, образованныхъ изъ старыхъ большихъ вотчинъ. Исполненіе этого плана Грозный обставилъ такими подробностями, которыя возбудили недоумѣніе современниковъ. Онъ началъ съ того, что въ декабрѣ 1564 года покинулъ Москву безвѣстно и только въ январѣ 1565 года далъ о себѣ вѣсть изъ Александровской слободы. Онъ грозилъ оставить свое царство изъ-за боярской измѣны и остался во власти, по моленію москвичей, только подъ условіемъ, что ему на измѣнниковъ „опала своя класти, а иныхъ казнити, и животы ихъ и статки (имущество) имати, а учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину: дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной". Борьба съ „измѣною" была цѣлью; опричнина же была средствомъ. Новый дворъ Грознаго состоялъ изъ бояръ и дворянъ, новой „тысячи головъ", которую отобрали такъ же, какъ въ 1550 году отобрали тысячу лучшихъ дворянъ для службы по Москвѣ. Первой тысячѣ дали тогда подмосковныя помѣстья; второй—Грозный даетъ помѣстья въ тѣхъ городахъ, „которые городы поималъ въ опришнину"; это и были опричники, предназначенные смѣнить опальныхъ княжатъ на ихъ удѣльныхъ земляхъ. Число опричниковъ росло, потому что росло количество земель, забираемыхъ въ опричнину. Грозный на всемъ пространствѣ старой удѣльной Руси, по его собственному выраженію, „перебиралъ людишекъ", иныхъ „отсылалъ", а другихъ „принималъ". Въ теченіе 20 послѣднихъ лѣтъ царствованія Грознаго опричнина охватила полгосударства и разорила всѣ удѣльныя гнѣзда, разорвавъ связь „княженецкихъ родовъ" съ ихъ удѣльными территоріями и сокрушивъ княжеское землевладѣніе. Княжата были выброшены на окраины государства, остававшіяся въ старомъ порядкѣ управленія и носившія названія „земщины" или „земскаго". Такъ какъ управленіе опричнинскими землями требовало сложной организаціи,

то въ новомъ „дворѣ“ Грознаго мы видимъ особыхъ бояръ (думу), особыхъ „дворовыхъ“, дьяковъ, приказы, словомъ весь правительственный механизмъ, параллельный государственному; видимъ особую казну, въ которую поступаютъ податные платежи съ опричнинскихъ земель. Для усиленія средствъ опричнины Грозный „поймалъ“ въ опричнину весь московскій сѣверъ. Мало по малу опричнина разрослась до громадныхъ размѣровъ и раздѣлила государство на двѣ враждебныхъ одна другой половины. Ниже будутъ указаны послѣдствія этой своеобразной „реформы“ Грознаго, обратившаго на свою землю пріемы покоренія чужихъ земель; здѣсь же замѣтимъ, что прямая цѣль опричнины была достигнута, и всякая оппозиція сломлена. Достигалось это не только системою принудительныхъ переселеній ненадежныхъ людей, но и мѣрами террора. Опалы, ссылки и казни заподозрѣнныхъ лицъ, насилія опричниковъ надъ „измѣнниками“, чрезвычайная распущенность Грознаго, жестоко истязавшаго своихъ подданныхъ во время оргій,—все это приводило Москву въ трепетъ и робкое смиреніе предъ тираномъ. Тогда еще никто не понималъ, что этотъ терроръ больше всего подрывалъ силы самого правительства и готовилъ ему жестокія неудачи внѣ и кризисъ внутри государства. До какихъ причудъ и странностей могли доходить эксцессы Грознаго, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, Новгородскій погромъ, а съ другой вокняженіе Симеона Бекбулатовича. Въ 1570 году по какому то подозрѣнію Грозный устроилъ цѣлый походъ на Новгородъ, по дорогѣ разорилъ Тверской уѣздъ, а въ самомъ Новгородѣ изъ 6000 дворовъ (круглымъ счетомъ) запустошилъ около 5000 и навсегда ослабилъ Новгородъ. За то онъ „пожаловалъ“, тогда же взялъ въ опричнину половину разореннаго города и двѣ Новгородскія пятины; а вернувшись въ Москву, опалился на тѣхъ, кто внушилъ ему злобу на новгородцевъ. Въ 1575 г. онъ сдѣлалъ „великимъ княземъ всея Русіи“ крещенаго татарскаго „царя“ (то есть хана) Симеона Бекбулатовича, а самъ сталъ звать себя „княземъ московскимъ“. Царскій титулъ какъ бы исчезъ совсѣмъ, и опричнина стала „дворомъ“ московскаго князя, а „земское“ стало великимъ княженіемъ всея Руси. Менѣе чѣмъ черезъ годъ татарскій „царь“ былъ сведенъ съ Москвы на Тверь, а въ Москвѣ все стало попрежнему. Можно не вѣрить вполнѣ тѣмъ розсказнямъ о казняхъ и жестокостяхъ Грознаго, которыми занимали Европу западные авантюристы, побывавшіе въ Москвѣ; но нельзя не признать, что терроръ, устроенный Грознымъ, былъ вообще ужасенъ и подготовлялъ страну къ смутѣ и междоусобію. Это понимали и современники Грознаго; напримѣръ, Иванъ Тимофеевъ въ своемъ „Временникѣ“ говоритъ, что Грозный, „божіими людьми играя“, раздѣленіемъ своей земли самъ „прообразовалъ розгласіе“ ея, то есть смуту.

Ливонская война. Параллельно внутренней ломкѣ и борьбѣ съ 1558 года шла у Грознаго упорная борьба за балтійскій берегъ. Балтійскій

вопросъ былъ въ то время одною изъ самыхъ сложныхъ международныхъ проблемъ. За преобладаніе на Балтикѣ спорили многія прибалтійскія государства, и стараніе Москвы стать на морскомъ берегу твердою ногою поднимало противъ „московитовъ“ и Швецію, и Польшу, и Германію. Надобно признать, что Грозный выбралъ удачную минуту для вмѣшательства въ борьбу. Ливонія, на которую онъ направилъ свой ударъ, представляла въ ту пору, по удачному выраженію, страну антагонизмовъ. Въ ней шла вѣковая племенная борьба между нѣмцами и аборигенами края—латышами, ливами и эстами. Эта борьба принимала нерѣдко видъ остраго соціальнаго столкновенія между пришлыми феодальными господами и крѣпостною туземною массою. Съ развитіемъ реформаціи въ Германіи религіозное броженіе перешло и въ Ливонію, подготовляя секуляризацію орденскихъ владѣній. Наконецъ, ко всѣмъ прочимъ антагонизмамъ присоединялся и политическій: между властями Ордена и архіепископомъ рижскимъ была хроническая распря за главенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ шла постоянная борьба съ ними городовъ за самостоятельность. Ливонія, по выраженію Бестужева-Рюмина, „представляла собою миніатюрное повтореніе Имперіи безъ объединяющей власти цезаря“. Разложеніе Ливоніи не укрылось отъ Грознаго. Москва требовала отъ Ливоніи признанія зависимости и грозила завоеваніемъ. Былъ поднятъ вопросъ о такъ называемой Юрьевской (Дерптской) дани. Изъ мѣстнаго обязательства г. Дерпта платить за что-то великому князю „пошлину“ или дань Москва сдѣлала поводъ къ установленію своего патроната надъ Ливоніей, а затѣмъ и для войны. Въ два года (1558—1560) Ливонія была разгромлена московскими войсками и распалась. Чтобы не отдаваться ненавистнымъ московитамъ, Ливонія по частямъ поддалась другимъ сосѣдямъ: Лифляндія была присоединена къ Литвѣ, Эстляндія—къ Швеціи, о. Эзель—къ Даніи, а Курляндія была секуляризирована въ ленной зависимости отъ польскаго короля. Литва и Швеція потребовали отъ Грознаго, чтобы онъ очистилъ ихъ новыя владѣнія. Грозный не пожелалъ, и такимъ образомъ война Ливонская съ 1560 года переходитъ въ войну Литовскую и Шведскую.

Эта война затянулась надолго. Вначалѣ Грозный имѣлъ большой успѣхъ въ Литвѣ: въ 1563 году онъ взялъ Полоцкъ и его войска доходили до самой Вильны. Въ 1565—1566 годахъ Литва готова была на почетный для Грознаго миръ и уступала Москвѣ всѣ ея пріобрѣтенія. Но земскій соборъ 1566 года высказался за продолженіе войны съ цѣлью дальнѣйшихъ земельныхъ пріобрѣтеній: желали всей Ливоніи и Полоцкаго повѣта къ г. Полоцку. Война продолжалась вяло. Со смертью послѣдняго Ягеллона (1572), когда Москва и Литва были въ перемиріи, возникла даже кандидатура Грознаго на престолъ Литвы и Польши, объединенныхъ въ Рѣчь Посполитую. Но кандидатура эта не имѣла удачи:

избранъ былъ сперва Генрихъ Валуа, а затѣмъ (1576) семиградскій князь Стефанъ Баторій (по-московски „Обатуръ“). Съ появленіемъ Баторія картина войны измѣнилась. Литва изъ обороны перешла въ наступленіе. Баторій взялъ у Грознаго Полоцкъ (1579), затѣмъ Великія Луки (1580) и, внеся войну въ предѣлы Московскаго государства, осадилъ Псковъ (1581). Грозный былъ побѣжденъ не потому только, что Баторій имѣлъ воинскій талантъ и хорошее войско, но и потому еще, что къ данному времени у Грознаго изсякли средства веденія войны. Вслѣдствіе внутренняго кризиса, поразившаго въ то время Московское государство и общество, страна, по современному выраженію, „въ пустошь изнурилась и въ запустѣніе пришла“. О свойствахъ и значеніи этого кризиса будетъ рѣчь ниже; теперь же замѣтимъ, что тотъ же недостатокъ силъ и средствъ парализовалъ успѣхъ Грознаго и противъ шведовъ въ Эстляндіи. Неудача Баторія подъ Псковомъ, который геройски защищался, дозволила Грозному, при посредствѣ папскаго посла іезуита Поссевина (Antonius Possevinus), начать переговоры о мирѣ. Въ 1582 г. былъ заключенъ миръ (точнѣе, перемиріе на 10 лѣтъ) съ Баторіемъ, которому Грозный уступилъ всѣ свои завоеванія въ Лифляндіи и Литвѣ, а въ 1583 г. Грозный помирился и со Швеціей на томъ, что уступилъ ей Эстляндію и сверхъ того свои земли отъ Наровы до Ладожскаго озера по берегу Финскаго залива (Иванъ-городъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ, Корелу). Такимъ образомъ борьба, тянувшаяся четверть вѣка, окончилась полною неудачею. Причины неудачи находятся, конечно, въ несоотвѣтствіи силъ Москвы съ поставленною Грознымъ цѣлью. Но это несоотвѣтствіе обнаружилось позднѣе, чѣмъ Грозный началъ борьбу: Москва стала клониться къ упадку только съ 70-хъ годовъ XVI вѣка. До тѣхъ же поръ ея силы казались громадными не только московскимъ патріотамъ, но и врагамъ Москвы. Выступленіе Грознаго въ борьбѣ за Балтійское поморье, появленіе русскихъ войскъ у Рижскаго и Финскаго заливовъ и наемныхъ московскихъ каперскихъ судовъ на Балтійскихъ водахъ поразило среднюю Европу. Въ Германіи „московиты“ представлялись страшнымъ врагомъ; опасность ихъ нашествія расписывалась не только въ офиціальныхъ сношеніяхъ властей, но и въ обширной летучей литературѣ листковъ и брошюръ. Принимались мѣры къ тому, чтобы не допускать ни московитовъ къ морю, ни европейцевъ въ Москву и, разобщивъ Москву съ центрами европейской культуры, воспрепятствовать ея политическому усиленію. Въ этой агитаціи противъ Москвы и Грознаго измышлялось много недостовѣрнаго о московскихъ нравахъ и деспотизмѣ Грознаго, и серьезный историкъ долженъ всегда имѣть въ виду опасность повторить политическую клевету, принявъ ее за объективный историческій источникъ.

Къ тому, что сказано о политикѣ Грознаго и событіяхъ его времени,

необходимо прибавить упоминаніе о весьма извѣстномъ фактѣ появленія англійскихъ кораблей въ устьяхъ С. Двины и о началѣ торговыхъ сношеній съ Англіей (1553—1554), а также о завоеваніи Сибирскаго царства отрядомъ Строгановскихъ казаковъ съ Ермакомъ во главѣ (1582—1584). И то и другое для Грознаго было случайностью; но и тѣмъ и другимъ московское правительство сумѣло воспользоваться. Въ 1584 г. на устьяхъ С. Двины былъ устроенъ Архангельскъ, какъ морской портъ для ярмарочнаго торга съ англичанами, и англичанамъ была открыта возможность торговыхъ операцій на всемъ русскомъ сѣверѣ, который они очень быстро и отчетливо изучили. Въ тѣ же годы началось занятіе Западной Сибири уже силами правительства, а не однихъ Строгановыхъ, а въ Сибири были поставлены многіе города со „стольнымъ“ Тобольскомъ во главѣ.

Южная граница. Въ самое мрачное и жестокое время правленія Грознаго, въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія, Московское правительство поставило себѣ большую и сложную задачу устроить заново охрану отъ татаръ южной границы государства, носившей названіе „берега“, потому что долго эта граница совпадала на дѣлѣ съ берегомъ средней Оки. Въ серединѣ XVI вѣка на востокъ и на западъ отъ этого берега средней Оки, подъ прикрытіемъ старинныхъ крѣпостей на верхней Окѣ, „верховскихъ“, и рязанскихъ, населеніе чувствовало себя болѣе или менѣе въ безопасности; но между верхнею Окою и верхнимъ Дономъ и на рѣкахъ Упѣ, Пронѣ и Осетрѣ русскіе люди до послѣдней трети XVI вѣка были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексинъ, Одоевъ, Тула, Зарайскъ и Михайловъ не могли дать пріютъ и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на тульскомъ и пронскомъ черноземѣ. Не могли эти крѣпости и задерживать шайки татаръ въ ихъ быстромъ и скрытномъ движеніи къ берегамъ средней Оки. Надо было защитить надежнымъ образомъ населеніе окраины и дороги внутрь страны, въ Замосковье. Московское правительство берется за эту задачу. Оно сначала укрѣпляетъ мѣста по верховьямъ Оки и Дона, затѣмъ укрѣпляетъ линію рѣки Быстрой Сосны, переходитъ на линію верхняго Сейма и, наконецъ, занимаетъ крѣпостями теченіе рѣки Оскола и верховье Сѣвернаго (или Сѣверскаго) Донца. Все это дѣлается въ теченіе всего четырехъ десятилѣтій, съ энергическою быстротою и по извѣстному плану, который легко открывается позднѣйшему наблюдателю, несмотря на скудость историческаго матеріала для изученія этого дѣла.

Порядокъ обороны южной границы Московскаго государства былъ таковъ. Для отраженія врага строились крѣпости и устраивалась укрѣпленная пограничная черта изъ валовъ и засѣкъ, а за укрѣпленіями ставились войска. Для наблюденія же за врагомъ и для предупрежденія его нечаянныхъ набѣговъ выдвигались въ „поле“ за линію укрѣпленій

наблюдательные посты—„сторожи“ и разъѣзды—„станицы“. Вся эта сѣть укрѣпленій и наблюдательныхъ пунктовъ мало по малу спускалась съ сѣвера на югъ, слѣдуя по тѣмъ полевымъ дорогамъ, которыя служили и отрядамъ татаръ. Преграждая эти дороги засѣками и валами, затрудняли доступы къ бродамъ черезъ рѣки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крѣпостью, мѣсто для которой выбиралось съ большою осмотрительностью, иногда даже въ сторонѣ отъ татарской дороги, но такъ, чтобы крѣпость командовала надъ этою дорогою. Каждый шагъ на югъ, конечно, опирался на уже существовавшую цѣпь укрѣпленій; каждый городъ, возникавшій на „полѣ“, строился трудами людей, взятыхъ изъ другихъ „украинныхъ“ и „польскихъ“ (полевыхъ) городовъ, населялся ими же и становился по службѣ въ тѣсную связь со всею сѣтью прочихъ городовъ. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряженіями, но и всѣмъ складомъ боевой порубежной жизни. Весь югъ Московскаго государства представлялъ собою одинъ хорошо организованный военный округъ.

Въ этомъ военномъ округѣ всѣ правительственныя дѣйствія и весь складъ общественной жизни опредѣлялись военными потребностями и имѣли одну цѣль—народную оборону. Необычная планомѣрность и согласованность мѣропріятій въ этомъ отношеніи являлась результатомъ „общаго совѣта“—съѣзда знатоковъ южной окраины, созванныхъ въ Москву въ 1571 году и работавшихъ подъ руководствомъ бояръ, кн. М. И. Воротынскаго и Н. Р. Юрьева. Этимъ совѣтомъ и былъ выработанъ планъ защиты границъ, приноровленный къ мѣстнымъ условіямъ и систематически затѣмъ исполненный на дѣлѣ. Свойства врага, котораго надлежало здѣсь остерегаться и съ которымъ приходилось бороться, были своеобразны; это былъ степной хищникъ, подвижной и дерзкій, но въ то же время нестойкій и неуловимый. Онъ „искрадывалъ“ русскую украйну, а не воевалъ ее открытою войною; онъ полонилъ, грабилъ и пустошилъ страну, но не завоевывалъ ея; онъ держалъ московскихъ людей въ постоянномъ страхѣ своего набѣга, но въ то же время не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которыя налеталъ внезапно, но короткою грозою. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организаціи, предназначенной на борьбу съ такимъ врагомъ. Рядъ крѣпостей стоялъ на границѣ; въ нихъ жилъ постоянный гарнизонъ и было приготовлено мѣсто для окрестнаго населенія, на тотъ случай, если ему при нашествіи врага будетъ необходимо и возможно, по времени, укрыться за стѣны крѣпости. Изъ крѣпостей разсылаются развѣдочные отряды для наблюденія за появленіемъ татаръ, а въ опредѣленное время года въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ собираются большія массы войскъ въ ожиданіи крупнаго набѣга крымскаго „царя“. Всѣ мелочи крѣпостной жизни, всѣ маршруты развѣдочныхъ

партій, вся „береговая" или „польная" служба, какъ ее называли,— словомъ вся совокупность оборонительныхъ мѣръ опредѣлена наказами и „росписами". Самымъ мелочнымъ образомъ заботятся о томъ, чтобы быть „усторожливѣе", и предписываютъ крайнюю осмотрительность. А между тѣмъ, несмотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впредъ, все южнѣе, земледѣльческое и промышленное населеніе; оно не только безъ разрѣшенія, но и безъ вѣдома власти осѣдаетъ на новыхъ землицахъ, въ своихъ „юртахъ", пашенныхъ заимкахъ и звѣропромышленныхъ угодьяхъ. Стремленіе московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предпріимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ защитою поселенца была уже не засѣка или городской валъ, а природныя „крѣпости": лѣсная чаща и теченіе лѣсной же рѣчки. Недоступный конному степняку-грабителю, лѣсъ для русскаго поселенца былъ и убѣжищемъ и кормильцомъ. Рыболовство въ лѣсныхъ озерахъ и рѣкахъ, охота и бортничество привлекло поселенцевъ именно въ лѣса. Одинъ изъ изслѣдователей заселенія нашего „поля" (Миклашевскій), отмѣчая расположеніе поселковъ на украйнѣ по рѣкамъ и лѣсамъ, справедливо говоритъ, что „русскій человѣкъ, передвигавшійся изъ сѣверныхъ областей государства, не поселялся въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ; не лѣсъ, а степь останавливала его движеніе". Такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною заимкою „поля" происходила и частная. И та и другая, изучивъ свойства врага и средства борьбы съ нимъ, шли смѣло впередъ; и та и другая держались рѣкъ и пользовались лѣсными пространствами для обороны дорогъ и жилищъ: тѣмъ чаще должны были встрѣчаться и вліять другъ на друга оба колонизаторскихъ движенія. И дѣйствительно, правительство часто настигало поселенцевъ на ихъ „юртахъ", оно налагало свою руку на частнозаимочныя земли, оставляло ихъ въ пользованіи владѣльцевъ уже на помѣстномъ правѣ и привлекало населеніе вновь занятыхъ мѣстъ къ офиціальному участію въ оборонѣ границы. Оно въ данномъ случаѣ опиралось на ранѣе сложившуюся здѣсь хозяйственную дѣятельность и пользовалось уже существовавшими здѣсь общественными силами. Но въ свою очередь вновь занимаемая правительствомъ позиція становилась базисомъ дальнѣйшаго народнаго движенія въ „поле": отъ новыхъ крѣпостей шли далѣе новыя заимки. Подобнымъ взаимодѣйствіемъ всего лучше можно объяснить тотъ изумительно быстрый успѣхъ въ движеніи на югъ московскаго правительства, съ которымъ мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ. Остерегаясь общаго врага, обѣ силы, и общество и правительство, въ то же время какъ бы наперерывъ идутъ ему навстрѣчу и взаимною поддержкою умножаютъ свои силы и энергію. Знакомясь съ дѣломъ быстрой и систематической заимки „дикаго поля", мы удивляемся тому,

что это широкое предпріятіе организовалось и выполнялось въ тѣ годы, когда, по привычнымъ представленіямъ, въ Москвѣ существовалъ лишь терроръ „умалишеннаго тирана“.

Оцѣнка Грознаго. Таковъ краткій обзоръ фактовъ дѣятельности Грознаго. Эти факты не всегда намъ извѣстны точно; не всегда ясна въ нихъ личная роль и личное значеніе самого Грознаго. Мы не можемъ опредѣлить ни чертъ его характера, ни его правительственныхъ способностей съ тою ясностью и положительностью, какой требуетъ научное знаніе. Отсюда—ученая разноголосица въ оцѣнкѣ Грознаго. Старые историки здѣсь были въ полной зависимости отъ разнорѣчивыхъ источниковъ. Кн. Щербатовъ сознается въ этомъ, говоря, что Грозный представляется ему „въ столь разныхъ видахъ“, что „часто не единымъ человѣкомъ является“. Карамзинъ разнорѣчіе источниковъ относитъ къ двойственности самого Грознаго и думаетъ, что Грозный пережилъ глубокій внутренній переломъ и паденіе: „характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка“, говоритъ онъ. Позже было выяснено пристрастіе отзывовъ о Грозномъ, какъ шедшихъ съ его стороны, отъ офиціальной московской письменности, такъ и враждебныхъ ему, своихъ и иноземныхъ. Историки пытались, учтя это одностороннее пристрастіе современниковъ, освободиться отъ него и дать свое освѣщеніе личности Грознаго. Одни стремились къ психологической характеристикѣ Ивана. Они рисовали его или съ чертами идеализаціи, какъ передовую непонятую вѣкомъ личность (Кавелинъ), или какъ человѣка малоумнаго (Костомаровъ) и даже помѣшаннаго (П. Ковалевскій). Болѣе тонкія характеристики были даны Ю. Самаринымъ, подчеркнувшимъ несоотвѣтствіе умственныхъ силъ Грознаго съ слабостью его воли, и И. Н. Ждановымъ, который считалъ Грознаго умнымъ и талантливымъ, но „неудавшимся“ и потому болѣзненно раздраженнымъ человѣкомъ. Всѣ такого рода характеристики, даже тогда, когда онѣ остроумны, красивы и вѣроподобны, все таки произвольны: личный характеръ Грознаго остается загадкою. Тверже стоятъ тѣ отзывы о Грозномъ, которые имѣютъ въ виду опредѣлить его политическія способности и понять его государственное значеніе. Послѣ оцѣнки, данной Грозному Соловьевымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и др., ясно, что мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ дѣльцомъ, понимавшимъ политическую обстановку и способнымъ на широкую постановку правительственныхъ задачъ. Одинаково и тогда, когда съ „избранною радою“ Грозный велъ свои первыя войны и реформы, и тогда, когда позднѣе, безъ рады, онъ совершалъ свой государственный переворотъ въ опричнинѣ, бралъ Ливонію и Полоцкъ и колонизовалъ „дикое поле“,—онъ выступаетъ передъ нами съ широкою программою и значительной энергіей. Самъ ли онъ ведетъ свое правительство или только умѣетъ выбрать вожаковъ,—все

равно: это правительство всегда обладаетъ необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имѣетъ успѣхъ и удачу. Не даромъ шведскій король Іоаннъ, въ противоположность Грозному, называлъ его преемника московскимъ словомъ „durak“, отмѣчая, что со смертью Грознаго въ Москвѣ не стало умнаго и сильнаго государя.

Московское государство передъ смутою.

Политическое противорѣчіе въ московской жизни XVI вѣка.

Обратимся теперь къ характеристикѣ тѣхъ основныхъ явленій московской государственной и общественной жизни, которыми опредѣлилось содержаніе труднѣйшаго кризиса, пережитаго московскимъ государствомъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій.

Въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать *политическимъ* и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: „это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи привелъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи“. Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было *соціальнымъ* и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ, вызванныхъ необходимостью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ „тяглыхъ жеребьевъ“ на черныхъ и частно-владѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія, въ своемъ развитіи во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое „Смутное время“. Нельзя, по нашему разумѣнію, приступить къ изложенію этого времени, не ознакомясь съ условіями, его создавшими, и не сдѣлавъ хотя краткаго отступленія объ эпохѣ сложенія московскаго государственнаго и общественнаго строя.

Въ понятіе власти московскаго государя входили два признака, одинаково существенныхъ и характерныхъ для нея. Во-первыхъ, власть московскаго государя имѣла патримоніальный характеръ. Происходя изъ удѣльной старины, она была прямою преемницею вотчинныхъ правъ и понятій, отличавшихъ власть московскихъ князей XIV—XV вѣка. Какъ въ старое время всякій удѣлъ былъ наслѣдственною собственностью, вотчиною своего „государя", удѣльнаго князя, такъ и все московское государство, ставшее на мѣстѣ старыхъ удѣловъ, признавалось „вотчиною" царя и великаго князя. Съ московскаго государства это понятіе вотчины переносилось даже на всю Русскую землю, на тѣ ея части, которыми московскіе государи не владѣли, но надѣялись владѣть: „не то одно наша вотчина", говорили московскіе князья литовскимъ, „кои городы и волости нынѣ за нами, а вся Русская земля... изъ старины отъ нашихъ прародителей наша вотчина". Вся полнота владѣльческихъ правъ князя на наслѣдственный удѣлъ была усвоена московскими государями и распространена на все государство. На почвѣ этой удѣльной преемственности и выросли тѣ понятія и привычки, которыя Грозный выражалъ словами: „жаловати есмы своихъ холопей вольны, а и казнити вольны же есмы". И самъ Грозный считалъ себя собственникомъ своей земли, и люди его времени смотрѣли на государство, какъ на „домъ" или хозяйство государя. Любопытно, что одинъ изъ самыхъ впечатлительныхъ и непосредственныхъ, несмотря на вычурность слога, писателей конца XVI и начала XVII вѣка, Иванъ Тимоѳеевъ, обсуждая послѣдствія прекращенія московской династіи, всегда прибѣгалъ къ сравненію государства съ „домомъ сильножителя": очевидно, такая аналогія жила въ умахъ той эпохи. Во вторыхъ, власть московскаго государя отличалась національнымъ характеромъ. Московскіе великіе князья, распространяя свои удѣльныя владѣнія и ставъ сильнѣйшими среди сѣверно-русскихъ владѣтелей, были призваны исторіею къ дѣятельности высшаго порядка, чѣмъ ихъ прославленное удѣльное „скопидомство". Имъ, какъ наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ, пришлось взять на себя задачу народнаго освобожденія отъ татаръ. Рано стали они копить силы для борьбы съ татарами и гадать о томъ, когда „Богъ перемѣнитъ Орду". Во второй половинѣ XIV вѣка борьба съ Ордою началась, и на Куликовомъ полѣ московскій князь впервые выступилъ борцомъ не только за свой удѣльный интересъ, но и за общее народное дѣло. Съ той поры значеніе московскихъ великихъ князей стало измѣняться: народное чувство превратило ихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей въ народныхъ вождей, и уже Дмитрій Донской заслужилъ отъ книжниковъ эпитетъ „царя русскаго". Пріобрѣтеніе Москвою новыхъ земель перестало быть простымъ собираніемъ „примысловъ" и пріобрѣло характеръ объединенія великорусскихъ земель подъ единою національною властью. Трудно рѣшить, что шло впереди:

политическая ли прозорливость московскаго владѣтельнаго рода или же самосознаніе народныхъ массъ; но только во второй половинѣ XV вѣка національное государство уже сложилось и вело сознательную политику; ко времени же Грознаго готовы были и всѣ тѣ политическія теоріи, которыя провозгласили Москву „новымъ Израилемъ", а московскаго государя „царемъ православія". Обѣ указанныя черты—вотчинное происхожденіе и національный характеръ—самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяли на положеніе царской власти въ XVI вѣкѣ. Если государь былъ вотчинникомъ своего царства, то оно ему принадлежало, какъ собственность, со всею безусловностью владѣльческихъ правъ. Это и выражалъ Грозный, говоря, что онъ „родителей своихъ благословеніемъ *свое* взялъ, а не чужое восхитилъ". Если власть государя опиралась на сознаніе народной массы, которая видѣла въ царѣ и великомъ князѣ всея Руси выразителя народнаго единства и символъ національной независимости, то очевиденъ демократическій складъ этой власти и очевидна ея независимость отъ какихъ бы то ни было частныхъ авторитетовъ и силъ въ странѣ. Такимъ образомъ, *московская власть была властью абсолютною и демократическою.*

Рядомъ же съ этою властью въ XV—XVI вѣкахъ, во главѣ административнаго и соціальнаго московскаго порядка, находилось московское боярство, исторія котораго съ такимъ интерессомъ и успѣхомъ изучалась въ послѣдніе десятилѣтія. Однако, это изученіе не привело еще изслѣдователей къ единомыслію. Не всѣ одинаково смотрятъ на положеніе боярства въ XVI вѣкѣ. Однимъ оно представляется слабою политически средою, которая, внѣ служебныхъ отношеній, не имѣла ни внѣшняго устройства, ни внутренняго согласія, ни вліянія на массы, и, стало быть, не могла выступить на борьбу съ властью за какой-либо сословный интересъ. Съ этой точки зрѣнія гоненіе Грознаго на бояръ объясняется проявленіемъ ничѣмъ не оправдываемаго тиранства. Другимъ наблюдателямъ, напротивъ, боярство представляется какъ олигархическій организованный въ партіи кругъ знатнѣйшихъ фамилій, которыя стремятся къ господству въ государствѣ и готовы на явную и тайную борьбу за вліяніе и власть. Такая точка зрѣнія освѣщаетъ политику Грознаго относительно бояръ совершенно иначе. Грозный только оборонялся отъ направленныхъ на него козней, „за себя сталъ", по его собственному выраженію. Наконецъ, третьи не считаютъ возможнымъ ни отрицать политическія притязанія боярства, ни преувеличивать значеніе происходившихъ между властью и боярами столкновеній до размѣровъ правильной политической борьбы. Боярство, по этому послѣднему взгляду, было родовою аристократіею, которая притязала на первенствующее положеніе при дворѣ и въ государствѣ именно въ силу своего происхожденія. Но эти притязанія не имѣли въ виду ограничить

державную власть или вообще измѣнить государственный порядокъ. Въ свою очередь и власть до середины XVI вѣка не противопоставляла ничего опредѣленнаго боярскимъ притязаніямъ, не подавляла ихъ систематично и круто, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считала для себя обязательнымъ ихъ удовлетворять или даже признавать. Неопредѣленность стремленій и взглядовъ вела къ отдѣльнымъ, иногда очень крупнымъ недоразумѣніямъ между государемъ и слугами; но принципіально вопросъ о взаимномъ отношеніи власти и боярства не поднимался ни разу до того времени, пока дѣло не разрѣшилось опричниною и казнями Грознаго. Это послѣднее мнѣніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ прочія.

Въ XVI вѣкѣ московское боярство состояло изъ двухъ слоевъ. Одинъ, болѣе древній, но не высшій, состоялъ изъ лучшихъ семей стариннаго класса „вольныхъ слугъ“ московскаго княжескаго дома, издавна несшихъ придворную службу и призываемыхъ въ государеву думу. Другой слой, позднѣйшій и знатнѣйшій, образовался изъ служилаго потомства владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, которое перешло на московскую службу съ удѣловъ сѣверо-восточной Руси и изъ-за литовскаго рубежа. Такую сложность составъ высшаго служилаго класса въ Москвѣ получилъ съ середины XV вѣка, когда политическое торжество Москвы окончательно сломило удѣльные дворы и стянуло къ московскому двору не только самихъ подчиненныхъ князей, но и слугъ ихъ—боярство удѣльныхъ дворовъ. Понятно, что въ Москвѣ именно съ этого времени должно было пріобрѣсти особую силу и важность мѣстничество, такъ какъ оно одно могло поддержать извѣстный порядокъ и создать болѣе или менѣе опредѣленныя отношенія въ этой массѣ служилаго люда, среди новой для него служебной обстановки. Мѣстничество и повело къ тому, что основаніемъ всѣхъ служебныхъ и житейскихъ отношеній при московскомъ дворѣ XVI вѣка стало „отечество“ лицъ, составлявшихъ этотъ дворъ. Выше прочихъ по „отечеству“, разумѣется, стали титулованныя семьи, вѣтви старыхъ удѣльныхъ династій, успѣвшія съ честью перейти съ своихъ удѣловъ въ Москву, сохранивъ за собою и свои удѣльныя вотчины. Это, безспорно, былъ высшій слой московскаго боярства; до него лишь въ исключительныхъ случаяхъ служебныхъ отличій или дворцоваго фавора поднимались отдѣльные представители старыхъ не-княжескихъ боярскихъ фамилій, которыя были „искони вѣчные государскіе, ни у кого не служивали, окромя своихъ государей“—московскихъ князей. Эта то избранная среда перворазрядныхъ слугъ московскаго государя занимала первыя мѣста вездѣ, гдѣ ей приходилось быть и дѣйствовать: во дворцѣ и на службѣ, на пирахъ и въ полкахъ. Такъ слѣдовало по „отечеству“, потому что вообще, выражаясь словами царя В. Шуйскаго, „обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати“.

Такъ „повелось“, и такой обычай господствовалъ надъ умами настолько, что его признавали рѣшительно всѣ: и сами бояре, и государь, и все московское общество. Быть совѣтниками государя и его воеводами, руководить политическими отношеніями страны и управлять ея областями, окружать особу государя постояннымъ „синклитомъ царскимъ“,—это считалось какъ бы прирожденнымъ правомъ княжеско-боярской среды. Она сплошь состояла изъ лицъ княжескаго происхожденія, о которыхъ справедливо замѣтилъ В. О. Ключевскій, что „то все старинныя привычныя власти Русской земли, тѣ же власти, какія правили землею прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и поодиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, онѣ правятъ всею землею и всѣ вмѣстѣ“. Поэтому правительственное значеніе этой среды представлялось независимымъ отъ пожалованія или выслуги: оно боярамъ принадлежало „Божіею милостію“, какъ завѣщанное предками родовое право. Въ „государевѣ родословцѣ“ прежде всего искали князья-бояре опоры для занятой ими въ Москвѣ высокой позиціи, потому что разсматривали себя, какъ родовую аристократію. Милость московскихъ государей и правительственныя преданія, шедшія изъ первыхъ эпохъ московской исторіи, держали по старинѣ близко къ престолу нѣкоторыя семьи вѣковыхъ московскихъ слугъ не-княжеской „породы“, въ родѣ Вельяминовыхъ и Кошкиныхъ. Но княжата не считали этихъ бояръ равными себѣ по „породѣ“, такъ какъ, по ихъ словамъ, тѣ пошли „не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей“. Когда Грозный женился на Анастасіи, не бывшей княжною, то этимъ онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ княжатъ, ихъ „изтѣснилъ, тѣмъ изтѣснилъ, что женился у боярина своего дочерь взялъ, понялъ робу свою“. Хотя говорившіе такъ князья „полоумы“ и называли царицу-рабу „своею сестрою“, тѣмъ не менѣе съ очень ясною брезгливостью относились къ ея нетитулованному роду. Въ ихъ глазахъ боярскій родъ Кошкиныхъ не только не шелъ въ сравненіе съ Палеологами, съ которыми умѣлъ породниться Иванъ III, но не могъ равняться и съ княжескимъ родомъ Глинской, на которой былъ женатъ отецъ Грознаго. Грозный, конечно, сдѣлалъ менѣе блестящій выборъ, чѣмъ его отецъ и дѣдъ; на это то и указывали князья, называя рабою его жену, взятую изъ простого боярскаго рода. Этому простому роду они прямо и рѣзко отказались повиноваться въ 1553 году, когда не захотѣли цѣловать крестъ маленькому сыну Грознаго—Димитрію: „а Захарьинымъ намъ,—говорили они,—не служивать“. Такая манера князей-бояръ XVI вѣка свысока относиться къ тому, что пошло не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей, даетъ основаніе думать, что въ средѣ высшаго московскаго боярства господствовалъ именно княжескій элементъ съ его родословнымъ гоноромъ и удѣльными воспоминаніями.

Но, кромѣ родословца государева, который давалъ опору притяза-

ніямъ бояръ-князей на общественное и служебное первенство, у нихъ былъ и еще одинъ устой, поддерживающій княжатъ наверху общественнаго порядка,—это ихъ землевладѣніе. Родословная московская знать была и земельною знатью. Всѣ, вообще, старые и служилые князья Московской Руси владѣли наслѣдственными земельными имуществами; нововыѣзжимъ князьямъ и слугамъ, если они пріѣзжали въ Москву на службу безъ земель, жаловались земли. Малоземельнымъ давали помѣстья, которыя нерѣдко, за службу, обращались въ вотчины. Можно считать безспорнымъ, что въ сферѣ частнаго свѣтскаго землевладѣнія московское боярство первенствовало и, замѣтимъ,—не только количественно, но и качественно. Въ XVI вѣкѣ еще существовали, какъ наслѣдіе болѣе ранней поры, исключительныя льготы знатныхъ землевладѣльцевъ. Представляя собою соединеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ правъ съ вотчинными, эти льготы сообщались простымъ боярамъ пожалованіемъ отъ государя. Но у княжатъ-землевладѣльцевъ льготы и преимущества вытекли не изъ пожалованія, а представляли остатокъ удѣльной старины. Приходя на службу къ Московскимъ государямъ со своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами, удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были по-прежнему „государями". Зная это, Іосифъ Волоцкій и говорилъ о московскомъ великомъ князѣ, что онъ „всеа Русскіа земли государямъ государь", такой государь, „котораго судъ не посужается". Подобное сохраненіе старинныхъ владѣтельныхъ правъ за княжатами—фактъ безспорный и важный, хотя и мало изученный. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ вотчинахъ они имѣли всѣ атрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое „воинство", которое они выводили на службу великаго князя московскаго; они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они „жаловали" монастырямъ въ вотчины и своимъ служилымъ людямъ въ помѣстья. Пріобрѣтая къ старымъ вотчинамъ новыя, они и въ нихъ водворяли тѣ же порядки, хотя ихъ новыя земли не были ихъ родовыми и не могли сами по себѣ питать владѣльческихъ традицій. Когда, напримѣръ, Ѳ. М. Мстиславскій получилъ отъ великаго князя Василія Ивановича выморочную волость Юхоть, то немедленно же сталъ жаловать земли церквамъ и служилымъ людямъ. Такъ, въ 1538 году, онъ „пожаловалъ своего сына боярскаго" въ помѣстье нѣсколькими деревнями: далъ деревню священнику въ „въ домъ Леонтія чудотворца", „въ препитаніе и въ вѣчное одержаніе" и т. д. Естественно было, вслѣдъ

за князьями, и простымъ боярамъ водворять на своихъ земляхъ тѣ же вотчинные порядки и „пожалованіемъ великаго государя“ усваивать себѣ такія же льготы и преимущества. Уже въ самомъ исходѣ XVI вѣка (1598 г.) Иванъ Григорьевичъ Нагой, напримѣръ, „пожаловалъ далъ человѣку своему Богдану Сидорову за его къ себѣ службу и за терпѣнье старинную свою вотчину въ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ Селеховѣ слободѣ, сельцо Онофреево съ деревнями и съ починки“, и прибавлялъ, что до той его вотчины его женѣ и дѣтямъ, роду и племени „дѣла нѣтъ никому ни въ чемъ никоторыми дѣлы“. Но въ то же время онъ ни въ жалованной грамотѣ на вотчину, ни въ своей духовной не объявлялъ, что отпускаетъ своего стараго слугу на свободу: напротивъ, онъ обязывалъ его дальнѣйшею службою женѣ и сыновьямъ своимъ. Знаменитая семья Романовыхъ, Ѳедоръ Никитичъ съ братьями, также имѣла у себя холопа-землевладѣльца,—Второго Никитина сына Бартенева. Въ 1589 году Второй Бартеневъ, будучи „человѣкомъ“ Ѳедора Никитича, искалъ деревни на властяхъ Троице-Сергіева монастыря, „отчины своей, отца своего по купчей“; а на одиннадцать лѣтъ позже, служа въ казначеяхъ у Александра Никитича, этотъ же самый „рабъ довелъ царю Борису на „государей“ своихъ Романовыхъ“. Что землевладѣльцы-холопы, „помѣщики своихъ государей“ были явленіемъ гласнымъ и законнымъ въ XVI вѣкѣ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1565 году самъ царь велѣлъ своему сыну боярскому Казарину Трегубову, бывшему въ приставахъ у литовскаго гонца, „сказыватися княжъ Ивановымъ человѣкомъ Дмитріевича Бѣльскаго„ и говорить гонцу, что онъ, Казаринъ, никакихъ служебныхъ вѣстей не знаетъ по той причинѣ, что онъ у своего государя князя Ивана въ его жалованьѣ былъ, въ „*помѣстьѣ*“.

Такимъ образомъ, создался въ Московскомъ государствѣ особый типъ привилегированнаго землевладѣнія — „боярское“ землевладѣніе. Самыми рѣзкими чертами оно было ограничено отъ другихъ менѣе льготныхъ видовъ владѣнія. Тяглый землевладѣлецъ сѣвера, служилый помѣщикъ центра, запада и юга, мелкій вотчинникъ на своей куплѣ или выслуженной вотчинѣ—весь этотъ мелкій Московскій людъ, отбывавшій всю мѣру государева тягла и службы съ своей земли, стоялъ неизмѣримо ниже землевладѣльца боярина, вѣдавшаго свои земли судомъ и данью, окруженнаго дворнею „изъ дѣтей боярскихъ“ или—что то же—„боярскихъ холопей“, для которыхъ онъ былъ „государемъ“, гордаго своимъ удѣльнымъ «отечествомъ“, близкаго ко двору великаго государя и живущаго въ государевой думѣ. Общественное разстояніе было громадно, настолько громадно, что прямо обращало эту землевладѣльческую княжеско-боярскую среду въ особый правящій классъ, который вмѣстѣ съ государемъ стоялъ высоко надъ всѣмъ московскимъ обществомъ, руководя его судьбами.

Это были „государи" Русской земли, судъ которыхъ „посужался" только „великимъ государемъ"; это были „удѣльнiи великiе русскiе князи", которые окужили „московскаго великаго князя" въ качествѣ его сотрудниковъ-соправителей. Съ перваго взгляда кажется, что этотъ правящiй классъ поставленъ въ политическомъ отношенiи очень хорошо. Первенство въ администрацiи и въ правительствѣ обезпечено ему его происхожденiемъ, „отечествомъ"; влiянiе на общество могло находить твердую опору въ его землевладѣнiи. На самомъ же дѣлѣ въ XVI вѣкѣ княжата-бояре очень недовольны своимъ положенiемъ въ государствѣ. Прежде всего, московскiе государи, признавая безусловно взаимныя отношенiя бояръ такъ, какъ ихъ опредѣлялъ родословецъ, сами себя, однако, ничѣмъ не желали стѣснять въ отношенiи своихъ бояръ, ни родословцемъ, ни преданiями удѣльнаго времени. Видя въ самихъ себѣ самодержавныхъ государей всея Руси, а въ княжатахъ своихъ „лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ", московскiе государи не считали нужнымъ стѣсняться ихъ мнѣнiями и руководиться ихъ совѣтами. Великiй князь Василiй Ивановичъ обзывалъ бояръ „смердами", а Грозный говорилъ имъ, что „подъ повелительми и приставники намъ быти не пригоже", „како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?"—спрашивалъ онъ себя о себѣ же самомъ. Очень извѣстны эти столкновенiя московскихъ государей съ боярами-княжатами, и намъ нѣтъ нужды повторять разсказы о нихъ; напомнимъ только, что высокое мнѣнiе государей московскихъ о существѣ ихъ власти поддерживалось не только ихъ собственнымъ сознанiемъ, но и ученiемъ тогдашняго духовенства. Въ первой половинѣ XVI вѣка для княжатъ-бояръ уже совершенно стало ясно, что ихъ политическое значенiе отрицается не одними монархами, но и той церковной интеллигенцiей, которая господствовала въ литературѣ того времени. Затѣмъ, одновременно съ политическимъ авторитетомъ боярства, стало колебаться и боярское землевладѣнiе, во-первыхъ, подъ тяжестью ратныхъ службъ и повинностей, которыя на него ложились съ особенною силою во время войнъ Грознаго, а во-вторыхъ, отъ недостатка рабочихъ рукъ, вслѣдствiе того, что рабочее населенiе стало съ середины XVI вѣка уходить со старыхъ мѣстъ на новыя земли. Продавая и закладывая часть земель капиталистамъ того времени—монастырямъ, бояре одновременно должны были принимать мѣры противъ того, чтобы не запустошить остальныхъ своихъ земель и не выпустить съ нихъ крестьянъ за тѣ же монастыри. Такимъ образомъ, сверху, отъ государей, боярство не встрѣчало полнаго признанiя того, что считало своимъ неотъемлемымъ правомъ; снизу, отъ своихъ „работныхъ" оно видѣло подрывъ своему хозяйственному благосостоянiю; въ духовенствѣ же оно находило въ одно и то же время и политическаго недоброхота, который стоялъ на сторонѣ государева „самодержавства", и хозяйствен-

наго соперника, который отовсюду перетягивалъ въ свои руки и земли и земледѣльцевъ. Таковы вкратцѣ обстоятельства, вызвавшія среди бояръ-князей XVI вѣка тревогу и раздраженіе.

Бояре-князья не таили своего недовольства. Они высказывали его и литературнымъ путемъ, и практически. Противъ духовенства вооружались они съ особеннымъ пыломъ и свободою, нападая одинаково и на политическія тенденціи, и на землевладѣльческую практику монашества извѣстнаго „осифлянскаго" направленія. Боярскими взглядами и чувствами проникнуто нѣсколько замѣчательныхъ публицистическихъ памятниковъ XVI столѣтія, обличающихъ политическую угодливость и сребролюбіе „осифлянъ" или „жидовлянъ", какъ ихъ иногда обзывали въ глаза. Разрѣшеніе вопроса объ ограниченіи права монастырей пріобрѣтать вотчины было подготовлено въ значительной мѣрѣ литературною полемикою, въ которой монастырское землевладѣніе получило полную и безпощадную нравственную и практическую оцѣнку. Крестьянскій вопросъ XVI вѣка также занималъ видное мѣсто въ этой литературѣ, хотя по сложности своей и не получилъ въ ней достаточнаго освѣщенія и разработки. Зато надъ политическимъ вопросомъ объ отношеніи государственной власти къ правительственному классу писатели боярскаго направленія задумывались сравнительно мало. Этому политическому вопросу суждено было прежде другихъ выплыть на поверхность практической жизни и вызвать въ государствѣ чрезвычайно важныя явленія, роковыя для политическихъ судебъ боярско-княжескаго класса.

Отношенія князей-бояръ къ государямъ опредѣлялись въ Москвѣ не отвлеченными теоретическими разсужденіями, а чисто житейскимъ путемъ. И полнота государевой власти, и аристократическій составъ боярства были фактами, которые сложились исподволь, исторически, и отрицать которые было невозможно. Князья-бояре до средины XVI вѣка совершенно признавали „самодержавство" государево, а государь вполнѣ раздѣлялъ ихъ понятіе о родовой чести. Но бояре иногда держали себя не такъ, какъ хотѣлось ихъ монарху, а монархъ дѣйствовалъ не всегда такъ, какъ пріятно было боярамъ. Возникали временныя и частныя недоразумѣнія, исходъ которыхъ, однако, не измѣнялъ установившагося порядка. Боярство роптало и пробовало „отъѣзжать", государи „опалялись", наказывали за ропотъ и отъѣздъ, но ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформѣ отношеній. Первая мысль объ этомъ, какъ кажется, возникла только при Грозномъ. Тогда образовался кружокъ боярскій, извѣстный подъ названіемъ „избранной рады", и покусился на власть подъ руководствомъ попа Сильвестра и Алексѣя Адашева. Самъ Грозный въ посланіи къ Курбскому ясно намекаетъ на то, чего хотѣли достигнуть эти люди. Они, по его выраженію, начали совѣщаться о мірскихъ, то есть государственныхъ, дѣлахъ тайно отъ него, а съ него

стали „снимать власть“, „приводя въ противословіе“ ему бояръ. Они раздавали саны и вотчины самовольно и противозаконно, возвращая князьямъ тѣ ихъ вотчины, „грады и села“, которыя были у нихъ взяты на государя „уложеніемъ“ великаго князя Ивана III; въ то же время они разрѣшали отчужденіе боярско-княжескихъ земель, свободное обращеніе которыхъ запрещалось неоднократно при Иванѣ Васильевичѣ, Василіи Ивановичѣ и, наконецъ, въ 1551 году: „которымъ вотчинамъ еще нѣсть потреба отъ васъ даятися“, писалъ Грозный о боярахъ Курбскому „и тѣ вотчины вѣтру подобно раздалъ“ Сильвестръ. Этимъ Сильвестръ „примирилъ къ себѣ многихъ людей“, то есть привлекъ къ себѣ новыхъ сторонниковъ, которыми и наполнилъ всю администрацію; „ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша“, говоритъ Грозный. Наконецъ, бояре отобрали у государя право жаловать боярство „отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша“,—писалъ Грозный,—„еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованью честью предсѣданія почтеннымъ быти“. Они усвоили это право себѣ. Сильвестръ такимъ способомъ образовалъ свою партію, съ которою и думалъ править, „ничто же отъ насъ пытая“, по словамъ царя. Обративъ вниманіе на это мѣсто въ посланіи Ивана IV къ Курбскому, проф. Сергѣевичъ находитъ полное ему подтвержденіе и въ „Исторіи“ Курбскаго. Онъ даже думаетъ, что Сильвестръ съ „угодниками“ провелъ и въ судебникъ ограниченіе царской власти. Осторожнѣе на этомъ не настаивать, но возможно и необходимо признать, что для самого Грознаго боярская политика представилась самымъ рѣшительнымъ покушеніемъ на его власть. И онъ далъ столь же рѣшительный отпоръ этому покушенію. Въ его умѣ вопросъ о боярской политикѣ вызывалъ усиленную работу мысли. Не одну личную или династическую опасность судило ему боярско-княжеское своеволіе и противословіе: онъ понималъ и ясно выражалъ, что послѣдствія своеволія могутъ быть шире и сложнѣе. „Аще убо царю не повинуются подовластные“, писалъ онъ, „никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ“. Вступивъ въ борьбу съ „измѣнниками“, онъ думалъ, что наставляетъ ихъ „на истину и на свѣтъ“, чтобы они престали отъ междоусобныхъ браней и строптивнаго житія „ими же царствія растлѣваются“. Онъ ядовито смѣется надъ Курбскимъ за то, что тотъ хвалится бранною храбростью, а не подумаетъ, что эта добродѣтель имѣетъ смыслъ и цѣну только при внутренней государственной крѣпости, „аще строенія въ царствѣ благая будутъ“. Для Грознаго не можетъ быть доблести въ такомъ человѣкѣ, какъ Курбскій, который былъ „въ дому измѣнникъ“ и не имѣлъ разсужденія о важности государственнаго порядка. Такимъ образомъ, не только собственный интересъ, но и заботы о царствѣ руководили Грознымъ. Онъ отстаивалъ не право на личный произволъ, а принципъ единовластія, какъ основаніе

государственной силы и порядка. Сначала онъ кажется боролся мягкими мѣрами: „казнію конечною ни единому коснухомся“, говорилъ онъ самъ. Разорвавъ со своими назойливыми совѣтниками, онъ велѣлъ всѣмъ прочимъ „отъ нихъ отлучитися и къ нимъ не престояти“ и взялъ въ томъ со всѣхъ крестное цѣлованіе. Когда же, несмотря на крестное цѣлованіе, связи у бояръ съ опальными не порвались, тогда Грозный началъ гоненія; гоненія вызвали отъѣзды бояръ, а отъѣзды, въ свою очередь, вызвали новыя репрессіи. Такъ мало-по-малу обострялось политическое положеніе, пока, наконецъ, Грозный не рѣшился на государственный переворотъ, называемый опричниною.

Надъ вопросомъ о томъ, что такое опричнина царя Ивана Васильевича, много трудились ученые. Одинъ изъ нихъ справедливо и не безъ юмора замѣтилъ, что „учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ, какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ“. Въ самомъ дѣлѣ, подлинныхъ документовъ по дѣлу учрежденія опричнины не сохранилось; офиціальная лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ кратко и не раскрываетъ смысла учрежденія; русскіе же люди XVI вѣка, говорившіе объ опричнинѣ, не объясняютъ ея хорошо и какъ будто не умѣютъ ее описать. И дьяку Ивану Тимоѳееву, и знатному князю И. М. Катыреву-Ростовскому дѣло представляется такъ: въ ярости на своихъ подданныхъ Грозный раздѣлилъ государство на двѣ части,— одну онъ далъ царю Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своей части „оную часть людей насиловати и смерти предавати“. Къ этому Тимоѳеевъ прибавляетъ, что вмѣсто „добромыслимыхъ вельможъ“, избитыхъ и изгнанныхъ, Иванъ приблизилъ къ себѣ иностранцевъ и подпалъ подъ ихъ вліяніе до такой степени, что „вся внутренняя его въ руку варваръ быша“. Но мы знаемъ, что правленіе Симеона было кратковременнымъ и позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи опричнины, что иностранцы, хотя и вѣдались въ опричнинѣ, однако не имѣли въ ней никакого значенія, и что показная цѣль учрежденія заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы „дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной“. Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго для сужденія о дѣлѣ, кромѣ краткой записи лѣтописца о началѣ опричнины, да отдѣльныхъ упоминаній о ней въ документахъ, прямо къ ея учрежденію не относящихся. Остается широкое поле для догадокъ и домысловъ.

Конечно, легче всего объявить „нелѣпымъ“ раздѣленіе государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкаго тирана; такъ нѣкоторые и дѣлаютъ. Но не всѣхъ удовлетворяетъ столь простой взглядъ на дѣло. С. М. Соловьевъ объяснялъ опричнину, какъ попытку Грознаго формально отдѣлиться отъ ненадежнаго въ его глазахъ бояр-

скаго правительственнаго класса, устроенный съ такою цѣлью новый дворъ царя на дѣлѣ выродился въ орудіе террора, исказился въ сыскное учрежденіе по дѣламъ боярской и всякой иной измѣны. Такимъ именно сыскнымъ учрежденіемъ, „высшею полиціею по дѣламъ государственной измѣны“ представляетъ намъ опричнину В. О. Ключевскій. И другіе историки видятъ въ ней орудіе борьбы съ боярствомъ, и притомъ странное и неудачное. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ и С. М. Середонинъ склонны придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ: они думаютъ, что опричнина направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Однако, такой, по нашему мнѣнію, близкій къ истинѣ взглядъ не раскрытъ съ желаемою полнотою, и это заставляетъ насъ остановиться на опричнинѣ для того, чтобы показать, какими своими послѣдствіями и почему опричнина повліяла на развитіе смуты въ московскомъ обществѣ.

До нашего времени не сохранился подлинный указъ объ учрежденіи опричнины; но мы знаемъ о его существованіи изъ описи царскаго архива XVI вѣка и думаемъ, что въ лѣтописи находится не вполнѣ удачное и вразумительное его сокращеніе. По лѣтописи мы получаемъ лишь приблизительное понятіе о томъ, что представляла собою опричнина въ своемъ началѣ. Это не былъ только „наборъ особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ турецкихъ янычаръ“ какъ выразился одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ, а было нѣчто болѣе сложное. Учреждался особый государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. Въ немъ долженъ былъ быть особый дворецкій, особые казначеи и дьяки, особые бояре и окольничьи, придворные и служилые люди, наконецъ, особая дворня на всякаго рода „дворцахъ“: сытномъ, кормовомъ, хлѣбномъ и т. д. Для содержанія всего этого люда взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины черезполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управленія и получившими имя „земщины“. Первоначальный объемъ этой территоріи, опредѣленный въ 1565 году, былъ въ послѣдующіе годы увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства.

Для какихъ же надобностей давали этой территоріи такіе большіе размѣры? Нѣкоторый отвѣтъ на это предлагаетъ сама лѣтопись въ разсказѣ о началѣ опричнины.

Во-первыхъ, царь заводилъ новое хозяйство въ опричномъ дворцѣ и бралъ къ нему, по обычаю, дворцовыя села и волости. Для самаго дворца первоначально выбрано было мѣсто въ Кремлѣ, снесены дворцовыя службы и взяты на государя погорѣвшія въ 1565 году усадьбы митрополита и князя Владиміра Андреевича. Но почему то Грозный сталъ

жить не въ Кремлѣ, а на Воздвиженкѣ, въ новомъ дворцѣ, куда перешелъ въ 1567 году. Къ новому опричному дворцу приписаны были въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы, а сверхъ того дворцовыя волости и села подъ Москвою и вдали отъ нея. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ выборъ въ опричнину, тѣхъ, а не иныхъ мѣстностей изъ общаго запаса собственно дворцовыхъ земель, мы не можемъ представить даже приблизительнаго перечня волостей, взятыхъ въ новый опричный дворецъ, но думаемъ, что такой перечень, если бы и былъ возможенъ, не имѣлъ бы особой важности. Во дворецъ, какъ объ этомъ можно догадываться, брали земли собственно дворцовыя въ мѣру хозяйственной надобности, для устройства различныхъ службъ и для жилищъ придворнаго штата, находящагося при исполненіи дворцовыхъ обязанностей.

Но такъ какъ этотъ придворный и вообще служилый штатъ, требовалъ обезпеченія и земельнаго испомѣщенія, то, во-вторыхъ, кромѣ собственно дворцовыхъ земель, опричнинѣ нужны были земли вотчинныя и помѣстныя. Грозный въ данномъ случаѣ повторилъ то, что было сдѣлано имъ же самимъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1550 году онъ разомъ испомѣстилъ кругомъ Москвы „помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человѣкъ“. Теперь онъ также выбираетъ себѣ „князей и дворянъ дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ тысячу головъ“; но испомѣщаетъ ихъ не кругомъ Москвы, а въ другихъ по преимуществу „Замосковныхъ“, уѣздахъ: Галицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, также въ Заоцкихъ городахъ, а съ 1571 года, вѣроятно, и въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ лѣтописи, онъ производилъ мѣну земель: „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ“. Надобно замѣтить, что нѣкоторыя грамоты безусловно подтверждаютъ это лѣтописное показаніе; вотчинники и помѣщики дѣйствительно лишались своихъ земель въ опричныхъ уѣздахъ и притомъ сразу всѣмъ уѣздомъ или, по ихъ словамъ, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ—какъ государь взялъ городъ въ опричнину“. За взятыя земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами пріищутъ. Такимъ образомъ всякій уѣздъ, взятый въ опричнину со служилыми землями, былъ осужденъ на коренную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру, и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не становились опричниками. Можно, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что такой пересмотръ вызванъ былъ соображеніями политическаго порядка. Въ центральныхъ областяхъ государства, для опричнины были отдѣлены какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старинныхъ удѣльныхъ территоріяхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйство-

вала среди родовыхъ вотчинъ князей ярославскихъ, бѣлозерскихъ и ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей стародубскихъ и суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Эти вотчины постепенно входили въ опричнину: если сравнимъ перечни княжескихъ вотчинъ въ извѣстныхъ указахъ о нихъ—царскомъ 1562 года и „земскомъ" 1572 года, то увидимъ, что въ 1572 году въ вѣдѣнiи „земскаго" правительства остались только вотчины ярославскiя и ростовскiя, оболенскiя и мосальскiя, тверскiя и рязанскiя; всѣ же остальныя, названныя въ „старомъ государевѣ уложенiи" 1562 года, уже отошли въ опричнину. А послѣ 1572 года и вотчины ярославскiя и ростовскiя, какъ мы уже указывали, взяты были въ государевъ „дворъ". Такимъ образомъ мало-по-малу почти сполна собрались въ опричномъ управленiи старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣнiе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ пересмотръ землевладѣнiя. Однихъ Грозный сорвалъ со старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгiй непосредственный свой надзоръ. Въ завѣщанiи Грознаго находимъ многочисленныя указанiя на то, что государь бралъ „за себя" земли служилыхъ князей; но всѣ эти и имъ подобныя указанiя, къ сожалѣнiю, слишкомъ мимолетны и кратки, чтобы дать намъ точную и полную картину потрясенiй, пережитыхъ въ опричнинѣ княжескимъ землевладѣнiемъ. Сравнительно лучше мы можемъ судить о положенiи дѣлъ въ Заоцкихъ городахъ по верхней Окѣ. Тамъ были на исконныхъ своихъ владѣнiяхъ потомки удѣльныхъ князей, князья Одоевскiе, Воротынскiе, Трубецкiе и другiе; „еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и велiя отчины подъ собою имѣли", говоритъ о нихъ извѣстная фраза Курбскаго. Когда въ это гнѣздо княжатъ вторгся съ опричниною Грозный, онъ нѣкоторыхъ изъ княжатъ взялъ въ опричную „тысячу головъ"; въ числѣ „воеводъ изъ опришнины" дѣйствовали, напримѣръ, князья Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскiй. Другихъ онъ исподволь сводилъ на новыя мѣста; такъ князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже нѣсколько спустя послѣ учрежденiя опричнины данъ былъ Стародубъ Ряполовскiй вмѣсто его старой вотчины (Одоева и другихъ городовъ); другiе князья съ верхней Оки получаютъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и другихъ. Результаты такихъ мѣропрiятiй были многообразны и важны. Если мы будемъ помнить, что въ опричное управленiе были введены, за немногими и незначительными исключенiями, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ ранѣе существовали старыя удѣльныя княжества, то поймемъ, что опричнина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣнiе служилыхъ

княжатъ вообще, на всемъ его пространствѣ. Зная истинные размѣры опричнины, мы увѣримся въ полной справедливости словъ Флетчера о княжатахъ (въ IX главѣ), что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ. По нашему мнѣнію, это очень точное опредѣленіе одного изъ послѣдствій опричнины. Другое послѣдствіе, вытекавшее изъ тѣхъ же мѣропріятій, было не менѣе важно. На территоріи старыхъ удѣльныхъ владѣній еще жили старинные порядки, и рядомъ съ властью московскаго государя еще дѣйствовали старые авторитеты. „Служилые" люди въ XVI вѣкѣ здѣсь служили со своихъ земель не одному „великому государю", но и частнымъ „государямъ". Въ срединѣ столѣтія въ Тверскомъ уѣздѣ, напримѣръ, изъ 272 вотчинъ не менѣе, чѣмъ съ 53-хъ, владѣльцы служили не государю, а князю Владиміру Андреевичу Старицкому, князьямъ Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простымъ боярамъ; съ нѣкоторыхъ же вотчинъ и вовсе не было службы. Понятно, что этотъ порядокъ не могъ удержаться при перемѣнахъ землевладѣнія, какія внесла опричнина. Частные авторитеты поникли подъ грозою опричнины и были удалены; ихъ служилые люди становились въ непосредственную зависимость отъ великаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины. Съ опричниною должны были исчезнуть „воинства" въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми княжата раньше приходили на государеву службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольности въ области служебныхъ отношеній. Такъ, захватывая въ опричнину старинныя удѣльныя территоріи для испомѣщенія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ въ нихъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльныхъ переживаній новыми порядками, такими, которые равняли всѣхъ предъ лицомъ государя въ его „особномъ обиходѣ", гдѣ уже не могло быть удѣльныхъ воспоминаній и аристократическихъ традицій. Любопытно, что этотъ пересмотръ предковъ и людей продолжался много лѣтъ спустя послѣ начала опричнины. Очень изобразительно описываетъ его самъ Грозный въ своей извѣстной челобитной 30-го октября 1575 года на имя великаго князя Симеона Бекбулатовича: „чтобъ еси, государь,

милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ: иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять;... а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и пріимать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, ослободилъ прочь отсылати...; и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ, государь, милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю, бити челомъ: и ты бъ... тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ". Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя „Иванца Васильева" въ его обращеніи къ только что поставленному „великому князю" Симеону скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени указовъ о пересмотрѣ служилыхъ людей при введеніи опричнаго порядка.

Въ третьихъ, кромѣ дворцовыхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многія волости, по словамъ лѣтописи, „государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ". Это—вѣрное, но не полное указаніе лѣтописи на доходъ съ опричныхъ земель. Кормленый окупъ—спеціальный сборъ, своего рода выкупной платежъ волостей за право самоуправленія, установленный съ 1555—1556 года. Мы знаемъ, что имъ не ограничивались доходы опричнины. Въ опричнину поступали съ одной стороны, прямыя подати вообще, а съ другой—и разнаго рода, косвенные налоги. Когда былъ взятъ въ опричнину Симоновъ монастырь, ему было велѣно платить въ опричнину „всякія подати" („и ямскія и приметныя деньги и за городовое и за засѣчное и за ямчужное дѣло"—обычная формула того времени). Когда въ опричнину была взята Торговая сторона Великаго Новгорода, то опричные дьяки стали на ней вѣдать всѣ таможенные сборы, опредѣленные особою таможенною грамотою 1571 года. Такимъ образомъ, нѣкоторые города и волости были введены въ опричнину по соображеніямъ финансовымъ: назначеніемъ ихъ было доставлять опричнинѣ отдѣльные отъ „земскихъ" доходы. Разумѣется, вся территорія опричнины платила искони существовавшіе на Руси „дани и оброки", особенно же волости промышленнаго Поморья, гдѣ не было помѣщиковъ; но главнѣйшій интересъ и значеніе для опричной царской казны представляли крупные городскіе посады, такъ какъ съ ихъ населенія и рынковъ поступали многообразные и богатѣйшіе сборы. Интересно посмотрѣть, какъ были подобраны для опричнины эти торгово-промышленные центры. Къ нѣкоторымъ, кажется, безспорнымъ и не лишеннымъ значенія выводамъ можетъ привести въ данномъ случаѣ простое знакомство съ картою Московскаго государства. Нанеся

на карту важнѣйшіе пути отъ Москвы къ рубежамъ государства и отмѣтивъ на картѣ мѣста, взятыя въ опричнину, убѣдимся, что въ опричнину попали всѣ главные пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ. Можно даже, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что опричнина распоряжалась на всемъ пространствѣ этихъ путей, исключая развѣ самыхъ порубежныхъ мѣстъ. Изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ Москву съ рубежами, развѣ только дороги на югъ, на Тулу и Рязань оставлены опричниною безъ вниманія, думаемъ потому, что ихъ таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все ихъ протяженіе было въ безпокойныхъ мѣстахъ южной украйны.

Изложенныя нами наблюденія надъ составомъ земель, взятыхъ въ опричнину, можно теперь свести къ одному заключенію. Территорія опричнины, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на „великое море океанъ", опричныя земли врѣзывались въ „земщину", раздѣляя ее на двое. На востокѣ за земщиной оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западѣ—города порубежные: „отъ нѣмецкой украйны" (Псковскіе и Новгородскіе), „отъ литовской украйны" (Великія Луки, Смоленскъ и др.) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы „земщины" связывались Украинными городами да „дикимъ полемъ". Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя новгородскими пятинами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиною оставались здѣсь изъ большихъ городовъ, кажется, только Тверь, Владиміръ, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залѣсскій, какъ кажется, были взяты изъ „земщины" только въ срединѣ 70-хъ годовъ. Во всякомъ случаѣ, огромное большинство городовъ и волостей въ московскомъ центрѣ отошло отъ земщины, и мы имѣемъ право сказать, что земщинѣ, въ концѣ концовъ, оставлены были окраины государства. Получилось нѣчто обратное тому, что мы видимъ въ императорскихъ и сенатскихъ провинціяхъ древняго Рима: тамъ императорская власть беретъ въ непосредственное вѣдѣніе военныя окраины и кольцомъ легіоновъ сковываетъ старый центръ; здѣсь царская власть, наоборотъ, отдѣляетъ себѣ въ опричнину внутреннія области, оставляя старому управленію военныя окраины государства.

Вотъ къ какимъ результатамъ привело насъ изученіе территоріальнаго состава опричнины. Учрежденный въ 1565 году новый дворъ Московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ земле-

владѣніи этихъ областей, завладѣвъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ея. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка это далеко не „отрядъ царскихъ тѣлохранителей“ и даже не “опричнина“ въ смыслѣ удѣльнаго двора. Новый дворъ Грознаго царя до такой степени разросся и осложнился, что пересталъ быть опричниною не только по существу, но и по офиціальному наименованію: около 1572 года слово „опришнина“ въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ „дворъ“. Думаемъ, что это не случайность, а достаточно ясный признакъ того, что въ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ.

Рядъ наблюденій, изложенныхъ выше, ставитъ насъ на такую точку зрѣнія, съ которой существующія объясненія опричнины представляются не вполнѣ соотвѣтствующими исторической дѣйствительности. Мы видимъ, что, вопреки обычному мнѣнію, опричнина вовсе не стояла „внѣ“ государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было „удаленія главы государства отъ государства“, какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ „земскому“ управленію рубежи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя перемѣны въ составъ служилаго землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, опричнина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не „противъ лицъ“, какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій. Говоря такъ, мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ гоненій, которымъ подвергалъ въ опричнинѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Непонятное ожесточеніе Грознаго, грубый произволъ его „кромѣшниковъ“ гораздо болѣе затрагивали интересъ современниковъ, чѣмъ обыденная дѣятельность опричнины, направленная на то, чтобы „людишекъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ“. Современники замѣтили только результаты этой дѣятельности—разгромъ княжескаго землевладѣнія: Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ княжатъ ради вотчинъ, стяжаній и скарбовъ; Флетчеръ спокойно указывалъ на униженіе „удѣль-

ныхъ князей" послѣ того, какъ Грозный захватилъ ихъ вотчины. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ, да и вообще никто не оставилъ намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо „земскихъ" бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно „перебиралъ" служилыхъ людишекъ, отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же совсѣмъ губилъ ихъ, въ припадкахъ своей подозрительной ярости.

Можетъ быть это неумѣніе современниковъ разсмотрѣть за вспышками царскаго гнѣва и за самоуправствомъ его опричной дружины опредѣленный планъ и систему въ дѣйствіяхъ опричнины было причиною того, что смыслъ опричнины сталъ скрытъ и отъ глазъ потомства. Но есть этому и другая причина. Какъ первый періодъ реформъ царя Ивана IV оставилъ по себѣ мало слѣдовъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ московскихъ приказовъ, такъ и опричнина съ ея реформою служилаго землевладѣнія почти не отразилась въ актахъ и приказныхъ дѣлахъ XVI вѣка. Переводя области въ опричнину, Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленіе особымъ лицамъ — „изъ двора", и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами „изъ земскаго". Вотъ почему иногда одно только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричнинѣ или въ земщинѣ или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ ли распоряженіемъ или съ земскимъ. Далеко не всегда въ самомъ актѣ указывается точно, какой органъ управленія въ данномъ случаѣ надо разумѣть, земскій или дворовый; просто говорится: „Большой дворецъ", „Большой приходъ, „Разрядъ" и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, вродѣ: „изъ земскаго Дворца", „дворовый Разрядъ", „въ дворовый Большой Приходъ". Равно и должности не всегда упоминались съ означеніемъ, къ какому порядку, опричному или земскому, онѣ относились; иногда говорилось, напримѣръ, „съ государемъ бояре изъ опришнины", „Дворецкій Большого земскаго Дворца", „дворовые воеводы", „дьякъ Розряду двороваго" и т. д., иногда же лица, завѣдомо принадлежащія къ опричнинѣ и „къ двору", именуются въ документахъ безъ всякаго на то указанія. Поэтому нѣтъ никакой возможности дать опредѣленное изображеніе административнаго устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдѣльныхъ отъ „земщины" административныхъ учрежденій опричнина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только, одинъ Разрядъ, одинъ Большой приходъ, но и

въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Изслѣдователямъ еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 году, въ маѣ, „приказалъ государь о (литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины.., и бояре обои, земскіе и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили" и пришли къ одному общему рѣшенію. Черезъ мѣсяцъ такое же общее рѣшеніе „обои" бояре постановили по поводу необычнаго „слова" въ титулѣ литовскаго государя и „за то слово велѣли стояти крѣпко". Въ томъ же 1570 и 1571 годахъ на „берегу" и украйнѣ противъ татаръ были земскіе и „опришнинскіе" отряды и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ, „гдѣ случится сойтись" земскимъ воеводамъ съ опришнинскими воеводами. Всѣ подобные факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричнины, по словамъ Ивана Тимоѳеева, произошелъ „земли всей великъ расколъ", то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія. Одинъ только эпизодъ съ вокняженіемъ въ земщинѣ Симеона Бекбулатовича могъ бы противорѣчить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значеніе, и если бы онъ ясно указывалъ на намѣреніе отдѣлить „земщину" въ особое „великое княженіе". Но, кажется, это была кратковременная и совсѣмъ не выдержанная проба раздѣленія власти. Симеону довелось сидѣть въ званіи великаго князя на Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ, такъ какъ онъ не носилъ царскаго титула, то не могъ быть и вѣнчанъ на царство; его просто, по словамъ одной разрядной книги, государь „посадилъ на великое княженіе на Москвѣ", можетъ быть и съ нѣкоторымъ обрядомъ, но, конечно, не съ чиномъ царскаго вѣнчанія. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, потому что въ его княженіе рядомъ съ его грамотами писались и грамоты отъ настоящаго „царя и великаго князя всея Руси", а на грамоты „великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Руси" дьяки даже не отписывались, предпочитая отвѣчать одному „государю князю Ивану Васильевичу Московскому". Словомъ, это была какая то игра или причуда, смыслъ которой не ясенъ, а политическое значеніе ничтожно. Иностранцамъ Симеона не показывали и о немъ говорили сбивчиво и уклон-

чиво; если бы ему дана была дѣйствительная власть, врядъ ли возможно было бы скрыть этого новаго повелителя „земщины".

Итакъ, опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій Московскаго государственнаго строя. Она сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ старины. Посредствомъ принудительной и систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Если вспомнимъ, что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки и казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена „всеродно", поголовно: врядъ ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые; но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ погибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, какъ Мстиславскій съ его зятемъ „великимъ княземъ" Симеономъ Бекбулатовичемъ, или же умѣли, какъ нѣкоторые князья—Скопины, Шуйскіе, Пронскіе, Сицкіе, Трубецкіе, Темкины—заслужить честь быть принятыми на службу въ опричнину. Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ его смерти сбылось то, чего при немъ такъ боялись бояре—княжата; ими стали владѣть Захарьины да Годуновы. Къ этимъ простымъ боярскимъ семьямъ перешло первенство во дворцѣ отъ круга людей высшей породы, разбитаго опричниною.

Но это было лишь одно изъ послѣдствій опричнины. Другое заключалось въ необыкновенно энергичной мобилизаціи землевладѣнія, руководимой правительствомъ. Опричнина массами передвигала служилыхъ людей съ однѣхъ земель на другія; земли мѣняли хозяевъ не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного помѣщика приходилъ другой, но и въ томъ, что дворцовая или монастырская земля обращалась въ помѣстную раздачу, а вотчина князя или помѣстье сына боярскаго отписывалось на государя. Происходилъ какъ бы общій пересмотръ и общая перетасовка владѣльческихъ правъ. Результаты этой операціи имѣли безспорную важность для правительства, хотя были неудобны и тяжелы для населенія. Ликвидируя въ опричнинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою. Это требовали и политическіе виды самого Грознаго и интересы, болѣе общіе, государственной обороны. Стараясь о

томъ, чтобы размѣстить на земляхъ, взятыхъ въ опричнину, „опришнинскихъ“ служилыхъ людей, Грозный сводилъ съ этихъ земель ихъ старыхъ служилыхъ владѣльцевъ, не попавшихъ въ опричнину, но въ то же время онъ долженъ былъ подумать и о томъ, чтобы не оставить безъ земель и этихъ послѣднихъ. Они устраивались въ „земщинѣ“ и размѣщались въ такихъ мѣстностяхъ, которыя нуждались въ военномъ населеніи. Политическія соображенія Грознаго прогоняли ихъ съ ихъ старыхъ мѣстъ, стратегическія надобности опредѣляли мѣста ихъ новаго поселенія. Нагляднѣйшій примѣръ того, что испомѣщеніе служилыхъ людей зависѣло одновременно и отъ введенія опричнины и отъ обстоятельствъ военнаго характера, находится въ такъ называемыхъ Полоцкихъ писцовыхъ книгахъ 1571 года. Онѣ заключаютъ въ себѣ данныя о дѣтяхъ боярскихъ, которыя были выведены на литовскій рубежъ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ тотчасъ послѣ взятія этихъ двухъ пятинъ въ опричнину. Въ пограничныхъ мѣстахъ, въ Себежѣ, Нещердѣ, Озерищахъ и Усвятѣ, новгородскимъ служилымъ людямъ были розданы земли каждому сполна въ его окладъ 400—500 четей. Такимъ образомъ, не принятые въ число опричниковъ, эти люди совсѣмъ потеряли земли въ новгородскихъ пятинахъ и получили новую осѣдлость на той пограничной полосѣ, которую надо было укрѣпить для литовской войны. У насъ мало столь выразительныхъ образчиковъ того вліянія, какое оказывала опричнина на оборотъ земель въ служиломъ центрѣ и на военныхъ окраинахъ государства. Но нельзя сомнѣваться, что это вліяніе было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацію и сдѣлало ее тревожною и безпорядочною. Массовая конфискація и секуляризація вотчинъ въ опричнинѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель—все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызвать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи. Страхъ государевой опалы и казни смѣшивался съ боязнью выселенія изъ родного гнѣзда на пограничную пустошь безъ всякой вины, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ“. Отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали не только землевладѣльцы, которые обязаны были мѣнять свою вотчину или помѣстную осѣдлость и бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое въ чуждой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ, съ новымъ рабочимъ населеніемъ. Въ одинаковой степени страдало отъ перемѣны хозяевъ и это рабочее населеніе, страдало особенно тогда, когда ему вмѣстѣ съ дворцовою или черною землею, на которой оно сидѣло, приходилось попадать въ частную зависимость. Отношенія между владѣльцами земель и ихъ крестьянскимъ населеніемъ были въ ту пору уже достаточно запутаны; опричнина должна была еще болѣе ихъ осложнить и замутить.

Но вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ XVI вѣка переводитъ насъ уже въ иную область московскихъ общественныхъ затрудненій. Къ раскрытію ихъ теперь и обратимся.

Соціальное противорѣчіе въ московской жизни XVI вѣка.

Рядомъ съ политическимъ противорѣчіемъ московской жизни, получившимъ первое свое разрѣшеніе въ опричнинѣ, выше мы отмѣтили и другое—соціальное. Мы опредѣлили его, какъ систематическое подчиненіе интересовъ рабочей массы интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ на счетъ этой массы. Къ такому подчиненію московское правительство было вынуждено неотложными потребностями государственной обороны. Оно дѣйствовало очень рѣшительно въ данномъ направленіи потому, что не вполнѣ отчетливо представляло себѣ послѣдствія своей политики. Борьба съ сосѣдями на окраинахъ нѣмецкой, литовской и татарской въ XV—XVI вв. заставляла во что бы то ни стало увеличивать боевыя силы государства. На границахъ протягивались линіи новыхъ и возобновленныхъ крѣпостей. Въ этихъ крѣпостяхъ водворялись гарнизоны, въ составъ которыхъ поступали люди изъ низшихъ слоевъ населенія, мѣнявшіе посадскій или крестьянскій дворъ на дворъ въ стрѣлецкой, пушкарской или иной „приборной“ слободѣ. Этотъ вновь поверстанный въ государеву службу мелкій людъ въ большинствѣ своемъ извлекался изъ уѣздовъ, которые тѣмъ самымъ теряли часть своего трудоспособнаго населенія. На смѣну ушедшимъ, въ уѣздахъ водворялись иного рода „жильцы“; они не входили въ составъ тяглыхъ міровъ уѣзда и не принадлежали къ трудовой массѣ земледѣльческо-промышленнаго населенія, а становились выше этой массы, въ качествѣ ея господъ. То были служилые помѣщики и вотчинники, которымъ щедро раздавались черныя и дворцовыя земли съ тяглымъ ихъ населеніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка можно наблюдать распространеніе этихъ формъ служилаго землевладѣнія, помѣстья и мелкой вотчины, на всемъ югѣ и западѣ Московскаго государства въ Замосковьѣ, въ городахъ отъ украйнъ западныхъ и южныхъ, въ Понизовьѣ. Нуждаясь въ людяхъ, годныхъ къ боевой службѣ, сверхъ стариннаго класса своихъ слугъ, вольныхъ и невольныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, правительство подбираетъ необходимыхъ ему людей, сажая на помѣстья, отовсюду, изо всѣхъ слоевъ Московскаго общества, въ какихъ только существовали отвѣчающіе военнымъ нуждамъ элементы. Въ новгородскихъ и псковскихъ мѣстахъ оно пользуется тѣмъ, напримѣръ, классомъ мелкихъ землевладѣльцевъ, который существовалъ еще при вѣчевомъ укладѣ—такъ называемыми „земцами“ или „своеземцами“. Оно

отбираетъ часть ихъ въ служилый классъ, заставляя этихъ „дѣтей боярскихъ земцевъ“ служить съ ихъ маленькихъ вотчинъ и давая къ этимъ вотчинамъ помѣстья. Остальная же часть „земцевъ“ уходитъ въ тяглые слои населенія. Въ другихъ случаяхъ, если у правительства не хватало своихъ слугъ, оно брало ихъ въ частныхъ домахъ. Извѣстенъ случай, когда государевъ писецъ Д. В. Китаевъ „помѣстилъ“ на государеву службу нѣсколько десятковъ семей боярскихъ холоповъ. Верстали въ службу и татаръ „новокрещеновъ“, даже татаръ, оставшихся въ исламѣ; этихъ послѣднихъ устраивали на службѣ особыми отрядами и на земляхъ особыми гнѣздами: такъ, за татарами всегда бывали земли въ Касимовѣ и Елатьмѣ на Окѣ, бывалъ и городокъ Романовъ на Волгѣ. Наконецъ, правительство пользовалось услугами и той темной по происхожденію казачьей силы, которая выросла въ XVI вѣкѣ на дикомъ полѣ и южныхъ рѣкахъ. Не справляясь о казачьемъ прошломъ, казаковъ или нанимали для временной службы, какъ это было, напримѣръ, въ 1572 году, или же верстали на постоянную службу, возводя въ чинъ „дѣтей боярскихъ“, какъ это было, напримѣръ, въ Епифани въ 1585 году. Словомъ, служилый классъ складывался изъ лицъ самыхъ разнообразныхъ состояній и потому росъ съ чрезвычайной быстротой. Только въ самомъ исходѣ XVI вѣка, когда въ центральныхъ областяхъ численность служилыхъ чиновъ, достигла желаемой степени, появилась мысль, что въ государеву службу слѣдуетъ принимать съ разборомъ, не допуская въ число дѣтей боярскихъ „поповыхъ и мужичьихъ дѣтей, холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ“. Но столь разборчивы стали только въ коренныхъ областяхъ государства, а на южной окраинѣ, гдѣ по прежнему была нужда въ сильныхъ и храбрыхъ людяхъ, благоразумно воздерживались отъ разспроса и сыска про отечество тѣхъ, кого верстали помѣстьемъ.

Итакъ, численность служилаго класса въ XVI вѣкѣ росла съ чрезвычайной скоростью, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и площадь, охваченная служилымъ землевладѣніемъ, которымъ тогда обезпечивалась исправность службъ. Слѣдуетъ отмѣтить тѣ послѣдствія, какими сопровождалось для коренного городского населенія водвореніе въ города и посады служилаго люда. Военные слободы и осадные дворы губительно дѣйствовали на посадскіе міры. Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ и падалъ. Изъ центра народно-хозяйственной жизни городъ превращался въ центръ административно-военный, а старое городское населеніе разбредалось или же, оставаясь на мѣстѣ, разными способами выходило изъ государева тягла. Нѣчто подобное происходило и съ водвореніемъ служилымъ людей въ уѣздахъ.

Раздача земель служилымъ людямъ производилась обыкновенно съ такимъ соображеніемъ, чтобы помѣстить военную силу поближе къ тѣмъ рубежамъ, охрана которыхъ на нее возлагалась. Въ Поморьѣ не было удобно размѣщать помѣщиковъ, такъ какъ поморскіе уѣзды были далеки отъ всякаго возможнаго театра войны. Служилый людъ получалъ поэтому свои земли въ южной половинѣ государства, скучиваясь къ украинамъ „польской“ и западной. Чѣмъ ограниченнѣе былъ районъ обычнаго размѣщенія служилыхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ быстрѣе переходили въ этомъ районѣ въ частное обладаніе бояръ и дѣтей боярскихъ земли государственныя (черныя) и государевы (дворцовыя). Когда этотъ процессъ передачи правительственныхъ земель служилому классу былъ осложненъ пересмотромъ земель въ опричнинѣ и послѣдствіемъ этого пересмотра—массовымъ перемѣщеніемъ служилыхъ землевладѣльцевъ, то онъ получилъ еще болѣе быстрый ходъ и пришелъ къ нѣкоторой развязкѣ: земель, составлявшихъ помѣстный фондъ, ко второй половинѣ XVI столѣтія уже не хватало, и помѣщать служилыхъ людей въ центральной и южной полосѣ государства стало трудно. Не считая прямого указанія на недостатокъ земель, находящагося въ сочиненіи Флетчера, о томъ же свидѣтельствуетъ хроническое несоотвѣтствіе помѣстнаго „оклада“ служилыхъ людей съ ихъ „дачей“: дѣйствительная дача помѣщиковъ постоянно была меньше номинальнаго ихъ оклада, хотя за ними и сохранялось право „пріискать“ самимъ то количество земли, какое „не дошло“ въ ихъ окладъ. Въ помѣстную раздачу, по недостатку земель, обращались не только дворцовыя и черныя земли, но даже вотчинныя владѣнія, свѣтскія и церковныя, взятыя на государя именно съ цѣлью передать ихъ въ помѣстный оборотъ. То обстоятельство, что въ центральныхъ частяхъ государства въ то же самое время существовало большое количество заброшенныхъ „порожнихъ“ земель, не только не опровергаетъ факта недостачи помѣстной земли, но служитъ къ его лучшему освѣщенію. Этихъ пустошей не брали „за пустомъ“, ихъ нельзя было обратить въ раздачу, и потому то приходилось пополнять помѣстный фондъ, взамѣнъ опустѣлыхъ дачъ, новыми участками изъ вотчинныхъ и мірскихъ земель, не бывшихъ до тѣхъ поръ за помѣщиками.

Такимъ образомъ, къ исходу XVI вѣка въ уѣздахъ южной половины Московскаго государства служилое землевладѣніе достигло своего крайняго развитія въ томъ смыслѣ, что захватило въ свой оборотъ всѣ земли, не принадлежавшія монастырямъ и дворцу государеву. Тяглое населеніе южныхъ и западныхъ областей оказалось при этомъ сплошь на частновладѣльческихъ, служилыхъ и монастырскихъ земляхъ за исключеніемъ небольшого, сравнительно, количества дворцовыхъ волостей. Тяглая община въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ на московскомъ сѣверѣ, могла уцѣлѣть лишь тамъ, гдѣ черная или дворцовая волость цѣликомъ попа-

дала въ составъ частнаго земельнаго хозяйства. Такъ было, напримѣръ, съ Юхотскою волостью при пожалованіи ея кн. Ѳ. М. Мстиславскому и во всѣхъ другихъ случаяхъ образованія крупныхъ, въ одной межѣ, боярскихъ и монастырскихъ хозяевъ. Въ этихъ крупныхъ владѣніяхъ крестьянскій міръ не только могъ сохранить внутреннюю цѣлость мірского устройства и мірскихъ отношеній, какъ они сложились подъ давленіемъ податного оклада и круговой отвѣтственности, но онъ пріобрѣталъ сверхъ тяглой и государственной еще и вотчинно-хозяйственную организацію подъ вліяніемъ частновладѣльческихъ интересовъ вотчинника. Эта организація могла тяготить различными своими сторонами тяглаго человѣка, но она давала ему и выгоды: жить „за хребтомъ" сильнаго и богатаго владѣльца въ „тарханной" вотчинѣ было выгоднѣе, безопаснѣе и спокойнѣе; тянуть свои дани и оброки съ привычнымъ міромъ было легче. Когда же черная или дворцовая волость шла „въ раздачу" рядовымъ дѣтямъ боярскимъ мелкими участками, тогда ея тяглое населеніе терпѣло горькую участь. Межи мелкопомѣстныхъ владѣній дробили волость, прежде единую, на много частныхъ разобщенныхъ хозяйствъ, и старое тяглое устройство исчезало. Служилый владѣлецъ становился между крестьянами своего помѣстья и государственною властью. Получая право облагать и оброчить крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу, онъ въ то же время былъ обязанъ собирать съ нихъ государевы подати. По официальнымъ выраженіямъ XVI вѣка не крестьяне, а ихъ служилый владѣлецъ „тянулъ во всякія государевы подати" и получалъ „льготы во всякихъ государевыхъ податяхъ". Вотъ какъ, напримѣръ, выражалась писцовая книга 1572 года о четырехлѣтней льготѣ, данной помѣщику: „а въ тѣ ему урочныя лѣта, съ того его помѣстья крестьянамъ его государевыхъ всякихъ податей не давати до тѣхъ урочныхъ лѣтъ, а какъ отсидитъ льготу, и ему съ того помѣстья потянути во всякія государевы подати". Пользуясь правомъ „называть" крестьянъ на пустые дворы, владѣлецъ обязывалъ ихъ договоромъ не съ „старожильцами" своего помѣстья или вотчины, а съ самимъ собою. Такимъ образомъ, функціи выборныхъ властей тяглаго міра переходили на землевладѣльца и въ его рукахъ обращались въ одно изъ средствъ прикрѣпленія крестьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное выше развитіе служилаго и вообще частнаго землевладѣнія было однимъ изъ рѣшительныхъ условій крестьянскаго прикрѣпленія. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновенія привилегированныхъ земельныхъ хозяйствъ на правительственныхъ земляхъ былъ переходъ крестьянъ отъ податного самоуправленія и хозяйственной самостоятельности въ землевладѣльческую опеку и въ зависимость отъ господскаго хозяйства. Этотъ переходъ въ отдѣльныхъ случаяхъ могъ быть легкимъ и выгоднымъ, но вообще онъ равнялся потерѣ гра-

жданской самостоятельности. Коренное населеніе тяглой черной волости—крестьяне старожильцы, „застарѣвшіе" на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ, съ которыхъ они не могли уходить, не получали права выхода и отъ землевладѣльца, когда попадали съ своею землею въ частное обладаніе. Прикрѣпленіе къ тяглу въ самостоятельной податной общинѣ замѣнялось для нихъ прикрѣпленіемъ къ владѣльцу, за которымъ они записывались при отводѣ ему земли. Эта „крѣпость" старожильцевъ, выражавшаяся въ потерѣ права передвиженія, была общепризнаннымъ положеніемъ въ XVI вѣкѣ: возникшая въ практикѣ правительственно-податной она легко была усвоена и частно-владѣльческою практикою. Охраняя свой интересъ, правительство разрѣшало частнымъ владѣльцамъ „называть" на свои земли не всѣхъ вообще крестьянъ, а лишь не сидѣвшихъ на тяглѣ: „отъ отцовъ дѣтей, и отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу крестьянъ не называти". И частные землевладѣльцы не отпускали отъ себя тѣхъ, кого получали вмѣстѣ съ землею, кто обжился и застарѣлъ въ ихъ владѣніи; такихъ „старожильцевъ" они считали уже крѣпкими себѣ и въ случаѣ ихъ ухода возвращали, ссылаясь на писцовую книгу или иной документъ, въ которомъ ушедшіе тяглецы были записаны за ними. За такой порядокъ стояли не только сами землевладѣльцы,—его держалось и правительство. Съ точки зрѣнія правительственной, онъ былъ удобенъ и необходимъ. Крѣпкое владѣльцу рабочее населеніе служило надежнымъ основаніемъ и служебной исправности служилаго землевладѣльца, и податной исправности частно-владѣльческихъ хозяйствъ.

Но для рабочаго населенія переходъ въ частную зависимость былъ такимъ житейскимъ осложненіемъ, съ которымъ оно не могло примириться легко. Въ данномъ же случаѣ дѣло обострялось еще тѣмъ, что передача правительственныхъ земель частнымъ лицамъ происходила не съ правильною постепенностью. Мы видѣли, что она была осложнена опричниною. Обращеніе земель подгонялось политическими обстоятельствами и принимало характеръ тревожный и безпорядочный. Пересмотръ „служилыхъ людишекъ" съ необыкновенной быстротою и въ большомъ количествѣ перебрасывалъ ихъ съ земель на земли, разрушая старинныя хозяйства въ однихъ мѣстахъ и создавая новыя въ другихъ. Всѣ роды земель, отъ черныхъ до монастырскихъ, были втянуты въ этотъ пересмотръ и мѣняли владѣльцевъ, — то отбирались на государя, то снова шли въ частныя руки. Къ этому именно времени болѣе всего пріурочивается замѣчаніе В. О. Ключевскаго, что въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка—„населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротою цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ". Только эта „игра въ крестьянъ и въ землю" доведена была до такого напряженія не

одними иноками богатыхъ монастырей, какъ говоритъ Ключевскій, но, прежде всего, самимъ правительствомъ Грознаго. Монастыри лишь пользовались, и при томъ умѣло пользовались, земельною катастрофою и удачно подбирали въ свою пользу обломки разбитаго Грознымъ вотчиннаго землевладѣнія царскихъ слугъ. Крестьяне такимъ образомъ переживали разомъ двѣ бѣды: съ одной стороны, государевы земли, которыми они владѣли, быстро и всею массою переходили въ служилыя руки ради нуждъ государственной обороны; съ другой стороны, этотъ переходъ земель, благодаря опричнинѣ, сталъ насильственно-безпорядочнымъ. На мало понятныя для крестьянства ограниченія его правъ и притѣсненія оно отвѣчало усиленнымъ выходомъ съ земель, взятыхъ изъ непосредственнаго крестьянскаго распоряженія. Въ то самое время, когда крестьянскій трудъ стали полагать въ основаніе имущественнаго обезпеченія вновь образованнаго служилаго класса, крестьянство попыталось возвратить своему труду свободу—черезъ переселеніе.

Вотъ въ чемъ мы видимъ главную причину усиленія, во второй половинѣ XVI вѣка, крестьянскаго выхода изъ мѣстностей, занятыхъ служилымъ землевладѣніемъ. Писцовыя книги и лѣтописи того времени объясняли сильное запустѣніе центральныхъ южныхъ областей государства, главнымъ образомъ татарскимъ набѣгомъ 1571 года, когда ханъ дошелъ до самой Москвы, а отчасти „моровымъ повѣтріемъ“ и „хлѣбнымъ недородомъ“. Но это были второстепенныя и позднѣйшія причины: главная заключалась въ потерѣ земли.

Развитію крестьянскаго населенія способствовали многія условія московской политической жизни XVI вѣка. Благодаря этимъ условіямъ, въ крестьянской массѣ рождалась самая мысль о выселеніи, ими же облегчалось и передвиженіе землевладѣльцевъ на новыя земли. Первое изъ этихъ условій надо искать въ громадныхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Москвы. Въ половинѣ XVI вѣка торжество надъ татарами на востокѣ и югѣ передало въ полную власть Москвы среднюю и нижнюю Волгу и мѣста на югъ отъ Оки. Въ новыхъ областяхъ отъ верховьевъ Оки до Камскаго устья залегалъ почти сплошной, съ небольшими островами песка и суглинка, тучный пластъ чернозема. Этотъ черноземъ давно манилъ къ себѣ великоросса-земледѣльца. Задолго до Казанскаго взятія и до занятія крѣпостями верховій Оки и Дона, еще въ XV вѣкѣ, возникли здѣсь русскія поселенія. Когда же по взятіи Казани правительство московское утвердилось на новыхъ мѣстахъ, и жизнь на этихъ окраинахъ стала безопаснѣе, сюда по извѣстнымъ уже путямъ массою потянулось земледѣльческое населеніе, ища новыхъ землицъ взамѣнъ старой земли, отходившей въ служилыя руки. Успѣхи колонизаціи этихъ новыхъ земель также какъ и успѣхи колонизаціи въ понизовыхъ и украйныхъ городахъ, обусловливались тѣмъ, что свободное движеніе народныхъ массъ соеди-

нялось въ одномъ стремленіи съ правительственною дѣятельностью по занятію и укрѣпленію вновь занятыхъ пространствъ.

Если переломъ въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянства былъ главнымъ побужденіемъ къ выселенію, если пріобрѣтеніе плодородныхъ земель обусловливало направленіе переселенческаго движенія, то первоначальный способъ отношенія правительства къ переселенцамъ содѣйствовалъ рѣшимости переселяться. На новыхъ земляхъ правительство, спѣша закрѣпить ихъ за собою, строило города, водворяло въ нихъ временные отряды „жильцовъ" и вербовало постоянные гарнизоны. Оно иногда сажало въ нихъ вмѣстѣ съ военными людьми и людей торговыхъ, имѣя въ виду передать имъ мѣстный рынокъ; такъ въ Казань, послѣ ея завоеванія, были переведены изъ Пскова нѣсколько семей псковскихъ „гостей", и, несмотря на то, что на родинѣ эти „переведенцы" были опальными людьми, имъ создали льготную обстановку на новосельѣ. Такимъ образомъ въ новозавоеванный край правительство само посылало „жильцовъ" на временную службу и на постоянное житье. Въ мѣру своихъ потребностей оно поощряло переселеніе и не служилыхъ людей, давая „приходцамъ" податныя льготы, пока они обживутся на новыхъ хозяйствахъ. Подобное отношеніе могло только возбуждать народъ къ выселенію на окраины и подавать надежды на хозяйственную независимость и облегченіе податного бремени.

Однако къ послѣдней четверти XVI столѣтія уменьшеніе населенія въ замосковныхъ и западныхъ уѣздахъ достигло большихъ размѣровъ и вызвало перемѣну въ настроеніи правительства, возбудивъ въ немъ большую тревогу. Опустѣніе земель лишило правительство силъ и средствъ для продолженія борьбы за Ливонію. Съ опустѣлыхъ служилыхъ земель не было ни службы, ни платежей, а лучшія населенныя церковныя земли были „въ тарханехъ" и не несли служебнаго и податнаго бремени. Успѣхи Стефана Баторія были такъ легки и велики не только потому, что у него былъ военный талантъ и хорошее войско, но и потому, что онъ билъ врага, уже обезсиленнаго тяжкимъ внутреннимъ недугомъ. Вялость и нерѣшительность Грознаго въ послѣдній періодъ борьбы порождалась, думаемъ, не простыми припадками личной трусости, а сознаніемъ, что у него исчезли средства для войны, что его земля „въ пустошь изнурилась" и „въ запустѣніе пришла". Стремленіемъ поправить дѣло вызвано было въ 1572 и 1580 г.г. запрещеніе передавать служилыя земли во владѣніе духовенства, въ 1584 году отмѣна податныхъ льготъ (тархановъ) въ церковныхъ вотчинахъ. Важность этихъ мѣръ легко себѣ представить, если вспомнить, что кругомъ Москвы двѣ пятыхъ (37%) всей пашенной земли принадлежали духовенству, и что на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, составлявшихъ остальныя три пятыхъ, хозяйство поддерживалось только на одной третьей части (23%), остальное же (40%) было запустошено

служилыми владѣльцами. Если данныя о подмосковномъ пространствѣ можно распространять на весь вообще центръ государства, то позволительно сказать, что болѣе половины всѣхъ воздѣланныхъ земель было „въ тарханахъ“, а нельготныя служилыя земли на двѣ трети пустѣли. Изъ соборнаго приговора 1584 года видно, что правительство въ то время уже вполнѣ отчетливо представляло себѣ такое положеніе дѣла. Постановляя отмѣну тархановъ на церковныхъ земляхъ, соборный актъ говоритъ, что владѣльцы „съ тѣхъ (земель) никакія царскія дани и земскихъ розметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди, тѣ ихъ земли оплачиваютъ, и сего ради многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ, платячи за тарханы, а крестьяне, вышедъ изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ“. Таково было правительственное признаніе землевладѣльческаго кризиса, признаніе нѣсколько позднее, сдѣланное уже тогда, когда кризисъ былъ въ полномъ развитіи, и когда частные землевладѣльцы испробовали много средствъ для борьбы съ нимъ. Правительство вступилось въ дѣло для охраны своихъ и владѣльческихъ интересовъ только въ исходѣ XVI вѣка и дѣйствовало посредствомъ лишь временныхъ и частныхъ мѣропріятій, колеблясь въ окончательномъ выборѣ направленія и средствъ. Оно не рѣшалось сразу прикрѣпить къ мѣсту всю массу тяглаго населенія, но создало рядъ препятствій къ его передвиженію. Такими препятствіями должны были служить: временное уничтоженіе тархановъ, запрещеніе принимать закладчиковъ и держать слугъ безъ крѣпостей, явленныхъ опредѣленнымъ порядкомъ, ограниченіе крестьянскаго перевоза, перепись крестьянскаго населенія въ книгахъ 7101 (1592—1593) года. Этими мѣрами думали сохранить для государства необходимое ему количество службы и подати, а для служилыхъ землевладѣльцевъ остатки рабочаго населенія ихъ земель.

Но гораздо ранѣе правительственнаго вмѣшательства землевладѣльческій классъ примѣнилъ къ дѣлу для борьбы съ кризисомъ рядъ средствъ, указанныхъ ему условіями хозяйственной дѣятельности и особенностями общественныхъ отношеній того времени. Къ энергической борьбѣ съ кризисомъ землевладѣльцевъ вынуждали сами обстоятельства, рокового значенія которыхъ нельзя было не понять. Отливъ населенія создалъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ частныхъ земельныхъ хозяйствахъ и довелъ до громадныхъ размѣровъ хозяйственную „пустоту“. Писцовыя книги второй половины XVI вѣка насчитываютъ очень много пустошей: вотчинъ пустыхъ и поросшихъ лѣсомъ; селъ, брошенныхъ населеніемъ, съ церквами „безъ пѣнія“; порозжихъ земель, которыя „за пустомъ не въ роздачѣ“ и которыя изъ оброка кое-гдѣ пашутъ крестьяне „наѣздомъ“. Мѣстами еще жива память объ ушедшихъ хозяевахъ, и пустоши еще хранятъ ихъ имена, а мѣстами и хозяева уже забыты, и „имянъ ихъ сыскати некѣмъ“. Отъ пустоты совсѣмъ погибало хозяйство мелкаго мало-

помѣстнаго служилаго человѣка: ему было не съ чего явиться на службу и „впередъ служити нечѣмъ", онъ самъ шелъ „бродить межъ дворъ", бросая опустѣлое хозяйство, пока не попадалъ на новый помѣстный участокъ или не находилъ прiюта въ боярскомъ дворѣ. Крупные землевладѣльцы—равно служилые и церковные—имѣли гораздо больше экономической устойчивости. Льготы, которыми они умѣли запастись, сами по себѣ влекли на ихъ земли трудовое населенiе. Возможность сохранить мiрское устройство въ большой боярской или монастырской вотчинѣ была второю причиною тяготѣнiя крестьянства къ крупнымъ земельнымъ хозяйствамъ. Наконецъ, и выходъ крестьянина отъ крупнаго владѣльца былъ не такъ легокъ; администрацiя крупныхъ вотчинъ въ борьбѣ за крестьянъ имѣла достаточно искусства, влiянiя и средствъ, чтобы не только удерживать за собою своихъ крестьянъ, но еще и „называть" на свои земли чужихъ. Такимъ образомъ, когда мелкiе землевладѣльцы разорялись въ конецъ, болѣе крупные и знатные держались и даже пытались возобновлять хозяйство на случайно запустѣвшихъ и обезлюдившихъ участкахъ.

Первое средство для этого заключалось въ привлеченiи крестьянъ съ другихъ земель, частныхъ и правительственныхъ. Землевладѣльцы выпрашивали у государя на свои пустыя вотчины „льготу", то-есть освобожденiе земли на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей съ тѣмъ, чтобы имъ „въ тѣ льготныя лѣта, въ той своей вотчинѣ на пустѣ дворы поставити и крестьянъ назвати и пашня розпахати". Опираясь на уцѣлѣвшее въ другихъ участкахъ хозяйство, дѣйствуя посредствомъ свободнаго денежнаго капитала, пользуясь льготами, выпрошенными у правительства, эти владѣльцы дѣйствительно успѣвали обновлять упавшее хозяйство. Имѣя право „называть" и сажать у себя крестьянъ только свободныхъ отъ тягла, а не „съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ", они на самомъ дѣлѣ перезывали и перевозили къ себѣ всѣхъ безъ разбора, кого только могли вытянуть изъ-за другихъ землевладѣльцевъ. Очень извѣстно, какiе большiе размѣры и какiя грубыя формы принималъ этотъ перевозъ крестьянъ черезъ особыхъ агентовъ „отказчиковъ", какiя горькiя жалобы онъ вызывалъ со стороны тѣхъ, кто терялъ работниковъ. Рядъ насилiй, сопровождавшихъ эту операцiю, давалъ большую работу судамъ и озабочивалъ правительство. Еще при Грозномъ были приняты какiя то мѣры относительно крестьянскаго вывоза: въ 1584 году сосѣди по рязанскимъ землямъ дьяка А. Шерефдинова жаловались на этого самоуправца царю Ѳеодору, говоря, что дьякъ „твои государевы помѣстныя земли къ вотчинѣ пашетъ и крестьянъ насильствомъ твоихъ государевыхъ селъ и изъ-за дѣтей боярскихъ возитъ мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья". Что это за „уложенiе", сказать трудно; во всякомъ случаѣ московское правительство пришло къ необходимости вмѣшаться въ дѣло

крестьянскаго перевоза для охраны своего интереса и интересовъ мелкихъ служилыхъ владѣльцевъ. Перевозъ крестьянъ, сидѣвшихъ на тяглѣ, лишалъ правительство правильнаго дохода съ тяглой земли, а уходъ крестьянъ отъ служилаго человѣка лишалъ его доходовъ и возможности служить. Указы 1601 и 1602 года были первымъ закономъ, поставившимъ опредѣленныя границы передвиженію крестьянъ. Переходъ крестьянъ съ мелкихъ земельныхъ хозяйствъ на крупныя былъ вовсе остановленъ: крупнымъ землевладѣльцамъ было запрещено возить крестьянъ „промежъ себя и у сторонних людей“. Въ мелкихъ же служилыхъ владѣніяхъ дозволено было мѣняться крестьянами полюбовно—безъ зацѣпокъ и задоровъ, боевъ и грабежей, которыми обыкновенно сопровождался въ тѣ годы крестьянскій „отказъ“. Очевидно, что цѣлью подобныхъ ограниченій была охрана мелкаго служилаго землевладѣнія, наиболѣе страдавшаго отъ кризиса. Ради этой цѣли правительство отказалось отъ обычнаго покровительства крупнымъ земельнымъ собственникамъ, которые, казалось бы, съ пользою для государственнаго порядка работали надъ возстановленіемъ хозяйственной культуры на опустѣлыхъ пространствахъ. Разрушительныя слѣдствія этой своекорыстной работы были, наконецъ, поняты руководителями московской политики.

Другое средство для борьбы съ кризисомъ землевладѣльцы находили въ экономическомъ закабаленіи своего крестьянства. Принимало ли это закабаленіе юридически опредѣленныя формы или нѣтъ,—все равно оно было очень дѣйствительнымъ препятствіемъ къ выходу крестьянина изъ-за владѣльца. Хотя расчеты по земельной арендѣ, опредѣленные порядными, по закону не связывались съ расчетами крестьянъ по инымъ обязательствамъ, однако прекращеніе арендныхъ отношеній съ землевладѣльцемъ естественно вело къ ликвидаціи всѣхъ прочихъ денежныхъ съ нимъ расчетовъ. Крестьянъ не выпускали безъ окончательной расплаты, и чѣмъ болѣе былъ опутанъ крестьянинъ, тѣмъ крѣпче сидѣлъ онъ на мѣстѣ. Его, правда, могъ выкупить черезъ своего „отказчика“ другой землевладѣлецъ, но это требовало ловкости и было не всегда возможно: право выхода не признавалось за старожильцами, да и крестьянъ, жившихъ съ порядными, владѣльцы не всегда выпускали даже по „отказу“. Они прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы предупредить уходъ работника или ему воспрепятствовать. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ довольно обычнымъ, были „поручныя“ записи, выдаваемыя нѣсколькими поручителями по крестьянинѣ въ томъ, что ему за порукою тамъ то жить, „земля пахати и дворъ строити, новыя хоромы ставити, а старыя починивати, а не збѣжати“. Въ случаѣ же побѣга поручители „поручники“, отвѣчали условленною суммою, размѣры которой иногда выростали до неимовѣрности. Въ 1584 году въ Кирилловѣ монастырѣ можно было видѣть „запись поручную на Прилуцкаго христьянина на Автонома на Якушева сына въ

тысячѣ во стѣ рубляхъ". Иногда выходу, даже законному, препятствовали прямымъ насиліемъ: крестьянъ мучили, грабили и въ желѣзо ковали. Полученная отъ землевладѣльца хозяйственная подмога, „ссуда", или сдѣланный крестьяниномъ у владѣльца долгъ—„серебро", какъ тогда называли, разсматривались землевладѣльцемъ, какъ условіе личной крѣпости крестьянина-должника хозяину-кредитору. Хотя бы эта ссуда и не влекла за собой служилой кабалы, хотя бы и не превращала крестьянина формально въ холопа, все-таки она давала лишніе поводы къ самоуправному задержанію крестьянина и тяготѣла надъ сознаніемъ земледѣльца—должника, какъ бы обязывая его держаться того господина, который помогъ ему въ минуту нужды. Конечно, только удобствами для землевладѣльцевъ помѣщать свои капиталы въ крестьянское „серебро" слѣдуетъ объяснить чрезвычайное развитіе крестьянской задолженности. Не разъ указанъ былъ для второй половины XVI вѣка разительный фактъ, что изъ полуторы тысячи вытей земли, арендуемой у Кириллова монастыря его же крестьянами, 1,075 вытей засѣвались сѣменами, взятыми у монастыря; такимъ образомъ 70% пашни, снятой у монастыря, находилось въ пользованіи „людей, безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои участки". Если допустить, что таково же было положеніе дѣла и на другихъ владѣльческихъ земляхъ, то возможно совершенно удовлетворительно объяснить себѣ перерожденіе крестьянскаго „выхода" въ крестьянскій „вывозъ". Охудалая и задолженная крестьянская масса неизбѣжно должна была отказаться отъ самостоятельнаго передвиженія; для выхода у нея не было средствъ. Крестьянамъ, задолжавшимъ хозяину и желавшимъ уйти отъ него, оставалось или „выбѣжать" безъ расчета съ владѣльцемъ, или ждать отказчика, который бы ихъ выкупилъ и вывезъ. Около 1580 года въ тверскихъ дворцовыхъ земляхъ великаго князя Симеона Бекбулатовича считали 2,060 жилыхъ и 332 пустыхъ дворовъ, а въ дворахъ 2,217 крестьянъ. На всю эту массу писцовая книга отмѣтила 333 крестьянскихъ перехода за нѣсколько, предшествовавшихъ переписи лѣтъ. Вышло изъ-за „великаго князя" на земли другихъ владѣльцевъ и перешло въ предѣлахъ его владѣній изъ волости въ волость всего 300 человѣкъ; пришло „ново" къ Симеону Бекбулатовичу 27 человѣкъ и скиталось безъ осѣдлости 6 человѣкъ. Изъ общаго числа трехсотъ ушедшихъ крестьянъ перешло самостоятельно всего 53, убѣжало незаконно 55 и было „вывезено" 188. Стало-быть, 63% ушедшихъ оставило свои мѣста съ чужимъ посредничествомъ и помощью, а 18% просто сбѣжало безъ расчета. Только одна шестая часть могла „выйти" сама, и то въ большинствѣ случаевъ не покидая земли своего господина, а переходя изъ одной его волости въ другую, стало-быть, не мѣняя своихъ отношеній къ хозяину. Такой подсчетъ, какъ бы ни былъ онъ несовершененъ, даетъ очень опредѣленное впечатлѣніе, *какъ правило, крестьянскій выходъ не*

существуетъ; существуетъ вывозъ и побѣгъ. Не законъ отмѣнилъ старый порядокъ выхода, а крестьянская нужда, искусственно осложненная владѣльческимъ „серебромъ“, привязывала крестьянъ, имѣвшихъ право на переходъ къ извѣстной осѣдлости.

Экономическая зависимость задолженнаго крестьянина, такимъ образомъ, могла и не переходить въ юридическое ограниченіе права выхода и все-таки была дѣйствительнымъ житейскимъ средствомъ держать земледѣльца на владѣльческой пашнѣ. Но эта зависимость могла получить и юридическій характеръ, превративъ крестьянина въ холопа, полнаго или кабальнаго. Судебникъ 1550 года допускаетъ, въ статьѣ 88-й, возможность того, что „крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи“. По записнымъ книгамъ служилыхъ кабалъ конца XVI вѣка можно установить десятки случаевъ, когда въ число кабальныхъ людей вступали бобыли и крестьянскія дѣти. Выходъ изъ крестьянскаго состоянія въ рабство закономъ не былъ закрытъ или ограниченъ до самаго конца XVI вѣка, чѣмъ и пользовалась практика. Законодательство московское терпѣло даже такой порядокъ, по которому выдача служилой кабалы могла совершаться безъ явки правительству. Только съ 1586 года записка кабалъ въ особыя книги стала обязательною; до тѣхъ же поръ, несмотря на указаніе статьи 78-й Судебника, можно было обходиться и безъ этого. Понятно, какой просторъ оставался для подобнаго рода сдѣлокъ, разъ онѣ могли происходить съ полною свободою и безконтрольно. Землевладѣльцы вымогали кабалу у тѣхъ, кому давали пріютъ въ своемъ дворѣ и на чей трудъ расчитывали. Большой процентъ малолѣтнихъ и инородцевъ, которые, по новгородскимъ записнымъ книгамъ, „били челомъ волею“ въ холопство, указываетъ на то, что такая „воля“ не всегда бывала сознательною даже при совершеніи договора формальнымъ порядкомъ. А внѣ этого порядка закабаленіе могло принимать еще болѣе откровенныя и грубыя формы. Въ погонѣ за лишнимъ работникомъ и слугою, при общемъ въ нихъ недостаткѣ, кабала была хорошимъ средствомъ привязать къ мѣсту тѣхъ, кого не было расчета сажать прямо на пашню. По записнымъ книгамъ видно, что въ кабалу идутъ въ большинствѣ одинокіе бездомовные люди, сироты и бродячая крестьянская молодежь; ихъ еще не станетъ на веденіе крестьянскаго хозяйства, но они уже полезны въ качествѣ дворовыхъ слугъ и батраковъ. Въ другихъ случаяхъ службу „во дворѣ“ могли предпочитать крестьянству и сами работники: маломочному бобылю и бродячему мастеровому человѣку, портному или сапожнику, въ чужомъ дворѣ могло быть лучше, чѣмъ на своемъ нищемъ хозяйствѣ и бѣдномъ бродячемъ мастерствѣ. Вотъ приблизительно тѣ условія, въ которыхъ создавалась кабальная или вообще холопья зависимость. Она отрывала людей отъ пашни и тягла, но не выводила ихъ изъ экономіи землевладѣльца. Она содѣйствовала тому, чтобы за земле-

владѣльцами закрѣплялись и тѣ элементы крестьянскаго міра, которые не имѣли прямого отношенія къ тяглой пашнѣ и отличались наибольшею подвижностью. Чѣмъ замѣтнѣе становилась эта подвижность и наклонность къ выходу на государственныя окраины и въ „поле", тѣмъ дѣятельнѣе перетягивали владѣльцы къ себѣ во дворъ на кабальную службу бродившія силы. Въ этихъ условіяхъ не мы первые видимъ главную причину чрезвычайнаго развитія въ XVI вѣкѣ кабальной службы.

Но служба во дворѣ могла и не быть кабальною. При отсутствіи контроля, который приводилъ бы къ необходимости укрѣплять за собою дворню формальнымъ порядкомъ, черезъ записку крѣпостныхъ документовъ, владѣльцы держали у себя людей вовсе безъ крѣпостей. Такіе „добровольные" люди или „вольные холопи", какъ ихъ назвалъ законъ 1597 г., на дѣлѣ ничѣмъ не отличались отъ крѣпостныхъ слугъ, что призналъ и законъ въ 1597 году, указавъ брать на нихъ крѣпости даже противъ ихъ воли. И ранѣе московское правительство не покровительствовало такой „добровольной службѣ", осуждая тѣхъ, кто „добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости". Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, „добровольные" слуги могли представляться нежелательными. Господамъ своимъ они не были крѣпки, потому что могли ихъ покинуть съ полною безнаказанностью; для государства они были безполезны, ибо не несли его тяготъ, и очень неудобны своею неуловимостью. Въ рядахъ такихъ „вольныхъ" слугъ легко могли скрываться люди, ушедшіе съ государевой службы и тягла и „заложившіеся" за частное лицо, способное ихъ укрыть какъ отъ частной обиды, такъ и отъ государственныхъ повинностей.

Но именно эта возможность переманить способнаго къ работѣ человѣка съ тягла и службы въ частный дворъ или въ частную вотчину поддерживала обычай „добровольной" службы безъ крѣпости. Людей, записанныхъ въ тягло или въ служилую десятню, нельзя было формально укрѣпить въ холопствѣ, потому что правительство запрещало выходъ съ черныхъ тяглыхъ мѣстъ и съ государевой службы. А между тѣмъ много такихъ людей укрывалось на частныхъ земляхъ привилегированныхъ владѣльцевъ, гдѣ и жило „во льготѣ", разорвавъ свои связи съ государствомъ. Ихъ держали тамъ безъ крѣпостей и звали чаще всего именемъ „закладчиковъ". Отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ были чрезвычайно разнообразны. При крайней юридической неопредѣленности, они представляютъ большой бытовой интересъ. Мы видимъ закладчиковъ вездѣ: на монастырскихъ земляхъ они зовутся „вкладчиками", „дворниками" и просто „закладчиками"; на земляхъ боярскихъ ихъ зовутъ „дворниками", „вольными холопами", просто „людьми" и тоже „закладчиками". Въ однихъ случаяхъ это арендаторы владѣльческихъ земель и дворовъ, въ другихъ— сторожа осадныхъ дворовъ и дворовъ „для пріѣзду", въ третьихъ—дво-

ровые слуги, въ четвертыхъ—это обитатели ихъ собственныхъ дворовъ и усадебъ, когда-то тяглыхъ, а затѣмъ фиктивно проданныхъ привилегированному землевладѣльцу и потому „обѣленныхъ“, то-есть освобожденныхъ отъ тягла. Вся эта среда представляла собою внѣзаконное явленіе, съ которымъ правительство долго не находило средствъ бороться. Оно не разъ запрещало держать закладчиковъ, оно требовало крѣпости на всякаго служившаго въ частномъ хозяйствѣ человѣка, но это не вело къ цѣли, и закладничество жило, какъ извѣстно, во всей силѣ до Уложенія 1649 года.

Мы представили перечень тѣхъ способовъ, какими частныя земельныя хозяйства осваивали и укрѣпляли за собою, рабочую силу. Всѣ эти способы одинаково вели къ ограниченію свободы и правъ крестьянской и вообще тяглой массы, а нѣкоторые изъ нихъ клонились и къ нарушенію правительственныхъ интересовъ. Когда землевладѣльцы сажали на пустоши новыхъ работниковъ и ихъ трудомъ переводили эти пустоши „изъ пуста въ жило“, правительство выигрывало во всѣхъ отношеніяхъ: населенная и обработанная вотчина прямо увеличивала средства и силы самого правительства. Но когда этихъ новыхъ работниковъ хищнически вырывали изъ чужого хозяйства, терпѣло не только это послѣднее, но терпѣло и правительство: оно должно было разбирать тяжбу о крестьянахъ и лишалось дохода и службы съ потерпѣвшаго хозяйства. Когда владѣлецъ ссудою и серебромъ кабалилъ своего крестьянина, правительство могло оставаться спокойнымъ; за разореннаго мужика платилъ подати его владѣлецъ, а надъ общимъ вопросомъ о послѣдствіяхъ обнищанія земледѣльческаго класса тогда еще не задумывались. Но когда разоренный крестьянинъ превращался въ непашеннаго бобыля или продавался съ пашни въ холопи, оставаясь въ рукахъ прежняго владѣльца, правительство теряло: крестьянская деревня обращалась въ пустошь и не давала податей. И такъ бывало во многихъ случаяхъ: одно и то же дѣйствіе, смотря по его обстановкѣ, обращалось то въ пользу, то во вредъ дѣйствовавшему порядку. Этимъ обстоятельствомъ прежде всего должно объяснить ту нерѣшительность и осторожность, какую мы видимъ въ дѣйствіяхъ правительства. Жизнь заставляла его въ одно и то же время служить различнымъ цѣлямъ: поддерживать землевладѣльцевъ, особенно служилыхъ, въ ихъ усиліяхъ привязать трудовое населеніе къ мѣсту; но вмѣстѣ съ тѣмъ охранять свой собственный интересъ, часто нарушаемый земледѣльческою политикою, и интересы крестьянства, когда они сближались и совпадали съ правительственными. Не будучи въ состояніи примирить и согласить разныя и въ существѣ непримиримыя стремленія, правительство до самаго конца вѣка не могло выработать опредѣленнаго и рѣшительнаго образа дѣйствій въ постигшемъ его кризисѣ и этимъ еще болѣе осложняло дѣло.

Оно, безъ сомнѣнія, желало укрѣпленія крестьянъ на мѣстахъ, стремилось остановить ихъ выходъ изъ-за владѣльцевъ или, по крайней мѣрѣ, думало направлять ихъ броженіе сообразно своимъ видамъ; но оно не дошло до полнаго и категорическаго провозглашенія крестьянской крѣпости. Предпринявъ общую „перепись 7101 года“, какъ ее обыкновенно принято называть, правительство записывало въ книгахъ крестьянъ за владѣльцами и затѣмъ сдѣлало писцовую книгу своего рода крѣпостнымъ актомъ, которымъ землевладѣлецъ могъ доказывать свое право на записаннаго въ книгу крестьянина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы понимало, что книги не могли исчислить всей наличности крестьянскаго населенія, и спокойно смотрѣло на выходъ изъ тяглыхъ хозяйствъ сыновей, племянниковъ, захребетниковъ и тому подобнаго не записаннаго въ тягло люда; оно иногда выпускало и дворохозяевъ-тяглецовъ, если они передавали свой тяглый жеребій новому „жильцу“. Такимъ образомъ на право передвиженія крестьянъ правительство не налагало безусловнаго и общаго запрета: оно только его ограничивало условіями государственнаго порядка и владѣльческаго интереса. Въ этомъ собственно и заключались первыя мѣры къ укрѣпленію крестьянъ. Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, правительство стояло на сторонѣ владѣльческихъ стремленій. Допуская обращеніе въ холопство лицъ, происходящихъ изъ крестьянскихъ семей, оно также удовлетворяло владѣльческимъ вожделѣніямъ. Но, съ другой стороны, и въ концѣ вѣка оно продолжало заселеніе вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ и Сибири, при чемъ тяглыхъ „приходцевъ“ изъ центральныхъ областей водворяло тамъ въ служилыхъ слободахъ и просто на пашнѣ, не возвращая ихъ въ прежнюю владѣльческую зависимость. Чтобы наполнить, по словамъ А. Палицына, „предѣлъ земли своея воинственнымъ чиномъ“, Грозный и Борисъ Годуновъ извлекали людей изъ коренныхъ частей государства, всячески содѣйствуя заселенію рубежей. Такая политика, въ сущности, поддерживала то самое народное броженіе, съ которымъ боролись въ центрѣ страны, и шла совершенно противъ землевладѣльческой политики.

Но врядъ ли это противорѣчіе было плодомъ политическаго двуличія; скорѣе въ немъ отразилось безсиліе подняться надъ двумя порядками явленій и подчинить ихъ своему распоряженію. Когда на новозанятыхъ мѣстахъ укрѣпилось московское населеніе, и подъ охраною новыхъ крѣпостей возможна стала правильная хозяйственная дѣятельность, здѣсь повторялись тѣ же самыя явленія, которыми сопровождался кризисъ въ старомъ центрѣ. Появившіеся на окраинахъ, на югѣ отъ Оки, привилегированные землевладѣльцы, въ громадномъ большинствѣ служилые, пользовались всяческимъ покровительствомъ правительства въ ущербъ тяглымъ классамъ. Въ городахъ служилыя слободки уничтожали посады, а въ уѣздахъ служилыя вотчины и помѣстья уничтожали крестьянское мірское

устройство. Условія, вызвавшія кризисъ въ центральныхъ волостяхъ, перешли на югъ и вызвали дальнѣйшее разсѣяніе населенія. Оно уходило за рубежи и наполняло собою казачьи городки и становища на южныхъ рѣкахъ. Тамъ питалось и росло неудовольствіе на тотъ государственный порядокъ, который лишалъ крестьянство его земли и предпочиталъ выгоды служилаго человѣка, жившаго чужимъ трудомъ, интересамъ тяглаго работника.

Такъ обстоятельства раздѣлили московское общество на враждебные одинъ другому слои. Предметомъ вражды служила земля, главный капиталъ страны. Причина вражды лежала въ томъ, что земледѣльческій классъ не только систематически устранялся отъ обладанія этимъ капиталомъ, но и порабощался тѣми землевладѣльцами, къ которымъ переходила его земля. Отмѣтимъ здѣсь съ особымъ удареніемъ, что московскій сѣверъ—Поморье въ широкомъ смыслѣ этого термина—не переживалъ этого кризиса. Тамъ земля принадлежала тяглому міру, и онъ былъ ея дѣйствительнымъ хозяиномъ: лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастырю удавалось овладѣть черною волостью и обратить ее въ монастырскую вотчину, но это еще не вносило въ общественную жизнь той розни и вражды, въ которыхъ теряло свои моральныя и матеріальныя силы населеніе южной половины государства.

Таковы были обстоятельства московской жизни передъ кончиною Грознаго. Высшій служилый классъ, частью взятый въ опричнину, частью уничтоженный и разогнанный, запуганный и разоренный, переживалъ тяжелый нравственный и матеріальный кризисъ. Гроза опалы, страхъ за цѣлость хозяйства, изъ котораго уходили крестьяне, служебныя тягости, вгонявшія въ долги, успѣхи давнишняго соперника по землевладѣнію—монастыря,—все это угнетало и раздражало московское боярство, питало въ немъ недовольство и приготовляло его къ участію въ смутѣ. Мелкій служилый людъ, дѣти боярскія, дворовые и городовые, сидѣвшіе на обезлюдѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, были прямо въ ужасномъ положеніи. На нихъ лежала всею тяжестью война Ливонская и охрана границъ отъ Литвы и татаръ. Военныя повинности не давали имъ и короткаго отдыха, а въ то же время послѣднія средства для отбыванія этихъ повинностей изсякали, благодаря крестьянскому выходу и перевозу и постоянному передвиженію самихъ служилыхъ людей. Лишенные прочной осѣдлости и правильнаго обезпеченія, не располагая, не только свободными, но и необходимыми средствами, эти люди прямо нуждались въ правительственной помощи и поддержкѣ, въ охранѣ ихъ людей и земель отъ перевода за монастыри и бояръ. Тяглое населеніе государства также терпѣло отъ войны, отъ физическихъ бѣдствій и отъ особенностей правленія Грознаго. Но судьба его была глубоко различна въ сѣверной и южной половинахъ государства. Бодрыя и дѣятельныя, зажиточныя и

хорошо организованныя податныя общины сѣвера оставались самостоятельными и сохраняли непосредственныя отношенія къ правительству черезъ выборныхъ своихъ властей въ то самое время, когда въ южной половинѣ государства тяглое населеніе черныхъ и дворцовыхъ волостей было обращено въ частную зависимость, а посадская община исчезала и изнурялась отъ наплыва въ города ратныхъ людей и дѣтей боярскихъ съ ихъ дворнею и крестьянами. Въ сѣверныхъ волостяхъ населеніе держалось на мѣстахъ, тогда какъ на югѣ оно стало бродить, уходя изъ государства съ государева тягла, съ боярскаго двора и господской пашни. Оно уносило съ родины чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно лишалъ его земли и свободы. Можно сказать, что въ срединныхъ и южныхъ областяхъ государства не было ни одной общественной группы, которая бы была довольна ходомъ дѣлъ. Здѣсь все было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными неудачами Грознаго, все потеряло устойчивость и бродило, бродило пока скрытымъ, внутреннимъ броженіемъ, зловѣщіе признаки котораго, однако, могъ ловить глазъ внимательнаго наблюдателя. Посторонній Москвѣ человѣкъ видѣлъ въ этомъ броженіи опасность междоусобія и смутъ, и онъ былъ правъ.

Смута въ Московскомъ государствѣ.

Итакъ, начальный фактъ XVII вѣка—смута—въ своемъ происхожденіи есть дѣло предыдущаго XVI вѣка, и изученіе смутной эпохи внѣ связи съ предыдущими явленіями нашей жизни невозможно. Къ сожалѣнію, исторіографія долго не разбиралась въ обстоятельствахъ смутнаго времени настолько, чтобы точно показать, въ какой мѣрѣ неизбѣжность смуты опредѣлялась условіями внутренней жизни народа и насколько она была вызвана и поддержана случайностями и постороннимъ вліяніемъ. Когда мы обращаемся къ изученію другой европейской смуты, французской революціи, можно удивиться тому, какъ ясенъ этотъ сложный фактъ и со стороны своего происхожденія, и со стороны развитія. Мы легко можемъ слѣдить за развитіемъ этого факта, отлично видѣть, что тамъ фактъ смуты—неизбѣжное слѣдствіе того государственнаго кризиса, къ которому Францію привелъ ея феодальный строй; мы видимъ тамъ и результатъ многолѣтняго броженія, выражавшійся въ томъ, что преобладаніе феодальнаго дворянства смѣнилось преобладаніемъ буржуазіи. У насъ совсѣмъ не то. Наша смута вовсе не революція и не кажется исторически необходимымъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ. Началась она явленіемъ совсѣмъ случайнымъ—прекращеніемъ династіи; въ значительной степени поддерживалась вмѣшатель-

ствомъ поляковъ и шведовъ, закончилась возстановленіемъ прежнихъ формъ государственнаго и общественнаго строя и въ своихъ перипетіяхъ представляетъ массу случайнаго и трудно объяснимаго. Благодаря такому характеру нашей государственной „разрухи“ и являлось у насъ такъ много различныхъ мнѣній и теорій объ ея происхожденіи и причинахъ. Одну изъ такихъ теорій представляетъ въ своей „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьевъ. Онъ считаетъ первой причиной смуты дурное состояніе народной нравственности, явившееся результатомъ столкновенія новыхъ государственныхъ началъ со старыми дружинными. Это столкновеніе, по его теоріи, выразилось въ борьбѣ московскихъ государей съ боярствомъ. Другою причиною смуты онъ считаетъ чрезмѣрное развитіе казачества съ его противогосударственными стремленіями. Смутное время, такимъ образомъ, онъ понимаетъ, какъ время борьбы общественнаго и противообщественнаго элемента въ молодомъ Московскомъ государствѣ, гдѣ государственный порядокъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны старыхъ дружинныхъ началъ и противообщественнаго настроенія многолюдной казацкой среды (Ист. Россіи, VIII, гл. II). Другого воззрѣнія держится К. С. Аксаковъ. Аксаковъ признаетъ смуту фактомъ случайнымъ, не имѣющимъ глубокихъ историческихъ причинъ. Смута была къ тому же дѣломъ „государства“, а не „земли“. Земля въ смутѣ до 1612 года была совсѣмъ пассивнымъ лицомъ. Надъ ней спорили и метались люди государства, а не земскіе. Во время междуцарствія разрушалось и наконецъ разсыпалось въ дребезги государственное зданіе Россіи, говоритъ Аксаковъ: „подъ этимъ развалившимся зданіемъ открылось крѣпкое земское устройство . . . въ 1612—13 гг. земля встала и подняла развалившееся государство“. Не трудно замѣтить, что это осмысленіе смуты сдѣлано въ духѣ общихъ историческихъ воззрѣній К. Аксакова и что оно въ корнѣ противоположно воззрѣніямъ Соловьева. Третья теорія выдвинута И. Е. Забѣлинымъ („Мининъ и Пожарскій“); она въ своемъ генезисѣ является сочетаніемъ первыхъ двухъ теорій, но сочетаніемъ очень своеобразнымъ. Причины смуты онъ видитъ, какъ и Аксаковъ, не въ народѣ, а въ „правительствѣ“, иначе въ „боярской дружинной средѣ“, (эти термины у него равнозначащи). Боярская и вообще служилая среда во имя отжившихъ дружинныхъ традицій (здѣсь Забѣлинъ становится на точку зрѣнія Соловьева) давно уже крамольничала и готовила смуту. Столѣтіемъ раньше смуты для нея созидалась почва въ стремленіяхъ дружины править землею и кормиться на ея счетъ. Сирота-народъ въ дѣлѣ смуты игралъ пассивную роль и спасъ государство въ критическую минуту. Народъ такимъ образомъ въ смутѣ ничѣмъ не повиненъ, а виновниками были: „боярство и служилый классъ“. Н. И. Костомаровъ (въ разныхъ статьяхъ и въ своемъ „Смутномъ времени“) высказалъ иные взгляды. По его мнѣнію, въ смутѣ виновны всѣ классы русскаго

общества, но причины этого бурнаго переворота слѣдуетъ искать не внутри, а внѣ Россіи. Внутри для смуты были лишь благопріятныя условія. Причина же лежитъ въ папской власти, въ работѣ іезуитовъ и въ видахъ польскаго правительства. Указывая на постоянныя стремленія папства къ подчиненію себѣ восточной церкви и на искусныя дѣйствія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ въ концѣ XVI вѣка, Костомаровъ полагаетъ, что они, какъ и польское правительство, ухватились за самозванца съ цѣлями политическаго ослабленія Россіи и ея подчиненія папству. Ихъ вмѣшательство придало нашей смутѣ такой тяжелый характеръ и такую продолжительность.

Это послѣднее мнѣніе уже слишкомъ одностороннe: причины смуты, несомнѣнно, лежали столько же въ самомъ Московскомъ обществѣ, сколько и внѣ его. Въ значительной степени наша смута зависѣла и отъ случайныхъ обстоятельствъ, но что она совсѣмъ не была неожиданнымъ для современниковъ фактомъ, говорятъ намъ нѣкоторыя показанія Флетчера: въ 1591 году издалъ онъ въ Лондонѣ свою книгу о Россіи (On the Russian Common Wealth), въ которой предсказываетъ вещи, казалось бы, совсѣмъ случайныя. Въ V-й главѣ своей книги онъ говоритъ: „Младшій братъ царя (Өеодора Ивановича), дитя лѣтъ шести или семи, содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы (т. е. въ Угличѣ) подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ. Но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушенія тѣхъ, которые простираютъ свои виды на престолъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя“. Написано и издано было это до смерти царевича Дмитрія. Въ этой же главѣ говоритъ Флетчеръ, что „царскій родъ въ Россіи, повидимому, скоро пресѣчется со смертью особъ, нынѣ живущихъ и произойдетъ переворотъ въ русскомъ царствѣ“. Это извѣстіе напечатано было за семь лѣтъ до прекращенія династіи. Въ главѣ IX онъ говоритъ, что жестокая политика и жестокіе поступки Ивана IV, хотя и прекратившіеся теперь, такъ потрясли все государство и до того возбудили общій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно окончиться не иначе какъ всеобщимъ возстаніемъ. Это было напечатано, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за 10 до перваго самозванца. Такимъ образомъ, въ умѣ образованнаго и наблюдательнаго англичанина, за много лѣтъ до смуты, сложилось представленіе о ненормальности общественнаго быта въ Россіи и возможномъ результатѣ этого—безпорядкахъ. Мало того: Флетчеръ въ состояніи даже предсказать, что наступающая смута окончится побѣдою не удѣльной знати, а простого дворянства. Это одно должно убѣждать насъ, что дѣйствительно въ концѣ XVI вѣка въ русскомъ обществѣ были уже ясны тѣ болѣзненные процессы, которые сообщили смутѣ такой острый характеръ общаго кризиса.

Первый періодъ смуты: борьба за московскій престолъ.

Прекращеніе династіи. Начальнымъ фактомъ и ближайшей причиной смуты послужило прекращеніе царской династіи. Совершилось это прекращеніе смертью трехъ сыновей Ивана Грознаго: Ивана, Өеодора и Дмитрія. Старшій изъ нихъ, Иванъ былъ уже взрослымъ и женатымъ, когда былъ убитъ отцомъ. Характеромъ онъ вполнѣ походилъ на отца, участвовалъ во всѣхъ его дѣлахъ и потѣхахъ и, говорятъ, проявлялъ такую же жестокость, какая отличала Грознаго. Иванъ занимался литературой и былъ начитаннымъ человѣкомъ. Существуетъ его литературный трудъ „Житіе Антонія Сійскаго". (Впрочемъ, надо замѣтить, что это „Житіе" представляетъ просто переработку его первоначальной редакціи, принадлежащей нѣкоему иноку Іонѣ. Оно написано по существующему тогда риторическому шаблону и особенныхъ литературныхъ достоинствъ не имѣетъ). Неизвѣстно почему у него съ отцомъ произошла ссора, въ которой сынъ получилъ отъ отца ударъ жезломъ настолько сильный, что отъ него (въ 1582 году) скончался. Послѣ смерти самого Грознаго въ живыхъ осталось два сына: Өеодоръ и, ребенокъ еще, Дмитрій, рожденный въ седьмомъ бракѣ Грознаго съ Маріей Нагой.

Въ первое время по смерти Ивана Грознаго произошли какіе-то, намъ точно неизвѣстные, безпорядки, которые окончились ссылкой боярина Бѣльскаго и удаленіемъ Маріи Нагой съ Дмитріемъ въ Угличъ. Царемъ сдѣлался Өеодоръ. Иностранные послы Флетчеръ и Сапѣга рисуютъ намъ Өеодора довольно опредѣленными чертами. Царь ростомъ былъ низокъ, съ опухлымъ лицомъ и нетвердой походкой и при томъ постоянно улыбался. Сапѣга, увидавъ царя во время аудіенціи, говоритъ, что получилъ отъ него впечатлѣніе полнаго слабоумія. Говорятъ, Өеодоръ любилъ звонить на колокольнѣ, за что еще отъ отца получилъ прозвище звонаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ забавляться шутами и травлей медвѣдей. Настроеніе духа у него было всегда религіозное, и эта религіозность проявлялась въ строгомъ соблюденіи внѣшней обрядности. Отъ заботъ государственныхъ онъ устранялся и передалъ ихъ въ руки своихъ ближнихъ бояръ. Въ началѣ его царствованія изъ боярской среды особенно выдавались значеніемъ: Борисъ Годуновъ и Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ. Такъ шло до 1585 года, когда Никита Романовичъ неожиданно былъ пораженъ параличемъ и умеръ. Власть сосредоточилась въ рукахъ Бориса Годунова, но ему пришлось бороться съ сильными противниками—князьями Мстиславскимъ и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень рѣзкій характеръ и кончилась полнымъ торжествомъ Годунова. Мстиславскій былъ пострижень, а Шуйскіе со многими родственниками подверглись ссылкѣ.

Пока все это происходило въ Москвѣ, Марія Нагая съ сыномъ и со своей родней продолжала жить въ Угличѣ въ почетной ссылкѣ. Понятно, какъ должна была относиться она и всѣ Нагіе къ боярамъ, бывшимъ у власти, и къ Годунову, какъ вліятельнѣйшему изъ нихъ. Нагая была жена Ивана Грознаго, пользовалась его симпатіей и общимъ почетомъ, и вдругъ ее, царицу, выслали въ далекій удѣлъ—Угличъ и держали подъ постояннымъ надзоромъ.

Такимъ надзирателемъ отъ правительства былъ въ Угличѣ Битяговскій. Относиться къ Битяговскому хорошо Нагіе не могли, видя въ немъ агента отъ тѣхъ, которые послали ихъ въ ссылку. Мы очень мало знаемъ о настроеніи Нагихъ, но если вдуматься въ нѣкоторыя свидѣтельства о Дмитріи, то можно убѣдиться, какую сильную ненависть питала эта семья къ боярамъ, правящимъ и близкимъ къ Өеодору; про Дмитрія въ Москвѣ ходило, конечно, много слуховъ. Между прочимъ, по этимъ слухамъ, иностранцы (Флетчеръ, Буссовъ) сообщаютъ, что Дмитрій характеромъ похожъ на отца: жестокъ и любитъ смотрѣть на мученія животныхъ. Рядомъ съ такой характеристикой Буссовъ сообщаетъ разсказъ о томъ, что Дмитрій сдѣлалъ однажды изъ снѣга чучела, называлъ ихъ именами знатнѣйшихъ московскихъ вельможъ, затѣмъ саблей сшибалъ имъ головы, приговаривая, что такъ онъ будетъ поступать со своими врагами — боярами. И русскій писатель Авраамій Палицынъ пишетъ, что въ Москву часто доносили о Дмитріи, будто онъ враждебно и нелѣпо относится къ боярамъ, приближеннымъ своего брата и особенно къ Борису Годунову. Палицынъ объясняетъ такое настроеніе царевича тѣмъ, что онъ былъ „смущаемъ ближними своими“. И дѣйствительно, если мальчикъ высказывалъ такія мысли, то очевидно, что самъ онъ ихъ выдумать не могъ, а внушались онѣ окружающими его. Понятно и то, что злоба Нагихъ должна была обратиться не на Өеодора, а на Бориса Годунова, какъ главнаго правителя. Ясно также, что и бояре, слыша о настроеніи Дмитрія, который считался наслѣдникомъ престола, могли опасаться, что взрослый Дмитрій напомнитъ имъ о временахъ отца своего, и могли желать его смерти, какъ говорятъ иностранцы. Такимъ образомъ немногія показанія современниковъ съ ясностью вскрываютъ намъ взаимныя отношенія Углича и Москвы. Въ Угличѣ ненавидятъ московскихъ бояръ, а въ Москвѣ получаются изъ Углича доносы и опасаются Нагихъ. Помня эту скрытую вражду и существованіе толковъ о Дмитріи, мы можемъ объяснить себѣ, какъ весьма возможную сплетню, тотъ слухъ, который ходилъ задолго до убіенія Дмитрія,—о ядѣ, данномъ Дмитрію сторонниками Годунова; ядъ этотъ будто бы чудомъ не подѣйствовалъ.

15 мая 1591 года царевичъ Дмитрій былъ найденъ на дворѣ своихъ угличскихъ хоромъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Созванный церков-

нымъ набатомъ народъ засталъ надъ тѣломъ сына царицу Марію и ея братьевъ Нагихъ. Царица била мамку царевича Василису Волохову и кричала, что убійство—дѣло дьяка Битяговскаго. Его въ это время не было во дворѣ; услышавъ набатъ онъ тоже прибѣжалъ сюда, но едва успѣлъ прійти, какъ на него кинулись и убили. Тутъ же убили его сына Данилу и племянника Никиту Качалова. Съ ними вмѣстѣ побили какихъ-то посадскихъ людей и сына Волоховой Осипа. Дня черезъ два была убита еще какая-то „юродивая женка", будто бы портившая царевича. 17 мая узнали объ этомъ событіи въ Москвѣ и прислали въ Угличъ слѣдственную комиссію, состоявшую изъ слѣдующихъ лицъ: князя В. Шуйскаго, окольничаго Андрея Клешнина, дьяка Вылузгина и Крутицкаго митрополита Геласія. Ихъ слѣдственное дѣло (оно напечатано въ Собр. Гос. Грам. и Дог., т. II) выяснило: 1) что царевичъ самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни въ то время, когда игралъ ножемъ въ „тычку" (въ родѣ нынѣшней свайки) вмѣстѣ со своими сверстниками, маленькими жильцами, и 2) что Нагіе безъ всякаго основанія побудили народъ къ напрасному убійству невинныхъ лицъ. По донесенію слѣдственной комиссіи, дѣло было отдано на сужденіе патріарха и другихъ духовныхъ лицъ. Они обвинили Нагихъ и „Углицкихъ мужиковъ", но окончательный судъ передали въ руки свѣтской власти. Царицу Марію сослали въ далекій монастырь на Выксу (близъ Череповца) и тамъ постригли. Братьевъ Нагихъ разослали по разнымъ городамъ. Виновныхъ въ безпорядкѣ угличанъ казнили и сослали въ Пелымъ, гдѣ изъ угличанъ будто бы составилось цѣлое поселеніе; Угличъ, по преданію, совсѣмъ запустѣлъ.

Несмотря на то, что правительство отрицало убійство и признало смерть царевича нечаяннымъ самоубійствомъ, въ обществѣ распространился слухъ, будто царевичъ Дмитрій убитъ приверженцами Бориса (Годунова), по Борисову порученію. Слухъ этотъ, сначала записанный нѣкоторыми иностранцами, передается затѣмъ въ видѣ неоспоримаго уже факта, и въ нашей письменности являются особыя сказанія объ убіеніи Дмитрія; составлять ихъ начали во время Василія Шуйскаго, не ранѣе того момента, когда была совершена канонизація Дмитрія и мощи его были перенесены въ 1606 году изъ Углича въ Москву. Есть нѣсколько видовъ этихъ сказаній, и всѣ онѣ имѣютъ однѣ и тѣ же черты: разсказываютъ объ убійствѣ очень правдоподобно и въ то же время содержатъ въ себѣ историческія неточности и несообразности. Затѣмъ каждая редакція этихъ сказаній отличается отъ прочихъ не только способомъ изложенія, но и разными подробностями, часто исключающими другъ друга. Наиболѣе распространеннымъ видомъ является отдѣльное сказаніе, включенное въ общій лѣтописный сводъ. Въ этомъ сказаніи разсказывается, что сперва Борисъ пытался отравить Дмитрія, но видя, что Богъ не поз-

воляетъ яду подѣйствовать, онъ сталъ подыскивать черезъ пріятеля своего Клешнина такихъ людей, которые согласились бы убить царевича. Сперва это предложено было Чепчугову и Загряжскому, но они отказались. Согласился одинъ только Битяговскій. Самое убійство, по этому сказанію, произошло такимъ образомъ: когда сообщница Битяговскаго, мамка Волохова, вѣроломно вывела царевича гулять на крыльцо, убійца Волоховъ подошелъ къ нему и спросилъ его: „Это у тебя государь, новое ожерельице?“ „Нѣтъ, старое“, отвѣчалъ ребенокъ и, чтобы показать ожерелье, поднялъ головку. Въ это время Волоховъ ударилъ царевича ножемъ по горлу, но, „не захватилъ ему гортани“, ударилъ неудачно. Кормилица (Жданова), бывшая здѣсь, бросилась защищать ребенка, но ее Битяговскій и Качаловъ избили, а затѣмъ окончательно зарѣзали ребенка. Составленное лѣтъ черезъ 15 или 20 послѣ смерти Дмитрія это сказаніе и другіе разсказы крайне спутано и сбивчиво передавали слухи объ убійствѣ, какіе ходили тогда въ московскомъ обществѣ. На нихъ поэтому такъ и нужно смотрѣть, какъ на записанные по наслышкѣ. Это не показанія очевидцевъ, а слухи, и свидѣтельствуютъ они неоспоримо объ одномъ только, что московское общество твердо вѣрило въ насильственную смерть царевича.

Такое убѣжденіе общества или извѣстной его части идетъ въ разрѣзъ съ офиціальнымъ документомъ о самоубійствѣ царевича. Историку невозможно помирить офиціальныхъ данныхъ въ этомъ дѣлѣ съ единогласнымъ показаніемъ сказаній объ убійствѣ и онъ долженъ стать на сторону или того, или другихъ. Уже давно наши историки (еще Щербатовъ) стали на сторону сказаній. Карамзинъ въ особенности постарался сдѣлать Бориса Годунова очень картиннымъ „злодѣемъ“. Но въ наукѣ давно были голоса и за то, что справедливо слѣдственное дѣло, а не сказанія (Арцыбашевъ, Погодинъ, Е. Бѣловъ). Подробное изложеніе всѣхъ данныхъ и полемики по вопросу о царевичѣ можно найти въ обстоятельной статьѣ А. И. Тюменева „Пересмотръ извѣстій о смерти цар. Дмитрія“ („въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія“, 1908, май и іюнь).

Въ нашемъ изложеніи мы такъ подробно остановились на вопросѣ о смерти Дмитрія для того, чтобы составить объ этомъ фактѣ опредѣленное мнѣніе, такъ какъ отъ взгляда на это событіе зависитъ взглядъ на личность Бориса; здѣсь ключъ къ пониманію Бориса. Если Борисъ— убійца, то онъ злодѣй, какимъ рисуетъ его Карамзинъ; если нѣтъ, то онъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ московскихъ царей. Посмотримъ же, насколько мы имѣемъ основаніе обвинять Бориса въ смерти царевича и подозрѣвать достовѣрность офиціальнаго слѣдствія. Офиціальное слѣдствіе далеко, конечно, отъ обвиненія Бориса. Въ этомъ дѣлѣ иностранцы, обвиняющіе Бориса, должны быть на второмъ планѣ, какъ источникъ

второстепенный, потому что о дѣлѣ Дмитрія они только повторяютъ русскіе слухи. Остается одинъ родъ источниковъ—разсмотрѣнныя нами сказанія и повѣсти XVII вѣка. На нихъ то и опираются враждебные Борису историки. Остановимся на этомъ матеріалѣ. Большинство лѣтописателей, настроенныхъ противъ Бориса, говоря о немъ, или сознаются, что пишутъ по слуху, или, какъ человѣка, хвалятъ Бориса. Осуждая Бориса, какъ убійцу, они во-первыхъ, не умѣютъ согласно передать обстоятельствъ убійства Дмитрія, какъ мы это видѣли, и кромѣ того допускаютъ внутреннія противорѣчія. Составлялись ихъ сказанія много спустя послѣ событія, когда Дмитрій былъ уже канонизированъ и когда царь Василій, отрекшись отъ своего же слѣдствія по дѣлу Дмитрія, всенародно взвелъ на память Бориса вину въ убійствѣ царевича, и оно стало офиціально признаннымъ фактомъ. Противорѣчить этому факту было тогда дѣломъ невозможнымъ. Во-вторыхъ, всѣ вообще сказанія о смутѣ сводятся къ очень небольшому числу самостоятельныхъ редакцій, которыя позднѣйшими компиляторами очень много перерабатывались. Одна изъ этихъ самостоятельныхъ редакцій (такъ называемое „Иное сказаніе“), очень вліявшая на разныя компиляціи, вышла цѣликомъ изъ лагеря враговъ Годунова—Шуйскихъ. Если мы не примемъ во вниманіе и не будемъ брать въ расчетъ компиляцій, то окажется, что далеко не всѣ самостоятельные авторы сказаній противъ Бориса; большинство ихъ очень сочувственно отзывается о немъ, а о смерти Дмитрія часто просто молчатъ. Далѣе, враждебныя Борису сказанія настолько къ нему пристрастны въ своихъ отзывахъ, что явно на него клевещутъ и ихъ клеветы на Бориса далеко не всегда принимаются даже его противниками учеными; напримѣръ, Борису приписываются: поджогъ Москвы въ 1591 г., отравленіе царя Θеодора и дочери его Θеодосіи.

Эти сказанія отражаютъ въ себѣ настроеніе общества, ихъ создавшаго; ихъ клеветы—клеветы житейскія, которыя могли явиться прямо изъ житейскихъ отношеній: Борису приходилось дѣйствовать при Θеодорѣ въ средѣ враждебныхъ ему бояръ (Шуйскихъ и др.), которые его ненавидѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись, какъ неродовитую силу. Сперва они старались уничтожить Бориса открытой борьбой, но не могли; весьма естественно, что они стали для той же цѣли подрывать его нравственный кредитъ, и это имъ лучше удалось. Прославить Бориса убійцей было легко. Въ то смутное время, еще до смерти Дмитрія, можно было чуять эту смерть, какъ чуялъ ее Флетчеръ. Онъ говоритъ, что Дмитрію грозитъ смерть „отъ покушенія тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя“. Но Флетчеръ не называетъ здѣсь Бориса, и его показаніе можетъ быть распространено и на всѣхъ болѣе родовитыхъ бояръ, такъ какъ они тоже могли явиться претендентами на престолъ. Бусовъ говоритъ, что

„многіе бояре“ хотѣли смерти Дмитрія, а больше всѣхъ Борисъ. Нагіе могли стоять на такой же точкѣ зрѣнія. Ненавидя все тогдашнее боярское правительство, они ненавидѣли Бориса только какъ его главу, и царица Марія, мать Дмитрія, по весьма естественной связи идей, въ минуту глубокаго горя могла самоубійству сына придать характеръ убійства со стороны правительства, иначе говоря, Бориса, а этой случайно брошенной мыслью противная Борису боярская среда могла воспользоваться, развить эту мысль и пустить въ ходъ въ московскомъ обществѣ для своихъ цѣлей. Попавъ въ литературу, эта политическая клевета стала общимъ достояніемъ не только людей XVII вѣка, но и позднѣйшихъ поколѣній, даже науки.

Помня возможность происхожденія обвиненій противъ Бориса и соображая всѣ сбивчивыя подробности дѣла, нужно въ результатѣ сказать, что трудно и пока рискованно настаивать на фактѣ самоубійства Дмитрія, но въ то же время нельзя принять господствующаго мнѣнія объ убійствѣ Дмитрія Борисомъ. Если признать это послѣднее мнѣніе требующимъ новыхъ оправданій, а его именно такимъ и слѣдуетъ считать,—то надо объяснить выборъ въ цари Бориса безъ связи съ его „злодѣйствомъ“. А что касается до этого господствующаго мнѣнія о виновности Бориса, то для его надлежащаго подтвержденія нужны, строго говоря, три изслѣдованія: 1) нужно доказать въ дѣлѣ Дмитрія невозможность самоубійства и, стало быть, подложность слѣдственнаго дѣла. Бѣловъ, доказывая подлинность этого дѣла, изслѣдовалъ съ медицинской точки зрѣнія возможность самоубійства въ эпилепсіи: медики говорили ему, что подобное самоубійство возможно. Что касается до самаго слѣдственнаго дѣла, то оно представляетъ намъ подробности, отличающіяся такой наивностью, что поддѣлать ихъ въ то время было бы просто невозможно, такъ какъ требовалось бы уже слишкомъ много психологическаго чутья, недоступнаго людямъ XVII вѣка. Далѣе: 2) если и была бы доказана невозможность самоубійства, то слѣдуетъ еще доказать, что убійство было своевременно, что въ 1591 году можно было предвидѣть бездѣтную смерть Θеодора и съ нею связывать какіе нибудь расчеты. Этотъ вопросъ очень спорный. Да наконецъ, 3) если бы такіе расчеты и были возможны, то одинъ ли Годуновъ могъ ихъ тогда имѣть? Развѣ никто, кромѣ Годунова, не имѣлъ интереса въ смерти Дмитрія и не могъ рискнуть на убійство?

Вотъ сколько темныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ заключается въ обстоятельствахъ смерти Дмитрія. Пока всѣ они не будутъ разрѣшены, до тѣхъ поръ обвиненіе Бориса будетъ стоять на очень шаткой почвѣ, и онъ передъ нашимъ судомъ будетъ не обвиняемымъ, а только подозрѣваемымъ; противъ него очень мало уликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ есть обстоятельства, убѣдительно говорящія въ пользу этой умной и симпатичной личности.

Царствованіе Бориса Годунова. Умирая, Θеодоръ не назначилъ себѣ преемника, а только оставилъ на всѣхъ „своихъ великихъ государствахъ“ жену свою Ирину Θеодоровну. Тотчасъ послѣ его смерти Москва присягнула царицѣ; ее просили править съ помощью брата Бориса Θеодоровича. Но отъ царства Ирина наотрѣзъ отказалась, съѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь и постриглась тамъ подъ именемъ Александры. Вмѣстѣ съ сестрой поселился и Борисъ, а царствомъ правилъ патріархъ и бояре именемъ царицы. Всѣ понимали, что управленіе временное и что необходимо избрать преемника покойному царю. Но кто же могъ ему наслѣдовать? По общему складу понятій того времени, наслѣдовать долженъ былъ родовитѣйшій въ государствѣ человѣкъ: но родовые счеты бояръ успѣли къ этому времени такъ уже перепутаться и осложниться, что разобраться въ нихъ было не такъ легко. Родъ Рюриковичей былъ очень многочисленъ, и относительное старшинство его членовъ опредѣлить врядъ ли можно было съ точностью. Къ тому же многіе изъ очень родовитыхъ членовъ были затерты при дворѣ менѣе родовитыми, но болѣе счастливыми по службѣ родичами, а съ другой стороны среди московскаго боярства было много очень родовитыхъ людей не Рюриковичей. Въ то время изъ Рюриковичей особымъ значеніемъ пользовалась родовитая семья князей Шуйскихъ. Она была старше даже князей московскихъ, а рядомъ съ ней стояли во главѣ боярства очень знатные князья чужого рода—Гедиминовичи, Мстиславскіе и Голицыны. Наиболѣе талантливой изъ этихъ княжескихъ фамилій была фамилія Шуйскихъ: не разъ давала она государству выдающихся дѣятелей, отмѣченныхъ крупнымъ воинскимъ или административнымъ талантомъ. Менѣе блестящи были Мстиславскіе и Голицыны, но они, какъ и Шуйскіе, всегда занимали первыя мѣста въ рядахъ московскаго боярства. По понятіямъ этого боярства, право быть выбраннымъ на престолъ принадлежало одному изъ этихъ княжескихъ родовъ болѣе, чѣмъ кому либо другому. А между тѣмъ были въ Москвѣ два рода не княжескаго происхожденія, которые пользовались громаднымъ значеніемъ при послѣднихъ царяхъ и по вліянію своему ничѣмъ не уступали знатнѣйшимъ Рюриковичамъ и Гедиминовичамъ, раздавленнымъ и загнаннымъ опричниною. Это старые слуги князей московскихъ: Романовы и Годуновы. Предокъ Романовыхъ, по преданію, выѣхалъ въ XIV вѣкѣ изъ „Пруссъ“, какъ выражаются древнія родословныя. Его потомки были впослѣдствіи извѣстны подъ именемъ Кошкиныхъ, Захарьиныхъ и, съ половины XVI вѣка, Романовыхъ (отъ имени Романа Юрьевича Захарьина). Дочь этого Романа Юрьевича въ 1547 г. вышла замужъ за Ивана IV и такимъ образомъ Романовы стали въ родствѣ съ царемъ. Съ той поры родъ Романовыхъ пользовался большой симпатіей со стороны народа. Въ минуту смерти царя Θеодора было нѣсколько Романо-

выхъ, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Изъ нихъ самымъ выдающимся слылъ Θеодоръ Никитичъ Романовъ. И онъ, и всѣ его братья въ это время были извѣстны подъ именемъ Никитичей.

Родъ Годунова былъ не изъ первостепенныхъ родовъ и выдвинулся не родовою честью, а случайно только въ XVI вѣкѣ, хотя и восходилъ къ XIV вѣку. Предокъ Годуновыхъ, татаринъ Мурза-Четъ, пріѣхалъ, какъ говоритъ преданіе, въ XIV вѣкѣ на службу къ московскому князю. Какъ его потомки успѣли выдвинуться изъ массы подобной имъ второстепенной знати, неизвѣстно. Пользуясь постояннымъ расположеніемъ Грознаго царя, Борисъ участвовалъ въ его опричнинѣ. Но и въ Александровской слободѣ держалъ онъ себя съ большимъ тактомъ; народная память никогда не связывала имени Бориса съ подвигами опричнины. Особенно близки стали Годуновы къ царской семьѣ съ того времени, какъ сестра Годунова, Ирина, вышла замужъ за царевича Θеодора. Расположеніе Грознаго къ Годуновымъ все росло. Въ минуту смерти Ивана IV, Борисъ былъ однимъ изъ ближайшихъ къ престолу и вліятельнѣйшихъ бояръ, а въ царствованіе Θеодора вліяніе на дѣла всецѣло перешло къ Борису. Онъ не только былъ фаворитомъ, но сталъ и формальнымъ правителемъ государства. Это-то значеніе Годунова и обусловливало ненависть къ нему бояръ; нѣсколько разъ они пробовали съ нимъ бороться, но были имъ побѣждены. Вліянія его поколебать было нельзя, и это было тѣмъ горше для боярства, что оно предугадывало событія. Оно понимало, что бездѣтность Θеодора можетъ открыть путь къ престолу тому изъ бояръ, кто будетъ сильнѣе своимъ положеніемъ и вліяніемъ. А сила Годунова была безпримѣрна. Онъ располагалъ большимъ имуществомъ (Флетчеръ считаетъ его ежегодный доходъ въ 100000 р. и говоритъ, что Борисъ могъ со своихъ земель поставить въ поле цѣлую армію). Положеніе Бориса при дворѣ было такъ высоко, что иностранныя посольства искали аудіенціи у Бориса; слово Бориса было закономъ. Θеодоръ царствовалъ, Борисъ управлялъ; это знали всѣ и на Руси, и за границей. У этого то придворнаго временщика и было болѣе всѣхъ шансовъ по смерти Θеодора занять престолъ, а онъ отказался и ушелъ за сестрою жить въ монастырь.

Видя, что Ирина постриглась и царствовать не хочетъ, бояре задумали, какъ говоритъ преданіе, сдѣлать боярскую думу временнымъ правительствомъ и выслали дьяка Щелкалова къ народу на площадь съ предложеніемъ присягнуть боярамъ. Но народъ отвѣчалъ, что онъ „знаетъ только царицу“. На заявленіе объ отказѣ и постриженіи царицы изъ народа раздались голоса: „да здравствуетъ Борисъ Θеодоровичъ“. Тогда патріархъ съ народомъ отправился въ Новодѣвичій монастырь и предложилъ Борису Годунову престолъ. Борисъ наотрѣзъ отказался, говоря, что прежде надо успокоить душу Θеодора. Тогда рѣшили подождать

выбора царя до тѣхъ поръ, пока пройдетъ сорокъ дней со смерти Θеодора и соберутся въ Москву земскіе люди для царскаго избранія. По свидѣтельству Маржерета, Борисъ самъ потребовалъ созванія по восьми или десяти человѣкъ выборныхъ изъ каждаго города, чтобы весь народъ рѣшилъ, кого надо избрать царемъ. Это показаніе Маржерета прекрасно объясняется извѣстіемъ изъ бумагъ Татищева, что бояре хотѣли ограничить власть новаго царя въ свою пользу, а Борисъ, не желая этого, ждалъ земскаго собора въ надеждѣ, что на соборѣ „простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ". Если это извѣстіе вѣрно, то можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ умный Борисъ оказался дальновиднѣе боярства.

Въ февралѣ 1598 года съѣхались соборные люди и открылся соборъ. Любопытенъ его составъ. Лицъ, участвовавшихъ въ этомъ соборѣ, считаютъ обыкновенно нѣсколько болѣе 450, но вѣроятнѣе, что на соборѣ присутствовало болѣе 500 человѣкъ. Изъ нихъ духовныхъ лицъ было до 100 человѣкъ, бояръ до 15, придворныхъ чиновъ до 200, горожанъ и московскихъ дворянъ до 150 человѣкъ и тяглыхъ людей (но не крестьянъ) до 50 человѣкъ. Соображая численное отношеніе разныхъ московскихъ группъ на соборѣ, мы имѣемъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) соборъ 1598 года состоялъ преимущественно изъ лицъ служилыхъ чиновъ, былъ соборомъ служилымъ. 2) Въ составъ его входили преимущественно московскіе люди, а изъ другихъ городовъ выборныхъ, служилыхъ и тяглыхъ людей было не болѣе 50 человѣкъ. Такимъ образомъ на соборѣ 1598 года была хорошо представлена Москва и очень неполно вся остальная земля. Но полноты представительства московскіе люди никогда не достигали. Они стали къ ней приближаться только въ XVII вѣкѣ и то далеко не всегда. Поэтому неполнота собора 1598 года и преобладаніе на немъ московскихъ людей должны считаться естественнымъ дѣломъ, а не слѣдствіемъ интригъ Бориса, какъ многіе думаютъ. Далѣе, вглядываясь въ составъ этого собора, мы замѣтимъ, что на соборѣ было очень мало представителей этого многочисленнаго класса рядовыхъ дворянъ, въ которомъ привыкли видѣть главную опору Бориса, его доброхотовъ. И, наоборотъ, придворные чины и московскіе дворяне, т. е. болѣе аристократическіе слои дворянства, на соборѣ были во множествѣ. А изъ этихъ то слоевъ и являлись, по нашимъ представленіямъ враги Бориса. Стало быть, на соборъ не прошли друзья Бориса и могли пройти въ большомъ числѣ его противники. Такъ заставляетъ думать составъ собора—аристократическаго и московскаго, и это отнимаетъ у насъ возможность предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что соборъ 1598 года былъ подтасованъ Борисомъ и потому представлялъ изъ себя игрушку въ рукахъ опытнаго лицемѣра. Послѣ статей В. О. Ключевскаго „О составѣ представительства на московскихъ собо-

рахъ“ въ правильности состава и законности собора 1598 года едва ли можно сомнѣваться.

17 февраля соборъ избралъ царемъ Бориса. Его предложилъ самъ патріахъ. Три дня служили молебны, чтобы Богъ помогъ смягчить сердце Бориса Ѳеодоровича, и 20 февраля отправились опять просить его на царство, но онъ снова отказался; отказалась и Ирина благословить его. Тогда 21-го патріархъ взялъ чудотворную икону Божіей Матери и при огромномъ стеченіи народа отправился съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, причемъ было рѣшено, что если Борисъ опять будетъ отказываться, то его отлучатъ отъ церкви, духовенство прекратитъ совершеніе литургій, а грѣхъ весь падетъ на душу упорствующаго. Послѣ совершенія въ монастырѣ литургіи, патріахъ съ боярствомъ пошелъ въ келію Ирины, гдѣ былъ Борисъ, и началъ уговаривать его, а въ монастырской оградѣ и за монастыремъ стояли толпы народа и крикомъ просили Бориса на престолъ. Тогда, наконецъ, Ирина согласилась благословить брата на престолъ, а затѣмъ далъ согласіе и Борисъ.

Такъ повѣствуетъ объ избраніи офиціальный документъ—„избирательная грамота“ Бориса, но иначе передаютъ дѣло нѣкоторые неофиціальные памятники. Они говорятъ, что Годуновъ добивался престола всѣми силами и старался заранѣе обезпечить свое избраніе угрозами, просьбами, подкупами, предъ лицомъ же боярства и народа носилъ маску лицемѣрнаго смиренія и отказывался отъ высокой чести быть царемъ. О подкупахъ и агитаціи Бориса говоритъ между прочимъ и Бусовъ: въ своемъ разсказѣ объ избраніи Бориса, очень баснословномъ вообще, онъ повѣствуетъ, что Ирина сестра Бориса, призвала какихъ то сотниковъ и пятидесятниковъ (вѣроятно, стрѣлецкихъ) и подкупила ихъ содѣйствовать избранію ея брата, а самъ Борисъ своими агентами избралъ монаховъ, вдовъ и сиротъ, которые его славословили и выхваляли народу. Этотъ оригинальный пріемъ избирательной агитаціи Борисъ усилилъ еще другимъ: онъ подкупалъ будто бы бояръ. Но боярство и было врагомъ Бориса, противъ котораго онъ долженъ былъ агитировать и, если агитировалъ, то, конечно, не одной сиротской и вдовьей помощью. Что же касается до загадочныхъ сотниковъ и пятидесятниковъ, то, если разумѣть подъ ними стрѣльцовъ, они не могли принести пользы Борису, ибо на соборѣ 1598 года ихъ почти не было, а агитировать внѣ собора они могли только въ низшихъ слояхъ московскаго населенія, а эти слои слабо были представлены на соборѣ. По такимъ и другимъ несообразностямъ, разсказъ Бусова объ избраніи Бориса слѣдуетъ заподозрить. Онъ писалъ, вѣроятно, по русскимъ слухамъ. Эти слухи нѣсколько опредѣленнѣе высказаны въ русскихъ сказаніяхъ. Тамъ тоже встрѣчаются извѣстія о безнравственныхъ поступкахъ Бориса при его избраніи. И съ перваго

взгляда многочисленность этихъ извѣстій заставляетъ вѣрить въ ихъ правоту, но болѣе близкое съ ними знакомство разрушаетъ довѣріе къ нимъ. Нѣкоторые хронографы и отдѣльныя сказанія обвиняютъ Бориса въ слѣдующемъ: онъ лестью и угрозами склонялъ народъ избрать его на царство, разсылая своихъ приверженцевъ по Москвѣ и въ города; онъ силою, подъ страхомъ большого штрафа, сгонялъ народъ къ Новодѣвичьему монастырю и заставлялъ его слезно вопить и просить, чтобы Борисъ принялъ престолъ. Но всѣ сказанія, гдѣ находятся эти данныя, имѣютъ характеръ компиляцій, и компиляцій позднѣйшихъ, причемъ въ обвиненіяхъ Бориса слѣдуютъ всѣ одинаково одному сказанію, составленному въ самомъ началѣ XVII вѣка („Иное сказаніе"). Такимъ образомъ многочисленность сказаній, направленныхъ противъ Бориса, теряетъ свое значеніе и мы имѣемъ дѣло съ однимъ памятникомъ, ему враждебнымъ. Это враждебное Борису сказаніе вышло изъ подъ пера слѣпого поклонника Шуйскихъ и смотритъ на событія партійно, цѣнитъ ихъ невѣрно, относится къ нимъ пристрастно. Можно ли полагаться на этотъ источникъ въ дѣлѣ обвиненія Бориса, когда мы знаемъ, что Борисъ имѣлъ много правъ на престолъ и пользовался популярностью; когда, наконецъ, мы имѣемъ такія показанія, которыя даютъ полное основаніе предполагать, что соборъ не былъ запуганъ Борисомъ, не былъ искусственно настроенъ къ тому, чтобы избрать именно его, Бориса, а совершилъ это вполнѣ сознательно и добровольно?

При открытіи собора патріархомъ Іовомъ была сказана искусная и риторически краснорѣчивая рѣчь, въ которой онъ перечислялъ заслуги Бориса и его права на престолъ, и съ своей стороны, какъ представитель и выразитель мнѣній духовенства, высказалъ, что онъ не желалъ бы лучшаго царя, чѣмъ Борисъ Ѳеодоровичъ. Эта рѣчь, въ которой видятъ обыкновенно давленіе на соборъ, не допускавшее возраженій, можетъ быть легко понятна и безъ такихъ обвиненій. Она, безспорно, должна была произвести сильное впечатлѣніе на членовъ Собора, но не исключала возможности свободныхъ преній. Они и были, какъ можно судить по лѣтописному описанію собора 1598 года. Въ этихъ преніяхъ „князи Шуйскіе единые его нехотяху на царство: узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію; онѣ же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша". До сихъ поръ было принято вѣрить буквально этимъ строкамъ „Новаго лѣтописца"; хотя, быть можетъ было бы основательнѣе думать, что этотъ лѣтописецъ, вышедшій, по всей видимости, изъ дворца патріарха Филарета, поставилъ здѣсь имя Шуйскихъ, такъ сказать для отвода глазъ. Вѣдь Шуйскіе не терпѣли отъ царя Бориса „потомъ" скорбей и тѣснотъ и съ этой стороны врядъ ли могли его „узнать". Не къ нимъ должна быть отнесена эта фраза лѣтописца, а всего скорѣе къ Романовымъ, которые дѣйствительно претер-

пѣли въ царствованіе Бориса. Никакой другой источникъ не говоритъ объ участіи Шуйскихъ въ борьбѣ противъ Годунова; напротивъ, о Романовыхъ есть интересныя извѣстія, какъ о соперникахъ Бориса. Есть даже намеки на прямое столкновеніе изъ-за царства Θеодора Романова съ Годуновымъ, въ 1598 г. Но какъ бы то ни было, большинство на соборѣ было за Бориса и онъ былъ избранъ въ цари соборомъ совершенно сознательно и свободно, по нашему мнѣнію. Соборъ сталъ на сторону патріарха, потому что предложенный патріархомъ Борисъ въ глазахъ русскаго общества имѣлъ опредѣленную репутацію хорошаго правителя, потому что его любили московскіе люди (какъ объ этомъ говоритъ Маржеретъ), знали при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ его праведное и крѣпкое правленіе, „разумъ его и правосудіе", какъ выражаются лѣтописцы. Борисъ былъ вообще популяренъ и цѣнимъ народомъ. На память его было по многимъ причинамъ воздвигнуто гоненіе при Лжедмитріи и Шуйскомъ. Когда же смута смела и Шуйскихъ, и Самозванцевъ, и старое московское боярство, боровшееся съ Годуновымъ,—то несмотря на офиціально установленную преступность Годунова въ дѣлѣ смерти царевича Дмитрія, писатели XVII вѣка оцѣнили личность и дѣятельность Бориса иначе, чѣмъ цѣнили ее современники-враги, надъ нимъ восторжествовавшіе, и ихъ литературные послѣдователи. Князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій въ своемъ сочиненіи о смутѣ, написанномъ по личнымъ воспоминаніямъ въ первой половинѣ XVII вѣка, сочувственно относится къ Борису и въ слѣдующихъ чертахъ рисуетъ намъ этотъ симпатичный образъ: „мужъ зѣло чуденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, весьма благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченія имѣлъ и многое дивное о себѣ творяще"; но въ то же время, отдавая дань общимъ воззрѣніямъ этой эпохи, писатель прибавляетъ, что одно „ко властолюбію ненасытное желаніе" погубило душу Бориса. Такой же симпатичный отзывъ даетъ намъ и знаменитый дѣятель и писатель, дружившій съ Вас. Ив. Шуйскимъ, Авраамій Палицынъ: „царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся, о бѣдныхъ и нищихъ промышляше и милость таковымъ великая отъ него бываше; злыхъ же людей люте изгубляше и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть". Наиболѣе независимый въ своихъ отзывахъ о Борисѣ авторъ, Ив. Тимофѣевъ, признаетъ въ немъ высокія достоинства человѣка и общественнаго дѣятеля. Въ нѣкоторыхъ хронографахъ также находимъ похвалы Борису. Въ одномъ изъ нихъ находится слѣдующее замѣчательное сужденіе о Борисѣ: послѣ общей благосклонной Борису характеристики авторъ хронографа говоритъ, что „Борисъ отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ и поэтому навлёкъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей русской земли; отсюда много напаст-

ныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили“.

Если внимательно разобрать первоначальные отзывы писателей о Борисѣ, то окажется, что хорошія мнѣнія о немъ въ литературѣ положительно преобладали. Болѣе раннее потомство цѣнило Бориса, пожалуй, болѣе, чѣмъ мы. Оно опиралось на свѣжую еще память о счастливомъ управленіи Бориса, о его привлекательной личности. Современники же Бориса, конечно, живѣе его потомковъ чувствовали обаяніе этого человѣка, и соборъ 1598 года выбиралъ его вполнѣ сознательно и лучше насъ, разумѣется, зналъ, за что выбираетъ.

Между тѣмъ ученые долго были настроены противъ Бориса, какъ въ дѣлѣ избранія его на престолъ, такъ и въ дѣлѣ смерти царевича Дмитрія: Карамзинъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, страстно желавшаго царства во что бы то ни стало и передъ избраніемъ своимъ игравшаго низкую комедію. Того же мнѣнія держался Костомаровъ и отчасти С. М. Соловьевъ. Костомаровъ не находитъ въ Годуновѣ ни одной симпатичной черты и даже хорошіе его поступки готовъ объяснить дурными мотивами. Къ тому же направленію принадлежатъ Павловъ („Историческое значеніе царствованія Бориса Годунова“) и Бѣляевъ (въ своей статьѣ о земскихъ соборахъ). Иного взгляда на личность Бориса держались до сихъ поръ только Погодинъ, Аксаковъ и Е. А. Бѣловъ. Такая антипатія къ Годунову, ставшая своего рода традиціей, происходитъ отъ того, что къ оцѣнкѣ его личности по обычаю подходятъ чрезъ сомнительный фактъ убійства царевича Дмитрія. Если же мы отрѣшимся отъ этого далеко не вполнѣ достовѣрнаго факта, то у насъ не хватитъ основаній видѣть въ Борисѣ безнравственнаго злодѣя, интригана, а въ его избраніи ловко сыгранную комедію.

Разборъ этихъ двухъ историческихъ актовъ конца XVI вѣка— смерти царевича Дмитрія и избранія Годунова въ цари—показалъ намъ, что обычныя обвиненія, которыя раздаются противъ Бориса, допускаютъ много возраженій и установлены настолько непрочно, что вѣрить ихъ достовѣрности очень трудно. Если, такимъ образомъ, отказаться отъ обычныхъ точекъ зрѣнія на Бориса, то о немъ придется говорить немного и оцѣнку этого талантливаго государственнаго дѣятеля сдѣлать не трудно.

Историческая роль Бориса чрезвычайно симпатична: судьбы страны очутились въ его рукахъ тотчасъ же почти по смерти Грознаго, при которомъ Русь пришла къ нравственному и экономическому упадку. Особенностямъ царствованія Грознаго въ этомъ дѣлѣ много помогли и общественныя неурядицы XVI вѣка, какъ мы объ этомъ говорили выше, и разнаго рода случайныя обстоятельства. (Такъ, напримѣръ, по объясненію современниковъ, внѣшняя торговля при Иванѣ IV чрезвычайно упала

благодаря потерѣ Нарвской гавани, чрезъ которую успѣшно вывозились наши товары, и вслѣдствіе того, что въ долгихъ Польско-Литовскихъ войнахъ оставались закрытыми пути за границу). Послѣ Грознаго, Московское государство, утомленное безконечными войнами и страшной неурядицей, нуждалось въ умиротвореніи. Желаннымъ умиротворителемъ явился именно Борисъ, и въ этомъ его громадная заслуга. Въ концѣ концовъ, умиротворить русское общество ему не удалось, но на это были свои глубокія причины и въ этомъ винить Бориса было бы несправедливо. Мы должны отмѣтить лишь то, что умная политика правителя въ началѣ его государственной дѣятельности сопровождалась явнымъ успѣхомъ. Объ этомъ мы имѣемъ опредѣленныя свидѣтельства. Во-первыхъ, всѣ иностранцы-современники и наши древніе сказатели очень согласно говорятъ, что послѣ смерти Грознаго, во время Ѳеодора, на Руси настала тишина и сравнительное благополучіе. Такая перемѣна въ общественной жизни, очевидно, очень рѣзко бросилась въ глаза наблюдателямъ и они спѣшили съ одинаковымъ чувствомъ удовольствія засвидѣтельствовать эту перемѣну. Вотъ примѣръ отзыва о времени Ѳеодора со стороны сказателя, писавшаго по свѣжей памяти: „умилосердися Господь Богъ на люди своя и возвеличи царя и люди и повели ему державствовати тихо и безмятежно. . . . . и дарова всяко изобиліе и немятежное на землѣ русской пребываніе и возрасташе веліею славою; начальницы же московскаго государства, князе и бояре и воеводы и все православное христіанство начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити“. Во-вторыхъ, замѣчая это „тихое и безмятежное житіе“, современники не ошибались въ томъ, кто былъ его виновникомъ. Наступившую тишину они приписывали умѣлому правленію, которое вызвало къ нему народную симпатію. Не принадлежащій къ поклонникамъ Годунова Буссовъ въ своей „Московской хроникѣ“ говоритъ, что народъ „былъ изумленъ“ *правленіемъ Бориса* и прочилъ его въ цари, если, конечно, естественнымъ путемъ прекратится царская династія. Чрезвычайно благосклонныя характеристики Годунова, какъ правителя, легко можно видѣть и у другихъ иностранцевъ (напримѣръ, у Маржерета). А жившій въ Россіи восемь лѣтъ (1601—1609) голландецъ Исаакъ Масса, который очень не любилъ Годунова и взвелъ на него много небылицъ, даетъ о времени Ѳеодора Ивановича слѣдующій характерный отзывъ: „Состояніе всего Московскаго государства улучшалось и народонаселеніе увеличивалось. Московія, совершенно опустошенная и разоренная вслѣдствіе страшной тираніи покойнаго великаго князя Ивана и его чиновниковъ, . . . теперь, благодаря преимущественно добротѣ и кротости князя Ѳеодора, а также благодаря необыкновеннымъ способностямъ Годунова, снова начала оправляться и богатѣть“. Это показаніе подкрѣпляется цифровой данной у Флетчера, который говоритъ, что при Иванѣ IV продажа излишка податей, достав-

ляемыхъ натурою, приносила Приказу (Большого Дворца) не болѣе 60 тысячъ ежегодно, а при Өеодорѣ до 230 тысячъ рублей. Къ такимъ отзывамъ иностранцевъ не лишне будетъ добавить разъ уже приведенныя слова А. Палицына, что Борисъ „о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зело печашеся . . . . . и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть".

Итакъ, миролюбивое направленіе и успѣшность Борисовой политики—фактъ, утверждаемый современниками; этотъ фактъ найдетъ себѣ еще большее подтвержденіе, если мы обратимся хотя къ простому перечню правительственныхъ мѣръ Бориса. Мы оставимъ въ сторонѣ внѣшнія дѣла правленія и царствованія Бориса, гдѣ политика его отличалась умомъ, миролюбіемъ и большою осторожностью. Эту осторожность въ международныхъ отношеніяхъ многіе считаютъ просто трусостью; нельзя осудить политику Бориса, если взять во вниманіе общее разстройство страны въ то время, разстройство, которое требовало большой дипломатической осторожности, чтобы не втянуть слабое государство въ непосильную ему войну. Во внутренней политикѣ Бориса, когда вы читаете о ней показанія русскихъ и иностранныхъ современниковъ, вы раньше [всего замѣтите одинъ мотивъ, одну крайне гуманную черту. Это, выражаясь языкомъ того времени,—„защита вдовъ и сиротъ", забота „о нищихъ", широкая благотворительность во время голода и пожаровъ. Въ то тяжелое время гуманность и благотворительность были особенно умѣстны и Борисъ благотворилъ щедрою рукою. Во время вѣнчанія Бориса на царство особенно заставили говорить о себѣ его финансовыя милости и богатые подарки. Кромѣ разнообразныхъ льготъ, онъ облегчалъ и даже освобождалъ отъ податей многія мѣстности на три, на пять и болѣе лѣтъ. Эта широкая благотворительность, служившая, конечно, лишь палліативомъ въ народныхъ нуждахъ, представляла собою только одинъ видъ многообразныхъ заботъ Бориса, направленныхъ къ поднятію экономическаго благосостоянія московскаго государства.

Другой видъ этихъ заботъ представляютъ мѣры, направленныя къ оживленію упавшей торговли и промышленности. Упадокъ же промышленности и торговли дѣйствительно доходилъ въ то время до страшныхъ размѣровъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ цифры Флетчера. Онъ говоритъ, что въ началѣ царствованія Ивана IV ленъ и пенька вывозились черезъ Нарвскую гавань ежегодно на ста судахъ, а въ началѣ царствованія Өеодора только на пяти, стало быть размѣры вывоза уменьшились въ 20 разъ. Сала вывозилось при Иванѣ IV втрое или вчетверо больше, чѣмъ въ началѣ царствованія Өеодора. Для оживленія промышленности и торговли, для увеличенія производительности, Годуновъ даетъ торговыя льготы иностранцамъ, привлекаетъ на Русь знающихъ дѣло промышленныхъ людей (особенно настоятельно онъ требуетъ рудознатцевъ). Онъ заботится также

объ устраненіи косвенныхъ помѣхъ къ развитію промышленности, о безопасности сообщеній, объ улучшеніи полицейскаго порядка, объ устраненіи разнаго рода административныхъ злоупотребленій. Заботы о послѣднемъ были въ то время особенно необходимы, потому что произволъ въ управленіи былъ очень великъ: безъ посуловъ и взятокъ ничего нельзя было добиться, совершались постоянныя насилія. И всѣ распоряженія Бориса въ этомъ отношеніи остались безуспѣшны, какъ и распоряженія позднѣйшихъ государей московскихъ въ XVII вѣкѣ. О Борисѣ, между прочимъ, сохранились извѣстія, что онъ заботился даже объ урегулированіи отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Говорятъ, будто онъ старался установить для крестьянъ опредѣленное число рабочихъ дней на землевладѣльца (два дня въ недѣлю). Это извѣстіе вполнѣ согласуется съ духомъ указовъ Бориса о крестьянствѣ; эти указы надо понимать какъ направленные не противъ свободы крестьянъ, а противъ злоупотребленія ихъ перевозомъ.

Такимъ симпатичнымъ характеромъ отличалась государственная дѣятельность Годунова. Исторія поставила ему задачей умиротвореніе взволнованной страны, и онъ талантливо рѣшалъ эту задачу. Въ этомъ именно и заключается историческое значеніе личности Бориса, какъ царя-правителя. Рѣшая однако свою задачу, онъ ее не разрѣшилъ удовлетворительно, не достигъ своей цѣли: за нимъ послѣдовалъ не миръ и покой, а смута, но въ этомъ была не его вина. Боярская среда, въ которой ему приходилось вращаться, съ которой онъ долженъ былъ и работать и бороться, общее глубокое потрясеніе государственнаго организма, несчастное совпаденіе историческихъ случайностей—все слагалось противъ Бориса и со всѣмъ этимъ сладить было не по силамъ даже его большому уму. Въ этой борьбѣ Борисъ и былъ побѣжденъ.

Внѣшняя политика времени Бориса не отличалась какими либо крупными предпріятіями и не всегда была вполнѣ удачна. Съ Польшей шли долгіе переговоры и пререканія по поводу избранія въ польскіе короли царя Ѳеодора, а позднѣе, по поводу взаимныхъ отношеній Швеціи и Польши (извѣстна ихъ вражда того времени, вызванная династическими обстоятельствами). На западѣ цѣль Бориса была вернуть Ливонію путемъ переговоровъ; но войной со Швеціей ему удалось вернуть лишь тѣ города, какіе были потеряны Грознымъ. Гораздо важнѣе была политика Бориса по отношенію къ православному Востоку.

Съ паденіемъ Константинополя (въ 1453 г.), какъ мы уже видѣли, въ московскомъ обществѣ возникаетъ убѣжденіе, что подъ властью турокъ-магометанъ греки не могутъ сохранить православія во всей первоначальной его чистотѣ. Между тѣмъ Россія, свергнувъ къ этому времени татарское иго, почувствовала себя вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ. Мысль русскихъ книжниковъ, двигаясь въ новомъ направленіи,

приходитъ и къ новымъ воззрѣніямъ. Эти новыя воззрѣнія впервые выразились въ посланіи старца Филоѳея къ дьяку Мунехину, гдѣ мы читаемъ: „всѣ христіанскія царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя по пророческимъ книгамъ; два убо Рима падоша, а третій (т. е. Москва) стоитъ, а четвертому не быть“. Здѣсь такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ мыслью, что Римъ палъ вслѣдствіе ереси; Константинополь, второй Римъ, палъ по той же причинѣ, и осталась одна Москва, которой и назначено во вѣки быть хранительницею православія, ибо четвертому Риму не бывать. Итакъ, значеніе Константинополя, по убѣжденію книжниковъ, должно быть перенесено на Москву. Но эта увѣренность искала для себя доказательствъ. И вотъ въ русской литературѣ, въ половинѣ XVI вѣка, появляется рядъ сказаній, которыя должны были удовлетворить религіозному и національному чувству русскаго общества. Легенда о томъ, что апостолъ Андрей Первозванный совершилъ путешествіе въ русскую землю и былъ тамъ, гдѣ построенъ Кіевъ, получаетъ теперь иной смыслъ, иную окраску. Прежде довольствовались однимъ фактомъ; теперь изъ факта дѣлаютъ уже выводы: христіанство на Руси столь же древне, какъ и въ Византіи. Въ этомъ смыслѣ и высказался Иванъ Грозный, когда сказалъ Поссевину: „мы вѣруемъ не въ греческую вѣру, а въ истинную христіанскую, принесенную Андреемъ Первозваннымъ“. Затѣмъ мы находимъ любопытное сказаніе о бѣломъ клобукѣ, который сначала былъ въ Римѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Константинополь, а оттуда въ Москву. Это странствованіе клобука, конечно, чисто апокрифическое, имѣло цѣлью доказать, что высокій іерархическій санъ долженъ съ Востока перейти въ Россію. Далѣе сохранилось сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божьей Матери, которая покинула Константинополь и перешла на Русь, ибо въ Греціи православіе должно было пасть. Извѣстно преданіе о передачѣ на Русь царскихъ регалій, хотя мы не можемъ навѣрно сказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ регаліи появились. Итакъ, русскіе люди думали, что Московское государство есть единственное, которое можетъ хранить завѣты старины. Такъ работала мысль нашихъ книжниковъ. Они чувствовали себя въ религіозномъ отношеніи выше грековъ, но факты не соотвѣтствовали такому убѣжденію. На Руси не было еще ни царя, ни патріарха. Русская церковь не считалась первою православною церковью и даже не пользовалась независимостью. Слѣдовательно мысль витала выше фактовъ, опережала ихъ. Теперь стараются догнать ихъ. Старецъ Филоѳей уже называетъ Василія III „царемъ“. „Вся царства православныя христіанскія вѣры“, говоритъ онъ, „снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь“. Иванъ Грозный, принявъ титулъ царя, осуществилъ часть этой задачи. Онъ искалъ признанія этого титула на востокѣ, и греческіе іерархи прислали ему утвердительную

грамоту (1561). Но оставалась еще неосуществленной другая часть—учрежденіе патріаршества. Относительно послѣдняго на Москвѣ знали, что греческіе іерархи отнесутся несочувственно къ стремленію русскаго духовенства получить полную самостоятельность. До сихъ поръ нѣкоторая зависимость русской церкви отъ грековъ выражалась въ платоническомъ уваженіи, которое выказывали московскіе митрополиты восточнымъ патріархамъ, и въ различныхъ имъ пособіяхъ; восточные іерархи придавали этому факту большое значеніе, полагая, что русская церковь подчинена восточной. Съ паденіемъ Константинополя московскій митрополитъ сталъ средствами богаче и властью выше всѣхъ восточныхъ патріарховъ. На востокѣ же жизнь была стѣснена, матеріальныя средства сильно оскудѣли, и вотъ восточные патріархи стали считать себя въ правѣ обращаться въ Москву, какъ въ городъ, подчиненный имъ въ церковномъ отношеніи, за пособіями. Начинаются частыя поѣздки въ Москву за милостыней, но это еще больше возвысило московскаго митрополита въ глазахъ русскаго общества. Стали полагать, что главный вселенскій константинопольскій патріархъ долженъ быть замѣненъ московскимъ вселенскимъ патріархомъ. Греческіе же патріархи держались, разумѣется, того мнѣнія, что санъ этотъ можетъ быть только у нихъ, ибо составляетъ исконную ихъ принадлежность. Несмотря на это, Москва пожелала имѣть у себя патріарха и для осуществленія своего желанія избрала практическій путь; она принялась за это въ правленіе Бориса Годунова. Лѣтомъ 1586 года пріѣхалъ въ Москву антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Ему дали знать о желаніи царя Ѳеодора учредить въ Москвѣ патріаршій престолъ. Іоакимъ отвѣчалъ уклончиво, однако взялся пропагандировать эту мысль на востокѣ. Русскій подъячій Огарковъ отправленъ былъ вслѣдъ за Іоакимомъ, чтобы наблюдать, какъ пойдетъ это дѣло; но онъ привезъ неутѣшительныя вѣсти. Такъ прошло два года въ неопредѣленномъ положеніи. Вдругъ лѣтомъ 1588 года разнеслась вѣсть, что въ Смоленскъ пріѣхалъ старшій изъ патріарховъ, цареградскій—Іеремія. Въ Москвѣ всѣ были взволнованы, дѣлались различныя предположенія, зачѣмъ и съ какой стати онъ пріѣхалъ. Приставъ, отправленный встрѣчать и провожать патріарха до Москвы, получилъ наказъ развѣдать, „есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговора къ государю приказъ". По пріѣздѣ въ Москву Іеремія былъ помѣщенъ на дворѣ рязанскаго владыки. Къ нему приставили такихъ людей, которые были „покрѣпче", причемъ имъ было приказано не допускать къ патріарху никого изъ иностранцевъ. Вообще его держали, какъ въ тюрьмѣ. Разговоры велись съ нимъ по преимуществу такіе, которые клонились къ учрежденію патріаршества. Іереміи, наконецъ, предложили перенести свое патріаршество изъ Константинополя въ Москву. Онъ согласился. Того только и ждали. Но самъ Іеремія былъ неудобенъ; въ Москвѣ это понимали хорошо. Это значило бы допустить

ново-греческія ереси въ русскую церковь. Поэтому говорили, что на Москвѣ Іереміи оставаться неудобно, такъ какъ тамъ есть уже свой митрополитъ Іовъ. Вмѣсто столичной Москвы, Іереміи предложили поселиться во Владимірѣ, городѣ, не имѣвшемъ никакого политическаго значенія. Греки поняли это такъ, что москвитяне ихъ обманули, что они вовсе не хотѣли имѣть своимъ патріархомъ Іеремію, и Іеремія отказался отъ Владиміра. Однако вопросъ принципіально былъ рѣшенъ: если Іеремія самъ не хочетъ быть патріархомъ, то долженъ вмѣсто себя поставить другого. Но теперь уже, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы перенести патріаршество во Владиміръ, такъ что Іеремія поставилъ Іова на московское и на владимірское патріаршество. Іеремія зналъ, что его согласіе на поставленіе Іова будетъ встрѣчено несочувственно на востокѣ. Дѣйствительно, тамъ извѣстіе объ учрежденіи на Москвѣ новаго патріаршества было принято холодно. Тамъ были увѣрены, что Іеремію обманули, и не хотѣли санкціонировать совершившійся фактъ. Но противиться долго было нельзя, ибо Москва была сильна и, въ случаѣ отказа, могла отказать въ пособіяхъ. И вотъ состоялся соборъ, гдѣ, хотя и согласились признать вновь учрежденное патріаршество на Москвѣ, но московскій патріархъ долженъ былъ занимать младшее мѣсто. Въ Москвѣ на первый разъ были довольны и этимъ. Съ этого времени русская церковь стала вполнѣ независимой; Русь стала царствомъ, а Москва сдѣлалась патріаршимъ городомъ, и этотъ послѣдній шагъ къ патріаршеству былъ плодомъ дипломатическаго умѣнія Бориса Годунова, который въ то время руководилъ всею дѣятельностью московскаго правительства и прямо гордился этимъ успѣхомъ.

Что касается до личныхъ свойствъ Бориса, то они способны были подкупить многихъ въ его пользу. Отъ природы одаренный рѣдкимъ умомъ, способный на хитрость, Борисъ росъ при опальчивомъ и капризномъ Грозномъ и въ придворной средѣ того времени, въ высшей степени, конечно, усвоилъ привычку сдерживать себя, управлять собою; онъ являлся всегда съ свѣтлымъ, привѣтливымъ и мягкимъ обращеніемъ, даже на высотѣ власти никогда не давалъ чувствовать своего могущества. Обычаи опричнины, гдѣ безнравственность доходила до послѣднихъ предѣловъ цинизма и людская жизнь цѣнилась очень дешево, ни во что, не могли не отразиться на Борисѣ, но отразились слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, Борисъ легко смотрѣлъ на жизнь и свободу съ нашей точки зрѣнія, но въ XVI вѣкѣ одинаковой жестокостью отличались и темная Русь при Иванѣ IV, и просвѣщенная политика Екатерины Медичи, и благочестивые экстазы Филиппа II-го. По мѣркѣ того времени Борисъ былъ очень гуманною личностью, даже въ минуты самой жаркой его борьбы съ боярствомъ: „лишней крови“ онъ никогда не проливалъ, лишнихъ жестокостей не дѣлалъ и сосланныхъ враговъ

приказывалъ держать въ достаткѣ, „не обижая". Не отступая передъ ссылкой, постриженіемъ и казнью, не отступалъ онъ, въ послѣдніе свои годы, и передъ доносами, поощрялъ ихъ; но эти годы были, какъ увидимъ, ужаснымъ временемъ въ жизни Бориса, когда ему приходилось бороться на жизнь и смерть. Не будучи безнравственнѣе своихъ современниковъ въ сферѣ политики, Борисъ остался нравственнымъ человѣкомъ и въ частной жизни. Сохранились преданія, что онъ былъ хорошій семьянинъ и очень нѣжный отецъ. Какъ личность, онъ былъ способенъ на высокія движенія: можно назвать самоотверженнымъ его поступокъ, когда онъ во время ссоры Грознаго съ его сыномъ Иваномъ закрылъ собою Ивана отъ ударовъ отца. Благотворительность и „нищелюбіе" стали всѣмъ извѣстными свойствами Бориса. Близость къ образованному Ивану развила и въ Борисѣ вкусъ къ образованности, а его ясный умъ опредѣленно подсказалъ ему стремленіе къ общенію съ цивилизованнымъ западомъ. Борисъ призывалъ на Русь и ласкалъ иностранцевъ, посылалъ русскую молодежь заграницу учиться (любопытно, что ни одинъ изъ нихъ не вернулся назадъ въ Россію) и своему горячо любимому сыну далъ прекрасное, по тому времени, образованіе. Есть извѣстія, что при Борисѣ въ Москвѣ начали распространяться западные обычаи. Патріархъ Іовъ даже терпѣлъ упреки за то, что онъ не противодѣйствовалъ этимъ новшествамъ; очень горьки были ему эти упреки, но онъ боялся открыто обличать эту новизну, потому что въ самомъ царѣ видѣлъ сильную ей поддержку.

Борисъ въ своей дѣятельности былъ преимущественно умнымъ администраторомъ и искуснымъ дипломатомъ. Одаренный мягкой натурой, онъ не любилъ военнаго дѣла, по возможности избѣгалъ войны и почти никогда самъ не предводительствовалъ войскомъ.

Такою представляется личность Бориса тому, кто, не предубѣжденный обычными ходячими обвиненіями, пробуетъ собрать воедино ея отдѣльныя черты. Для этихъ обвиненій мало почвы: улики противъ Бориса слишкомъ шатки. И это, конечно, чувствовалъ Карамзинъ, когда писалъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы" (1803) о Борисѣ Годуновѣ: „Пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба... Что, если мы клевещемъ на сей пепелъ, если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?" Но чрезъ нѣсколько лѣтъ Карамзинъ уже вѣрилъ этимъ мнѣніямъ, и Борисъ сталъ для него (и этимъ самымъ для многихъ) не человѣкомъ „дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ", но „преступникомъ", возникшимъ изъ личности рабской до высоты самодержца усиліями неутомимыми, хитростью неусыпной, коварствомъ, происками, злодѣйствами.

Первый Самозванецъ. Первые два года своего царствованія

Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ, и страна продолжала оправляться отъ своего упадка. Но далѣе пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался баснословный голодъ вслѣдствіе большого неурожая, такъ какъ отъ постоянныхъ дождей хлѣбъ проросъ, а потомъ сильными морозами его погубило на корню. Первый годъ неурожая еще кое-какъ жили впроголодь, старымъ хлѣбомъ, но когда въ слѣдующемъ году посѣвы погибли въ землѣ, тогда уже насталъ настоящій голодъ со всѣми его ужасами. Народъ питался Богъ знаетъ чѣмъ: травой, сѣномъ и даже трупами животныхъ и людей; для этого даже нарочно убивали людей. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ, Борисъ объявилъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта благая по цѣли мѣра принесла вредъ: надѣясь на даровое пропитаніе, въ Москву шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣхомъ пополамъ прокормиться дома; въ Москвѣ царской милостыни не хватало и много народа умерло. Къ тому же и милостыню давали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и хлѣбъ, ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а народу приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи и въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло народа болѣе 127 тысячъ. Царь сталъ употреблять болѣе дѣйствительныя мѣры: онъ велѣлъ скупать хлѣбъ въ мѣстахъ, гдѣ его было больше, и развозить въ особенно нуждавшіяся мѣстности; въ Москвѣ сталъ давать голоднымъ работу.

Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зло. Въ голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ смерти составляли шайки и добывали себѣ пропитаніе разбоемъ. Главную роль въ этихъ шайкахъ играли прогнанные своими господами во время голода холопы. Богатые люди этимъ путемъ избавлялись отъ лишнихъ нахлѣбниковъ, но не давали имъ отпускныхъ грамотъ, чтобы при удобномъ случаѣ имѣть право вернуть ихъ обратно на законномъ основаніи, какъ своихъ холоповъ. Борисъ приказывалъ такимъ холопамъ выдавать изъ Холопьяго Приказа отпускныя, освобождавшія ихъ отъ холопства, но и это немного помогало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли нигдѣ пристроиться. Число этихъ голодныхъ и бѣглыхъ холоповъ пополнялось свободными голодавшими людьми, которыхъ безкормица заставляла примыкать къ холопьимъ шайкамъ и разбойничать. Ни одна область Руси не была свободна отъ разбойниковъ. Они бродили даже около Москвы, и противъ одной такой шайки Хлопка Борису пришлось выставить крупную военную силу и то съ трудомъ удалось одолѣть эту толпу разбойниковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. Еще въ 1600 или 1601 году, какъ сообщаетъ Маржеретъ, явился слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ. Всѣ историки болѣе или менѣе согласились въ томъ, что въ дѣлѣ появленія самозванца активную роль сыграло московское бояр-

ство, враждебное Борису. На это есть намеки и въ нашихъ сказаніяхъ: въ одномъ изъ нихъ прямо говорится, что Борисъ „навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ“, что и „погубило доброцвѣтущую царства его красоту“. Буссовъ нѣсколько разъ повторяетъ, что Лжедмитрій былъ поставленъ боярами, что объ этомъ зналъ самъ Годуновъ и прямо въ лицо говорилъ это боярамъ. Въ соединеніи съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтописцевъ на то, что Григорій Отрепьевъ бывалъ и жилъ во дворцѣ у Романовыхъ и Черкасскихъ, а также разсказъ о томъ, что Василій Ивановичъ Шуйскій впослѣдствіи не обинуясь говорилъ, что признали самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Въ томъ, что самозванецъ былъ плодомъ *русской* интриги, убѣждаютъ насъ и слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, по сказаніямъ очевидцевъ, названный Дмитрій былъ великороссіянинъ и грамотей, бойко объяснявшійся по-русски, тогда какъ польская цивилизація ему давалась плохо; во-вторыхъ, іезуиты, которые должны были стоять въ центрѣ интриги, если бы она была польской, за Лжедмитрія ухватились только тогда, когда онъ уже былъ готовъ, и какъ видно изъ посланія папы Павла V-го къ сендомирскому воеводѣ, даже въ католичество обратили его не іезуиты, а францисканцы, и, въ-третьихъ, наконецъ, польское общество относилось съ недовѣріемъ къ царскому происхожденію самозванца, презрительно о немъ отзывалось, а къ дѣлу его относилось съ сомнѣніемъ.

На основаніи этихъ данныхъ возможно понимать дѣло такъ, что въ лицѣ самозванца московское боярство еще разъ попробовало напасть на Бориса. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ, нападая открыто, оно постоянно терпѣло пораженія, и Борисъ все усиливался и возвышался. Боярство не могло помѣшать ему занять престолъ, потому что, помимо популярности Бориса, права его на царство были въ глазахъ народа серьезнѣе правъ всякаго другого лица благодаря родству Бориса съ угасшею династіею. Съ Борисомъ—царемъ нельзя было открыто бороться боярству потому, что онъ былъ сильнѣе боярства; сильнѣе же и выше Бориса для народа была лишь династія Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ея. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ цѣлесообразно было популяризировать слухъ объ убійствѣ Дмитрія, совершенномъ Борисомъ, и воскресить этого Дмитрія. Передъ этимъ боярство и не остановилось.

О замыслѣ бояръ, должно быть, Борисъ узналъ еще въ 1600 году и въ связи съ этимъ, вѣроятно, стоятъ опалы Бориса. Первая опала постигла Богдана Бѣльскаго. Онъ былъ сосланъ при Ѳеодорѣ, но потомъ прощенъ, такъ что ему позволили было вернуться въ Москву. Около 1600 года Борисъ отправилъ его въ степь строить на рѣкѣ Сѣв. Донцѣ городокъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій очень ласкалъ тамъ рабочихъ людей, кормилъ ихъ, искалъ ихъ расположенія и показался опаснымъ Борису. О томъ, за что онъ именно пострадалъ, передаютъ раз-

лично, но его внезапно постигла опала, мученія и ссылка. Вообще, это дѣло Бѣльскаго очень темно. Нѣсколько больше мы знаемъ о дѣлѣ Романовыхъ. Послѣ Бѣльскаго пришелъ ихъ чередъ. Романовыхъ было пять братьевъ Никитичей: Ѳеодоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій. Изъ нихъ особенной любовью и популярностью въ Москвѣ пользовался красивый и привѣтливый Ѳеодоръ Никитичъ. Онъ былъ первымъ московскимъ щеголемъ и удальцомъ. (Примѣряя кому либо платье, если хотѣли сказать комплиментъ платью и хозяину его, выражались, что оно сидитъ, „какъ на Ѳеодорѣ Никитичѣ"). Въ 1601 году всѣ Романовы были сосланы со своими семьями въ разныя мѣста и только двое изъ нихъ (Ѳеодоръ и Иванъ) пережили свою ссылку, остальные же въ ней умерли, хотя и не по винѣ Бориса. Вмѣстѣ съ Романовыми были сосланы и ихъ родственники: князья Черкасскіе, Сицкіе, Шестуновы, Репнины, Карповы. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Романовы пострадали изъ-за ложнаго доноса ихъ человѣка Втораго Бартенева, который по уговору съ Семеномъ Годуновымъ обвинилъ ихъ въ томъ, что у нихъ было на Бориса „коренье". До насъ дошло любопытное дѣло о ссылкѣ Романовыхъ; въ немъ имѣются инструкціи царя, чтобы со ссыльными боярами обращались мягко и не притѣсняли ихъ. Этотъ документъ отлично оправдываетъ Бориса отъ излишнихъ обвиненій въ жестокости во время его царствованія, хотя необходимо сознаться, что при его опалахъ было много пытокъ, пострадало много людей и развелись доносы, многочисленные даже въ сравненіи съ эпохою Грознаго. Въ опалахъ, слѣдовавшихъ за ссылкою Романовыхъ, Борисъ почти не прибѣгалъ къ казни, хотя для него дѣло стояло и очень серьезно: преслѣдуя бояръ, не пропуская никого за польскую границу, онъ, очевидно, съ тревогой искалъ нитей того заговора, который могъ его погубить призракомъ Дмитрія, и не находилъ этихъ нитей. Онѣ отъ него ускользаютъ, а черезъ нѣсколько времени въ Польшѣ является человѣкъ, который выдаетъ себя за спасеннаго царевича Дмитрія.

Неизвѣстно, кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ, хотя о его личности дѣлалось много разысканій и высказано много догадокъ. Московское правительство объявило его галицкимъ боярскимъ сыномъ Гришкой Отрепьевымъ только въ январѣ 1605 года. Раньше въ Москвѣ, вѣроятно, не знали, кѣмъ счесть и какъ назвать самозванца. Достовѣрность этого офиціальнаго показанія принимали на вѣру всѣ старые наши историки, принималъ и *С. М. Соловьевъ*, который держался, однако, того убѣжденія, что обманъ самозванца съ его стороны былъ неумышленный и что Отрепьевъ самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Въ 1864 году явилось прекрасное изслѣдованіе *Костомарова* относительно личности перваго самозванца. Въ этомъ трудѣ онъ доказываетъ, во-первыхъ, что Лжедмитрій и Отрепьевъ два разныхъ лица, во-

вторыхъ, что названный Дмитрій не былъ царевичемъ, но вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, и, въ-третьихъ, что самозванецъ былъ дѣломъ боярскихъ рукъ. Виднѣйшимъ дѣятелемъ этой интриги онъ считаетъ Богдана Бѣльскаго. Въ томъ же 1864 году появилась статья *Бицына* („День" 1864, №№ 51 и 52 и „Русскій Архивъ" 1886 года: „Правда о Лжедмитріи"). Бицынъ (псевдонимъ Павлова) старается доказать, что въ Москвѣ къ самозванству готовили именно Григорія Отрепьева, но что царствовалъ будто бы не онъ: въ Польшѣ Отрепьева замѣнили какимъ то другимъ неизвѣстнымъ лицомъ, подставленнымъ іезуитами. Но въ статьѣ Бицына есть одинъ недостатокъ: въ ней нѣтъ второй половины біографіи Отрепьева (послѣ его бѣгства въ Литву) и первой половины біографіи неизвѣстнаго самозванца (до его вступленія въ роль царевича). Въ 1865 году появился еще трудъ о Лжедмитріи *В. С. Иконникова.* Въ своей статьѣ „Кто былъ первый Лжедмитрій" („Кіевскія Университетскія Извѣстія", февр. 1864 г.) Иконниковъ беретъ въ основу своего изслѣдованія точку зрѣнія Маржерета и нѣкоторыхъ другихъ современниковъ, что Лжедмитрій есть истинный царевичъ, спасенный во-время отъ убійцъ. Затѣмъ является въ 1866 году статья *Добротворскаго* („Вѣстникъ Западной Россіи" 1865—66, кн. 6 и 7), которому удалось найти документъ, гласящій, по его мнѣнію, что Лжедмитрій былъ не кто иной какъ Отрепьевъ. Документъ этотъ—надпись на одной изъ книгъ библіотеки Загоровскаго монастыря (Волынской губерніи). Въ книгѣ „Василія Великаго о постничествѣ" внизу по листамъ отмѣчено: „Лѣта отъ сотворенія міра 7110 (1602), мѣсяца августа въ четырнадцатый день, сію книгу... далъ намъ иноку Григорію, царевичу Московскому съ братіею, съ Варлаамомъ да Мисаиломъ, Константинъ Константиновичъ... княже Острожское, воевода Кіевскій". Изъ этой надписи видно, что Отрепьевъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ былъ въ Кіевѣ и получилъ эту книгу отъ князя Острожскаго. Часть надписи, однако, со словами „иноку Григорію", сдѣлана иною рукою, чѣмъ остальная надпись. Добротворскій сличалъ этотъ почеркъ съ документомъ, на которомъ была подпись Лжедмитрія, и почерки ему показались тождественными. Изъ позднѣйшей литературы о самозванцѣ упомянемъ: „Изслѣдованіе о личности перваго Лжедмитрія", принадлежащее г. *Казанскому* и помѣщенное въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1877 годъ (Казанскій видитъ въ Самозванцѣ Отрепьева); затѣмъ рядъ изысканій отца *Павла Пирлинга* („Rome et Démètrius" и др.), который воздерживается отъ категорическихъ заключеній о происхожденіи самозванца, но всего скорѣе думаетъ объ Отрепьевѣ; далѣе „Смутное время Московскаго государства" г. *Иловайскаго*, сужденія котораго, напротивъ, болѣе категоричны, чѣмъ вѣроятны; затѣмъ трудъ *Александра Гиршберга* во Львовѣ „Dymitr Samozwaniec" и *Е. Н. Щепкина* „Wer war Pseudo-Demetrius I"? (въ

Archiv'ѣ Ягича). Особенно цѣнно изданное о. Пирлингомъ facsimile письма самозванца къ папѣ. Знатоки польскихъ рукописей XVI—XVII вв., гг. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и С. Л. Пташицкій, склонны думать, что манускриптъ писанъ по-польски русскимъ (и даже московскимъ) человѣкомъ.

При разногласіи изслѣдователей и неполнотѣ историческихъ данныхъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе о личности названнаго Димитрія трудно. Большинство историковъ признаетъ въ немъ Григорія Отрепьева; Костомаровъ прямо говоритъ, что ничего не знаетъ о его личности, а В. С. Иконниковъ и графъ С. Д. Шереметевъ признаютъ въ немъ настоящаго царевича. Безспорно однако то, что Отрепьевъ участвовалъ въ этомъ замыслѣ: легко можетъ быть, что роль его ограничивалась пропагандой въ пользу самозванца. (Есть извѣстія, что Отрепьевъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ, а потомъ былъ сосланъ имъ за пьянство). За наиболѣе вѣрное можно также принять и то, что Лжедмитрій—затѣя московская, что это подставное лицо вѣрило въ свое царственное происхожденіе и свое восшествіе на престолъ считало дѣломъ вполнѣ справедливымъ и честнымъ.

Но остановимся подробно на обычныхъ разсказахъ о странствованіяхъ самозванца на Руси и Польшѣ; въ нихъ трудно отличить быль отъ сказки. Обыкновенно объ Отрепьевѣ повѣствуютъ такъ: въ молодости онъ живалъ во дворѣ у Романовыхъ и у князей Черкасскихъ, странствовалъ по разнымъ монастырямъ, пріютился въ Чудовѣ монастырѣ и былъ взятъ къ патріарху Іову для книжнаго письма. Потомъ онъ бѣжалъ въ Литву, пропадалъ нѣсколько времени безвѣстно и вновь выплылъ, явившись слугою у кн. Вишневецкаго; тамъ, во время болѣзни, открылъ свое царское происхожденіе. Вишневецкіе и Мнишекъ первые пустили въ ходъ самозванца въ Польскомъ обществѣ. Какъ только самозванецъ сталъ извѣстенъ и основался у Мнишковъ въ ихъ замкѣ Самборѣ, около него явились францисканцы и овладѣли его умомъ, склонивъ его въ латинство; іезуиты продолжали ихъ дѣло, а ловкая панна Марина Мнишекъ завладѣла сердцемъ молодого царевича.

Будучи представленъ къ польскому двору и признанъ имъ въ качествѣ царевича, самозванецъ получаетъ поддержку, во-первыхъ, въ Римской куріи, въ глазахъ которой онъ служилъ прекраснымъ предлогомъ къ открытію латинской пропаганды въ московской Руси, во-вторыхъ, въ польскомъ правительствѣ, для котораго самозванецъ казался очень удобнымъ средствомъ или пріобрѣсти вліяніе въ Москвѣ (въ случаѣ удачи самозванца), или произвести смуту и этимъ ослабить сильную сосѣдку; въ-третьихъ, въ бродячемъ населеніи южныхъ степей и въ извѣстной части польскаго общества, деморализованной и склонной къ авантюризму. При этомъ нужно однако замѣтить, что взятое въ цѣломъ

польское общество сдержанно относилось къ дѣлу самозванца и не увлекалось его личностью и разсказами. О приключеніяхъ московскаго царевича канцлеръ и гетманъ Янъ Замойскій выражался съ полнымъ недовѣріемъ: „Это комедія Плавта или Теренція, что ли“ (Czy to Plavti czy Terentiuszova comaedia). Не вѣрили самозванцу лучшія части польскаго общества, не вѣрилъ ему и польскій сеймъ 1605 г., который запретилъ полякамъ поддерживать самозванца и рѣшилъ ихъ за это наказывать. Хотя король Сигизмундъ III и не держался этихъ постановленій сейма, однако онъ и самъ не рѣшался открыто и офиціально поддерживать самозванца и ограничился тѣмъ, что давалъ ему денежную субсидію и позволялъ вербовать въ свою дружину охочихъ людей. Яснѣе выражала свои симпатіи къ „несчастному царевичу“ Римская курія. Съ такой поддержкой, съ войскомъ изъ поляковъ, а главнымъ образомъ казаковъ, Дмитрій выступилъ на Русь и имѣлъ успѣхъ въ южныхъ областяхъ ея: тамъ его охотно признавали. Нѣкоторыя отдѣльныя стычки самозванца съ московскими войсками ясно показали, что съ его жалкими отрядами онъ никогда бы не достигъ Москвы, если бы Борисово войско не было въ какомъ то странномъ состояніи моральной растерянности. Имя царевича Дмитрія, послѣдней вѣтви великаго царскаго рода, лишало московскія войска всякой нравственной опоры: не будучи въ состояніи провѣрить слухи о подлинности этого воскресшаго царевича, московскіе люди готовы были вѣрить въ него и по своимъ религіознымъ и политическимъ взглядамъ не могли драться противъ законнаго царя. А боярство, въ извѣстной своей части, было просто радо успѣхамъ самозванца и давало ему возможность торжествовать надъ царскими войсками, въ успѣхѣ Лжедмитрія предвидя гибель ненавистныхъ Годуновыхъ.

А гибель Годуновыхъ была близка. Въ то время, когда положеніе дѣлъ въ Сѣверскомъ краѣ было очень неопредѣленно, когда слабый Лжедмитрій, усиливаясь часъ отъ часу отъ бездѣйствія царскихъ воеводъ, становился все опаснѣе и опаснѣе, умираетъ царь Борисъ съ горькимъ сознаніемъ, что онъ и его семья лишены всякой почвы подъ ногами и побѣждены призракомъ законнаго царя. При сынѣ Бориса, когда не стало обаянія сильной личности Бориса, дѣла самозванца пошли и скорѣе и лучше. Боярство начало себя держать болѣе опредѣленно: новый воевода Басмановъ со всѣмъ войскомъ прямо передался на сторону Дмитрія. Самозванца признали настоящимъ царемъ всѣ высшіе боярскіе роды и онъ тріумфальнымъ шествіемъ двинулся къ Москвѣ.

Настроеніе умовъ въ самой Москвѣ было очень шатко. 1-го іюня 1605 года въ Москву явились отъ самозванца Плещеевъ и Пушкинъ, остановились въ одной изъ московскихъ слободъ и читали тамъ грамоту самозванца, адресованную москвичамъ. Въ грамотѣ описывалась вся

исторія царевича, его спасеніе, военные успѣхи; грамота кончалась обѣщаніемъ всевозможныхъ льготъ народу. Плещеева и Пушкина народъ повлекъ въ Китай-городъ, гдѣ снова читали грамоту на Красной площади. Толпа не знала, чему вѣрить въ этомъ дѣлѣ, и рѣшила спросить Василія Шуйскаго, который велъ слѣдственное дѣло объ убійствѣ царевича Дмитрія и лучше другихъ зналъ всѣ обстоятельства смерти этого послѣдняго. Шуйскій вышелъ, говорятъ, къ народу, совершенно отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній и увѣрялъ, что Борисъ послалъ убить царевича, но царевича спасли, а былъ убитъ поповскій сынъ. Тогда народъ бросился въ Кремль, схватилъ царя Өеодора съ матерью и сестрой и перевелъ ихъ въ прежній Борисовъ боярскій домъ, а затѣмъ началъ грабить иноземцевъ, „Борисовыхъ пріятелей". Вскорѣ затѣмъ пріѣхали отъ самозванца въ Москву князь Голицынъ и Масальскій, чтобы „покончить" съ Годуновыми. Они сослали патріарха Іова въ Старицу, убили царя Өеодора и его мать, а его родню подвергли ссылкѣ и заточенію. Такъ кончилось время Годуновыхъ.

20-го іюня 1605 года Дмитрій съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву при общемъ восторгѣ увѣровавшихъ въ него москвичей. Черезъ четыре дня (24 іюня) былъ поставленъ новый патріархъ, грекъ Игнатій, однимъ изъ первыхъ признавшій самозванца. Скоро были возвращены изъ ссылки Нагіе и Романовы. Старшій изъ Романовыхъ, монахъ Филаретъ, былъ поставленъ митрополитомъ Ростовскимъ. За инокиней Марфой Нагой, матерью Дмитрія, ѣздилъ знаменитый впослѣдствіи князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Признаніе самозванца со стороны Марфы сыномъ и царевичемъ должно было окончательно утвердить его на московскомъ престолѣ, и она признала его. Въ іюлѣ ее привезли въ Москву и произошло первое трогательное свиданіе съ ней Лжедмитрія. Инокиня Марфа прекрасно представилась нѣжной матерью; Дмитрій обращался съ ней, какъ любящій сынъ. Про Дмитрія мы имѣемъ много свидѣтельствъ, доказывающихъ, что онъ вѣрилъ въ свое царское происхожденіе и долженъ былъ считать Марфу дѣйствительно своею матерью, такъ что его нѣжность при встрѣчѣ съ ней могла быть вполнѣ искренна. Но совершенно иначе представляется поведеніе Марфы. Внѣшность самозванца была такъ исключительна, что, кажется, и самая слабая память не могла бы смѣшать его съ покойнымъ Дмитріемъ. Для Марфы это тѣмъ болѣе немыслимо, что она не разлучалась со своимъ сыномъ, присутствовала при его смерти, горько его оплакивала. Въ немъ были надежды всей ея жизни, она его берегла, какъ зеницу ока, и ей ли было его не знать? Ясно, что нѣжность ея къ самозванцу проистекала изъ того, что этотъ человѣкъ, воскрешая въ себѣ ея сына, воскрешалъ для нея то положеніе царской матери, о которомъ она мечтала въ угличскомъ заточеніи. Для этого положенія она рѣшилась на всенародное притворство, малодушно опа-

саясь возможности новой опалы въ томъ случаѣ, если бы оттолкнула отъ себя самозваннаго сына.

Въ то самое время, какъ инокиня Марфа, признавая подлинность самозванца, способствовала его окончательному торжеству и утверждала его на престолѣ, Василій Шуйскій ему уже измѣнилъ. Этотъ человѣкъ не стѣснялся мѣнять свои показанія въ дѣлѣ Дмитрія: въ 1591 году онъ установилъ фактъ самоубійства Дмитрія и невиновность Бориса; послѣ смерти Годунова передъ народомъ обвинялъ его въ убійствѣ, призналъ самозванца подлиннымъ Дмитріемъ и этимъ вызвалъ сверженіе Годуновыхъ. Но едва Лжедмитрій былъ признанъ Москвою, какъ Шуйскій началъ противъ него интригу, объявляя его самозванцемъ. Интрига была во-время открыта новымъ царемъ и онъ отдалъ Шуйскаго съ братьями на судъ выборнымъ людямъ, земскому собору. На соборѣ, вѣроятно, составленномъ изъ однихъ москвичей, никто „не пособствовалъ“ Шуйскимъ, какъ выражается лѣтопись, но „всѣ на нихъ кричали“ и духовенство, и „бояре, и простые люди“. Шуйскіе были осуждены и отправлены въ ссылку, но очень скоро прощены Лжедмитріемъ. Это прощеніе въ такомъ щекотливомъ для самозванца дѣлѣ, какъ вопросъ объ его подлинности, равно и то обстоятельство, что такое дѣло было отдано на судъ народу, ясно показываетъ, что самозванецъ вѣрилъ, что онъ „прирожденный“, истинный царевичъ; иначе онъ не рискнулъ бы поставить такой вопросъ на разсмотрѣніе народа, знавшаго и уважавшаго Шуйскихъ за ихъ постоянную близость къ московскимъ царямъ.

Москвичи мало-по-малу знакомились съ личностью новаго царя. Характеръ и поведеніе царя Дмитрія производили различное впечатлѣніе,—передъ москвичами, по воззрѣніямъ того времени, былъ человѣкъ образованный, но невоспитанный, или воспитанный, да не по московскому складу. Онъ не умѣлъ держать себя сообразно своему царскому сану, не признавалъ необходимости того этикета, „чина“, какой окружалъ московскихъ царей; любилъ молодечествовать, не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто этого запросто бродилъ по Москвѣ. Не умѣлъ онъ держать себя и по православному обычаю, не посѣщалъ храмовъ, любилъ одѣваться по-польски, по-польски же одѣвалъ свою стражу, водился съ поляками и очень ихъ жаловалъ; отъ него пахло ненавистнымъ Москвѣ латинствомъ и Польшей.

Но и съ польской точки зрѣнія это былъ невоспитанный человѣкъ. Онъ былъ необразованъ, плохо владѣлъ польскимъ языкомъ, еще плоше латинскимъ, писалъ „in perator“ вмѣсто „imperator“. Такую особу, какой была Марина Мнишекъ, личными достоинствами онъ, конечно, прельстить не могъ. Онъ былъ очень некрасивъ: разной длины руки, большая бородавка на лицѣ, некрасивый большой носъ, волосы торчкомъ, несимпатичное выраженіе лица, лишенная таліи, неизящная фигура,—

вотъ какова была его внѣшность. Брошенный судьбой въ Польшу, умный и переимчивый, безъ тѣни расчета въ своихъ поступкахъ, онъ понахватался въ Польшѣ внѣшней „цивилизаціи“, кое-чему научился и, попавъ на престолъ, проявилъ на немъ любовь и къ Польшѣ, и къ наукѣ, и къ широкимъ политическимъ замысламъ вмѣстѣ со вкусами степного гуляки. Въ своей сумасбродной, лишенной всякихъ традицій, головѣ, онъ питалъ утопическіе планы завоеванія Турціи, готовился къ этому завоеванію и искалъ союзниковъ въ Европѣ. Но въ этой странной натурѣ замѣтенъ былъ нѣкоторый умъ. Этотъ умъ проявлялся и во внутреннихъ дѣлахъ, и во внѣшней политикѣ. Слѣдя за ходомъ дѣлъ въ боярской думѣ, самозванецъ, по преданію, удивлялъ бояръ замѣчательной остротой смысла и соображенія. Онъ легко рѣшалъ тѣ дѣла, о которыхъ долго думали и долго спорили бояре. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ онъ проявлялъ много политическаго такта. Чрезвычайно многимъ обязанный римскому папѣ и королю Сигизмунду, онъ былъ съ ними, по видимости, въ очень хорошихъ отношеніяхъ, увѣрялъ ихъ въ неизмѣнныхъ чувствахъ преданности, но вовсе не спѣшилъ подчинить русскую церковь папству, а русскую политику вліянію польской дипломатіи. Будучи въ Польшѣ, онъ принялъ католичество и надавалъ много самыхъ широкихъ обѣщаній королю и папѣ, но въ Москвѣ забылъ и католичество и свои обязательства, а когда ему объ нихъ напоминали, отвѣчалъ на это предложеніемъ союза противъ Турокъ: онъ мечталъ объ изгнаніи ихъ изъ Европы.

Но для его увлекающейся натуры гораздо важнѣе всѣхъ политическихъ дѣлъ было его влеченіе къ Маринѣ; оно отражалось даже на его дипломатическихъ дѣлахъ. Марину онъ ждалъ въ Москву съ полнымъ нетерпѣніемъ. Въ ноябрѣ 1605 года былъ совершенъ въ Краковѣ обрядъ ихъ обрученія, причемъ мѣсто жениха занималъ царскій посолъ Власьевъ. (Этотъ Власьевъ во время обрученія поразилъ и насмѣшилъ поляковъ своеобразіемъ манеръ. Такъ, во время обрученія, когда по обряду спросили, не давалъ ли Дмитрій кому нибудь обѣщанія, кромѣ Марины, онъ отвѣчалъ: „А мнѣ какъ знать? О томъ мнѣ ничего не наказано!“). Въ Москву однако Марина пріѣхала только 2-го мая 1606 г., а 8-го происходила свадьба. Обрядъ былъ совершенъ по старому русскому обычаю, но русскихъ непріятно поразило здѣсь присутствіе на свадьбѣ поляковъ и несоблюденіе нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ, обрядностей. Не нравилось народу и поведеніе польской свиты Мнишковъ, наглое и высокомѣрное. Царь Дмитрій съ его польскими симпатіями не производилъ уже прежняго обаянія на народъ; хотя противъ него и не было общаго опредѣленнаго возбужденія, но народъ былъ недоволенъ и имъ, и его пріятелями-поляками; однако это неудовольствіе пока не высказывалось открыто.

Лжедмитрій сослужилъ свою службу, къ которой предназначался своими творцами, уже въ моментъ своего воцаренія, когда умеръ последній Годуновъ — Ѳеодоръ Борисовичъ. Съ минуты его торжества въ немъ боярство уже не нуждалось. Онъ сталъ какъ бы орудіемъ, отслужившимъ свою службу и никому болѣе ненужнымъ, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь къ престолу будетъ свободенъ достойнѣйшимъ въ царствѣ. И устранить это препятствіе бояре стараются, повидимому, съ первыхъ же дней царствованія самозванца. Какъ интриговали они противъ Бориса, такъ теперь открываютъ походъ на Лжедмитрія. Во главѣ ихъ сталъ Шуйскій, какъ прежде, по мнѣнію нѣкоторыхъ, стоялъ Богданъ Бѣльскій. Но на первый разъ Шуйскіе слишкомъ поторопились, чуть было не погибли и, какъ мы видѣли, были сосланы. Урокъ этотъ не пропалъ имъ даромъ: весною 1606 года В. И. Шуйскій вмѣстѣ съ Голицынымъ начали дѣйствовать гораздо осторожнѣе; они успѣли привлечь на свою сторону войска, стоявшія около Москвы; въ ночь съ 16 на 17 мая отрядъ ихъ былъ введенъ въ Москву, а тамъ у Шуйскаго было уже достаточно сочувствующихъ. Однако заговорщики, зная, что далеко не всѣ въ Москвѣ непримиримо настроены противъ самозванца, сочли нужнымъ обмануть народъ и бунтъ подняли, якобы, за царя противъ поляковъ, его обижавшихъ. Но дѣло скоро объяснилось. Царь былъ объявленъ самозванцемъ и убитъ 17 мая утромъ. „Истинный царевичъ", котораго еще такъ недавно трогательно встрѣчали и спасенію котораго такъ радовались, сдѣлался „растригой", „еретикомъ" и „польскимъ свистуномъ". Во время этого переворота былъ свергнутъ патріархъ Игнатій и убито отъ 2000 до 3000 русскихъ и поляковъ. Московская чернь начинала уже пріобрѣтать вкусъ къ подобнаго рода дѣламъ.

Второй періодъ смуты: разрушеніе государственнаго порядка.

Воцареніе кн. В. И. Шуйскаго. Москва осталась безъ царя. По удачному выраженію Костомарова, „Дмитрій уничтожилъ Годуновыхъ и самъ исчезъ, какъ призракъ, оставивъ за собою страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московское государство". („Кто былъ первый Лжедмитрій", стр. 62). Дѣйствительно, послѣ смерти Ѳеодора хозяиномъ была Ирина, а еще болѣе Борисъ, по смерти Годуновыхъ—Дмитрій, а послѣ него не было никого или, вѣрнѣе, готовилась хозяйничать боярская среда: на полѣ битвы она осталась единой побѣдительницей. Сохранилось извѣстіе, что еще до сверженія Дмитрія бояре, возставшіе на самозванца,

сдѣлали уговоръ, что тотъ изъ нихъ, кому Богъ дастъ быть царемъ, не будетъ мстить за прежнія „досады", а долженъ управлять государствомъ „по общему совѣту". Очевидно, мысль объ ограниченіи, въ первый разъ всплывшая при Борисѣ въ 1598 году, теперь была снова вспомянута. Такъ какъ царь и изъ своей братіи могъ быть „не сладокъ" боярству, какъ не сладокъ былъ ему Борисъ съ 1601 года, то боярство желало съ одной стороны оформленія своего положенія, а съ другой участія въ управленіи. Но тотъ же фактъ избранія Бориса долженъ былъ привести на память боярамъ, кромѣ пріятныхъ имъ гарантій, и то еще, что Борисъ былъ избранъ на царство соборомъ всей земли. А это соборное избраніе было въ данную минуту совсѣмъ нежелательнымъ прецедентомъ для боярства, какъ среды, получившей всю власть въ свои руки. Поэтому обошлись безъ собора.

Москва послѣ переворота не скоро пришла въ себя. И 17 и 18 мая настроеніе въ городѣ было необычное. Раннимъ утромъ 19 мая народъ собрался на Красной площади; духовенство и бояре предложили ему избрать патріарха, который бы разослалъ грамоты для созванія „совѣтныхъ людей" на избраніе царя, но въ толпѣ закричали, что нужнѣе царь и царемъ долженъ быть В. И. Шуйскій. Такому заявленію изъ толпы никто не спѣшилъ противорѣчить, и Шуйскій былъ избранъ царемъ. Впрочемъ, трудно здѣсь сказать „избранъ": Шуйскій, по счастливому выраженію современниковъ, просто былъ „выкрикнутъ" своими „доброхотами", и это не прошло въ народѣ незамѣченнымъ, хотя правительство Шуйскаго и хотѣло представить его избраніе дѣломъ всей земли.

Съ нескрываемомъ чувствомъ неудовольствія говоритъ объ избраніи Шуйскаго лѣтопись, что не только въ другихъ городахъ не знали „да и на Москвѣ не вѣдали многіе люди", какъ выбирали Шуйскаго. И рядомъ съ этимъ извѣстіемъ встрѣчается у того же лѣтописца очень любопытная замѣтка, что Шуйскій при своемъ вѣнчаніи на царство въ Успенскомъ соборѣ вздумалъ присягать всенародно въ томъ, „чтобы ни надъ кѣмъ не сдѣлать безъ собору никакого дурна", т. е. чтобы судъ творить и управлять при участіи земскаго собора, по прямому смыслу лѣтописи. Но бояре и другіе люди, бывшіе въ церкви, стали будто-бы говорить Шуйскому, что этого на Руси не повелось и чтобы онъ новизны не вводилъ. Сопоставляя это лѣтописное сообщеніе съ дошедшею до насъ крестоцѣловальною записью Шуйскаго, на которой онъ присягалъ въ соборѣ, мы замѣчаемъ между этими двумя документами существенную разницу въ смыслѣ ихъ показаній. Въ записи дѣло представляется иначе: о соборѣ тамъ не упоминается ни словомъ, а новый царь говоритъ: „позволилъ есми язъ . . . . цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ су-

домъ съ бояры своими смерти, не предати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братіи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ, которые съ ними въ мысли не были, также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство безвинно не гибло; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его".

Въ этихъ словахъ обыкновенно видятъ подлинныя условія ограниченій, которыя предложены были Шуйскому боярствомъ. Если точнѣе формулировать эту присягу Шуйскаго, то мы можемъ свести ее къ тремъ пунктамъ: 1) Царь Шуйскій не имѣетъ власти никого лишать жизни безъ приговора думы. Какъ мы уже знаемъ, существуетъ извѣстіе, что бояре условились еще до избранія царя „общимъ совѣтомъ . . . . царствомъ управлять". Но если лѣтописецъ не ошибся, и въ Успенскомъ соборѣ Шуйскій дѣйствительно присягалъ на имя собора, а не боярской думы, то мы имѣемъ право предполагать, что это съ его стороны было попыткой замѣнить боярское ограниченіе ограниченіемъ всей земли. Однако эта попытка, если она была, оказалось неудачной. Народъ отвергъ ограниченіе, добровольно на себя налагаемое Шуйскимъ, а бояре отъ своего уговора не отказались, и въ грамотахъ Шуйскаго ограничительное значеніе придается именно боярской думѣ. 2) Далѣе В. И. Шуйскій цѣловалъ крестъ на томъ, что онъ, вмѣстѣ съ виновными въ какомъ-либо преступленіи, не будетъ подвергать гоненію ихъ невинную родню. Это обязательство Шуйскаго одинаково относится какъ къ боярству, такъ и къ прочимъ чинамъ, служилымъ и тяглымъ. Обычай преслѣдованія цѣлаго рода за проступокъ одного его члена въ дѣлахъ политическихъ существовалъ въ Москвѣ; его держались и Борисъ, и другіе государи. Теперь постарались объ отмѣнѣ этого обычая и приняли во вниманіе интересы не только боярства, но и прочихъ людей. 3) Наконецъ, В. И. Шуйскій обязывался не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ; если доносъ окажется несправедливымъ, то доносчикъ долженъ быть наказанъ. Въ этомъ пунктѣ присяги новаго царя слышится намъ намекъ на доносы времени Годунова, когда они были возведены въ систему и явились величайшимъ зломъ. Этими тремя условіями исчерпываются всѣ обѣщанія Шуйскаго. Во всей только что разобранной записи трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія; царь обѣщаетъ лишь воздерживаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйство-

вать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ однако формально власти царя.

Итакъ, Шуйскій вступилъ на престолъ не законнымъ избраніемъ земли, а умысломъ бояръ, отъ которыхъ и долженъ былъ стать въ зависимость. Переворотъ 17—19 мая 1606 года случился такъ неожиданно для всей страны и произошелъ такъ быстро, что для земли должны были казаться совсѣмъ необъяснимою новостью и самозванство Дмитрія, и его сверженіе, и выборъ Шуйскаго. Всѣ эти происшествія упали, какъ снѣгъ на голову, и странѣ необходимо было показать законность замѣны царя Дмитрія царемъ Василіемъ. Это и старался сдѣлать Шуйскій со своимъ правительствомъ, разославъ въ города тотчасъ по воцареніи окружныя грамоты отъ своего имени, отъ имени бояръ и отъ имени царицы Маріи Нагой, т. е. инокини Марфы. Въ этихъ грамотахъ царь Василій старается доказать народу: 1) что свергнутый царь былъ самозванецъ, 2) что онъ, Шуйскій, имѣетъ дѣйствительныя права на престолъ, и 3) что избранъ онъ законно, а не самъ пожаловалъ себя въ цари.

Что Дмитрій былъ самозванецъ, объявлялъ въ своихъ грамотахъ самъ В. И. Шуйскій. Свергнутаго царя Дмитрія онъ называлъ Гришкой Отрепьевымъ и доказывалъ это подборомъ фактовъ, не особенно строгимъ, какъ можно въ этомъ убѣдиться теперь. То же доказывали въ своихъ грамотахъ бояре и другіе московскіе люди, при чемъ въ подборѣ фактовъ и они не особенно стѣснялись; доказывала это въ особой грамотѣ и Марфа Нагая. Она сознается тутъ, что Гришка Отрепьевъ устрашилъ ее угрозами и что признала она его страха ради, но въ то же время пишетъ (а вѣрнѣе за нее пишутъ другіе), что тайно она говорила боярамъ о его самозванствѣ, а теперь свидѣтельствуетъ объ этомъ всенародно.

Но, слушая всѣ эти грамоты, русскіе люди знали, что Шуйскій постоянно переметывался со стороны на сторону въ этомъ дѣлѣ, что самъ же онъ заставилъ Москву увѣровать въ подлинность царя Дмитрія, что Марфа (достойная сотрудница Шуйскаго и такой же, какъ и онъ, образецъ политической безнравственности того времени) когда то съ восторгомъ принимала ласки самозванца и очень тепло на нихъ отвѣчала. При такихъ обстоятельствахъ много оставалось мѣста недоразумѣніямъ и сомнѣніямъ и ихъ нельзя было разсѣять двумя тремя грамотами. Это, конечно, понималъ и самъ Шуйскій. Онъ въ іюнѣ 1606 года, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, помимо всякихъ другихъ доказательствъ самозванства прежняго царя канонизируетъ царевича Дмитрія и 3 іюня торжественно переноситъ его мощи изъ Углича въ Москву

въ Архангельскій соборъ, обращая такимъ образомъ это религіозное торжество въ средство политическаго убѣжденія.

Второе, что старался доказать Шуйскій,—это прирожденныя свои права на престолъ. Здѣсь онъ не только опирается на простое родство съ угасшей династіей, но и старается доказать свое старшинство передъ родомъ московскихъ царей Даниловичей. Родъ Шуйскихъ, какъ и родъ князей московскихъ, принадлежалъ къ прямому потомству Александра Ярославича Невскаго, и Шуйскіе дѣйствительно производили себя отъ старшей, сравнительно съ московскими Даниловичами, линіи суздальскихъ князей. Но это отдаленное старшинство мало теперь значило въ глазахъ народа, и одно, само по себѣ, не могло оправдать воцаренія Шуйскаго. Для этого необходимо было участіе воли народной, санкція земскаго собора, а этимъ то новый царь и пренебрегъ.

Однако, несмотря на это, въ грамотахъ къ народу царь Василій, кромѣ самозванства Дмитрія и своихъ правъ на престолъ, старается доказать еще правильность и законность своего выбора. Онъ пишетъ, что „учинился на отчинѣ прародителей своихъ избраніемъ всѣхъ людей *Московскаго государства*“. Въ XVI и XVII вѣкахъ наши предки „государствами“ называли тѣ области, которыя когда то были самостоятельными политическими единицами и затѣмъ вошли въ составъ Московскаго государства. Съ этой точки зрѣнія тогда существовали „Новгородское государство“, „Казанское государство“, а „Московское государство“ часто означало собственно Москву съ ея уѣздомъ. Если же хотѣли выразить понятіе всего государства въ нашемъ смыслѣ, то говорили: „всѣ великія государства Россійскаго царствія“ или просто „Россійское царство“. Любопытно, что Шуйскій совсѣмъ не употреблялъ этихъ послѣднихъ выраженій, говоря объ избраніи своемъ; выбирали его „всякіе люди Московскаго государства“, а не „всѣ люди всѣхъ государствъ Россійскаго царствія“, какъ бы слѣдовало ему сказать и какъ писали и говорили при избраніи Михаила Ѳеодоровича въ 1613 году. Въ этомъ, пожалуй, можно видѣть осторожность съ стороны Шуйскаго. Онъ какъ будто хотѣлъ обмануть наполовину и не хотѣлъ обманывать совсѣмъ. Но обмануть законностью своего избранія Шуйскому не удалось. Для народа, конечно, не могла остаться тайной настоящая обстановка избранія Шуйскаго: вся Москва вплоть до малаго ребенка знала, что посаженъ Василій не всѣмъ народомъ, а своей „кликой“, и что его не избрали, а выкрикнули. Въ избраніи и поведеніи Шуйскаго была непозволительная фальшь, и эту фальшь не могли не чуствовать московскіе люди.

Много было обстоятельствъ, мѣшавшихъ народу относиться довѣрчиво къ новому правительству. Личность новаго царя далеко не была такъ популярна, какъ личность Бориса. Новый царь захватилъ престолъ, не дожидаясь земскаго собора, а многіе помнили, что Борисъ ожидалъ

этого собора шесть недѣль. Новый царь очень сбивчиво и темно говорилъ какъ о самозванствѣ, такъ и о сверженіи Дмитрія, про котораго самъ же прежде свидѣтельствовалъ, что это истинный царевичъ. Наконецъ, необычайность самыхъ событій, разыгравшихся въ Москвѣ, способна была возбудить много толковъ и сомнѣній. Все это смущало народъ и лишало новое правительство твердой опоры въ населеніи. Силою самихъ обстоятельствъ Шуйскій долженъ былъ при своемъ воцареніи опереться на боярскую партію и не могъ опереться на весь народъ, въ этомъ и заключалось его несчастіе. Народъ, признавая Шуйскаго царемъ, не былъ соединенъ съ нимъ той нравственной связью, той симпатіей, которая одна въ состояніи сообщить власти несокрушимую силу. Шуйскій не былъ народомъ посаженъ на царство, а сѣлъ на него самъ, и народная масса, смотря на него косо, чуждалась его, давала возможность свободно бродить всѣмъ дурнымъ общественнымъ сокамъ. Это броженіе, направляясь противъ порядка вообще, тѣмъ самымъ направлялось противъ Шуйскаго, какъ представителя этого порядка, хотя, можетъ быть, представителя и неудачнаго.

А дурныхъ соковъ было много во всѣхъ общественныхъ слояхъ и во всѣхъ мѣстахъ Русской земли. Та часть боярства, которая съ Шуйскимъ была во власти, проявляла олигархическіе вкусы, ссылая на дальнія воеводства неугодныхъ ей, не приставшихъ къ заговору и вѣрныхъ Лжедмитрію бояръ (М. Салтыковъ, Шаховской, Масальскій, Бѣльскій), давала волю своимъ противообщественнымъ личнымъ стремленіямъ. Современники говорятъ, что при Шуйскомъ бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, ссорились съ нимъ,—словомъ, дѣлали, что хотѣли. Другая часть боярства, не попавшая во власть, не имѣвшая вліянія на дѣла и недовольная вновь установившимся порядкомъ, стала, по своему обыкновенію, въ скрытую оппозицію. Во имя кого и чего могла быть эта оппозиція? Конечно, во имя своихъ личныхъ выгодъ и разъ уже испытаннаго самозванца. Не говоря уже о казачествѣ, которое жило въ лихорадкѣ и сильно бродило, разъ проводивъ самозванца до Москвы,— и „русскій материкъ", какъ выражается И. Е. Забѣлинъ, т. е. среднія сословія народа, на которыхъ держался государственный порядокъ, были смущены происшедшими событіями и кое-гдѣ просто не признали Шуйскаго во имя того же Дмитрія, о которомъ ничего достовѣрнаго не знали, въ еретичество и погибель котораго не вѣрили, а Шуйскаго на царство не хотѣли. И верхъ и низъ общества или потеряли чувство правды во всѣхъ политическихъ событіяхъ и не знали, во имя чего противостать смутѣ, или были сами готовы на смуту во имя самыхъ разнообразныхъ мотивовъ.

Смута въ умахъ очень скоро перешла въ смуту на дѣлѣ. Съ перваго же дня царствованія Шуйскаго началась эта смута и смела царя,

какъ раньше смела Бориса и Лжедмитрія. Но теперь, во время Шуйскаго, смута имѣетъ иной характеръ, чѣмъ имѣла она прежде. Прежде она была, такъ сказать, дворцовой, боярской смутой. Люди, стоявшіе у власти, спорили за исключительное обладаніе ею еще при Ѳеодорѣ, чувствуя какъ будетъ важно это обладаніе въ моментъ прекращенія династіи. Въ этотъ моментъ побѣдителемъ остался Борисъ и завладѣлъ престоломъ. Но затѣмъ и его уничтожила придворная боярская интрига, дѣйствовавшая, впрочемъ, средствами не одной придворной жизни, а вынесенная наружу, возбудившая народъ. Въ этой интригѣ, результатомъ которой явился самозванецъ, такимъ образомъ, участвовали народныя массы, но направлялись и руководились онѣ, какъ неразумная сила, изъ той же дворцовой боярской среды. Заговоръ, уничтожившій самозванца, равнымъ образомъ имѣлъ характеръ олигархическаго замысла, а не народнаго движенія. Но далѣе дѣло пошло иначе. Когда олигархія осуществилась, то олигархи, съ Шуйскимъ во главѣ, вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ народной массой. Они не разъ для своихъ цѣлей поднимали эту массу; теперь какъ будто пріучась къ движенію, эта масса заколыхалась и уже не въ качествѣ простого орудія, а какъ стихійная сила, преслѣдуя какія то свои цѣли. Олигархи почувствовали, что нити движеній, которыя они привыкли держать въ своихъ рукахъ, выскользнули изъ ихъ рукъ, и почва подъ ихъ ногами заколебалась. Въ тотъ моментъ, когда они думали почить на лаврахъ въ роли властей Русской земли, эта Русская земля начала противъ нихъ подниматься. Такимъ образомъ, воцареніе Шуйскаго можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей смуты: съ этого момента изъ смуты въ высшемъ классѣ, она окончательно принимаетъ характеръ смуты народной, которая побѣждаетъ и Шуйскаго, и олигархію.

Если слѣдить хронологически, постепенно, за развитіемъ смуты въ этотъ новый періодъ, то невольно теряешься въ массѣ подробностей, но, внимательно къ нимъ присматриваясь, получаешь возможность различить здѣсь три основные факта: 1) первоначальное движеніе противъ Шуйскаго, въ которомъ первая роль принадлежитъ Болотникову, 2) появленіе тушинскаго вора и борьба Москвы съ Тушиномъ и 3) иноземное вмѣшательство въ смуту. Эти факты, однако, не смѣняются постепенно одинъ другимъ, а развиваются часто параллельно, рядомъ. Когда Болотниковъ, потерявъ шансы на успѣхъ, сидитъ еще крѣпко въ осадѣ отъ Шуйскаго, является тушинскій воръ; въ разгарѣ борьбы Шуйскаго съ воромъ являются на Руси шведы и поляки.

Обратимся сначала къ первому изъ указанныхъ фактовъ—къ движенію Шаховского и Болотникова. Еще не успѣли убрать съ Красной площади трупъ Лжедмитрія, какъ разнесся слухъ, даже въ самой Москвѣ, какъ это ни кажется страннымъ, что убили во дворцѣ не Дмитрія,

а кого то другого. Еще ранѣе, въ самый день переворота, одинъ изъ приверженцевъ самозванца, Михаилъ Молчановъ, бѣжалъ изъ Москвы, пробрался къ литовской границѣ и явился въ Самборъ распространять слухи о спасеніи царя. На себя брать роль самозванца Молчановъ вовсе не желалъ, а подыскивалъ кого нибудь другого, кто рѣшился бы выступить въ такой роли и былъ бы къ ней способенъ.

Слухи о Дмитріи сдѣлали положеніе Шуйскаго сразу очень шаткимъ. Недовольныхъ было очень много, и они хватались за имя Дмитрія; одни потому, что искренно вѣрили въ спасеніе его при переворотѣ, другіе потому, что кромѣ его имени не было другого такого, которое могло бы ихъ соединить и придать возстанію характеръ законной борьбы за правду. Одновременно со слухами, распускаемыми Молчановымъ, такіе же слухи появились въ Сѣверскихъ городахъ и тамъ всего раньше вызвали дѣйствительную смуту. Князь Григорій Шаховской, приверженецъ Лжедмитрія, сосланный за это на воеводство въ Путивль, немедленно показалъ Шуйскому неудобство такого рода наказанія. Онъ объявилъ въ Путивлѣ, что Дмитрій живъ, и сразу поднялъ противъ Шуйскаго весь городъ во имя этого Дмитрія. По примѣру Путивля очень скоро поднимаются и другіе Сѣверскіе города, между прочимъ Елецъ и Черниговъ. Въ Черниговѣ начальствовалъ князь Андрей Телятевскій, который годъ тому назадъ долго не хотѣлъ перейти на сторону Лжедмитрія, а теперь, когда Лжедмитрій былъ убитъ, сразу переходитъ на сторону его призрака, не зная еще, когда и гдѣ этотъ призракъ воплотится. Это его, быть можетъ, и не особенно интересовало, потому что поднялся онъ за Дмитрія исключительно по непріязни къ Шуйскому. Когда затѣмъ царскія войска, посланныя усмирить мятежные города, были мятежниками разбиты, то къ движенію противъ Шуйскаго на югѣ примкнули и другіе города, въ числѣ ихъ Тула и Рязань. Дальше возникли безпорядки и въ Поволжскихъ городахъ. Въ Перми явилась смута между войсками, набранными, для царя; они начали побивать другъ друга и разбѣжались со службы. Въ Вяткѣ открыто бранили Шуйскаго и сочувствовали Дмитрію, котораго считали живымъ. Во многихъ мѣстностяхъ поднимались крестьяне и холопы. Смутами пользовались инородцы, обрадованные случаемъ сбросить съ себя подчиненіе русскимъ. Они дѣйствовали за-одно съ крестьянскими шайками. Мордва, соединясь съ холопами и крестьянами, осадила Нижній-Новгородъ. Въ далекой Астрахани поднялся на царя народъ и казаки. Въ самой Москвѣ было замѣтно броженіе въ народѣ, хотя не доходившее до возмущенія, но очень безпокоившее Шуйскаго.

Всѣ эти волненія, происходя въ разныхъ мѣстностяхъ безъ всякой связи одно съ другимъ, различаются и мотивами, и дѣятелями: въ нихъ участвуютъ люди разныхъ сословій и положеній, и преслѣдуются очень

разнообразныя цѣли. Всѣхъ серьезнѣе было движеніе на югѣ, въ Сѣверской землѣ. Въ центрѣ его стоялъ первоначально Шаховской. Поднялъ онъ движеніе во имя Дмитрія, но не находилъ человѣка, который взялъ бы на себя его роль, а такой человѣкъ былъ ему необходимъ, иначе движеніе въ народѣ могло заглохнуть.

Боясь этого и узнавъ, что Молчановъ выдавалъ себя за Дмитрія, Шаховской звалъ его къ себѣ, но Молчановъ не ѣхалъ, и поднятое дѣло грозило неудачей. Въ это время случай послалъ Шаховскому выдающуюся энергіей и способностями, любопытную личность Ивана Болотникова. Жизнь этого человѣка полна приключеній: онъ былъ холопомъ князя Телятевскаго, какъ-то попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ и нѣсколько лѣтъ работалъ въ Турціи на галерахъ. Затѣмъ, неизвѣстно какъ, освободился оттуда и попалъ въ Венецію. Изъ Венеціи онъ пробрался черезъ Польшу на Русь, но въ Польшѣ его задержали. Тамъ онъ встрѣтился съ Молчановымъ, и тотъ нашелъ его пригоднымъ для своихъ дѣлъ человѣкомъ, сблизился съ нимъ и послалъ его въ Путивль къ Шаховскому. Шаховской принялъ Болотникова хорошо и поручилъ ему цѣлый отрядъ. Болотниковъ скоро нашелъ легкое средство увеличить свой отрядъ. Онъ призываетъ подъ свои знамена скопившіеся на Украйнѣ подонки: гулящихъ людей разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, холопей, обѣщаетъ имъ именемъ несуществующаго Дмитрія прощеніе и льготы. Разсылая своихъ агентовъ и свои грамоты, онъ вездѣ, гдѣ можетъ, поднимаетъ низшіе классы не только противъ Шуйскаго и не только за Дмитрія, но и противъ высшихъ классовъ, и этимъ самымъ сообщаетъ смутѣ до нѣкоторой степени характеръ соціальнаго движенія.

При первой встрѣчѣ Болотникова съ царскими войсками у Ельца и Кромъ, побѣда осталась на его сторонѣ, и это очень подѣйствовало на успѣхъ возстанія въ южной половинѣ государства. Поднялись: Тула, Веневъ, Кашира, Орелъ, Калуга, Вязьма, нѣкоторые Тверскіе города, хотя сама Тверь и осталась вѣрна Василію Шуйскому. Съ особенной силой и энергіей проявилось движеніе въ Рязани, гдѣ во главѣ этого движенія стали: Григорій Сунбуловъ и дворяне, два брата Ляпуновыхъ—Прокопій и Захаръ. Рязанское населеніе отличалось, по отзывамъ сказателей того времени, особенно храбрымъ и дерзкимъ характеромъ. Благодаря своему географическому положенію, Рязанской землѣ приходилось чаще другихъ подвергаться татарскимъ нашествіямъ и быть оплотомъ Руси отъ татаръ. Немудрено, что сложился у рязанцевъ такой суровый и воинственный характеръ и что лѣтописцы отзываются о нихъ, какъ о народѣ удивительномъ по дерзости и „высокимъ рѣчамъ“. Братья Ляпуновы были весьма типичными представителями своего края, отличались замѣчательной энергіей, дѣйствовали очень рѣшительно и смѣло, и дѣйствовали порывомъ, жили впечатлѣніемъ, а не спокойной трезвой жизнью. По

своимъ выдающимся личнымъ способностямъ Ляпуновы (особенно Прокопій) могли стать во главѣ возстанія въ Рязани и сдѣлать его опаснымъ для Шуйскаго. И дѣйствительно, въ Рязани очень скоро составилось ополченіе противъ Шуйскаго. То же произошло и въ Тулѣ, гдѣ во главѣ возстанія сталъ сынъ боярскій Истома Пашковъ. Какъ тульское, такъ и рязанское ополченіе были, по преимуществу, дворянскими и направлялись противъ боярскаго правительства Шуйскаго за Дмитрія. На своемъ пути къ Москвѣ эти дворянскія ополченія соединились съ шайками Болотникова, которыя несли съ собою общее разореніе и вражду не вполнѣ политическаго характера. Онѣ шли не только противъ правительства Шуйскаго, но и противъ существовавшаго тогда, общественнаго строя. И не много надо проницательности, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ во имя Дмитрія соединились соціальные враги. Стремленія холопей и гулящаго люда, шедшаго съ Болотниковымъ, были совершенно противоположны стремленіямъ дворянства, бывшаго тогда тѣмъ высшимъ классомъ, противъ котораго возбуждалъ Болотниковъ Украину. Заранѣе можно было видѣть, что этотъ союзъ Ляпуновыхъ съ Болотниковымъ долженъ былъ прерваться, какъ только союзники ознакомятся другъ съ другомъ. Такъ и случилось. Соединенныя ополченія мятежниковъ, подойдя къ Москвѣ, остановились въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго стало крайне опаснымъ: вся южная половина государства было противъ него и мятежныя войска осаждали его въ Москвѣ. Не только для подавленія возстанія, но даже для защиты Москвы у него не было войска. Въ самой Москвѣ не доставало хлѣба, такъ какъ подвозъ его былъ прекращенъ мятежникали; открылся голодъ. „А кто же хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго", мѣтко замѣчаетъ Соловьевъ (VIII, стр. 163). Но на этотъ разъ Шуйскій уцѣлѣлъ, благодаря тому, что у его враговъ очень скоро открылась рознь: дворянское ополченіе узнало симпатіи и цѣли своихъ союзниковъ по ихъ разбойничьему поведенію. Болотниковъ и не скрывалъ своихъ намѣреній: онъ посылалъ въ Москву грамоты и въ нихъ открыто поднималъ чернь на высшіе классы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ грамотъ избраннаго при Шуйскомъ патріарха Гермогена, который говоритъ, что воры изъ Коломенскаго „пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы и велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и женъ ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ и шпынямъ и безыменникомъ воромъ (т. е. черни) велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество".

Такое поведеніе и направленіе Болотникова и его шаекъ заставило рязанскихъ и тульскихъ дворянъ отшатнуться отъ дальнѣйшаго единенія съ ними и перейти на сторону Шуйскаго, который былъ все-таки охра-

нителемъ и представителемъ государственнаго порядка, хотя, можетъ быть, и несимпатичнымъ. Первые заводчики мятежа противъ Шуйскаго, Сунбуловъ и Ляпуновъ, первые же явились къ нему съ повинной. За ними стали переходить и другіе Рязанскіе и Тульскіе дворяне. Тогда же на помощь Шуйскому подоспѣли дворянскія ополченія изъ Твери, изъ Смоленска; и дѣло Шуйскаго было выиграно. Онъ сталъ уговаривать Болотникова „отстать отъ воровства", но Болотниковъ бѣжалъ на югъ, подошелъ къ Серпухову и, узнавъ, что тамъ мало запасовъ на случай осады, ушелъ въ Калугу, гдѣ запасовъ было много. Оттуда онъ перешелъ въ Тулу и засѣлъ въ ней вмѣстѣ съ казачьимъ самозванцемъ Петромъ, котораго призвалъ къ себѣ, не дождавшись Дмитрія. Этотъ Петръ былъ оригинальнымъ самозванцемъ. Онъ явился при жизни Лжедмитрія среди Терскихъ казаковъ и выдавалъ себя за сына царя Ѳеодора, родившагося будто бы въ 1592 году и, въ дѣйствительности, никогда не существовавшаго. Онъ началъ свои дѣйствія съ того, что послалъ извѣстить о себѣ царя Дмитрія, который желалъ вызвать къ себѣ поближе этого проходимца съ его шайкой, чтобы лучше и вѣрнѣе его захватить. Но на дорогѣ въ Москву Лжепетръ узналъ о погибели Дмитрія, обратился назадъ, сошелся съ Шаховскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Болотникову въ Тулу. Такимъ образомъ Тула стала центромъ движенія противъ Шуйскаго. Однако, ни Шаховской, ни Болотниковъ не удовольствовались Лжепетромъ и, какъ прежде, хлопотали о самозванцѣ, способномъ замѣнить убитаго Лжедмитрія. Такой, наконецъ, явился, хотя и не успѣлъ соединиться съ ними. Весною 1607 года Шуйскій рѣшился дѣйствовать энергично, осадилъ Тулу. Стоялъ подъ нею цѣлое лѣто, устроилъ плотину на р. Упѣ, затопилъ весь городъ и выморилъ мятежниковъ голодомъ. Въ октябрѣ 1607 года Тула сдалась царю Василію. Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь и утопленъ, Шаховскаго сослали въ пустынь на Кубенское озеро, а Лжепетра повѣсили. Шуйскій съ торжествомъ вернулся въ Москву, но не долго ему пришлось праздновать побѣду.

Появленіе второго самозванца. Въ то время, когда Шуйскій заперъ Болотникова въ Тулѣ, явился второй Дмитрій самозванецъ, прозвищемъ Воръ. Кто онъ былъ—неизвѣстно. Толковали о немъ разно: одни говорили, что это поповъ сынъ изъ Сѣверской стороны, другіе называли его дьячкомъ, третьи царскимъ дьякомъ и т. д. Впервые его слѣдъ появился въ Пропойскѣ (порубежномъ литовскомъ городѣ), гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Чтобы выбраться оттуда, онъ объявилъ себя роднею Нагихъ и просилъ, чтобы его отпустили на Русь, въ Стародубъ. Добравшись до Стародуба, онъ посылаетъ оттуда какого то своего пріятеля по Сѣверской сторонѣ, объявлять, что Дмитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Стародубцы увѣровали въ самозванца и стали помогать ему деньгами и

разсылать о немъ грамоты другимъ городамъ. Вокругъ Вора скоро собралась дружина, но не земская: составилась она изъ польскихъ авантюристовъ, казачества и всякихъ проходимцевъ. Никто изъ этого сброда не вѣрилъ въ дѣйствительность царя, которому служилъ. Поляки обращались съ самозванцемъ дурно, казаки тоже относились къ нему такъ, какъ къ своимъ собственнымъ самозванцамъ, которыхъ они въ то время научились фабриковать во множествѣ: у нихъ одновременно существовали десятками разные царевичи: Савелій, Еремка, Мартынка, Гаврилка и др. Для казачества и для польскихъ выходцевъ самозванцы были простымъ предлогомъ для прикрытія ихъ личныхъ видовъ на незаконную поживу, „на воровство“, говоря языкомъ времени. Служа самозванцу, они и не думали ни о какихъ политическихъ или династическихъ цѣляхъ. Въ лицѣ стародубскаго вора явился поэтому не представитель династіи или извѣстнаго государственнаго порядка, а простой вожакъ хищныхъ шаекъ двухъ національностей, русской и польской,—шаекъ, которыхъ манила къ себѣ Русь своей политической слабостью и шаткостью русскаго общества. Поэтому-то второй Лжедмитрій, какъ продукты общественнаго недуга того времени, получилъ мѣткое прозвище Вора. Русскій народъ этимъ прозвищемъ рѣзко различалъ двухъ Лжедмитріевъ, и, дѣйствительно, первый изъ нихъ, несмотря на всю свою легкомысленность и неустойчивость, былъ гораздо серьезнѣе, выше и даже симпатичнѣе второго. Первый возстановлялъ династію, а второй ничего не возстановлялъ, онъ просто „воровалъ“.

Набравъ достаточно народа, Воръ выступилъ въ походъ на Русь; при Болховѣ разбилъ царское войско, подошелъ къ самой Москвѣ и въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ основалъ свой укрѣпленный станъ. Его успѣхъ привлекалъ къ нему новыя силы: одна за другой приходили къ нему казацкія шайки, одинъ за другимъ приводили польскіе шляхтичи свои дружины, несмотря на запрещеніе короля. Охотно шли къ Лжедмитрію всякіе искатели приключеній и во главѣ ихъ всѣхъ по дерзости и безцеремонности нельзя не поставить князя Рожинскаго, Лисовскаго и Яна Петра Сапѣгу.

Тревожно было положеніе Москвы и всего Московскаго государства; народъ рѣшительно не зналъ, вѣрить-ли новому самозванцу, котораго признала даже Марина Мнишекъ, или же остаться при Шуйскомъ, котораго не за что было любить. У самого Шуйскаго было мало средствъ и людей для борьбы. Южная часть государства была уже разорена, въ ней хозяйничали враги его; въ сѣверной они хотя еще не укрѣпились, но уже бродили и имѣли на нее виды. Но сѣверныя области могли помочь Шуйскому, Шуйскій долженъ ихъ былъ защищать, а на это у него не было силъ. Эти области государства были лучшей частью государства. По словамъ Соловьева, онѣ были сравнительно съ южными въ цвѣту-

щемъ состояніи: здѣсь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествіями, здѣсь сосредоточивалась торговая дѣятельность, особенно съ тѣхъ поръ, когда открылся Бѣломорскій торговый путь, однимъ словомъ, сѣверныя области были самыя богатыя, въ ихъ населеніи преобладали земскіе люди, преданные мирнымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его плоды, желающіе порядка и спокойствія.

Въ Тушинѣ, гдѣ надъ политическими преобладали задачи хищническія, отлично понимали, что на лучшую добычу можно разсчитывать именно на сѣверѣ и дѣлали туда отъ Москвы постоянныя рекогносцировки. Шуйскій думалъ преградить имъ путь, но братъ его Иванъ былъ разбитъ Сапѣгой, и дорога на сѣверъ стала открытой. Тамъ оставался пунктъ, имѣвшій большое стратегическое значеніе, взять который для тушинцевъ было необходимо уже потому, что, не овладѣвъ имъ, невозможно было овладѣть другими городами на сѣверѣ; этотъ пунктъ былъ Троицкій монастырь (Троице-Сергіевская лавра). Тушинцы и обратились прежде всего на него. Положеніе монастыря было тогда не безопасно, потому что защитниковъ у него имѣлось мало и опорой ему служили лишь крѣпкія стѣны, да личная храбрость гарнизона. Число защитниковъ состояло всего изъ 15000 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и способныхъ къ бою монаховъ. Этому отряду сборнаго войска пришлось бороться съ цѣлой арміей Сапѣги и Лисовскаго, которые осадили монастырь въ сентябрѣ 1608 года и имѣли у себя до 20, даже до 30 тысячъ человѣкъ. Первые приступы тушинцевъ были отбиты, тогда они рѣшились на осаду обители, но монастырь могъ сопротивляться очень долго, въ немъ были большіе запасы продовольствія, и осада Троицкаго монастыря, продлившись почти полтора года (съ сентября 1608 до начала 1610 г.), окончилась ничѣмъ: изнемогшій отъ голода и болѣзней гарнизонъ все таки не сдался и своимъ сопротивленіемъ задержалъ очень много тушинскихъ силъ.

Однако это не могло помѣшать другимъ тушинскимъ шайкамъ наводнить сѣверъ. Болѣе двадцати сѣверныхъ городовъ должны были признать власть Вора и въ томъ числѣ: Суздаль, Владиміръ, Ярославль, Вологда; но тутъ-то и сказался весь характеръ этой воровской власти. На сѣверѣ, въ томъ краю, гдѣ менѣе всего отзывались событія смуты, гдѣ еще не знали, что за человѣкъ былъ Воръ, гдѣ довѣрія и особой любви къ Шуйскому не питали, тамъ на Вора смотрѣли не какъ на разбойника, а какъ на человѣка, ищущаго престола, быть можетъ, и настоящаго царевича. Часто его признавали при первомъ появленіи его шаекъ, но тотчасъ же убѣждались, что эти шайки не царево войско, а разбойничій сбродъ. Слушая одновременно увѣщательныя грамоты Шуйскаго и воззванія Вора, не зная, кто изъ нихъ имѣетъ болѣе законныхъ

правъ на престолъ, русскіе люди о томъ и другомъ могли судить только по поведенію ихъ приверженцевъ. Воеводы Шуйскаго были охранителями порядка въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали порядокъ, а Воръ, много обѣщая, ничего не исполнялъ и не держалъ порядка. Отъ него исходили только требованія денегъ, его люди грабили и безчинствовали, къ тому же они были поляки. Земцы видѣли, что „тушинцы, которые города возьмутъ за щитомъ (т. е. силою) или хотя эти города и волею крестъ поцѣлуютъ (самозванцу), то всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье и вотчины, какъ прежде удѣлы бывали“. Это въ глазахъ Русскихъ не было порядкомъ и вотъ сѣверные города одинъ за другимъ возстаютъ противъ тушинцевъ не по симпатіи къ Шуйскому и не по увѣренности, что тушинскій Дмитрій самозванецъ и воръ (этотъ вопросъ они рѣшаютъ такъ: „не спѣшите креста цѣловать, не угадать, на чемъ свершится“... „еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать“), возстаютъ они за порядокъ противъ нарушителей его.

Это движеніе городовъ началось, кажется, съ Устюга, который вступилъ въ переписку съ Вологдой, убѣждая ее не цѣловать креста Вору. Города пересылались между собою, посылали другъ другу свои дружины, вмѣстѣ били тушинцевъ. Во главѣ возстанія становились или находившіеся на сѣверѣ воеводы Шуйскаго или выборные предводители. Участвовали въ этомъ движеніи и извѣстные Строгановы. Выгнавъ тушинцевъ отъ себя, города спѣшили на помощь другимъ городамъ или Москвѣ. Такимъ образомъ, противъ Тушина возстали: Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Галичъ, Вологда,—словомъ, почти всѣ города по средней Волгѣ и на сѣверъ отъ нея.

Эти города находили достаточно силы, чтобы избавиться отъ враговъ, но этой силы не хватило у Шуйскаго и у Москвы. Во взаимной борьбѣ ни Москва, ни Тушино пересилить другъ друга не могли: у Тушина было мало силъ, еще меньше дисциплины, да и въ Москвѣ положеніе дѣлъ было не лучше. Какъ все государство мало слушало Шуйскаго и мало о немъ заботилось, такъ и въ Москвѣ онъ не былъ хозяиномъ. Въ Москвѣ, благодаря Тушину, всѣ сословія дошли до глубокаго политическаго разврата.

Москвичи служили и тому, и другому государю: и царю Василію, и Вору. Они то ходили въ Тушино за разными подачками, чинами и „деревнишками“, то возвращались въ Москву и, сохраняя тушинское жалованье, ждали награды отъ Шуйскаго за то, что возвратились, „отстали отъ измѣны“. Они открыто торговали съ Тушиномъ, смотрѣли на него не какъ на вражій станъ, а какъ на очень удобное подспорье для служебной карьеры и денежныхъ дѣлъ. Такъ относились къ Тушину не отдѣльныя лица, а массы лицъ въ московскомъ обществѣ, и при такомъ положеніи дѣлъ власть Шуйскаго, конечно, не могла быть крѣпка

и сильна; но и Воръ не могъ извлечь много пользы для своихъ конечныхъ цѣлей, такъ какъ не возбуждалъ искренней симпатіи народа. Оба соперника были слабы, не могли побѣдить другъ друга, но своимъ совмѣстнымъ существованіемъ вліяли растлевающимъ образомъ на народъ, развращали его.

Шуйскій хорошо сознавалъ свою слабость и сталъ искать средствъ для борьбы съ Воромъ во внѣшней помощи, хотя, преувеличивая свои собственныя силы, онъ сначала не допускалъ и мысли о ней. Въ 1608 году онъ посылаетъ своего племянника князя Михаила Васильевича Скоппна-Шуйскаго для переговоровъ со шведами о союзѣ. Въ февралѣ 1609 года переговоры эти закончились; съ королемъ Карломъ IX былъ заключенъ союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: король долженъ былъ послать русскимъ помощь изъ трехъ тысячъ конницы и трехъ тысячъ пѣхоты, взамѣнъ этого Шуйскій отказывался отъ всякихъ притязаній на Ливонію, уступалъ шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ и обязался вѣчнымъ союзомъ противъ Польши,—условія тяжелыя для Московскаго государства.

Шведы выполнили свое обѣщаніе и дали М. В. Скопинъ-Шуйскому вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди. Скопинъ со шведами въ 1609 году двинулся отъ Новгорода къ Москвѣ, очищая сѣверо-западъ Руси отъ тушинскихъ шаекъ. Подъ Тверью встрѣтилъ онъ значительныя силы Вора, разбилъ ихъ и заставилъ тушинцевъ снять осаду Троицкаго монастыря. Успѣхъ сопровождалъ его всюду, несмотря на то, что шведы, не получая обусловленнаго содержанія, часто отказывались ему помогать.

Посылая за помощью къ шведамъ, Шуйскій въ то же время старался собрать противъ Вора всѣ свои войска, какими могъ располагать. Въ 1608 году вызываетъ онъ изъ Астрахани къ Москвѣ Ѳ. И. Шереметева, гдѣ тотъ подавлялъ мятежъ. Шереметевъ, двинувшись вверхъ по Волгѣ, шелъ по необходимости медленно, очищая край отъ воровъ, иногда терпѣлъ отъ нихъ пораженія, но въ концѣ концовъ успѣлъ приблизиться къ Москвѣ и соединиться осенью 1609 года со Скопинымъ въ знаменитой Александровской слободѣ. Соединенныя силы шведовъ и русскихъ были бы въ состояніи разгромить Тушино, если бы оно уцѣлѣло до ихъ прихода подъ Москву, но Тушино уже исчезло: временной воровской городокъ, образовавшійся въ Тушинѣ, былъ оставленъ Воромъ и сожженъ до появленія Скопина въ Москвѣ. Не одни опасенія движенія Скопина и Делагарди заставили Тушино исчезнуть: опаснѣе для него оказался другой походъ—походъ на Русь Сигизмунда, короля Польскаго.

Походъ этотъ былъ отвѣтомъ на союзъ Шуйскаго со шведами. Какъ извѣстно, Сигизмундъ Польскій, происходившій изъ дома Вазы

и наслѣдовавшій шведскій престолъ послѣ своего отца Іоанна, былъ свергнутъ съ этого престола. Шведы избрали королемъ его дядю Карла IX, но Сигизмундъ не могъ съ этимъ помириться и объявилъ Швеціи войну. Когда же Карлъ заключилъ противъ него союзъ съ Шуйскимъ, то Сигизмундъ и Шуйскаго сталъ считать врагомъ. Убѣдивъ сенатъ и сеймъ, что война съ Москвой необходима въ интересахъ Польши, и что онъ, Сигизмундъ, этой войной будетъ преслѣдовать только пользы государства, а не личныя, король выступилъ въ походъ и въ сентябрѣ 1609 года осадилъ Смоленскъ. Сигизмундъ отовсюду получалъ вѣсти, что въ Московскомъ государствѣ онъ не встрѣтитъ серьезнаго сопротивленія, что москвичи съ радостью замѣнятъ непопулярнаго царя Василія королевичемъ Владиславомъ, что Смоленскъ готовъ сдаться и т. п. Но все это оказалось ложью: Смоленскъ, первоклассная крѣпость того времени, надолго удержалъ Сигизмунда, а Шуйскій продолжалъ царствовать, и даже тушинскій Воръ былъ популярнѣе на Руси, чѣмъ королевичъ Владиславъ.

1609 годъ, такимъ образомъ, ознаменовался иноземнымъ вмѣшательствомъ въ московскія дѣла. Шведовъ Москва позвала сама и этимъ навлекла на себя войну съ Польшей. Вмѣшательство иноземцевъ явилось новымъ и очень существеннымъ элементомъ смуты: его вліяніе не замедлило отозваться на общемъ ходѣ дѣла и прежде всего оно отозвалось на Тушинѣ, какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ. Осада Смоленска затянулась надолго. Со временъ глубокой древности Смоленскъ былъ стратегическимъ „ключемъ къ Днѣпровской Руси". И Москва и Литва отлично понимали всю важность обладанія этимъ городомъ и цѣлые вѣка за него боролись. Въ 1596 году, чтобы прочнѣе владѣть Смоленскомъ, московское правительство укрѣпило его каменными стѣнами. Кромѣ сильнаго гарнизона и крѣпости стѣнъ, искусство смоленскаго воеводы Шеина создавало много трудностей Сигизмунду, и осада съ самаго начала потребовала много военныхъ силъ, а у Сигизмунда ихъ не хватало. И вотъ Сигизмундъ отправляетъ въ Тушино посольство сказать тушинскимъ полякамъ, что имъ приличнѣе служить своему королю, чѣмъ самозванцу. Но тушинцы не всѣ сочувственно отнеслись къ этому: тушинскіе паны привыкли уже смотрѣть на Московское государство, какъ на свою законную, кровью освященную добычу, и одинъ слухъ о походѣ короля возмутилъ ихъ. Они говорили, еще въ то время, какъ только услыхали о походѣ Сигизмунда подъ Смоленскъ, что король идетъ въ Москву загребать жаръ чужими, т. е. ихъ руками, и были не согласны итти на соединеніе съ королемъ. Но Сапѣга, осаждавшій Троицкій монастырь, и простые поляки, бывшіе въ Тушинѣ, склонялись на сторону короля—послѣдніе потому, что надѣялись отъ него получить жалованье, котораго давно не видали въ

Тушинѣ. Въ Тушинѣ, такимъ образомъ, произошелъ расколъ. Авторитетъ Вора совсѣмъ упалъ, надъ нимъ смѣялись и его поносили въ глаза и за глаза, особенно влiятельный въ Тушинѣ панъ, гетманъ Рожинскiй. При такихъ обстоятельствахъ Воръ съ 400 донскихъ казаковъ пробовалъ уйти изъ Тушина, чтобы избавиться отъ унизительнаго положенiя, но Рожинскiй воротилъ его и сталъ держать, какъ плѣнника, подъ надзоромъ. Воръ однако убѣжалъ (въ концѣ 1609 года) и переодѣтый отправился въ Калугу, гдѣ вокругъ него стало собираться казачество; къ нему пришелъ Шаховской съ казаками, хотя и не любившiй Тушина, но сохранившiй вѣрность самозванцу.

Съ удаленiемъ Вора Тушино стало разлагаться на свои составныя части. Этому способствовалъ и Воръ, озлобленный на поляковъ: онъ старался перессорить оставшихся въ Тушинѣ и успѣлъ въ этомъ. Поляки частью отправились къ королю, частью составили шайки, никому не служившiя и только грабившiя. Казаки переходили къ Вору; земскiе русскiе люди, бывшiе при Ворѣ, шли въ Калугу или ѣхали съ повинною къ царю Василiю. Очень многiе впрочемъ изъ такихъ русскихъ избрали особый выходъ — обратились къ королю Сигизмунду. Извѣрившись въ Вора, не желая обращаться къ Шуйскому, они рѣшаютъ вступить въ переговоры съ королемъ о томъ, чтобы онъ далъ имъ въ цари своего сына Владислава. Не владѣя ни Москвой, ни страной, они избираютъ царя государству. Кто же были эти русскiе по своему общественному положенiю?

Собравшись вмѣстѣ на думу въ Тушинѣ, эти лица, духовныя и свѣтскiя, отправляютъ къ королю отъ себя посольство просить на царство Владислава. Въ число пословъ попадаютъ, конечно, люди извѣстные, имѣвшiе въ Тушинѣ вѣсъ и значенiе, понимавшiе дѣло. И вотъ среди нихъ мы не видимъ ни особенно родовитаго боярства (котораго и не было у Вора), ни представителей той черни, которая сообщила Тушину разбойничью физiономiю. Во главѣ посольства стоятъ Салтыковы, князья Масальскiй и Хворостининъ, Плещеевъ, Вельяминовъ, т. е. все „добрые дворяне"; въ посольствѣ участвовали дьяки Грамотинъ и другiе; рядомъ съ ними были и люди низкаго происхожденiя: Ѳедоръ Андроновъ, Молчановъ и т. д., но это не „голытьба", не гулящiе люди. Такимъ образомъ, представителями русскихъ тушинцевъ являются люди средняго состоянiя и разныхъ классовъ. Они обращаются къ королю, желая достичь осуществленiя своихъ надеждъ, уже не съ помощью тушинскаго царька, который ихъ обманулъ, а посредствомъ избранiя Владислава и договора съ нимъ.

Этотъ договоръ, заключенный 4 февраля 1610 года подъ Смоленскомъ, чрезвычайно любопытенъ. Имъ и слѣдуетъ пользоваться для того, чтобы опредѣлить, кто за нимъ стоялъ, какiе русскiе люди его создали

и выразили въ немъ свои надежды и желанія. Хотя первымъ очень мѣтко оцѣнилъ этотъ договоръ С. М. Соловьевъ въ своей „Исторіи России“, но никто изъ изслѣдователей не останавливался на немъ такъ внимательно, не комментировалъ его такъ обстоятельно, какъ В. О. Ключевскій. Прежде всего надо замѣтить, что договоръ этотъ отличается вообще національно-консервативнымъ направленіемъ. Онъ стремится охранить московскую жизнь отъ всякихъ воздѣйствій со стороны польско-литовскаго правительства и общества, обязывая Владислава блюсти неизмѣнно православіе, прежній административный порядокъ и сословный строй Москвы. Договоръ состоитъ изъ 18 статей; главнѣйшія его постановленія таковы: 1) Владиславъ вѣнчается на царство отъ русскаго патріарха. 2) Православіе въ московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо по прежнему. 3) Имущество и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенными. 4) Судъ долженъ совершаться по старинѣ, измѣненія въ законахъ не зависятъ отъ воли одного только Владислава: „то вольно будетъ боярамъ и всей землѣ“. Такимъ образомъ, въ законодательствѣ участвуетъ не одна дума боярская, но и земскій соборъ. 5) Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія, родню виновныхъ лицъ онъ не долженъ лишать имущества. 6) Великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать по заслугамъ. Для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ христіанскія земли. 7) Подати собираются „по старинѣ“, назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы. Крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу. Этотъ пунктъ нельзя еще считать доказательствомъ того, что въ 1610 году переходы крестьянскіе были въ Москвѣ уже уничтожены. Въ этомъ требованіи могло выразиться только желаніе договаривавшихся уничтожить переходъ, а не отмѣчался совершившійся фактъ. 8) Холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи, и вольности имъ король давать не будетъ.

Остальныя статьи договора устанавливаютъ внѣшній союзъ и внутреннюю независимость и автономію Московскаго и Польскаго государствъ. Въ своемъ изложеніи этотъ договоръ представляется договоромъ съ русскими не Владислава, а Сигизмунда; личность Сигизмунда совершенно заслоняетъ въ немъ личность Владислава, тогда какъ, по настоящему, договоръ своею сущностью почти совсѣмъ и не касается короля, а имѣетъ въ виду королевича.

Разсматривая договоръ 4 февраля по отношенію къ выразившимся въ немъ стремленіямъ русскихъ людей, мы замѣчаемъ прежде всего, что это не „воровской“ договоръ. Онъ очень далекъ отъ преобладающихъ въ Тушинѣ противогосударственныхъ вкусовъ и воззрѣній. На казачество

договоръ смотритъ, какъ на нѣчто постороннее, не свое. Интересы религіи и національности охраняются въ немъ очень опредѣленно и искренне. Говорятъ, что Салтыковъ плакалъ, когда просилъ короля о защитѣ вѣры и церкви въ Москвѣ. Далѣе договоръ имѣетъ въ виду интересы не одного класса, а общегосударственные; онъ заботится о людяхъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, всѣмъ предоставляетъ большія или меньшія обезпеченія ихъ состоянія и правъ, хотя въ немъ, какъ и въ самомъ Московскомъ государствѣ, выше всѣхъ стоятъ интересы служилыхъ людей. На это указываютъ статьи о крестьянахъ, холопахъ и казакахъ. Устанавливая государственный порядокъ, договоръ 4 февраля очень недалеко отходитъ въ своихъ положеніяхъ отъ существовавшаго тогда въ Москвѣ порядка. Онъ не предполагаетъ никакихъ реформъ, не знакомыхъ московской жизни и не вошедшихъ въ сознаніе московскихъ людей. Ограниченіе единоличной власти Владислава думою и судомъ бояръ и совѣтомъ „всея земли" вытекало въ договорѣ не изъ какой либо политической теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на московскій престолъ иноземнаго и иновѣрнаго государя. Это ограниченіе имѣло цѣлью не перестройку прежняго политическаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе „звычаевъ всѣхъ давныхъ добрыхъ" отъ возможныхъ нарушеній со стороны непривычной къ московскимъ отношеніямъ власти.

Дѣйствительно новинкой, хотя и мало-замѣтной на первый взглядъ, является въ договорѣ мысль о повышеніи „меньшихъ людей", сообразно ихъ выслугѣ, „заслугамъ", и требованіе свободы выѣзда за границу для науки. О послѣднемъ требованіи Соловьевъ говоритъ, что оно внесено приверженцами перваго Лжедмитрія, который, какъ извѣстно, хотѣлъ дозволить русскимъ выѣздъ за границу. Что же касается повышенія „меньшихъ людей", то въ этой статьѣ Соловьевъ видитъ вліяніе дьяковъ и неродовитыхъ людей, выхваченныхъ бурями смутнаго времени снизу наверхъ; ихъ въ Тушинѣ было много, и они хотятъ долѣе удержать свое выслуженное положеніе. Сильнѣе и полнѣе толкуетъ эту статью Ключевскій; она-то и помогаетъ ему вскрыть общественное положеніе людей, стоявшихъ за договоромъ. Сопоставляя эту статью съ рядомъ другихъ своихъ наблюденій надъ высшимъ слоемъ московскихъ служилыхъ людей въ началѣ XVII вѣка и съ общественнымъ положеніемъ тушинскихъ пословъ (Салтыковъ и другіе), выработавшихъ этотъ договоръ вмѣстѣ съ польскими сенаторами, Ключевскій приходитъ къ тому выводу, что договоръ 4 февраля былъ выраженіемъ стремленій „довольно посредственной знати и выслужившихся дѣльцовъ". Среди такихъ людей Ключевскій замѣчаетъ еще въ XVI вѣкѣ стремленіе подняться до боярства, достигнуть высшаго положенія въ государствѣ. Но боярство занимало высшія мѣста, благодаря своей „высокой породѣ",

чего не было за этими сравнительно незнатными людьми. Они могли подниматься по службѣ, благодаря только своимъ личнымъ заслугамъ. Имъ хотѣлось этими заслугами, „выслугой", замѣнить то аристократическое начало, на которомъ созидало свое положеніе знатное боярство. Они иногда и высказывали, что „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ", т. е., что безъ „государева жалованья", благоволенія, одной породой человѣкъ жить и держаться не можетъ, а государь можетъ жаловать и знатнаго и незнатнаго. Стремясь къ высшему положенію, эти люди думали достичь его службой первому самозванцу, а, когда въ Москвѣ образовалось боярское правительство Шуйскаго, ушли въ Тушино, достигать высшаго положенія тамъ. Обманутые Воромъ, они не возвратились въ Москву къ боярамъ, а обратились къ Сигизмунду. Ими то, по мнѣнію Ключевскаго, и былъ созданъ договоръ 4 февраля,—догадка остроумная, которую нельзя не принять. Дѣйствительно, не боярство первое обратилось къ Владиславу, а обратились къ нему люди низшихъ родовъ, но люди не совсѣмъ простые.

Паденіе тушинскаго и московскаго правительствъ. Несмотря на обращеніе тушинцевъ къ королю, въ Тушинѣ продолжались смуты. Оно пустѣло, ему грозили и войска Скопина-Шуйскаго, подошедшія тогда къ Москвѣ, и Воръ изъ Калуги. Наконецъ Рожинскій, не имѣя возможности держаться въ Тушинѣ, ушелъ къ Волоколамску и сжегъ знаменитый тушинскій станъ, а его шайка скоро распалась, такъ какъ самъ онъ умеръ въ Волоколамскѣ.

Тушино уничтожилось, въ Москву пришли войска, пріѣхалъ Скопинъ-Шуйскій; эти событія хорошо повліяли на москвичей: они ликовали. Ихъ радости не мѣшало то, что одинъ сильный врагъ былъ у Смоленска, другой сидѣлъ въ Калугѣ, что общее положеніе было такъ же сложно и серьезно, какъ и раньше. Шуйскій праздновалъ паденіе Тушина, народъ—прибытіе Скопина. Молодой, блестящій воевода (Скопину было тогда 24 года), Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій пользовался замѣчательною любовью народа. По замѣчанію Соловьева, онъ былъ единственною связью, соединявшей русскихъ съ В. И. Шуйскимъ. Въ Скопинѣ народъ видѣлъ преемника царю Василію; онъ терпѣлъ дядю ради племянника, надѣясь видѣть этого племянника своимъ царемъ. Есть слухи, что Ляпуновъ еще при жизни царя Василія предлагалъ престолъ Скопину, когда тотъ былъ въ Александровской слободѣ, и что это способствовало будто бы охлажденію Шуйскаго къ Скопину, хотя Скопинъ и отказался отъ этого предложенія. Возстановить личность Скопина-Шуйскаго и опредѣлить мотивы народной любви къ нему, мы не можемъ, потому что мало сохранилось извѣстій объ этомъ человѣкѣ и личность его оставила послѣ себя мало слѣдовъ. Говорятъ, что это былъ очень умный, зрѣлый не по лѣтамъ человѣкъ, осторожный полко-

водецъ, ловкій дипломатъ. Но эту замѣчательную личность рано унесла смерть, и судьба такимъ образомъ очень скоро разрушила связь Шуйскаго съ народомъ. Скопинъ умеръ въ апрѣлѣ 1610 года, и народная молва приписала вину въ этомъ Шуйскимъ, хотя, можетъ быть, и несправедливо.

Надъ войскомъ Скопина-Шуйскаго сталъ послѣ его смерти воеводою братъ царя Василія, Дмитрій Шуйскій, надменный, неспособный, пустой и мелочный человѣкъ, изнѣженный щеголь. Онъ двинулся на освобожденіе Смоленска, встрѣтился у деревеньки Клушина съ шедшимъ къ нему навстрѣчу искуснымъ и талантливымъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ и былъ имъ разбитъ на-голову (въ концѣ іюня 1610 года). Это клушинское пораженіе рѣшило судьбу Шуйскаго. Жолкѣвскій отъ Клушина быстро шелъ къ Москвѣ, завладѣвая русскими городами и приводя ихъ съ большой дипломатической ловкостью къ присягѣ Владиславу. Въ то же время, прослышавъ объ исходѣ клушинской битвы, двинулся къ Москвѣ и Воръ со своими толпами, опередилъ Жолкѣвскаго, и когда тотъ былъ еще въ Можайскѣ (верстъ за 100 отъ Москвы), Воръ уже стоялъ подъ самою Москвою, въ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго вдругъ стало такъ плохо, что онъ даже думалъ вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ о мирѣ, но не успѣлъ: не прошло и мѣсяца съ клушинской битвы, какъ царь Василій Ивановичъ уже былъ сведенъ съ царства.

Тотчасъ послѣ кончины Скопина-Шуйскаго Прокопій Ляпуновъ явно возстаетъ противъ царя Василія, думаетъ о томъ, какъ бы „ссадить“ его съ престола, засылаетъ своихъ пріятелей въ Москву, чтобы агитировать тамъ о сверженіи царя. Но въ Москвѣ все оставалось спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока москвичи не узнали объ исходѣ клушинскаго сраженія. Когда же возвратился въ Москву Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, Москва взволновалась, — былъ „мятежъ великъ во всѣхъ людяхъ“, повѣствуетъ лѣтописецъ: „подвигошася на царя“. Москвичи поняли, что Клушино поставило ихъ въ безвыходное положеніе, и всю вину въ этомъ возлагали на Шуйскихъ, больше же всего на царя Василія. Въ народѣ стали говорить, что онъ государь несчастливый, что „изъ-за него кровь многая льется“. И прежде не особенно народъ любилъ Шуйскаго, а теперь прямо вооружился противъ него, не желая болѣе терпѣть его и его родню, изъ которой только Михаилъ Васильевичъ Скопинъ и пользовался народной симпатіей. Когда подошелъ къ Москвѣ Воръ и пришли вѣсти, что Жолкѣвскій идетъ на Москву, волненіе еще болѣе возросло. Московскіе люди у Данилова монастыря съѣзжались съ воровскими людьми изъ Коломенскаго, бесѣдовали съ ними о дѣлахъ и убѣждали оставить своего тушинскаго царька, говоря, что тогда и они оставятъ Шуйскаго, соединятся въ одно, вмѣстѣ вы-

берутъ царя и вмѣстѣ будутъ стоять противъ враговъ русской земли— ляховъ. Хотя этимъ широкимъ планамъ не суждено было сбыться и хотя воры не отстали отъ своего Лжедмитрія, тѣмъ не менѣе москвичи отъ словъ противъ царя Василія очень скоро перешли къ дѣлу противъ него же.

Настроеніемъ москвичей воспользовались пріятели Ляпунова. 7-го іюля 1610 года Захаръ Ляпуновъ съ толпою своихъ единомышленниковъ пришелъ во дворецъ къ Шуйскому и просилъ его оставить царство, потому что изъ за него кровь льется, земля опустѣла, люди въ погибель приходятъ. Шуйскій отвѣтилъ твердымъ отказомъ. Тогда Ляпуновъ и прочіе, бывшіе съ нимъ, ушли изъ дворца на Красную площадь, гдѣ уже собрался народъ, узнавъ, что въ Кремлѣ происходятъ какія то необычайныя вещи. Скоро Красная площадь не могла вмѣстить всего народа, прилившаго туда. Все сборище поэтому перешло на болѣе просторное мѣсто, за Арбатскія ворота, къ Дѣвичьему монастырю. Туда пріѣхали патріархъ Гермогенъ и много бояръ, говорили о сверженіи Шуйскаго и, несмотря на протесты Гермогена и нѣкоторыхъ бояръ, рѣшили „ссадить царя“. Во дворецъ отправился князь Воротынскій и отъ лица народа просилъ Шуйскаго оставить царство. Шуйскій покорился, уѣхалъ изъ дворца въ свой старый боярскій домъ и тотчасъ же сталъ хлопотать о возвращеніи престола, устраивать интриги; чтобы окончательно отнять у него возможность достигнуть власти его постригли въ монахи „насильствомъ“, такъ что патріархъ не хотѣлъ и признавать его постриженія.

Третій періодъ смуты: попытки возстановленія порядка.

Москва лишилась правительства въ такую минуту, когда крѣпкая и дѣятельная власть была ей очень необходима. Враги подходили къ стѣнамъ самой Москвы, владѣли западнымъ рубежемъ государства, занимали города въ центральныхъ и южныхъ областяхъ страны. Съ этими врагами необходимо было бороться не только за цѣлость государственной территоріи, но и за независимость самаго государства, потому что ихъ успѣхи угрожали ему полнымъ завоеваніемъ. Нужно было скорѣе возстановить правительство; это была такая очевидная истина, противъ которой никто не спорилъ въ Московскомъ государствѣ. Но большое разногласіе вызвалъ вопросъ о томъ, какъ возстановить власть, и кого къ ней призвать. Разные круги общества имѣли на это разные взгляды и высказывали разныя желанія. Отъ словъ они переходили къ дѣйствію и возбуждали или открытое народное движеніе, или тайную кружковую интригу. Рядъ такихъ явныхъ и скрытыхъ попытокъ овладѣть властью и создать

правительство составляетъ главное содержаніе послѣдняго періода смуты и подлежитъ теперь нашему изученію.

Среди многихъ попытокъ этого рода, три въ особенности останавливаютъ вниманіе. Въ первую минуту послѣ сверженія Шуйскаго, московское населеніе думало возстановить порядокъ признаніемъ уніи съ рѣчью Посполитою и поэтому призвало на московскій престолъ королевича Владислава. Когда власть Владислава выродилась въ военную диктатуру Сигизмунда, московскіе люди пытались создать національное правительство въ лагерѣ Ляпунова. Когда же и это правительство извратилось и, потерявъ общеземскій характеръ, стало казачьимъ—послѣдовала новая, уже третья попытка созданія земской власти въ ополченіи князя Пожарскаго. Этой земской власти удалось, наконецъ, превратиться въ дѣйствительную государственную власть и возстановить государственный порядокъ.

Избраніе Владислава. Шуйскаго москвичи удалили, не имѣя никого въ виду, кѣмъ бы могли его замѣстить, и положеніе Москвы, очень трудное въ ту минуту, осложнилось отъ этого еще болѣе. Присягнули временно боярской думѣ, ибо помимо ея некому было присягнуть. Но это новое правительство имѣло такъ же мало силъ и средствъ, какъ и Шуйскій. А около Москвы стояли по-прежнему два врага, и по-прежнему „Московскому государству съ обѣихъ сторонъ было тѣсно". Сперва Москва полагала, что ей возможно будетъ избрать царя правильнымъ выборомъ, „согласившись со всѣми городами, всею землею". Но правильнаго выбора невозможно было устроить, потому что для созванія собора надо было время, а враги — поляки и воры — не стали бы ждать этого собора и завладѣли бы безсильной Москвой. Было невозможно выбирать того, кого захотѣлось бы выбрать, а надо было выбирать одного изъ двухъ враговъ претендентовъ: Владислава или Вора, иначе Москва погибла бы непремѣнно. Находясь передъ такой дилеммой, москвичи не знали, что дѣлать, и рознь появилась между ними. У разныхъ общественныхъ слоевъ ясно появились въ этомъ дѣлѣ разные вкусы. Патріархъ и духовенство хотѣли русскаго царя; но Гермогенъ указывалъ на молодого Михаила Θеодоровича Романова, а прочіе духовные болѣе другихъ хотѣли князя Василія Васильевича Голицына. Мелкій московскій людъ, служилый и тяглый, какъ и патріархъ, стояли за Романова; знать желала Владислава, отчасти потому, что не хотѣла пустить на престолъ боярина, помня неудачные въ разныхъ отношеніяхъ опыты бояръ-царей Бориса и Шуйскаго, отчасти потому, что ожидала отъ Владислава льготъ и милостей, а главнѣе всего потому, что привыкшая уже къ переворотамъ московская чернь не скрывала своихъ симпатій къ Вору, который былъ врагомъ московскаго общественнаго порядка вообще и боярства въ частности. Торжество Вора было бы горше всего для боярства не въ

одномъ только политическомъ отношеніи,—поэтому оно и боялось больше всего переворота въ его пользу, а произвести такой переворотъ въ ту минуту чернь была въ состояніи.

Во избѣжаніе такой развязки, не имѣя возможности обдумать хорошо вопросъ объ избраніи царя, бояре, пользуясь властью, торопятъ Жолкѣвскаго изъ Можайска къ Москвѣ и онъ, идетъ „освобождать Москву отъ Вора", какъ самъ выражается. Такимъ поступкомъ бояре передали Москву въ руки поляковъ и предрѣшили вопросъ объ избраніи Владислава. Подойдя къ Москвѣ, Жолкѣвскій прежде всего начинаетъ дѣло объ избраніи Владислава въ цари, потому что иначе въ его глазахъ помогать Москвѣ не имѣло смысла. Страхъ передъ самозванцемъ и польской военной силой заставилъ московскія власти, а за ними и населеніе, склониться на избраніе въ цари поляка: 27 августа Москва присягнула Владиславу.

Этой присягѣ, впрочемъ, предшествовали долгіе переговоры. Въ основу ихъ былъ положенъ знакомый намъ договоръ 4 февраля. Въ него бояре внесли нѣкоторыя измѣненія: они рѣшительно настаивали на томъ, что Владиславъ долженъ принять православіе и (что очень интересно) вычеркнули статьи о свободѣ выѣзда за границу для науки, а также статьи о повышеніи меньшихъ людей. Тотчасъ же по заключеніи договора и принесеніи присяги Жолкѣвскій прогналъ Вора отъ Москвы, и Воръ убѣжалъ опять въ Калугу. Такимъ образомъ Москва избавилась отъ одного врага цѣною подчиненія другому.

Договоръ объ избраніи Владислава былъ отправленъ на утвержденіе Сигизмунда съ „великимъ посольствомъ", въ составъ котораго вошло болѣе тысячи человѣкъ. Во главѣ посольства стояли: митрополитъ Филаретъ и князь В. В. Голицынъ. Оба они были представителями знатнѣйшихъ Московскихъ родовъ, такихъ, которые могли выступить соперниками Владислава. Удаленіе ихъ изъ Москвы приписывается необыкновенной ловкости Жолкѣвскаго, и это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Жолкѣвскій былъ очень умный человѣкъ и горячій патріотъ. Явясь въ Москву, онъ быстро ознакомился съ настроеніемъ московскаго общества (въ его запискахъ мы находимъ любопытнѣйшія замѣтки о Москвѣ 1610 года), умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что могло служить къ пользѣ Владислава и Польши. Зная, что Москва выбираетъ Владислава царемъ не совсѣмъ охотно, видя, что у народа есть свои излюбленные кандидаты,—Голицынъ и сынъ Филарета, — чувствуя, что при перемѣнѣ обстоятельствъ, дѣло Владислава можетъ повернуться въ пользу этихъ кандидатовъ, Жолкѣвскій успѣваетъ удалить изъ Москвы опасныхъ для Владислава лицъ. Въ то же время онъ, прогнавъ Вора, пользуется страхомъ его имени и ставитъ дѣло такъ, что бояре допускаютъ, даже сами просятъ его занять Москву польскимъ гарнизономъ во избѣжаніе бунта въ пользу Вора. И

вотъ, маленькое войско Жолкѣвскаго, которое подвергалось опасности быть истребленнымъ, стоя подъ Москвою, въ открытомъ полѣ, становится большой силой въ стѣнахъ московскихъ крѣпостей. Устроивъ такъ блестяще дѣла Владислава въ Москвѣ, Жолкѣвскій сдаетъ команду одному изъ своихъ подчиненныхъ, Гонсѣвскому, и, уѣзжая изъ Москвы, увозитъ съ собою, по приказу Сигизмунда, Василія Шуйскаго съ братьями. Чѣмъ объяснить такой отъѣздъ Жолкѣвскаго? Поведеніемъ Сигизмунда.

Этотъ король, не совѣмъ твердо носившій корону въ Польшѣ имѣлъ еще претензіи на престолы шведскій и московскій. Прикрываясь именемъ сына, онъ самъ хотѣлъ стать московскимъ царемъ. Жолкѣвскій, еще до заключенія договора съ Москвою, получалъ королевскія инструкціи — дѣйствовать такъ, чтобы замѣнить для Москвы Владислава Сигизмундомъ. Но талантливый гетманъ, понимая всю невозможность желаній короля, не рѣшался заговорить съ русскими о присягѣ на имя Сигизмунда; онъ видѣлъ, какъ ненавистенъ москвичамъ король, притѣснитель православныхъ, добившійся уніи въ 1596 году. Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ труднѣе становилось Жолкѣвскому скрывать отъ русскихъ цѣли Сигизмунда, а Сигизмундъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе ихъ высказывалъ. Присягою Владиславу Москва упростила свое положеніе, нашла себѣ выходъ изъ затрудненій, доставила Сигизмунду и полякамъ важную побѣду. Дѣло, казалось, шло къ развязкѣ, а Сигизмундъ своими личными стремленіями его запутывалъ, давалъ завязку новой драмѣ. Стоило Жолкѣвскому вскрыть игру Сигизмунда въ Москвѣ, и Москва возстала бы противъ поляковъ и уничтожила всѣ плоды трудовъ Жолкѣвскаго, и Жолкѣвскій молчалъ. Онъ различалъ польское дѣло отъ личнаго Сигизмундова, сочувствовалъ первому, честно работалъ для польскихъ интересовъ, вовсе не желая трудиться и работать для Сигизмунда. Вотъ почему увидавъ, что Сигизмундъ не оставитъ своихъ притязаній, онъ отказался отъ продолженія дѣла и уѣхалъ изъ Москвы.

Притязанія Сигизмунда дѣйствительно завязали новую драму и стали извѣстны въ Москвѣ. Уже вскорѣ по отъѣздѣ Жолкѣвскаго великое посольство писало (съ дороги къ Смоленску) въ Москву, что многіе русскіе люди подъ Смоленскомъ цѣлуютъ крестъ не Владиславу, а самому Сигизмунду. Великому посольству первому и пришлось считаться съ затѣями короля.

По пріѣздѣ посольства къ королю подъ Смоленскъ, тамъ начались переговоры по поводу избранія Владислава. Договоръ, заключенный подъ Москвою, не нравился, конечно, Сигизмунду, не нравился и сенаторамъ польскимъ. Въ совѣтѣ короля было рѣшено не отпускать королевича въ Москву по причинѣ его малолѣтства, а московскіе послы требовали немедленнаго пріѣзда Владислава, говоря, что это необходимо для успо-

коенія Московскаго государства. Въ отвѣтъ на это поляки заявили имъ, что Сигизмундъ самъ успокоитъ Москву и потомъ уже дастъ москвичамъ своего сына, но для этого надо, чтобы Смоленскъ сдался на имя короля, иначе сказать сталъ польскою крѣпостью. Кромѣ того, поляки не хотѣли, чтобы королевичъ принималъ православіе. Такія требованія не могли удовлетворить московскихъ пословъ: Москва не желала имѣть короля-католика и отдаться во власть Сигизмунда. Время шло въ безполезныхъ пререканіяхъ; напрасно послы заявили, что король нарушаетъ своими требованіями договоръ, заключенный Жолкѣвскимъ; сенаторы объявили имъ, что этотъ договоръ не обязателенъ для Польши. Однако, послы держались договора и не уступали ничего. Тогда Сигизмундъ увидѣлъ, что ему не осуществить своихъ желаній законнымъ путемъ и сталъ дѣйствовать иначе: въ посольствѣ старались произвести расколъ, стали разными способами склонять его второстепенныхъ участниковъ признать желаніе Сигизмунда и отпускали такихъ передавшихся лицъ въ Москву, чтобы они приготовили москвичей къ принятію условій Сигизмунда. Король, такимъ образомъ, повелъ свое дѣло мимо посольства. Въ числѣ лицъ, принявшихъ его милости, находился и троицкій келарь (управитель) Авраамій Палицинъ, который, получивъ отъ короля подачки, уѣхалъ въ Москву. Его защитники говорятъ, что призналъ онъ Сигизмунда для того, чтобы освободиться изъ подъ Смоленска и на свободѣ тѣмъ лучше служить родинѣ. Но можно ли оправдывать такой іезуитскій патріотизмъ рядомъ съ патріотизмомъ главныхъ лицъ посольства (напримѣръ, дьяка Томилы Луговскаго), которыя честно исполняли порученное имъ дѣло посольства, не бѣжали отъ него, а терпѣли горькія непріятности?

Но и раньше пріѣзда соблазненныхъ Сигизмундомъ участниковъ посольства въ Москвѣ стали извѣстны планы короля. Какъ только совершился выборъ Владислава, и Москва была занята поляками, въ ней стали появляться преданные Сигизмунду люди (въ числѣ ихъ оказываются Салтыковы). Они проводили въ московскомъ обществѣ мысль о подчиненіи Сигизмунду, а Сигизмундъ требовалъ отъ бояръ ихъ награжденія за вѣрную службу. Бояре награждали ихъ, сами били челомъ Сигизмунду о жалованіи и „деревнишкахъ", видя возможность отъ него поживиться, хотя сами и косились на тѣхъ неродовитыхъ людей, которыхъ присылалъ въ Москву Сигизмундъ, и которые распоряжались въ Москвѣ именемъ короля (напр., Ѳеодоръ Андроновъ). Всѣ эти вмѣшательства Сигизмунда въ московскія дѣла имѣли бы смыслъ, если бы производились отъ имени царя Московскаго Владислава, но Сигизмундъ дѣйствовалъ за себя: отъ своего лица писалъ онъ такія грамоты и дѣлалъ такія распоряженія, какія писать и дѣлать могли только *Московскіе государи*. Допуская это, боярство признало, такимъ

образомъ, то, чего не хотѣло признать посольство подъ Смоленскомъ. Явилась даже мысль призвать короля въ Москву и, какъ говорятъ, прямо присягнуть ему. Но противъ этого возсталъ патріархъ Гермогенъ, единственный изъ московскихъ начальныхъ людей, кого не коснулось растлевающее вліяніе поляковъ и смуты. Заботясь объ охраненіи православія, онъ тѣмъ самымъ являлся твердымъ охранителемъ и національности. Неохотно соглашаясь на избраніе въ цари поляка, онъ ревниво оберегалъ Москву отъ усиленія польскаго вліянія и былъ главной помѣхой для королевскихъ креатуръ, которыя хотѣли передать Москву Сигизмунду.

Отъ народа во всемъ Московскомъ государствѣ такое положеніе дѣлъ не осталось тайной. Онъ зналъ, что королевичъ не ѣдетъ въ Москву, что Москвой распоряжается Сигизмундъ, что въ то же время поляки воюютъ Русь, грабятъ и бьютъ русскихъ людей въ Смоленской области, — объ этомъ писали въ Москву смольняне. Все это не могло нравиться, не могло казаться нормальнымъ и вызывало ропотъ во всемъ государствѣ. Неудовольствіе усилилось еще тѣмъ, что съ отъѣздомъ Жолкѣвскаго, польскій гарнизонъ въ Москвѣ потерялъ дисциплину и держалъ себя, какъ въ завоеванной странѣ. Народъ, и прежде не любившій поляковъ, теперь не скрывалъ своихъ антипатій къ нимъ, отшатнулся отъ Владислава и сталъ желать другого царя. Это движеніе противъ поляковъ очень скоро приняло серьезные размѣры и обратилось въ пользу Вора, который продолжалъ сидѣть въ Калугѣ. Значеніе его быстро возрастало: Воръ снова становился силой. Восточная половина царства стала присягать ему, она присягала только потому, что не могла опереться на лучшаго кандидата. Полякамъ и Сигизмунду создавалось такимъ образомъ новой затрудненіе въ народномъ движеніи, затрудненіе, которое не только не уменьшилось, а напротивъ, увеличилось со смертью Вора. Въ то время, когда дѣла Вора улучшались, онъ былъ убитъ (въ декабрѣ 1610 года) однимъ изъ своихъ же приверженцевъ изъ-за личныхъ счетовъ. Русскіе люди присягали мертвецу.

Первое земское ополченіе. Со смертью Вора русскіе люди получили возможность соединиться для отпора полякамъ, и съ этихъ поръ смута въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получаетъ преимущественно характеръ *національной борьбы*, въ которой русскіе стремятся освободиться отъ польскаго гнета, ими же въ значительной степени допущеннаго.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору движенія Ляпунова и движенія нижегородскаго, составляющихъ содержаніе дальнѣйшаго изложенія, бросимъ общій взглядъ на положеніе Московскаго государства въ минуту смерти Вора. По всей странѣ бродятъ казаки, вездѣ грабятъ и жгутъ, опустошаютъ и убиваютъ. Это казаки или вышедшіе изъ Тушина послѣ его разоренія, или дѣйствовавшіе самостоятельными маленькими шай-

ками безо всякаго отношенія къ тушинцамъ, ради одного грабежа. Сѣверо-западная часть государства находится въ рукахъ шведовъ. Ихъ войско послѣ Клушина отступило на сѣверъ и съ того времени, какъ Москва признала Владислава, открыло враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, стало забирать города, ибо Москва, соединяясь съ Польшей, тѣмъ самымъ дѣлалась врагомъ Швеціи. Но и Польша не прекращала военныхъ дѣйствій противъ Руси. Поляки осаждали Смоленскъ и разоряли юго-западныя области. Сама Москва занята польскимъ гарнизономъ, вся московская администрація—подъ польскимъ вліяніемъ. Король враждебнаго государства, Сигизмундъ, изъ подъ Смоленска распоряжается Русью своимъ именемъ, какъ государь, безъ всякаго права держитъ въ то же время, какъ бы въ плѣну, великое московское посольство, притѣсняетъ его и не соглашается съ самыми существенными, на московскій взглядъ, условіями договора Москвы съ Владиславомъ. Таково было положеніе дѣлъ.

Одно только существованіе Вора сдерживало негодованіе „лучшихъ" русскихъ людей противъ поляковъ. Воръ и тотъ общественный порядокъ или, вѣрнѣе, безпорядокъ, который онъ воплощалъ собою, страшилъ ихъ болѣе, нежели возмущали поляки: сопротивляться же и тому, и другому врагу вмѣстѣ не было силъ. Однако во многихъ частяхъ Русской земли, въ тѣхъ, откуда Воръ былъ дальше и гдѣ его знали меньше, стали передаваться ему, не ожидая добра отъ поляковъ. Но Воръ умеръ и ожили московскіе люди: однимъ врагомъ стало меньше. Шайки Вора безъ предводителя становились простыми разбойниками и теряли политическую силу. Въ качествѣ политическихъ враговъ оставались только поляки, и противъ нихъ теперь можно было соединиться безъ боязни, что въ тылу останется худшій врагъ. Движеніе противъ поляковъ стало проявляться яснѣе, опредѣленнѣе, сильнѣе. Во главѣ его стоялъ „начальный человѣкъ Московскаго государства"—патріархъ.

Патріархъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ пастырь церкви. Онъ прекрасно видѣлъ, что вліяніе католической Польши на православную Москву не ограничится сферой государственной, но непремѣнно перейдетъ и въ церковную. Въ Москвѣ знали унію 1596 года, понимали значеніе и самой уніи, и того, что ей предшествовало въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Съ трудомъ допустивъ выборъ на царство католика (съ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православія), видя затѣмъ, какъ ведетъ себя Сигизмундъ, и въ будущемъ ожидая постоянныхъ злоупотребленій со стороны поляковъ относительно Москвы, патріархъ Гермогенъ, какъ православный іерархъ, не могъ допускать дальнѣйшаго господства поляковъ въ видахъ охраненіи чистоты православной вѣры. Съ этой точки зрѣнія онъ и дѣйствовалъ противъ Сигизмунда.

Вѣрные слуги Сигизмунда, Салтыковъ и Андроновъ, доносили королю, что послѣ смерти Вора патріархъ „явно" говорилъ и писалъ народу противъ поляковъ, что если поляки не отпустятъ королевича въ Московское государство, и королевичъ не крестится въ православіе, то онъ русскимъ не государь. Москвичи раздѣляли мнѣніе патріарха и готовы были стать противъ поляковъ. И патріархъ, и свѣтскіе люди писали объ этомъ грамоты въ города; москвичи разсылали повсюду грамоты, полученныя ими отъ смольнянъ о бѣдствіяхъ смоленскаго края отъ поляковъ. Всѣ эти грамоты возбуждали землю противъ польскихъ и литовскихъ людей, противъ „Жигимонта короля". Города заволновались и стали переписыватся между собою „о совѣтѣ и единеніи противъ поляковъ". Нижегородцы (въ январѣ 1611 года) присылали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Посланные видѣли, какъ хозяйничаютъ въ Москвѣ поляки, были у патріарха, и патріархъ благословилъ ихъ на возстаніе противъ враговъ. Нижегородцы писали объ этомъ по другимъ городамъ, и возстаніе противъ поляковъ поднималось повсюду: возставали, надо замѣтить, не противъ Владислава, а противъ Сигизмунда и поляковъ, нарушавшихъ московскій договоръ о Владиславѣ. Страна вся была въ возбужденіи, была готова дѣйствовать и смотрѣла на Гермогена, какъ на своего нравственнаго вождя.

Но, руководя народнымъ движеніемъ, патріархъ не указалъ народу ратнаго предводителя, который могъ бы стать во главѣ возставшихъ. Такой предводитель явился самъ въ Рязанской землѣ. Это былъ извѣстный намъ Прокопій Ляпуновъ. Онъ признавалъ Владислава до смерти Вора, но уже въ январѣ 1611 года сталъ собирать войска на поляковъ и двинулся съ ними на Москву. Туда же къ Ляпунову шли земскія дружины со всѣхъ концовъ государства (изъ земли Рязанской, Сѣверской, Муромской, Суздальской, изъ сѣверныхъ областей, изъ Поволжскихъ низовыхъ). Сила національнаго движенія была такъ велика, что захватила и Тушинское казачество. Оно также двигалось къ Москвѣ подъ начальствомъ тушинскихъ бояръ, князь Дм. Тим. Трубецкаго и Заруцкаго. Съ сѣвера шли казачьи шайки съ Просовецкимъ и даже знаменитый Сапѣга, осаждавшій когда то Лавру, теперь соглашался сражаться за Русь и православіе противъ поляковъ, но потомъ раздумалъ.

Когда такое разнохарактерное ополченіе приближалось къ Москвѣ, она переживала трудные дни. Бояре и поляки смотрѣли на движеніе въ землѣ, какъ на беззаконный мятежъ; народъ видѣлъ въ немъ святое дѣло и съ нетерпѣніемъ ожидалъ освободителей. Отношенія между поляками и московскимъ населеніемъ давно уже обострились; теперь же дѣло дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженнаго столкновенія. Предполагали, что въ Вербное Восресенье (17 марта 1611 года) произойдетъ бой на улицахъ, и поляки приготовились къ оборонѣ; но

дѣло обошлось мирно. Тѣмъ не менѣе Салтыковъ предсказывалъ полякамъ, что во вторникъ, т. е. 19 марта, ихъ будутъ бить. Къ этому дню ожидались подъ Москву первыя земскія дружины. И дѣйствительно, во вторникъ, 19 Марта, въ Москвѣ, въ Китай-Городѣ, начался бой. Изъ Китай-Города поляки бросились къ слободамъ, но въ Бѣломъ-Городѣ были задержаны народомъ. На помощь москвичамъ подоспѣли передовые отряды земскаго ополченія съ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ (который здѣсь и былъ раненъ), и поляки были отброшены назадъ, заперлись въ Кремлѣ и Китай-Городѣ и постарались сжечь Москву и Замоскворѣчье (для удобствъ дальнѣйшей обороны). Москва сгорѣла почти вся. Нѣсколько дней еще продолжались вылазки поляковъ и стычки ихъ съ народомъ. Наконецъ, на второй день Пасхи, въ благовѣщенье, подошла къ Москвѣ стотысячная русская рать и къ апрѣлю обложила Кремль и Китай-Городъ. Поляки засѣли въ осаду, а вмѣстѣ съ ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотрѣвшее на ополченіе всей земли, какъ на мятежное скопище. Припасовъ у осажденныхъ было мало, гарнизонъ польскій былъ не великъ, всего около 3000 человѣкъ. Положеніе гарнизона, такимъ образомъ, было очень серьезно, но Сигизмундъ не думалъ помочь Москвѣ; его силъ не хватило и на взятіе Смоленска.

Обратимся теперь къ тому ополченію, которое собралось подъ Москвой; познакомимся съ его исторіей. Это ополченіе по справедливости можно назвать политическимъ союзомъ соціальныхъ враговъ: въ немъ соединилась земщина съ казачествомъ, общество—съ врагомъ общественнаго порядка. A priori можно было предвидѣть, что въ этомъ ополченіи должна проявиться рознь, должно произойти междоусобіе. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложеніе, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводовъ для столкновенія двухъ міровъ—земскаго и казачьяго. Ополченіе дѣйствительно и погибло.

Тотчасъ по приходѣ его подъ Москву оно выбираетъ себѣ военачальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкаго и Заруцкаго. Такъ пишутъ лѣтописцы, но они же говорятъ, что между этими воеводами, какъ и во всемъ ополченіи, стала „рознь великая". Ляпуновъ, представитель служащаго земскаго элемента въ ополченіи, старался дать преобладаніе своимъ, Заруцкій мирволилъ казачеству, а Трубецкому отъ нихъ двоихъ было „мало чести": онъ не пользовался вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе эти военачальники правили не только ополченіемъ, но и землею. Возлѣ запертыхъ въ Кремлѣ бояръ создалось волею земщины другое правительство; бояре же, которымъ годъ тому назадъ присягала земля, потеряли всякое значеніе. Военачальники дѣлали распоряженія о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, смѣняли воеводъ въ городахъ, заботились о защитѣ Новгорода отъ шведовъ, раздавали помѣстья,—словомъ,

были не только военной, но и земской властью, играли роль правительства. Этотъ знаменательный фактъ показываетъ намъ, какимъ большимъ кредитомъ пользовалось въ странѣ ополченіе: ему вѣрила и его слушалась страна.

Но еще знаменательнѣе то обстоятельство, что воеводы, управлявшіе землею и ратью, не были безконтрольны и зависѣли въ своей дѣятельности отъ общаго совѣта рати. Хотя мы не знаемъ достовѣрно внутренняго устройства ополченія, но имѣемъ полное основаніе думать, что, во первыхъ, подмосковная рать считала себя выразительницею воли „всей земли“ и себя ставила выше воеводъ въ отношеніи власти; во вторыхъ, ополченіе имѣло свою думу, свой совѣтъ. Этотъ совѣтъ называлъ свои постановленія „приговорами всей земли“ и, стало быть, считалъ себя тѣмъ, что мы называемъ земскимъ соборомъ. Отъ этого ратнаго совѣта сохранился до насъ одинъ изъ такихъ „приговоровъ всей земли“. На него какъ то мало обращалось вниманія нашими историками, и только профессоръ Кояловичъ въ своихъ трудахъ далъ ему обстоятельную, хотя, можетъ быть, и не всегда вѣрную оцѣнку. Напечатанъ этотъ приговоръ у Карамзина (Ист., т. XII, прил. 793 и 794) и то не полно (впрочемъ, Карамзинъ самъ имѣлъ не полный и поздній списокъ этого приговора и напечаталъ все, что имѣлъ; Карамзинскій текстъ перепечаталъ Забѣлинъ). Между тѣмъ этотъ приговоръ вскрываетъ намъ любопытнѣйшія черты изъ исторіи перваго ополченія.

Въ іюнѣ 1611 г. ополченіе обратилось къ своимъ вождямъ, прося общимъ совѣтомъ подумать о прекращеніи безпорядковъ и злоупотребленій, какія совершались въ войскѣ. Объ этихъ безпорядкахъ лѣтописецъ роняетъ лишь нѣсколько словъ: онъ говоритъ, что въ войскѣ одни попрекали другихъ прошлой службой тушинскому Вору или ополяченной Москвѣ, людей ратныхъ „жаловали не по достоянію“, а „лицепріятно“, не знали, наконецъ, что дѣлать и какъ обращаться съ тѣми холопами, которые убѣжали отъ своихъ господъ и теперь служили въ войскѣ казаками, уже какъ вольные люди. Сначала этихъ бѣглыхъ людей воеводы ополченія призывали подъ свои знамена, обѣщая считать ихъ вольными казаками. Но служилый элементъ въ ополченіи не могъ относиться сочувственно къ такой мѣрѣ: она создавала очень непріятный для служилаго люда порядокъ въ будущемъ, имъ могли воспользоваться и другіе холопы и убѣгать отъ господъ въ надеждѣ потомъ вернуться на Русь свободными. Поэтому положеніе бѣглыхъ людей въ ополченіи составляло очень важный вопросъ.

И вотъ, по просьбѣ ополченія, Ляпуновъ и другіе воеводы согласились созвать соборъ всей рати, чтобы обдумать и рѣшить всѣ заботившіе послѣднюю вопросы. 29 и 30 іюня 1611 г. сошлись на соборъ выборные отъ войска: отъ всякихъ чиновъ служилые люди „всѣхъ городовъ и пред-

ставители казачества—атаманы и казаки (отъ этого собора и дошелъ до насъ упомянутый приговоръ). Оба элемента (и служилый, и казачій) приняли, такимъ образомъ, участіе въ обсужденіи дѣлъ и составленіи приговора. Дальше будетъ видно, какой элементъ взялъ верхъ въ этомъ приговорѣ.

Приговоръ 30-го іюня очень обширенъ и касается не только войска, но и всего государства: очевидно, выборные изъ войска считали себя въ правѣ рѣшать общеземскія дѣла. Прежде всего они „приговорили и выбрали всею землею“ или, лучше сказать, утвердили раньше уже выбранныхъ троихъ начальниковъ—Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго—и опредѣлили границы ихъ власти: „воеводы должны были строить землю и всякимъ, и ратнымъ дѣломъ промышлять“, т. е. управлять не только войскомъ, но и государствомъ. Въ то же время они не могли „смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора... не по винѣ... казнити и ссылати“, казнить же дѣйствительно виновныхъ они должны были, „поговоря со всею землею“. А кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, и того самого казнити смертію, прибавляетъ приговоръ 30-го іюня. Такимъ образомъ, высшая власть по приговору принадлежитъ „всей землѣ“, иначе говоря, войсковому совѣту, который, по представленію войска, олицетворялъ собою „всю землю“; воеводы же только исполнительные органы земли. Ихъ земля можетъ смѣнить, когда найдетъ это нужнымъ. Если главные или второстепенные воеводы дурно будутъ вести дѣла или не станутъ слушать земскаго приговора, то, вмѣсто нихъ, земля можетъ выбирать другихъ, такихъ, „кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодится“. Такъ были рѣшены приговоромъ 30 іюня основные вопросы: управленіе рати и земли.

Вторая группа постановленій войскового собора касается устройства въ войскѣ приказовъ, которые вѣдали бы управленіе, вмѣсто московскихъ приказовъ, осадой осужденныхъ бездѣйствовать, да и не признаваемыхъ болѣе за власть со стороны земли. (Рѣшено было учредить приказы: Большой Разрядъ и Помѣстный, которые вѣдали бы службу и средства содержанія служилыхъ людей—помѣстья; затѣмъ Большой Приходъ, который долженъ былъ вѣдать финансы; приказы Разбойный и Земскій, вѣдавшіе уголовныя дѣла и имѣвшіе судебный характеръ).

Третья группа постановленій собора касается помѣстій. Смута внесла безпорядокъ въ помѣстныя дѣла: одни незаконно захватили себѣ лишнія земли, а у другихъ была отнята и послѣдняя земля; нужно было распутать происшедшую путаницу и водворить порядокъ. Въ этихъ видахъ рѣшили отобрать: 1) всѣ тѣ помѣстныя земли, владѣльцы которыхъ не служили въ войскѣ, и 2) всѣ тѣ лишнія земли, какія окажутся у помѣщиковъ сверхъ ихъ нормальнаго помѣстнаго оклада, хотя бы владѣльцы и находились на службѣ. Отобранныя земли рѣшено было

отдать въ помѣстья неимущимъ и разоренным служилымъ людямъ, служащимъ въ войскѣ. Но не всѣ земли, съ какихъ не было службы, рѣшили отобрать; оставлены были помѣстья: 1) у женъ и дѣтей тѣхъ дворянъ, которые были въ великомъ посольствѣ и которыхъ вмѣстѣ съ главными послами задержалъ Сигизмундъ; 2) у вдовъ и дѣтей дворянъ, убитыхъ на службѣ; 3) у тѣхъ дворянъ, которымъ помѣстья, хотя бы и лишнія, сверхъ оклада даны М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ за походъ отъ Новгорода къ Москвѣ. (Чѣмъ, кромѣ уваженія къ памяти Скопина, можно объяснить это любопытное постановленіе?). Далѣе позволено было и казакамъ получать помѣстья и входить такимъ путемъ въ ряды служилыхъ людей. Это позволеніе можно разсматривать, какъ единственную уступку приговора казачеству. Въ остальномъ же приговоръ, какъ сейчасъ увидимъ, направленъ противъ него.

Послѣднюю группу постановленій составляютъ постановленія о казакахъ и о тѣхъ, кто къ нимъ тянулъ, т. е. о бѣглыхъ. Во избѣжаніе грабежей, приговорили воротить подъ Москву въ войско всѣхъ казаковъ, разосланныхъ на службу и ушедшихъ въ города; впредь за припасами для войска не посылать однихъ казаковъ, а съ ними командировать служилыхъ людей. Этимъ стѣснялась казачья вольность, надъ казаками учреждался контроль, отнималась у нихъ возможность поживиться грабежемъ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ войска. Еще большій ударъ наносился казачеству тѣмъ, что постановили бѣглыхъ крестьянъ и холопей, до сихъ поръ считавшихся казаками, возвращать ихъ прежнимъ господамъ и обращать въ прежнее состояніе.

Рядъ послѣднихъ постановленій о казачествѣ, какъ и весь складъ приговора, стремившагося возстановить общественный порядокъ въ его старыхъ формахъ, показываетъ намъ очень опредѣленно, что на соборѣ 30го іюня служилые люди рѣшительно преобладали надъ вольными казаками,—элементъ общественный взялъ верхъ надъ элементомъ противообщественнымъ. Хотя подъ приговоромъ, рядомъ съ подписями служилыхъ представителей 25 городовъ, находятся утверждавшія приговоръ и казачьи рукоприкладства, тѣмъ не менѣе казачество много терпѣло отъ его постановленій. Хозяевами дѣлъ и въ лагерѣ подмосковномъ и во всей странѣ становились служилые люди, люди изстари установленнаго общественнаго порядка и во главѣ ихъ, конечно, „всего московскаго воинства властитель“ Прокопій Ляпуновъ. Недаромъ ошибся лѣтописецъ, когда, разсказывая объ этомъ приговорѣ, онъ написалъ, что Ляпуновъ „приказалъ“ его составить: своей ошибкой онъ точно отмѣтилъ степень власти Ляпунова, созданную приговоромъ 30-го іюня.

Второе земское ополченіе и его торжество. Познакомясь съ данными о первомъ подмосковномъ ополченіи, мы можемъ теперь сказать, что, сойдясь подъ Москву, земскія и казачьи дружины не могли ужиться

мирно между собою по разности стремлений и вкусовъ. Постоянная ихъ рознь привела къ необходимости уяснить точнѣе ихъ взаимныя отношенія, и уяснились они въ пользу служилыхъ людей. Но преобладаніе служилыхъ людей было недолго и непрочно. Приговоръ, давшій перевѣсъ служилымъ людямъ и Ляпунову, былъ „не любъ“ казакамъ и ихъ вождямъ Заруцкому и Трубецкому, „и съ той поры начали надъ Прокофьемъ думати, какъ бы его убить“, говоритъ лѣтописецъ, и, дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ Ляпуновъ былъ убитъ. Его смерть стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, какое настало въ подмосковной рати послѣ приговора 30-го іюня; казаки и холопи не могли помириться съ этимъ приговоромъ, и Ляпуновъ палъ отъ руки ихъ, какъ представитель служилыхъ людей, правившій дѣлами и доставившій преобладаніе своимъ. Въ убійствѣ Ляпунова замѣшаны и поляки, осажденные въ Москвѣ; они желали и смутъ въ лагерѣ осаждавшихъ, и смерти талантливаго воеводы и достигли того и другого интригой. Но и безъ ихъ подстрекательства „старые заводчики всякому злу, атаманы и казаки, холопи боярскіе“ (такъ называетъ убійцъ Ляпунова князь Д. М. Пожарскій) не остановились бы передъ убійствомъ: въ немъ они видѣли средство поправить свое положеніе подъ Москвой, увеличить свое вліяніе, взять верхъ надъ служилыми людьми. И они достигли своего; потерявъ предводителя, служилые люди утратили и силу. Не нашлось человѣка, который могъ бы замѣнить Ляпунова; дѣлами стали заправлять казачьи вожди, казачество подняло голову, и тѣснимое имъ дворянство стало брести „розно“, разъѣзжаться по домамъ. Ополченіе разлагалось, и государственный порядокъ потерпѣлъ въ немъ новое пораженіе. Но казачьи остатки перваго ополченія продолжали стоять подъ Москвой, и въ 1611 и въ 1612 г.г. Сигизмундъ не шелъ на помощь московскому гарнизону, а своими силами московскій гарнизонъ не могъ прогнать осаждавшихъ. Осада Москвы такимъ образомъ продолжалась, но смерть Ляпунова была большимъ горемъ для русскихъ людей, они теряли вѣру въ успѣхъ ополченія. Въ то же приблизительно время совершались одно за другимъ такія событія, которыя способны были отнять у русскихъ всякую надежду на лучшее будущее родины.

Сигизмундъ перестал стѣсняться съ великимъ посольствомъ. Сожженіе Москвы подало ему надежду, что послы будутъ уступчивѣе. Но они стояли на томъ, что король не долженъ отступать отъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ, и долженъ снять осаду Смоленска; въ такомъ только случаѣ Владиславъ можетъ стать московскимъ царемъ. Видя, что дальнѣйшіе переговоры будутъ безплодны, король прибѣгнулъ къ насилію: московскіе послы были ограблены и плѣнниками отвезены въ Польшу (въ апрѣлѣ 1611 г.).

3-го іюня 1611 г. удалось королю, наконецъ, взять Смоленскъ при-

ступомъ. Въ городѣ было въ началѣ осады, какъ говорятъ, до 80,000 жителей, большіе запасы и прекрасныя укрѣпленія. Когда Смоленскъ былъ взятъ, въ немъ не осталось и 8,000 человѣкъ, они терпѣли голодъ и болѣзни и не могли отбить врага, потому что укрѣпленія были разбиты и разрушены. Воевода смоленскій Шеинъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ дѣятелей того времени, подвергся пыткѣ: хотѣли узнать, для чего онъ не сдавалъ города и какими средствами могъ такъ долго держаться.

16-го іюля шведы обманомъ взяли Новгородъ; митрополитъ Исидоръ и воевода князь Одоевскій во главѣ новгородцевъ заключили со шведами договоръ, по которому Новгородъ представлялся особымъ государствомъ, выбиралъ себѣ въ цари одного изъ сыновей шведскаго короля и, сохраняя свое государственное устройство, навсегда соединялъ себя съ шведскою династіею, если-бы даже Московское государство и выбрало себѣ другого царя не изъ шведскаго дома. Такой договоръ, очевидно, былъ продиктованъ побѣдителями-шведами: въ немъ даже не было требованія, чтобы новгородскій государь былъ православнымъ.

Во Псковѣ въ то же время появился самозванецъ Сидорка, котораго зовутъ иногда третьимъ Лжедмитріемъ. Еще при Шуйскомъ начались во Псковѣ внутреннія усобицы, борьба „лучшихъ" и „меньшихъ" людей, высшихъ и низшихъ классовъ. Эта борьба какъ то совсѣмъ оторвала Псковъ отъ государства и создала въ немъ свою особую исторію смуты. Неурядицы внутреннія дали возможность полякамъ и казачеству разорять безнаказанно псковскую землю и дали въ ней силу третьему самозванцу.

Итакъ, во второй половинѣ 1611 г., со взятіемъ Смоленска и Новгорода, съ усиленіемъ самозванщины во Псковѣ, вся западная часть Московскаго государства попала въ руки его враговъ. Сама Москва оставалась въ ихъ власти, а ополченіе, собранное для ея освобожденія, распадалось, побѣжденное не врагами, а внутренней рознью. Земская власть, создавшаяся въ этомъ ополченіи и сильная по своему существу лишь настолько, насколько ей вѣрила земля, теперь со смертью Ляпунова теряла для земли всякое значеніе. Русскіе люди оставались безъ руководителей противъ сильныхъ торжествовавшихъ враговъ государства и общества. Время настало настолько критическое, что, казалось, Русское государство переживало послѣдніе дни.

Опаснѣе всѣхъ другихъ были, конечно, поляки, но они же своею оплошностью и помогли оправиться русскимъ людямъ. Послѣ взятія Смоленска король Сигизмундъ отправился въ Польшу на сеймъ торжествовать свои побѣды вмѣсто того, чтобы идти на помощь польскому гарнизону въ Москвѣ. Къ Москвѣ онъ послалъ только слабый отрядъ конницы съ гетманомъ Ходкевичемъ. Въ октябрѣ 1611 г. Ходкевичъ былъ

отбитъ подмосковными казаками и ушелъ отъ Москвы. Если не считать этой незначительной рекогносцировки подъ Москву, то можно сказать, что внѣшніе враги Московскаго государства, нанеся ему взятіемъ Смоленска и Новгорода сильнѣйшіе удары, затѣмъ совершенно бездѣйствовали, отчего и потеряли всѣ плоды побѣды.

Русскіе же еще не считали себя побѣжденными, а свое дѣло потеряннымъ. Въ восточной части государства подъ вліяніемъ извѣстій о повсемѣстныхъ неудачахъ и общихъ страданіяхъ снова усилилось движеніе, оживились сношенія городовъ. Изъ города въ городъ сообщали извѣстія о событіяхъ, пересылали грамоты, полученныя изъ Москвы или изъ другихъ мѣстъ, изъ города въ городъ писали (напр., Казань писала въ Пермь) о томъ, какъ слѣдуетъ держаться и поступать русскимъ людямъ въ ихъ тяжеломъ положеніи. Въ этихъ посланіяхъ заключались цѣлыя политическія программы. Всѣ поволжскіе города, горные и луговые, согласились въ томъ, чтобы имъ „быть въ совѣтѣ и единеніи“, охранять общественный порядокъ, не допускать грабежей, не заводить усобицъ, не принимать новой администраціи, кто бы ее ни назначалъ, а сохранять свою старую, которой они вѣрятъ, съ казаками не знаться и не заводить сношеній. Можно безъ конца удивляться той энергіи, которую проявляютъ эти мелкіе помѣстные міры, предоставленные своимъ силамъ; той цѣпкости, съ какою они держатся другъ за друга, и той самостоятельности, какою отличаются многіе изъ этихъ мірковъ. Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси находились тогда въ состояніи какого-то духовнаго напряженія и просвѣтлѣнія, какое является въ массахъ въ моменты великихъ историческихъ кризисовъ. Съ необыкновенною ясностью и простотою во всѣхъ грамотахъ сказывается одна мысль, долго не дававшаяся земщинѣ, а теперь ставшая достояніемъ всѣхъ и каждаго: за вѣру, родину и общественный порядокъ необходимо бороться всѣмъ и бороться не съ одною „Литвою“, но и со всѣми тѣми, кто не сознаетъ этой необходимости,—съ казачествомъ. Осѣдлая земщина теперь отдѣляла отъ себя казаковъ и окончательно сознала, что и они—ея врагъ, а не помощникъ; сознала послѣ смерти Пр. Ляпунова, когда увидала, что казаки убійствомъ разстроили общее земское дѣло, враждовали съ землею, несмотря на то, что служили одному дѣлу. Понимая теперь весь ужасъ своего положенія, стараясь опознаться въ своихъ бѣдахъ и сообразить, что дѣлать и какъ дѣлать, русскіе люди начинаютъ съ того, что ищутъ общаго „совѣта“ и „соединенія“, и общимъ совѣтомъ, по примѣру Нижняго Новгорода, постановляютъ первое единодушное рѣшеніе,—налагаютъ на всю землю постъ, чтобы очистить себя отъ прошлыхъ грѣховъ.

То, что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось лучшими людьми того времени съ большей полнотой мысли и съ большей

опредѣленностью чувства. Эти люди глубоко вліяли на массу, направляли ее на общее дѣло, помогали ея соединенію. Во главѣ такихъ людей долженъ быть поставленъ патріархъ Гермогенъ, человѣкъ съ чрезвычайной нравственной силой, какъ личность, и съ громаднымъ политическимъ вліяніемъ, какъ дѣятель. Онъ раньше всѣхъ и яснѣе всѣхъ созналъ (мы уже видѣли, съ какой точки зрѣнія), что иноземный и болѣе всего польскій царь невозможенъ въ Москвѣ. Поэтому онъ былъ въ постоянной враждѣ съ боярами, державшимися Сигизмунда и называвшими себя его „государственными вѣрными подданными“. Поэтому же онъ и не стѣснялся благославлять народъ на возстаніе противъ поляковъ. Теперь, сидя уже въ заключеніи, онъ успѣвалъ тѣмъ не менѣе разсылать грамоты по всей землѣ, направленныя противъ тѣхъ же поляковъ и противъ казаковъ. Въ августѣ 1611 г., когда онъ услышалъ, что подмосковное казачье ополченіе думаетъ присягнутъ Воренку (сыну тушинскаго Вора и Марины Мнишекъ), онъ на-спѣхъ отправилъ въ Нижній грамоту, прося, чтобы Казанскій митрополитъ и земскіе люди отговорили казаковъ отъ этого проклятаго дѣла. Эта грамота, рѣзко направленная противъ казаковъ, должна была возбудить противъ нихъ города еще болѣе, чѣмъ они до того были возбуждены. Нижній этою грамотою патріарха былъ поставленъ въ центръ движенія *противъ казаковъ*; раньше другихъ городовъ узналъ онъ объ ихъ дальнѣйшемъ, послѣ Ляпунова, „воровствѣ подъ Москвою“, раньше понялъ, въ какомъ трудномъ положеніи находится Москва и отъ поляковъ, и отъ казаковъ; не мудрено, что онъ раньше всѣхъ городовъ поднялся и на освобожденіе Москвы.

Забѣлинъ первый указалъ на то, что Нижній ближе другихъ городовъ былъ къ патріарху, что если объяснять движеніе Нижняго и прочихъ городовъ на освобожденіе Москвы вліяніемъ изъ центра государства, то это движеніе нужно приписать именно *Гермогенову посланію* въ Нижній, а не тѣмъ патріотическимъ грамотамъ, которыя разсылались изъ Троицкаго монастыря („Мининъ и Пожарскій“, 1883 г.). До изслѣдованія Забѣлина говорили и писали со словъ „Сказанія“ Авр. Палицына, что второе освободительное движеніе городовъ началось въ Нижнемъ, благодаря *грамотамъ Троице-Сергіевскихъ* властей. Забѣлинъ же указалъ, что та Троицкая грамота, которой можно было приписывать такое вліяніе, пришла въ Нижній уже тогда, когда движеніе тамъ началось, и, стало быть, создать этого движенія не могла.

Но, отнимая у Троицкаго монастыря честь этого вліянія, почтенный историкъ нашъ склоненъ и вовсе отрицать высокое значеніе монастыря въ то время, указывая на его связи съ подмосковными казаками и нѣкоторую подчиненность монастыря этимъ казакамъ. Сношенія съ казачьимъ войскомъ и властями достаточно объясняются и даже оправдываются

тѣмъ, что монастырь былъ очень близокъ къ Москвѣ и фактически не могъ уклониться отъ этихъ сношеній: подъ Москвою, у казаковъ были единственныя въ томъ краю гражданскія власти, безъ которыхъ монастырь не могъ обойтись. Въ то же время во главѣ монастырской братіи стояла замѣчательная личность—архимандритъ *Діонисій*, человѣкъ добродушнаго и открытаго нрава, очень умный, высоко религіозный и очень нравственный, любимецъ Гермогена. Онъ умѣлъ такъ направлять дѣятельность монастыря, что она получила высокое и плодотворное значеніе. Пользуясь громадными средствами монастыря (онъ имѣлъ въ XVII вѣкѣ, около 1620 года, до 1000 селъ и деревень и былъ едва ли не самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ въ государствѣ), архимандритъ Діонисій употреблялъ монастырскіе доходы на дѣло благотворенія, тысячами призрѣвая обнищалыхъ, больныхъ и раненыхъ людей, пострадавшихъ въ смутѣ. Въ то же время монастырь время отъ времени разсылалъ въ города свои грамоты, призывавшія землю соединиться противъ поляковъ. Пускай въ этихъ грамотахъ казаки представлены защитниками вѣры и порядка и рекомендуется земщинѣ *союзъ съ казачествомъ*,—все-таки дѣятельность Троицкаго монастыря остается нравственной и патріотической дѣятельностью, и руководитель монастыря Діонисій долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ дѣятелей той эпохи, тѣхъ дѣятелей, которыхъ Забѣлинъ своеобразно называетъ „прямыми людьми“.

Такіе люди, какъ Гермогенъ и Діонисій, стояли въ центрѣ и руководили настроеніемъ всей земли. Въ городахъ были свои вожаки, люди, болѣе другихъ воодушевленные, яснѣе и дальше другихъ смотрѣвшіе. Много можно насчитать въ то время такихъ дѣятелей, которые руководили мѣстными мірами, поддерживали сношенія между городами и вліяли патріотически на своихъ согражданъ. Одному изъ такихъ мѣстныхъ дѣятелей—Минину—суждена была главная роль и въ общеземскомъ движеніи; другому мѣстному предводителю, кн. Дмитрію Пожарскому, пришлось стать затѣмъ всей земли воеводою.

О личности Пожарскаго и Минина много писали и спорили. О Пожарскомъ Н. И. Костомаровъ думаетъ, что это была весьма честная посредственность, которой выпало на долю сдѣлать много потому, что другіе умѣло направляли этого человѣка. Споря противъ такого взгляда, Забѣлинъ слѣдитъ за дѣйствіями Пожарскаго съ 1608 г., отмѣчаетъ постоянную успѣшность его военныхъ дѣйствій, находитъ въ немъ достаточно личной самостоятельности и иниціативы и приходитъ къ заключенію, что Пожарскій былъ талантливый воевода, высоко честный и самостоятельно думавшій гражданинъ. Въ древне-русскомъ обществѣ было вообще мало простора личности; личность мало высказывалась и мало оставляла послѣ себя слѣдовъ; Пожарскій оставилъ ихъ даже менѣе, чѣмъ другіе современные ему дѣятели, но за всѣмъ тѣмъ въ Пожарскомъ не можетъ не

остановить нашего вниманія одна черта—опредѣленное сознательное отношеніе къ совершавшимся событіямъ чрезвычайнаго характера. Онѣ никогда не теряется и постоянно знаетъ, что должно дѣлать; при смѣнѣ властей въ Москвѣ онъ служитъ имъ, насколько онѣ законны, а не перескидывается, не поддается „ворамъ“, у него есть опредѣленные взгляды, своя политическая философія, которая даетъ ему возможность точно и твердо опредѣлять свое отношеніе къ тому или другому факту и оберегаетъ его отъ авантюризма и „шатости“; у него свой „царь въ головѣ“. Пожарскаго нельзя направить чужою мыслью и волею въ ту или другую сторону. Несмотря на то, что Пожарскій былъ не очень родовитъ и не высокъ чиномъ, его личность и военныя способности доставили ему почетную извѣстность и раньше 1612 года. Современники цѣнили его высоко, онъ былъ популяренъ—иначе не выбрали бы его нижегородцы своимъ воеводою, имѣя двухъ воеводъ въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ.

О Пожарскомъ не было бы разныхъ мнѣній, если бы, къ его невыгодѣ, ему не пришлось дѣйствовать рядомъ съ Мининымъ, человѣкомъ еще болѣе крупнымъ и яркимъ. По нашему мнѣнію, Козьма Мининъ геніальный человѣкъ; съ большимъ самостоятельнымъ умомъ онъ соединялъ способность глубоко чувствовать, проникаться идеей до забвенія себя и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться практическимъ человѣкомъ, умѣющимъ начать дѣло, организовать его, воодушевить имъ толпу. Его главная заслуга въ томъ, что онъ сумѣлъ дать всѣми владѣвшей идеѣ конкретную жизнь: каждый въ то время думалъ, что надо спасать вѣру и царство, а Мининъ первый указалъ, какъ надо спасать, и указалъ не только своими воззваніями въ Нижнемъ, но и всею своею дѣятельностью, давшей обширному дѣлу организацію покрѣпче, чѣмъ далъ ему передъ тѣмъ Ляпуновъ. На это надобенъ былъ исключительный умъ, исключительная натура.

Мининъ не былъ простымъ мужикомъ нижегородскимъ. Онъ торговалъ и былъ однимъ изъ видныхъ людей въ городѣ. Нижегородцы избрали его въ число земскихъ старостъ, стало быть, ему вѣрили. Управляя дѣлами нижегородской податной общины, онъ долженъ былъ привыкнуть вести большое хозяйство города и обращаться съ большими деньгами, какія собирались съ міра земскими старостами въ уплату податей. Мимо него, какъ излюбленнаго человѣка, представителя нижегородскихъ людей, не проходила неизвѣстной ни одна грамота, адресованная нижегородцами, ни одна политическая новость. Онъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ и обсуждалъ дѣла въ городскихъ сходкахъ, которыя вошли въ обычай въ городахъ, благодаря обстоятельствамъ смутнаго времени, напоминали собою древнія вѣча.

На одномъ изъ такихъ собраній (въ октябрѣ или сентябрѣ 1611 г.).

подъ вліяніемъ грамотъ и вѣстей отъ патріарха, Мининъ поднялъ посадскихъ тяглыхъ людей на то, чтобы собрать деньги для ополченія и сформировать самое ополченіе. Составили приговоръ о мірскомъ сборѣ и предъявили его Нижегородскому воеводѣ, князю Звенигородскому, и соборному протопопу Саввѣ, которые созвали въ городской соборъ нижегородцевъ и, воспользовавшись пришедшею тогда въ Нижній патріотическою грамотою, подняли вопросъ объ ополченіи. Въ соборѣ читали и обсуждали нижегородцы пришедшую грамоту. Въ ней говорилось о необходимости стать на защиту вѣры и отечества. (Для дѣла безразлично, отъ Гермогена или отъ Троицы была эта послѣдняя грамота). При чтеніи грамоты нижегородскій протопопъ Савва сказалъ слово, убѣждая народъ стать за вѣру. Послѣ Саввы заговорилъ Мининъ; страстно говорилъ онъ о томъ же, указывая какимъ образомъ нужно дѣйствовать: „захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ". Слова Минина произвели большое впечатлѣніе. Съ каждымъ днемъ росло его вліяніе, нижегородцы увлекались предложеніями Минина, и, наконецъ, всѣмъ городомъ рѣшили образовать ополченіе, созывать служилыхъ людей и собирать на нихъ деньги.

Раньше всего занялись денежнымъ вопросомъ. Стали собирать добровольныя приношенія, потому что иныхъ средствъ не было. Давали нижегородцы много: „третью деньгу", т. е. третью часть имущества; такъ давать порѣшилъ міръ, и кто давалъ меньше, утаивая размѣры имущества, съ того брали силою. Были люди, жертвовавшіе почти все, что имѣли. На первыя нужды денегъ оказалось довольно.

Второю заботою было сыскать воеводу. По предложенію Минина, избрали Пожарскаго; кн. Дм. Мих. Пожарскій жилъ въ то время верстахъ въ 100 отъ Нижняго, въ своей вотчинѣ и лечился отъ ранъ, полученныхъ полгода тому назадъ подъ Москвою. Къ нему то и обратились нижегородцы, минуя своихъ воеводъ, князя Звенигородскаго и Алябьева.

Когда депутація отъ Нижняго пришла князю и изложила ему желаніе народа избрать его на такой высокій подвигъ, Пожарскій сперва долго отказывался, затѣмъ, наконецъ, изъявилъ свое согласіе, но подъ условіемъ избранія кого нибудь изъ посадскихъ людей, который вѣдалъ бы въ ополченіи хозяйственную часть и съ нимъ, Пожарскимъ, „у того великаго дѣла былъ и казну собиралъ". При этомъ онъ указалъ на Минина, какъ на лучшаго себѣ помощника въ этомъ дѣлѣ. Вѣсть о приготовленіяхъ нижегородцевъ скоро распространилась въ ближайшихъ городахъ, и первые на эту вѣсть откликнулись бездомные смольняне, вязьмичи и дорогобужцы, тѣ самые дворяне, которые, лишившись помѣстій въ своей области, вслѣдствіе завоеванія ея поляками, желали получить

земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, но и оттуда были выгнаны мордвою. Всѣ они были приняты въ войско. Недостаточность военныхъ силъ и денегъ скоро заставили нижегородцевъ обратиться съ окружной грамотой къ другимъ городамъ. Въ этой грамотѣ была изложена Гермогенова программа дѣйствій, основнымъ правиломъ которой было дѣйствовать *отдѣльно отъ казаковъ и противъ казаковъ*. „А вамъ бы",—писали нижегородцы другимъ городамъ,—„съ нами быти въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людямъ на польскихъ и литовскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки по-прежнему низовой рати своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкинымъ сыномъ не разгонили" (т. е. не разогнали). На этотъ призывъ, возвѣстившій землѣ начало второго возстанія на поляковъ, откликнулось много городовъ и первымъ—Коломна.

Вышеупомянутая грамота предостерегала народъ противъ Марины Мнишекъ съ ея сыномъ Воренкомъ и противъ псковскаго самозванца Сидорки-Дмитрія. Дѣла ихъ, и особенно дѣла псковскаго вора, неожиданно улучшились: къ вору начало было тянуть все подмосковное казачье ополченіе. Видя это, московское боярство, сидя взаперти, обращается съ грамотами въ Кострому, Ярославль и другіе города, увѣщевая народъ отказаться отъ всѣхъ воровъ и быть вѣрнымъ Владиславу. Лишенные довѣрія, силы и власти въ странѣ, бояре все еще думали руководить ею во имя того, противъ кого была вся земля, и не чуствовали, что около нихъ выростаетъ новая власть, созданная и поддержанная земскими силами, власть еще сильнѣйшая той, которая создалась въ первой рати подъ Московою.

Когда ополченіе было нѣсколько устроено, оно выступило изъ Нижняго въ мартѣ 1612 года и двинулось по дорогѣ въ Ярославль. Сюда оно пришло въ началѣ апрѣля и пробыло здѣсь до августа, т. е. въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Эта долгая стоянка вызвала много обвиненій на Пожарскаго (напр., со стороны Палицына), но его можно вполнѣ оправдать тѣмъ, что вѣдь нужно было еще устроить и обезпечить войско, достигнуть нейтралитета со стороны шведовъ, которые могли угрожать съ тылу, и очистить сѣверный край отъ казачьихъ шаекъ, съ которыми пришлось много сражаться. Главное же оправданіе Пожарскаго въ томъ, что онъ не одинъ управлялъ войскомъ, поэтому и отвѣтственность лежитъ не на немъ одномъ. Въ его войскѣ была высшая власть, которой князь повиновался по мотивамъ чисто нравственнымъ. Въ его войскѣ былъ земскій соборъ. Несмотря на довольно ясные признаки этого собора, до послѣдняго времени онъ не замѣчался учеными. Дѣло въ томъ, что вообще организація управленія въ войскѣ Пожарскаго очень темна для насъ, по скудности свѣдѣній; ясно только одно, что князь съ „товарищами" управлялъ не только ополченіемъ, но и всей землей, какъ

это было и въ первомъ ополченіи. Пожарскій принималъ челобитныя, давалъ тарханныя и жалованныя грамоты монастырямъ, дѣлалъ постройки въ городахъ, давалъ льготы разоренным, назначалъ денежные сборы на ратное дѣло, но все это онъ дѣлалъ „по совѣту всей земли", „по указу всей земли". Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ древними актами, пойметъ, что терминомъ „земля" наши предки обозначали не что иное, какъ земскій соборъ. Стало быть, соборное начало уважалось въ войскѣ Пожарскаго, чего не было въ рати Ляпунова и Заруцкаго, гдѣ воеводы дѣйствовали однимъ своимъ именемъ. Но былъ ли на самомъ дѣлѣ соборъ во второмъ ополченіи? Первый намекъ на существованіе земскаго собора около Пожарскаго мы видимъ въ грамотѣ отъ 7 апрѣля въ города: онъ проситъ прислать ему выборныхъ „для царскаго обиранія" и для совѣта о дипломатическихъ и государственныхъ дѣлахъ. Выборныхъ этого собора мы не знаемъ и не имѣемъ о немъ точныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что города присылали своихъ выборныхъ еще тогда, когда ополченіе было въ Нижнемъ. Но одно желаніе Пожарскаго имѣть соборъ еще не позволяло бы намъ дѣлать выводъ о дѣйствительномъ существованіи этого собора, если бы не сохранились другія данныя, сопоставленіе которыхъ приводитъ къ мысли, что соборъ дѣйствительно былъ. Лѣтописецъ говоритъ, что въ войскѣ многія дѣла рѣшались „всею ратью", даже и дѣла дипломатическія, не удобныя для общаго обсужденія, по необходимости держать ихъ въ тайнѣ... Ясно, что не вся рать собиралась для обсужденія этихъ дѣлъ, а только представители или рати, или земли. Далѣе въ одной грамотѣ земскаго собора 1613 года выборные пишутъ, что до ихъ пріѣзда на соборъ, до начала собора 1613 года, изъ Москвы были посланы „по совѣту всея земли" особыя лица для отписки въ казну „на государя" дворцовыхъ селъ, захваченныхъ въ смуту разными лицами. Тутъ мы видимъ ясный уже намекъ на одинъ изъ приговоровъ собора 1612 года и можемъ, поэтому, заключить, что соборъ при Пожарскомъ дѣйствительно былъ, хотя не оставилъ послѣ себя ясныхъ слѣдовъ. Есть возможность думать, что на этомъ соборѣ были представители трехъ сословій: духовнаго, служилаго и тяглаго.

Около 20 августа 1612 года ополченіе изъ Ярославля двинулось подъ Москву, и здѣсь между ополченцами и казаками установились сперва враждебныя, потомъ холодныя отношенія, какъ этого и надо было ожидать; ополченіе стало особымъ станомъ и этимъ навлекло на себя непріязнь казаковъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ и Китай-Городѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ и лишенный всякой серьезной помощи, мужественно защищался и дошелъ до крайней нужды. Но, несмотря на его мужество, Китай-Городъ 22 октября 1612 года былъ взятъ, а затѣмъ сдался русскимъ и Кремль. По взятіи Москвы, Пожарскій грамотою отъ 15 ноября звалъ по десяти человѣкъ отъ городовъ для выбора царя.

Дѣлу избранія царя помѣшалъ было походъ Сигизмунда на Москву. Сигизмундъ дошелъ до Волоколамска; три раза подступалъ къ Волоку, три раза былъ отраженъ и ушелъ обратно. Вотъ тогда на первомъ, такъ сказать, досугѣ, по взятіи Москвы, русскіе поспѣшили избраніемъ царя. Дѣло это, какъ они совершенно вѣрно понимали, было настоятельно нужно. Они говорили, что имъ безъ государя „ни малое время быти не можно; пещися о государствѣ и людьми Божьими промышлять некому". Но, думая о государѣ, вовсе и не думали признать имъ Владислава или кого нибудь изъ самозванцевъ. Дѣйствительно, ни Владиславъ, ни жалкіе самозванцы, до подлинности которыхъ не было дѣла никому даже изъ ихъ приверженцевъ, не могли быть сколько-нибудь серьезными кандидатами въ цари: они лишились всякаго кредита, какъ „всей крови заводчики". Царя нужно избрать другого, чтобы его имя могло быть знаменемъ для всѣхъ друзей порядка. И это знамя нужно было водрузить скорѣе, пока земщина была сильнѣе поляковъ и казачества, пока элементы безпорядка не возобладали снова и не выдвинули какого-нибудь новаго претендента.

Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова. Выборные люди съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 года. Изъ Москвы просили города прислать для царскаго выбора людей „лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ". Города, между прочимъ, должны были подумать не только объ избраніи царя, но и о томъ, какъ „строить" государство и какъ вести дѣло до избранія, и объ этомъ дать выборнымъ „договоры", т. е. инструкціи, которыми тѣ должны были руководствоваться. Для болѣе полнаго освѣщенія и пониманія собора 1613 года слѣдуетъ обратиться къ разбору его состава, который можетъ быть опредѣленъ лишь по подписямъ на избирательной грамотѣ Михаила Θеодоровича, написанной лѣтомъ 1613 года. На ней мы видимъ всего 277 подписей, но участниковъ собора, очевидно, было больше, такъ какъ не всѣ соборные люди подписывали соборную грамоту. Доказательствомъ этого служитъ, напримѣръ, слѣдующее: за Нижній Новгородъ на грамотѣ подписалось 4 человѣка (протопопъ Савва, 1 посадскій, 2 стрѣльца), а достовѣрно извѣстно, что нижегородскихъ выборныхъ было 19 человѣкъ (3 попа, 13 посадскихъ, дьяконъ и 2 стрѣльца). Если бы каждый городъ удовольствовался десятью человѣками выборныхъ, какъ опредѣлилъ ихъ число кн. Дм. Мих. Пожарскій, то выборныхъ въ Москвѣ собралось бы до 500 человѣкъ, такъ какъ на соборѣ участвовали представители 50 городовъ (сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ); а вмѣстѣ съ московскими людьми и духовенствомъ число участниковъ собора простиралось бы до 700 человѣкъ. Соборъ былъ дѣйствительно многолюденъ. Собирался онъ часто въ Успенскомъ соборѣ, быть можетъ, именно потому, что изъ другихъ московскихъ зданій ни одно не могло бы его вмѣстить. Теперь

является вопросъ, какіе классы общества были представлены на соборѣ и полонъ ли былъ соборъ по своему сословному составу. Изъ 277 упомянутыхъ подписей 57 принадлежитъ духовенству (частью „выборному" изъ городовъ), 136—высшимъ служилымъ чинамъ (боярамъ—17), 84—городскимъ выборнымъ. Выше уже сказано, что этимъ цифровымъ даннымъ далеко нельзя вѣрить. По нимъ провинціальныхъ выборныхъ на соборѣ было мало, а на дѣлѣ эти выборные, несомнѣнно, составляли большинство, и, хотя съ точностью нельзя опредѣлить ни ихъ количества, ни того, сколько было изъ нихъ тяглыхъ и сколько служилыхъ людей, тѣмъ не менѣе, можно сказать, что служилыхъ было, кажется, болѣе чѣмъ посадскихъ; но и посадскихъ былъ очень большой процентъ, что на соборахъ рѣдко бывало. И, кромѣ того, есть слѣды участія „уѣздныхъ" людей (12 подписей). Это были, во-первыхъ, крестьяне не владѣльческихъ, а черныхъ государевыхъ земель, представители свободныхъ сѣверныхъ крестьянскихъ общинъ, а, во-вторыхъ, мелкіе служилые люди изъ южныхъ уѣздовъ. Такимъ образомъ, представительство на соборѣ 1613 года было исключительно полнымъ.

О томъ, что происходило на этомъ соборѣ мы ничего точнаго не знаемъ, потому что въ актахъ и литературныхъ трудахъ того времени остались только отрывки преданій, намеки и легенды, такъ что историкъ здѣсь находится какъ бы среди безсвязныхъ обломковъ древняго зданія, возстановить обликъ котораго онъ не имѣетъ силъ. Офиціальные документы ничего не говорятъ о ходѣ засѣданій. Сохранилась, правда, избирательная грамота, но она намъ мало можетъ помочь, такъ какъ написана далеко не самостоятельно и притомъ не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о самомъ ходѣ избранія. Что же касается до неофиціальныхъ документовъ, то они представляютъ собою или легенды, или скудные, темные и риторическіе разсказы, изъ которыхъ ничего нельзя извлечь опредѣленнаго.

Однако, попробуемъ возстановить не картину засѣданій—это невозможно,—а общій ходъ преній, общую послѣдовательность избирательной мысли, какъ она пришла къ личности Михаила Ѳеодоровича. Избирательныя засѣданія собора начались въ январѣ. Отъ этого мѣсяца до насъ дошелъ первый по времени документъ собора,—именно грамота, данная кн. Трубецкому на область Вагу. Эта область,—цѣлое государство по пространству и богатству, въ XVI и XVII ст. обыкновенно давалось во владѣніе человѣку, близкому къ царю; при Ѳеодорѣ Ивановичѣ она принадлежала Годунову, при Вас. Ив. Шуйскомъ—Дмитрію Шуйскому, теперь же переходила къ знатному Трубецкому, по своему боярскому чину занявшему тогда одно изъ первыхъ мѣстъ въ Москвѣ. Затѣмъ стали рѣшать вопросъ объ избраніи, и первымъ постановленіемъ собора было *не выбирать царя изъ иностранцевъ*. Къ такому рѣшенію пришли

конечно, не сразу, да и вообще засѣданія собора были далеко не мирнаго свойства. Лѣтописецъ объ этомъ говоритъ, что „по многи дни бысть собраніи людямъ, дѣла же утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо"; другой лѣтописецъ также свидѣтельствуетъ, что „многое было волненіе всякимъ людямъ, кійждо бо хотяше по своей мысли дѣяти". Царь изъ иностранцевъ многимъ казался тогда возможнымъ. Незадолго передъ соборомъ Пожарскій ссылался со шведами объ избраніи Филиппа, сына Карла IX; точно также началъ онъ дѣло объ избраніи сына германскаго императора Рудольфа. Но это былъ только дипломатическій маневръ, употребленный имъ съ цѣлью пріобрѣсти нейтралитетъ однихъ и союзъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, мысль объ иноземномъ царѣ была въ Москвѣ, и была именно у боярства: такого царя хотѣли „начальницы", говоритъ псковскій лѣтописецъ. „Народы же ратные не восхотѣли ему быти", прибавляетъ онъ дальше. Но желаніе боярства, надѣявшагося лучше устроится при иноземцѣ, чѣмъ при русскомъ царѣ изъ ихъ же боярской среды, встрѣтилось съ противоположнымъ ему и сильнѣйшимъ желаніемъ народа избрать царя изъ своихъ. Да это и понятно: развѣ могъ народъ симпатизировать иностранцу, когда ему такъ часто приходилось видѣть, какими насиліями и грабежами сопровождалось на Руси появленіе иноземной власти? По мнѣнію народа, иноземцы повинны были въ смутѣ, губившей Московское государство.

Порѣшивъ одинъ трудный вопросъ, стали намѣчать кандидатовъ изъ Московскихъ родовъ. „Говорили на соборахъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ... быть государемъ". Но тутъ то и пришла главная смута. „Много избирающи искаху", не могли ни на комъ остановиться: одни предлагали того, другіе другого, и всѣ говорили разно, желая настоять на своей мысли. „И тако препроводиша не малые дни", по описанію лѣтописца.

Каждый участникъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе симпатизировалъ, въ силу ли его нравственныхъ качествъ, или высокаго положенія, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многіе бояре сами надѣялись сѣсть на московскій престолъ. И вотъ, наступила избирательная горячка со всѣми ея атрибутами—агитаціей и подкупами. Откровенный лѣтописецъ указываетъ намъ, что избиратели дѣйствовали не совсѣмъ безкорыстно. „Многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся многимъ и дающи и обѣщающи многіе дары". Кто выступалъ тогда кандидатами, кого предполагали въ цари, прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ; преданіе же въ числѣ кандидатовъ называетъ: В. И. Шуйскаго, Воротынскаго, Трубецкого. Ѳ. И. Шереметевъ хлопоталъ за родню свою М. Ѳ. Романова. Современники, мѣстничаясь съ Пожарскимъ,

обвиняли его въ томъ, что онъ желая царствовать, истратилъ 20 тысячъ рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположеніе о 20.000 просто невѣроятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частномъ лицѣ.

Споры о томъ, кого избрать, шли не только въ одной Москвѣ: сосохранилось мало впрочемъ, вѣроятное преданіе, что Ѳ. И. Шереметевъ былъ въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и В. В. Голицинымъ, что Филаретъ говорилъ въ письмахъ о необходимости ограничительныхъ условій для новаго царя, а что Ѳ. И. Шереметевъ писалъ Голицыну о выгодѣ для бояръ избрать Михаила Ѳеодоровича въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и намъ будетъ поваденъ“. Эта переписка была найдена Ундольскимъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей, но въ печать до сихъ поръ не попала и гдѣ находится неизвѣстно. Лично мы не вѣримъ въ ея существованіе. Есть преданіе, тоже мало достовѣрное, и о перепискѣ Шереметева съ инокиней Мароой (Ксеніей Ивановной Романовой), въ которой послѣдняя заявляла о своемъ нежеланіи видѣть сына на престолѣ. Если бы дѣйствительно существовали сношенія Романовыхъ съ Шереметевымъ, то въ такомъ случаѣ Шереметевъ зналъ бы о мѣстопребываніи своей корреспондентки, а онъ, какъ можно думать, этого не зналъ.

Наконецъ, 7-го февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать Михаила Ѳеодоровича Романова. По одной легендѣ (у Забѣлина), первый на соборѣ заговорилъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ какой то дворянинъ изъ Галича, принесшій на соборъ письменное заявленіе о правахъ Михаила на престолъ. То же самое сдѣлалъ какой то донской атаманъ. Далѣе, Палицынъ въ своемъ „Сказаніи“ смиреннымъ тономъ заявляетъ, что къ нему пришли люди многихъ городовъ и просили передать царскому синклиту „свою мысль объ избраніи Романова“; и по представительству этого святого отца будто бы „синклитъ“ избралъ Михаила. Во всѣхъ этихъ легендахъ и сообщеніяхъ особенно любопытна та черта, что почин въ дѣлѣ избранія Михаила принадлежитъ не высшимъ, а мелкимъ людямъ. Казачество, говорятъ, также стояло за Михаила.

Съ 7-го числа окончательный выборъ былъ отложенъ до 21-го, и посланы были въ города люди, кажется, участники собора, узнать въ городахъ мнѣніе народа о дѣлѣ. И города высказались за Михаила. Къ этому времени надо относить разсказы А. Палицина о томъ, что къ нему явился какой то „гость Смирный“ изъ Калуги съ извѣстіемъ, что всѣ Сѣверскіе города желаютъ именно Михаила. Стало быть, противъ Михаила, насколько можно думать, были голоса только на соборѣ, народная же масса была за него. Она была за него еще въ 1610 году, когда и Гермогенъ, при избраніи Владислава, и народъ высказывались

именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о томъ, что соборъ приведенъ къ избранію Михаила Θеодоровича давленіемъ народной массы. У Костомарова („Смутное время“) эта мысль мелькаетъ, но очень слабо и неопредѣленно. Ниже мы будемъ имѣть поводъ на ней остановиться.

Когда Мстиславскіе и другіе бояре, а также запоздавшіе выборные люди и посланные по областямъ собрались въ Москву, то 21-го февраля состоялось торжественное засѣданіе въ Успенскомъ соборѣ. Здѣсь выборъ Михаила былъ рѣшенъ уже единогласно вслѣдъ за чѣмъ послѣдовали молебны о здравіи новаго царя и присяга ему. Извѣстясь объ избраніи царя, города еще до полученія согласія Михаила присягали ему и подписывали крестоцѣловальныя записи. По общему представленію, государя самъ Богъ избралъ, и вся земля Русская радовалась и ликовала. Дѣло теперь оставалось только за согласіемъ Михаила, получить которое стоило немалаго труда. Въ Москвѣ не знали даже, гдѣ онъ находится: посольство къ нему отъ 2-го марта отправлено было въ „Ярославль или гдѣ онъ, государь, будетъ“. А Михаилъ Θеодоровичъ послѣ московской осады уѣхалъ въ свою Костромскую вотчину, Домнино, гдѣ чуть было не подвергся нападенію польской шайки, отъ которой спасенъ былъ, по преданію, крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ. Что Сусанинъ дѣйствительно существовалъ, доказательствомъ этому служитъ царская грамота Михаила, которою семьѣ Сусанина даются различныя льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: такъ, Костомаровъ, разобравъ легенду о Сусанинѣ, свелъ все къ тому, что личность Сусанина есть миθъ, созданный народнымъ воображеніемъ. Такого рода заявленіемъ онъ возбудилъ въ 60-хъ годахъ цѣлое движеніе въ защиту этой личности: явились противъ Костомарова статьи Соловьева, Домнинскаго, Погодина. Въ 1882 году вышло изслѣдованіе Самарянова „Памяти Ивана Сусанина“. Авторъ, прилагая карту мѣстности, подробно знакомитъ насъ съ путемъ, по которому Сусанинъ велъ поляковъ. Изъ его труда мы узнаемъ, что Сусанинъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Романовыхъ, и вообще эта книга представляетъ богатый матеріалъ о Сусанинѣ. Изъ Домнина Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатьевскій монастырь, построенный въ XIV ст. мурзой Четомъ, предкомъ Годунова. Этотъ монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедимитріи былъ подаренъ послѣднимъ Романовымъ, какъ предполагаютъ, за все, перенесенное ими отъ Бориса.

Посольство, состоявшее изъ Θеодорита, архіепископа Рязанскаго и Муромскаго, Авраамія Палицына, Шереметева и др. пріѣхало вечеромъ 13-го марта въ Кострому. Марθа назначила ему явиться на другой день. И вотъ 14 марта посольство, сопровождаемое крестнымъ ходомъ, при огромномъ стеченіи народа, отправилось просить Михаила на царство. Источникомъ

для ознакомленія съ дѣйствіями посольства служатъ намъ его донесенія въ Москву. Изъ нихъ мы узнаемъ, что какъ Михаилъ, такъ и инокиня мать сперва безусловно отвергли предложеніе пословъ. Послѣдняя говорила, что московскіе люди, „измалодушествовались", что на такомъ великомъ государствѣ и не ребенку править не подъ силу и т. д. Долго посламъ пришлось уговаривать и мать, и сына; они употребили все свое краснорѣчіе, грозили даже небесной карой; наконецъ, усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ,—Михаилъ далъ свое согласіе, а мать благословила его. Обо всемъ этомъ мы знаемъ, кромѣ посольскихъ донесеній въ Москву, еще изъ избирательной грамоты Михаила, которая, впрочемъ, въ силу ея малой самостоятельности, какъ мы уже говорили выше, не можетъ имѣть особенной цѣнности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; такъ сцена плача народнаго въ Ипатьевскомъ монастырѣ списана съ подобной же сцены, происходившей въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, описанной въ Борисовой грамотѣ (Оттуда взялъ ее Пушкинъ, для своего „Бориса Годунова").

Какъ только согласіе Михаила Ѳеодоровича было получено, послы стали торопить его ѣхать въ Москву; царь отправился, но путешествіе это было чрезвычайно медленно, такъ какъ разоренныя дороги далеко не могли служить удобнымъ путемъ.

Значеніе новой династіи. Такова внѣшняя сторона воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова. Но есть и внутренній смыслъ въ событіяхъ этого важнаго историческаго момента, сокрытый отъ насъ ходячимъ преданіемъ и возстановляемый детальнымъ изученіемъ эпохи.

Посмотримъ, на эту такъ сказать, интимную сторону московскихъ отношеній, приведшихъ къ образованію новой и притомъ прочной династіи.

Въ настоящее время можно считать совершенно выясненнымъ, что руководители земскаго ополченія 1611—1612 года ставили своею задачею не только „идти на очищеніе" Москвы отъ поляковъ, но и сломить казаковъ, захватившихъ въ свои руки центральныя учрежденія въ подмосковныхъ „таборахъ", а вмѣстѣ съ ними и правительственную власть. Какъ ни слаба была на дѣлѣ эта власть, она становилась поперекъ дороги всякой иной попыткѣ создать центръ народнаго единенія; она покрывала своимъ авторитетомъ „всея земли" казачьи безчинства, терзавшія земщину, она грозила, наконецъ, опасностью соціальнаго переворота и водворенія въ странѣ „воровскаго" порядка или, вѣрнѣе, безпорядка. Обстоятельства поставили для князя Пожарскаго войну съ казаками въ первую очередь: казаки сами открыли военныя дѣйствія противъ нижегородцевъ. Междоусобная война русскихъ людей шла безъ помѣхи со стороны поляковъ и литвы почти весь 1612 годъ. Сначала Пожарскій выбилъ казаковъ изъ Поморья и По-

волжья и отбросилъ ихъ къ Москвѣ. Тамъ, подъ Москвою, они были не только не вредны, но даже полезны для цѣлей Пожарскаго тѣмъ, что парализовали польскій гарнизонъ столицы. Предоставляя обоимъ своимъ врагамъ истощать себя взаимною борьбою, Пожарскій не спѣшилъ изъ Ярославля къ Москвѣ. Ярославскія власти думали даже и государя избрать въ Ярославлѣ и собирали въ этомъ городѣ совѣтъ всея земли не только для временнаго управленія государствомъ, но и для государева „обиранья". Однако приближеніе къ Москвѣ вспомогательнаго польско-литовскаго отряда вынудило Пожарскаго выступить къ Москвѣ,—и тамъ, послѣ побѣды надъ этимъ отрядомъ, разыгрался послѣдній актъ междоусобной борьбы земцевъ и казаковъ. Приближеніе земскаго ополченія къ Москвѣ заставило меньшую половину казачества отложиться отъ прочей массы и вмѣстѣ съ Заруцкимъ, ея атаманомъ и „бояриномъ", уйти на югъ. Другая, большая половина казаковъ, чувствуя себя слабѣе земцевъ, долго не рѣшалась ни бороться съ ними, ни подчиниться имъ. Надобенъ былъ цѣлый мѣсяцъ смутъ и колебаній, чтобы предводитель этой части казачества, тушинскій бояринъ кн. Д. Т. Трубецкой, могъ вступить въ соглашеніе съ Пожарскимъ и Мининымъ и соединилъ свои „приказы" съ земскими въ одно „правительство". Какъ старшій по своему отчеству и чину, Трубецкой занялъ въ этомъ правительствѣ первое мѣсто; но фактическое преобладаніе принадлежало другой сторонѣ, и казачество въ сущности капитулировало предъ земскимъ ополченіемъ, поступивъ какъ бы на службу и въ подчиненіе земскимъ властямъ. Разумѣется, это подчиненіе не могло сразу стать прочнымъ, и лѣтописецъ не разъ отмѣчалъ казачье своеволіе, доводившее рать почти „до крови", однако дѣло стало ясно въ томъ отношеніи, что казачество отказалось отъ прежней борьбы съ основами земскаго порядка и отъ первенства во власти. Казачество распалось и отчаялось въ своемъ торжествѣ надъ земщиной.

Такое пораженіе казачества было очень важнымъ событіемъ во внутренней исторіи московскаго общества, не менѣе важнымъ, чѣмъ „очищеніе" Москвы. Если съ плѣномъ польскаго гарнизона падала всякая тѣнь власти Владислава на Руси, то съ пораженіемъ казачества исчезла всякая возможность дальнѣйшихъ самозванческихъ авантюръ. Желавшее себѣ царя „отъ иновѣрныхъ" московское боярство навсегда сошло съ политической арены, разбитое бурями смутной поры. Одновременно съ нимъ проиграла свою игру и казачья вольница съ ея тушинскими вожаками, измышлявшими самозванцевъ. Къ дѣламъ становились „послѣдніе" московскіе люди, пришедшіе съ Кузьмою Мининымъ и Пожарскимъ городскіе мужики и рядовые служилые люди. У нихъ была опредѣленная мысль „иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть", а хотѣть и

обирать кого-нибудь изъ своихъ „великихъ родовъ“. Такъ само собою намѣчалось главное условіе предстоявшаго въ Москвѣ царскаго избранія; оно вытекало изъ реальной обстановки данной минуты, какъ слѣдствіе дѣйствительнаго взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Сложившаяся въ ополченіи 1611—1612 гг. правительственная власть была создана усиліями среднихъ слоевъ московскаго населенія и была ихъ вѣрною выразительницею. Она овладѣла государствомъ, очистила столицу, сломила казачьи таборы и подчинила себѣ большинство организованной казачьей массы. Ей оставалось оформить свое торжество, и царскимъ избраніемъ возвратить странѣ правильный правительственный порядокъ. Недѣли черезъ три послѣ взятія Москвы, то есть въ срединѣ ноября 1612 года, временное правительство уже посылаетъ въ города приглашенія прислать въ Москву выборныхъ и съ ними о государскомъ избраніи „совѣтъ и договоръ крѣпкой“. Этимъ какъ бы открывался избирательный періодъ, завершенный въ февралѣ избраніемъ царя Михаила. Толки о возможныхъ кандидатахъ на престолъ должны были начаться немедля. Хотя мы вообще и очень мало знаемъ о такихъ толкахъ, однако, можемъ— изъ того, что знаемъ,—извлечь нѣсколько цѣннѣйшихъ наблюденій надъ взаимоотношеніями существовавшихъ тогда общественныхъ группъ.

Недавно стало извѣстно (въ изданіи А. Гиршберга) одно важное показаніе о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ въ самомъ концѣ ноября 1612 года. Въ эти дни польскій король послалъ свой авангардъ подъ самую Москву, а въ авангардѣ находились и русскіе „послы“ отъ Сигизмунда и Владислава къ московскимъ людямъ, именно князь Данило Мезецкій и дьякъ Иванъ Грамотинъ. Они должны были „зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство“. Однако всѣ ихъ посылки въ Москву не привели къ добру, и Москва начала съ польскимъ авангардомъ „задоръ и бой“. Въ бою поляки взяли въ плѣнъ бывшаго въ Москвѣ смоленскаго сына боярскаго Ивана Философова и сняли съ него допросъ. То, что показалъ имъ Философовъ, было давно извѣстно изъ московской лѣтописной записи. Его спрашивали: „хотятъ-ли взять королевича на царство? и Москва нынѣ людна-ли и запасы въ ней есть ли?“ По выраженію лѣтописца, Философову „даде Богъ слово, что глаголати“, онъ сказалъ будто бы полякамъ: „Москва людна и хлѣбна, и на то всѣ обѣщахомся, что всѣмъ помереть за православную вѣру, а королевича на царство не имати“. Изъ словъ Философова, думаетъ лѣтописецъ, король вывелъ заключеніе, что въ Москвѣ много силъ и единодушія,—и потому ушелъ изъ Московскаго государства. Не такъ давно напечатанный документъ освѣщаетъ инымъ свѣтомъ показаніе Философова. Въ изданныхъ А. Гиршбергомъ матеріалахъ по исторіи московско-польскихъ отношеній мы читаемъ подлинный отчетъ королю и королевичу князя Д. Мезецкаго и Ив. Грамотина о допросѣ Философова. Они, между прочимъ,

пишутъ: „А въ роспросѣ, господари, намъ и полковникомъ сынъ боярской (именно Иванъ Философовъ) сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ, великимъ господарямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобъ просити на господарство васъ, великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на государство чужеземца; а казаки де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Колужскаго. И во всемъ де и казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ что хотятъ; а дворяне де и дѣти боярскіе разъѣхалися по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпяты тысячи человѣкъ (то-есть,—4500), да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики чернь. А бояръ де, господари, и князя Өеодора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ городы ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу, или нѣтъ? А дѣлаетъ всякія дѣла князь Дмитрей Трубецкой да князь Дмитрей Пожарской да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ". Очевидно, что изъ этихъ словъ отчета о показаніи Философова польскій король извлекъ не совсѣмъ тѣ выводы, какіе предположилъ московскій лѣтописецъ. Что въ Москвѣ большой гарнизонъ, король могъ не сомнѣваться: семь съ половиной тысячъ ратныхъ людей, кромѣ черни, годной по тѣмъ временамъ для обороны стѣнъ, составляли внушительную силу. Среди гарнизона не было единодушія, но Сигизмундъ видѣлъ, что въ Москвѣ преобладаютъ, и притомъ рѣшительно преобладаютъ, враждебные ему элементы. Не питая надеждъ на успѣхъ, онъ и рѣшился повернуть назадъ.

Такова обстановка, въ какой извѣстно намъ показаніе Философова. Обѣ воевавшія стороны придавали ему большое значеніе. Москва знала его не въ дѣловой, а, такъ сказать, въ эпической редакціи; отступленіе Сигизмунда, бывшее или казавшееся послѣдствіемъ рѣчей Философова, придало имъ ореолъ патріотическаго подвига, и самыя рѣчи редактировались лѣтописцемъ, подъ впечатлѣніемъ этого подвига, слишкомъ благородно и красиво. Король же узналъ показаніе Философова въ дѣловой передачѣ такого умнаго дѣльца, каковъ былъ дьякъ Ив. Грамотинъ. Сжато и мѣтко очерчивается въ отчетѣ кн. Мезецкаго и Грамотина положеніе Москвы и мы въ интересахъ научной правды можемъ смѣло положиться на этотъ отчетъ.

Становится ясно, что черезъ мѣсяцъ по очищеніи Москвы главныя силы земскаго ополченія были уже демобилизованы. По обычному московскому порядку, съ окончаніемъ похода служилые отряды получали разрѣшеніе возвращаться въ свои уѣзды „по домомъ". Взятіе Москвы было

тогда понято, какъ конецъ похода. Содержать многочисленное войско въ разоренной Москвѣ было трудно; еще труднѣе было служилымъ людямъ кормиться тамъ самимъ. Не было и основанія для того, чтобы держать въ столицѣ большія массы полевого войска—дворянской конницы и даточныхъ людей. Оставивъ въ Москвѣ необходимый гарнизонъ, остальныхъ сочли возможнымъ отпустить домой. Это-то и разумѣетъ лѣтописецъ, когда говоритъ о концѣ ноября: „людіе жъ съ Москвы всѣ розъѣхалися". Въ составѣ гарнизона, опять-таки по обычному порядку, были московскіе дворяне, нѣкоторыя группы провинціальныхъ, „городовыхъ", дворянъ (самъ Иванъ Философовъ, напримѣръ, былъ не москвичъ, а „смолянинъ", то-есть изъ смоленскихъ дворянъ), далѣе стрѣльцы (число которыхъ уменьшилось въ смуту) и, наконецъ, казаки. Философовъ точно опредѣляетъ число дворянъ въ 2.000, число стрѣльцовъ въ 1.000 и число казаковъ въ 4.500 человѣкъ. Получилось такое положеніе, которое врядъ ли могло нравиться московскимъ властямъ. Съ роспускомъ городскихъ дружинъ служилыхъ и тяглыхъ людей казаки получили численный перевѣсъ въ Москвѣ. Ихъ некуда было распустить по ихъ бездомовности и ихъ нельзя было разослать на службу въ города по ихъ ненадежности. Начиная съ приговора 30 іюня 1611 года, земская власть, какъ только получала преобладаніе надъ казачествомъ, стремилась выводить казаковъ изъ городовъ и собирать ихъ у себя подъ рукою въ цѣляхъ надзора, и Пожарскій въ свое время, въ первой половинѣ 1612 года, стягивалъ служилыхъ подчинившихся ему казаковъ въ Ярославль и затѣмъ велъ ихъ съ собою подъ Москву. Поэтому-то въ Москвѣ и оказалось такъ много казаковъ. Насколько мы располагаемъ цифровыми данными для того времени, можно сказать, что указанное Философовымъ число казаковъ „полпяты тысячи" очень велико, но вполнѣ вѣроятно. По нѣкоторымъ соображеніямъ приходится думать, что въ 1612 году подъ Москвою съ кн. Трубецкимъ и Заруцкимъ сидѣло около 5.000 казаковъ; изъ нихъ Заруцкій увелъ около 2.000, а остальные поддалися земскому ополченію Пожарскаго. Не знаемъ точно, сколько пришло въ Москву казаковъ съ Пожарскимъ изъ Ярославля; но знаемъ, что немногимъ позднѣе того времени, о которомъ идетъ теперь рѣчь, а именно въ мартѣ и апрѣлѣ 1613 года, казачья масса въ Москвѣ была столь значительна, что упоминаются отряды казаковъ въ 2.323 и 1.140 человѣкъ и ими не исчерпывается еще вся наличность казаковъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, надобно вѣрить цифрѣ Философова и признать, что въ исходѣ 1612 года казачьи войска въ Москвѣ числомъ болѣе, чѣмъ вдвое, превосходили дворянъ и раза въ полтора превосходили дворянъ и стрѣльцовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Эту массу надобно было обезпечить кормами и держать въ повиновеніи и въ порядкѣ. Повидимому, московская власть этого не достигала, и побѣжденное земцами казачество снова поднимало голову,

пытаясь овладѣть положеніемъ дѣлъ въ столицѣ. Такое настроеніе казаковъ и отмѣтилъ Философовъ словами: „и во всемъ казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ".

Съ одной стороны, казаки настойчиво и беззастѣнчиво требовали „кормовъ" и всякаго жалованья, а съ другой—они „примѣривали" на царство своихъ кандидатовъ. О кормахъ и жалованьѣ лѣтописецъ говоритъ кратко, но сильно: онъ сообщаетъ, что казаки послѣ взятія Кремля „начаша прошати жалованья безпрестанно", они „всю казну московскую взяша, и едва у нихъ немного государевы казны отняша"; изъ-за казны они однажды пришли въ Кремль и хотѣли „побить" начальниковъ (то есть Пожарскаго и Трубецкаго), но дворяне не допустили до этого и межъ ними „едва безъ крови проиде". По словамъ Философова, московскія власти „что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакомъ въ жалованье; а что (при сдачѣ Москвы) взяли въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей, и то все поимали казаки жъ". Наконецъ, архіепископъ Арсеній Елассонскій согласно съ Философовымъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о розыскахъ царской казны послѣ московскаго очищенія и о раздачѣ ея „воинамъ и казакамъ", послѣ чего „весь народъ успокоился". Очевидно, вопросъ объ обезпеченіи казаковъ составлялъ тогда тяжелую заботу московскаго правительства и постоянно грозилъ властямъ насиліями съ ихъ стороны. Сознавая свое численное превосходство въ Москвѣ, казаки шли далѣе „жалованья" и „кормовъ": они, очевидно, возвращались къ мысли о политическомъ преобладаніи, утерянномъ ими вслѣдствіе успѣховъ Пожарскаго. Послѣ московскаго очищенія во главѣ временнаго правительства почитался казачій начальникъ бояринъ князь Трубецкой, главную силу московскаго гарнизона составляли казаки: очевидна мысль, что казакамъ можетъ и должно принадлежать и рѣшеніе вопроса о томъ, кому вручить московскій престолъ. Стоя на этой мысли, казаки заранѣе „примѣривали" на престолъ наиболѣе достойныхъ, по ихъ мнѣнію, лицъ. Такими оказывались сынъ бывшаго тушинскаго и калужскаго царя „вора", увезенный Заруцкимъ, и сынъ бывшаго тушинскаго патріарха, Филарета Романова.

Московскимъ властямъ приходилось до времени терпѣть всѣ казачьи выходки и притязанія, потому что привести казаковъ въ полное смиреніе можно было или силою, собравъ въ Москву новое земское ополченіе, или авторитетомъ всея земли, созвавъ земскій соборъ. Торопясь съ созывомъ собора, правительство, конечно, понимало, что произвести мобилизацію земскихъ ополченій послѣ только что оконченнаго похода подъ Москву было бы чрезвычайно трудно. Другихъ средствъ воздѣйствія на казачество въ распоряженіи правительства не было. Терпѣть приходилось еще и потому, что въ казачествѣ правительство видѣло дѣйствительную опору противъ вожделѣній королевскихъ приверженцевъ.

Философовъ не даромъ говорилъ, что „бояре и лучшіе люди“ въ Москвѣ таили свое желаніе пригласить Владислава—„боясь казаковъ“. Противъ поляковъ и ихъ московскихъ друзей казаки могли оказать существенную помощь, и Сигизмундъ повернулъ назадъ отъ Москвы въ концѣ 1612 года скорѣе всего именно въ виду „полупяты тысячи“ казаковъ и ихъ противо-польскаго настроенія. Счеты съ агентами и сторонниками Сигизмунда тогда въ Москвѣ еще не были закончены, и отношенія къ царю Владиславу Жигимонтовичу еще не были ликвидированы. Философовъ сообщалъ, что въ Москвѣ арестовано „за приставы русскихъ людей, которые сидѣли въ осадѣ: Иванъ Безобразовъ, Иванъ Чичеринъ, Ѳедоръ Ондроновъ, Степанъ Соловецкій, Баженъ Замочниковъ; и Ѳедора де и Бажена пытали на пытцѣ въ казнѣ“. Согласно съ этимъ и архіепископъ Арсеній Елассонскій говоритъ, что по очищеніи Москвы „враговъ государства и возлюбленныхъ друзей великаго короля, Ѳ. Андронова и Ив. Безобразова, подвергли многимъ пыткамъ, чтобы разузнать о царской казнѣ, о сосудахъ и о сокровищахъ... Во время наказанія ихъ (то-есть, друзей короля) и пытки умерли изъ нихъ трое: великій дьякъ царскаго судилища Тимоѳей Савиновъ, Степанъ Соловецкій и Баженъ Замочниковъ, присланные великимъ королемъ довѣреннѣйшіе казначеи его къ царской казнѣ“. По обычаю той эпохи, „худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ“, служившихъ королю, держали за приставами и пытали до смерти, а великихъ бояръ, виновныхъ въ той же службѣ королю, только „въ думу не припускали“ и, самое большое, держали подъ домашнимъ арестомъ, пока земскій совѣтъ въ городахъ не рѣшитъ вопроса: „пускать ихъ въ думу, или нѣтъ“? До насъ не дошли грамоты, которыя были, по словамъ Философова посланы въ города о томъ, можно ли бояръ князя Мстиславскаго „съ товарищи“ пускать въ думу. Но есть полное основаніе считать, что на этотъ вопросъ въ Москвѣ въ концѣ концовъ отвѣтили отрицательно, такъ какъ выслали Мстиславскаго „съ товарищи“ изъ Москвы куда-то „въ городы“ и произвели государево избраніе безъ нихъ. Всѣ эти мѣры противъ московскаго боярства и московской админстраціи, служившихъ королю, временное московское правительство кн. Д. Т. Трубецкого, кн. Д. М. Пожарскаго и „Куземки“ Минина могло принимать главнымъ образомъ съ сочувствіемъ казачества, ибо въ боярахъ и лучшихъ „людяхъ“ еще жива была тенденція въ сторону Владислава.

Таковы были обстоятельства московской политической жизни въ концѣ 1612 года. Изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь данныхъ ясенъ тотъ выводъ, что побѣда, одержанная земскимъ ополченіемъ надъ королемъ и казаками, требовала дальнѣйшаго упроченія. Враги были побѣждены, но не уничтожены. Они пытались, какъ могли, вернуть себѣ утраченное положеніе, и если имя Владислава произносилось въ Москвѣ не громко,

то громко раздавались имена „Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго". Земщинѣ предстояла еще забота—на земскомъ соборѣ настоять, чтобы не прошли на престолъ ни иноземцы, ни самозванцы, о которыхъ, какъ видимъ, еще смѣли мечтать побѣжденные элементы. Успѣху земскихъ стремленій въ особенности могло мѣшать то обстоятельство, что земскому собору предстояло дѣйствовать въ столицѣ, занятой въ большинствѣ казачьимъ гарнизономъ. Преобладаніе казачьей массы въ городѣ могло оказать нѣкоторое давленіе и на представительное собраніе, направивъ его такъ или иначе въ сторону казачьихъ вожделѣній.

Насколько мы можемъ судить, нѣчто подобное и случилось на избирательномъ соборѣ 1613 года. Иностранцы послѣ избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича получили такое впечатлѣніе, что это избраніе было дѣломъ именно казаковъ. Въ офиціальныхъ, стало быть отвѣтственныхъ, бесѣдахъ литовско-польскихъ дипломатовъ съ московскими въ первые мѣсяцы послѣ выбора Михаила русскимъ людямъ приходилось выслушивать „непригожія рѣчи": Левъ Сапѣга грубо высказалъ самому Филарету въ присутствіи московскаго посла Желябужскаго, что „посадили сына его на Московское государство государемъ одни казаки донцы"; Александръ Гонсѣвскій говорилъ князю Воротынскому, что Михаила „выбирали одни казаки". Съ своей стороны шведы высказывали мнѣніе, что въ пору царскаго избранія въ Москвѣ были „казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіи". Эти впечатлѣнія постороннихъ лицъ встрѣчаютъ нѣкоторое подтвержденіе и въ московскихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Разумѣется, нечего искать такихъ подтвержденій въ офиціальныхъ московскихъ текстахъ: они представляли дѣло такъ, что царя Михаила самъ Богъ далъ и всею землею обрали. Эту же идеальную точку зрѣнія усвоили себѣ и всѣ русскія литературныя сказанія XVII вѣка. Царское избраніе, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось особымъ благодѣяніемъ Господнимъ, и приписывать казакамъ избраніе того, кого „самъ Богъ объявилъ",было въ глазахъ земскихъ людей неприличною безсмыслицею. Но все-таки въ московскомъ обществѣ осталась нѣкоторая память о томъ, что въ счастливомъ избраніи законнаго государя приняли участіе и проявили почииъ даже и склонные ко всякому беззаконію казаки. Авраамій Палицынъ разсказываетъ, что къ нему на монастырское подворье въ Москвѣ во время земскаго собора приходили вмѣстѣ съ дворянами и казаки съ мыслью именно о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ и просили его довести ихъ мысль до собора. Изданный И. Е. Забѣлинымъ поздній и, въ общемъ недостовѣрный разсказъ о царскомъ избраніи 1613 года заключаетъ въ себѣ одну любопытнѣйшую подробность о томъ, что права Михаила на избраніе объяснилъ собору, между прочимъ „славнаго Дону атаманъ". Эти упоминанія о заслугахъ казаковъ въ дѣлѣ объявленія и укрѣпленія кандидатуры

М. Ѳ. Романова имѣютъ очень большую цѣну: они свидѣтельствуютъ, что роль казачества въ царскомъ избраніи не была скрыта и отъ московскихъ людей, хотя имъ она представлялась, конечно, иначе, чѣмъ иноземцамъ.

Руководясь приведенными намеками источниковъ, мы можемъ себѣ ясно представить, какой смыслъ имѣла кандидатура М. Ѳ. Романова и каковы были условія ея успѣха на земскомъ соборѣ 1613 года.

Собравшись въ Москву въ исходѣ 1612 или въ самомъ началѣ 1613 года, земскіе выборные хорошо представили собою „всю землю". Окрѣпшая въ эпоху смуты практика выборнаго представительства позволила избирательному собору на самомъ дѣлѣ представить собою не одну Москву, а Московское государство въ нашемъ смыслѣ этого термина. Въ Москвѣ оказались представители не менѣе 50-ти городовъ и уѣздовъ; представлены были и служилый и тяглый классъ населенія; были и представители казаковъ. Въ своей массѣ соборъ оказался органомъ тѣхъ слоевъ московскаго населенія, которые участвовали въ очищеніи Москвы и возстановленіи земскаго порядка; онъ не могъ служить ни сторонникамъ Сигизмунда, ни казачьей политикѣ. Но онъ могъ и неизбѣжно долженъ былъ стать предметомъ воздѣйствій со стороны тѣхъ, кто еще надѣялся на возстановленіе королевской власти или же казачьяго режима. И вотъ, отнимая надежду какъ на то, такъ и на другое, соборъ прежде всякаго иного рѣшенія торжественно укрѣпился въ мысли: „а Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть". Въ этомъ рѣшеніи заключалось окончательное пораженіе тѣхъ, кто думалъ еще бороться съ результатами московскаго очищенія и съ торжествомъ среднихъ консервативно-настроенныхъ слоевъ московскаго населенія. Исчезало навсегда „хотѣніе" бояръ и „лучшихъ людей", которые „служили" королю, по выраженію Филисофова, и желали бы снова „просити на государство" Владислава. Невозможно было долѣе „примѣривать" на царство и „Воровскаго Калужскаго", а стало быть мечтать о соединеніи съ Заруцкимъ, который держалъ у себя „Маринку" и ея „Воровскаго Калужскаго" сына.

Побѣда надъ боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партія короля въ Москвѣ, какъ мы видѣли, была разгромлена временнымъ правительствомъ тотчасъ по взятіи столицы, и даже знатнѣйшіе бояре, „которые на Москвѣ сидѣли", вынуждены были уѣхать изъ Москвы и не были на соборѣ вплоть до той поры, когда новый царь былъ уже избранъ: ихъ вернули въ Москву только между 7 и 21 февраля. Если до собора сторонники приглашенія Владислава „имянно о томъ говорити не смѣли, боясь казаковъ", то на соборѣ имъ надобно было беречься еще болѣе, боясь не однихъ казаковъ, но и

„всей земли“, которая одинаково съ казаками не жаловала короля и королевича. Другое дѣло было земщинѣ одолѣть казаковъ: они были сильны своимъ многолюдствомъ и дерзки сознаніемъ своей силы. Чѣмъ рѣшительнѣе земщина становилась противъ Маринки и противъ ея сына, тѣмъ внимательнѣе должна была она отнестись къ другому кандидату, выдвинутому казаками,—„къ Филаретову сыну“. Онъ былъ не чета „воренку“. Нѣтъ сомнѣнія, что казаки выдвигали его по тушинскимъ воспоминаніямъ, потому что имя его отца Филарета было связано съ тушинскимъ таборомъ. Но имя Романовыхъ было связано и съ инымъ рядомъ московскихъ воспоминаній. Романовы были популярнымъ боярскимъ родомъ, извѣстность котораго шла съ первыхъ временъ царствованія Грознаго. Незадолго до избирательнаго собора 1613 года, именно въ 1610 году, совсѣмъ независимо отъ казаковъ, М. Ѳ. Романова въ Москвѣ считали возможнымъ кандидатомъ на царство, однимъ изъ соперниковъ Владислава. Когда соборъ настоялъ на уничтоженіи кандидатуры иноземцевъ и Маринкина сына и „говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ“,—то изъ всѣхъ великихъ родовъ естественно возобладалъ родъ, указанный мнѣніемъ казачества. На Романовыхъ могли сойтись и казаки и земщина—и сошлись: предлагаемый казачествомъ кандидатъ легко былъ принятъ земщиною. Кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы и давала имъ возможность дальнѣйшей солидарной работы. Радость обѣихъ сторонъ по случаю достигнутаго соглашенія, вѣроятно, была искренна и велика, и Михаилъ былъ избранъ дѣйствительно „единомышленнымъ и неразвратнымъ совѣтомъ“ его будущихъ подданныхъ.

Заключеніе. Результаты смуты. Освобожденіемъ Москвы и избраніемъ царя историки обыкновенно кончаютъ повѣсть о смутѣ,—они правы. Хотя первые годы царствованія Михаила—тоже смутные годы, но дѣло въ томъ, что причины, питавшія, такъ сказать, смуту и заключавшіяся въ нравственной шаткости и недоумѣніи здоровыхъ слоевъ московскаго общества и въ ихъ политическомъ ослабленіи, эти причины были уже устранены. Когда этимъ слоямъ удалось сплотиться, овладѣть Москвой и избрать себѣ царя, всѣ прочіе элементы, дѣйствовавшіе въ смутѣ, потеряли силу и мало-по-малу успокаивались. Выражаясь образно, моментъ избранія Михаила—моментъ прекращенія вѣтра въ бурѣ; море еще волнуется, еще опасно, но оно движется только по инерціи и должно успокоиться.

Такъ колебалось русское государство, встревоженное смутой; много хлопотъ выпало на долю Михаила, и все его царствованіе можно назвать

эпилогомъ драмы, но самая драма уже кончалась, развязка уже послѣдовала, результаты смуты уже выяснились.

Обратимся теперь къ этимъ результатамъ. Посмотримъ, какъ понимаютъ важнѣйшіе представители нашей науки фактъ смуты въ его послѣдствіяхъ. Первое мѣсто дадимъ здѣсь, какъ и всегда, С. М. Соловьеву. Онъ (и въ „Исторіи", и во многихъ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ) видитъ въ смутѣ испытаніе, изъ котораго государственное начало, боровшееся въ XVI в. съ родовымъ началомъ, выходитъ побѣдителемъ. Это чрезвычайно глубокое, хотя можетъ быть и не совсѣмъ вѣрное, историческое воззрѣніе. К. С. Аксаковъ, человѣкъ съ большимъ непосредственнымъ пониманіемъ русской жизни, видитъ въ смутѣ торжество „земли" и послѣдствіемъ смуты считаетъ укрѣпленіе союза „земли" и „государства" (подъ государствомъ онъ понимаетъ то, что мы зовемъ правительствомъ). Во время смуты „земля" встала какъ единое цѣлое, и возстановила государственную власть, спасла государство и скрѣпила свой союзъ съ нимъ. Въ этомъ воззрѣніи, какъ и у С. М. Соловьева, нѣтъ толкованій относительно реальныхъ послѣдствій смуты. Это—общая историческая оцѣнка смуты со стороны результатовъ. Но даже такой общей оцѣнки нѣтъ у И. Е. Забѣлина; онъ результатами смуты какъ-то вовсе не интересуется, и о немъ здѣсь мало приходится говорить. Много зато можно сказать о мнѣніи Костомарова, который считаетъ смутное время безрезультатной эпохой. Чтобы яснѣе представить себѣ воззрѣніе этого историка, приведемъ выдержку изъ заключительной главы его „Смутнаго времени Московскаго государства": „неурядицы продолжались и послѣ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, какъ послѣдствіе смутнаго времени, но эти неурядицы уже не имѣли тѣхъ опредѣленныхъ стремленій—ниспровергнуть порядокъ государства и поднять съ этою цѣлью знамя какихъ-нибудь воровскихъ царей; а таковъ именно былъ въ началѣ XVII вѣка характеръ самой эпохи смутнаго времени, не представляющей ничего себѣ подобнаго въ такихъ эпохахъ, какія случались и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Чаще всего за потрясеніями этого рода слѣдовали важныя измѣненія въ политическомъ строѣ той страны, которая ихъ испытывала; наша смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія, ничего такого, что, истекая изъ ея явленій, двинуло бы теченіе русской жизни на новый путь, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Страшная встряска перебуровила все вверхъ дномъ, нанесла народу несчетныя бѣдствія; не такъ скоро можно было поправиться послѣ того Руси,—и до сихъ поръ послѣ четверти тысячелѣтія, не читающій своихъ лѣтописей народъ говоритъ, что давно-де было „литейное разореніе"; Литва находила на Русь и такая бѣда была наслана, что малость лю-

дей въ живыхъ осталось и то оттого, что Господь на Литву слѣпоту наводилъ. Но въ строѣ жизни нашей нѣтъ слѣдовъ этой страшной кары Божіей: если въ Руси XVII в., во время, послѣдующее за смутной эпохой, мы замѣчаемъ различіе отъ Руси XVI вѣка, то эти различія произошли не изъ событій этой эпохи, а явились вслѣдствіе причинъ, существовавшихъ до нея или возникшихъ послѣ нея. Русская исторія вообще идетъ чрезвычайно послѣдовательно, но ея разумный ходъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, съ тѣми же пріемами, какъ прежде. Въ тяжелый періодъ смуты были явленія новыя и чуждыя порядку вещей, господствовавшему въ предшествовавшемъ періодѣ, однако они не повторялись впослѣдствіи, и то, что казалось, въ это время сѣялось, не возрастало послѣ".

Можно ли согласиться съ такимъ воззрѣніемъ Костомарова? Думаемъ, что нѣтъ. Смута наша богата реальными послѣдствіями, отозвавшимися на нашемъ общественномъ строѣ, на экономической жизни ея потомковъ. Если Московское государство кажется намъ такимъ же въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, какимъ было до смуты, то это потому, что въ смутѣ побѣдителемъ остался тотъ же государственный порядокъ, какой формировался въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ, а не тотъ, какой принесли бы намъ его враги—католическая и аристократическая Польша и казачество, жившее интересами хищничества и разрушенія, отлившееся въ форму безобразнаго „круга". Смута произошла, какъ мы старались показать, не случайно, а была обнаруженіемъ и развитіемъ давней болѣзни, которою прежде страдала Русь. Эта болѣзнь окончилась выздоровленіемъ государственнаго организма. Мы видимъ послѣ кризиса смуты тотъ же организмъ, тотъ же государственный порядокъ. Поэтому мы и склонны думать, что все осталось попрежнему безъ измѣненій, что смута была только непріятнымъ случаемъ безъ особенныхъ послѣдствій. Пошаталось государство и стало опять крѣпко, что же тутъ можетъ выйти новаго? А между тѣмъ вышло много новаго. Болѣзнь оставила на уцѣлѣвшемъ организмѣ рѣзкіе слѣды, которые оказывали глубокое вліяніе на дальнѣйшую жизнь этого организма. Общество переболѣло, оправилось, снова стало жить и не замѣнилось другимъ, но само стало инымъ, измѣнилось.

Въ смутѣ шла борьба не только политическая и національная, но и общественная. Не только воевали между собою претенденты на престолъ московскій и сражались русскіе съ поляками и шведами, но и одни слои населенія враждовали съ другими: казачество боролось съ осѣдлой частью общества, старалось возобладать надъ ней, построить землю по своему и не могло. Борьба привела къ торжеству осѣдлыхъ слоевъ, признакомъ котораго было избраніе царя Михаила. Эти слои и

выдвинулись впередъ, поддерживая спасенный ими государственный порядокъ. Но главнымъ дѣятелемъ въ этомъ военномъ торжествѣ было городское дворянство, которое и выиграло больше всѣхъ. Смута много принесла ему пользы и укрѣпила его положеніе. Служилый человѣкъ и прежде стоялъ на верху общества, владѣлъ (вмѣстѣ съ духовенствомъ) главнымъ капиталомъ страны—землею и завладѣвалъ земледѣльческимъ трудомъ крестьянина. Смута помогла его успѣхамъ. Служилые люди не только сохранили то, что имѣли, но, благодаря обстоятельствамъ смуты, пріобрѣли гораздо больше. Смута ускорила подчиненіе имъ крестьянства, содѣйствовала болѣе прочному пріобрѣтенію ими помѣстій, давала имъ возможность съ разрушеніемъ боярства (которое въ смуту потеряло много своихъ представителей) подниматься по службѣ и получать больше и больше участія въ государственномъ управленіи. Смута, словомъ ускорила процессъ возвышенія московскаго дворянства, который безъ нея совершился бы несравненно медленнѣе.

Что касается до боярства, то оно, наоборотъ, много потерпѣло отъ смуты. Его нравственный кредитъ долженъ былъ понизиться. Исчезновеніе во время смуты многихъ высокихъ родовъ и экономическій упадокъ другихъ содѣйствовали пополненію рядовъ боярства сравнительно незначительными людьми, а этимъ понижалось значеніе рода. Для московской аристократіи время смуты было тѣмъ же, чѣмъ были войны Алой и Бѣлой Розъ для аристократіи Англіи: она потерпѣла такую убыль, что должна была воспринять въ себя новые, демократическіе, сравнительно, элементы, чтобы не истощиться совсѣмъ. Такимъ образомъ, и здѣсь смута не прошла безслѣдно.

Но вышесказаннымъ не исчерпываются результаты смуты. Знакомясь съ внутреннею исторіею Руси въ XVII в., мы каждую крупную реформу XVII вѣка должны будемъ возводить къ смутѣ, обусловливать ею. Въ корень подорвавъ экономическое благосостояніе страны, шатавшееся еще въ XVI вѣкѣ, смута создала для московскаго правительства рядъ финансовыхъ затрудненій, которыя обусловливали собою всю его внутреннюю политику, вызвали окончательное прикрѣпленіе посадскаго и сельскаго населенія, поставили московскую торговлю и промышленность на время въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Если къ этому мы прибавимъ тѣ войны XVII в., необходимость которыхъ вытекала прямо изъ обстоятельствъ, созданныхъ смутой, то поймемъ, что смута была очень богата результатами и отнюдь не составляла такого эпизода въ нашей исторіи, который случайно явился и безслѣдно прошелъ. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что смута обусловила почти всю нашу исторію въ XVII вѣкѣ.

Такъ обильны были реальныя, видимыя послѣдствія смуты. Но событія смутной поры, необычайныя по своей новизнѣ для русскихъ людей

и тяжелыя по своимъ послѣдствіямъ, заставляли нашихъ предковъ болѣть не однѣми личными печалями и размышлять не объ одномъ личномъ спасеніи и успокоеніи. Видя страданія и гибель всей земли, наблюдая быструю смѣну старыхъ политическихъ порядковъ подъ рукою и своихъ и чужихъ распорядителей, привыкая къ самостоятельности мѣстныхъ міровъ и всей земщины, лишенный руководства изъ центра государства русскій человѣкъ усвоилъ себѣ новыя чувства и понятія: въ обществѣ крѣпло чувство національнаго и религіознаго единства, слагалось болѣе отчетливое представленіе о государствѣ. Въ XVI в. оно еще не мыслилось, какъ форма народнаго общежитія, оно казалось вотчиной государевой, а въ XVII вѣкѣ, по представленію московскихъ людей, это уже „земля“, т. е. государство. Общая польза, понятіе, не совсѣмъ свойственное XVI вѣку, теперь у всѣхъ русскихъ людей сознательно стоитъ на первомъ планѣ: своеобразнымъ языкомъ выражаютъ они это, когда въ безгосударственное время заботятся о спасеніи государства и думаютъ о томъ, „что земскому дѣлу пригодится“ и „какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе“. Новая, „землею“ установленная, власть Михаила Θеодоровича вполнѣ усваиваетъ себѣ это понятіе общей земской пользы и является властью вполнѣ государственнаго характера. Она совѣтуется съ „землею“ объ общихъ затрудненіяхъ и говоритъ иностранцамъ, по поводу важныхъ для Московскаго государства дѣлъ, что „такого дѣла теперь рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя ни по одной статьѣ“. При прежнемъ господствѣ частноправныхъ понятій, еще и въ XVI вѣкѣ неясно отличали государя, какъ хозяина-вотчинника, и государя, какъ носителя верховной власти, какъ главу государства. Въ XVI вѣкѣ управленіе государствомъ считали личнымъ дѣломъ хозяина страны да его совѣтниковъ; теперь въ XVII вѣкѣ очень ясно сознается, что государственное дѣло не только „государево дѣло“, но и „земское“, такъ и говорятъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, что это „великое государево и земское“ дѣло.

Эти новыя, въ смуту пріобрѣтенныя, понятія о государствѣ и народности не измѣнили сразу и видимымъ образомъ политическаго быта нашихъ предковъ, но отзывались во всемъ строѣ жизни XVII вѣка и сообщали ей очень отличный отъ старыхъ порядковъ колоритъ. Поэтому для историка и важно отмѣтить появленіе этихъ понятій. Если, изучая Московское государство XVI вѣка, мы еще споримъ о томъ, можно ли назвать его бытъ вполнѣ государственнымъ, то о XVII вѣкѣ такого спора быть не можетъ, потому уже, что сами русскіе люди XVII вѣка сознали свое государство, усвоили государственныя представленія и усвоили именно за время смуты, благодаря новизнѣ и важности ея событій. Не нужно и объяснять, насколько слѣдуетъ признавать существенными послѣдствія смуты въ этой сферѣ общественной мысли и самосознанія.

Время царя Михаила Θеодоровича.

1613—1645.

Вступленіе во власть. Давъ свое согласіе на престолъ, Михаилъ Θеодоровичъ выѣхалъ вмѣстѣ съ матерью изъ Костромы въ Ярославль. Здѣсь къ нему сталъ стекаться народъ большими толпами, выражая свою симпатію молодому царю. Такимъ образомъ, послѣ 1612 года Ярославль вторично дѣлается центромъ патріотическаго движенія. Въ этомъ городѣ Михаилъ Θеодоровичъ оставался мѣсяцъ, а потомъ въ серединѣ апрѣля, когда прошелъ ледъ и сбыла вода, двинулся дальше. Въ Москвѣ между тѣмъ земскій соборъ еще не расходился: онъ управлялъ всѣми дѣлами государства и дѣятельно переписывался съ царемъ. Часто между соборомъ и царемъ возникали недоразумѣнія, потому что казацкіе грабежи и безпорядки въ странѣ еще продолжались. Земскій соборъ, принимая противъ нихъ мѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ заботился и объ устройствѣ царскаго двора, отбирая дворцовыя земли у тѣхъ, кто ими завладѣлъ, и собирая запасы для дворца. Вѣсти о безпорядкахъ доходили и до Михаила Θеодоровича, въ Ярославль; къ нему приходили жаловаться на грабежи, бѣжали съ жалобой и тѣ, у кого были отняты дворцовыя земли. Всѣ просили управы и помощи, а у царя не было средствъ ни на то, ни на другое. На вопросъ царя о разбояхъ и безпорядкахъ соборъ отвѣчалъ, что онъ старается, насколько можно, объ устройствѣ земли и докладывалъ о своихъ мѣропріятіяхъ, но эти послѣднія казались Михаилу (или вѣрнѣе, тому, кто за нимъ стоялъ) очень неудовлетворительными. Въ Ярославлѣ думали, что можно скорѣе и лучше водворить порядокъ, чѣмъ то дѣлалъ соборъ. И вотъ, видя, что порядокъ не сразу устанавливается, слыша постоянныя жалобы и просьбы о кормахъ и жалованьѣ, не умѣя ихъ удовлетворить или прекратить, Михаилъ Θеодоровичъ „кручинился“ и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ писалъ собору: „вамъ самимъ вѣдомо, учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ: крестъ намъ цѣловали вы своею волею; такъ вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованіе, намъ служить и во всякомъ дѣлѣ радѣть“... Царь требовалъ этими словами, чтобы соборъ избавилъ его отъ хлопотъ съ челобитчиками, и просилъ „тѣ докуки отъ него отвести“, какъ онъ выражался.

Несмотря на неудовольствія, 16-го апрѣля царь „пошелъ“ къ Москвѣ изъ Ярославля, требуя, чтобы къ его пріѣзду приготовили ему помѣщеніе, и даже прямо указывалъ палаты дворца; а у собора не было ни матеріала для ихъ поправки, ни мастеровъ, почему и были приготовлены другія палаты, что вызвало гнѣвъ со стороны царя. Когда царь

былъ уже около Троице-Сергіева монастыря, къ нему стали сбѣгаться дворяне и крестьяне, ограбленные и избитые казачьими шайками, бродившими около самой Москвы. Тогда Михаилъ Өеодоровичъ, въ присутствіи пословъ отъ собора, заявилъ, что онъ съ матерью не пойдетъ дальше, и сказалъ посламъ: „вы намъ челомъ били и говорили, что всѣ люди пришли въ чувство, отъ воровства отстали, такъ вы били челомъ и говорили ложно“. А въ Москву Михаилъ Өеодоровичъ писалъ боярамъ и собору: „можно вамъ и самимъ знать, если на Москвѣ и подъ Москвою грабежи и убійства не уймутся, то какой отъ Бога милости надѣяться“? Соборъ, конечно, всѣми силами радъ былъ окончить всѣ безпорядки, но онъ зналъ свое безсиліе: онъ держался и повелѣвалъ только нравственнымъ авторитетомъ, который не могъ простираться на всѣ элементы смуты. Какъ бы то ни было, несмотря на неудовольствіе, Михаилъ Өеодоровичъ прибылъ 2-го мая въ Москву, а 11-го іюля вѣнчался на царство. Этимъ моментомъ кончается смутная эпоха и начинается новое царствованіе.

Первые годы правленія царя Михаила Өеодоровича до сихъ поръ представляютъ собою такой историческій моментъ, въ которомъ не все доступно научному наблюденію и не все понятно изъ того, что уже удалось наблюсти. Не ясны ни самая личность молодого государя, ни тѣ вліянія, подъ которыми жила и дѣйствовала эта личность, ни тѣ силы, какими направлялась въ то время политическая жизнь страны. Болѣзненный и слабый, царь Михаилъ всего тридцати съ небольшимъ лѣтъ такъ „скорбѣлъ ножками“, что иногда, по его собственнымъ словамъ (въ іюнѣ 1627 года), его „до возка и изъ возка въ креслахъ носятъ“. Около царя замѣтенъ кружокъ дворцовой знати—царскихъ родственниковъ, которые вмѣстѣ съ государевой матерью тянулись къ вліянію и власти. Хотя одинъ современникъ и выразился такъ, что мать государя „инока великая старица Марөа, правя подъ нимъ и поддерживая царство со своимъ родомъ“, однако очевидно, что старица правила только дворцомъ и поддерживала не царство, а свой „родъ“. Теченіе политической жизни шло мимо ея кельи и направлялось какою-то иною силою, какимъ то правительствомъ, составъ котораго однако не совсѣмъ ясенъ. Это не былъ земскій соборъ или, какъ тогда говорили, „вся земля“. „Вся земля“ была какъ бы совѣщательнымъ органомъ при какомъ-то иномъ правительствѣ, во главѣ котораго стоялъ царь и въ составѣ котораго находились истинные руководители московской политики. Конечно, это не была боярская дума во всемъ ея составѣ; но мы не знаемъ, кто именно это былъ. Просматривая списокъ думныхъ людей тѣхъ лѣтъ, мы не можемъ точно сказать, кого изъ думцевъ надлежитъ считать только высшимъ чиновникомъ и въ комъ изъ думцевъ надлежитъ видѣть вліятельнаго совѣтника и даже руководителя власти.

Всего вѣроятнѣе, что за царемъ стоялъ имъ самимъ составленный придворный кружокъ, а не ограничивающее его власть учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ и формальными полномочіями. Царь Михаилъ ограниченъ во власти не былъ и никакихъ ограничительныхъ документовъ отъ его времени до насъ не дошло.

Вопросъ объ ограниченіяхъ. Между тѣмъ объ ограниченіяхъ царя Михаила существуетъ рядъ частныхъ показаній, большинство которыхъ относятся къ XVIII вѣку, именно ко времени около 1730 года. Таковы свидѣтельства: русскаго историка В. Н. Татищева (кратко говорящаго, что Михаила Θеодоровича избрали всенародно, но съ ограничительною записью) и трехъ иностранцевъ. Изъ нихъ два, Страленбергъ и Фокеродтъ, даютъ подробное изложеніе ограниченій, составленное въ духѣ ихъ эпохи, а третій, Шмидтъ-Физельдекъ, кратко говоритъ о какихъ то документахъ, содержащихъ ограниченія и будто бы хранимыхъ въ XVIII вѣкѣ въ государственныхъ хранилищахъ. Чтобы понять эти извѣстія въ ихъ истинномъ значеніи, надобно знать, что въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго среди его сотрудниковъ обсуждался вопросъ о необходимости устройства какого либо органа власти, который бы сообщилъ верховному управленію, будто бы разстроенному Петромъ Великимъ, правильную организацію. Постепенно въ умахъ нѣкоторыхъ сановниковъ (кн. Д. М. Голицинъ) рождается мысль о полезности и возможности такой реформы, которая бы, устроивъ законодательную власть въ странѣ, ограничила бы личный авторитетъ монарха. Въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта въ началѣ 1726 года многіе готовы были видѣть первый шагъ именно въ этомъ направленіи, а въ 1730 году „верховники" пытались сдѣлать и второй, болѣе опредѣленный и рѣшительный шагъ въ сторону шведскихъ олигархическихъ порядковъ. Такимъ образомъ на пространствѣ двухъ десятилѣтій мы наблюдаемъ въ высшихъ кругахъ бюрократіи извѣстное теченіе политической мысли: оно отправляется отъ заботы возстановить нарушенную такъ называемой реформой правильность правительственныхъ функцій и приводитъ къ попыткѣ коренного государственнаго переворота. Сначала думаютъ создать что-нибудь соотвѣтствующее старой „думѣ государевой", а затѣмъ приходятъ къ рѣшимости упразднить исконную полноту власти государя. И въ томъ, и въ другомъ фазисѣ размышленій и разговоровъ лица, причастныя къ данному дѣлу, неизбѣжно должны были обращаться за справками и сравненіями къ прошлому, именно къ тѣмъ его моментамъ, когда въ старой Москвѣ ставились и рѣшались тѣ же самые вопросы о формахъ и способахъ управленія. Ища отвѣта на свои вопросы въ прошломъ, они вспоминали—по устнымъ преданіямъ—то, что было въ старину, и по своему освѣщали то, что вспоминали. Ихъ воспоминанія и толкованія получали широкое распространеніе въ кругу ихъ близкихъ и знакомыхъ,—и вотъ

почему около 1720—1730 г.г. иностранцы, жившіе въ Россіи и писавшіе о ней, располагали такими свѣдѣніями о смутномъ времени и о началѣ царствованія Михаила, какими не располагала ни печатная, ни рукописная историческая наша литература того времени. Приводя свои данныя, эти лица ссылались иногда на частные архивы и частные разсказы. Страленбергъ, напримѣръ, упоминаетъ о письмѣ, „которое, какъ говорятъ, можно еще было видѣть въ оригиналѣ у недавно умершаго фельдмаршала Шереметева и изъ коего нѣкто, его читавшій, сообщилъ мнѣ (т. е. Страленбергу) нѣсколько данныхъ“. Шмидтъ-Физельдекъ, жившій въ домѣ графа Миниха, не иначе, какъ только путемъ слуховъ, ходившихъ въ кругу его патрона, могъ быть освѣдомленъ о документахъ, хранимыхъ, по его сообщенію, въ Успенскомъ соборѣ и какомъ-то „архивѣ“. Историческій матеріалъ, добытый такимъ путемъ, не могъ быть, конечно, точенъ и полонъ. Преданіе знало, что въ смутное время избраніе на престолъ В. Шуйскаго было сопряжено съ обѣщаніями царя подданнымъ. Въ хронографахъ и рукописныхъ сборникахъ можно было найти и самую запись, на которой Шуйскій „поволилъ“ цѣловать крестъ. Такимъ образомъ, при желаніи и стараніи, фактъ „ограниченій“ Шуйскаго могъ быть установленъ твердо. Знало преданіе и о томъ, что Владислава избрали на условіяхъ; могли даже быть извѣстны и самыя условія тѣмъ, кто имѣлъ тогда доступъ въ архивы. Но условій, предложенныхъ, какъ предполагали, царю Михаилу, никто не зналъ; между тѣмъ, преданіе помнило, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ правилъ не одинъ, не по старому, а съ участіемъ земщины. Не зная дѣйствительныхъ отношеній царя и земскаго собора, представляли ихъ себѣ въ томъ видѣ, какой считали нормальнымъ по понятіямъ своей эпохи. Такъ и явились, думается намъ, условія, изложенныя у Страленберга и повторенныя у Фокеродта и гр. Миниха. Они воспроизводили положеніе, не дѣйствительно бывшее въ 1613 году, а такое, какое предполагалось для того времени естественнымъ: царская власть ограничена бюрократической олигархіей и связана рядомъ точно формулированныхъ условій въ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ ея функціяхъ. Словомъ, преданіе о началѣ XVII вѣка строилось на данныхъ начала XVIII вѣка, и его детали въ нашихъ глазахъ должны характеризовать не первый, а второй изъ этихъ моментовъ. Таковъ будетъ, по нашему разумѣнію, единственно-правильный научный пріемъ въ оцѣнкѣ баснословнаго разсказа Страленберга и зависимыхъ отъ него показаній Фокеродта и Миниха. Что же касается до остальныхъ двухъ свидѣтельствъ XVIII столѣтія, именно, упоминаній Шмидтъ-Физельдека и Татищева, то это только упоминанія, не болѣе. Одинъ говоритъ, что въ 1613 году существовала „eine förmliche Kapitulation“, а другой,— что царя Михаила избрали „съ такою же записью“, какъ и В. Шуй-

скаго. Оба эти извѣстія доказываютъ только то, что ихъ авторы вѣрили въ справедливость ходившихъ въ ихъ время разсказовъ о существованіи ограничительной записи царя Михаила Ѳеодоровича, и что самой записи они не видѣли и не знали.

Итакъ, если бы объ ограниченіяхъ 1613 года существовали только извѣстія XVIII вѣка, мы не дали бы имъ вѣры и воспользовались бы ими только для характеристики политическаго умонастроенія тѣхъ круговъ русскаго общества, которые подготовили „затѣйку“ съ пунктами 1730 года, а также ея паденіе. Возникновеніе преданія о записи царя Михаила мы въ такомъ случаѣ объясняли бы неумѣніемъ дѣятелей Петровской эпохи понять соправительство Михаила съ земскимъ соборомъ иначе, какъ результатъ формальнаго ограниченія верховной власти и притомъ ограниченія по извѣстному образцу. Но въ данномъ случаѣ вопросъ осложняется тѣмъ, что о боярскомъ ограниченіи власти М. Ѳ. Романова говорятъ два его современника—анонимный авторъ псковскаго сказанія о смутѣ и извѣстный Котошихинъ. Надъ тѣмъ, что они говорятъ, стоитъ остановиться.

Псковское сказаніе „о бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ“ давно уже оцѣнено С. М. Соловьевымъ и А. И. Маркевичемъ. Однако и теперь физіономія этого памятника недостаточно ясна. Авторъ сказанія не извѣстенъ; не поддается опредѣленію и самая среда, къ которой онъ принадлежалъ. Сдѣлано лишь то наблюденіе, что онъ не тяготѣлъ къ высшимъ кругамъ, псковскимъ или московскимъ, и писалъ „въ духѣ меньшихъ людей, въ духѣ собственно псковскомъ, съ сильнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, ко всему, что тамъ дѣлалось, преимущественно къ боярамъ, ихъ поведенію и распоряженіямъ“. Къ этимъ словамъ С. М. Соловьева слѣдуетъ добавить, что мѣстная „собственно псковская“ тенденція сказателя не была политическою и не переходила въ сепаратизмъ. Его протестъ былъ направленъ противъ московскихъ бояръ, какъ представителей высшаго соціальнаго слоя, политически и экономически вреднаго одинаково для Пскова и Москвы—для всего русскаго народа. Демократическое настроеніе автора ведетъ его къ крайностямъ и несправедливости. Разъ дѣло касается „владущихъ“, онъ готовъ на всякія обвиненія и подозрѣнія. Бояре Шуйскіе, по его мнѣнію, злодѣйски погубили кн. М. В. Скопина-Шуйскаго; затѣмъ другіе „отъ боярскаго роду“ возненавидѣли „своего христіанскаго царя“ и стали желать царя „отъ поганыхъ иновѣрныхъ“, чѣмъ и погубили Москву; при освобожденіи Москвы отъ поляковъ „древняя гордость“ боярина кн. Д. Т. Трубецкого, не желавшаго помочь Пожарскому, чуть было не помѣшала успѣху дѣла. Стоявшіе съ Трубецкимъ подъ Москвою „рустіи бояре и князи“, несмотря на горькій опытъ съ Владиславомъ, снова умыслили призвать иноземнаго царя и дважды посылали за нимъ въ Швецію, „и не сбыстся

ихъ злый боярской совѣтъ“, потому что „избрали ратные люди и всѣ православные на Московское государство царемъ“ М. Ѳ. Романова. Когда, не ожидая результата посольства въ Швецію, тотчасъ по взятіи Москвы собрались русскіе люди и стали говорить: „не возможно намъ пребыти безъ царя ни единаго часа“,—то владущіе и на соборѣ завели рѣчь объ иноземцѣ: „и восхотѣша начальницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти“. Такимъ образомъ до воцаренія Михаила Ѳеодоровича бояре, руководившіе властью, приводили народъ къ бѣдамъ и гибели. При Михаилѣ пагубная дѣятельность владущихъ продолжалась, но изъ сферы политической она перешла въ сферу административно-хозяйственную. Вотъ какъ представляетъ ее себѣ авторъ: такъ какъ новый государь былъ молодъ и не имѣлъ „еще толика разума, еже управляти землею“, то „не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ дьяволъ, возвыся паки владущихъ на мздоиманіе“. Владущіе снова стали кабалить себѣ народъ, „емлюще въ работу сильно собѣ“ трудовое населеніе, возвращавшееся изъ плѣна и бѣговъ: они уже забыли прежнее „безвремяніе“, когда „отъ своихъ рабъ разорени быша“. Не боясь царя, они „его царьская села себѣ поимаша“, такъ какъ государь не зналъ своихъ земель вслѣдствіе пропажи писцовыхъ книгъ, „яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша“ *). Въ то же время, умаливъ хищничествомъ государевы доходы, они понудили царя къ увеличенію податныхъ тяготъ: „на государевы и государственные расходы брали со всей земли какъ обычные оброки и дани, такъ и экстренную пятую деньгу, пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей“; на „царскую потребу и расходы“ шли даже и тѣ доходы, изъ которыхъ прежде „государь царь оброки жаловаше“, то есть давалъ жалованье служилымъ людямъ (предполагаемъ, „четвертчикамъ“). Своекорыстно отнеслись бояре и къ тому случаю, когда подъ Москву явились „нѣцыи вои, въ Поморьи суще, бяху грабяще люди“. Отставъ отъ грабежа и сознавъ свою вину, эти вои-казаки пожелали идти на помощь Пскову,

*) Дворцовыя села и земли дѣйствительно были расхищаемы въ смутное время, но уже въ началѣ 1613 года началось ихъ обратное движеніе во дворецъ. Соборъ 1612—1613 года постановилъ „отписывать дворцовыхъ селъ пашенныхъ и посошныхъ и оброчныхъ“, и „отпищики посланы“. Такимъ образомъ хищеніямъ полагали конецъ. Но при царѣ Михаилѣ законнымъ порядкомъ, и преимущественно въ мелкую раздачу, стали снова и притомъ усиленно тратить дворцовый земельный фондъ (*Ю. В. Готье*, „Замосковный край въ XVII вѣкѣ“. М., 1906, стр. 320—326). Это обстоятельство по своему и освѣщаетъ авторъ псковскаго сказанія. Надобно замѣтить, что и въ другихъ псковскихъ лѣтописяхъ бояре обличаются въ присвоеніи земель: „а селы государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ“, говорится подъ 1618 годомъ въ первой псковской лѣтописи. Интересно, что здѣсь князь И. Ѳ. Троекуровъ представляется злодѣемъ, тогда какъ въ разбираемомъ псковскомъ сказаніи ему высказывается похвала: такъ мало знали во Псковѣ московскихъ бояръ.

будто бы осажденному тогда шведами,—„и пріидоша къ царствующему граду и послаша къ царю о собѣ“. И вотъ, „слышавъ бояре, начаша совѣтовати собѣ, какъ сіи волныя люди собѣ поработити, понеже наши рабы прежде быша, а нынѣ намъ сильны быша и не покоряхуся; и призваше во градъ головъ ихъ, яко до треисотъ... и переимаша ихъ и перевязаша, а на прочихъ ратію изыдоша и разгромиша ихъ и многихъ переимаша, а достальныхъ 15.000 въ Литву отъѣхаша“. Въ этомъ разсказѣ дѣло идетъ, очевидно, объ извѣстномъ походѣ воровскихъ казаковъ къ Москвѣ и о пораженіи ихъ княземъ Лыковымъ на рѣкѣ Лужѣ, при чемъ событіе излагается съ точки зрѣнія казачьей, „воровской“, то есть такъ, какъ изложилъ бы его участникъ воровского похода, желавшій его оправдать и даже идеализировать. Не говоря уже о томъ, что казачій приходъ подъ Москву произошелъ за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе шведской осады Пскова, самыя обстоятельства похода и правительственной репрессіи переданы совсѣмъ невѣрно, съ наивною тенденціозностью, идущею во что бы то ни стало противъ владущихъ бояръ. Бояре, жадно и злобно хватающіе себѣ царскія земли и рабочихъ людей, разоряющіе царя, государство и народъ, представляются автору главнымъ, даже единственнымъ, пожалуй, зломъ его современности, на которое направлена вся сила его обличенія. Мы готовы, поэтому, вспомнивъ казачьи рѣчи смутной эпохи противъ „лихихъ бояръ“, счесть казакомъ и самого автора сказанія. Но это не будетъ вѣрно, такъ какъ нашъ авторъ не съ казаками, а противъ казаковъ. Говоря о казачьемъ возстаніи при В. Шуйскомъ, онъ характеризуетъ возставшихъ, какъ „не хотящихъ жити въ законѣ божіи и во блазѣй вѣрѣ и въ тишинѣ, но въ буйствѣ и во объяденіи и во упоминаніи и въ разбойничествѣ живуще, желающе чюжаго имѣнія и приступльшихъ къ литовскимъ и нѣмецкимъ людемъ“. Для него казаки—„яко полстіи звѣріе отъ пустыня“: вотъ почему псковичъ, вооруженный противъ бояръ, не можетъ быть поставленъ въ казачьи ряды. Онъ—земскій, только глубоко простонародный человѣкъ. Онъ видитъ въ царѣ Богомъ избранную для возсозданія стараго порядка власть, въ которой „Богъ воздвиже рогъ спасенія людей своихъ“,—и, когда около „блаженнаго“, „зѣло кроткаго, тихаго“ царя совершается зло и неправда, авторъ можетъ объяснить это только боярскимъ умысломъ. Отозвали хорошихъ воеводъ отъ Смоленска, а послали плохихъ и проиграли дѣло,—это вина бояръ: они это сдѣлали, они скрывали отъ царя неудачу, они не допускали къ царю вѣстниковъ: „сицево бѣ попеченіе боярско о земли Русской“!. Осадили шведы Псковъ, во Псковѣ сталъ голодъ, къ царю „много посылаша изъ града о испоруценіи“,—бояре скрывали отъ царя вѣсти и вѣстниковъ, „людскія печали и гладу не повѣдаху ему“, и Псковъ не получилъ помощи: „сицево бѣ попеченіе боярско о градѣ“! Разстроился бракъ

царя съ Хлоповой, затѣмъ умерла его первая жена,—во всемъ виноваты бояре: „все то зло сотворится отъ злыхъ чаровникомъ и звѣрообразныхъ человѣкъ“, которые „гнушахуся своего государя и гордяхуся“. Кого, именно изъ бояръ разумѣть виновниками зла на Руси, авторъ сказанія, повидимому, точно не зналъ. Таковъ для него и князь Д. Т. Трубецкой, надменный „древнею гордостью“ бояринъ; таковы же для него „царевы матери племянники“, Салтыковы, которые „гнушались“ своего государя и не хотѣли „въ покореніи и въ послушаніи пребывати“; таковы же „подъ Москвою князи и бояре“, призывавшіе шведскаго королевича, на московскій престолъ; таковы же думцы царя Михаила Ѳеодоровича, не пославшіе помощи подъ Смоленскъ и Псковъ. Для насъ Трубецкой, Салтыковы, Пожарскій съ „князьями и болярами“ подъ Москвою и въ Ярославлѣ князь Мстиславскій съ „товарищи“, бывшіе въ думѣ царя Михаила съ начала его царствованія,—все это разные круги, направленія и репутаціи. Для автора Псковскаго сказанія всѣ эти люди—одинъ „окаянный и злый совѣтъ“, въ которомъ онъ не различаетъ партій и направленій. Всякій, кто въ данное время пользуется, по выраженію Грознаго, „честію предсѣданія“, тотъ для нашего автора и есть „владущій“, стоящій у власти и злоупотребляющій ею. Съ демократическихъ низовъ своего псковскаго міра авторъ готовъ былъ во всемъ подозрѣвать всякаго „владущаго“ въ далекой Москвѣ.

Такова обстановка, въ которой находится краткое сообщеніе псковскаго автора о присягѣ царя Михаила. Оно дословно таково: владущіе, захватывая себѣ людей и земли, „царя нивочтоже вмѣниша и не бояшеся его, понеже дѣтескъ сый, еще же и лестію уловивше: первіе егда его на царство посадиша и къ ротѣ приведоша, еще отъ нихъ вельможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки; сице окаяннiи умыслиша; а въ затоцѣ коему случится быти, и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитпся. Сего ради и всю землю Русскую раздѣливше по своей воли“ и т. д. Точный смыслъ этого показанія состоитъ въ томъ, что владущіе бояре своевольничаютъ, не боясь государя, во-первыхъ, потому, что онъ молодъ, а во вторыхъ, потому, что имъ удалось его склонить, „уловить лестью“, на то, чтобы не казнить, а только ссылать виновныхъ людей „вельможска роду и болярска“. Какъ это удалось владущимъ, не совсѣмъ ясно изъ фразъ нашего автора: его слова можно понять и такъ, что бояре взяли съ царя одно только это обѣщаніе подъ клятвою, когда его на „царство посадиша“; а можно понять и такъ, что, когда новаго государя посадили на царство и взяли съ него общую ограничительную „роту“, присягу, то бояре склонили его и на особое въ ихъ пользу обязательство. Во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ о какой-то „ротѣ“ и обязательствѣ въ пользу бояръ и по почину

бояръ. Ничего точнаго и опредѣленнаго о формѣ и содержаніи ограниченій авторъ, очевидно, не зналъ. Но онъ вѣрилъ въ „роту", потому что иначе не могъ себѣ объяснить своеволія и безнаказанности „владущихъ", и самый предметъ этой роты онъ свелъ въ своемъ представленіи только къ обязательству не казнить владущихъ, а разсылать „въ затоки". Незнаніе политическаго факта, а желаніе объяснить непонятные факты, исходя изъ слуха или своего домысла о царской „ротѣ",—вотъ что лежитъ въ основаніи наивнаго сообщенія псковскаго писателя о московскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Ознакомясь поближе съ псковскимъ извѣстіемъ, мы не придадимъ ему значенія компетентнаго свидѣтельства. Глубоко-простонародное воззрѣніе на ходъ политической жизни, соединенное съ незнаніемъ дѣйствительной ея обстановки и проникнутое слѣпой ненавистью къ сильнымъ міра сего, сообщаетъ псковскому сказанію извѣстный историко-литературный интересъ, но отнимаетъ у него значеніе историческаго „источника" въ спеціальномъ смыслѣ этого термина. Если бы объ ограниченіяхъ царя Михаила сохранилось одно только псковское сообщеніе, разумѣется, ему никто бы не повѣрилъ.

Иного рода сообщеніе извѣстнаго Котошихина. Вотъ его существеннѣйшее содержаніе: „Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ были иманы письма... А нынѣшняго царя (Алексѣя) обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали; и не спрашивали... А отецъ его блаженныя памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичъ хотя самодержцемъ писался однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего". Опущенныя нами пока фразы говорятъ о содержаніи „писемъ" и компетенціи царя и бояръ; въ приведенныхъ же словахъ вотъ что устанавливается категорически: во-первыхъ, всѣхъ московскихъ царей послѣ Ивана Грознаго „обирали на царство", во-вторыхъ, съ нихъ брали ограничительныя „письма", и, въ третьихъ, ограниченіе царя Михаила имѣло дѣйствительную силу, и онъ правилъ съ боярскимъ совѣтомъ. Котошихинъ зналъ московское прошлое, по выраженію А. И. Маркевича, „плоховато", и его былевыя показанія необходимо тщательно повѣрять. Самъ А. И. Маркевичъ, въ результатѣ такой повѣрки, выяснилъ, что подъ терминомъ „обираніе" у Котошихина надо разумѣть не только избраніе въ нашемъ смыслѣ слова, но и особый чинъ вѣнчанія на царство съ участіемъ „всей земли". Лѣтописецъ, современный Котошихину, о царскомъ вѣнчаніи повѣствуетъ даже такъ, что самый починъ вѣнчанія усвояется земскимъ людямъ. О вѣнчаніи царя Ѳеодора Ивановича онъ, напримѣръ, говоритъ: „пріидоша къ Москвѣ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства и молили со слезами царевича Ѳеодора Ивановича, чтобы не мѣшкалъ, сѣлъ на Московское государство и вѣнчался

царскимъ вѣнцомъ; онъ же, государь, не презрѣ моленія всѣхъ православныхъ христіанъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ". О вѣнчаніи же царя Михаила лѣтописецъ говоритъ, что по пріѣздѣ избраннаго царя въ Москву „пріидоша ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ: онъ же не презри ихъ моленіе и вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ". Тотъ же починъ земщины разумѣетъ и Котошихинъ, когда разсказываетъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что по смерти его отца всѣ чины „соборовали" и „обрали" его и „учинили коронованіе". Роль земскихъ чиновъ на этомъ „коронованіи", по представленію Котошихина, ограничивается тѣмъ, что представители сословій присутствуютъ при церковномъ торжествѣ, поздравляютъ государя и подносятъ ему подарки; „а было тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей для того обранія человѣка по два изъ города". Такимъ образомъ сообщенія Котошихина о томъ, что русскіе цари послѣ Грознаго были „обираны", никакъ не можетъ быть понято въ смыслѣ установленія въ Москвѣ принципа избирательной монархіи. Терминологія нашего автора оказывается здѣсь не столь опредѣленной и надежной, какъ представляется съ перваго взгляда. Равнымъ образомъ и свидѣтельство Котошихина о „письмахъ" надобно надлежащимъ способомъ уяснить и провѣрить. Какіе избранные на московскій престолъ государи и какимъ именно порядкомъ давали на себя письма, мы знаемъ безъ Котошихина; знаемъ и самые тексты „писемъ". Всѣ эти „письма", по Котошихину, имѣютъ одинаковое содержаніе; „быть нежестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ з бояре и з думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати". Мы знаемъ, что этими условіями исчерпывалось содержаніе только записи Шуйскаго; договоры же съ иноземными избранниками имѣли болѣе широкое содержаніе. Шуйскій давалъ подданнымъ обѣщаніе не злоупотреблять властью, а править по старому закону и обычаю. А договоры съ польскимъ и шведскимъ королевичами имѣли цѣлью установить форму и предѣлы возникавшей династической уніи съ сосѣднимъ государствомъ и постановку въ Москвѣ власти чуждаго происхожденія. Иначе говоря, запись Шуйскаго гарантировала только интересы отдѣльныхъ лицъ и семей, другія же „письма" охраняли прежде всего цѣлость, независимость и самобытность всего государства. Въ этомъ—глубокое различіе извѣстныхъ намъ „писемъ", различіе, оставшееся внѣ сознанія Котошихина. Отсюда и неточность его въ передачѣ самыхъ ограничительныхъ условій. У Котошихина власть государя ограничивается боярскою думою („боярами и думными людьми") во всѣхъ случаяхъ безразлично. На дѣлѣ Шуйскій говорилъ только о боярскомъ судѣ и налагалъ на себя ограниченія лишь въ сферѣ сыска, суда и конфи-

скацій; по договору же съ Владиславомъ администрація, судъ и финансы обязательно входили въ компетенцію боярской думы, а законодательствовать могла лишь „вся земля“. Зная это, отнесемся къ сообщенію Котошихина, какъ къ такому, которое лишь слегка и слишкомъ поверхностно касается излагаемаго факта. Какъ во всемъ прочемъ былевомъ матеріалѣ, Котошихинъ и здѣсь оказывается мало обстоятельнымъ и ненадежнымъ историкомъ. А разъ это такъ, наше отношеніе къ послѣдней частности въ разсказѣ Котошихина—къ ограниченіямъ царя Михаила—должно стать весьма осторожнымъ. Кому именно царь Михаилъ далъ на себя письмо, Котошихинъ не объясняетъ: онъ и вообще не говоритъ, кѣмъ были иманы на царяхъ письма. По его представленію, царь Михаилъ не могъ ничего дѣлать „безъ боярскаго совѣту“; а такъ какъ боярскій совѣтъ Котошихинъ дважды въ данномъ своемъ отрывкѣ отожествляетъ „з бояре з думными людьми“, то ясно, что подъ боярскимъ совѣтомъ мы должны разумѣть боярскую думу, какъ учрежденіе, а не сословный кругъ бояръ, какъ политическую среду. Сама боярская дума въ моментъ избранія Михаила, можно сказать, не существовала и ограничивать въ свою пользу никого не могла. Органомъ контроля надъ личною дѣятельностью государя и его соправительницей она могла быть сдѣлана лишь по волѣ тѣхъ, кто въ началѣ 1613 года владѣлъ политическимъ положеніемъ на Руси и могъ заставить молодого царя дать „на себя письмо“. Но кто тогда имѣлъ силу это сдѣлать, Котошихинъ не говоритъ и не знаетъ, и если мы захотимъ придать вѣсъ его сообщенію о фактѣ ограниченія Михаила, то характеръ и способъ этого ограниченія должны попытаться опредѣлить сами. Въ этомъ отношеніи показаніе Котошихина совершенно не вразумительно.

Таковы извѣстія объ ограниченіи власти царя Михаила Θеодоровича. Ни одно изъ нихъ не передаетъ точно и вѣроподобно текста предполагаемой записи или „письма“, и всѣ они въ различныхъ отношеніяхъ возбуждаютъ недовѣріе или же недоумѣніе. Изъ матеріала, который они даютъ, нѣтъ возможности составить научно-правильное представленіе о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ. Дѣло усложняется еще и тѣмъ, что до насъ не дошелъ подлинный текстъ (если только онъ когда либо существовалъ) ограничительной грамоты 1613 г. и не наблюдается ни одного фактическаго указанія на то, что личный авторитетъ государя былъ чѣмъ либо стѣсненъ даже въ самое первое время его правленія. При такомъ положеніи дѣла нѣтъ возможности безусловно вѣрить показаніямъ объ ограниченіяхъ, сколько бы ни нашлось такихъ показаній. Мы видѣли ранѣе, что въ моментъ избранія Михаила положеніе великихъ бояръ, представлявшихъ собою все боярство, совершенно скомпрометировано. Ихъ разсматривали, какъ измѣнниковъ, и не пускали въ думу, въ которой сидѣло временное правительство—„начальники“

боярскаго и небоярскаго чина съ Трубецкимъ, Пожарскимъ и „Куземкою" во главѣ; ихъ отдали на судъ земщины, написавъ о нихъ въ города, и выслали затѣмъ изъ Москвы, не позвавъ на государево избраніе; ихъ вернули въ столицу только тогда, когда царь былъ выбранъ, и допустили 21 февраля участвовать въ торжественномъ провозглашеніи избраннаго безъ нихъ, но и ими признаннаго кандидата на царство. Возможно ли допустить, чтобы эти недавніе узники польскіе, а затѣмъ казачьи и земскіе, только что получившіе свободу и амнистію отъ „всея земли", могли предложить не ими избранному царю какія бы то ни было условія отъ своего лица или отъ имени ихъ разбитаго смутою сословія? Разумѣется, нѣтъ. Такое ограниченіе власти въ 1613 г. прямо немыслимо, сколько бы о немъ ни говорили современники (псковское сказаніе) или ближайшіе потомки (эпохи верховниковъ).

Первые годы правленія. По пріѣздѣ въ Москву, Михаилъ Ѳеодоровичъ не отпустилъ выборныхъ земскихъ людей, которые и оставались въ Москвѣ до 1615 года, когда они были замѣнены другими. И такъ дѣло шло до 1622 года: одинъ составъ собора смѣнялся другимъ, одни выборные уѣзжали изъ Москвы къ своимъ дѣламъ и хозяйствамъ и замѣнялись другими. Относительно десятилѣтней (1613—1622) продолжительности земскаго собора дѣлались только предположенія, такъ какъ не было ясныхъ указаній присутствія собора въ Москвѣ для всѣхъ десяти лѣтъ, но мало-по-малу эти указанія находились, и, наконецъ, вопросъ окончательно разрѣшилъ проф. Дитятинъ (Русская Мысль, дек., 1883 г.), найдя указанія и для неизвѣстнаго доселѣ собора 2620 года. Такимъ образомъ, въ теченіе десяти лѣтъ Москва имѣла постоянный земскій соборъ (и послѣ этого времени соборы бывали очень часто и длились долго, но постоянныхъ больше не было). Въ этомъ видна мудрая политика, подсказанная правительству самой жизнью: смута еще не прекращалась, и безпорядки продолжались. Намъ издали теперь ясно, что смута должна была прекратиться, такъ какъ люди порядка стали съ 1612—1613 годовъ сильнѣе своихъ противниковъ; но для современника, который видѣлъ общее разореніе, казачьи грабежи и безсиліе противъ нихъ Москвы, не могъ взвѣсить всѣхъ событій, не понималъ отношеній дѣйствующихъ одна противъ другой силъ,—для современника смута еще не кончилась, на его взглядъ снова могли одолѣть и поляки и казаки. Вотъ противъ нихъ-то и надо было сплотиться сторонникамъ порядка. Они и сплотились, выражая свое единодушіе земскимъ соборомъ при своемъ царѣ. И царь понималъ всю важность дѣйствовать заодно съ избравшими его и охотно опирался на земскій соборъ, какъ на средство лучшаго управленія. Никакихъ вопросовъ между избравшими царя и ихъ избранникомъ о взаимныхъ правовыхъ отношеніяхъ не могло быть въ ту минуту. Власть и „земля" были въ союзѣ и боролись противъ общаго врага

за существованіе, за свои „животы“, какъ тогда говорили. Минута была слишкомъ трудная, чтобы заниматься правовой метафизикой, да и не было налицо той вражды, которая всегда къ ней располагаетъ.

Дѣйствительно, время было трудное. Казаки продолжали бродить и грабить даже подъ Москвой, а часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, захватившаго съ собою и Марину Мнишекъ, сперва грабила русскія области, потомъ, разбитая царскими войсками, ушла въ Астрахань. Иногда грабили и служилые люди, не обезпеченные содержаніемъ: грабила порой и сама администрація, вызывая смуту слишкомъ тяжелыми поборами и крутыми мѣрами; да и земскіе люди сами затѣвали по временамъ смуту, какъ было на Бѣлоозерѣ, гдѣ земщина отказалась платить подати. У правительства въ это тяжелое время не было ни денегъ, ни людей, а между тѣмъ война съ Польшей все еще продолжалась, выражаясь тѣмъ, что летучіе польскіе отряды грабили и разоряли русскія области.

И вотъ, московское правительство прежде всего заботится о сборѣ денегъ для содержанія ратныхъ людей и удовлетворенія прочихъ важныхъ нуждъ. Въ первые же дни по пріѣздѣ царя соборомъ приговорили: собрать недоимки, а затѣмъ просить у кого можно взаймы (просили даже у торговыхъ иностранцевъ); особая грамота отъ царя и особая отъ собора были отправлены къ Строгановымъ съ просьбой о помощи разоренному государству. И Строгановы скоро откликнулись: они прислали 3000 р., сумму довольно крупную для тогдашняго времени. Годъ спустя соборъ призналъ необходимость сбора пятой деньги и даже не съ доходовъ, а съ каждаго имущества по городамъ, съ уѣздовъ же по 120 р. съ сохи. На Строгановыхъ по разверсткѣ приходилось 16,000 р.; но на нихъ наложили 40,000, и царь уговаривалъ ихъ „не пожалѣть животовъ своихъ“.

Далѣе, правительство заботилось и о защитѣ государства отъ враговъ. Главное вниманіе сначала привлекалъ Заруцкій, засѣвшій въ Астрахани и старавшійся привлечь на свою сторону казаковъ съ Волги, Дона и Терека, обѣщая имъ выгодный походъ на Самару и Казань. У донскихъ казаковъ онъ встрѣтилъ мало симпатій, а часть волжскихъ, именно молодежь, которой все равно было, гдѣ бы ни „добыть себѣ зипуновъ“, склонялась на его сторону; терскіе же казаки сперва всѣ поголовно поддались ему. Московское правительство точно такъ же, какъ и Заруцкій, хорошо понимало, что казаки представляютъ силу, и старалось ихъ отвлечь отъ Заруцкаго къ себѣ. Москва шлетъ имъ жалованье, подарки и даже до нѣкоторой степени имъ льститъ. Казачество, однако, въ большинствѣ теперь понимаетъ, что выгоднѣе дружить съ Москвой, которая окрѣпла и могла справиться съ Заруцкимъ, и потому не идетъ къ послѣднему, хотя Марина Мнишекъ съ сыномъ находятся еще у него.

Этимъ объясняется, что Заруцкій, опасный постольку, поскольку его поддерживали казаки, кончилъ очень скоро и очень печально: Астрахань возмутилась противъ него, и небольшой стрѣлецкій отрядъ (700 чел.), выгнавъ Заруцкаго изъ астраханскаго кремля, гдѣ онъ заперся, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ съ Мариной Мнишекъ и ея сыномъ. Привезенный послѣ этого въ Москву, Заруцкій и сынъ Марины были казнены, Марина же въ тюрьмѣ окончила свое бурное, полное приключеній существованіе, оставивъ по себѣ темную память въ русскомъ народѣ: всѣ воспоминанія его объ этой „еретицѣ" дышатъ злобою, и въ литературѣ XVII в. мы не встрѣчаемъ ни одной нотки сожалѣнія ни даже слабаго сочувствія къ ней.

Уничтоженъ былъ Заруцкій, умиротворены Волга и Донъ, оставалось покончить съ казачьими шайками внутри страны и на сѣверѣ. 1-го сентября 1614 г. земскій соборъ, разсуждая объ этихъ послѣднихъ, рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія архіепископа Герасима и князя Лыкова. Лыковъ, отправленный по рѣшенію собора, извѣщалъ, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москвѣ, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовалъ атаманъ Баловень, шайка котораго жестоко мучила и грабила населеніе, а затѣмъ послѣ переговоровъ съ Лыковымъ порѣшила идти къ Москвѣ. Подойдя къ ней, казаки стали по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ и прислали къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить; когда же начали ихъ переписывать, они снова упорствовали и стали угрожать Москвѣ. Но въ то время пришелъ къ Москвѣ съ сѣвера кн. Лыковъ съ отрядомъ войска, а изъ Москвы окольничій Измайловъ и напали на казаковъ. Казаки нѣсколько разъ были разбиты, послѣ чего и разбѣжались. Часть ихъ была переловлена и разослана по тюрьмамъ, а Баловень казненъ.

При такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ приходилось еще считаться съ Польшей. Находясь въ крайнихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, Сигизмундъ не могъ предпринять похода на Москву: но польскія шайки (иррегулярныя) дѣлали постоянно набѣги на русскія, даже сѣверныя области, воюя Русскую землю „проходомъ", какъ мѣтко выражается лѣтопись; точно также поступали малороссійскіе казаки или черкасы. Противъ нихъ энергично дѣйствовали и жители областей и сама Москва. Правильной войны такимъ образомъ не было, но и по избраніи Михаила Θеодоровича Владиславъ все еще считался кандидатомъ на московскій престолъ, миръ формально не былъ заключенъ, и отецъ царя, Филаретъ Никитичъ, находился въ плѣну. Еще въ 1613 ч. (въ мартѣ) изъ Москвы для размѣна плѣнныхъ отправленъ былъ земскимъ соборомъ дворянинъ Аладьинъ. Чтобы не затянуть освобожденія Филарета, Аладьину запрещено было говорить объ избраніи Михаила, въ случаѣ же, если объ этомъ спросятъ, утверждать, что это неправда. Аладьинъ видѣлся

съ Филаретомъ и узналъ также, что Польша, къ выгодѣ Москвы, теперь совсѣмъ не готова къ войнѣ. Это такъ обнадежило Москву, что было приказано воеводамъ кн. Черкасскому и Бутурлину осадить Смоленскъ, но здѣсь имъ пришлось простоять безъ всякаго дѣйствія до іюня 1615 г. Въ концѣ 1614 года опять начались дипломатическіе переговоры съ Польшей. Она сама начала ихъ и предлагала съѣхаться посламъ на рубежѣ и начать переговоры о мирѣ. Изъ Москвы была отправлена съ Желябужскимъ отвѣтная грамота съ согласіемъ на съѣздъ, и съѣздъ состоялся въ сентябрѣ 1615 г. недалеко отъ Смоленска. Со стороны русскихъ въ немъ принимали участіе кн. Воротынскій, Сицкій и окольничій Измайловъ; со стороны поляковъ: Ходкевичъ, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій (все знакомые русскимъ люди). Посредникомъ же служилъ императорскій посолъ Эразмъ Ганзеліусъ. Но переговоры эти, длившіеся до января 1616 года, ничѣмъ не кончились, отношенія двухъ державъ продолжали оставаться неопредѣленными.

Это было тѣмъ болѣе тяжело, что также неопредѣленны были и отношенія къ Швеціи. Послѣдняя тоже имѣла своего кандидата въ русскіе цари, королевича Филиппа, и вмѣстѣ съ тѣмъ состояла въ войнѣ съ Москвой. Какъ въ переговорахъ Россіи съ Польшей посредникомъ былъ нѣмецъ Ганзеліусъ, такъ здѣсь ту же роль игралъ англичанинъ— Джонъ Мерикъ. Только Швеція раньше начала серьезную войну (осенью 1614 г.), хотя Густавъ-Адольфъ нуждался въ средствахъ, какъ и Сигизмундъ. Несмотря на то, что онъ довольно удачно велъ войну и взялъ нѣсколько городовъ, онъ въ то же время съ удовольствіемъ согласился на мирные переговоры, продолжавшіеся цѣлый годъ, съ января 1616 по февраль 1617 года, сначала въ Дедеринѣ, а потомъ въ Столбовѣ. По Столбовскому договору 1617 г. рѣшено было слѣдующее: Густавъ Адольфъ уступалъ русскимъ всѣ свои завоеванія, не исключая Новгорода, бралъ 20.000 руб. и оставлялъ за собою южный берегъ Финскаго залива съ Невой и городами: Ямомъ, Иванъ-городомъ, Копорьемъ и Орѣшкомъ, тѣми самыми городами, которые въ 1595 г. Борисомъ Годуновымъ были возвращены Москвѣ. Миромъ Густавъ-Адольфъ остался доволенъ: дѣйствительно, онъ избавился отъ одного врага (ихъ оставалось теперь только два: Данія и Польша), кромѣ того онъ сильно нуждался въ деньгахъ и получилъ ихъ. Да и дипломатическія цѣли его были достигнуты: онъ не разъ хвастливо говорилъ на сеймѣ про Москву, что теперь этотъ врагъ безъ его позволенія не можетъ ни одного корабля спустить на Балтійское море: „большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, дастъ Богъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“. Но Столбовскимъ миромъ и Москва достигла своей цѣли:

во-первыхъ, къ ней вернулась имѣющая большое для нея значеніе Новгородская область; во-вторыхъ, однимъ претендентомъ, какъ и однимъ врагомъ, стало меньше. Теперь можно было смѣлѣе обращаться съ Польшей.

И вотъ еще лѣтомъ 1616 г. Москва начала наступательную войну противъ поляковъ, которая, впрочемъ, никакихъ серьезныхъ послѣдствій не имѣла. И въ это же время Варшавскій сеймъ рѣшилъ отправить Владислава добывать Москву, но дѣйствовать поляки не спѣшили и много силъ не тратили. Королевичъ выступилъ только черезъ годъ съ маленькимъ войскомъ, всего въ 11.000. Но теперь Москва не была готова выступить даже противъ незначительнаго войска Владислава. Она расположила по городамъ сильные гарнизоны и ограничивалась одной обороной. Между тѣмъ славное войско Владислава, шедшее „навести заблудшихъ на путь мира", не получало жалованья, а потому бунтовало и грабило, а Владиславъ тщетно просилъ помощи изъ Польши, „его питавшей"; только въ 1618 г. сеймъ ассигновалъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ окончить войну въ тотъ же годъ. Тогда лѣтомъ 1618 г. королевичъ сталъ дѣйствовать подъ Можайскомъ, чтобы при движеніи къ Москвѣ не оставить у себя въ тылу Лыкова съ войскомъ, который сидѣлъ въ Можайскѣ; онъ нѣсколько разъ пытался овладѣть городомъ, но всѣ усилія его были тщетны. Въ этой осадѣ прошло семь мѣсяцевъ, такъ что Владиславу для пріобрѣтенія славы оставалось ихъ только пять; изъ Варшавы же шли одни обѣщанія, войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать, а потому въ сентябрѣ 1618 г. Владиславъ рѣшился идти на Москву, не взявъ Можайска; туда же шелъ съ юга и гетманъ Сагайдачный. Соединившись, они сдѣлали приступъ, но взять Москвы не могли, потому что москвичи успѣли приготовиться къ осадѣ. Тогда Владиславъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ и требовалъ ея сдачи, но также безуспѣшно. Наконецъ, онъ вступилъ въ переговоры, и заключено было въ деревнѣ Деулинѣ (около Лавры), такъ называемое Деулинское перемиріе. Рѣшили размѣняться плѣнниками; Польша удержала свои завоеванія (Смоленскъ и Сѣверскую землю), а Владиславъ не отказался отъ претензій на московскій престолъ. Тяжелы были условія для Москвы, но невелика и слава королевича. И вотъ 1-го іюля 1619 г., на рѣкѣ Поляновкѣ (около Вязьмы) произошелъ размѣнъ плѣнныхъ; вслѣдствіе этого Филаретъ Никитичъ и тѣ члены великаго посольства которые дожили до этого дня, вернулись на родину. Увидали родную землю Томило Луговскій, твердый и честный дѣятель посольства, Шеинъ, защитникъ Смоленска; но умеръ въ чужой странѣ „столпъ" русскаго боярства В. В. Голицынъ. Въ серединѣ іюня, черезъ двѣ недѣли послѣ освобожденія, Филаретъ Никитичъ пріѣхалъ въ Москву, а 24-го іюня онъ былъ поставленъ въ патріархи. Со смерти Гермогена (1612) въ

Москвѣ не было патріарха, потому что патріаршество назначалось уже давно государеву отцу.

Съ пріѣздомъ его началось такъ называемое *двоевластіе:* Михаилъ сталъ управлять государствомъ съ помощью отца—патріарха. Чтобы понять разницу, отъ этого происшедшую, посмотримъ, что дѣлалось въ Москвѣ ранѣе возвращенія патріарха. Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; понятно, что мы должны искать вліяній на него. Но среди бояръ нельзя различить такого преобладающаго лица, какимъ былъ Годуновъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ; да и вообще о придворной жизни того времени можно лишь догадываться за неимѣніемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ человѣкъ умный, мягкій, но безхарактерный; можетъ быть, за неимѣніемъ данныхъ, а можетъ быть, такъ было и въ дѣйствительности, но передъ нами онъ является заурядным человѣкомъ, не имѣющимъ „личности". Въ дѣтствѣ онъ воспитывался подъ ферулой своей матери, Ксеніи Ивановны, урожденной Шестовой. Филаретъ Никитичъ былъ человѣкъ крутого и жесткаго нрава, но жена его, въ этомъ отношеніи, пожалуй, еще превосходила его. Достаточно взглянуть на ея портретъ, на низко опущенныя брови, суровые глаза, крупный съ горбиной носъ, а всего болѣе, на насмѣшливыя и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительныя губы, чтобы составить себѣ понятіе объ ея умѣ, сильномъ характерѣ и волѣ, но эти признаки мало говорятъ о мягкости и добротѣ. Все пережитое ею до 1613 г.,—постоянныя лишенія, ссылка и монастырь, вынужденное смиреніе, столь несходное съ ея характеромъ, затѣмъ разлука съ мужемъ и сыномъ, безпрестанное бозпокойство за ихъ жизнь,—все это еще болѣе закалило ея характеръ и глубже заставило почувствовать всю силу доставшихся ей свободы и власти. Понятно, какое давленіе должна была оказывать такая энергичная мать на мягкій характеръ сына, который, вѣроятно, какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь, не выходилъ изъ ея воли, не противорѣчилъ ей,—она то и дѣйствовала за нимъ, когда онъ сталъ царемъ. Сдѣлавшись царицей, Марѳа взяла весь скарбъ прежнихъ царицъ, въ свои руки, дарила имъ боярынь, стала жить совершенно по царски и занималась больше всего религіей и благочестивыми дѣлами, какъ царственная монахиня; но имѣла также громадное вліяніе на дворцовую жизнь, направляла ее, выдвигала наверхъ свою родню, ставила ее у дѣлъ и тѣмъ самымъ давала ей возможность, пользуясь покровительствомъ всесильной старицы-царицы, дѣлать вопіющія злоупотребленія и оставаться безъ наказанія. Въ числѣ ея любимой родни были и Салтыковы, знаменитые своими интригами въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Но изо всѣхъ креатуръ старицы Марѳы, умѣвшихъ устраивать свои дѣла, ни одного не являлось такого, который могъ бы устраивать дѣла государственныя и далъ бы твердое направленіе внутренней

и внѣшней политикѣ. Московская политика того времени не имѣла опредѣленнаго пути и шла туда, куда толкали случайности. Земскіе соборы рѣшали тѣ дѣла, которыя давались имъ на разсмотрѣніе администраціей. Но не было въ администраціи человѣка, который бы зналъ, что нужнѣе дать на сужденіе собору, и часто собору передавалось рядомъ съ важными дѣлами и обсужденіе такихъ дѣлъ, которыя давно въ принципѣ были рѣшены и требовали лишь исполнительныхъ мѣръ (дѣло о казакахъ въ сентябрѣ 1614 г.).

Такъ стояли дѣла до 1619 г. Молодой царь не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ, зато вокругъ него были люди, способные на дворцовыя интриги и административныя злоупотребленія, на обманъ и „мздоиманіе", какъ выражается псковскій лѣтописецъ. Но дѣла въ Москвѣ перемѣнились, когда пріѣхалъ государевъ отецъ, личность умная, способная и привыкшая къ дѣламъ.

Филаретъ Никитичъ,—въ молодости первый красавецъ и щеголь въ Москвѣ,—въ лучшіе годы былъ постриженъ въ монахи „неволею"; ему пришлось затѣмъ испытать и тюрьму, и жизнь въ Тушинѣ, и польскій плѣнъ, однимъ словомъ, пережить очень много, но это еще болѣе закалило его и безъ того сильный характеръ. Въ смутѣ онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ важнѣйшими государственными вопросами и пріобрѣлъ къ нимъ навыкъ,—сталъ государственнымъ человѣкомъ. Но та же жизненная школа, которая воспитала въ немъ волю и энергію и образовала умъ, сообщила жестокую неровность, суровость, даже деспотическій складъ его характеру. Когда Филаретъ былъ поставленъ въ патріархи, ему присвоенъ былъ, какъ и царю, титулъ „великаго государя". Въ новомъ великомъ государѣ Москва сдѣлала большое пріобрѣтеніе, она получила то, въ чемъ болѣе всего нуждалась: умнаго администратора съ опредѣленными цѣлями. Даже въ сферѣ церковной Филаретъ былъ скорѣе администраторомъ, чѣмъ учителемъ и наставникомъ церкви. У насъ сохранились отзывы современниковъ о немъ: одинъ изъ нихъ говоритъ, что Филаретъ „божественное писаніе отчасти разумѣлъ, нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ былъ (т. е. взялъ такую власть), яко и самому царю боятся его; бояръ же всякаго чина людей царскаго синклита зѣло томляше заключеніями... и иными наказаніями; до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ". Дѣйствительно, пріѣхавъ въ Москву, Филаретъ завладѣлъ ратными и всякими царскими дѣлами и сумѣлъ, не нарушивъ семейнаго мира, очень скоро разогнать тѣхъ, кого выдвинуло родство съ его женой. Первыми изъ подвергшихся опалѣ были Салтыковы, отправленные имъ въ ссылку по дѣлу Хлоповой. Послѣднее въ высшей степени интересно.

Еще ранѣе 1616 года чадолюбивая Мароа позаботилась пріискать

сыну невѣсту, при чемъ выборъ ея палъ на Марію Хлопову, изъ преданнаго Романовымъ рода Желябужскихъ; она жила при Мароѣ и въ 1616 г. была объявлена формально невѣстой царя. Но браку царя помѣшала вражда Салтыковыхъ къ Хлоповымъ,—въ нихъ царская родня увидала себѣ соперниковъ по вліянію. Поводомъ къ враждѣ послужилъ ничтожный споръ отца царской невѣсты съ однимъ изъ Салтыковыхъ. Незадолго передъ свадьбой произошла неожиданная болѣзнь невѣсты, пустая сама по себѣ, но получившая другой видъ, благодаря интригамъ Салтыковыхъ. Они воспользовались этой болѣзнью, Хлопова была сочтена „испорченной" и сослана вмѣстѣ съ родными, обвиненными въ обманѣ, въ Тобольскъ. По возвращеніи Филарета интрига царской родни была открыта и Хлопову рѣшено воротить изъ ссылки, особенно потому, что Михаилъ, этотъ мягкій и безличный на видъ юноша, все еще продолжалъ горячо любить свою бывшую невѣсту и, безпрекословно уступая матери во всемъ остальномъ, рѣшительно воспротивился ея желанію женить его на другой. Но Мароа, стоявшая за Салтыковыхъ, не пожелала возвращенія Маріи во дворецъ и настояла на томъ, что Хлопову оставили въ Нижнемъ-Новгородѣ, поселивъ на прежнемъ дворѣ умершаго Козьмы Минина. Салтыковы же были отправлены на житье въ свои вотчины. Не сразу отказавшись отъ Хлоповой, Михаилъ Ѳеодоровичъ женился только на 29 году своей жизни (случай крайне рѣдкій, потому что браки тогда обыкновенно совершались рано) на Маріи Владиміровнѣ Долгоруковой, скоро умершей, а затѣмъ, во второй разъ, на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой.

Правительственная дѣятельность за годы 1619—1645. Итакъ, съ пріѣздомъ Филарета Никитича временщики должны были отказаться отъ власти и уступить вліяніе ему. Иначе и быть не могло; Филаретъ, по праву отца, ближе всѣхъ сталъ къ Михаилу и руководилъ имъ, какъ отецъ сыномъ. Такимъ образомъ началось двоевластіе и началось офиціально: всѣ грамоты писались отъ лица обоихъ великихъ государей. Имя Михаила стояло въ нихъ впереди имени патріарха, но, зная волю и энергію Филарета, нетрудно отгадать, кому принадлежало первенство фактически.

И вотъ началась энергичная и умѣлой рукой направленная работа надъ водвореніемъ порядка въ странѣ. Всѣ стороны государственной жизни обратили на себя вниманіе правительства. Съ участіемъ Филарета начались заботы о финансахъ, объ улучшеніи администраціи и суда, и объ устройствѣ сословій. Когда въ 1633 г. Филаретъ сошелъ въ могилу, государство Московское было уже совсѣмъ инымъ въ отношеніи благоустройства,—не все, конечно, но очень много для него сдѣлалъ Филаретъ. И современники отдаютъ справедливость его уму и дѣламъ. Филаретъ, говоритъ одна лѣтопись, „не только слово Божіе исправлялъ, но

и земскими дѣлами всѣми правилъ; многихъ освободилъ отъ насилія, при немъ никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей; кто служилъ государю и въ безгосударное время и былъ не пожалованъ, тѣхъ всѣхъ Филаретъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и никому не выдавалъ". Въ этомъ панегирикѣ современника много справедливаго; вновь возникшій государственный порядокъ въ самомъ дѣлѣ многимъ былъ обязанъ Филарету, и этого мы не можемъ не признать, хотя, можетъ быть, наши симпатіи къ властительной личности патріарха могутъ быть и меньше, чѣмъ къ ея государственнымъ заслугамъ. Но должно признаться, что историкъ, чувствуя общее благотворное вліяніе Филарета въ дѣлѣ устройства страны, не можетъ точно указать границы этого вліянія, отличить то, что принадлежитъ лично Филарету и что другимъ. Въ жизни нашихъ предковъ личности было мало простора показать себя, она всегда скрывалась массою. Здѣсь мы можемъ только указать на общее значеніе Филарета въ дѣлѣ успокоенія государства. Изъ общаго очерка государственной дѣятельности Михаилова правительства это значеніе выглянетъ яснѣе.

Нельзя сказать, чтобы до Филарета не старались объ устройствѣ земли: земскіе соборы постоянно были заняты этимъ дѣломъ; но безъ опытнаго руководителя оно шло безъ системы; къ тому же приходилось бороться съ проявленіями смуты и устраиваться кое-какъ для того лишь, чтобы обезпечить миръ. Насколько можно судить по источникамъ, до Филарета у московскаго правительства было два главныхъ интереса въ отношеніи внутренняго устройства, двѣ задачи: во-первыхъ, собрать въ казну какъ можно болѣе средствъ, и во-вторыхъ, устроить служилыхъ людей, другими словами, устроить войско. Для этихъ то цѣлей соборъ назначалъ два раза—въ 1615 и 1616 г.г.—сборъ пятой деньги, т. е. 20% съ годового дохода плательщика и посошное въ 1616 г. по 120 р. съ каждой сохи. Разница между той и другой повинностями состояла въ томъ, что 20% платилось съ „двора", посошное же взималось съ мѣры пахотной земли, съ „сохи". Кромѣ того, своимъ чередомъ платились обычныя подати. Между тѣмъ при такихъ громадныхъ сборахъ, при займахъ, къ которымъ сверхъ того прибѣгало правительство, у него все-таки не хватало средствъ и оно не могло давать льготы податному сословію, не желало даже допускать недоимокъ. Подати собирались съ обычною въ то время жестокостью, и конечно, очень большимъ бременемъ ложились на народъ. Для второй же цѣли правительство посылало не разъ въ разныя мѣстности бояръ „разбирать" служилыхъ людей, „верстать", т. е. принимать въ службу дѣтей дворянъ, годныхъ къ службѣ, и надѣлять ихъ помѣстной землей. И для первой и для второй цѣли необходимо было знать положеніе частной земельной собственности въ государствѣ, и вотъ посылались „писцы" и „дозорщики" для описи и

податной оцѣнки земли. Но благодаря отсутствію, такъ сказать, хозяйскаго глаза, какимъ позже явился Филаретъ, всѣ намѣренія правительства исполнялись небрежно, съ массою злоупотребленій со стороны и администраціи и населенія: писцы и дозорщики однимъ мирволили, другихъ тѣснили, брали взятки; да и населеніе, стремясь избавиться отъ податей, часто обманывало писцовъ, скрывало свое имущество и этимъ достигало, льготной для себя, неправильной оцѣнки.

Какъ только Филаретъ былъ поставленъ въ патріархи, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Москву, онъ возбуждаетъ уже важнѣйшіе государственные вопросы и ставитъ ихъ на разрѣшеніе собора. Первое, что обратило его вниманіе, была именно путаница въ финансовыхъ дѣлахъ, въ дѣлѣ взиманія податей. И вотъ въ іюнѣ 1619 г. земскій соборъ постановляетъ замѣчательный приговоръ, преимущественно по финансовымъ дѣламъ. Собору были поставлены на видъ указанія, сдѣланныя царю патріархомъ: 1) съ разоренной земли подати взимаются неравномѣрно, однѣ изъ разоренныхъ земель облагаются податью по дозорнымъ книгамъ; съ другихъ же, не менѣе разоренныхъ, берется подать по писцовымъ книгамъ *); 2) при переписи земель допускаются постоянныя злоупотребленія дозорщиковъ и писцовъ; 3) бываютъ постоянныя злоупотребленія и со стороны тяглыхъ людей, которые массами или закладывались за кого-нибудь (т. е. входили въ особаго рода долговую зависимость и тѣмъ самымъ освобождались отъ тягла и выходили изъ общины) или просто убѣгали изъ своей общины, предоставляя ей, въ силу круговой поруки, платить за выбывшихъ членовъ; 4) кромѣ этихъ податныхъ злоупотребленій многіе просятъ отъ „сильныхъ людей ихъ оборонить“ ибо сильные люди (т. е. администрація, вліятельное боярство и т. д.) „чинятъ имъ насильства и обиды“. Вотъ объ этихъ то злоупотребленіяхъ государь и говорилъ на соборѣ „какъ бы то исправить и землю устроить“. Соборъ постановилъ слѣдующее: 1) произвести снова перепись въ мѣстностяхъ неразоренныхъ, писцовъ и дозорщиковъ выбрать изъ надежныхъ людей, привести ихъ къ присягѣ, взявъ обѣщаніе писать безъ взятокъ и работать „вправду“; 2) тяглыхъ людей, выбѣжавшихъ и „заложившихся“ за бояръ и монастыри, сыскать и возвратить назадъ въ общины, а на тѣхъ, кто ихъ держалъ, наложить штрафы; 3) составить роспись государственныхъ расходовъ и доходовъ: сколько „по окладамъ“ (т. е. по частнымъ росписямъ) числится тѣхъ и

*) Дозоръ—это податная оцѣнка имуществъ сообразно ихъ благоустроенности: здѣсь принимаются въ расчетъ обстоятельства, могущія дать льготы по уплатѣ податей (долги, пожары, разореніе отъ враговъ и т. д.). Перепись—это простая податная оцѣнка имуществъ, при которой не обращается вниманія на благосостояніе плательщиковъ.

другихъ, сколько убыло доходовъ отъ разоренія, сколько поступаетъ денегъ, куда ихъ расходовали, сколько ихъ осталось и куда онѣ предназначаются; 4) относительно жалобъ на сильныхъ людей состоялся царскій указъ соборный приговоръ: боярамъ кн. Черкасскому и Мезецкому поручить сыскивать про обиды „сильныхъ людей" въ особомъ сыскномъ приказѣ; наконецъ, 5) рѣшили обновить составъ земскаго собора, замѣнивъ выборныхъ людей новыми.

Въ этомъ приговорѣ собора рѣзко выдѣляются двѣ черты: прямо рисуется неудовлетворительное экономическое положеніе податныхъ классовъ и уклоненіе отъ податей, а затѣмъ неудовлетворительное же состояніе администраціи съ ея злоупотребленіями, о которыхъ свидѣтельствовали столь частыя челобитныя про „обиды сильныхъ людей". Всѣ послѣдующія внутреннія распоряженія правительства Михаила Θеодоровича и клонились именно къ тому, чтобы 1) *улучшить администрацію* и 2) *поднять платежныя и служебныя силы страны.*

1. Что касается до *администраціи*, то, пользуясь слабостью надзора сверху, для котораго у правительства просто не было средствъ, и отсутствіемъ крѣпкихъ мѣстныхъ союзовъ внизу, въ областяхъ, воеводы и приказные дѣльцы позволяли себѣ рядъ насилій и беззаконій. До смуты мѣстное управленіе не имѣло однообразнаго типа. При царѣ Иванѣ IV, какъ мы видѣли, желая ограничить злоупотребленія областныхъ правителей—намѣстниковъ и волостелей,—правительство разрѣшило городскимъ и сельскимъ общинамъ самимъ выбирать себѣ судей и правителей, причемъ новыя выборныя власти получали названіе губныхъ старостъ, излюбленныхъ головъ, земскихъ судей и пр. Но это самоуправленіе на дѣлѣ было введено не вездѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наряду съ выборными, или даже и исключительно, управляли намѣстники. Во время смуты самоуправленіе какъ-то повсюду исчезаетъ; смута, какъ военное время, выдвигаетъ и военную власть—воеводъ въ роли областныхъ правителей; въ ихъ рукахъ въ началѣ XVII вѣка сосредоточиваются всѣ отрасли управленія и суда; пользуясь этимъ, они обращали управленіе и судъ въ дѣло личной выгоды. По словамъ одной царской грамоты „въ городахъ воеводы и приказные люди (ихъ помощники) всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему (царскому) указу, монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки всякіе; посулы, поминки и кормы берутъ многіе". Стоитъ только просмотрѣть рядъ челобитій того времени, въ которыхъ ярко описываются всѣ „насильства и убытки", чтобы заключить о силѣ злоупотребленій мѣстной администраціи. Для примѣра упомянемъ о дѣйствіяхъ Мангазейскихъ (въ Сибири) воеводъ Григорія Кокорева и Андрея Палицына. Палицынъ доносилъ на Кокорева, что этотъ послѣдній, когда самоѣды привозятъ ясакъ (подать), спаивалъ ихъ, и такимъ путемъ и ясакъ и деньги пе-

реходили въ руки ловкаго воеводы. Затѣмъ онъ часто устраивалъ пиры, на которыхъ явства должно было приносить населеніе, а въ случаѣ, если кто либо мало приносилъ, приношеніе бросалось въ лицо приносителю и его прогоняли толчками. Если кто изъ богатыхъ людей не угождалъ воеводѣ, его неожиданно посылали на службу въ тундры, и только давъ за себя выкупъ, можно было избѣгнуть такого рода ссылки. Мало того, Кокоревъ часто разыгрывалъ изъ себя невинность и ни за что не хотѣлъ брать взятки. Но тутъ на помощь являлся кто-нибудь изъ пріятелей воеводы и предлагалъ просителю обратиться „ко всемірной заступницѣ" (такъ называлъ онъ жену Кокорева); послѣдняя улаживала дѣло и принимала взятку. Кокоревъ въ свою очередь писалъ доносы на товарища, что тотъ держитъ корчму и спаиваетъ всѣхъ водкой. Мало-помалу распря воеводъ разгорѣлась чуть ли не въ цѣлую войну: между представителями администраціи произошла прямая стычка, въ которой было убито нѣсколько человѣкъ посадскихъ. Не имѣя силъ избѣгнуть такого рода явленій, прекратить общій произволъ, завѣщанный смутой, правительство, карая отдѣльныхъ лицъ, въ то же время облегчало возможность челобитья на администрацію, учреждая въ 1619 г. для того Сыскной приказъ, а въ 1621 г. обращаясь ко всей землѣ съ грамотою, въ которой оно запрещало общинамъ давать воеводамъ взятки, на нихъ работать и вообще исполнять ихъ незаконныя требованія. Въ случаѣ же неисполненія вышесказаннаго, правительство грозило земскимъ людямъ наказаніемъ. Но послѣдующая практика показала недѣйствительность такого рода оригинальнаго обращенія къ землѣ. Воеводы продолжали злоупотреблять властью, и земскіе люди говорятъ на соборѣ 1642 г., стало быть, спустя лѣтъ двадцать послѣ указанныхъ мѣръ: „Въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ". Воеводы слишкомъ близко стояли къ народу; неудовольствіе воеводы слишкомъ ощутительно отзывалось на городскомъ человѣкѣ и невольно заставляло его давать взятку и работать на воеводу, а управы на него искать было все-таки трудно: за управой необходимо было ѣхать въ Москву.

Въ 1627 г. правительство пришло къ мысли возстановить повсемѣстно губныхъ старостъ, предписывая выбирать ихъ изъ лучшихъ дворянъ, т. е. изъ болѣе состоятельныхъ. Эта мѣра ограничивала кругъ вліянія воеводъ; многіе города воспользовались ею и просили, чтобы у нихъ не было воеводъ, а были только губные старосты, и это разрѣшалось. Такимъ образомъ губной староста сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ не одни уголовныя дѣла, а все областное управленіе, становился и земскимъ судьею. Но, съ другой стороны, города иногда оставались недовольны губными старостами и просили назначить имъ воеводъ; такъ, городъ Дмитровъ, просившій въ 1639 г. губного старосту, въ 1644 г. уже

хлопочетъ о назначеніи ему воеводы. Городъ Кашинъ въ 1644 г. также просилъ себѣ воеводу (и даже указывалъ на Дементія Лазарева, какъ на лицо, желаемое для этой должности), потому что кашинскій губной староста „срамен и увѣченъ“, а прежде въ Кашинѣ были воеводы, а такого „воровства не было“. И другіе города поступаются точно также губнымъ правомъ изъ-за непригодности извѣстной личности. Очевидно, что губной институтъ, это по нашему—„право“, тогда не мыслился таковымъ: въ уѣздахъ было очень мало людей, годныхъ для дѣла, ибо всѣ такіе люди были правительствомъ „выволочены на службу“. Нѣкоторыя общины, однако, сохранили и въ то время полное самоуправленіе: это было, большею частію, въ такъ называемыхъ черныхъ земляхъ, преимущественно на сѣверѣ.

Таково было при Михаилѣ Өеодоровичѣ положеніе *мѣстнаго* управленія, носившаго, слѣдовательно, смѣшанный характеръ.

Что касается до *центральнаго* управленія при Михаилѣ Өеодоровичѣ, то оно возстановлялось въ Москвѣ по старымъ образцамъ, завѣщаннымъ XVI в. въ формѣ старыхъ приказовъ, и только потребностями времени вызывались къ жизни новые приказы. Ихъ было много учреждено при Михаилѣ, но устраивались они опять-таки по старымъ досмутнымъ образцамъ, спеціализируя одну какую нибудь отрасль вѣдѣнія какого-нибудь стараго приказа. Въ центрѣ всего управленія по-прежнему стояла и всѣмъ руководила государева боярская дума.

2. Кромѣ заботъ объ администраціи, въ Москвѣ очень заботились *о поднятіи послѣ смуты общаго благосостоянія*, стремленіе къ которому было, конечно, присуще и XVI вѣку; благосостояніе земли было необходимо правительству и для хорошаго устройства службы и тяготъ. Въ эту именно рамку отливались всѣ заботы правительства, которыя мы назвали заботами о благосостояніи. Благосостояніе народа смѣшивалось тогда съ благоустройствомъ государственныхъ повинностей.

Это приводитъ насъ къ вопросу объ устройствѣ сословій при Михаилѣ Өеодоровичѣ, такъ какъ государственныя повинности въ Московскомъ государствѣ носили сословный характеръ. Начнемъ съ служилаго сословія. Заботы правительства о немъ были двоякаго рода: 1) заботы объ обезпеченіи служилыхъ людей землями или иначе—*вопросъ помѣстный*—и 2) заботы объ отношеніи служилыхъ людей къ крестьянству, или иначе—*вопросъ крестьянскій*. Какъ уже извѣстно, главнымъ средствомъ содержанія военнаго дворянскаго класса была земля, а на землѣ—крестьянскій трудъ. Смута должна была, конечно, поколебать и замутить правильность помѣстнаго землевладѣнія: масса дворянъ была согнана съ помѣстій, масса помѣстныхъ земель пустовала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество дворцовыхъ и черныхъ земель перешло въ помѣстья. Наряду съ безпомѣстными помѣщиками были такіе, которымъ помѣстья попали не-

законно или неизвѣстно какъ. Ни наличнаго числа дворянъ, годныхъ къ службѣ, ни степени обезпеченности ихъ правительство въ первые годы не знало. Въ горячее время первыхъ войнъ оно старалось кое-какъ привести въ извѣстность все это, отбирало незаконно захваченныя казенныя земли *), разбирало и „испомѣщало" служилыхъ людей и, не прибѣгая къ строгой повѣркѣ правъ на землю того или другого помѣщика, давало разореннымъ денежное жалованье, а для увеличенія служилаго класса верстало въ службу казаковъ, „которые отъ воровства отстали". Словомъ, оно приводило въ ясность свой служилый классъ и въ помѣстныхъ дѣлахъ руководилось старыми обычаями, издавало при случаѣ частные указы о помѣстныхъ дѣлахъ и, наконецъ, въ 1636 году составило цѣлый сводъ изъ этихъ указовъ—„помѣстное уложеніе". Но эта лихорадочная дѣятельность не могла сразу привести къ полному благоустройству. Положеніе служилыхъ фактически было чрезвычайно тяжело. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ „воровали", „оставались въ нѣтяхъ", т. е. не являлись по призыву на службу, и это сходило съ рукъ по слабости надзора. Другіе же добросовѣстно служили, а служить имъ, между тѣмъ, какъ тогда говорили, было „не съ чего". И вотъ въ 1633 г. московскіе дворяне, т. е. высшій разрядъ дворянства **), били челомъ, что на войну идти не могутъ; у однихъ нѣтъ земель, а у другихъ и есть, да пусты,—крестьянъ нѣтъ, а если и есть, то 3, 4, 5 или 6 душъ всего, а это для службы слишкомъ мало. Правительство велѣло разобрать ихъ челобитья, при чемъ признало, что служить помѣщикъ можетъ только *съ 15-ти крестьянъ*. Любопытно, что на соборѣ 1642 г. это число самими дворянами опредѣляется не 15-ью, а 50-ью. Но если положеніе лучшаго дворянства было таково, то еще хуже было положеніе низшихъ его слоевъ, это мы видимъ изъ многихъ документовъ того времени и, между прочимъ, изъ челобитья, которое въ 1641 г. дворяне разныхъ городовъ, бывшіе на Москвѣ, подали объ улучшеніи ихъ быта. Они, описывая свое печальное экономическое положеніе, между прочимъ, указывали на то, что много дворянъ „не хотятъ съ ними государевы службы служити и бѣдности терпѣти и—*идутъ въ холопство*". Уже Су-

*) О редукціи есть два мнѣнія: одни совершенно отрицаютъ ея существованіе и говорятъ, что московское правительство укрѣпило землю за тѣмъ, за кѣмъ она находилась въ моментъ ревизіи (Бестужевъ-Рюминъ); другіе допускаютъ редукцію, какъ въ Швеціи, гдѣ, когда борьба правительства съ дворянами окончилась побѣдою абсолютизма, она проводилась съ неумолимою суровостью. Хотя такой редукціи у насъ не было, однако нельзя согласиться и съ первымъ мнѣніемъ, такъ какъ мы находимъ ясные и несомнѣнные признаки ея.

**) Назначенные въ походъ противъ поляковъ съ князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ.

дебникъ 1550 г. запрещаетъ находящимся на службѣ, „верстанымъ" дворянамъ итти въ холопы, а теперь въ 1642 г. въ отвѣтъ на челобитье правительство запретило это всѣмъ дворянамъ вообще. Переходъ дворянъ въ холопы, предпочтеніе зависимаго холопьяго состоянія свободному состоянію землевладѣльца, конечно, рѣзкій признакъ тяжелаго экономическаго положенія. Сами дворяне склонны были видѣть причины своего разстройства въ тяжести службы и злоупотребленіяхъ по службѣ, именно въ неравномѣрномъ распредѣленіи служебныхъ тяготъ между дворянами (на что они указывали на соборѣ 1642 г.), а затѣмъ въ малой устойчивости крестьянскаго труда, которымъ они только и могли держаться. О такомъ-то положеніи крестьянскаго труда говоритъ замѣчательное челобитье 1646 г.; оно въ значительной степени посвящено незаконному переходу и переводу крестьянъ и кабальныхъ людей. Та борьба за крестьянина, которая шла въ XVI в., продолжается и въ XVII в.

Въ нашей бесѣдѣ о крестьянствѣ XVI в. мы пришли къ тому выводу, что подъ такъ называемымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ концѣ XVI в. нельзя разумѣть общей государственной мѣры, закрѣплявшей цѣлое сословіе, а нужно видѣть только ограниченіе перехода нѣкоторой части крестьянства и ограниченіе территоріи для перехода (указы Бориса Годунова). Въ XVII в. крестьяне переходятъ отъ одного землевладѣльца къ другому и заключаютъ съ ними такія же порядныя, какъ въ XVI в., но рядомъ съ этимъ есть разрядъ крестьянъ, которые переходить по закону уже не могутъ, а бѣгутъ и вывозятся беззаконно. Трудно объяснить, что за разница была между этими двумя разрядами крестьянъ въ XVII в., на чемъ одни изъ нихъ основывали свое право свободнаго выхода и на какомъ основаніи другіе были лишены этого права. Въ положеніи крестьянъ времени Михаила Θеодоровича для насъ еще очень много неяснаго, но вѣроятнѣе всего, что въ основѣ такого дѣленія крестьянства лежали экономическія обстоятельства, денежныя ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Бѣглымъ крестьяниномъ становится тотъ, кто долженъ былъ уйти съ расчетомъ, а ушелъ безъ него. Такихъ искали и возвращали къ старымъ землевладѣльцамъ въ XVI в. безъ срока, потомъ въ теченіе 5 лѣтъ послѣ побѣга (по указу 1597 г.), послѣ чего бѣжавшій былъ свободенъ. Но такъ какъ дворяне желали и просили увеличенія этого срока, то Михаилъ Θеодоровичъ въ 1615 и 1637 гг. въ видѣ частныхъ льготъ для нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ измѣняетъ эту давность на десятилѣтнюю. А въ 1642 г., благодаря дворянскому челобитью 1641 г., въ которомъ дворяне просили рѣшительной отмѣны срока, десятилѣтній срокъ становится уже общимъ правиломъ для бѣглыхъ крестьянъ, а пятнадцатилѣтній для крестьянъ, вывезенныхъ насильно другимъ землевладѣльцемъ. Это увеличеніе сроковъ шло, конечно, въ пользу помѣщиковъ для лучшаго ихъ обезпеченія, въ видахъ луч-

шаго исполненіе ими службы. Здѣсь интересы крестьянъ принесены въ жертву интересамъ служилаго сословія.

Въ XVII в. встрѣчаются уже уступка и продажа крестьянъ безъ земель. Это дѣлалось, напримѣръ, такъ: если крестьянинъ одного помѣщика былъ убитъ крестьяниномъ другого, то второй владѣлецъ вознаграждалъ потерпѣвшаго однимъ изъ своихъ крестьянъ. А бывали и прямые уступки крестьянъ по гласнымъ сдѣлкамъ между землевладѣльцами. Отсюда видно, что помѣщики владѣли крестьянами крѣпко. Однако не всѣ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Тѣ, которые не были вписаны въ писцовыя книги, а жили при своихъ родныхъ, могли еще переходить съ одной земли на другую и заключать порядныя. Но мы видимъ, что такой порядокъ продолжается недолго, ибо, переходя, крестьяне заключаютъ свои новые договоры на вѣчныя времена, а не на сроки. Вотъ то средство, которымъ помѣщики и остальную часть крестьянства закрѣпили за собою.

Перейдемъ теперь къ посадскимъ людямъ. Въ первой половинѣ XVII в. между крестьяниномъ, пахавшимъ въ уѣздѣ, и посадскимъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на посадѣ, не было никакихъ почти различій по праву: посадскій могъ перейти въ уѣздъ на пашню, а крестьянинъ сѣсть въ посадѣ и торговать или промышлять. Разница была только въ томъ, что крестьянинъ платилъ подать съ земли, а посадскій — съ „двора“. Руководясь этимъ только признакомъ, мы не можемъ говорить объ особомъ классѣ посадскихъ людей. Малочисленность этихъ послѣднихъ была просто поразительна. Во многихъ городахъ въ XVII в. совсѣмъ не было посадскихъ людей: въ Алексинѣ, напр., около 1650 г. „былъ посадскій человѣкъ“, пишетъ воевода, „и тотъ умеръ“. „На Крапивнѣ“, пишетъ другой воевода, „посадскихъ людей только три человѣка и тѣ худы“ (т. е. бѣдны). Въ самой Москвѣ число посадскихъ послѣ смуты стало втрое меньше, чѣмъ было до нея. Малочисленность торговаго и промышленнаго класса указываетъ на слабое развитіе промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. Упадокъ торговли и промышленности въ XVI в. мы уже имѣли случай отмѣтить въ своемъ мѣстѣ. Что же обусловливало продолженіе этого упадка и теперь, въ первой половинѣ XVII в.? Конечно, смута и печальныя послѣдствія этой эпохи — всеобщее разореніе, далѣе, тяжелыя подати, сборы пятой и десятой деньги, насилія администраціи; затѣмъ сюда надо присоединить монополіи казны, откупа, наконецъ, отсутствіе частныхъ капиталовъ (исключеніе составляли только знаменитые сѣверные промышленники Строгановы). Далѣе не послѣднимъ фактомъ, мѣшавшимъ поднятію русской торговли, была конкуренція иностранцевъ: англичанъ, которые въ самомъ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича получили право безпошлинной торговли внутри государства, и голландцевъ, которымъ съ

1614 г. дозволено было также торговать внутри страны съ половинной пошлиной. И вотъ съ 1613 и до 1649 г. мы видимъ рядъ челобитій русскихъ торговыхъ людей объ отнятіи торговыхъ льготъ у иностранцевъ. Жалуясь на плохое состояніе своихъ дѣлъ, они во всемъ винятъ иностранную конкуренцію. Хотя и не одна эта конкуренція вызывала упадокъ русской торговли, однако, дѣйствительно, въ XVII в. русскіе рынки попали въ иностранныя руки и это отзывалось плохо на оборотахъ русскаго торговаго класса. Почему въ льготномъ положеніи иностранныхъ купцовъ правительство видѣло пользу страны—рѣшить трудно.

Гораздо понятнѣе и правильнѣе поступало московское правительство, призывая на льготныхъ условіяхъ промышленниковъ—иностранцевъ. оно руководилось стремленіемъ привить въ Россіи разные промыслы, до тѣхъ поръ неизвѣстные. Среди промышленныхъ иностранцевъ на Руси мы встрѣчаемъ прежде всего такъ называемыхъ „рудознатцевъ", оружейниковъ и литейщиковъ. Такъ, въ 1640 г. англичанинъ *Картрейтъ* взялся искать въ окрестностяхъ Москвы золотую и серебряную руду, но, конечно, ничего не нашелъ и долженъ былъ заплатить по своему обязательству всѣ издержки, сдѣланныя по этому поиску. Черезъ два года *Борисъ Рѣпнинъ* съ рудознатцами ѣздилъ въ Тверь для отысканія золотой руды, но его предпріятіе тоже не увѣнчалось успѣхомъ. Отыскивая руды, правительство заботилось тоже объ оружейномъ и литейномъ дѣлѣ,—еще съ XVI в. Тула была извѣстна выдѣлкою оружія, а въ 1632 г. голландскій купецъ *Виніусъ* получилъ позволеніе построить тамъ заводъ для литья пушекъ, ядеръ и т. п.; въ товарищество къ нему впослѣдствіи вступилъ Марселисъ. Затѣмъ, нѣсколько позже были посланы за границу переводчикъ Захаръ Николаевъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Эльрендофъ для найма мастеровъ, знающихъ литейное дѣло. Торговыя льготы и вообще гостепріимное отношеніе къ иностранцамъ московскаго правительства, ожидавшаго отъ нихъ экономической пользы для страны, привлекало въ страну много иноземцевъ. По отзыву бывшаго въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ гольштинца Олеарія, до 1,000 протестантскихъ семействъ жило тогда въ Москвѣ (съ протестантами наши предки уживались какъ-то легче, чѣмъ съ католиками). Къ иностранцамъ-промышленникамъ русскіе люди относились гораздо лучше, чѣмъ къ иностранцамъ—купцамъ, находили, что у нихъ есть, чему поучиться.

Вотъ краткій обзоръ того, чѣмъ думало правительство Михаила Ѳеодоровича достигнуть поднятія экономическаго быта государства и улучшенія своихъ финансовъ.

Итакъ, повторяемъ, въ правительственной дѣятельности времени Михаила Ѳеодоровича главной цѣлью было успокоеніе взволнованнаго смутой государства, и этой цѣли правительство думало достигнуть двумя

путями: 1) истребленіемъ административныхъ злоупотребленій и 2) мѣрами, направленными къ поднятію общаго благосостоянія.

Надо замѣтить, что при этомъ московскими правительственными людьми руководилъ, можетъ быть сознательно, а можетъ быть и безсознательно, одинъ принципъ: все должно быть по старинѣ такъ, какъ было при прежнихъ царяхъ. Руководясь этимъ, они ничего не хотѣли реформировать и вновь учреждать: возстановляя государство послѣ смуты, они шли къ старымъ образцамъ и дѣйствовали старыми средствами.

Но московское правительство ни цѣлей своихъ не достигло вполнѣ, ни принципа своего не провело строго. Возвращаясь къ старинѣ, возстановляя весь старый механизмъ управленія, московскіе люди не думали что-либо мѣнять и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили многое. Такого рода перемѣны произошли, напр., въ областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ власти временной становится постоянною и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскою властью. Далѣе, держась по старому помѣстной системы, торопясь привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ, „чего при старыхъ великихъ государяхъ не было“. Съ другой стороны, давая первенствующее значеніе служилому классу, все болѣе и болѣе обезпечивая его положеніе, мало-по-малу приходятъ къ сознанію неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченій, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, солдатскіе и рейтарскіе полки. Въ войскѣ Шеина въ 1632 г. подъ Смоленскомъ было уже 15.000 регулярнаго войска, устроеннаго по иноземному образцу. Этихъ примѣровъ совершенно достаточно для доказательства того, что дѣятельность правительства Михаила Ѳеодоровича, будучи по идеѣ консервативной, на дѣлѣ, по своимъ результатамъ, была, если только умѣстно это слово, реформаціонной. Такимъ образомъ результаты противорѣчили намѣреніямъ; случилось же это потому, что смута внесла въ общественную жизнь и ея отношенія много такихъ перемѣнъ, которыя дѣлали невозможнымъ поворотъ къ старому, хотя это, можетъ быть, и не сознавалось современниками. Такъ, смута создала для русскаго общества совсѣмъ исключительное положеніе въ государственныхъ дѣлахъ: земскій соборъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ признавался существеннымъ элементомъ государственнаго управленія, а въ этомъ фактѣ никакъ нельзя усмотрѣть консервативной тенденціи, ибо въ XVI в. верховная власть не могла такъ смотрѣть на соборы, какъ смотрѣлъ на нихъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. И никто не противорѣчилъ этому факту общественнаго участія въ дѣлахъ государства, пока новыя условія жизни не упразднили его. Съ 1613 г. во все время царствованія Михаила Ѳеодоровича власть государя стояла наряду съ властью Русской земли; всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по царскому

указу и соборному приговору, о чемъ постоянно свидѣтельствуютъ окружныя грамоты, посылаемыя отъ имени собора.

Итоги царствованія. Итакъ, правительству Михаила Ѳеодоровича не удалось быть вѣрнымъ старинѣ, не удалось ему добиться своей цѣли, т. е. исправить администрацію и устроить благосостояніе. Несмотря на это, оно сдѣлало много, даже чрезвычайно много; внѣшніе недруги Руси, Польша и Швеція, снова стали видѣть въ Москвѣ сильнаго врага; казачество смирилось.

Московскіе государи рѣшились даже возобновить войну съ Рѣчью Посполитою за Смоленскъ. Поводомъ послужила смерть короля Сигизмунда (1632) и наступившее въ Польшѣ „безкоролевье“: до избранія новаго короля поляки и литовцы не могли воевать. Московское войско, состоявшее изъ новыхъ полковъ иноземнаго строя и изъ старыхъ дворянскихъ ополченій численностью всего въ 32.000 человѣкъ, пошло къ Смоленску, взяло много мелкихъ городовъ на границѣ и осадило Смоленскъ. Такъ какъ Смоленскъ былъ чрезвычайно сильною крѣпостью, то осада затянулась надолго, несмотря даже на то, что во главѣ московскихъ войскъ стоялъ тотъ самый бояринъ Шеинъ, который въ смутное время былъ воеводою въ Смоленскѣ, геройски защищалъ его отъ короля Сигизмунда и зналъ хорошо какъ городъ, такъ и его окрестности. Черезъ восемь мѣсяцевъ осады на помощь Смоленску успѣлъ явиться вновь избранный король польскій Владиславъ Сигизмундовичъ. Онъ не только отбилъ русскихъ отъ крѣпости, но окружилъ ихъ самихъ въ ихъ лагерѣ. Утомленныя долгою войною московскія войска не могли выдержать натиска свѣжихъ войскъ Владислава и Шеинъ вступилъ въ переговоры съ королемъ. Онъ согласился отдать полякамъ всѣ свои пушки и обозъ и уйти въ Москву (1634). За это безславное отступленіе онъ былъ въ Москвѣ казненъ, какъ измѣнникъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, вторымъ воеводою Измайловымъ. Война продолжалась, но безъ всякаго новаго успѣха для Владислава. Поэтому лѣтомъ 1634 года онъ началъ переговоры о мирѣ. На пограничной рѣчкѣ Поляновкѣ съѣхались московскіе и польскіе послы и заключили „вѣчный миръ“. Смоленскъ и прочіе города, захваченные Сигизмундомъ въ смуту, остались за Рѣчью Посполитою. Но Владиславъ отказался отъ всякихъ правъ на московскій престолъ и призналъ Михаила Ѳеодоровича царемъ всея Руси. Это было очень важно.

Но утомленное войною и еще не забывшее смутныхъ потрясеній Московское государство экономически было такъ расшатано, что и въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича на земскихъ соборахъ въ 1632—34 гг. (по поводу польской войны) и 1637 г. (о турецкихъ дѣлахъ) обсуждался недостатокъ средствъ и даже людей у правительства. Въ 1632 — 33 гг. по земскому приговору снова собирается пятая или

„пятинная“ деньга (такого рода сборъ производится уже третій разъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ), и она даетъ въ суммѣ менѣе, чѣмъ давала прежде. На соборѣ же 1642 г. (по поводу Азовскаго вопроса) передъ правительствомъ очень ясно вскрылись нужды и желанія сословій. До насъ дошли письменныя мнѣнія или „сказки“ представителей этого собора относительно Азовскаго дѣла. Особенно интересны „сказки“ низшихъ служилыхъ и тяглыхъ людей. Первые въ своихъ сказкахъ обнаружили замѣчательный, по тому времени, политическій смыслъ и представляли цѣлые военные и финансовые проекты. Собору было предложено два вопроса по поводу Азова: 1) принять-ли Азовъ отъ донскихъ казаковъ? 2) если принять, то какими средствами держать его? На первый вопросъ духовенство и меньшинство выборныхъ не дало своего опредѣленнаго мнѣнія, предоставляя рѣшеніе волѣ государя, — „а въ пріемкѣ города Азова, въ томъ его государева воля“, говорятъ они. Остальное же большинство выборныхъ прямо высказалось за принятіе Азова и, слѣдовательно, за разрывъ съ турецкимъ султаномъ. Второй вопросъ былъ разработанъ членами собора, особенно мелкимъ дворянствомъ, очень обстоятельно. Но въ данную минуту для насъ всего интереснѣе тѣ мнѣнія выборныхъ, которыя, наряду съ проектами защиты Азова, указываютъ правительству на всеобщую разоренность и на злоупотребленія администраціи, единаго класса, которому жилось хорошо въ тѣ тяжелыя времена. Вотъ, что говорятъ, между прочимъ, городскіе дворяне о дьякахъ: „твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣли многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и дома свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя: блаженной памяти при прежнихъ государяхъ у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить“. Далѣе вотъ какъ рисуется положеніе торговаго класса: „мы холопи твои, гостишки и гостинной и суконной сотни торговые людишки городовые, питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодъ безпрестанно и отъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ Смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца. А будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованіемъ съ великою прибылью, — гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти и по шести и больше, а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки

на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы Нѣмцы и Кизильбашцы (Персіяне)". Одинаково интересна и „сказка" самыхъ мелкихъ — черныхъ сотенъ людей: „мы, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки, нынѣ грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ и отъ пятинныхъ денегъ и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ государю въ Смоленскую службу (въ 1632—33 гг.) и отъ поворотныхъ (съ воротъ двора) денегъ отъ городового землянаго дѣла и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь (выборныхъ) службъ, которыя мы, сироты, въ твоихъ государевыхъ, въ разныхъ службахъ на Москвѣ служимъ съ гостьми и опричь гостей. И отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ". (Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 113). Такія картины были недалеки отъ правды и не составляли большой новости для правительства. Жить было дѣйствительно трудно: государство требовало очень большихъ жертвъ, обстоятельства не дозволяли сколько нибудь разжиться, разбогатѣть. Недовольное своимъ экономическимъ положеніемъ общество ищетъ причинъ своего разоренія и, находя ихъ въ томъ или другомъ, бьетъ челомъ государю объ ихъ устраненіи.

Разсматривая массу частныхъ и коллективныхъ челобитій средины XVII в., мы узнаемъ, чѣмъ особенно тяготилась, противъ чего вооружилась земщина. Служилые люди жаловались на тяжесть и неравномѣрность распредѣленія служебныхъ обязанностей между московскими и городскими людьми. Кромѣ того, они были недовольны своимъ отношеніемъ къ крестьянству: крестьяне продолжали выбѣгать изъ-за нихъ, и отыскивать ихъ было трудно, несмотря на то, что при Михаилѣ Өеодоровичѣ была установлена для бѣглыхъ десятилѣтняя давность; крупные землевладѣльцы часто переманивали къ себѣ крестьянъ, результатомъ чего являлось неудовольствіе дворянства противъ бояръ и духовенства. Однимъ изъ пунктовъ недовольства дворянъ противъ духовенства было еще то, что послѣднее прибирало къ рукамъ земли служилыхъ людей несмотря на запрещеніе 1584 г., а между тѣмъ съ выходомъ этихъ земель изъ службы послѣдняя падала все тяжелѣе и тяжелѣе на остальную массу служилыхъ земель. Итакъ, облегченіе службъ и болѣе вѣрное обезпеченіе за собою крестьянскаго труда — вотъ заботы служилаго сословія.

Тяглые люди жаловались на тяжесть податей, которыя дѣйствительно большимъ бременемъ ложились на нихъ; особенно плохо приходилось имъ отъ сбора пятинной деньги, которая ихъ въ конецъ разоряла. Такого рода тяжелыя подати вызывали бѣгство тяглецовъ изъ общины, послѣдняя же, въ силу круговой поруки, должна была платить и за вы-

бывшихъ членовъ. Для подобныхъ бѣглыхъ людей всегда былъ готовъ прiютъ въ боярскихъ и монастырскихъ владѣнiяхъ, гдѣ существовали цѣлыя промышленныя слободы,—и бѣглые закладывались за бѣломѣстцевъ и, обходя такимъ путемъ законъ, освобождались отъ податей и повинностей. Вышеназванныя слободы, конкурируя въ торговлѣ и промыслахъ съ тяглыми общинами, еще болѣе подрывали благосостоянiе послѣднихъ. Не ограничиваясь этимъ, бѣломѣстцы вторгались даже въ самыя слободы и посады, покупая тамъ дворы и такимъ образомъ обѣляя ихъ (т. е. освобождая ихъ отъ платежа податей). Итакъ тяжесть податей и конкуренцiя въ промыслахъ были главнымъ зломъ для посада, который и стремился замкнуться такъ, чтобы выходъ изъ общины и входъ въ нее были закрыты, а затѣмъ желалъ облегчить свою податную тягость. Мы уже видѣли, что собственно торговые люди имѣли еще новую непрiятность въ видѣ конкуренцiи иностранцевъ.

Вообще же всѣ классы страдали одинаково отъ воеводскихъ насилiй и приказной волокиты.

Таково было къ тому времени, когда умеръ Михаилъ Ѳеодоровичъ, положенiе общества, поборовшаго смуту и успѣвшаго избавить государство отъ распада.

Время царя Алексѣя Михайловича.

1645—1676.

Въ 1645 г. скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, а черезъ мѣсяцъ умерла и жена его, такъ что Алексѣй Михайловичъ остался сиротой. Ему было всего 16 лѣтъ, и, конечно, онъ не самостоятельно началъ свое замѣчательное царствованiе; первые три года государствомъ правилъ его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Морозовъ былъ человѣкъ несомнѣнно способный, но, какъ умно выразился Соловьевъ, „не умѣвшiй возвыситься до того, чтобы не быть временщикомъ“. Три года продолжалось его „время“, время лучшее, чѣмъ при Салтыковыхъ, но все таки темное.

На бѣдную, еще слабую средствами Русь при Алексѣѣ Михайловичѣ обстоятельства наложили столько государственныхъ задачъ, поставили столько вопросовъ, требовавшихъ немедленно отвѣта, что невольно удивляешься исторической содержательности царствованiя Алексѣя Михайловича.

Прежде всего внутреннее неудовлетворительное положенiе государства ставило правительству много задачъ *юридическихъ и экономическихъ*; выражаясь въ челобитьяхъ и волненiяхъ (т. е. пользуясь какъ законными, такъ и незаконными путями),—при чемъ волненiя доходили

до размѣровъ Разинскаго бунта,—онѣ вызвало усиленную *законодательную дѣятельность*, напряженность которой насъ положительно удивляетъ. Эта дѣятельность выразилась въ уложеніи, въ Новоторговомъ уставѣ, въ изданіи Кормчей книги и, наконецъ, въ массѣ частныхъ законоположеній.

Рядомъ съ крупными вопросами юридическими и экономическими поднялись *вопросы религіозно-нравственные*; вопросъ объ исправленіи книгъ и обрядовъ, перейдя на почву догмата, окончился, какъ извѣстно, расколомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сплелся съ вопросомъ о культурныхъ заимствованіяхъ. Рядомъ съ этимъ всталъ вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, ясно проглядывавшій въ дѣлѣ Никона, въ отношеніяхъ послѣдняго къ царю.

Кромѣ внутреннихъ вопросовъ назрѣлъ и *внѣшній политическій* вопросъ, исторически очень важный, вопросъ о Малороссіи. Съ ея присоединеніемъ начался процессъ присоединенія къ Руси отпавшихъ отъ нея волостей, и присоединеніе Малороссіи, такимъ образомъ, было первымъ шагомъ со стороны Москвы въ дѣлѣ ея исторической миссіи, къ тому же шагомъ удачнымъ. До сихъ поръ Литва и Польша играли въ отношеніи Руси наступательную роль; съ этихъ поръ она переходитъ къ Москвѣ.

Со всѣми этими задачами Москва, еще слабая, еще не готовая къ ихъ рѣшенію, однако, справлялась: государство, на долю котораго приходилось столько труда, не падало, а росло и крѣпло, и въ 1676 г. оно было совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ 1645 г.: оно стало гораздо крѣпче какъ въ отношеніи политическаго строя, такъ и въ отношеніи благосостоянія.

Только признаніемъ за Московскимъ государствомъ способности къ исторической жизни и развитію можно объяснить общія причины этого явленія. Это былъ здоровый организмъ, имѣвшій свои историческія традиціи и упорно преслѣдовавшій сотнями лѣтъ свои цѣли.

Внутренняя дѣятельность правительства Алексѣя Михайловича.

Первые годы царствованія и Соборное Уложеніе. Князь Яковъ Долгорукій, человѣкъ, помнившій время Алексѣя Михайловича, говорилъ Петру Великому: „Государь, въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей—три: первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе; *въ семъ отецъ твой больше нежели ты сдѣлалъ*“. Эти слова показываютъ, какое высокое мнѣніе сложилось у ближайшихъ потомковъ „гораздо

тихаго“ царя о его законодательной дѣятельности: его ставили даже выше Петра, хотя послѣдній въ нашихъ глазахъ своими реформами и переросъ отца.

Къ сожалѣнію, вышеприведенныя слова Долгорукаго не могутъ быть относимы къ первымъ тремъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича, когда дѣла государства находились въ рукахъ вышеупомянутаго Морозова: будучи опытнымъ администраторомъ, Морозовъ не любилъ забывать себя и свою родню и часто общіе интересы приносилъ въ жертву своимъ выгодамъ. Какъ дядька Алексѣя Михайловича, онъ пользовался большимъ вліяніемъ на него и большою его любовью. Имѣя въ виду обезпечить свое положеніе, онъ отстраняетъ родню покойной царицы и окружаетъ молодого царя „своими“. Далѣе въ 1648 г. временщикъ роднится съ царемъ, женясь на Милославской, сестрѣ государевой жены. Въ свою очередь, опираясь на родство съ царемъ и на расположеніе Морозова, царскій тесть Илья Даниловичъ Милославскій, человѣкъ въ высшей степени корыстный, старался замѣстить важнѣйшія государственныя должности своими не менѣе корыстолюбивыми, чѣмъ онъ, родственниками. Между послѣдними особую ненависть народа навлекли на себя своимъ лихоимствомъ начальникъ Пушкарскаго приказа Траханіотовъ и судья Земскаго приказа Леонтій Плещеевъ, дѣйствовавшіе во имя одной и той же цѣли слишкомъ уже явно и грубо. Въ началѣ іюня 1648 года это вызвало общій ропотъ въ Москвѣ, случайно перешедшій въ открытое волненіе. Царь лично успокоилъ народъ, обѣщая ему правосудіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ отослать Морозова изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь, а Траханіотовъ и Плещеевъ были казнены. Въ связи съ московскими волненіями лѣтомъ, въ іюлѣ, произошли безпорядки въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ и во многихъ другихъ городахъ; вездѣ они направлялись противъ администраціи.

Вскорѣ послѣ московскихъ безпорядковъ правительство рѣшило приступить къ составленію законодательнаго кодекса. Это рѣшеніе невольно связывается въ нашемъ представленіи съ безпорядками: такой давно невиданный фактъ, какъ открытый безпорядокъ въ Москвѣ, конечно, настойчивѣе и яснѣе всего показалъ необходимость улучшеній въ дѣлѣ суда и законодательства. Такъ понималъ дѣло и патріархъ Никонъ; онъ говорилъ между прочимъ слѣдующее: „Всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ (объ Уложеніи) не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“. Что въ то время, т. е. въ 1648—49 гг., въ Москвѣ дѣйствительно чувствовали себя неспокойно, есть много намековъ. Въ началѣ 1649 г. одинъ изъ московскихъ посадскихъ, Савинка Корѣпинъ, осмѣлился даже утверждать, что Морозовъ и Милославскій не сослали князя Черкасскаго, „боясь насъ (т. е. народа), для того, что *весь міръ качается*“.

Необходимость улучшеній въ дѣлѣ суда и законодательства чувствовалась на каждомъ шагу, каждую минуту, и правительствомъ и народомъ. О ней говорила вся жизнь, и вопросомъ празднаго любопытства кажется вопросъ о томъ, когда было подано челобитье о составленіи кодекса, о которомъ (челобитьѣ) упоминается въ предисловіи къ Уложенію (этимъ вопросомъ много занимается Загоскинъ, одинъ изъ видныхъ изслѣдователей Уложенія). Причины, заставлявшія желать пересмотра законодательства, были двояки. Прежде всего, была потребность кодификаціи законодательнаго матерьяла, чрезвычайно безпорядочнаго и случайнаго. Съ конца XV в. (1479 г.) Московское государство управлялось Судебникомъ Ивана III, частными царскими указами и, наконецъ, обычаемъ, „пошлиною" государственною и земскою. Судебникъ былъ преимущественно законодательствомъ о судѣ и лишь мимоходомъ касался вопросовъ государственнаго устройства и управленія. Пробѣлы въ немъ постоянно пополнялись частными указами. Накопленіе ихъ послѣ Судебника повело къ составленію второго Судебника, „Царскаго" (1550 г.). Но и царскій Судебникъ очень скоро сталъ нуждаться въ дополненіяхъ и потому дополнялся частными указами на разные случаи. Эти указы называются часто „дополнительными статьями къ Судебнику". Онѣ собирались въ приказахъ (каждый приказъ собиралъ статьи по своему роду дѣлъ) и затѣмъ записывались въ „Указныхъ книгахъ". Указной книгой приказные люди руководились въ своей административной или судебной практикѣ; для нихъ указъ, данный на какой-нибудь отдѣльный случай, становился прецедентомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и такимъ образомъ обращался въ законъ. Такого рода отдѣльныхъ законоположеній, иногда противорѣчащихъ другъ другу, къ половинѣ XVII в. набралось огромное число. Отсутствіе системы и противорѣчія, съ одной стороны, затрудняли администрацію, а съ другой—позволяли ей злоупотреблять закономъ. Народъ же, лишенный возможности знать законъ, много терпѣлъ отъ произвола и „не праведныхъ судовъ". Въ XVII ст. въ общественномъ сознаніи ясна уже потребность свести законодательство въ одно цѣлое, дать ему ясныя формулы, освободить его отъ балласта и вмѣсто массы отдѣльныхъ законовъ имѣть *одинъ кодексъ*.

Но не только кодексъ былъ тогда нуженъ. Мы видѣли, что послѣ смуты при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ борьба съ результатами этой смуты—экономическимъ разстройствомъ и деморализаціей — была неудачна. Въ XVII в. всѣ обстоятельства общественной жизни вызывали общую неудовлетворенность: каждый слой населенія имѣлъ свои pia desideria и ни одинъ изъ нихъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Масса челобитій того времени ясно показываетъ намъ, что не частные факты безпокоили просителей, а что чувствовалась нужда въ пересозданіи общихъ руководящихъ нормъ общественной жизни. Просили не подтвержденія и свода ста-

рыхъ законовъ, которые не облегчали жизни, а ихъ пересмотра и исправленія сообразно новымъ требованіямъ жизни,—была необходимость *реформъ*.

Къ дѣлу составленія кодекса были привлечены выборные люди, съѣхавшіеся на соборъ изъ 130 (если не болѣе) городовъ. Среди выборныхъ насчитывалось до 150 служилыхъ и до 100 тяглыхъ людей. Московскихъ же дворянъ и придворныхъ чиновъ на соборѣ было сравнительно мало, потому что отъ нихъ теперь потребовали также выборныхъ, а не допустили ихъ, какъ прежде допускали, поголовно. Дума и освященный соборъ участвовали въ полномъ своемъ составѣ. По полнотѣ представительства этотъ соборъ можно назвать однимъ изъ удачнѣйшихъ. (Мы помнимъ, что на соборѣ 1613 г. участвовали представители только 50 городовъ). Этимъ выборнымъ людямъ новое Уложеніе было „чтено", какъ выражается предисловіе новаго кодекса.

Разсматривая этотъ кодексъ или, какъ его называли, „Уложеніе", мы замѣчаемъ, что это, во-первыхъ, не Судебникъ, т. е. не законодательство исключительно о судѣ, а кодексъ всѣхъ законодательныхъ нормъ, выраженіе дѣйствующаго права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго. Состоя изъ 25 главъ и почти тысячи статей, Уложеніе обнимаетъ собою всѣ сферы государственной жизни. Это былъ *сводъ законовъ*, составленный изъ старыхъ русскихъ постановленій съ помощью права византійскаго и литовскаго.

Во-вторыхъ, Уложеніе представляетъ собою не механическій сводъ стараго матерьяла, а его переработку; оно содержитъ въ себѣ многія новыя законоположенія, и когда мы всматриваемся въ характеръ ихъ и соображаемъ ихъ съ положеніемъ тогдашняго общества, то замѣчаемъ, что новыя статьи Уложенія не всегда служатъ дополненіемъ или исправленіемъ частностей прежняго законодательства; онѣ, напротивъ, часто имѣютъ характеръ крупныхъ общественныхъ реформъ и служатъ отвѣтомъ на общественныя нужды того времени.

Такъ, Уложеніе *отмѣняетъ урочныя лѣта* для сыска бѣглыхъ крестьянъ и тѣмъ окончательно прикрѣпляетъ ихъ къ землѣ. Отвѣчая этимъ настоятельной нуждѣ служилаго сословія, Уложеніе проводитъ тѣмъ самымъ крупную реформу одной изъ сторонъ общественной жизни.

Далѣе, оно *запрещаетъ духовенству пріобрѣтать вотчины*. Еще въ XVI в. шла борьба противъ права духовенства пріобрѣтать земли и владѣть вотчинами. На это право боярство да и всѣ служилые люди смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ. И вотъ сперва въ 1580 г. было запрещено вотчинникамъ передавать свои вотчины во владѣніе духовенства по завѣщанію „на поминъ души", а въ 1584 г. были запрещены и прочіе виды пріобрѣтенія духовенствомъ земель. Но духовенство, обходя эти постановленія, продолжало собирать значительныя земли въ своихъ рукахъ. Неудовольствіе на это служилаго сословія прорывается въ XVII в.

массою челобитныхъ, направленныхъ, противъ землевладѣльческихъ привилегій и злоупотребленій духовенства вообще и монастырей въ частности. Уложеніе удовлетворяетъ этимъ челобитьямъ, запрещая какъ духовнымъ лицамъ, такъ и духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать вотчины вновь (но прежде пріобрѣтенныя отобраны не были). Вторымъ пунктомъ неудовольствія противъ духовенства были различныя судебныя привилегіи. И здѣсь новый законодательный сборникъ удовлетворилъ желанію населенія: имъ *учреждается Монастырскій Приказъ*, которому съ этихъ поръ дѣлается подсуднымъ въ общемъ порядкѣ духовное сословіе, и ограничиваются прочія судебныя льготы духовенства.

Далѣе, Уложеніе впервые со всею послѣдовательностью *закрѣпляетъ и обособляетъ посадское населеніе*, обращая его въ замкнутый классъ: такъ посадскіе становятся прикрѣпленными къ посаду. Изъ посада теперь нельзя уйти, зато и въ посадъ нельзя войти никому постороннему и чуждому тяглой общинѣ.

Изслѣдователи замѣчали, конечно, тѣсную связь между всѣми этими реформами и обычными жалобами земщины въ половинѣ XVII столѣтія, но недавно только въ научное сознаніе вошла идея о томъ, что выборнымъ людямъ пришлось не только „слушать" Уложеніе но и самимъ выработать его. По ближайшему разсмотрѣнію оказывается, что всѣ крупнѣйшія новизны Уложенія возникли по коллективнымъ челобитьямъ выборныхъ людей, по ихъ иниціативѣ, что выборные принимали участіе въ составленіи и такихъ частей Уложенія, которыя существенно ихъ интересовъ не касались. Словомъ, оказывается, что, во-первыхъ, работы по Уложенію вышли за предѣлы простой кодификаціи, и, во-вторыхъ, что реформы, проведенныя въ Уложеніи, основывались на челобитьяхъ выборныхъ и проведены къ тому же согласно съ духомъ челобитій.

Здѣсь-то и кроется значеніе земскаго собора 1648—49 г.: насколько Уложеніе было реформой общественной, настолько оно въ своей программѣ и направленіи вышло изъ земскихъ челобитій и программъ. Въ немъ служилые классы достигли большаго, чѣмъ прежде, обладанія крестьянскимъ трудомъ и успѣли остановить дальнѣйшій выходъ вотчинъ изъ служилаго оборота. Тяглыя посадскія общины успѣли добиться обособленія и защитили себя отъ вторженія въ посадъ высшихъ классовъ и отъ уклоненій отъ тягла со стороны своихъ членовъ. Посадскіе люди этимъ самымъ достигли облегченія тягла, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Вообще же, вся земщина достигла нѣкоторыхъ улучшеній въ дѣлѣ суда съ боярствомъ и духовенствомъ и въ отношеніяхъ къ администраціи. Торговые люди на томъ же соборѣ значительно ослабили конкуренцію иностранныхъ купцовъ чрезъ уничтоженіе нѣкоторыхъ ихъ льготъ. Такимъ образомъ, велико ли было значеніе выборныхъ 1648 года, рѣшить не трудно: если судить по результатамъ ихъ дѣятельности, оно было очень велико.

Политическое значенiе момента. Такова была побѣда средних классовъ на соборѣ 1648 года. Отъ новаго закона они выигрывали, а проигрывали ихъ житейскiе соперники, стоявшiе наверху и внизу тогдашней соцiальной лѣстницы. Какъ въ 1612—1613 г. среднiе слои общества возобладали благодаря своей внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенiя и дѣйствiя и численному преобладанiю на соборѣ. И всѣ участники „великаго земскаго дѣла", какимъ было составленiе Уложенiя понимали важность минуты. Однихъ она радовала: тѣ, въ чью пользу совершалась реформа, находили, что наступаетъ торжество справедливости. „Нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ", писалъ одинъ дворянинъ другому: „и ты, государь, насильства не заводи, чтобы мiръ не провѣдалъ!" Нѣкоторые даже находили, что слѣдуетъ идти далѣе по намѣченному пути перемѣнъ. Такъ, курскiе служилые люди были недовольны своимъ выборнымъ на соборѣ Малышевымъ и „шумѣли" на него, по одному выраженiю, за то, что „у государева у Соборнаго уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ", а по другому выраженiю, за то, что „онъ на Москвѣ розныхъ ихъ прихотей въ Уложеньѣ не исполнилъ". Но если одни хотѣли еще больше, чѣмъ получили, то другимъ и то, что было сдѣлано, казалось дурнымъ и зловѣщимъ. Закладчики, взятые изъ льготной частной зависимости въ тяжелое государево тягло, мрачно говорили, что „ходить намъ по колѣно въ крови". По ихъ мнѣнiю, общество переживало прямую смуту („мiръ весь качается"), и обездоленной Уложенiемъ массѣ можно было покуситься на открытое насилiе противъ угнетателей, потому что этой массы будто бы всѣ боялись. Не одно простонародье думало такимъ образомъ. Патрiархъ Никонъ подвергалъ рѣзкой критикѣ Уложенiе, называя его „проклятою" и беззаконною книгою. По его взгляду, оно составлено „человѣкомъ прегордымъ", княземъ Одоевскимъ несоотвѣтственно царскому указанiю и передано земскому собору изъ боязни предъ мятежнымъ „мiромъ". Онъ писалъ: „то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по воли, боязни ради и междоусобiя отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради". Разумѣется, Никона волновали иныя чувства, чѣмъ боярскихъ закладчиковъ, въ большой запискѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренiя государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы „ни въ чемъ же отмѣнно" и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патрiарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же „ложнаго законодавца" Одоевскаго и междоусобiемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ „указъ тотъ же патрiарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ" и были допущены вопiющiя нарушенiя имущественныхъ и судебныхъ льготъ духовенства въ новыхъ законахъ, испрошенныхъ земскими людьми. Поэтому

Никонъ не признавалъ законности Уложенія и не разъ просилъ государя Уложеніе „отставить", т. е. отмѣнить. Таково было отношеніе къ собору и его Уложенной книгѣ у самаго яркаго представителя тогдашней іерархіи. Можемъ быть увѣрены, что ему сочувствовали и прочіе; реформа Уложенія колебала самый принципъ независимости и особенности церковнаго строя и подчиняла церковныя лица и владѣнія общегосударственному суду; мало того она больно затрагивала хозяйственные интересы церковныхъ землевладѣльцевъ. Сочувствія къ ней въ духовенствѣ быть не могло, какъ не могло быть и сочувствія къ самому земскому собору, который провелъ реформу. Боярство также не имѣло основанія одобрять соборную практику 1648 года. Въ серединѣ XVII столѣтія изъ разсѣянныхъ смутою остатковъ стараго боярства какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ „отечествомъ", успѣла сложиться новая аристократія придворно-бюрократическаго характера. Не питая никакихъ политическихъ притязаній, это боярство приняло „приказный" характеръ, обратилось въ чиновничество и, какъ мы видѣли, повело управленіе мимо соборовъ. Хотя новые бояре и ихъ помощники, дьяки, сами происходили изъ рядового дворянства, а иногда и ниже, тѣмъ не менѣе, у нихъ былъ свой гоноръ и большое стремленіе наслѣдовать не только земли стараго боярства, но и землевладѣльческія льготы стараго типа, когда-то характеризовавшія собою удѣльно-княжескія владѣнія. Обработанные И. Е. Забѣлинымъ документы вотчинъ знаменитаго Б. И. Морозова вводятъ насъ въ точное разумѣніе тѣхъ чисто государственныхъ пріемовъ управленія, какіе существовали во „дворѣ" и въ „приказахъ" Морозова. Вотъ эта-то широта хозяйственнаго размаха, поддерживаемая льготами и фактическою безотвѣтственностью во всемъ, и послужила предметомъ жалобъ со стороны мелкопомѣстнаго служилаго люда и горожанъ. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью („чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна") и этимъ становилось противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку провинціальныхъ міровъ. Притязанія этой сошки охранить себя посредствомъ соборныхъ челобитій отъ обидъ насильниковъ московская администрація свысока называла „шумомъ" и „разными прихотьми", а шумѣвшихъ—„озорниками". Тенденція Уложенія и челобитья соборныхъ людей никакъ не могли нравиться московской боярской и дьяческой бюрократіи.

Такъ, съ ясностью обнаруживается, что созванный для умиренія страны соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достигшіе своей цѣли соборные представители провинціальнаго общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ

тяглу и къ помѣщику, стала протестовать «гилемъ» (т. е. безпорядками) и выходомъ на Донъ, подготовляя тамъ Разиновщину,—то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ.

Земскій соборъ 1648 года былъ самымъ полнымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ соборовъ при новой династіи. Почетно поставленные и обезпеченные казною на все время работъ въ Москвѣ, выборные люди привлекались иногда въ ряды московской администраціи не только для отдѣльныхъ порученій, но и на должности по мѣстному и центральному управленію. Имъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ почетомъ, оказывалось и довѣріе. Но въ то же время въ обстоятельствахъ собора 1648 года крылись уже причины быстрой развязки, конца соборовъ. Конецъ этотъ пришелъ такъ нежданно, что позднѣйшему наблюдателю онъ можетъ показаться какъ бы переворотомъ въ правительственной системѣ.

Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый изъ нихъ занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ тогда шло очень острое броженіе. Два послѣднихъ были посвящены вопросу о присоединеніи Малороссіи. Послѣднее засѣданіе собора 1653 года происходило 1 октября,— и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались. Можно думать, что отъ нихъ московское правительство отказалось сознательно. Послѣ 1653 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ обратиться къ мнѣніямъ свѣдущихъ людей, въ Москвѣ созывали на совѣтъ уже не „всѣхъ чиновъ выборнчхъ людей“, а представителей только того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу. Такъ, въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и экономическаго кризиса. Въ 1672 году въ Посольскомъ приказѣ высшее московское купечество было привлечено къ обсужденію армянскаго торга шелкомъ; въ 1676 году тотъ же вопросъ былъ предложенъ гостямъ въ Отвѣтной палатѣ. Въ 1681—1882 годахъ въ Москвѣ были двѣ односословныя комиссіи: одна, служилая, занималась вопросами военной организаціи; другая, тяглая,—вопросами податного обложенія; обѣ были подъ руководствомъ одного предсѣдателя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились въ одну палату выборныхъ. Только однажды члены служилой комиссіи вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ и думою составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны мѣстничества; но это, конечно, не былъ земскій соборъ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать этотъ терминъ. Прибѣгая къ совѣту съ экспертами въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались спеціальныя свѣдѣнія, московская власть въ общихъ дѣлахъ, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась „соборомъ“ властей и бояръ. Такъ, въ 1673 и 1679 годахъ

экстренные денежные сборы въ виду войны съ турками были назначены приговорами освященнаго собора и думы. Ранѣе же такіе сборы назначались неизмѣнно земскими соборами. Словомъ, послѣ 1653 г. московское правительство систематически стало замѣнять соборы другими видами совѣщаній, на которые ему указывала традиція. Мы видѣли, что и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ и „соборы“ властей и бояръ существовали еще до смутнаго времени и были освящены еще большею давностью, чѣмъ выборные „совѣты всея земли“. Признавъ послѣдніе нежелательными, легко обратились къ первымъ, видя въ нихъ не меньше смысла, но больше удобствъ и безопасности.

Однако, земскіе люди, замѣтивъ перемѣну въ отношеніи власти къ земскимъ соборамъ, не скрыли при случаѣ, что, съ своей стороны, они дорожатъ опальнымъ учрежденіемъ. Когда въ 1662 году, въ смутную пору тяжелаго денежнаго кризиса, московское правительство неоднократно звало на совѣтъ московскихъ гостей, людей гостиной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ и слободъ, то всѣ эти люди въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса предлагали созвать соборъ. „То дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, говорили гости и торговые люди: „и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“. Черные люди просили того же: „О томъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей, а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей“. Но судьба соборовъ была уже рѣшена, и великій государь соборовъ болѣе не созывалъ.

Послѣ сказаннаго нами нѣтъ надобности много говорить о причинахъ прекращенія соборовъ. Служа въ XVII вѣкѣ политическимъ органомъ среднихъ классовъ московскаго общества, соборы были сначала въ тѣсномъ единеніи съ монархомъ, который въ моментъ избранія своего самъ былъ излюбленнымъ вождемъ тѣхъ же среднихъ классовъ. Дружное соправительство двухъ родственныхъ политическихъ авторитетовъ, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась отъ сословныхъ вліяній, и пока вокругъ нея не сложилась придворно-аристократическая бюрократія. При первыхъ же признакахъ разлада между земскимъ представительствомъ и „сильными людьми“, между нижнею и верхнею палатами земскаго собора 1648 года, правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и прибѣгаетъ къ другимъ видамъ совѣщаній, существовавшимъ издавна въ московскомъ обиходѣ. Земскому собору перестаютъ довѣрять, потому что

связываютъ его дѣятельность съ тѣмъ „въ міру великимъ смятеніемъ“, которое колебало государство въ 1648—1650 годахъ. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: начинается бюрократизація управленія, торжествуетъ „приказное“ начало, которому Петръ Великій далъ такое полное выраженіе въ своихъ учрежденіяхъ.

Такова была внутренняя причина паденія соборовъ. Не сомнѣваемся, что главнымъ виновникомъ перемѣны правительственнаго взгляда на соборы былъ патріархъ Никонъ. Присутствуя на соборѣ 1648 года въ санѣ архимандрита, онъ самъ видѣлъ знаменитый соборъ; много позднѣе онъ выразилъ свое отрицательное къ нему отношеніе въ очень рѣзкой запискѣ. Во второй половинѣ 1652 года сталъ Никонъ патріархомъ. Въ это время малороссійскій вопросъ былъ уже переданъ на сужденіе соборовъ. Когда же въ 1653 году соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, новыя дѣла уже соборамъ не передавались. Временщикъ и іерархъ въ одно и то же время, Никонъ не только пасъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ.

Внутреннія затрудненія. Въ дѣлѣ составленія Уложенія интересна, между прочимъ, та частность, что готовыя статьи его обнародовались въ видѣ отдѣльныхъ законоположеній и приводились въ исполненіе ранѣе выхода въ свѣтъ самаго Уложенія, напечатаннаго только въ маѣ 1649 г. Такимъ образомъ, въ Москвѣ знали о результатахъ законодательныхъ трудовъ раньше 1649 г. и на многія реформы смотрѣли съ неодобреніемъ. Тѣ люди, противъ интересовъ которыхъ шли реформы, позволяли себѣ тихомолкомъ говорить непристойныя рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ волненіе въ Москвѣ было замѣтно настолько, что на 6-ое января 1649 г. москвичи ждали безпорядковъ. Однако ихъ не было. Любопытно при этомъ, что недовольные реформами (много было недовольныхъ прикрѣпленіемъ посадскихъ) считали виновниками нововведеній „старыхъ непріятелей“ Морозова и Милославскаго. Про нихъ со злобой говорили, что царь Алексѣй „глядитъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ владѣютъ“.

Въ Москвѣ, однако, дѣло обошлось благополучно. Но черезъ годъ (въ началѣ 1650 г.) начались безпорядки во Псковѣ, а за Псковомъ взволновался и Новгородъ. Бунтовали противъ бояръ (т. е. администраціи) и противъ Морозова съ его „пріятелями-нѣмцами“. Въ это время по договору съ Швеціей правительство отпускало въ Швецію крупныя суммы денегъ и большіе запасы хлѣба. Вывозъ денегъ и хлѣба за границу народъ счелъ за измѣну со стороны бояръ „Бояре шлютъ хлѣбъ и деньги нѣмцамъ, а государь того не вѣдаетъ“, говорилъ народъ и задерживалъ „до государева указу“ шведскихъ гонцовъ съ деньгами, а

также не давалъ везти хлѣбъ. Въ Новгородѣ мятежъ окончился скоро, но псковскіе жители волновались гораздо упорнѣе. Замѣчательно, что во всѣхъ волненіяхъ начала царствованія Алексѣя Михайловича преимущественно участвовали промышленные слои населенія, посадскіе люди. Причину этого, конечно, надо искать въ очень тяжеломъ положеніи этихъ классовъ въ половинѣ XVII вѣка. Во Псковѣ мятежъ принялъ обширные размѣры и очень острый характеръ. Мѣстныя власти потеряли всякій авторитетъ. Псковичи творили насилія и надъ посланными изъ Москвы для разслѣдованія дѣла думными людьми. Тогда въ Москвѣ рѣшили въ видѣ острастки употребить противъ Пскова военную силу. Кн. Хованскій съ небольшимъ отрядомъ осадилъ городъ, но псковичи не сдавались. Въ іюлѣ 1650 г. озабоченное мятежомъ московское правительство рѣшается отправить изъ Москвы епископа Рафаила Коломенскаго съ выборными москвичами для увѣщанія мятежниковъ, и это увѣщаніе подѣйствовало лучше войскъ Хованскаго. Псковичи послушались и принесли повинную. Какъ серьезно смотрѣло на этотъ мятежъ московское правительство, видно уже изъ одного факта созванія по поводу мятежа земскаго собора въ іюлѣ 1650 г., постановленія котораго, впрочемъ, неизвѣстны. Вѣроятно, они отличались мягкостью. Правительство вообще избѣгало тогда крутыхъ мѣръ, можетъ быть потому, что въ то время была вездѣ наклонность къ волненіямъ; ни въ одно царствованіе не было ихъ такъ много, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Что волненія тогда были не въ одномъ Псковѣ и что въ Москвѣ было не совсѣмъ спокойно, видно изъ того, что послѣ собора въ Посольскій приказъ были призваны московскіе тяглецы, которые получили здѣсь инструкціи „извѣщать государя о всякихъ людяхъ, которые станутъ воровскія рѣчи говорить“.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда назрѣвалъ малороссійскій вопросъ. Изъ-за Малороссіи Россія съ 1654 г. втянулась въ войну съ Польшей. Несмотря на удачу войны, недостатокъ средствъ у правительства и плохое экономическое положеніе народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибѣгать къ экстреннымъ сборамъ (въ 1662 и 1663 гг. собиралась „пятая“ деньга, какъ бывало при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ), но и ихъ не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что всѣ такія попытки далеко не удовлетворяютъ желаемой цѣли, оно попробовало извернуться изъ затруднительнаго положенія, произвольно увеличивая цѣнность ходившей монеты. Въ то время своихъ золотыхъ у насъ еще не было, а въ обращеніи были голландскіе и нѣмецкіе червонцы, при чемъ голландскій червонецъ имѣлъ цѣнность одного рубля, а серебряный ефимокъ (талеръ) ходилъ отъ 42 до 50 копѣекъ, и, перечеканивая его въ русскую серебряную монету, правительство изъ ефимка чеканило 21 алтынъ и 2 деньги, т. е. около 64 коп. и

такимъ образомъ на каждомъ ефимкѣ выгадывало 15—20 коп. (по словамъ Котошихина).

Въ этомъ, конечно, заключалась уже значительная выгода казнѣ. Но ее хотѣли еще увеличить, и стали ефимкамъ придавать цѣнность рубля; съ этой цѣлью клеймили ихъ; клейменый ефимокъ вездѣ принимался за рубль, неклейменые же ефимки ходили по обычной цѣнѣ 42—50 коп. Такая мѣра правительства неминуемо повела къ поддѣлкамъ клейма на ефимкахъ, а это послѣднее обстоятельство, вызвало, въ свою очередь, вздорожаніе припасовъ вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ новой монетѣ. Тогда въ 1656 г. бояринъ Ртищевъ предложилъ проектъ, состоявшій въ томъ, чтобы пустить въ оборотъ такъ сказать металлическія ассигнаціи,—чеканить мѣдныя деньги одинаковой формы и величины съ серебряными и выпускать ихъ по одной цѣнѣ съ ними. Это шло довольно удачно до 1659 г., за 100 серебряныхъ копѣекъ давали 104 мѣдныхъ. Затѣмъ серебро стало исчезать изъ обращенія, и дѣло пошло хуже, такъ что въ 1662 г. за 100 серебряныхъ давали 300—900 мѣдныхъ, а въ 1663 г. за 100 серебр. не брали и 1500 мѣдныхъ. Однимъ словомъ, здѣсь произошла исторія, аналогичная той, которая 80 лѣтъ спустя случилась съ Джономъ Ло во Франціи. Почему же смѣлый проектъ Ртищева, который могъ бы оказать большую помощь московскому правительству, такъ скоро привелъ его къ кризису?

Бѣда заключалась не въ самомъ проектѣ, смѣломъ, но выполнимомъ, а въ неумѣньѣ воспользоваться имъ и въ громадныхъ злоупотребленіяхъ. Во-первыхъ, само правительство слишкомъ щедро выпускало мѣдныя деньги и уже тѣмъ содѣйствовало ихъ обезцѣненію. По словамъ Мейерберга, въ пять лѣтъ выпущено было 20 милліоновъ рублей,—громадная для того времени сумма. Во-вторыхъ, успѣху дѣла помѣшали огромныя злоупотребленія. Тесть царя, Милославскій, безъ стѣсненія чеканилъ мѣдныя деньги и, говорятъ, начеканилъ ихъ до 100 тыс. Лица, завѣдывавшія чеканкой монеты, изъ своей мѣди дѣлали деньги себѣ и даже позволяли, за взятки, дѣлать это постороннимъ людямъ. Наказанія мало помогли дѣлу, потому что главные виновники и попустители (вродѣ Милославскаго) оставались цѣлы. Рядомъ съ этими злоупотребленіями должностныхъ лицъ развилась и тайная поддѣлка монеты въ народѣ, хотя поддѣлывателей жестоко казнили. Мейербергъ говоритъ, что когда онъ былъ въ Москвѣ, до 400 человѣкъ сидѣло въ тюрьмахъ за поддѣлку монеты (1661 г.); а по свидѣтельству Котошихина, всего „за тѣ деньги“ были „казнены въ тѣ годы смертной казнью больше 7,000 человѣкъ“. Сослано было еще больше, но зло не прекращалось; даже, говорятъ, изъ-за границы везли фальшивыя деньги.

Таковы были причины, обусловившія неудачу московской финансовой операціи. Прежде всего открытое недовѣріе къ мѣднымъ деньгамъ

появилось въ новоприсоединенной Малороссіи, гдѣ отъ московскихъ войскъ, получавшихъ жалованье мѣдными деньгами, вовсе не стали брать ихъ. И на Руси проявилось то же самое: кредиторы, напр., требовали отъ должниковъ уплаты долга серебромъ и не хотѣли брать мѣди. Появилась съ обезцѣненіемъ мѣдныхъ денегъ страшная дороговизна, такъ что многіе умирали съ голода, какъ говоритъ Котошихинъ, а въ то же время подати увеличивались платежомъ „пятой деньги" на польскую войну. При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ замѣтно стало волненіе. Приписывая вину своего тяжелаго положенія нелюбимымъ боярамъ и обвиняя ихъ въ измѣнѣ и въ дружбѣ съ поляками, въ іюлѣ 1662 г. народъ, знавшій о злоупотребленіяхъ при чеканкѣ монеты, поднялъ открытый бунтъ въ Москвѣ противъ бояръ и толпою пошелъ къ царю въ Коломенское просить управы на бояръ. „Тишайшій царь" Алексѣй Михайловичъ ласкою успѣлъ было успокоить толпу, но ничтожныя случайныя обстоятельства раздули волненія снова, и тогда бунтовщики были усмирены военною силою.

Видя неудачный исходъ своего предпріятія, и безъ мятежныхъ протестовъ правительство рѣшило въ 1663 г. отмѣнить мѣдныя деньги, стало выдавать войску жалованье серебромъ и запретило частнымъ лицамъ не только производить расчеты на мѣдныя деньги, но даже и держать ихъ у себя; представлялось на выборъ: или самимъ сливать мѣдныя деньги, или въ извѣстный срокъ представить въ казну и получить за каждый рубль мѣдный только десять денегъ серебряныхъ т. е. $^1/_{20}$ часть первоначальнаго курса. Эта неудачно окончившаяся операція тяжело отозвалась на благосостояніи народа, очень и очень многихъ приведя къ полному разоренію.

Всѣ волненія середины XVII вѣка, имѣвшія въ основѣ своей экономическую неудовлетворенность населенія, питали чувство протеста въ массахъ, способствовали ихъ броженію и подготовили исподволь то громадное движеніе, которымъ завершилась общественная жизнь времени царя Алексѣя. Мы говоримъ о бунтѣ Стеньки Разина. Бунтъ этотъ былъ чрезвычайно силенъ и серьезенъ и кромѣ того, значительно отличался отъ предыдущихъ волненій. Тѣ имѣли характеръ мѣстный, между тѣмъ какъ бунтъ Разина имѣетъ уже характеръ общегосударственной смуты. Онъ явился результатомъ не только неудовлетворительности экономическаго положенія, какъ то было въ прежнихъ безпорядкахъ, но и результатомъ недовольства всѣмъ общественнымъ строемъ. Прежнія волненія, какъ мы знаемъ, не имѣли опредѣленныхъ программъ, они просто направлялись противъ лицъ и ихъ административныхъ злоупотребленій, между тѣмъ какъ Разинцы, хотя и не имѣли *ясно* сознанной программы, но шли противъ „боярства" не только какъ администраціи, но и какъ верхняго общественнаго слоя; государственному строю они противопоста-

вляли казачій. Точно также и люди, участвовавшіе въ возстаніи, были не прежней среды: здѣсь уже не было, какъ раньше, на первомъ планѣ городское тяглое населеніе. Движеніе началось въ казачествѣ, затѣмъ передалось крестьянству и, только отчасти, городскимъ людямъ—посадскимъ и низшимъ служилымъ людямъ.

Въ объясненіе причинъ этого крупнаго движенія мы имѣемъ два мнѣнія, прекрасно дополняющихъ другъ друга. Это мнѣнія: Соловьева и Костомарова (позднѣе появился очеркъ проф. Ѳирсова).

Во время Алексѣя Михайловича, говоритъ Соловьевъ, не только не прекратился выходъ въ казаки извѣстной части народонаселенія, но, напротивъ, число бѣглыхъ крестьянъ и холопей, искавшихъ этимъ путемъ улучшить свое положеніе, еще увеличилось вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія народа. Съ присоединеніемъ Малороссіи бѣглецы направились было туда, но московское правительство, не желая признавать Украйну казацкою страною, требовало оттуда выдачи бѣжавшихъ. Такимъ образомъ вольною „сиротскою дорогою" оставалась только дорога на Донъ, откуда не было выдачи. Народа на Дону поэтому все прибывало, а средства пропитанія сокращались; въ половинѣ XVII в. выходы изъ Дона и Днѣпра, т. е. въ Азовское и Черное моря были закрыты Польшей и татарами: воевать казакамъ и „зипуновъ доставать" стало негдѣ. Впрочемъ, оставалась еще Волга и Каспійское море, но устье Волги находится въ рукахъ Московскаго государства, тамъ стоитъ Астрахань. Однако казачество потянулось къ Волгѣ; но сначала образуются мелкія разбойничьи шайки, приблизительно съ 1659 г. Скоро у этихъ шаекъ находится способный вождь и движеніе, начавшееся въ малыхъ размѣрахъ, все расширяется и изъ мелкихъ разбойничьихъ отрядовъ образуется огромная шайка, которая прорывается въ Каспійское море и тамъ добываетъ себѣ „богатые зипуны". Но возвращеніе изъ Каспійскаго моря на Донъ было возможно только хитростью: надо было мнимою покорностью достать себѣ пропускъ домой, обязавшись вторично не ходить на море. Этотъ пропускъ данъ, но казаки понимаютъ, что другой разъ похода на Каспій имъ безнаказанно не сдѣлать: послѣ ихъ первой продѣлки дорога съ Волги въ море закрыта для нихъ крѣпко. Лишась такимъ образомъ послѣдняго выхода, голытьба казацкая опрокидывается тогда внутрь государства и поднимаетъ съ собою низшіе слои населенія противъ высшихъ,—„таковъ смыслъ явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ бунта Стеньки Разина", заключаетъ Соловьевъ (См. Ист. Росс. т. XI, гл. I). Надо, однако, замѣтить, что его объясненія касаются только казачества и не выясняютъ тѣхъ причинъ, по которымъ казачье движеніе передавалось и земскимъ людямъ.

Что касается Костомарова, то послѣдній видитъ въ бунтѣ эпизодъ исконной борьбы „двухъ коренныхъ укладовъ русскаго быта, удѣльновѣ-

чевого и единодержавнаго“ (въ XVII в. ихъ приличнѣе назвать государственнымъ и казачьимъ). Нашествіе Стеньки Разина не удалось, потому что казачество выдохлось, оно не могло стать „новымъ началомъ“, внести въ жизнь что-либо свѣжее, не могло, потому что, само по себѣ, было „старымъ укладомъ“ и подверглось старческому разложенію. Надо при этомъ замѣтить, что Костомаровъ не считаетъ здѣсь казачества чѣмъ то отдѣльно существующимъ,—для него казачество не есть общество, образовавшееся внѣ государственной территоріи; для него оно совокупность всѣхъ недовольныхъ общественнымъ строемъ и уходящихъ изъ этого строя на окраины государства. И такихъ въ XVII в. было очень много. Мастерскимъ хотя и одностороннимъ обзоромъ внутренняго состоянія Московскаго государства Костомаровъ показываетъ, „что причины побѣговъ, шатаній и вообще недовольства обычнымъ ходомъ жизни (т. е. вообще причины появленія казачества) лежали во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка“, и его изслѣдованіе достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ казачій бунтъ сталъ земскимъ (См. Костомарова „Монографіи и изслѣдованія“, т. II).

Вообще въ дѣлѣ Стеньки Разина необходимо различать эти двѣ стороны: казачью и земскую. Движеніе было сперва чисто казачьимъ и носило характеръ „добыванія зипуновъ“, т. е. простого, хотя и крупнаго разбоя, направленнаго противъ русскихъ и персіянъ. Вожакомъ этого движенія былъ Степанъ Разинъ, составившій себѣ шайку изъ такъ называемой „голытьбы“. Это были новые казаки, люди безпокойные, всегда искавшіе случая погулять на чужой счетъ. Число такого рода „голутвенныхъ“ людей на дону все увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холопей, крестьянъ и частью посадскихъ людей изъ Московскаго государства. Вотъ съ такой то шайкой и сталъ разбойничать Стенька, сперва на Волгѣ и затѣмъ на берегахъ Каспійскаго моря. Разгромивъ берега Персіи, Казаки съ богатою добычею воротились въ 1669 г. на Волгу, а оттуда направились къ Дону, гдѣ Разинъ сталъ пользоваться громаднымъ значеніемъ, такъ какъ слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, все болѣе и болѣе распространялась и все сильнѣе привлекала къ нему голутвенныхъ людей. Перезимовавъ на Дону, Разинъ сталъ разглашать, что идетъ противъ московскихъ бояръ, и, дѣйствительно, набравъ шайку, лѣтомъ 1670 г. двинулся на Волгу, уже не съ разбоемъ, а съ бунтомъ. Взявъ почти безъ боя Астрахань и устроивъ городъ по образцу казачьихъ круговъ, атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ и такимъ образомъ дошелъ до Симбирска. Здѣсь-то стала подниматься и земщина, повсюду примыкая къ казакамъ на ихъ пути, возставая противъ высшихъ классовъ „за царя противъ бояръ“. Крестьяне грабили и убивали своихъ помѣщиковъ, соединялись въ шайки и примыкали къ казакамъ. Возмутились и приволжскіе инородцы, такъ что

силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ; казалось, все благопріятствовало его планамъ взять Нижній и Казань и идти на Москву, какъ вдругъ его постигла неудача подъ Симбирскомъ. Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ князя Барятинскаго, у котораго часть войска была обучена европейскому строю. Тогда, оставивъ крестьянскія шайки на произволъ судьбы, Разинъ бѣжалъ съ казаками на югъ и попытался поднять весь Донъ, но здѣсь былъ схваченъ старыми казаками, всегда бывшими противъ него, свезенъ въ Москву и казненъ (въ 1671 г.). Вскорѣ было подавлено и земское возстаніе внутри государства, хотя крестьяне и холопы продолжали еще нѣкоторое время волноваться, да въ Астрахани еще свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ Васьки Уса. Но и Астрахань сдалась, наконецъ, боярину Милославскому и главные мятежники были казнены.

Напряженіе законодательной дѣятельности. Теперь умѣстно будетъ возвратиться къ обзору законодательной дѣятельности Алексѣя Михайловича, который мы начали оцѣнкою Уложенія 1648—49 г.г.

Мы уже говорили о значеніи этого Уложенія, бывшаго не только сводомъ законовъ, но и реформой, давшей чрезвычайно добросовѣстный отвѣтъ на нужды и запросы того времени. Оно одно составило бы славу царствованія Алексѣя Михайловича, но законодательство того времени не остановилось на немъ. Отношенія между законодательствомъ и жизнью таковы, что послѣдняя всегда опережаетъ первое, общественная жизнь всегда ускользаетъ изъ рамокъ извѣстнаго кодекса. Законъ обыкновенно выражаетъ и закрѣпляетъ собою одинъ моментъ въ теченіи государственной жизни и общественныхъ отношеній, между тѣмъ какъ жизнь непрестанно развивается и усложняется, съ каждой новой минутой требуетъ новыхъ законодательныхъ опредѣленій и упраздняетъ частности въ законодательствѣ, словомъ, отражается на немъ. Чѣмъ содержательнѣе жизнь, чѣмъ быстрѣе она прогрессируетъ, тѣмъ скорѣе и глубже совершаются измѣненія въ законодательствѣ, и наоборотъ, чѣмъ больше застоя въ жизни, тѣмъ неподвижнѣе законодательство. XVII вѣкъ далеко не былъ временемъ застоя. Со времени Алексѣя Михайловича уже рѣзкими чертами отмѣчается начало преобразовательнаго періода въ жизни Московскаго государства, является сознательное стремленіе къ преобразованію началъ нашей жизни, чего не было еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда правительство строило государство по старымъ до-смутнымъ образцамъ. Общество жило напряженно и эта напряженность жизни очень скоро отозвалась на Уложеніи тѣмъ, что оно стало отставать отъ жизни и требовало измѣненій и дополненій. И вотъ, начиная съ 1649 г. и вплоть до эпохи Петра Великаго, появляется множество такъ называемыхъ Новоуказныхъ статей, вносившихъ въ Уложеніе необходимыя поправки и дополненія. Полное Собраніе Законовъ, составленное Сперан-

скимъ, задавшимся мыслью вмѣстить въ него всѣ указы правительства, но не достигшимъ этой цѣли, за время съ 1649 по 1675 г. вмѣщаетъ 600 слишкомъ указныхъ статей, за время Θеодора Алексѣевича около 300, а съ 1682 по 1690 г. (т. е. до единодержавія Петра) до 625. Въ суммѣ это составляетъ до 1535 указовъ, дополняющихъ Уложеніе.

Большинство ихъ имѣло характеръ частныхъ указовъ,—указовъ на случай, возникшихъ путемъ дьячихъ докладовъ въ боярскую думу, но среди этихъ частныхъ постановленій встрѣчаются часто, уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, довольно обширныя и развитыя законоположенія общаго характера, которыя служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ быстраго государственнаго роста.

Изъ такихъ общихъ законоположеній, носящихъ характеръ отдѣльнаго кодекса постановленій относительно одной какой нибудь сферы народной жизни, замѣчательны слѣдующія:

1) *Указъ о таможенныхъ пошлинахъ съ товаровъ*, возникшій изъ челобитья торговыхъ людей. Надо сказать, что въ Московскомъ государствѣ было замѣчательное разнообразіе торговыхъ пошлинъ. Товары при ихъ передвиженіи много разъ подвергались подробной оцѣнкѣ и оплачивались пошлинами. Купецъ платилъ повсюду: съ него брали явочную пошлину, ѣзжую, мытъ и т. п. И вотъ въ XVII в. правительство стремится свести эти пошлины къ немногимъ видамъ. Значительная соляная пошлина 1646 г., обязанная своимъ происхожденіемъ любимцу царя Алексѣя—Морозову, является подобною попыткой, имѣвшею своимъ результатомъ неудовольствіе народа противъ ея виновника. Попыткой, аналогичной вышеупомянутой, представляется указъ 1653 года о „взиманіи таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ въ Москвѣ и городахъ съ показаніями, посколько взять и съ какихъ товаровъ“ (Полн. Собр. Зак., т. I-й, № 107).

2) Такое стремленіе къ упрощенію пошлинъ сказалось и въ „*Уставной Грамотѣ*“ *30 Апрѣля 1654 г.*, трактующей объ откупныхъ злоупотребленіяхъ, и въ ограниченіи нѣкоторыхъ пошлинъ, особенно пріѣзжей, причемъ послѣдняя замѣнялась извѣстнымъ процентомъ съ каждаго рубля оцѣнки товара. (Полн. Собр. Зак., I, № 122).

3) Въ извѣстномъ „*Новоторговомъ Уставѣ*“ *1667 г.* (Полн. Собр. Зак., I, № 408), замѣнившемъ всѣ торговые сборы прежняго времени однимъ сборомъ десяти денегъ съ рубля, съ особенной ясностью отражается вышеупомянутое желаніе правительства: вновь учрежденную пошлину въ 10 денегъ постановлено было взимать съ продавца при продажѣ товара; но въ случаѣ, если онъ заплатилъ часть ея раньше при покупкѣ товара, онъ уплачивалъ при продажѣ его только то, что оставалось до 10 денегъ. Новоторговый Уставъ, состоящій изъ 101-ой статьи (94 ст.+7 дополнительныхъ), представляетъ собою цѣлое законодательство о тор-

говлѣ. Въ немъ очень подробно разработаны правила относительно торговли русскихъ купцовъ съ другими государствами и торговли иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ. Иностранцамъ была запрещена, между прочимъ, розничная торговля, продавать же оптомъ они могли только московскимъ купцамъ и купцамъ тѣхъ городовъ, гдѣ они сами торговали. Этимъ, конечно, старались провести товаръ черезъ возможно большее количество рукъ и тѣмъ способствовать таможеннымъ выгодамъ казны. Кромѣ положеній собственно о торговлѣ, Новоторговый Уставъ старается обезпечить торговыхъ людей отъ судебной волокиты и вообще отъ злоупотребленій администраціи.

Всѣ вышеприведенныя новоуказныя статьи имѣли въ виду торговое и промышленное населеніе и были, весьма вѣроятно, въ нѣкоторой связи съ волненіями первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

4) Болѣе общимъ значеніемъ обладаютъ „*Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ*“ (П. З. С., I, № 431), изданныя въ январѣ 1669 года и представляющія собою переработку и дополненіе XXI и XXII главъ Уложенія (XXI гл. „о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ“ и XXII гл. „о смертной казни и наказаніяхъ“). Уголовное законодательство Московскаго государства сказало здѣсь свое послѣднее слово. Къ 130 статьямъ Уложенія уголовнаго характера здѣсь оно прибавило 128 статей, изъ которыхъ часть есть не что иное, какъ повтореніе предъидущаго, другая же часть представляетъ переработку и дополненіе дѣйствовавшаго кодекса.

Въ обзорѣ законодательной дѣятельности Алексѣя Михайловича необходимо упомянуть еще объ изданіяхъ такъ называемой *Кормчей книги* или *Номоканона*. Этимъ именемъ называются памятники греческаго церковнаго права, заключающіе въ себѣ постановленія византійскихъ императоровъ и церкви относительно церковнаго управленія и суда. Греческіе Номоканоны, возникавшіе въ Греціи съ XI в., очень рано (по мнѣнію А. С. Павлова, еще въ XI вѣкѣ) перешли въ славянскихъ переводахъ на Русь и получили у насъ силу закона въ церковныхъ дѣлахъ. На Руси они дополнялись позднѣйшими церковными постановленіями и свѣтскими русскими законами (напримѣръ, къ нимъ прибавлялась въ полномъ составѣ „Русская Правда“). Эти послѣднія дополненія свѣтскаго характера вызывались необходимостью для духовенства слѣдить за развитіемъ нашего законодательства по дѣламъ уголовнымъ и особенно государственнымъ, такъ какъ духовенство имѣло право судить населеніе, жившее на его земляхъ, и часто призывалось на совѣтъ къ государямъ по дѣламъ свѣтскимъ.

Въ свою очередь, и свѣтская власть нуждалась въ знаніи Номоканона, благодаря тому, что вошедшія въ Номоканонъ постановленія византійскихъ императоровъ имѣли на Руси силу дѣйствующаго права.

Извѣстныя подъ именемъ *градскихъ законовъ*, эти постановленія примѣнялись у насъ въ сферѣ свѣтскаго суда и были приняты, какъ источникъ, при составленіи Уложенія. Въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ разослалъ для руководства воеводамъ выписки изъ этихъ градскихъ законовъ, находящихся въ Кормчей книгѣ. Таково было значеніе Номоканона въ древней Руси.

При Алексѣѣ Михайловичѣ въ первый разъ Кормчая была издана патріархомъ Іосифомъ въ 1650 году; но въ 1653 году это изданіе было исправлено Никономъ, который нашелъ нужнымъ прибавить къ прежней Кормчей нѣкоторыя статьи, которыхъ ранѣе не было; между прочимъ, имъ была прибавлена такъ называемая „*Donatio Constantini*", та самая подложная грамота Константина Великаго, которою папы старались оправдать свою свѣтскую власть. Подобная прибавка была сдѣлана Никономъ, конечно, въ видахъ большаго возвышенія патріаршей власти.

Изъ нашего бѣглаго обзора видно, какою плодовитостью отличалась законодательная дѣятельность времени Алексѣя Михайловича. Хотя эта дѣятельность и была одушевлена искреннимъ желаніемъ народной пользы и, постоянно, прислушиваясь къ земскимъ челобитьямъ, давала по мѣрѣ возможности благопріятные отвѣты на нихъ, тѣмъ не менѣе, она не успокаивала государства, прямымъ доказательствомъ чего служатъ частые бунты и безпорядки въ продолженіе всего царствованія.

Церковныя дѣла при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Н и к о н ъ. Обратимся теперь къ дѣламъ времени царя Алексѣя въ сферѣ церковной. Значеніе тогдашнихъ церковныхъ событій было очень велико: тогда начался расколъ, остающійся и теперь еще вопросомъ не только исторіи, но и жизни; тогда же возникъ вопросъ объ отношеніяхъ церковной и свѣтской властей. И тотъ и другой вопросы связаны съ дѣятельностью Никона. Поэтому прежде всего обратимся къ самой личности замѣчательнаго патріарха.

Патріархъ Никонъ, въ міру Никита, одинъ изъ самыхъ крупныхъ могучихъ русскихъ дѣятелей XVII в., родился въ маѣ 1605 г. въ крестьянской семьѣ, въ селѣ Вельемановѣ близъ Нижняго-Новгорода. Мать Никиты умерла вскорѣ послѣ его рожденія и ему, еще ребенкомъ, пришлось много вытерпѣть отъ мачехи, женщины очень злого нрава. Уже тутъ Никита выказалъ присутствіе сильной воли, хотя постоянное гоненіе и не могло не оказать дурного вліянія на его характеръ. Никита обнаружилъ необыкновенныя способности, быстро выучился грамотѣ и книга увлекла его. Онъ захотѣлъ уразумѣть всю глубину божественнаго пи-

санія и удалился въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ и занялся прилежнымъ чтеніемъ священныхъ книгъ. Но родня вызвала его изъ монастыря обратно. Никита женился, на двадцатомъ году былъ поставленъ въ священники и священствовалъ въ одномъ селѣ. Оттуда, по просьбѣ московскихъ купцовъ, узнавшихъ о его начитанности, Никита перешелъ въ Москву. Но тутъ онъ былъ недолго: потрясенный смертью всѣхъ своихъ дѣтей, умиравшихъ одинъ за другимъ, онъ ушелъ на Бѣлое море и постригся въ Анзерскомъ скиту подъ именемъ Никона. Поссорившись тамъ съ начальнымъ старцемъ Елеазаромъ, Никонъ удалился въ Кожеозерскую пустынь, гдѣ и былъ игуменомъ съ 1642 по 1646 г. На третій годъ послѣ своего поставленія онъ отправился по дѣламъ пустыни въ Москву и здѣсь явился съ поклономъ къ молодому царю Алексѣю Михайловичу, какъ вообще въ то время являлись съ поклономъ къ царю настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился Кожеозерскій игуменъ, что патріархъ Іосифъ, по царскому желанію, посвятилъ Никона въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, гдѣ была родовая усыпальница Романовыхъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства набожный царь часто ѣздилъ туда молиться за упокой души своихъ предковъ и много бесѣдовалъ съ Никономъ. Алексѣй Михайловичъ былъ изъ такихъ сердечныхъ людей, которые не могутъ жить безъ дружбы, всей душой привязываются къ людямъ, если тѣ имъ нравятся по своему складу,—и вотъ онъ приказалъ архимандриту пріѣзжать для бесѣды каждую пятницу во дворецъ. Пользуясь расположеніемъ царя, Никонъ сталъ „печаловаться“ царю за всѣхъ обиженныхъ и утѣсненныхъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ въ народѣ славу добраго защитника и ходатая. Вскорѣ въ его судьбѣ произошла новая перемѣна: въ 1648 г. скончался Новгородскій митрополитъ Аѳанасій, и царь предпочелъ всѣмъ своего любимца. Іерусалимскій патріархъ Паисій рукоположилъ Новоспасскаго архимандрита въ санъ митрополита Новгородскаго. Въ Новгородѣ Никонъ сталъ извѣстенъ своими прекрасными проповѣдями. Когда въ Новгородской землѣ начался голодъ, онъ много помогалъ народу и хлѣбомъ и деньгами, да кромѣ того устроилъ въ Новгородѣ четыре богадѣльни. Въ 1650 году вспыхнулъ народный мятежъ, и въ образѣ дѣйствій Никона во время этихъ волненій мы уже видимъ проявленіе того крупнаго и рѣшительнаго характера, который увидимъ и въ дѣлѣ раскола: онъ сразу наложилъ на всѣхъ коноводовъ мятежа проклятіе и раздражилъ этимъ народъ настолько, что подвергся даже насилію со стороны бунтовщиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ ходатайствовалъ передъ царемъ за новгородцевъ.

Будучи Новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ слѣдилъ, чтобы богослуженіе совершалось съ большею точностью, правильностью и торжественностью. А въ то время, надо сказать, несмотря на набожность на-

шихъ предковъ, богослуженіе велось въ высшей степени неблаголѣпно, потому что для скорости разомъ читали и пѣли разное, такъ что молящіеся врядъ ли что могли разобрать. Для благочинія митрополитъ уничтожилъ это „многогласіе" и заимствовалъ кіевское пѣніе вмѣсто такъ называемаго „раздѣльнорѣчнаго" очень неблагозвучнаго пѣнія. Въ 1651 г., пріѣхавъ въ Москву, Никонъ посовѣтовалъ царю перенести мощи митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ столицу и этимъ загладить давній грѣхъ Ивана Грознаго передъ святителемъ. Царь послалъ (1652) въ Соловки за мощами самого Никона.

Въ то время, когда Никонъ ѣздилъ въ Соловки за мощами, скончался московскій патріархъ Іосифъ (1652). На престолъ патріаршій былъ избранъ Никонъ; онъ отвѣчалъ отказомъ на это избраніе; тогда въ Успенскомъ соборѣ царь и окружавшіе его со слезами стали умолять митрополита не отказываться. Наконецъ Никонъ согласился, но подъ условіемъ, если царь, бояре, освященный соборъ и всѣ православные дадутъ торжественный обѣтъ передъ Богомъ, что они будутъ сохранять „евангельскіе Христовы догматы и правила св. апостоловъ и св. отецъ, и благочестивыхъ царей законы" и будутъ слушаться его, Никона, во всемъ, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго". Царь, за нимъ власти духовныя и бояре поклялись въ этомъ, и 25 іюля 1652 г. Никонъ былъ поставленъ патріархомъ.

Книжное исправленіе и расколъ. Одной изъ первѣйшихъ заботъ Никона было исправленіе книгъ, т. е. то дѣло, которое привело къ расколу.

Мы знаемъ, что въ богослужебныхъ рукописныхъ книгахъ было много неправильностей. Еще Иванъ IV на Стоглавомъ соборѣ поставилъ вопросъ: *„о божественныхъ книгахъ"*; онъ говорилъ собору, что ***„писцы пишутъ книги съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ"***. Хотя Стоглавый соборъ и обратилъ большое вниманіе на неправильности въ рукописныхъ книгахъ, тѣмъ не менѣе въ своихъ постановленіяхъ онъ самъ впалъ въ погрѣшность, узаконивъ, напр., двоеперстіе и сугубую аллилуію. Объ этихъ вопросахъ спорили на Руси еще въ XV в., не зная „двумя или тремя перстами креститься", „пѣть аллилуія дважды или трижды" („Псковскіе споры" въ „Опытахъ" В. О. Ключевскаго). Въ первыхъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ при Иванѣ IV допущено было много ошибокъ: то же самое было и въ книгахъ, напечатанныхъ при Шуйскомъ. Когда же послѣ смуты былъ возстановленъ печатный дворъ, то прежде всего рѣшили исправить книги. И вотъ въ 1616 г. это дѣло было поручено Діонисію, извѣстному намъ архимандриту Троицкаго монастыря, и монахамъ того же монастыря, Логгину, Филарету и др. „духовнымъ и разумнымъ старцамъ". Относительно Діонисія мы знаемъ, что это была за личность; добродушная и высокая его

натура, умѣвшая будить въ массахъ патріотизмъ въ бѣдственное время смуты, оказалась неспособной къ практической обыденной дѣятельности; архимандритъ не могъ держать въ строгомъ повиновеніи себѣ братію. Большимъ, чѣмъ архимандритъ, вліяніемъ пользовались въ монастырѣ пѣвчіе-монахи Логгинъ и Филаретъ, оба съ удивительными голосами. Филаретъ былъ такъ невѣжественъ, что искажалъ не только смыслъ духовныхъ стиховъ, но и православное ученіе (напримѣръ, Божество онъ почиталъ человѣкообразнымъ). Оба они ненавидѣли Діонисія, и вотъ съ такими то личностями пришлось архимандриту приняться за дѣло исправленія книгъ. Уже изъ одного того факта, что никто изъ „справщиковъ“ книгъ не зналъ по гречески, видно, что дѣло исправленія не могло идти удовлетворительно. Да и мысль о повѣркѣ исправляемыхъ книгъ по старымъ и русскимъ и греческимъ рукописямъ никому не приходила въ голову... Какъ бы то ни было, принялись за исправленіе. Между справщиками дѣло не обошлось безъ распрей. Въ началѣ возникъ споръ по слѣдующему случаю: Діонисій вычеркнулъ въ молитвѣ водоосвященія ненужное слово „и огнемъ“. Пользуясь этимъ, Логгинъ, Филаретъ и ризничій дьяконъ Маркеллъ отправили въ Москву на Діонисія доносъ, обвинявшій его въ еретичествѣ.

Въ то время въ Москвѣ еще дожидались Филарета Никитича, и дѣлами патріаршества управлялъ Крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ неспособный, какъ слѣдуетъ, разсудить это дѣло. Онъ сталъ на сторону враговъ Діонисія. Кромѣ того, вооружили противъ Діонисія и царскую мать старицу Мароу, да и въ народѣ распустили слухъ, что явились такіе еретики, которые „огонь отъ міра хотятъ вывести“. Дѣло кончилось осужденіемъ Діонисія на заключеніе въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь; но это заточеніе не было продолжительно. Вскорѣ въ Москву пріѣхалъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, при которомъ возвратился и Филаретъ Никитичъ и былъ поставленъ въ патріархи. Снова произвели дознаніе о дѣлѣ Діонисія и оправдали его; но въ Москвѣ всетаки продолжался споръ о прилогѣ „и огнемъ“. Филаретъ, неуспокоенный доказательствами Ѳеофана, просилъ его, пріѣхавъ въ Грецію, хорошенько разузнать объ этомъ прилогѣ. Ѳеофанъ исполнилъ его просьбу и вмѣстѣ съ Александрійскимъ патріархомъ прислалъ въ Москву грамоты, подтверждавшія, что прибавка „и огнемъ“ должна быть исключена. Такимъ образомъ, рѣшено было уничтожить прилогъ.

Исправленіе книгъ не прекращалось и при патріархахъ Филаретѣ (1619—1633) и Іосифѣ (1634—1640); но на исправленіе смотрѣли, какъ на дѣло домашнее, ограничиваясь исправленіемъ „ошибокъ пера“, исправляя домашними средствами, т. е. не считая нужнымъ прибѣгать къ сличенію нашихъ книгъ съ древнѣйшими греческими. Мысль о необходимости этихъ сличеній, однако, проскользнула еще при Филаретѣ: въ 1632 г.

пріѣхалъ съ востока архимандритъ Іосифъ и былъ опредѣленъ для перевода на славянскій языкъ греческихъ книгъ, необходимыхъ для церковныхъ нуждъ, и книгъ на „латинскія ереси“, да и кромѣ того его обязали „учити на учительномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ“. Но въ началѣ 1634 г. Іосифъ умеръ, и школа его заглохла.

И при патріархѣ Іосифѣ (1642—1652) исправленіе шло все тѣмъ же путемъ, т. е. исправляли русскіе люди, не обращаясь къ греческимъ книгамъ. На дѣло исправленія много вліяли при Іосифѣ нѣкоторые люди, ставшіе потомъ во главѣ раскола; таковы протопопы Иванъ Нероновъ, Аввакумъ Петровъ и дьяконъ Благовѣщенскаго собора Θеодоръ,—изъ кружка Степана Вонифатьева, близкаго къ патріарху Благовѣщенскаго протопопа и царскаго духовника. Можетъ быть, ихъ вліяніемъ и было внесено и распространено при Іосифѣ много ошибокъ и неправильныхъ мнѣній въ новыхъ книгахъ, какъ напр., двоеперстіе, которое стало съ тѣхъ поръ считаться единственнымъ правымъ крестнымъ знаменіемъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, со времени Іосифа замѣчается поворотъ къ лучшему. Въ 1640 г. пришло предложеніе Петра Могилы, Кіевскаго митрополита, устроить въ Москвѣ монастырь и школу по образцу коллегій Западно-русскаго края. Затѣмъ въ 1645 г. приходитъ предложеніе Цареградскаго патріарха Парθенія черезъ митрополита Θеофана объ устройствѣ въ Москвѣ для печатанія греческихъ и русскихъ богослужебныхъ книгъ типографіи, а также и школы для русскихъ дѣтей. Но при Михаилѣ Θеодоровичѣ какъ то такъ и другое предложеніе не встрѣтило сочуствія. Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича дѣла пошли иначе. Тишайшій царь писалъ (въ 1649 г.) преемнику Петра Могилы кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову, прося его прислать ученыхъ монаховъ, и, согласно царскому желанію, въ Москву пріѣхали Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій, сдѣлавшійся впослѣдствіи первымъ ученымъ авторитетомъ въ Москвѣ. Они приняли участіе въ исправленіи нашихъ богослужебныхъ книгъ. Одновременно съ этимъ постельничій Θеодоръ Михайловичъ Ртищевъ устраиваетъ подъ Москвой Андреевскій монастырь, а въ немъ общежитіе ученыхъ кіевскихъ монаховъ, вызванныхъ имъ съ юга. Такимъ образомъ впервые входила къ намъ кіевская наука.

Въ томъ же 1649 г. въ Москву пріѣхалъ Іерусалимскій патріархъ Паисій и, присмотрѣвшись къ нашимъ богослужебнымъ обрядамъ, указалъ царю и патріарху на многія „новшества“. Это произвело огромное впечатлѣніе, такъ какъ по понятіямъ того времени дѣло шло объ „ереси“; и вотъ возможность неумышленно впасть въ ересь побудила правительство обратить большое вниманіе на эти „новшества“ въ обрядахъ и въ книгахъ. Результатомъ этого была посылка монаха Арсенія Суханова на Аθонъ и въ другія мѣста съ цѣлью изученія греческихъ обрядовъ. Черезъ нѣсколько времени Сухановъ прислалъ въ Москву извѣстіе, еще

болѣе взволновавшее всѣхъ, извѣстіе о сожженіи на Аѳонѣ тамошними монахами богослужебныхъ книгъ русской печати, какъ признанныхъ еретическими. Въ то же время московская іерархія рѣшила обратиться за совѣтомъ къ цареградскому духовенству по поводу различныхъ, съ нашей точки зрѣнія не особенно важныхъ, церковныхъ вопросовъ, которые, однако, казались тогда „великими церковными потребами“, главнымъ же образомъ по поводу вопроса о знакомомъ уже намъ „многогласіи“, объ уничтоженіи коего сильно хлопотали, между прочемъ, Ртищевъ и протопопъ Нероновъ. По совѣту съ греками рѣшились, наконецъ, въ 1651—52 г.г. ввести въ церковныхъ службахъ единогласіе. Такимъ образомъ, въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ пріорѣталъ значеніе примѣръ и совѣтъ Восточной греческой церкви.

Съ такимъ привлеченіемъ кіевлянъ и грековъ къ исправленію обрядовъ и книгъ, въ этомъ дѣлѣ появился новый элементъ—„чужой“, и понемногу перешли отъ исправленія незначительныхъ ошибокъ къ исправленію болѣе существенныхъ, которымъ, по понятіямъ того времени, присваивалось названіе ересей. Разъ дѣло принимало характеръ исправленія ересей и къ нему привлекалась чужая помощь, исправленіе теряло прежнее значеніе домашняго дѣла и становилось дѣломъ *междуцерковнымъ*.

Но вмѣшательство въ это дѣло чужихъ людей вызвало во многихъ русскихъ людяхъ неудовольствіе и вражду противъ нихъ. Враждебное отношеніе проявилось не только къ грекамъ, но и къ кіевскимъ ученымъ, къ кіевской латинской наукѣ. Такая непріязнь въ отношеніи къ кіевлянамъ обусловливалась фактомъ Брестской уніи 1596 г.; начиная съ того времени въ Москвѣ юго-западное духовенство стали подозрѣвать въ латинствѣ; много помогалъ этому и самый характеръ Кіевской академіи, устроенной Петромъ Могилой по образцу іезуитскихъ коллегій запада. Въ ней, какъ мы знаемъ, важную роль игралъ латинскій языкъ, а русскіе смотрѣли очень косо на изученіе латыни, языка Римской церкви, подозрѣвая, что изучающій латынь непремѣнно совратится въ „латинство“. На всю южно-русскую интеллигенцію въ Москвѣ смотрѣли, какъ на „латинскую“. Знакомый намъ протопопъ Нероновъ говорилъ какъ то Никону: „а мы прежде всего у тебя слышали, что многажды ты говорилъ намъ: гречане де, да и малые россіяне потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ“. Но этими словами могло тогда выражаться враждебное отношеніе къ латинству не одного Никона или Неронова, а очень и очень многихъ московскихъ людей. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и вліятельный кружокъ протопопа Вонифатьева; идеи этого кружка распространялись за его предѣлы и отозвались, напр., въ дѣлѣ маленькаго московскаго человѣка Голосова, который не хотѣлъ учиться у кіевскихъ монаховъ, чтобы не впасть въ ересь, и такъ говорилъ о Ртищевѣ: „учится у Кіев-

лянъ Θеодоръ Ртищевъ грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть. Кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится". Такіе люди, какъ Голосовъ, не только самихъ кіевлянъ считали еретиками, но и на тѣхъ людей, которые благоволили къ кіевлянамъ и ихъ наукѣ, смотрѣли, какъ на еретиковъ. „Борисъ Ивановичъ Морозовъ, говорили москвичи, началъ жаловать Кіевлянъ, а это уже явное дѣло, что туда уклонился, къ такимъ же ересямъ".

Такое же непріязненное отношеніе, какъ къ людямъ, отступившимъ отъ православія, было и къ грекамъ,—здѣсь оно обусловливалось Флорентійской уніей и подданствомъ Греціи туркамъ; для характеристики такого отношенія приведемъ слова одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени, Арсенія Суханова, о греческомъ духовенствѣ: „и папа не глава церкви и греки не источникъ, а если и были источникомъ, то нынѣ онъ пересохъ"; „вы и сами, говорилъ онъ грекамъ, страдаете отъ жажды, какъ же вамъ напоять весь свѣтъ изъ своего источника?" На Руси уже давно выработалось непріязненное и нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ грекамъ. Когда палъ Константинополь и подпавшее турецкому игу греческое духовенство стало являться на Русь за „милостыней" отъ московскихъ государей, въ русскомъ обществѣ и литературѣ появилась и крѣпла мысль о томъ, что теперь значеніе Константинополя, какъ перваго православнаго центра, должно перейти къ Москвѣ, столицѣ единственнаго свободнаго и сильнаго православнаго государства. Съ чувствомъ національной гордости думали наши предки, что одна независимая Москва можетъ сохранить и сохраняетъ чистоту православія, и что Востокъ въ XV в. уже не могъ удержать этой чистоты и покусился на соодиненіе съ папой. Стѣсненное положеніе восточнаго духовенства при турецкомъ господствѣ служило въ глазахъ москвичей достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что греки не могутъ вѣровать право, какъ не могутъ право вѣровать русскіе люди въ Литвѣ и Польшѣ, находясь подъ постояннымъ давленіемъ католичества. Къ православнымъ иноземцамъ у очень многихъ московскихъ людей было недовѣрчивое и вмѣстѣ гордое отношеніе. На нихъ смотрѣли сверху внизъ, съ высоты самолюбиваго сознанія своего превосходства въ дѣлахъ вѣры.

И вдругъ эти православные иноземцы, греческіе іерархи и малороссійскіе ученые, становятся руководителями въ дѣлѣ исправленія обрядовъ и книгъ Московской церкви. Понятно, что такая роль ихъ не могла понравиться московскому духовенству и вызвала въ самолюбивыхъ москвичахъ раздраженіе. Людямъ, имѣвшимъ высокое представленіе о церковномъ первенствѣ Москвы, казалось, что привлеченіе иноземцевъ къ церковнымъ исправленіямъ необходимо должно было выйти изъ признанія русскаго духовенства невѣжественнымъ въ дѣлахъ вѣры, а московскихъ обрядовъ—еретическими. А это шло въ разрѣзъ съ ихъ высокими пред-

ставленіями о чистотѣ православія въ Москвѣ. Этимъ оскорблялась ихъ національная гордость и они протестовали противъ исправленій, исходя именно изъ этого оскорбленнаго національнаго чувства.

Никонъ, ставъ патріархомъ, повелъ дѣло исправленія болѣе систематично, занялся исправленіемъ не только ошибокъ, руководясь древними греческими списками, но и обрядовъ. По поводу послѣднихъ онъ постоянно совѣтовался съ Востокомъ. Исправленіе обрядовъ было уже, по понятіямъ того времени, вторженіемъ въ область вѣры, т. е. непростительнымъ посягательствомъ. Въ дѣлѣ исправленія кіевляне и Востокъ стали играть активную, даже первенствующую, роль. Исправленіе стало окончательно дѣломъ междуцерковнымъ. Появился и рѣзкій *протестъ*.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію того, какъ пошло исправленіе книгъ и обрядовъ при Никонѣ и какъ появились противъ него первые протесты, посмотримъ, каковы были тѣ неправильности въ книгахъ, которыя пришлось исправлять Никону:

1. *Въ текстѣ церковныхъ книгъ* была масса описокъ и опечатокъ, мелкихъ недосмотровъ и разногласій въ переводахъ однѣхъ и тѣхъ же молитвъ. Такъ, въ одной и той же книгѣ одна и та же молитва читается разно: то „смертію смерть наступи", то „смертію смерть поправъ". Изъ этой массы несущественныхъ погрѣшностей более вызывали споровъ и болѣе значительными считались слѣдующія: 1) лишнее слово въ VIII членѣ Сѵмв. Вѣры,—„и въ Духа Св. Господа *истиннаго* и животворящаго". 2) Начертаніе и произношеніе имени Іисусъ—*Ісусъ*. 3) Искаженіе церковныхъ отпусковъ на Богородичные и другіе праздники: „Христосъ истинный Богъ нашъ", говорилъ священникъ, „молитвами Пречистыя Его Матери *честнаго и славнаго Ея рождества* и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ". Или: Христосъ молитвами Его Матери, „*честнаго и славнаго Ея введенія или благовѣщенія*" и т. д. На празднованіе честныхъ веригъ Апостола Петра (16 января) говорили: „Христосъ... молитвами всехвальнаго Ап. Петра, *честныхъ его веригъ*"... и т. д.

2. Наиболѣе выдающіяся отступленія нашей церкви отъ Восточной *въ обрядахъ* были таковы: 1) проскомидія совершалась на 7 просфорахъ вмѣсто 5; 2) пѣли *сугубую* аллилуія, т. е. два раза вмѣсто трехъ, вмѣсто трегубой; 3) совершали хожденіе *по-солонь*, вмѣсто того, чтобы ходить противъ солнца; 4) отпускъ послѣ часовъ священникъ говорилъ изъ *царскихъ вратъ*, что теперь не дѣлается: 5) крестились *двумя* перстами, а не тремя, какъ крестились на Востокѣ и т. д.

Изъ этого перечня видно, что всѣ отступленія Русской церкви отъ Восточной не восходили къ догматамъ, были внѣшними, обрядными; но въ глазахъ нашихъ предковъ обрядъ игралъ большую роль и всѣмъ этимъ отступленіямъ они придавали огромное значеніе, смотря на нихъ, какъ на „ереси".

Перейдемъ теперь къ Никоновымъ реформамъ. Еще въ 1649 г., до вступленія Никона на патріаршій престолъ, пріѣхавшій въ Москву патріархъ Паисій Іерусалимскій указалъ, о чемъ сказано выше, на нѣкоторыя новшества въ Русской церкви. Когда онъ отправился домой, то съ нимъ былъ отправленъ на Востокъ Арсеній Сухановъ для изученія восточныхъ обрядовъ и для сбора старинныхъ церковныхъ книгъ. Въ 1651 г. былъ въ Москвѣ митрополитъ Назаретскій Гавріилъ и тоже указалъ на отступленіе обрядовъ Русской церкви отъ Восточной. То же въ 1652 г. сдѣлалъ и патріархъ Константинопольскій Афанасій. Тогда же (1652 г.) пришло извѣстіе съ Аѳона, что тамъ старцы объявили еретическими и сожгли московскія печатныя книги съ двоеперстіемъ. Въ 1653 г. возвратился Сухановъ съ Востока и въ своемъ отчетѣ, который носитъ названіе „Проскинитарій", констатировалъ разницу обрядовъ въ Москвѣ и на Востокѣ, хотя самъ относился скептически ко всему Востоку. Такая многочисленность указаній о различіяхъ Московской церкви отъ Восточной показала московской іерархіи необходимость провѣрки церковныхъ обрядовъ и ихъ исправленія, еслибы они оказались неправильными.

Ко времени вступленія на патріаршій престолъ у Никона созрѣла мысль о необходимости такой провѣрки и исправленія. Ставъ патріархомъ и разбирая патріаршую библіотеку, онъ нашелъ въ ней грамоту объ утвержденіи патріаршества, въ коей говорилось о необходимости полнаго согласія православныхъ церквей и о строжайшемъ соблюденіи догматовъ. Это побудило его къ изслѣдованію, не отступила ли русская церковь отъ православнаго греческаго закона. Какъ въ Символѣ Вѣры, такъ и въ другихъ книгахъ онъ самъ увидѣлъ отступленія. Но рѣшиться сразу на гласную систематическую провѣрку всѣхъ этихъ отступленій было трудно по важности самаго дѣла, и Никонъ началъ свои реформы частными мѣрами. Онъ въ 1653 г. вмѣсто 12 указалъ 4 земныхъ поклона во время чтенія молитвы „Господи и Владыко живота моего". Эта реформа, весьма некрупная, тѣмъ не менѣе показалась нестерпимою многимъ московскимъ священникамъ, именно кружку Іосифовскому, въ центрѣ котораго былъ Стефанъ Вонифатьевъ, Благовѣщенскій протопопъ, и Ив. Нероновъ, священникъ московскаго Казанскаго собора. Къ этому же кружку примыкали Юрьевскій протопопъ Аввакумъ и др. Къ этому кружку въ былое время принадлежалъ и самъ Никонъ. Вмѣстѣ съ прочими членами кружка онъ отличался національно-охранительнымъ настроеніемъ, которое однако утратилъ, когда сталъ во главѣ церкви и получилъ болѣе широкій кругозоръ. Перемѣна его взглядовъ не осталась неизвѣстною его старымъ пріятелямъ. Эти лица, недовольныя утратой того вліянія, какимъ они пользовались при Іосифѣ, недовольныя постоянными толками объ исправленіяхъ и присутствіемъ грековъ и кіевлянъ, собрались обсуждать новую мѣру Никона и нашли ее еретическою. „Задумалися,

сошедшися между собою", говорилъ Аввакумъ: „видимъ яко зима хочетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали".

Увидѣли они, что толки объ исправленіяхъ начинаютъ переходить въ дѣло и, не сочувствуя этому, составили и подали царю челобитную на Никона. Въ челобитной говорилось не только о новой мѣрѣ Никона, но и о двоеперстіи, о которомъ тогда еще не было рѣшено; Никонъ обвинялся въ ереси. Очевидно, что московскіе попы знали о намѣреніяхъ Никона, о готовящейся реформѣ, и уже заранѣе протестовали противъ нея. Челобитная ихъ была безуспѣшна. Изъ-за нея однако между Никономъ и этимъ кружкомъ начались неудовольствія и произошелъ окончательный разрывъ, который привелъ къ ссылкѣ нѣкоторыхъ членовъ кружка.

На духовномъ соборѣ въ 1653 г. разбиралось дѣло Логгина, судившагося по доносу воеводы Муромскаго за оскорбленіе святыни; на соборѣ протопопъ Нероновъ, вступившійся за Логгина, высказалъ много горькаго и дерзкаго Никону и за это соборомъ былъ посланъ въ монастырь на смиреніе. Аввакумъ, поссорясь послѣ ссылки Неронова съ другими священниками Казанскаго собора, устроилъ всенощную въ сараѣ, на томъ основаніи, какъ онъ говорилъ, что въ „нѣкоторое время и конюшня де иные церкви лучше". Онъ былъ арестованъ и осужденъ вмѣстѣ съ Логгиномъ какъ за это безчинство, такъ и за то, что они подали царю на патріарха жалобу по поводу осужденія Неронова. Аввакумъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Это столкновеніе Никона съ вліятельнымъ кружкомъ московскихъ поповъ при самомъ первомъ шагѣ задуманныхъ имъ исправленій показало ему всю невозможность дѣйствовать при церковныхъ исправленіяхъ одному. Его личныя распоряженія и въ будущемъ могли вызвать такое же противорѣчіе. Необходимо было поэтому *созвать соборъ*, который своимъ авторитетомъ поддержалъ бы и узаконилъ дѣло исправленія. И вотъ весною 1654 г. патріархъ съ государемъ созываютъ церковный соборъ; на немъ было: 5 митрополитовъ, 5 архіепископовъ и епископовъ, 11 архимандритовъ и игуменовъ и 13 протопоповъ. Соборъ начался рѣчью Никона, въ которой онъ указалъ на неисправность нашихъ книгъ и обрядовъ и доказывалъ необходимость ихъ исправленія. Соборъ призналъ, что исправленіе необходимо и постановилъ, что книги всѣ надо исправить, свѣряясь съ древними и греческими книгами. Только епископъ Павелъ Коломенскій подалъ особое мнѣніе; противъ реформъ онъ ничего не имѣлъ, но въ частности былъ противъ вновь положеннаго количества поклоновъ за молитвой „Господи и Владыко живота моего". Это противорѣчіе собору не прошло Павлу Коломенскому даромъ: онъ былъ скоро Никономъ сосланъ.

Но это самое противорѣчіе показывало, что опредѣленіе *Русскаго собора* можетъ быть нѣкоторыми не признано, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе, нуженъ высшій авторитетъ. Никону стало ясно,

что для болѣе успѣшнаго дѣйствія ему необходимо заручиться авторитетомъ всей Восточной церкви. Поэтому, начиная приводить въ исполненіе постановленія собора 1654 г., патріархъ и царь посылаютъ (1654) въ Константинополь свои грамоты, заключающія 26 вопросовъ по дѣлу исправленія, и просятъ Константинопольскаго патріарха Паисія отвѣтить на эти вопросы. Паисій созвалъ соборъ Константинопольскаго духовенства, и „*дѣянія*“ этого собора, вполнѣ одобряющія планы Никона и постановленія Московскаго собора 1654 г., послалъ въ Москву. Такимъ образомъ Греческая церковь офиціально была привлечена къ дѣлу исправленія русскихъ книгъ.

Еще раньше, собирая въ Москву древнія славянскія книги, Никонъ теперь (1654 г.) вторично посылаетъ Арсенія Суханова на Востокъ собирать древнія греческія книги. Благодаря сочувствію и содѣйствію аѳонскихъ монаховъ, Суханову удается вывести съ Аѳона до 500 книгъ. Съ такимъ же сочувствіемъ къ Никону отнеслись и патріархи Антіохійскій и Александрійскій; они со своей стороны присылали древнія книги въ Москву.

Одновременно съ собираніемъ новыхъ матеріаловъ для работъ по исправленію книгъ, во главѣ исправленій были поставлены новыя лица— кіевскій іеромонахъ Епифаній Славенецкій, Арсеній Сатановскій и греки: Діонисій, „святогорецъ“ съ Аѳона, и Арсеній-Грекъ, учившійся въ Римѣ и Венеціи. Послѣдняго, когда онъ былъ въ Малороссіи и Греціи, греки и южане считали за еретика-католика, а потому, по прибытіи въ Москву, онъ былъ посланъ на три года въ Соловки на испытаніе. Когда соловецкіе монахи признали его православнымъ, Никонъ взялъ его къ себѣ въ справщики. Но молва о его еретичествѣ продолжала ходить по Москвѣ, и его присутствіе соблазняло многихъ приверженцевъ старины (напримѣръ, Неронова).

Первая исправленная книга, „Служебникъ“, трудъ новыхъ справщиковъ, была наконецъ выпущена въ 1655 г. Эта книга предварительно была прочтена на духовномъ соборѣ, нарочно для того созванномъ, и одобрена присутствовавшими на немъ греческими іерархами: патріархомъ Антіохійскимъ Макаріемъ и автокефальнымъ митрополитомъ Сербскимъ Гавріиломъ.

Одновременно съ исправленіемъ книгъ совѣщались и объ исправленіи обрядовъ, для чего созывались соборы, и на соборѣ 1656 г. впервые занялись вопросомъ о двоеперстіи. Между тѣмъ въ народѣ проявлялся ропотъ на новшества: новыхъ книгъ мѣстами не хотѣли принимать, считая ихъ испорченными. Но людей, могущихъ стать во главѣ протестующихъ, пока не было. Только Иванъ Нероновъ, который былъ въ ссылкѣ въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, сталъ какъ бы центромъ движенія противъ Никона на сѣверѣ, гдѣ онъ возстановлялъ народъ на

патріарха. Затѣмъ ему удалось бѣжать изъ ссылки въ самую Москву, здѣсь онъ долго скрывался отъ Никона и энергично пропагандировалъ противъ него. На соборѣ 1656 г. Нероновъ (хотя и не былъ сысканъ) былъ осужденъ и преданъ анаѳемѣ вмѣстѣ съ своими единомышленниками. Хотя потомъ Нероновъ самъ явился къ Никону и былъ Никономъ прощенъ, хотя эта распря окончилась примиреніемъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изслѣдователи (митроп. Макарій) это анаѳематствованіе считаютъ за начальный моментъ раскола.

Такъ дѣло шло до оставленія Никономъ патріаршаго престола въ 1658 г. Соображая всѣ обстоятельства исправленія книгъ и обрядовъ и протесты противъ этихъ исправленій за время 1653—1658 г. (съ начала ихъ до удаленія Никона), мы можемъ сказать, что съ одной стороны Никонъ вполнѣ сознательно приступилъ къ дѣлу исправленія и былъ въ немъ активнымъ дѣятелемъ, но онъ не рѣшался своею властью дѣлать многаго и почти на всѣ свои мѣры требовалъ санкціи духовныхъ соборовъ, и не только русскихъ, но и восточныхъ. Эта санкція всей каѳолической церкви касательно частныхъ дѣлъ Русской церкви придавала дѣлу особую торжественность и сообщала ему характеръ общецерковнаго искорененія ересей въ Русской церкви. Взглядъ на старыя русскія обрядности, какъ на ереси, несомнѣнно существовалъ въ то время и сказался на соборѣ 1656 г. (противъ Неронова).

Гораздо легче относился къ отступленіямъ Русской церкви Константинопольскій соборъ 1654—1655 г.

Въ свою очередь, въ глазахъ поклонниковъ старинной обрядности, поправки Никона прямо были ересями и протестовали эти люди противъ Никона именно потому, что онъ вводилъ „еретическія“ новшества.

Но, обращаясь къ протестамъ противъ Никона, мы должны замѣтить съ другой стороны, что въ промежутокъ времени съ 1653 г. по 1658 г. противодѣйствіе Никону не выражалось рѣзко и въ большихъ размѣрахъ. Только Нероновъ со своими рѣзкостями явился опредѣленнымъ протестантомъ. Замѣчательно, что противодѣйствіе исправленію проявлялось раньше, чѣмъ принимались мѣры исправленія: протестовали тогда, когда еще существовали лишь проекты реформъ (мы видѣли, что московскіе священники подали царю еще въ 1653 г. челобитье противъ Никона въ защиту двоеперстія, хотя двоеперстіе стало возбраняться лишь съ 1655—1656 г.г.). Это противодѣйствіе Никону исходило первоначально изъ одного кружка священниковъ, которые были вліятельны при Іосифѣ и потеряли вѣсъ при Никонѣ; явилось оно частью по личной непріязни къ Никону, частью изъ чувства національной гордости, оскорбленной тѣмъ, что дѣло исправленія переходило въ не русскія руки. Далѣе это противодѣйствіе патріарху, повторяемъ, не перешло до 1658 г. въ открытый расколъ, не проявлялось рѣзко, хотя протестовавшему кружку тайно

сочувствовали многіе (объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Павелъ Алеппскій, діаконъ патріарха Макарія Антіохійскаго, бывшій съ патріархомъ въ 50-хъ годахъ XVII в. въ Москвѣ и оставившій любопытныя записки).

Такъ стояло дѣло въ моментъ удаленія Никона съ патріаршаго престола въ 1658 г. Послѣ же удаленія Никона противодѣйствіе реформамъ церковнымъ быстро разрастается.

По удаленіи Никона во главѣ Русской церкви сталъ Крутицкій митрополитъ Питиримъ. Въ дѣлѣ исправленія первое мѣсто занимали тѣ же справщики, оно велось въ томъ же направленіи, но безъ Никона не было прежней энергіи. Протестъ противъ исправленія, значительно подавляемый личными свойствами, громадной властью и вліяніемъ Никона, становится съ его удаленіемъ все яснѣе, смѣлѣе и настойчивѣе. Во главѣ его, какъ и прежде, стоитъ Нероновъ, человѣкъ не глупый и рѣзкій, интриганъ, способный на доносъ; онъ былъ прежде избалованъ московскими властями и былъ вліятеленъ по своему положенію (протопопъ Московскаго Казанскаго собора). Въ дѣлѣ противодѣйствія іерархіи онъ то приноситъ ей раскаяніе, то отъ нея отпадаетъ; нужно сказать, что онъ игралъ роль между протестующими больше благодаря своему положенію, нежели личнымъ достоинствамъ. Другой вожакъ—протопопъ Аввакумъ. Это былъ крупный самородокъ, очень умный отъ природы, но не образованный человѣкъ. „Аще я и не смысленъ гораздо, неученый человѣкъ", говорилъ онъ самъ про себя, „не ученъ діалектики и риторики и философіи, разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, яко же и апостолъ глаголетъ аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ". Подобная самоувѣренность рѣчи вызывалась въ Аввакумѣ не самомнѣніемъ. Аввакумъ—фанатикъ (онъ видитъ видѣнія и вѣритъ въ свое непосредственное общеніе съ Богомъ); но онъ честенъ и неподкупенъ, онъ способенъ слѣпо проникаться однимъ какимъ нибудь чувствомъ, готовъ на мученія. Онъ спокойно говоритъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ царю: вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государь, отъ докуки нашей... Не сладко и намъ, егда ребра наши ломаютъ и, развязавъ насъ, кнутьемъ мучатъ и томятъ на морозѣ гладомъ... А все церкви ради Божія страждемъ", добавляетъ онъ и дальше повѣствуетъ о всѣхъ своихъ страданіяхъ за вѣру. Онъ и умеръ, вѣрный себѣ, мученическою смертью. Въ его чрезвычайно интересныхъ сочиненіяхъ проглядываютъ иногда нетерпимость, изувѣрство, но есть въ нихъ и очень симпатичныя и вызывающія къ нему уваженіе черты. Изъ новыхъ вожаковъ, выдвинувшихся уже послѣ удаленія Никона, извѣстны слѣдующія лица: епископъ Вятскій Александръ, прежде произносившій анаѳемы противъ Неронова, а потомъ приставшій къ протестующимъ; попъ Лазарь, сосланный въ 1661 г. за обличеніе новшествъ, личность очень несимпатичная (извѣстный сербъ Юрій Крижаничъ, знавшій Ла-

заря, рисуетъ его очень неприглядными чертами); Никита, по прозвищу Пустосвятъ, личность мелкая, самолюбивая и крайне непослѣдовательная. Рядомъ съ этими вожаками раскола стоятъ: Діаконъ Өедоръ, довольно образованный богословски человѣкъ сравнительно съ прочими расколоучителями; далѣе, ученикъ Неронова Өеоктистъ, московскій игуменъ, тайно преданный расколу и не выступшій въ роли учителя, какъ другіе, но тѣмъ не мѣнѣе много помогавшій дѣлу раскола. За этими лицами слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ дѣятелей, менѣе замѣтныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствуя въ 50-хъ и 60-хъ г.г. XVII столѣтія въ Москвѣ, пользовались большою поддержкою въ обществѣ и даже въ царскомъ теремѣ находили сочувствующихъ себѣ лицъ.

Сама царица Марія Ильинишна (Милославская) сочувствовала нѣкоторымъ изъ нихъ, а ея родня, боярыни Өеодосія Прокопьевна Морозова и кн. Евдокія Прокопьевна Урусова, были прямыми раскольницами и пострадали за свою приверженность старой обрядности (подробную боіграфію Ө. П. Морозовой см. у Забѣлина—въ „Бытѣ Русскихъ царицъ" и въ „Собраніи сочиненій" Тихонравова).

Поддерживаемые сочувствіемъ въ обществѣ и бездѣйствіемъ властей, которыя сквозь пальцы смотрѣли на дѣятельность расколоучителей, противники церковной реформы за время отъ 1658 до 1666 г. дѣйствовали въ Москвѣ очень свободно и многимъ успѣли привить свои воззрѣнія. Первоначальный кружокъ противниковъ Никона въ это время перешелъ въ цѣлую партію противниковъ церковныхъ новшествъ; личные мотивы, много значившіе въ началѣ церковной распри, теперь исчезли и замѣнились чисто принципіальнымъ протестомъ противъ измѣненій въ обрядности, противъ новыхъ ересей. Словомъ, начинался расколъ въ Русской церкви.

И не въ одной Москвѣ онъ проявлялся. Оппозиція церковнымъ исправленіямъ была во всемъ государствѣ; она являлась, напр., во Владимірѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Муромѣ; на крайнемъ сѣверѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, еще съ 1657 г. обнаруживается рѣзкое движеніе противъ „новинъ" и переходитъ въ открытый бунтъ, въ извѣстное Соловецкое возмущеніе, подавленное только въ 1676 г. Огромное нравственное вліяніе Соловокъ на сѣверѣ Руси приводитъ къ тому, что расколъ распространяется по всему сѣверу. И нужно замѣтить, что въ этомъ движеніи за церковную старину принимаютъ участіе не только образованные люди того времени (напр., духовенство), но и народныя массы. Писанія расколоучителей расходятся быстро и читаются всѣми. Изслѣдователей удивляетъ изумительно быстрое распространеніе раскола; замѣчая, что онъ, съ одной стороны, самостоятельно возникаетъ сразу во многихъ мѣстностяхъ безъ вліянія расколоучителей изъ Москвы, а съ другой стороны, очень легко прививается ихъ пропагандой, гдѣ бы она

ни появилась,—изслѣдователи, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ удовлетвори тельно объяснить причинъ такого быстраго роста церковной оппозиціи. Первоначальная исторія раскола и ходъ его распространенія не настолько еще изучены, чтобы можно было въ объясненіи причинъ раскола идти далѣе предположеній.

Однако въ научныхъ трудахъ по исторіи раскола вопросъ о причинахъ появленія раскола не разъ обсуждался; существуютъ въ объясненіи этихъ причинъ двѣ тенденціи: одна понимаетъ расколъ, какъ явленіе исключительно церковное; другая видитъ въ расколѣ общественное движеніе не исключительно религіознаго содержанія, но вылившееся въ форму церковнаго протеста (Щаповъ). Различая въ этомъ дѣлѣ вопросъ о причинахъ возникновенія раскола отъ вопроса о его быстромъ распространеніи, можно сказать, что протестъ, приведшій къ расколу, возникъ исключительно въ сферѣ церковной по причинѣ особенностей реформы Никона, что доктрина раскола, высказанная расколоучителями въ ихъ сочиненіяхъ, есть исключительно церковная доктрина, такъ что мы не имѣемъ основаній разсматривать расколъ иначе, какъ явленіе *исключительно* церковное. Что же касается до вопроса о быстромъ распространеніи раскола, то здѣсь, кромѣ причинъ, лежавшихъ въ религіозномъ сознаніи нашихъ предковъ, косвеннымъ образомъ могли дѣйствовать и условія общественной жизни того времени; жизнь шла очень тревожно, какъ мы видѣли, и могла будить въ обществѣ чувство неудовлетворенности, которое дѣлало людей воспріимчивѣе и въ дѣлахъ вѣры. Такимъ образомъ, только, какъ кажется намъ, условія общественной жизни могли отразиться на быстромъ распространеніи раскола.

Въ 60-хъ г.г. XVII в., благодаря отсутствію энергіи у лицъ, ведшихъ послѣ Никона дѣло исправленія, и благодаря тому, что власть терпимо относилась къ протестамъ, расколъ явно крѣпъ въ Москвѣ; къ нему открыто примыкали нѣкоторые іерархи (напр., Александръ Вятскій) и „соблазнъ" становился смѣлѣе годъ отъ году. Въ такомъ положеніи въ 1666 г. въ Москвѣ рѣшили созвать о расколѣ церковный соборъ. Онъ состоялся весною въ 1666 г. Прежде всего на соборѣ занялись обсужденіемъ предварительныхъ вопросовъ: православны-ли греческіе патріархи? Праведны ли и достовѣрны ли греческія богослужебныя книги? Праведенъ ли Московскій соборъ 1654 г., рѣшившій исправленіе книгъ и обрядовъ? При обсужденіи соборъ на эти вопросы отвѣтилъ утвердительно и тѣмъ самымъ призналъ правильную реформу Никона, утвердилъ ее и осудилъ принципіально расколъ. Затѣмъ соборъ судилъ извѣстныхъ намъ расколоучителей и присудилъ ихъ къ лишенію священныхъ сановъ и къ ссылкѣ. Всѣ они (кромѣ Аввакума и діакона Ѳеодора) принесли послѣ собора покаяніе и были приняты въ церковное общеніе. Послѣ суда соборъ составилъ окружную грамоту духовенству съ наставленіемъ слѣ-

довать церковной реформѣ, а затѣмъ разсмотрѣлъ и одобрилъ къ изданію ученую апологію церковной реформы, книгу извѣстнаго кіевлянина Симеона Полоцкаго „Жезлъ правленія“ (Москва, 1666), которая направлена была противъ раскольничьихъ писаній и начинаетъ собою рядъ послѣдующихъ полемическихъ сочиненій о расколѣ.

Тотчасъ послѣ собора 1666 г. состоялся въ Москвѣ въ 1666—1667 г.г. *„великій соборъ“* церковный, съ участіемъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго. Соборъ былъ созванъ о дѣлѣ патріарха Никона, но занялся и расколомъ. Онъ одобрилъ всѣ частности Никоновой реформы (хотя осудилъ Никона, какъ увидимъ ниже) и изрекъ анаѳему на тѣхъ, кто ослушается его постановленій и не приметъ нововведеній Никона. Эта анаѳема въ исторіи нашего раскола получила большое значеніе. Ею всѣ послѣдователи старой обрядности поставлены были въ положеніе еретиковъ; она до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія для сближенія старообрядцевъ съ православіемъ, даже въ единовѣріи. Тогда же эта анаѳема еще безформенное движеніе,—хотя сильную, но шедшую въ разбродъ оппозицію сразу превратила въ формальный расколъ и вмѣсто того, чтобы уничтожить смуту, какъ надѣялся соборъ 1667 г., только усилила и обострила ее. Съ той поры, съ 1667 г., мы наблюдаемъ, съ одной стороны, дальнѣйшее распространеніе раскола и внутреннее развитіе его доктринъ (въ концѣ XVII в. въ расколѣ стала формироваться двоякая организація: поповщинская и безпоповщинская), съ другой стороны—рядъ мѣръ, принимаемыхъ противъ раскола церковью и государствомъ, пришедшимъ на помощь церкви. Эти мѣры были двухъ родовъ: увѣщательныя и карательныя. Первыя создали у насъ обширную полемическую литературу о расколѣ, вторыя же поставили раскольниковъ въ исключительное положеніе въ государствѣ. До 50-хъ годовъ XIX-го вѣкѣ о расколѣ знали только по догматически-полемическимъ сочиненіямъ, направленнымъ противъ раскольниковъ. Научное же изслѣдованіе раскола, какъ историческаго явленія, стало возможно, по чисто внѣшнимъ условіямъ, только со второй половины XIX-го столѣтія. Въ 60-хъ и частью 50-хъ г.г. изслѣдованіе раскола пошло очень оживленно, стали издавать памятники раскольничьей литературы, писать очерки раскольничьяго быта, изслѣдовать исторію раскола. Длинный рядъ историческихъ трудовъ о расколѣ открывается „Исторіей Русскаго раскола“ (СПБ., 1855) Макарія, епископа Винницкаго, затѣмъ митрополита Московскаго. Изъ прочихъ трудовъ назовемъ трудъ А. П. Щапова „Русскій расколъ старообрядчества“, труды П. И. Мельникова „Письма о расколѣ“ и „Историческіе очерки поповщины“ *). Начальная исторія

*) Онъ же далъ превосходные бытовые очерки раскола въ своихъ своеобразныхъ романахъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ и въ отдѣльныхъ повѣстяхъ.

раскола прекрасно разсмотрѣна въ XII томѣ „Исторіи Русской церкви" митрополита Макарія, а особенно въ книгахъ проф. Каптерева: „Патріархъ Никонъ и его противники" и „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михаиловичъ" (2 тома). Въ массѣ прочихъ трудовъ, къ сожалѣнію, весьма много несолидныхъ произведеній. Писали исторію и сами раскольники. Изъ ихъ историческихъ трудовъ стоитъ упомянуть: „Виноградъ Россійскій" Семена Денисова (XVIII в.), гдѣ заключаются свѣдѣнія о началѣ и распространеніи раскола, и „Хронологическое ядро старообрядческой церкви" Павла Любопытнаго (перечень событій съ 1650 по 1819 г.). Но оба эти труда не научны. Въ послѣднее время появился замѣчательный трудъ *В. Гр. Дружинина* „Писанія русскихъ старообрядцевъ" (СПБ., 1912), содержащій въ себѣ полный перечень произведеній старообрядческой письменности.

Дѣло патріарха Никона. Другимъ выдающимся фактомъ въ церковной сферѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ было такъ называемое „дѣло патріарха Никона". Подъ этимъ названіемъ разумѣется обыкновенно распря патріарха съ царемъ въ 1658—1666 гг. и лишеніе Никона патріаршества. Ссора Никона съ царемъ, его удаленіе съ патріаршаго престола и судъ надъ Никономъ—сами по себѣ событія крупныя, а для историка они получаютъ особый интересъ еще и потому, что къ личной ссорѣ и церковному затрудненію здѣсь примѣшался вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и церковной властей на Руси. Вѣроятно, въ силу такихъ обстоятельствъ, это дѣло и вызвало къ себѣ большое вниманіе въ наукѣ и много изслѣдованій; очень значительное мѣсто дѣлу Никона, напр., удѣлилъ С. М. Соловьевъ въ XI т. „Исторіи Россіи". Онъ относится къ Никону далеко не съ симпатіей и винитъ его въ томъ, что, благодаря особенностямъ его непріятнаго характера и неразумному поведенію, дѣло приняло такой острый оборотъ и привело къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ низложеніе и ссылка патріарха. Противъ взгляда, высказаннаго Соловьевымъ, выступилъ Субботинъ въ своемъ сочиненіи „Дѣло патріарха Никона" (М., 1862). Онъ группируетъ въ этомъ дѣлѣ черты, ведущія къ оправданію Никона, и всю вину печальнаго исхода распри царя съ патріархомъ возлагаетъ на бояръ, враговъ Никона, и на грековъ, впутавшихся въ это дѣло. Во всѣхъ общихъ трудахъ по русской исторіи много найдется страницъ о Никонѣ; мы упомянемъ здѣсь трудъ митрополита Макарія („Исторія Русской церкви", т. XII, СПБ., 1883 г.) гдѣ вопросъ о Никонѣ разсмотрѣнъ по источникамъ и высказывается отношеніе къ Никону такое же почти, какъ у Соловьева, и трудъ Гюббенета „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона" (2 т., СПБ., 1882 и 1884 гг.), объективно написанное и стремящееся возстановить въ строгомъ порядкѣ немного спутанную связь фактовъ. Значеніе всѣхъ прежнихъ трудовъ однако пало съ появленіемъ капитальныхъ работъ проф. Каптерева, названныхъ выше. Изъ сочиненій иностранныхъ нужно упомянуть англійскаго богослова Пальмера, кото-

рый въ своемъ трудѣ „The Patriarch and the Tzar“ (London 1871—1876 гг.) сдѣлалъ замѣчательный сводъ данныхъ о дѣлѣ Никона, переведя на англійскій языкъ отрывки изъ трудовъ русскихъ ученыхъ о Никонѣ и массу матеріала, какъ изданнаго, такъ и не изданнаго еще въ Россіи (онъ пользовался документами московской сѵнодальной библіотеки).

Обстоятельства оставленія Никономъ патріаршаго престола и низложенія Никона мы изложимъ кратко въ виду того, что все дѣло Никона слагается изъ массы мелочныхъ фактовъ, подробный отчетъ о которыхъ занялъ бы слишкомъ много мѣста. Мы уже видѣли, какъ Никонъ достигъ патріаршества. Нужно замѣтить, что онъ былъ почти на 25 лѣтъ старше Алексѣя Михайловича; эта разница лѣтъ облегчала ему вліяніе на царя. Эта не была дружба сверстниковъ, а вліяніе очень умнаго, дѣятельнаго и замѣчательно краснорѣчиваго человѣка почтенныхъ лѣтъ на мягкую впечатлительную душу юнаго царя. Съ одной стороны была любовь и глубокое уваженіе мальчика, съ другой—желаніе руководить этимъ мальчикомъ. Энергичная, но черствая натура Никона не могла отвѣчать царю на его идеальную симпатію такимъ же чувствомъ. Никонъ былъ практикъ, Алексѣй Михаиловичъ—идеалистъ. Когда Никонъ сталъ патріархомъ съ условіемъ, что царь не будетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, значеніе Никона было очень велико; мало по малу, онъ становится въ центрѣ не только церковнаго, но и государственнаго управленія. Царь и другіе, по примѣру царя, стали звать Никона не „великимъ господиномъ“, какъ обыкновенно величали патріарховъ, а „великимъ государемъ“, каковымъ титуломъ пользовался только патріархъ Филаретъ, какъ отецъ государя. Никонъ стоялъ очень близко ко двору, чаще прежнихъ патріарховъ участвовалъ въ царскихъ трапезахъ, и самъ царь часто бывалъ у него. Бояре въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ патріархомъ называли себя передъ нимъ, какъ передъ царемъ, полуименемъ (напр., въ грамотѣ: „Великому государю святѣйшему Никону патріарху... Мишка Пронскій съ товарищами челомъ бьютъ“). И самъ Никонъ величаетъ себя „великимъ государемъ“, въ грамотахъ пишетъ свое имя рядомъ съ царскимъ, какъ писалось имя патріарха Филарета; а въ новоизданномъ служебникѣ 1655 г. Никонъ помѣщаетъ даже слѣдующія слова: „да дастъ же Господь имъ государямъ (т. е. царю Алексѣю Михайловичу и патріарху Никону)... желаніе сердецъ ихъ; да возрадуются вси, живущіе подъ державою ихъ... яко да подъ единымъ государскимъ повелѣніемъ вси повсюду православніи народы живущи... славити имутъ истиннаго Бога нашего“, Такимъ образомъ Никонъ свое правленіе называлъ державою и свою власть равнялъ открыто съ государевою. По современному выраженію, Никонъ, ставъ патріархомъ, „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко“. Его упрекали, такимъ образомъ, въ томъ, что онъ забылся, возгордился. Онъ дѣйствительно, держалъ себя гордо, какъ „великій государь“, и было

основаніе для этого: Никонъ достигъ того, что правилъ всѣмъ государствомъ въ 1654 г., когда царь былъ на войнѣ, и дума боярская слушала его, какъ царя. Политическое вліяніе Никона возросло до того, что современники готовы были считать его власть даже большею, чѣмъ власть царя. Нероновъ говаривалъ Никону: „какая тебѣ честь, владыко святый, что всякому ты страшенъ, и другъ другу говорятъ грозя: знаешь ли кто онъ, звѣрь ли лютый—левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь: государевы царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны; никто съ ними не смѣетъ говорить, затверждено у нихъ: знаете ли патріарха“? И самъ Никонъ склоненъ былъ считать себя равнымъ царю по власти, если даже не сильнѣйшимъ,—разъ на соборѣ (лѣтомъ 1653 г.) въ спорѣ съ Нероновымъ Никонъ опрометчиво произнесъ, что присутствіе на Соборѣ царя, какъ этого требовалъ Нероновъ, не нужно: „мнѣ и царская помощь не годна и не надобна“ крикнулъ онъ и съ полнымъ презрѣніемъ отозвался объ этой помощи.

Но вліяніе Никона основывалось не на законѣ и не на обычаѣ, а единственно на личномъ расположеніи къ Никону царя (будь Никонъ не патріархъ, мы бы назвали его временщикомъ). Такое положеніе Никона, вмѣстѣ съ его поведеніемъ, гордымъ и самоувѣреннымъ, вызвало къ нему вражду въ придворной средѣ, въ боярахъ, потерявшихъ, благодаря его возвышенію, часть своего вліянія (Милославскіе и Стрѣшневы); есть свидѣтельство (у Мейерберга), что и царская семья была настроена противъ Никона. При дворѣ на Никона смотрѣли, какъ на непрошеннаго деспота, держащагося единственно расположеніемъ царя. Если отнять это расположеніе, вліяніе Никона исчезнетъ, и власть его уменьшится.

Не такъ, однако, думалъ самъ Никонъ. Онъ иначе и не представлялъ себѣ патріаршей власти, какъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ ему удавалось ее осуществлятѣ. По его понятію, власть патріарха чрезвычайно высока, она даже выше верховной власти свѣтской: Никонъ требовалъ полнаго невмѣшательства свѣтской власти въ духовныя дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ оставлялъ за патріархомъ право на широкое участіе и вліяніе въ политическихъ дѣлахъ; въ сферѣ же церковнаго управленія Никонъ считалъ себя единымъ и полновластнымъ владыкой. Съ подчиненнымъ ему духовенствомъ онъ обращался сурово, держалъ себя гордо и недоступно, словомъ, былъ настоящимъ деспотомъ въ управленіи клиромъ и паствой. Онъ былъ очень скоръ на тяжкія наказанія, легко произносилъ проклятія на провинившихся и вообще не останавливался передъ крутыми мѣрами. По энергіи характера и по стремленію къ власти Никона охотно сравниваютъ съ папою Григоріемъ VII Гильдебрантомъ. Однако, во время своего управленія церковью Никонъ не истребилъ тѣхъ злоупотребленій и тягостей, которыя легли на духовенство при его предшественникѣ Іосифѣ и вызывали жалобы. Въ 1653 г. порядки, удер-

жанные и вновь заведенные Никономъ, вызвали любопытное челобитье царю на патріарха. Хотя оно было подано противниками новшествъ, однако касается не только реформъ Никона, но и его административныхъ привычекъ и очень обстоятельно рисуетъ Никона, какъ администратора, съ несимпатичной стороны. По этому челобитью видно, что противъ него и въ средѣ духовенства былъ большой ропотъ. Про Никона надо вообще замѣтить, что его любили отдѣльныя лица, но личность его не возбуждала *общей* симпатіи, хотя нравственная его мощь покоряла ему толпу.

До польской войны 1654 г. симпатіи юноши царя къ Никону не колебались. Уѣзжая на войну, Алексѣй Михайловичъ отдалъ на попеченіе Никона и семью, и государство. Вліяніе Никона, казалось, все росло и росло, хотя царю были извѣстны многія выходки Никона,—и то, какъ Никонъ отзывался о царской помощи, что она ему не „надобна“, и то, что Никонъ не жаловалъ Уложенія, называя его „проклятою книгою“, исполненною „беззаконій“. Но во время войны царь возмужалъ, много увидѣлъ новаго, развился и пріобрѣлъ большую самостоятельность. Этому способствовали самыя обстоятельства военной жизни, имѣвшей вліяніе на впечатлительную натуру царя, и то, что Алексѣй Михайловичъ въ походахъ освободился отъ московскихъ вліяній и однообразной житейской обстановки въ Москвѣ; но, измѣняясь самъ, царь еще не измѣнялъ своихъ прежнихъ отношеній къ старымъ друзьямъ. Онъ былъ очень хорошъ съ Никономъ, попрежнему называлъ его своимъ другомъ. Однако между ними стали происходить размолвки. Одна такая размолвка случилась на Страстной недѣлѣ въ 1656 году по поводу церковнаго вопроса (о порядкѣ Богоявленскаго водоосвященія). Уличая Никона въ томъ, что онъ слукавилъ, царь очень разсердился и въ спорѣ назвалъ Никона „мужикомъ и глупымъ человѣкомъ“. Но дружба ихъ все еще продолжалась до іюля 1658 г., до всѣмъ извѣстнаго столкновенія окольничаго Хитрово съ княземъ Мещерскимъ на пріемѣ грузинскаго царевича Теймураза. Въ іюлѣ 1658 г. послѣдовалъ внезапный разрывъ.

Въ объясненіи причины разрыва Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ изслѣдователи нѣсколько расходятся, благодаря неполнотѣ фактическихъ данныхъ объ этомъ событіи. Одни (Соловьевъ, митрополитъ Макарій) объясняютъ разрывъ возмущеніемъ царя съ одной стороны и рѣзкостями въ поведеніи Никона съ другой; у нихъ дѣло представляется такъ, что охлажденіе между царемъ и патріархомъ происходило постепенно и само по себѣ, незамѣтно, привело къ разрыву. Другіе (Субботинъ, Гюббенетъ и покойный профессоръ Дерптскаго Университета П. Е. Медовиковъ, написавшій „Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича“ М., 1854 г.), полагаютъ, что къ разрыву привели навѣты и козни бояръ, которымъ они склонны придавать въ дѣлѣ Никона очень

существенное значеніе. Надо замѣтить, что С. М. Соловьевъ также не отрицаетъ участія бояръ въ этомъ дѣлѣ, но ихъ интриги и „шептанія“, какъ факторъ второстепенный, стоятъ у него на второмъ планѣ.

Когда царь не далъ должной, по мнѣнію Никона, расправы на Хитрово, обидѣвшаго патріаршаго боярина при въѣздѣ Теймураза, и пересталъ посѣщать патріаршее служеніе, Никонъ уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь, отказавшись отъ патріаршества „на Москвѣ“ и не дождавшись объясненія съ царемъ. Черезъ нѣсколько дней царь послалъ двухъ придворныхъ спросить у патріарха, какъ понимать его поведеніе—совсѣмъ ли онъ отказался отъ патріаршества или нѣтъ? Никонъ отвѣчалъ царю очень сдержанно, что онъ не считаетъ себя патріархомъ „на Москвѣ“, и далъ свое благословеніе на выборы новаго патріарха и на передачу патріаршихъ дѣлъ во временное завѣдываніе Питирима, митрополита Крутицкаго. Никонъ затѣмъ просилъ прощенія у Алексѣя Михайловича за свое удаленіе, и царь простилъ его. Поселясь въ Воскресенскомъ монастырѣ (отъ Москвы верстахъ въ 40 на сѣверо-западъ), принадлежавшемъ Никону лично, онъ занялся хозяйствомъ и постройками и просилъ Алексѣя Михайловича не оставлять его обители государевой милостыней. Царь, со своей стороны, милостиво обращался съ Никономъ, и отношенія между ними не походили на ссору. Царю доносили, что Никонъ рѣшительно не хотѣлъ „быть въ патріархахъ“, и царь заботился объ избраніи новаго патріарха на мѣсто Никона. Въ избраніи патріарха тогда и заключался весь вопросъ; дѣло обѣщало уладиться мирно: но скоро начались неудовольствія. Никонъ узналъ, что свѣтскіе люди разбираютъ патріаршія бумаги, оставленныя въ Москвѣ, обидѣлся на это и написалъ по этому поводу государю письмо съ массою упрековъ, жалуясь и на то, между прочимъ, что изъ Москвы къ Никону никому не позволяютъ ѣздить. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться, что его не считаютъ патріархомъ, и очень разсердился на митрополита Питирима за то, что тотъ рѣшился замѣнить собою патріарха въ извѣстной церемоніи—шествіи на осляти (весною 1659). По этому поводу Никонъ заявилъ, что онъ не желаетъ оставаться патріархомъ „на Москвѣ“, но что не сложилъ съ себя патріаршаго сана. Выходило такъ, что Никонъ, не будучи патріархомъ Московскимъ, былъ все же патріархомъ русской церкви и считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ церковныя дѣла; если бы на Москвѣ избрали новаго патріарха, то въ русской церкви настало бы двупатріаршество. Въ Москвѣ не знали, что дѣлать, и не рѣшались избирать новаго пастыря.

Лѣтомъ 1659 г. Никонъ неожиданно пріѣхалъ въ Москву, недолго тамъ пробылъ, былъ принятъ царемъ съ большою честью, но объясненій и примиренія между ними не произошло, отношенія оставались неопредѣленными, и дѣло не распутывалось. Осенью того же 1659 г. Никонъ,

съ позволенія царя, поѣхалъ навѣстить два другихъ своихъ монастыря: Иверскій (на Валдайскомъ озерѣ) и Крестный (близъ Онеги). Только теперь, въ долгое отсутствіе Никона, рѣшился царь собрать духовный соборъ, чтобы обдумать положеніе дѣлъ и рѣшить, что дѣлать. Въ февралѣ 1660 года начало свои засѣданія русское духовенство и по разсмотрѣніи дѣлъ опредѣлило, что Никонъ долженъ быть лишенъ патріаршества и священства по правиламъ св. апостоловъ и соборовъ, какъ пастырь, своею волею оставившій паству. Царь, не вполнѣ довѣряя правильности приговора, пригласилъ на соборъ и греческихъ іерарховъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Греки подтвердили правильность соборнаго приговора и нашли ему новыя оправданія въ церковныхъ правилахъ. Но ученый кіевлянинъ Епифаній Славенецкій не согласился съ приговоромъ собора и подалъ царю особое мнѣніе, уличая соборъ въ невѣрномъ толкованіи церковныхъ правилъ и доказывая, что у Никона нельзя отнять священства, хотя и должно лишить его патріаршества. Авторитетъ грековъ былъ, такимъ образомъ, поколебленъ въ глазахъ царя, и онъ медлилъ приводить въ исполненіе соборный приговоръ, тѣмъ болѣе, что многіе члены собора (греки) склонны были оказать Никону снисхожденіе и просили объ этомъ государя. Итакъ, попытка распутать дѣло помощью собора не удалась, и Москва осталась безъ патріарха.

Никонъ же продолжалъ считать себя патріархомъ и высказывалъ, что въ Москвѣ новый патріархъ долженъ быть поставленъ имъ самимъ. Онъ воротился въ Воскресенскій монастырь, узналъ, конечно, о приговорѣ собора по поводу его низложенія и понялъ, что теперь ему не легко возвратить утраченную власть. Удаляясь изъ Москвы, онъ расчитывалъ, что его будутъ умолять о возвращеніи на патріаршій престолъ, но этого не случилось, а соборъ 1660 г. показалъ ему окончательно, что въ Москву его просить не будутъ. Что вліяніе Никона пало совсѣмъ, это увидѣли и другіе: сосѣдъ Никона по землѣ, окольничій Боборыкинъ, вступилъ съ нимъ въ тяжбу, не уступая куска земли когда-то всесильному патріарху. Недовольный тѣмъ, что Боборыкину дали судъ на патріарха, Никонъ пишетъ царю письмо, полное укоризнъ и тяжелыхъ обвиненій. Въ то же время онъ не ладитъ съ Питиримомъ, мало обращавшимъ вниманія на бывшаго патріарха, и даже предаетъ его анаѳемѣ. Вообще, Никонъ, не ожидавшій невыгоднаго для себя оборота дѣла, теряетъ самообладаніе и слишкомъ волнуется отъ тѣхъ непріятностей и уколовъ, какіе постигаютъ его, какъ всякаго павшаго виднаго дѣятеля. Но до 1662 г. противъ Никона не предпринимаютъ ничего рѣшительнаго, хотя рѣзкія выходки его все больше и больше вооружаютъ противъ него прежняго его друга царя Алексѣя.

Въ 1662 г. пріѣхалъ въ Москву отставленный отъ своей должности Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, очень образованный грекъ, много

скитавшійся по востоку и пріѣхавшій въ Москву съ цѣлью лучше себя обезпечить. Въ XVII в. греческое духовенство очень охотно посѣщало Москву съ подобными намѣреніями. Ловкій дипломатъ, Паисій скоро успѣлъ пріобрѣсти въ Москвѣ друзей и вліяніе. Всмотрѣвшись въ отношенія царя и патріарха, онъ безъ труда замѣтилъ, что звѣзда Никона уже померкла, и понялъ, на чью сторону ему должно стать: онъ сталъ противъ Никона, хотя самъ пріѣхалъ въ Москву по его милостивому и любезному письму. Сперва, по пріѣздѣ своемъ, вступилъ онъ въ переписку съ Никономъ, обѣщалъ ему награду на небесахъ за его „неповинныя страданія", но уговаривалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Никона смириться передъ царемъ. Но уже съ первыхъ дней онъ совѣтовалъ царю не медлить съ патріархомъ, требовать отъ него покорности и низложить его, если не покорится и не „воздержится отъ дѣлъ патріаршихъ". Какъ ученѣйшему человѣку, Лигариду предложили въ Москвѣ отъ имени боярина Стрѣшнева (врага Никона) до 30 вопросовъ о поведеніи Никона съ тѣмъ, чтобы Паисій рѣшилъ, правильно ли поступалъ патріархъ. И Лигаридъ всѣ вопросы рѣшилъ не въ пользу Никона. Узнавъ его отвѣты, Никонъ около года трудился надъ возраженіями и написалъ въ отвѣтъ Лигариду цѣлую книгу страстныхъ и очень мѣткихъ оправданій.

Очевидно, подъ вліяніемъ Лигарида, царь Алексѣй Михайловичъ въ концѣ 1662 г. рѣшился созвать второй соборъ о Никонѣ. Онъ велѣлъ архіепископу Рязанскому Илларіону составить для собора какъ бы обвинительный актъ, „всякія вины" Никона собрать и приказалъ звать на соборъ восточныхъ патріарховъ.

Никонъ, подавленный отношеніемъ царя къ нему, и раньше искалъ мира, посылая къ царю письма и прося его перемѣниться къ нему „Господа ради"; теперь же онъ рѣшилъ тайкомъ пріѣхать въ Москву и пріѣхалъ ночью (на Рождествѣ 1662 г.), чтобы примириться съ государемъ и предотвратить соборъ, но тою же ночью уѣхалъ обратно, извѣщенный, вѣроятно, своими московскими друзьями, что его попытка будетъ напрасною. Видя, что примиреніе невозможно, Никонъ снова перемѣнилъ поведеніе. Лѣтомъ 1663 г. онъ произнесъ на упомянутаго Боборыкина (дѣло съ которымъ у него продолжалось) такую двумысленную анеѳему, что Боборыкинъ могъ ее примѣнить къ самому царю съ царскимъ семействомъ, что онъ и сдѣлалъ, не преминувъ донести въ Москву. Царь чрезвычайно огорчился этимъ событіемъ и тѣмъ, что на слѣдствіи по этому дѣлу Никонъ велъ себя очень заносчиво и наговорилъ много непристойныхъ рѣчей на царя. Объ этомъ, впрочемъ, постарались сами слѣдователи, выводя патріарха изъ себя своими вопросами и своимъ недовѣріемъ къ нему. Если царь Алексѣй Михайловичъ сохранилъ еще какое нибудь расположеніе къ Никону, то послѣ этого случая оно должно было исчезнуть вовсе.

Восточные патріархи, приглашеніе которымъ было послано въ декабрѣ 1662 г., прислали свои отвѣты только въ маѣ 1664 г. Сами они не поѣхали въ Москву, но очень обстоятельно отвѣтили царю на тѣ вопросы, какіе царь послалъ имъ о дѣлѣ Никона одновременно со своимъ приглашеніемъ. Они осудили поведеніе Никона и признали, что патріарха можетъ судить и помѣстный (русскій) соборъ, почему присутствіе ихъ въ Москвѣ представлялось имъ излишнимъ. Но царь Алексѣй Михайловичъ непремѣнно желалъ, чтобы въ Москву пріѣхали сами патріархи, и отправилъ имъ вторичное приглашеніе. Очень понятно это желаніе царя разобрать дѣло Никона съ помощью высшихъ авторитетовъ церкви; онъ хотѣлъ, чтобы въ будущемъ уже не оставалось мѣста сомнѣніямъ и не было возможности для Никона протестовать противъ собора.

Но Никонъ не желалъ собора, понимая, что соборъ обратится противъ него, онъ показывалъ видъ, что соборъ для него не страшенъ, но въ то же время сдѣлалъ открыто и гласно первый шагъ къ примиренію, чтобы этимъ уничтожить надобность собора; онъ рѣшился съ помощью, и можетъ быть по мысли, нѣкоторыхъ своихъ друзей (боярина Н. И. Зюзина) пріѣхать въ Москву патріархомъ, такъ какъ когда-то уѣхалъ изъ нея. Ночью на 1-е декабря 1664 г. онъ неожиданно явился на утреню въ Успенскій соборъ, принялъ участіе въ богослуженіи, какъ патріархъ, и послалъ извѣстить государя о своемъ приходѣ, говоря: „сшелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ незванный“. Однако, Государь, посовѣтовавшись съ духовенствомъ и боярами, собранными тотчасъ же во дворецъ, не пошелъ къ Никону и приказалъ ему уѣхать изъ Москвы. Еще до разсвѣта уѣхалъ Никонъ, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, понимая окончательное свое паденіе. Дѣло о пріѣздѣ его было разслѣдовано, и Зюзинъ поплатился ссылкою. Никону приходилось ожидать патріаршаго суда надъ собою. Въ 1665 г. онъ тайкомъ отправилъ патріархамъ посланіе, оправдывая въ немъ свое поведеніе, чтобы патріархи могли правильнѣе судить о его дѣлѣ; но это посланіе было перехвачено и на судѣ служило вѣскою уликою противъ Никона, потому что было рѣзко написано.

Только осенью 1666 г. пріѣхали въ Москву патріархи Александрійскій Паисій и Антіохійскій Макарій (Константинопольскій и Іерусалимскій сами не пріѣхали, но прислали свое согласіе на пріѣздъ двухъ первыхъ и на судъ надъ Никономъ). Въ ноябрѣ 1666 г. начался соборъ, на который былъ вызванъ и Никонъ. Онъ держалъ себя какъ обиженный, но призналъ соборъ правильнымъ; оправдывался онъ гордо и заносчиво, но повиновался собору. Обвинялъ его самъ царь, со слезами перечисляя „обиды“ Никона. Въ декабрѣ постановили приговоръ Никону, сняли съ него патріаршество и священство и отправили въ ссылку въ Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь. Такъ окончилось „дѣло патріарха Никона“.

Не спокойно выслушалъ Никонъ свой приговоръ: онъ сталъ жестоко бранить греческое духовенство, называя грековъ „бродягими“. „Ходите всюду за милостынею“, говорилъ онъ имъ и съ ироніею совѣтовалъ подѣлить между собою золото и жемчуги съ его патріаршаго клобука и панагіи. Иронія Никона многимъ была тогда близка и понятна. Греки дѣйствительно „всюду ходили за милостынею“; потрудившись надъ осужденіемъ Никона въ угоду могущественнѣйшему монарху и радуясь совершенію провосудія, не забывали они при этомъ высказывать надежду, что теперь не оскудѣетъ къ нимъ милость царская. Въ видахъ этой милости они и до собора и на соборѣ 1666 г. старались возвеличить царскую власть и утвердить ея авторитетъ даже въ дѣлахъ церкви, ставя въ вину Никону его стремленіе къ самостоятельности въ сферѣ церковной. Никонъ, заносчивый, непослѣдовательный и много погрѣшившій,—симпатичнѣе для насъ въ своемъ паденіи, чѣмъ греки съ своими заботами о царской милости.

Соборъ единогласно осудилъ Никона, но когда стали формулировать приговоръ надъ нимъ, то произошло на соборѣ крупное разногласіе по вопросу объ отношеніяхъ властей, свѣтской и духовной. Въ приговорѣ, редактированномъ греками, слишкомъ явно и рѣзко проводились тенденціи въ пользу первой: греки ставили свѣтскую власть авторитетомъ въ дѣлахъ церкви и вѣры, и противъ этого возстали нѣкоторые русскіе іерархи (какъ разъ бывшіе враги Никона), за что они и подверглись церковному наказанію. Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи властей принципіально былъ поднятъ на соборѣ 1666—1667 гг. и былъ рѣшенъ соборомъ не въ пользу церковной власти.

Этотъ вопросъ необходимо долженъ былъ возбудиться на этомъ соборѣ: онъ былъ весьма существеннымъ въ дѣлѣ Никона и проглядывалъ гораздо раньше собора 1666 г. Никонъ боролся и палъ не только изъ-за личной ссоры, но изъ-за принципа, который проводилъ. Во всѣхъ рѣчахъ и посланіяхъ Никона прямо высказывается этотъ принципъ и его чувствовалъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ, когда (въ 1662 г. въ вопросахъ Стрѣшнева Лигариду и въ 1664 г. въ вопросахъ патріархамъ) ставилъ вопросы о пространствѣ власти царской и архипастырской. Никонъ крѣпко отстаивалъ то положеніе, что церковное управленіе должно быть свободно отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти, а церковная власть должна имѣть вліяніе въ политическихъ дѣлахъ. Это воззрѣніе рождалось въ Никонѣ изъ высокаго представленія о церкви, какъ о руководительницѣ высшихъ интересовъ общества; представители церкви, по мысли Никона, тѣмъ самымъ должны стоять выше прочихъ властей. Но такіе взгляды ставили Никона въ полный разладъ съ дѣйствительностью: въ его время, какъ онъ думалъ, государство возобладало надъ церковью и необходимо было возвратить церкви ея должное поло-

женіе, къ этому и шла его дѣятельность (см. Иконникова „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской Исторіи“, Кіевъ, 1869 г.). По этому самому распря Никона съ царемъ не была только личною ссорою друзей, но вышла за ея предѣлы; въ этой распрѣ царь и патріархъ являлись представителями двухъ противоположныхъ началъ. Никонъ потому и палъ, что историческое теченіе нашей жизни не давало мѣста его мечтамъ, и осуществлялъ онъ ихъ, будучи патріархомъ, лишь постольку, поскольку ему это позволяло расположеніе царя. Въ нашей исторіи церковь никогда не подавляла и не становилась выше государства, и представители ея и самъ митрополитъ Филиппъ Колычевъ (котораго такъ чтилъ Никонъ) пользовались только нравственной силой. А теперь, въ 1666—1667 гг., соборъ православныхъ іерарховъ сознательно поставилъ государство выше церкви.

Культурный переломъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича важно отмѣтить еще нѣсколько фактовъ, которые отчасти характеризуютъ намъ настроенія общества того времени. При Алексѣѣ Михайловичѣ несомнѣнно существовало сильное общественное движеніе: съ нимъ, въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ, мы уже познакомились; мы видѣли, напримѣръ, какіе протесты вызвали экономическія и церковныя мѣры того времени. Но мы не касались одной стороны этого движенія—движенія культурнаго. Замѣчая это послѣднее, одинъ изслѣдователь говоритъ о времени Алексѣя Михайловича, что тогда боролись два общественныхъ направленія, и борьба велась „во имя самыхъ задушевныхъ интересовъ и стремленій и потому отличалась полнымъ трагизмомъ“. Культурныя новшества спорили тогда съ неприкосновенностью старыхъ идеаловъ; они касались всѣхъ сторонъ жизни и кое-гдѣ побѣждали. Но изслѣдователь, который захотѣлъ бы намъ представить полную картину борьбы стараго съ новымъ, оказался бы въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ борьба эта оставила мало литературныхъ слѣдовъ. Намъ приходится только отрывочно познакомиться съ разными теченіями общественной жизни и намѣтить только главныхъ ея представителей.

До XV вѣка Русь въ церковномъ отношеніи была подчинена Константинопольскому патріарху, а на греческаго императора (цезаря, царя) смотрѣла какъ на верховнаго государя православнаго. Флорентійская унія 1439 г. грековъ съ католичествомъ заронила въ русскихъ сомнѣніе въ чистотѣ греческаго исповѣданія. Паденіе Константинополя (въ 1453 г.) русскіе разсматривали, какъ Божье наказаніе грекамъ за потерю православія. Въ XV в. исчезъ такимъ образомъ православный греческій царь, померкло греческое православіе отъ уніи и господства невѣрныхъ турокъ.

А въ это время Московское княжество объединило Русь, государь московскій достигъ большого могущества, митрополитъ московскій былъ пастыремъ свободной и сильной страны. Для русскихъ патріотовъ было ясно, что Москва должна наслѣдовать Константинополю, должна имѣть и царя (цезаря), и патріарха. Высказанная на рубежѣ XV и XVI вв. мысль овладѣла умами и была осуществлена правительствомъ: въ 1547 г. Иванъ IV сталъ царемъ, а въ 1589 году московскій митрополитъ—патріархомъ. Но, вызвавъ прогрессивное движеніе, та же мысль, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, повела къ консервативнымъ взглядамъ. Если могущественная Греція пала благодаря ереси, то падетъ и Москва, когда потеряетъ чистоту вѣры. Стало быть необходимо беречь эту чистоту и не допускать перемѣнъ, могущихъ ее нарушить. Отсюда, естественно, возникло стараніе сохранить благочестивую старину. Необразованный умъ тогдашнихъ мыслителей не умѣлъ отличить догмата отъ внѣшняго обряда и обрядъ, даже мелкій, стали ревниво оберегать, какъ залогъ вѣчнаго правовѣрія и національнаго благоденствія. Съ обрядомъ смѣшивали обычай, берегли обычаи свѣтскіе, какъ обряды церковные. Это охранительное направленіе мысли владѣло многими передовыми людьми и глубоко проникало въ массу. Такое направленіе мысли многіе и считаютъ характерной чертой московскаго общества, даже единственнымъ содержаніемъ его умственной жизни до Петра.

Стремленіе къ самобытности и довольство косностью развивалось на Руси какъ-то параллельно съ нѣкоторымъ стремленіемъ къ подражанію чужому. Вліяніе западно-европейской образованности возникло на Руси изъ практическихъ потребностей страны, которыхъ не могли удовлетворить своими средствами.

Нужда заставляла правительство звать иноземцевъ. Но призывая ихъ и даже лаская, правительство, въ тоже время, ревниво оберегало отъ нихъ чистоту національныхъ вѣрованій и жизни. Однако знакомство съ иностранцами все же было источникомъ „новшествъ". Превосходство ихъ культуры неотразимо вліяло на нашихъ предковъ, и образовательное движеніе проявилось на Руси еще въ XVI в., хотя и на отдѣльныхъ личностяхъ (Вассіанъ Патрикѣевъ и др.). Самъ Грозный не могъ не чувствовать нужды въ образованіи; за образованіе крѣпко стоитъ и политическій его противникъ князь Курбскій. Борисъ Годуновъ представляется намъ уже прямымъ другомъ европейской культуры. Лжедмитрій и смута гораздо ближе, чѣмъ прежде, познакомили Русь „съ латынниками и лютерами", и въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ появилось и осѣло очень много военныхъ, торговыхъ и промышленныхъ иностранцевъ, пользовавшихся большими торговыми привилегіями и громаднымъ экономическимъ вліяніемъ въ странѣ. Съ ними москвичи ближе познакомились, и иностранное вліяніе такимъ образомъ усилилось. Хотя въ нашей литературѣ и существуетъ мнѣніе,

будто бы насилія иностранцевъ во время смуты окончательно отвратили русскихъ отъ духовнаго общенія съ ними (см. Кояловича „Исторію русскаго народнаго самосознанія“, СПБ., 1884 г.), однако никогда прежде московскіе люди не сближались такъ съ западными европейцами, не перенимали у нихъ такъ часто различныхъ мелочей быта, не переводили столько иностранныхъ книгъ, какъ въ XVII в. Общеизвѣстные факты того времени ясно говорятъ намъ не только о практической помощи со стороны иноземцевъ московскому правительству, но и объ умственномъ культурномъ вліяніи западнаго люда, осѣвшаго въ Москвѣ, на московскую среду. Это вліяніе, уже замѣтное при царѣ Алексѣѣ въ срединѣ XVII вѣка, конечно образовалось исподволь, не сразу, и существовало ранѣе царя Алексѣя, при его отцѣ. Типичнымъ носителемъ чуждыхъ вліяній въ ихъ раннюю пору былъ князь Ив. Андр. Хворостининъ (умеръ въ 1625 г.),— „еретикъ“, подпавшій вліянію сначала католичества, потомъ какой-то крайней секты, а затѣмъ раскаявшійся и даже постригшійся въ монахи. Но это была первая ласточка культурной весны.

Въ половинѣ же XVII вѣка рядомъ съ культурными западно-европейцами появляются въ Москвѣ кіевскіе схоластики и осѣдаютъ византійскіе ученые монахи. Съ той поры три чуждыхъ московскому складу вліянія дѣйствуютъ на москвичей: вліяніе русскихъ кіявлянъ, болѣе чужихъ грековъ и совсѣмъ чужихъ нѣмцевъ. Ихъ близкое присутствіе сказывалось все болѣе и болѣе и при Алексѣѣ Михаиловичѣ стало вопросомъ дня. Всѣ они несомнѣнно вліяли на русскихъ, заставляли ихъ присматриваться къ себѣ все пристальнѣе и пристальнѣе и дѣлили русское общество на два лагеря: людей старозавѣтныхъ и новыхъ. Одни отворачивались отъ новыхъ вѣяній, какъ отъ „прелести бѣсовской“, другіе же всей душой шли навстрѣчу образованію и культурѣ, мечтали „прелесть бѣсовскую“ ввести въ жизнь, думали *о реформѣ*. Но оба лагеря не представляли въ себѣ цѣльныя направленія, а дробились на много группъ, и поставить эти группы хотя въ какой нибудь порядокъ очень трудно. Легко опредѣлить каждую отдѣльную личность XVII вѣка, старый это или новый человѣкъ, но трудно соединить ихъ pia desideria въ цѣльную программу. Каждый думалъ совсѣмъ по—своему, и нельзя замѣтить въ хаосѣ мнѣній, какой тогда былъ, сколько нибудь опредѣленныхъ общественныхъ теченій.

Мы знаемъ, что время Алексѣя Михайловича богато было и гражданскими, и церковными реформами. Въ этихъ реформахъ многіе видѣли новшества и ополчались противъ нихъ; конечно, эти многіе были старозавѣтными людьми. Противъ *церковныхъ новшествъ*, противъ кіявлянъ и грековъ шли знакомые намъ расколоучители, и ихъ поддерживала значительная часть общества; этимъ создавалось, если умѣстно такъ выразиться, консервативно-національное направленіе въ сферѣ религіозной.

Его дѣятели, люди по преимуществу религіозные, съ своей точки зрѣнія, осуждали и подражаніе западу, и брадобритіе, и прочія „ереси". Рядомъ съ ними были люди недовольные *гражданскими* реформами, опять-таки съ точки зрѣнія религіозной. Таковъ самъ Никонъ, который относился замѣчательно враждебно къ Уложенію и очень мрачными красками рисовалъ экономическое положеніе Руси въ своихъ писаніяхъ: „Нынѣ невѣдомо, кто не постится", писалъ онъ, „во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего, и нѣтъ никого, кто былъ бы помилованъ. Нищіе, маломощные, слѣпые, хромые, вдовицы, черницы и чернецы, всѣ обложены тяжкими данями. Нѣтъ никого веселящагося въ наши дни"... Причину такого бѣдственнаго положенія онъ видитъ въ Уложеніи и въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, которыя шли за Уложеніемъ; за нихъ-то Богъ и посылаетъ бѣды на Русь, ибо порядки эти еретичны, какъ думаетъ Никонъ. Тотъ же граждански весьма консервативный Никонъ не любилъ и нѣмцевъ и проповѣдывалъ противъ подражанія имъ. За такими сознательными консерваторами, гражданскими и церковными, стояла масса московскаго общества, косная, невѣжественная и гордая близорукимъ чувствомъ своего національнаго превосходства надъ всѣми. Въ этой массѣ мы видимъ и мелкаго приказнаго Голосова съ его компаніей, разсуждающихъ о томъ, что „въ греческой грамотѣ и еретичество есть", и многое множество прочаго люда, недовольнаго реформами.

Противъ нихъ стоятъ очень опредѣленныя фигуры ихъ противниковъ „западниковъ" XVII в., теоретиковъ и практиковъ, наукой и опытомъ познавшихъ сладость и превосходство европейской цивилизаціи. Эта сторона дала намъ двухъ писателей: Крижанича и Котошихина. Знаемъ мы многихъ ея практическихъ дѣятелей: Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвѣева. Къ ней же принадлежало своею дѣятельностью и кіевское монашество (Симеонъ Полоцкій и др.).

Самымъ полнымъ теоретикомъ и самой любопытной личностью этого направленія, безъ сомнѣнія, былъ Крижаничъ. Родомъ хорватъ, онъ печальнымъ положеніемъ своей родины былъ приведенъ къ мысли о необходимости единенія славянъ противъ ихъ утѣснителей—нѣмцевъ. Питая панславистскія мечты и въ то же время служа католичеству, онъ видѣлъ въ Московскомъ государствѣ единую славянскую державу, способную воплотить его мечтанія въ дѣло. Но, пріѣхавъ въ Москву, онъ увидѣлъ, какъ невѣжественна и разстроена эта держава, и понялъ, что Москвѣ нужны реформы для того, чтобы стать на должную высоту и быть достойной своей исторической миссіи—объединенія славянства. Онъ и сталъ проповѣдывать эти реформы, совѣтуя русскимъ учиться у нѣмцевъ, но учиться, не ограничиваясь подражаніемъ внѣшнимъ формамъ жизни (это, по его мнѣнію, лишнее), а заимствуя то, что можетъ поднять умственную культуру и внѣшнее благосостояніе страны. Въ политическихъ трак-

татахъ, написанныхъ Крижаничемъ частью въ Москвѣ, частью въ ссылкѣ въ Сибири, куда онъ попалъ за неправовѣріе, мы находимъ большія похвалы природнымъ способностямъ русскаго народа, изображеніе его дурныхъ свойствъ и невѣжества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный планъ экономическихъ преимущественно реформъ, какія были необходимы для Руси, по мнѣнію Крижанича. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого плана практикъ Петръ Великій сошелся съ теоретикомъ Крижаничемъ,—оба, напримѣръ, придавали громадное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ развитію промышленности.

Совсѣмъ иного склада человѣкъ былъ другой писатель, Григорій Карповичъ Котошихинъ. Онъ зналъ вообще немного, но служба въ Посольскомъ приказѣ, который ставилъ своихъ дѣятелей близко къ иностранцамъ, развила въ немъ культурные вкусы. Еще болѣе увлекся онъ нѣмецкими обычаями, когда эмигрировалъ въ Швецію. Вспоминая въ своихъ сочиненіяхъ московскіе порядки, къ очень многому московскому онъ относится отрицательно, но это отрицаніе вытекаетъ у него только изъ сравненія московскихъ обычаевъ съ западно-европейскими и не является результатомъ какихъ либо опредѣленныхъ общественно-культурныхъ стремленій. Врядъ ли ихъ и имѣлъ Котошихинъ.

Изъ названныхъ нами практическихъ дѣятелей, поборниковъ образованія, первое мѣсто принадлежитъ Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину (о немъ см. ст. Иконникова въ „Русск. Старинѣ“ за 1883 г., X и XI). Это былъ чрезвычайно даровитый человѣкъ, дѣльный дипломатъ и администраторъ. Его свѣтлый государственный умъ соединялся съ рѣдкимъ въ то время образованіемъ: онъ зналъ латинскій, нѣмецкій и польскій языки и былъ очень начитанъ. Его дипломатическая служба дала ему возможность и практически познакомиться съ иностранной культурой, и онъ являлся въ Москвѣ очень опредѣленнымъ западникомъ, такимъ его рисуютъ сами иностранцы (Мейербергъ, Коллинсъ), дающіе о немъ хорошіе отзывы. Но западная культура не ослѣпила Нащокина: онъ глядѣлъ далѣе подражанія внѣшности, даже вооружался противъ тѣхъ, кто перенималъ одну внѣшность.

Гораздо болѣе Нащокина увлекся западомъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, другъ царя Алексѣя и тоже дипломатъ XVII в. Въ православной Москвѣ рѣшился онъ завести домашній театръ и обучалъ своихъ дворовыхъ людей „комедійному искусству“. Въ домѣ его была западно-европейская обстановка и появлялись западно-европейскіе обычаи: знакомые съѣзжались къ нему не для пира и попойки, а для бесѣды, и встрѣчалъ гостей не одинъ хозяинъ, но и хозяйка, чего въ Москвѣ еще не водилось. Матвѣевъ и царя убѣдилъ выписать изъ-за границы актеровъ, и Алексѣй Михайловичъ привыкъ забавляться театральными представленіями. Въ домѣ Матвѣева росла мать Петра Великаго Наталья

Кирилловна Нарышкина, внесшая въ царскую семью привычки „преобразованнаго“, какъ выражается С. М. Соловьевъ, дома Матвѣева.

Но рядомъ съ „нѣмецкимъ“ вліяніемъ развивалось вліяніе греческаго и кіевско-богословскаго образованія. Ученые кіевляне во второй половинѣ XVII в. стали очень вліятельными при дворѣ (изъ нихъ виднѣе всѣхъ сперва былъ Епифаній Славенецкій, затѣмъ Симеонъ Полоцкій). Всецѣло подъ вліяніемъ ихъ находился царскій постельничій Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ, очень друживщій съ кіевлянами. Написанное какимъ-то его другомъ „житіе“ его интересно тѣмъ, что отмѣчаетъ въ Ртищевѣ черты религіозности и высокой гуманности, преимущественно передъ его другими качествами. Дѣйствительно, Ртищевъ мало оставилъ по себѣ слѣдовъ въ сферѣ государственной дѣятельности, хотя преданіе приписываетъ ему проектъ знаменитой операціи съ мѣдными деньгами. Онъ намъ рисуется больше какъ любитель духовнаго просвѣщенія, весь отдавшійся богословской наукѣ, благочестивымъ дѣламъ и размышленіямъ. Это натура созерцательная.

За этими выдающимися по способностямъ или по положенію поклонниками западной жизни и просвѣщенія стояли другіе, болѣе мелкіе люди, которые проникались уваженіемъ къ наукѣ и западу или черезъ непосредственное знакомство съ западомъ, или подъ вліяніемъ другихъ, знакомясь съ наукою. Въ числѣ такихъ можно, напримѣръ, упомянуть сына Ордина-Нащокина, который до того увлекся западомъ, что бѣжалъ изъ Россіи, и сына русскаго резидента въ Польшѣ Тяпкина, который получилъ образованіе въ Польшѣ и благодарилъ короля польскаго за науку въ высокопарныхъ фразахъ на латинскомъ языкѣ.

Москва не только присматривалась къ обычаямъ западно-европейской жизни, но въ XVII в. начала интересоваться и западной литературой, впрочемъ съ точки зрѣнія практическихъ нуждъ. Въ посольскомъ приказѣ, самомъ образованномъ учрежденіи того времени, переводили вмѣстѣ съ политическими извѣстіями изъ западныхъ газетъ для государя и цѣлыя книги, по большей части руководства прикладныхъ знаній. Любовь къ чтенію несомнѣнно росла въ русскомъ обществѣ въ XVII вѣкѣ—объ этомъ говоритъ намъ обиліе дошедшихъ до насъ отъ того времени рукописныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ какъ произведенія московской письменности духовнаго и мірского характера, такъ и переводныя произведенія. Подмѣчая подобные факты, изслѣдователь готовъ думать, что культурный переломъ начала XVIII в. и культурной своей стороной далеко не былъ совсѣмъ уже неожиданной новинкой для нашихъ предковъ.

Итакъ, мы намѣтили два основныхъ теченія общественной мысли при Алексѣѣ Михайловичѣ: одно, національно-консервативное, направленное противъ реформъ какъ въ церковной сферѣ, такъ и въ гражданской, и одинаково непріязненно относившееся и къ грекамъ, и къ нѣмцамъ,

какъ къ иноземному, чужому элементу. Другое направленіе было западническое, шедшее навстрѣчу греческой и кіевской наукѣ и западной культурѣ. Затѣмъ мы видѣли, что столкновеніе двухъ началъ—самодовольнаго застоя и подражательнаго движенія, создало много борцовъ, но тѣмъ не менѣе не успѣло еще соединить ихъ въ опредѣленныя группы, не успѣло выработать опредѣленныхъ міровоззрѣній и законченныхъ системъ, особенно же среди новаторовъ. Изъ западниковъ только одинъ Крижаничъ былъ ясенъ въ своихъ идеалахъ, надеждахъ и стремленіяхъ; остальныя личности мало опредѣленны: видно только, кто изъ нихъ больше тянетъ къ грекамъ и кіевлянамъ, какъ Ртищевъ, или кто дружитъ больше съ нѣмцами, какъ召Ординъ-Нащокинъ.

Личность царя Алексѣя Михайловича.

Среди западниковъ и старозавѣтныхъ людей, не принадлежа всецѣло ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, стоитъ личность самого царя Алексѣя Михайловича. Извѣстна мысль, что если бы въ періодъ культурнаго броженія въ Московскомъ государствѣ середины XVII вѣка московское общество имѣло такого вождя, какимъ былъ Петръ Великій, то культурная реформа могла бы совершиться раньше, чѣмъ это произошло на самомъ дѣлѣ. Но такимъ вождемъ царь Алексѣй быть не могъ. Это былъ прекрасный и благородный, но слишкомъ мягкій и нерѣшительный человѣкъ.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего себя отдать практической дѣятельности, какъ отдалъ себя ей Петръ. Сынъ и отецъ совсѣмъ несходны по характеру; въ царѣ Алексѣѣ не было той иниціативы, какая отличала характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, мирной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна живой, но мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать въ себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, еще впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ, съ пятилѣтняго возраста, переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бориса Ивановича Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на Часословъ, Псалтирь и Апостольскія Дѣянія; семи лѣтъ научили писать, а девяти лѣтъ стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ

рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь „нѣмецкаго дѣла“, были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя, словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка—„нѣмецкіе печатные листы“, то-есть гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ замѣнилъ ему отца.

Дальнѣйшіе годы жизни царя Алексѣя дали ему много впечатлѣній и значительный житейскій опытъ. Первое знакомство съ дѣломъ государственнаго управленія; необычныя волненія въ Москвѣ въ 1648 году, когда „государь царь къ Спасову образу прикладывался“, обѣщая возставшему „міру“ убрать Морозова отъ дѣлъ, „чтобъ міромъ утолилися“; путешествія въ Литву и Ливонію въ 1654—1655 г.г., на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царь видѣлъ у ногъ своихъ Смоленскъ и Вильну и былъ свидѣтелемъ военной неудачи подъ Ригою,—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, опредѣлило эту личность, сложило характеръ. Царь возмужалъ, изъ неопытнаго юноши сталъ очень опредѣленнымъ человѣкомъ, съ оригинальною умственной и нравственной физіономіей.

Современники искренно любили царя Алексѣя Михайловича. Самая наружность царя сразу говорила въ его пользу и влекла къ нему. Въ его живыхъ голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта; взглядъ этихъ глазъ, по отзыву современника, никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, съ русою бородой, было благодушно—привѣтливо и въ то же время серьезно и важно, а полная (потомъ даже черезчуръ полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: понимали, что не личная гордость царя создала эту осанку, а сознаніе важности и святости сана, который Богъ на него возложилъ.

Привлекательная внѣшность отражала въ себѣ, по общему мнѣнію, прекрасную душу. Достоинства царя Алексѣя съ нѣкоторымъ восторгомъ описывали лица, вовсе отъ него независимыя,—именно далекіе отъ царя и отъ Москвы иностранцы. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, сказалъ, что Алексѣй Михайловичъ „такой государь, какого желали бы имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ“ (Рейтенфельсъ). Другой поставилъ царя „на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями“

(Коллинсъ). Третій отозвался, что „царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями“; „онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько же любятъ его, сколько и благоговѣютъ передъ нимъ“ (Лизекъ). Четвертый отмѣтилъ, что, при неограниченной власти своей въ рабскомъ обществѣ, царь Алексѣй не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (Мейербергъ). Эти отзывы получатъ еще большую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что ихъ авторы вовсе не были друзьями и поклонниками Москвы и москвичей. Совсѣмъ согласно съ иноземцами и русскій эмигрантъ Котошихинъ, сбросившій съ себя не только московское подданство, но даже и московское имя, по своему очень хорошо говоритъ о царѣ Алексѣѣ, называя его „гораздо тихимъ“.

Повидимому Алексѣй Михайловичъ всѣмъ, кто имѣлъ случай его узнать, казался свѣтлою личностью и всѣхъ удивлялъ своими достоинствами и пріятностью. Такое впечатлѣніе современниковъ, къ счастью, можетъ быть провѣрено матеріаломъ, болѣе прочнымъ и точнымъ, чѣмъ мнѣнія и отзывы отдѣльныхъ лицъ,—именно письмами и сочиненіями самого царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и въ этомъ отношеніи былъ рѣдкимъ явленіемъ своего времени, очень небогатаго мемуарами и памятниками частной корреспонденціи. Царь Алексѣй съ необыкновенною охотою самъ брался за перо или же начиналъ диктовать свои мысли дьякамъ. Его личныя литературныя попытки не ограничивались составленіемъ пространныхъ, литературно-написанныхъ писемъ и посланій *). Онъ пробовалъ сочинять даже вирши (нѣсколько строкъ, „которыя могли казаться автору стихами“, по выраженію В. О. Ключевскаго). Онъ составилъ „Уложеніе сокольничья пути“, то-есть подробный наказъ своимъ сокольникамъ. Онъ начиналъ писать записки о польской войнѣ. Онъ писалъ дѣловыя бумаги, имѣлъ привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ офиціальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный ма-

*) Много писаній царя Алексѣя издано: 1) И. П. Бартеневъ, „Собраніе писемъ ц. Алекс. Мих.“ М., 1856; 2) „Записки Отдѣленія Славянской и Русск. Археологіи ИМП. Русск. Археол. Общества“, т. II; 3) „Сборникъ Моск. Архива М. Ин. Дѣлъ“. т. V; 4) Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. XI и XII. Не разъ эти писанія вызывали ученыхъ на характеристики Алексѣя Михайловича. Отмѣтимъ характеристики С. М. Соловьева (въ концѣ XII тома „Исторіи Россіи“), И. Е. Забѣлина (въ „Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи“), Н. И. Костомарова (въ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“), В. О. Ключевскаго (въ „Курсѣ русской исторіи“, т. III).

теріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ почти всегда безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего бросается въ глаза необыкновенная воспріимчивость и впечатлительность Алексѣя Михайловича. Онъ жадно впитываетъ въ себя, „яко губа напояема", впечатлѣнія отъ окружающей его дѣйствительности. Его занимаетъ и волнуетъ все одинаково: и вопросы политики, и военныя реляціи, и смерть патріарха, и садоводство, и вопросъ о томъ, какъ пѣть и служить въ церкви, и соколиная охота, и театральныя представленія, и убійство пьянаго монаха въ его любимомъ монастырѣ. . . . Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ выходокъ монастырскаго казначея: „до слезъ стало! видитъ чюдотворецъ (Савва), что во мглѣ хожу", пишетъ онъ этому ничтожному казначею Саввина монастыря. Въ увлеченіи тѣмъ или инымъ предметомъ царь не дѣлаетъ видимаго различія между важнымъ и неважнымъ. О пораженіи своихъ войскъ и о монастырской дракѣ пишетъ онъ съ равнымъ одушевленіемъ и вниманіемъ. Описывая своему двоюродному брату (по матери) Аѳ. Ив. Матюшкину бой при г. Валкѣ 19 іюня 1657 года, царь пишетъ,—„Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвѣя Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людми. И дворяне издрогали и побѣжали всѣ, а Матвѣй остался въ отводѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей. Да навстрѣчю иныя пришли роты, и Матвѣй напустилъ и на тѣхъ съ небольшими людми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли! А людей нашихъ всякихъ чиновъ 51 человѣкъ убитъ да ранено 35 человѣкъ. И то благодарю Бога, что отъ трехъ тысячъ столько побито, а то всѣ цѣлы, потому, что побѣжали; а сами плачютъ, что такъ грѣхъ учинился! . . . . А съ кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысечи; нашихъ и болше было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвѣѣ не тужи: будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести! Радуйся, что люди цѣлы, а Матвѣй будетъ по прежнему". Царь сочувствуетъ храброму Шереметеву и радуется, что цѣлы, благодаря бѣгству, его „издрогавшіе" люди. Позоръ пораженія онъ готовъ объяснить „грѣхомъ" и не только не держитъ гнѣва на виновныхъ, но душевно жалѣетъ ихъ. Ту же степень вниманія, только не сочувственнаго, царь удѣляетъ и подвигамъ помянутаго Саввинскаго казначея Никиты, который стрѣлецкаго десятника, поставленнаго въ монастырѣ, зашибъ посохомъ въ голову, а оружіе сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Царь составилъ Никитѣ посланіе (вмѣсто простой приказной грамоты) „отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи врагу Божію, бого

ненавистцу и христопродавцу и разорителю чюдотворцова дома (то-есть Саввина монастыря) и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Никитѣ". Въ этомъ посланіи Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ Никиту: „кто тебя, сиротину, спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и надо мною, грѣшнымъ, властвовать? кто тебѣ сію власть мимо архимандрита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить?" Такъ какъ Никита счелъ себѣ безчестіемъ, что стрѣльцы расположились у его кельи, то царь обвинилъ монаха въ сатанинской гордости и восклицалъ: „дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы по нашему указу! . . . . дороги ль мы предъ Богомъ съ тобою и дороги ль наши высокосердечныя мысли, доколѣ отвращаемся, доколѣ не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди Его творимъ?!" За самоуправство царь налагалъ на монаха позорное наказаніе: съ цѣпью на шеѣ и въ кандалахъ Никиту стрѣльцы должны были свести въ его келью послѣ того, какъ ему „предъ всѣмъ соборомъ" прочтутъ царскую грамоту. А за „роптаніе спесивое" царь грозилъ монаху жаловаться на него чудотворцу и просить суда и обороны предъ Богомъ.

Такъ живо и сильно, доходя до слезъ и до „мглы" душевной, переживалъ царь Алексѣй Михайловичъ все то, что забирало его за сердце. И не только исключительныя событія его личной и государственной жизни, но и самыя обыкновенныя частности повседневнаго быта легко поднимали его впечатлительность, доводя ее порою до восторга, до гнѣва, до живой жалости. Среди серьезныхъ писемъ къ Аѳ. Ив. Матюшкину есть одно—все сплошь посвященное двумъ молодымъ соколамъ и ихъ пробѣ на охотѣ. Алексѣй Михайловичъ съ восторгомъ описываетъ, какъ онъ „отвѣдывалъ" этихъ „дикомытовъ" и какъ одинъ изъ нихъ и „безмѣрно каково хорошо летѣлъ" и „милостію Божіей и твоими (Матюшкина) молитвами и счастіемъ" отлично „заразилъ" утку: „какъ ее мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась" (то-есть десять разъ перевернулась при паденіи)! Въ дѣловой перепискѣ съ Матюшкинымъ царь не упускаетъ сообщать ему и такую малую, напримѣръ, новость: да на нашемъ стану въ селѣ Танинскомъ новый сокольникъ Мишка Семеновъ сидѣлъ у огня да, вздремавъ, упалъ въ огонь, и ево изъ огня вытащили, немного не сгорѣлъ, а какъ въ огонь упалъ, и того онъ не слыхалъ". Во время моровово повѣтрія 1654—1655 г.г. царь уѣзжалъ отъ своей семьи на войну и очень безпокоился о своихъ родныхъ. „Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь отъ заморнова ото всякой вещи", писалъ онъ своимъ сестрамъ: „не презрите прошенія нашего"! Но въ то самое время, когда война и моръ, казалось, сполна занимали умъ Алексѣя Михайловича и онъ своимъ близкимъ съ тоскою въ письмахъ „отъ мору

велѣлъ опасатца", онъ не удержался, чтобы не описать имъ поразившее его въ Смоленскѣ весеннее половодье. „Да буди вамъ вѣдомо", пишетъ онъ: „на Днѣпрѣ былъ мостъ 7 сажень надъ водою; и на Ѳоминой недѣли прибыло столько, что уже съ мосту черпаютъ воду; а чаю, и поиметъ (мостъ)". . . . . Разсказываютъ, будто-бы однажды въ докладѣ царю изъ кормового дворца было указано, что квасы, которые тамъ варили на царскій обиходъ, не удались: одинъ сортъ кваса вышелъ такъ плохъ, что развѣ только стрѣльцамъ споить. Алексѣй Михайловичъ обидѣлся за своихъ стрѣльцовъ и на докладѣ раздраженно указалъ докладчику: „самъ выпей"!

Мудрено-ли, что такой живой и воспріимчивый человѣкъ, какъ царь Алексѣй, могъ быть очень вспыльчивъ и подвиженъ на гнѣвъ. Несмотря на внѣшнее добродушіе и дѣйствительную доброту, Алексѣй Михайловичъ, по живости духа, нерѣдко давалъ волю своему неудовольствію, гнѣвался, бранился и даже дирался. Мы видѣли, какъ онъ бранилъ „сиротину" монаха за его грубыя претензіи. Почти также доставалось отъ „гораздо тихаго" царя и людямъ высшихъ чиновъ и болѣе высокой породы. Въ 1658 году, недовольный княземъ Ив. Ан. Хованскимъ за его мѣстническое высокомѣріе и за ссору съ Аѳ. Лавр. Ординымъ-Нащокинымъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ сказать ему царскій выговоръ съ такими, между прочимъ, выраженіями: „тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно; . . . великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушаніе и за Аѳанасія (Ордина-Нащокина) тебѣ и всему роду твоему быть разорену". Въ другой разъ (1660 г.), сообщая Матюшкину о пораженіи этого своего „избранника" князя Хованскаго-Тараруя, царь виною пораженія выставлялъ „ево безпутную дерзость" и съ горемъ признавался, что изъ за военныхъ тревогъ самъ онъ „не ходилъ на поле тѣшиться Іюня съ 25 числа іюля по 5 число, и птичей промыслъ поизмѣшался" *). Несмотря однако на безпутную дерзость и „дурость" князя Хованскаго, Алексѣй Михайловичъ продолжалъ его держать у дѣлъ до самой своей кончины: вѣроятно, „тараруй" (то-есть болтунъ) и „дуракъ" обладалъ и положительными дѣловыми качествами. (Надобно вспомнить, что въ ужасные дни стрѣлецкаго бунта 1682 года правительство рѣшилось поставить именно этого тараруя во главѣ Стрѣлецкаго приказа). Еще крѣпче, чѣмъ Хованскому, писалъ однажды царь Алексѣй Михайловичъ „врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому". За малую повидимому вину (не отпустилъ во время солдатъ къ воеводѣ С. Змѣеву) царь послалъ ему такіе укоры: „Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому

*) Бартеневъ, стр. 65.

государю, прямую сатанинскую службу! . . . . И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ! . . . . И самъ ты, треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго—для того, что людей не послалъ,—и намъ вѣрный измѣнникъ и самаго истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю изъ неяже никто не возвращался. . . . . Вконецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ; а товарища твоего, дурака и худого князишка, пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣсить. Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду; и мы Божіи дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ—смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ на всѣ страны мещется!“ . . . . Но, отругавъ на этотъ разъ князя Гр. Гр. Ромодановскаго, царь въ другое время шлетъ ему милостивое „повелѣніе“ въ видѣ виршей:

„Рабе Божій! дерзай о имени Божіи
И уповай всѣмъ сердцемъ: подастъ Богъ побѣду!
И любовь и совѣтъ великой имѣей съ Брюховецкимъ.
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко“ и т. д.

Стало быть и Ромодановскій, какъ Хованскій, не всегда казался царю достойнымъ хулы и гнѣва. Вспыльчивый и бранчивый, Алексѣй Михайловичъ былъ, какъ видимъ, въ своемъ гнѣвѣ непостояненъ и отходчивъ, легко и искренно переходя отъ брани къ ласкѣ. Даже тогда, когда раздраженіе государя достигало высшаго предѣла, оно скоро смѣнялось раскаяніемъ и желаніемъ мира и покоя. Въ одномъ засѣданіи боярской думы, вспыхнувъ отъ безтактной выходки своего тестя боярина И. Д. Милославскаго, царь изругалъ его, побилъ и пинками вытолкалъ изъ комнаты. Гнѣвъ царя принялъ такой крутой оборотъ, конечно, потому, что Милославскаго по его свойствамъ и вообще нельзя было уважать. Однако добрыя отношенія между тестемъ и зятемъ отъ того не испортились: оба они легко забыли происшедшее. Серьезнѣе былъ случай со старымъ придворнымъ человѣкомъ, родственникомъ царя по матери, Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ, о которомъ Алексѣй Михайловичъ былъ высокаго мнѣнія. Старикъ отказался, по старости, отъ того, чтобы вмѣстѣ съ царемъ „отворить“ себѣ кровь. Алексѣй Михайловичъ вспылилъ, потому что отказъ представился ему высокоуміемъ и гордостью,—и ударилъ Стрѣшнева. А потомъ онъ не зналъ, какъ задобрить и утѣшить почитаемаго имъ человѣка, просилъ мира и слалъ ему богатые подарки.

Но не только тѣмъ, что царь легко прощалъ и мирился, доказы-

вается его душевная доброта. Общій голосъ современниковъ называетъ его очень добрымъ человѣкомъ. Царь любилъ благотворить. Въ его дворцѣ, въ особыхъ палатахъ, на полномъ царскомъ иждивеніи жили такъ называемые „верховые (то-есть дворцовые) богомольцы“, „верховые нищіе“ и „юродивые“. „Богомольцы были древніе старики, почитаемые за старость и житейскій опытъ, за благочестіе и мудрость. Царь въ зимніе вечера слушалъ ихъ разсказы про старое время о томъ, что было „за тридцать и за сорокъ лѣтъ и больши“. Онъ покоилъ ихъ старость такъ же, какъ чтилъ безуміе, Христа ради, юродивыхъ, дѣлавшее ихъ неумытными и безстрашными обличителями и пророками въ глазахъ всего общества того времени. Одинъ изъ такихъ юродивыхъ, именно Василій Босой или „Уродивый“, игралъ большую роль при царѣ Алексѣѣ, какъ его совѣтникъ и наставникъ. О „братѣ нашемъ Василіи“ не разъ встрѣчаются почтительныя упоминанія въ царской перепискѣ. Опекая подобный людъ при жизни, царь устраивалъ „богомольцамъ“ и „нищимъ“ торжественные похороны послѣ ихъ кончины и въ ихъ память учреждалъ „кормы“ и раздавалъ милостыню по церквамъ и тюрьмамъ. Такая же милостыня шла отъ царя и по большимъ праздникамъ; иногда онъ самъ обходилъ тюрьмы, раздавая подаяніе „несчастнымъ“. Въ особенности предъ „великимъ“ или „свѣтлымъ“ днемъ Св. Пасхи, на „страшной“ недѣлѣ, посѣщалъ царь тюрьмы и богадѣльни, одѣлялъ милостынею и нерѣдко освобождалъ тюремныхъ „сидѣльцевъ“, выкупалъ неоплатныхъ должниковъ, помогалъ неимущимъ и больнымъ. Въ обычныя для той эпохи рутинныя формы „подачи“ и „корма“ нищимъ Алексѣй Михайловичъ умѣлъ внести сознательную стихію любви къ добру и людямъ.

Не одна нищета и физическія страданія трогали царя Алексѣя Михайловича. Всякое горе, всякая бѣда находили въ его душѣ откликъ и сочувствіе. Онъ былъ способенъ и склоненъ къ самымъ теплымъ и деликатнымъ дружескимъ утѣшеніямъ, лучше всего рисующимъ его глубокую душевную доброту. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его знаменитыя письма къ двумъ огорченнымъ отцамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину объ ихъ сыновьяхъ. У кн. Одоевскаго умеръ внезапно его „первенецъ“, взрослый сынъ князь Михаилъ, въ то время, когда его отецъ былъ въ Казани. Царь Алексѣй самъ особымъ письмомъ извѣстилъ отца о горькой потерѣ. Онъ началъ письмо похвалами почившему, при чемъ выразилъ эти похвалы косвенно—въ видѣ разсказа о томъ, какъ чинно и хорошо обходились князь Михаилъ и его младшій братъ князь Ѳедоръ съ нимъ, государемъ, когда государь былъ у нихъ въ селѣ Вешняковѣ. Затѣмъ царь описалъ легкую и благочестивую кончину князя Михаила: послѣ причастія онъ „какъ есть уснулъ; отнюдь рыданія не было, ни терзанія“. Свѣтлые тоны описанія здѣсь взяты были, разумѣется, нарочно, чтобы смягчить

первую печаль отца. А потомъ слѣдовали слова утѣшенія, пространныя, порою прямо нѣжныя слова. Въ основѣ ихъ положена та мысль, что свѣтлая кончина человѣка безъ страданій, „въ добродѣтели и въ покаяніи добрѣ“, есть милость Господня, которой слѣдуетъ радоваться даже и въ минуты естественнаго горя. „Радуйся и веселися, что Богъ совсѣмъ свершилъ, изволилъ взять съ милостію своею; и ты принимай съ радостію сію печаль, а не въ кручину себѣ и не въ оскорбленіе“. „Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться,—и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать!“ Не довольствуясь словеснымъ утѣшеніемъ, Алексѣй Михайловичъ пришелъ на помощь Одоевскимъ и самымъ дѣломъ: принялъ на себя и похороны: „на все погребальныя я послалъ (пишетъ онъ), сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково у васъ нѣтъ“ *). Въ концѣ утѣшительнаго посланія царь своеручно прописалъ послѣднія ласковыя слова: „Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ“!

Горе А. Л. Ордина-Нащокина, по мнѣнію Алексѣя Михайловича, было горше, чѣмъ утрата кн. Н. И. Одоевскаго. По словамъ царя, „тебѣ, думному дворянину, больше этой бѣды впередъ уже не будетъ: больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ!“ У Ордина-Нащокина убѣжалъ за границу сынъ, по имени Воинъ, и убѣжалъ, какъ измѣнникъ, во время служебной поѣздки съ казенными деньгами, „со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями“. На просьбу пораженнаго отца объ отставкѣ царь послалъ ему „отъ насъ, великаго государя, милостивое слово“. Это слово было не только милостиво, но и трогательно. Послѣ многихъ похвальныхъ эпитетовъ „христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу“ Аѳанасію Лаврентьевичу, царь тепло говоритъ о своемъ сочувствіи не только ему, Аѳанасію, но и его супругѣ въ „ихъ великой скорби и тугѣ“. Объ отставкѣ своего „добраго ходатая и желателя“ онъ не хочетъ и слышать, потому что не считаетъ отца виноватымъ въ измѣнѣ сына. Царь и самъ довѣрялъ измѣннику, какъ довѣрялъ ему отецъ: „Будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и соглашеніе твое ему! и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ, и не по одно время, и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова простоумышленнаго яда подъ языкомъ его не видали!“ Царь даже пытается утѣшить отца надеждою на возвращеніе не измѣнившаго якобы, а только увлекшагося юноши. „А тому мы, великій государь, не подивляемся, что

*) Это мѣсто письма имѣетъ, повидимому, какой-то особый смыслъ. Семья этихъ князей Одоевскихъ далеко не была бѣдна.

сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія Владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ; якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе отъ Святого Духа во святой купѣли, и къ вамъ вскорѣ возвратится!" Какая доброта и какой тактъ диктовали эти золотыя слова утѣшенія въ бѣдѣ, больше которой „на свѣтѣ не бываетъ!" И царь оказался правъ: Аѳанасьевъ „сынишка Войка" скоро вернулся изъ дальнихъ странъ во Псковъ, а оттуда въ Москву, и Алексѣй Михайловичъ имѣлъ утѣшеніе написать Аѳ. Л. Ордину-Нащокину, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни.

Живая, впечатлительная, чуткая и добрая натура Алексѣя Михайловича дѣлала его очень способнымъ къ добродушному веселью и смѣху. Склонностью къ юмору онъ напоминаетъ своего геніальнаго сына Петра; оба они любили пошутить и словомъ и дѣломъ. Среди писемъ къ Матюшкину есть одно, написанное „тарабарски", не легкимъ для чтенія шифромъ и сочиненное только затѣмъ, чтобы подразнить Матюшкина шутливымъ замѣчаніемъ, что когда его нѣтъ, то некому царя покормить плохимъ хлѣбомъ „съ закалою". „А потомъ буди здравъ", милостиво заключаетъ царь свой намекъ на какую-то кулинарную оплошность его любимца. Другое письмо къ Матюшкину все сплошь игриво. Царь пишетъ изъ „похода" и начинаетъ порученіемъ устроить маленькій обманъ его сестеръ-царевенъ: „нарядись въ ѣздовое (дорожное) платье да съѣзди къ сестрамъ, будто ты отъ меня пріѣхалъ, да спрошай о здоровьи". Матюшкину стало быть приказано просто лгать царевнамъ, что онъ лично прибылъ въ Москву изъ того подмосковнаго „потѣшнаго" села, гдѣ тогда жилъ государь. Вслѣдъ за этимъ порученіемъ царь Алексѣй сообщаетъ Матюшкину: „тѣмъ утѣшаюся, что столниковъ безпрестани купаю ежеутръ въ прудѣ... за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю!" Очевидно, эта утѣха не была жестокою, такъ какъ стольники на нее видимо напрашивались сами. Государь послѣ купанья въ отличіе звалъ ихъ къ своему столу: „у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь"—продолжаетъ царь Алексѣй,—„а иные говорятъ: мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ. Многіе нарокомъ не поспѣваютъ". Такъ тѣшился „гораздо тихій" царь, какъ бы преобразуя этимъ невиннымъ купаньемъ стольниковъ жестокія издѣвательства его сына Петра надъ вольными и невольными собутыльниками. Само собою приходитъ на умъ и сравненіе извѣстной „книги, глаголемой Урядникъ сокольничья пути" царя Але-

ксѣя съ не менѣе извѣстными церемоніалами „всешутѣйшаго собора" Петра Великаго. Насколько „потѣха" отца благороднѣе „шутовства" сына, и насколько острый цинизмъ послѣдняго ниже цѣломудренной шутки Алексѣя Михайловича! Свой шутливый охотничій обрядъ, „чинъ" производства рядового сокольника въ начальные, царь Алексѣй обставилъ нехитрыми символическими дѣйствіями и тарабарскими формулами, которыя по наивности и простотѣ не многаго стоятъ, но въ основѣ которыхъ лежитъ молодой и здоровый охотничій энтузіазмъ и трогательная любовь къ красотѣ птичьей природы. Тогда какъ у царя Петра служеніе Бахусу и Ивашкѣ Хмельницкому пріобрѣтало характеръ культа, въ „Урядникѣ" царя Алексѣя „пьянство" сокольника было показано въ числѣ винъ, за которыя „безо всякія пощады быть сосланы на Лену". Разработавъ свой „потѣшный" чинъ производства въ сокольники и отдавъ въ немъ дань своему веселью, царь Алексѣй своеручно написалъ на немъ характерную оговорку: „правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ!" Умѣнье соединять дѣло и потѣху замѣтно у царя Алексѣя и въ томъ отношеніи, что онъ охотно вводилъ шутку въ дѣловую сферу. Въ его перепискѣ не разъ встрѣчаемъ юморъ тамъ, гдѣ его не ждемъ. Такъ, сообщая въ 1655 г. своему любимцу „вѣрному и избранному" стрѣлецкому головѣ А. С. Матвѣеву разнаго рода дѣловыя вѣсти, Алексѣй Михайловичъ между прочимъ пишетъ: „посланникъ приходилъ отъ шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудла. Таковъ смышленъ: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника!" Насмѣшливо отозвавшись вообще о ходахъ шведской дипломатіи, царь продолжаетъ: „Тако намъ, великому государю, то честь, что (король прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка. Хотя и глупъ, да что же дѣлать? така намъ честь!" Въ 1656 г. въ очень серьезномъ письмѣ сестрамъ изъ Кокенгаузена царь сообщалъ имъ подробности счастливаго взятія этого крѣпкаго города и не удержался отъ шутливо-образнаго выраженія; „а крѣпокъ безмѣрно: ровъ глубокой— меншей братъ нашему Кремлевскому рву; а крѣпостію—сынъ Смоленску граду: ей, чрезъ мѣру крѣпокъ!" Частная, не дѣловая переписка Алексѣя Михайловича изобилуетъ такого рода шутками и замѣчаніями. Въ нихъ нѣтъ особаго остроумія и мѣткости, но много веселаго благодушія и наклонности посмѣяться.

Такова была природа царя Алексѣя Михайловича, впечатлительная и чуткая, живая и мягкая, общительная и веселая. Эти богатыя свойства были въ духѣ того времени обработаны воспитаніемъ. Алексѣя Михайловича пріучили къ книгѣ и разбудили въ немъ умственные запросы. Склонность къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры

Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны во всѣхъ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не похожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ свободно и легко высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержанія. Высказывался онъ чрезвычайно охотно, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе образовало въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обрядности и поэтому самъ очень строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ, и пріятнымъ, и полезнымъ. Однако при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; только его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло несомнѣнно

дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ; и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувственнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства, поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое выше письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно видѣнъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія и способность дать нравственную оцѣнку своему положенію и своимъ обязанностямъ сказывается въ замѣчательномъ „статейномъ спискѣ" или письмѣ Алексѣя Михайловича къ Никону, митрополиту Новгородскому, съ описаніемъ смерти патріарха Іосифа. Врядъ-ли Іосифъ пользовался дѣйствительною любовью царя и имѣлъ въ его глазахъ большой нравственный авторитетъ. Но царь считалъ своею обязанностью чтить святителя и относиться къ нему съ должнымъ вниманіемъ, поэтому онъ окружилъ больного патріарха своими заботами, посѣщалъ его, присутствовалъ даже при его агоніи, участвовалъ въ чинѣ его погребенія и лично самымъ старательнымъ образомъ переписалъ „келейную казну" патріарха, „съ полторы недѣли ежедень ходилъ" въ патріаршіе покои, какъ душеприказчикъ. Во всемъ этомъ Алексѣй Михайловичъ и даетъ добровольный отчетъ Никону, предназначенному уже въ патріархи всея Руси. Надобно прочитать сплошь весь царскій „статейный списокъ", чтобы въ полной мѣрѣ усвоить его своебразную прелесть. Описаніе послѣдней болѣзни патріарха сдѣлано чрезвычайно ярко съ полною реальностью, причемъ царь сокрушается, что упустилъ случай по московскому обычаю напомнить Іосифу о необходимости предсмертныхъ распоряженій. „И ты меня, грѣшнаго, прости (пишетъ онъ Никону), что язъ ему не воспомянулъ о духовной и кому душу свою прикажетъ". Царь пожалѣлъ пугать Іосифа, не думая, что онъ уже такъ плохъ: „Мнѣ молвить про духовную-ту, и помнитъ: вотъ де меня избываетъ!" Здѣсь личная деликатность заставила царя Алексѣя отступить отъ жестокаго обычая старины, когда и самимъ царямъ въ болѣзни ихъ дьяки поминали „о духовной". Умершаго патріарха вынесли въ церковь, и царь пришелъ

къ его гробу въ пустую церковь въ ту минуту, когда можно было глазомъ видѣть процессъ разложенія въ трупѣ („безмѣрно пухнетъ", „лицо розно пухнетъ"). Царь Алексѣй испугался: „И мнѣ пріиде—пишетъ онъ—помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ!.. И я, перекрестясь, да взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ; чего боятися?... Тѣмъ себя и оживилъ, что за рукуту его съ молитвой взялъ!" Во время погребенія патріарха случился грѣхъ: „да такой грѣхъ, владыка святый: погребли безъ звону!... а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали". Лишь самъ царь вспомнилъ, что надо звонить, такъ ужъ стали звонить послѣ срока. Похоронивъ патріарха, Алексѣй Михайловичъ принялся за разборъ личнаго имущества патріаршаго съ цѣлью его благотворительнаго распредѣленія; коечто изъ этого имущества царь и распродалъ. Самому царю нравились серебряные „суды" (посуда) патріарха, и онъ, разумѣется, могъ бы ихъ пріобрѣсти для себя: было бы у него столько денегъ, „что и вчетверо цѣну-ту дать", по его словамъ. Но государя удержало очень благородное соображеніе: „Да и въ томъ меня, владыко святый, прости (пишетъ царь Никону): немного и я не покусился инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святый, ни маленькому ничему не точенъ!... Не хочу для того: се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ: самому мнѣ (суды) имать, а деньги мнѣ платить себѣ жъ?!" Вотъ съ какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совѣстливости выступаетъ передъ нами самодержецъ XVII вѣка, боящійся грѣха отъ Бога и зазора отъ людей и подчиняющій христіанскому чувству свой суевѣрный страхъ!

То же чувство деликатности, основанной на нравственной вдумчивости, сказывается въ любопытнѣйшемъ выговорѣ царя воеводѣ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому. Долгорукій въ 1658 году удачно дѣйствовалъ противъ Литвы и взялъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго. Но его успѣхъ былъ слѣдствіемъ его личной иниціативы: онъ дѣйствовалъ по соображенію съ обстановкою, безъ спроса и вѣдома царскаго. Мало того, онъ почему-то не извѣстилъ царя во-время о своихъ дѣйствіяхъ и, главнымъ образомъ, объ отступленіи отъ Вильны, которое въ Москвѣ не одобрили. Выходило такъ, что за одно надлежало Долгорукаго хвалить, а за другое порицать. Царь Алексѣй находилъ нужнымъ офиціально выказать недовольство поведеніемъ Долгорукаго, а неофиціально послалъ ему письмо съ мягкимъ и милостивымъ выговоромъ. „Похваляемъ тебя безъ вѣсти (то-есть безъ реляціи Долгорукаго) и жаловать обѣщаемся" писалъ государь, но тутъ же добавлялъ, что эта похвала частная и негласная: „и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою ми-

лостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо противъ чего писать тебѣ!“ Объяснивъ, что Долгорукій самъ себѣ устроилъ „безчестье“, царь обращается къ интимнымъ упрекамъ: „Ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ! Писалъ къ друзьямъ своимъ, а тѣ—ей, ей!—про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь“... „Чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ; и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ! послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ“... Но одновременно съ горькими укоризнами царь говоритъ Долгорукому и ласковыя слова: „Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь; а сверхъ того сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему!“... „Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести,... да самъ ты отъ себя потерялъ!“ Въ заключеніе царь жалуетъ Долгорукаго тѣмъ, что велитъ оставить свой выговоръ втайнѣ: „а прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ“. Очень продумано, деликатно и тактично это желаніе царя Алексѣя добрымъ интимнымъ внушеніемъ смягчить и объяснить офиціальное взысканіе съ человѣка, хотя и заслуженнаго, но формально провинившагося.

Во всѣхъ посланіяхъ царя Алексѣя Михайловича, подобныхъ приведенному, гдѣ царю приходилось обсуждать, а иногда и осуждать поступки разныхъ лицъ, бросается въ глаза одна любопытная черта. Царь не только обнаруживаетъ въ себѣ большую нравственную чуткость, но онъ умѣетъ и любитъ анализировать: онъ всегда очень пространно доказываетъ вину, объясняетъ противъ кого и противъ чего именно погрѣшилъ виновный и насколько сильно и тяжко его прегрѣшеніе. Характернѣйшій образецъ подобныхъ разсужденій находимъ въ его обращеніи къ князю Григорію Семеновичу Куракину съ выговоромъ за то, что онъ (въ 1668 г.) не поспѣшилъ на выручку гарнизонамъ Нѣжина и Чернигова. Царь упрекнулъ Куракина въ недомысліи, въ томъ, что онъ „притчею не промыслитъ, что будетъ“ вслѣдствіе его промедленія. „То будетъ (объясняетъ царь воеводѣ): первое—Бога прогнѣваетъ... и кровь напрасно многую прольетъ; второе—людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость, третье—отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое—отъ людей стыдъ и срамъ, что даромъ людей потерялъ; пятое—славу и честь, на свѣтѣ Богомъ дарованную, непристойнымъ дѣломъ... отгонитъ отъ себя и вмѣсто славы укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметъ. И то все писано къ нему, боярину (заключаетъ Алексѣй Михайловичъ), хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дѣло Божіе и его государево свершалось въ добромъ полководствѣ, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалѣя его

старости!“ Наблюденія надъ такими словесными упражненіями приводятъ къ мысли, что царь Алексѣй много и основательно размышлялъ. И это размышленіе состояло не въ томъ только, что въ умѣ Алексѣя Михайловича послушно и живо припоминались имъ читанные тексты и чужія мысли, подходящія внѣшнимъ образомъ къ данному времени и случаю. Умственная работа приводила его къ образованію собственныхъ взглядовъ на міръ и людей, а равно и общихъ нравственныхъ понятій, которыя составляли его собственное философско-нравственное достояніе. Конечно, это не была система міровоззрѣнія въ современномъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе въ сознаніи Алексѣя Михайловича былъ такой отчетливый моральный строй и порядокъ, что всякій частный случай ему легко было подвести подъ его общія понятія и дать ему категорическую оцѣнку. Нѣтъ возможности возстановить въ общемъ содержаніи и системѣ, этотъ душевный строй, прежде всего потому, что и самъ его обладатель никогда не заботился объ этомъ. Однако, для примѣра укажемъ хотя бы на то, что, исходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ ясное и твердое понятіе о происхожденіи и значеніи царской власти въ Московскомъ государствѣ, какъ власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы „разсуждать людей вправду“ и „безпомощнымъ помогать“. Уже были выше приведены слова царя Алексѣя князю Гр. Гр. Ромодановскому: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду“. Для царя Алексѣя это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую онъ сознательно повторялъ всегда, когда его мысль обращалась на объясненіе смысла и цѣли его державныхъ полномочій. Въ письмѣ къ князю Н. И. Одоевскому, напримѣръ, царь однажды помянулъ о томъ, „какъ жить мнѣ, государю, и вамъ, боярамъ“, и на эту тему писалъ: „а мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя,... чтобы Господь Богъ... даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди Его, Свѣтовы, разсудити вправду, всѣмъ равно“. Взятый здѣсь примѣръ имѣетъ цѣну въ особенности потому, что для историка въ данномъ случаѣ ясенъ источникъ тѣхъ фразъ царя Алексѣя, въ которыхъ столь категорически нашла себѣ опредѣленіе, впервые въ Московскомъ государствѣ, идея державной власти. Свои мысли о существѣ царскаго служенія Алексѣй Михайловичъ черпалъ, повидимому, изъ чина царскаго вѣнчанія или же непосредственно изъ главы 9-й Книги Премудрости Соломона. Не менѣе знаменательнымъ кажется и отношеніе царя къ вопросу о внѣшнемъ принужденіи въ дѣлахъ вѣры. Съ замѣтною твердостью и смѣлостью мысли, хотя и въ очень сдержанныхъ фразахъ, царь пишетъ по этому вопросу митрополиту Никону, котораго авторитетъ онъ ставилъ въ тѣ года необыкновенно высоко. Онъ проситъ Никона

не томить въ походѣ монашескимъ послушаніемъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей: „не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра—премудрѣе будетъ, а безумному—мозоліе ему есть!“ Онъ ставитъ Никону на видъ слова одного изъ его спутниковъ, что Никонъ „никого де силою не заставитъ Богу вѣровать“. При всемъ почтеніи къ митрополиту, „не въ примѣръ святу мужу“, Алексѣй Михайловичъ видимо раздѣляетъ мысли несогласныхъ съ Никономъ и терпѣвшихъ отъ него подневольныхъ постниковъ и молитвенниковъ. Нельзя силою заставить Богу вѣровать—это по всей видимости убѣжденіе самого Алексѣя Михайловича.

При постоянномъ религіозномъ настроеніи и напряженной моральной вдумчивости Алексѣй Михайловичъ обладалъ одною симпатичною чертою, которая, казалось-бы, мало могла уживаться съ его аскетизмомъ и наклонностью къ отвлеченному наставительному резонерству. Царь Алексѣй былъ весьма эстетиченъ—въ томъ смыслѣ, что любилъ и понималъ красоту. Его эстетическое чувство сказывалось ярче всего въ страсти къ соколиной охотѣ, а позже—къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника и обычныхъ удовольствій охоты съ ея азартомъ и шумнымъ движеніемъ, соколиная потѣха удовлетворяла въ царѣ Алексѣѣ и чувству красоты. Въ „Урядникѣ сокольничья пути“ онъ очень тонко разсуждаетъ о красотѣ разныхъ охотничьихъ птицъ, о прелести птичьяго лета и удара, о внѣшнемъ изяществѣ своей охоты. Для него „его государевы *красныя* и славныя птичьи охоты“ урядство или порядокъ „уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе“; высокаго сокола летъ—„*красносмотрителенъ* и радостенъ“; копцова (то-есть копчика) добыча и летъ—„*добровиденъ*“. Онъ слѣдитъ за красотою сокольничьяго наряда и оговариваетъ, чтобы нашивка на кафтанахъ была „золотная“ или серебряная: „къ какому цвѣту какая пристанетъ“; требуетъ, чтобы сокольникъ держалъ птицу „подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко *красотѣ* кречатьей“, то-есть такъ, чтобы ее разсмотрѣть было удобно и красиво. Элементъ красоты и изящества вообще играетъ не послѣднюю роль въ „урядствѣ“ всего охотничьяго чина царя Алексѣя. То же чувство красоты заставляло царя увлекаться внѣшнимъ благочестіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность для внѣшней красоты. Въ запискахъ Павла Алеппскаго можно видѣть много примѣровъ тому, какъ царь распоряжался въ церкви, наводя порядокъ и красоту въ такія минуты, когда, по нашимъ понятіямъ, ему надлежало бы хранить молчаніе и благоговѣніе. Не только церковныя церемоніи, но и парады придворные и военные необыкновенно занимали Алексѣя Михайловича съ точки зрѣнія „чина“ и „урядства“, то-есть внѣшняго порядка, красоты и великолѣпія. Онъ, напримѣръ, съ чрезвычайнымъ усердіемъ устраивалъ смотры и проводы своимъ войскамъ

передъ первымъ литовскимъ походомъ, обставляя ихъ торжественнымъ и красивымъ церемоніаломъ. Большой эстетическій вкусъ царя сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, тамошніе прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки. Мирная красота этихъ мѣстъ—обычный типъ великорусскаго пейзажа—такъ соотвѣтствуетъ характеру „гораздо тихаго“ царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайловича. Въ немъ религія и молитва не исключали удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комедійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. „И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя“,—пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ:—„будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія“. Такимъ образомъ въ сознаніи Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и подобный взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по мнѣнію царя, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее—такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ Одоевскаго не плакать о смерти сына: „Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно—да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать“. Но если жизнь—не тяжелое, мрачное испытаніе, то она для царя Алексѣя и не сплошное наслажденіе. Цѣль жизни—спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ: въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь, говоря о потѣхѣ, напоминаетъ своимъ сокольникамъ: „правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ“. Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него, всетаки, только забава и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, „чинъ“. „Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна благочинна,—никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ“. Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича—залогъ успѣха во всемъ: „безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье“,—говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ

и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, и кругомъ все было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя подвиги строгаго аскетизма съ чистыми и мирными наслажденіями. Такая непрерывно владѣвшая царемъ Алексѣемъ забота позволяетъ сравнить его (хотя аналогія здѣсь можетъ быть лишь очень отдаленная, съ первыми эпикурейцами, искавшими своей „атараксіи", безмятежнаго душевнаго равновѣсія, въ разумномъ и сдержанномъ наслажденіи.

До сихъ поръ царь Алексѣй Михаиловичъ былъ обращенъ къ намъ своими свѣтлыми сторонами, и мы ими любовались. Но были же и тѣни. Конечно, надо счесть показнымъ и неискреннимъ „смиреніемъ паче гордости" тотъ отзывъ, какой однажды далъ самъ о себѣ царь Никону: „а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіи и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіянскій наричюся, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы) не токмо въ цари!" Злыхъ и мерзкихъ дѣлъ за царемъ Алексѣемъ современники не знаютъ; однако иногда они бывали имъ недовольны. Въ годы его молодости, въ эпоху законодательныхъ работъ надъ Уложеніемъ (1649 г.), настроеніе народныхъ массъ было настолько неспокойно, что многіе давали волю языку. Одинъ изъ озлобленныхъ реформами уличныхъ озорниковъ Савинка Корѣпинъ болталъ на Москвѣ про юнаго государя, что царь „глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго: они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ да молчитъ". Мысль, что царь „глядитъ изо рта" у другихъ, мелькаетъ и позднѣе. Въ поведеніи Коломенскаго архіепископа Іосифа (1660—1670 годы) вскрывались не разъ его безпощадные отзывы о царѣ Алексѣѣ и боярахъ. Іосифъ говаривалъ про великаго государя, что „не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ", а про бояръ, что „бояре—Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ". Въ минуты большого раздраженія Іосифъ обзывалъ Алексѣя Михайловича весьма презрительными бранными словами, которыхъ общій смыслъ обличалъ царя въ полной неспособности къ дѣламъ. Встрѣчаясь съ такими отзывами, не знаешь, какъ слѣдуетъ ихъ истолковать и какъ ихъ можно примирить со многими свидѣтельствами о разумѣ и широкихъ интересахъ Алексѣя Михайловича. „Гораздо тихій" царь былъ вѣдь тихъ добротою, а не смысломъ; это ясно для всѣхъ, знакомыхъ съ историческимъ матеріаломъ. Только пристальное наблюденіе открываетъ въ натурѣ царя Алексѣя двѣ такія черты, которыя могутъ освѣтить и объяснить существовавшее недовольство имъ.

При всей своей живости, при всемъ своемъ умѣ царь Алексѣй Михайловичъ былъ безвольный и временами малодушный человѣкъ.

Пользуясь его добротою и безволіемъ окружавшіе не только своевольничали, но забирали власть и надъ самимъ „тихимъ“ государемъ. Въ письмахъ царя есть удивительныя этому доказательства. Въ 1652 году онъ пишетъ Никону, что дворецкій князь Алексѣй Мих. Львовъ „билъ челомъ объ отставкѣ“. Это былъ возмутительный самоуправецъ, много лѣтъ безнаказанно сидѣвшій въ приказѣ Большого дворца. Царь обрадовался, что можно избавиться отъ Львова, и „во дворецъ посадилъ Василія Бутурлина“. Съ наивною похвальбою онъ сообщаетъ Никону: „а слово мое нынѣ во Дворцѣ добрѣ страшно, и (все) дѣлается безъ замотчанья!“ Стало быть такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и такъ велика была слабость государя, что онъ не могъ самъ избавиться отъ своего дворецкаго! Послѣ этого примѣра становится понятнымъ, что около того же времени и ничтожный приказный человѣкъ Л. Плещеевъ могъ цинично похваляться, что „про меня де вѣдаетъ государь, что я зернщикъ (то-есть игрокъ)!... у меня де Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ!“. Въ упоминаніи государя Плещеевымъ мелькаетъ тотъ же намекъ на отсутствіе страха предъ государевымъ именемъ и словомъ, какъ и въ наивномъ письмѣ самого государя. Любопытно, что придворные и приказные люди не только за глазами у добраго царя давали себѣ волю, но и въ глаза ему осмѣливались показывать свои настроенія. Въ походѣ 1654 года окружавшіе Алексѣя Михайловича, по его словамъ въ письмѣ кн. Трубецкому „ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся; иногда зноемъ и яростію и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ и обычаемъ московскимъ явятся; иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ; иногда тихостью и бѣдностью лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ . . . А мнѣ уже, Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ!“ При отсутствіи твердой воли въ характерѣ царя Алексѣя онъ не могъ взять въ свои руки настроеніе окружающихъ, не могъ круто раздѣлаться съ виновными, прогнать самоуправца. Онъ могъ вспыхнуть, выбранить, даже ударить, но затѣмъ быстро сдавался и искалъ примиренія. Онъ терпѣлъ князя Львова у дѣлъ, держалъ около себя своего плохого тестя Милославскаго, давалъ волю безмѣрному властолюбію Никона—потому, что не имѣлъ въ себѣ силы бороться ни съ служебными злоупотребленіями, ни съ придворными вліяніями, ни съ сильными характерами. Не истребить зло съ корнемъ, не убрать непригоднаго человѣка, а найти компромиссъ и палліативъ, закрыть глаза и спрятать, какъ страусъ, голову въ кустъ— вотъ обычный пріемъ Алексѣя Михайловича, результатъ его маловолія и малодушія. Хуже всего онъ чувствовалъ себя тогда, когда видѣлъ неизбѣжность вступить открыто въ какое-либо непріятное дѣло. Мало-

душно онъ убѣгалъ отъ отвѣтственныхъ объясненій и спѣшилъ заслониться другими людьми. Сообщивъ Никону въ письмѣ о неудовольствіяхъ на него, существующихъ среди его окружающихъ, царь сейчасъ же оговаривается: „и тебѣ бы, владыко святый, пожаловать—сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ!... да будетъ и изволишь ему (жалобщику) говорить, и ты, владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали (о его жалобахъ)". Желаніе стать въ сторонѣ стыдитъ, повидимому, самого Алексѣя Михайловича, и онъ предлагаетъ Никону отложить объясненіе съ недовольнымъ на него бояриномъ до Москвы: „здѣсь бы передо мною вы съ очей на очи перевѣдались", предлагаетъ онъ, разумѣется, въ надеждѣ, что время уничтожитъ остроту неудовольствій и смягчитъ враговъ до очной ставки. Душевнымъ малодушіемъ добраго государя слѣдуетъ объяснить его вкусъ къ письменнымъ выговорамъ: за глаза можно было написать много и сильно, грозно и красиво; а въ глаза бранить трудно и жалко. Въ глаза бранить кого-либо царю Алексѣю было можно только въ минуты кратковременныхъ вспышекъ горячаго гнѣва, когда у него вмѣстѣ съ языкомъ развязывались и руки.

Итакъ, слабость характера была однимъ изъ тѣневыхъ свойствъ царя Алексѣя Михайловича. Другое его отрицательное свойство легче описать, чѣмъ назвать. Царь Алексѣй не умѣлъ и не думалъ работать. Онъ не зналъ поэзіи и радостей труда и въ этомъ отношеніи былъ совершенною противоположностью своему сыну Петру. Жить и наслаждаться онъ могъ среди „малой вещи", какъ онъ называлъ свою охоту и какъ можно назвать всѣ его иныя потѣхи. Вся его энергія уходила въ отправленіе того „чина", который онъ видѣлъ въ вѣковомъ церковномъ и дворцовомъ обиходѣ. Вся его иниціатива ограничивалась кругомъ пріятныхъ „новшествъ", которыя въ его время, но, независимо отъ него, стали проникать въ жизнь московской знати. Управленіе же государствомъ не было такимъ дѣломъ, которое царь Алексѣй желалъ бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные люди. Сначала за царя Алексѣя правилъ Борисъ Ив. Морозовъ, потомъ настала пора кн. Никиты Ив. Одоевскаго; за нимъ сталъ временщикомъ патріархъ Никонъ, правившій не только святительскія дѣла, но и царскія; за Никономъ слѣдовали Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Во всякую минуту дѣятельности царя Алексѣя мы видимъ около него довѣренныхъ лицъ, которыя правятъ. Царь же, такъ сказать, присутствуетъ при ихъ работѣ, хвалитъ ихъ или споритъ съ ними, хлопочетъ о внѣшнемъ „урядствѣ", пишетъ письма о событіяхъ,—словомъ суетится кругомъ дѣйствительныхъ работниковъ и дѣятелей. Но ни работать съ ними, ни увлекать ихъ властною волею боевого вождя онъ не можетъ.

Добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочій, царь Алексѣй не могъ быть бойцомъ и реформаторомъ. Между

тѣмъ теченіе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри, и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно-трудная,—все это требовало чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ и, всетаки, бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣвала кое-какъ справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на извѣстной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство,—для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла, словомъ, горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи, во всѣхъ сферахъ государственной жизни, видна намъ добродушная и живая личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ желаетъ руководить работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ разумѣніемъ дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного рѣшительнаго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякій вопросъ онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ его разрѣшенія; но отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой инициативы, какой отличался Петръ.

Главные моменты въ исторіи Южной и Западной Руси въ XVI—XVII вѣкахъ.

Западныя и южныя Русскія области, какъ извѣстно, въ XIII и XIV вв. стали достояніемъ литовскихъ великихъ князей. Внѣшняя опасность сплотила литовское племя, подняла въ немъ воинственный духъ и создала Литовское государство, въ которомъ стали жить совмѣстно и Литва и Русь. Но это государство, созданное Литвою, становилось русскимъ, потому что Русь преобладала надъ Литвой, не только числомъ но и культурою. Русскій языкъ сталъ господствующимъ въ Литвѣ, употреблялся при дворѣ и въ законодательствѣ. Православіе вытѣсняло древнюю религію Литвы, безо всякой острой борьбы; женатые на русскихъ княжнахъ, литовскіе князья были полурусскими по крови, русскими по языку и вѣрованіямъ. Созданная православіемъ

и долгою историческою жизнью, русская культура дѣлала быстрые успѣхи среди полудикихъ литовцевъ. Словомъ, болѣе образованная русская народность успѣшно ассимилировала себѣ менѣе образованное Литовское племя.

Но Литва, вошедшая въ историческую жизнь позднѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, поляковъ, нѣмцевъ и Руси, чувствовала на себѣ не одно русское вліяніе. Нѣмцы съ двухъ сторонъ (тевтоны и меченосцы) крестили ее въ католичество и обращали въ своихъ рабовъ. Поляки, сперва враждебные, старались затѣмъ стать въ союзныя отношенія къ Литвѣ, своему прежнему недругу, чтобы съ помощью Литвы дѣйствовать противъ нѣмцевъ, одинаково ненавистныхъ имъ обоимъ. Средствомъ для сближенія Польши съ Литвою могли служить браки литовскихъ и польскихъ владѣтелей: они и заключались. Польскій король Казиміръ III женился на дочери Гедемина, но этотъ бракъ не имѣлъ политическихъ послѣдствій, зато имѣлъ ихъ бракъ Литовскаго великаго князя Ягайла на королевѣ польской Ядвигѣ. Онъ былъ заключенъ съ условіемъ *династической уніи* Литвы съ Польшей подъ властью Ягеллоновъ. Инниціатива этого брака и самой уніи вышла не изъ Литвы, а изъ Польши. Польскимъ панамъ страшны были и нѣмцы и Литва; отъ Литвы они желали получить нѣкоторыя области и союзъ противъ нѣмцевъ. Династическая унія давала возможность постояннаго и крѣпкаго союза, давала надежду провести въ Литву польское вліяніе. На этихъ возможностяхъ и надеждахъ и была построена въ Польшѣ политическая комбинація, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ для Польши. Въ 1386 г. Ягайло сталъ не только королемъ польскимъ, но и католикомъ.

Унія Литвы съ Польшей заключена была на двухъ главныхъ условіяхъ: 1) внутреннее устройство и управленіе государствъ остается прежнимъ, не зависимымъ отъ союзнаго государства; 2) дипломатическія сношенія ведутся обоими государствами сообща. Такимъ образомъ, внутренняя автономія Литвы была сохранена. И однако литовско-русское общество было страшно недовольно уніей. Перемѣна религіи Ягайломъ, дозволеніе его обращать въ католичество языческую Литву и другія уступки Польшѣ вызвали рѣзкій протестъ Литвы и Руси. Оскорбленное народное чувство поддержало притязанія Витовта, сильнѣйшаго удѣльнаго князя въ Литвѣ, и доставило ему полное господство надъ Литвою и титулъ великаго князя литовскаго еще при жизни Ягайло.

Витовтъ довелъ могущество Литовскаго государства до высшаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало его упадку. Онъ былъ весьма популяренъ въ Литвѣ, и католики, и православные, и язычники считали его своимъ. Это помогло Витовту совершить рядъ подвиговъ, поднявшихъ значеніе его государства. Но желаніе ладить со всѣми, отсутствіе яснаго взгляда на значеніе въ судьбѣ Литвы католичества и

Польши привели Витовта къ тому, что онъ не смогъ дать отпоръ польскому вліянію, не сумѣлъ отгадать, на кого онъ долженъ былъ опираться, и въ концѣ концовъ оттолкнулъ отъ себя русское населеніе Литвы. Это обстоятельство поработило Литву Польшѣ и обусловило паденіе Литвы.

Въ 1410 г. въ Грюнвальдской битвѣ соединенныя силы Литвы и Польши сломили могущество нѣмцевъ, чѣмъ и былъ оправданъ союзъ этихъ государствъ. Но въ 1413 г. на общемъ сеймѣ Литвы и поляковъ въ Городлѣ рѣшено было уже не только династическое, но и *реальное* соединеніе Польши съ Литвой, при чемъ особенности Польскаго государственнаго строя переносились на Литву. Литовское дворянство, принявшее католицизмъ, получило устройство и права польской шляхты, въ Литвѣ учреждались сеймы и должности на подобіе польскихъ. Этотъ Городельскій актъ, подчинивъ Литву польскимъ порядкамъ, не былъ вызванъ никакою политическою необходимостью, не оправдывался исторіей. Витовтъ, сближаясь съ Польшей, искалъ опоры противъ нѣмцевъ и Руси; покровительствуя католичеству, онъ былъ прельщенъ королевскимъ титуломъ, который могъ придти къ нему только съ католическаго запада. Но онъ чувствовалъ, что въ своемъ государствѣ, о славѣ котораго онъ такъ заботился, онъ создавалъ почву для религіознаго междоусобія, тѣмъ болѣе опаснаго, что за религіозною рознью стояла рознь національная.

Послѣ Витовта (1430) въ XV и XVI в., несмотря на Городельскій актъ, Литва строго оберегала свою независимость и автономію въ политическомъ отношеніи. Полякамъ не удавалось добиться признанія реальной уніи отъ литовско-русскаго общества; въ Литвѣ на поляковъ смотрѣли, какъ на иностранцевъ, старались имѣть отдѣльнаго отъ нихъ князя и неохотно допускали поляковъ въ Литву. Католичество распространялось далеко не съ тою быстротой, какъ желали бы поляки. За русскія земли—Волынь и Подолію—Литва держалась крѣпко и не хотѣла уступать ихъ Польшѣ. Словомъ, государственная унія не удавалась полякамъ, несмотря на то, что въ 1501 г. литовскій князь и польскій король Александръ сдѣлалъ рѣшительную попытку настоять на уніи. Лучше удавалось полякамъ культурное вліяніе на литовское общество. Съ городельскаго сейма въ Литвѣ привились нѣкоторыя черты польскаго общественнаго порядка. До 1413 г. устройство Литвы близко подходило къ русскому: подъ великимъ княземъ правили удѣльные, вокругъ нихъ группировалась дружина, города имѣли вѣчевое устройство, крестьянство свободно передвигалось. Съ введеніемъ польскихъ порядковъ, съ 1413 г., въ Литвѣ начинаетъ образовываться шляхта на манеръ польской, и среди нея распространяется католичество и польскіе нравы; города получаютъ „Магдебургское право польскихъ городовъ", крестьянство близится къ крѣпостной зави-

симости. Въ Литвѣ являются сеймы и сеймики (мѣстные сеймы), какъ были они въ Польшѣ, появляются и пожизненныя должности по польскому образцу: гетманъ (Hauptmann)—начальникъ войска и судья военныхъ людей, которому были подчинены малые или польные гетманы; канцлеръ—хранитель государственной печати, государственный секретарь; подскарбій земскій—министръ финансовъ и надворный—княжескій казначей. Областями управляли воеводы, во власти которыхъ находились всѣ мѣстные управители: старосты, кастеляны, державцы. Представителями шляхты и ея сеймовъ были маршалки: земскій (представитель шляхты всего княжества), повѣтовый (областной) и дворной (представитель придворныхъ княжескихъ дворянъ). Представителями городского самоуправленія были войтъ и бурмистры: первый назначался королемъ изъ дворянъ, вторые избирались гражданами (мѣщанами) изъ ихъ среды. Необходимо замѣтить, что рядомъ съ городами свободными, княжескими, было много городовъ, принадлежавшихъ на частномъ правѣ литовской аристократіи. Такимъ образомъ съ развитіемъ польскаго строя въ Литвѣ, дворянство получило преобладающее значеніе; оно постепенно закрѣпило за собою крестьянство и часть мѣщанства, надъ другою же его частью являлось управителемъ.

До второй половины XVI в. изложенное нами общественное устройство только формировалось, мало-по-малу вытѣсняя старыя русскія формы быта. Болѣе всего польскому вліянію поддавалось литовское дворянство, стремившееся занять въ Литвѣ то же положеніе, какое польская шляхта занимала въ Польшѣ. Но для полученія польскихъ правъ дворянамъ нужно было стать католиками, а принятіе латинства вело за собою полное ополяченіе. Отступленіе отъ вѣры возбуждало протестъ со стороны тѣхъ, кто оставался вѣренъ православію; стремленіе завладѣть крестьянскимъ трудомъ открывало бездну между католикомъ дворяниномъ и православнымъ крестьяниномъ; желаніе получить политическія права въ странѣ возбуждало противъ литовской шляхты литовскую аристократію, потомковъ удѣльныхъ князей литовско-русскихъ. Такъ польское вліяніе вносило въ жизнь Литовско-Русскаго государства рядъ острыхъ антагонизмовъ, и могучая партія, верхъ и низъ литовскаго общества, сильно противилась всякому сближенію съ Польшей.

Съ первой половины XVI в. Московское государство рѣзко поставило Литвѣ вопросъ о возвращеніи Москвѣ старинныхъ русскихъ „отчинъ“—западныхъ русскихъ земель. Много сочувствія возбудила Москва въ Литвѣ, много западно-русскихъ владѣтелей охотно переходило подъ власть Москвы (князья Чернигово-Сѣверскіе, Новосильскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Глинскіе и т. д.). Москва счастливо добывала себѣ земли войнами и простымъ принятіемъ подданства со стороны литовской знати, уходившей отъ католичества и Польши. Существованіе

Литвы подвергалось опасности; литовцы, тянувшіе къ Польшѣ, крѣпче стали держаться польскаго союза. Но до уніи съ Польшей было еще далеко, если бы не наступили въ Москвѣ времена Грознаго, и не началось обратное движеніе княжатъ изъ Москвы въ Литву.

Въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ развивался порядокъ демократическій и строго-монархическій, и литовская знать оказалась въ такомъ положеніи, что должна была выбирать или потерю политическаго вліянія съ присоединеніемъ къ Москвѣ, или потерю религіозно-нравственной самостоятельности съ присоединеніемъ къ Польшѣ. Средины не было, потому что и Польша и Русь наступительно шли на Литву. Въ срединѣ XVI в., въ 60-хъ годахъ, Московскія войска взяли Полоцкъ и хозяйничали въ Литвѣ, а послѣдній Ягеллонъ Сигизмундъ II Августъ настаивалъ на уніи съ Польшей. На протестъ Литвы Польша отвѣчала угрозой оставить Литву на жертву Грозному царю. Сеймъ 1569 г. въ Люблинѣ полгода разсуждалъ объ уніи. Литовскіе послы уѣхали даже съ сейма, но важнѣйшіе западно-русскіе вельможи (князь Острожскій и др.) стали за унію, и она состоялась. Власти Ивана Грознаго была предпочтена потеря національной самостоятельности.

№3 Условія реальной уніи 1569 г. были таковы: Литва и Польша сливались въ одно нераздѣльное государство, имѣли одного монарха, общій сеймъ, общій сенатъ (по литовски: рада), но особые законы, особыхъ правительственныхъ лицъ и отдѣльныя войска. Часть западно-русскихъ земель (Волынь, Украйна, Подляхія) присоединялась отъ Литвы къ Малой Польшѣ. Поляки не считались иностранцами въ Литвѣ и имѣли право занимать тамъ должности, пріобрѣтать земли. При такихъ условіяхъ польскія формы быта быстро переходили въ Литву, литовская шляхта, не имѣвшая еще большого политическаго вліянія, подъ давленіемъ сильной литовской аристократіи, быстро достигала его на общихъ сеймахъ съ поляками; крестьяне были формально закрѣпощены, города рѣзче замыкались въ узкія мѣщанскія корпораціи и наводнялись иноземцами, особенно евреями. Зато Польша помогла Литвѣ противъ Москвы и воспрепятствовала присоединенію западныхъ русскихъ областей къ восточной Руси.

Трудно передать отчаяніе части западно-русскаго общества, которая не сочувствовала Польшѣ и понимала всю опасность польскаго гнета; говорятъ, что представители Литвы на колѣняхъ со слезами просили Сигизмунда Августа не губить Литвы присоединеніемъ къ Польшѣ. Однако это соединеніе совершилось волею короля и согласіемъ вельможъ и имѣло два роковыхъ послѣдствія для Литвы и Литовско-Польской Руси: во-первыхъ, острую религіозную борьбу, во-вторыхъ, острую общественную борьбу. Первая породила религіозную унію, вторая—рядъ крестьянско-казацкихъ возстаній. Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ послѣдствій.

I. Хотя актомъ Люблинской уніи предоставлена была свобода вѣры, но польско-литовскіе государи не сочувствовали этой свободѣ; пока западная Русь была православной, она не могла прочно слиться съ Польшей. Для слiянія народностей необходимо было единство религіи, и потому польское правительство желало искорененія православія. Но въ его владѣніяхъ развился протестантизмъ, зашедшій изъ Германіи и особенно радушно принятый въ Литвѣ. Для борьбы съ нимъ въ Польшу и Литву явились въ 1565 г. іезуиты и съ помощью правительства скоро задушили протестанство, не успѣвшее еще пустить прочныхъ корней. Когда іезуиты сладили съ протестантами, они обратили свои силы на „схизматиковъ"— православныхъ. Трудно рѣшить, они ли натолкнули Стефана Баторія на мысль извести греческую схизму, или Стефанъ Баторій указалъ эту цѣль изъ политическихъ видовъ. Интересы Польши въ этомъ вопросѣ совпадали съ желаніемъ папской куріи. Стефанъ Баторій былъ одновременно и дальновиднымъ польскимъ политикомъ, и вѣрнымъ союзникомъ папы, желая распространенія католичества на Руси.

Дѣло въ томъ, что у папства въ эту эпоху была вѣковая идея, которую папы желали ввести въ общее сознаніе Европы,—идея крестоваго похода для изгнанія турокъ изъ Европы. Эта идея владѣла и недюжиннымъ умомъ Стефана Баторія. Планъ борьбы съ турками одинаково прилежно разрабатывался и въ Римѣ и въ Польшѣ. И тамъ и тутъ полагали, что для успѣха дѣла необходимо привлечь къ нему въ качествѣ орудія Москву, а чтобы удобнѣе пользоваться этимъ орудіемъ нужно было его подчинить папѣ. Иванъ Грозный высказался сочувственно о борьбѣ съ турками, но не хотѣлъ и слышать объ уніи съ католиками, а это дѣлало союзъ его для Римской церкви ненадежнымъ. Москвѣ нужно было навязать католика-государя,—такъ думали Стефанъ Баторій и Поссевинъ, считая это лучшимъ средствомъ окатоличить Москву и заручиться ея помощью. Православіе же въ западной Руси можно, какъ предполагали, легко истребить и прямо.

Такъ широкая политическая утопія сплеталась съ реальными интересами Польши и католичества въ западной Руси и вызвала въ ней оживленную пропаганду католичества. Іезуиты принялись за истребленіе православной схизмы, сперва выступивъ съ печатнымъ словомъ: появилась книга „О единствѣ Церкви Божьей" Петра Скарги, который проводилъ мысль о необходимости церковной уніи съ католическими догматами и православной обрядностью. Потомъ настала очередь и практической пропаганды. Народное образованіе переходило въ руки іезуитовъ, и православное юношество воспитывалось въ католическихъ взглядахъ. Создавалась масса непріятностей православнымъ во всѣхъ сферахъ ихъ жизни и дѣятельности, отъ запрещенія крестныхъ ходовъ до простыхъ уличныхъ побоевъ. Много лицъ изъ высшаго дворянскаго класса прямо

совращалось въ католичество, и это совращеніе шло такъ успѣшно, что скоро въ православіи осталось меньшинство западно-русскаго дворянства.

Православные люди почувствовали опасность и поняли необходимость энергическаго отпора. На правительство они не могли надѣяться: и въ Стефанѣ Баторіи, и въ его преемникѣ Сигизмундѣ III они видѣли гонителей своей вѣры. Православная іерархія въ западной Руси не стояла на высотѣ своего положенія, по распущенности нравовъ, чисто свѣтскимъ стремленіямъ и разладу въ своей средѣ; къ тому же она не имѣла политическаго значенія въ странѣ. Общество, такимъ образомъ, было предоставлено собственнымъ силамъ. Сперва его поддерживала западно-русская аристократія: кн. Константинъ Острожскій, напримѣръ, заводилъ школы и типографіи для печатанія православныхъ книгъ и всячески заботился о поддержаніи православія. Но аристократія, вслѣдствіе пропаганды іезуитовъ, мало-по-малу переходила въ католицизмъ, благодаря чему получила большія политическія права. Съ измѣной аристократіи борьба всей тяжестью легла на мелкій западно-русскій людъ. Онъ и вынесъ ее на своихъ плечахъ, пользуясь для борьбы тѣми средствами, какія давала ему церковная организація. Городское населеніе западной Руси имѣло свои *братства*—рачителей и покровителей церкви. Они создались въ условіяхъ городского самоуправленія (на Магдебургскомъ правѣ) и получили большое развитіе въ нѣкоторыхъ городахъ (Львовъ, Кіевъ и др.). Заботясь о благосостояніи церквей, братства приняли на себя и заботу о цѣлости и чистотѣ православія и привлекли къ этому дѣлу не только горожанъ, но и дворянъ, уцѣлѣвшихъ отъ принятія латинства. Въ борьбѣ своей съ католиками, стараясь о сохраненіи своей вѣры и развитіи просвѣщенія, объ исправленіи нравовъ, братства не могли не замѣтить недостатковъ своихъ іерарховъ. Виднѣйшія западно-русскія братства въ видахъ исправленія іерархіи получили отъ восточныхъ патріарховъ право контроля и суда надъ своими архіереями (въ концѣ XVI в.). Обороняясь отъ латинства, они преслѣдовали свою іерархію и этимъ невольно создавали антагонизмъ въ средѣ православныхъ.

Преслѣдованіе со стороны паствы сдѣлало положеніе православныхъ пастырей невозможнымъ: ихъ тѣснили и свои люди, и католики, и правительство. Не желая передѣлывать свою жизнь на болѣе строгій ладъ, но желая пріобрѣсти лучшее положеніе въ государствѣ, нѣкоторые православные епископы задумали добиться этого путемъ уніи съ католичествомъ. Мысль объ уніи созрѣла въ головѣ Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, понравилась многимъ епископамъ и встрѣтила поддержку у Брестскаго епископа Ипатія Поцѣя и Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы. Готовность къ уніи была заявлена королю Сигизмунду подъ

строгой тайной, а затѣмъ Терлецкій и Поцѣй поѣхали въ 1595 г. въ Римъ и отъ имени всѣхъ западно-русскихъ епископовъ заявили папѣ готовность подчиниться его авторитету.

Когда западная Русь узнала о дѣлѣ своихъ епископовъ, она не пристала къ нему и готова была оружіемъ противиться введенію уніи. На Варшавскомъ сеймѣ русскіе вельможи потребовали сверженія епископовъ за самовольную унію. Въ западно-русской церкви произошелъ, такимъ образомъ, открытый расколъ, который думали потушить церковнымъ соборомъ въ Брестѣ осенью 1596 г.; здѣсь этотъ расколъ былъ только оформленъ: православные лишили епископовъ—уніатовъ ихъ сана, уніаты же наложили проклятіе на духовенство, вѣрное православію. Унія такъ и не состоялась.

Но папство имѣло право считать и считало унію состоявшеюся, потому что имѣло въ своихъ рукахъ грамоту на унію отъ лица всей западно-русской іерархіи. На эту точку зрѣнія стало и польское правительство: оно разсматривало теперь православныхъ, какъ еретиковъ, ослушниковъ своей іерархіи, а также и польскаго правительства.

Полноправная литовско-русская религія обратилась въ „презрѣнную хлопскую схизму“ (ибо исповѣдывалась по преимуществу низшими классами) и подлежала преслѣдованію, которое тотчасъ же и началось. Православные не имѣли священниковъ, богослуженіе совершалось въ поляхъ, ибо въ городахъ было запрещено, дѣтей возили крестить за 100 верстъ, въ иныхъ мѣстахъ церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые облагали богослуженіе въ нихъ и требы произвольными поборами. Уніатъ епископъ Полоцкій Іосафатъ Кунцевичъ выбрасывалъ изъ могилъ православныхъ на съѣденіе собакамъ. Но и при такихъ условіяхъ православные держались и отстояли за собою Кіево-Печерскую лавру и митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, устроили въ Кіевѣ духовную академію (трудами Петра Могилы); добиваясь нѣкоторыхъ постановленій, благопріятныхъ для православія, на сеймахъ, заводили школы и благотворительныя учрежденія. Все это были легальные способы борьбы съ польско-католическимъ гнетомъ. Но были и нелегальные—возстанія, въ которыхъ главная роль принадлежала казачеству.

II. Казачество на окраинахъ Литовско-Польскаго государства формировалось довольно давно. Съ появленіемъ Крымской орды, на степныхъ границахъ литовско- польскихъ стали появляться вольныя общины казаковъ, какъ бы пограничная милиція для борьбы съ татарами. Казаки не только отбивали татарскіе набѣги на Литву и Польшу, но и сами нападали на Крымъ и Турцію. Они считались подданными Литвы и Польши, но не повиновались своему государству. Ихъ борьба съ татарами вообще была полезна для государства, но ихъ разбои на Черномъ морѣ вели къ крупнымъ непріятностямъ для Польши со стороны Турціи и

Крыма. И то и другое обстоятельство заставляли польское правительство въ XVI в. серьезно думать о томъ, чтобы забрать казаковъ подъ надзоръ и контроль государства. Польскія власти старались образовать изъ казаковъ свои правительственные отряды и съ ихъ помощью понемногу водворить порядокъ на степной окраинѣ. Въ то же время онѣ поощряли шляхетскую колонизацію Украины, благодаря которой свободное населеніе Украйны—„казаки"—обращалось въ „хлоповъ" или крѣпостныхъ крестьянъ, и на Украйнѣ водворялся обычный для Польши общественный порядокъ. Благодаря мѣропріятіямъ королей XVI вѣка, у казаковъ, поверстанныхъ на службу, развилось къ концу XVI столѣтія извѣстное самоуправленіе: они выбирали гетмана, войсковую старшину (судья, писарь, полковники и др.) и раздѣлялись на полки (округи), но въ полкахъ было лишь опредѣленное число (600) полноправныхъ казаковъ, называемыхъ реестровыми, т. е. занесенными въ списки (реестры). Остальное населеніе Поднѣпровья считалось какъ бы простыми крестьянами. Въ 1590 году противъ него были приняты особыя стѣснительныя мѣры съ цѣлью обуздать его своеволіе; нереестровыхъ казаковъ включили въ хлопство и начали вмѣстѣ съ землями отдавать польской шляхтѣ, селившейся въ казачьей Украинѣ. А между тѣмъ отъ этого самаго хлопства, отъ усилившагося гнета Польши и пановъ, крестьянство спасалось именно на Днѣпрѣ, выходя изъ Польши и Литвы.

Особенности польскаго строя водворились въ Украинѣ послѣ Люблинской уніи въ 1569 г., когда она стала польскою областью. Но въ то же время эти особенности стали торжествовать и во всемъ Литовскомъ государствѣ, а въ самой Польшѣ аристократическій дворянскій порядокъ обозначался все болѣе и болѣе рѣзкими чертами. Эти обстоятельства вызывали усиленное выселеніе недовольныхъ людей изъ средины государства въ южную степь, а польское правительство усиленно старалось завладѣть этою степью. Такимъ образомъ Украйна переставала быть убѣжищемъ недовольныхъ какъ разъ тогда, когда число ихъ возросло, и это вызвало крупные общественные безпорядки. Нереестровые казаки отъ панскихъ рукъ уходили все южнѣе, ближе къ татарамъ и образовали за порогами Днѣпра своеобразный оплотъ казачества—*Сѣчь Запорожскую.* Тамъ окрѣпла казачеекая традиція, продолжалась борьба съ магометанскимъ міромъ, туда стремились всѣ недовольные государственными порядками въ Польшѣ и Украйнѣ. Когда же Польша задумала наложить руку и на Запорожье, поднялся рядъ извѣстныхъ казачьихъ возстаній. Подъ предводительствомъ своихъ гетмановъ (Косинскій, Лобода, Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ, Остраница) казаки бросались на Польшу, дѣйствуя во имя религіозной и гражданской независимости русской народности. Эти возстанія не удавались, и поляки разоряли даже Сѣчь, забирали крѣпче и крѣпче Украйну, больше и больше давили

народъ. Послѣ усмиренія возмущенія обыкновенно усиливался приливъ польскаго элемента — пановъ и ксендзовъ — въ Украйну, и казачество обращалось въ холоповъ этихъ пришельцевъ. Такой порядокъ, конечно, не могъ удовлетворить жителей Украйны, общая бѣда теснѣе связывала казаковъ съ хлопами; возстанія принимали характеръ не исключительно казачьихъ, а земскихъ, и поддерживались крестьянами всей западной Руси.

Къ половинѣ XVII вѣка недовольство не только за порогами, но и во всей Украйнѣ возросло до крайней степени. Когда въ 1648 г. съ помощью крымскихъ татаръ войсковой писарь Богданъ Хмѣльницкій поднялъ новое возстаніе казачества, на его сторону стала вся Украйна— и казачья, и крестьянская. Поднялась вся народность, за народную свободу и вѣру. Сказались, словомъ, результаты религіознаго и общественнаго польскаго режима. Съ помощью татаръ Хмѣльницкій побѣдилъ поляковъ и подъ Зборовомъ заставилъ короля Яна Казиміра согласиться на возвращеніе казачеству его прежнихъ вольностей. Число реестровыхъ казаковъ было доведено до 40,000. Но это не могло удовлетворить Украйну, потому что возстала вся Украйна, а улучшилось положеніе однихъ казаковъ, остальные же русскіе и православные люди должны были снова стать подъ власть поляковъ. Поэтому возстаніе поднялось снова, и во главѣ опять былъ Хмѣльницкій. Союзникъ казаковъ, крымскій ханъ, измѣнилъ Хмѣльницкому, и подъ Бѣлою Церковью былъ заключенъ съ поляками невыгодный для казачества договоръ, уменьшившій число казаковъ на 20.000. Для Хмѣльницкаго было ясно, что этимъ дѣло не кончится: но ясно было и то, что у Украйны нѣтъ силъ одной бороться противъ Польши. Естественнѣе всего было искать помощи въ единовѣрной Москвѣ.

Въ 1651 г. Хмѣльницкій обратился къ царю Алексѣю съ просьбою принять „Малороссію подъ свою руку“. Въ Москвѣ не рѣшились сразу на присоединеніе этой польской области и, стало быть, на войну съ Польшей. Царь Алексѣй дипломатическимъ путемъ заступился за Малороссію, но это не привело ни къ чему. Хмѣльницкій былъ вынужденъ снова воевать и снова просилъ Москву о подданствѣ. Тогда земскій соборъ въ Москвѣ рѣшилъ въ 1653 г. принять Малороссію, и 8 января 1654 г. Украйна присягнула царю Алексѣю. Число реестровыхъ казаковъ опредѣлено было въ 60,000. Малороссіи оставлено было ея общественное устройство и самоуправленіе, гетману—право дипломатическихъ сношеній (кромѣ польскихъ и турецкихъ). Соединенныя силы Украйны и Москвы нанесли полякамъ въ 1654 — 1656 гг. рядъ сильныхъ пораженій, поставившихъ Польшу на край погибели, тѣмъ болѣе, что на нее одновременно наступали и шведы. Но Польша была спасена раздоромъ Россіи и Швеціи и добилась перемирія съ Россіей, уступивъ малорусскія и бѣлорусскія земли.

Такъ пріобрѣла Москва русскія земли, давно утерянныя Русью. Но удержать эти земли было не легко при тѣхъ затрудненіяхъ, какія создавались и самой Малороссіей, и ея сосѣдями. Въ Малороссіи вся вторая половина XVII вѣка была временемъ смуты; въ этой, прежде неустроенной, казачьей Украйнѣ въ XVI и XVII вв. подъ вліяніемъ Польско-Литовскаго государства сложился извѣстный общественный порядокъ; рядомъ съ казачествомъ вольнымъ, записаннымъ въ реестры, появляется польское панство, закабалявшее себѣ казаковъ, не записанныхъ въ реестры; умножается городское населеніе, получавшее особыя права изъ среды самого казачества, выдѣляется классъ болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ людей—„старшина", которая стремится отождествить себя съ дворянствомъ. Когда произошло отдѣленіе Украйны отъ Польши и исчезло польско-литовское дворянство изъ Малороссіи, новые владѣтели дворянскихъ земель („старшина") стремятся выдѣлиться изъ казачества, „или въ видѣ шляхты Польской, или въ видѣ дворянства Московскаго", по выраженію С. М. Соловьева. Такое стремленіе ихъ къ преобладанію въ странѣ встрѣчаетъ отпоръ въ остальной массѣ освободившагося отъ панства казачества. Между казачествомъ демократическимъ и старшиною идетъ глухая борьба. Города малороссійскіе заботятся лишь объ утвержденіи Москвою ихъ правъ, и тамъ, гдѣ ихъ интересы сталкиваются съ казачьими, не жалѣютъ послѣднихъ. Духовенство поступаетъ, какъ города. Въ Малороссіи все идетъ врозь и каждая общественная группа добивается у Москвы лучшаго обезпеченія исключительно своихъ интересовъ въ ущербъ другимъ. Въ этой „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ" Москвѣ приходилось играть роль примирительницы и умиротворительницы, удовлетворяя однихъ и возбуждая недовольство другихъ. Медленно справлялась Москва со своей задачей въ Малороссіи, не имѣя твердой опоры въ странѣ и утверждая свое вліяніе лишь на симпатіи демократическихъ слоевъ, тогда какъ верхніе слои населенія большей частью тянули къ Польшѣ съ ея аристократическимъ складомъ. Несмотря на постоянныя смуты—„измѣну" малороссіянъ Москвѣ, Москва крѣпко держится за Малороссію и все крѣпче и крѣпче привязываетъ ее къ себѣ (особенно лѣвый берегъ Днѣпра).

Уже и въ 1657 г. казачья старшина стала давать себя знать Москвѣ. По смерти Богдана Хмѣльницкаго гетманство было захвачено писаремъ Иваномъ Выговскимъ, человѣкомъ польскихъ симпатій, представителемъ казачьей старшины. Но противъ него всталъ полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, простое казачество и Запорожье. Началось междоусобіе, въ которомъ погибъ Пушкарь и восторжествовалъ Выговскій. Въ 1658 г. Выговскій передался Польшѣ и нанесъ въ 1659 г. страшное пораженіе московскимъ войскамъ подъ Конотопомъ. Но онъ былъ свергнутъ самими казаками, и гетманомъ сталъ Юрій Хмѣльницкій (сынъ

Богдана), который присягнулъ Москвѣ, но, когда началась вторая война у Москвы съ Польшей, передался полякамъ. Однако лѣвая сторона Днѣпра осталась вѣрною Москвѣ и избрала въ 1662 г. особаго гетмана, запорожца Брюховецкаго.

По Андрусовскому перемирію въ 1667 г. между Польшей и Московскимъ государствомъ, лѣвобережная Украйна осталась навѣки за Москвой. Брюховецкій явился покорнымъ поданнымъ и самъ хлопоталъ объ уменьшеніи малороссійской автономіи. Но это вызвало общее недовольство на Украйнѣ, которое увлекло самого Брюховецкаго въ 1668 г. къ отпаденію отъ Москвы. Не имѣя твердой политики, Брюховецкій скоро погибъ въ смутахъ и населеніе лѣваго берега снова потянуло къ Москвѣ, не желая польскихъ порядковъ. Представителемъ этихъ демократическихъ симпатій явился гетманъ Многогрѣшный, котораго старшина успѣлъ свергнуть, оклеветавъ въ Москвѣ. Только съ 1672 г. съ гетманствомъ Ивана Самойловича наступило внутреннее спокойствіе на лѣвомъ берегу Днѣпра. Зато явилась внѣшняя опасность. Правая польская сторона Днѣпра отъ Польши передалась Турціи. Турецкій султанъ Магометъ IV въ 1672 г. предпринялъ походъ для покоренія всей Украйны, такимъ образомъ началась война Москвы съ турками, продолжавшаяся до 1681 года; театромъ ея былъ правый берегъ Днѣпра, который Москвѣ не удалось пріобрѣсти, зато она крѣпко завладѣла лѣвымъ берегомъ. И въ этомъ заключался уже громадный успѣхъ. Присоединеніе Малороссіи было первымъ важнымъ наступательнымъ шагомъ Московскаго государства относительно Польши. До сихъ поръ Москва почти всегда оборонялась и перевѣсъ силъ былъ по большей части на сторонѣ Польши; съ этого же момента отношенія сосѣдокъ окончательно мѣняются. Москва ясно сильнѣе Польши и наступаетъ на нее, мстя за прежнія обиды и возвращая старинныя свои земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще недавно обезсиленная смутой, она теперь съ каждымъ годомъ выростаетъ въ глазахъ прочихъ своихъ сосѣдей и получаетъ все большій и большій дипломатическій вѣсъ, несмотря на внутреннія свои затрудненія. Московскіе дипломаты, дѣйствовавшіе въ то время, могли быть вполнѣ довольны своею дѣятельностью.

Время царя Θеодора Алексѣевича.

(1676—1682 г.).

Въ борьбѣ стараго и новаго порядка побѣда скоро склонилась на сторону новшествъ, получившихъ право гражданства въ умахъ и перешедшихъ въ жизнь при сыновьяхъ Алексѣя Михайловича. Для того, чтобы узаконить новшества, необходимо было, чтобы московскій госу-

дарь склонился на сторону новаго порядка, сталъ за него самъ,—и мы видимъ, что оба сына Алексѣя Михайловича, Θеодоръ и Петръ, стояли очень опредѣленно на его сторонѣ. Но исторія культурной реформы при Θеодорѣ Алексѣевичѣ очень отличается отъ послѣдующей преобразовательной эпохи.

При Θеодорѣ Алексѣевичѣ реформа не выходила изъ Москвы и придворнаго міра, она касалась только верхнихъ слоевъ московскаго общества и только въ нихъ развивалась. Въ глазахъ народа, въ это время, государственныя мѣропріятія еще не были реформаціей.

Затѣмъ, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, и характеръ реформы былъ иной, чѣмъ при Петрѣ. При первомъ мы наблюдаемъ вліяніе кіевское и греческое, и культурныя новшества служатъ преимущественно интересамъ церкви, а заимствованіе съ запада идетъ, какъ прежде при Алексѣѣ Михайловичѣ, еще безъ системы и удовлетворяя лишь частнымъ практическимъ нуждамъ государства, что мы видимъ, напримѣръ, въ устройствѣ войска по европейскому образцу. При Петрѣ Великомъ дѣйствуетъ не только кіевское вліяніе, но и западное; въ то же время и область реформы расширяется, не ограничиваясь одной церковной сферой и высшимъ классомъ, новшества систематически охватываютъ всѣ стороны жизни, весь государственный организмъ.

Но и при Θеодорѣ и при Петрѣ, какъ уже замѣчено, для успѣха новшествъ необходима была не одна санкція, но и починъ верховной власти. Хотя само русское общество, въ значительной своей части, и понимало необходимость реформы, тѣмъ не менѣе своими силами оно не могло идти ей на встрѣчу, такъ какъ не представляло въ себѣ никакихъ крѣпкихъ и самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, которые могли бы осуществить реформу; мѣстные же союзы, установленные государствомъ, всѣ существовали въ интересахъ послѣдняго, не проявляя самостоятельной дѣятельности. Только отдѣльныя лица въ предѣлахъ своей частной жизни могли вводить новшества, но это такъ и оставалось личнымъ дѣломъ (какъ это и было при Алексѣѣ Михайловичѣ), и не развивалось далѣе, если правительство не сочувствовало этому дѣлу. Поэтому осуществить реформу могло одно только правительство своимъ авторитетомъ.

Слабый и больной Θеодоръ Алексѣевичъ немного сдѣлалъ въ этомъ направленіи, но драгоцѣнно и то, что онъ личными симпатіями опредѣленнѣе своего отца сталъ на сторону реформы. Воспитанникъ Симеона Полоцкаго, знавшій польскій и латинскій языки, слагавшій вирши, Θеодоръ самъ сталъ кіевляниномъ по духу и далъ просторъ кіевскому вліянію, которое вносило къ намъ съ собою и нѣкоторыя, мало впрочемъ замѣтныя, польскія черты.

Θеодоръ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ четырнадцати лѣтъ.

Еще мальчикомъ былъ онъ чрезвычайно хилымъ и болѣзненнымъ. Въ царской семьѣ господствовалъ раздоръ, происходила борьба между двумя партіями: съ одной стороны, стояла партія Наталіи Кирилловны Нарышкиной, мачехи Ѳеодора, съ другой—сестеръ и тетокъ царя, около которыхъ группировалась родня первой жены царя Алексѣя, Маріи Ильинишны,—Милославскіе. Послѣдніе одержали верхъ, результатомъ чего было паденіе Артамона Сергѣевича Матвѣева. За приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи и отправленъ въ ссылку въ городъ Пустозерскъ. Но вліяніе Милославскихъ, погубившихъ Матвѣева, не долго длилось: ихъ замѣнили любимцы царя Ѳеодора, постельничій Языковъ и стольникъ Лихачевъ, люди образованные, способные и добросовѣстные. Близость ихъ къ царю и вліяніе на дѣла были очень велики. Немногимъ меньше было значеніе князя В. В. Голицына. Въ наиболѣе важныхъ внутреннихъ дѣлахъ времени Ѳеодора Алексѣевича непремѣнно нужно искать почина этихъ именно лицъ, какъ руководившихъ тогда всѣмъ въ Москвѣ.

Въ первое время царствованія Ѳеодора московское правительство всецѣло было поглощено внѣшними дѣлами,—вмѣшательствомъ турокъ въ малороссійскія дѣла и безпорядками въ самой Малороссіи. Съ большими только усиліями удалось (въ 1681 г.) удержать за собою новоприсоединенный край. И, благодаря такимъ внѣшнимъ осложненіямъ, во внутренней дѣятельности правительства при Ѳеодорѣ незамѣтно никакого почти движенія до послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Зато въ самомъ его концѣ, подъ вліяніемъ новыхъ любимцевъ царя, оживилась эта внутренняя дѣятельность и оставила по себѣ нѣсколько любопытныхъ мѣръ и проектовъ.

Въ самые послѣдніе дни царствованія Ѳеодора Алексѣевича былъ, напримѣръ, составленъ проектъ высшаго училища или такъ называемой Греко-Латинской академіи (этотъ проектъ напечатанъ въ VII томѣ Древней Россійской Вивліоѳики). Онъ возникъ такимъ образомъ: съ Востока въ Москву пріѣхалъ монахъ Тимоѳей, сильно тронувшій царя разсказомъ о бѣдствіяхъ греческой церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки, такъ необходимой для поддержанія на Востокѣ православія. Это подало поводъ учредить въ Москвѣ духовное училище на 30 человѣкъ, начальникомъ котораго былъ сдѣланъ самъ Тимоѳей, а учителями—два грека. Цѣлью этого предпріятія было такимъ образомъ поддержаніе православія. Но этимъ небольшимъ училищемъ не довольствуются,—и вотъ появляется проектъ академіи, характеръ которой выходитъ далеко за предѣлы простой школы. Въ ней должны были преподаваться грамматика, піитика, риторика, діалектика и философія „разумительная", „естественная" и „правая". Учителя академіи должны были всѣ быть съ Востока и, кромѣ того, съ ручательствомъ патріарховъ. Но этимъ

еще не исчерпывалась задача академіи,—академія должна была слѣдить за чистотою вѣры, быть орудіемъ борьбы противъ иновѣрцевъ, изъ нея должны были выходить апологеты православія, ей присваивалось право сужденія о православіи всякаго, и иноземца и русскаго. „Московская Академія, по проекту царя Ѳеодора“, говоритъ Соловьевъ, „это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ западомъ; это не училище только, это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюститель съ учителями слова *виновенъ въ неправославіи*,—и костеръ запылаетъ для преступника“ (Ист. Россіи, XIII, гл. II). Нужно замѣтить, что академія была учреждена послѣ смерти Ѳеодора, и первыми ея учителями были вызвынные съ Востока ученые братья Лихуды (Іоаникій и Сафроній).

Другимъ замѣчательнымъ актомъ царствованія Ѳеодора было уничтоженіе мѣстничества. Въ концѣ 1681 г. въ Москвѣ были собраны двѣ комиссіи: одна состояла изъ выборныхъ отъ служилаго сословія и была призвана съ цѣлью обсужденія лучшаго устройства военныхъ силъ или, какъ сказано въ указѣ, „для устроенія и управленія ратнаго дѣла“, а другая состояла изъ выборныхъ отъ тяглыхъ людей и занималась выработкой новой системы податей. Обѣ дѣйствовали подъ руководствомъ князя В. В. Голицына. Этотъ съѣздъ выборныхъ давалъ полный составъ земскаго собора, но комиссіи тѣмъ не менѣе не соединились въ соборъ ни разу и засѣдали въ разное время. Тяглая комиссія кончилась ничѣмъ, хотя показала лишній разъ неудовлетворительность податной системы Московскаго государства и дала собою лишній прецедентъ Петру Великому при замѣнѣ поземельной подати подушнымъ окладомъ. Служилая комиссія, напротивъ, имѣла важныя послѣдствія: кромѣ того, что ею были проектированы различныя реформы въ военномъ устройствѣ, выборные люди въ своихъ работахъ пришли къ мысли подать государю челобитье объ уничтоженіи мѣстничества. По этому поводу 12 января 1682 г. государь созвалъ торжественное собраніе духовенства, думы и выборныхъ придворныхъ чиновъ для обсужденія челобитья и уничтоженія „мѣстъ“. Можетъ показаться страннымъ съ перваго раза, почему въ засѣданіи участвовала не служилая комиссія, а только выборные высшихъ чиновъ, но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, государь зналъ изъ самаго челобитія мнѣніе комиссіи относительно этого вопроса, а, во-вторыхъ, именно въ высшихъ слояхъ мѣстничество и было крѣпко; высшіе слои преимущественно практиковали его и были наиболѣе заинтересованы въ вопросѣ объ уничтоженіи этого обычая. На вопросъ царя духовенству о мѣстничествѣ, патріархъ отвѣчалъ: „азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе“. Бояре же и придворное

дворянство сами просили уничтожить „мѣста“—„для того: въ прошлые годы во многихъ ратныхъ посольствахъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованіе, а между нами (служилыми) богопротивное дѣло—великія, продолжительныя вражды“. Руководствуясь подобными отвѣтами, царь указалъ сжечь разрядныя книги, въ которыхъ записывались мѣстническія дѣла, и отнынѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ. На это собраніе единодушно отвѣчало: „да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь—во вѣки“. Такъ передаетъ „соборное уложеніе“ 1682 г. объ уничтоженіи мѣстничества. Но еще за 70—80 лѣтъ передъ тѣмъ боярство очень крѣпко держалось за право мѣстничества, а бояре говорили: „то имъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть“. По какой же причинѣ нарушился старый обычай безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ, которые шли когда-то подъ опалу и въ тюрьму, отстаивая родовую честь? Дѣло въ томъ, что „мѣста были относительны; само по себѣ низкое мѣсто не безчестило родовитаго человѣка, если только такія же мѣста занимали съ нимъ одинаково родовитые люди. Поэтому, чтобы считаться мѣстами, надо было помнить относительную честь стародавнихъ честныхъ родовъ. Но въ XVII в. родовитое боярство или повымерло (одними изъ знатнѣйшихъ въ то время считались князья Одоевскіе, которые въ XVI в. далеко не были такими), или же упало экономически (у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же Одоевскихъ не было ни помѣстій, ни вотчинъ). Вслѣдствіе этого при частныхъ пробѣлахъ въ рядахъ боярства и при многихъ захудалыхъ линіяхъ считаться мѣстами было очень трудно. Далѣе, въ счеты родовитой знати въ XVII в. впутывается постоянно неродовитое дворянство, поднявшееся по службѣ, благодаря упадку стараго боярства. (Въ 1668 г., напр., изъ 62 бояръ и думныхъ людей только 28 принадлежали къ тѣмъ старымъ родамъ, которыхъ предки въ XVI в. были въ Думѣ). Но хотя это новое дворянство и мѣстничалось, однако, оно врядъ ли могло дорожить этимъ обычаемъ: для него было выгоднѣе замѣнить повышеніе помощью мѣстничества началомъ выслуги. Старое же боярство, затрудненное въ своихъ счетахъ убылью и пониженіемъ своихъ членовъ, проигравшее на службѣ при столкновеніи съ новыми передовыми чинами московской администраціи, равнодушно смотрѣло на частыя отмѣны „мѣстъ“, которыя постоянно бывали въ XVII в. Мѣстничество практически становилось неудобнымъ, вслѣдствіе распаденія стараго боярства, и именно поэтому теряло свою цѣнность для этого боярства, не пріобрѣтая живого смысла для новой служебной аристократіи. Проф. Ключевскій по этому поводу справедливо отмѣчаетъ, что „не боярство умерло, потому что осталось безъ *мѣстъ*, чего оно боялось въ XVI в., а мѣста исчезли, потому что *умерло боярство* и некому стало сидѣть на нихъ“. Въ связи

съ уничтоженіемъ мѣстничества тотъ же ученый ставитъ возникшій при Ѳеодорѣ такъ называемый „Проектъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ“. Этотъ проектъ впервые ясно выразилъ необычную въ Московскомъ государствѣ мысль о полномъ раздѣленіи гражданскихъ и военныхъ властей. Съ другой стороны этотъ проектъ предлагалъ учрежденіе постоянныхъ намѣстничествъ (Владимірскаго, Новгородскаго и друг.) и устанавливалъ строго старшинство одного намѣстника надъ другимъ. Однако всѣ эти предначертанія не были осуществлены, и замѣны родового старшинства (въ мѣстничествѣ) старшинствомъ служебнымъ (по должности) не послѣдовало.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Взгляды науки и русскаго Общества на Петра Великаго.—Положеніе Московской политики и жизни въ концѣ XVII вѣка.—Время Петра Великаго.—Время отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы. Время Елизаветы Петровны.—Петръ III и переворотъ 1762 г.—Время Екатерины II. Время Павла I.—Время Александра I.—Время Николая I.—Краткій обзоръ времени Императора Александра II и великихъ реформъ.

Взгляды науки и русскаго Общества на Петра Великаго.

Въ научныхъ трудахъ очень часто XVIII и XIX вв. представляются особымъ періодомъ въ историческомъ развитіи нашей государственной жизни. Этому періоду усвоено нѣсколько названій: одни зовутъ его „Императорскимъ“, другіе „Петербургскимъ“, третьи просто называютъ это время Новой Русской Исторіей.

Новую русскую исторію обыкновенно начинаютъ съ такъ называемой эпохи преобразованій нашего общественнаго быта. Главнымъ дѣятелемъ этихъ преобразованій былъ Петръ Великій. Поэтому время его царствованія представляется нашему сознанію той гранью, которая отдѣляетъ старую Русь отъ преобразованной Россіи. Съ этой грани намъ и должно начать свое изученіе послѣдней и, прежде всего, стало быть, познакомиться съ сущностью преобразованій и съ преобразовательной, дѣятельностью Петра.

Но дѣятельность Петра до сихъ поръ не имѣетъ въ нашемъ общественномъ сознаніи одной твердо установленной оцѣнки. На преобразованія Петра смотрѣли разно его современники, смотримъ разно и мы, люди XIX и начала XX вѣка. Одни старались объяснить себѣ значеніе реформы для послѣдующей русской жизни, другіе занимались вопросомъ объ отношеніи этой реформы къ явленіямъ предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и дѣятельность Петра съ нравственной точки зрѣнія.

Вѣдѣнію историка подлежатъ, строго говоря, только двѣ первыя категоріи мнѣній, какъ историческія по своему существу. Знакомясь съ ними, мы замѣчаемъ, что эти мнѣнія иногда рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Происходятъ такія несогласія отъ многихъ причинъ: во 1-хъ, преобразованія Петра, захватывая въ большей или меньшей степени всѣ стороны древне-русской жизни, представляютъ собою такой сложный историческій фактъ, что всестороннее пониманіе его трудно дается отдѣльному уму. Во 2-хъ, не всѣ мнѣнія о реформахъ Петра выходятъ изъ одинаковыхъ оснований. Въ то время, какъ одни изслѣдователи изучаютъ время Петра съ цѣлью достичь объективнаго историческаго вывода о его значеніи въ развитіи народной жизни, другіе стремятся въ преобразовательной дѣятельности начала XVIII в. найти оправданія тѣхъ или иныхъ своихъ воззрѣній на современные общественные вопросы. Если первый пріемъ изученія слѣдуетъ назвать научнымъ, то второму всего приличнѣе названіе публицистическаго. Въ 3-хъ, общее развитіе науки русской исторіи всегда оказывало и будетъ оказывать вліяніе на представленія наши о Петрѣ. Чѣмъ больше мы будемъ знать нашу исторію, тѣмъ лучше мы будемъ понимать смыслъ преобразованій. Нѣтъ сомнѣнія, что мы находимся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наши предки, и знаемъ больше, чѣмъ они, но наши потомки то же скажутъ и о насъ. Мы откинули много прежнихъ историческихъ заблужденій, но не имѣемъ права сказать, что знаемъ прошлое безошибочно—наши потомки будутъ знать и больше и лучше насъ.

Но говоря такъ, я не хочу сказать, что мы не имѣемъ права изучать историческія явленія и обсуждать ихъ. Повинуясь присущему нашему духу стремленію не только знать факты, но и логически связывать ихъ, мы строимъ наши выводы и знаемъ, что самыя наши ошибки облегчатъ работу послѣдующимъ поколѣніямъ и помогутъ имъ приблизиться къ истинѣ, такъ же, какъ для насъ самихъ поучительны и труды и ошибки нашихъ предковъ.

Не мы первые начали разсуждать о Петрѣ Великомъ. Его дѣятельность уже обсуждали его современники. Ихъ взгляды смѣнялись взглядами ближайшаго потомства, судившаго по преданію, по наслышкѣ, а не по личнымъ впечатлѣніямъ. Затѣмъ мѣсто преданій заняли историческіе документы. Петръ сталъ предметомъ научнаго вѣдѣнія. Каждое поколѣніе несло съ собою свое особое міровоззрѣніе и относилось къ Петру по своему. Для насъ очень важно знать, какъ въ различное время видоизмѣнялось это отношеніе къ Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиною и двигателемъ той новизны, какую вносили въ жизнь его реформы. Эта новизна для однихъ была пріятна, потому что они видѣли въ ней осуществленіе своихъ желаній и симпатій, для другихъ она была ужаснымъ дѣломъ,

ибо, какъ имъ казалось, подрывались основы стараго быта, освященныя стариннымъ московскимъ правовѣріемъ. Равнодушнаго отношенія къ реформамъ не было ни у кого, такъ какъ реформы задѣвали всѣхъ. Но не всѣ одинаково рѣзко выражали свои взгляды. Пылкая, смѣлая преданность Петру и его дѣлу отличаетъ многихъ его помощниковъ; страшная ненависть слышится въ отзывахъ о Петрѣ у многихъ поборниковъ старины. Первые доходятъ до того, что зовутъ Петра „земнымъ богомъ", вторые не страшатся называть его антихристомъ. И тѣ и другіе признаютъ въ Петрѣ страшную силу и мощь, и ни тѣ, ни другіе не могутъ спокойно отнестись къ нему, потому, что находятся подъ вліяніемъ его дѣятельности. И преданный Петру Нартовъ, двадцать лѣтъ ему служившій, и какой-нибудь изувѣръ-раскольникъ, ненавидѣвшій Петра всѣмъ своимъ существомъ, одинаково поражены Петромъ и одинаково неспособны судить его безпристрастно. Когда умеръ Петръ и кончилась его реформаціонная дѣятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое имъ, дѣло Петра не умерло и Россія не могла вернуться въ прежнее состояніе. Плоды его дѣятельности—внѣшняя сила Россіи и новый порядокъ внутри страны—были на глазахъ у каждаго, а жгучая вражда недовольныхъ стала воспоминаніемъ. Но многіе, сознательно жившіе люди, и долго спустя послѣ смерти Петра, продолжали ему удивляться не меньше современниковъ. Они жили въ созданной имъ гражданской обстановкѣ и пользовались культурой, которую онъ такъ старательно насаждалъ. Все, что они видѣли вокругъ себя въ общественной сферѣ, вело начало отъ Петра. О Петрѣ осталось много воспоминаній; о томъ же, что было до него, стали забывать. Если Петръ внесъ въ Россію свѣтъ просвѣщенія и создалъ ея политическую силу, то до него, какъ думали, была „тьма и ничтожество". Такъ приблизительно характеризовалъ до-Петровскую Русь канцлеръ графъ Головкинъ, поднося Петру титулъ Императора въ 1721 г. Онъ выразился еще рѣзче, говоря, что геніемъ Петра мы „изъ небытія въ бытіе произведены". Въ послѣдующее время эта точка зрѣнія замѣчательно привилась: Ломоносовъ называлъ Петра „богомъ", ходячее стихотвореніе звало его „свѣтомъ" Россіи. Петра считали творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя. Видя во всѣхъ сферахъ общественной жизни начинанія Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественныхъ размѣровъ. Такъ было въ первой половинѣ XVIII в. Вспомнимъ, что тогда не существовало еще исторической науки, что возможность просвѣщенія, данная Петромъ, создала еще лишь немногихъ просвѣщенныхъ людей. Эти немногіе люди судили Петра по тому преданію, какое сохранилось въ обществѣ о времени преобразованій.

Но не все, что было въ Россіи послѣ Петра, было хорошо. Не всѣмъ, по крайней мѣрѣ, оставались довольны мыслящіе люди XVIII в.

Они видѣли, напримѣръ, что усвоеніе западно-европейской образованности, начатое при Петрѣ, превращалось часто въ простое перениманіе культурной внѣшности. Они видѣли, что знакомство съ Западомъ съ пользой приносило къ намъ часто и пороки западно-европейскаго общества. Далеко не всѣ русскіе люди оказывались способными воспринять съ Запада здоровыя начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя однако съ глубокимъ невѣжествомъ изящную внѣшность европейскихъ щеголей. Во всѣхъ сатирическихъ журналахъ второй половины XVIII вѣка мы постоянно встрѣчаемъ нападки на этотъ разладъ внѣшности и внутренняго содержанія. Раздаются голоса противъ безтолковаго заимствованія западныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе историческихъ знаній позволяетъ уже людямъ XVIII в. оглянуться назадъ, на до-Петровское время. И вотъ многіе передовые люди (князь Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ) темнымъ сторонамъ своей эпохи противопоставляютъ свѣтлыя стороны до-Петровской поры. Они не развѣнчиваютъ дѣятельности Петра, но и не боготворятъ его личности. Они рѣшаются критиковать его реформу и находятъ, что она была односторонней, привила намъ много хорошаго со стороны, но отняла отъ насъ много своего хорошаго. Къ такому выводу они приходятъ путемъ изученія прошлаго, но это изученіе далеко не спокойно; оно вызвано недостатками настоящаго и идеализируетъ прошлую жизнь. Однако эта идеализація направлена не противъ самого Петра, а противъ нѣкоторыхъ послѣдствій его реформы. Личность Петра и въ концѣ XVIII в. окружена такимъ же ореоломъ, какъ и въ началѣ столѣтія. Императрица Екатерина относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Находятся люди, посвящающіе всю свою жизнь собранію историческаго матеріала, служащаго къ прославленію Петра,— таковъ купецъ Голиковъ.

Во второй половинѣ XVIII в. зарождается уже наука русской исторіи. Но историки того времени или усердно собираютъ матеріалы для исторіи (какъ Миллеръ) или заняты изслѣдованіемъ древнѣйшихъ эпохъ русской жизни (Ломоносовъ, Байеръ, Штритеръ, Татищевъ, Щербатовъ, Шлецеръ). Петръ еще внѣ предѣловъ ихъ вѣдѣнія. Первую научную оцѣнку получаетъ онъ отъ Карамзина. Но Карамзинъ, какъ историкъ, принадлежитъ уже XIX вѣку. Ученый по критическимъ пріемамъ, художникъ по натурѣ и моралистъ по міровоззрѣнію, онъ представлялъ себѣ русскую историческую жизнь, какъ постепенное развитіе національно-государственнаго могущества. Къ этому могуществу велъ Россію рядъ талантливыхъ дѣятелей. Среди нихъ Петру принадлежало одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ: но, читая „Исторію Государства Россійскаго“ въ связи съ другими историческими трудами Карамзина, вы замѣчаете, что Петру, какъ дѣятелю, Карамзинъ предпочиталъ другого историческаго дѣятеля—Ивана III-го. Этотъ послѣдній сдѣлалъ свое княжество силь-

нымъ государствомъ и познакомилъ Русь съ западной Европой безо всякой ломки и насильственныхъ мѣръ. Петръ же насиловалъ русскую природу и рѣзко ломалъ старый бытъ. Карамзинъ думалъ, что можно было бы обойтись и безъ этого. Своими взглядами Карамзинъ сталъ въ нѣкоторую связь съ критическими воззрѣніями на Петра упомянутыхъ нами людей XVIII вѣка. Такъ же, какъ они, онъ не показалъ исторической необходимости петровскихъ реформъ, но онъ уже намекалъ, что необходимость реформы чувствовалась и ранѣе Петра. Въ XVII вѣкѣ, говорилъ онъ, сознавали, что нужно заимствовать съ Запада; „явился Петръ“—и заимствованіе стало главнымъ средствомъ реформы. Но почему именно „явился Петръ“, Карамзинъ еще не могъ сказать.

Въ эпоху Карамзина началось уже вполнѣ научное изслѣдованіе нашей старины (Карамзину помогали цѣлые кружки ученыхъ людей, умѣвшихъ не только собирать, но и изслѣдовать историческій матеріалъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первой половинѣ XIX в. въ русскомъ обществѣ пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образованіе, рождался интересъ къ нашему прошлому, желаніе знать общій ходъ нашего историческаго развитія. Не будучи историкомъ, Пушкинъ мечталъ поработать надъ исторіей Петра. Не будучи историкомъ, Чаадаевъ принялся размышлять надъ русской исторіей и пришелъ къ печальному выводу, что у насъ нѣтъ ни исторіи, ни культуры.

Обращаясь къ прошлому, русскіе образованные люди не имѣли спеціальныхъ историческихъ знаній и вносили въ толкованіе прошлаго тѣ точки зрѣнія, какія почерпали въ занятіяхъ нѣмецкой философіей. Германская метафизика XIX в. очень вліяла на русскую образованную молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Подъ вліяніемъ его философіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Россіи образовались философскіе кружки, выработавшіе цѣльное міровоззрѣніе и имѣвшіе большое вліяніе на умственную жизнь русскаго общества средины XIX вѣка. Въ этихъ кружкахъ принципы германской философіи примѣнялись къ явленіямъ русской жизни, и вырабатывалось, такимъ образомъ, историческое міросозерцаніе. Самостоятельная мысль этихъ „людей 40-хъ годовъ“, отправляясь отъ данныхъ германской философіи, приходила къ своимъ особымъ выводамъ, у разныхъ лицъ не одинаковымъ. Всѣ послѣдователи Гегеля, между прочими философскими положеніями, выносили изъ его ученія двѣ мысли, которыя въ простомъ изложеніи выразятся такъ: первая мысль: всѣ народы дѣлятся на историческіе и неисторическіе, первые участвуютъ въ общемъ міровомъ прогрессѣ, вторые стоятъ внѣ его и осуждены на вѣчное духовное рабство; другая мысль: высшимъ выразителемъ міроваго прогресса, его верхней (послѣдней) ступенью, является германская нація съ ея протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизація есть, такимъ образомъ, послѣднее слово міровою про-

гресса. Одни изъ русскихъ послѣдователей Гегеля вполнѣ раздѣляли эти воззрѣнія; для нихъ поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страною неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой. Эту „азіатскую страну“ (такъ называлъ ее Бѣлинскій) Петръ Великій своей реформой пріобщилъ къ гуманной цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса. До Петра у насъ не было исторіи, не было разумной жизни. Петръ далъ намъ эту жизнь и потому его значеніе безконечно важно и высоко. Онъ не могъ имѣть никакой связи съ предыдущей русской жизнью, ибо дѣйствовалъ совсѣмъ противоположно ея основнымъ началамъ. Люди, думавшіе такъ, получили названіе „западниковъ“. Они, какъ легко замѣтить, сошлись съ тѣми современниками Петра, которые считали его земнымъ богомъ, произведшимъ Россію изъ небытія въ бытіе.

Но не всѣ люди 40-хъ годовъ думали такъ. Нѣкоторые, принимая теорію міроваго прогресса Гегеля, по чувству патріотизма возмущались его мнѣніемъ, что германская цивилизація есть послѣдняя ступень прогресса, и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видѣли причины, почему прогрессъ долженъ остановиться на германцахъ; изъ исторіи они выносили убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, имѣло свое историческое развитіе, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась отъ германской въ трехъ отношеніяхъ: 1) На западѣ, у германцевъ, христіанство явилось въ формѣ католичества и затѣмъ протестантства; на востокѣ у славянъ—въ формѣ православія. 2) Древне-классическую культуру германцы восприняли изъ Рима въ формѣ латинской, славяне—изъ Византіи, въ формѣ греческой. Между той и другой культурой есть существенныя различія. 3) Наконецъ, государственный бытъ въ древне-германскихъ государствахъ сложился путемъ завоеванія, у славянъ и у русскихъ, въ частности, путемъ мирнымъ; поэтому въ основаніи общественныхъ отношеній на западѣ лежитъ вѣковая вражда, а у насъ ея нѣтъ. Самостоятельное развитіе этихъ трехъ началъ составляло содержаніе древне-русской жизни. Такъ думали нѣкоторые болѣе самостоятельные послѣдователи германской философіи, получившіе названіе „славянофиловъ“. Наибольшаго развитія самостоятельная русская жизнь достигла въ эпоху Московскаго государства. Петръ нарушилъ это развитіе. Онъ своей насильственной реформой внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала западной германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложную дорогу заимствованій. Онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего „національнаго духа“. Чтобы остаться вѣрными этому національному духу, мы должны отречься отъ чуждыхъ западно-европейскихъ началъ и возвратиться къ самобытной старинѣ. Тогда, сознательно развивая національ-

ныя наши начала, мы своей цивилизаціей можемъ смѣнить германскую и станемъ въ общемъ міровомъ развитіи выше германцевъ,

Таковы воззрѣнія славянофиловъ. Петръ, по ихъ мнѣнію, измѣнилъ прошлому, дѣйствовалъ противъ него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу нѣкоторыхъ его дѣлъ, но считали его реформу не національною и вредною въ самомъ ея существѣ. У нихъ, какъ и у западниковъ, Петръ былъ лишенъ всякой внутренней связи съ предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже замѣтили, что ни одно изъ разсмотрѣнныхъ нами воззрѣній на Петра не было въ состояніи указать и объяснить внутреннюю связь его преобразованій съ предыдущей исторіей. Даже Карамзинъ не шелъ далѣе смутнаго намека. Эту связь Петра съ прошлымъ уловилъ чутьемъ въ 40-хъ годахъ Погодинъ, но не ранѣе какъ въ 1863 г. онъ могъ высказать объ этомъ свои мысли. Причиной этому былъ отчасти недостатокъ историческаго матеріала, отчасти отсутствіе у Погодина цѣльнаго историческаго міросозерцанія.

Такое міросозерцаніе было внесено въ наши университеты въ концѣ 40-хъ годовъ, когда Погодинъ уже кончилъ свою профессорскую дѣятельность. Носители новыхъ историческихъ идей были молодые ученые, воззрѣнія которыхъ на нашу исторію въ то время назывались „теоріей родового быта“. Впослѣдствіи же эти ученые стали извѣстны подъ собирательнымъ именемъ „историко-юридической школы“. Они первые установили мысль о томъ, что реформы Петра явились необходимымъ слѣдствіемъ всего историческаго развитія русской жизни. Мы уже знаемъ, что воспитались эти ученые подъ вліяніемъ германской философіи и исторической науки. Въ началѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели такъ называемой „германской исторической школы“ внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя руководящіи идеи и новые, точные методы изслѣдованія историческаго матеріала. Главною мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ обществъ не есть результатъ случайностей и единоличной воли отдѣльныхъ лицъ, напротивъ, что это развитіе совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ сила человѣка. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ XVIII в. Фр. Авг. Вольфъ въ своемъ трудѣ. За нимъ послѣдовали историки—Нибуръ и Готфридъ Миллеръ, занимавшіеся исторіей Рима и Греціи, историки юристы Эйхгорнъ (историкъ древне-германскаго права) и Савиньи (историкъ римскаго права). Ихъ направленіе создало въ Германіи въ половинѣ XIX вѣка блестящее положеніе исторической науки, подъ вліяніемъ которой сложились и наши ученые. Они усвоили себѣ всѣ выводы и воззрѣнія нѣмецкой исторической школы. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и философіей Гегеля.

Хотя въ Германіи точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими умствованіями Гегеля и его послѣдователей, тѣмъ не менѣе историки и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ обществъ. И историки и Гегель отрицали случайность, и ихъ воззрѣнія поэтому могли ужиться въ одной личности.

Эти воззрѣнія и были приложены къ русской исторіи нашими учеными. Первые сдѣлали это, въ своихъ лекціяхъ и печатныхъ трудахъ, профессора Московскаго университета С. М. Соловьевъ и К. Д. Кавелинъ. Они думали показать въ русской исторической жизни органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени. Они полагали, что главнымъ содержаніемъ нашей исторической жизни была естественная смѣна однѣхъ формъ жизни другими. Подмѣтивъ порядокъ этой смѣны, они надѣялись найти законы нашего историческаго развитія. По ихъ мнѣнію, государственный порядокъ окончательно установленъ у насъ дѣятельностью Петра Великаго. Петръ Великій своими реформами отвѣчалъ на требованія національной жизни, которая къ его времени развилась уже до государственныхъ формъ бытія. Стало быть, дѣятельность Петра вытекла изъ исторической необходимости и была вполнѣ національна.

Такъ, въ первый разъ была установлена органическая связь преобразованій Петра съ общимъ ходомъ русской исторіи. Не трудно замѣтить, что эта связь—чисто логическая, лишенная пока фактическаго содержанія. Непосредственнаго историческаго преемства, между Русью XVII в. и эпохой Петра, въ первыхъ трудахъ Соловьева и Кавелина указано не было. Это преемство, вообще, долго не давалось нашему ученому сознанію.

Стараясь сыскать это непосредственное преемство, какъ сами Соловьевъ и Кавелинъ, такъ и ихъ послѣдователи историки-юристы, обращаясь къ изученію до-Петровской эпохи, склонны были думать, что Россія въ XVII в. дожила до государственнаго кризиса. „Древняя русская жизнь,—говоритъ Кавелинъ,—исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплащались эти начала. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивъ свое призваніе, прекратилась“. Петръ вывелъ Россію изъ этого кризиса на новый путь. По мнѣнію Соловьева, въ XVII в. наше государство дошло до полной несостоятельности, нравственной, экономической и административной, и могло выйти на правильную дорогу только путемъ рѣзкой реформы (Исторія, т. XIII). Эта реформа пришла съ Петромъ. Такъ судили о XVII в. и многіе другіе изслѣдователи. Въ обществѣ распространился взглядъ на Московскую Русь, какъ на страну застоя, не имѣвшую силъ для прогрессивнаго развитія. Эта страна дожила

до полнаго разложенія, надо было крайнее усиліе для ея спасенія, и оно было сдѣлано Петромъ. Такимъ образомъ, преобразованія Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тѣсно связаны съ предыдущей эпохой, однако только съ темными отрицательными ея сторонами, только съ кризисомъ стараго строя.

Но такое пониманіе историческаго преемства между старою Русью и реформой въ послѣднія десятилѣтія замѣнилось другимъ. Новую точку зрѣнія внесъ въ науку тотъ же Соловьевъ. Необходимо замѣтить, что его взгляды на реформу Петра съ самого начала его научной дѣятельности отличались нѣкоторой двойственностью. Въ одной изъ раннихъ своихъ статей („Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи", 1851 г.), говоря о критическомъ положеніи Московскаго государства въ XVII в., Соловьевъ не ограничивается только указаніемъ на явленіе этого кризиса, но замѣчаетъ, что государи XVII в., для удовлетворенія новыхъ нуждъ государства, начали рядъ *преобразованій*. „Въ теченіе XVII в.,— говоритъ онъ—явно обозначились новыя потребности государства, и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII в. въ такъ называемую эпоху преобразованій". Такимъ образомъ Петръ не только получилъ отъ стараго порядка одно сознаніе необходимости реформъ, но имѣлъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ ранѣе намѣченными путями. Словомъ, онъ рѣшалъ старую, не имъ поставленную задачу и рѣшалъ ранѣе извѣстнымъ способомъ. Позднѣе Соловьевъ блистательно развилъ такой взглядъ въ своихъ „Чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ" въ 1872 г. Здѣсь онъ прямо называетъ Петра „сыномъ своего народа", выразителемъ народныхъ стремленій. Бросая общій взглядъ на весь ходъ нашей исторіи, онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ естественно развивалось у нашихъ предковъ сознаніе своей политической слабости, умственной отсталости и экономическаго безсилія, какъ постепенно дѣлались попытки исправить свое положеніе, какъ постоянно стремились лучшіе люди къ общенію съ Западомъ, какъ крѣпло въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости перемѣнъ: „народъ собрался въ дорогу, заканчиваетъ онъ, и ждалъ вождя"; этотъ вождь явился въ лицѣ Петра Великаго.

Высказанный послѣ долгаго и пристальнаго изученія фактовъ, этотъ взглядъ Соловьева поражаетъ и глубокой внутренней правдой, и мастерствомъ изложенія. Не одинъ Соловьевъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ думалъ такъ объ историческомъ значеніи реформы (вспомнимъ Погодина), но одному Соловьеву удалось такъ убѣдительно и сильно формулировать свой взглядъ. Петръ—подражатель стараго движенія, знакомаго древней Руси. Въ его реформѣ и направленіе и средства не новы,—они даны предшествовавшей эпохой. Нова въ его реформѣ только страшная эн[illegible]я Петра, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія. беззавѣтная

преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный геній, личный характеръ Петра. Такая точка зрѣнія дала теперь полное историческое содержаніе мысли объ органической связи реформы Петра съ общимъ ходомъ русской жизни. Эта мысль, какъ я указалъ, явилась у насъ чисто логическимъ путемъ, какъ апріорный выводъ изъ общаго историческаго созерцанія нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ трудахъ Соловьева этотъ историческій выводъ получилъ твердое основаніе; реформа Петра, такъ сказать, конкретно связалась съ предыдущими эпохами.

Развивая общее наше историческое сознаніе, идея Соловьева дала направленіе и многимъ частнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Историческія монографіи о XVII в. и времени Петра констатируютъ теперь связь преобразованій съ предыдущими эпохами и въ отдѣльныхъ сферахъ древне-русской жизни. Въ результатѣ такихъ монографій является всегда одинаковый выводъ, что Петръ непосредственно продолжалъ начинанія XVII в. и оставался всегда вѣренъ основнымъ началамъ нашего государственнаго быта, какъ онъ сложился въ XVII вѣкѣ. Пониманіе этого вѣка стало инымъ. Недалеко то время, когда эпоха первыхъ царей Романовыхъ представлялась временемъ общаго кризиса и разложенія, послѣдними минутами тупого застоя. Теперь представленія измѣнились,—XVII вѣкъ представляется вѣкомъ сильнаго общественнаго броженія, когда сознавали потребность перемѣнъ, пробовали вводить перемѣны, спорили о нихъ, искали новаго пути, угадывали, что этотъ путь въ сближеніи съ Западомъ, и уже тянулись къ Западу. Теперь ясно, что XVII вѣкъ подготовилъ почву для реформы и самого Петра воспиталъ въ идеѣ реформы. Увлекаясь этою точкою зрѣнія, нѣкоторые изслѣдователи склонны даже преуменьшать значеніе самого Петра въ преобразованіяхъ его эпохи и представлять эти преобразованія, какъ „стихійный“ процессъ, въ которомъ самъ Петръ игралъ пассивную роль безсознательнаго фактора. У П. Н. Милюкова въ его трудахъ о Петровской реформѣ („Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра В.“ и „Очерки по исторіи русской культуры“) находимъ ту мысль, что реформа часто „изъ вторыхъ рукъ попадала въ сознаніе преобразователя“, безсильнаго удержать ходъ дѣла въ своемъ распоряженіи и даже понять направленіе событій. Нечего и говорить, что такого рода взглядъ есть крайность, не раздѣляемая послѣдующими изслѣдователями преобразованій (Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.“).

Итакъ, научное пониманіе Петра Великаго основывается на мысли, полнѣе и справедливѣе всего высказанной Соловьевымъ. Наша наука успѣла связать Петра съ прошлымъ и объяснить необходимость его реформъ. Факты его дѣятельности собраны и обслѣдованы въ нѣсколькихъ ученыхъ трудахъ. Историческіе результаты дѣятельности Петра, поли-

тической и преобразовательной, тоже не одинъ разъ указаны. Теперь мы можемъ изучить Петра вполнѣ научно.

Но если наша историческая наука пришла къ воззрѣнію на Петра, болѣе или менѣе опредѣленному и обоснованному, то въ нашемъ обществѣ еще не выработалось однообразнаго и прочнаго отношенія къ его преобразованіямъ. Въ текущей литературѣ и въ обществѣ до сихъ поръ крайне разнообразно судятъ о Петрѣ. Продолжаются время отъ времени немного запоздалые споры о степени національности и необходимости Петровыхъ реформъ; подымается довольно праздный вопросъ о томъ, полезна или вредна была реформа Петра въ ея цѣломъ. Всѣ эти мнѣнія, въ сущности, являются видоизмѣненными отголосками исторически слагавшихся воззрѣній на Петра, которыя я старался изложить въ хронологической послѣдовательности.

Если мы еще разъ мысленно переберемъ всѣ старые и новые взгляды на Петра, то легко замѣтимъ, какъ разнообразны они не только по содержанію, но и по тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задѣтые реформой, судили о немъ не спокойно: въ основаніи ихъ отзывовъ лежало чувство или крайней любви, или ненависти. Чувство столько же руководило и тѣми людьми XVIII в., которые, какъ Щербатовъ, грустно смотрѣли на развращеніе современныхъ нравовъ и считали его плохимъ результатомъ рѣзкой реформы. Все это—оцѣнки скорѣе всего публицистическаго характера. Но въ основѣ Карамзинскаго взгляда лежало уже отвлеченное моральное чувство: ставя Ивана III выше Петра, онъ насильственные пріемы Петра при проведеніи преобразованій осуждалъ съ высоты моральной философіи. Въ воззрѣніяхъ западниковъ и славянофиловъ наблюдаемъ опять новое основаніе—отвлеченное мышленіе, метафизическій синтезъ. Для нихъ Петръ менѣе—историческое лицо и болѣе—отвлеченное понятіе. Петръ какъ бы логическая посылка, отъ которой можно итти къ тѣмъ или другимъ философскимъ заключеніямъ о русской исторіи. Отъ вліянія метафизики не свободны и первые шаги изслѣдователей историко-юридической школы; но фактическое изученіе нашей исторіи, которое производилось ими очень добросовѣстно, дало нашимъ ученымъ возможность избавиться отъ предвзятыхъ доктринъ. Руководимые фактами, стремясь къ строго научному выводу, они создали научное отношеніе къ эпохѣ Петра Великаго. Это научное отношеніе будетъ, конечно, далѣе развиваться въ нашей наукѣ. Но уже теперь плодомъ его является возможность основательно и свободно судить о Петрѣ. Его личность не оторвана отъ родной его почвы, онъ для насъ уже не Богъ и не антихристъ, онъ—опредѣленное лицо, съ громадными силами, съ высокими достоинствами, съ человѣческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполнѣ понимаемъ, что его личность и пороки — продуктъ его времени, а его дѣятельность и историческія заслуги—дѣло вѣчности.

Положеніе московской политики и жизни въ концѣ XVII вѣка.

Теперь намъ слѣдуетъ уяснить себѣ, что засталъ и съ чего долженъ былъ начать Петръ Великій. Иначе говоря, слѣдуетъ ознакомиться съ положеніемъ московской политики и жизни въ концѣ XVII вѣка. Однако, общій обзоръ этого положенія завлекъ бы насъ очень далеко. Не всѣ подробности до-Петровской поры имѣютъ для насъ къ тому же одинаковую важность: мы интересуемся лишь тѣмъ, что относится къ государственной реформѣ Петра. Поэтому нашъ обзоръ XVII в. мы должны приноровить къ такимъ рубрикамъ, на какія мы потомъ подѣлимъ различные факты дѣятельности Петра. Не трудно замѣтить, что главныхъ сторонъ его дѣятельности двѣ: 1) онъ далъ Россіи новое политическое положеніе въ средѣ европейскихъ государствъ и 2) реформировалъ въ большей или меньшей степени государственное устройство и управленіе. По этимъ рубрикамъ и разсмотримъ кратко факты XVII вѣка.

1) *Внѣшняя политика Москвы до Петра* руководилась не случаемъ, а весьма древней исторической традиціей. Еще въ XIII вѣкѣ создались тѣ обстоятельства, которыя направляли въ теченіе многихъ вѣковъ и внѣшнія стремленія русскаго племени и государства, и ихъ внутреннюю организацію. Въ началѣ XIII вѣка на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря появляются нѣмцы; они тѣснятъ литовскія племена, а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся врагами и для Руси (Псковъ и Новгородъ). Въ то же время начинается и движеніе шведовъ на Русь. Подъ вліяніемъ опасности отъ нѣмцевъ племена литовскія организуются политически и, соединенныя Миндовгомъ, выступаютъ на сцену исторіи, какъ враждебное Руси княжество. Литва подчиняетъ себѣ юго-западъ Руси и грозитъ ея сѣверо-востоку. На юго-востокѣ въ то же время образуется Золотая Орда, и ея иго начинаетъ тяготѣть надъ сѣверо-восточной Русью. Такимъ образомъ, почти одновременно, съ трехъ сторонъ, великорусское племя было окружено врагами, дѣйствовавшими наступательно. Главной задачей племени стала поэтому самозащита, борьба не за свободу (она была отнята татарами), а за историческое существованіе за цѣлость племени и религіи. Эта борьба продолжалась сотни лѣтъ. Благодаря ей племя должно было принять чисто военную государственную организацію и постоянно воевать „на три фронта“, какъ выразился одинъ изслѣдователь.

Эта борьба и направляла всю внѣшнюю политику Московскаго государства, съ его начала до конца, до Петра Великаго. Можно сказать, что много содержанія эта политика не имѣла: съ ближайшими сосѣдями Москва ведетъ постоянную традиціонную борьбу, въ сношеніяхъ

же съ дальними европейскими странами ищетъ увеличенія средствъ для этой борьбы. Ко времени Петра борьба эта привела уже Русь къ громаднымъ политическимъ успѣхамъ, но задача—достиженіе полной безопасности и естественныхъ границъ—еще не была выполнена. По отношенію къ различнымъ врагамъ достигнуты были не одинаковые успѣхи.

Татары съ XIII в. въ качествѣ полныхъ господъ владѣли сѣверо-восточной Русью. Но ихъ отношеніе къ покоренной Руси и явное отсутствіе (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ) сильнаго непосредственнаго гнета позволяли Руси крѣпнуть и сливаться въ одно могущественное государство. Впервые это государство попробовало возстать на татаръ на Куликовомъ полѣ (1380), и попытка, будучи удачной, подняла національное самосознаніе Руси и содѣйствовала дальнѣйшему усиленію Москвы. Параллельно этому усиленію шло внутреннее разложеніе орды. Она слабѣла, и Москвѣ не нужно было второй куликовской битвы, чтобы свергнуть иго (1480). Орда распалась, ига не стало; но борьба съ татарами за цѣлость границъ и безопасность жителей продолжалась. Вмѣсто одной орды появилось нѣсколько, хотя и болѣе слабыхъ, чѣмъ прежняя. Москвѣ нужно было ихъ покорить, чтобы достичь своей безопасности. И вотъ, Иванъ Грозный покоряетъ Казанскую и Астраханскую орды (1552—1556). Его совѣтники желаютъ, чтобы онъ покорилъ и Крымскую. Но умъ Грознаго понималъ, что Москвѣ не сладить съ Крымомъ (такъ же думалъ и талантливый Стефанъ Баторій, когда сталъ королемъ Польши). Москву отъ Крыма отдѣляли трудно проходимыя степи; кромѣ того, Крымъ былъ подчиненъ сильной тогда Турціи, съ которой воевать боялась не одна Москва. Вотъ почему Крымская орда жила до конца XVIII вѣка. Въ XVII в., послѣ Грознаго, Москва вела съ Крымомъ безпрерывную пограничную войну (подробности ея очень любопытны) и каждое лѣто готовила войска на южныхъ своихъ границахъ для защиты отъ татарскихъ набѣговъ. Но, кромѣ оборонительныхъ мѣръ, Москва дѣйствовала противъ Крыма и тѣмъ, что все болѣе и болѣе занимала южную степь своими крѣпостями и людьми. Она, такимъ образомъ, наступала на татаръ. Развитіе казачества на нижнемъ Дону въ XVII в. создало для Москвы новую боевую силу; уже въ первой половинѣ XVII в. казаки взяли турецко-татарскую крѣпость Азовъ, но не смогли удержать ее за собой. Присоединеніе Малороссіи еще болѣе подвинуло Москву къ Крыму, и въ самомъ концѣ XVII в. (1687—1689) московскія войска впервые предпринимаютъ походы на самый Крымъ. Однако удачи еще не было,—мѣшала степь. На этомъ и остановилась московская политика передъ Петромъ. Стефанъ Баторій въ XVI в. думалъ, а казаки въ XVII в. дѣломъ доказали, что Азовъ былъ слабѣйшимъ пунктомъ татаръ и турокъ, ихъ повелителей, на югѣ нынѣшней Россіи; Петръ, своими глазами уже видѣвшій неудачный исходъ похо-

довъ на Крымъ князя В. В. Голицына, направилъ свои силы не на Крымъ, а на Азовъ. Стало быть, Петръ продолжалъ традиціонную политику Москвы. Въ отношеніи татаръ Москва достигла большихъ успѣховъ до Петра, Петръ же ими воспользовался.

Литва въ первые два вѣка своего существованія (до смерти Витовта) энергично наступала на Русь и завладѣла массою русскихъ земель отчего и сама получила характеръ государства, по населенію и культурѣ болѣе всего русскаго. Въ исходѣ XIV вѣка она была династически соединена съ Польшей, и результатомъ соединенія явилось сильное польско-католическое вліяніе. Протестъ противъ него русско-православнаго населенія повелъ ко внутренней борьбѣ въ Литвѣ. Эта борьба ослабила Литву, но не устранила польскаго вліянія, которое въ XVI вѣкѣ восторжествовало: Литва стала нераздѣльной частью Польши (1569 г.) До Витовта Москва уступала Литвѣ, а послѣ него вскорѣ роли перемѣнились: сильные московскіе государи Иванъ III и Василій III начинають отбирать отъ Литвы русскія области и заявляютъ притязаніе на всѣ русскія земли, которыя принадлежали Литвѣ. Москва, такимъ образомъ, не безъ успѣха перешла въ наступленіе противъ Литвы. Но окончательное соединеніе въ XVI вѣкѣ Литвы съ Польшей поставило противъ Москвы и Польшу. Соединеннымъ ихъ силамъ Москва, при Иванѣ Грозномъ, должна была уступить: борьба Ивана противъ Стефана Баторія была неудачна. Еще хуже для Москвы было время московской смуты начала XVII вѣка, когда поляки владѣли самой Москвой. Но когда ихъ оттуда вытѣснили, и Московское государство оправилось отъ смуты, оно въ половинѣ XVII вѣка (съ 1654 г.) начинаетъ старую борьбу за русскія, подчиненныя Польшѣ земли; царь Алексѣй Михайловичъ принимаетъ въ подданство Малороссію, ведетъ необыкновенно трудную войну за нее и оканчиваетъ блестящей побѣдою. Ослабѣвшая Польша и послѣ царя Алексѣя продолжаетъ уступать Москвѣ: миромъ 1686 года она отдаетъ Москвѣ навѣки то, что временно уступила царю Алексѣю Михайловичу. Отношенія, созданныя этимъ миромъ 1686 года, унаслѣдовалъ Петръ; при немъ ясно политическое преобладаніе Россіи надъ Польшей, но историческая задача—освобожденіе отъ Польши русскихъ земель—не закончена ни до него, ни при немъ. Она передана XVIII вѣку.

Нѣмцы и шведы отняли отъ Литвы и Руси восточные берега Балтійскаго моря. Хотя Новгородъ и владѣлъ берегомъ Финскаго залива, но, не имѣя удобныхъ гаваней, зависѣлъ въ своей западной торговлѣ отъ нѣмцевъ. Подчинивъ Новгородъ и наслѣдовавъ всѣ его политическія отношенія, Москва почувствовала зависимость отъ нѣмцевъ: хотя она прогнала ганзейскихъ купцовъ и уничтожила ихъ торговлю на Руси, однако зависимость осталась, торговое вліяніе перешло къ ливонскимъ купцамъ. Преслѣдуя свои торговыя выгоды, Ливонія враждебно относилась къ русской

торговлѣ. Враждебна она была вообще къ Руси, какъ къ сильной и опасной сосѣдкѣ. Она старалась поставить крѣпкую стѣну между Русью и западной Европой, зная, что усвоеніе Русью образованности удвоитъ ея политическія силы. Но и Русь понимала это значеніе западной образованности и знала, что лучшій путь для сближенія съ западомъ—Балтійское море (Бѣлое море лишено большого значенія въ этомъ отношеніи, благодаря географическимъ условіямъ). Въ XVI в. Иванъ Грозный, пользуясь внутренней слабостью Ливоніи, объявилъ ей войну съ ясной цѣлью завладѣть берегами моря.

Ливонія не выдержала войны и распалась, часть ея отдалась Польшѣ, часть Швеціи. Иванъ Грозный не могъ вынести борьбы съ этими державами и потерялъ не только завоеванія, но и свои города (1582—1583). Эти города вернулъ Борисъ Годуновъ, но въ смутное время они снова были заняты шведами, и, по договору со шведами 1617 г., Московское государство было совершенно отрѣзано отъ Балтійскаго моря. Этимъ, какъ сказано выше, очень гордился король Густавъ-Адольфъ. Въ XVII в., сперва слабая, а потомъ занятая войнами съ Польшею, Русь не могла сдѣлать рѣшительнаго шага къ Балтійскому морю. Однако мысль о необходимости этого шага не умирала, а была передана Петру, который и воплотилъ ее въ дѣло. Въ этомъ отношеніи Петръ считалъ себя прямымъ преемникомъ Грознаго.

Нашъ краткій обзоръ внѣшней политики Московскаго государства показываетъ, что, преслѣдуя исконныя свои задачи, эта политика ко времени Петра сдѣлала большіе, но не равномѣрные успѣхи. Болѣе успѣшно направлялась она противъ татаръ, но менѣе успѣшно противъ шведовъ, наслѣдовавшихъ нѣмцамъ на берегахъ Балтійскаго моря. Конечнаго разрѣшенія своихъ задачъ Москва не достигла. А такъ какъ эти задачи были не случайными затѣями того или другого политическаго дѣятеля, а насущными потребностями нашего племени, вытекшими изъ вѣковыхъ условій его жизни, то онѣ и при Петрѣ требовали своего конечнаго рѣшенія съ такой же силой, какъ и до него. Вотъ почему Петръ и обратилъ большое вниманіе на эти задачи. Далѣе мы увидимъ, что наибольшее усиліе онъ употребилъ именно тамъ, гдѣ наименѣе успѣшно дѣйствовали до него, т. е. въ борьбѣ за Балтійское море.

2. Въ *государственное устройство и управленіе XVII вѣка* Петръ, по общепринятому мнѣнію, внесъ своей дѣятельностью существенныя измѣненія. При ознакомленіи съ особенностями этого устройства до Петра вы выносите представленіе о Московскомъ государствѣ, какъ о такомъ, въ которомъ единодержавная власть государя достигла неограниченной полноты правъ. Группируя всѣ отрасли управленія непосредственно вокругъ себя, эта власть создала весьма сильную централизацію управленія, возлагая всѣ важнѣйшія его функціи на московскія учрежденія (приказы

и думу боярскую). Однако при такой централизаціи управленіе не было приведено въ стройную систему прочныхъ учрежденій и не совершалось на основаніи какихъ либо неизмѣнныхъ законоположеній. Примѣняясь къ удобствамъ чисто случайнымъ и внѣшнимъ, государи управляли Московскимъ государствомъ по такъ называемой „системѣ порученій". Они передавали какой либо кругъ дѣлъ непосредственно въ вѣдѣніе довѣреннаго лица; степень ихъ довѣрія опредѣляла степень полномочій этого лица; смотря по своимъ способностямъ, это лицо могло совмѣстить подъ своей властью нѣсколько вѣдомствъ. Самое вѣдомство создавалось случайно: въ одномъ вѣдомствѣ сталкивались самыя разнородныя дѣла, съ другой стороны разныя вѣдомства, другъ другу не подчиненныя, вѣдали одинъ и тотъ же предметъ управленія. Такое смѣшеніе вѣдомствъ сложилось исторически и было обусловлено именно этой системой порученій. Не будучи связаны въ стройную систему, всѣ вѣдомства очень легко поддавались измѣненіямъ и часто ихъ вызывали. (Очеркъ московскаго управленія см. у Владимірскаго-Буданова „Обзоръ Исторіи Русскаго Права" и у А. Д. Градовскаго „Высшая администрація въ Россіи и генералъ-прокуроры"). Строгаго разграниченія функцій не было и въ отношеніяхъ церкви и государства: государственная власть часто дѣйствовала въ сферѣ церковнаго управленія, какъ помощница іерархіи; въ свою очередь, церковная администрація вѣдала нѣкоторые разряды свѣтскихъ лицъ, а церковный судъ часто вѣдалъ дѣла свѣтскаго характера. Однако такая путаница вѣдомствъ и отсутствіе цѣльныхъ и прочныхъ учрежденій не можетъ считаться признакомъ государственнаго разложенія: „Система централизаціонная можетъ обойтись безъ прочныхъ институтовъ; она можетъ, подобно Москвѣ, держаться системою порученій. Въ государственномъ управленіи не будетъ единства, контроля, отношенія будутъ запутаны, но она будетъ существовать сильная своей близостью къ верховной власти". (А. Д. Градовскій, „Высш. адм. въ Россіи", 14).

Таково было положеніе управленія. Всматриваясь въ основныя черты общественнаго строя XVII в., мы замѣтимъ, что, при полномъ отсутствіи воинственныхъ вкусовъ, общество московское, тѣмъ не менѣе, усвоило себѣ воинскую организацію. Высшіе классы его представляли собою государственное ополченіе: каждый дворянинъ былъ обязанъ участвовать въ немъ. Средніе слои общества—посадскіе люди—несли нѣкоторыя военныя повинности, но главнѣе всего—денежную повинность, „тягло", предназначаемое на покрытіе военныхъ издержекъ государства. Низшіе классы—крестьянство—частью участвовали въ тяглѣ, частью личнымъ трудомъ обезпечивали экономическое положеніе дворянства и тѣмъ давали ему возможность нести государственную службу. Каждое сословіе, такимъ образомъ, опредѣляло свое государственное положеніе тѣмъ или

другимъ видомъ государственной повинности, а не составомъ своихъ правъ (отсюда и вопросъ о томъ, можно ли древне-русскіе общественные классы считать сословіями). Гарантій исправнаго отбыванія повинностей государственная власть искала въ цѣломъ рядѣ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ тому или другому сословію. Эти мѣры извѣстны подъ общимъ терминомъ „крѣпости" или „прикрѣпленія". Дворянство было прикрѣплено къ службѣ, а по службѣ—къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находилась земля дворянина. Посадское городское населеніе было прикрѣплено къ тяглу (подати), а по тяглу—къ той общинѣ, вмѣстѣ съ которой пасадскому приходилось платить. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, съ которой платили подать, и къ лицу землевладѣльца, которому служили личнымъ трудомъ. Благодаря этому прикрѣпленію къ государственнымъ повинностямъ, организація сословій направлена была въ государственныхъ интересахъ. Мѣстные сословные союзы, городскія и сельскія податныя общины—имѣли финансовый характеръ: весь смыслъ ихъ существованія сводился къ разверсткѣ податей между членами общинъ и къ круговой порукѣ въ ихъ уплатѣ. Дворянство же, въ своихъ мѣстныхъ городскихъ обществахъ, не имѣло почти совсѣмъ внутренней организаціи. Лишь изрѣдка, какъ остатки учрежденій XVI вѣка, встрѣчались общины съ полнымъ самоуправленіемъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ XVII в. въ Московскомъ государствѣ не было самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, не обусловленныхъ государственными повинностями.

Таковы тѣ отличительныя черты, которыя выступаютъ при первомъ знакомствѣ съ Московскимъ государствомъ въ XVII в. Если мы въ системѣ ознакомимся съ фактами государственнаго устройства и управленія того времени, то получимъ такую схему: во главѣ государства стоитъ государь, лицо котораго является источникомъ всякой власти—законодательной, судебной и исполнительной. Онъ считается и верховнымъ покровителемъ церкви. Церковный соборъ 1666—67 гг. прямо призналъ главенство власти государевой надъ властью патріаршей. Если иногда и кажется, что власть патріарха стоитъ рядомъ съ верховной, какъ было при патріархѣ Филаретѣ и патріархѣ Никонѣ, то это историческая случайность и слѣдствіе благоволенія государя къ патріарху. На дѣлѣ московскіе государи пользуются безусловнымъ самодержавіемъ, но законодательство еще не опредѣляетъ существа ихъ власти до самой эпохи Петра.

Рядомъ съ верховной властью до второй половины XVII в. стояли земскіе соборы, являвшіе собой совѣтъ представителей всей земли. Историческія условія русской жизни ставили государственную власть въ XVII в. въ тѣсное единеніе съ представителями земщины. Патріархальный оттѣнокъ государственнаго строя, сохранявшійся въ XVII в., лишаетъ воз-

можности точно опредѣлить юридическій характеръ нашихъ представительныхъ собраній: они одинаково далеки и отъ ограничительныхъ, и отъ совѣщательныхъ собраній на западѣ. Авторитетъ ихъ постановленій вполнѣ сливался съ авторитетомъ верховной власти; ихъ постановленія въ безгосударное время (начало XVII в.) имѣли силу закона, а при государяхъ получали такую силу согласіемъ государя. Необходимо только замѣтить, что названіе земскихъ соборовъ „обще-земскими“ или „всесословными“ не всегда точно: они и составомъ, и дѣятельностью не отражали въ себѣ всѣхъ классовъ общества. Крестьянство бывало на нихъ чрезвычайно рѣдкимъ гостемъ, податные классы представлялись менѣе полно, чѣмъ высшіе служилые. Дѣятельность соборовъ никогда не преслѣдовала узкихъ сословныхъ интересовъ и не была эгоистична, но силою историческихъ обстоятельствъ приводила къ лучшему обезпеченію интересовъ среднихъ слоевъ общества (дворянъ и посадскихъ), которые составляли въ тотъ моментъ главную политическую силу страны. Соборы прекратились задолго до Петра (съ 1653 г. ихъ не видно; въ 1682 г. были двѣ сословныхъ комиссіи земскихъ представителей, но онѣ не соединились въ соборъ). Стало быть, нельзя причины ихъ прекращенія видѣть въ Петрѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели.

Земскіе соборы были случайнымъ, экстреннымъ органомъ, помогавшимъ верховной власти въ дѣлѣ управленія. Такимъ же, но постояннымъ органомъ была боярская дума. Историки этого учрежденія отмѣчаютъ нѣсколько моментовъ въ историческомъ развитіи боярской думы. Въ XV и XVI вв., какъ доказываетъ В. О. Ключевскій, дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ московскомъ боярствѣ въ то время, когда въ это боярство вошла масса удѣльныхъ князей, перешедшихъ на службу къ московскому князю. Эти князья полагали, что въ силу своего происхожденія и прежнихъ правъ самостоятельной власти они могутъ соправительствовать съ московскими государями. Однако эти послѣдніе не стояли на такой точкѣ зрѣнія и понимали служилыхъ князей, какъ своихъ простыхъ слугъ. Вслѣдствіе этого между боярствомъ и московскими государями произошелъ въ XVI в. рядъ недоразумѣній завершившихся казнями Ивана Грознаго. Однако и при Грозномъ боярство составляло строго аристократическій классъ, наполнявшій думу почти исключительно своими членами. Но вслѣдствіе гоненія Ивана IV и послѣдующаго смутнаго времени княжеское боярство вымерло (Мстиславскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе и др.), частью же обѣднѣло и сошло въ низшіе слои придворной знати (Хованскіе, отчасти Голицыны, Ростовскіе и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ стали по личнымъ заслугамъ и качествамъ возвышаться и неродовитые люди. Въ XVII в., такимъ образомъ, правящій классъ сталъ болѣе демократическимъ. И дума боярская въ это время не наполнена только родовитѣйшими людьми, но состоитъ, по выраженію

Ключевскаго, „изъ старшихъ членовъ боярскихъ фамилій и изъ выслужившихся приказныхъ дѣльцовъ“. Въ XVI в. дума была политическимъ органомъ притязательнаго боярства, въ XVII в. она стала главнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, простымъ совѣтомъ государя. Этотъ боярскій совѣтъ вѣдалъ всѣ стороны государственной жизни: вырабатывалъ законодательныя формы, являлся высшей инстанціей судебной и центральнымъ административнымъ учрежденіемъ, наконецъ, вѣдалъ всѣ дипломатическія сношенія. Въ XVII в. судебная дѣятельность думы была сосредоточена въ особый думской комиссіи, которая носила названіе Расправной Палаты и состояла изъ членовъ думы. Кромѣ этой палаты, другихъ постоянныхъ комиссій или департаментовъ дума не имѣла, а всѣ дѣла рѣшала въ общихъ засѣданіяхъ. Какъ ни измѣнялся сословный составъ думы въ XVI и XVII вв., ея чиновный составъ былъ неизмѣненъ. Члены думы дѣлились на два разряда лицъ: болѣе аристократическій, или боярство, и болѣе демократическій, или думныхъ людей. Боярство дѣлилось на два чина—бояръ и окольничьихъ, думные люди тоже на два—думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Эти четыре чина были высшими чинами Московскаго государства. Съ такимъ составомъ и характеромъ дѣятельности дума дожила до времени Петра и дѣйствовала какъ главная пружина управленія еще въ первые годы его царствованія.

Думѣ были подчинены органы центральнаго управленія—приказы. Число ихъ не было постояннымъ (отъ 40 до 50), системы въ распредѣленіи вѣдомствъ не соблюдалось; поэтому однородныя дѣла вѣдались различными приказами, и рѣдкіе приказы простирали свою дѣятельность на все государство. Вѣдомство каждаго приказа создавалось довольно случайно, вслѣдствіе исторически создавшейся потребности въ новомъ органѣ. Въ основаніи вѣдомства приказа полагались, поэтому, разнообразные предметы управленія. Одни приказы вѣдали во всѣхъ отношеніяхъ извѣстную мѣстность государства (Сибирскій приказъ, Костромская четь и др.); другіе вѣдали извѣстный разрядъ лицъ (Приказъ холопій—холоповъ, Стрѣлецкій—стрѣлецкое войско и т. д.); третьи, наконецъ, завѣдывали опредѣленнымъ родомъ дѣлъ (Разбойный—уголовной юстиціей, приказъ Большой Казны—финансами, Разрядный—военными дѣлами, Посольскій—дипломатическими сношеніями и т. д.). Рядомъ съ крупными приказами (въ родѣ упомянутыхъ), стояли мелкіе, въ родѣ Аптекарскаго—вѣдавшаго придворно-медицинскую часть, Каменнаго—наблюдавшаго за каменными постройками. Наконецъ, одинаковымъ устройствомъ съ приказами пользовались тѣ дворцовыя учрежденія, которыя носили характеръ домашнихъ хозяйственныхъ конторъ государевой семьи (мастерскія палаты, панихидный приказъ). Вся эта масса разнородныхъ спутанныхъ приказовъ тяготила уже въ XVII в. московское правительство. Оно стремилось упорядочить и упростить свое центральное упра-

вленіе и достигало этого отчасти двумя путями: соединеніемъ однородныхъ приказовъ и подчиненіемъ нѣсколькихъ мелкихъ одному крупному. При этихъ соединеніяхъ отдѣльные приказы, однако, сохранили свою особую внутреннюю организацію, и соединеніе имѣло, такимъ образомъ, внѣшній характеръ. Организація всѣхъ приказовъ была приблизительно одинакова. Онѣ состояли изъ присутствія и канцеляріи. Присутствіе состояло изъ начальника приказа (часто члена думы) и „товарищей". Они назывались судьями и были подчиненными по отношенію къ начальнику; поэтому, будучи по формѣ коллегіальнымъ, приказное присутствіе на дѣлѣ таковымъ не было, дѣла рѣшались не большинствомъ присутствующихъ, а по усмотрѣнію старшаго. Въ мелкихъ приказахъ не было и коллегіальной формы: дѣла вѣдалъ одинъ начальникъ, безъ товарища. Канцелярія состояла изъ подьячихъ подъ начальствомъ дьяковъ; численность и тѣхъ и другихъ зависѣла отъ размѣровъ приказной дѣятельности.

Въ зависимости отъ приказовъ была вся волостная администрація. Въ XVII в. выработался, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ однообразный типъ мѣстнаго управленія—воеводское управленіе. Въ городахъ и ихъ уѣздахъ назначаемые изъ московскихъ приказовъ (почему мѣстное управленіе и называлось приказнымъ) воеводы совмѣщали въ своемъ лицѣ и военную и гражданскую власть. Они являлись, какъ гражданская власть, и администраторами и судьями. Всѣ стороны мѣстной жизни подлежали ихъ вѣдѣнію.

Воеводы имѣли свою канцелярію („Приказная изба") и, если вѣдали большой городъ и уѣздъ, то имѣли „товарищей", въ видѣ „меньшихъ", „вторыхъ" воеводъ или дьяковъ. Руководясь инструкціей приказа, воевода пользовался большою властью съ своемъ городѣ и въ то же время вполнѣ зависѣлъ отъ приказа. Слѣдя за дѣятельностью воеводъ въ XVII в., можно сказать, что къ концу вѣка ихъ власть росла по отношенію къ населенію, и кругъ дѣятельности увеличивался. Правительственный элементъ въ областяхъ, такимъ образомъ, пріобрѣталъ все больше значенія; установленное же въ XVI в. самоуправленіе суживалось все болѣе и болѣе; но отношенія приказного управленія и земскихъ властей въ теченіе всего XVII в. оставались неупорядоченными, и эта задача внесенія порядка выпала на долю уже Петра.

Населеніе принимало участіе въ мѣстномъ управленіи слѣдующимъ образомъ: Во 1-хъ, оно изъ тяглыхъ слоевъ своихъ поставляло выборныхъ людей въ полное распоряженіе администраціи, въ качествѣ ея помощниковъ для сбора казенныхъ доходовъ (голова и цѣловальники таможенные, кабацкіе и др.). Во 2-хъ всѣ классы населенія извѣстнаго уѣзда выбирали „губного старосту" и его помощниковъ для огражденія безопасности и преслѣдованія уголовныхъ преступленій въ уѣздѣ. Выбранный и обезпечиваемый земщиной, губной староста поступалъ подъ началь-

ство какого либо московскаго приказа, исполнялъ его инструкціи, былъ обязанъ отчетомъ и отвѣтственностью приказу, а не избирателямъ. Все это дѣлало его изъ власти земской—властью правительственной, сообщало ему одинаковый характеръ съ воеводой. Московское правительство даже замѣняло иногда воеводъ губными старостами, возлагая на нихъ всѣ обязанности воеводы (1661—1679). Институтъ губныхъ старостъ распространенъ былъ во всемъ государствѣ, существуя рядомъ съ воеводскимъ управленіемъ, и дожилъ до времени Петра. Въ 3-хъ, податныя общины Московскаго государства для сбора податей и для завѣдыванія своими хозяйственными дѣлами выбирали земскихъ „старостъ". Это самоуправленіе существовало во всѣхъ общинахъ на пространствѣ всего XVII в. Сначала оно соединяло вмѣстѣ и городскихъ и сельскихъ податныхъ людей, но къ концу XVII в. замѣтно отдѣленіе городскихъ (посадскихъ) общинъ отъ сельскихъ (крестьянскихъ). Это финансовое самоуправленіе находилось подъ контролемъ и воеводъ и приказовъ. Въ 4-хъ, наконецъ, со времени Ивана IV и до конца XVII в. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сѣверныхъ, по преимуществу) отсутствовало приказное управленіе и замѣнялось полнымъ самоуправленіемъ. Во главѣ управленія въ этихъ мѣстностяхъ стояли „излюбленные головы", иначе „земскіе судьи" съ помощниками (сотскими, пятидесятскими и т. д.); ихъ вѣдѣнію подлежали судъ, администрація и финансы въ округѣ. Такихъ самоуправляющихся округовъ въ XVII в. было очень немного, а въ концѣ вѣка они стали и совсѣмъ рѣдкими архаизмами. Приказное управленіе вытѣснило эту форму самоуправленія изъ уѣздовъ и кое-гдѣ терпѣло въ мелкихъ общинахъ на такъ называемыхъ черныхъ земляхъ.

Въ такомъ видѣ представляются намъ формы московскаго управленія передъ началомъ реформы Петра. Для того, чтобы закончить обзоръ государственнаго устройства и управленія, слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о сословіяхъ XVII в.

Дворянство до-Петровской эпохи представляется обыкновенно какъ классъ лицъ, обязанныхъ государству личной (по преимуществу военной) службой и обезпеченныхъ за это государственной землей въ видѣ большихъ или малыхъ помѣстій. Земельное хозяйство дворянина было построено на трудѣ зависимыхъ отъ него крестьянъ. Находясь въ такой политической и экономической обстановкѣ, дворянство въ XVII в. достигаетъ ряда улучшеній въ своемъ бытѣ. Съ одной стороны, съ вымираніемъ и упадкомъ стараго боярства, верхнимъ слоямъ дворянства открывается доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Во второй половинѣ XVII в. многія первостепенныя правительственныя лица выходятъ изъ рядовъ простого дворянства (Ординъ-Нащокинъ). Съ другой стороны, экономическое положеніе дворянства лучше обезпечивается: законодательнымъ путемъ крестьянство окончательно прикрѣпляется къ землѣ

и лицу землевладѣльца. (Уложеніемъ крестьяне прикрѣпляются окончательно къ землѣ; въ 60-хъ годахъ XVII в. побѣгъ крестьянина считается. преступленіемъ, и за него назначается законная кара, а практика въ теченіе всего XVII в. развиваетъ обычай, показывающій, что крестьянинъ прикрѣпленъ не только къ землѣ, но и къ лицу владѣльца; этотъ обычай—продажа крестьянъ безъ земли). Вмѣстѣ съ тѣмъ права дворянъ на помѣстья постоянно растутъ, расширяется право распоряженія помѣстьемъ, помѣстье дѣлается наслѣдственнымъ владѣніемъ и очень сближается съ наслѣдственной собственностью дворянъ—вотчиною. Наконецъ, военная служба перестаетъ быть исключительно повинностью дворянъ, образуется солдатское войско (рейтарскіе, драгунскіе и солдатскіе полки), состоящее изъ иностранцевъ и русскихъ людей низшихъ классовъ; въ этомъ войскѣ дворяне являются офицерами, и этимъ войскомъ часто замѣняются дворянскія ополченія. Петръ Великій уже застаетъ дворянство въ качествѣ высшаго класса русскаго общества, изъ котораго выходитъ весь составъ высшей и низшей администраціи. Прежній же высшій классъ—боярство—не дожилъ до Петра въ старомъ родовитомъ составѣ и правительственномъ значеніи.

Городское населеніе, въ качествѣ особаго замкнутаго общественнаго класса, было сформировано только Уложеніемъ. Состоя изъ торговыхъ и промышленныхъ людей, этотъ классъ возбуждалъ правительственныя заботы во второй половинѣ XVII в. Правительство старалось о развитіи русской торговли и промысловъ. Идеи меркантилизма, господствовавшія въ то время на западѣ, появились у насъ: Ординъ-Нащокинъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ ними, и это отразилось въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г., который, заключая въ себѣ законодательство о торговлѣ и торговомъ классѣ, выказывалъ высокое понятіе о торговлѣ, какъ факторѣ общественнаго благосостоянія. Но развитію русской внѣшней торговли мѣшало отсутствіе собственныхъ гаваней, удобныхъ сухопутныхъ дорогъ и конкуренція иностранныхъ купцовъ, которой не могли выдерживать русскіе. Промышленность же и внутренняя торговля въ русскихъ городахъ не могли развиваться успѣшно потому, что главные потребители—достаточные дворянскіе классы—или группировались въ центрѣ государства, въ Москвѣ, или были разсѣяны по своимъ усадьбамъ и тамъ сами производили все необходимое трудомъ и умѣніемъ своихъ крестьянъ и холоповъ. Поэтому городская жизнь не могла быть развита, городское населеніе не могло быть многочисленно. Только на сѣверѣ государства (на Волгѣ и на дорогѣ къ Архангельскому порту) встрѣчаемъ богатые города, какъ исключеніе.

Крестьянство, какъ уже было сказано, къ концу XVII в. стало въ полную зависимость отъ лица землевладѣльцевъ. По отношенію къ послѣднимъ оно мало чѣмъ отличалось отъ холоповъ въ смыслѣ подчинен-

ности, но государство продолжало видѣть въ крестьянахъ общественный классъ и облагало ихъ податью. Въ то же время государство стремилось и холоповъ ввести въ государственное тягло и на нѣкоторые ихъ разряды налагало государственные платежи. А владѣльцы холоповъ стали устраивать своихъ холоповъ на пашнѣ и давали имъ во владѣніе дворы. На дѣлѣ въ концѣ XVII в. и крестьяне владѣльческіе и холопы представляли изъ себя зависимыхъ земледѣльцевъ, обложенныхъ государственною податью. Разница была только въ юридической формѣ зависимости тѣхъ и другихъ отъ ихъ владѣльцевъ. Такъ, еще до Петра произошло полное сближеніе крестьянства съ холопствомъ. Но крестьяне, жившіе на дворцовыхъ (государевыхъ) и черныхъ (государственныхъ) земляхъ, были далеки отъ такого сближенія: они составляли классъ полноправныхъ гражданъ, хотя и у нихъ каждый былъ прикрѣпленъ къ своей общинѣ.

Время Петра Великаго.

Дѣтство и отрочество Петра (1672—1689).

Первые годы. Изученіе первыхъ лѣтъ жизни Петра имѣетъ большую важность въ томъ отношеніи, что позволяетъ намъ понять, въ какой обстановкѣ развивался его характеръ, какія впечатлѣнія вынесъ Петръ изъ своего дѣтства, какъ шла его умственная жизнь, какое отношеніе сложилось въ немъ къ средѣ, его воспитавшей. Существуетъ мнѣніе, что бурное дѣтство было причиной всѣхъ дальнѣйшихъ рѣзкостей въ поведеніи Петра и вызвало въ немъ жгучее озлобленіе противъ старины, стоявшей помѣхою на его дорогѣ. Далѣе мы увидимъ, что въ этомъ мнѣніи много правды. Самъ Петръ иногда съ горечью отзывался о своихъ дѣтскихъ годахъ.

Петръ былъ младшимъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Царь Алексѣй былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской (1648—1669), во второй—на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной (съ 1671 года). Отъ перваго брака у него было 13 дѣтей. Многіе изъ нихъ умерли еще при жизни отца, и изъ сыновей только Ѳеодоръ и Иванъ его пережили. Оба они были болѣзненными; у Ѳеодора была цынга. Иванъ страдалъ глазами, заикался, былъ слабъ тѣломъ и разсудкомъ. Быть можетъ мысль остаться безъ наслѣдниковъ побудила царя Алексѣя спѣшить вторымъ бракомъ. Свою вторую жену Наталью Кирилловну царь встрѣтилъ въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, гдѣ она росла и воспитывалась въ обстановкѣ реформаціонной. Увлекшись красивой и умной дѣвушкой, царь обѣщалъ найти ей жениха и скоро самъ присва-

тался къ ней. Въ 1672 г. 30 мая у нихъ родился крѣпкій и здоровый мальчикъ, нареченный Петромъ. Рожденіе его окружено роемъ легендъ, неизвѣстно когда развившихся. Говорили, что Симеонъ Полоцкій предсказывалъ, еще до рожденія Петра, его великую будущность; что юродивый заранѣе опредѣлилъ, сколько онъ проживетъ; что въ церкви дьяконъ, не зная еще о рожденіи Петра, въ минуту его рожденія возгласилъ о его здравіи и т. д.

Царь Алексѣй былъ очень радъ рожденію сына. Рады были и родственники его молодой жены, Матвѣевъ и семья Нарышкиныхъ. Незнатные до тѣхъ поръ дворяне (про Наталью Кирилловну ея враги говорили, что прежде, чѣмъ стать царицей, она „въ лаптяхъ ходила"), Нарышкины съ женитьбой царя приблизились ко двору и стали играть не малую роль въ придворной жизни. Ихъ возвышеніе было враждебно встрѣчено родственниками царя по первой его женѣ—Милославскими. Рожденіе Петра увеличило эту вражду первой и второй семей царя и сообщило ей новый характеръ. Для Милославскихъ рожденіе Петра не могло быть праздникомъ, и вотъ почему: хотя наслѣдникомъ престола всегда считался, а съ 1674 г. офиціально былъ объявленъ царевичъ Өеодоръ, тѣмъ не менѣе, при болѣзненности его и Ивана, Петръ могъ имѣть надежду на престолъ. Если-бы царствовалъ Өеодоръ или Иванъ, политическое вліяніе всецѣло принадлежало бы ихъ роднѣ—Милославскимъ; если бы престолъ перешелъ къ Петру, опека надъ нимъ и вліяніе на дѣла принадлежали бы матери Петра и Нарышкинымъ. Благодаря такому положенію обстоятельствъ, съ рожденіемъ Петра семейный разладъ Милославскихъ и Нарышкиныхъ терялъ узкій семейный характеръ и получалъ болѣе широкое политическое значеніе.

Отсутствіе родственной любви и непріязнь между Милославскими и Нарышкиными существовала и при жизни царя Алексѣя; но онъ сдерживалъ эту непріязнь своимъ личнымъ авторитетомъ, хотя увѣренно можно сказать, что и его авторитетъ не могъ примирить враждующія стороны. При полной противоположности интересовъ, родня царя расходилась и взглядами и воспитаніемъ. Старшіе дѣти царя (особенно Өеодоръ и четвертая дочь Софья) получили блестящее, по тому времени, воспитаніе подъ руководствомъ С. Полоцкаго. Въ этомъ воспитаніи силенъ былъ элементъ церковный, дѣйствовало польское вліяніе, замѣтное на южно-русскихъ монахахъ. Напротивъ, Нарышкина вышла изъ такой среды (Матвѣевы), которая, при отсутствіи богословскаго направленія, впитала въ себя вліяніе западно-европейской культуры. Это различіе направленій могло только усиливать вражду. Столкновеніе было неизбѣжно.

Въ январѣ 1676 г. умеръ царь Алексѣй. Ему было только 47 лѣтъ; его ранней смерти нельзя было предусмотрѣть. Поэтому обѣ семейныя партіи были застигнуты катастрофою врасплохъ. На престолъ вступилъ

14-лѣтній Θеодоръ, но дѣла нѣкоторое время оставались въ рукахъ Матвѣева: царствовалъ представитель одной семейной партіи, управлялъ представитель другой. Такъ случилось потому, что въ послѣдніе годы царя Алексѣя родственники его второй жены были ближе къ царю и дѣламъ, чѣмъ Милославскіе. Однако скоро Милославскіе взяли верхъ; интригами способнѣйшаго изъ Милославскихъ, Ивана Михайловича и вліятельнаго боярина Богдана Матвѣевича Хитрово, Матвѣевъ былъ удаленъ въ далекую ссылку (Пустозерскъ). Дѣлами завладѣли Милославскіе; но при дворѣ, кромѣ Милославскихъ и Нарышкиныхъ, образовалась третья партія. Подъ руководствомъ старыхъ бояръ Хитрово и Юрія Алексѣевича Долгорукаго нѣкоторыя лица, съ бояриномъ Иваномъ Максимовичемъ Языковымъ во главѣ, завладѣли симпатіей царя Θеодора и отстранили отъ него всѣ другія вліянія. Потерявъ надежду видѣть потомство у царя и понимая приближеніе господства (въ случаѣ смерти Θеодора) или Нарышкиныхъ или Милославскихъ, партія Языкова впослѣдствіи стала искать сближенія съ Нарышкиными. Вотъ почему, въ концѣ царствованія Θеодора, былъ возвращенъ изъ ссылки Матвѣевъ. Вотъ почему, когда умеръ Θеодоръ (27 апрѣля 1682 года), восторжествовали Нарышкины, а не Милославскіе. Сложная игра придворныхъ партій, соединившая интересы стороны Языкова со стороной Нарышкиныхъ, повела къ тому что помимо старшаго, больного и неспособнаго Ивана, царемъ былъ избранъ младшій братъ, царевичъ Петръ.

Послѣ смерти Θеодора царя приходилось избирать, потому что не было закономъ установленнаго престолонаслѣдія. По дѣйствовавшему обычаю отцу наслѣдовалъ сынъ, но у Θеодора не было дѣтей. Въ давнопрошедшихъ вѣкахъ, случалось, наслѣдовали и братъ брату (сыновья Ивана Калиты), но это была уже ветхая, потерявшая обязательную силу старина, на ней трудно было основать права Ивана. Патріархъ Іоакимъ, Языковъ съ прочимъ боярствомъ и Нарышкины хотѣли Петра. Десятилѣтній здоровый Петръ и въ самомъ дѣлѣ своей личностью представлялся болѣе способнымъ занять престолъ, чѣмъ полумертвый и тоже малолѣтній Иванъ (ему было 15 лѣтъ). Петръ былъ избранъ въ цари. Но обычаемъ была въ Московскомъ государствѣ узаконена форма царскаго избранія—посредствомъ земскаго собора. Соборомъ избрали Бориса Годунова и Михаила Θеодоровича, за отсутствіе собора упрекали царя В. И. Шуйскаго его современники. Въ данномъ случаѣ, при избраніи Петра, къ созыву собора не прибѣгли. Рѣшили дѣло патріархъ съ боярской думой, послѣ того какъ толпа народа (московское вѣче, если умѣстно это архаическое выраженіе) крикомъ рѣшила, что желаетъ въ цари Петра. Такая форма избранія мало давала гарантій для будущаго, тѣмъ болѣе, что время было очень смутное. Милославскіе не могли помириться съ неудачей, ихъ сторонники открыто кричали на площади въ пользу Ивана.

т не Петра; не всѣ стрѣльцы съ одинаковой охотой присягали Петр. во дворцѣ боялись рѣзкихъ партійныхъ столкновеній, бояре носили кольчуги подъ одеждой.

Тѣмъ не менѣе Петръ сталъ царемъ. Опека надъ нимъ, по московскому обычаю, принадлежала его матери. Царица Наталья Кирилловна стала центромъ правительства. Но подлѣ нея не было искренно преданныхъ помощниковъ и руководителей: Матвѣевъ еше не вернулся въ Москву изъ ссылки, братья царицы не отличались необходимыми для правленія способностями и опытомъ. Такимъ образомъ новое правительство было слабо. Этимъ и воспользовалась сторона Милославскихъ, среди которыхъ было много выдающихся лицъ.

Главнымъ представителемъ этой партіи была царевна Софья, ученица Симеона Полоцкаго, личность безусловно умная и энергичная, которой душно было въ тѣсной полумонашеской обстановкѣ, окружавшей московскихъ царевенъ; образованіе расширило ея умственный кругозоръ, выработало въ ней широкіе запросы жизни, а отсутствіе стѣсняющаго внѣшняго авторитета родительской власти позволило Софьѣ искать отвѣты на эти вопросы внѣ терема. Она тѣсной сердечной связью сблизилась съ замѣчательнѣйшею личностью того времени, княземъ В. В. Голицынымъ, и вмѣшивалась въ общественную жизнь. Кровными узами привязанная къ дворцовой партіи Милославскихъ, Софья прониклась ея интересами. Какъ сильная и страстная натура, она лучше и сильнѣе всѣхъ чувствовала эти интересы и стала руководительницею этой партіи. Противники (т. е. Нарышкины и болѣе всѣхъ Наталья Кирилловна) были ей ненавистны, какъ обидчики ея и ея родныхъ. Въ то же время очень развитое честолюбіе Софьи показывало ей возможность, въ случаѣ воцаренія Ивана, стать во главѣ государства опекуншею неспособнаго брата, замѣнить ему мать, управлять государствомъ. Съ воцареніемъ Петра мѣсто это было занято Натальей Кирилловной, которая видѣла, конечно, въ Софьѣ свою соперницу; отсюда взаимная ненависть мачехи и падчерицы. Кромѣ Софьи, у Милославскихъ былъ другой способный человѣкъ, И. М. Милославскій, падкій на интригу, изворотливый и лишенный твердыхъ нравственныхъ понятій. За Иваномъ Милославскимъ стоялъ родовитый князь И. А. Хованскій, который не столько дружилъ съ Милославскими, сколько не любилъ ихъ противниковъ. Но Хованскій и Голицынъ не были дѣятельными участниками той политической интриги, которая была ведена въ маѣ 1682 года преимущественно Софьей и Милославскими противъ Нарышкиныхъ.

Въ послѣдніе дни царя Ѳеодора и въ первые дни царствованія Петра московскіе стрѣльцы пришли въ нѣкоторое движеніе. Стрѣлецкое войско было сформировано въ полки, носившіе названіе по фамиліямъ полковниковъ. Жило оно отдѣльно отъ прочаго населенія Москвы,

въ особыхъ „стрѣлецкихъ слободахъ“ въ разныхъ частяхъ города. И сами стрѣльцы и ихъ семьи помимо службы занимались промыслами и мелкой торговлей. Поэтому стрѣльцы, имѣя военную организацію, въ то же время не были замкнуто-живущимъ военнымъ сословіемъ, а сохраняли живыя связи съ остальнымъ московскимъ населеніемъ. Въ началѣ 1682 года главнымъ начальникомъ стрѣлецкаго войска былъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій „развалина отъ старости и паралича“, какъ характеризуетъ его С. М. Соловьевъ. Онъ не могъ поддержать должной дисциплины. Полковники стрѣлецкіе начали притѣснять стрѣльцовъ, стрѣльцы на злоупотребленія властью отвѣчали нарушеніемъ порядка. Въ грубой формѣ заявляютъ они протестъ противъ притѣсненій, подавая съ ругательствами челобитья на начальниковъ и употребляя силу для освобожденія наказанныхъ товарищей. Это движеніе началось еще при Ѳеодорѣ, а при новомъ правительствѣ выразилось довольно рѣзко: сразу отъ 16 полковъ подана была во дворецъ челобитная на полковниковъ съ угрозою, если не накажутъ полковниковъ, расправиться съ ними самосудомъ. Правительство Натальи Кирилловны сдѣлало промахъ: вмѣсто спокойнаго разслѣдованія дѣла, оно съ испуга уступило стрѣльцамъ и, уволивъ полковниковъ, взыскало съ нихъ всѣ денежныя къ нимъ претензіи стрѣльцовъ. Уступка разнуздала стрѣльцовъ окончательно, дисциплины не стало, самосудомъ расправлялись они со всѣми непріятными имъ начальниками. Полный безпорядокъ царилъ въ слободахъ. Съ перемѣною правительства стрѣльцы почувствовали, что они—сила, которой боятся даже во дворцѣ.

Всѣми этими обстоятельствами воспользовалась партія Милославскихъ, чтобы направить движеніе въ свою пользу, сообщить ему политическій характеръ, котораго оно до сихъ поръ не имѣло. Черезъ преданныхъ себѣ стрѣльцовъ эта партія постаралась возбудить неудовольствіе полковъ противъ правительства Петра, перенести ихъ вниманіе отъ своихъ стрѣлецкихъ дѣлъ на политическое положеніе. Стрѣльцы усердно разсказывали, что за малолѣтнимъ Петромъ стоятъ бояре „измѣнники“, которые не хотятъ ему добра и государствомъ управляютъ въ свою пользу, а другимъ во вредъ; этимъ измѣнники злоумышляютъ на царскую семью, т. е. на царя Ивана и на Милославскихъ. Стрѣльцы вѣрили всѣмъ этимъ слухамъ и главными измѣнниками считали (конечно, по наущенію Милославскихъ) Матвѣева, Нарышкиныхъ и Языкова. Они явно грозили „свернуть шею“ этимъ лицамъ и готовы были стать за царя и за благополучіе царской семьи. Милославскимъ, такимъ образомъ, удалось настроить стрѣльцовъ противъ своихъ политическихъ противниковъ. Между стрѣльцами былъ распространенъ списокъ измѣнниковъ, которыхъ слѣдовало истребить, но Милославскіе ждали еще пріѣзда въ Москву опаснѣйшаго своего противника Матвѣева, чтобы истребить и

его, и потому удерживали стрѣльцовъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Матвѣевъ пріѣхалъ 11-го мая и, хотя былъ предупрежденъ о волненіяхъ стрѣльцовъ, но не придалъ имъ большого значенія и не принялъ предосторожностей.

15-го мая произошелъ такъ называемый стрѣлецкій бунтъ. Милославскіе дали знать утромъ этого дня въ стрѣлецкія слободы, что измѣнники задушили царя Ивана. Стрѣльцовъ звали въ Кремль. Въ боевомъ порядкѣ выступили стрѣлецкіе полки въ Кремль, успѣли занять кремлевскія ворота, прекратили сношенія Кремля съ остальнымъ городомъ и подошли ко дворцу. Во дворцѣ собрались, услыша о приближеніи стрѣльцовъ, бояре, бывшіе въ Кремлѣ, и патріархъ. Изъ криковъ стрѣльцовъ они знали, зачѣмъ явилось стрѣлецкое войско, знали что они считали царя Ивана убитымъ. Поэтому на дворцовомъ совѣтѣ было рѣшено показать стрѣльцамъ и Ивана и Петра, чтобы сразу убѣдить ихъ въ полномъ отсутствіи всякой измѣны и смуты во дворцѣ. Царица Наталья вывела обоихъ братьевъ на Красное крыльцо, и стрѣльцы, вступивъ въ разговоръ съ самимъ Иваномъ, услышали отъ него, что „его никто не изводитъ, и жаловаться ему не на кого". Эти слова показали стрѣльцамъ, что они жертва чьего-то обмана, что измѣнниковъ нѣтъ, и истреблять некого. Старикъ Матвѣевъ умѣлой и сдержанной рѣчью успѣлъ успокоить стрѣльцовъ настолько, что они хотѣли разойтись. Но Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій испортилъ дѣло. Будучи, послѣ отца своего Юрія, вторымъ начальникомъ Стрѣлецкаго приказа, и думая, что теперь стрѣльцы смирились совсѣмъ, онъ отнесся къ толпѣ съ бранью и грубо приказывалъ ей расходиться. Стрѣльцы, разсердясь и подстрекаемые людьми изъ партіи Милославскихъ, бросились на него, убили его и, опьяненные первымъ убійствомъ, бросились во дворецъ искать другихъ „измѣнниковъ". Матвѣева они схватили на глазахъ царицы Натальи и Петра (нѣкоторые разсказывали, что даже выхватили изъ ихъ рукъ) и разсѣкли на части; за Матвѣевымъ были схвачены и убиты бояре князь Ромодановскій, Аѳ. Кир. Нарышкинъ и др. лица. Особенно искали стрѣльцы ненавистнаго Милославскимъ Ив. Кир. Нарышкина, способнѣйшаго брата царицы, но не нашли, хотя обыскали весь дворецъ. Убійства совершались и внѣ дворца. Въ своемъ домѣ былъ убитъ князь Юрій Долгорукій. На улицѣ схваченъ и потомъ убитъ Ив. Макс. Языковъ, представитель третьей дворцовой партіи. Надъ трупами убитыхъ стрѣльцы ругались до поздняго вечера и, оставивъ караулы въ Кремлѣ, разошлись по домамъ.

16-го мая возобновились сцены убійства. Стрѣльцы истребили всѣхъ тѣхъ, кого сторона Милославскихъ считала измѣнниками. Но желаемаго Ив. Кир. Нарышкина не нашли и въ этотъ день,—онъ искусно прятался во дворцѣ. 17 мая утромъ стрѣльцы настоятельно потребовали его выдачи, какъ послѣдняго уцѣлѣвшаго измѣнника. Чтобы прекратить мя-

тежъ, во дворцѣ нашли необходимымъ выдать Ивана Кирилловича. Онъ причастился и предался стрѣльцамъ, его пытали и убили. Этимъ окончился мятежъ.

Петръ и его мать были потрясены смертью родныхъ, ужасами рѣзни, которая совершалась на ихъ глазахъ, и оскорбленіями, которыя получали они отъ грубыхъ стрѣльцовъ. Около нихъ не осталось ни одного помощника и совѣтника: всѣ ихъ сторонники были истреблены, а уцѣлѣвшіе попрятались. У Милославскихъ, такимъ образомъ, исчезли ихъ политическіе противники. Хозяевами дѣлъ становились теперь они, Милославскіе; представительницею власти стала Софья, потому что Наталья Кирилловна удалилась отъ дѣлъ. Въ тѣ дни ее грозили даже „выгнать изъ дворца". Вступленіе во власть со стороны Милославскихъ выразилось тотчасъ же послѣ бунта тѣмъ, что мѣста, занятыя прежде въ высшей московской администраціи людьми, близкими къ Нарышкинымъ, еще до окончанія бунта перешли къ сторонникамъ Софьи. Князь В. В. Голицынъ получилъ начальство надъ Посольскимъ приказомъ; князь Ив. Андр. Хованскій съ сыномъ Андреемъ стали начальниками Стрѣлецкаго приказа (т. е. всѣхъ стрѣлецкихъ войскъ). Иноземскій и Рейтарскій приказы подчинены были Ив. Мих. Милославскому.

Но, завладѣвъ фактически властью, уничтоживъ однихъ и устранивъ отъ дѣлъ другихъ своихъ враговъ, Софья и ея сторонники не заручились еще никакимъ юридическимъ основаніемъ своего господствующаго положенія. Такимъ юридическимъ основаніемъ могло быть воцареніе царя Ивана и передача опеки надъ нимъ какому нибудь лицу его семьи. Этого Софья достигла помощью тѣхъ же стрѣльцовъ. Конечно, по наущенію ея сторонниковъ, стрѣльцы били челомъ о томъ, чтобы царствовалъ не одинъ Петръ, а оба брата. Боярская дума и высшее духовенство, боясь повторенія стрѣлецкаго бунта, 26 мая провозгласили первымъ царемъ Ивана, а Петра—вторымъ. Немедленно затѣмъ стрѣльцы били челомъ о томъ, чтобы правленіе поручено было, по молодости царей, Софьѣ. 29-го мая Софья согласилась править. Мятежныхъ, но вѣрныхъ ей стрѣльцовъ Софья угощала во дворцѣ. Такимъ образомъ, партія Софьи достигла офиціальнаго признанія своего политическаго главенства.

Однако, все населеніе Москвы и сами стрѣльцы сознавали, что стрѣлецкое движеніе, хотя и вознаграждалось правительствомъ, было все-таки незаконнымъ дѣломъ, бунтомъ. Сами стрѣльцы, поэтому, боялись наказанія въ будущемъ, когда правительство усилится и найдетъ помимо нихъ опору въ обществѣ и внѣшнюю силу. Стараясь избѣжать этого, стрѣльцы требуютъ гарантій своей безопасности, офиціальнаго признанія своей правоты. Правительство не отказываетъ и въ этомъ. Оно признаетъ, что стрѣльцы не бунтовали, а только искореняли измѣну. Такое признаніе и было засвидѣтельствовано всенародно въ видѣ особыхъ надписей на

каменномъ столбѣ, который стрѣльцы соорудили на Красной площади въ память майскихъ событій.

Постройка такого помятника, прославлявшаго мятежные подвиги, еще болѣе показала народу, что положеніе дѣлъ въ Москвѣ ненормально и что стрѣльцы, до поры до времени, единственная сила, внушающая боязнь даже дворцу. Этой грозной силой задумали воспользоваться нѣкоторые расколоучители. Находясь подъ церковнымъ проклятіемъ (церковный соборъ 1666—1667 г. изрекъ анаѳему на раскольниковъ), раскольники задумали избавиться отъ проклятія и возстановить „старое благочестіе" въ русской церкви тѣмъ же путемъ, какимъ Милославскіе достигли власти, т. е. помощью стрѣльцовъ. Расколоучители повели въ стрѣлецкихъ слободахъ дѣятельную и успѣшную агитацію для этой цѣли. Результатомъ ея было новое волненіе значительной части только что успокоившихся стрѣльцовъ. Черезъ своего начальника И. А. Хованскаго стрѣльцы требовали пересмотра вѣроисповѣднаго вопроса. Хованскій, нѣсколько сочувствовавшій раскольникамъ, далъ ходъ этому требованію, и правительство, опасаясь отказомъ раздражить стрѣльцовъ, назначило на 5 іюля въ Грановитой палатѣ дворца диспутъ между православной іерархіей и расколоучителями. Этотъ диспутъ вызвалъ уличные безпорядки, на самомъ диспутѣ спорили долго и, благодаря отсутствію опредѣленнаго плана преній, не пришли ни къ какому результату. Тѣмъ не менѣе, раскольники провозгласили побѣду. Масса московскаго населенія, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидавшая исхода диспута, была введена въ немалый соблазнъ рядомъ скандаловъ и отсутствіемъ твердой власти, не смогшей поддержать порядка, и неизвѣстностью—гдѣ же церковная истина? Правительство же было смущено тѣмъ, что въ этотъ день ясно увидѣло, какъ ненадежно стрѣлецкое войско; стрѣльцы оскорбляли Софью, когда она вмѣшивалась въ диспутъ, поддерживали раскольниковъ („промѣняли государство на шестерыхъ чернецовъ", какъ выразилась Софья) и слушались обожаемаго ими Хованскаго гораздо болѣе, чѣмъ повиновались правительству. Послѣ диспута у Софьи стало двѣ заботы: лишить раскольниковъ стрѣлецкой поддержки и обуздать Хованскаго, который могъ злоупотреблять привязанностью стрѣльцовъ. Перваго Софья скоро достигла. Увѣщаніями и подачками она склонила стрѣльцовъ отстать отъ расколоучителей. Одного изъ нихъ казнили (Никиту Пустосвята), другихъ сослали. Не такъ легко было свести счеты съ Хованскимъ.

Прямо смѣстить Хованскаго Софья боялась, потому что это могло раздражить стрѣльцовъ и повести къ новымъ безпорядкамъ. Терпѣть же его во главѣ военной силы казалось невозможнымъ. Помимо того безтактнаго поведенія, какимъ онъ отличался во время раскольничьяго движенія, Хованскій велъ себя дурно и въ послѣдующее время: онъ льстилъ стрѣльцамъ, уронилъ дисциплину; ходили слухи, что онъ грозилъ устра-

нить Милославскихъ отъ власти, во дворцѣ даже говорили, что Хованскій хочетъ завладѣть царствомъ для себя и для сына. И. М. Милославскій такъ былъ напуганъ, что не жилъ въ Москвѣ, боялась и Софья. 20 августа вся царская семья уѣхала изъ Москвы, считая себя не безопасной въ Кремлѣ. Послѣ многихъ переѣздовъ изъ села въ село, изъ монастыря въ монастырь, Софья въ селѣ Воздвиженскомъ праздновала свои именины 17 сентября. Туда къ этому дню съѣхалось много московской знати, и вотъ 17-го, послѣ обѣдни и пріема поздравленій, цари съ боярами „сидѣли" о дѣлѣ Хованскаго. Боярская дума выслушала „докладъ" или обвинительный актъ, въ которомъ Хованскій былъ обвиняемъ въ преступленіяхъ по службѣ и въ умыслѣ на жизнь государей. Послѣдній пунктъ обвиненій былъ основанъ на подметномъ письмѣ, которое брошено было на имя государей у дворцовыхъ воротъ, а написано было, говорятъ, И. М. Милославскимъ. Дума приговорила Хованскаго и сына его Андрея къ смертной казни. Ихъ арестовали недалеко отъ села Воздвиженскаго, доставили туда и въ тотъ же день казнили. Судъ, приговоръ и казнь послѣдовали въ одинъ и тотъ же день, внезапно, неожиданно. Очевидно, Софья боялась помѣхи со стороны стрѣльцовъ; боясь ихъ волненія, она 17-го же сентября извѣстила ихъ грамотой, что Хованскіе казнены, и прибавляла, что на самихъ стрѣльцахъ царскаго гнѣва нѣтъ.

Но стрѣльцы не повѣрили. Они думали, что за Хованскимъ наказаніе постигнетъ и ихъ. Поэтому они подняли бунтъ; по слухамъ, ожидая нападенія на Москву царскихъ войскъ, они привели городъ въ осадное положеніе и приготовились къ вооруженной защитѣ. Это заставило правительство удалиться въ Троицкую Лавру (бывшую первоклассной крѣпостью того времени) и собирать дворянское ополченіе изъ городовъ. Военныя приготовленія правительства показали стрѣльцамъ ихъ собственную слабость, невозможность сопротивленія и необходимость покориться. Черезъ посредство оставшагося въ Москвѣ патріарха просятъ они прощенія у Софьи. Софья даетъ имъ прощеніе съ однимъ условіемъ: стрѣльцы вполнѣ должны повиноваться начальству и не мѣшаться не въ свои дѣла; 8-го октября стрѣльцы даютъ въ этомъ клятву. Они просятъ позволенія сломать тотъ почетный столбъ, который былъ поставленъ въ память майскихъ подвиговъ. Теперь въ глазахъ ихъ самихъ и правительства майскіе подвиги не заслуга, а бунтъ.

Такъ кончилось смутное время, тянувшееся съ мая по октябрь 1682 г. Въ началѣ ноября дворъ возвратился въ Москву; настало такъ называемое „правленіе царевны Софьи" (1682—1689).

Таковы были придворныя и политическія обстоятельства, въ которыхъ родился и провелъ годы дѣтства Петръ. Съ началомъ правленія Софьи началось его отрочество. Посмотримъ, что мы знаемъ достовѣрнаго о дѣтствѣ Петра.

О первыхъ дняхъ жизни царевича сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній. Его рожденіе вызвало рядъ придворныхъ праздниковъ. Крестили царевича только 29 іюня въ Чудовомъ монастырѣ, и крестнымъ отцомъ былъ царевичъ Өеодоръ Алексѣевичъ. По древнему обычаю, съ новорожденнаго „сняли мѣру“ и въ ея величину написали икону апостола Петра. Новорожденнаго окружили цѣлымъ штатомъ мамъ и нянь; кормила его кормилица. По нѣкоторымъ отзывамъ, Петръ съ дѣтства былъ очень крѣпокъ физически, „возрастенъ и красенъ и крѣпокъ тѣломъ“. Очень рано его стали забавлять игрушки, и эти игрушки почти исключительно имѣли военный характеръ. По расходнымъ дворцовымъ книгамъ мы знаемъ, что Петру постоянно дѣлали въ придворныхъ мастерскихъ и покупали на рынкахъ луки, деревянныя ружья и пистолеты, барабаны, игрушечныя знамена и т. д. Этимъ оружіемъ царевичъ и самъ тѣшился и вооружалъ „потѣшныхъ ребятокъ“, т. е. своихъ сверстниковъ изъ семей придворной знати, всегда окружавшихъ малолѣтнихъ царевичей. Если бы царь Алексѣй жилъ болѣе, можно бы было ручаться, что Петръ получилъ бы такое же прекрасное, по тому времени, образованіе, какъ его братъ Өеодоръ. Но царь Алексѣй умеръ, когда Петру не исполнилось и четырехъ лѣтъ. Вотъ почему Петръ остался безъ правильнаго образованія. Нѣкоторые (И. Е. Забѣлинъ) думаютъ, что начало обученія Петра положилъ еще его отецъ. Такое мнѣніе основывается на томъ, что 1 декабря 1675 г. начали кого-то учить грамотѣ въ царской семьѣ, какъ это ясно изъ книгъ Тайнаго приказа. Но въ царской семьѣ не начинали учить дѣтей раньше 5 лѣтъ, а Петру тогда было только $3^1/_2$ года. Съ другой стороны, первый извѣстный намъ учитель Петра, Никита Моисеевичъ Зотовъ, былъ опредѣленъ къ нему уже царемъ Өеодоромъ. Поэтому такое мнѣніе о раннемъ обученіи Петра сомнительно. Достовѣрнѣе, что Петръ впервые сѣлъ за азбуку подъ руководствомъ Зотова пяти лѣтъ отъ роду. Этого Зотова назначилъ къ Петру его крестный отецъ, царь Өеодоръ, очень любившій своего крестника и брата. Зотовъ раньше былъ приказнымъ дьякомъ и при назначеніи къ Петру подвергся экзамену: читалъ и писалъ въ присутствіи царя и былъ одобренъ какъ самимъ царемъ, такъ и извѣстнымъ Симеономъ Полоцкимъ. Курсъ ученія въ древней Руси начинался азбукой, продолжался чтеніемъ и изученіемъ Часослова, Псалтиря, Апостольскихъ дѣяній и Евангелія. Обученіе письму шло позже чтенія. Петръ началъ учиться письму, кажется, въ началѣ 1680 г. и никогда не умѣлъ писать порядочнымъ почеркомъ. Кромѣ письма и чтенія, Зотовъ ничему не училъ Петра (ошибиться здѣсь можно только относительно ариөметики, которую Петръ узналъ довольно рано неизвѣстно отъ кого). Но Зотовъ, какъ пособіе при обученіи, употреблялъ иллюстраціи, привозимыя въ Москву изъ-за границы и извѣстныя подъ именемъ „потѣшныхъ фряжскихъ“ или „нѣмецкихъ листовъ“. Эти листы, изображая

историческія и этнографическія сцены, могли дать много умственной пищи ребенку. Кромѣ того, Зотовъ ознакомилъ Петра съ событіями русской исторіи, показывая и поясняя ему лѣтописи, украшенныя рисунками. Что Зотовъ и при отсутствіи широкаго образованія и ума велъ свое дѣло добросовѣстно и тепло, доказывается неизмѣннымъ расположеніемъ къ нему Петра, не забывшаго своего учителя.

Чѣмъ больше становился Петръ, тѣмъ хуже складывалась окружающая его обстановка. При отцѣ любимый и ласкаемый, Петръ при Ѳеодорѣ вмѣстѣ съ матерью раздѣлялъ ея опалу. Хотя Ѳеодоръ его и любилъ, но борьба придворныхъ партій отстраняла его и его мать отъ царя. Начиная понимать разговоры окружающихъ, Петръ узналъ отъ нихъ, конечно, о семейной враждѣ, о гоненіяхъ на его мать и на близкихъ ей людей. Онъ учился не любить Милославскихъ, видѣть въ нихъ враговъ и притѣснителей. Десяти лѣтъ избранный царемъ, онъ въ 1682 году пережилъ рядъ тяжелыхъ минутъ. Онъ видѣлъ бунтъ стрѣльцовъ; старика Матвѣева, говорятъ, стрѣльцы вырвали изъ его рукъ; дядя Иванъ Нарышкинъ былъ имъ выданъ на его глазахъ; онъ видѣлъ рѣки крови; его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти. Петръ такъ былъ потрясенъ „майскими днями“ 1682 г., что отъ испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивныя движенія головы и лица („sa tête branle continuellement, bien qu'il ne soit âgé que de vingt ans“,— пишетъ о немъ видѣвшій его современникъ). Чувство неприязни къ Милославскимъ, воспитанное уже раньше, перешло въ ненависть, когда Петръ узналъ, сколь они виноваты въ стрѣлецкихъ движеніяхъ. Съ ненавистью относился онъ и къ стрѣльцамъ, называя ихъ „сѣменемъ Ивана Михайловича“ (т. е. Милославскаго), потому что съ представленіемъ о стрѣльцахъ у него соединялось воспоминаніе объ ихъ бунтахъ 1682 года.

Такъ неспокойно кончилось дѣтство Петра. Въ немъ—начало его военныхъ забавъ, въ немъ—тяжелыя, даже ужасныя минуты, повліявшія на всю жизнь Петра. Въ дѣтствѣ Петра, наконецъ, нѣтъ начатковъ правильнаго образованія: его учатъ „грамотѣ“, прочія свѣдѣнія приходятъ случайно, усваиваются мимоходомъ.

Время царевны Софьи. Обратимся къ правленію царевны Софьи. При ней главными дѣятелями являются бояринъ князь В. В. Голицынъ и думный дьякъ Шакловитый. Первый былъ начальникомъ Посольскаго приказа главнымъ правительственнымъ дѣятелемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ Москвы и во внутреннемъ управленіи. Второй былъ начальникомъ стрѣлецкаго войска и главнымъ стражемъ интересовъ Софьи, оберегателемъ господствовавшей партіи, Шакловитый былъ вѣрнымъ слугою Софьи, а Голицынъ не только служилъ царевнѣ, но былъ ею любимъ. Личность князя В. В. Голицына—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей XVII в. Иностранцы, знавшіе его, говорятъ о немъ съ чрезвычайнымъ

сочувствіемъ, какъ объ очень образованномъ и гуманномъ человѣкѣ. Дѣйствительно, Голицынъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ, слѣдовалъ во всѣхъ мелочахъ жизни западно-европейскимъ образцамъ, домъ его былъ устроенъ на европейскій ладъ. По характеру своего образованія онъ близокъ былъ къ малорусскому образованному монашеству и находился до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ польско-католическимъ. Гуманность Голицына обращала на себя вниманіе современниковъ, ему приписывали широкіе проекты освобожденія крестьянъ отъ частной зависимости. Внутренняя правительственная дѣятельность времени Софьи отмѣчена мягкостью нѣкоторыхъ мѣропріятій, быть можетъ, благодаря вліянію Голлицына. При Софьѣ было смягчено законодательство о несостоятельныхъ должникахъ, ослаблены нѣкоторыя уголовныя кары, отмѣнена варварская казнь—закапываніе въ землю живого. Однако въ той сферѣ, гдѣ сильно было вліяніе не Голицына, а патріарха,—въ отношеніи къ раскольникамъ—не замѣтно было большой гуманности: расколъ преслѣдовался по-прежнему строго.

Но главнымъ поприщемъ Голицына была дипломатическая дѣятельность. Враждебныя отношенія Москвы къ Турціи и татарамъ не прекращались, хотя въ 1681 году и было заключено перемиріе на 20 лѣтъ. Турція въ то время была въ войнѣ съ Австріей и Польшей, и Польша искала союза съ Россіей противъ Турціи. Польскій король Янъ Собѣсскій, дѣятельный врагъ турокъ, очень расчитывалъ на русскую помощь и очень желалъ привлечь Москву къ австро-польскому союзу. Но Москва, съ самой Польшей находясь только въ перемиріи, соглашалась подать помощь лишь по заключенію вѣчнаго мира. Въ 1686 г. Янъ Собѣсскій согласился на *вѣчный миръ*, по которому навѣки уступилъ Москвѣ все, что она завоевала у Польши въ XVII в. (важнѣе всего Кіевъ). Этотъ миръ 1686 г. былъ очень крупною дипломатическою побѣдой, которою Москва обязана была В. В. Голицыну. Но по этому миру Москва должна была начать войну съ Турціей и Крымомъ, ей подчиненнымъ. Рѣшено было идти походомъ на Крымъ. Поневолѣ принялъ Голицынъ начальство надъ войсками и сдѣлалъ на Крымъ два похода (1687—1689). Оба они были неудачны (только во второй разъ, въ 1689 г., русскіе успѣли дойти черезъ степь до Перекопи, но не могли проникнуть далѣе). Не имѣя военныхъ способностей, Голицынъ не могъ справиться съ трудностями степныхъ походовъ, потерялъ много людей, возбудилъ ропотъ войска и навлекъ со стороны Петра обвиненіе въ нерадѣніи. Впрочемъ, до низверженія Софьи, ея правительство старалось скрыть неудачу, торжествовало переходъ черезъ степи къ Перекопу, какъ побѣду, и осыпало наградами Голицына и войска. Но неудача была ясна для всѣхъ: ниже увидимъ, что Петръ воспользовался ею и оставилъ въ покоѣ Крымъ въ своемъ наступленіи на югъ.

Такова была внѣшняя дѣятельность правительства Софьи. Государственные вопросы развивались своимъ чередомъ; семейная вражда въ то же время шла своимъ чередомъ и сплеталась съ другими обстоятельствами общественной жизни въ очень сложныя комбинаціи общественнаго движенія въ Москвѣ.

Правила дѣлами одна часть царской семьи, власть которой воплощала въ себѣ Софья. Она знала, что въ другой части царской семьи первымъ человѣкомъ была царица Наталья. Обѣ женщины враждовали другъ противъ друга, сильно и сознательно вдохновляли ненавистью къ врагу и своихъ близкихъ. Одна (Софья) жила настоящимъ, знала, что власть ея падетъ скоро, съ совершеннолѣтіемъ Петра, и не желала этого. Другая (Наталья Кирилловна) была лишена власти, была въ опалѣ и знала, что скоро сынъ возвратитъ ей надлежащее мѣсто во дворцѣ; всѣ ея надежды были въ будущемъ. Семейная вражда породила двѣ враждебныя партіи людей, связавшихъ себя съ той или другой частью царской семьи и враждовавшихъ изъ за вліянія, изъ за карьеры и личнаго возвышенія. Эта борьба была уже не семейной, но политической враждой. Личное чувство любви поставило Голицына около Софьи; онъ не чувствовалъ ненависти къ Нарышкинымъ, но сознаніе, что они считаютъ его своимъ врагомъ и въ будущемъ не пощадятъ, заставляло его въ отчаяніи желать вслухъ смерти царицы Натальи. Но съ начала и до конца онъ не былъ активнымъ участникомъ борьбы, стоялъ далеко не въ центрѣ политическихъ интригъ. Велъ интригу Шакловитый, человѣкъ безнравственный и злобный, службою Софьѣ строившій свою личную карьеру. Шакловитый спокойно выражалъ сожалѣніе, что не всѣ Нарышкины побиты въ 1682 г.; онъ старательно стремился поправить такую ошибку и, при случаѣ уничтоживъ враговъ, укрѣпить Софью на престолѣ, а себя—на службѣ. И много лицъ мечтали, какъ онъ, помогая Софьѣ, устроиться самимъ. На противоположной сторонѣ, у Натальи Кирилловны было не меньше друзей. Во главѣ ея партіи стояли два человѣка: братъ царицы Левъ Кир. Нарышкинъ, сдержанный, умный, но мало образованный и не привыкшій къ широкой дѣятельности человѣкъ,—и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, „дядька" (т. е. воспитатель) Петра. Это былъ человѣкъ, по образованію мало уступавшій своему двоюродному брату, князю В. В. Голицыну. Не уступалъ онъ ему и умомъ, и общей нравственной высотой, но былъ жертвою грустной привычки—пьянства. Бояре въ ссорѣ упрекали его, что онъ „весь налитъ виномъ", въ народѣ шелъ говоръ, что князь Борисъ „и государя (т. е. Петра) пить научилъ". Слабость эта много мѣшала ему и въ жизни, и въ службѣ; однако, охраняя интересы Петра противъ Софьи, князь Борисъ явился боевымъ руководителемъ партіи Нарышкиныхъ и доставилъ Петру побѣду въ послѣднемъ столкновеніи 1689 г. Партія Нарышкиныхъ, какъ

и партія Софьи, имѣла многихъ приверженцевъ во всѣхъ слояхъ общества, даже среди бывшихъ помощниковъ Милославскихъ—стрѣльцовъ. И чѣмъ ближе подходило время совершеннолѣтія Петра, тѣмъ болѣе примыкало къ партіи Нарышкиныхъ дальновидныхъ людей, предвидѣвшихъ, въ чью пользу разрѣшится семейно-политическая борьба.

Но рядомъ съ политической борьбой, въ Москвѣ въ то время шла борьба религіозная: стало распространяться мнѣніе, что пресуществленіе св. Даровъ совершается за литургіей не во время молитвы іерея, призывающей св. Духа, а во время произнесенія словъ І. Христа („Пріимите, ядите...“). Это католическое мнѣніе, появившееся въ Малороссіи подъ польскимъ вліяніемъ, было принесено въ Москву извѣстнымъ С. Полоцкимъ; затѣмъ поддерживалось его ученикомъ, русскимъ ученымъ монахомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ и тѣми русскими, которые получили образованіе въ южно-русскихъ школахъ. Шумные споры, шедшіе въ Москвѣ объ этомъ предметѣ при патріархѣ Іоакимѣ (1674—1690 г.), перешли и въ литературу. С. Медвѣдевъ написалъ въ защиту своей „хлѣбопоклоннической ереси“ книгу „Манна“. Въ отвѣтъ на нее представители православія,, греки братья Лихуды, написали книгу „Акосъ“. За этими трудами явились и другіе. Богословскій споръ окончился только въ 1690 году церковнымъ соборомъ, осудившимъ ересь, и гоненіемъ на малорусскихъ ученыхъ, которые спѣшили уѣхать изъ Москвы. Слѣдя за развитіемъ этого богословскаго спора, мы замѣчаемъ, что представители ереси (С. Медвѣдевъ и др.) очень близки къ царевнѣ Софьѣ, воспитанной въ ихъ же духѣ, къ В. В. Голицыну и другимъ лицамъ стороны Милославскихъ. Близость къ правительству даже помогаетъ еретикамъ распространять свои взгляды. Напротивъ, православный патріархъ стремится опереться въ борьбѣ съ ними на сторону Петра. Ересь только тогда подвергается церковному осужденію, когда власть съ 1689 года переходитъ къ Нарышкинымъ. Такимъ образомъ, различныя религіозныя направленія примкнули въ своей борьбѣ къ готовымъ политическимъ партіямъ и въ нихъ искали себѣ опоры. С. Медвѣдевъ поэтому пострадалъ одновременно и какъ еретикъ, и какъ политическій преступникъ, приверженецъ Софьи. Споръ о пресуществленіи привлекъ вниманіе не только русскаго общества, но и католической іерархіи. Желая торжества ереси, католичество послало въ Москву своихъ представителей іезуитовъ, которые высматривали положеніе дѣла, готовясь воспользоваться въ своихъ цѣляхъ всякимъ удобнымъ случаемъ. Въ Москвѣ, вѣроятно, ихъ стараніями, появились католическія книги. Князь В. В. Голицынъ дружилъ съ іезуитами и старался добыть имъ позволеніе жить постоянно въ Москвѣ. Трудно сказать въ точности, каковы были надежды католичества, но нѣтъ сомнѣнія, что католическая пропаганда цѣплялась за сильнѣйшую партію 80-хъ годовъ XVII вѣка, имѣя виды на Россію. Въ то же время юноша

Петръ подпалъ иноземному вліянію совсѣмъ иного сорта. Далекій отъ богословскихъ тонкостей, онъ былъ враждебенъ католичеству, не интересовался протестантскимъ богослуженіемъ, но увлекался западно-европейской культурой въ томъ ея складѣ, какой установился въ протестантскихъ государствахъ. Съ паденіемъ Софьи, католическія попытки пропаганды на Руси прекратились, іезуиты были прогнаны изъ Москвы, а съ реформой Петра протестантская культура стала широко вліять на Русь.

Такъ, рядомъ съ борьбой семейной, политической и церковной, въ концѣ XVII вѣка разрѣшился вопросъ о формѣ воздѣйствія на Москву западно-европейской культуры. Разрѣшили его тѣ вліянія, подъ которыми Петръ находился въ годы отрочества и юности. Посмотримъ на первые шаги этихъ вліяній.

„Потѣхи“ Петра. Въ дѣтствѣ, какъ мы видимъ, Петръ не получилъ никакого образованія, кромѣ простой грамотности и кое-какихъ историческихъ свѣдѣній. Забавы его носили ребячески-военный характеръ. Обстановка жизни сообщила ему нѣсколько тяжелыхъ впечатлѣній. Будучи царемъ, онъ въ то же время находился подъ опалой съ 10 лѣтъ и съ матерью долженъ былъ жить въ потѣшныхъ подмосковныхъ селахъ, а не въ Кремлевскомъ дворцѣ. Такое грустное положеніе лишало его возможности получить правильное дальнѣйшее образованіе и въ то же время освобождало отъ путъ придворнаго этикета. Не имѣя духовной пищи, но имѣя много времени и свободы, Петръ самъ долженъ былъ искать занятій и развлеченій. Можно думать, что мать никогда не стѣсняла любимаго единственнаго сына, и что воспитатель Петра, князь Борисъ Голицынъ, не слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Мы не видимъ, чтобы Петръ особенно подчинялся материнскому авторитету въ своихъ вкусахъ и занятіяхъ, чтобы Петра занимали другіе. Онъ самъ выбираетъ себѣ товарищей изъ тѣснаго круга придворныхъ и дворовыхъ служителей царицына двора и самъ съ этими товарищами ищетъ себѣ потѣхъ. Отрочество Петра отмѣчено самодѣятельностью и эта самодѣятельность шла въ двухъ направленіяхъ: 1) Петръ предавался по-прежнему военнымъ забавамъ, 2) Петръ стремился къ самообразованію.

Съ 1683 года вмѣсто „потѣшныхъ ребятокъ“ около Петра видимъ „потѣшные полки“ („потѣшные“, ибо стояли въ потѣшныхъ селахъ, а не потому, что служили только для потѣхи). Въ ноябрѣ 1683 г. Петръ начинаетъ формировать Преображенскій полкъ изъ охочихъ людей (до послѣднихъ лѣтъ своихъ Петръ помнилъ, что первымъ охотникомъ былъ придворный конюхъ Сергѣй Бухвостовъ). Въ отношеніи этого потѣшнаго полка Петръ былъ не государемъ, а товарищемъ-соратникомъ, учившимся наравнѣ съ прочими солдатами военному дѣлу. Съ разрѣшенія, конечно, матери и съ одобренія, быть можетъ, Б. Голицына (даже, быть можетъ, съ нѣкоторымъ его содѣйствіемъ),—Петръ, какъ говорится, и днюетъ, и

ночуетъ со своими потѣшными. Предпринимаются маневры и небольшіе походы, на Яузѣ строится потѣшная крѣпость (1685 г.), названная Пресбургомъ, словомъ—практически изучается военное дѣло, не по старымъ русскимъ образцамъ, а по тому порядку регулярной солдатской службы, какой въ XVII в. былъ заимствованъ Москвою съ Запада. Эти военныя „потѣхи“ требуютъ военныхъ припасовъ и денежныхъ средствъ, которые и отпускаются Петру изъ московскихъ приказовъ. Правительство Софьи не видитъ для себя никакой опасности въ такихъ „потѣхахъ марсовыхъ“ и не мѣшаетъ развитію потѣшныхъ войскъ. Оно испугалось этихъ войскъ позже, когда изъ потѣшныхъ выросла солидная военная сила. Но растилъ Петръ эту силу безпрепятственно. Не слѣдуетъ думать, что Петръ забавлялся съ одною дворовою челядью. Вмѣстѣ съ нимъ въ рядахъ потѣшныхъ были и товарищи его изъ высшихъ слоевъ общества. Стоявшій внѣ придворнаго этикета, Петръ мѣшалъ родовитыхъ людей и простолюдиновъ въ одну „дружину“, по выраженію С. М. Соловьева, и изъ этой дружины безсознательно готовилъ себѣ кругъ преданныхъ сотрудниковъ въ будущемъ. Военное дѣло и личность Петра сплачивали разнородные аристократическіе и демократическіе элементы въ одно общество съ однимъ направленіемъ. Пока это общество забавлялось,—позже оно стало работать съ Петромъ.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ организовались военныя игры Петра, пробудилось въ немъ сознательное стремленіе учиться. Самообученіе нѣсколько отвлекло Петра отъ исключительно военныхъ забавъ, сдѣлало шире его умственный кругозоръ и практическую дѣятельность. Лишенный правильнаго образованія, Петръ однако росъ въ кругу, далеко не вполнѣ невѣжественномъ. Нарышкины изъ дома Матвѣева вынесли нѣкоторое знакомство съ западной культурой. Сынъ А. С. Матвѣева, близкій къ Петру, былъ образованнымъ на европейскій ладъ. У Петра былъ нѣмецъ докторъ. Словомъ, не только не было національной замкнутости, но была нѣкоторая привычка къ нѣмцамъ, знакомство съ ними, симпатія къ Западу. Эта привычка и симпатія перешли и къ Петру и облегчили ему сближеніе съ иноземцами и ихъ наукой. Сближеніе это произошло около 1687 г. такимъ образомъ: въ предисловіи къ Морскому Регламенту самъ Петръ разсказываетъ, что кн. Я. Долгорукій привезъ ему въ подарокъ изъ заграницы астролябію, и никто не зналъ, какъ сладить съ иностраннымъ инструментомъ; тогда нашли Петру знающаго человѣка, голландца Франца Тиммермана, который объяснилъ, что для употребленія астролябіи нужно знать геометрію и иныя науки. У этого то Тиммермана Петръ „гораздо съ охотою присталъ учиться геометріи и фортификаціи“. Въ то же время онъ нашелъ въ селѣ Измайловѣ старый англійскій ботъ, валявшійся въ амбарѣ. Тиммерманъ объяснилъ Петру, что на этомъ ботѣ можно ходить противъ вѣтра, лавировать (чего русскіе не умѣли). Петръ заинтересо-

вался и нашелъ человѣка (какъ и Тиммермана—изъ Нѣмецкой слободы), голландца Карштенъ-Бранта, который сталъ учить Петра управленію парусами. Сперва учились на узенькой Яузѣ, а потомъ въ селѣ Измайловѣ на прудѣ.

Искусство навигаціи такъ увлекло Петра, что стало въ немъ страстью. Къ изученію этого дѣла онъ отнесся очень серьезно. Въ 1688 г. недовольный тѣмъ, что негдѣ плавать подъ Московой, онъ переносить свою забаву на Переяславское озеро (въ 100 слишкомъ верстахъ отъ Москвы на сѣверъ). Мать согласилась на отъѣздъ Петра, и Петръ принялся въ Переяславлѣ строить суда съ помощью мастеровъ-голландцевъ. Въ это время онъ ничего не хотѣлъ знать, кромѣ математики, военнаго дѣла и корабельныхъ забавъ. Но ему уже шелъ 17 годъ, онъ былъ очень развитъ и физически и умственно. Его мать въ правѣ была ждать, что достигшій совершеннолѣтія сынъ обратитъ вниманіе на государственныя дѣла и устранитъ отъ нихъ ненавистныхъ Милославскихъ. Но Петръ не интересовался этимъ и не думалъ бросать свое ученье и забавы для политики. Чтобы остепенить его, мать его женила (27 января 1689 г.) на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, къ которой Петръ не имѣлъ влеченія. Подчиняясь волѣ матери, Петръ женился, однако черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ свадьбы уѣхалъ въ Переяславль отъ матери и жены къ кораблямъ. Но лѣтомъ этого 1689 года онъ былъ вызванъ матерью въ Москву, потому что неизбѣжна была борьба съ Милославскими.

Разрывъ съ Софьею. Переяславскими потѣхами и женитьбой окончился періодъ отроческой жизни Петра. Теперь онъ взрослый юноша, привыкшій къ военному дѣлу, привыкающій къ кораблестроенію, самъ себя образовывающій, не богословски, какъ были образованы его отецъ и братья, а полупрактически, полутеоретически, преимущественно въ области точныхъ и прикладныхъ знаній. У него нѣтъ привычки къ этикету, есть привычка къ иноземцамъ—его учителямъ, у него демократическій кругъ товарищества. Онъ привыкъ къ занятіямъ и труду, но не доросъ еще до общественной дѣятельности; много обѣщая, какъ способная личность, онъ возбуждаетъ неудовольствіе и безпокойство близкихъ, потому что занятъ только забавами и странными для царя забавами. Его интересы, какъ государя, берегутъ другіе: другіе выбираютъ минуты для послѣдней борьбы съ узурпаторами его власти, другіе руководятъ дѣйствіями Петра въ этой борьбѣ.

Эти другіе были: Наталья Кирилловна, ея братъ Левъ Нарышкинъ и, кажется, больше всего „дядька“ Петра, князь Б. Голицынъ. Въ 1689 г., когда Петру минуло 17 лѣтъ, онъ могъ уже, какъ взрослый, упразднить регентство Софьи. Неудача второго Крымскаго похода 1689 г. возбудила общее недовольство и дала удобный поводъ къ дѣйствіямъ противъ нея. Соображая эти обстоятельства, партія Петра приготовилась дѣйствовать:

руководителемъ въ этихъ приготовленіяхъ, по довольно распространенному мнѣнію, былъ князь Б. Голицынъ.

Но прямо начать дѣло противъ Софьи не рѣшались. Въ то же время и Софья, понимая, что время близится къ развязкѣ, что слѣдуетъ отдать власть Петру, и, не желая этого, не рѣшалась на какія нибудь рѣзкія мѣры для укрѣпленія себя на престолѣ. Ей очень хотѣлось изъ правительницы стать „самодержицей“, иначе говоря, вѣнчаться на царство. Еще съ 1687 г. она и Шакловитый думали достигнуть этой цѣли помощью стрѣлецкаго войска. Но стрѣльцы не хотѣли поднимать новый бунтъ противъ Нарышкиныхъ и требовать незаконнаго восшествія на престолъ Софьи. Лишенная въ этомъ дѣлѣ сочувствія стрѣльцовъ, Софья отказывается отъ мысли о вѣнчаніи, но рѣшается самозванно именовать себя „самодержицей“ въ офиціальныхъ актахъ. Узнавъ объ этомъ, Нарышкины громко протестуютъ: раздается ропотъ и въ народѣ противъ этого нововведенія. Чтобы удержать власть, Софьѣ остается одно: привлечь къ себѣ народную симпатію и въ то же время возбудить народъ противъ Петра и Нарышкиныхъ. Вотъ почему и Софья, и ея вѣрный слуга Шакловитый жалуются народу на своихъ противниковъ и употребляютъ всѣ средства, чтобы поссорить съ ними народъ, особенно стрѣльцовъ. Но стрѣльцы весьма мало поддавались рѣчамъ Софьи, и это лишало ее храбрости. Со страхомъ слѣдила она за поведеніемъ Нарышкиныхъ и ждала отъ нихъ нападенія. Отношенія двухъ сторонъ съ часу на часъ обострялись.

Петръ, вызванный матерью изъ Переяславля въ Москву лѣтомъ 1689 г., началъ показывать Софьѣ свою власть. Въ іюлѣ онъ запретилъ Софьѣ участвовать въ крестномъ ходѣ, а когда она не послушалась, самъ уѣхалъ, устроивъ такимъ образомъ сестрѣ гласную непріятность. Въ концѣ іюля онъ едва согласился на выдачу наградъ участникамъ Крымскаго похода и не принялъ московскихъ военачальниковъ, когда они явились къ нему благодарить за награды. Когда Софья, напуганная выходками Петра, стала возбуждать стрѣльцовъ съ надеждой найти въ нихъ поддержку и защиту, Петръ не задумался арестовать на время стрѣлецкаго начальника Шакловитаго.

Петръ или, вѣрнѣе, руководившія имъ лица опасались стрѣлецкаго движенія въ пользу Софьи. Находясь въ Преображенскомъ, они внимательно слѣдили за положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ стрѣльцовъ въ Москвѣ черезъ преданныхъ имъ лицъ. Въ то же время и Софья боялась дальнѣйшихъ непріятностей со стороны Петра и посылала въ Преображенское своихъ лазутчиковъ. Отношенія къ началу августа 1689 года стали до того натянуты, что всѣ ждали открытаго разрыва; но ни та, ни другая сторона не хотѣла быть начинающей, зато обѣ старательно приготовлялись къ оборонѣ.

Разрывъ произошелъ такимъ образомъ: 7 августа вечеромъ Софья собрала въ Кремлѣ значительную вооруженную силу. Говорятъ, что ее напугалъ слухъ о томъ, что въ ночь съ 7 на 8 августа Петръ съ потѣшными явится въ Москву и лишитъ Софью власти. Стрѣльцовъ, призванныхъ въ Кремль, волновали въ пользу Софьи и противъ Петра нѣсколько преданныхъ правительницѣ лицъ. Видя военныя приготовленія въ Кремлѣ, слыша зажигательныя рѣчи противъ Петра, приверженцы царя (въ числѣ ихъ были и стрѣльцы) дали ему знать объ опасности. Но они преувеличили опасность и сообщили Петру, что на него съ матерью стрѣльцы „идутъ бунтомъ" и замышляютъ на нихъ смертное „убійство". Петръ прямо съ постели бросился на лошадь и съ тремя провожатыми ускакалъ изъ Преображенскаго въ Троицкую Лавру. Въ слѣдующіе дни, начиная съ 8 августа, въ Лавру съѣхались всѣ Нарышкины, всѣ бывшія на сторонѣ Петра знатныя и чиновныя лица; явилась и вооруженная сила—потѣшные и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ. Съ отъѣздомъ Петра и его двора въ Лавру насталъ открытый разрывъ.

Изъ Лавры Петръ и руководящія имъ лица потребовали отъ Софьи отчета въ вооруженіяхъ 7 августа и присылки депутацій отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Не отпустивъ стрѣльцовъ, Софья отправила къ Петру патріарха Іоакима, какъ посредника для перемирія. Но преданный Петру патріархъ не вернулся въ Москву. Петръ вторично потребовалъ представителей отъ стрѣльцовъ и отъ тяглыхъ людей Москвы. На этотъ разъ они явились въ Лавру наперекоръ желаніямъ Софьи. Видя, что сопротивляться Петру невозможно, что въ стрѣльцахъ нѣтъ поддержки, Софья сама ѣдетъ къ Троицѣ мириться съ Петромъ. Но ее возвращаютъ съ дороги именемъ Петра и угрозой, если она пріѣдетъ къ Троицѣ, обойтись съ нею „нечестно". Возвратясь въ Москву, Софья пробуетъ поднять стрѣльцовъ и народъ на Петра, но терпитъ неудачу. Стрѣльцы сами заставляютъ Софью выдать Петру Шакловитаго, котораго онъ потребовалъ. Лишается Софья и князя В. В. Голицына; послѣ выдачи Шакловитаго, Голицынъ добровольно явился въ Лавру, и ему отъ Петра была объявлена ссылка въ Каргополь (позднѣе въ Пинегу) за самоуправство въ управленіи и за нерадѣніе въ Крымскомъ походѣ. Шакловитый подвергся допросу и пыткѣ, повинился во многихъ умыслахъ противъ Петра въ пользу Софьи, выдалъ много единомышленниковъ, но не признался въ умыслѣ на жизнь Петра. Съ нѣкоторыми близкими ему стрѣльцами онъ былъ казненъ (11 сентября). Не избѣгъ казни и преданный Софьѣ Сильвестръ Медвѣдевъ. Обвиненный, какъ еретикъ и государственный преступникъ, онъ сперва былъ приговоренъ къ ссылкѣ, но позднѣе (1691) вслѣдствіе новыхъ на него обвиненій казненъ.

Вмѣстѣ съ участью друзей Софьи рѣшилась и ея участь. Расправляясь съ этими друзьями, Петръ написалъ своему брату Ивану письмо о

своихъ намѣреніяхъ: „Теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царство править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами, въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ". Такъ высказывалъ Петръ свое желаніе отстранить Софью и вступить во власть; а немного позднѣе этого письма Софья получила отъ Петра прямое приказаніе—итти въ монастырь. Повинуясь необходимости, она переѣхала на житье въ Новодѣвичій монастырь (подъ Москвой), но въ монахини не постриглась.

Такъ, осенью 1689 г. кончилось правленіе Софьи. Цари стали править безъ опеки или, точнѣе, при больномъ и слабоумномъ Иванѣ правилъ одинъ Петръ со своими близкими *).

Годы 1689—1699.

Продолженіе „потѣхъ". Съ 1689 года Петръ сталъ самостоятельнымъ правителемъ безо всякой видимой опеки надъ нимъ. Однако, самъ онъ не чувствуетъ никакого вкуса къ власти и отдаетъ ее другимъ. Съ паденіемъ Софьи главными лицами въ правительствѣ стали царица Наталья и патріархъ Іоакимъ. Иностранныя сношенія (Посольскій приказъ) были поручены Льву Кирилловичу Нарышкину. Прежде вліятельный, Борисъ Голицынъ потерялъ теперь свое вліяніе, благодаря тому, что его заподозрили въ желаніи смягчить участь кн. В. В. Голицына. Самъ Петръ, оставивъ дѣла на руки матери и родныхъ, возвратился къ потѣхамъ и кораблестроенію. Если же иногда онъ и вмѣшивался въ жизнь двора и государства, то при столкновеніяхъ со взглядами своей матери и патріарха долженъ былъ имъ уступать. Такъ новое правительство обнаруживало рѣзкое нерасположеніе къ иноземцамъ (вѣроятно, подъ вліяніемъ патріарха), несмотря на то, что Петръ лично къ нимъ благоволилъ. По смерти же патріарха Іоакима (1690 г.) на его мѣсто былъ избранъ Адріанъ положительно противъ воли Петра, предлагавшаго другое лицо.

*) О первыхъ годахъ жизни Петра см.: 1) Погодина „17 первыхъ лѣтъ въ жизни Имп. Петра В.", М., 1875; 2) Шмурло „Критическія замѣтки по исторіи Петра В." и „Петръ В. въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства" (оба труда—въ Журналѣ М. Н. Просв. за 1900 и 1911 годы); 3) Забѣлина „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи", I, М., 1872; 4) Соловьева „Ист. Рос.", XIII и XIV; 5) Щебальскаго „Чтенія изъ русск. ист. съ исхода XVII в." М., 1864—68; 6) Аристова „Моск. смуты въ правленіе цар. Софіи Алексѣевны", Варшава 1871 г.

Петръ зато совершенно самостоятельно устраивалъ свою личную жизнь. Въ эти годы онъ окончательно сблизился съ иноземцами. Прежде они являлись около него, какъ учителя и мастера, необходимые для устройства потѣхъ, и только. Теперь же мы видимъ около Петра иностранцевъ — друзей, сотрудниковъ и наставниковъ въ дѣлѣ, товарищей въ пирушкахъ и весельѣ. Замѣтнѣе прочихъ изъ такихъ иностранцевъ были шотландецъ Патрикъ Гордонъ, въ то время уже генералъ русской службы, и швейцарецъ Францъ Лефортъ, полковникъ русской службы. Первый былъ очень умнымъ и образованнымъ инженеромъ и артиллеристомъ. Всегда серьезный, но любезный и остроумный, всегда слѣдящій за наукой и политикой, Гордонъ былъ слишкомъ старъ, чтобы стать товарищемъ Петру (въ 1689 г., когда съ нимъ познакомился Петръ, ему было 54 года): но Гордонъ привлекъ къ себѣ Петра своимъ умѣніемъ обходиться съ людьми и по своимъ знаніямъ и уму сталъ его руководителемъ во всѣхъ серьезныхъ начинаніяхъ. Петръ до самой смерти Гордона выказывалъ ему свое уваженіе и привязанность. Но ближе и сердечнѣе сошелся Петръ около того же 1689 г. съ Лефортомъ. Это былъ не совсѣмъ уже молодой человѣкъ (род. 1653 г.), но живость характера и рѣдкая веселость и общительность позволила Лефорту стать другомъ юноши-царя. Далекій отъ серьезной науки, Лефортъ однакоже имѣлъ нѣкоторое образованіе и могъ дѣйствовать на Петра развивающимъ образомъ. Ему именно приписываютъ нѣкоторые изслѣдователи наибольшую роль въ развитіи у Петра стремленія къ западу. Думаютъ, что Лефортъ, доказывая царю превосходство западно-европейской культуры, развилъ въ немъ слишкомъ пренебрежительное отношеніе ко всему родному. Но и безъ Лефорта, по своей страстности, Петръ могъ воспитать въ себѣ это пренебреженіе.

Преимущественно черезъ Гордона и Лефорта Петръ ознакомился съ бытомъ Нѣмецкой слободы. Иноземцы въ XVII в. были выселены изъ Москвы въ подгородную слободу, которая и получила названіе Нѣмецкой. Ко времени Петра слобода эта успѣла обстроиться и смотрѣла нарядными западно-европейскимъ городкомъ. Иноземцы жили въ ней, конечно, на западный ладъ. Въ эту-то европейскую обстановку и попалъ Петръ, ѣздя въ гости къ своимъ знакомымъ иностранцамъ. Лефортъ, который пользовался въ слободѣ большой извѣстностью и любовью, ввелъ Петра запросто во многіе дома, и Петръ безъ церемоніи гостилъ и веселился у „нѣмцевъ". Слобода оказала на него большое вліяніе, онъ увлекся новыми для него формами жизни и отношеній, отбросилъ этикетъ, которымъ была окружена личность государя, щеголялъ въ „нѣмецкомъ" платьѣ, танцовалъ „нѣмецкіе" танцы, шумно пировалъ въ „нѣмецкихъ" домахъ. Онъ даже присутствовалъ на католическомъ богослуженіи въ слободѣ, что, по древне-русскимъ понятіямъ, было для него вовсе

неприлично. Сдѣлавшись въ слободѣ обычнымъ гостемъ, Петръ нашелъ тамъ и предметъ сердечнаго увлеченія—дочь виноторговца Анну Монсъ. Мало по малу Петръ, не выѣзжая изъ Россіи, въ слободѣ ознакомился съ бытомъ западно-европейцевъ и воспиталъ въ себѣ привычку къ западнымъ формамъ жизни. Вотъ почему историки придаютъ важное значеніе вліянію на Петра Нѣмецкой слободы. Она явилась для Петра первымъ уголкомъ Европы и завлекла его къ дальнѣйшему знакомству съ нею.

Но съ увлеченіемъ слободою не прекратились прежнія увлеченія Петра — воинскія потѣхи и караблестроеніе. Въ 1690 г. мы видимъ большіе маневры въ селѣ Семеновскомъ, въ 1691 г.,—большіе маневры подъ Пресбургомъ, потѣшной крѣпостью на Яузѣ. Все лѣто 1692 г. Петръ проводитъ въ Переяславлѣ, куда пріѣзжаетъ и весь московскій дворъ на спускъ корабля. Въ 1693 г. Петръ съ разрѣшенія матери ѣдетъ въ Архангельскъ, съ увлеченіемъ катается по морю и основываетъ въ Архангельскѣ верфь для постройки кораблей. Море, первый разъ видѣнное Петромъ, влечетъ его къ себѣ. Онъ возвращается и въ слѣдующемъ году въ Архангельскъ. Мать его, царица Наталья, умерла въ началѣ 1694 г., и Петръ сталъ теперь вполнѣ самостоятеленъ. Но онъ еще не принимается за дѣла, — все лѣто проводитъ на Бѣломъ морѣ и чуть не гибнетъ во время бури по дорогѣ въ Соловки. Въ Архангельскѣ съ нимъ теперь значительная свита; Петръ строитъ большой корабль, Гордонъ носитъ названіе контръ-адмирала будущаго флота; словомъ, затѣвается серьезный флотъ на Бѣломъ морѣ. Въ томъ же 1694 году мы видимъ послѣдніе потѣшные маневры подъ деревней Кожуховымъ, которые нѣсколькимъ участникамъ стоили жизни.

Такъ кончилъ Петръ свои потѣхи. Постепенно охота къ лодкамъ довела его до мысли о флотѣ на Бѣломъ морѣ; постепенно игра въ солдаты привела къ сформированію регулярныхъ полковъ и къ серьезнымъ военнымъ маневрамъ. Потѣхи теряли потѣшный характеръ, царь уже не только тѣшился, но и работалъ. Мало-по-малу складывались въ немъ и политическіе планы—борьба съ турками и татарами.

Въ свои 20—22 года Петръ многое зналъ и многое умѣлъ сравнительно съ окружающими. Самоучкой или подъ случайнымъ руководствомъ онъ познакомился съ военными и математическими науками, съ караблестроеніемъ и военнымъ дѣломъ. Руки его были въ мозоляхъ отъ топора и пилы, физическая дѣятельность и подвижность укрѣпили и безъ того сильное тѣло. Напряженныя физическая и умственная работа вызывали, какъ реакцію, стремленіе отдохнуть и повеселиться. Нравы этой эпохи и особенности окружавшей Петра среды обусловили нѣсколько грубоватый характеръ веселыхъ отдохновеній Петра. Не довольствуясь семейными вечеринками въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ любилъ кутнуть въ хо-

лостой компаніи. Эта компанія даже получила нѣкоторую постоянную организацію и называлась „всешутѣйшимъ соборомъ"; предсѣдателемъ ея былъ бывшій учитель Петра Никита Зотовъ, носившій званіе „Іаникита, всешутѣйшаго пресбургскаго, яузскаго и кокуйскаго патріарха". Служила эта компанія, какъ сама выражалась, „Бахусу и Ивашкѣ Хмѣльницкому". Съ этой компаніей Петръ устраивалъ иногда сумасбродныя забавы (напр., публично въ 1694 году отпраздновалъ свадьбу шута Тургенева съ шутовскимъ церемоніаломъ). На святкахъ съ ней Петръ ѣздилъ веселиться въ дома своихъ придворныхъ. Но жестокой ошибкой было бы думать, что эти забавы и компанія отвлекали Петра отъ дѣла. И самъ Петръ и его окружающіе умѣли работать и „дѣлу отдавали время, а потѣхѣ часъ".

Однако дружба Петра съ иноземцами, эксцентричность его поведенія и забавъ, равнодушіе и презрѣніе къ старымъ обычаямъ и этикету дворца вызывали у многихъ москвичей осужденіе — въ Петрѣ видѣли большого грѣховодника. И не только поведеніе Петра, но и самый его характеръ не всѣмъ могъ понравиться. Въ природѣ Петра, богатой и страстной, событія дѣтства развили долю зла и жестокости. Воспитаніе не могло сдержать эти темныя стороны характера, потому что воспитанія у Петра не было. Вотъ отчего Петръ былъ скоръ на слово и руку. Онъ страшно вспыхивалъ, иногда отъ пустяковъ, и давалъ волю гнѣву, при чемъ иногда бывалъ жестокъ. Его современники оставили намъ свидѣтельства, что Петръ многихъ пугалъ однимъ своимъ видомъ, огнемъ своихъ глазъ. Примѣры его жестокости увидимъ на судьбѣ стрѣльцовъ. Петръ вообще казался грознымъ царемъ уже въ своей молодости.

Азовъ. Таковъ былъ царь Петръ, когда постоянныя нападенія татаръ на Русь и обязательства, принятыя въ отношеніи союзниковъ, вызвали въ московскомъ правительствѣ мысль о необходимости возобновить военныя дѣйствія противъ турокъ и татаръ. Въ 1695 году война началась походомъ Петра на крѣпость Азовъ. Мы уже видѣли причины, по которымъ въ Москвѣ отказались отъ мысли вести нападенія на Крымъ. Видѣли также, что еще въ XVI и XVII в.в. Азовъ считался удобнымъ пунктомъ нападенія. Но мы не знаемъ, когда и у кого явилась мысль объ Азовскомъ походѣ. Въ народѣ считали виновникомъ похода Лефорта, но насколько это справедливо, сказать трудно. Еще въ 1694 г., во время „Кожуховскаго похода", австрійскій дипломатическій агентъ доносилъ изъ Москвы цесарю, что Петръ готовится къ войнѣ съ Турціей. Но самъ Петръ писалъ въ своихъ письмахъ, что у него подъ Кожуховымъ „ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было". Во всякомъ случаѣ мысль о походѣ явилась очень скоро послѣ Кожуховскихъ маневровъ: уже съ самаго начала 1695 года готовили дворянское войско къ походу на Крымъ (этотъ мнимый походъ на Крымъ долженъ былъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ

Азова). Весною же регулярныя московскія войска въ числѣ 30 тысячъ рѣками Окою и Волгою на судахъ дошли до Царицына, оттуда перешли на Донъ и явились подъ Азовомъ. Но сильный Азовъ, получая провіантъ и подкрѣпленія съ моря, не сдался. Штурмы не удавались; русское войско страдало отъ недостатка провіанта и отъ многовластія (имъ командовали Гордонъ, Лефортъ и Головинъ). Петръ, бывшій самъ въ войскѣ въ качествѣ бомбардира Преображенскаго полка, убѣдился, что Азова не взять безъ флота, который бы отрѣзалъ крѣпость отъ помощи съ моря. Русскіе отступили въ сентябрѣ 1695 года.

Неудача, несмотря на попытки ее скрыть, огласилась. Потери Петра были не меньше потерь Голицина въ 1687 и 1689 годахъ. Недовольство въ народѣ противъ иноземцевъ, которымъ приписывали неудачу, было очень велико. Петръ не падалъ духомъ, не прогналъ иноземцевъ и не оставилъ предпріятія. Впервые показалъ онъ здѣсь всю силу своей энергіи и въ одну зиму, съ помощью иноземцевъ, построилъ на Дону, въ устьѣ рѣки Воронежа, цѣлый флотъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ. Части галеръ и струговъ строили плотники и солдаты въ Москвѣ и въ лѣсныхъ мѣстахъ, близкихъ къ Дону. Эти части свозились въ Воронежъ и изъ нихъ собирались уже цѣлыя суда. Много препятствій и неудачъ преодолѣлъ царь, ставшій въ это время единодержавнымъ государемъ (братъ Петра, царь Иванъ умеръ, 29 января 1696 года). На Пасхѣ 1696 года въ Воронежѣ уже были готовы 30 морскихъ судовъ и болѣе 1000 рѣчныхъ барокъ для перевозки войскъ. Въ маѣ изъ Воронежа Дономъ двинулось русское войско къ Азову и вторично осадило его. На этотъ разъ осада была полной, ибо флотъ Петра не допускалъ къ Азову турецкихъ кораблей. На сушѣ подъ единоличнымъ начальствомъ боярина Шеина дѣла шли счастливо. Петръ самъ присутствовалъ въ войскѣ (въ чинѣ капитана) и, наконецъ, дождался счастливой минуты: 18 іюля Азовъ сдался на капитуляцію.

Какъ тяжела была раньше неудача, такъ велика была радость въ Москвѣ при полученіи извѣстія о побѣдѣ. Радовался и самъ Петръ: въ успѣхѣ онъ видѣлъ оправданіе своей предшествовавшей дѣятельности, своихъ „потѣхъ". Побѣда была отпразднована торжественнымъ вступленіемъ войскъ въ Москву, празднествами и большими наградами. Торжественно были извѣщены и союзники о русской побѣдѣ. Въ Польшѣ и на западѣ не ждали такого успѣха Петра и были имъ поражены. Слухъ о взятіи Азова прошелъ по всей Европѣ. Польскіе дипломаты плохо скрывали свой страхъ, внушаемый имъ политическими успѣхами сосѣдки— Москвы. Сами москвичи со времени царя Алексѣя не видали такихъ побѣдъ и находились подъ обаяніемъ взятія Азова.

И послѣ побѣды, какъ послѣ неудачи, Петръ не опустилъ рукъ. Зима 1696--97 гг. прошла въ заботахъ объ укрѣпленіи Азова и о по-

строеніи флота для Азовскаго моря. Въ Азовъ рѣшено переселить 3000 семей изъ волжскихъ городовъ и 3000 стрѣлецкаго войска. Построеніе флота рѣшено было совершить силами и средствами всего государства; такимъ образозомъ создалась своеобразная земская повинность: съ кадыхъ 10000 крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ владѣльцамъ, правительство желало получить снаряженный корабль; съ каждыхъ 8000 крестьянскихъ дворовъ духовныхъ владѣльцевъ — то же самое. Городское сословіе всего государства должно было снарядить 12 кораблей. Для этой цѣли землевладѣльцы должны были съѣхаться въ Москву, образовать компаніи („кумпанства"), разверстать издержки и повинности и готовить корабли въ 1698 году. Правительство же снабжало кумпанства инструкціями и необходимыми чертежами.

Заботясь о привлеченіи въ Россію техниковъ-иностранцевъ, Петръ рѣшился, для лучшаго утвержденія въ Россіи морского дѣла, создать и русскихъ техниковъ, для чего послалъ за границу знатную молодежь „учиться архитектуры и управленія корабельнаго". Пятьдесятъ молодыхъ придворныхъ были посланы въ Италію, Англію и Голландію, т. е. въ страны, знаменитыя тогда развитіемъ мореплаванія.

Высшее московское общество было непріятно поражено этимъ новшествомъ; Петръ не только самъ сдружился съ нѣмцами, но желаетъ, какъ видно, сдружить и другихъ. Еще больше поражены были русскіе люди, когда узнали, что самъ Петръ ѣдетъ заграницу.

Но раньше, чѣмъ царь успѣлъ собраться въ дорогу, произошелъ рядъ тревожныхъ событій. Въ 1697 г. простой монахъ Аврамій подалъ царю рукопись, наполненную упреками. Аврамій писалъ, что Петръ ведетъ себя „печально и плачевно", уклонился въ потѣхи, а государствомъ правятъ дьяки-мздоимцы. На эти упреки Петръ отвѣтилъ строгимъ слѣдствіемъ и ссылкою Аврамія съ его друзьями. Еще ранѣе Петръ за что-то пыталъ дядю своей жены П. А. Лопухина; другіе Лопухины были разосланы изъ Москвы. Очевидно, и они были недовольны за что-то Петромъ. Такъ, ко времени возмужалости Петра возрастало и недовольство имъ въ разныхъ слояхъ общества. Въ нѣкоторыхъ же кружкахъ недовольство перешло въ опредѣленный умыселъ убить Петра. Слѣдствіе, произведенное передъ самымъ отъѣздомъ его заграницу, выяснило, что главными заговорщиками на жизнь государя были бояре Соковнинъ и Пушкинъ и стрѣлецкій полковникъ Циклеръ. Мотивами покушенія они выставляли жестокости и новшества Петра и желали возмутить стрѣльцовъ. Циклеръ оговорилъ въ соучастіи и Софью. По этому дѣлу виновные подверглись казни. Повѣривъ соучастію Софьи и видя въ заговорѣ противъ себя сѣмя, посѣянное Ив. Мих. Милославскимъ, Петръ отомстилъ и Софьѣ и Милославскому (уже умершему въ 1685 г.) тѣмъ, что велѣлъ съ безчестіемъ вырыть гробъ Милославскаго и подставить

его подъ плаху такъ, чтобы при казни заговорщиковъ на него текла кровь казненныхъ.

Послѣ этой свирѣпой мести, устранивъ изъ Москвы подозрительныхъ лицъ для государственной и своей безопасности, Петръ отправился за границу.

Путешествіе. Петръ ѣхалъ инкогнито, въ свитѣ „великаго посольства", подъ именемъ Петра Алексѣевича Михайлова, урядника Преображенскаго полка. Отправленіе великаго посольства къ западнымъ державамъ (Германіи, Англіи, Голландіи, Даніи, Бранденбургу, также къ Римскому папѣ и въ Венецію) рѣшено было еще въ 1696 г. Цѣль посольства состояла „въ подтвержденіи древней дружбы и любви" съ европейскими монархами и „въ ослабленіи враговъ Креста Господня", т. е. въ достиженіи союза противъ турокъ. Во главѣ посольства стояли генералы Францъ Лефортъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. При нихъ состояло 50 человѣкъ свиты. Мы не знаемъ, какъ тогда Петръ объяснялъ цѣли своего собственнаго путешествія. Современники судили о небывалой поѣздкѣ русскаго царя въ чужія земли самымъ различнымъ образомъ. Одни говорили, что Петръ ѣдетъ въ Римъ молиться ап. Петру и Павлу; другіе, что онъ просто хочетъ развлечься; нѣкоторые думали, что Петра за границу увлекъ Лефортъ. Самъ Петръ впослѣдствіи, вспоминая свою поѣздку, писалъ, что поѣхалъ учиться морскому дѣлу. Это объясненіе конечно всего вѣрнѣе, но оно слишкомъ узко. Не одному морскому дѣлу хотѣлъ учиться Петръ, какъ мы увидимъ ниже.

Москву и государство Петръ оставилъ на руки боярской думы. Это не было при немъ неизвѣданною новизною: царь и раньше подолгу не бывалъ въ Москвѣ, уѣзжая въ Архангельскъ и подъ Азовъ. Офиціально считалось, что государь не уѣзжалъ; дѣла рѣшались его именемъ, бояре не получали никакихъ особыхъ полномочій. Нѣкоторые изслѣдователи замѣчаютъ, что единственною экстренною мѣрою при отъѣздѣ Петра было удаленіе изъ Москвы подозрительныхъ лицъ (въ родѣ Лопухиныхъ).

Для достиженія цѣли союза противъ турокъ посольство должно было отправиться прежде всего въ Вѣну. Но такъ какъ русскій резидентъ въ Вѣнѣ какъ разъ въ это время успѣлъ продолжить союзъ съ императоромъ на три года, то посольство, минуя Вѣну, отправилось въ Сѣверную Германію моремъ черезъ Ригу и Либаву. Въ Ригѣ, принадлежавшей шведамъ, Петръ получилъ рядъ непріятныхъ впечатлѣній и отъ населенія (которое дорого продавало продукты русскимъ), и отъ шведской администраціи. Губернаторъ Риги (Дальбергъ) не допустилъ русскихъ къ осмотру укрѣпленій города, и Петръ посмотрѣлъ на это, какъ на оскорбленіе. Въ Курляндіи зато пріемъ былъ радушнѣе, а въ Пруссіи (тогда еще въ Бранденбургскомъ курфюршествѣ) курфюрстъ

Фридрихъ встрѣтилъ русское посольство чрезвычайно привѣтливо. Въ Кенигсбергѣ для Петра и пословъ данъ былъ рядъ праздниковъ. Между весельемъ Петръ серьезно занимался изученіемъ артиллеріи и получилъ отъ прусскихъ спеціалистовъ дипломъ, признавшій его за „искуснаго огнестрѣльнаго художника". Русское посольство между тѣмъ вело съ бранденбургскимъ правительствомъ оживленные переговоры о союзѣ; но русскіе желали союза противъ турокъ, а пруссаки—противъ шведовъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣкоторыхъ экскурсій по Германіи Петръ отправился въ Голландію ранѣе своихъ спутниковъ. На дорогѣ туда встрѣтился онъ съ двумя курфюрстинами (Ганноверской и Бранденбургской), которыя оставили намъ его характеристику. „У него прекрасныя черты лица и благородная осанка — пишетъ одна изъ нихъ; онъ обладаетъ большою живостью ума; отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ". Грубость Петра выражалась въ отсутствіи той свѣтской выдержки, къ какой привыкли германскія принцессы. При началѣ бесѣды съ принцессами Петръ очень конфузился, закрывалъ лицо руками. „Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно", замѣтила другая курфюрстина. Этой свѣтской выдержкой Петръ не овладѣлъ вполнѣ, кажется, никогда, но впослѣдствіи онъ потерялъ свою робость и застѣнчивость.

Въ Голландіи Петръ прежде всего направился въ городокъ Саардамъ (Саандамъ); тамъ были знаменитыя карабельныя верфи, о которыхъ онъ слышалъ еще въ Россіи. Въ Саардамѣ принялся онъ плотничать и на досугѣ кататься по морю. Но его инкогнито, плохо соблюдавшееся и въ Германіи, было нарушено и здѣсь; въ Петрѣ Михайловѣ узнали царя Петра и весь городъ стремился посмотрѣть на диковиннаго гостя. Петръ сердился, жаловался, даже билъ назойливыхъ зѣвакъ, но ему толпа не давала ни спокойно работать на верфи, ни отдыхать въ его скромномъ домикѣ (Этотъ домикъ въ ноябрѣ 1886 г. переданъ Нидерландами въ даръ Россіи и принятъ нашимъ правительствомъ). Разсерженный Петръ, пробывъ въ Саардамѣ всего недѣлю, переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ оставался съ половины августа 1697 до января 1698 г., лишь на короткое время выѣзжая въ Гаагу и др. города. Въ Амстердамѣ онъ учился кораблестроенію на Остъ-Индской верфи и достигъ значительныхъ успѣховъ, но остался недоволенъ голландскимъ кораблестроеніемъ. Уже въ Россіи онъ научился плотничать, въ Голландіи же искалъ изучить теорію кораблестроенія. Но голландцы строили

суда навыкомъ, не умѣя составлять корабельныхъ чертежей, не зная теоріи корабельнаго искусства. Это-то и сердило Петра: „зѣло ему стало противно—писалъ онъ самъ о себѣ,—что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ“. Случайно узналъ онъ, что теорія судостроенія выработана у англичанъ, и рѣшился поѣхать въ Англію; въ Москву же послалъ приказъ подчинить голландскихъ мастеровъ на Воронежской верфи мастерамъ венеціанскимъ и датскимъ.

Неудачу потерпѣлъ Петръ въ занятіяхъ морскимъ дѣломъ, неудачу потерпѣло и посольство русское въ Гаагѣ: Голландія отклонила отъ себя всякое участіе въ войнѣ противъ турокъ. Съ чувствомъ неудовольствія оставлялъ Петръ Голландію, но въ ней тѣмъ не менѣе онъ многому научился. Одновременно съ работами на верфи, онъ занимался математикою, астрономіей, рисованіемъ и гравированіемъ, онъ посѣщалъ разные музеи, слушалъ лекціи медицины, интересовался всѣми отраслями положительныхъ знаній, присматривался къ различнымъ механическимъ усовершенствованіямъ, знакомился съ морскими промыслами (напр., китоловными). Привыкая къ особенностямъ блестящей, зажиточной и просвѣщенной голландской жизни, Петръ пріобрѣталъ массу новыхъ культурныхъ впечатлѣній, развивался и образовывался.

Въ Англіи, куда Петръ переѣхалъ безъ посольства въ началѣ 1698 г., повторилось то же самое, что и въ Голландіи. Петръ учился теоріи судостроенія и военному дѣлу, катался по Темзѣ и присматривался къ англійской жизни, вращаясь въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Англійскіе инженеры, техники, моряки производили на Петра лучшее впечатлѣніе, чѣмъ голландскіе, и онъ усердно приглашалъ ихъ въ Россію. Зато, политическая и придворная жизнь въ Англіи мало интересовала Петра (то же было и въ Голландіи), и высшее англійское общество имѣло основаніе считать Петра „мизантропомъ“ и „морякомъ“. Избѣгая придворныхъ церемоній, Петръ держалъ себя такъ свободно и странно для монарха, что встрѣтилъ осужденіе со стороны англійскаго двора, которому „надоѣли причуды царя“, какъ писалъ одинъ дипломатъ.

Въ апрѣлѣ 1698 г. Петръ вернулся въ Голландію, къ посольству, чтобы съ нимъ ѣхать въ Вѣну. До Вѣны онъ доѣхалъ только въ іюнѣ и прожилъ тамъ около мѣсяца. Встрѣченный императоромъ Леопольдомъ очень радушно, онъ осматривалъ Вѣну, а между тѣмъ дѣятельно шли переговоры русскихъ и вѣнскихъ дипломатовъ о войнѣ съ турками. Съ удивленіемъ и досадой видѣлъ Петръ, что австрійскіе политики не только не раздѣляютъ его завоевательныхъ видовъ на Турцію, но даже не желаютъ продолженія и той вялой войны, какую вели до тѣхъ поръ. Русскіе говорили, что если уже императоръ желаетъ мира, то слѣдуетъ заключить его въ интересахъ не одной Австріи, а всѣхъ союзниковъ. Но и эта мысль не находила въ Вѣнѣ сочувствія. Петръ убѣдился, что

коалиція противъ турокъ, о которой онъ мечталъ, невозможна, что слѣдуетъ и Россіи мириться съ Турціей, если она не хочетъ воевать съ нею одинъ на одинъ.

Въ іюлѣ царь думалъ ѣхать изъ Вѣны въ Италію, но получилъ извѣстія изъ Москвы о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ. Хотя скоро пришло донесеніе, что бунтъ подавленъ, однако, Петръ поспѣшилъ домой. По дорогѣ въ Москву, проѣзжая черезъ Польшу, Петръ видѣлся съ новымъ польскимъ королемъ Августомъ II (въ то же время и курфюрстомъ саксонскимъ); встрѣча ихъ была очень дружественная (Россія сильно поддерживала Августа при выборахъ на польскій престолъ). Августъ предложилъ Петру союзъ противъ Швеціи, и Петръ, наученный неудачею своихъ противотурецкихъ плановъ, не отвѣтилъ такимъ отказомъ, какъ отвѣтилъ раньше Пруссіи. Онъ въ принципѣ согласился на союзъ. Такъ за границу повезъ онъ мысль объ изгнаніи изъ Европы турокъ, а изъ-за границы привезъ мысль о борьбѣ со Швеціей за Балтійское море.

Что же дало Петру заграничное путешествіе? Результаты его очень велики: во 1-хъ, оно послужило для сближенія Московскаго государства съ Западной Европою, во 2-хъ, окончательно выработало личность и направленіе самого Петра.

Пользуясь пребываніемъ за границею царя, европейскія правительства спѣшили извлечь изъ сношеній съ нимъ всевозможныя выгоды для своихъ странъ. Дипломатическія отношенія Россіи съ Западомъ пошли гораздо живѣе со времени путешествія Петра. Русскіе дипломаты и учащаяся молодежь, явившаяся на западъ вмѣстѣ съ посольствомъ и отдѣльно отъ него, знакомили европейцевъ съ Россіей. Въ свою очередь иностранцы толпами потянулись на Русь, вслѣдствіе приглашенія самого Петра и его уполномоченныхъ. Необычайный фактъ путешествія Московскаго царя возбудилъ любопытство всего западно-европейскаго общества и къ личности царя, и къ его народу. Въ Германскихъ университетахъ темою диспутовъ ставили поѣздку Петра и будущее просвѣщеніе Россіи, какъ результатъ этой поѣздки. Философъ Лейбницъ составлялъ просвѣтительные проекты преобразованія Руси. Европа, видя поведеніе Петра, догадывалась, что результатомъ просвѣщенія самого Петра будетъ просвѣщеніе его государства. Поэтому, поѣздка Петра стала весьма популярнымъ предметомъ для политическихъ и культурныхъ разсужденій.

Для самого Петра путешествіе было послѣднимъ актомъ самообразованія. Онъ желалъ получить свѣдѣнія по судостроенію, а получилъ сверхъ того массу впечатлѣній, массу знаній. Болѣе года пробылъ онъ за границей, всегда въ толпѣ, среди разнообразныхъ лицъ, среди разныхъ національныхъ культуръ. Онъ не только увидѣлъ культурное и матеріальное превосходство богатѣйшихъ странъ Запада надъ своей бѣдной Русью, но и сжился съ обычаями этихъ странъ, сталъ въ нихъ какъ бы

своимъ человѣкомъ и не могъ вернуться къ старому міровоззрѣнію. Сознавая превосходство Запада, онъ рѣшился приблизить къ нему свое государство путемъ реформы. Смѣло можно сказать, что Петръ, какъ реформаторъ, созрѣлъ за границей. Но все воспитаніе Петра, вся его жизнь въ Москвѣ обусловили собою нѣкоторую односторонность въ его заграничномъ самообразованіи: покоритель Азова и создатель русскаго флота, Петръ далеко стоялъ отъ вопросовъ внутренняго управленія Московскаго государства. И за границей Петра завлекало морское и военное дѣло, культура и промышленность, но сравнительно весьма мало занимало общественное устройство и управленіе Запада. По возвращеніи въ Москву, Петръ немедленно начинаетъ „реформы", окончательно порываетъ со старыми традиціями: но его первые шаги на пути реформъ не касаются еще государственнаго быта. Онъ является съ культурными новшествами по преимуществу и съ большою рѣзкостью проводитъ ихъ въ жизнь. Къ реформѣ государственнаго устройства и управленія онъ переходитъ гораздо позднѣе.

Годы 1698 и 1699. 25 августа 1698 г. вернулся Петръ въ Москву изъ путешествія. Въ этотъ день онъ не былъ во дворцѣ, не видѣлъ жены; вечеръ провелъ въ Нѣмецкой слободѣ, оттуда уѣхалъ въ свое Преображенское. На слѣдующій день, на торжественномъ пріемѣ боярства въ Преображенскомъ онъ началъ рѣзать боярскія бороды и окорачивать длинные кафтаны. Брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья были объявлены обязательными. Нежелавшіе брить бородъ скоро стали платить за нихъ ежегодную пошлину, относительно же ношенія нѣмецкаго платья не существовало никакихъ послабленій для лицъ дворянскаго и городского сословія, въ старомъ нарядѣ осталось одно крестьянство, да духовныя лица. Старыя русскія воззрѣнія не одобряли брадобритія и перемѣны одежды, въ бородѣ видѣли внѣшній знакъ внутренняго благочестія, безбородаго человѣка считали неблагочестивымъ и развратнымъ. Московскіе патріархи, даже послѣдній—Адріанъ—запрещали брадобритіе; московскій же царь Петръ дѣлалъ его обязательнымъ, не стѣсняясь авторитетомъ церковныхъ властей. Рѣзкое противорѣчіе мѣры царя съ давними привычками народа и проповѣдью русской іерархіи придало этой мѣрѣ характеръ важнаго и крутого переворота и возбудило народное неудовольствіе и глухое противодѣйствіе въ массѣ. Но и болѣе рѣзкіе поступки молодого монарха не замедлили явиться глазамъ народа. Не медля по возвращеніи изъ за границы Петръ возобновилъ слѣдствіе о томъ бунтѣ стрѣльцовъ, который заставилъ его прервать путешествіе.

Бунтъ этотъ возникъ такимъ образомъ. Стрѣлецкіе полки по взятіи Азова были посланы туда для гарнизонной службы. Не привыкнувъ къ долгимъ отлучкамъ изъ Москвы, оставивъ тамъ семьи и промыслы, стрѣльцы тяготились дальней и долгой службой и ждали возвращенія въ

Москву. Но изъ Азова ихъ перевели къ польской границѣ, а въ Азовъ на мѣсто ушедшихъ двинули изъ Москвы всѣхъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые еще оставались тамъ. Въ Москвѣ не осталось ни одного стрѣлецкаго полка, и вотъ среди стрѣльцовъ на польской границѣ разнесся слухъ, что ихъ навсегда вывели изъ столицы и что стрѣлецкому войску грозитъ опасность уничтоженія. Этотъ слухъ волнуетъ стрѣльцовъ; виновниками такого несчастія они считаютъ бояръ и иностранцевъ, завладѣвшихъ дѣлами. Они рѣшаются силой противозаконно возвратиться въ Москву и на дорогѣ (подъ Воскресенскимъ монастыремъ) сталкиваются съ регулярными войсками, высланными противъ нихъ. Дѣло дошло до битвы, которой стрѣльцы не выдержали и сдались. Бояринъ Шеинъ произвелъ розыскъ о бунтѣ, многихъ повѣсилъ, остальныхъ бросилъ въ тюрьмы.

Петръ остался недоволенъ розыскомъ Шеина и началъ новое слѣдствіе. Въ Преображенскомъ начались ужасающія пытки стрѣльцовъ. Отъ стрѣльцовъ добились новыхъ показаній о цѣляхъ бунта: нѣкоторые признались, что въ ихъ дѣлѣ замѣшана царевна Софья, что это въ ея пользу стрѣльцы желали произвести переворотъ. Трудно сказать, насколько это обвиненіе Софьи было справедливо, а не вымучено пытками, но Петръ ему повѣрилъ и страшно мстилъ сестрѣ и каралъ бунтовщиковъ. Софья, по показанію современника, была предана суду народныхъ представителей. Приговора суда мы не знаемъ, но знаемъ дальнѣйшую судьбу царевны. Она была пострижена въ монахини и заключена въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ жила съ 1689 г. Передъ самыми ея окнами Петръ повѣсилъ стрѣльцовъ. Всего же въ Москвѣ и Преображенскомъ было казнено далеко за тысячу человѣкъ. Петръ самъ рубилъ головы стрѣльцамъ и заставлялъ то же дѣлать своихъ приближенныхъ и придворныхъ. Ужасы, пережитые тогда Москвою, трудно разсказать: С. М. Соловьевъ характеризуетъ осенніе дни 1698 г., какъ время „террора“.

Рядомъ съ казнями стрѣльцовъ и уничтоженіемъ стрѣлецкаго войска, Петръ переживалъ и семейную драму. Еще будучи за границей, Петръ уговаривалъ свою жену постричься добровольно. Она не согласилась. Теперь Петръ отправилъ ее въ Суздаль, гдѣ она, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, была пострижена въ монахини подъ именемъ Елены (іюнь 1699 г.). Царевичъ Алексѣй остался на рукахъ у тетки Натальи Алексѣевны.

Рядъ ошеломляющихъ событій 1698 г. страшно подѣйствовалъ и на московское общество и на самого Петра. Въ обществѣ слышался ропотъ на жестокости, на новшества Петра, на иностранцевъ, сбившихъ Петра съ пути. На голосъ общественнаго неудовольствія Петръ отвѣчалъ репрессіями: онъ не уступалъ ни шагу на новомъ пути, безъ пощады рвалъ всякую связь съ прошлымъ, жилъ самъ и другихъ заставлялъ

жить по новому. И эта борьба съ общественнымъ мнѣніемъ оставляла въ немъ глубокіе слѣды: отъ пытки и серьезнаго труда переходя къ пиру и отдыху, Петръ чувствовалъ себя неспокойно, раздражался, терялъ самообладаніе. Если бы онъ высказывался легче и обнаруживалъ яснѣе свой внутренній міръ, онъ разсказалъ бы, конечно, какихъ душевныхъ мукъ стоила ему вторая половина 1698 г., когда онъ впервые расчитался со старымъ порядкомъ и сталъ проводить свои культурныя новшества.

А политическія событія и внутренняя жизнь государства шли своимъ чередомъ. Обращаясь къ управленію государствомъ, Петръ въ январѣ 1699 г. проводитъ довольно крупную общественную реформу: онъ даетъ право самоуправленія тяглымъ общинамъ посредствомъ выборныхъ Бурмистерскихъ палатъ. Эти палаты (а за ними и всѣ тяглые люди) изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ и подчинены Московской Бурмистерской палатѣ также выборной. Въ концѣ того же 1699 г. Петръ измѣняетъ способъ лѣтосчисленія. Наши предки вели счетъ лѣтъ отъ сотворенія міра, а начало года съ 1-го Сентября (по старому счету 1-е сент. 1699 г. было 1 сент. 7208 г.). Петръ предписалъ 1 января этого 7208 г. отпраздновать, какъ Новый годъ, и этотъ январь считать первымъ мѣсяцемъ 1700 г. отъ Рожд. Хв. Въ перемѣнѣ календаря Петръ опирался на примѣръ православныхъ славянъ и грековъ, чувствуя, что отмѣна стараго обычая многимъ не понравится.

Такъ въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ Петръ начиналъ свои реформы. Одновременно съ этимъ намѣчалъ онъ и новое направленіе своей внѣшней политики. Подготовительный къ дѣятельности періодъ кончился. Петръ сформировался и принимался за тяжелое бремя самостоятельнаго управленія, самостоятельной политики. Рождалась великая эпоха нашей исторической жизни.

Внѣшняя политика Петра съ 1700 года.

Съ 1700 г. Петръ началъ Шведскую войну (главное дѣло его внѣшней политики). Съ 1700 г. Петръ является уже вполнѣ созрѣвшимъ правителемъ-реформаторомъ. Хронологическій обзоръ его жизни, имѣвшій цѣлью прослѣдить развитіе личности и взглядовъ Петра и обстановку этого развитія, мы можемъ теперь замѣнить систематическимъ обзоромъ дѣятельности преобразователя. Общеизвѣстность событій времени Петра избавляетъ насъ отъ необходимости излагать подробности этихъ событій: мы будемъ слѣдить лишь за общимъ ходомъ, смысломъ и связью ихъ, обращая вниманіе преимущественно на результаты, достигнутые Петромъ. Это дастъ намъ возможность въ цѣломъ отмѣтить сущность преобразовательной дѣятельности Петра.

Первоначально обратимся къ внѣшней политикѣ, затѣмъ разсмотримъ внутреннія реформы и, наконецъ, попробуемъ дать характеристику самого преобразователя и ту степень успѣха и общественнаго сочувствія, какою пользовалась его дѣятельность.

Выше было сказано, что заграничное путешествіе показало Петру невозможность коалиціи противъ турокъ и необходимость коалиціи противъ шведовъ. Сильно занятый, до своего путешествія, мыслью объ изгнаніи турокъ изъ Европы, Петръ затѣмъ постоянно мечтаетъ о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря (мечта эта привела Ивана Грознаго къ тяжелой неудачѣ). Соблазнительнымъ показалось Петру предложеніе Августа о союзѣ противъ шведовъ, но онъ соглашался на него только принципіально, потому что не вполнѣ надѣялся на миръ съ турками, а турецкая война исключала возможность всякой иной.

Возвратясь въ Москву, Петръ хлопочетъ о мирѣ съ турками, чтобы не быть покинутымъ нѣмцами-союзниками. Въ концѣ 1698 г. думный дьякъ Возницынъ заключаетъ съ турками перемиріе, а лѣтомъ 1699 года другой думный дьякъ Украинцевъ на русскомъ кораблѣ отправленъ въ Константинополь для заключенія мира. Но переговоры о мирѣ затянулись почти на цѣлый годъ, и это обстоятельство связывало Петру руки. Во время препирательствъ Украинцева съ турками въ Москву явились послы отъ Августа Саксонско-Польскаго, чтобы окончательно выработать условія коалиціи противъ Швеціи. Иниціаторомъ коалиціи былъ Августъ, искавшій союза не съ однимъ Петромъ, но и съ Даніей. Сосѣднія со Швеціей державы желали лишить ее преобладанія на Балтійскомъ морѣ и земель, занятыхъ шведами на востокъ и югъ отъ Балтики. Эти желанія державъ вдохновили шведскаго эмигранта Паткуля къ возбужденію коалиціи противъ его бывшаго правительства. Будучи жертвою „редукціи", т. е. конфискаціи дворянскихъ земель, предпринятой шведскими королями съ цѣлью добить ослабѣвшую аристократію, Паткуль эмигрировалъ и желалъ отомстить шведскому правительству отнятіемъ Лифляндіи (родины Паткуля). Думая не безъ основанія найти поддержку у Августа, Паткуль къ нему обратился съ своимъ планомъ союза противъ Швеціи, Августъ ухватился за этотъ планъ, привлекъ къ союзу Данію и отправилъ Паткуля въ Москву привлекать Петра.

Въ Преображенскомъ, осенью 1699 года, происходили въ глубокой тайнѣ переговоры о союзѣ. Результатомъ ихъ явился союзный договоръ Петра съ Августомъ, по которому Петръ обязывался вступить въ войну со Швеціей, но оставлялъ за собою право начать военныя дѣйствія не ранѣе заключенія мира съ турками. Такое направленіе далъ Петръ своей дальнѣйшей политикѣ. Можно съ достовѣрностью сказать, что при самомъ началѣ войны со Швеціей у Петра была единственная цѣль— завладѣть берегомъ Финскаго залива, пріобрѣсти море съ удобною га-

ванью. Союзники Петра думали эксплоатировать силы Россіи въ свою пользу, получить русскія войска въ свое распоряженіе и направить ихъ для завоеванія южныхъ шведскихъ областей на восточномъ берегу Балтійскаго моря; они не желали усиленія Россіи и боялись, что Петръ будетъ дѣйствовать на сѣверѣ въ своихъ исключительно видахъ. Боязнь ихъ была основательной; вѣрный традиціямъ родины, Петръ немедленно послѣ заключенія договора начинаетъ военныя развѣдки въ окрестностяхъ Нарвы, важнѣйшей шведской крѣпости на Финскомъ заливѣ (съ этой цѣлью въ мартѣ 1700 г. посланъ въ Нарву Кормчинъ). Очевидно Петръ думаетъ о пріобрѣтеніи ближайшихъ къ Руси Балтійскихъ береговъ, а не о простой помощи союзникамъ.

Но, готовясь къ войнѣ, московское правительство и самъ Петръ настолько искусно скрываютъ свои планы, что участіе Россіи въ союзѣ противъ Швеціи долго остается тайною. Германская и шведская дипломатія могла ловить только смутные слухи о намѣреніи Петра объявить шведамъ войну, а шведскій резидентъ въ Москвѣ (Книперкронъ) усердно доносилъ своему правительству о миролюбіи и дружескихъ чувствахъ Петра. Петръ ласкалъ Книперкрона, обѣщалъ ему, если Августъ возьметъ у шведовъ Ригу, „вырвать" ее у короля (не договаривая, въ чью пользу); въ то же время Петръ отправилъ въ Швецію посла кн. Хилкова съ дружественными увѣреніями. Это было въ іюнѣ 1700 года; миръ съ турками еще не былъ заключенъ.

Между тѣмъ Данія и Августъ начали военныя дѣйствія; датскія войска заняли герцогство Голштейнъ-Готторпское, союзное Швеціи; Августъ осаждалъ Ригу. На шведскомъ престолѣ былъ молодой, 18-тилѣтній государь Карлъ XII, проявлявшій признаки государственныхъ способностей въ меньшей степени, чѣмъ охоту къ шумнымъ забавамъ. Для враговъ Швеціи одна личность Карла представлялась уже хорошимъ шансомъ успѣха. Но, узнавъ о нападеніи враговъ, Карлъ неожиданно оставилъ свои мальчишества, тайно пріѣхалъ къ войску, переправился съ нимъ къ Копенгагену и заставилъ датчанъ заключить миръ (въ Травендалѣ 8-го августа 1700 года). Данія отпала отъ коалиціи. Августъ не имѣлъ успѣха подъ Ригою. Въ эту-то минуту Петръ началъ войну, не зная еще о Травендальскомъ мирѣ и о томъ огромномъ впечатлѣніи, какое произвели военныя способности Карла.

18-го августа Петръ узналъ о мирѣ съ Турціей, 19-го объявилъ войну и 22-го выступилъ съ войсками изъ Москвы къ Нарвѣ. Петръ рѣшилъ трудиться для себя, а не помогать войсками союзникамъ. Нарва была осаждена сильнымъ русскимъ войскомъ (35—40 тыс. чел.). Но Петръ началъ кампанію подъ осень, погода мѣшала военнымъ операціямъ, бездорожье оставляло войско безъ хлѣба и фуража. Недостатки военной организаціи давали себя знать: хотя войска, стоявшія подъ

Нарвой, были регулярныя, новаго строя, но самъ Петръ сознавался, что они были „необучены“, т. е. плохи. Кромѣ того, офицерами въ большинствѣ были иностранцы, не любимые солдатами, плохо знавшіе русскій языкъ, а надъ всей арміей не было одной власти. Петръ поручилъ команду русскому генералу Головину и рекомендованному нѣмцами французу, герцогу де-Кроа. И самъ Петръ не отказался отъ распоряженій военными дѣйствіями. Было, такимъ образомъ, многоначаліе. При всѣхъ этихъ условіяхъ среди русскихъ войскъ естественно возникала боязнь столкновенія съ арміей Карла, покрытою лаврами недавнихъ побѣдъ въ Даніи.

А Карлъ послѣ разгрома Даніи шелъ на Петра. Русскіе подъ Нарвою узнали о приближеніи шведовъ уже тогда, когда Карлъ былъ всего въ 20—25 верстахъ. Петръ немедленно уѣхалъ изъ войска, оставивъ команду де-Кроа. Зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можемъ объяснить его отъѣздъ малодушіемъ; вѣрнѣе думать, что Петръ считалъ дѣло подъ Нарвою проиграннымъ и уѣхалъ готовить государство къ оборонѣ отъ шведскаго нашествія. 20 ноября 1700 года Карлъ дѣйствительно разбилъ русскую армію, отнялъ артиллерію и захватилъ генераловъ. Петръ спѣшилъ укрѣпить Новгородъ и Псковъ, поручилъ Репнину собрать остатки возвратившейся разбитой арміи и ждалъ Карла на границахъ Московскаго государства.

Но ошибка Карла спасла Петра отъ дальнѣйшихъ бѣдъ. Карлъ не воспользовался своей побѣдой и не пошелъ на Москву. Часть голосовъ въ его военномъ совѣтѣ высказалась за походъ въ Россію, но Карлъ близоруко смотрѣлъ на силы Петра, считалъ его слабымъ врагомъ—и отправился на Августа. Петръ могъ вздохнуть свободнѣй. Но положеніе все таки было тяжелое: армія была разстроена, артиллеріи не было, пораженіе дурно повліяло на настроеніе духа внутри государства и уничтожило престижъ Россіи за границей. Рядомъ съ диѳирамбами Карлу западно-европейская публицистика разразилась градомъ насмѣшекъ надъ слабостью Москвы и Петра. Была пущена въ обращеніе медаль, изображавшая съ одной стороны осаду Нарвы и Петра, грѣющагося при пушечномъ огнѣ (подпись взята изъ Библіи: „бѣ же Петръ стоя и грѣяся“), а съ другой стороны—Петра и русскихъ, позорно бѣгущихъ отъ Нарвы (подпись оттуда же: „исшедъ вонъ плакася горько“).

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пораженія у Петра мелькнула мысль искать мира, но Петръ не нашелъ ни у кого за границей охоты помочь Россіи и взять на себя посредничество между нею и Швеціей. Однако и самъ Петръ недолго останавливался на мысли о прекращеніи войны. Онъ дѣятельно готовилъ новыя войска; рекрутскіе наборы (со всѣхъ сословій) дали ему много людей, страшная энергія помогла ему устроить изъ нихъ армію. Обрусѣлому нѣмцу Виніусу Петръ поручилъ изготовленіе

новыхъ пушекъ. Мѣдь, которою Московское государство было далеко не богато, доставали, между прочимъ, изъ церковныхъ колоколовъ, взятыхъ въ казну. Въ теченіе года Виніусъ успѣлъ изготовить 300 пушекъ. Къ лѣту 1701 г. у Петра, такимъ образомъ, снова явились средства продолжить войну.

Въ февралѣ 1701 г. Петръ близъ Динабурга въ м. Биржахъ видѣлся съ королемъ Августомъ, на котораго теперь обратился Карлъ XII. Петръ и Августъ условились продолжать борьбу со Швеціей, при чемъ Петръ обязался помогать Августу войсками, отдавалъ ему въ случаѣ успѣха Эстляндію и Лифляндію, но оставлялъ себѣ свободу дѣйствій въ Ингріи и Кареліи и въ завоеваніи этихъ областей полагалъ свою конечную цѣль. Лѣтомъ 1701 г. начались военныя дѣйствія у Финскаго залива и въ Польшѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Петръ дѣлилъ свои силы на двое: на сѣверѣ онъ дѣйствовалъ за себя, въ Польшѣ помогалъ Августу.

На сѣверѣ у Финскаго залива дѣла шли удачно для Петра. Слабыя силы, оставленныя Карломъ для защиты Эстляндіи и Лифляндіи, не могли отразить русскихъ войскъ. Въ 1701 и 1702 г.г. Шереметевъ съ большой арміей опустошалъ эти области и два раза разбилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха (при Эрестферѣ въ декабрѣ 1701 и Гуммельсгофѣ въ іюлѣ 1702 г.). Первыя побѣды очень радовали Петра. Самъ онъ не принималъ постояннаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ. Онъ оставилъ на свою долю трудное дѣло организаціи государственной защиты и военныхъ силъ. Онъ ѣздилъ изъ конца въ конецъ по Россіи: въ Архангельскѣ принималъ мѣры противъ нападенія шведовъ съ моря; въ Москвѣ слѣдилъ за общимъ ходомъ военныхъ приготовленій; въ Воронежѣ удостовѣрялся, годенъ ли недавно сооруженный флотъ для защиты южныхъ областей въ случаѣ нападенія турокъ. Ежегодно появлялся онъ и на театрѣ войны. Въ 1702 г. Петръ изъ Архангельска безъ дорогъ чрезъ лѣса и болота прошелъ до Ладожскаго озера и протащилъ съ собою двѣ яхты (слѣды рубленыхъ имъ просѣкъ видны до сихъ поръ). Явившись къ истокамъ Невы и дѣйствуя съ корпусомъ Апраксина, Петръ взялъ здѣсь шведскую крѣпость Нотебургъ (древніе новгородцы владѣли имъ и звали его Орѣшкомъ; Петръ назвалъ его Шлиссельбургомъ, т. е. ключомъ къ морю). Весною 1703 г., послѣ поѣздки въ Воронежъ, Петръ снова явился на Невѣ съ войсками Шереметева, взялъ укрѣпленіе Ніеншанцъ (вблизи отъ устьевъ Невы) и основалъ при морѣ укрѣпленную гавань Петербургъ (въ маѣ 1703 г.). Мѣсто было выбрано для первой русской гавани не безъ расчета: во-первыхъ—восточный берегъ Финскаго залива есть ближайшій къ Руси пунктъ Балтійскаго поморья (о Ригѣ Петръ тогда еще не могъ мечтать), а во-вторыхъ—Нева, на которой основанъ былъ портъ, представляетъ

конецъ естественной системы водныхъ путей, лежащихъ внутри Россіи. Петръ очень дорожилъ новой гаванью и всѣ дальнѣйшія военныя операціи на сѣверѣ направлялись къ тому, чтобы обезпечить обладаніе Петербургомъ. Съ этой цѣлью шло систематическое завоеваніе южнаго берега Финскаго залива: были взяты Копорье, Ямъ (Ямбургъ), Нарва. Въ 1704 г. былъ взятъ самимъ Петромъ Дерптъ. На Финскомъ заливѣ Петръ немедленно завелъ флотъ, а въ новый портъ приглашались иностранные карабли, чтобы тотчасъ начать и торговлю съ западомъ новымъ путемъ.

На другомъ театрѣ войны, въ Польшѣ, дѣла шли не такъ удачно. Лѣтомъ 1701 г. соединенныя русско-саксонскія войска были разбиты Карломъ, который, тѣсня Августа въ Польшѣ, добился „детронизаціи“ Августа и возвелъ на польскій престолъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Но многіе паны держались Августа, и въ Польшѣ настало междоусобіе. Въ 1705 г. Петръ, послѣ успѣховъ своихъ на Балтійскомъ побережьѣ, рѣшился поддержать Августа серьезно, чтобы не потерять съ его паденіемъ и послѣдняго союзника. Русская армія въ 60.000 человѣкъ вошла въ Курляндію и Польшу. Но послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ русскихъ, Карлъ принудилъ главныя силы русской арміи отступить отъ Гродно къ Кіеву, и только военный талантъ Меньшикова, берегшаго солдатъ по приказу Петра, далъ возможность русскимъ сохранить артиллерію и боевой порядокъ. Саксонскія же войска (съ вспомогательнымъ русскимъ корпусомъ) были разбиты Карломъ въ Силезіи. Въ 1706 г. неудачи продолжались: Карлъ напалъ на Августа въ самой Саксоніи и принудилъ его къ заключенію мира (въ Альтранштадтѣ), по которому Августъ отказался отъ польской короны и отъ союза съ Петромъ (при этомъ Паткуль былъ выданъ Карлу). Петръ остался безъ союзниковъ, въ единоборствѣ съ такимъ королемъ, который пріобрѣлъ въ Европѣ славу непобѣдимаго.

Положеніе Петра представлялось ему самому крайне тяжелымъ: въ письмахъ своихъ въ то время онъ подписывался „печали исполненный Петръ“. Но и съ печалью въ сердцѣ, онъ не потерялъ своей энергіи. Ожидая врага съ юго-запада, Петръ укрѣплялъ границы и въ то же время старался въ самой Польшѣ найти опору противъ Карла и его союзника короля Станислава. Петръ вошелъ въ сношеніе съ панами, недовольными Станиславомъ, и искалъ человѣка, котораго можно было-бы противопоставить Лещинскому въ качествѣ претендента въ короли польскіе. Но эти старанія не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ Альтранштадтскаго мира Карлъ въ 1707 г. перешелъ въ Польшу и распоряжался ею.

Только въ декабрѣ 1707 г. началъ онъ наступленіе противъ Петра и занялъ Гродно (черезъ два часа послѣ отъѣзда изъ Гродно Петра). Русскіе отступали. Ясно было, что наступалъ кризисъ войны, подходили

рѣшительныя минуты. Карлъ изъ Гродна могъ двинуться или на сѣверъ, чтобы отнять у Петра завоеванія на берегахъ Балтійскаго моря, или на сѣверо-востокъ, на Москву, съ цѣлью въ корнѣ подорвать силы Петра. Петръ не зналъ, чего ждать. Москву укрѣпляли подъ руководствомъ царевича Алексѣя Петровича, южная армія была поручена Меньшикову, заботы о завоеванномъ прибалтійскомъ краѣ взялъ на себя Петръ. Онъ удалился съ юга въ Петербургъ въ тяжеломъ угнетенномъ настроеніи духа. Болѣя тѣломъ и духомъ, тревожно ожидая развязки войны, онъ просилъ Меньшикова не вызывать его изъ Петербурга безъ крайней надобности и требовалъ, чтобы Меньшиковъ держался противъ Карла съ полной осторожностью. Однако Петръ скоро самъ оставилъ Петербургъ и принялъ дѣятельное участіе въ кампаніи 1708 г.

Эта кампанія 1708 г. далеко не была проигрышемъ для русскихъ. Карлъ началъ наступленіе къ Москвѣ, съ боя завладѣлъ переправой чрезъ Березину (при Головчинѣ), дошелъ до Могилева и ждалъ соединенія съ вспомогательнымъ корпусомъ Левенгаупта, который изъ Лифляндіи шелъ на помощь къ королю съ большими запасами продовольствія. Но благодаря стратегическимъ оплошностямъ Карла, часть его войска была поражена при м. Добромъ кн. М. М. Голицынымъ, а весь корпусъ Левенгаупта былъ на голову разбитъ Петромъ, при деревнѣ Лѣсной, 28 сентября 1708 г. Всѣ запасы попали въ руки русскихъ. Теперь вся надежда Карла была на Малороссію, гдѣ онъ расчитывалъ найти запасы и союзника въ лицѣ гетмана Мазепы. Побѣда при Лѣсной была большимъ успѣхомъ Петра: онъ называлъ день 28 сентября „начальнымъ днемъ нашего добра“, и эта была правда; перевѣсъ военнаго счастья сталъ склоняться замѣтно на сторону Петра съ этого 1708 года.

Карлъ и въ Малороссіи потерпѣлъ неудачу. Малороссія, во второй половинѣ XVII в. присоединенная къ Москвѣ, жила до времени Петра неспокойной внутренней жизнью; въ ней постоянно шло броженіе, была рознь общественныхъ классовъ. Задачей Москвы было уничтоженіе этой розни, но московскія мѣры не всѣхъ удовлетворяли: если низшіе классы малороссіянъ были довольны смѣной польскаго господства на московское, то высшій классъ—казачья старшина—скорѣе желалъ занять мѣсто польскаго панства въ Малороссіи и сочувствовалъ польскому строю жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе Москвы крѣпче взять въ руки Малороссію и получить большій контроль въ малорусскихъ дѣлахъ не нравилось многимъ малороссіянамъ. Малороссійскіе гетманы всегда бывали въ трудномъ положеніи: съ одной стороны Москва, требующая строгаго подчиненія, съ другой стороны малорусское общество, требующее автономіи; съ одной стороны Москва, требующая порядка, съ другой внутренній раздоръ, партіи, стремящіяся къ господству въ странѣ. Эти обстоятельства дѣлали гетмановъ жертвою самыхъ разнообразныхъ и противопо-

ложныхъ вліяній, происковъ, интригъ,—и въ результатѣ „послѣ Богдана Хмѣльницкаго, какъ говоритъ С. М. Соловьевъ, не было ни одного гетмана въ Малороссіи, который бы спокойно кончилъ жизнь свою въ гетманскомъ достоинствѣ". Въ теченіе десятилѣтняго гетманства Мазепа не только умѣлъ держать въ рукахъ малорусское общество, но успѣлъ и въ Москвѣ заслужить рѣдкое довѣріе Петра. Петръ не вѣрилъ многочисленнымъ доносамъ на Мазепу, а самъ Мазепа умѣлъ убѣдительно оправдываться отъ обвиненій. Когда Карлъ въ 1707 г. рѣшилъ идти на Россію, то Мазепа былъ убѣжденъ, что Петру не справиться съ врагомъ и расчитывалъ, что если Малороссія останется вѣрной побѣжденной Москвѣ, то побѣдители Карлъ и Станиславъ Лещинскій не пощадятъ ни Мазепу ни Малороссіи. Если же Малороссія перейдетъ ранѣе на ту сторону, чья побѣда вѣроятнѣе, то такой переходъ обезпечитъ въ будущемъ и самостоятельность внутренней жизни Малороссіи и высокое положеніе гетмана. По этимъ соображеніямъ, какъ объясняютъ наши историки, Мазепа, рѣшилъ отложиться отъ Московскаго государства и сталъ союзникомъ Карла. При такомъ шагѣ онъ надѣялся на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ режимомъ Москвы. Гетманъ думалъ, что за нимъ пойдетъ вся Малороссія.

Долго велъ онъ тайные переговоры объ отпаденіи съ польскимъ дворомъ и Карломъ. Хотя въ Москву и шли доносы объ измѣнѣ гетмана, но Петръ имъ не вѣрилъ, потому что вѣрилъ Мазепѣ. Извѣстный доносъ Кочубея (генеральнаго судьи) и Искры (полтавскаго полковника) кончился пыткою и казнью ихъ обоихъ въ 1708 г. Но осенью того же 1708 г., когда Карлъ съ войсками пошелъ въ Малороссію, Мазепа принужденъ былъ открыть свою игру и прямо примкнуть къ одному изъ противниковъ. Боясь неудачи задуманнаго шага, Мазепа долго колебался и сказывался больнымъ, когда получалъ приказанія отъ Петра дѣйствовать противъ шведовъ. Наконецъ, когда притворяться было уже нельзя, онъ уѣхалъ изъ своей столицы Батурина и съ отрядомъ казаковъ присталъ къ шведскому войску. Его измѣна для Петра была неожиданна, и не только для Петра, но и для массы малороссіянъ. Никто не могъ сказать, пойдетъ ли Малороссія за гетманомъ или останется вѣрной Руси. Въ такихъ обстоятельствахъ русскій главнокомандующій Меньшиковъ проявилъ замѣчательную ловкость: 29 октября 1708 г. Мазепа соединился съ Карломъ, а уже 31-го преданный Мазепѣ Батуринъ былъ взятъ русскими штурмомъ и сожженъ. Центръ предполагаемаго возстанія былъ уничтоженъ, вся Малороссія почувствовала энергію и силу рускихъ. Черезъ недѣлю въ Глуховѣ казаки избрали новаго гетмана (Ивана Скоропадскаго); Мазепа, какъ измѣнникъ, былъ преданъ анаѳемѣ духовенствомъ. Малороссія фактически оказалась въ рукахъ Петра, а малороссійскіе крестьяне начали народную войну противъ наступавшихъ шведовъ. Такъ неудачно окончился для Карла 1708 годъ.

Но шведы сохраняли престижъ непобѣдимости и казались грознымъ врагомъ. Петръ боялся, что турки воспользуются пребываніемъ этого грознаго врага на югѣ Руси и начнутъ войну съ своей стороны; на это твердо надѣялся и Карлъ. Поэтому Петръ зимою 1708—9 г. принялъ всѣ мѣры обороны отъ турокъ, лично побывалъ въ Воронежѣ и Азовѣ, а къ лѣту 1709 г. прибылъ къ арміи Меньшикова. Хотя въ дѣйствіяхъ противъ шведовъ Петръ держался крайне осторожно, не рискуя вступать въ открытыя столкновенія съ Карломъ, однако онъ рѣшился открытымъ боемъ выручить осажденный шведами городъ Полтаву, 27 іюня 1709 г. произошло знаменитое сраженіе при Полтавѣ. Эта генеральная битва кончилась полнымъ бѣгствомъ шведовъ на югъ, къ Днѣпру. Самъ Карлъ успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ и уйти въ Бендеры, въ турецкія владѣнія, но вся его армія у Днѣпра (у Переволочны) положила оружіе и была взята въ плѣнъ.

Полтавская побѣда совершенно сломила могущество Швеціи: у нея не осталось арміи, у Карла не стало прежняго обаянія; раньше торжествовавшій надъ всѣми врагами, а теперь разбитый Петромъ, онъ сразу передалъ Петру и Московскому государству то политическое значеніе, которымъ до тѣхъ поръ пользовалась Швеція. И Петръ сумѣлъ воспользоваться плодами побѣды. Естественнымъ образомъ онъ перенесъ военныя операціи къ Балтійскому морю и въ 1710 г. взялъ Выборгъ, Ригу и Ревель. Русскіе стали твердой ногой на Балтійскомъ побережьѣ, существованіе Петербурга обезпечивалось. Въ то же время, вмѣстѣ съ военными успѣхами, Петръ сдѣлалъ и большіе политическіе успѣхи. Пораженіе Карла подняло противъ Швеціи всѣхъ ея враговъ: Данія и Саксонія снова объявили Швеціи открытую войну; сѣверо-германскіе владѣтели тоже стали принимать живое дипломатическое участіе въ великой сѣверной войнѣ, не вступая пока открыто въ борьбу со Швеціей. Среди всѣхъ союзниковъ первое мѣсто теперь стало принадлежать Россіи и Петру. Петръ сдѣлался гегемономъ сѣверной Европы и самъ чувствовалъ, что онъ сильнѣйшій и вліятельнѣйшій монархъ Сѣвера. Ниже мы увидимъ, что тревожный для союзниковъ Петра вопросъ о его неожиданной гегемоніи повелъ къ охлажденію между Петромъ и остальными членами коалиціи. Но политическое преобладаніе Россіи оставалось неизмѣннымъ съ 1709 г., несмотря даже на неудачи Петра въ Прутскомъ походѣ.

Прутскій походъ 1711 г. получилъ свое названіе оттого, что развязка русско-турецкой войны 1710—1711 гг. произошла на берегахъ рѣки Прута. Эта русско-турецкая война была результатомъ дипломатической дѣятельности Карла XII и дружественнаго ему французскаго двора. Карль жилъ въ Турціи послѣ Полтавскаго пораженія, и ему не разъ грозила выдача въ руки Петра. Россія требовала выдачи Карла, а онъ доказывалъ туркамъ своевременность и необходимость для турокъ воевать

съ Петромъ. Результатомъ его настояній былъ дипломатическій разрывъ Турціи съ Россіей. Петръ объявилъ Турціи (въ ноябрѣ 1710 г.) войну и задумалъ вести ее наступательно. Онъ расчитывалъ на помощь турецкихъ славянъ, на союзъ съ вассальными турецкими владѣтелями (господарями) Молдавіи и Валахіи и на поддержку Польши. Весною 1711 г. Петръ поспѣшилъ въ походъ, думая раньше турокъ завладѣть Молдавіею, Валахіею и переправами черезъ Дунай. Но никто изъ союзниковъ не явился на помощь во время. Присоединеніе къ Петру молдавскаго господаря Кантемира не спасло русскую армію отъ голода, переходъ черезъ степи истомилъ людей. Къ довершенію всего, турки ранѣе перешли Дунай и на берегу Прута окружили громадными силами армію Петра. По недостатку провіанта и воды (русскіе были отрѣзаны отъ Прута), нельзя было держаться на мѣстѣ, а по сравнительной малочисленности войска невозможно было съ успѣхомъ пробиваться сквозь турокъ. Петръ вступилъ въ переговоры о мирѣ съ великимъ визиремъ. Отправляя къ нему довѣренныхъ лицъ, Петръ далъ имъ полномочіе, для освобожденія войска и заключенія мира, уступить Азовъ, всѣ завоеванія на Балтійскомъ морѣ (если турки потребуютъ этого для Карла), даже Псковъ; но Петръ желалъ, чтобы Петербургъ и восточный берегъ Финскаго залива оставался во что бы то ни стало въ рукахъ русскихъ. Однако уступлено было гораздо меньше того, на что готовъ былъ Петръ. Случилось такъ благодаря тому, что турки сами желали окончить войну, въ которую были втянуты посторонними вліяніями. Кромѣ того, дѣлу пособили ловкость русскаго дипломата Шафирова и богатые подарки, посланные Петромъ визирю. Миръ былъ заключенъ, и русская армія освобождена на такихъ условіхъ: Петръ отдавалъ Турціи Азовъ и нѣкоторые укрѣпленные пункты близъ Чернаго Моря, отказывался отъ вмѣшательства въ дѣла Польши (необходимо замѣтить, что тогда уже были проекты раздѣла Польши, пользовавшіеся сочувствіемъ Петра); наконецъ, Петръ давалъ Карлу свободный проѣздъ въ Швецію. Хотя Петръ возвратился въ Россію „не безъ печали", по его собственнымъ словамъ, но его избавленіе отъ плѣна и сравнительно легкія условія мира съ Турціей могли казаться даже удачей. Онъ дешево отдѣлался отъ турокъ и продолжалъ удерживать то высокое политическое положеніе въ кругу европейскихъ государствъ, какое дала ему Полтавская побѣда.

Послѣ кампаніи 1709 г. война со шведами въ общемъ шла вяло. Для Петра существовало два театра войны со Швеціей: какъ сильнѣйшій членъ коалиціи противъ Карла, онъ участвовалъ въ общихъ союзническихъ предпріятіяхъ, на южномъ берегу Балтійскаго моря, гдѣ были шведскія провинціи (Померанія), въ то же время дѣйствовалъ и особо отъ союзниковъ, завоевывая Финляндію.

Пріобрѣтеніе Финляндіи для Петра казалось важнымъ дѣломъ „двухъ

ради причинъ главнѣйшихъ (такъ писалъ онъ адмиралу Апраксину): первое—было-бы что при мирѣ уступить... другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль". Въ 1713—1715 годахъ русскія войска и флотъ овладѣли Финляндіей и стали грозить самой Швеціи. Такимъ образомъ, на этомъ театрѣ войны Петръ имѣлъ положительный успѣхъ.

Менѣе удачно шли дѣла съ союзниками. Военныя дѣйствія противъ шведовъ на югѣ отъ Балтійскаго моря были, правда, не безъ удачъ: шведы теряли свои сѣверо-германскія владѣнія. Но дипломатическія недоразумѣнія и столкновенія мѣшали единству союзныхъ дѣйствій. Когда послѣ Прутскаго похода, Петръ въ 1711 и 1712 г.г. пріѣзжалъ въ Германію, ему удалось тѣснѣе сблизиться съ Пруссіей; но прочими своими союзниками, онъ уже былъ недоволенъ за ихъ неискренность и неумѣніе согласно вести войну. Но въ то же самое время и дипломатія, и западно-европейская публицистика были, въ свою очередь, недовольны Петромъ. Онѣ ему приписывали завоевательные виды на Германію, въ его дипломатахъ видѣли диктаторскія замашки и боялись вступленія русскихъ вспомогательныхъ войскъ въ Германію. И послѣ неудачи на Прутѣ Петръ, своимъ могуществомъ, былъ страшенъ Европѣ.

Отъ союза съ Петромъ, однако, не отказывались. При участіи русскихъ союзники вытѣснили шведовъ окончательно изъ ихъ германскихъ владѣній въ 1715 и 1717 гг. Не помогло шведамъ и присутствіе самого Карла, который въ 1714 г. вернулся изъ Турціи. Одновременно со взятіемъ у шведовъ послѣдней крѣпости въ Германіи (Висмара) союзники задумали высадку въ самую Швецію и отдали союзные флоты подъ личное начальство Петра, но высадка не состоялась, благодаря крупнымъ недоразумѣніямъ между Петромъ и союзниками. Петръ думалъ занять Висмаръ своими войсками, желая передать его герцогу Мекленбургскому, за котораго выдалъ замужъ свою племянницу Екатерину Іоанновну. Но датская и германская дипломатіи воспротивились занятію Висмара, ибо видѣли въ этомъ желаніе русскихъ овладѣть и Мекленбургомъ и Висмаромъ. Въ то время (1716 г.) страхъ передъ Петромъ на западѣ достигъ своего апогея. Петръ, дѣйствительно, держалъ себя съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и давалъ понять союзникамъ свои силы. Благодаря этому, онъ сталъ любимымъ предметомъ политическихъ памфлетовъ, которые приписывали ему самые чудовищные завоевательные планы.

Опасенія прессы раздѣляла и дипломатія: англійскіе дипломаты дѣлали представленія германскому императору о необходимости удалить русскихъ изъ Германіи; датчане желали, чтобы Петръ со своими войсками оставилъ Данію, гдѣ онъ былъ въ 1716 г.; въ Германіи требовали выхода русскихъ изъ Мекленбурга. Петръ всюду видѣлъ страхъ и не-

доброжелательство, то скрытое, то явное. Понимая, что при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности дѣйствовать противъ Швеціи рѣшительно, и разсерженный недопущеніемъ русскихъ въ Висмаръ, Петръ пришелъ къ мысли дѣйствовать отдѣльно отъ союзниковъ. Голштинскій дипломатъ баронъ Герцъ взялся быть посредникомъ между Петромъ и Карломъ, но, пока это посредничество не привело еще къ опредѣленнымъ результатамъ, Петръ вступилъ въ оживленныя сношенія съ Франціей, которая до тѣхъ поръ держала сторону Швеціи, а къ Россіи была враждебна, потому что Москва дружила съ ея врагомъ—Германскимъ императоромъ. Въ 1717 г. Петръ предпринялъ даже поѣздку черезъ Голландію во Францію, съ надеждой заключить и политическій и брачный союзъ съ французскимъ королемъ (малолѣтнимъ Людовикомъ XV). Но пребываніе Петра въ Парижѣ, представляющее любопытный эпизодъ въ личной жизни Петра, не привело ни къ чему. Онъ добился только обѣщанія Франціи отступить отъ дружескихъ договоровъ со Швеціей. Возвратившись въ Голландію, Петръ возобновилъ переговоры съ Герцемъ объ отдѣльномъ мирѣ между Швеціей и Россіей. На 1718 годъ былъ назначенъ русско-шведскій конгресъ на Аландскихъ островахъ.

Конгресъ этотъ состоялся (съ нашей стороны были на конгрессѣ Брюсъ и Остерманъ). Обѣ стороны желали мира, но объ условіяхъ его не могли сговориться очень долго. Когда же пришли къ соглашенію, смерть Карла XII помѣшала дѣлу. Послѣ Карла на престолъ Швеціи была избрана его сестра Ульрика-Элеонора, и правленіе перешло въ руки аристократіи. Переговоры о мирѣ были прерваны, и возобновилась война. Но теперь Петръ сталъ дѣйствовать крайне рѣшительно. Несмотря на поддержку Англіи, оказанную Швеціи, Петръ ежегодно въ 1719, 1720 и 1721 годахъ посылалъ русскіе корпуса въ самую Швецію и этимъ принудилъ шведское правительство возобновить мирные переговоры. Въ 1721 году состоялся съѣздъ русскихъ и шведскихъ дипломатовъ въ Ништатѣ (недалекѣ отъ Або), и 30-го августа 1721 года миръ былъ заключенъ. Условія Ништатскаго мира были таковы: Петръ получилъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и Карелію, возвращалъ Швеціи Финляндію, уплачивалъ два милліона ефимковъ (голандскихъ талеровъ) въ четыре года и не принималъ на себя никакихъ обязательствъ противъ прежнихъ союзниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ миромъ и торжественно праздновалъ заключеніе его.

Значеніе этого мира для Московскаго государства опредѣляется кратко: Россія становилась главною державою на сѣверѣ Европы, окончательно входила въ кругъ европейскихъ государствъ, связывала себя съ ними общими политическими интересами и получала возможность свободнаго сообщенія со всѣмъ западомъ посредствомъ новопріобрѣтенныхъ границъ. Усиленіе политическаго могущества Руси и новыя условія по-

литической жизни, созданныя миромъ, были поняты и Петромъ, и его сотрудниками. Во время торжественнаго празднованія мира 22 октября 1721 года, Сенатъ поднесъ Петру титулъ Императора, Отца отечества и Великаго. Петръ принялъ титулъ Императора. Московское государство, такимъ образомъ, стало Всероссійской Имперіей, и эта перемѣна послужила внѣшнимъ знакомъ перелома, совершившагося въ исторической жизни Руси.

Русскій государь, по сознанію русскихъ современниковъ, имѣлъ право именоваться Императоромъ. Но западно-европейскія историческія традиціи, вамъ, конечно, извѣстныя, признавали этотъ титулъ за однимъ лишь Императоромъ Священной Римской Имперіи (германскимъ). Поэтому на западѣ новый титулъ Петра не былъ признанъ сразу. Только Пруссія и Нидерланды признали его немедленно; въ 1723 г. его признала Швеція; Австрія и Англія стали его признавать только съ 1742 г.; Франція и Испанія и того позже, съ 1745 г.

Чтобы окончить обзоръ внѣшней политики Петра Великаго, слѣдуетъ упомянуть объ его отношеніяхъ къ Востоку. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе игралъ востокъ въ экономическомъ развитіи Европы, какъ упорно стремились европейцы узнать пути къ конечной цѣли торговыхъ вожделѣній Индіи. Въ XVI и XVII вв. въ Москвѣ являлись иноземцы, искавшіе путей на востокъ. Отчасти благодаря имъ, отчасти благодаря собственному торговому опыту, въ Москвѣ умѣли цѣнить значеніе востока и путей, туда ведущихъ. Петръ, высоко ставившій торговлю, какъ рычагъ общественнаго благосостоянія, не упустилъ изъ виду и торговли съ востокомъ. Съ 1715 г. онъ старался производить развѣдки о водныхъ путяхъ въ Азіи, которыя вели бы къ Индіи (съ подобными цѣлями были посланы въ 1715 г. Волынскій въ Персію, въ 1716 году Бековичъ-Черкасскій въ Хиву). Въ концѣ концовъ Петръ остановился на мысли о пріобрѣтеніи береговъ Каспійскаго моря, какъ базиса для азіатской торговли. Съ этой цѣлью, какъ только окончена была шведская война, Петръ объявилъ войну Персіи. Въ 1722—23 гг. русскіе взяли Дербентъ и Баку. Въ началѣ кампаніи Петръ самъ былъ на театрѣ войны, но въ 1723 г. вернулся въ Петербургъ, гдѣ и заключенъ былъ осенью того же года мирный договоръ съ Персіею, по которому Россія пріобрѣла взятые города и все западное побережье Каспійскаго моря.

Врутренняя дѣятельность Петра съ 1700 года.

Эта дѣятельность выразилась въ рядѣ общественныхъ реформъ, значительно измѣнившихъ древне-русскій общественный бытъ, но, какъ мы уже говорили выше, не измѣнившихъ главнѣйшихъ основаній государственнаго строя, созданнаго до Петра. Изложить систематически вну-

тренія реформы Петра Великаго несравненно легче, чѣмъ въ стройной хронологической картинѣ представить ихъ постепенный ходъ, Петръ реформировалъ общественное устройство и управленіе не по строгому, заранѣе составленному плану преобразованій, а отрывочными постановленіями, отдѣльными мѣрами, между походами и военными заботами. Лишь въ послѣдніе годы царствованія, когда война уже не требовала чрезмѣрныхъ усилій и средствъ, Петръ пристальнѣе взглянулъ на внутреннее устройство и стремился привести въ систему рядъ разновременныхъ отдѣльныхъ мѣропріятій.

Невозможно, впрочемъ. было и ждать отъ Петра заранѣе составленнаго и теоретически разработаннаго плана преобразовательной дѣятельности. Его воспитаніе и жизнь не могли выработать въ немъ наклонности къ отвлеченному мышленію: по всему своему складу онъ былъ практическимъ дѣятелемъ, не любившимъ ничего абстрактнаго. И среди его сотрудниковъ, запечатлѣнныхъ такимъ же практическимъ направленіемъ, мы не видимъ человѣка, который бы могъ стать авторомъ плана общихъ преобразованій. Правда, изъ-за границы предлагались Петру отвлеченныя теоріи общественнаго переустройства: Лейбницъ сочинилъ для царя проектъ преобразованій, были и другіе усердные доктринеры. Но здравый смыслъ преобразователя удержалъ его отъ пересадки на русскую почву совершенно чуждыхъ ей доктринъ. Если Петръ и перенесъ на Русь коллегіальное устройство административныхъ органовъ, то это потому, что вездѣ на западѣ онъ видѣлъ эту форму управленія и считалъ ее единственною нормальною и пригодною гдѣ бы то ни было. Но если бы даже и была въ головѣ Петра какая нибудь предрѣшенная система преобразованій, онъ врядъ ли бы могъ выполнить ее послѣдовательно. Нужно помнить, что война со Швеціей поглощала всѣ силы царя и народа. Можно ли было при этомъ условіи предаться систематической реформѣ, когда военныя нужды обусловливали собою всю внутреннюю дѣятельность правительства?

Такимъ образомъ, Петръ велъ свои реформы безъ заранѣе составленнаго плана и сообразуясь съ военными потребностями въ своей дѣятельности. Идея общаго народнаго блага обусловливала всю дѣятельность преобразователя. Войну со Швеціей онъ предпринялъ съ глубокимъ пониманіемъ національныхъ интересовъ и въ побѣдахъ искалъ не личной славы, а лучшихъ условій для культурнаго и экономическаго преуспѣянія Руси,—и внутреннюю дѣятельность свою Петръ направлялъ къ достиженію народнаго блага. Но когда шведская война стала главнымъ дѣломъ Петра и потребовала громадныхъ усилій, тогда Петръ поневолѣ отдался ей, и внутренняя дѣятельность его сама собою стала въ зависимость отъ военныхъ потребностей. Война требовала войскъ: Петръ искалъ средствъ для лучшей организаціи военныхъ силъ, и это повело

къ реформѣ военной и къ реформѣ дворянскихъ службъ. Война требовала средствъ: Петръ искалъ путей, которыми бы можно было поднять платежныя силы (иначе говоря, экономическое состояніе) государства, и это повело къ податной реформѣ, къ поощренію промышленности и торговли, въ которыхъ Петръ всегда видѣлъ могущественный источникъ народнаго благосостоянія. Такъ, подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ Петръ совершилъ рядъ нововведеній; одни нововведенія вызвали необходимость другихъ, и уже тогда, когда война стала менѣе тяжела, Петръ могъ все совершенное имъ внутри государства привести въ одну систему, закончить новое административное устройство и дать своему дѣлу стройный видъ. Таковъ былъ ходъ внутренней дѣятельности Петра. Понятно, какъ трудно сдѣлать изложеніе его реформы въ связномъ хронологическомъ перечнѣ: этотъ перечень обратится въ нестройный каталогъ отдѣльныхъ указовъ, въ несвязное описаніе отдѣльныхъ постановленій. Для нашей цѣли—изучить общее содержаніе общественныхъ преобразованій Петра—гораздо удобнѣе систематическій обзоръ реформъ. Мы разсмотримъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) мѣры относительно сословій; 2) мѣры относительно управленія; 3) военное устройство; 4) мѣры для развитія народнаго хозяйства и, наконецъ, 5) мѣры относительно церковнаго управленія.

1. Мѣры относительно сословій. Проведенныя Петромъ Великимъ мѣры относительно сословій многимъ кажутся полною реформою всего общественнаго строя; на самомъ же дѣлѣ Петръ не измѣнилъ основного положенія сословій въ государствѣ и не снялъ съ нихъ прежнихъ сословныхъ повинностей. Онъ далъ только новую организацію государственнымъ повинностямъ разныхъ сословій, почему нѣсколько измѣнилась и организація самыхъ сословій, получивъ большую опредѣленность. Одно только малочисленное на Руси городское сословіе существенно измѣнило свое положеніе благодаря исключительнымъ заботамъ Петра о его развитіи. Разсмотрѣніе законодательныхъ мѣръ по отдѣльнымъ сословіямъ покажетъ намъ справедливость высказаннаго положенія.

Дворянство въ XVII в., какъ мы уже имѣли случай показать, являлось высшимъ общественнымъ класомъ; оно было повинно государству личною, преимущественно военною службою, и въ возданіе за нее пользовалось правомъ личнаго землевладѣнія (вотчиннаго и помѣстнаго); съ вымираніемъ стараго боярства дворянство получало все большее и большее административное значеніе: изъ него выходила почти вся московская администрація. Такимъ образомъ дворяне были до Петра классомъ военнымъ, административнымъ и землевладѣльческимъ. Но какъ военный классъ, дорянство въ XVII в. не удовлетворяло уже потребностямъ времени, потому что нестройныя дворянскія ополченія не могли бороться съ регулярными войсками европейскими; въ то же время дворянскія вой-

ска отличались плохой подвижностью, медленно собирались; съ успѣхомъ они могли нести только мѣстную оборонительную службу на границахъ. Московское правительство поэтому стало заводить въ XVII в. регулярные полки, набирая въ нихъ солдатъ вербовкой изъ „гулящихъ людей“ (но и эти полки имѣли свои недостатки). Въ нихъ дворянство являлось уже въ качествѣ офицеровъ. Такимъ образомъ, военная повинность дворянства уже до Петра нуждалась въ переустройствѣ. Въ качествѣ администраторовъ до-Петровскіе дворяне не обладали никакой специальной подготовкой и не оставались постоянно въ гражданскихъ должностяхъ, потому что не существовало тогда и раздѣленія должностей военныхъ и гражданскихъ. Если, такимъ образомъ, дворянскія повинности государству организованы были неудовлетворительно, то дворянское землевладѣніе, напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развивалось. Дворяне въ концѣ XVII в. (1676 г.) достигли права наслѣдовать помѣстья по закону, какъ прежде наслѣдовали ихъ по обычаю; съ другой стороны, власть помѣщиковъ надъ крестьянами росла болѣе и болѣе,—дворяне совершенно сравняли своихъ крестьянъ съ холопами, посаженными на пашню („задворные люди“).

Петръ задался мыслью дать лучшую организацію службѣ дворянъ и достигъ этого такимъ образомъ: онъ со страшною строгостью привлекалъ дворянъ къ отбыванію государственной службы и, какъ прежде, требовалъ безсрочной службы, пока хватало силъ. Дворяне должны были служить въ арміи и флотѣ; не болѣе одной трети отъ каждой „фамиліи“ допускалось къ гражданской службѣ, которая при Петрѣ обособилась отъ военной. Подраставшихъ дворянъ требовали на смотры, которые производилъ часто самъ Государь въ Москвѣ или Петербургѣ. На смотрахъ ихъ опредѣляли въ тотъ или другой родъ службы или посылали учиться въ русскія и заграничныя школы. Первоначальное же образованіе сдѣлано было обязательнымъ для всѣхъ молодыхъ дворянъ (по указамъ 1714 и 1723 г.г.). Они должны были до 15 лѣтъ обучиться грамотѣ, цифири и геометріи въ нарочно для того устроенныхъ школахъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Уклонявшійся отъ обязательнаго обученія терялъ право жениться. Поступая на службу, дворянинъ дѣлался солдатомъ гвардіи или даже арміи. Онъ служилъ вмѣстѣ съ людьми изъ низшихъ классовъ общества, которые поступали по рекрутскимъ наборамъ. Отъ его личныхъ способностей и усердія зависѣло выбиться въ офицеры; личная заслуга выдвигала въ офицеры и простого крестьянина-солдата. Ни одинъ дворянинъ не могъ стать офицеромъ, если не былъ солдатомъ; но всякій офицеръ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, становился дворяниномъ. Такъ вполнѣ сознательно Петръ поставилъ основаніемъ службы личную выслугу вмѣсто стараго основанія—родовитости. Но это не было новостью, личная выслуга

признавалась уже и въ XVII в.; Петръ далъ ей только окончательный перевѣсъ, и это пополнило ряды дворянства новыми дворянскими родами. Вся масса служилыхъ дворянъ была поставлена въ прямое подчиненіе Сенату вмѣсто прежняго Разряднаго приказа, и Сенатъ вѣдалъ дворянство черезъ особаго чиновника „герольдмейстера“. Прежніе дворянскіе „чины“ были уничтожены (прежде они были сословными группами: дворяне московскіе, городовые, дѣти боярскія); вмѣсто нихъ появилась лѣстница служебныхъ чиновъ (собственно, должностей), опредѣленная извѣстною „табелью о рангахъ“ 1722 г. Прежде принадлежность къ извѣстному чину обусловливалась происхожденіемъ человѣка, при Петрѣ стали обусловливаться личными заслугами. Внѣ служебныхъ должностей всѣ дворяне слились въ одну сплошную массу и получили общее названіе шляхетства (кажется, съ 1712 г.).

Такимъ образомъ служба дворянъ стала правильнѣе и тяжелѣе; поступая въ полки, они отрывались отъ мѣстности, были регулярнымъ войскомъ, служили безъ перерывовъ, съ рѣдкими отпусками домой, и не могли укрываться легко отъ службы. Измѣнилась, словомъ, организація государственной повинности дворянъ, но существо повинности (военной и административной) осталось прежнимъ.

Зато прочнѣе стало вознагражденіе за службу. При Петрѣ уже не видимъ раздачи помѣстій служилымъ людямъ; если кому нибудь дается земля, то въ вотчину, т. е. въ наслѣдственную собственность. Мало того, законодательство Петра превратило и старыя помѣстья въ вотчины, расширивъ право распоряженія ими. При Петрѣ законъ уже не знаетъ различія между помѣстнымъ и вотчиннымъ владѣніемъ: оно различается только по происхожденію. Кто можетъ доказать право собственности на землю, тотъ вотчинникъ; кто помнитъ, что его наслѣдственная земля принадлежитъ государству и отдана его предкамъ во владѣніе, тотъ помѣщикъ. Но, превративъ закономъ помѣстья въ вотчины, Петръ на вотчины смотрѣлъ, какъ на помѣстья, считая ихъ владѣніями, существующими въ интересахъ государства. Прежде для государственной пользы не дозволялось дробить помѣстья при передачѣ ихъ въ потомство. Теперь Петръ въ тѣхъ же видахъ распространилъ это правило и на вотчины. Указомъ 1714 г. (марта 23-го) онъ запретилъ дворянамъ дробить земельныя владѣнія при завѣщаніи сыновьямъ. „Кто имѣетъ нѣсколько сыновей, можетъ отдать недвижимое одному изъ нихъ, кому хочетъ“, говорилъ указъ. Лишь тогда, когда не было завѣщанія, наслѣдовалъ старшій сынъ; поэтому нѣкоторые изслѣдователи нѣсколько неправильно называютъ законъ Петра о единонаслѣдіи закономъ о майоратѣ. Этотъ законъ, соблюдавшійся дворянствомъ относительно помѣстій, вызвалъ сильное противодѣйствіе дворянъ, когда былъ перенесенъ на вотчины. Начались злоупотребленія, обходъ закона, „ненависти и ссоры“ въ дво-

рянскихъ семьяхъ,—и въ 1731 году императрица Анна отмѣнила законъ Петра и вмѣстѣ уничтожила всякое различие вотчинъ и помѣстій. Но этимъ послѣднимъ распоряженіемъ она докончила лишь то, что призналъ Петръ, за трудности службы давшій дворянству больше правъ на помѣстья.

Но помимо расширенія землевладѣльческихъ правъ, сдѣлавшихъ болѣе прочнымъ обладаніе помѣстьями, дворянство при Петрѣ крѣпче завладѣло и крестьянами. Этотъ вопросъ объ отношеніи дворянъ къ крестьянамъ приводитъ насъ къ общему вопросу о положеніи послѣднихъ при Петрѣ.

Мы уже видѣли, что созданное въ XVII вѣкѣ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ на практикѣ въ концѣ вѣка перешло въ личную зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Крестьяне, какъ холопы, продавались безъ земли. Въ то же самое время лично зависимые люди—холопы—по волѣ господъ садились на пашню и своей жизнью и хозяйствомъ ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ. Правительство еще до Петра замѣтило такихъ холоповъ („задворныхъ людей") и облагало ихъ, наравнѣ съ крестьянами, государственными податями. Выходило такъ, что землевладѣльцы стремились сравнять крестьянъ съ холопами, а правительство холоповъ съ крестьянами. Результатомъ этого было то обстоятельство, что и крестьяне холопы чрезвычайно сблизились между собою на дѣлѣ, хотя строго различались по закону. Петръ засталъ это положеніе и смѣшалъ крестьянство съ холопствомъ въ одинъ податной и зависимый отъ землевладѣльцевъ классъ. На этомъ основаніи многіе думаютъ, что Петръ, вмѣсто бывшаго прикрѣпленія къ землѣ, создалъ крѣпостное право на крестьянъ. Но предыдущее изложеніе показываетъ, что это невѣрно: на дѣлѣ крестьянинъ становился въ личную крѣпость отъ землевладѣльца еще до Петра. Съ другой стороны, въ законодательствѣ Петра нѣтъ ни одного указа, отмѣняющаго прикрѣпленіе къ землѣ и устанавливающаго крѣпостную зависимость личную; крестьянинъ и при Петрѣ оставался гражданиномъ.

Смѣшеніе крестьянъ и холоповъ произошло не на основаніи прямого объ этомъ закона, а какъ слѣдствіе податной реформы Петра. До Петра прямыя подати взимались или съ обработанной земли, или со двора. Петръ вмѣсто поземельной и подворной подати ввелъ подушную. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это произошло такъ: Петръ желалъ размѣстить армію на постоянныя квартиры въ различныхъ губерніяхъ и содержаніе полковъ возложить на населеніе того округа, гдѣ стоялъ полкъ. Для этого признано было нужнымъ высчитать сумму, необходимую для содержанія полка, перечислить всѣхъ податныхъ лицъ въ округѣ и разсчитать, сколько каждое лицо повинно было внести денегъ на содержаніе войска. Съ 1718 по 1722 г. производилась перепись податного населенія и ея

повѣрка—„ревизія": сперва писали крестьянъ и холопей пахотныхъ, потомъ стали писать въ „сказки" и непахотныхъ зависимыхъ людей; наконецъ, стали записывать и „гулящихъ" (не приписанныхъ къ сословіямъ) людей. Эта перепись получила офиціально названіе ревизіи, а переписанные люди носили названіе „ревизскихъ душъ". Всякая ревизская душа облагалась одинаковой податью, а отвѣтственность въ исправномъ поступленіи подати возлагалась на землевладѣльца. *Такимъ образомъ землевладѣлецъ получалъ совершенно равную власть и надъ крестьяниномъ, и надъ холопомъ.* Здѣсь и заключалось основаніе послѣдовавшаго за этимъ фактическаго уравненія крестьянъ съ холопами. Но по закону крестьянинъ рабомъ не становился; владѣльческіе крестьяне сохраняли гражданскія права: за ними законъ признавалъ гражданскую правоспособность и дѣеспособность, они могли даже вступать съ казною въ подряды и договоры. Въ глазахъ законодателя и холопы уравнивались съ крестьянами. Но на практикѣ податная отвѣтственность землевладѣльца за крестьянъ и право суда надъ крестьянами, оба эти явленія, существовавшія помимо закона, по обычаю, давали помѣщикамъ такую власть надъ крестьяниномъ, что въ ихъ глазахъ крестьянинъ становился равнымъ холопу. Уже при Петрѣ началась продажа крестьянъ безъ земли не только семьями, но и въ розницу, и Петръ напрасно прилагалъ старанія прекратить этотъ обычай.

Такимъ образомъ при Петрѣ, какъ и ранѣе, законъ понималъ крестьянъ, какъ гражданъ, и въ то же время холоповъ стремился привести въ одно положеніе съ крестьянами подъ общимъ терминомъ „подданныхъ" шляхетства. Но шляхетство, получая отъ правительства власть надъ „подданными", смотрѣло на крестьянъ, какъ на холоповъ, и на практикѣ обращалось со всѣми своими „подданными", какъ съ холопами. Стало быть, новыхъ началъ въ положеніе крестьянъ владѣльческихъ при Петрѣ внесено не было. Новостью являлась при Петрѣ лишь система подушной подати, замѣнявшая древнее прикрѣпленіе къ землѣ началомъ личной (податной) зависимости крестьянина отъ землевладѣльца. Но эта личная зависимость существовала и въ XVII вѣкѣ уже до Петра.

Не одни владѣльческіе крестьяне составляли крестьянское сословіе. Кромѣ нихъ, въ качествѣ податного класса гражданъ, при Петрѣ существовали: 1) крестьяне черные или черносошные, жившіе на государственныхъ черныхъ земляхъ и оставшіеся при Петрѣ въ томъ же свободномъ состояніи, въ какомъ были ранѣе; 2) крестьяне монастырскіе, при Петрѣ изъятые изъ управленія монастырей и переданные въ казенное управленіе, а потомъ въ вѣдѣніе Синода (впослѣдствіи они получили названіе экономическихъ, потому что были переданы въ коллегію экономіи); 3) крестьяне дворцовые, обязанные различными повинностями вѣ-

домству двора государева; 4) крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ; этотъ разрядъ крестьянъ созданъ былъ указомъ Петра 1721 г., которымъ разрѣшалось владѣльцамъ фабрикъ (и дворянамъ и не дворянамъ) покупать деревни и людей къ фабрикамъ; наконецъ, 5) однодворцы—классъ измельчавшихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, когда-то поселенныхъ по южнымъ, преимущественно, границамъ Московскаго государства для ихъ защиты. При Петрѣ они были записаны въ ревизскія „сказки", платили подушныя подати, но сохраняли право личнаго землевладѣнія и владѣнія крестьянами.

Городское сословіе, состоявшее въ XVII в. изъ торговыхъ людей (купечества) и посадскихъ (городскихъ податныхъ обывателей), было замкнуто лишь въ половинѣ XVII в. и было ничтожно своею численностью и промышленною дѣятельностью. Петръ же въ городскомъ торговопромышленномъ классѣ видѣлъ, по примѣру западныхъ меркантилистовъ, главный факторъ народнаго богатства. Понятно, какія старанія долженъ былъ онъ приложить къ тому, чтобы поднять городской классъ до желаемой степени развитія. Его мѣры для поднятія русской промышленности и торговли мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; въ глазахъ Петра къ такому поднятію должна была вести и правильная организація городского сословія, которая позволила бы городамъ преуспѣвать въ торговлѣ и промышленности. Еще въ 1699 г. онъ далъ городамъ самоуправленіе, но бурмистерскія палаты не создали никакой организаціи сословію, ихъ избиравшему. Этой организаціи города достигли лишь въ концѣ царствованія Петра.

Руководясь западно-европейскими формами городского устройства, Петръ въ началѣ 1720 г. учредилъ въ Петербургѣ Главный Магистратъ, которому поручилъ вѣдать городское сословіе повсемѣстно, и далъ Магистрату въ слѣдующемъ году регламентъ, въ которомъ изложены были основанія городского устройства. Города раздѣлялись по числу жителей на 5 классовъ; граждане каждаго города на два основныхъ класса: гражданъ регулярныхъ и нерегулярныхъ.

Регулярные граждане дѣлились на двѣ гильдіи: къ первой гильдіи принадлежали банкиры, купцы, доктора и аптекари, шкиперы, живописцы и ювелиры, художники и ученые. Вторую гильдію составляли мелочные торговцы и ремесленники, объединенные въ цехи.

Нерегулярными гражданами были „подлые", т. е. низкаго происхожденія люди (чернорабочіе, наймиты, поденщики).

Лица иныхъ сословій (духовные, дворяне, крестьяне), живущіе постоянно въ городѣ, въ число гражданъ не входили, только „числились въ гражданствѣ" и не участвовали въ городскомъ самоуправленіи.

Городомъ управляла выборная коллегія—магистратъ. Ее избирали изъ своей среды только регулярные граждане. Подлые же люди избирали

своихъ старостъ, представлявшихъ ихъ интересы въ магистратѣ. Магистратъ, подчиненный Главному Магистрату, вѣдалъ хозяйство города, смотрѣлъ за порядкомъ. Главной его цѣлью было развитіе торговли и промысловъ; въ его рукахъ находилась большая власть. Подъ вѣдѣніемъ магистрата было цеховое управленіе: во главѣ каждаго ремесленнаго цеха стоялъ старшина (альдерманъ), выбранный изъ мастеровъ; на его рукахъ было управленіе цѣховыми дѣлами. На званіе мастера-ремесленника нужно было сдавать экзаменъ; безъ экзамена нельзя было открыть никакого производства.

Давъ городскому сословію стройную организацію, Петръ не только оставилъ ему всѣ старыя льготы, какими пользовались горожане до него, но далъ и новыя. Регулярные граждане хотя и сохранили характеръ тяглаго сословія, но были избавлены отъ обязательной рекрутской повинности; въ 1722 г. Петръ снялъ съ горожанъ и личную службу по казеннымъ надобностямъ, которою горожане тяготились до Петра; наконецъ, горожане получили право владѣть крѣпостными людьми и землею, наравнѣ съ дворянствомъ, если были фабрикантами или заводчиками. Такимъ образомъ Петръ создалъ городскому сословію довольно привилегированное положеніе. Онъ внесъ въ городской бытъ совершенно новую организацію. Но новы были и здѣсь только формы; благосклонное же отношеніе правительства къ горожанамъ замѣтно и въ XVII в.; особенно во второй его половинѣ.

Итакъ, обзоръ сословныхъ реформъ показываетъ намъ, что Петръ многое измѣнилъ въ сословной жизни и отношеніяхъ. Шляхетство стало правильнѣе служить и получило лучшее обезпеченіе за свою службу; крестьянство слилось съ холопствомъ въ одну податную категорію и, не теряя гражданской личности, стало подъ личную власть помѣщика; горожане получили организацію, право самоуправленія и нѣкоторыя привилегіи. Внѣшнія формы общественныхъ отношеній очень измѣнились; но въ существѣ общественный строй остался старымъ; государство сохранило свой земледѣльческій и военный характеръ, дворянство—свое высокое административное и экономическое положеніе, крестьяне попрежнему относились къ государству черезъ землевладѣльца, а городскому сословію попрежнему принадлежала далеко не главная роль въ развитіи народнаго хозяйства.

2. Мѣры относительно управленія. Административныя реформы Петра развивались такъ же, какъ и сословныя мѣры, безъ строгой системы, путемъ частныхъ нововведеній въ центральномъ и мѣстномъ управленіи. Однако легко можно замѣтить, что сперва вниманіе Петра было занято преимущественно переустройствомъ областныхъ учрежденій, а затѣмъ перешло на организацію центральнаго управленія. Это видно уже изъ простого хронологическаго перечня крупныхъ установленій

Петра въ сферѣ администраціи. Въ 1702 году произошло уничтоженіе старыхъ губныхъ старостъ и замѣна ихъ воеводами, управлявшими совмѣстно съ присутствіемъ изъ выборныхъ (отъ уѣзда) дворянъ: въ 1708 г. послѣдовало раздѣленіе Россіи на губерніи (губерніи дѣлились на уѣзды), во главѣ которыхъ были поставлены губернаторы. При нихъ, въ качествѣ совѣтниковъ и помощниковъ, были учреждены съ 1713 г. ландраты (выборные отъ дворянъ); кромѣ ландратовъ, дворяне въ каждомъ уѣздѣ для управленія уѣздомъ избирали земскаго комиссара. Въ 1719 г. ландраты были уничтожены, но земскіе комиссары остались; государство было подѣлено вновь на 12 губерній, губерніи—на провинціи, а провинціи—на уѣзды. Такимъ образомъ, если мы вспомнимъ знакомыя намъ бурмистерскія палаты 1699 г. и городскіе магистраты 1720 г., то скажемъ, что Петръ во все время своей дѣятельности трудился надъ переустройствомъ мѣстнаго управленія. Крупныя же реформы въ центральномъ управленіи начались лишь съ 1711 года. Въ этомъ году былъ учрежденъ Сенатъ. Въ 1718 г. устроены коллегіи; въ 1721 году окончательно установлена должность генералъ-прокурора. Такъ заботы о мѣстной администраціи шли впереди заботъ о центральной администраціи. Существуетъ поэтому мнѣніе, что Петръ желалъ всю тяжесть управленія перенести изъ центра государства въ области, но, потерпѣвъ неудачу вслѣдствіе недостатка въ областяхъ способныхъ людей, обратился къ устройству центральныхъ органовъ администраціи, которымъ подчинилъ всѣ мѣстныя учрежденія и передалъ всѣ стороны государственнаго управленія.

Въ систематическомъ изложеніи созданная Петромъ администрація представится въ такомъ видѣ.

Во главѣ всего управленія съ 1711 г. стоитъ Сенатъ. Около 1700 г. старая боярская дума исчезаетъ, какъ постоянное учрежденіе, и замѣняется ближней канцеляріей государя, въ которой, какъ въ старину, происходитъ иногда совѣщаніе бояръ. Во время своихъ безпрестанныхъ поѣздокъ веденіе государственныхъ дѣлъ въ Москвѣ Петръ поручалъ не учрежденію, а нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ изъ старыхъ думныхъ чиновъ (Петръ никому не давалъ этихъ чиновъ, но и не отнималъ ихъ у имѣвшихъ) и лицамъ новыхъ чиновъ и званій. Но въ 1711 г., отправляясь въ Прутскій походъ, Петръ ввѣряетъ государство не лицамъ, а вновь основанному учрежденію. Это учрежденіе—Сенатъ. Его существованіе, какъ объявлялъ самъ Петръ, вызвано именно „отлучками“ государя, и Петръ повелѣвалъ всѣмъ слушаться Сената, какъ его самого. Такимъ образомъ, миссія Сената первоначально была временной. Онъ замѣнялъ собою: 1) старыя думскія коммисіи, назначаемыя для того, чтобы въ отсутствіе государя „Москву вѣдать“, и 2) постоянную „Расправную палату“, бывшую какъ бы судебнымъ департаментомъ бо-

ярской думы. Но съ возвращеніемъ Петра къ дѣламъ Сенатъ не былъ упраздненъ, а сталъ постояннымъ учрежденіемъ, въ организаціи котораго при Петрѣ замѣчаютъ три фазиса. Съ 1711 до 1718 г. Сенатъ былъ собраніемъ лицъ, назначенныхъ спеціально для присутствованія въ немъ; съ 1718 по 1722 г. Сенатъ дѣлается собраніемъ президентовъ коллегій; съ 1722 г. Сенатъ получаетъ смѣшанный составъ, въ него входятъ нѣкоторые президенты коллегій (военной, морской, иностранной) и въ то же время въ немъ есть сенаторы, чуждые коллегіямъ.

Вѣдомство Сената состояло въ контролѣ надъ администраціей, въ разрѣшеніи дѣлъ, выходящихъ изъ компетенціи коллегій, и въ общемъ направленіи административнаго механизма. Сенатъ былъ, такимъ образомъ, высшимъ административнымъ органомъ въ государствѣ. Ему, въ послѣдніе годы Петра, присвоена была и судебная функція: Сенатъ сталъ высшей судебной инстанціей. Относительно того, присуща ли была Сенату законодательная дѣятельность, существуютъ разные оттѣнки взглядовъ. Одни (Петровскій: „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго") полагаютъ, что Сенатъ въ первое время имѣлъ законодательную власть и иногда даже отмѣнялъ указы самого Петра. Другіе (Владимірскій-Будановъ въ критической статьѣ: „Учрежденіе Правит. Сената") доказываютъ, что законодательная функція никогда Сенату не принадлежала. Но всѣ признаютъ, что Петръ, видоизмѣняя положеніе Сената въ 1722 г., лишилъ его законодательной власти: ясно, что Петръ рядомъ съ собою, какъ съ единственнымъ источникомъ законодательной власти въ государствѣ, не могъ поставить собранія съ законодательными правами. Поэтому, если и признавать за Сенатомъ законодательную функцію, то слѣдуетъ считать ее случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ.

Отъ разницы представленій о компетенціи Сената зависитъ и разница въ представленіяхъ о государственномъ значеніи его. Одни считаютъ Сенатъ безусловно высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, объединяющимъ и направляющимъ всю администрацію и не знающимъ надъ собою иной власти, кромѣ государевой (Градовскій, Петровскій). Другіе полагаютъ, что, контролируя и направляя администрацію, Сенатъ самъ подвергался контролю и зависѣлъ отъ „верховныхъ господъ министровъ" (т. е. приближенныхъ къ Петру лицъ, управляющихъ войсками, флотомъ и иностранными дѣлами) и отъ генералъ-прокурора, представителя особы государя въ Сенатѣ (Владим.-Будановъ, Дмитріевъ).

Должность генералъ-прокурора, учрежденная въ 1722 г., должна была, по мысли Петра, служить связью между верховной властью и центральными органами управленія и средствомъ для контроля надъ Сенатомъ. Петръ испыталъ много средствъ контроля: сперва за Сенатомъ смотрѣлъ генералъ-ревизоръ (1715), затѣмъ въ Сенатѣ дежурили,

съ цѣлью ускоренія дѣлъ и охраненія порядка въ засѣданіяхъ, штабъ-офицеры гвардіи (1721); средствомъ контроля были и обязательные протоколы засѣданій; наконецъ, была учреждена прокуратура. Генералъ-прокуроръ докладывалъ государю дѣла Сената, а Сенату передавалъ волю государя; онъ могъ остановить рѣшеніе Сената; указы Сената получали силу только съ его согласія; онъ слѣдилъ за исполненіемъ этихъ указовъ (иначе говоря, за всей администраціей); онъ, наконецъ, начальствовалъ надъ канцеляріей Сената. Подъ его прямымъ начальствомъ дѣйствовали и другіе агенты правительственнаго надзора: оберъ-прокуроры и прокуроры при коллегіяхъ и въ губерніяхъ (Параллельно съ ними дѣйствовали и лица тайнаго надзора—оберъ-фискалъ и фискалы). Такое значеніе генералъ-прокурора сдѣлало его самымъ властнымъ лицомъ во всей администраціи, тѣмъ болѣе, что первый генералъ-прокуроръ Ягужинскій, человѣкъ способный и дѣятельный, умѣлъ сообщить своей должности необыкновенный престижъ. Современники считали генералъ-прокурора начальникомъ Сената и первымъ лицомъ въ имперіи послѣ монарха. Такой взглядъ раздѣляется и теперь тѣми, кто склоненъ принижать значеніе Сената. Напротивъ, нѣкоторые (Градовскій въ своей книгѣ „Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры") думаютъ, что, сливаясь съ Сенатомъ въ органическое цѣлое и внѣ Сената не имѣя никакого значенія, генералъ-прокуроръ только поднималъ еще выше государственное значеніе самаго Сената.

Подъ вѣдѣніемъ Сената стоялъ рядъ центральныхъ учрежденій, извѣстныхъ подъ названіемъ коллегій; онѣ были учреждены въ 1718 г. и окончательно сформированы въ 1720 г. Каллегіи замѣнили собою старые приказы. Съ учрежденіемъ Сената, мало-помалу усваивавшаго себѣ функціи главнѣйшихъ приказовъ, эти послѣдніе (напр. Разрядъ) замѣнялись „столами" Сената; мелкіе же приказы превращались въ канцеляріи и конторы разныхъ наименованій и сохраняли прежнюю организацію. Приблизительно съ 1711 г. Петръ задумалъ устроить центральное управленіе по западно-европейскимъ образцамъ. Вполнѣ сознательно онъ желалъ перенести на Русь шведское коллегіальное устройство. Коллегіальную систему рекомендовалъ ему и теоретикъ Лейбницъ. За границу были посланы люди для изученія бюрократическихъ формъ и канцелярской практики; изъ-за границы выписывали опытныхъ канцеляристовъ, чтобъ организовать съ ихъ помощью новыя учрежденія. Но этимъ иностранцамъ Петръ не давалъ въ коллегіяхъ начальническаго положенія, и они не поднимались выше вице-президентовъ; президентами же коллегій назначались русскіе люди.

Съ 1719 г. коллегіи начали свою дѣятельность, и каждая сама для себя составляла уставъ, опредѣлявшій ея вѣдомство и дѣлопроизводство (эти уставы получили названіе регламентовъ). Всѣхъ коллегій учреждено

было двѣнадцать: 1) Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, 2) Коллегія Военная, 3) Коллегія Адмиралтейская (морская), 4) Штатсъ-Коллегія (вѣдомство расходовъ), 5) Камеръ-Коллегія (вѣдомство доходовъ), 6) Юстицъ-Коллегія (судебная), 7) Ревизіонъ-Коллегія (финансовый контроль), 8) Коммерцъ-Коллегія (торговля), 9) Мануфактуръ-Коллегія (промышленность), 10) Бергъ-Коллегія (горное дѣло), 11) Вотчинная Коллегія (землевладѣніе), 12) Главный Магистратъ (городское управленіе). Послѣднія три коллегіи образованы были позже остальныхъ. Вновь основанныя учрежденія не замѣнили, однако, всѣхъ старыхъ приказовъ. Приказы продолжали существовать или подъ именемъ канцелярій, или подъ прежнимъ именемъ приказовъ (Медицинская канцелярія, Сибирскій приказъ).

Коллегіи были подчинены Сенату, который посылалъ имъ свои указы; въ свою очередь, мѣстные органы управленія были ниже коллегій и повиновались имъ. Но, съ одной стороны, не всѣ коллегіи одинаково подчинялись Сенату (военная и морская были самостоятельнѣе прочихъ); съ другой стороны, не всѣ коллегіи имѣли отношеніе къ областнымъ органамъ управленія. Надъ провинціальными властями, въ качествѣ прямой высшей инстанціи, стояли только Камеръ-и Юстицъ-Коллегіи и Главный Магистратъ. Такимъ образомъ и центральные, и мѣстные органы управленія не представляли строгой и стройной іерархіи.

Каждая Коллегія состояла, какъ и приказъ XVII в., изъ присутствія и канцеляріи. Присутствіе состояло изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ, ассесоровъ и 2-хъ секретарей, которые были начальниками канцеляріи. Всего въ присутствіи было не болѣе 13 членовъ, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Всматриваясь въ различія между коллегіями и старыми приказами, мы видимъ, что система коллегій значительно упростила прежнюю путаницу вѣдомствъ, но не уничтожила того смѣшенія личнаго начала съ коллегіальнымъ, которое лежало въ основаніи прежняго центральнаго управленія. Какъ въ приказахъ при ихъ коллегіальной формѣ личное начало выражалось дѣятельностью властнаго предсѣдателя, такъ въ коллегіяхъ вліятельные президенты и приставленные къ коллегіямъ для общаго контроля прокуроры нарушали коллегіальный строй своимъ личнымъ вліяніемъ и на дѣлѣ замѣняли иногда коллегіальную дѣятельность единоличной.

Областное управленіе, много разъ измѣняясь въ своихъ частностяхъ, приняло въ 1719 году слѣдующія окончательныя формы. Вся Россія была подѣлена на губерніи, губерніи на провинціи, провинціи на уѣзды. Во главѣ губерніи стоитъ губернаторъ; во главѣ провинціи, по общему правилу, воевода или вице-губернаторъ; въ уѣздахъ финансовое и полицейское управленіе возложено на земскихъ коммисаровъ, которые отчасти назначались Камеръ-коллегіею, отчасти же избирались дворя-

нами землевладѣльцами въ уѣздахъ. При Петрѣ Великомъ были попытки отдѣлить судъ отъ администраціи (мысль для этой эпохи замѣчательная); но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ, и съ 1722 года администрація снова участвуетъ въ дѣлѣ суда. Въ каждой губерніи былъ надворный судъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора; въ каждой провинціи дѣйствовалъ провинціальный судъ, подъ предсѣдательствомъ воеводы.

Всѣ эти мѣстныя учрежденія, бывшія въ большинствѣ единоличной, а не коллегіальной властью, касались лишь дворянъ и черезъ ихъ посредство подчиненныхъ имъ крестьянъ; стало быть, земское представительство, введенное въ областную администрацію, въ видѣ ландратовъ и комиссаровъ, не было обще-земскимъ, а было сословнымъ; въ уѣздѣ оно было дворянскимъ, въ городахъ—гильдейскимъ и цеховымъ, какъ мы это видѣли въ обзорѣ городского устройства. Такой же характеръ единоличнаго управленія съ участіемъ сословнаго представительства носила администрація и до Петра, какъ мы это уже видѣли.

Вся масса вновь созданныхъ при Петрѣ учрежденій не стояла въ такой строгой іерархической системѣ, какъ учрежденія древней Руси. Прежде, въ XVII в., все въ уѣздѣ было въ зависимости отъ воеводы, воевода былъ въ зависимости отъ приказа, приказъ отъ боярской думы. Въ Петровскихъ учрежденіяхъ такого цѣльнаго іерархическаго порядка нѣтъ: губернаторы, завися отъ Коллегій, въ то же время находятся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Сенату; городскіе магистраты хотя и находятся въ нѣкоторой зависимости отъ губернаторовъ, но подчинены Главному Магистрату. Съ достаточнымъ основаніемъ можно считать, что въ прямомъ подчиненіи Сенату находились не однѣ Коллегіи, но и вся областная администрація, городская и губернская. Такимъ образомъ Сенатъ объединялъ и контролировалъ различныя отрасли управленія. Элементами, связывавшими всю администрацію и служившими для контроля, были фискалы (контролеры финансовые и отчасти судебные) и прокуроры (органы открытаго надзора); они состояли при всѣхъ учрежденіяхъ и были подчинены генералъ-прокурору, бывшему какъ бы связью между государемъ и Сенатомъ, а также органомъ верховнаго контроля. Такова была въ общихъ чертахъ система Петровской администраціи.

Въ ней новы всѣ учрежденія и по именамъ, и по внѣшней организаціи; ново стремленіе законодателя разграничить вѣдомства, ввести дѣятельный контроль; новымъ представлялась Петру и коллегіальная система, о введеніи которой онъ такъ старался. Но изслѣдователи замѣчаютъ, что при всей новости формъ и при томъ условіи, что новыя формы администраціи были явно не національны и пахли иноземнымъ духомъ, учрежденія Петра все-таки стали очень популярны на Руси въ XVIII в.

Объясняютъ это тѣмъ, что въ администраціи Петра „старая Россія вся сказалась въ преобразовательныхъ учрежденіяхъ". И въ самомъ дѣлѣ, основанія административной системы остались прежнія: Петръ оставилъ все управленіе Россіи въ рукахъ почти исключительно дворянскихъ, а дворянство и въ XVII в. несло на себѣ всю администрацію; Петръ смѣшалъ въ администраціи коллегіальное начало съ единоличнымъ, какъ было и раньше; Петръ, какъ прежде, управлялъ „системою порученій", приказавъ администрацію Сенату, съ генералъ-прокуроромъ. Такъ при новыхъ формахъ осталась старая сущность (см. Градовскаго „Высшая администрація Россія въ XVIII в. и генералъ-прокуроры").

3. Военное устройство. Московское правительство XVII вѣка располагало сотнями тысячъ вооруженнаго люда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно сознавало отсутствіе правильной организаціи и боевой готовности своихъ войскъ. О недостаткахъ дворянскаго ополченія, мало подвижнаго и лишеннаго правильной военной подготовки, мы уже говорили. Упоминали мы и о томъ, что уже въ XVII в. въ Москвѣ старались устроить правильныя войска, увеличивая число стрѣлецкихъ полковъ и образуя полки „иноземнаго строя" (солдатскіе, рейтарскіе, драгунскіе) изъ людей разныхъ общественныхъ состояній. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ достигнуты были большіе результаты; солдатскіе полки ко времени Петра выросли уже до размѣровъ внушительной военной силы. Однако и у стрѣлецкихъ, и у регулярныхъ полковъ былъ одинъ крупный, съ военной точки зрѣнія, недостатокъ: и стрѣльцы (въ большей степени), и солдаты (въ меньшей степени) были не только военными людьми, занимались не одною службою. Поселенные на казенныхъ земляхъ, имѣя право жениться и заниматься промыслами, солдаты и особенно стрѣльцы стали полувоеннымъ, полупромышленнымъ сословіемъ. При такихъ условіяхъ ихъ боевая готовность и военныя качества не могли быть высокими.

Петръ видоизмѣнилъ организацію войскъ. Воспользовавшись старымъ военнымъ матеріаломъ, онъ сдѣлалъ регулярные полки господствующимъ, даже исключительнымъ типомъ военной организаціи (только малороссійскіе и донскіе казаки сохранили старое устройство). Кромѣ того, измѣнивъ бытъ солдатъ, онъ иначе, чѣмъ прежде, сталъ пополнять войска. Только въ этомъ отношеніи онъ и можетъ считаться творцомъ новой русской арміи. Давая ему такое названіе, мы должны помнить, что регулярная армія (совершенная или нѣтъ, другой вопросъ) создавалась уже въ XVII вѣкѣ.

Петръ привязалъ солдата исключительно къ службѣ, оторвавъ его отъ дома и промысла. Воинская повинность при немъ перестала быть повинностью однихъ дворянъ, стрѣлецкихъ и солдатскихъ дѣтей, да „гулящихъ" охотниковъ. Повинность эта легла теперь на всѣ классы общества, кромѣ духовенства и гражданъ, принадлежащихъ къ гильдіямъ.

Дворяне всѣ обязаны были служить безсрочно солдатами и офицерами, кромѣ немощныхъ и командированныхъ въ гражданскую службу. Съ крестьянъ же и горожанъ производились правильные рекрутскіе наборы, которые въ началѣ шведской войны были очень часты и давали Петру громадные контингенты рекрутъ. Въ 1715 г. Сенатъ постановилъ, какъ норму для наборовъ, брать одного рекрута съ 75 дворовъ владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ. Вѣроятно, такая же приблизительно норма была и для казенныхъ крестьянъ и горожанъ. Рекруты изъ податныхъ классовъ въ войскахъ становились на одинаковомъ положеніи съ солдатами-дворянами, усваивали одинаковую военную технику, и вся масса служащаго люда составляла однородное войско, не уступавшее своими боевыми качествами лучшимъ европейскимъ войскамъ.

Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи крайне энергичною дѣятельностью Петра, были блестящи: въ концѣ его царствованія русская регулярная армія состояла изъ 210.000 человѣкъ. Кромѣ того, было около 100.000 казачьихъ войскъ. Во флотѣ числилось 48 линейныхъ кораблей, 787 галеръ и мелкихъ судовъ и 28.000 человѣкъ.

Мѣры для развитія народнаго хозяйства. Заботы о народномъ хозяйствѣ въ дѣятельности Петра Великаго всегда занимали очень видное мѣсто. Признаки такихъ заботъ мы замѣчаемъ и въ XVII вѣкѣ. И предшественники Петра были озабочены поднятіемъ экономическаго благосостоянія Руси, расшатаннаго смутою. Но до Петра не было достигнуто никакихъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Государственные финансы, бывшіе для московскаго правительства вѣрнымъ показателемъ народнаго благосостоянія, и до Петра и въ первое время его царствованія были въ неудовлетворительномъ положеніи. Петръ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Забота о пополненіи государственной казны постояннымъ бременемъ лежала на немъ и привела Петра къ той мысли, что поднять финансы страны возможно только путемъ коренныхъ улучшеній народнаго хозяйства. Путь къ такимъ улучшеніямъ Петръ видѣлъ въ развитіи національной промышленности и торговли. Къ развитію торговли и промышленности онъ и направлялъ всю свою экономическую политику. Въ этомъ отношеніи онъ отдавалъ дань идеямъ своего вѣка, создавшимъ на Западѣ извѣстную меркантильно-покровительственную систему. Въ стремленіи Петра создать на Руси торговлю и промышленность и этимъ указать народу новый источникъ богатства—заключалась новизна экономическихъ мѣръ Петра. До него въ XVII в. только немногія личности (Крижаничъ, Ординъ-Нащокинъ) мечтали подъ вліяніемъ западно-европейской жизни объ экономическихъ реформахъ на Руси. Само правительство, издавая Новоторговый уставъ 1667 года, высказывало мысль о важномъ значеніи торговли въ государственной жизни.

Но сознанная потребность не повела за собою почти никакихъ практическихъ мѣръ къ ея удовлетворенію до времени преобразованій.

Трудно сказать, когда именно явилась у Петра мысль о необходимости развивать на Руси промышленно-торговую дѣятельность. Всего вѣроятнѣе, что онъ усвоилъ ее уже въ первое заграничное путешествіе. Уже въ 1699 году онъ заботился о торговомъ и промышленномъ классѣ (бурмистерскія палаты), а въ замѣчательномъ манифестѣ 1702 года, которымъ Петръ вызывалъ въ Россію иностранцевъ, ясно выражена уже мысль о громадномъ значеніи въ государственной жизни торговли и промышленности. Съ теченіемъ времени Петръ все опредѣленнѣе и энергичнѣе шелъ къ поставленной цѣли, сдѣлавъ ее одною изъ главныхъ задачъ своей внутренней дѣятельности. Мы видимъ рядъ многообразныхъ мѣръ преобразователя, направленныхъ къ развитію экономической жизни. Изложеніе ихъ заняло бы слишкомъ много времени;—и мы ограничимся перечисленіемъ важнѣйшихъ изъ нихъ:

а) Петръ постоянно предпринималъ развѣдки съ цѣлью узнать лучше тѣ природныя богатства, которыми обладала Россія. При немъ было найдено много такихъ богатствъ: серебряныя и другія руды, вызвавшія развитіе горнозаводскаго промысла; селитра, торфъ, каменный уголь и т. д. Такъ Петръ создавалъ новые виды промышленно-торговаго труда.

б) Петръ всячески поощрялъ развитіе промышленности. Онъ вызывалъ иностранцевъ-техниковъ, ставилъ ихъ въ превосходное положеніе въ Россіи, давалъ массу льготъ съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: учить русскихъ своему производству. Онъ посылалъ русскихъ за границу для изученія разныхъ отраслей западной промышленности. И дома, въ цехахъ, мастера должны были правильно обучать своихъ учениковъ. Пользу техническаго образованія и самой промышленности Петръ усиленно доказывалъ въ своихъ указахъ. Предпринимателямъ онъ давалъ всякія льготы; между прочимъ, право владѣть землей и крестьянами. Иногда же правительство само являлось иниціаторомъ въ томъ или другомъ родѣ производства и, основавъ промышленное дѣло, сдавало его въ эксплоатацію частному лицу. Но, создавая льготное положеніе для промышленниковъ, Петръ надо всею промышленностью учредилъ строгій надзоръ и слѣдилъ какъ за добросовѣстностью производства, такъ и за тѣмъ, чтобы оно согласовалось съ видами правительства. Такой надзоръ нерѣдко переходилъ въ мелочную регламентацію производства (точно была опредѣлена, напримѣръ, обязательная ширина холста и суконъ), но клонился, въ общемъ, къ пользѣ промышленности. Результаты мѣръ Петра въ отношеніи промышленности выразились въ томъ, что въ Россіи при Петрѣ основалось болѣе 200 фабрикъ и заводовъ и положено было начало многимъ отраслямъ производства, существующимъ и въ наши дни (горное дѣло и пр.).

в) Петръ поощрялъ всѣми мѣрами русскую торговлю. Какъ въ отношеніи къ промышленности, такъ и въ отношеніи къ торговлѣ Петръ держался покровительственной системы, стремясь развить торговлю настолько, чтобы вывозъ изъ Россіи товаровъ превышалъ ввозъ ихъ изъ другихъ странъ. Какъ Петръ стремился путемъ указовъ объяснить подданнымъ пользу развитія промысловъ, такъ старался онъ возбудить въ нихъ и торговую предпріимчивость. По выраженію одного изслѣдователя, при Петрѣ „престолъ часто обращался въ каѳедру“, съ которой монархъ объяснялъ народу начала общественнаго прогресса. Такую же регламентацію, какая прилагалась къ промышленному дѣлу, Петръ прилагалъ и къ дѣлу торговли. Онъ настойчиво рекомендовалъ торгующему люду составлять торговыя компаніи, на манеръ западно-европейскихъ. Построивъ Петербургъ, онъ искусственно отвлекалъ товары отъ Архангельскаго порта къ Петербургскому. Заботясь о томъ, чтобы русскіе купцы сами торговали за границей, Петръ стремился завести русскій торговый флотъ. Не надѣясь на скорые торговые успѣхи малочисленнаго городского сословія, представлявшагося Петру „разсыпанной храминой“, онъ привлекалъ къ торговлѣ и прочіе классы населенія. Онъ доказывалъ, что и дворянину можно безъ позора заниматься торговыми и промышленными дѣлами. Понимая значеніе путей сообщенія для торговли, Петръ спѣшилъ соединить свою новую гавань Петербургъ съ центромъ государства водными путями, устроилъ (въ 1711 г.). Вышневолоцкій каналъ, а послѣ Ладожскій.

Однако, Петръ не дождался результатовъ своей торговой политики. Оживилась внутренняя торговля, устроились кое-какія внутреннія торговыя компаніи, явился даже русскій купецъ (Соловьевъ), торговавшій въ Амстердамѣ; но въ общемъ дѣло внѣшней русской торговли не измѣнилось замѣтно, и русскій вывозъ оставался преимущественно въ рукахъ иноземцевъ. Не было замѣтныхъ успѣховъ и въ торговлѣ съ востокомъ, которая очень занимала Петра. Однако при отсутствіи рѣзкихъ измѣненій въ торговой жизни Руси, оживленіе торговли произошло уже на глазахъ Петра и онъ до конца не бросалъ своихъ надеждъ.

Но, заботясь объ увеличеніи народнаго благосостоянія, Петръ не могъ выжидать, пока улучшеніе народнаго хозяйства естественнымъ путемъ увеличитъ государственные доходы. Война требовала большихъ средствъ. Потребности государственной казны становились, такимъ образомъ, въ коллизію съ интересами народнаго хозяйства. Петръ противъ желанія былъ вынужденъ увеличивать доходы казны и все болѣе эксплоатировать платежныя силы народа, создавая новые налоги и строже взыскивая старыя подати. Поэтому несмотря на постоянныя заботы Петра объ увеличеніи народнаго благосостоянія, экономическое положеніе народа очень терпѣло отъ финансовыхъ мѣръ правительства. По мнѣнію податного народа, при Петрѣ стало тяжелѣе жить: „тягота на міръ, рубли

да полтины, да подводы". И по соображеніямъ изслѣдователей, при Петрѣ подати были увеличены значительно. Къ увеличенію податныхъ тягостей присоединились злоупотребленія администраціи, взимавшей подати. Хотя Петръ жестоко каралъ за эти злоупотребленія, однако совсѣмъ прекратить ихъ не могъ. Народъ отъ государственныхъ тяготъ или уходилъ въ казаки, или брелъ въ предѣлы Польши, и побѣги при Петрѣ приняли большіе размѣры.

Но государственные доходы Петру все-таки удалось значительно увеличить. Это было достигнуто путемъ увеличенія косвенныхъ налоговъ и реформы прямой подати. Что касается до косвенныхъ налоговъ, то Петръ не только не уменьшилъ старыхъ платежей, но нашелъ еще и новые предметы обложенія. Послѣ 1700 г. соляные промыслы, пчельники, рыбныя ловли, мельницы — стали оброчными статьями государственной казны. Система казенныхъ монополій (напр., питейной и табачной) процвѣтала при Петрѣ и была связана съ системой откуповъ. Нуждаясь въ средствахъ, Петръ изобрѣталъ иногда странные, съ нашей точки зрѣнія, налоги: пошлиной были обложены бороды „бородачей", которые не желали бриться; пошлины брали съ бань; очень высокую цѣну брали за дубовые гробы, продажа которыхъ стала казенной монополіей. Раскольники должны были нести двойной податной окладъ; такимъ образомъ, не только реальныя потребности, но и предметы нравственнаго порядка стали источникомъ казеннаго дохода. При Петрѣ была создана особенная должность „прибыльщиковъ", на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ въ казну доходовъ и взысканіе новыхъ предметовъ обложенія (изъ такихъ прибыльщиковъ особенно замѣтенъ Курбатовъ, впослѣдствіи бывшій Архангельскимъ вице-губернаторомъ: онъ предложилъ ввести гербовую бумагу). Въ 1710 году у Петра явилась мысль даже объ общемъ и постоянномъ подоходномъ налогѣ, не приведенная, однако, въ дѣло. Косвенные налоги при Петрѣ, насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, составляли больше половины доходовъ государства.

Другую половину (около 5-ти милліоновъ рублей) доставляла прямая подушная подать. Ея установленіе мы уже разсмотрѣли. Въ первую податную ревизію было записано около 6.000.000 душъ. Изъ нихъ каждый помѣщичій крестьянинъ платилъ 70 коп. въ годъ, крестьянинъ государственный—114 к., горожанинъ—120 к. По расчету (который можно произвести лишь приблизительно) подушная подать была гораздо тяжелѣе прежнихъ подворныхъ и поземельныхъ податей и давала правительству гораздо большую, сравнительно со сборами XVII в., сумму.

Благодаря своимъ финансовымъ мѣрамъ Петръ увеличилъ значительно сумму государственнаго дохода. Въ самомъ концѣ XVII вѣка доходы государства немного превосходили 2.000.000 рублей; въ 1710 году казна получила 3.134.000 р. По исчисленію 1722 г. доходы возрасли

уже до 7.850.000 р., по исчисленію же 1725 г. — до 10.186.000 р. *). Громадные дефициты первыхъ лѣтъ XVIII в. уменьшились ко концу царствованія Петра, хотя и на склонѣ своихъ лѣтъ онъ все еще не переставалъ нуждаться въ деньгахъ.

Итакъ экономическая и финансовая политика Петра привела къ различнымъ результатамъ. Руководимый мыслью улучшить обстановку и расширить сферу дѣятельности народнаго труда, Петръ былъ поставленъ въ трудное положеніе: финансовые интересы страны прямо противорѣчили экономическимъ потребностямъ населенія. Стараясь поднять экономическое благосостояніе народа, Петръ въ то же время былъ вынужденъ сурово эксплоатировать его платежную способность. Военныя и другія нужды государства требовали немедленнаго удовлетворенія, немедленныхъ и усиленныхъ сборовъ, а экономическое положеніе народа можно было поднять лишь продолжительными усиліями. Вотъ почему Петръ добился болѣе осязательнаго результата въ томъ, что требовало скораго рѣшенія,— въ финансахъ; между тѣмъ какъ въ дѣлѣ экономическихъ реформъ онъ успѣлъ посѣять только сѣмена плодотворныхъ начинаній и почти не видѣлъ ихъ всходовъ, напротивъ, чувствовалъ, что его финансовыя мѣры иногда еще болѣе разстраиваютъ то самое народное хозяйство, процвѣтанія котораго онъ искренно и сильно желалъ.

При всѣхъ неудачахъ въ этой сферѣ, Петръ сдѣлалъ однако большой шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками; въ XVII в. только смутно чувствовали необходимость экономической реформы и лишь немногіе люди сознавали, по какому пути она должна идти. Петръ сдѣлалъ эту реформу одной изъ главныхъ задачъ правительственной дѣятельности, ясно поставилъ вопросъ и указалъ, гдѣ и какъ надо искать его разрѣшенія. Въ этомъ его большая заслуга.

5. М ѣ р ы о т н о с и т е л ь н о ц е р к о в н а г о у п р а в л е н і я. Эпоха Петра Великаго въ жизни русской церкви полна историческимъ содержаніемъ. Во 1-хъ, уяснилось и приняло новыя формы какъ отношеніе церкви къ государству, такъ и церковное управленіе. Во 2-хъ, внутренняя церковная жизнь была отмѣчена борьбою богословскихъ взглядовъ (напр., знакомый намъ споръ о пресуществленіи между великорусскимъ и малорусскимъ духовенствомъ и другія несогласія). Въ 3-хъ, оживилась литературная дѣятельность представителей церкви. Въ своемъ

---

*) Чтобы правильно понять соотношеніе этихъ цифръ, надобно знать, что въ первые годы XVIII в. Петръ „испортилъ" монету — съ цѣлью увеличенія правительственныхъ средствъ. Ранѣе „ефимокъ" (таллеръ) равнялся, въ среднемъ, русской полтинѣ; Петръ изъ талера чеканилъ цѣлый рубль (съ надписью „монета новая" или „монета добрая" — „цѣна рубль"), а полтину чеканилъ въ полталера. Такимъ образомъ количество серебра въ рублѣ уменьшилось вдвое, а соотвѣтственно понизилось и достоинство рубля.

изложеніи мы коснемся только перваго изъ указаныхъ пунктовъ, потому что второй имѣетъ спеціальный церковно-историческій интересъ, а третій разсматривается въ исторіи литературы.

Разсмотримъ сперва тѣ мѣры Петра, которыми устанавливались отношенія церкви къ государству и общій порядокъ церковнаго управленія; затѣмъ перейдемъ къ частнымъ мѣрамъ относительно церковныхъ дѣлъ и духовенства.

Отношеніе церкви къ государству до Петра въ Московскомъ государствѣ не было точно опредѣлено, хотя на церковномъ соборѣ 1666—1667 гг. греками было принципіально признано главенство свѣтской власти и отрицалось право іерарховъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Московскій государь считался верховнымъ покровителемъ церкви и принималъ активное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Но и церковныя власти призывались къ участію въ государственномъ управленіи и вліяли на него. Борьбы церковной и свѣтской властей, знакомой Западу, Русь не знала (не было ея, строго говоря, и при Никонѣ). Громадный нравственный авторитетъ московскихъ патріарховъ не стремился замѣнить собою авторитетъ государственной власти и, если раздавался со стороны русскаго іерарха голосъ протеста (напримѣръ, митрополита Филиппа противъ Ивана IV), то онъ не сходилъ никогда съ нравственной почвы.

Петръ выросъ не подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ богословской науки и не въ такой благочестивой обстановкѣ, какъ росли его братья и сестры. Съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни онъ сошелся съ „еретиками нѣмцами" и, хотя остался православнымъ по убѣжденіямъ человѣкомъ, однако свободнѣе относился ко многимъ обрядностямъ, чѣмъ обыкновенные московскіе люди, и казался зараженнымъ „ересью" въ глазахъ старозавѣтныхъ ревнителей благочестія. Можно съ увѣренностью сказать, что Петръ отъ своей матери и отъ консервативнаго патріарха Іоакима († 1690) не разъ встрѣчалъ осужденіе за свои привычки и знакомство съ еретиками. При патріархѣ Адріанѣ (1690—1700), слабомъ и несмѣломъ человѣкѣ, Петръ встрѣтилъ не болѣе сочувствія своимъ новшествамъ; вслѣдъ за Іоакимомъ и Адріанъ запрещалъ брадобритіе, а Петръ думалъ сдѣлать его обязательнымъ. При первыхъ рѣшительныхъ нововведеніяхъ Петра, всѣ протестующіе противъ нихъ, видя въ нихъ ересь, искали нравственной опоры въ авторитетѣ церкви и негодовали на Адріана, который малодушно молчалъ, по ихъ мнѣнію, тогда, когда бы слѣдовало стать за правовѣріе. Адріанъ, дѣйствительно, не мѣшалъ Петру и молчалъ, но онъ не сочувствовалъ реформамъ и его молчаніе въ сущности было пассивной формой оппозиціи. Незначительный самъ по себѣ, патріархъ становился неудобенъ для Петра, какъ центръ и объединяющее начало всѣхъ протестовъ, какъ естественный представитель не только церковнаго, но и общественнаго консерватизма. Патріархъ же, крѣпкій

волею и духомъ, могъ бы явиться могучимъ противникомъ Петра, если бы сталъ на сторону консервативнаго московскаго міровоззрѣнія, осуждавшаго на неподвижность всю общественную жизнь.

Понимая эту опасность, Петръ послѣ смерти Адріана не спѣшилъ избраніемъ новаго патріарха, а „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“ назначилъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, ученаго малоросса. Управленіе же патріаршимъ хозяйствомъ перешло въ руки особо назначенныхъ свѣтскихъ лицъ. Нѣтъ нужды предполагать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что уже тотчасъ послѣ смерти Адріана, Петръ рѣшился упразднить патріаршество. Вѣрнѣе думать, что Петръ просто не зналъ, что дѣлать съ избраніемъ патріарха. Къ великорусскому духовенству Петръ относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, потому что много разъ убѣждался, какъ сильно не сочувствуетъ оно реформамъ. Даже лучшіе представители древней русской іерархіи, которые сумѣли понять всю національность внѣшней политики Петра и помогали ему какъ могли (Митрофаній Воронежскій, Тихонъ Казанскій, Іовъ Новгородскій),—и тѣ были противъ культурныхъ новшествъ Петра. Выбрать патріарха изъ среды великоруссовъ для Петра значило рисковать создать себѣ грознаго противника. Малорусское духовенство держало себя иначе: оно само подверглось вліянію западной культуры и науки и сочувствовало новшествамъ Петра. Но поставить малоросса патріархомъ было невозможно потому, что во время патріарха Іоакима малорусскіе богословы были скомпрометированы въ глазахъ московскаго общества, какъ люди съ латинскими заблужденіями; за это на нихъ было воздвигнуто даже гоненіе. Возведеніе малоросса на патріаршій престолъ повело бы поэтому къ общему соблазну. Въ такихъ обстоятельствахъ Петръ и рѣшилъ остаться безъ патріарха.

Установился временно такой порядокъ церковнаго управленія: во главѣ церковной администраціи стояли мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и особое учрежденіе, Монастырскій приказъ, со свѣтскими лицами во главѣ; верховнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ религіи признавался соборъ іерарховъ; самъ Петръ, какъ и прежніе государи, былъ покровителемъ церкви и принималъ живое участіе въ ея управленіи. Это участіе Петра привело къ тому, что въ церковной жизни важную роль стали играть архіереи малороссы, прежде гонимые. Несмотря на протесты и на Руси, и на православномъ Востокѣ, Петръ постоянно выдвигалъ на архіерейскія каѳедры малорусскихъ ученыхъ монаховъ. Великорусское малообразованное и враждебное реформѣ духовенство не могло явиться помощникомъ Петру, тогда какъ малороссіяне, имѣвшіе болѣе широкій умственный кругозоръ и выросшіе въ странѣ, гдѣ православіе вынуждено было къ дѣятельной борьбѣ съ католицизмомъ, воспитали въ себѣ лучшее пониманіе задачъ духовенства и привычку къ широкой дѣятельности. Въ

своихъ епархіяхъ они не сидѣли сложа руки, а обращали въ православіе инородцевъ, дѣйствовали противъ раскола, заводили школы, заботились о бытѣ и нравственности духовенства, находили время и для литературной дѣятельности. Понятно, что они болѣе отвѣчали желаніямъ преобразователя, и Петръ цѣнилъ ихъ болѣе, чѣмъ тѣхъ духовныхъ лицъ изъ великоруссовъ, узкіе взгляды которыхъ часто становились ему на дорогѣ. Можно провести длинный рядъ именъ малороссовъ архіереевъ, занявшихъ видныя мѣста въ русской іерархіи. Но особенно замѣчательны изъ нихъ: помянутый выше Стефанъ Яворскій, св. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, и, наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, при Петрѣ — епископъ Псковскій, впослѣдствіи архіепископъ Новгородскій. Это былъ очень способный, живой и энергичный человѣкъ, склонный къ практической дѣятельности гораздо болѣе, чѣмъ къ отвлеченной наукѣ, однако весьма образованный и изучившій богословскую науку не только въ Кіевской академіи, но и въ католическихъ коллегіяхъ Львова, Кракова и даже Рима. Схоластическое богословіе католическихъ школъ не повліяло на живой умъ Ѳеофана, напротивъ, — поселило въ немъ непріязнь къ схоластикѣ и католичеству. Не получая удовлетворенія въ православной богословской наукѣ, тогда плохо и мало разработанной, Ѳеофанъ отъ католическихъ доктринъ обратился къ изученію протестантскаго богословія и, увлекаясь имъ, усвоилъ нѣкоторыя протестантскія воззрѣнія, хотя былъ православнымъ монахомъ. Эта наклонность къ протестантскому міровоззрѣнію, съ одной стороны, отразилась на богословскихъ трактатахъ Ѳеофана, а съ другой стороны — помогла ему сблизиться съ Петромъ во взглядахъ на реформу. Царь, воспитавшійся на протестантской культурѣ, и монахъ, закончившій свое образованіе на протестантскомъ богословіи, прекрасно поняли другъ друга. Познакомясь съ Ѳеофаномъ впервые въ Кіевѣ въ 1706 г., Петръ въ 1716 г. вызвалъ его въ Петербургъ, сдѣлалъ его своею правою рукой въ дѣлѣ церковнаго управленія и защищалъ отъ всѣхъ нападковъ со стороны прочаго духовенства, замѣтившаго въ любимцѣ Петра протестантскій духъ. Ѳеофанъ же въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ явился истолкователемъ и апологетомъ реформъ Петра, а въ своей практической дѣятельности былъ искреннимъ и способнымъ его помощникомъ.

Ѳеофану и принадлежитъ разработка и, можетъ быть, даже самая мысль того новаго плана церковнаго управленія, на которомъ остановился Петръ. Болѣе двадцати лѣтъ (1700 — 1721) продолжался временный порядокъ, при которомъ русская церковь управлялась безъ патріарха. Наконецъ, 14 февраля 1721 г. совершилось открытіе „Святѣйшаго Правительствующаго Синода“. Эта духовная коллегія навсегда замѣнила собою патріаршую власть. Въ руководство ей былъ данъ Духовный регламентъ, составленный Ѳеофаномъ и редактированный самимъ Петромъ. Въ регламентѣ откровенно указывалось на несовершенство единоличнаго управле-

нія патріарха и на политическія неудобства, проистекающія отъ преувеличенія авторитета патріаршей власти въ дѣлахъ государственныхъ. Коллегіальная форма церковнаго управленія рекомендовалась, какъ наилучшая во всѣхъ отношеніяхъ. Составъ Синода по регламенту опредѣляется такъ: президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и четыре асессора (въ число ихъ входили представители чернаго и бѣлаго духовенства). Замѣтимъ, что составъ Синода былъ аналогиченъ съ составомъ свѣтскихъ коллегій. Лица, состоявшія при Синодѣ, были таковы же, какъ и при коллегіяхъ; представителемъ особы государя въ Синодѣ былъ оберъ-прокуроръ, при Синодѣ было и цѣлое вѣдомство фискаловъ или инквизиторовъ. Внѣшняя организація Синода была, словомъ, взята съ общаго типа организаціи коллегіи.

Говоря о положеніи Синода въ государствѣ, слѣдуетъ строго различать роль его въ сферѣ церкви отъ роли въ общей системѣ государственнаго управленія. Значеніе Синода въ церковной жизни ясно опредѣляетъ Духовный регламентъ, по выраженію котораго Синодъ имѣетъ „силу и власть патріаршую". Всѣ сферы вѣдѣнія и вся полнота церковной власти патріарха присущи Синоду. Ему передана и епархія патріарха, бывшая подъ его личнымъ управленіемъ. Этой епархіей Синодъ управлялъ черезъ особую коллегію, получившую названіе дикастеріи или консисторіи. (По образцу этой консисторіи были постепенно устроены консисторіи и въ епархіяхъ всѣхъ архіереевъ). Такъ, въ церковныхъ дѣлахъ Синодъ вполнѣ замѣнилъ патріарха.

Но въ сферѣ государственнаго управленія Синодъ не вполнѣ наслѣдовалъ патріаршій авторитетъ. О значеніи Синода въ общемъ составѣ администраціи при Петрѣ существуютъ у насъ разнообразныя мнѣнія. Одни полагаютъ, что „Синодъ во всемъ былъ сравненъ съ Сенатомъ и наряду съ нимъ непосредственно подчиненъ государю" (такого мнѣнія держится, напримѣръ, П. Знаменскій въ своемъ „руководствѣ къ Русской Церковной Исторіи"). Другіе же думаютъ, что при Петрѣ, на практикѣ, государственное значеніе Синода стояло ниже значенія Сената. Хотя Синодъ и стремится стать независимо отъ Сената, однако послѣдній разсматривая Синодъ, какъ обыкновенную коллегію по духовнымъ дѣламъ, считалъ его себѣ подчиненнымъ. Такой взглядъ Сената оправдывался общею мыслью преобразователя, положенной въ основу церковной реформы: съ учрежденіемъ Синода церковь становилась въ зависимость не отъ лица государя, какъ прежде, а отъ государства, управленіе ею было введено въ общій административный порядокъ и Сенатъ, управлявшій дѣлами церкви до учрежденія Синода, могъ считать себя выше духовной коллегіи, какъ верховный административный органъ въ государствѣ (такой взглядъ вызсказанъ въ одной изъ статей проф. Владимірскаго-Буданова). Трудно рѣшить, какое мнѣніе справедливѣе. Ясно одно,

что политическое значеніе Синода никогда не поднималось такъ высоко, какъ высоко стоялъ авторитетъ патріарховъ (О началѣ Синода см. П. В. Верховскаго „Учрежденіе Духовной коллегіи и Духовный Регламентъ“, два тома. 1916; также Г. С. Рункевича „Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Пр. Синода“, 1900).

Такъ учрежденіемъ Синода Петръ вышелъ изъ того затрудненія, въ какомъ стоялъ много лѣтъ. Его церковно-административная реформа сохранила въ русской церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политическаго вліянія, съ какимъ могли дѣйствовать патріархи. Вопросъ объ отношеніи церкви и государства былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго, и восточные іерархи признали вполнѣ законною смѣну патріарха Синодомъ. Но эти же восточные греческіе іерархи при царѣ Алексѣѣ уже рѣшили въ принципѣ тотъ же вопросъ и въ томъ же направленіи. Поэтому церковныя преобразованія Петра, являясь рѣзкою новинкой по своей формѣ, были построены на старомъ принципѣ, завѣщанномъ Петру Московской Русью. И здѣсь, какъ и въ другихъ реформахъ Петра, мы встрѣчаемся съ непрерываемостью историческихъ традицій.

Что касается до *частныхъ мѣропріятій по дѣламъ церкви и вѣры* въ эпоху Петра, то мы можемъ лишь кратко упомянуть о главнѣйшихъ изъ нихъ, именно: о церковномъ судѣ и землевладѣніи, о духовенствѣ черномъ и бѣломъ, объ отношеніи къ иновѣрцамъ и расколу.

Церковная юрисдикція была при Петрѣ очень ограничена: масса дѣлъ отъ церковныхъ судовъ отошла въ суды свѣтскіе (даже судъ о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви не могъ совершаться безъ участія свѣтской власти). Для суда надъ церковными людьми, по искамъ свѣтскихъ лицъ, былъ въ 1701 г. возстановленъ (закрытый въ 1677 г.) Монастырскій приказъ со свѣтскими судьями. Въ такомъ ограниченіи судебной функціи духовенства можно видѣть тѣсную связь съ мѣропріятіями Уложенія 1649 г., въ которыхъ сказалась та же тенденція.

Такую же тѣсную связь съ древней Русью можно видѣть и въ мѣрахъ Петра относительно недвижимыхъ церковныхъ имуществъ. Земельныя вотчины духовенства при Петрѣ сперва подверглись строгому контролю государственной власти, а впослѣдствіи были изъяты изъ хозяйственнаго вѣдѣнія духовенства. Управленіе ими было передано Монастырскому приказу; онѣ обратились какъ бы въ государственное имущество, часть доходовъ съ котораго шла на содержаніе монастырей и владыкъ. Такъ пробовалъ Петръ разрѣшить вѣковой вопросъ о земельныхъ владѣніяхъ духовенства на Руси. На рубежѣ XV и XVI вв. право монастырей владѣть вотчинами отрицалось частью самого монашества (Нилъ Сорскій); къ концу XVI в. правительство обратило вниманіе на быстрое отчужденіе земель изъ рукъ служилыхъ людей въ руки духовенства и стремилось, если не вовсе прекратить, то ограничить это отчужденіе. Въ XVII в.

земскія челобитья настойчиво указывали на вредъ такого отчужденія для государства и дворянскаго класса; государство теряло земли и повинности съ нихъ; дворяне становились безземельны. Въ 1649 г. въ Уложеніи явился, наконецъ, законъ, запрещавшій духовенству дальнѣйшее пріобрѣтеніе земель. Но Уложеніе еще не рѣшилось возвратить государству тѣ земли, которыми владѣло духовенство.

Заботясь о поднятіи нравственности и благосостоянія въ средѣ духовенства, Петръ съ особымъ вниманіемъ относился къ быту бѣлаго духовенства, бѣднаго и малообразованнаго, „ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣннаго“, по выраженію современника. Рядомъ указовъ Петръ старался очистить среду духовенства тѣмъ, что насильно отвлекалъ лишнихъ его членовъ къ другимъ сословіямъ и занятіямъ и преслѣдовалъ дурные его элементы (бродячее духовенство). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ старался лучше обезпечить приходское духовенство уменьшеніемъ его числа и увеличеніемъ района приходовъ. Нравственность духовенства онъ думалъ поднять образованіемъ и строгимъ контролемъ. Однако всѣ эти мѣры не дали большихъ результатовъ.

Къ монашеству Петръ относился не только съ меньшей заботой, но даже съ нѣкоторой враждой. Она исходила изъ того убѣжденія Петра, что монахи были одной изъ причинъ народнаго недовольства реформой и стояли въ оппозиціи. Человѣкъ съ практическимъ направленіемъ, Петръ плохо понималъ смыслъ современнаго ему монашества и думалъ, что въ монахи большинство идетъ „отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“. Не работая, монахи, по мнѣнію Петра, „поѣдаютъ чужіе труды“ и въ бездѣйствіи плодятъ ереси и суевѣрія и занимаются не своимъ дѣломъ: возбуждаютъ народъ противъ новшествъ. При такомъ взглядѣ Петра понятно стремленіе его къ сокращенію числа монастырей и монаховъ, къ строгому надзору надъ ними и ограниченію ихъ правъ и льготъ. У монастырей были отняты ихъ земли, ихъ доходы, и число монаховъ было ограничено штатами; не только бродяжничество, но и переходъ изъ одного монастыря въ другой запрещался, личность каждаго монаха была поставлена подъ строгій контроль настоятелей; занятія въ кельяхъ письмомъ запрещены, общеніе монаховъ съ мирянами затруднено. Въ концѣ царствованія Петръ высказалъ свой взглядъ на общественное значеніе монастырей въ „объявленіи о монашествѣ“ (1724). По этому взгляду, монастыри должны имѣть назначеніе благотворительное (въ монастыри помѣщались на призрѣніе нищіе, больные, инвалиды и раненые,) а, кромѣ того, монастыри должны были служить къ приготовленію людей къ высшимъ духовнымъ должностямъ и для пріюта людямъ, которые склонны къ благочестивой созерцательной жизни. Всей своей дѣятельностью относительно монастырей Петръ и стремился поставить ихъ въ соотвѣтствіе съ указанными цѣлями.

Въ эпоху Петра отношеніе правительста и церкви къ иновѣрцамъ стало мягче, чѣмъ было въ XVII в. Къ западно-европейцамъ относились съ терпимостью; но и при Петрѣ къ протестантамъ благоволили болѣе, чѣмъ къ католикамъ. Отношеніе Петра къ послѣднимъ обусловливалось не одними религіозными мотивами, но и политическими: на притѣсненія православныхъ въ Польшѣ Петръ отвѣчалъ угрозами воздвигнуть гоненіе на католиковъ. Но въ 1721 г. Синодъ издалъ важное постановленіе о допущеніи браковъ православныхъ съ неправославными—и съ протестантами и католиками одинаково.

Политическими мотивами руководился отчасти Петръ и по отношенію къ русскому расколу. Пока онъ видѣлъ въ расколѣ исключительно религіозную секту, онъ относился къ нему довольно мягко, не трогая вѣрованій раскольниковъ (хотя съ 1714 г. и велѣлъ съ нихъ брать двойной податной окладъ). Но когда онъ увидѣлъ, что религіозный консерватизмъ раскольниковъ ведетъ къ консерватизму гражданскому и что раскольники являются рѣзкими противниками его гражданской дѣятельности, тогда Петръ измѣнилъ свое отношеніе къ расколу. Во вторую половину царствованія Петра репрессіи шли рядомъ съ вѣротерпимостью: раскольниковъ преслѣдовали какъ гражданскихъ противниковъ господствующей церкви; въ концѣ же царствованія и религіозная терпимость какъ будто бы уменьшилась и послѣдовало ограниченіе гражданскихъ правъ всѣхъ безъ исключенія раскольниковъ, замѣшаныхъ и не замѣшаныхъ въ политическія дѣла. Въ 1722 г. раскольникамъ данъ былъ даже опредѣленный нарядъ, въ особенностяхъ котораго видна была какъ бы насмѣшка надъ расколомъ.

Отношеніе современниковъ къ дѣятельности Петра.

Мы окончили нашъ обзоръ преобразовательной дѣятельности Петра. Она касалась всѣхъ сторонъ общественной жизни и всѣхъ классовъ московскаго общества. Поэтому люди всѣхъ направленій и положеній почувствовали реформу Петра и, задѣтые ею, такъ или иначе высказывали свое отношеніе и къ преобразованію, и къ преобразователю. Отношеніе это было разнообразно. Не всѣ понимали, къ чему стремился Петръ, не всѣ могли сознательно отнестись къ преобразованіямъ. Массѣ реформы казались страннымъ, ненужнымъ и непонятнымъ дѣломъ. Народъ не могъ уловить въ дѣятельности Петра исторической традиціи, какую видимъ теперь мы, и поэтому считалъ реформу не національной и приписывалъ ее личному капризу своего царя. Однако много отдѣльныхъ лицъ, не только изъ высшихъ слоевъ общества, но и изъ народной массы, умѣли сочувствовать Петру вполнѣ или отчасти. Эти люди являлись дѣятельными сотрудниками государя и апологетами его преобразованій. Такъ.

въ эпоху Петра образовалось въ его государствѣ двѣ стороны людей: противниковъ и сторонниковъ реформы.

Противниковъ реформы мы уже отмѣтили, когда говорили о первыхъ шагахъ преобразованій. Въ 1698 г. стрѣлецкій розыскъ и рѣзкія нововведенія Петра, по возвращеніи изъ-за границы, сразу возбудили вниманіе народа, который былъ удивленъ и жестокостью государя и его нѣмецкими еретическими замашками. Въ обществѣ пошли оживленные толки, о которыхъ мы знаемъ довольно изъ дѣлъ Тайнаго приказа (Преображенскаго), занимавшагося слѣдствіями политическаго характера. Въ Москвѣ и въ областяхъ роптали на Петра за то, что „бороды бреетъ и съ нѣмцами водится и вѣра стала нѣмецкая“. По мнѣнію многихъ, Петръ обасурманился, „ожидовился“; за близость къ нѣмцамъ и расположеніе Петра къ дѣвицѣ Монсъ, знакомой ему черезъ Лефорта, въ народѣ звали Петра „Лефортовымъ зятемъ“. Соображая, „чего ждать отъ басурмана“, не удивлялись, что Петръ оказался жестокимъ въ стрѣлецкомъ розыскѣ. Однако проявленіе этой жестокости поражало народное воображеніе; даже бабы говорили между собой, что „котораго дня государь и князь Ромадановскій крови изопьютъ, того дня и тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся“. Позже, когда съ началомъ шведской войны очень усилились подати и повинности, происходили частые рекрутскіе наборы и служба дворянъ стала тяжелѣй, это напряженіе государственныхъ силъ объяснили не политическими потребностями, а личнымъ капризомъ и жестокостью Петра. Ему желали смерти, потому что думали: „какъ бы Петра убили, такъ бы и служба минула и черни бы легче было“. Но Петръ жилъ и требовалъ отъ народа усиленнаго труда. Непривыкшіе къ такому труду съ отчаяніемъ восклицали: „Міроѣдъ, весь міръ переѣлъ. На него, кутилку, переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы“. Петръ казался врагомъ; „онъ дворянъ всѣхъ выволокъ на службу, крестьянъ разорилъ съ домами“, побралъ ихъ въ солдаты, а женъ ихъ „осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“. „Если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ“—говорили въ народѣ.

Такимъ образомъ личность Петра и его культурные вкусы и политическая дѣятельность были не поняты массой и возбуждали неудовольствіе. Не понимая происходящаго, всѣ недовольные съ недоумѣніемъ ставили себѣ вопросъ о Петрѣ: „какой онъ царь?“ и не находили сразу отвѣта. Поведеніе Петра, для массы загадочное, ничѣмъ не похожее на старый традиціонный чинъ жизни московскихъ государей, приводило къ другому вопросу: „никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ?“ И многіе рѣшались утверждать о Петрѣ, что „это не государь, что нынѣ владѣетъ“. Дойдя до этой страшной догадки, народная фантазія принялась усиленно работать, чтобы отвѣтить себѣ, кто же такой Петръ или тотъ, „кто нынѣ владѣетъ“?

Уже въ первые годы XVIII в. появилось нѣсколько отвѣтовъ. Заграничная поѣздка Петра дала предлогъ къ одному отвѣту; „нѣмецкія“ привычки Петра создали другой. На почвѣ религіознаго консерватизма выросъ третій отвѣтъ, столь же легендарный, какъ и первые два. Во 1-хъ, стали разсказывать, что Петръ во время поѣздки за границу былъ плѣненъ въ Швеціи и тамъ „закладенъ въ столбъ“, а на Русь выпущенъ вмѣсто него царствовать нѣмчинъ, который и владѣетъ царствомъ. Варіантами къ этой легендѣ служили разсказы о томъ, что Петръ въ Швеціи не закладенъ въ столбъ, а посаженъ въ бочку и пущенъ въ море. Существовалъ разсказъ и такой, что въ бочкѣ погибъ за Петра вѣрный стрѣлецъ, а Петръ живъ, скоро вернется на Русь и прогонитъ самозванца-нѣмчина. Во 2-хъ, ходила въ народѣ легенда о томъ, будто Петръ родился отъ „нѣмки беззаконной“, онъ „замѣненный“. „И какъ царица Наталія Кирилловна стала отходить съ сего свѣта, и въ то число говорила: ты, де, не сынъ мой, замѣненный“. На чемъ основалось такое объясненіе происхожденія Петра, высказывали наивно сами разсказчики легенды: „велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ нѣмки“. Въ 3-хъ, наконецъ, въ средѣ, кажется, раскольничьей, выросло убѣжденіе, что Петръ антихристъ, потому что гонитъ православіе, „разрушаетъ вѣру христіанскую“. Получивъ широкое распространеніе въ темной массѣ народа, всѣ эти легенды спутывались, варіировались безъ конца и соединялись въ одно опредѣленіе Петра: „онъ не государь—латышъ: поста никакого не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы“.

Но недовольство народа не переходило въ общее открытое сопротивленіе Петру. Народъ, правда, уходилъ отъ тяжести государственной жизни цѣлыми массами—въ казаки, въ Сибирь, даже въ Польшу. Однако обаяніе грозной личности Петра, отсутствіе самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, наконецъ, отсутствіе единодушнаго отношенія къ Петру и реформѣ привели къ тому, что противъ реформъ Петра были лишь отдѣльныя мѣстныя вспышки. Въ 1705 г. произошелъ бунтъ въ Астрахани, не имѣвшій ни твердой организаціи, ни ясно сознанной цѣли. Бунтовщики объявили, что встали за вѣру, но не противъ Петра, а противъ бояръ, воеводъ и нѣмцевъ, утѣснителей и вѣры и народа. Передъ бунтомъ въ Астрахани ходили самые нелѣпые слухи о положеніи дѣлъ въ государствѣ: такъ, астраханцы спѣшили выдать замужъ дочерей, боясь, что будутъ присланы казенные женихи-нѣмцы изъ Казани. Бунтъ былъ подавленъ въ 1706 г. Въ 1707 году вспыхнулъ одинъ бунтъ среди инородцевъ (башкиръ), а другой на Дону у казаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина. Казачье движеніе было очень серьезно и охватило обширный районъ: казаки штурмовали неудачно Азовъ и приближались къ Тамбову. Направлялось неудовольствіе казаковъ противъ той государ-

ственной опеки, которой съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе подпадали прежде вольныя казачьи общины. При Петрѣ правительственный контроль надъ казаками былъ сразу усиленъ: Петръ потребовалъ отъ нихъ всѣхъ бѣжавшихъ на Донъ въ недавніе годы возвратить обратно въ государство, кромѣ того запретилъ казакамъ заводить новыя поселенія (городки) безъ его указа. Когда же казаки не исполнили этихъ требованій, Петръ для ихъ исполненія отправилъ на Донъ вооруженную силу. Не знавшіе прежде такого крутого отношенія со стороны Москвы, казаки возстали противъ государства за свою отжившую вольность, но были усмирены. Булавинъ кончилъ самоубійствомъ, бунтовщики сильно поплатились и весь Донъ былъ разоренъ. Петръ, очень серьезно посмотрѣвшій на казачій бунтъ, не отступилъ передъ строгой репрессіей и не ослабилъ правительственнаго контроля надъ казачествомъ.

Этими явленіями и ограничивался протестъ населенія противъ новшествъ Петра. Намъ этотъ протестъ, и активный и пассивный, можетъ показаться ничтожнымъ; но Петръ всю свою жизнь прожилъ подъ давленіемъ несочувствія къ нему и къ его завѣтнымъ стремленіямъ со стороны малоразвитого общества.

Сторонники и сотрудники Петра, являлись безъ сомнѣнія, меньшинствомъ въ русскомъ обществѣ; но воспитанные въ школѣ Петра и поставленные имъ у власти, они прониклись взглядами своего воспитателя и послѣ его смерти не дали государству уклониться на путь реакціи. Стремленіе къ реакціи было сильно въ обществѣ и при Петрѣ. Послѣ него оно могло высказаться свободнѣе, могло надѣяться на успѣхъ. Побѣда надъ нимъ принадлежитъ „птенцамъ“ Петра, и въ этомъ ихъ главное историческое значеніе. Но птенцы Петра отличаются такимъ различіемъ происхожденія, характеровъ, способностей и дѣятельности, что дать ихъ общую характеристику—нѣтъ возможности. У нихъ есть, пожалуй, единственная общая черта—практическій характеръ воспитанія и дѣятельности. Поэтому ихъ можно назвать школою практическихъ дѣльцовъ, но характеризовать эту школу, по ея дѣятельнссти и направленію, трудно. Въ нашемъ обзорѣ мы можемъ лишь назвать виднѣйшихъ помощниковъ преобразователя.

Съ нѣкоторыми мы уже встрѣчались въ предшествующемъ изложеніи, напримѣръ, съ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ. Онъ былъ весьма низкаго происхожденія и за свои способности изъ потѣшныхъ солдатъ сталъ правою рукою Петра. Чрезвычайная воспріимчивость, ясность мысли, разностороннія способности—давали ему возможность понимать и исполнять лучше другихъ то, чего хотѣлъ Петръ. Петръ надѣлилъ его большими полномочіями, и Меньшиковъ сталъ вторымъ послѣ Петра лицомъ въ государствѣ. Онъ работалъ во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности, и многимъ казались настолько большими значеніе

Меншикова и его способности, что, по ихъ мнѣнію, дѣла стали бы, если бы не было Меншикова. Армія видѣла въ Меншиковѣ талантливаго полководца. Но любовью онъ не пользовался за свою гордость, заносчивость и лихоимство. Послѣдній порокъ привлекалъ вниманіе и самого Петра: Меншикову не разъ грозила ссылка, не разъ государь собственноручно бивалъ его; въ концѣ царствованія Меншиковъ находился подъ формальнымъ слѣдствіемъ. Но любовь къ нему Петра и нужда, которую чувствовалъ Петръ въ его способностяхъ, заставляли держать Меншикова на высотѣ того положенія, какого онъ достигъ въ государствѣ. Спасало его и заступничество супруги Петра—Екатерины, жившей до брака съ Петромъ въ домѣ Меншикова.

Были и другіе замѣтные сотрудники Петра, взятые имъ изъ низшихъ слоевъ общества. Таковы, напримѣръ,—оставившій по себѣ яркую память генералъ прокуроръ Сената Ягужинскій и дипломатъ баронъ Шафировъ. Оба они были не русскіе, а только обрусѣлые люди съ довольно темнымъ происхожденіемъ. Выдвинули ихъ недюжинныя личныя способности, разбирать которыя Петръ былъ большой мастеръ. Большинство сотрудниковъ Петра достигло высокаго государственнаго положенія именно личными заслугами и талантами, а не аристократичностью происхожденія. Великій канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, дипломаты Петръ Андреевичъ Толстой, Матвѣевъ, Неплюевъ, Артемій Волынскій—далеко не отличались родовитостью и вышли изъ рядовъ неродословнаго дворянства XVII вѣка; ихъ предки или вовсе не играли роли до Петра, или стали замѣтны (вслѣдствіе личной выслуги) очень незадолго до него. Изъ людей „родословныхъ" на высокихъ административныхъ постахъ при Петрѣ удержались представители трехъ фамилій: Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ставшій графомъ и фельдмаршаломъ; князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ—сенаторъ и Михаилъ Михайловичъ—фельдмаршалъ, и князья Долгорукіе, изъ которыхъ сенаторъ Яковъ Өедоровичъ сталъ героемъ историческихъ преданій, какъ образецъ высокой честности и безстрашія. Онъ рѣзко противорѣчилъ иногда распоряженіямъ Петра и въ глаза Петру высказывалъ, напримѣръ, что царь Алексѣй стоялъ выше царя Петра по внутренней государственной дѣятельности. Изъ родовитыхъ лицъ необходимо еще упомянуть кн. Никиту Ивановича Репнина, фельдмаршала.

Такъ разнообразенъ былъ по своему соціальному составу ближайшій къ Петру кругъ его помощниковъ. И знатный, и незнатный, и русскій и обрусѣлый иноплеменникъ, одинаково могли подняться до непосредственной близости къ царю-реформатору. Поднимались до такой близости и иностранцы, случайно появившіеся въ Россіи и ей чуждые; но Петръ, лаская ихъ и довѣряя имъ, не ставилъ ихъ на первыя мѣста: вездѣ надъ ними возвышался русскій человѣкъ, хотя бы и меньше иностранца знав-

шій дѣло. (На назначеніе Брюса президентомъ, а не только вице президентомъ Бергъ-Коллегіи указываютъ, какъ на рѣдкое исключеніе изъ этого правила). Изъ иностранцевъ, занявшихъ видное положеніе въ Россіи, слѣдуетъ назвать упомянутаго графа Брюса отчасти ученаго, отчасти военнаго дѣятеля, отчасти и дипломата; далѣе барона Остермана, дипломата и администратора, способности котораго Петръ по справедливости ставилъ высоко; наконецъ Миниха, который явился въ Россію только въ 1721 г. и завѣдывалъ, въ качествѣ инженера, постройкою Ладожскаго канала.

Вся среда, окружавшая Петра, при разнообразіи дѣятельности отличалась, какъ мы уже замѣтили, разнообразіемъ характеровъ и взглядовъ. Въ то время, какъ одни руководились личными стремленіями и заботами исключительно о своей карьерѣ (иностранцы), другіе жили болѣе широкими интересами, имѣли опредѣленные взгляды на служебную дѣятельность (Меншиковъ и кн. Яковъ Долгорукій въ этомъ отношеніи рѣзко противоположны во взглядахъ на самую реформу, дѣятелями которой они были). Далеко не всѣ они относились одинаково къ тому, что совершалось на ихъ глазахъ и ихъ же трудами: въ то время какъ Борисъ Шереметевъ душою преданъ былъ культурной реформѣ и, помимо настояній Петра, самъ стремился къ западно-европейскому образованію, Голицыны были поклонниками староотеческихъ преданій и не одобряли ни слѣпого поклоненія Западу, ни близкаго общенія съ иностранцами.

Однако авторитетъ могучаго государя, привычка къ долгому совмѣстному служебному и житейскому общенію, привычка къ новымъ формамъ государственной жизни и дѣятельности соединили всю эту разноплеменную и разнохарактерную дружину Петра въ плотный, однородный кругъ практическихъ государственныхъ дѣльцовъ. Не во всемъ понимая и раздѣляя планы Петра, его дружина вела однако государство по привычному пути и послѣ смерти реформатора-государя. Если въ частностяхъ постановленія Петра и нарушались, если его предначертанія исполнялись не вполнѣ, все-же птенцы Петра не допустили торжества реакціи и обратнаго превращенія Россійской Имперіи въ Московское государство.

Всѣ перечисленные нами люди дѣйствовали на широкой государственной аренѣ, стояли надъ обществомъ. Въ самомъ обществѣ, въ разныхъ его слояхъ, находились лица, преклонявшіяся передъ Петромъ и передъ его реформой; и такихъ людей было не мало. Необычайное распространеніе въ обществѣ XVIII в. диѳирамбовъ личности и дѣламъ Петра, составленныхъ современниками реформы, свидѣтельствуютъ о томъ, что сочувствіе Петру было очень сильно среди болѣе или менѣе образованныхъ русскихъ людей. У нѣкоторыхъ это сочувствіе было вполнѣ сознательно и явилось слѣдствіемъ того, что сами эти люди своимъ умственнымъ развитіемъ были обязаны тѣмъ новымъ условіямъ жизни,

какія создалъ Петръ. Таковъ былъ, напримѣръ, Василій Никитичъ Татищевъ—администраторъ, географъ, историкъ, даже философъ, одинъ изъ первыхъ серьезно-образованныхъ людей на Руси, теперь извѣстный болѣе по своей „Исторіи Россійской“ и другимъ сочиненіямъ ученаго и публицистическаго характера. Таковъ былъ и зажиточный крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго Иванъ Посошковъ, сперва „хромавшій раскольничьимъ недугомъ“ и недовольный Петромъ, а затѣмъ поклонникъ и Петра и реформы. Въ своихъ литературныхъ трудахъ (главный—„Книга о скудости и богатствѣ“) наблюдательный и умный мужикъ, съ одной стороны, является апологетомъ Петра, съ другой—стремится по мѣрѣ силъ помочь и правительству и обществу своимъ практическимъ совѣтомъ по разнымъ вопросамъ общественной жизни. Такія личности, какъ Татищевъ и Посошковъ, дѣйствуя въ совершенно различныхъ сферахъ общества, выполняли одно и то же назначеніе: являлись хранителями новыхъ началъ общественной жизни, получившихъ силу съ царствованія Петра; они своими трудами, рѣчами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недовѣрчивой массы и, увлекая многихъ за собой, были дѣйствительными сотрудниками Петра.

Хотя и достаточно было у Петра такихъ сотрудниковъ, однако они оставались въ меньшинствѣ передъ косною массою народа. Уже въ концѣ царствованія Петра Посошковъ съ грустью замѣчалъ, что „видимъ мы всѣ, какъ Великій нашъ Монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его скоро будетъ?“ Если дѣло Петра и не пропало съ кончиной его, а стало жить въ исторіи, то причина этого не въ непосредственномъ сочувствіи общества, а въ полномъ соотвѣтствіи реформы съ вѣковыми задачами и потребностями народа.

Семейныя отношенія Петра.

Приведенныя слова Посошкова до нѣкоторой степени можно приложить и къ семейной жизни Петра: „Великій Монархъ“ не встрѣчалъ полнаго сочувствія себѣ и въ семейномъ кругу. Мы видѣли, что въ молодости поведеніе и разница взглядовъ далеко отвели его отъ первой жены Евдокіи Ѳеодоровны. Онъ нашелъ себѣ другую привязанность (Монсъ) и дошелъ до открытаго разрыва съ родней жены—Лопухиными. По возвращеніи изъ-за границы, онъ въ 1698 г. постригъ свою жену, открыто ему не сочувствовавшую. Съ тѣхъ поръ она жила въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ Елены, но далека была отъ вѣрности вынужденнымъ обѣтамъ монашества.

Отъ брака съ Евдокіей у Петра былъ сынъ Алексѣй, родившійся въ 1690 г. До 9-ти лѣтъ онъ жилъ при матери, и, конечно, воспитывался въ несочувствіи отцу. Послѣ постриженія матери онъ остался на попеченіи сестеръ отца въ старомъ московскомъ дворцѣ, въ старозавѣтной обстановкѣ царевичей. Петръ, при своихъ постоянныхъ заботахъ и поѣздкахъ, мало обращалъ вниманія на воспитаніе сына; иногда бывали у царевича воспитатели-иностранцы (Гюйссенъ), обсуждался планъ образованія царевича за границей, но не былъ приведенъ въ исполненіе. И воспитатели мало повліяли на Алексѣя, зато подѣйствовала среда. Отъ духовника царевича до послѣдняго товарища его забавъ возлѣ Алексѣя собрались люди стараго закала, ненавистники реформъ, боявшіеся и не любившіе Петра. Въ старомъ забытомъ дворцѣ уцѣлѣла и старая по направленію среда. Царевичъ впиталъ въ себя дореформенные взгляды, дореформенную богословскую науку и дореформенные вкусы: стремленіе къ внѣшнему благочестію, созерцательному бездѣйствію и чувственнымъ удовольствіямъ. Дряблая натура сына еще болѣе усиливала его рѣзкую противоположность отцу. Боясь отца, царевичъ не любилъ его и даже желалъ ему скорой смерти; быть съ отцомъ для Алексѣя было „хуже каторги", по его признанію. А чѣмъ больше росъ царевичъ, тѣмъ чаще тревожилъ его отецъ. Петръ привлекалъ его къ дѣлу, думалъ практическимъ трудомъ воспитать въ сынѣ достойнаго себѣ помощника и наслѣдника, давалъ ему порученія важнаго характера и часто возилъ его съ собой. Но съ первыхъ же шаговъ онъ убѣдился, что сынъ, хотя и уменъ, но къ дѣлу не способенъ, потому что бездѣятеленъ по натурѣ и враждебенъ отцу по взглядамъ. Петръ думалъ силою передѣлать сына, даже „бивалъ" его,— но безуспѣшно. Сынъ остался пассивнымъ, но упорнымъ противникомъ.

Въ 1711 г. Петръ устроилъ женитьбу сына на принцессѣ Вольфенбюттельской Софіи-Шарлоттѣ. Нужно думать, что этимъ онъ еще надѣялся передѣлать сына, измѣнивъ условія его жизни и открывъ доступъ вліянію на сына культурной женщины. Царевичъ хорошо относился къ женѣ, но не измѣнился. Когда у Алексѣя родился сынъ Петръ и умерла жена (1715 г.), царь Петръ сталъ иначе смотрѣть на сына: съ рожденіемъ внука можно было устранить сына отъ престола, ибо являлся другой наслѣдникъ. Кромѣ того, Петръ могъ разсчитывать самъ имѣть сыновей, такъ какъ въ 1712 г. онъ формально вступилъ во второй бракъ. Женился онъ на женщинѣ, съ которой уже нѣсколько лѣтъ жилъ душа въ душу. Она была дочерью простого лифляндца, въ Лифляндіи попала въ плѣнъ къ русскимъ, долго жила у Меншикова, въ его домѣ стала извѣстна Петру и прочно овладѣла его привязанностью. Принявъ православіе, она получила имя Екатерины Алексѣевны Михайловой (а ранѣе называлась Скавронской и Василевской) и еще до 1712 г. подарила Петру дочерей Анну и Елизавету.

Екатерина была подходящимъ Петру человѣкомъ: скорѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, понимала она всѣ взгляды, вкусы и желанія Петра, откликалась на все, что интересовало мужа, и съ замѣчательной энергіей умѣла быть вездѣ, гдѣ былъ мужъ, переносить все то, что переносилъ онъ. Она создала Петру незнакомый ему ранѣе семейный очагъ, достигла крѣпкаго вліянія на него и, будучи неустанной помошницей и спутницей государя дома и въ походахъ, добилась формальнаго замужества съ Петромъ. Вліянію Екатерины нѣкоторые изслѣдователи склонны приписывать рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ Петра къ царевичу Алексѣю.

Поворотъ этотъ состоялъ въ томъ, что Петръ послѣ смерти жены Алексѣя (1715) передалъ сыну обширное письмо, въ которомъ указывалъ на его неспособность къ дѣламъ и требовалъ или исправиться или отказаться отъ надежды наслѣдовать престолъ. Въ необходимости дать отвѣтъ отцу царевичъ обратился за совѣтомъ къ пріятелямъ, и тѣ посовѣтовали ему отказаться отъ престола лицемѣрно, для избѣжанія дальнѣйшихъ непріятностей въ случаѣ упорства. Царевичъ такъ и сдѣлалъ. Но для Петра не было секретомъ, что всѣ недовольные ходомъ дѣлъ видятъ въ консервативныхъ привычкахъ царевича надежду на возвращеніе старыхъ порядковъ и поэтому послѣ Петра могутъ Алексѣя возвести на престолъ, несмотря на его теперешній отказъ. Петръ потребовалъ отъ сына не простого отказа отъ престола, а постриженія въ монахи (что лишало его возможности вступить на тронъ), и снова предлагалъ сыну приняться за дѣло. Но Алексѣй на это отвѣчалъ, что готовъ идти въ монахи и отвѣтилъ снова лицемѣрно. Петръ отложилъ рѣшеніе этого вопроса, не настаивая на постриженіи сына, далъ царевичу полгода на размышленіе и вскорѣ уѣхалъ за границу.

Прошло полгода, и въ 1716 г. Петръ изъ Даніи потребовалъ у сына отвѣта и звалъ его къ себѣ въ томъ случаѣ, если онъ раздумалъ идти въ монахи. Подъ видомъ поѣздки за границу къ отцу, царевичъ выѣхалъ изъ Россіи и отправился въ Австрію къ императору Карлу VI, у котораго и просилъ защиты отъ отца. Карлъ скрылъ его въ Неаполѣ. Но въ 1717 г. посланные Петромъ на розыски царевича Толстой и Румянцевъ нашли его и убѣдили добровольно вернуться въ Россію. Алексѣй пріѣхалъ въ Москву въ 1718 г. и въ присутствіи многочисленнаго народа, собраннаго во дворецъ, получилъ отъ отца прощеніе подъ условіемъ, чтобы онъ отрекся отъ престола и назвалъ тѣхъ лицъ, по совѣту которыхъ бѣжалъ. Царевичъ назвалъ ихъ.

Слѣдствіе, наряженное надъ этими лицами, вскрыло всю обстановку прежней жизни царевича и дало такіе результаты, какихъ Петръ врядъ ли ожидалъ. Онъ узналъ о непримиримой враждѣ сына и къ самому себѣ и ко всей своей дѣятельности, узналъ, что его сына окружали лица рѣзко оппозиціоннаго направленія, что они настраивали Алексѣя со вре-

менемъ дѣйствовать противъ отца, и что Алексѣй готовъ былъ на это. Въ то же время открылся рядъ скандаловъ, въ которыхъ позорно участвовали родственныя Петру лица и даже его первая жена. Розыскъ повелъ къ суду, къ строгимъ приговорамъ; много лицъ было казнено; царица Евдокія заключена въ Новой Ладогѣ. Хотя слѣдствіе не открыло заговора противъ Петра со стороны царевича, однако дало Петру полное юридическое основаніе взять назадъ свое прощеніе сыну и передать царевича суду, какъ государственнаго преступника.

Судъ состоялъ изъ высшихъ сановниковъ (болѣе ста), допросилъ царевича и при допросахъ подвергъ его пыткѣ. Результатомъ судебнаго слѣдствія былъ смертный приговоръ царевичу. Но судьба не допустила привести его въ исполненіе: царевичъ, измученный страшными нравственными потрясеніями и, быть можетъ, пыткой, умеръ въ Петропавловской крѣпости 27 іюня 1718 года.

Петръ лишился старшаго сына. Младшіе сыновья его отъ второго брака, Петръ и Павелъ, умерли въ младенчествѣ. Остался одинъ внукъ Петръ Алексѣевичъ и дочери Анна и Елизавета, остались также племянницы Екатерина и Анна Ивановны. При такомъ положеніи своей семьи, Петръ въ 1722 г. издалъ указъ о порядкѣ престолонаслѣдія, которымъ отмѣнялся прежній обычай наслѣдованія по семейному старшинству и устанавливался новый порядокъ: царствующій государь имѣетъ право назначить своимъ наслѣдникомъ кого угодно и лишить престола назначенное лицо, если оно окажется недостойнымъ. Этотъ законъ Петра послѣ его смерти не разъ подвергалъ колебаніямъ судьбу русскаго престола, а самъ Петръ имъ не воспользовался. Онъ не назначилъ себѣ преемника; косвеннымъ же образомъ, какъ думали, Петръ указалъ на свою жену, какъ на избранную наслѣдницу: въ 1724 г. Екатерина была коронована въ Москвѣ Петромъ весьма торжественно, въ ознаменованіе ея заслугъ предъ государствомъ и супругомъ.

Замѣтимъ, что законъ о престолонаслѣдіи, шедшій противъ вѣкового обычая, потребовалъ обстоятельнаго оправданія въ глазахъ народа и вызвалъ любопытнѣйшій трактатъ Ѳеофана Прокоповича „Правда воли монаршей". Въ немъ отправдывалось право монарха съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія—даже съ точки зрѣнія теорій Гуго-Гроція и Гоббса.

Историческое значеніе дѣятельности Петра.

Мы приступили къ изложенію эпохи преобразованій съ тѣмъ убѣжденіемъ, что эта эпоха была обусловлена всѣмъ ходомъ предшествовавшей исторической жизни Россіи. Мы ознакомились поэтому съ существен-

ными чертами до-Петровской жизни, какъ она сложилась къ тому моменту, когда началъ свою дѣятельность Петръ. Мы изучали затѣмъ воспитаніе и обстановку дѣтства и юности Петра, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, какъ развилась личность преобразователя. И, наконецъ, мы разсмотрѣли сущность реформаціонной дѣятельности Петра во всѣхъ ея направленіяхъ.

Къ какому выводу приведетъ насъ наше изученіе Петра? Была ли дѣятельность его дѣятельностью традиціонной, или же она была рѣзкимъ неожиданнымъ и неподготовленнымъ переворотомъ въ государственной жизни Московской Руси?

Отвѣтъ довольно ясенъ. Реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ; Петръ не былъ „царемъ-революціонеромъ“, какъ его иногда любятъ называть.

Прежде всего дѣятельность Петра не была переворотомъ политическимъ: во внѣшней политикѣ Петръ строго шелъ по старымъ путямъ, боролся со старыми врагами, достигъ небывалаго успѣха на западѣ, но не упразднилъ своими успѣхами старыхъ политическихъ задачъ по отношенію къ Польшѣ и къ Турціи. Онъ много сдѣлалъ для достиженія завѣтныхъ помысловъ Московской Руси, но не додѣлалъ всего. Покореніе Крыма и раздѣлы Польши при Екатеринѣ II были слѣдующимъ шагомъ впередъ, который сдѣлала наша нація, чѣмъ прямо продолжено было дѣло Петра и старой Руси. Въ политикѣ внутренней Петръ недалеко ушелъ отъ XVII вѣка. Государственное устройство осталось прежнимъ, полнота верховной власти, формулированная царемъ Алексѣемъ въ словахъ Дѣяній Апостольскихъ, получила болѣе пространное опредѣленіе при Петрѣ въ Артикулѣ Воинскомъ, *) въ указахъ, наконецъ, въ философскихъ трактатахъ Ѳеофана Прокоповича. Земское самоуправленіе, имѣвшее не политическій, но сословный характеръ до Петра, осталось такимъ же и при Петрѣ. Надъ органами сословнаго самоуправленія, какъ и раньше, стояли учрежденія бюрократическія, и хотя внѣшнія формы администраціи были измѣнены, общій типъ ея оставался неизмѣннымъ: какъ и до Петра, было смѣшеніе началъ личнаго съ коллегіальнымъ, бюрократическаго съ сословнымъ.

Дѣятельность Петра не была и общественнымъ переворотомъ. Государственное положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія не потерпѣли существенныхъ измѣненій. Прикрѣпленіе сословій къ государствен-

*) Арт. 20:. „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ: но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей воли и благомнѣнію управлять“.

нымъ повинностямъ осталось во всей силѣ, измѣнился только порядокъ исполненія этихъ повинностей. Дворянство при Петрѣ не достигло еще права владѣнія людьми, какъ сословной привилегіи, а владѣло крестьянскимъ трудомъ лишь на томъ основаніи, что нуждалось въ обезпеченіи за свою службу. Крестьяне не потеряли правъ гражданской личности и не считались еще полными крѣпостными. Жизнь закрѣпощала ихъ все болѣе, но, какъ мы видѣли, началось это еще до Петра, а окончилось уже послѣ него.

Въ экономической политикѣ Петра, въ ея цѣляхъ и результатахъ, также нельзя видѣтъ переворота. Петръ ясно опредѣлилъ ту задачу, къ рѣшенію которой невѣрными шагами шли и до него,—задачу поднятія производительныхъ силъ страны. Его программа развитія національной промышленности и торговли была знакома въ XVII вѣкѣ теоретически—Крижаничу, практически—Ордину-Нащокину. Результаты, достигнутые Петромъ, не поставили народнаго хозяйства на новое основаніе. Главнымъ источникомъ народнаго богатства и при Петрѣ остался земледѣльческій трудъ, и Россія, имѣя послѣ Петра болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, была все таки земледѣльческой страной, съ очень слабымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ.

И въ культурномъ отношеніи Петръ не внесъ въ русскую жизнь новыхъ откровеній. Старые культурные идеалы были тронуты до него; въ XVII вѣкѣ вопросъ о новыхъ началахъ культурной жизни сталъ рѣзко выраженнымъ вопросомъ. Царь Алексѣй—отчасти и царь Θеодоръ—вполнѣ являлись уже представителями новаго направленія. Царь Петръ въ этомъ прямой ихъ преемникъ. Но его предшественники были ученики кіевскихъ богослововъ и схоластиковъ, а Петръ былъ ученикъ западноевропейцевъ, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространеніи своихъ знаній въ народѣ, а Петръ считалъ это однимъ изъ главныхъ своихъ дѣлъ. Этимъ онъ существенно отличался отъ государей XVII вѣка. Такъ, Петръ не былъ творцомъ культурнаго вопроса, но былъ первымъ человѣкомъ рѣшившимся осуществить культурную реформу. Результаты его дѣятельности были велики: онъ далъ своему народу полную возможность матеріальнаго и духовнаго общенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но не слѣдуетъ, однако, преувеличивать этихъ результатовъ. При Петрѣ образованіе коснулось только высшихъ слоевъ общества, и то слабо; народная же масса пока осталась при своемъ старомъ міровоззрѣніи.

Если, такимъ образомъ, дѣятельность Петра не вносила, по сравненію съ прошлымъ, ничего радикально-новаго, то почему же реформы Петра пріобрѣли у потомства и даже современниковъ Петра репутацію коренного государственнаго переворота? Почему Петръ, дѣйствовавшій традиціонно, въ глазахъ русскаго общества сталъ монархомъ-революціонеромъ?

На это есть двѣ категоріи причинъ. Одна—въ отношеніи общества къ Петру, другая—въ самомъ Петрѣ.

На русское общество реформы Петра, рѣшительныя и широкія, произвели страшное впечатлѣніе послѣ осторожной и медлительной политики московскаго правительства. Въ обществѣ не было того сознанія исторической традиціи, какое жило въ геніальномъ Петрѣ. Близорукіе московскіе люди объясняли себѣ и внѣшнія предпріятія, и внутреннія нововведенія государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частныя нововведенія они противополагали частнымъ же обычаямъ старины и выносили убѣжденіе, что Петръ безжалостно рушилъ ихъ старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественнаго быта они не видѣли общей сущности стараго и новаго. Общественная мысль еще не возвышалась до сознанія основныхъ началъ русской государственной и общественной жизни и обсуждала только отдѣльные факты. Вотъ почему современникамъ Петра, присутствовавшимъ при безчисленныхъ нововведеніяхъ, и крупныхъ и мелкихъ, казалось, что Петръ перевернулъ вверхъ дномъ всю старую жизнь, не оставилъ камня на камнѣ отъ стараго порядка. Видоизмѣненія стараго порядка они считали за полное его уничтоженіе.

Такому впечатлѣнію современниковъ содѣйствовалъ и самъ Петръ. Его поведеніе, вся его манера дѣйствовать показывали, что онъ не просто видоизмѣняетъ старые порядки, но питаетъ къ нимъ страстную вражду и борется съ ними ожесточенно. Онъ не улучшалъ старину, а гналъ ее и принудительно замѣнялъ новыми порядками. Это неспокойное отношеніе къ своему дѣлу, боевой характеръ дѣятельности, ненужныя жестокости, принудительность и строгость мѣропріятій—все это явилось у Петра, какъ результатъ впечатлѣній его дѣтства и молодости. Выросшій среди борьбы и вражды, видѣвшій и открытые бунты, и тайную оппозицію, Петръ вступилъ на путь реформъ далеко не со спокойнымъ духомъ. Онъ ненавидѣлъ ту среду, которая отравляла его дѣтство, и тѣ темныя стороны старой жизни, которыя сдѣлали возможной эту среду. Поэтому уничтожая и видоизмѣняя старые порядки, онъ въ свою дѣятельность монарха вносилъ личныя чувства пострадавшаго человѣка. Принужденный бороться за свою власть и самостоятельность при началѣ правленія, Петръ сохранилъ боевые пріемы навсегда. Встрѣченный открытою враждою сначала, чувствуя и потомъ скрытое противодѣйствіе себѣ въ обществѣ, Петръ все время боролся за то, во что вѣрилъ и что считалъ полезнымъ. Въ этомъ—объясненіе тѣхъ особенностей въ реформаціонной дѣятельности Петра, которыя сообщили его реформѣ черты рѣзкаго, насильственнаго переворота.

Однако по существу своему реформа эта не была переворотомъ.

Время отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы.

(1725—1741).

Въ первые 16—17 лѣтъ, прошедшихъ со смерти Петра Великаго, судьбу русскаго престола нельзя было назвать благополучной: на немъ смѣнилось пять монарховъ; Россія пережила нѣсколько дворцовыхъ переворотовъ; у власти стояли иногда люди, чуждые странѣ, по своимъ эгоистическимъ склонностямъ недостойные власти. Причины, обусловившія эту эпоху переворотовъ и временщиковъ, коренились, съ одной стороны, въ состояніи царской семьи, а съ другой—въ особенностяхъ той среды, которая управляла дѣлами. Чтобы ознакомиться съ этими причинами, обратимся, прежде всего, къ разсмотрѣнію обстоятельствъ дворцовой жизни и престолонаслѣдія отъ Петра до Елизаветы.

Дворцовыя событія съ 1725 по 1741 г.

Закономъ 1722 г., какъ мы видѣли, отмѣнялся обычный порядокъ престолонаслѣдія, дѣйствовавшій въ Московской Руси, и монарху предоставлялось право назначенія наслѣдника. При такомъ порядкѣ важное значеніе получало завѣщаніе монарха. Но Петръ умеръ отъ случайной простуды, сломившей его расшатанное трудами здоровье, умеръ всего 52-хъ лѣтъ и не оставилъ никакого завѣщанія. Вельможи и „господа Сенатъ“, собравшіеся во дворцѣ въ ночь на 28 января 1725 года въ виду неминуемой кончины Петра, отъ кабинетъ-секретаря Макарова узнали, что Петръ не выразилъ своей воли о наслѣдникѣ. Приходилось подумать, кѣмъ замѣнить умиравшаго императора.

Петръ оставлялъ послѣ себя жену, внука Петра Алексѣевича, двухъ дочерей и двухъ племянницъ. Естественно, что жена Екатерина Алексѣевна и внукъ Петръ Алексѣевичъ сочтены были за ближайшихъ кандидатовъ; но голоса присутствовавшихъ во дворцѣ вельможъ раздѣлились: одни желали Екатерину провозгласить императрицей, другіе въ Петрѣ видѣли законнаго наслѣдника. За Екатерину, иностранку и неродовитую по происхожденію женщину, высказывались неродовитые сотрудники Петра, стоявшіе за новый порядокъ, потому что благодаря ему они поднялись на такую общественную высоту. Въ воцареніи Екатерины они видѣли залогъ того, что уцѣлѣютъ установленный Петромъ порядокъ и ихъ личное положеніе. Въ царевичѣ же Петрѣ они видѣли сына того царевича Алексѣя, который былъ приговоренъ къ смерти; нѣкоторые изъ нихъ, съ воцареніемъ Петра, могли бояться и мести отъ него за отца и воз-

вращенія къ старымъ общественнымъ порядкамъ, для нихъ непріятнымъ. Во главѣ этихъ новыхъ людей, приверженцевъ Екатерины, стояли Меншиковъ, Ягужинскій и Толстой.

За Петра Алексѣевича были, напротивъ, люди изъ стараго боярства, удержавшіеся на верху общества и при Петрѣ. Реакціонныя стремленія къ старымъ московскимъ порядкамъ, жившія въ нихъ, заставляли ихъ чуждаться Екатерины, а въ Петрѣ—еще мальчикѣ—видѣть такого же представителя старыхъ началъ, какимъ былъ его отецъ. За внука Петра была и народная масса, лишенная однако возможности подать свой голосъ. Зато, на сторонѣ Екатерины были гвардейскіе полки, любившіе Екатерину и Меншикова.

Всю ночь шли разсужденія о наслѣдникѣ престола, предлагались и отвергались различныя комбинаціи. Толстой произнесъ рѣчь о заслугахъ Екатерины передъ государствомъ и указывалъ на ея торжественную коронацію, какъ свидѣтельство ея правъ на престолъ со стороны самого императора. Эта рѣчь была поддержана незамѣтно явившимися въ залу засѣданія гвардейскими офицерами, а мнѣніе офицеровъ (вѣроятно, введенныхъ по желанію Екатерины) нашло поддержку въ неожиданномъ появленіи передъ дворцомъ обоихъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, пришедшихъ „по волѣ императрицы“, какъ было объявлено знати. Вмѣшательство гвардіи, преданной и уже повиновавшейся „императрицѣ“, весьма повліяло на собраніе. Къ утру всѣ высказались въ пользу Екатерины, и она была объявлена императрицей и самодержицею со всѣми правами ея мужа императора.

Избранная правящими лицами и гвардіей, которая, слѣдуетъ замѣтить, состояла изъ шляхетства, Екатерина неспокойно принимала власть, боясь движенія народныхъ массъ противъ воцаренія иноземки. Однако, волненій не было: были отдѣльные случаи неудовольствія на господство женщины (были такіе люди, которые не хотѣли присягать Екатеринѣ, говоря: „если женщина царемъ, то пусть и крестъ бабы цѣлуютъ“). Всѣ войска присягнули спокойно. Гвардія же восторженно относилась къ императрицѣ, и императрица платила ей полнымъ вниманіемъ и заботами, весьма замѣтными для современниковъ. Гвардейскіе полки были внѣшнею опорою новаго правительства.

Такъ совершился небывалый фактъ воцаренія женщины въ Россіи, такъ въ первый разъ новыя русскія войска выступили въ качествѣ не только боевой, но и политической силы. Екатерина правила съ помощью тѣхъ же людей и тѣхъ же учрежденій, какія дѣйствовали при Петрѣ. Энергичная и умная жена Петра была въ высшей степени замѣчательной женщиной въ узкой средѣ семейныхъ и частныхъ отношеній, но не стала замѣтнымъ дѣятелемъ въ широкой сферѣ государственной жизни. Ей не хватало ни образованія, ни привычки къ дѣламъ, и потому она скрыва-

лась за личностью талантливаго Меншикова, который, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ императрицы, сталъ полнымъ распорядителемъ дѣлъ, временщикомъ. Но столкновенія Меншикова съ Сенатомъ (причемъ Меншиковъ однажды позволилъ себѣ оскорбить сенаторовъ) уже къ началу 1726 г. привели къ раздору среди правящихъ лицъ и тревожнымъ слухамъ о томъ, что обиженныя лица желаютъ возвести на престолъ Петра Алексѣевича. Слухи добавляли, что воцареніе Петра проектируется съ ограниченіемъ его власти. Благодаря разсказамъ современниковъ, мы съ вѣроятностью можемъ полагать, что въ данномъ случаѣ противъ Меншикова стали тѣ родовитые люди, которые и раньше отдавали предпочтеніе кандидатурѣ Петра предъ кандидатурою императрицы Екатерины. Предвидя смуты, Толстой явился посредникомъ между враждующими сторонами и успѣлъ потушить ссору. Однако, она не прошла безслѣдно, а привела къ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такъ назывался новый органъ государственнаго управленія, поставленный выше Сената и лишившій его прежняго значенія. У Сената былъ отнятъ генералъ-прокуроръ; вмѣсто титула „правительствующій", Сенатъ сталъ пользоваться титуломъ „высокій"; между верховной властью и Сенатомъ не стало прямого общенія, и Сенатъ долженъ былъ повиноваться указамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; Сенатъ сошелъ на степень коллегіи и считался равнымъ Военной, Иностранной и Морской коллегіямъ.

Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ февралѣ 1726 года, состоялъ изъ 6 членовъ: Меншикова, Апраксина, Головкина, Толстого, Дмитрія Михайловича Голицына и Остермана. Характеръ этого Совѣта не былъ точно опредѣленъ указомъ, его учреждавшимъ; было только сказано, что Совѣтъ устроенъ „для государственныхъ важныхъ дѣлъ". Но, по собственному мнѣнію Совѣта, кругъ его дѣятельности былъ широкій, и Совѣту присваивалось значеніе законодательнаго учрежденія; предполагалось даже, что ни одинъ указъ не могъ быть изданъ государынею безъ обсужденія Совѣта. При такой постановкѣ дѣла не мудрено, что нѣкоторымъ показалось, будто Верховный Совѣтъ есть шагъ къ ограниченію монаршей власти, хотя этого и не было на дѣлѣ.

Учрежденіе Верховнаго Совѣта было, съ одной стороны, направлено къ тому, чтобы избавить Меншикова, какъ главу военнаго управленія (онъ былъ президентомъ Военной коллегіи), отъ контроля Сената, а, съ другой стороны, къ тому, чтобы удовлетворить оскорбленное чувство знати, давъ ей возможность достигнуть высокаго государственнаго положенія путемъ участія, въ Верховномъ Совѣтѣ. Виднѣйшій представитель этой знати Д. М. Голицынъ и былъ призванъ въ Совѣтъ наряду съ самыми вліятельными административными лицами: Меншиковымъ, Апраксинымъ, Толстымъ (см. Градовскаго: „Высшая администрація Россіи", гл. 4-я). Такимъ образомъ, изъ столкновенія временщика съ другими вліятель-

ными людьми родилось новое учрежденіе, помирившее обѣ враждебныя стороны, т. е. родословныхъ людей съ неродословными.

Въ основаніи В. Т. Совѣта, однако, лежала не одна случайная „конъюктура". Въ послѣдніе годы царствованія Петра В. въ высшей бюрократіи созрѣло сознаніе, что въ административной системѣ Петра допущенъ пробѣлъ: именно, на мѣсто старой думы не было поставлено соотвѣтствующаго законодательнаго учрежденія, ибо Сенату не было дано полностью всѣхъ полномочій Думы. Князь Д. М. Голицынъ съ голштинцемъ Фикомъ (вызваннымъ въ Россію для организаціи коллегій) много бесѣдовали о необходимости устроить „вышнее правительство" въ видѣ „Тайнаго Совѣта"—такого, который бы далъ твердую организацію самой верховной власти. Въ моментъ смерти Петра В. Голицынъ гласно желалъ воцарить внука его Петра, а опеку вадъ нимъ вручить Сенату съ повышеніемъ его полномочій. Проигравъ на этомъ, Голицынъ выдвинулъ идею законодательнаго „Тайнаго Совѣта" противъ произвола временщика Меньшикова и сумѣлъ, какъ видимъ, настоять на своемъ: законодательное учрежденіе было создано и скоро даже покусилось на формальное ограниченіе верховной власти (1730).

Однако, между Меншиковымъ и его противниками и съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта все же не было прочнаго мира. Люди, недовольные временщикомъ, какъ допущенные въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и не попавшіе въ него (Ягужинскій и многіе другіе) по прежнему не могли помириться съ исключительнымъ значеніемъ Меншикова. Дальновидный Меншиковъ самъ понималъ, что у него много враговъ, и что всѣ они возлагаютъ свои надежды на царевича Петра. Чѣмъ старѣе становилась Екатерина, чѣмъ болѣе выросталъ Петръ, тѣмъ болѣе становилось вѣроятнымъ, что власть перейдетъ къ Петру, Меншиковъ потеряетъ свое значеніе, и вліяніе пріобрѣтутъ родовитые люди, всегдашніе приверженцы Петра. Такая перспектива страшила временщика, заставляя его заранѣе обдумывать мѣры, чтобы упрочить свое положеніе и на будущее время.

Въ началѣ 1727 г. Меншиковъ уже зналъ, что ему нужно было дѣлать. По совѣту датскаго и австрійскаго пословъ, онъ рѣшилъ сблизиться съ царевичемъ Петромъ и добиться того, чтобы Екатерина позволила женить Петра на дочери Меншикова и признала его наслѣдникомъ престола. Дѣлаясь тестемъ будущаго государя, Меншиковъ обезпечивалъ себѣ высокое положеніе надолго. Екатерина согласилась на просьбу Меншикова о женитьбѣ Петра, несмотря на то, что обѣ дочери ея со слезами молили отказать. Придворные люди въ большинствѣ были противъ Меншикова, но вопросъ о престолонаслѣдіи раздѣлилъ ихъ. Сближеніе всемогущаго временщика съ Петромъ для приверженцевъ Петра было какъ бы ручательствомъ въ томъ, что Петръ наслѣдуетъ престолъ. По-

этому многіе изъ нихъ примирились съ женитьбой царевича на Меншиковой (Голицыны). Но тѣ, кто былъ и противъ Меншикова, и противъ Петра, забили тревогу. Толстой рискнулъ представить Екатеринѣ свои доводы противъ предполагаемой женитьбы. Однако Екатерина осталась при своемъ, хотя и заявила, что никто не знаетъ ея воли о преемникѣ престола, и что Меншиковъ не можетъ измѣнить этой воли.

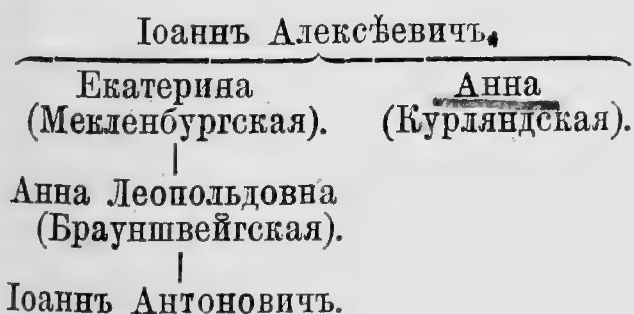
Въ такомъ положеніи были дѣла, когда императрица неожиданно захворала горячкой. Во время ея болѣзни Меншиковъ успѣлъ сослать главнаго своего врага Толстого въ Соловки и остался распорядителемъ дѣлъ, довольный сочувствіемъ Голицыныхъ и молчаніемъ прочихъ. 6-го мая 1727 г. Екатерина скончалась. На другой день царская фамилія, Сенатъ, Сѵнодъ, Верховный Совѣтъ и всѣ высшіе чины слушали завѣщаніе Екатерины, про которое въ то же время пошли слухи, что оно подложное*). Этимъ завѣщаніемъ наслѣдникомъ назначался Петръ; въ случаѣ его бездѣтной смерти престолъ переходилъ къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ съ наслѣдниками, затѣмъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ наслѣдниками (этимъ пунктомъ завѣщанія нарушался законъ Петра Великаго о престолонаслѣдіи). До совершеннолѣтія новаго императора утверждалось регентство изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта со включеніемъ въ него царевенъ Анны и Елизаветы.

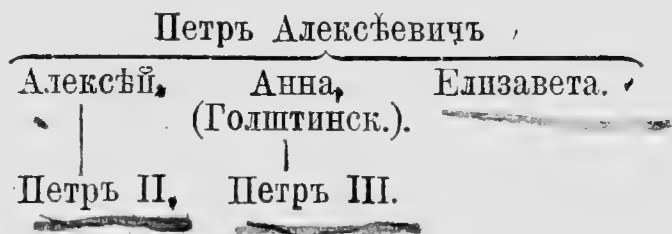
Петру тогда было 11 лѣтъ. Меншиковъ перевезъ государя изъ дворца въ свой домъ, черезъ двѣ недѣли обручилъ его съ своей дочерью Маріей и ввѣрилъ его воспитаніе вице-канцлеру и оберъ-гофмейстеру Остерману. Непріятныя Меншикову лица были понемногу удалены отъ двора; съ вліятельной же знатью, Голицыными и Долгорукими, Меншиковъ дружилъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ на сторонѣ Петра. Однако эта дружба не была прочна. Самовластіе и заносчивость временщика раздражали придворную среду; много лицъ стремилось раздѣлить съ Меншиковымъ его вліяніе и власть.

Петръ II не любилъ ни Меншикова, ни его дочери, своей невѣсты. Раньше другихъ придворныхъ этой антипатіей Петра воспользовались князья Долгорукіе. Дѣйствуя черезъ любимца Петра, молодого князя Ивана

---

*) Для того, чтобы яснѣе понять завѣщаніе Екатерины I и дальнѣйшіе случаи престолонаслѣдія, прилагается родословная таблица:

Алексѣевича Долгорукаго, они внушили государю мысль избавиться отъ опеки временщика и надоѣвшей невѣсты. Такъ какъ исключительное положеніе Меншикова при дворѣ обусловливалось только благоволеніемъ къ нему монарха, то свергнуть Меншикова было очень легко. По приказу императора онъ былъ подвергнутъ аресту и удаленъ въ свое рязанское имѣніе, а затѣмъ въ Сибирь, въ Березовъ, послѣ того, какъ четыре мѣсяца самовластно распоряжался государствомъ.

Ссылка Меншикова вызвала общую радость въ верхнихъ слояхъ петербургскаго общества. Однако при малолѣтнемъ монархѣ должны были явиться новыя лица съ сильнымъ вліяніемъ: самъ Петръ управлять еще не могъ, но его благоволеніе могло создавать фаворитовъ и вліятельныхъ лицъ. Любовью Петра завладѣли Долгорукіе, его уваженіемъ завладѣлъ Остерманъ. На первыя же вакантныя мѣста были назначены въ Верховный Тайный Совѣтъ двое Долгорукихъ: Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Несмотря на это, Остерманъ сохранялъ пріобрѣтенное имъ послѣ Меншикова первенствующее вліяніе на дѣла, не уступая его и родовитѣйшему русскому человѣку, Д. М. Голицыну.

Въ 1727 г. Петръ переѣхалъ для коронаціи въ Москву, гдѣ остался и послѣ коронаціи. Пребываніе двора въ Москвѣ однако не означало той общей реакціи противъ преобразованія, на которую надѣялись многіе приверженцы Петра. Въ управленіи государствомъ не было никакой опредѣленной тенденціи—ни къ возврату въ до-Петровскія формы жизни, ни къ продолженію преобразованій Петра Великаго. Государь не занимался ни наукою, ни правленіемъ: придворное вліяніе Долгорукихъ очень дурно дѣйствовало на малолѣтняго Петра, направляя всѣ его интересы въ сторону забавъ и удовольствій. При такихъ условіяхъ все въ государствѣ жило день за день. Иностранные послы находили, что „все въ Россіи въ страшномъ безпорядкѣ“: одинъ Остерманъ работаетъ усердно, но силъ его не хватаетъ на всѣ дѣла; Верховный Тайный Совѣтъ собирается рѣдко; администрація неудовлетворительна, финансы въ разстройствѣ.

Но такое положеніе дѣла тянулось годы и не возбуждало неудовольствія внѣ дворца. Народъ, довольный облегченіемъ отъ податей послѣ Петра Великаго, видѣлъ въ Петрѣ II законнаго государя и не усматривалъ въ Долгорукихъ вредныхъ временщиковъ, не видѣлъ и особаго разстройства правленія. Во дворцѣ же вліяніе Долгорукихъ настолько выросло, что въ концѣ 1729 г. они достигли высокой чести: Петръ обручился съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой. Но и вторая помолвка государя не окончилась свадьбой: Петръ II захворалъ оспой и умеръ 14 лѣтъ, въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года, не оставивъ завѣщанія.

Зато было завѣщаніе Екатерины I, передававшее престолъ въ семью Анны Петровны въ случаѣ бездѣтной смерти Петра. Сильные люди те-

перь не считали его обязательнымъ: они считали престолъ вакантнымъ и не знали, кому его предоставить. Ночью 18—19 января Верховный Тайный Совѣтъ, нѣкоторые сенаторы и высшіе военные чины, всего человѣкъ 10—15, въ Петровскомъ дворцѣ (гдѣ умеръ Петръ II) стали разсуждать о судьбѣ престола, и здѣсь обнаружилось, какъ мало они были приготовлены къ предстоящему дѣлу. Долгорукіе рискнули предложить въ императрицы княжну Долгорукую, невѣсту Петра, и, конечно, безо всякаго успѣха. Среди тревожныхъ и разнорѣчивыхъ толковъ раздался, наконецъ, голосъ князя Д. М. Голицына: не безъ задней мысли онъ назвалъ одинокую безсемейную особу царскаго дома Анну Іоанновну, бездѣтную и лишенную политическаго вѣса вдову герцога Курляндскаго. Предложеніе Голицына встрѣтило общее сочувствіе, на избраніе Анны согласился сразу главный дѣлецъ того времени—Остерманъ. Дѣйствительно, и личной сдержанностью, и своимъ одиночествомъ Анна могла показаться прекраснымъ кандидатомъ на корону: она была законною дочерью старшаго изъ братьевъ-царей—Іоанна и потому, конечно, имѣла болѣе правъ на избраніе, чѣмъ дочери Петра.

Когда вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ и предметъ сужденія сановниковъ, казалось, былъ исчерпанъ,—князь Дмитрій Голицынъ неожиданно высказалъ въ собраніи свою затаенную мысль: „надо бы намъ себѣ полегчить“, сказалъ онъ собранію: „такъ полегчить, чтобъ воли прибавить“. „Надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты“. Въ такихъ выраженіяхъ была высказана Голицынымъ мысль объ ограниченіи власти новой императрицы въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта. Еще въ 1725 г., въ минуту смерти Петра Великаго, Голицынъ предлагалъ до совершеннолѣтія Петра II передать верховную власть въ руки Сената и Екатерины. Теперь же онъ желалъ и при совершеннолѣтней государынѣ дать формальное участіе во власти первому учрежденію въ Имперіи. Пять лѣтъ, прошедшихъ со смерти Петра, показали Голицыну, что при дворѣ возможны временщики и фавориты, что при такомъ условіи вліяніе принадлежитъ случайнымъ людямъ, а не достойнѣйшимъ представителямъ высшей администраціи и высшаго дворянства. Дѣйствительнѣйшимъ средствомъ противъ фаворитизма Голицынъ счелъ ограниченіе личной власти монарха Верх. Тайн. Совѣтомъ, который въ ту минуту имѣлъ характеръ аристократическаго по составу учрежденія. Во время воцаренія Анны въ Совѣтѣ были четверо Долгорукихъ, двое Голицыныхъ, канцлеръ Головкинъ и Остерманъ; стало быть, изъ восьми лицъ—шесть принадлежало къ старой русской знати. Крупнѣйшимъ изъ нихъ былъ самъ Д. М. Голицынъ, онъ и взялъ на себя иниціативу: назвалъ, какъ кандидата на престолъ, Анну Іоанновну, отъ которой не ждалъ противодѣйствія своимъ планамъ, а когда ее избрали, то прямо поставилъ вопросъ объ ограниченіяхъ или „пунктахъ“.

Предложеніе Голицына удивило собраніе: оно не вызвало протеста, но и не подверглось всестороннему обсужденію, а было принято сгоряча. „Пункты“ ограниченій были редактированы тутъ же и сообщены по секрету бывшимъ въ ту ночь во дворцѣ нѣкоторымъ сановникамъ. Тѣ отнеслись къ „затѣйкѣ“ пассивно и разъѣхались. На утро 19 января въ Кремль, во дворецъ, были собраны „генералитетъ“ и духовенство. На предложеніе объ избраніи Анны это собраніе отвѣтило сочувственно и на этомъ было распущено. А „верховники“, уединясь, пересмотрѣли „пункты“, дополнили ихъ и составили письмо къ герцогинѣ Курляндской съ извѣщеніемъ объ избраніи въ императрицы и особый листъ съ условіями избранія. Письмо и условія повезъ въ Митаву къ Аннѣ Вас. Лук. Долгорукій. Условія сводились къ слѣдующему: 1) императрица должна обѣщать не выходить замужъ и не назначать себѣ наслѣдника; 2) Верх. Тайн. Совѣтъ содержать всегда въ восьми персонахъ и безъ его согласія не объявлять войны и не заключать мира; не налагать податей и не расходовать государственныхъ доходовъ; не жаловать вотчинъ и не отнимать имѣнія и чести у шляхетства; не жаловать никого въ придворные и генеральскіе чины; 3) гвардіи и всѣмъ прочимъ войскамъ быть въ вѣдѣніи Верх. Тайн. Совѣта, а не императрицы. Условія были редактированы такъ, какъ будто Анна давала ихъ по своему почину.

„Всѣ гарантіи для восьми, а противъ восьми для остальныхъ—гдѣ гарантіи?“ замѣчаетъ по поводу этихъ ограничительныхъ пунктовъ С. М. Соловьевъ. „Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій“, боязливо замѣчалъ современникъ Артемій Волынскій: „такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ“. То же думало прочее шляхетство, собранное во множествѣ въ Москвѣ по случаю пребыванія тамъ двора.

Когда по Москвѣ распространился слухъ о тайныхъ ограниченіяхъ въ пользу Верх. Тайн. Совѣта, не только видное духовенство (Ѳеофанъ Прокоповичъ), не только государственные люди, не участвовавшіе въ „затѣйкѣ“ верховниковъ, но и все среднее и низшее дворянство пришло въ большое негодованіе на верховниковъ. Смѣлый и ловкій Ягужинскій успѣлъ тайно отправить изъ Москвы дворянина Сумарокова въ Митаву къ Аннѣ съ совѣтомъ: „не всему вѣрить, что станутъ представлять“ ей посланные отъ Верх. Тайн. Совѣта. Ягужинскій, какъ говорятъ, дѣйствовалъ такъ по личнымъ видамъ: онъ хотѣлъ ограниченій, но не былъ принятъ въ Верх. Тайн. Совѣтъ, за что и мстилъ верховникамъ. Его посланный былъ Долгорукимъ схваченъ послѣ того, какъ исполнилъ порученіе, въ Митавѣ. Анна подписала ограничительные пункты, несмотря на предостереженія Ягужинскаго; самъ же онъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Однако ему удалось своимъ совѣтомъ возбудить въ Аннѣ подозрѣніе, что пункты дѣйствительно не „отъ всего народу“ привезли.

Ягужинскій дѣйствовалъ въ Митавѣ, шляхетство волновалось въ Москвѣ. Одни дворяне были противъ ограниченій и желали просто перебить верховниковъ; другіе болѣе или менѣе охотно мирились съ совершившимся фактомъ отмѣны самодержавія, но возмущались новою формой власти—олигархической—и желали измѣнить ограничительные пункты такъ, чтобы дать и шляхетству участіе во власти. По отзывамъ современниковъ, возбужденіе умовъ было чрезвычайное, тайныя сборища носили страстный характеръ. Верховники, напуганные такимъ движеніемъ дворянства, думали сдержать его угрозами простому дворянству и уступками людямъ замѣтнымъ, которыхъ они ласкали и успокаивали обѣщаніями, что, какъ только будетъ получено согласіе Анны, немедленно будутъ призваны всѣ чины для обсужденія новаго государственнаго устройства.

Такъ прошло двѣ недѣли. 3 февраля высшимъ чинамъ объявлено было, что Анна Іоанновна приняла престолъ и сама благоволила дать на себя ограничительныя обязательства, которыя и были прочитаны собравшимся. Всѣ молчали: очевидно, что условія не нравились никому. Хотя затѣмъ и подписали „благодарственный“ протоколъ собранія, однако кѣмъ-то изъ толпы было брошено въ лицо верховникамъ недовольное замѣчаніе. „не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего пришло на мысль государынѣ такъ писать“. А князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій настоятельно просилъ позволенія, чтобы шляхетству позволили подать свои мнѣнія о новомъ государственномъ устройствѣ въ В. Т. Совѣтъ. Позволеніе было дано.

На основаніи его началось въ средѣ шляхетства уже гласное составленіе политическихъ проектовъ, которыхъ различными кружками было составлено 12. Они были представлены Верховному Тайному Совѣту и сохранились до нашего времени. Наиболѣе выработанные изъ нихъ (самый обстоятельный принадлежитъ извѣстному историку Татищеву) требуютъ увеличенія числа членовъ В. Т. Совѣта и назначенія ихъ по выбору всего дворянства. Собственно участіемъ шляхетства въ назначеніи членовъ В. Т. С. и исчерпывалась политическая роль дворянскаго сословія по проектамъ самаго дворянства. Помимо плановъ политическаго переустройства, проекты содержали въ себѣ просьбы о льготахъ дворянству: просили ограничить государственную службу дворянъ 20-ю годами, уничтожить единонаслѣдіе въ дворянскихъ имѣніяхъ и учредить школы для дворянства.

Верховники, принявъ проекты, не обнаружили желанія дѣлать уступки и не думали дѣлиться властью со шляхетствомъ; они обѣщали только доброжелательство и отеческое попеченіе всѣмъ сословіямъ одинаково. Понятно, что это не удовлетворило никого.

Съ 3 по 15 февраля, когда императрица пріѣхала въ Москву,

страсти разгорѣлись еще больше; общее неудовольствіе верховниками возросло до открытаго сопротивленія: Преображенскій полкъ отказался присягать по формѣ присяги, какая была всего удобнѣе для В. Т. Совѣта. Чрезъ приближенныхъ къ императрицѣ Аннѣ дамъ (между прочимъ, чрезъ Салтыковыхъ, изъ рода которыхъ была мать Анны) противники ограниченій успѣли войти въ сношенія съ императрицей, когда она пріѣхала въ Москву. Но и до этого сама императрица не разъ давала чувствовать верховникамъ, что ограниченія не настолько крѣпки, чтобы подавить ея волю совершенно. Когда же настроеніе московскаго общества стало ей извѣстно, Анна еще самостоятельнѣе повела себя по отношенію къ В. Т. Совѣту. Она упорно отказывалась быть въ засѣданіяхъ Совѣта, хотя въ то же время и не рѣшалась сбросить съ себя принятыя добровольно обязательства.

„Затѣйка“ В. Т. Совѣта была разрушена не Анною, а шляхетствомъ. Верховники задумали замѣнить самодержавіе аристократическимъ правленіемъ и не имѣли въ своихъ рукахъ никакихъ средствъ для того, чтобы силою поддержать свои планы. Шляхетство же, не имѣя опредѣленнаго плана государственнаго переустройства и возставая противъ олигархіи, было единственной силой въ государствѣ, потому что имѣло военную организацію. Первое же открытое вмѣшательство этой силы въ отношенія верховной власти и В. Т. Совѣта повело къ тому, что прерогативы первой были возстановлены и планы втораго разрушены. Произошло это такъ.

25 февраля утромъ во дворецъ явилась толпа шляхетства, человѣкъ въ 800, и подала императрицѣ просьбу о томъ, чтобы она приказала разсмотрѣть тѣ проекты, которые были поданы В. Т. Совѣту отъ шляхетства и оставлены Совѣтомъ безо всякаго движенія. Удивленные верховники просили императрицу объ обсужденіи поданной просьбы совмѣстно съ ними. Но Анна прямо написала на просьбѣ резолюцію о разсмотрѣніи проектовъ. Тогда часть шляхетства (а именно гвардейскіе офицеры) неожиданно обратились къ Аннѣ съ шумной и настойчивой просьбой принять самодержавіе. Боясь поднявшагося шума и желая прекратить безпорядокъ, Анна не дала рѣшительнаго отвѣта, но нарушила свои ограниченія тѣмъ, что отдала гвардію подъ начальство преданнаго ей генерала Салтыкова и тѣмъ самымъ отстранила отъ командованія В. Т. Совѣтъ. Въ тотъ же день гвардейство и прочее шляхетство поднесли Аннѣ уже формальную просьбу о возстановленіи самодержавія. Анна разорвала свои ограничительные пункты и „учинились въ суверенствѣ“. Прежніе проекты о новомъ государственномъ устройствѣ превратились въ этотъ день во всеподданнѣйшую просьбу шляхетства объ уничтоженіи В. Т. Совѣта, о реформѣ Сената, „какъ при Петрѣ I было“, и замѣщеніи высшихъ административныхъ должностей выборными отъ шляхетства.

Верховники не имѣли никакой возможности помѣшать совершивше-

муся на ихъ глазахъ государственному перевороту, потому что гвардія была противъ нихъ и охотно ушла изъ подъ ихъ начальства, потому что все шляхетство было противъ олигархическаго Совѣта, и Совѣтъ при такихъ условіяхъ сталъ дѣтски слабъ и безпомощенъ. При всемъ разногласіи шляхетскихъ взглядовъ и проектовъ, при отсутствіи строго выработаннаго плана дѣйствій противъ Совѣта, дворянство легко побѣдило Совѣтъ, какъ только императрица пошла навстѣчу желаніямъ дворянства. Неизвѣстно, насколько союзъ верховной власти и дворянскаго сословія 25 февраля былъ подготовленъ и условленъ заранѣе (ходили слухи, будто Анна знала о томъ, что готовится),—во всякомъ случаѣ переворотъ совершенъ былъ шляхетствомъ, его силами, его авторитетомъ.

Естественно ожидать, что, ставъ самодержицею, Анна воздастъ сословію за его услугу должное. Но слѣдуетъ при этомъ помнить, что шляхетство, совершая переворотъ 25 февраля, явилось во дворецъ сперва не возстановить самодержавіе, а измѣнить содержаніе ограниченій въ свою пользу. Возстановило смодержавіе не шляхетство, а гвардія, т. е. лишь часть шляхетства. Вотъ почему мы видимъ, что Анна, лаская гвардію, учреждая новые гвардейскіе полки (Измайловскій), въ то же время соблюдаетъ общіе интересы всего дворянства не всегда и не совсѣмъ. Правда, она немедленно уничтожаетъ В. Т. Совѣтъ и возстановляетъ прежнее значеніе Сената, какъ того просили дворяне; она уничтожаетъ ненавистный шляхетству законъ Петра о единонаслѣдіи 1714 г., учреждаетъ дворянское училище—Шляхетскій корпусъ и даетъ нѣкоторыя служебныя облегченія шляхетству. Но прошеніе дворянства объ участіи въ избраніи администраціи остается безъ выполненія, и вся политика Анны не только не дворянская, но даже не національная. Боясь русской знати, поднесшей ей пункты, подвергая ее гоненіямъ и даже униженію, опасаясь, съ другой стороны, политическихъ движеній среди шляхетства и помня, что въ Голштиніи есть родной внукъ Петра Великаго (будущій Петръ III), котораго Анна въ гнѣвѣ звала „чертушкой въ Голштиніи“ и который могъ стать знаменемъ движенія противъ нея,—Анна не нашла лучшаго для себя выхода, какъ организовать свое правительство изъ лицъ нѣмецкаго происхожденія. Это обстоятельство, вызванное неумѣньемъ найти себѣ опору въ своемъ народѣ, въ той или иной его части, привело къ печальнымъ результатамъ. Правленіе Анны—печальная эпоха русской жизни XVIII вѣка, время временщиковъ, чуждыхъ Россіи. Находясь подъ вліяніемъ своихъ любимцевъ, Анна не оставила по себѣ доброй памяти ни государственной дѣятельностью, ни личной жизнью. Первая сводилась къ удовлетворенію эгоистическихъ стремленій нѣсколькихъ лицъ, вторая отмѣчена странностями, рядомъ расточительныхъ празднествъ, грубыми нравами при дворѣ, блестящими, но жестокими затѣями вродѣ „ледяного дома“.

Съ первыхъ же минутъ послѣ возстановленія самодержавной власти началось возвышеніе иностранцевъ и опалы на русскую знать. Постепенно представители знати теряли свое придворное значеніе и служебныя мѣста, подвергались гоненію, ссылкѣ или въ деревни, или въ Сибирь, даже казнямъ. Сперва пострадали Долгорукіе: нѣкоторымъ изъ нихъ—Василію Лукичу, Ивану Алексѣевичу—были отсѣчены головы. Потомъ пришелъ чередъ и Голицыныхъ. Изъ членовъ бывшаго Совѣта уцѣлѣли только Головкинъ и Остерманъ—неродовитые люди. Преслѣдованіе знати было возведено какъ бы въ систему: подвергались ссылкамъ и заключенію такіе представители старой аристократіи, которые не принимали никакого участія въ замыслѣ верховниковъ и не играли видной роли (Черкасскіе и Юсуповы). Въ то же время не менѣе систематически шло возвышеніе нѣмцевъ. Уже въ маѣ 1730 года замѣчали, что императрица находится вполнѣ подъ вліяніемъ Бирона (курляндскаго камергера) и Левенвольда (лифляндскаго дворянина). Оба они были осыпаны милостями и взяли дѣла въ свои руки. Послѣдній изъ нихъ сформировалъ для Анны Измайловскій полкъ съ офицерами изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, самъ былъ сдѣланъ полковникомъ этого полка, а въ помощники получилъ шотландца Кейта. Биронъ же старался о замѣщеніи нѣмцами всѣхъ видныхъ мѣстъ въ администраціи. При Аннѣ въ придворной сферѣ первое мѣсто занимали нѣмцы; во главѣ текущаго управленія стоялъ нѣмецъ (Остерманъ); въ коллегіяхъ президентами были нѣмцы; во главѣ арміи находились нѣмцы (Минихъ и Ласси). Изъ нихъ главная сила принадлежала Бирону. Это былъ человѣкъ совершенно ничтожный по способностямъ и безнравственный по натурѣ. Будучи фаворитомъ Анны и пользуясь ея довѣріемъ, Биронъ вмѣшивался во всѣ дѣла управленія, но не имѣлъ никакихъ государственныхъ взглядовъ, никакой программы дѣятельности и ни малѣйшаго знакомства съ русскимъ бытомъ и народомъ. Это не мѣшало ему презирать русскихъ и сознательно гнать все русское. Единственною цѣлью его было собственное обогащеніе, единственною заботою—упроченіе своего положенія при дворѣ и въ государствѣ. Дѣйствуя съ помощью толпы нѣмцевъ и тѣхъ русскихъ, которые думали сдѣлать свою карьеру службою временщику, Биронъ не управлялъ государствомъ, а эксплоатировалъ страну въ своихъ личныхъ выгодахъ, презирая законъ и совѣсть и обманывая императрицу. Съ первыхъ же минутъ своей власти въ Россіи онъ принялся за взысканіе податныхъ недоимокъ съ народа путемъ самымъ безжалостнымъ, разоряя народъ, устанавливая невозможную круговую поруку въ платежѣ между крестьянами-плательщиками, ихъ владѣльцами-помѣщиками и мѣстною администраціею. Всѣ классы общества платились и благосостояніемъ и личною свободою: крестьяне за недоимку лишались имущества, помѣщики сидѣли въ тюрьмахъ за бѣдность ихъ крестьянъ, областная администрація подвергалась позорнымъ наказаніямъ

за неисправное поступленіе податей. Когда же поднялся ропотъ, Биронъ для сохраненія собственной безопасности, прибѣгнулъ къ системѣ доносовъ, которые развились въ ужасающей степени. Тайная канцелярія, преемница Преображенскаго приказа Петровской эпохи, была завалена политическими доносами и дѣлами. Никто не могъ считать себя безопаснымъ отъ „слова и дѣла" (восклицаніе, начинавшее обыкновенно процедуру доноса и слѣдствія). Мелкая житейская вражда, чувство мести, низкое корыстолюбіе могли привести всякаго человѣка къ слѣдствію, тюрьмѣ и пыткѣ. Надъ обществомъ висѣлъ терроръ. И въ то же время одно за другимъ шли физическія бѣдствія: моръ, голодъ. Войны съ Польшей и Турціей истощали народныя силы. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ жизни, народъ не могъ быть спокоенъ, несмотря ни на какіе страхи тайной канцеляріи.

Въ 1734—1738 годахъ, на юго-востокѣ и на югѣ появились самозванцы, называвшіе себя сыновьями Петра. Они имѣли успѣхъ среди населенія и войскъ, но скоро были изловлены. Но и безъ нихъ народный ропотъ не смолкалъ. Въ народѣ хорошо знали, что „Биронъ взялъ силу и государыня безъ него ничего не дѣлаетъ. Всѣмъ нынѣ овладѣли иностранцы. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ". Такъ разсуждали русскіе люди. Они находили, что дѣла Россіи очень плохи: „нѣтъ у насъ никакого добраго порядка", раздавались голоса: „пропащее наше государство". Въ народной массѣ угадывали, что нѣмцы-правители не заботятся о странѣ, а „боготворятъ чрево", „слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣху". Нѣмцы пользуются тѣмъ, что на престолѣ слабая женщина: „гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ". Женской власти приписывали всѣ безпорядки, всѣ бѣды; были увѣрены, что даже „хлѣбъ не родится", потому что „женскій полъ царствомъ владѣетъ".

Неспокойно было и въ придворной средѣ, растлѣнной страхами передъ доносами и раболѣпствомъ предъ временщикомъ. Вокругъ себя Биронъ не видѣлъ ни одной самостоятельной личности. Всѣхъ замѣтныхъ русскихъ людей онъ губилъ исподволь и являлся полнымъ распорядителемъ дѣлъ. Такъ называемый Кабинетъ, учрежденный въ ноябрѣ 1731 года изъ трехъ лицъ (Остермана, Головкина и Черкасскаго), долженъ былъ замѣнить собою упраздненный В. Т. Совѣтъ и стать надъ Сенатомъ и Синодомъ во главѣ государственнаго управленія. Но Кабинетъ этотъ склонялся передъ Бирономъ и былъ ему послушенъ. Одинъ только хитрый и скрытный Остерманъ, пережившій Меншикова, Долгорукихъ и верховниковъ, умѣлъ сохранить свое значеніе и при Биронѣ. Онъ не стремился къ „фавору", оставался только дѣльцомъ, но такимъ вліятельнымъ, что сталъ казаться Бирону опаснымъ человѣкомъ. Придумывая, кѣмъ бы замѣнить его, Биронъ пришелъ къ тому, что сдѣлалъ кабинетъ-министромъ способнаго администратора Артемія Петр. Волынскаго. Онъ надѣялся, что Волынскій

останется преданнымъ ему человѣкомъ, какъ было до тѣхъ поръ, и своими способностями и привычкой къ дѣламъ замѣнить Остермана. Но Волынскій, хотя и сталъ мѣшать Остерману, явился въ то же время непріятнымъ и Бирону. Лишенный всякой нравственной поддержки, новый кабинетъ-министръ не соразмѣрилъ своихъ силъ и вліянія съ тѣми задачами, какія себѣ поставилъ. Онъ желалъ стать въ придворномъ мірѣ не только самостоятельно, но и выше прочихъ дѣятелей, онъ думалъ перестроить и придворную среду, и управленіе. Понятно, что такіе планы вооружили противъ него Бирона, который сталъ бояться Волынскаго. При безтактности Волынскаго, Бирону легко было найти въ его поступкахъ предлогъ для обвиненія. Волынскій былъ отданъ подъ судъ, обвиненъ въ цѣломъ рядѣ дѣйствительныхъ и фиктивныхъ проступковъ и приговоренъ къ смертной казни. На его мѣсто, въ противовѣсъ Остерману, Биронъ выдвинулъ Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Но Остерманъ продолжалъ сохранять свое положеніе, держась необыкновенно осторожно и не мѣшая Бирону въ его фаворѣ.

Десять лѣтъ продолжалось господство нѣмцевъ, десять лѣтъ русскіе были оскорбляемы въ лучшихъ своихъ симпатіяхъ и чувствахъ. Ропотъ не прекращался. Люди, пострадавшіе отъ нѣмцевъ, независимо отъ своихъ личныхъ качествъ, за то только, что они были русскіе,—въ глазахъ народа превращались въ героевъ-мучениковъ. Но при всемъ томъ народъ не поднимался противъ нѣмцевъ, а только роапталъ. Причины этого заключались въ томъ, что съ одной стороны страшный режимъ не давалъ народу возможности сплотиться (такъ объяснялъ народное бездѣйствіе французскій посланникъ маркизъ Шетарди), а съ другой стороны не было лица, во имя котораго могло произойти движеніе: родъ Петра въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся. Анна боялась голштинскаго принца, но для народа онъ былъ тоже нѣмецъ, и притомъ мало извѣстный.

Маркизъ Шетарди предсказывалъ, что нельзя надѣяться на движеніе народа противъ нѣмцевъ и въ случаѣ смерти Анны. Но онъ былъ въ этомъ не вполнѣ правъ. Въ концѣ 1740 г. Анна неожиданно занемогла и умерла послѣ кратковременной болѣзни. Передъ смертью она назначила своимъ преемникамъ только что родившагося принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Іоанна Антоновича (правнука царя Іоанна Алексѣевича). Но хотя у него въ Петербургѣ были и отецъ (Антонъ-Ульрихъ) и мать (Анна Леопольдовна), императрица медлила назначеніемъ регента. Бирону хотѣлось получить регентство въ свои руки и соединить, такимъ образомъ, власть надъ Россіей съ курляндской герцогской короной, которую Биронъ получилъ въ 1737 г. Преданный Бирону Бестужевъ-Рюминъ особенно старался объ этомъ. Придворная знать желала того же: одни боялись пропасть безъ Бирона, ибо жили благодаря ему; другіе боялись идти противъ Бирона, потому что за это могли погибнуть,

когда Биронъ станетъ регентомъ. Желаніе придворнаго круга было выдано императрицѣ за народное желаніе, и она „по народному желанію“ наканунѣ смерти отдала Россію въ руки Бирона.

Ненавистный народу фаворитъ сталъ формально распорядителемъ Россіи до совершеннолѣтія монарха, иначе говоря, на 17 лѣтъ. На лицахъ русскихъ бывшіе тогда иноземцы читали горе и стыдъ: такъ ужасно дѣйствовало на русскіе умы вступленіе во власть презрѣннаго нѣмца. Гвардія, обласканная Анною, ждала лишь той минуты, когда прахъ императрицы преданъ будетъ землѣ, чтобы подняться на Бирона. Броженіе въ войскахъ было сильно, но гвардейцы не имѣли руководителя, не знали, во имя кого слѣдуетъ подняться, не знали какъ отнесется къ ихъ движенію мать государя—Анна Леопольдовна. Но какъ только она призвала ихъ на Бирона, движеніе вспыхнуло сразу и Биронъ былъ сверженъ и захваченъ гвардейцами. Произошло это черезъ какой нибудь мѣсяцъ послѣ начала регентства Бирона такимъ образомъ.

Биронъ зналъ, что отецъ и мать императора недовольны его регентствомъ, что гвардія въ своемъ броженіи смотритъ на родителей государя, какъ на законныхъ правителей,—и поэтому Биронъ тѣснилъ принца и принцессу, видя въ нихъ опасныхъ для себя соперниковъ, онъ создалъ имъ такую невыносимую обстановку, что Анна Леопольдовна не могла удержаться и со слезами пожаловалась Миниху на притѣсненія регента. Честолюбивый Минихъ, недовольный Бирономъ за свое второстепенное положеніе при дворѣ, отвѣтилъ на жалобы принцессы обѣщаніемъ освободить ее отъ Бирона. Разговоръ между ними происходилъ 7 ноября, а въ ночь съ 8 на 9 Минихъ уже арестовалъ Бирона. Едва онъ объявилъ преображенцамъ, караулившимъ во дворцѣ, что намѣренъ свергнуть правителя по желанію Анны Леопольдовны, какъ всѣ солдаты до одного выразили свою радость и готовность помогать Миниху. Сотня солдатъ легко совершила государственный переворотъ. Биронъ и ближайшіе къ нему люди (между прочимъ, А. П. Бестужевъ-Рюминъ) были взяты; Биронъ особымъ судомъ былъ приговоренъ къ казни за многократное „оскорбленіе Величества“, но помилованъ и только сосланъ на житье въ Сибирь (въ Пелымъ). Бестужевъ былъ также сосланъ. Анна Леопольдовна стала правительницей государства и приняла титулъ великой княгини. Остерманъ, переживщій и вліяніе Бирона, сохранилъ при правительницѣ все свое значеніе и пожалованъ въ генералъ-адмиралы. Но Минихъ, блестящій фельдмаршалъ, смѣло произведшій переворотъ и награжденный за него чиномъ „перваго министра“, скоро былъ отставленъ отъ должности, потому что возбуждалъ опасенія правительницы своимъ честолюбіемъ.

Народъ ликовалъ, когда узналъ о паденіи Бирона: думали, что съ Бирономъ исчезнетъ и бироновщина. Но то, что называли этимъ именемъ,

осталось: правительство по прежнему осталось нѣмецкимъ, по прежнему оно существовало для себя, а не для народа. „Много непорядковъ происходитъ", отзывались о дѣлахъ русскіе люди. Въ главѣ дѣлъ и двора стояли частью прежнія лица: Остерманъ, уцѣлѣвшій Левенвольдъ, частью новые фавориты иностранцы—фрейлина Менгденъ и ея женихъ саксонскій посланикъ Линаръ, объ отношеніяхъ котораго къ правительницѣ шла вполнѣ основательно дурная молва. Не безъ претензій на вліяніе былъ и мужъ Анны Леопольдовны, принцъ Антонъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Изъ русскихъ, пользовались высокимъ положеніемъ кабинетъ-министры—канцлеръ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и вице-канцлеръ гр. Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Головкинъ умѣлъ даже вліять на правительницу, но не умѣлъ стать во главѣ дѣлъ. Сама Анна Леопольдовна была совершенно неспособна не только къ управленію, но и къ дѣятельности вообще. Дѣтски близорукая и неразвитая, она была избалована, любила роскошь и тѣсный кружокъ веселыхъ людей, желала жить для себя и подальше отъ дѣлъ. Не только къ государственнымъ дѣламъ, но и къ окружающимъ ее отношеніямъ придворнаго круга она не могла присмотрѣться сознательно, не могла примирить безчисленныхъ ссоръ и распрей, происходившихъ между людьми, близкими къ власти. При такихъ условіяхъ правительство не могло быть сильнымъ. Его слабость была замѣтна для всѣхъ, его свойства никого не привлекали. Явилась возможность скораго и легкаго переворота.

Не только русскіе люди знали дурное положеніе дѣлъ въ Россіи,—его знали и имъ пользовались иностранныя правительства. Традиціонная дружба Россіи и Австріи, отъ которой не рѣшилась отступить и Анна Леопольдовна, привела Россію при Аннѣ Леопольдовнѣ къ тому, что необходимо было подать Австріи вооруженную помощь. Но это шло противъ видовъ Франціи, которая старалась удержать Россію отъ вмѣшательства въ дѣла Австріи путемъ дипломатическихъ интригъ. Съ одной стороны, Франція возбуждала Швецію къ войнѣ съ Россіей для возвращенія завоеваній Петра Великаго, и Швеція считала эту войну возможной въ виду внутреннихъ замѣшательствъ Россіи. Съ другой стороны, Франція желала въ самой Россіи произвести государственный переворотъ и поставить на русскомъ престолѣ лицо съ болѣе удобными для Франціи взглядами, чѣмъ правительница Анна. Тотъ же самый маркизъ Шетарди, который при Аннѣ Іоановнѣ не надѣялся на народное движеніе противъ нѣмцевъ въ Россіи, теперь вмѣстѣ съ французскимъ правительствомъ твердо вѣрилъ въ возможность такого движенія и самъ пытался его организовать. Онъ желалъ видѣть на русскомъ престолѣ дочь Петра I Елизавету, съ которой вошелъ въ оживленныя сношенія, убѣждая ее дѣйствовать для достиженія престола.

Въ самомъ дѣлѣ, если русскую корону носитъ малолѣтній внукъ

царя Іоанна, сынъ нѣмца, то отчего не вступить на престолъ дочери царя Петра, чисто русской женщинѣ, любимой народомъ и единственной дѣйствительно русской представительницѣ царствующаго дома? Елизавета была въ сторонѣ отъ престола, пока живы были виднѣйшіе представители семьи Петра Великаго, пока царствовала избранная народомъ Анна, но теперь за недостаткомъ чисто русскихъ потомковъ московскихъ государей и при постыломъ господствѣ иноземщины, Елизавета становилась желанной государыней въ глазахъ русскихъ людей. Шетарди удачно обратился къ Елизаветѣ, потому что переворотъ могъ легко совершиться въ ея именно пользу при общемъ къ ней сочувствіи. Трудности дѣла заключались не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ самой Елизаветѣ.

Красавица собою, мягкаго, общительнаго характера, Елизавета не была дѣятельнымъ и энергичнымъ человѣкомъ. Не лишенная способностей, но отличавшаяся лѣнью, она не много знала, хотя и говорила по-французски, по-нѣмецки, даже по-шведски. Нужно замѣтить, что въ дни ея молодости учили ее вообще небрежно; мы знаемъ, что у нея были учителя (преимущественно французы), но знаемъ, что они были не постоянно. Любовь отца и матери скрасили годы дѣтства и отрочества Елизаветы. У нея только было одно большое горе: она потеряла любимаго жениха, принца Карла Голштинскаго, умершаго передъ свадьбой. При Петрѣ II 20-лѣтняя Елизавета имѣла сильнѣйшее вліяніе на племянника. Но она не пользовалась своимъ вліяніемъ, потому что по характеру и интересамъ была далека отъ придворныхъ борьбы и интригъ. Со смертью Петра II кончились свѣтлые годы Елизаветы: императрица Анна боялась ея и поставила подъ строгій надзоръ. Дочь Петра Великаго, чтобы остаться цѣлой должна была вести самый осторожный и скромный образъ жизни. Ее удалили отъ всѣхъ придворныхъ и политическихъ дѣлъ, стѣснили въ средствахъ къ жизни, наблюдали за каждымъ шагомъ, за каждымъ ея знакомствомъ. Всѣ выдающіеся нѣмцы времени Анны (Минихъ, Остерманъ и др.) были ей враждебны, потому что видѣли въ ней человѣка, способнаго стать (и не по своей волѣ) во главѣ народнаго движенія противъ нѣмцевъ. Но Биронъ, какъ это ни странно, былъ расположенъ къ Елизаветѣ, довольный тѣмъ, что она съ почтительностью относилась къ нему и къ императрицѣ. Однако его личное расположеніе мало помогало Елизаветѣ; ей оставалось замкнуться въ тѣсной сферѣ своего частнаго хозяйства, въ узкомъ кружкѣ близкихъ къ ней, состоящихъ при ея дворѣ, лицъ. Юношеская рѣзвость Елизаветы пропала. Отсутствіе широкой дѣятельности не тяготило ея бездѣятельную натуру: склонность къ веселью удовлетворялась скромными увеселеніями въ близкомъ кружкѣ. Въ этомъ кружкѣ Елизавета нашла крѣпкую сердечную привязанность въ лицѣ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, нашла преданныхъ лицъ въ своихъ камеръ-юнкерахъ, братьяхъ Шуваловыхъ и

Воронцовѣ. Можно думать, что если бы Елизавету оставили въ покоѣ, она никогда не рѣшилась бы выйти изъ узкой сферы своего быта, гдѣ главнымъ ея горемъ было не потеря придворнаго значенія, а недостатокъ денежныхъ средствъ. Однако ея въ покоѣ не оставляли.

Въ регентство Бирона Елизавета могла ждать улучшенія своего положенія и, дѣйствительно, ея содержаніе было увеличено; но Бирона свергли, и на его мѣсто стала женщина, боявшаяся всего потомства Петра Великаго; для Анны Леопольдовны и ея сына были страшными соперниками и дочь Петра—Елизавета, и внукъ его—Петръ-Ульрихъ Голштинскій, потому что они имѣли не менѣе правъ на престолъ, чѣмъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ. За дворцомъ Елизаветы начали слѣдить внимательно; желая уничтожить ея планы на престолъ, думали отдать ее замужъ; съ Елизаветой вообще обращались такъ, что сами наводили ее на мысль о политическихъ ея правахъ. О необходимости осуществить эти права и взять престолъ заговорилъ въ то же время съ Елизаветою и Шетарди черезъ ея доктора француза Лестока, который имѣлъ на Елизавету нѣкоторое вліяніе. Елизавета была далека отъ всякаго политическаго риска. Несмотря на то, Лестокъ и самъ Шетарди употребляли всю свою ловкость, чтобы склонить ее на переворотъ. Но можно сказать, что ихъ старанія были бы напрасны, если бы Елизавета не видѣла себѣ поддержки среди русскаго общества, недовольнаго нѣмецкимъ правительствомъ: и народъ, и гвардія стали высказывать Елизаветѣ свою обычную преданность все настойчивѣе и горячѣе. Въ гвардіи шло сильное броженіе въ пользу Елизаветы, о которомъ она знала. Но ни Шетарди, ни Лестокъ, ни другіе близкіе къ Елизаветѣ люди не могли, конечно, руководить движеніемъ гвардіи, потому что не имѣли къ ней отношенія. Не было такихъ лицъ и въ самой гвардіи. Поэтому во главѣ движенія должна была стать сама Елизавета, но этого-то и трудно было достигнуть Шетарди съ ея характеромъ. Между тѣмъ время шло; интрига Шетарди и гвардейское движеніе становилось все болѣе извѣстнымъ правительству. Остерманъ предостерегалъ правительницу; отъ австрійскаго двора шли такія же предостереженія; но Анна Леопольдовна ограничилась только тѣмъ, что наивно открыла Елизаветѣ существующія подозрѣнія. Это побудило Елизавету дѣйствовать рѣшительнѣе, тѣмъ болѣе, что гвардія должна была выступить въ походъ противъ Швеціи. Всѣ близкіе къ Елизаветѣ люди (Разумовскій, Воронцовъ, Шуваловъ и Лестокъ), составивъ какъ бы придворный совѣтъ 24 ноября 1741 г., настояли на немедленномъ исполненіи давно задуманнаго переворота. Елизавета рѣшилась сама стать во главѣ преданныхъ ей солдатъ, побуждаемая опалою правительницы.

Въ ночь съ 24 на 25 ноября Елизавета пріѣхала въ казармы гренадерской роты Преображенскаго полка и съ помощью ея произвела съ чрез-

вычайной легкостью государственный переворотъ. Правительница со всей ея семьей была арестована въ зимнемъ дворцѣ и перевезена во дворецъ Елизаветы. Въ своихъ домахъ были арестованы: Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ и другіе близкіе къ правительницѣ люди. Остальные немедленно явились поздравить новую императрицу, и въ числѣ ихъ сразу сталъ на виду только что вернувшійся изъ ссылки А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Несмотря на морозную ночь, улицы Петербурга были полны ликующимъ народомъ. Въ новой императрицѣ видѣли чисто русскую государыню и праздновали паденіе нѣмецкаго режима. Вскорѣ увидѣли доказательства этого паденія. Всѣ видные дѣятели бывшихъ царствованій, нѣмцы, были отданы подъ судъ. Остерманъ, переживший пять царствованій и всѣхъ временщиковъ не только благополучно, но и съ пользой для личной карьеры и вліянія, теперь не увернулся отъ опалы и паденія, какъ самый видный нѣмецъ въ правительствѣ. Елизавета не любила его, боялась болѣе, чѣмъ кого либо другого, потому что Остерманъ, при всей своей ловкости не могъ скрыть своего враждебнаго отношенія къ Елизаветѣ. Вмѣстѣ съ Остерманомъ попали подъ слѣдствіе Минихъ, Левенвольдъ, Менгденъ и русскій графъ Головкинъ, близкіе къ бывшей правительницѣ. Обвиненные въ разнообразныхъ государственныхъ преступленіяхъ, они всѣ были приговорены къ смерти, взведены на эшафотъ, но помилованы и сосланы въ Сибирь. Вмѣстѣ съ ссылкою главныхъ иностранцевъ исчезли изъ администраціи и второстепенные. Ясно было, что императрица желаетъ править Россіей посредствомъ русскихъ людей. При дворѣ, въ управленіи, во внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи выступали впередъ чисто русскіе люди; все русское, что было поругано и унижено, получало свои права; на русскихъ людей сыпались награды. Гренадерская рота Преображенскаго полка, произведшая переворотъ, была переименована въ лейбъ-кампанію. Всѣ ея чины были признаны потомственными дворянами и получили земли изъ конфискованныхъ имѣній иностранцевъ. Вся гвардія, съ восторгомъ поддерживавшая преображенцевъ, была щедро награждена, „понеже (говоря словами указа Елизаветы) ихъ службою... успѣхъ въ воспріятіи престола получили“.

Сверженіе иноземцевъ и ласка къ русскимъ людямъ обусловили собою прочность и популярность новаго царствованія, объявившаго своимъ лозунгомъ вѣрность традиціямъ Петра Великаго.

Такъ закончился темный періодъ нашей исторіи XVIII вѣка. Мы сказали, что причины частыхъ переворотовъ послѣ Петра Великаго заключались въ состояніи царской семьи и въ особенностяхъ той общественной среды, которая вліяла на государственныя дѣла.

Обозрѣніе событій при дворѣ за 1725—1741 годы достаточно показало намъ, въ какомъ состояніи была семья Петра Великаго: мужское его потомство состояло изъ одного внука, умершаго до совершеннолѣтія, дочери его родились до его церковнаго брака съ Екатериной, и это первоначально было препятствіемъ къ достиженію ими престола. Племянницы Петра и одна изъ его дочерей (Анна) были замужемъ за нѣмецкими владѣтельными принцами, и ихъ дѣти были не русскими царевичами, а нѣмецкими принцами. При такихъ условіяхъ трудно было, конечно, согласиться относительно законнаго порядка престолонаслѣдія и невозможно было избѣжать нѣмецкаго элемента при дворѣ. Неизбѣжны были замѣшательства при передачѣ престола отъ одного лица къ другому, и они еще поддерживались закономъ о престолонаслѣдіи Петра, узаконившимъ личный произволъ монарха вмѣсто народнаго обычая. Но этотъ законъ Петра, ставя при каждомъ царствованіи трудный вопросъ о преемникѣ престола, въ то же время имѣлъ и хорошую сторону: онъ устранялъ возможность междоусобія претендентовъ на престолъ, санкціонируя самую прихотливую передачу престола. Какъ бы то ни было, состояніе царствующаго дома дѣлало престолонаслѣдіе случайнымъ и открывало широкую дорогу для всякаго рода посторонних вліяній на порядокъ преемства престола. Постороннія вліянія особенно процвѣтали благодаря тому, что на престолѣ были или женщины, или малолѣтніе государи,—условія, благопріятныя для развитія фаворитизма и личныхъ вліяній при дворѣ и государствѣ. Уже тотчасъ послѣ смерти Петра видимъ фаворита Меншикова, затѣмъ Долгорукихъ, Бирона. За ними тянется длинный рядъ замѣтныхъ и незамѣтныхъ, способныхъ и неспособныхъ личностей съ одною задачей—добиться фавора или вліянія на дѣла. Придворная жизнь полна интригами, столкновеніями лицъ и партій. Государство управляется „силою персонъ", вмѣсто твердыхъ учрежденій, о чемъ такъ заботился Петръ. Изученіе придворной жизни многое объясняетъ въ государственной жизни послѣ Петра. Придворная среда получаетъ большее значеніе, чѣмъ въ нормальныя эпохи исторіи.

Настроеніе этой среды объясняетъ намъ, почему послѣ Петра его начинанія не продолжались, почему Россія жила день за день, и многое, что насадилъ Петръ, было заглушено послѣ него. Среда людей, стоявшихъ около престола и управлявшихъ Россіей послѣ Петра, составилась изъ самыхъ разнообразныхъ лицъ: въ ней были представители старой московской аристократіи (Голицыны, Долгорукіе, Трубецкіе и Черкасскіе); были люди, сами себѣ сдѣлавшіе карьеру (Меншиковъ, Ягужинскій, Толстой, Бестужевъ); были, наконецъ, люди чуждые болѣе или менѣе Россіи происхожденіемъ и интересами (Минихъ, Остерманъ и Биронъ). Понятно, что въ этой средѣ не могло быть общихъ интересовъ. Если родовитыхъ людей могла соединять забота объ утвержденіи положенія

аристократіи, если иностранцы могли дѣйствовать сообща ради водворенія и обезпеченія своего режима, то русскихъ неродовитыхъ людей могла соединять только память объ общемъ ихъ учителѣ Петрѣ и дѣло реформы. Но мы знаемъ, что ученики и сотрудники Петра разно смотрѣли на реформу, не въ одинаковой мѣрѣ ей сочувствовали; мы знаемъ, что они не составляли тѣснаго круга внутренно-сплоченныхъ людей. При этомъ условіи они могли не дать хода реакціоннымъ стремленіямъ, бывшимъ въ обществѣ, удерживали Россію на томъ пути, на которомъ она была при Петрѣ; но онѣ не могли ни продолжать дѣло Петра, ни сохранить его неприкосновеннымъ во всѣхъ частностяхъ. Среди нихъ большую роль играли личныя стремленія и заботы, разъединявшія ихъ на враждебныя партіи. То же господство личныхъ стремленій видимъ и среди старой знати, и среди иноземцевъ. Отсюда масса мелкихъ интригъ и столкновеній: Меншиковъ ссылаетъ Толстого, Биронъ борется съ Остерманомъ и т. д. Однако, при такомъ разъединеніи замѣчаемъ и попытки соединенныхъ дѣйствій той или другой стороны. Тотчасъ послѣ смерти Петра дѣлами правятъ неродовитые русскіе люди: они добиваются того, что престолъ переходитъ къ Екатеринѣ, они занимаютъ большинство видныхъ мѣстъ въ администраціи и въ Верховномъ Совѣтѣ. Виднѣе ихъ всѣхъ временщикъ Меншиковъ. Съ воцареніемъ Петра II первая роль достается, мало по малу, старой знати, впереди которой идутъ временщики Долгорукіе. Послѣ смерти Петра II, пользуясь удачнымъ моментомъ, старая знать желаетъ закономъ упрочить свое высокое государственное положеніе. Сознавая, что на это положеніе она имѣетъ нѣкоторое право не только по личнымъ талантамъ и случайной выслугѣ, но по происхожденію и исторической традиціи Москвы, знать подноситъ Аннѣ „пункты", но терпитъ неудачу. При Аннѣ ни знатные, ни простые сотрудники Петра не пользуются прежнимъ значеніемъ: въ систему возводится управленіе посредствомъ иностранцевъ съ временщикомъ Бирономъ во главѣ. Національное неудовольствіе прекращаетъ эту систему: къ дѣламъ становятся снова русскіе люди, но это уже не сотрудники Петра, а люди болѣе поздней формаціи.

При такой смѣнѣ придворныхъ вліяній борьба разныхъ людей и направленій вліяетъ на порядокъ престолонаслѣдія. Современники увѣряли, что Петръ II вступилъ на престолъ отчасти благодаря вліянію Меншикова на Екатерину. Сама Екатерина взошла на престолъ по выбору придворной среды, Анна Іоанновна точно также. Завѣщаніе Екатерины, предрѣшавшее судьбу престола послѣ бездѣтной смерти Петра, было отвергнуто въ 1730 г. придворной знатью. Такимъ образомъ, судьба престола часто зависѣла отъ вліянія временщиковъ.

Такой порядокъ вещей отражался, конечно, на общемъ ходѣ государственной жизни и имѣлъ такія послѣдствія, какія были чужды Пе-

тровскому времени. Прежде всего рядъ дворцовыхъ переворотовъ не совершался исключительно въ сферѣ дворцовой жизни, но выходилъ, такъ сказать, за предѣлы дворца, совершался съ участіемъ гвардіи и народа. Гвардейскіе полки не одинъ разъ являлись вершителями дворцовыхъ дѣлъ и отношеній. При воцареніи Екатерины голосъ гвардейскихъ офицеровъ и то обстоятельство, что гвардія повиновалась императрицѣ, рѣшили дѣло ея избранія. При Аннѣ гвардейскіе офицеры первые заговорили о возстановленіи самодержавія, и оно было возстановлено. Бирона свергли гвардейцы; гвардейцы же возвели Елизавету. Ни одинъ переворотъ во дворцѣ и государствѣ не совершался безъ участія гвардейскихъ полковъ. И это было естественнымъ, потому что гвардія была военной силой, ближайшей къ правительству. Важность политической роли, какую могла играть гвардія, не была тайной ни для самихъ гвардейцевъ, ни для правительства, которое не бывало равнодушно къ настроенію гвардіи: оно или ласкало гвардейцевъ (напримѣръ, при имп. Екатеринѣ), или не довѣряло имъ и боялось ихъ, какъ при Биронѣ, который думалъ даже реформировать гвардію, и при Аннѣ Леопольдовнѣ, когда гвардію хотѣли удалить изъ Петербурга отъ Елизаветы. Сами гвардейцы тоже понимали, что составляютъ политическую силу: они очень сознательно относились ко всѣмъ политическимъ переворотамъ и не скрывали своего отношенія къ нимъ. Когда господство нѣмцевъ привело къ регентству Бирона, гвардія явилась первой выразительницей народнаго негодованія на то, что „отдали все государство регенту". Гвардейцы собирались „убрать регента и сообщниковъ его" и дѣйствительно убрали, какъ только явился у нихъ руководитель. Толки о Биронѣ шли безъ особой опаски: на улицѣ одинъ офицеръ возбуждалъ солдатъ настолько явно, что это слышалъ изъ кареты министръ Бестужевъ-Рюминъ и долженъ былъ обнажить шпагу противъ офицера, чтобы заставить его замолчать. Другіе офицеры безбоязненно являлись къ вельможамъ (Черкасскому, Головкину) съ протестами противъ регента. Недовольная правительницей гвардія съ особенной настойчивостью показывала свою преданность Елизаветѣ; офицеры и солдаты постоянно приходили къ ней, не боясь того, что за каждымъ шагомъ Елизаветы слѣдили; однажды гвардейцы толпою окружили цесаревну въ Лѣтнемъ саду со словами: „Матушка, мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что наконецъ велишь намъ". На это царевна могла отвѣчать лишь усиленною просьбою молчать и не губить ни себя, ни ея. Въ такомъ поведеніи гвардіи сказывалось лучше всего сознаніе своей силы и значенія.

Однако, наблюдая такую роль гвардейскихъ полковъ, не слѣдуетъ думать, что Россія стала жертвою преторіанства. Чтобы понять смыслъ и значеніе того положенія, какое заняла гвардія послѣ Петра, слѣдуетъ помнить ея составъ. Гвардейскіе полки, въ большинствѣ своемъ, состояли

изъ людей дворянскаго класса; преимущественно въ гвардіи дворянство отбывало свою обязательную службу и наполняло ея ряды не только въ качествѣ офицеровъ, но и рядовыхъ. Все, что въ гвардіи было не дворянскаго, дослуживалось до того же дворянства. Поэтому гвардія въ первой половинѣ XVIII вѣка была вполнѣ отраженіемъ дворянства, частью его; она носила въ себѣ интересы шляхетства и, стоя близко у дѣлъ, направляла самый классъ; передавала дворянству свои впечатлѣнія и изъ дворянской провинціальной среды переносила въ столицу пожеланія своего класса. Гвардія, словомъ, не была оторваннымъ отъ земства войскомъ, а „заключала въ себѣ лучшихъ людей, которымъ дороги были интересы страны и народа; доказательствомъ служитъ то, что всѣ перевороты имѣли цѣлью благо страны, производились по національнымъ побужденіямъ“ (Соловьевъ). Гвардія явилась въ переворотахъ не безтолковой военной вольницей, а частью русскаго общества, которая пріобрѣла силу, потому что владѣла военною организаціею.

Такія особенности состава и положенія гвардіи имѣли большія послѣдствія. Въ силу того, что важное политическое значеніе пріобрѣла часть шляхетства—гвардія, важное значеніе пріобрѣтало и все шляхетство. Награды, которыя получала гвардія, въ сущности бывали наградою всему шляхетству. Политическое значеніе гвардіи передавалось всему дворянскому классу. Таково было одно послѣдствіе ненормальнаго хода дѣлъ въ центрѣ государства.

Другое послѣдствіе его заключалось въ томъ, что при частой смѣнѣ правительствъ и „силѣ различныхъ персонъ“ не было твердой системы въ управленіи государствомъ ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ. Это приводитъ насъ къ обзору управленія и политики Россіи послѣ Петра Великаго.

Управленіе и политика съ 1725 по 1741 г.

Администрація и сословія. Мы видѣли при обзорѣ дѣятельности Петра Великаго, что онъ создалъ сложную систему административныхъ органовъ съ идеей раздѣленія власти административной и судебной. Эта система учрежденій была объединена подъ контролемъ Сената и прокуратуры и въ областномъ управленіи допускала активное участіе сословныхъ представителей—дворянскихъ (земскихъ комиссаровъ) и городскихъ (въ магистратахъ). Мы видѣли также, что одною изъ самыхъ важныхъ заботъ Петра были—народное хозяйство и государственные финансы.

Тотчасъ послѣ смерти Петра начались нѣкоторыя перемѣны въ управленіи и въ экономической политикѣ правительства, отчасти намъ уже знакомыя. Передъ памятью Петра благоговѣли, не желая отступать

съ пути, по которому онъ велъ Россію; но вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ берегли наслѣдіе Петра и измѣняли въ частяхъ его работу, при чемъ измѣняли далеко не въ его духѣ. Прежде всего отступили отъ системы Петра въ устройствѣ центральнаго управленія: по мыслямъ Петра, высшимъ учежденіемъ долженъ былъ быть Сенатъ, посредствомъ генералъ-прокурора связанный съ верховной властью. Но вмѣсто Сената, какъ мы уже знаемъ, поставили Верховный Тайный Совѣтъ (1726—1730 г.): этимъ свели Сенатъ на степень коллегіи, а должность генералъ-прокурора, „око государево", лишили того значенія, какое придалъ ей Петръ. Должность эта и совсѣмъ исчезла, какъ лишенная своего смысла. Возстановленный при Аннѣ Іоанновнѣ, генералъ прокуроръ не получилъ прежняго значенія, потому что не получилъ его и Сенатъ. Анна въ 1730 г. уничтожила В. Т. Совѣтъ, возстановила права Сената, раздѣливъ Сенатъ на 5 департаментовъ; но вскорѣ надъ Сенатомъ поставила Кабинетъ, аналогичный по значенію В. Т. Совѣту, и этимъ снова уронила значеніе Сената и генералъ-прокурора. Такимъ образомъ верховный адмистративный органъ въ системѣ Петра потерялъ свое мѣсто, уступивъ его другимъ учрежденіямъ. Но эти новыя учрежденія не отличались прочностью и жили недолго. Въ нихъ (въ Верх. Тайн. Совѣтѣ и Кабинетѣ) собиралась та чиновная знать, „верховные господа министры", которая и при Петрѣ часто распоряжалась Сенатомъ. Но при Петрѣ приближенныя къ нему высшія административныя лица не были организованы въ учрежденіе и не имѣли того вліянія, какое они получили при слабыхъ представителяхъ власти послѣ Петра (женщинахъ и дѣтяхъ). Когда же у нихъ явилось это вліяніе, они стремились сомкнуться въ учрежденіе, не подчиненное общему правительственному контролю (Сенату и прокуратурѣ), напротивъ, сами взяли контроль въ свои руки и управляли страной силою своихъ „персонъ", стоя надъ всей системой администраціи. Въ 1730 году они даже покусились править не только страною, но и самой властью. Попытка не удалась и повела къ видоизмѣненію того учрежденія, которое ее совершало; но и при самодержавіи персоны Верх. Тайн. Совѣта и Кабинета, ниспровергнувъ административную систему Петра, направленную противъ произвола лицъ, развили этотъ произволъ. Ясный умъ Н. И. Панина и тонкая наблюдательность его современницы, Екатерины II, подмѣтили и строго осудили это зло, назрѣвшее послѣ Петра.

Потерпѣвъ существенное измѣненіе въ одномъ изъ своихъ основаній, административный порядокъ Петра терпѣлъ измѣненія и во многихъ частностяхъ. Лица, управлявшія Россіей послѣ Петра, должны были считаться съ тѣми же самыми дѣлами, на которыя всегда направлялъ энергію Петръ,—съ финансовыми и экономическими. Благосостояніе народа много пострадало отъ войнъ Петровскаго времени, да и ранѣе не было блестяще. Петръ, какъ мы видѣли, не успѣлъ его поправить,

хотя и достигъ финансоваго успѣха. Но и самъ Петръ нуждался въ деньгахъ; послѣ же него нужда не прекращалась, а искусства съ ней справляться стало меньше. Предъ правительствомъ Екатерины I грозно сталъ вопросъ о финансахъ и еще грознѣе о разстройствѣ платежныхъ силъ народа. Многіе сотрудники Екатерины считали экономическое положеніе государства не только труднымъ, но и опаснымъ. Въ началѣ 1725 г. генералъ-прокуроръ Ягужинскій подалъ императрицѣ записку о положеніи дѣлъ и въ ней требовалъ немедленныхъ мѣропріятій не только къ „поправленію нынѣшняго въ государствѣ состоянія“, но и къ сохраненію „цѣлости“ государства и народа. Въ 1726 г. Верх. Тайн. Совѣтъ разсуждалъ о положеніи дѣлъ финансовыхъ и экономическихъ весьма серьезно и не скрывалъ отъ себя труднаго положенія главнаго плательщика—крестьянина. Сознавая, что „когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата“, т. е. падетъ сила государства, Верх. Тайн. Совѣтъ проектировалъ рядъ мѣръ для облегченія крестьянъ и другихъ податныхъ классовъ. Эти мѣры имѣли въ виду: во первыхъ, непосредственное облегченіе плательщиковъ (подушный окладъ былъ прямо уменьшенъ), во вторыхъ—покрытіе убытковъ отъ такого уменьшенія подушныхъ платежей иными средствами, въ третьихъ—сокращеніе правительственныхъ расходовъ. Эти мѣры, будучи приведены въ исполненіе, внесли много новаго въ управленіе. Въ видахъ сокращенія расхода признали нужнымъ упростить сложную администрацію Петра. Уничтожили много ненужныхъ „канцелярій“ и конторъ (но оказалось, что многія изъ нихъ необходимо было возобновить). Въ областяхъ уничтожили много должностей и соединили административную и судебную власти въ лицѣ губернаторовъ и воеводъ (1727 г.), что далеко не было успѣхомъ (принципъ раздѣленія властей былъ существенной заслугой Петровской системы). Городовые магистраты подчинили, какъ и судъ, тѣмъ же губернаторамъ и воеводамъ, что шло въ разрѣзъ съ сознательными стремленіями Петра, желавшаго избавить горожанъ отъ административныхъ злоупотребленій. Эти мѣры приняты были при Екатеринѣ, а при Петрѣ II уничтоженъ былъ и Главный магистратъ, вѣдавшій городское самоуправленіе. Такимъ образомъ, упрощеніе Петровской администраціи сдѣлано было съ нарушеніемъ началъ, руководившихъ Петромъ. Управленіе не развивалось и не улучшалось; измѣненіемъ разрушали его стройность, нарушали его начала, но не вносили ни новой системы, ни новыхъ началъ. Мы не можемъ считать руководящимъ началомъ тотъ фактъ, что новыя мѣропріятія стѣсняли мѣстное самоуправленіе и создавали въ провинціи бюрократическое управленіе. О вредѣ самоуправленія вообще и о пользѣ бюрократическаго управленія тогда не думали. Существовалъ одинъ принципъ—экономія.

Уменьшая расходы, думали о новыхъ источникахъ дохода. Важными

источниками признавались, какъ и при Петрѣ, торговля и промышленность, развитіе которыхъ должно было обогащать казну путемъ косвеннаго обложенія. Еще при Екатеринѣ I были убѣждены, что русскія торговля и промышленность находятся въ неудовлетворительномъ положеніи, и что мѣры Петра иногда не только не содѣйствовали, но даже мѣшали ихъ развитію. Указывали въ В. Т. Совѣтѣ, напримѣръ, на такіе факты: Петръ Великій запретилъ ткать узкіе холсты, а велѣлъ ткать широкіе, какъ это было за границей; запрещеніе Петра уничтожило, а не подняло ткацкій промыселъ, которымъ кормилось много крестьянъ, потому что крестьяне не могли завести широкихъ ткацкихъ станковъ; „разорились отъ этого крестьяне сѣверные, у которыхъ мало хлѣба родится", а между тѣмъ „широкіе холсты за море мало потребны, больше узкіе требуются". Далѣе, Петръ требовалъ чтобы внѣшняя морская торговля шла Балтійскимъ моремъ, поэтому насильственно отвлекалъ товары отъ Архангельска къ Петербургскому порту. Послѣ Петра увидѣли, что „къ Архангельску провозъ товаровъ дешевле былъ, чѣмъ къ Петербургу" и поэтому нашли полезнымъ „отворить портъ Архангельскій", закрытый Петромъ. Разсуждая о положеніи торговли и промысловъ, правительство Екатерины видѣло, что торгово-промышленный классъ тяготился тою правительственною опекою, какую наложилъ на него Петръ, и „воли требуетъ". Для устройства этого дѣла была предложена при Екатеринѣ и открыта при Петрѣ II Комиссія о коммерціи подъ предсѣдательствомъ Остермана; она должна была руководиться и тѣми заявленіями, какія было дозволено подавать въ Комиссію какъ отдѣльнымъ купцамъ, такъ и цѣлымъ городскимъ обществамъ. Дѣйствуя продолжительное время, эта комиссія выработала рядъ торгово-промышленныхъ мѣропріятій освободительнаго характера, если можно такъ выразиться: она высказалась противъ откуповъ, отдавъ многіе предметы (табакъ, соль) „въ вольную торговлю" и отмѣнила рядъ стѣсненій, тормозившихъ развитіе того или другого вида промышленности, сняла многія пошлины. Въ такомъ характерѣ дѣятельности комиссіи заключалось прямое отступленіе отъ направленія Петра, нарушеніе его покровительственной системы. Эта система была направлена болѣе всего къ тому, чтобы поставить на ноги національную торговлю и дать ей силы конкурировать съ иностранцами. Комиссія о коммерціи не отказывалась, конечно, отъ этой цѣли, но не всегда имѣла ее въ виду: напримѣръ, въ 1731 г., при водвореніи нѣмецкаго режима, она разрѣшила иноземцамъ свободную торговлю въ Россіи, что врядъ ли нашло бы одобреніе Петра Великаго.

Такъ и управленіе, и экономическая политика Петра потерпѣли измѣненія при его преемникахъ. Эти измѣненія были вызваны экономическими и финансовыми затрудненіями. Но всѣ эти перемѣны не привели ни къ какому успѣху. Экономическихъ затрудненій не стало меньше.

Изъ многихъ источниковъ мы знаемъ, что ни финансы не могли быть приведены въ равновѣсіе, ни благосостояніе народа не становилось замѣтнѣе. При Аннѣ недоимки взыскивались съ рѣдкой настойчивостью. Оповѣщалось, что прощать ихъ не будутъ, но все-таки приходилось прощать, и подушныхъ денегъ только въ 1730 и 1735 годахъ было сложено съ народа 4 милліона рублей. У крестьянства не хватало средствъ нести податныя тягости, отъ податей и рекрутства крестьяне бѣжали даже за границу (въ Польшу) и, по словамъ Миниха, „многія провинціи точно войною или моровымъ повѣтріемъ разорены". Тяжелыя войны при Аннѣ способствовали этому разоренію податныхъ классовъ и недобору прямой подати, которая составляла главную статью государственнаго дохода. Положеніе финансовъ при этихъ условіяхъ не могло быть хорошимъ. Они не достаточны были для нуждъ управленія и находились въ безпорядкѣ. Императрица Анна, въ одномъ изъ своихъ указовъ Сенату, выразилась весьма рѣзко, говоря, „что государственная казна растеряна и раскрадена". Правительство, не имѣя средствъ покрывать всѣ расходы, уменьшало жалованіе чиновниковъ, сокращало даже траты на войско и флотъ. Отъ этого армія пришла въ упадокъ, какъ сознавали въ Верх. Тайн. Совѣтѣ, а относительно флота въ 1731 г. говорили, что „флотъ погибаетъ, едва 12 кораблей могутъ выйти въ море". При общемъ неуспѣхѣ финансовой политики правительство, какъ мы уже замѣтили, не имѣло успѣха въ реформахъ управленія. Учрежденія Петра, казались безполезными; сокращая ихъ, нарушали систему Петра, но упрощенія и улучшенія не достигали цѣли. Масса нерѣшенныхъ дѣлъ, недостатокъ административныхъ средствъ заставляли часто возстановлять уничтоженныя учрежденія и должности. Такъ напримѣръ, было въ 1730 г., когда при вступленіи на престолъ Анны, Сенатъ представлялъ ей необходимость созданія новыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Нарушая систему Петра, при учрежденіи новыхъ органовъ управленія, не держались никакой системы и это вносило хаосъ въ порядокъ Петра; то возстановляемыя, то уничтожаемыя учрежденія не могли окрѣпнуть и опредѣлиться, не были въ состояніи выработать опредѣленный порядокъ и сферу дѣйствій и уяснить свои отношенія къ другимъ учрежденіямъ. Управленіе принимало характеръ безпорядочный, при которомъ, пользуясь словами Екатерины II,—государственныя мѣста не имѣли „своихъ предѣловъ и законовъ къ соблюденію добраго во всемъ порядка".

Внеся эти измѣненія въ систему управленія, правительства, дѣйствовавшія послѣ Петра Великаго, внесли нѣчто новое и въ положеніе сословій.

Прежде всего измѣнилось положеніе дворянства. Петръ Великій крѣпко привязалъ дворянство къ безсрочной государственной службѣ и въ государственныхъ видахъ стѣснилъ дворянское землевладѣніе усло-

віями закона о единонаслѣдіи 1714 г. Послѣ Петра и особенно при императрицѣ Аннѣ служебныя обязанности шляхетства были нѣсколько облегчены и землевладѣльческія права увеличены. Такимъ образомъ, положеніе шляхетства улучшилось. Причина такого улучшенія нами отчасти была уже указана: она заключалась въ той роли, какую стали играть въ столицѣ гвардейскіе полки. Составляя военную силу, на которую должны были опираться правительства, смѣнявшіяся одно за другимъ, гвардія получала награды за вѣрную службу; но гвардія была дворянствомъ, поэтому и награды, получаемыя ею, были въ сущности наградами дворянству: онѣ и давались не гвардіи, а всему шляхетству. Награды заключались въ уменьшеніи государственныхъ повинностей и въ увеличеніи землевладѣльческихъ правъ. Однако, когда мы связываемъ улучшеніе дворянскаго быта съ положеніемъ гвардіи, мы не должны забывать, что облегченіе государственной (военной) службы дворянства могло осуществиться только при тѣхъ условіяхъ продолжительнаго мира, которыя позволили Россіи отдохнуть послѣ войнъ Петра Великаго и не требовали усиленной службы войскъ. Только по этой причинѣ могло осуществиться облегченіе государственныхъ повинностей дворянства. Правда, оно совершилось какъ разъ во время войнъ времени Анны, но эти войны далеко не такъ напрягали народныя силы, какъ войны начала XVIII вѣка. Онѣ давали правительству смѣлость облегчить бремя дворянства даже до конца военныхъ дѣйствій.

Облегченіе дворянскихъ повинностей и увеличеніе правъ состояло въ слѣдующемъ: мы видѣли, что, при вступленіи на престолъ Анны, дворянство подавало Верховному Тайному Совѣту проекты реформъ; въ этихъ проектахъ оно добивалось, между прочимъ, уничтоженія закона о единонаслѣдіи, открытія для дворянства школы, изъ которой дворянинъ могъ бы выходить прямо въ офицеры, минуя солдатство, и ограниченія дворянской службы 20-ю годами. Получивъ самодержавіе изъ рукъ простого шляхетства, императрица Анна скоро его отблагодарила: она уничтожила законъ Петра о единонаслѣдіи и дала свободу дворянамъ завѣщать какъ вотчины, такъ и помѣстья, причемъ закономъ уничтожила всякое различіе между помѣстьями и вотчинами (указъ 17 марта 1731 г.). Такъ дворянство получило въ наслѣдственную собственность массу земель, которыя законъ считалъ до тѣхъ поръ государственными. Анна же начала раздачу государственныхъ земель дворянству, прекращенную Петромъ, причемъ земля уже давалась прямо въ полную собственность. Такъ выросли землевладѣльческія права дворянства; ниже увидимъ, что вырастала и власть надъ крестьянами въ дворянскихъ имѣніяхъ. Облегченіе государственной службы послѣдовало немногимъ позже. Уже въ іюлѣ 1731 г. императрица учредила такъ называемый „Сухопутный Шляхетскій Корпусъ“, военную школу для дворянъ въ Петербургѣ. Однимъ изъ правъ, какими пользо-

вались воспитанники корпуса, было право производства въ офицеры, „не бывъ въ солдатахъ, матросахъ и другихъ нижнихъ чинахъ“. Но, давая права дворянству, императрица не сразу рѣшилась установить какіе либо сроки для службы дворянъ взамѣнъ существовавшей безрочной службы. Только манифестомъ 31 декабря 1736 г. этотъ срокъ былъ установленъ. Было указано, что дворянинъ повиненъ служить государству 25 лѣтъ (сами дворяне просили 20-лѣтній срокъ); одинъ изъ братьевъ въ семьѣ освобождался отъ службы для управленія семейнымъ хозяйствомъ; дворянинъ, выходившій въ отставку изъ службы, долженъ былъ за свою отставку („абшидъ“, какъ тогда говорили) поставить рекрута. Едва былъ обнародованъ этотъ желанный для дворянства манифестъ, какъ половина офицеровъ подала въ отставки. Этимъ оправдались опасенія правительства, что дворянство перестанетъ служить, и дѣйствіе манифеста тотчасъ поспѣшили пріостановить, не давая отставокъ.

Дѣйствительно, дворянство не желало служить. Строгости Петра Великаго, хотя и держали шляхетскую массу на службѣ, но не могли все-таки до конца пресѣчь укрывательство отъ службы отдѣльныхъ представителей шляхетства. Послѣ Петра это укрывательство растетъ благодаря упадку требовательности правительства. Всѣми мѣрами дворяне уходятъ изъ службы: или просто не являются служить, надѣясь на безнаказанность, или бѣгутъ отъ службы въ отпускъ, добывая его законными и незаконными путями. Вотъ почему правительство опасалось уменьшать служебныя требованія; оно боялось разстроить армію потерею офицерства и администрацію потерею чиновничества. Болѣе развитые дворяне осуждали уклоненіе своей братіи отъ службы и признавали необходимость принудительныхъ мѣръ; безъ нихъ, думали они „всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ“ (слова А. Волынскаго). Но масса дворянства желала стряхнуть съ себя бремя службы и добивалась законодательныхъ мѣръ, облегчавшихъ это бремя. Дворяне служебной карьерѣ предпочитали сельскохозяйственную дѣятельность и неудержимо стремились изъ полковъ и канцелярій въ свои деревни. „Въ дворянинѣ воинѣ и царскомъ слугѣ постепенно выросталъ дворянинъ-помѣщикъ и обыватель уѣзда“, говоритъ одинъ изслѣдователь (Романовичъ-Славатинскій, „Дворянство въ Россіи“). При Аннѣ дворянству удалось сдѣлать первые шаги отъ службы къ хозяйству, благодаря тѣмъ особымъ заслугамъ, какія оно оказало престолу.

Нельзя не замѣтить, что само правительство послѣ Петра Великаго поощряло и возбуждало своими мѣрами такія стремленія въ дворянствѣ. Въ 1727 г. оно постановило взыскать недоимки не съ крестьянъ, а съ ихъ помѣщиковъ, или съ помѣщичьихъ приказчиковъ; а въ 1731 г. эта временная мѣра обращена въ постоянное правило: въ регламентѣ Камеръ-Коллегіи постановлялось, что подушныя деньги должны платить

сами помѣщики, недоимки должно взыскивать съ нихъ же. Въ царствованіе Анны помѣщиковъ за недоимки ихъ крестьянъ сажали въ тюрьмы и разоряли. Такимъ образомъ на помѣщиковъ была возложена съ большою строгостью отвѣтственность за казенные платежи ихъ крестьянъ. Понятно, что при такомъ условіи помѣщикъ стремился жить и хозяйничать въ деревнѣ, чтобы слѣдить за податной и всякою исправностью не только своего, но и крестьянскаго хозяйства. Понятно, что и само правительство смотрѣло на помѣщика, какъ на свой административно-хозяйственный органъ въ областной жизни.

При такихъ взглядахъ и условіяхъ развивалось, съ одной стороны, стремленіе дворянъ въ деревню, а съ другой стороны, большее подчиненіе крестьянъ помѣщикамъ, отвѣтственнымъ за нихъ передъ казной.

Экономическое положеніе крестьянства при Екатеринѣ и Петрѣ II очень заботило правительство. Понимая, что податная исправность крестьянства зависитъ отъ экономическаго благосостоянія его, заботились о подъемѣ этого благосостоянія, слѣдили за развитіемъ земледѣлія и промысловъ, охраняли крестьянъ отъ злоупотребленій администраціи и суда. При нѣмецкомъ режимѣ времени Анны такой заботливости было меньше; главное вниманіе обратилось на подати и недоимки. Но и въ цѣляхъ финансовыхъ и въ видахъ экономическихъ во всѣ царствованія шелъ рядъ мѣръ, подчинявшихъ крестьянъ помѣщикамъ и уменьшавшихъ личныя и имущественныя права крестьянъ. Развивавшійся фактъ крѣпостного права вліялъ на его законодательное признаніе. При Петрѣ Великомъ ревизія сравняла холоповъ съ крестьянами, признавъ первыхъ податнымъ классомъ. Но житейская практика пользовалась этимъ сравненіемъ для того, чтобы на крестьянъ перенести черты холопьей зависимости. Крестьянинъ въ жизни превращался въ холопа, хотя духъ Петровскаго законодательства желалъ холопа превратить въ крестьянина, и совершалось это потому, что въ законодательствѣ не было опредѣленій, предусматривавшихъ такое явленіе. Напротивъ, люди стоявшіе у власти и сами имѣвшіе у себя крестьянъ, вносили въ законодательство частныя ограниченія крестьянскихъ правъ и этимъ создавали въ законѣ какъ бы противорѣчіе. При малолѣтнемъ Петрѣ II запрещено было свободное вступленіе въ военную службу частновладѣльческихъ крестьянъ, а прежде это было дозволеннымъ выходомъ изъ крѣпостной зависимости. Въ 1730 г. крестьянамъ было запрещено покупать недвижимыя имѣнія, а въ 1734 г.—заводить суконныя фабрики. Въ 1726 г. крестьяне были лишены права безъ разрѣшенія помѣщика отправляться на промыселъ, въ 1731 г. имъ было запрещено вступать въ откупа и подряды. Помѣщики получили право переселять своихъ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ, т. е., иначе говоря, отрывать ихъ отъ опредѣленнаго мѣста, къ которому они были прикрѣплены по ревизіи. Наконецъ, въ податномъ

отношеніи крестьяне были съ 1731 г. совершенно подчинены помѣщикамъ и помѣщики имѣли право, въ случаѣ неповиновенія крестьянъ, требовать содѣйствія властей. Всѣ эти постановленія еще не устанавляли полнаго безправія крестьянъ, но были шагомъ къ потерѣ крестьянами гражданской личности. Они ограничивали и личныя и имущественныя права крестьянъ, но въ нихъ еще не видно отрицанія гражданской личности крестьянина вообще.

Такое отрицаніе впервые мелькнуло въ манифестѣ о вступленіи на престолъ Елизаветы: въ немъ крестьяне были исключены изъ присяги не вѣрноподданство. Казалось, поэтому, что новое правительство уже не считаетъ ихъ гражданами государства. Дѣйствительно, при Елизаветѣ крѣпостное право развивалось очень быстро; но и при ней, какъ увидимъ, законъ еще не считалъ крестьянъ рабами. Манифестъ 25 ноября 1741 г. поэтому есть скорѣе обмолвка, чѣмъ сознательное выраженіе извѣстнаго принципа.

Такъ измѣнилось положеніе главныхъ сословій Петра: дворянство облегчало свои служебныя тяжести и увеличивало землевладѣльческія права, словомъ, выигрывало; крестьянство, не измѣняя качества и размѣра своихъ повинностей, теряло свои права и передъ государствомъ и передъ помѣщикомъ, словомъ—проигрывало. И у дворянства и у крестьянства терялось то равновѣсіе правъ и обязанностей, которое до нѣкоторой степени было установлено Петромъ Великимъ.

Внѣшняя политика. Международное положеніе Россіи, созданное Петромъ Великимъ, было очень хорошо. Преслѣдуя вѣковыя задачи Россіи съ рѣдкимъ историческимъ чутьемъ, Петръ достигъ важныхъ успѣховъ: 1) пріобрѣлъ Балтійское море—на западѣ, 2) прочно поставилъ русское вліяніе въ Польшѣ—на юго-западѣ, 3) явился грознымъ врагомъ Турціи—на югѣ. При Петрѣ Россія стала первоклассной державой въ Европѣ, въ дѣлахъ западной Европы ея голосъ пользовался большимъ значеніемъ. Но Петръ не принялъ на себя никакихъ обязательствъ передъ западно-европейскими державами и мало вмѣшивался въ мѣстные и частные вопросы западно-европейской политической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ установилъ прекрасныя отношенія съ Австріей и Пруссіей, т. е. тѣми державами, съ которыми у Россіи были общіе интересы по отношенію къ Турціи, Польшѣ и Швеціи.

Послѣ Петра I, при Екатеринѣ и Петрѣ II, продолжали дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ Петръ, потому что не хотѣли начинать ничего новаго. При Екатеринѣ борьба за Испанію продолжалась на западѣ Европы; противъ Австріи образовался союзъ Франціи, Англіи и Пруссіи. Зная Россію, какъ давнишняго друга Австріи, эти три державы старались всѣми силами разъединить ее съ австрійцами и не успѣли. Русское правительство вступило въ формальный союзъ съ Австріей, ибо желало

ея помощи въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи. При Екатеринѣ боялись войны, но въ Европѣ ея не было,—и русскимъ приходилось только вести вялую войну на персидскихъ границахъ, потому что миръ заключенный Петромъ, оказался непрочнымъ.

При Петрѣ II снова вышелъ на сцену вопросъ о раздѣлѣ Польши, который существовалъ уже при Петрѣ Великомъ. Пруссія и Австрія хотѣли этого раздѣла. Но Россія и при первомъ, и при второмъ императорѣ не относилась сочувственно къ этому плану уничтоженія Рѣчи Посполитой. Напротивъ, Россія вступила въ договоръ съ Пруссіей относительно того, чтобы дѣйствовать согласно при замѣщеніи польскаго престола послѣ смерти короля Августа II.

До вступленія на престолъ Анны, какъ мы видимъ, русская политика не выходила рѣзко изъ программы Петра Великаго. Если не было уже искуства Петра, если и случались ошибки, если не всегда вспоминали о тактикѣ Петра, то не вносили ничего посторонняго и новаго, безсознательно шли по дорогѣ, проторенной Петромъ, и, не думая о подражаніи Петру, въ сущности, подражали ему. Совершенно напротивъ, при императрицѣ Аннѣ заявляли, что желаютъ слѣдовать примѣрамъ Великаго Петра и, въ сущности, сознательно отступали отъ его программы и безсознательно грѣшили противъ нея. Прежде всего отказались отъ плана Петра завести торговлю съ Азіей и отдали обратно Персіи (въ 1732 г.) всѣ тѣ земли, которыя были завоеваны у нея на берегахъ Каспійскаго моря. Эту мѣру приписывали тому, что прикаспійскій климатъ губилъ понапрасну русскія войска; но все-таки неловкость потери того, что было завоевано Петромъ Великимъ, чувствовалась всѣми. Въ 1733 г. умеръ польскій король и кандидатами на польскій престолъ выступили сынъ покойнаго Августа II, курфюрстъ Саксонскій, и знакомый намъ въ эпоху Петра Станиславъ Лещинскій. Перваго поддерживали Австрія и Россія, второго враждебная Австріи Франція. Когда на выборахъ Лещинскій одержалъ верхъ, то Россія силою оружія рѣшила дѣйствовать противъ него. Лещинскій заперся въ Данцигѣ и былъ осажденъ русскими. Онъ держался $4\frac{1}{2}$ мѣсяца сперва противъ генерала Ласси, потомъ противъ Миниха. Осада Данцига тянулась благодаря ряду военныхъ ошибокъ русскихъ, въ которыхъ нельзя, конечно, видѣть подражанія военнымъ пріемамъ Петра. Только рядомъ тяжелыхъ жертвъ добилась Россія того, что Лещинскій бѣжалъ и королемъ сталъ Августъ III. Немного спустя Россія приступила къ войнѣ съ Турціей (1735—1739) изъ-за набѣговъ крымцевъ на русскія границы. Поводъ къ войнѣ ея не оправдывалъ. Сами современники, близкіе къ дѣламъ, свидѣтельствуютъ, что въ Петербургѣ желали легкой войны для того, чтобы армію и всю націю занять чѣмъ нибудь и доказать, что желаютъ слѣдовать правиламъ Петра. Въ самомъ же дѣлѣ война безъ достаточной необходимости была вопіющимъ

противорѣчіемъ правиламъ Петра, а этой войны съ Турціей можно было въ данномъ случаѣ избѣжать. Войну вели въ союзѣ съ Австріей, и въ то время, когда австрійцы терпѣли рядъ неудачъ, русскіе имѣли успѣхъ. Минихъ, честолюбію котораго приписываютъ эту войну, прямо изъ Польши перешелъ на Турецкія границы и, дѣйствуя вмѣстѣ съ Ласси, опустошилъ Крымъ, взялъ Очаковъ и Хотинъ, перешелъ Прутъ, разбилъ турокъ около Хотина при Ставучанахъ и хотѣлъ перейти Дунай. Ласси взялъ Азовъ. Но блестящіе походы и побѣды стоили Россіи 100.000 человѣкъ солдатъ. Бѣлградскій миръ 1739 г. былъ невыгоденъ для Австріи и не далъ положительныхъ выгодъ и Россіи. Россія пріобрѣла часть степи между сѣвернымъ Донцомъ и Бугомъ и обязала турокъ срыть Азовъ—результатъ ничтожный. Во время этой войны въ 1737 г. русскія войска, послѣ прекращенія въ Курляндскомъ герцогствѣ династіи Кетлеровъ, силою возвели на курляндскій престолъ фаворита Анны—Бирона. Иными словами Курляндія, подчиненная русскому вліянію, была отдана человѣку, ничего общаго не имѣвшему съ интересами Россіи,—поступокъ совсѣмъ чуждый духу Петровской политики.

Такъ, желая подражать Петру, политика Анны далеко отошла отъ его пріемовъ и цѣлей. Причина этому лежитъ въ коренномъ фактѣ времени Анны—въ господствѣ иноземцевъ. Русская дипломатія, какъ основательно доказываютъ ея историки, перестала при Аннѣ быть чисто національной: ряды дипломатовъ пополняются иностранцами и, преимущественно, остзейцами (гр. Кейзерлингъ, баронъ Корфъ и др.), людьми, не знакомыми ни съ исторіей Россіи, ни съ ея потребностями. Иностранцы дипломаты были и при Петрѣ (Остерманъ, Брюсъ), но ихъ таланты служили русскимъ интересамъ, потому что направлялись самимъ Петромъ и русскими людьми, стоявшими во главѣ всей дипломатіи (Головинымъ и Головкинымъ). Во время же Анны всю внѣшнюю политику Россіи вели Остерманъ, Биронъ и Минихъ, руководясь не всегда пользами государства и выбирая сотрудниковъ не изъ русскихъ людей.

Въ кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича эта политика случайныхъ людей дала уже свои плоды, привела Россію къ ряду затрудненій, вышедшихъ не изъ обстоятельствъ существенныхъ для Россіи, а только изъ ошибокъ той близорукой политики случайностей, какая господствовала при русскомъ дворѣ. Еще при императрицѣ Аннѣ Россія обязалась поддерживать „прагматическую санкцію“ Карла VI, по которой всѣ владѣнія Габсбурговъ должны были перейти къ его дочери Маріи Терезіи, по мужу герцогинѣ Лотарингской. Это обязательство было навязано Россіи личнымъ вліяніемъ Бирона; но оно могло еще оправдываться постоянными мирными отношеніями Габсбурговъ и русскихъ государей и общими интересами, какіе были у Россіи и Австріи въ отношеніи Польши и Турціи. Но интересы государствъ не зависѣли отъ судебъ

австрійской династіи, и Россія не имѣла непремѣнной надобности гарантировать династическіе интересы, чтобы сохранить въ Австріи политическую союзницу. Австрія и безъ того была всегда естественной политической союзницей Россіи. У Москвы и Вѣны были съ давнихъ поръ одинаковые враги—на югѣ турки, а въ Средней Европѣ Польша, и поэтому онѣ дѣйствовали всегда вмѣстѣ, независимо отъ того, кто сидѣлъ на престолѣ въ Вѣнѣ и въ Москвѣ, и кто-бы ни былъ въ Вѣнѣ правителемъ, содѣйствіе ея въ польскомъ и турецкомъ вопросахъ для насъ было во всякомъ случаѣ обезпечено.

Но какъ-бы то ни было, обязательства передъ Габсбургами были приняты, и это поставило противъ Россіи Францію, исконнаго врага Габсбурговъ. Чтобы отвлечь вниманіе Россіи отъ средне-европейскихъ дѣлъ, Франція, не безъ участія другихъ дворовъ, агитировала въ Швеціи противъ Россіи. За обязательство передъ Габсбургами пришлось поплатиться страхомъ передъ Швеціей. Несмотря на то, что война со слабой Швеціей не могла быть опасна для Россіи, въ Россіи боялись войны; благодаря вліянію Миниха, сблизились съ другимъ врагомъ Габсбурговъ и шведовъ—съ Фридриховъ II Прусскимъ и такимъ образомъ оказались одновременно въ союзѣ съ двумя врагами Австріей и Пруссіей. Оборонительный союзъ съ Пруссіей противъ шведовъ былъ близорукимъ шагомъ, потому что связалъ Россіи руки, когда Пруссія начала съ Австріей войну за Силезію. Этотъ союзъ принесъ пользу Фридриху и большой вредъ Россіи; она потеряла вліяніе на австрійскія дѣла и все же не избавилась отъ шведской войны. Лѣтомъ 1741 года шведы объявили Россіи войну, во время которой Елизавета вступила на престолъ. Мы уже видѣли, что и самый переворотъ въ Россіи совершился съ участіемъ французской дипломатіи. Такъ рядъ ошибокъ, потеря вліянія въ Европѣ, ничѣмъ не вызванная война со Швеціей и внутренній переворотъ—явились результатомъ близорукой политики русскихъ нѣмцевъ. Эта политика имѣла одно хорошее слѣдствіе: она ускорила паденіе этихъ нѣмцевъ.

Время Елизаветы Петровны.

(1741—1761).

Общая оцѣнка эпохи. Приступая къ изученію весьма любопытнаго времени Елизаветы Петровны, мы прежде всего наведемъ небольшую историческую справку. Значеніе времени Елизаветы оцѣнивалось и до сихъ поръ оцѣнивается различно. Елизавета пользовалась большою популярностью; но были люди, и весьма умные люди, современники Елизаветы, которые съ осужденіемъ вспоминали ея время и ея порядки. Таковы, напримѣръ, Екатерина II и Н. И. Панинъ и вообще, если взять

въ руки старые мемуары, касающіеся этой эпохи, то найдешь въ нихъ почти всегда нѣкоторую насмѣшку по отношенію ко времени Елизаветы. Къ дѣятельности ея относились съ улыбкой. И такой взглядъ на эпоху Елизаветы былъ въ большой модѣ; въ этомъ отношеніи задавала тонъ сама Екатерина II, къ которой вскорѣ послѣ смерти Елизаветы перешла власть, а просвѣщенной императрицѣ вторили и другіе. Такъ, Н. И. Панинъ про царствованіе Елизаветы писалъ: „сей эпокъ заслуживаетъ особливое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ". Панинъ, очевидно, плохо помнилъ то, что было до Елизаветы, потому что его характеристика можетъ относиться и къ эпохѣ временщиковъ, „припадочныхъ людей" 1725—41 гг. Если захотимъ вѣрить Панину, то мы должны отозваться о времени Елизаветы, какъ о времени темномъ и одинаковомъ съ предыдущими временами. Точка зрѣнія Панина перешла и въ нашу историческую литературу. Въ трудѣ С. В. Ешевскаго („Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны") находимъ, напримѣръ, такія слова; „Съ тѣхъ поръ (съ Петра Великаго) до самой Екатерины Великой русская исторія сводится къ исторіи частныхъ лицъ, отважныхъ или хитрыхъ временщиковъ, къ исторіи борьбы извѣстныхъ партій, придворныхъ интригъ и трагическихъ катастрофъ" (Соч., II, 366). Эта оцѣнка (несправедливая вообще) за царствованіемъ Елизаветы не признаетъ никакого историческаго значенія. По мнѣнію Ешевскаго, время Елизаветы такое же время непониманія задачъ Россіи и реформы Петра, какъ и эпоха временщиковъ и нѣмецкаго режима: „смыслъ реформы начинаетъ снова открываться только при Екатеринѣ II", говоритъ онъ (Соч., II, 373). Такъ дѣло обстояло до С. М. Соловьева. Соловьевъ былъ отлично обставленъ документами и хорошо ознакомился съ дѣлами архивовъ Елизаветинскаго времени. Изученный имъ громадный матеріалъ, совмѣстно съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ, привелъ его къ иному убѣжденію. Соловьевъ, если искать точнаго слова, „полюбилъ" эту эпоху и писалъ о ней съ сочувствіемъ. Онъ твердо помнилъ, что русское общество почитало Елизавету, что она была очень популярной государыней. Главной заслугой Елизаветы считалъ онъ сверженіе нѣмецкаго режима, систематическое покровительство всему національному и гуманность: при такомъ направленіи правительства Елизаветы много полезныхъ частностей вошло въ русскую жизнь, успокоило ее и позволило разобраться въ дѣлахъ; національныя „правила и привычки" воспитали при Елизаветѣ цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей, составившихъ славу Екатерины II. Время Елизаветы подготовило многое для блестящей дѣятельности Екатерины и внутри, и внѣ Россіи. Такимъ образомъ, историческое значеніе времени Елизаветы опредѣляется, по мнѣнію Соловьева, его подготовительной ролью по отношенію къ слѣду-

ющей эпохѣ, а историческая заслуга Елизаветы состоитъ въ національности ея направленія. (Ист. Росс., XXIV).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣдняя точка зрѣнія болѣе справедлива, чѣмъ враждебные Елизаветѣ взгляды. Возвращеніе Елизаветы къ національной политикѣ и внутри, и внѣ Россіи въ связи съ мягкостью пріемовъ ея правительства сдѣлало ее очень популярной государыней въ глазахъ современниковъ и дало ея царствованію иной историческій смыслъ въ сравненіи съ темнымъ временемъ предшествовавшихъ правленій. Мирныя наклонности правительства во внѣшней политикѣ, гуманное направленіе во внутренней—симпатичными чертами обрисовали царствованіе Елизаветы и повліяли на нравы русскаго общества, подготовивъ его къ дѣятельности Екатерининскаго времени.

Благоговѣя предъ памятью Петра Великаго и спѣша вернуть Россію къ его порядкамъ, Елизавета тѣмъ самымъ готовила почву для лучшаго пониманія и продолженія преобразовательной дѣятельности Петра и дѣйствительно являлась предшественницей Екатерины II. Но, признавая такое историческое значеніе за временемъ Елизаветы, мы однако не должны преувеличивать его. Мы увидимъ, что при Елизаветѣ, какъ и раньше, много значили „припадочные люди", т. е. фавориты; дѣлами управляла „сила персонъ", къ порядкамъ Петра Великаго вернулись далеко не вполнѣ; въ управленіи государствомъ не было опредѣленной программы, а программа Петра Великаго не всегда соблюдалась и не развивалась. Идеи Елизаветы (національныя и гуманныя) вообще выше ея дѣятельности (несистематичной и мало содержательной), и историческое значеніе времени Елизаветы основывается именно на этихъ идеяхъ.

Причины всѣхъ особенностей правленія Елизаветы заключались, во 1-хъ, въ той обстановкѣ, какую Елизавета получила отъ своихъ предшественниковъ, вступая на престолъ (эту обстановку мы уже знаемъ), а, во 2-хъ, въ свойствахъ самой Елизаветы и ея сотрудниковъ. Ознакомимся съ главными дѣятелями времени Елизаветы.

Дѣятели времени Елизаветы. Что касается до самой императрицы, то ея судьба и личность намъ уже нѣсколько извѣстны. На престолъ вступила она 32-лѣтней женщиной послѣ нѣскольихъ лѣтъ тяжелой жизни. Характеръ ея сформировался окончательно, вкусы и взгляды опредѣлились. По своему образованію и характеру Елизавета не могла стать во главѣ государства активнымъ его правителемъ. Неподготовленность къ дѣламъ заставляла ее управлять съ помощью довѣренныхъ лицъ. Современники иногда обвиняли Елизавету въ чудовищной лѣни и безпечности въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ. Позднѣйшіе изслѣдователи не всегда вѣрятъ этому обвиненію: медленность, съ которой императрица осуществляла свои рѣшенія, они объясняютъ не безпечностью и лѣнью, а той осторожностью и сдержанностью, съ какой Елизавета отыскивала

наилучшій исходъ при разнорѣчивыхъ совѣтахъ и всевозможныхъ вліяніяхъ; когда же ея рѣшеніе созрѣвало, императрица не лѣнилась его осуществить и тотчасъ же скрѣпляла бумагу неизмѣнной подписью—„Елисаветъ“. Во всякомъ случаѣ въ государственныхъ дѣлахъ императрица, давая общій тонъ правительству, не вмѣшивалась дѣятельно въ частности управленія и предоставляла ихъ своимъ сотрудникамъ. Въ частномъ быту Елизавета была чисто-русскимъ человѣкомъ, любила повеселиться, хорошо покушать и распустила придворныхъ настолько, что хроника ея дворца была не бѣднѣе анекдотами, интригами и сплетнями, чѣмъ предыдущее время, несмотря на большую крутость Елизаветы, способной сильно вспыхнуть и строго взыскать.

Вполнѣ понятно, что ближайшими сотрудниками Елизаветы и главными государственными дѣятелями стали въ большинствѣ случаевъ тѣ люди, которые окружали Елизавету до вступленія на престолъ и въ трудное для нея время, при Аннѣ, служили ей вѣрную службу. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость Елизаветѣ въ томъ, что, устраняя нѣмцевъ, она не гнала тѣхъ русскихъ, которые играли видную роль при нѣмецкомъ господствѣ. Такъ, рядомъ со старыми слугами Елизаветы, Разумовскими, Воронцовыми, Шуваловыми, стали у дѣлъ и люди стараго правительства—Бестужевъ-Рюминъ, князья Черкасскій и Трубецкой. Въ рядахъ дипломатовъ даже остались нѣмцы: Кейзерлингъ—посланникомъ въ Вѣнѣ и Варшавѣ, Корфъ—въ Копенгагенѣ, Гроссъ—въ Гаагѣ.

Изо всѣхъ дѣятелей самымъ близкимъ къ императрицѣ былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ былъ негласно обвѣнчанъ съ Елизаветой. Бѣдный малороссійскій казаченокъ, онъ пасъ деревенское стадо и имѣлъ прекрасный голосъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, онъ попалъ въ придворные пѣвчіе и былъ взятъ ко дворцу цесаревны Елизаветы. Привязанность Елизаветы къ Разумовскому была очень крѣпка: она продолжалась до ея смерти, и Разумовскій неизмѣнно оставался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ Россіи. Онъ сталъ кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ и генералъ-фельдмаршаломъ и былъ возведенъ въ графы римской имперіи. Онъ былъ очень властенъ, даже жилъ во дворцѣ, но, отличаясь честнымъ, благодушнымъ и лѣнивымъ характеромъ, мало вліялъ на государственное управленіе, постоянно уклоняясь отъ правительственныхъ дѣлъ, дѣлалъ много добра въ Малороссіи и Россіи и по своимъ вкусамъ и привычкамъ оставался больше простымъ малороссомъ, чѣмъ русскимъ вельможей. Въ исторіи русскаго двора—онъ замѣчательная личность, въ исторіи государства—вовсе незамѣтный дѣятель.

Высокое положеніе Алексѣя Разумовскаго подняло и его брата Кирилла: 15 лѣтъ отъ роду, въ 1743 г., Кириллъ былъ „инкогнито“ отправленъ за границу учиться подъ присмотромъ адъюнкта Академіи Наукъ

Г. Н. Теплова и получилъ тамъ чисто аристократическое воспитаніе; 16-ти лѣтъ онъ былъ уже графомъ Римской имперіи, 18-ти—президентомъ Академіи Наукъ, 22-хъ-генералъ-фельдмаршаломъ и гетманомъ Малороссіи. Для него въ 1750 г. и было возстановлено гетманство, не существовавшее съ 1734 г. Характеромъ этотъ баловень счастья пошелъ въ старшаго брата и, если болѣе брата замѣтенъ былъ въ государственной дѣятельности, то благодаря лишь своему образованію. Онъ былъ человѣкомъ честнымъ и порядочнымъ, но пассивнымъ и, занимая высокія должности, къ вліянію не стремился.

Гораздо болѣе Разумовскихъ вліялъ на дѣла Петръ Ивановичъ Шуваловъ, сперва камеръ-юнкеръ Елизаветы, затѣмъ сенаторъ, конференцъ-министръ, генералъ-фельдцехмейстеръ (т. е. начальникъ артиллеріи) и управитель многихъ иныхъ вѣдомствъ. Занимая массу должностей, П. Шуваловъ былъ въ то же время крупнымъ промышленникомъ и откупщикомъ. И въ сферѣ управленія, и въ хозяйственныхъ дѣлахъ онъ проявилъ большія способности и въ то же время сильное стремленіе къ наживѣ и крайнее честолюбіе. Властолюбивый интриганъ и нечестный стяжатель затмевали въ немъ государственнаго дѣятеля. Своимъ государственнымъ вліяніемъ онъ пользовался для личныхъ цѣлей. Онъ выхлопоталъ себѣ вредную для русской промышленности монополію на рыбный промыселъ въ Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ; захватилъ на откупъ Гороблагодатскіе желѣзные заводы и массу иныхъ откупныхъ статей; являясь крупнѣйшимъ промышленникомъ и торговцемъ въ государствѣ, добился важной отмѣны внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ для личныхъ выгодъ. При дворѣ онъ крѣпко держался благодаря вліянію жены (Мавры Егоровны, рожд. Шепелевой, ближайшей фрейлины Елизаветы), а отчасти и по собственному уму и ловкости. Лицемѣрный и умѣвшій примѣниться ко всякимъ обстоятельствамъ, онъ являлся страшнымъ для всѣхъ человѣкомъ и по своему вліянію, и по своей мстительности. Одинъ только Алексѣй Разумовскій, говорятъ, безбоязненно и безнаказанно бивалъ его иногда батожьемъ подъ веселую руку на охотѣ. Вообще П. И. Шуваловъ былъ человѣкъ безъ принциповъ, безъ морали и представлялъ собою темное лицо царствованія Елизаветы. Онъ былъ настолько ненавидимъ народомъ, что петербургская толпа на его похоронахъ не удержалась отъ враждебной демонстраціи.

Совершенную противоположность ему представлялъ Ив. Ив. Шуваловъ, замѣтная личность въ исторіи русской образованности. Его всегда видѣли съ книгой въ рукахъ, онъ учился для знаній, потому что любилъ ихъ; наука выработала въ немъ опредѣленное нравственное міровоззрѣніе и сдѣлала однимъ изъ первыхъ піонеровъ просвѣщенія въ Россіи. Онъ поддерживалъ русскую науку, какъ могъ (вспомнимъ его переписку съ Ломоносовымъ), основалъ первый въ Россіи Московскій университетъ и

NB

при немъ двѣ гимназіи. Будучи камергеромъ и большимъ любимцемъ Елизаветы, И. И. Шуваловъ не стремился однако къ государственной и политической дѣятельности и оставался меценатомъ и кураторомъ Московскаго университета, на немъ не лежитъ ни одного пятна: напротивъ, это была личность замѣчательно привлекательная, представитель гуманности и образованности, лучшій продуктъ Петровскихъ культурныхъ преобразованій и украшеніе Елизаветинской эпохи.

Третій Шуваловъ—Александръ Ивановичъ, хотя и очень быстро сдѣлалъ свою карьеру, но не проявилъ ни особеннаго ума, ни особыхъ способностей. Онъ былъ начальникомъ Тайной канцеляріи, которая при Елизаветѣ почти бездѣйствовала, почему былъ незамѣтенъ и ея начальникъ.

Внѣшней политикой при Елизаветѣ управляли три государственныхъ канцлера: князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ и графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Первый былъ совершенно неспособный и недалекій человѣкъ, сдѣлавшій свою карьеру тою ролью, какую случайно сыгралъ при возстановленіи самодержавія Анны. О его личности и неспособности ходили анекдоты: онъ былъ очень нерѣшителенъ, самую простую бумагу, требовавшую подписи, прочитывалъ по нѣскольку разъ, бралъ перо, чтобы ее подписать, и оставлялъ его, и въ концѣ-концовъ бумага не получала подписи, ибо кн. Черкасскій ея боялся. Значеніе его было ничтожно и въ дѣлахъ, и при дворѣ. Онъ умеръ въ началѣ царствованія Елизаветы (1742 г.), такъ что о немъ мало приходится упоминать въ обзорѣ ея царствованія.

Внѣшнюю политику Елизаветы опредѣлилъ своимъ направленіемъ преемникъ Черкасскаго—А. П. Бестужевъ-Рюминъ, стоявшій во главѣ русской дипломатіи съ 1742 по 1757 годъ. Это былъ человѣкъ времени Петра Великаго, безспорно умный и способный, по тому времени удивительно образованный и, что называется, на всѣ руки. По натурѣ онъ былъ великій практикъ, что же касается моральной его физіономіи, то она не совсѣмъ ясна, и о ней есть нѣсколько мнѣній. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ очень честенъ. Несмотря на то, что онъ по службѣ принималъ подарки, подкупить его было невозможно. Когда Фридрихъ II-й задумалъ дать ему подарокъ (узнавъ, что Бестужевъ беретъ таковые отъ Австріи), то убѣдился, что прусскими деньгами нельзя ни задобритъ, ни купить Бестужева. Онъ былъ несомнѣнно истиннымъ патріотомъ и ни за что не поддался бы въ сторону Пруссіи, которую считалъ опаснымъ сосѣдомъ. Еще въ 1708 г. онъ былъ отправленъ Петромъ учиться за границу и пріобрѣлъ тамъ солидное, разностороннее образованіе,—былъ химикомъ, медикомъ и дипломатомъ. Съ 1712 г. онъ былъ на дипломатической службѣ при разныхъ дворахъ, жилъ въ Германіи, Англіи, Даніи, Голландіи и хорошо ознакомился съ положеніемъ полити-

ческихъ дѣлъ въ Европѣ. Онъ сознательно относился къ политической системѣ Петра Великаго и въ то же время усвоилъ основный принципъ всѣхъ державъ той эпохи—стремленіе къ политическому равновѣсію. Его дипломатической программой и стала, съ одной стороны, охрана системы Петра Великаго, съ другой—заботы о поддержаніи равновѣсія. Служебная карьера ему долго не удавалась. Послѣ Петра онъ былъ въ немилости и только приверженность къ Бирону выдвинула его, какъ мы видѣли, въ 1740 г. на должность кабинетъ-министра. Онъ снова, однако, палъ при сверженіи Бирона и выдвинулся вполнѣ только при Елизаветѣ.

На Бестужева, какъ на политическаго дѣятеля, смотрятъ различно. Одни въ немъ видятъ дѣятеля безъ программы, другіе, напротивъ, находятъ въ Бестужевѣ удачнаго ученика Петра и здраваго политика. Соловьевъ („Исторія Россіи", тт. XX—XXIV) и Ѳеоктистовъ („Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны") основательно признаютъ за Бестужевымъ крупныя дипломатическія достоинства. Выдающимся дипломатомъ считаетъ его и Е. Н. Щепкинъ („Русско-Австрійскій союзъ"). Принято думать, что Бестужевъ держался традиціи Петра Великаго. „Союзниковъ не покидать", говорилъ онъ о своей системѣ: „а оные (союзники) суть: морскія державы Англія и Голландія, которыхъ Петръ I всегда наблюдать старался; король польскій яко курфюстъ саксонскій, королева венгерская по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ Россійскою имперіею союзъ имѣютъ; сія система—система Петра Великаго". Союзъ съ Австріею („съ королевой венгерской"), который былъ съ Петра какъ бы традиціей всей русской дипломатіи, поддерживался усердно и Бестужевымъ и привелъ къ враждѣ съ Франціей (пока она враждебна Австріи) и съ Пруссіей. Французское вліяніе сперва было сильно при дворѣ Елизаветы; Бестужевъ постарался его уничтожить и послѣ упорной интриги добился высылки изъ Россіи знакомаго намъ Шетарди и ссылки Лестока, его агента (1748). Прусскому королю Фридриху II онъ былъ ярымъ врагомъ и приготовлялъ Семитѣтнюю войну, потому что считалъ его не только злымъ противникомъ Австріи, но и опаснымъ нарушителемъ европейскаго равновѣсія. Фридрихъ звалъ Бестужева „cet enragé chancelier"; позднѣйшіе изслѣдователи называютъ его однимъ изъ наиболѣе мудрыхъ и энергичныхъ представителей національной политики въ Россіи и ставятъ ему въ большую заслугу именно то, что его трудами сокращены были силы „скоропостижнаго прусскаго короля". Заслуги Бестужева неоспоримы, преданность его традиціямъ Петра также; но при оцѣнкѣ Бестужева историкъ можетъ замѣтить, что традиціи Петра хранилъ онъ не во всемъ ихъ объемѣ. Петръ рѣшалъ исконныя задачи національной политики, побѣждалъ вѣковыхъ враговъ и бралъ у нихъ то, въ чемъ вѣками ну-

ждалась Русь. Для достиженія вѣковыхъ задачъ онъ старался добыть себѣ вѣрныхъ друзей и союзниковъ въ Европѣ; но дѣла Европы сами по себѣ мало трогали его; про европейскія державы онъ говаривалъ: „онѣ имѣютъ нужду во мнѣ, а не я въ нихъ“,—въ томъ смыслѣ, что счеты западныхъ державъ между собой не затрагивали русскихъ интересовъ, и Россія могла не вступаться въ нихъ, тогда какъ въ Европѣ желали пользоваться силами Россіи—каждая страна въ своихъ интересахъ. Мы видѣли, что Петръ не успѣлъ рѣшить ни турецкаго, ни польскаго вопроса и завѣщалъ ихъ преемникамъ: онъ не успѣлъ опредѣлить своихъ отношеній и къ нѣкоторымъ европейскимъ державамъ, напримѣръ, къ Англіи. Традиція, завѣщанная Петромъ, заключалась, такимъ образомъ, въ завершеніи вѣковой борьбы съ національными врагами и въ созданіи прочныхъ союзовъ въ Западоой Европѣ, которые способствовали бы этому завершенію. Политика Бестужева не вела Россію по стопамъ Петра въ первомъ отношеніи. Турецкій и польскій вопросы рѣшены были позже Екатериною II. Бестужевъ заботился только объ установленіи должныхъ отношеній Россіи къ Западу и здѣсь, дѣйствительно, подражалъ программѣ Петра, хотя, быть можетъ, слишкомъ увлекался задачей общеевропейскаго политическаго равновѣсія, больше, чѣмъ того требовалъ здравый эгоизмъ Россіи.

Послѣ Бестужева, попавшаго въ опалу въ 1757 г., его мѣсто занялъ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, бывшій ранѣе камеръюнкеромъ Елизаветы. Еще въ 1744 году онъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ, но при Бестужевѣ имѣлъ мало значенія. Трудолюбивый и честный человѣкъ, онъ однако не обладалъ ни образованіемъ, ни характеромъ, ни опытностью Бестужева. Получивъ въ свои руки политику Россіи во время войны съ Пруссіей, онъ не внесъ въ нее ничего своего, былъ доступенъ вліяніямъ со стороны и не могъ такъ стойко, какъ Бестужевъ, держаться своихъ взглядовъ. При Елизаветѣ онъ велъ войну съ Пруссіей, при Петрѣ III готовъ былъ къ союзу съ ней и при Екатеринѣ II снова былъ близокъ къ разрыву.

Если мы еще помянемъ князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, бывшаго генералъ-прокуроромъ, человѣка двуличнаго и не безъ способностей, и уже извѣстнаго намъ Лестока, служившаго проводникомъ французскаго вліянія при дворѣ Елизаветы въ первые годы царствованія, то перечень государственныхъ дѣятелей и вліятельныхъ лицъ Елизаветинскаго времени будетъ законченъ. Всматриваясь въ соціальный составъ и личныя особенности правящаго круга при Елизаветѣ, мы можемъ сдѣлать не лишенные значенія выводы.

Кромѣ князя Черкасскаго, мало жившаго въ царствованіе Елизаветы, и князя Трубецкаго, пользовавшагося только административнымъ значеніемъ, всѣ придворныя вліятельныя лица происходили изъ про-

стого дворянскаго круга. Въ придворную и государственную среду они принесли съ собой pia desideria дворянства и высказывали ихъ открыто. До насъ дошло, напримѣръ, извѣстіе о томъ, что Воронцовъ (Романъ, братъ Михаила Илларіоновича) твердилъ наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу о необходимости уничтожить обязательность дворянской службы. Естественно думать, что разъ у власти стали люди изъ простого дворянства, они постараются не только высказывать желанія своего круга, но и провести ихъ въ жизнь, тѣмъ болѣе, что сама императрица взошла на тронъ при восторженномъ сочувствіи войска, состоявшаго изъ такихъ же дворянъ, и была склонна вознаграждать ихъ преданность. При разборѣ внутренней дѣятельности правительства Елизаветы мы увидимъ, что дѣйствительно въ законодательствѣ проявился рядъ мѣръ, проведенныхъ прямо въ интересахъ дворянскаго класса.

Съ другой стороны, кругъ лицъ, дѣйствовавшихъ при Елизаветѣ, чрезвычайно разнообразенъ по личнымъ качествамъ, способностямъ, даже по возрасту дѣятелей. Рядомъ съ Петровскимъ дѣльцомъ Бестужевымъ видимъ человѣка, воспитавшагося въ эпоху временщиковъ (Трубецкого), и юношу, только при Елизаветѣ вступившаго въ жизнь (Кириллъ Разумовскій). Понятно, какъ различны должны были быть у нихъ привычки, взгляды и пріемы. Различіе еще усиливалось личными особенностями: Бестужевъ былъ образованный практикъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ— образованный теоретикъ, Петръ Ивановичъ Шуваловъ—малообразованный и себялюбивый корыстный дѣлецъ, Алексѣй Разумовскій—необразованный и безкорыстный человѣкъ. Нѣтъ ни одной внутренней черты, которая бы позволила характеризовать ихъ всѣхъ одинаково съ какой бы то ни было стороны. При этомъ и жили они очень несогласно, постоянно ссорясь другъ съ другомъ. При Елизаветѣ было много интригъ. Петръ Великій умѣлъ объединять своихъ сотрудниковъ, лично руководя ими. Елизавета же не могла этого сдѣлать; она менѣе всего годилась въ руководительницы и объединительницы. Лаской и гнѣвомъ она умѣла тушить ссоры и устранять столкновенія, но объединить не могла никого, несмотря на то, что не была лишена ума и хорошо понимала людей. Она могла иногда подгонять лицъ, ее окружавшихъ, но управлять ими не могла. Не было объединителя и среди ея помощниковъ. Понятно, что такая среда не могла внести въ управленіе государствомъ руководящей программы и единства дѣйствій; не могла подняться выше, быть можетъ, прекрасныхъ, но по существу частичныхъ государственныхъ мѣръ. Такъ и было. Историкъ можетъ отмѣтить при Елизаветѣ только національность общаго направленія и гуманность правительственныхъ мѣръ (черты, внесенныя самой Елизаветой), а затѣмъ ему приходится изучать любопытные, но отдѣльные факты.

Управленіе и политика времени Елизаветы.

Внутренняя дѣятельность. Ея главный фактъ—перемѣны въ *положеніи сословій:* дворянства и крестьянства.

Вступая на престолъ съ желаніемъ возвратить Россію къ порядкамъ Петра Великаго, Елизавета не достигла этого прежде всего въ своемъ законодательствѣ о сословіяхъ. Мы видѣли, что послѣ Петра, ко времени Елизаветы, дворянство измѣнило къ лучшему условія своего быта; оно облегчило свои повинности государству, успѣло снять тѣ стѣсненія, какія лежали на его имущественныхъ правахъ, и получило большую, чѣмъ прежде, власть надъ крестьянами. При Елизаветѣ успѣхи дворянства продолжались и въ сферѣ его имущественныхъ правъ, и въ отношеніи къ крестьянамъ. Только долгосрочная обязательная служба осталась неизмѣнною.

Въ 1746 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ Елизаветы, запрещавшій кому бы то ни было, кромѣ дворянъ, покупать „людей и крестьянъ безъ земель и съ землями". Межевой инструкціей 1754 г. и указомъ 1758 г. было подтверждено это запрещеніе и предписано, чтобы лица, не имѣющія права владѣть населенными землями, продали ихъ въ опредѣленный срокъ. Такимъ образомъ одно дворянство могло имѣть крестьянъ и „недвижимыя имѣнія" (терминъ, смѣнившій въ законодательствѣ старыя слова—вотчина и помѣстье). Это старое право, будучи присвоено одному сословію, превращалось теперь въ сословную привилегію, рѣзкой чертой отдѣляло привилегированнаго дворянина отъ людей низшихъ классовъ.

Даровавъ эту первую привилегію дворянству, правительство Елизаветы, естественно, стало заботиться, чтобы привилегированнымъ положеніемъ пользовались лица только по праву и заслуженно. Отсюда рядъ правительственныхъ заботъ о томъ, чтобы опредѣлить яснѣе и замкнуть дворянскій классъ.

И въ XVII вѣкѣ, и въ началѣ XVIII вѣка, когда дворянство отличалось отъ прочихъ классовъ только обязанностью службы и условнымъ правомъ личнаго землевладѣнія,дворяне не дорожили своимъ положеніемъ и скрывались отъ службы переходомъ въ низшій классъ, даже въ холопы. Въ свою очередь, и правительство, нуждаясь въ служебныхъ силахъ, легко принимало или, какъ тогда выражались, „верстало" различныхъ людей въ дворянство. Петръ своею табелью о рангахъ открылъ широкій доступъ въ ряды дворянъ всѣмъ людямъ, дослужившимся до оберъ-офицерскаго чина. Но только люди, дослужившіеся до первыхъ восьми ранговъ или чиновъ, причислялись къ „лучшему", „старшему", т.-е. потом-

ственному дворянству; прочіе состояли въ дворянствѣ личномъ. Съ теченіемъ времени, чѣмъ лучше становилось положеніе дворянства, и чѣмъ болѣе знакомились дворяне съ западно-европейскими нравами и понятіями, тѣмъ болѣе въ дворянствѣ формировалось чувство сословной чести. Явилось понятіе о томъ, что прилично и что неприлично дворянину. Волынскій, извѣстный уже намъ, не хотѣлъ „связываться съ бездѣльниками" по одному дѣлу, потому что дѣлать это, по его словамъ, не было „и послѣднему дворянину прилично и честно". Бѣдные дворяне, служившіе рядовыми, плакались на то, что въ такомъ положеніи они „уже всѣ свои шляхетные поступки теряютъ". Это чувство шляхетской чести было не чувствомъ личнаго достоинства, а чувствомъ сословнымъ, и находило признаніе въ правительственныхъ кругахъ. Въ 1730 г. В. Т. Совѣтъ обѣщалъ шляхетству „содержать его въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ". При Елизаветѣ это обѣщаніе до нѣкоторой степени переходило въ дѣло. Рядомъ съ созданіемъ сословной привилегіи идетъ забота отдѣлить дворянство отъ остальныхъ низшихъ слоевъ населенія, путемъ его обособленія, недопущеніемъ въ дворянство демократическихъ элементовъ.

Такимъ пришлымъ элементомъ было дворянство личное, т. е. тѣ люди, которые своей службой пріобрѣли личныя права дворянства. Указами Елизаветы это личное дворянство лишено было права покупать людей и земли. Сенатъ въ 1758 и 1760 гг. постановилъ о личныхъ дворянахъ: „такъ какъ дѣти ихъ не дворяне, то не могутъ имѣть и покупать деревни"; „недворяне, произведенные по статской службѣ въ оберъ-офицеры, не могутъ считаться въ дворянствѣ и не могутъ имѣть за собою деревень". Такъ пресѣкалась возможность для личнаго дворянства пользоваться льготами потомственнаго дворянскаго класса. Дворяне по роду становились отдѣльно отъ дворянъ по службѣ. Но изъ среды дворянства, пользовавшагося всѣми правами и льготами, правительство стремилось вывести всѣхъ тѣхъ людей, дворянское происхожденіе которыхъ было сомнительно. Дворяниномъ стали считать только того, кто могъ доказать свое дворянство. Съ 1756 года, рядомъ постановленій, Сенатъ опредѣлилъ, что въ дворянскіе списки могутъ быть вносимы только лица, доказавшія свое дворянское происхожденіе. При этомъ опредѣленъ былъ и самый порядокъ такого доказательства. Очищая этимъ путемъ дворянство отъ случайныхъ примѣсей, правительство желало вмѣстѣ съ тѣмъ удержать въ дворянствѣ тѣ обѣднѣвшіе роды, которые сошли въ разрядъ однодворцевъ, и не приказывало смѣшивать ихъ съ прочей массой однодворцевъ.

Всѣми указанными мѣрами времени Елизаветы дворянство изъ класса, отличительнымъ признакомъ котораго служили государственныя повинности, стало превращаться въ классъ, отличіемъ котораго дѣлались

особыя исключительныя права: владѣніе землею и людьми. Иначе говоря, дворянство становилось привилегированнымъ сословіемъ въ государствѣ, наслѣдственнымъ и замкнутымъ. Это былъ очень важный шагъ въ историческомъ развитіи русскаго дворянства; это было введеніемъ къ знаменитымъ мѣрамъ о дворянствѣ Петра III и Екатерины II. Какъ мы уже видѣли, дворяне при Елизаветѣ, получивъ имущественныя привилегіи, стали мечтать объ освобожденіи и отъ служебной повинности.

Но для этого освобожденія не пришло еще время. Напротивъ, при Елизаветѣ службу съ дворянъ спрашивали очень строго. За укрывательство грозили строгими наказаніями; смотры недорослямъ, вновь вступающимъ на службу, производились по-прежнему, и за неявку на нихъ налагались суровыя кары. Однако стремленіе дворянства избѣгнуть службы, замѣтное и раньше, не уменьшалось. Оно и было причиной, почему правительство не могло рѣшиться не только снять съ дворянъ ихъ обязанность, но даже облегчить ее. Правительство боялось остаться безъ людей.

Зато въ царствованіе Елизаветы много было сдѣлано, чтобы облегчить дворянству обязательное для него обученіе. Въ 1747 г. данъ былъ регламентъ Петербургской Академіи Наукъ, учрежденной для развитія науки въ Россіи, по мысли Петра Великаго, еще при Екатеринѣ I. Эта Академія въ первые годы жила исключительно силами и трудами ученыхъ нѣмцевъ. Между ними не было согласія. Съ теченіемъ времени въ Академіи появились и русскіе дѣятели: Нартовъ, Тредьяковскій, Ломоносовъ. Послѣдній началъ борьбу съ академическими нѣмцами, и въ академіи попрежнему не было мира и порядка. Назначеніе въ 1746 г. Кирилла Разумовскаго президентомъ Академіи еще разъ вывело наружу и прежде не скрытые безпорядки и повело къ регламенту 1747 г. Этимъ регламентомъ Академія опредѣлялась, какъ ученое и учебное учрежденіе. Она состояла собственно изъ Академіи (собраніе ученыхъ людей), Университета (собраніе учащихъ и учащихся людей) и подготовительной къ Университету Гимназіи. Десять академиковъ съ ихъ адъюнктами (помощниками), непремѣнно изъ русскихъ людей, составляютъ академію. Особые отъ Академіи профессора и ихъ ученики студенты составляютъ Университетъ. Гимназія, изъ 20 молодыхъ людей, готовитъ своихъ питомцевъ къ университетскому курсу. Учиться при Академіи могутъ люди всѣхъ званій, кромѣ податныхъ.

Однако первыми шагами Академическаго Университета правительство было недовольно. Явилась мысль выдѣлить университетъ, какъ самостоятельное учрежденіе. Въ 1754 г. Ив. Ив. Шуваловъ выработалъ проектъ университета въ Москвѣ, центральномъ городѣ Россіи, который болѣе Петербурга доступенъ былъ провинціальному дворянству и „разно-

чинцамъ" (допущеннымъ въ университетъ наравнѣ съ дворянствомъ). Въ 1755 г. университетъ въ Москвѣ былъ открытъ, и Ив. Ив. Шуваловъ назначенъ его кураторомъ. Въ университетѣ было 10 профессоровъ и три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. При университетѣ было двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ (но не дла податныхъ классовъ).

Хотя оба университета назначались не для дворянства, но и для прочихъ классовъ, однако пользоваться ими дворянство могло шире другихъ лицъ, потому что на немъ лежала повинность обученія, и потому что ко времени Елизаветы дворянство ранѣе другихъ классовъ сознало необходимость просвѣщенія и прибѣгало къ помощи домашнихъ учителей (весьма сомнительныхъ знаній и достоинствъ, по свидѣтельству самого правительства). Этому стремленію дворянъ учиться правительство Елизаветы сознательно шло на встрѣчу. Оно не ограничилось университетомъ, но заботилось о развитіи другихъ дворянскихъ учебныхъ заведеній (Сухопутный Шляхетскій Корпусъ, Артиллерійская школа, школы при коллегіяхъ и т. д.). Такимъ образомъ для дворянства путь къ образованію былъ хорошо обезпеченъ Елизаветой.

Изъ частныхъ мѣръ касательно дворянства при Елизаветѣ должно упомянуть объ учрежденіи Дворянскаго банка въ Петербургѣ съ конторою его въ Москвѣ. Этотъ банкъ обезпечивалъ дворянству недорогой кредитъ (6% въ годъ) въ довольно крупныхъ суммахъ (до 10,000 рублей.

Въ исторіи XVIII вѣка улучшеніе положенія дворянства постоянно связывалось съ ухудшеніемъ быта и съ уменьшеніемъ правъ крестьянства. Мы видѣли, что въ самый моментъ вступленія Елизаветы на престолъ правительство, устранивъ крестьянъ отъ присяги новой государынѣ, тѣмъ самымъ взглянуло на нихъ, какъ на людей, лишенныхъ гражданской личности, какъ на рабовъ. Хотя такой взглядъ не соотвѣтствовалъ ни фактическому положенію крестьянъ, ни общимъ взглядамъ на нихъ правительства, однако крестьяне по закону стали при Елизаветѣ еще въ худшее положеніе, чѣмъ были до нея. Уже самый фактъ передачи крестьянъ въ исключительно дворянское владѣніе тѣснѣе привязывалъ крестьянина къ опредѣленному кругу владѣльцевъ. Законъ же все болѣе и болѣе давалъ власти надъ крестьянами ихъ помѣщику. Право передачи крестьянъ было расширено: въ 1760 году помѣщику дано было право ссылать неисправныхъ крестьянъ въ Сибирь, при чемъ правительство считало каждаго сосланнаго какъ бы за рекрута, даннаго помѣщикомъ въ казну; наконецъ, крестьяне были лишены права входить въ денежныя обязательства безъ позволенія своихъ владѣльцевъ. Владѣльцы получили такимъ образомъ, широкія права надъ личностью и имуществомъ своихъ крестьянъ. И мы знаемъ, что они часто пользовались этими правами; изслѣдователи исторіи крестьянскаго сословія указываютъ обыкно-

венно на краткія экономическія записки В. Н. Татищева (передового человѣка своего времени), которыя относятся къ 1742 г. и излагаютъ нормальныя, по мнѣнію автора, отношенія землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ. Опека надъ личностью, хозяйствомъ и имуществомъ крестьянина доведена въ этихъ запискахъ до того, что прямо свидѣтельствуетъ о самомъ полномъ подчиненіи крестьянъ помѣщику. Послѣдній смотритъ на крестьянъ, какъ на свою полную собственность, и распоряжается ими, какъ одною изъ статей своего хозяйства. И само правительство какъ бы раздѣляло такой взглядъ: при Елизаветѣ оно, напримѣръ, не запрещало имѣть крестьянъ дворянамъ безземельнымъ, стало быть считало крестьянина крѣпкимъ не землѣ, а лицу дворянина, иначе—считало его собственностью помѣщика. Эта крѣпкая связь между лицомъ владѣльца и крестьянина возлагала на помѣщиковъ особыя обязанности въ отношеніи крестьянъ. Правительство требовало, чтобы помѣщики обезпечивали крестьянъ сѣменами въ неурожайные годы, чтобы они наблюдали за порядочнымъ поведеніемъ своихъ крестьянъ. Такія требованія еще шире раздвигали предѣлы помѣщичьей опеки. Дворянинъ являлся передъ правительствомъ не только владѣльцемъ земли, населенной крестьянами, но собственникомъ крестьянъ, податной и полицейской властью надъ ними. Дворянамъ правительство передало часть своихъ функцій и власти надъ крестьянами, и это, конечно, создало прекрасныя условія для дальнѣйшаго развитія крѣпостного права.

Итакъ, не трудно видѣть, что перемѣны, происшедшія при Елизаветѣ въ положеніи главныхъ государственныхъ сословій, были прямымъ продолженіемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли со времени Петра Великаго въ эпоху временщиковъ. Елизавета продолжала дѣло Анны и не возвратилась къ порядкамъ Петра Великаго. Хотя она часто говорила о своемъ великомъ отцѣ и желала все устроить такъ, какъ дѣлалось при немъ, но въ дѣйствительности ея правительство шло не туда, куда ей хотѣлось. Дворянство продолжало свои успѣхи, крестьяне непрерывно теряли свои права. А между тѣмъ Елизавета вступила на престолъ съ яснымъ желаніемъ возвратиться къ началамъ своего отца. Причина нѣкотораго разлада между этимъ желаніемъ и результатомъ дѣятельности Елизаветы лежала въ томъ, что императрица, какъ мы видѣли, правила помощью лицъ дворянскаго класса, уже достаточно упрочившаго свое положеніе. Обидѣть этотъ классъ было для Елизаветы и нежелательно, и невозможно по общему положенію дѣлъ и отношеній.

Зато вмѣстѣ съ этимъ классомъ Елизавета дружно и энергично стремилась возвратиться къ началамъ Петра въ устройствѣ государственнаго управленія.

Управленіе времени Елизаветы встрѣчало въ нашей литературѣ самыя разнообразныя оцѣнки. „Царствованіе Елизаветы Петровны не

принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память во внутреннемъ строѣ государства. Мы напрасно будемъ искать въ правительственныхъ распоряженіяхъ какой нибудь системы, какого нибудь плана. Въ этомъ отношеніи царствованіе Елизаветы представляетъ продолженіе предыдущихъ правленій", говоритъ одинъ изслѣдователь (Ешевскій, Соч., II, 537). „Время Елизаветы Петровны представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ въ исторіи нашего права. Высшая законодательная власть бездѣйствуетъ; нѣтъ теоріи, творческой дѣятельности Петра, его систематическаго объединенія разныхъ государственныхъ вопросовъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно полное возвращеніе къ началамъ, внесеннымъ Петромъ въ русскія учрежденія... Можно прослѣдить дальнѣйшее развитіе начатковъ, положенныхъ Петромъ въ нашу администрацію", такъ отзывается другой изслѣдователь (Градовскій, „Высшая администрація Россіи", 192—193). Наконецъ, третій историкъ (Соловьевъ— „Исторія Россіи", XXII) такими словами характеризуетъ управленіе Елизаветы: „возстановленіе учрежденій Петра Великаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ, постоянное стремленіе дать силу его указамъ, поступать въ его духѣ—сообщали извѣстную твердость, правильность, систематичность дѣйствіямъ правительства, а подданнымъ-увѣренность и спокойствіе".

Такіе отзывы, сдѣланные разновременно, противорѣчатъ одинъ другому и относительно направленія, и относительно качества правительственной дѣятельности Елизаветы. Одни признаютъ въ ней сознательное стремленіе возвратиться къ началамъ Петра, другіе отрицаютъ въ ней всякое направленіе. Одни видятъ въ ней систему, твердую и правильную, другіе не видятъ никакой систематичности. Однако можно и при такихъ разнорѣчіяхъ найти достаточное число фактовъ, чтобы признать извѣстное направленіе за правительствомъ Елизаветы, не отрицать у него присутствія общаго плана или, правильнѣе сказать, извѣстнаго и опредѣленнаго характера управленія. Направленіе заключалось въ стремленіи къ началамъ Петра и къ національной политикѣ; отсутствіе общихъ задачъ ясно доказывается тѣмъ, что время Елизаветы не оставило потомству ничего своего: оно не измѣнило въ старыхъ формахъ управленія ни одной существенной черты и не принесло никакой существенной новизны. Законодательная дѣятельность шла за указаніями жизни, развивалась путемъ практики и не возвышалась до сознанія руководящихъ нормъ, потому что у власти не было потребности что-либо передѣлывать и перестраивать. Идеаломъ былъ Петровскій порядокъ, но, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, его не всегда достигали и даже не все понимали.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Елизавета уничтожила Кабинетъ, возстановила Сенатъ въ томъ составѣ и значеніи, какіе онъ имѣлъ при Петрѣ, и высказала желаніе возвратить всю администрацію въ

тѣ формы, какія установилъ Петръ Великій. Это повело къ возстановленію многихъ упраздненныхъ коллегій (Бергъ-и Мануфактуръ-Коллегіи), къ возстановленію Главнаго Магистрата и прежней подчиненности городского самоуправленія (1743 г.). Но во всей точности возстановить формы Петровскаго управленія Елизаветѣ не удалось. Даже самъ Елизаветинскій Сенатъ былъ далекъ отъ Сената Петровскаго времени. А мѣстное управленіе оставалось въ тѣхъ формахъ, какія оно приняло уже послѣ Петра.

Елизаветинскій Сенатъ представляетъ собою въ исторіи XVIII столѣтія любопытнѣйшее явленіе. Онъ сталъ снова послѣ уничтоженія Кабинета высшимъ органомъ управленія въ государствѣ. Елизавета повелѣла, чтобы Сенатъ имѣлъ прежнюю свою силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ. По законамъ Петра, Сенату не принадлежала законодательная функція, онъ былъ только административно-судебнымъ органомъ; такимъ долженъ онъ былъ стать и при Елизаветѣ. Однако Елизаветинскій Сенатъ перешелъ границу и казался даже законодательнымъ учрежденіемъ. По словамъ Екатерины II, „Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто издавалъ законы, раздавалъ чины и достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ“. Это случилось при Елизаветѣ, и причиною этого Екатерина считала „неприлежаніе къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ (намекъ на Елизавету), а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіе“. Отзывъ наблюдательной современницы сходится съ выводами историковъ XIX вѣка. Градовскій о Елизаветинскомъ Сенатѣ отзывается такъ: „безъ преувеличенія правленіе Елизаветы можно назвать управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ, собранныхъ въ Сенатъ“. Изслѣдованіе дѣятельности Сената въ 1741—1761 г.г. дѣйствительно показываетъ необычайную широту его дѣйствій и высокій правительственный авторитетъ. Онъ управляетъ всѣмъ государствомъ, и его указы часто по существу своему суть законодательные акты. Позднѣйшій изслѣдователь Елизаветинскаго Сената (А. Е. Прѣсняковъ) упрекаетъ Сенатъ въ стремленіи централизовать всю власть въ своихъ рукахъ, хотя видитъ въ этомъ не политическую тенденцію Сената, а сознаніе слабости и несовершенства подчиненныхъ учрежденій, которымъ Сенатъ не довѣрялъ.

Гдѣ же причины того страннаго факта, что учрежденіе, поставленное въ точныя рамки Петровскаго законодательства, могло далеко и безнаказанно выйти изъ нихъ? Находимъ двѣ причины, и обѣ онѣ указаны императрицей Екатериной. Въ 1-хъ, упрекъ Екатерины по отношенію къ Елизаветѣ („неприлежаніе къ дѣламъ“), хотя несправедливо золъ, однако, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Личныя свойства и непривычка

къ дѣламъ заставляли Елизавету управлять помощью приближенныхъ лицъ и лишали ее возможности дѣятельно контролировать административный организмъ, работавшій безъ ея непосредственнаго руководства. Въ личности императрицы Сенатъ, такимъ образомъ, не могъ встрѣтить систематическаго сопротивленія своимъ узурпаціямъ. Въ 2-хъ, чрезвычайный авторитетъ Сената не встрѣчалъ противодѣйствій и въ приближенныхъ императрицѣ людяхъ, потому что они сами были въ Сенатѣ, и сами поднимали его значеніе. Это-то и разумѣла Екатерина II подъ „пристрастіемъ случайныхъ людей". Мы видѣли, что вліятельные при дворѣ и въ администраціи люди „верховные господа министры", „случайные и припадочные люди", еше при Петрѣ вліяли на Сенатъ; послѣ Петра они дѣйствовали надъ Сенатомъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и Кабинетѣ. Теперь, когда такого верховнаго учрежденія не стало, вліятельные люди времени Елизаветы перешли въ Сенатъ, подняли его авторитетъ и значеніе сенаторскаго званія и усвоили Сенату тѣ черты дѣятельности, какими прежде отличались Совѣтъ и Кабинетъ. Ихъ громадное вліяніе на дѣла, пріобрѣтенное въ силу фавора къ нимъ императрицы, они передавали тому учрежденію, въ которомъ сходились и дѣйствовали. Это и было главною причиной возвышенія Елизаветинскаго Сената. Когда съ теченіемъ времени была учреждена „для весьма важныхъ дѣлъ" Конференція при дворѣ Елизаветы, она подчинила себѣ Сенатъ. Но членами ея были тѣ же сенаторы: притомъ вниманіе ея было обращено на внѣшнія дѣла Россіи; поэтому внутри Россіи по прежнему главенствовалъ Сенатъ. Вышло такъ, что одни и тѣ же „случайные люди" стали вѣдать одинъ родъ дѣлъ въ Конференціи, другой въ Сенатѣ; этимъ и ограничивалось вліяніе Конференціи на общій ходъ дѣлъ.

„Важные сановники, собранные въ Сенатъ", управляя дѣлами Россіи, прежде всего были озабочены состояніемъ государственныхъ финансовъ. Россія при Елизаветѣ не сводила концовъ съ концами въ своемъ государственномъ хозяйствѣ, и вопросы о бюджетѣ, увеличеніи доходовъ и сокращеніи расходовъ, безпокоившіе одинаково всѣ правительства XVIII вѣка, тяжелымъ бременемъ лежали и на Елизаветинскомъ Сенатѣ. Преимущественно изъ финансовыхъ соображеній вытекало постановленіе Сената о производствѣ ревизіи податнаго населенія черезъ каждыя 15 лѣтъ. Въ силу этого постановленія, при Елизаветѣ было двѣ ревизіи. Одна началась въ 1743 г. и насчитала 6.643.335 податныхъ душъ (мужеска пола); другая въ 1761 г. и насчитала 7.363.348 душъ. Эти переписи должны были привести въ извѣстность число прямыхъ плательщиковъ государства и уяснить Сенату вопросъ о лучшемъ устройствѣ прямыхъ налоговъ. Но и о косвенныхъ налогахъ, и объ общемъ развитіи торговъ и промысловъ заботились не меньше. Комиссія о коммерціи, существовавшая при Елизаветѣ, создала рядъ проектовъ для

развитія внѣшней русской торговли. Въ видахъ поощренія внутренней торговли уничтожены были внутреннія таможни и мелочные сборы съ товаровъ. Купечеству, какъ и дворянамъ, государство открыло дешевый кредитъ, учредивъ вмѣстѣ съ дворянскимъ и купеческій заемный банкъ.

Забота о финансахъ не отвлекала Сената отъ другихъ дѣлъ. Въ дѣятельности Елизаветинскаго Сената находимъ много любопытныхъ чертъ. Въ числѣ поднятыхъ Сенатомъ вопросовъ былъ весьма важный вопросъ о размежеваніи земель въ государствѣ; усиленно призывались колонисты для заселенія южныхъ окраинъ и разумно призывались изъ-за границы не инородцы и иновѣрцы, но славяне (сербы) и православные, урегулирована была рекрутская повинность раздѣленіемъ Россіи на пять частей, съ которыхъ рекруты брались по очереди только черезъ 4 года въ 5-й. Вліяя на церковное управленіе, Сенатъ заботился о распространеніи православія, объ обезпеченіи духовенства и монастырей, о благочиніи церковномъ и о распространеніи духовнаго образованія въ народной массѣ. Словомъ, Сенатъ проявилъ весьма почтенную заботливость объ интересахъ церкви и духовенства. Желая улучшенія нравовъ въ народѣ, Сенатъ самъ проявлялъ своей дѣятельностью большую гуманность взглядовъ и пріемовъ, чуждую предыдущему правительству. Въ этомъ онъ слѣдовалъ за самой императрицей, фактически отмѣнившей смертную казнь въ Россіи.

Вся дѣятельность Елизаветинскаго Сената свелась къ ряду частныхъ мѣропріятій, въ родѣ указанныхъ. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности. Замѣчая подобный характеръ дѣятельности Сената, Градовскій говоритъ о Сенатѣ временъ Елизаветы: „онъ не думалъ объ общегосударственныхъ преобразованіяхъ; строгій практикъ, онъ по частямъ удовлетворялъ возникшія потребности и изъ этихъ частныхъ его усилій, отдѣльныхъ мѣръ, создалась впослѣдствіи систематическая дѣятельность, носившая уже извѣстный опредѣленный характеръ“. Но мы выше уже видѣли, что систематическимъ въ правительственной дѣятельности времени Елизаветы было только общее ея направленіе, по сравненію съ предшествовавшей эпохой болѣе гуманное и строго національное, причемъ эта національность направленія заключалась въ одномъ правилѣ: управлять Русскимъ государствомъ при помощи русскихъ же людей и въ духѣ Петра Великаго.

Хотя Елизавета не во всемъ была вѣрна духу своего отца, хотя ея царствованіе и не внесло полнаго благоустройства въ жизнь народа (сама Елизавета въ концѣ царствованія сознавалась, что зло, съ которымъ она боролась, „пресѣченія не имѣетъ“), однако народъ оцѣнилъ и гуманность, и національность ея правленія. Отдохнувшее подъ властью русскихъ людей, въ теченіе мирныхъ лѣтъ, народное чувство понимало, кому оно обязано долгимъ спокойствіемъ, и Елизавета царствовала спо-

койно и стала весьма популярной государыней, можно сказать, что славою и популярностью своею въ народѣ она обязана много своему Сенату. Въ этомъ оправданіе правившихъ въ Сенатѣ „случайныхъ людей“ Елизаветы, о которыхъ такъ незаслуженно зло отозвалась Екатерина.

Внѣшняя политика. Главныхъ руководителей и общее направленіе политики Елизаветы мы уже видѣли. Мы знаемъ, что и во внѣшней политикѣ при Елизаветѣ старались слѣдовать традиціямъ Петра, но слѣдовали не вполнѣ точно, какъ это было и въ политикѣ внутренней. Теперь намъ остается посмотрѣть на главные факты политическихъ отношеній и столкновеній, бывшихъ при Елизаветѣ.

Вступая на престолъ, Елизавета застала Россію въ войнѣ со Швеціей и находилась сама подъ сильнымъ вліяніемъ враждебныхъ Австріи французовъ—Шетарди и Лестока. Мы знаемъ, что это вліяніе и рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ русской дипломатіей, дурно отразились на международномъ положеніи Россіи; они связали Россіи руки и вынудили ее на бездѣйствіе въ борьбѣ Пруссіи съ Австріей. Елизаветѣ прежде всего слѣдовало окончить шведскую войну и затѣмъ занять независимое положеніе въ европейскихъ дѣлахъ. Это и выполнилъ съ успѣхомъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Война со Швеціей окончена была въ 1743 г. миромъ въ Або, по которому Швеція не только не получила всей желаемой ею Финляндіи, но должна была уступить Россіи и новыя области финляндскія до рѣки Кюмени. Послѣ этого все вниманіе русской дипломатіи устремилось на западъ.

Но Бестужеву не сразу и даже не скоро пришлось добиться того, что его вліяніе окрѣпло и его политическая система была усвоена русскимъ правительствомъ. При Елизаветѣ въ первые ея годы имѣлъ большое значеніе Лестокъ, бывшій проводникомъ французскихъ интересовъ при русскомъ дворѣ. Все свое вліяніе на Елизавету Лестокъ употреблялъ для того, чтобы (вмѣстѣ съ Шетарди) втянуть Россію въ союзъ съ Пруссіей и Франціей противъ Австріи, иначе говоря, заставить Россію идти въ политикѣ, тѣмъ же путемъ, котораго близоруко держались при Аннѣ Леопольдовнѣ. Несмотря на упорное противодѣйствіе Бестужева, Лестокъ былъ въ силѣ до 1748 года. Россія бездѣятельно смотрѣла на быстрый ростъ политическаго могущества Пруссіи, вышедшей съ полной побѣдой изъ своей войны съ Австріей за Силезію (1748 года). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Елизавета держалась внѣ союза съ Пруссіей и Франціей. Такимъ образомъ, Франціи только удалось устранить русскую помощь Австріи, но не удалось распоряжаться русскими силами въ свою пользу.

Въ 1748 году Бестужевъ путемъ ловкой придворной интриги избавился отъ Лестока и его вдохновителя Шетарди. Лестокъ былъ изобличенъ въ продажности и сосланъ въ Устюгъ, а перехваченныя письма Шетарди ясно показали Елизаветѣ, что онъ относится дурно лично къ

ней, и Шетарди былъ высланъ изъ Россіи. Съ тѣхъ поръ Бестужевъ началъ безъ соперниковъ и помѣхи (если не считать соперничествомъ случайнаго вмѣшательства въ политику другихъ любимцевъ Елизаветы) проводить свою систему. Уже въ 1750 году произошелъ дипломатическій разрывъ Россіи съ Пруссіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло сближеніе съ Австріей. Какъ извѣстно, въ Европѣ возвышеніе Пруссіи вызвало послѣ 1748 года боязнь за политическое равновѣсіе, и эта боязнь повела къ составленію коалиціи противъ Фридриха II. Австрія сблизилась съ Франціей для мести Фридриху; и та и другая искали союза съ Россіей. За союзъ съ Австріей стоялъ, конечно, Бестужевъ; за союзъ съ Франціей— Шуваловы. Система Бестужева требовала, чтобы политическое равновѣсіе не нарушалось вблизи Россіи, чтобы интересы старой русской союзницы Австріи не страдали такъ явно, какъ они страдали отъ Фридриха. Взгляды Бестужева были приняты императрицей, лично не любившей Фридриха, и Россія вступила въ коалицію противъ него. Положеніе дѣлъ было тогда таково. Двѣ войны за Силезію держали Австрію въ боевой готовности; русская же армія оказалась въ то время вовсе не готовой, т. е. тѣ 200.000 регулярныхъ солдатъ, которыми въ концѣ царствованія Петра располагала Россія и которые въ то время были громадной силой, оказались негодными для немедленнаго дѣйствія. Со временъ Петра прошло много лѣтъ. Войска были расположены на постоянныхъ квартирахъ и обжились тамъ такъ, что утратили не только военную гибкость, но и военную годность. Пришлось поэтому готовить армію къ войнѣ въ то время, когда Австрія уже начала оперировать, и на подготовку арміи потребовался цѣлый годъ. Только во второмъ году войны явились русскія войска въ Восточную Пруссію и начали наступательныя дѣйствія противъ Фридриха. Въ 1757 году подъ начальствомъ С. Ѳ. Апраксина они разбили прусскій корпусъ при Гросъ-Егерсдорфѣ, но затѣмъ, будто побѣжденные, отступили за Нѣманъ въ Польшу. Это дало основаніе и своимъ и чужимъ взвести на Апраксина обвиненіе въ неспособности и недобросовѣстности. Современники и нѣкоторые историки винили Апраксина въ томъ, что онъ отступилъ вслѣдствіе слуховъ о болѣзни Елизаветы, ибо зналъ о нерасположеніи къ войнѣ ея преемника Петра III. Виновникомъ позорнаго отступленія считали и Бестужева. Но въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ (особенно Д. Ѳ. Масловскаго „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“) такой взглядъ считается несправедливымъ. Апраксинъ отступилъ изъ Пруссіи потому, что въ войскахъ были большія потери и не было продовольствія. Тѣмъ не менѣе онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и умеръ подъ судомъ въ 1758 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ начато было слѣдствіе и надъ Бестужевымъ; за многія „вины“ политическаго и придворнаго характера онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ и сосланъ въ деревню. Въ сущности дѣло Апраксина и Бестужева

не вполнѣ было слѣдствіемъ военныхъ дѣлъ: въ него вмѣшались сложныя придворныя интриги.

Командованіе надъ войсками было передано генералу Фермору, который въ 1758 году вступилъ въ Пруссію и выдержалъ нерѣшительную битву съ Фридрихомъ при Цорндорфѣ. Въ 1759 году войсками начальствовалъ графъ Салтыковъ, который и разбилъ Фридриха при Кунерсдорфѣ. Въ 1760 году русскій корпусъ занялъ Берлинъ, столицу Фридриха, а въ 1761 году Бутурлинъ удачно дѣйствовалъ въ восточной части Пруссіи. Смертью Елизаветы (25 декабря 1761 года) прекращено было пятилѣтнее участіе русскихъ въ Семилѣтней войнѣ. Оно прошло не безъ пользы для русскихъ войскъ, такъ какъ практически подготовило военныхъ людей для времени Екатерины II; но оно прошло безъ пользы для государства, хотя наши удачные походы показали Европѣ большія военныя силы Россіи. Наконецъ, и Пруссія была ослаблена настолько, что Екатерина II могла не бояться ея завоевательнаго аппетита.

Петръ III и переворотъ 1762 года.

Петръ Θеодоровичъ и Екатерина Алексѣевна. Въ 1742 году Елизавета объявила наслѣдникомъ своего племянника, родного внука Петра Великаго (и внука сестры Карла XII шведскаго) герцога Шлезвигъ-Голштинскаго Карла-Петра-Ульриха. Для русскихъ людей онъ былъ такимъ же нѣмецкимъ принцемъ, какъ и тѣ, отъ которыхъ въ 1741 году освободилось русское общество и которые ему были такъ постылы. Этотъ свой выборъ или, лучше сказать, необходимость этого выбора Елизавета скоро стала считать серьезнымъ несчастіемъ. Четырнадцатилѣтній осиротѣлый герцогъ былъ перевезенъ изъ Голштиніи въ Россію, нашелъ въ Елизаветѣ вторую мать, принялъ православіе и вмѣсто нѣмецкаго воспитанія сталъ получать русское. Въ 1745 г. его поспѣшили женить. Вопросъ о невѣстѣ очень долго обсуждался при дворѣ, потому что браку придавали политическое значеніе и боялись ошибиться. Наконецъ Елизавета остановилась на томъ лицѣ, на которое указала, въ противность Бестужеву, французско-прусская партія, на которое указалъ и Фридрихъ прусскій,—на принцессѣ Софіи-Августѣ-Фредерикѣ Ангальтъ-Цербстъ. Ея отецъ былъ только генераломъ прусской службы, комендантомъ Штетина; мать, въ заботахъ о довольно бѣдномъ хозяйствѣ, успѣла потерять чувство такта и хорошій характеръ, пріобрѣтя наклонность къ стяжаніямъ и пересудамъ. Невѣста съ матерью пріѣхала въ Россію, приняла православіе и была названа Екатериной Алексѣевной; 25-го августа 1745 года произошла свадьба 17-лѣтняго Петра съ 16-лѣт-

ней Екатериной. Но всѣ замѣчали, что женихъ былъ холоденъ къ невѣстѣ и прямо ссорился съ будущей тещей. Впрочемъ, мать Екатерины проявила свой неуживчивый характеръ по отношенію ко всѣмъ, и потому была отправлена изъ Россіи въ томъ же 1745 году. Молодая чета осталась какъ бы одинокой въ большомъ Елизаветинскомъ дворцѣ, будучи оторвана отъ нѣмецкой среды, отъ обстановки своего дѣтства. И мужу и женѣ приходилось самимъ опредѣлять свою личность и свои отношенія при дворѣ.

Петръ Ѳеодоровичъ былъ человѣкомъ слабо одареннымъ и физическими силами и умственными, рано лишился матери и отца и остался на рукахъ гофмаршала Брюммера, который былъ болѣе солдатъ, чѣмъ образованный человѣкъ, болѣе конюхъ, чѣмъ педагогъ. Дѣтство Петра прошло такъ, что ничѣмъ добрымъ его нельзя было вспомнить. Его воспитаніе было запущено, какъ и его образованіе. Брюммеръ установилъ такой порядокъ жизни для своего воспитанника, который не могъ не разстраивать его здоровья и безъ того слабаго: напримѣръ, при продолжительныхъ занятіяхъ мальчикъ не имѣлъ моціона и не ѣлъ до двухъ часовъ дня. А въ часъ обѣда владѣтельный герцогъ часто лишь смотрѣлъ изъ угла, какъ его дворня ѣла обѣдъ, въ которомъ ему самому было отказано педагогами. Плохо питая мальчика, ему не позволяли рѣзвиться, почему онъ и сталъ вялымъ и слабымъ. Нравственное воспитаніе было пренебрежено: стояніе на колѣняхъ на горохѣ, украшеніе ослиными ушами, удары хлыста и даже битье чѣмъ попало—были обыкновеннымъ средствомъ педагогическаго убѣжденія. Рядъ нравственныхъ униженій передъ придворными, грубыхъ окриковъ Брюммера и его наглыхъ выходокъ не могъ, конечно, выработать въ принцѣ ни здравыхъ нравственныхъ понятій, ни чувства человѣческаго достоинства. Умственное воспитаніе тоже было плохо. Петръ изучалъ много языковъ, много предметовъ, но учили его черезъ силу, не сообразуясь съ его слабыми способностями, и онъ мало усвоилъ и получилъ отвращеніе къ ученію. Латынь же, которая въ то время была обязательна для каждаго образованнаго человѣка, ему надоѣла до того, что онъ запретилъ помѣщать въ свою библіотеку въ Петербургѣ латинскія книги. Когда онъ явился въ Россію и Елизавета познакомилась съ нимъ, она удивлялась скудости его познаній. Его принялись снова учить, уже на православный русскій ладъ. Но наукѣ помѣшали болѣзни Петра (въ 1743—1745 г.г. онъ три раза былъ серьезно боленъ), а затѣмъ женитьба. Выучивъ православный катехизисъ наскоро, Петръ остался съ воззрѣніями нѣмца-протестанта. Знакомясь съ Россіей изъ уроковъ академика Штелина, Петръ не интересовался ею, скучалъ уроками и оставался весьма невѣжественнымъ и неразвитымъ человѣкомъ съ нѣмецкими взглядами и привычками. Россію онъ не любилъ и думалъ суевѣрно, что ему въ Россіи не сдобровать. Его интересовали

одни „увеселенія“: онъ любилъ танцовать, по дѣтски шалить и играть въ солдаты. Военное дѣло его интересовало въ высшей степени, но онъ не изучалъ его, а забавлялся имъ и, какъ нѣмецъ, благоговѣлъ передъ королемъ Фридрихомъ, которому хотѣлъ подражать всегда и во всемъ, и не умѣлъ никогда ни въ чемъ.

Женитьба не образумила его и не могла образумить потому, что онъ не чувствовалъ своихъ странностей и былъ очень хорошаго мнѣнія о самомъ себѣ. На жену, которая была неизмѣримо выше его, онъ смотрѣлъ свысока. Такъ какъ учить его перестали, то онъ считалъ себя взрослымъ человѣкомъ и, разумѣется, не хотѣлъ поучиться у жены ни ея такту, ни ея сдержанности, ни, наконецъ, ея дѣловитости. Дѣлъ онъ не хотѣлъ знать, напротивъ, расширилъ репертуаръ забавъ и странныхъ выходокъ: то по цѣлымъ часамъ хлопалъ по комнатамъ кучерскимъ кнутомъ, то безуспѣшно упражнялся на скрипкѣ, то собиралъ дворцовыхъ лакеевъ и игралъ съ ними въ солдаты, то производилъ смотры игрушечнымъ солдатикамъ, устраивалъ игрушечныя крѣпости, разводилъ караулы и продѣлывалъ игрушечныя военныя упражненія; а разъ, на восьмомъ году своей женитьбы, судилъ по военнымъ законамъ и повѣсилъ крысу, съѣвшую его крахмальнаго солдатика. Все это продѣлывалось съ серьезнымъ интересомъ, и по всему было видно, что эти игры въ солдатики чрезвычайно его занимали. Жену свою онъ будилъ по ночамъ для того, чтобы она ѣла съ нимъ устрицы или становилась на часы у его кабинета. Ей онъ подробно описывалъ красоту увлекшей его женщины и требовалъ вниманія къ такой оскорбительной для нея бесѣдѣ. Безтактно относясь къ Екатеринѣ и оскорбляя ее, онъ не имѣлъ такта и въ отношеніи постороннихъ лицъ и позволялъ себѣ разныя пошлости: напримѣръ, въ церкви во время службы, за спиной тетки, онъ передразнивалъ священниковъ, а когда на него смотрѣли фрейлины, онъ показывалъ имъ языкъ, но такъ, чтобы тетка этого не видала: своей тетки онъ все-таки очень боялся. Сидя за столомъ, онъ издѣвался надъ прислугой, обливалъ ей платья, подталкивалъ блюда на сосѣдей и старался поскорѣе напиться. Такъ велъ себя наслѣдникъ престола, взрослый человѣкъ и отецъ семейства (въ 1754 году у него родился сынъ Павелъ). „Петръ обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія“, говоритъ С. М. Соловьевъ: „онъ являлся взрослымъ ребенкомъ“. Императрица Елизавета понимала свойства Петра и часто плакала, безпокоясь за будущее, но измѣнить порядокъ престолонаслѣдія не рѣшалась, потому что Петръ III былъ прямымъ потомкомъ Петра Великаго.

Не теряли, однако, надежды пріохотить и пріучить Петра къ дѣламъ. Штелинъ продолжалъ его знакомить съ государственными дѣлами теоретически, а въ 1756 году Петра назначили членомъ Конференціи, учрежденной, какъ мы видѣли, для особо важныхъ дѣлъ. Въ то же время,

въ качествѣ герцога голштинскаго, Петръ каждую недѣлю „въ понедѣльникъ и пятницу со своими голштинскими министрами совѣтъ держалъ и дѣла своего герцогства управлялъ“. Всѣ эти заботы имѣли кое-какой результатъ. Петръ заинтересовался дѣлами, но не Россіи, а Голштиніи. Врядъ ли онъ хорошо ихъ узналъ, но онъ усвоилъ голштинскіе взгляды, желалъ отвоевать у Даніи голштинскія земли и очень возился съ голштинскими солдатами и офицерами, которыхъ ему дозволено было съ 1755 года привезти въ Россію. Съ ними лѣтомъ онъ жилъ въ лагеряхъ въ Ораніенбаумѣ, усвоилъ себѣ ихъ солдатскія манеры и фатовство, у нихъ выучился курить, пить по-солдатски и мечтать о голштинскихъ завоеваніяхъ.

Опредѣлилось съ теченіемъ времени и отношеніе Петра къ Россіи и русскимъ дѣламъ. Онъ говорилъ своей женѣ, что „не рожденъ для Россіи, что онъ непригоденъ русскимъ и русскіе непригодны ему и убѣжденъ онъ, что погибнетъ въ Россіи“. Когда освободился шведскій престолъ, и Петръ не могъ его занять, хотя имѣлъ право, онъ со злобою говорилъ вслухъ: „затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ, если бы оставили меня на волѣ, то теперь я сидѣлъ бы на престолѣ цивилизованнаго народа“. Когда Петръ присутствовалъ въ Конференціи, онъ подавалъ свои мнѣнія и въ нихъ обнаруживалъ полное незнакомство съ политическимъ положеніемъ Россіи; о русскихъ интересахъ разсуждалъ онъ съ точки зрѣнія своей любви къ прусскому королю. Такъ, незнаніе Россіи, презрѣніе къ ней, стремленіе уйти изъ нея, голштинскія симпатіи и отсутствіе зрѣлой личности отличали будущаго русскаго императора. Канцлеръ Бестужевъ серьезно думалъ о томъ, чтобы или совсѣмъ устранить Петра отъ власти или оградить инымъ путемъ отъ его вліянія интересы Россіи.

Совсѣмъ иного рода человѣкъ была жена Петра, великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Выросши въ скромной семьѣ незначительнаго принца, строгаго протестанта и отца, Екатерина получила нѣкоторое образованіе, увеличенное собственной ея наблюдательностью и воспріимчивостью. Въ дѣтствѣ она много путешествовала по Германіи, много видѣла и слышала. Уже тогда она своей живостью и способностями обращала на себя вниманіе наблюдательныхъ лицъ: въ Брауншвейгѣ одинъ каноникъ, занимавшійся предсказаніями, замѣтилъ ея матери: „на лбу вашей дочери я вижу по крайней мѣрѣ три короны“. Когда Екатерину съ матерью вызвали въ Россію, для нея не была секретомъ цѣль поѣздки, и бойкая дѣвочка сумѣла съ большимъ тактомъ сдѣлать свои первые шаги при русскомъ дворѣ. Отецъ ея написалъ ей въ руководство рядъ правилъ благоразумной сдержанности и скромности. Екатерина къ этимъ правиламъ присоединила свой собственный тактъ и замѣчательное прак-

тическое чутье и обворожила Елизавету, завоевала симпатіи двора, а затѣмъ и народа. Не старше 15-ти лѣтъ, она вела себя лучше и умнѣе, чѣмъ ея руководительница-мать. Когда мать ссорилась и сплетничала, дочь старалась пріобрѣсти общее расположеніе. Она усердно занялась русскимъ языкомъ и православнымъ вѣроученіемъ. Блестящія способности позволили ей оказать въ короткое время большіе успѣхи, и при церемоніи крещенія она такъ твердо прочла символъ вѣры, что всѣхъ этимъ удивила. Но сохранились извѣстія, что перемѣна религіи для Екатерины была не такъ легка и радостна, какъ она показывала императрицѣ и двору. Въ благочестивомъ смущеніи передъ этимъ шагомъ Екатерина много плакала и, говорятъ, искала утѣшенія у лютеранскаго пастора. Однако уроки православнаго законоучителя отъ этого не прекращалась. „Честолюбіе беретъ свое", замѣчалъ по этому поводу одинъ дипломатъ. И сама Екатерина признавалась, что она была честолюбива.

Не любя ни мужа, ни Елизаветы, Екатерина тѣмъ не менѣе держала себя въ отношеніи ихъ очень хорошо. Она старалась исправлять и покрывать всѣ выходки мужа и не жаловалась на него никому. Къ Елизаветѣ же она относилась почтительно и какъ бы искала ея одобренія. Въ придворной средѣ она искала популярности, находя для каждаго ласковое слово, стараясь примѣниться къ нравамъ двора, стараясь казаться чисто-русской набожной женщиной. Въ то время, когда ея мужъ оставался голштинцемъ и презиралъ русскихъ, Екатерина желала перестать быть нѣмкой и отказалась послѣ смерти родителей отъ всякихъ правъ на свой Ангальтъ-Цербстъ. Ея умъ и практическая осмотрительность заставляли окружающихъ видѣть въ ней большую силу, предугадывать за ней большое придворное вліяніе. И дѣйствительно, съ годами Екатерина заняла при дворѣ видное положеніе; ее знали съ хорошей стороны даже въ народной массѣ. Для всѣхъ она стала виднѣе и симпатичнѣе своего мужа.

Но личная жизнь Екатерины была незавидна. Поставленная далеко отъ дѣлъ и оставляемая на цѣлые дни мужемъ, Екатерина не знала, что дѣлать, потому что совсѣмъ не имѣла общества: она не могла сближаться съ придворными дамами, потому что „смѣла видѣть передъ собою только горничныхъ", по ея собственнымъ словамъ; она не могла сближаться съ кругомъ придворныхъ мужчинъ, потому что это было неудобно. Оставалось читать, и „чтеніе" Екатерины продолжалось восемь первыхъ лѣтъ ея супружеской жизни. Сперва она читала романы: случайный разговоръ съ знакомымъ ей еще въ Германіи шведскимъ графомъ Гилленборгомъ направилъ ея вниманіе на серьезныя книги. Она перечитала много историческихъ сочиненій, путешествій, классиковъ и, наконецъ, замѣчательныхъ писателей французской философіи и публицистической литературы XVIII вѣка. Въ эти годы она и получила ту массу свѣдѣній,

которой удивляла современниковъ, тотъ философскій либеральный образъ мыслей, который принесла съ собою на престолъ. Она считала себя ученицей Вольтера, поклонялась Монтескье, изучала Энциклопедію и, благодаря постоянному напряженію мысли, стала исключительнымъ человѣкомъ въ русскомъ обществѣ своего времени. Степень ея теоретическаго развитія и образованія напоминаетъ намъ силу практическаго развитія Петра Великаго. И оба они были самоучками.

Во второй половинѣ царствованія Елизаветы великая княгиня Екатерина уже была вполнѣ сложившимся и очень замѣтнымъ человѣкомъ при дворѣ. На нее обращено было большое вниманіе дипломатовъ, потому что, какъ они находятъ, „ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности“—качествъ, которыя ей даютъ много возможностей въ будущемъ. Екатерина независимѣе держится, явно не въ ладахъ со своимъ мужемъ, навлекаетъ на себя недовольство Елизаветы. Но самые видные „припадочные“ люди Елизаветы, Бестужевъ, Шуваловы, Разумовскій, теперь не обходятъ великой княгини вниманіемъ, а стараются, напротивъ, установить съ нею добрыя, но осторожныя отношенія. Сама Екатерина входитъ въ сношенія съ дипломатами и русскими государственными людьми, слѣдитъ за ходомъ дѣлъ и даже желаетъ на нихъ вліять. Причиною этого была болѣзненность Елизаветы: можно было ждать скорой перемѣны на престолѣ. Всѣ понимали, что Петръ не можетъ быть нормальнымъ правителемъ, и что его жена должна играть при немъ большую роль. Понимала это и Елизавета: опасаясь со стороны Екатерины какого либо шага въ свою пользу противъ Петра, она стала къ ней относиться дурно и даже прямо враждебно; съ теченіемъ времени также относится къ женѣ самъ Петръ. Окруженная подозрительностью и враждой и побуждаемая честолюбіемъ, Екатерина понимала опасность своего положенія и возможность громаднаго политическаго успѣха. Объ этой возможности говорили ей и другіе: одинъ изъ посланниковъ (прусскій) ручался ей, что она будетъ императрицею; Шуваловы и Разумовскіе считали Екатерину претенденткой на престолъ; Бестужевъ вмѣстѣ съ ней строилъ планы о перемѣнѣ престолонаслѣдія. Екатерина сама должна была готовиться дѣйствовать и для своей личной защиты, и для достиженія власти послѣ смерти Елизаветы. Она знала, что мужъ привязанъ къ другой женщинѣ (Елиз. Ром. Воронцовой) и желалъ замѣнить ею свою жену, въ которой видѣлъ опаснаго для себя человѣка. И вотъ, чтобы смерть Елизаветы не застала ее врасплохъ, не отдала въ руки Петра беззащитною, Екатерина стремится пріобрѣсти себѣ политическихъ друзей, образовать свою партію. Она тайно вмѣшивается въ политическія и придворныя дѣла, ведетъ переписку съ очень многими видными лицами. Дѣло Бестужева и Апраксина (1757—1758 гг.) показало Елизаветѣ, какъ велико было при дворѣ значеніе великой княгини Екатерины. Бестужева обвиняли въ

излишнемъ почтенiи передъ Екатериной. Апраксинъ былъ постоянно подъ влiянiемъ ея писемъ. Паденiе Бастужева было обусловлено его близостью къ Екатеринѣ, и самое Екатерину постигла въ ту минуту опала императрицы. Она боялась, что ее вышлютъ изъ Россiи, и съ замѣчательной ловкостью достигла примиренiя съ Елизаветою. Она стала просить у Елизаветы аудiенцiи, чтобы выяснить ей дѣло. И Екатеринѣ была дана эта аудiенцiя ночью. Во время бесѣды Екатерины съ Елизаветой за ширмами въ той же комнатѣ тайно были мужъ Екатерины Петръ и Иванъ Ив. Шуваловъ, и Екатерина догадалась объ этомъ. Бесѣда имѣла для нея рѣшающее значенiе. При Елизаветѣ Екатерина стала утверждать, что она ни въ чемъ не виновна, и, чтобы доказать, что ничего не хочетъ, просила императрицу, чтобы ее отпустили въ Германiю. Она просила объ этомъ, будучи увѣрена, что поступятъ какъ разъ наоборотъ. Результатомъ аудiенцiи было то, что Екатерина осталась въ Россiи, хотя была окружена надзоромъ. Теперь ей приходилось вести игру уже безъ союзниковъ и помощниковъ, но она продолжала ее вести еще съ большей энергiей. Если бы Елизавета не умерла такъ неожиданно скоро, то, вѣроятно, Петру III не пришлось бы вступить на престолъ, ибо заговоръ уже существовалъ и за Екатериной стояла уже очень сильная партiя. Съ мужемъ Екатерина примириться не могла, она не могла его выносить; онъ же видѣлъ въ ней злую, слишкомъ независимую и враждебную ему женщину. „Нужно раздавить змѣю“, говорили окружавшiе Петра голштинцы, передавая этимъ выраженiемъ мысли его о женѣ. Во время болѣзни Екатерины онъ даже прямо мечталъ о ея смерти.

Такъ, въ послѣднiе годы Елизаветы обнаружилась полная неспособность ея наслѣдника и большое значенiе и умъ его жены. Вопросъ о судьбѣ престола очень занималъ Елизавету; по словамъ Екатерины, государыня „съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что послѣ ея происходить можетъ“. Но она не рѣшалась отстранить племянника прямо. Придворная среда также понимала, что Петръ не можетъ быть правителемъ государства. Многiе задумывались, какъ устранить Петра и приходили къ различнымъ комбинацiямъ. Устранить было можно, передавъ права малолѣтнему Павлу Петровичу, причемъ мать его Екатерина получила бы большую роль. Можно было бы поставить у власти и прямо Екатерину. Безъ нея же вопросъ не могъ быть рѣшенъ ни въ какомъ случаѣ (о бывшемъ императорѣ Iоаннѣ тогда никто и не думалъ). Поэтому Екатерина, и помимо своихъ личныхъ качествъ и стремленiй, получила большое значенiе и являлась центромъ политическихъ комбинацiй и знаменемъ движенiя противъ Петра. Можно сказать, что еще до смерти Елизаветы Екатерина стала соперницей своему мужу и между ними начался споръ о русской коронѣ.

Правленіе Петра III. Болѣзнь и смерть Елизаветы, хотя не была неожиданной случайностью, тѣмъ не менѣе застала придворный кругъ неприготовленнымъ: противъ Петра не раздалось ни одного голоса, и онъ воцарился спокойно при общемъ горѣ и унынiи двора и народа, потерявшихъ любимую царицу. Екатерина сама въ своихъ запискахъ описываетъ эти первые дни царствованія Петра. По ея словамъ, Петръ III былъ недоволенъ, что его тетка умерла на святкахъ и своей смертью помѣшала ему веселиться. Ужинъ во дворцѣ уже былъ накрытъ, когда наступилъ часъ смерти императрицы, и Петръ приказалъ не снимать ужина, и ѣли черезъ комнату отъ того покоя, гдѣ лежала Елизавета. Тогда же безъ церемоній и стѣсненій обнаружилась его пассія къ Воронцовой, на которой онъ хотѣлъ жениться. Положеніе сразу сдѣлалось зазорнымъ и неприличнымъ. Однако при дворѣ не перемѣнилось ничего въ первыя минуты царствованія: оставались Шуваловы и Воронцовы; старшій Разумовскій вышелъ въ отставку, но не былъ опальнымъ; младшій остался у дѣлъ. Опалъ вообще не было, но явились мало по малу новые люди въ качествѣ любимцевъ. Изъ Германіи прибыли два дяди Петра, голштинскіе принцы; изъ нихъ принцъ Георгій (или „Жоржъ") сталъ сразу русскимъ генералъ-фельдмаршаломъ и временщикомъ; второй принцъ Петръ былъ только фельдмаршаломъ, но не временщикомъ. Оба они были членами Совѣта, учрежденнаго Петромъ вмѣсто Елизаветинской Конференціи и состоявшаго изъ девяти человѣкъ. Въ этотъ Совѣтъ попалъ возвращенный изъ ссылки старый Минихъ, попали и люди времени Елизаветы, Н. Ю. Трубецкой и М. И. Воронцовъ. Все это были вліятельныя персоны новаго правленія. Появились и придворные любимцы, въ родѣ генерала Гудовича, шталмейстера Нарышкина и многихъ голштинцевъ.

Петръ III началъ свое правленіе довольно дѣятельно, рядомъ любопытныхъ мѣръ. Можно думать, что онъ дѣйствовалъ съ чьей-то указкой, стараясь показать, что онъ достоинъ власти. Вступилъ онъ на престолъ 25 декабря 1761 г., а уже 17-го января 1762 г. въ Сенатѣ подписалъ указъ о возвращеніи опальныхъ людей прошедшаго царствованія и заявилъ свою волю относительно службы дворянъ: „дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ". 18-го февраля явился и манифестъ о вольности дворянской. Въ немъ говорилось, что прежде необходимо было заставлять дворянъ служить и учиться, невольная служба и ученіе принесли пользу, ибо дали государству много свѣдущихъ годныхъ къ дѣлу людей, а съ другой стороны, истребили въ дворянской средѣ „грубость и невѣжество" и вкоренили благородныя мысли; поэтому уже нѣтъ необходимости принуждать дворянъ къ службѣ. Всѣ служащіе могутъ или оставаться на службѣ, или уйти въ отставку; только военные люди не могутъ брать отпусковъ и отставокъ во время

кампаніи; не служащій дворянинъ имѣетъ право даже ѣхать за границу и служить тамъ. Но обязанности обученія манифестъ 18-го февраля не упразднялъ, а выразилъ ее лишь въ видѣ повелительнаго совѣта съ высоты трона, „чтобы никто не дерзалъ безъ обученія наукъ дѣтей своихъ воспитывать“.

Такъ снята была съ дворянства его тяжелая государственная повинность. Мы видѣли, что уже при Елизаветѣ дворянство становилось привилегированнымъ классомъ, получивъ имущественныя права, какихъ не имѣли другіе общественные классы. Освобождая его отъ личной государственной службы, Петръ III создаетъ ему этимъ личныя привилегіи, также чуждыя другимъ классамъ. Ко времени Екатерины II, такимъ образомъ, дворянство дѣлается уже вполнѣ привилегированнымъ сословіемъ. Но оно не имѣетъ внутренней организаціи; до сихъ поръ ему организацію давала самая служба по полкамъ, его соединяли служебныя связи; теперь эта организація должна была потерять свою прежнюю роль, ибо дворянство усиленно уходило изъ службы въ деревню и нуждалось въ новой организаціи—сословной. Ее дала дворянству Екатерина II.

Вольность дворянства была самымъ крупнымъ дѣломъ Петра III, внушеннымъ ему, какъ мы уже говорили, со стороны дворянства, близкаго къ Елизаветѣ. По постороннимъ же внушеніямъ, конечно, пришелъ онъ къ рѣшенію уничтожить нѣкогда страшную Тайную канцелярію, вѣдавшую политическія преступленія. При Елизаветѣ ея дѣятельность не была замѣтна, потому что время Елизаветы было временемъ мира внутри государства. Уничтожить канцелярію, какъ мало дѣйствующее учрежденіе, было легко, а между тѣмъ это уничтоженіе могло содѣйствовать популярности новаго правительства въ народной массѣ, какъ манифестъ о дворянствѣ долженъ былъ сдѣлать его популярнымъ среди дворянъ.

Но правительство Петра не только не достигло народнаго расположенія, но возбудило общее неудовольствіе. Никакія разумныя указанія осторожныхъ совѣтниковъ Петра не могли помочь ему и загладить его безтактность, исправить его ошибки, скрыть его невозможныя выходки.

Онъ внутри государства обнаружилъ свои нерусскія симпатіи, окружилъ себя голштинцами, сталъ передѣлывать русскія войска на прусскій и голштинскій ладъ, смѣялся надъ всѣмъ русскимъ, даже надъ православною обрядностью. Онъ закрывалъ, напримѣръ, безъ всякаго основанія, домовыя церкви, которыя были въ обычаѣ. Домовая церковь была тогда всегдашнею принадлежностью всякой зажиточной усадьбы, даже городского богатаго двора. Отъ глубокой старины велся этотъ обычай, и уже въ Московскую эпоху на злоупотребленіе имъ жаловались ревнители добраго церковнаго порядка. У Авр. Палицына находимъ мы описаніе того, чѣмъ были домовыя церкви: маленькая изба, бѣдный иконостасъ, деревянная утварь, холщевое облаченіе и полуголодный, на площади нанятый

на одну службу или на одну требу „безмѣстный“ попъ... Чѣмъ легче было завести и чѣмъ дешевле было содержать „свою“ церковь, тѣмъ сильнѣе и распространеннѣе было стремленіе именно къ „своей“ церкви. Противъ этого глубоко вкоренившагося въ быту стремленія и сталъ Петръ III. Помимо частнаго ущерба и обиды въ уничтоженіи домовыхъ церквей, было и принципіальное неудобство: выходило такъ, какъ будто православный государь воздвигаетъ гоненіе на церковь. Но этимъ дѣло еще не ограничивалось: Петръ требовалъ отъ духовенства уничтоженія иконъ въ церквахъ и хотѣлъ заставить его носить свѣтское платье; къ Синоду обращался съ оскорбительными указами; дѣло о церковныхъ имуществахъ онъ привелъ къ самому невыгодному для духовенства рѣшенію. Духовенство чувствовало себя оскорбленнымъ и даже подало императору энергичный протестъ, не измѣнившій однако ничего: Петръ не понялъ протеста. Къ гвардіи, привыкшей къ высочайшему вниманію, Петръ относился такъ, что пошли слухи объ уничтоженіи ея. Онъ называлъ гвардейцевъ янычарами, томилъ ихъ ученьями по нѣмецкому образцу, измѣнялъ привычные военные порядки и отдавалъ предпочтеніе своимъ нѣмецкимъ войскамъ. И гвардія чувствовала себя оскорбленной и питала „превеликое неудовольствіе“. Волновались и крестьяне: въ нихъ ясно жило сознаніе того, что они обязаны государствомъ работать на помѣщиковъ именно потому, что помѣщики обязаны служить государству; въ нихъ жило сознаніе, что исторически одна обязанность обусловлена другой. Теперь снята дворянская обязанность, слѣдуетъ снять и крестьянскую. Но крестьяне видѣли, что правительство, разрѣшивъ дворянскій вопросъ, не замѣчаетъ связаннаго съ нимъ вопроса крестьянскаго. Поэтому начались крестьянскія волненія.

Въ то же время внѣшняя политика Петра не нравилась русскимъ людямъ и оскорбляла національное чувство. Россія со славой вела войну съ Пруссіей, теряла для нея массу людей, тратила много денегъ, но былъ успѣхъ, и народъ былъ спокоенъ. Какъ только вступилъ на престолъ Петръ, война была прекращена; войска получили приказаніе сдать свои магазины пруссакамъ и оставаться въ Помераніи для будущей помощи своимъ недавнимъ врагамъ. Петръ отказался отъ всѣхъ завоеваній въ Пруссіи и вступилъ съ Фридрихомъ въ тѣсный союзъ, условія котораго были продиктованы прусскимъ посломъ въ Петербургѣ—Гольцемъ. Этотъ Гольцъ былъ при Петрѣ III почти полнымъ распорядителемъ дѣйствій русской дипломатіи. Прусское вліяніе при русскомъ дворѣ было всемогуще. И все это вышло изъ личныхъ наклонностей императора: благоговѣя передъ Фридрихомъ, Петръ жертвовалъ своему личному чувству всѣми интересами Россіи. Такое направленіе дѣлъ, безславное окончаніе славной войны и господство въ Петербургѣ голштинцевъ и пруссаковъ давало народу поводъ думать, что давно прошедшее рабство передъ нѣм-

цами наступаетъ снова съ Петромъ III. Понятно, съ какимъ негодованіемъ относились ко всему этому русскіе люди. Въ одномъ только дѣлѣ Петръ III не шелъ на помочахъ своего кумира Фридриха: онъ упорно хотѣлъ воевать съ Даніей и отнять у ней Шлезвигъ для Голштиніи. Въ этомъ онъ дѣйствовалъ, какъ голштинскій герцогъ; но дѣйствовалъ средствами и силами Россіи. Ясно, что эта затѣя могла только усилить негодованіе русскихъ, справедливо не желавшихъ знать интересовъ Голштиніи. Однако для этой Голштиніи вербовали солдатъ на русскія деньги; къ походу на Голштинію дѣлали приготовленія; голштинцамъ дали первенство и полную волю въ Россіи.

И личная жизнь Петра возбуждала общее неудовольствіе. Избавившись отъ опеки строгой тетки, Петръ наполнилъ ея дворецъ дымомъ солдатскаго кнастера и запахомъ вина и портера, которыми злоупотреблялъ почти ежедневно и еще съ утра. Поэтому, за обѣдомъ онъ уже не владѣлъ собою, говорилъ завѣдомыя небылицы или обнаруживалъ такіе секреты политики и придворныхъ отношеній, какіе слѣдовало хранить строго. День свой часто кончалъ онъ неприличными и шумными пирушками, которыя видѣлъ весь городъ, потому что онѣ происходили не въ одномъ дворцѣ, и о которыхъ писали даже иностранные послы своимъ дворамъ. У русскихъ людей обливалось сердце кровью отъ стыда за Петра III; имъ хотѣлось „бѣжать неоглядкою" отъ его выходокъ. Елизаветинскіе вельможи не могли примириться съ казарменными нравами новаго двора; Ив. Шуваловъ на колѣняхъ просилъ Петра избавить его отъ всѣхъ знаковъ его милости; Кириллъ Разумовскій не могъ сдерживать гнѣвной судороги на лицѣ, бывая во дворцѣ и видя новые порядки. Петръ издѣвался надъ всѣми старыми сановниками, заставляя ихъ маршировать по плацъ-парадамъ въ силу ихъ военнаго званія. Онъ смѣялся даже надъ пожилыми придворными женщинами и передразнивалъ ихъ. „Онъ не похожъ былъ на государя"—таковъ былъ приговоръ придворной среды надъ Петромъ III.

Къ женѣ отношеніе Петра, и прежде враждебное, теперь перешло въ ненависть. Екатерина мѣшала ему жить. При ней онъ не могъ жениться на Воронцовой; въ Екатеринѣ мерещился ему иногда и политическій врагъ, и каждую минуту онъ чувствовалъ, что она осуждаетъ его, стоитъ въ оппозиціи ко всему, что ему нравится, что онъ затѣваетъ. Онъ хотѣлъ обуздать ее, но на это не хватало умѣнья; да и Екатерина вела себя такъ, что не было предлога придраться къ ней. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе становился Петръ по отношенію къ Екатеринѣ. Онъ однажды оскорбилъ ее при всѣхъ на торжественномъ обѣдѣ: Екатерина не встала во время тоста въ честь императорской фамиліи и на вопросъ Петра объяснила, что не встала потому, что сама принадлежитъ къ этой фамиліи. За этотъ отвѣтъ Петръ громко обозвалъ ее бранными

словомъ и грозилъ арестомъ. Не стѣсняясь въ отношеніи Екатерины ничѣмъ, Петръ прямо показывалъ, что желаетъ избавиться отъ жены: то начиналъ говорить, что заточитъ жену въ монастырь, что разведется съ нею; то намѣренъ былъ заключить ее въ Шлиссельбургъ. Однажды онъ отдалъ даже приказъ арестовать ее, но отмѣнилъ его по настоянію дяди Жоржа. Екатерина знала, что рано или поздно она погибнетъ отъ мужа, если онъ останется у власти. Знали это и въ обществѣ, гдѣ Екатерину любили, и ея горе было одною изъ причинъ дурного отношенія общества къ Петру.

Такъ, дѣятельность и личность Петра вызывали народное негодованіе. По свидѣтельству современниковъ, ропотъ на него былъ „всенароднымъ"; всѣ, кромѣ десятка царедворцевъ, желали перемѣны на престолѣ и говорили объ этомъ открыто, „отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить и судить и рядить всѣ дѣла и поступки государевы". Ропотъ поэтому былъ извѣстенъ и при дворѣ Петра и даже дошелъ до Фридриха. Петра предостерегали и дома, и изъ-за границы. Фридрихъ совѣтовалъ ему скорѣе короноваться и быть осторожнымъ. Но Петръ ко всему этому относился легкомысленно; хотя онъ и слѣдилъ за И. Шуваловымъ, хотя и вспомнилъ, что живъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ, но не принималъ серьезныхъ мѣръ общаго характера.

Это и помогло развитію заговора, который созрѣлъ, по обычаю XVIII вѣка, при дворѣ и въ гвардіи. Руководилъ имъ не Шуваловъ, и направлялся онъ не въ пользу императора Іоанна, а въ пользу Екатерины. О существованіи заговора знали самыя высокопоставленныя лица при Петрѣ (генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, начальникъ полиціи Корфъ, Кириллъ Разумовскій, дипломатъ Никита Ив. Панинъ и др.), но они не предавали заговорщиковъ, хотя и не приставали къ нимъ прямо.

Можно думать, что эти высокопоставленныя лица имѣли свой планъ переворота и, мечтая о воцареніи Павла Петровича, усвоивали его матери Екатеринѣ Алексѣевнѣ лишь опеку и регентство до его совершеннолѣтія. Съ движеніемъ гвардейской молодежи придворные люди не имѣли видимыхъ связей и на прямое обращеніе къ нимъ офицерства не отвѣчали откровенностью. О Панинѣ разсказываютъ, что онъ однажды прямо прогналъ отъ себя молодежь, начавъ тушить свѣчи, когда разговоръ о дѣлахъ сталъ пріобрѣтать неудобный по откровенности характеръ. Однако въ минуту переворота, начатаго молодежью, вельможи прямо стали на сторону Екатерины и подготовили ей быстрый и рѣшительный успѣхъ. Они умѣли слѣдить за развитіемъ заговора чрезъ такихъ лицъ, какова была, напримѣръ, княгиня Ек. Ром. Дашкова, рожденная Воронцова. По мужу принадлежа къ кругу гвардейскаго офицерства, по отцовской семьѣ она была близка къ кругу вельможъ и служила связью между обоими кругами заговорщиковъ.

Младшій кругъ заговорщиковъ группировался вокругъ семьи Орловыхъ. Изъ нѣсколькихъ братьевъ особенно извѣстны были два: Алексѣй Орловъ (старшій), знаменитый своею физическою силою, былъ казначеемъ гвардейской артиллеріи и велъ крупную игру, подъ предлогомъ которой и собиралъ вокругъ себя гвардейскую молодежъ. Другой—Григорій Орловъ—былъ лично близокъ къ Екатеринѣ и передавалъ заговорщикамъ ея внушенія. Умышленно раздувая свою славу кутилъ и дебошировъ, Орловы умѣли маскировать и свою роль организаторовъ, и участіе въ интригѣ Екатерины. Между тѣмъ врядъ ли можно сомнѣваться, что за спиною какъ вельможъ, такъ и гвардейства, стояла сама Екатерина, распоряжаясь всѣми пружинами рискованнаго дѣла, но оставаясь совсѣмъ въ тѣни не только отъ постороннихъ взглядовъ, но и отъ глазъ самихъ участниковъ заговора. Кромѣ Орловыхъ, въ гвардіи въ роли главныхъ руководителей стояли преображенцы Пассекъ и Бредихинъ и измайловцы Рославлевъ и Ласунскій. Эти лица подготовляли гвардейскихъ солдатъ къ перевороту и ручались за то, что Екатерина можетъ располагать 10.000 солдатъ.

Безпорядочной жизнью и кутежами заговорщики отводили отъ себя всякія подозрѣнія; но броженіе среди солдатъ не могло долго быть скрытымъ. Лѣтомъ 1762 г. Петръ держалъ себя такъ, что Екатерина должна была со дня на день ждать погибели, и поэтому заговорщики готовы были дѣйствовать, но не рѣшались начать сами. Приближалось время именинъ Петра, и этотъ день Петръ, жившій въ Ораніенбаумѣ, желалъ провести у Екатерины въ Петергофѣ. Ждали, что 29 іюня онъ и рѣшитъ участь своей жены. Между тѣмъ 27 іюня болтливый солдатъ, слышавшій, что Екатерина въ опасности, выдалъ тайну заговора постороннему офицеру. Это повело къ аресту Пассека; боясь открытія всего заговора, заговорщики рѣшились дѣйствовать не медля, и 28 іюня удачно совершили переворотъ. Вотъ какъ онъ произошелъ.

Воцареніе Екатерины. Екатерина въ послѣднее время жила уединенно въ Петергофѣ и проводила очень безпокойные дни, ожидая развязки задуманнаго предпріятія. Впрочемъ, она регулярно получала извѣстія о положеніи дѣлъ въ лагерѣ союзниковъ и въ лагерѣ непріятелей. Подъ предлогомъ очистки всѣхъ комнатъ дворца для императора, который собирался пріѣхать сюда со свитой, императрица поселилась въ отдаленномъ углу петергофскаго сада, въ павильонѣ, носившемъ названіе Монъ-Плезиръ. Такимъ образомъ она избавилась отъ надзора часовыхъ, пріобрѣла больше свободы въ образѣ жизни и легко могла направить путь въ Петербургъ, чтобы тамъ сѣсть на престолъ, или же искать спасенія за границей.

Въ этомъ павильонѣ, 28 іюня, рано по утру Екатерину будятъ слѣдующія слова: „Ваше Величество, вставайте, нельзя терять ни одной

минуты". Она открываетъ глаза и видитъ передъ собой старшаго Орлова. На вопросъ ея Алексѣй Орловъ отвѣчалъ только многозначительной фразой: „Пассекъ арестованъ"—и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ спустя онъ воротился, императрица уже успѣла кое-какъ одѣться. Она сѣла въ экипажъ Орлова, рядомъ съ нею помѣстилась камеръ-фрау, позади сталъ камердинеръ Шкуринъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ). Орловъ погналъ лошадей во весь опоръ. На полдорогѣ лошади стали отъ усталости, и путники очутились въ крайнемъ затрудненіи. Сначала ихъ выручаетъ изъ опасности проѣзжавшая мимо крестьянская телѣга, а потомъ они увидѣли коляску, быстро приближавшуюся имъ навстрѣчу. Въ ней сидѣли Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. „Все готово", кричитъ Орловъ. Барятинскій уступилъ свое мѣсто Екатеринѣ, и въ седьмомъ часу утра она достигла казармъ Измайловскаго полка, которыя служили предмѣстьемъ столицы.

Измайловскій полкъ былъ, очевидно, предупрежденъ, такъ какъ солдаты успѣли взять изъ кладовыхъ мундиры старой (Елизаветинской) формы, и часть полка быстро выстроилась. Екатерина обращается къ солдатамъ съ энергичной рѣчью, прося у нихъ защиты отъ своихъ непріятелей, которые покушаются на ея собственную жизнь и на жизнь ея сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются цѣловать ея ноги, руки и платье. Въ это время офицеры приводятъ остальныхъ измайловцевъ, является полковой священникъ съ крестомъ, и весь полкъ присягаетъ Екатеринѣ II. Она садится опять въ коляску и ѣдетъ къ казармамъ Семеновскаго полка. Выйдя къ ней навстрѣчу, семеновцы кричатъ „ура" и присоединяются къ Екатеринѣ. Съ такимъ же энтузіазмомъ примыкаютъ къ ней Преображенскій полкъ и конная гвардія. Государыня посылаетъ отрядъ арестовать начальника конныхъ гвардейцевъ принца Жоржа и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ возможныхъ оскорбленій. Орловы спѣшатъ послѣ того къ артиллеристамъ и уговариваютъ ихъ послѣдовать примѣру гвардіи, но солдаты хотятъ узнать прежде мнѣніе своего начальника. Генералъ Вильбуа нѣсколько минутъ колеблется, однако уступаетъ, и артиллерія также переходитъ на сторону Екатерины.

Между тѣмъ на мѣсто дѣйствія прибываютъ: гетманъ Разумовскій, Н. И. Панинъ, князь Волконскій, И. И. Шуваловъ и многіе другіе вельможи, которые присоединяются къ свитѣ императрицы. Окруженная войскомъ и народомъ, она отправляется въ Казанскій соборъ: здѣсь ее встрѣчаютъ архіепископъ новгородскій и высшее духовенство. Пропѣли благодарственный молебенъ и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнѣйшей императрицею всея Россіи, а великаго князя Павла Петровича—наслѣдникомъ престола. Изъ собора государыня поѣхала въ новый Зимній дворецъ, достроенный Петромъ III, гдѣ уже собирались для принесенія присяги Сенатъ и Синодъ. Немедленно приняты и не-

обходимыя мѣры предосторожности: подступы ко дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ разставлены сильные отряды часовыхъ, сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено, а въ Кронштадтъ посланъ захватить эту крѣпость адмиралъ Талызинъ. Императрица поспѣшила разослать курьеровъ въ провинцію къ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, а также къ генераламъ войскъ, находившихся въ Пруссіи; дипломатическій корпусъ получилъ офиціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствующей особы. Необходимыя мѣры были приняты настолько быстро, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Петербургѣ объ этомъ заранѣе кто-то позаботился. До насъ дошло, напримѣръ, извѣстіе, что наборщики типографіи Академіи Наукъ были въ ночь на 28 іюня заарестованы; очевидно, ожидалось, что имъ будетъ работа (печатаніе правительственныхъ распоряженій, такъ какъ таковыя всегда печатались въ этой типографіи). Самый манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины II также вѣроятно составленъ былъ не 28 іюня, а ранѣе.

Въ это время Петръ III находился въ Ораніенбаумѣ. Это былъ канунъ его именинъ; Петръ желалъ начать ихъ праздновать въ Петергофѣ, и Екатерина должна была его тамъ ждать. Императоръ приказалъ подать экипажи и пріѣхалъ въ Петергофъ. Осмотрѣвъ павильонъ, въ которомъ жила Екатерина, убѣдились, что ея тамъ нѣтъ. По всѣмъ признакамъ было видно, что произошелъ не отъѣздъ, а бѣгство; значитъ, надобно было предполагать что-нибудь дурное. Старые вельможи, которые окружали Петра, предлагаютъ поѣхать въ Петербургъ, разыскать и образумить Екатерину. Петръ согласился,—старики поѣхали въ Петербургъ, но тамъ, конечно, присоединились къ Екатеринѣ. Петръ въ ожиданіи свѣдѣній о происходившемъ въ Петербургѣ ходилъ и сидѣлъ на берегу моря, на берегу и обѣдалъ; онъ слушалъ совѣты придворныхъ и не зналъ, что дѣлать: ѣхать ли въ Кронштадтъ или направиться въ Ревель къ войскамъ, тамъ собраннымъ. Между тѣмъ прибылъ съ моря офицеръ, привезшій изъ Петербурга фейерверкъ, который предполагалось сжечь по случаю именинъ Петра; онъ разсказалъ, что слышалъ шумъ и выстрѣлы и больше ничего не могъ сообщить. Но уже и этой вѣсти было достаточно, чтобы узнать, что такое произошло въ Петербургѣ. Петру со всѣхъ сторонъ совѣтовали что нибудь дѣлать, но онъ не могъ ни на что рѣшиться и только, когда день уже склонялся къ вечеру, рѣшилъ ѣхать въ Кронштадтъ. Но Кронштадтъ уже былъ захваченъ Талызинымъ, и потому, когда Петръ туда явился, его не приняли. Оказалось, что гавань заперта бономъ и оттуда кричали, что никого нельзя пускать. Петръ показывается на палубѣ въ бѣломъ мундирѣ и съ корабля объявляетъ, что пріѣхалъ самъ императоръ. Въ отвѣтъ ему слышится, что императора нѣтъ, а есть императрица Екатерина,

и что если онъ не уѣдетъ, то будутъ стрѣлять, „бомбы пускать“. Начался плачъ дамъ, сопровождавшихъ Петра; самъ Петръ находился почти въ обморокѣ. Вмѣсто того, чтобы спасаться въ Ревель, онъ сталъ ждать въ Ораніенбаумѣ Екатерину. Утромъ 29 она явилась въ Петергофъ съ войсками и послала свой авангардъ въ Ораніенбаумъ. Войска сразу окружили дворецъ, и Петръ оказался въ плѣну. Все было кончено. Екатерина прислала вельможъ переговорить съ Петромъ и снабдила ихъ текстомъ отреченія отъ престола, которое Петръ и принялъ въ редакціи, продиктованной Екатериной, послѣ чего былъ отвезенъ въ Ропшу; а Екатерина вернулась въ Петербургъ, чтобы оформить дѣло, оправдать свой поступокъ въ обстоятельномъ манифестѣ и успокоить свою столицу. Манифестъ былъ опубликованъ только спустя нѣсколько дней, именно 6 іюля. Въ манифестѣ Екатерина не поскупилась на краски до того, что потомъ, въ 1797 году, онъ былъ изъятъ изъ обращенія. Императоръ Павелъ приказалъ его вырвать изо всѣхъ официіальныхъ сборниковъ; а когда Сперанскій печаталъ Полное собраніе Законовъ, то манифестъ этотъ въ немъ помѣщенъ не былъ. Въ манифестѣ было сказано, что политика Петра была не православна и не національна, и доказывалось это очень пространно. И вотъ, какъ разъ въ тѣ дни, когда манифестъ былъ опубликованъ и Петербургъ его читалъ, пришло извѣстіе о смерти Петра. Екатерина объявила, что бывшій императоръ скончался вслѣдствіе геморроидальной колики. Приказано было устроить ему пристойные похороны, но безъ оказанія царскихъ почестей. Внезапность кончины Петра III нашла свое истинное объясненіе уже послѣ смерти императрицы Екатерины, когда сынъ ея Павелъ Петровичъ случайно отыскалъ въ ея бумагахъ письмо къ Екатеринѣ изъ Ропши отъ Алексѣя Орлова, состоявшаго тамъ при Петрѣ. Въ подлинникѣ это письмо не сохранилось, ибо Павелъ его сжегъ; мы знаемъ его въ копіи Ѳ. Растопчина, врядъ ли точной, представляющей скорѣе пересказъ на память интереснаго документа. Орловъ въ замѣшательствѣ, съ горемъ, извѣщалъ императрицу о нечаянной случайности, повлекшей за собою кончину императора непредвидѣнно для Орлова, а тѣмъ болѣе для Екатерины. Императоръ Павелъ имѣлъ возможность убѣдиться, что отвѣтственность за этотъ несчастный случай совсѣмъ не лежитъ на памяти Екатерины.

Такъ началось самодержавіе Екатерины II. Не всѣ, кто хотѣлъ ея власти, думали о ея самодержавіи; былъ возможенъ и другой исходъ переворота—воцареніе Павла и регенство его матери. Но Екатерина была провозглашена императрицею въ Казанскомъ соборѣ ранѣе, чѣмъ вопросъ о ея регенствѣ могъ быть поднятъ сторонниками этой комбинаціи.

Время Екатерины II.

(1762—1796).

Обстановка воцаренія. Новый переворотъ былъ совершенъ, какъ и прежніе, гвардейскими дворянскими полками; онъ былъ направленъ противъ императора, заявившаго очень рѣзко свои національныя симпатіи и личныя странности дѣтски-капризнаго характера. Въ такихъ обстоятельствахъ вступленіе на престолъ Екатерины имѣетъ много общаго съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы. И въ 1741 г. переворотъ совершился силами дворянской гвардіи противъ ненаціональнаго правительства Анны, полнаго случайностей и произвола не русскихъ временщиковъ. Мы знаемъ, что переворотъ 1741 г. имѣлъ слѣдствіемъ національное направленіе Елизаветинскаго правительства и улучшеніе государственнаго положенія дворянства. Такихъ же слѣдствій въ правѣ мы ожидать и отъ обстоятельствъ переворота 1762 г., и, дѣйствительно, какъ увидимъ, политика Екатерины II была національной и благопріятной дворянству. Эти черты были усвоены политикѣ императрицы самыми обстоятельствами ея воцаренія. Въ этомъ она неизбѣжно должна была слѣдовать Елизаветѣ, хотя и относилась съ ироніей къ порядкамъ своей предшественницы.

Но переворотъ 1741 года поставилъ во главѣ правленія Елизавету, женщину умную, но мало образованную, которая принесла на престолъ только женскій тактъ, любовь къ своему отцу и симпатичную гуманность. Поэтому правительство Елизаветы отличалось разумностью, гуманностью и благоговѣніемъ къ памяти Петра Великаго. Но оно не имѣло своей программы и поэтому стремилось дѣйствовать по началамъ Петра. Переворотъ 1762 года, напротивъ, поставилъ на тронъ женщину не только умную и съ тактомъ, но и чрезвычайно талантливую, на рѣдкость образованную, развитую и дѣятельную. Поэтому правительство Екатерины не только возвращалось къ хорошимъ старымъ образцамъ, но вело государство впередъ по собственной программѣ, которую пріобрѣло мало по малу по указаніямъ практики и отвлеченныхъ теорій, усвоенныхъ императрицею. Въ этомъ Екатерина была противоположна своей предшественницѣ. При ней была система въ управленіи, и поэтому случайныя лица, фавориты, менѣе отражались на ходѣ государственныхъ дѣлъ, чѣмъ это было при Елизаветѣ, хотя фавориты Екатерины были очень замѣтны не только дѣятельностью и силою вліянія, но даже капризами и злоупотребленіями.

Такъ, обстановка воцаренія и личныя качества Екатерины опредѣляютъ заранѣе особенности ея правленія. Нельзя не замѣтить, однако, что личные взгляды императрицы, съ которыми она взошла на престолъ,

не вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ русской жизни, и теоретическіе планы Екатерины не могли перейти въ дѣло вслѣдствіе того, что не имѣли почвы въ русской практикѣ. Екатерина образовалась на либеральной французской философіи XVIII вѣка, усвоила и даже высказывала открыто ея „вольнодумные“ принципы, но не могла провести ихъ въ жизнь, или по неприложимости ихъ, или вслѣдствіе противодѣйствія окружавшей ее среды. Поэтому появилось нѣкоторое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между либеральнымъ направленіемъ Екатерины и результатами ея практической дѣятельности, которая была довольно вѣрна историческимъ русскимъ традиціямъ. Вотъ почему иногда обвиняютъ Екатерину въ несоотвѣтствіи ея словъ и дѣлъ. Мы увидимъ, какъ произошло это несоотвѣтствіе; увидимъ, что въ практической дѣятельности Екатерина жертвовала идеями практикѣ; увидимъ, что идеи, введенныя Екатериной въ русскій общественный оборотъ, не прошли однако безслѣдно, но отразились на развитіи русскаго общества и на нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ.

Первое время правленія. Первые годы правленія Екатерины были для нея труднымъ временемъ. Сама она не знала текущихъ государственныхъ дѣлъ и не имѣла помощниковъ: главный дѣлецъ времени Елизаветы, П. И. Шуваловъ, умеръ; способностямъ другихъ старыхъ вельможъ она довѣряла мало. Одинъ графъ Никита Ив. Панинъ пользовался ея довѣріемъ. Панинъ былъ дипломатомъ при Елизаветѣ (посломъ въ Швеціи); ею же былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Павла и оставленъ въ этой должности и Екатериной. При Екатеринѣ, хотя канцлеромъ оставался Воронцовъ, Панинъ сталъ завѣдывать внѣшними дѣлами Россіи. Екатерина пользовалась совѣтами старика Бестужева-Рюмина, возвращеннаго ею изъ ссылки, и другихъ лицъ прежнихъ правленій, но это были не ея люди: ни вѣрить въ нихъ, ни довѣряться имъ она не могла. Она совѣтовалась съ ними въ разныхъ случаяхъ и поручала имъ веденіе тѣхъ или иныхъ дѣлъ; она оказывала имъ внѣшніе знаки расположенія и даже почтенія, вставая, напримѣръ, навстрѣчу входившему Бестужеву. Но она помнила, что эти старики когда-то смотрѣли на нее сверху внизъ, а совсѣмъ недавно предназначали престолъ не ей, а ея сыну. Расточая имъ улыбки и любезности, Екатерина ихъ остерегалась и многихъ изъ нихъ презирала. Не съ ними хотѣла бы она править. Для нея надежнѣе и пріятнѣе были тѣ лица, которыя возвели ее на тронъ, то есть младшіе вожаки удавшагося переворота; но она понимала, что они пока не имѣли ни знаній, ни способностей къ управленію. Это была гвардейская молодежь, мало знавшая и мало воспитанная. Екатерина осыпала ихъ наградами, допустила къ дѣламъ, но чувствовала, что поставить ихъ во главѣ дѣлъ нельзя: имъ надо было раньше перебродить. Значитъ тѣхъ, кого можно

было бы немедля ввести въ правительственную среду, Екатерина не вводитъ потому, что имъ не довѣряетъ; тѣхъ же, которымъ она довѣряетъ, она не вводитъ потому, что они еще не готовы. Вотъ причина, почему въ первое время при Екатеринѣ не тотъ или другой кругъ, не та или иная среда составляла правительство, а составляла его совокупность отдѣльныхъ лицъ. Для того, чтобы организовать плотную правительственную среду, нужно было, конечно, время.

Такъ Екатерина, не имѣя годныхъ къ власти надежныхъ людей, не могла ни на кого опереться. Она была одинока, и это замѣчали даже иностранные послы. Они видѣли и то, что Екатерина переживала вообще трудныя минуты. Придворная среда относилась къ ней съ нѣкоторой требовательностью: какъ люди, возвышенные ею, такъ и люди, имѣвшіе силу ранѣе, осаждали ее своими мнѣніями и просьбами, потому что видѣли ея слабость и одиночество и думали, что она имъ обязана престоломъ. Французскій посолъ Бретейль писалъ: „въ большихъ собраніяхъ при дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какой императрица старается понравиться всѣмъ, свободу и надоѣдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ... Значитъ, сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобы переносить это“.

Это свободное обращеніе придворной среды было очень тяжело Екатеринѣ, но пресѣчь его она не могла, потому что не имѣла вѣрныхъ друзей, боялась за свою власть и чувствовала, что сохранить ее она можетъ только любовью двора и подданныхъ. Она и употребляла всѣ средства, чтобы, по выраженію англійскаго посла Букингама, пріобрѣсти довѣріе и любовь подданныхъ.

Были у Екатерины дѣйствительныя основанія опасаться за свою власть. Въ первые дни ея правленія среди армейскихъ офицеровъ, собранныхъ на коронацію въ Москву, шли толки о состояніи престола, объ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ и великомъ князѣ Павлѣ. Нѣкоторые находили, что эти лица имѣютъ больше правъ на власть, чѣмъ императрица. Всѣ эти толки не выросли въ заговоръ, но очень тревожили Екатерину. Значительно позднѣе, въ 1764 г., обнаружился и заговоръ для освобожденія императора Іоанна. Іоаннъ Антоновичъ со времени Елизаветы содержался въ Шлиссельбургѣ. Армейскій офицеръ Мировичъ сговорился со своимъ товарищемъ Ушаковымъ освободить его и его именемъ совершить переворотъ. Оба они не знали, что бывшій императоръ въ заключеніи лишился ума. Хотя Ушаковъ утонулъ, Мировичъ и одинъ не отказался отъ дѣла и возмутилъ часть гарнизона. Однако, при первомъ же движеніи солдатъ, согласно инструкціи, Іоаннъ былъ заколотъ своими надсмотрщиками, и Мировичъ добровольно отдался въ руки коменданта. Онъ былъ казненъ, и его казнь страшно подѣйствовала на народъ, при Елизаветѣ отвыкшей отъ казней. И внѣ войска Екатерина

могла ловить признаки броженія и неудовольствія: не вѣрили смерти Петра III, говорили съ неодобреніемъ о близости Г. Г. Орлова къ императрицѣ. Словомъ, въ первые годы власти Екатерина не могла похвалиться, что имѣетъ подъ ногами твердую почву. Особенно непріятно ей было услышать осужденіе и протестъ изъ среды іерархіи. Митрополитъ Ростовскій Арсеній (Мацѣевичъ) поднялъ вопросъ объ отчужденіи церковныхъ земель въ такой неудобной для свѣтской власти и для самой Екатерины непріятной формѣ, что Екатерина нашла нужнымъ поступить съ нимъ круто и настояла на его растриженіи и заключеніи.

При подобныхъ условіяхъ Екатерина, понятно, не могла сразу выработать опредѣленную программу правительственной дѣятельности. Ей предстоялъ тяжелый трудъ сладить съ окружающей средой, примѣниться къ ней и овладѣть ею, присмотрѣться къ дѣламъ и главнымъ потребностямъ управленія, выбрать помощниковъ и узнать ближе способности окружающихъ ее лицъ. Понятно, какъ мало могли помочь ей въ этомъ дѣлѣ принципы ея отвлеченной философіи, но, понятно, какъ много помогли ей природныя способности, наблюдательность, практичность и та степень умственнаго развитія, какою она владѣла вслѣдствіе широкаго образованія и привычки къ отвлеченному философскому мышленію. Упорно трудясь, Екатерина провела первые годы своего царствованія въ томъ, что знакомилась съ Россіей и съ положеніемъ дѣлъ, подбирала совѣтниковъ и укрѣпляла свое личное положеніе во власти.

Тѣмъ положеніемъ дѣлъ, какое она застала, вступая на престолъ, она не могла быть довольна. Главная забота правительства—финансы—были далеко неблестящи. Сенатъ не зналъ точно цифры доходовъ и расходовъ, отъ военныхъ расходовъ происходили дефициты, войска не получали жалованья, а безпорядки финансоваго управленія страшно запутывали и безъ того плохія дѣла. Знакомясь съ этими непріятностями въ Сенатѣ, Екатерина получала понятіе о самомъ Сенатѣ и съ ироніей относилась къ его дѣятельности. По ея мнѣнію, Сенатъ и всѣ прочія учрежденія вышли изъ своихъ основаній; Сенатъ присвоилъ себѣ слишкомъ много власти и подавилъ всякую самостоятельность подчиненныхъ ему учрежденій. Напротивъ, Екатерина въ извѣстномъ своемъ манифестѣ 6 іюля 1762 г. (въ которомъ она объясняла мотивы переворота) желала, чтобы „каждое государственное мѣсто имѣло свои законы и предѣлы“. Поэтому она постаралась устранить неправильности въ положеніи Сената и дефекты въ его дѣятельности и, мало по малу, свела его на степень центральнаго административно-судебнаго учрежденія, воспретивъ ему законодательную дѣятельность. Это было сдѣлано ею очень осторожно: для скорѣйшаго производства дѣлъ она раздѣлила Сенатъ на 6 департаментовъ, какъ это было при Аннѣ, придавъ каждому изъ нихъ спеціальный характеръ (1763 г.); съ Сенатомъ стала сноситься черезъ генералъ-

прокурора А. А. Вяземскаго и дала ему секретную инструкцію не поощрять Сената на законодательную функцію; наконецъ, повела всѣ свои важнѣйшія мѣропріятія помимо Сената своею личною иниціативой и авторитетомъ. Въ результатѣ была существенная перемѣна въ центрѣ управленія: умаленіе Сената и усиленіе единоличныхъ властей, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ. И все это достигнуто исподволь, безъ шума, крайне осторожно.

Обезпечивая свою самостоятельность отъ неудобныхъ старыхъ порядковъ управленія, Екатерина, съ помощью того же Сената, дѣятельно занималась дѣлами: искала средствъ поправить финансовое положеніе, рѣшала текущія дѣла управленія, присматривалась къ состоянію сословій, озабочена была дѣломъ составленія законодательнаго кодекса. Во всемъ этомъ не было еще видно опредѣленной системы; императрица просто отвѣчала на потребности минуты и изучала положеніе дѣлъ. Волновались крестьяне, смущенные слухомъ освобожденія отъ помѣщиковъ,— Екатерина занималась крестьянскимъ вопросомъ. Волненія достигали большихъ размѣровъ, противъ крестьянъ употреблялись пушки, помѣщики просили защиты отъ крестьянскихъ насилій,—Екатерина, принимая рядъ мѣръ для водворенія порядка, заявляла: „намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ мнѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“. Рядомъ съ этимъ дѣломъ шло другое: грамота Петра III о дворянствѣ вызвала нѣкоторыя недоумѣнія недостатками своей редакціи и сильное движеніе дворянъ изъ службы,—Екатерина, пріостановивъ ея дѣйствіе, въ 1763 г. учредила комиссію для ея пересмотра. Однако эта комиссія не пришла ни къ чему, и дѣло затянулось до 1785 года. Изучая положеніе дѣлъ, Екатерина увидѣла необходимость составить законодательный кодексъ. Уложеніе царя Алексѣя устарѣло; уже Петръ Великій заботился о новомъ кодексѣ, но безуспѣшно: законодательныя комиссіи, бывшія при немъ, не выработали ничего. Почти всѣ преемники Петра были заняты мыслью составить кодексъ; при императрицѣ Аннѣ, въ 1730 году, и при императрицѣ Елизаветѣ, въ 1761 году, требовались даже депутаты отъ сословій для участія въ законодательныхъ работахъ. Но трудное дѣло кодификаціи не удавалось. Екатерина II серьезно остановилась на мысли обработать русское законодательство въ стройную систему.

Изучая положеніе дѣлъ, Екатерина желала познакомиться и съ самой Россіей. Она предприняла рядъ поѣздокъ по государству: въ 1763 году ѣздила изъ Москвы въ Ростовъ и Ярославль, въ 1764 году— въ Остзейскій край, въ 1767 г. проѣхала по Волгѣ до Симбирска. „Послѣ Петра Великаго,—говоритъ Соловьевъ,—Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествія по Россіи съ правительственными цѣлями“ (XXVI, 8).

Такъ прошли первыя пять лѣтъ внутренняго правленія молодой государыни. Она привыкла къ своей обстановкѣ, присмотрѣлась къ дѣламъ, выработала практическіе пріемы дѣятельности, подобрала желаемый кругъ помощниковъ. Положеніе ея окрѣпло и ей не грозили никакія опасности. Хотя въ эти пять лѣтъ не обнаружилось никакихъ широкихъ мѣропріятій, Екатерина, однако, уже строила широкіе планы реформаторской дѣятельности.

Законодательная дѣятельность Екатерины II.

Наказъ и Комиссія 1767—1768 г.г. Съ самаго начала Екатерининскаго царствованія, какъ мы уже видѣли, Екатерина выразила желаніе привести всѣ правительственныя мѣста въ должный порядокъ, дать имъ точные „предѣлы и законы". Исполненіе этой мысли явилось только въ осторожномъ преобразованіи Сената. Сама Екатерина пока не шла далѣе. Но пошелъ далѣе виднѣйшій ея совѣтникъ Н. И. Панинъ, который былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей той поры и котораго по уму можно поставить рядомъ съ самой Екатериной или, позднѣе, со Сперанскимъ; онъ только не умѣлъ быстро передавать въ практику то, что задумалъ, ибо былъ по природѣ медлителенъ и малоподвиженъ. Панинъ подалъ императрицѣ обстоятельно мотивированный проектъ учрежденія императорскаго совѣта (1762 г.); доказывая съ ѣдкой ироніей несовершенства прежняго управленія, допускавшаго широкое вліяніе фаворитизма на дѣла, Панинъ настаивалъ на учрежденіи „верховнаго мѣста", совѣта изъ немногихъ лицъ съ законодательнымъ характеромъ дѣятельности. Это законодательное „верховное мѣсто", стоя у верховной власти въ качествѣ ея ближайшаго помощника, одно было бы въ состояніи, по словамъ Панина, „оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя", т. е. временщиковъ. Совѣтъ при императрицѣ, въ то же время, былъ бы лучшимъ средствомъ противъ безпорядка и произвола въ управленіи. Такъ Панинъ отвѣчалъ на заявленное Екатериной намѣреніе внести въ управленіе законность и порядокъ. Но онъ предлагалъ старое средство: въ Россіи существовали „верховныя мѣста" (Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ), которыя однако не предохраняли отъ фаворитовъ и не охраняли законности. Съ другой стороны, „верховное мѣсто", усвоивъ законодательную функцію, стѣсняло бы верховную власть, для защиты которой предназначалъ его Панинъ. Современники замѣтили недостатки и даже неискренность проекта Панина. Когда Екатерина, подписавъ было поданный ей проектъ, стала затѣмъ колебаться и собрала мнѣнія государственныхъ людей о проектѣ, то не увидѣла большого сочувствія къ нему. Ей даже высказали (Вильбуа), что

Панинъ „тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію; обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей". Такимъ образомъ Екатеринѣ указали, что крупная административная реформа, на которою она, было, согласилась, можетъ превратить Россію изъ самодержавной монархіи въ монархію, управляемую олигархическимъ совѣтомъ чиновной аристократіи. Понятно, что Екатерина не могла утвердить такого проекта, и Панинъ, думавшій пересадить въ Россію знакомыя ему формы шведскаго управленія, потерпѣлъ неудачу.

Но, отклоняя реформу, предлагаемую Панинымъ, Екатерина вскорѣ сама остановилась на весьма оригинальномъ законодательномъ планѣ, болѣе обширномъ, чѣмъ Панинскій проектъ. Это былъ планъ перестройки законодательства. Императрица желала законности и порядка въ управленіи; знакомство съ дѣлами показало ей, что безпорядокъ господствуетъ не только въ частностяхъ управленія, но и въ законахъ; ея предшественники непрерывно заботились о приведеніи въ систематическій кодексъ всей громады отдѣльныхъ законоположеній, накопившихся со времени Уложенія 1649 года, и не могли сладить съ этимъ дѣломъ. Екатерина также поняла настоятельность этого дѣла, но представляла себѣ нѣсколько иначе суть предстоящей ей здѣсь задачи. Она не только хотѣла упорядочить законодательный матеріалъ, но стремилась создать новыя законодательныя нормы, которыя содѣйствовали бы установленію порядка и законности въ государствѣ. Въ существующихъ же законахъ она находила недостатки и думала, что эти законы не соотвѣтствуютъ вообще современному состоянію народа.

Поэтому устраненія существующихъ на дѣлѣ недостатковъ Екатерина искала не только въ практической правительственной дѣятельности, но и въ теоретической перестройкѣ дѣйствовавшаго права. Эта мысль о выработкѣ новаго законодательства очень заняла Екатерину и повела къ знаменитой „Коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія", по поводу которой императрица впервые заявила о своихъ широкихъ реформаторскихъ планахъ.

Когда въ 1648 году при царѣ Алексѣѣ пожелали составить кодексъ, то особой комиссіи поручили собрать весь пригодный для этой цѣли матеріалъ изъ стараго русскаго, византійскаго и литовскаго законодательства, а къ слушанію собранныхъ статей созвали земскій соборъ, который путемъ челобитій доводилъ до свѣдѣнія правительства свои желанія и такимъ образомъ своими челобитьями давалъ новый матеріалъ для законодательства. „Общимъ совѣтомъ" создано было, такимъ путемъ, Уложеніе, отвѣтившее вполнѣ удовлетворительно на потребности своего времени. И въ XVIII вѣкѣ до Екатерины II, хотя законодательныя работы и не

привели къ какому-либо важному результату, ясно замѣчаемъ тотъ же пріемъ, какъ въ 1648 году: подготовительная редакціонная работа поручается комиссіямъ бюрократическаго состава, а къ „слушанію" составляемаго кодекса призываются земскіе люди.

Екатерина не пошла такимъ путемъ. Она желала создать новое законодательство, а не приводить старое въ систему. О старыхъ русскихъ законахъ, дѣйствовавшихъ при ней, она отзывалась рѣзко, считала ихъ прямо вредными и, понятно, систематизировать ихъ не желала. Она желала прямо установить отвлеченныя общія правила, принципы законодательства, и думала, что это ей удастся. „Можно легко найти общія правила", писала она Вольтеру въ 1767 году: „но подробности?... Это почти все равно, что создать цѣлый міръ". Кто же будетъ опредѣлять принципы законодательства и кто обсуждать подробности? Ни въ опредѣленіи принциповъ, ни въ выработкѣ подробностей Екатерина не нашла возможнымъ воспользоваться силами бюрократіи. Чиновничество выросло на старыхъ законахъ и знало лишь правительственную практику, но не народныя нужды; стало быть, ни поставить правильныхъ принциповъ, ни согласовать ихъ съ народными нуждами въ частностяхъ новаго законодательства оно не могло. Екатерина поэтому обошлась безъ него. „Легкое", какъ думала она, дѣло установленія принциповъ будущаго кодекса Екатерина приняла на себя. Трудности установленія подробностей она нашла всего приличнѣе возложить на земскихъ представителей, нуждамъ которыхъ должны были удовлетворить новые законы.

Уже съ 1765 года Екатерина усидчиво принялась за изложеніе законодательныхъ принциповъ и работала, не говоря никому о содержаніи своего труда. „Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова", сообщаетъ сама императрица. „Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ". Статьи, заготовленныя Екатериной, были ея извѣстнымъ Наказомъ въ его первоначальной радакціи. Содержаніе Наказа изслѣдовано обстоятельно, и теперь можно указать его главнѣйшіе литературные источники: это „L'Esprit des Lois" Монтескье, „Institutions politiques" Бильфельда и вышедшее въ 1764 году сочиненіе итальянца Беккаріа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ". Екатерина о Монтескье сама писала Д'Аламберу, что въ Наказѣ „обобрала президента Монтескье", не называя его; дѣйствительно, добрая половина статей Наказа есть пересказъ „Духа Законовъ". Такимъ образомъ свои принципы новаго русскаго законодательства Екатерина установила на почвѣ философско-публицистическихъ умствованій современной ей европейской литературы. Ясно, что эти принципы съ одной стороны были въ высшей степени либеральны, потому что взяты изъ либеральнаго источника, а съ другой стороны—совершенно

чужды русской жизни, потому что слишкомъ либеральны и выросли изъ условій нерусской общественной жизни. Они должны были удивить русское общество и либерализмомъ, и несоотвѣтствіемъ національному быту. Екатерина чувствовала это; она рядомъ съ общимъ либерализмомъ поставила и мотивировала въ Наказѣ ясное утвержденіе, что единственной возможной для Россіи формой власти находитъ самодержавіе какъ по обширности страны, такъ и потому, что одной власти лучше повиноваться, чѣмъ многимъ господамъ. Постаралась она оправдать и отвлеченность своихъ принциповъ, и ихъ носоотвѣтствіе русскимъ порядкамъ; она писала въ Наказѣ: „Россія есть европейская держава. Доказательство сему слѣдующее: перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ В., тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали со климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ I, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такіе удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ“ (Наказъ, гл. I, 6, 7). Итакъ, по мнѣнію Екатерины, древняя Россія жила съ чуждыми нравами, которые слѣдовало передѣлать на европейскій ладъ, потому что Россія—страна европейская. Петръ началъ эту передѣлку, вводя европейскіе обычаи, и это ему удалось. Теперь Екатерина продолжаетъ это дѣло и вноситъ въ русскіе законы обще-европейскія начала. Именно потому, что они европейскія, они не могутъ быть чуждыми Россія, хотя и могутъ такими показаться по своей новизнѣ. Такъ Екатерина старалась оправдать либеральность и отвлеченность своихъ принциповъ. Если она оставалась вѣрна народнымъ воззрѣніямъ въ томъ, что предпочитала самодержавіе „угожденію многимъ господамъ“, то впадала въ большую неточность въ другомъ отношеніи: за начала обще-европейской жизни она приняла принципы европейской философіи, которые не переходили въ жизнь нигдѣ въ Европѣ и не были началами дѣйствительнаго быта. Являясь съ этими принципами въ русскую жизнь, Екатерина нимало не слѣдовала Петру, который перенималъ европейскую дѣйствительность, а не европейскія мечты.

Когда Наказъ былъ выработанъ и показанъ Екатериною многимъ лицамъ, то возбудилъ массу возраженій съ ихъ стороны. Сначала Екатерина показывала его по частямъ приближеннымъ лицамъ, и Панинъ на либеральные принципы Наказа тонко отозвался: „ce sont des axiomes à renverser des murailles“. Подобное же отношеніе къ либерализму Наказа и отъ другихъ лицъ заставило Екатерину, по ея собственнымъ словамъ, зачеркнуть, разорвать и сжечь „больше половины“ написаннаго. Передъ изданіемъ въ свѣтъ уже сокращенной радакціи Екатерина созвала въ село Коломенское, гдѣ тогда находилась, разныхъ „вельми разномыслящихъ“ людей, отдала имъ Наказъ и позволила имъ „чернить и вымарать

все, что хотѣли“. При всемъ разномысліи позванныхъ лицъ они однако „болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали—и остался Наказъ, яко оный напечатанъ“. Если вѣрить точности словъ Екатерины, напечатано было, стало быть, менѣе четверти того, что она составила. По сохранившимся рукописямъ императрицы видимъ, что возраженія избранныхъ ею цензоровъ направлены были противъ того, что либерально, и противъ того, что не соотвѣтствовало русскимъ нравамъ. Цензура окружающихъ заставила Екатерину отказаться отъ напечатанія весьма важныхъ для нея частностей Наказа и скрыть многое изъ своихъ существенныхъ взглядовъ.

Уступчивость Екатерины въ дѣлѣ составленія Наказа показываетъ намъ, во-первыхъ, до какой степени доходила зависимость императрицы отъ окружавшей ее придворной среды въ первые годы ея правленія, а во-вторыхъ, до какой степени рознились ея личныя, отвлеченныя воззрѣнія отъ тѣхъ взглядовъ, какіе Екатерина высказывала офиціально. Для примѣра возьмемъ одинъ важный вопросъ общественной жизни, который при Екатеринѣ сталъ на очереди въ правительственной практикѣ, вопросъ крестьянскій. Мы видѣли, что еще съ XVII вѣка жизнь и правительственная практика неудержимо шли къ тому, что болѣе и болѣе подчиняли личность и трудъ крестьянина власти помѣщика. Съ освобожденіемъ дворянства отъ государственныхъ повинностей, по логикѣ исторіи, съ крестьянъ должна была быть снята ихъ частная зависимость, потому что исторически эта зависимость была обусловлена дворянскими повинностямъ: *крестьянинъ долженъ былъ служить дворянину, чтобы дворянинъ могъ исправно служить государству*. Съ освобожденіемъ дворянства выступалъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ: они волновались уже съ манифеста о вольности дворянства, потому что смутно помнили ходъ закрѣпощенія. (При Петрѣ Великомъ крестьянинъ Посошковъ весьма опредѣленно заявилъ: „крестьяномъ помѣщики не вѣковые владѣльцы... а прямый ихъ владѣлецъ Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно“. Соч., I, 183). Но освобожденіе крестьянъ казалось въ половинѣ XVIII в. вещью невозможной: оно затрогивало и привилегіи дворянъ, только что установленныя, и хозяйственные ихъ интересы, потому что лишило бы ихъ дарового труда. Дворянство, составлявшее правительственный и административный классъ XVIII вѣка и ставшее привилегированнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, хотя и задумывалось надъ крестьянскимъ вопросомъ, но было далеко отъ его разрѣшенія. Крѣпостное право продолжало не только существовать, но и развиваться.

Екатерина, воспитавшаяся на освободительныхъ теоріяхъ XVIII вѣка, не могла сочувствовать крѣпостному праву и мечтала объ освобожденіи крестьянъ. Въ ея личныхъ бумагахъ находили любопытные проекты

постепеннаго уничтоженія крѣпостной зависимости путемъ освобожденія крестьянъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ при ихъ куплѣ-продажѣ. Однако общее одновременное освобожденіе крѣпостныхъ ее пугало и она искренно была убѣждена, что „не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“ (Наказъ, 260). Но въ то же время она искренно желала облегчить положеніе „рабовъ“, т. е. крестьянъ, и уничтожить „рабство“ въ своей имперіи. И вотъ въ первоначальной редакціи Наказа разсѣяно много замѣчаній и размышленій о крестьянахъ и о необходимости улучшить ихъ положеніе и уничтожить крѣпостное право. Но въ окончательной печатной редакціи многія изъ этихъ либеральныхъ размышленій о крестьянахъ были выпущены, очевидно подъ вліяніемъ „разномыслящихъ персонъ“, читавшихъ и корректировавшихъ Наказъ (Соловьевъ, т. XXVII, 80).

Мало того, сама Екатерина была какъ бы вынуждена измѣнить свои взгляды, сдѣлавъ уступки консервативнымъ взглядамъ своихъ совѣтниковъ. Такъ, напримѣръ, въ первоначальномъ Наказѣ, слѣдуя Монтескье она писала: „Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная, привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлія и проч., и далѣе ихъ рабство не простиралось... Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное“. Здѣсь Екатерина обнаружила точныя представленія о существѣ крестьянской и холопской зависимости и справедливо осудила ихъ смѣшеніе, которое вредно отразилось на судьбахъ крестьянства. Но въ окончательной редакціи Наказа это разсужденіе выпущено; очевидно, Екатерина въ данномъ случаѣ, спрятавъ свое разсужденіе, подчинилась факту русской жизни—полному смѣшенію крестьянъ и холоповъ—и отступилась отъ своихъ теоретическихъ взглядовъ, не находя уже „великаго злоупотребленія“ въ этомъ смѣшеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣйствовало вліяніе окружающихъ людей, „помаравшихъ ея наказъ“. Однако отступничество отъ высказанныхъ взглядовъ у Екатерины вовсе не было искреннимъ. Когда большинство земскихъ представителей, собранныхъ Екатериною въ Комиссію, оказались поборниками крѣпостного права, Екатерина была очень недовольна. Сохранилась одна ея отмѣтка по поводу крѣпостническихъ мнѣній депутатовъ: „Если крѣпостного нельзя признать *персоною*, слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и *скотиною дѣлано*“

Ясно, что, обзывая крѣпостниковъ „скотинами", Екатерина не считала крестьянина рабомъ и желала освобожденія его изъ той зависимости холопа, какая развилась въ XVIII вѣкѣ; но она должна была сдерживать свои мнѣнія и желанія, отказываться отъ нихъ по внѣшности, не отказываясь, однако, внутренно.

Взятый нами примѣръ свидѣтельствуетъ, какъ мы сказали, о зависимости Екатерины отъ окружавшей ее среды и о разницѣ ея дѣйствительныхъ взглядовъ отъ тѣхъ, какіе она высказывала офиціально. Она считала, что установить общіе принципы новаго законодательства будетъ дѣломъ легкимъ. На самомъ же дѣлѣ это легкое дѣло оказалось тяжелымъ и до нѣкоторой степени потерпѣло неудачу. Устанавливая новые принципы, Екатерина въ нихъ дѣлала уступки той самой средѣ, которую хотѣла исправить новыми законами, и потому ея новые принципы не были развиты такъ полно, какъ бы ей хотѣлось. Еще до окончательной редакціи Наказа Екатерина въ немъ какъ будто разочаровалась и писала д'Аламберу, что Наказъ вовсе не похожъ на то, что она хотѣла сдѣлать. Однако и въ окончательной, т. е. сокращенной, редакціи Наказа Екатерина успѣла сохранить цѣльность своего либеральнаго направленія и высказать, хотя и не вполнѣ, но съ достаточной опредѣленностью, тѣ отвлеченныя начала, какими должно было руководиться предположенное ею законодательное собраніе въ своей практической дѣятельности. Наказъ сокращенный и выдержавшій цензуру сотрудниковъ Екатерины, будучи напечатанъ, произвелъ все-таки сильное впечатлѣніе и въ Россіи и заграницей. Во Франціи онъ былъ даже запрещенъ. Дѣйствительно, онъ былъ исключительнымъ правительствнннымъ актомъ какъ по своему общему характеру отвлеченнаго философскаго разсужденія, такъ и по либеральности внутренняго направленія. (Ученое изданіе Наказа вышло подъ редакціей Н. Д. Чечулина въ 1907 г. Интересенъ трудъ Ѳ. В. Тарановскаго „Политическая доктрина въ Наказѣ").

Читая печатный Наказъ, мы видимъ, что онъ содержитъ съ себѣ 20 главъ (двѣ главы: 21 и 22, о полиціи и о государственномъ хозяйствѣ, Екатерина приписала къ Наказу уже въ 1768 г.) и болѣе 500 параграфовъ или краткихъ статей. Содержаніе этихъ статей касается всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ законодательства. Кромѣ общихъ разсужденій объ особенностяхъ Россіи, какъ государства, и о русскомъ государственномъ правленіи въ частности, обсуждается положеніе сословій, задачи законодательства, вопросъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, судопроизводство, предметы гражданскаго права, кодификація и цѣлый рядъ вопросовъ государственной жизни и политики (есть даже разсужденіе о признакахъ, по которымъ можно узнать паденіе и разрушеніе государства). Своимъ содержаніемъ Наказъ дѣйствительно довольно полно охватываетъ сферу тѣхъ вопросовъ, какіе представляются законодателю; но онъ только

намѣчаетъ эти вопросы, трактуетъ ихъ отвлеченно и не можетъ служить практическимъ руководствомъ для законодателя. Наказъ, какъ того и хотѣла Екатерина, есть только изложеніе принциповъ, какими долженъ руководиться государственный человѣкъ, пишущій законы.

Дѣятельность Комиссіи. Такъ была исполнена первая часть задуманнаго императрицей плана: найдены „общія правила" новаго законодательства. Въ исполненіи этой первой части, какъ мы уже видѣли, Екатерину постигла нѣкоторая неудача. Она не могла полно и откровенно высказать свои принципы, потому что кругомъ себя встрѣтила противодѣйствіе. Неудача постигла ее и во второй части плана—въ разработкѣ подробностей новаго законодательства. Эти подробности никогда не были выработаны.

Для составленія новаго кодекса манифестомъ 14 декабря 1766 года были созваны въ Москву представители сословій и присутственныхъ мѣстъ. Ихъ собраніе получило названіе „Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія". Въ эту Комиссію дворянство каждаго уѣзда должно было послать одного депутата; каждый городъ независимо отъ его величины тоже одного депутата; низшіе разныхъ службъ служилые люди (ландмилицкіе люди), черносошные (государственные) крестьяне—изъ каждой провинціи по одному депутату; некочующіе инородцы—отъ каждой провинціи, отъ каждаго народа, по одному депутату. Сенатъ, Синодъ, Коллегіи и др. присутственныя мѣста должны были также прислать по депутату. Такимъ образомъ основанія представительства были различны: однѣ части населенія посылали представителей отъ уѣзда, другія отъ провинціи, третьи отъ отдѣльнаго племени, четвертыя отъ присутственнаго мѣста; одни избирали по-сословно (дворяне, крестьяне), другія по мѣсту жительства (горожане-домовладѣльцы, инородцы). Частно-владѣльческіе крестьяне и совсѣмъ были лишены права представительства. Не было и прямыхъ представителей духовенства. Такимъ образомъ, хотя и собрали въ Москву лицъ самыхъ разныхъ состояній и племенъ, но все-же представительство, установленное Екатериной, было далеко неполно. (Очень хорошо разсмотрѣна организація и составъ комиссіи 1767 г. въ сочиненіи А. В. Флоровскаго „Составъ Законодательной Комиссіи 1767—74" г.г. 1915).

Депутатъ обезпечивался, на все время пребыванія въ Комиссіи, казеннымъ жалованіемъ и долженъ былъ привезти въ Москву инструкцію отъ своихъ избирателей съ изображеніемъ ихъ нуждъ и желаній. Эти инструкціи получили названіе депутатскихъ наказовъ, а Наказъ Екатерины, въ отличіе отъ нихъ, сталъ называться „большимъ Наказомъ". Званіе депутата Екатерина старалась сдѣлать весьма почетнымъ въ глазахъ общества: депутаты навсегда освобождались отъ казни, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; за обиду депутата виновный несъ двойное наказаніе.

30 іюля 1767 г. съ торжествомъ были открыты засѣданія Комиссіи въ Грановитой палатѣ въ Москвѣ. Всѣхъ представителей, явившихся въ

комиссію, было 565. Одна треть изъ нихъ были дворяне, другая треть—горожане; число лицъ податныхъ сельскихъ классовъ не доходило и до 100; депутатовъ отъ присутственныхъ мѣстъ было 28. Понятно, что такое разнородное собраніе могло съ удобствомъ обсуждать принципы законодательства, но не могло удобно заниматься редактированіемъ законовъ въ полномъ своемъ составѣ. Оно могло ихъ только слушать, обсуждать и принимать въ готовой редакціи. Поэтому общее собраніе Комиссіи должно было выдѣлить изъ себя особыя комиссіи, которыя сдѣлали бы для общаго собранія всѣ вспомогательныя и подготовительныя работы. Эти комиссіи и были выдѣлены: однѣ изъ нихъ занимались тѣмъ, что обрабатывали отдѣльныя части будущаго кодекса послѣ обсужденія ихъ общимъ собраніемъ Комиссіи; другія же приготовляли предварительно матеріалъ для занятій общаго собранія. Одна изъ этихъ комиссій, дирекціонная,—руководила занятіями какъ частныхъ комиссій, такъ и общаго собранія, была главной пружиной всего дѣла. Въ ней были поэтому членами генералъ-прокуроръ и предсѣдатель (маршалъ) Комиссіи (А. И. Бибиковъ). Масса частныхъ комиссій вносила большую сложность въ дѣлопроизводство: каждый частный вопросъ проходилъ черезъ нѣсколько комиссій и по нѣскольку разъ черезъ одну и ту же. Это вызывало неизбѣжную медленность законодательныхъ работъ. А такъ какъ отношенія частныхъ комиссій и общаго собранія не были точно опредѣлены, то неизбѣжны были безпорядокъ и путаница въ ихъ дѣятельности. Такъ несовершенство внѣшней организаціи дѣла, ея сложность и неопредѣленность создавали первое препятствіе для успѣшнаго веденія дѣла.

Въ ходѣ занятій Комиссіи найдемъ и другія препятствія. Общее собраніе прежде всего прочитало Наказъ императрицы и узнало изъ него тѣ отвлеченные принципы дѣятельности, которые ему ставила Екатерина. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены собранія привезли съ собой болѣе 1.000 депутатскихъ наказовъ, должны были ознакомиться съ ними и уяснить себѣ тѣ нужды и желанія русскаго общества, какія въ нихъ находились. Эти нужды и желанія депутаты должны были примирить съ теоретическими желаніями наказа и слить ихъ въ гармонически-стройный законодательный кодексъ. Для такой цѣли необходимо было разобрать депутатскіе наказы и привести въ систему все ихъ содержаніе. Этотъ кропотливый трудъ могъ быть совершенъ только спеціальной комиссіей, потому что былъ неудобенъ для собранія въ 500 человѣкъ и былъ, въ сущности, черновой приготовительной работой. Далѣе, желанія сословій были часто противоположны и непримиримы: для должнаго къ нимъ отношенія мало было знать отвлеченные принципы, а слѣдовало изучить исторически положеніе того или другого вопроса, т. е., иначе говоря, разобраться въ старомъ законодательствѣ, которое состояло изъ массы (болѣе 10.000) отдѣльныхъ законоположеній, весьма не упорядоченныхъ. Поэтому вмѣстѣ съ систематиза-

ціей депутатскихъ наказовъ являлась другая подготовительная работа, не доступная общему собранію, — систематизація или простое собраніе старыхъ законовъ.

Пока обѣ эти работы не были исполнены, общему собранію нечего было дѣлать, оно должно было ждать ихъ исполненія и затѣмъ уже обсуждать приготовленные матеріалы и согласовать ихъ съ теоретическими началами. Но этихъ работъ не думали исполнять предварительно и ожидали ихъ отъ общаго собранія. Въ инструкціи, данной Екатериной Комиссіи и опредѣлявшей порядокъ ея дѣйствій, видимъ, что Екатерина на общее собраніе возлагаетъ обязанность „читать законы, въ поправленіи которыхъ болѣе состоитъ нужды“, и „читать наказы, разобравъ по матеріямъ и сдѣлавъ выписку“. Въ этомъ скрывается отсутствіе яснаго представленія о томъ, что подготовительныя законодательныя работы недоступны для обширнаго собранія, не имѣющаго въ нихъ достаточнаго навыка. Такъ, рядомъ съ несовершенствами внѣшней организаціи, и неумѣлая постановка самыхъ задачъ, смѣшеніе подготовительныхъ работъ съ прямой обязанностью Комиссіи служили вторымъ препятствіемъ къ успѣху дѣла.

Комиссія сначала вѣрно поняла, что ей необходимо было дѣлать въ ея обстановкѣ. Прочтя Наказъ Екатерины, она приступила къ чтенію наказовъ депутатскихъ и прослушала нѣсколько крестьянскихъ наказовъ. Не окончивъ этого дѣла, по предложенію маршала Бибикова, она перешла къ чтенію законовъ о дворянствѣ, затѣмъ о купечествѣ. Потративъ на это около 60 засѣданій, Комиссія занялась вопросомъ о правахъ остзейскихъ дворянъ и не окончила этого дѣла, какъ не кончила прежнихъ. Въ концѣ 1767 г. Комиссію перевели въ Петербургъ, гдѣ она также переходила отъ предмета къ предмету и ничего не достигла. Въ концѣ 1768 года члены общаго собранія были распущены въ виду войны съ Турціей. Частныя комиссіи работали немногимъ лучше. Виною такого безпорядка въ занятіяхъ было, по мнѣнію изслѣдователей, неумѣніе Бибикова и другихъ направляющихъ лицъ. Сама Екатерина чувствовала неуспѣхъ дѣла, старалась ему помочь, посылала наставленія Бибикову и не добилась ничего. Такъ рядомъ съ другими препятствіями неумѣніе ближайшихъ руководителей дѣла мѣшало его успѣху. Болѣе опытный предсѣдатель и болѣе опытная дирекціонная комиссія скорѣе поняли бы, что нужно дѣлать. Это поняла, кажется, только сама Екатерина. Распустивъ общее собраніе, она оставила нѣкоторыя частныя комиссіи, которыя и работали, кажется, до 1774 года. Общее собраніе въ то же самое время не считалось уничтоженнымъ, а было распущено на время. Такимъ образомъ подготовительныя работы не прекратились, но ихъ обсужденіе въ общемъ собраніи было отсрочено. Въ этомъ было бы можно, пожалуй, видѣть правильный шагъ въ ходѣ законодательныхъ работъ; но съ 1775 г. Екатерина стала забывать о своей Комиссіи и рѣшилась

повести свою законодательную дѣятельность безъ ея участія. Комиссія не была созвана вторично. Блестящіе и широкіе планы не осуществились, затѣя новаго законодательства не удалась.

Припомнимъ вкратцѣ весь ходъ дѣла: Екатерина убѣдилась въ необходимости исправить недостатки русскаго общественнаго быта путемъ созданія новаго законодательства. Въ этомъ, въ сущности неисполнимомъ, предпріятіи ее пугали не общіе принципы законовъ, а ихъ подробности. Она думала, что общіе принципы уже твердо установлены въ трудахъ французскихъ либеральныхъ философовъ, и сама взялась истолковать ихъ въ своемъ Наказѣ. Но ей не удалось этого сдѣлать съ желаемой полнотой и цѣльностью направленія. Подробности, которыя должны были нарости на общихъ началахъ Наказа, по мысли Екатерины, опредѣлялись нуждами и желаніями русскаго общества. Оно и было призвано высказать то, что думало, въ депутатскихъ наказахъ и было обязано прислать своихъ депутатовъ для законодательныхъ работъ. Вся трудность, всѣ стадіи этихъ работъ были возложены именно на депутатовъ. Для нихъ не были сдѣланы самыя необходимыя подготовительныя работы— собираніе и систематизація какъ стараго, такъ и новаго законодательнаго матеріала, старыхъ и новыхъ законовъ. Въ то же время депутаты были подавлены сложностью, какая была внесена въ организацію ихъ собранія, и неясностью, съ какой были опредѣлены ихъ задачи и ихъ положеніе въ общемъ собраніи и частныхъ комиссіяхъ. Практическая неопытность маршала и распорядительной дирекціонной комиссіи окончательно связала руки депутатамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, т. е. 1) отсутствія подготовительныхъ работъ, 2) непрактичности и неопредѣленности внѣшней организаціи дѣла и 3) практическаго неумѣнья руководителей,—Комиссія не только не совершила всего своего дѣла, не только не обработала какой нибудь части кодекса, но даже въ полтора года, въ 200 своихъ засѣданіяхъ, не прочла всѣхъ депутатскихъ наказовъ.

Нѣтъ основанія винить въ этомъ самихъ депутатовъ; они не могли сдѣлать большого и дѣлали то, что съ нихъ спрашивали. У нихъ спрашивали мнѣній по различнымъ вопросамъ—они давали ихъ; у нихъ требовали работы въ частныхъ комиссіяхъ—они работали. Не они, а несовершенства организаціи Комиссіи лишили ее всякаго прямого результата. Если бы, впрочемъ, дѣло устроено было и лучше съ внѣшней стороны, все-таки можно было предсказать, что изъ работъ Комиссіи ничего не выйдетъ. Грандіозный проектъ новаго законодательства былъ недостижимой утопіей, прежде всего по количеству необходимаго для него труда. Кромѣ того, нельзя было примирить либеральные принципы французской философіи съ противорѣчивыми желаніями русскихъ сословій. Депутаты стояли въ этомъ отношеніи среди многихъ исключающихъ другъ

друга противоположностей, и можно ручаться, что они никогда не вышли бы изъ нихъ, какъ не могла выйти изъ нихъ и сама Екатерина.

Однако, несмотря на полную неудачу Комиссіи, несмотря на ясный отказъ Екатерины отъ общей реформы законодательства, Екатерининская Комиссія имѣла важныя послѣдствія для послѣдующей дѣятельности императрицы. Въ этомъ вліяніи Комиссіи на правительственную дѣятельность Екатерины заключается историческое значеніе знаменитаго собранія депутатовъ 1767—1768 г.г. Депутаты не сдѣлали ничего осязательнаго, но они привезли съ собою массу наказовъ и оставили ихъ въ рукахъ Екатерины. Они много говорили, и отъ лица своихъ избирателей, и лично отъ себя, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ государственной жизни, и рѣчи ихъ остались въ бумагахъ Комиссіи. Такимъ образомъ мнѣнія какъ сословій, такъ и отдѣльныхъ избранныхъ ими лицъ, о предметахъ, интересовавшихъ Екатерину, были высказаны, и Екатерина могла ихъ узнать изъ архива Комиссіи. Сохраняя свои принципы, она овладѣла теперь мнѣніями и желаніями русскаго общества и могла ихъ изучать обстоятельно. Она и изучила ихъ. По ея собственному признанію, Комиссія подала „свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“. Ясно, что при такомъ взглядѣ на значеніе Комиссіи Екатерина должна была въ своей дальнѣйшей дѣятельности обращать большое вниманіе на сословныя заявленія. Она сама взяла на себя задачу примирять разнорѣчивыя и противорѣчивыя желанія депутатовъ, къ общей пользѣ сословій, и согласовать практическія стремленія сословій съ теоретическими взглядами своей философіи. На почвѣ отвлеченной философіи и ясно высказанныхъ земскихъ желаній ей предстояла возможность строить законодательныя реформы, которыя могли быть отвѣтомъ на земскія желанія. Съ неудачей Комиссіи не умирало ея дѣло. Если оно не удалось депутатамъ, то могло удасться самой императрицѣ.

Такъ съ роспускомъ Комиссіи не только не падала мысль Екатерины путемъ передѣлки законодательства передѣлать формы общественной жизни къ лучшему, но эта мысль становилась какъ будто ближе къ осуществленію. Созывая Комиссію, Екатерина имѣла только принципы; Комиссія показала, что именно надо исправить, къ чему нужно приложить эти принципы, о чемъ прежде всего „пещись должно“. Этотъ результатъ и не позволилъ Екатеринѣ совсѣмъ разочароваться въ Комиссіи и въ своемъ планѣ. Она принялась по частямъ выполнять свой планъ, давала рядъ отдѣльныхъ законоположеній, изъ которыхъ замѣчательны губернскія учрежденія 1775 г. и грамоты сословіямъ 1785 г. Мы увидимъ при ихъ разборѣ, какъ совмѣщались въ нихъ и принципы Екатерины, и стремленія сословій.

Губернскія учрежденія Екатерины II и грамоты 1785 г. Губернскія учрежденія императрицы Екатерины составили эпоху въ исторіи

мѣстнаго управленія Россіи. Мы видѣли, что въ управленіи центральномъ Екатерина произвела нѣкоторую перемѣну еще въ первое время своего царствованія: она отняла у Сената его полномочія, какими онъ пользовался при Елизаветѣ. Сенатъ получилъ эти полномочія какъ бы въ наслѣдство отъ кабинета Анны, но Екатерина не возстановила Кабинета и не удержала при себѣ того совѣта изъ 9 членовъ, какой сформировался было при Петрѣ III. Она вообще не поставила въ государственномъ управленіи ничего выше Сената. Только съ 1768 г., по случаю начавшейся войны съ Турками, у нея явилась мысль устроить при себѣ совѣтъ, на манеръ конференціи Елизаветы. Этотъ совѣтъ и существовалъ, но не имѣлъ опредѣленной организаціи и не вліялъ замѣтно на управленіе. Собственно этимъ и ограничивалась реформаторская дѣятельность Екатерины относительно центральныхъ учрежденій.

За то въ 1775 г. были изданы „Учрежденія для управленія губерній". Вмѣсто прежнихъ 20 губерній, существовавшихъ въ 1766 г., по этимъ „учрежденіямъ о губерніяхъ" явилось къ 1795 г. уже пятьдесятъ одна губернія. Прежде губерніи дѣлились на провинціи, а провинціи на уѣзды; теперь губерніи дѣлятся прямо на уѣзды. Прежде областное дѣленіе производилось случайно, почему и выходило такъ, что, напр., Московская губ. имѣла 2.230.000 жителей, а Архангельская только 438.000, а между тѣмъ численный штатъ администраціи былъ приблизительно одинаковъ и въ той и въ другой губерніи. Теперь же, при новомъ административномъ раздѣленіи, было принято за правило, чтобы въ каждой губерніи было отъ 300 до 400 тысячъ жителей, а въ уѣздѣ—отъ 20 до 30 тысячъ. Въ основу новаго дѣленія было, такимъ образомъ, положено начало статистическое, при проведеніи котораго въ жизнь упускалось изъ виду, что управлять тѣми же 300—400 тыс. душъ гораздо труднѣе, если онѣ разбросаны на большихъ пространствахъ. При большей дробности новыхъ административныхъ округовъ, нужно было и болѣе административныхъ центровъ; поэтому возникло много новыхъ городовъ, созданныхъ совершенно искусственно.

Измѣнивъ областныя границы, учрежденіе о губерніяхъ измѣнило и устройство областного управленія. До 1775 г. главнымъ органомъ управленія въ губерніяхъ, провинціяхъ и уѣздахъ были губернаторы и воеводы со своими канцеляріями. Земскій элементъ, введенный въ областное управленіе Петромъ В., удержался только въ городскомъ самоуправленіи и исчезъ изъ губернскаго управленія, почему мѣстная администрація стала бюрократической. Судъ, отдѣленный при Петрѣ отъ администраціи, вскорѣ снова слился съ нею. Такимъ образомъ бюрократизмъ и смѣшеніе вѣдомствъ стали отличительными признаками мѣстнаго управленія. При этомъ составъ администраціи былъ малочисленъ и администрація была слаба. Эта слабость ясно сказалась во время москов-

скаго бунта 1771 г., происшедшаго подъ впечатлѣніемъ чумы. Московскіе сенаторы (въ Москвѣ было два департамента Сената) и прочія власти растерялись при первомъ же движеніи народа. Противъ мятежной толпы, убившей архіепископа Амвросія, не могли собрать и 500 солдатъ. Московскій главнокомандующій графъ Салтыковъ горько жаловался Екатеринѣ на недостаточность своихъ средствъ для борьбы съ чернью: „я одинъ въ городѣ и Сенатѣ“, писалъ онъ: „помощниковъ нѣтъ команды военной не достаетъ... помочь мнѣ некому“. Еще сильнѣе сказалась слабость администраціи во время извѣстнаго Пугачевскаго бунта 1773—1774 гг. Этотъ бунтъ возникъ среди казачества на Уралѣ и былъ послѣдней попыткой его борьбы съ режимомъ государства. Не страшное, само по себѣ, движеніе казаковъ стало особенно опаснымъ потому, что сообщилось крестьянству всего Поволжья. По случаю турецкой войны у правительства было мало войскъ, а администрація не могла ни во время сдержать крестьянскія волненія, ни принять должныя мѣры, чтобы обезопасить не только общество, но и самихъ себя отъ всякихъ случайностей и опасностей. При такихъ условіяхъ Пугачевъ подъ именемъ Петра III овладѣлъ громадными пространствами отъ Оренбурга до Казани, и борьба съ нимъ обратилась въ упорную войну. Только послѣ ряда битвъ Пугачевъ былъ пойманъ и казненъ въ 1774 г. Шайки его разсѣялись, но волненіе утихало не сразу, и Екатерина выработала свои учрежденія о губерніяхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ необыкновеннаго погрома.

Она стремилась увеличить силы администраціи, разграничить вѣдомства и привлечь къ участію въ управленіи земскіе элементы. Въ этомъ ея стремленія напоминаютъ стремленія Петра Великаго, но формы Екатерининской администраціи далеко разошлись съ формами Петровскаго времени, да и основанія ихъ были мало, въ сущности, сходны. Учрежденія Екатерины прежде всего были гораздо сложнѣе учрежденій Петра.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ были установлены: 1) Губернское правленіе—главное губернское учрежденіе съ губернаторомъ во главѣ. Оно имѣло административный характеръ, являлось ревизоромъ всего управленія, представляло собою правительственную власть въ губерніи. 2) Палаты уголовная и гражданская—высшіе органы суда въ губерніи. 3) Палата казенная—органъ финансоваго управленія. Всѣ эти учрежденія имѣли коллегіальный характеръ (губернское правленіе—лишь по формѣ, ибо вся власть принадлежала губернатору) и бюрократическій составъ, и вѣдали всѣ сословія губерніи. Затѣмъ въ губернскомъ городѣ были: 4) Верхній земскій судъ—судебное мѣсто для дворянскихъ тяжбъ и для суда надъ дворянами. 5) Губернскій магистратъ—судебное мѣсто для лицъ городского сословія по искамъ и тяжбамъ на нихъ. 6) Верхняя

расправа—судебное мѣсто для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Эти суды имѣли коллегіальный характеръ, состояли изъ предсѣдателей—коронныхъ судей и засѣдателей—выборныхъ того сословія, дѣлами котораго занималось учрежденіе. По кругу дѣлъ и по составу эти учрежденія были, стало быть, сословными, но дѣйствовали подъ руководствомъ коронныхъ чиновниковъ. Наконецъ, въ губернскомъ городѣ были: 7) Совѣстный судъ—для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамѣренными преступленіями и 8) Приказъ общественнаго призрѣнія—для устройства школъ богадѣленъ, пріютовъ и т. п. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ предсѣдательствовали коронные чиновники, засѣдали представители всѣхъ сословій и вѣдались лица всѣхъ сословій. Такъ, не будучи сословнымъ, эти учрежденія не были и бюрократическими.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ находились: 1) Нижній земскій судъ—вѣдавшій уѣздную полицію и администрацію, состоявшій изъ исправника (капитана-исправника) и засѣдателей; и тотъ и другіе избирались изъ дворянъ уѣзда. Исправникъ считался начальникомъ уѣзда и былъ исполнительнымъ органомъ губернскаго управленія. 2) Уѣздный судъ—для дворянъ, подчиненный верхнему земскому суду. 3) Городской магистратъ—судебное мѣсто для горожанъ, подчиненное губернскому магистрату (городская полиція была ввѣрена коронному чиновнику—городничему). 4) Нижняя расправа—судъ для государственныхъ крестьянъ, подчиненный верхней расправѣ. Всѣ эти учрежденія по своему составу были коллегіальными и сословными мѣстами (изъ лицъ того сословія, дѣла котораго вѣдали); только предсѣдатель нижней расправы былъ назначаемъ отъ правительства.

Кромѣ перечисленныхъ учрежденій, слѣдуетъ замѣтить еще два: для попеченія о вдовахъ и дѣтяхъ дворянъ была установлена Дворянская Опека (при каждомъ Верхнемъ земскомъ судѣ), а для призрѣнія вдовъ и сиротъ горожанъ—сиротскій судъ (при каждомъ городовомъ магистратѣ). И въ томъ, и въ другомъ учрежденіи членами были сословные представители. Въ дворянской опекѣ предсѣдательствовалъ предводитель дворянства (они стали существовать со времени Екатерининской комиссіи), а въ сиротскомъ судѣ—городской голова.

Такова была система мѣстныхъ учрежденій Екатерины II. Мы видимъ, что вмѣсто довольно простыхъ формъ прежняго времени, теперь раскинута въ каждой губерніи цѣлая сѣть учрежденій съ многочисленнымъ составомъ, и эта многочисленная администрація сосредоточена въ меньшихъ административныхъ округахъ. При обиліи новыхъ учрежденій замѣчаемъ, что они стараются выдержать модный въ XVIII вѣкѣ принципъ раздѣленія вѣдомствъ и властей: администрація въ нихъ отдѣлена отъ суда, судъ отъ финансоваго управленія. Мѣстныя общества

получили на сословномъ принципѣ широкое участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія: и дворянство, и горожане, и даже люди низшихъ классовъ наполняли своими представителями большинство новыхъ учрежденій. Мѣстная администрація приняла видъ земскаго самоуправленія, дѣйствовавшаго впрочемъ въ чувствительной зависимости и подъ контролемъ немногихъ правительственныхъ лицъ и бюрократическихъ органовъ. Екатерина думала, что она достигла своихъ цѣлей: усилила составъ администраціи, правильно распредѣлила вѣдомства между органами управленія и дала широкое участіе земству въ новыхъ учрежденіяхъ. Мѣстное управленіе вышло очень систематично и либерально. Оно отвѣчало до нѣкоторой степени и отвлеченнымъ теоріямъ Екатерины, потому что отразило на себѣ либеральныя ученія европейскихъ публицистовъ, и желаніямъ сословій, потому что имѣло несомнѣнную связь съ депутатскими желаніями. О самоуправленіи говорили въ комиссіи 1767—1768 г.

Однако, будучи очень систематичны сами по себѣ, мѣстныя учрежденія 1775 г. не привели въ систему всего государственнаго управленія. Они не затронули формъ центральнаго управленія, но имѣли на него косвенное вліяніе. Центръ тяжести всего управленія былъ перенесенъ въ области, и въ центрѣ оставалась лишь обязанность руководства и общаго наблюденія. Екатерина сознавала это. Но она не тронула первоначально ничего въ центральномъ управленіи, а между тѣмъ перемѣны въ немъ должны были произойти, потому что Петръ именно на петербургскія коллегіи возложилъ главную тяжесть управленія. Перемѣны и произошли скоро: за неимѣніемъ дѣлъ, коллегіи мало по малу стали уничтожаться. За водвореніемъ стройной системы въ мѣстномъ управленіи слѣдовало паденіе прежней системы въ управленіи центральномъ. Оно, въ свою очередь, стало требовать реформы и, переживъ окончательное разстройство при императорѣ Павлѣ, получило ее уже при императорѣ Александрѣ I (когда учреждены были министерства).

Таковы были главныя мѣры Екатерины относительно управленія. Новыя учрежденія, притягивая къ себѣ силы мѣстныхъ обществъ, вносили нѣчто новое въ жизнь и отношенія сословій. Легко замѣтить, что, за исключеніемъ двухъ учрежденій (совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія), всѣ остальныя были органами какого нибудь одного сословія. Самоуправленіе получило строго-сословный характеръ; оно не было новостью для горожанъ, зато громадною новостью было для дворянства.

Сословія. Становясь привилегированнымъ и обособленнымъ сословіемъ, дворянство не имѣло еще сословной организаціи, а съ уничтоженіемъ обязательной службы могло потерять и служебную организацію. Учрежденія 1775 года, давая дворянству самоуправленіе, этимъ самымъ

давали ему внутреннюю организацію. Для избранія должностныхъ лицъ дворяне должны были съѣзжаться всѣмъ уѣздомъ черезъ каждые три года и выбирали себѣ уѣзднаго предводителя, капитана исправника и засѣдателей въ различныя учрежденія. Дворянство каждаго уѣзда становилось цѣлымъ сплоченнымъ обществомъ и черезъ своихъ представителей управляло всѣми дѣлами уѣзда; и полиція и администрація находились въ рукахъ дворянскаго учрежденія (нижній земскій судъ). По своему сословному положенію дворяне становились съ 1775 г. не только землевладѣльцами уѣзда, но и его администраторами. Въ то же время, въ тѣхъ учрежденіяхъ 1775 г., составъ которыхъ былъ бюрократическимъ, или наполовину или совсѣмъ, громадное число чиновниковъ принадлежало къ дворянству; поэтому можно сказать, что не только уѣздное, но и губернское управленіе вообще сосредоточивалось въ дворянскихъ рукахъ. Дворянство же изъ своихъ рядовъ давно уже поставляло, какъ мы видѣли, главныхъ дѣятелей и въ центральныя учрежденія. Съ упадкомъ старой аристократіи, дворяне стали ближайшими помощниками верховной власти въ дѣлѣ управленія и наполняли всѣ высшія учрежденія въ качествѣ коронныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, съ 1775 г. вся Россія отъ высшихъ до низшихъ ступеней управленія (кромѣ развѣ городовыхъ магистратовъ) стала управляться дворянствомъ: вверху они дѣйствовали въ видѣ бюрократіи, внизу—въ качествѣ представителей дворянскихъ самоуправляющихся обществъ.

Такое значеніе для дворянства имѣли реформы 1775 г.; онѣ дали ему сословную организацію и первенствующее административное значеніе въ странѣ. Въ „Учрежденіяхъ для управленія губерній" однако и организація, данная дворянству, и ея вліяніе на мѣстное управленіе разсматриваются какъ факты, созданные въ интересахъ государственнаго управленія, а не сословій. Позднѣе Екатерина тѣ же факты, ею установленные, а равно и прежнія права и преимущества дворянъ изложила въ особой Жалованной грамотѣ дворянству 1785 года. Здѣсь уже начала сословнаго самоуправленія разсматриваются, какъ сословныя привилегіи, наряду со всѣми тѣми правами и льготами, какія дворяне имѣли раньше. Жалованная грамота 1785 года явилась, такимъ образомъ, не новымъ по существу закономъ о дворянствѣ, но систематическимъ изложеніемъ ранѣе существовавшихъ правъ и преимуществъ дворянъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, прибавленіями. Эти прибавленія составляли дальнѣйшее развитіе того, что уже существовало. Главною новостью было признаніе дворянства уже не одного уѣзда, но и цѣлой губерніи, за отдѣльное общество съ характеромъ юридическаго лица.

Грамотою 1785 года завершенъ былъ тотъ процессъ сложенія и возвышенія дворянскаго сословія, какой мы наблюдали на пространствѣ всего XVIII вѣка. При Петрѣ Великомъ дворянинъ опредѣлялся обя-

занностью безсрочной службы и правомъ личнаго землевладѣнія, причемъ это право принадлежало ему не исключительно и не вполнѣ. При императрицѣ Аннѣ дворянинъ облегчилъ свою государственную службу и увеличилъ землевладѣльческія права. При Елизаветѣ онъ достигъ первыхъ сословныхъ привилегій въ сферѣ имущественныхъ правъ и положилъ начало сословной замкнутости; при Петрѣ III снялъ съ себя служебную повинность и получилъ нѣкоторыя исключительныя личныя права. Наконецъ, при Екатеринѣ II, дворянинъ сталъ членомъ губернской дворянской корпораціи, привилегированной и державшей въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе. Грамота 1785 г. установила, что дворянинъ не можетъ иначе, какъ по суду, лишиться своего званія, передаетъ его женѣ и дѣтямъ; судится только равными себѣ, свободенъ отъ податей и тѣлесныхъ наказаній, владѣетъ, какъ неотъемлемой собственностью, всѣмъ, что находится въ его имѣніи; свободенъ отъ государственной службы, но не можетъ принимать участія въ выборахъ на дворянскія должности, если не имѣетъ „офицерскаго чина". Таковы главнѣйшія права всякаго дворянина. Участіе дворянскихъ обществъ въ мѣстномъ управленіи намъ уже извѣстно. Помимо этого участія дворянскія общества имѣли всѣ права юридическихъ лицъ и пользовались широкимъ просторомъ въ устройствѣ своихъ общественныхъ дѣлъ. Къ такимъ результатамъ дворянство пришло къ концу XVIII вѣка; исключительныя личныя права, широкое право сословнаго самоуправленія и сильное вліяніе на мѣстное управленіе—вотъ результаты, къ какимъ привела дворянское сословіе политика императрицы.

Къ этимъ результатамъ слѣдуетъ причислить и прогрессъ крѣпостного права. Мы видѣли, что положеніе крестьянъ ухудшалось непрерывно въ XVIII вѣкѣ. Столкновеніе интересовъ помѣщика, строившаго все свое хозяйство на даровомъ трудѣ крестьянина, съ интересами крестьянина, сознававшаго себя не рабомъ, а гражданиномъ, было непримиримо и разрѣшалось, закономъ и жизнью, въ пользу помѣщика. Екатерина мечтала о крестьянскомъ освобожденіи, строила его проекты, но она взошла на престолъ и правила съ помощью дворянства и не могла нарушить союзъ свой съ господствующимъ сословіемъ. Поэтому, не отступаясь отъ своихъ воззрѣній, она въ то же время поступала вопреки имъ. При Екатеринѣ крѣпостное право росло и въ смыслѣ его силы, и въ смыслѣ широты его распространенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росли и думы о его уничтоженіи и въ самой императрицѣ, и въ людяхъ, шедшихъ за теченіями вѣка. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось такихъ людей.

Законодательство о крестьянахъ времени Екатерины по прежнему направлялось къ дальнѣйшему ограниченію крестьянскихъ правъ и усиленію власти надъ ними помѣщика. Во время крестьянскихъ волненій въ 1765—1766 годахъ помѣщики получили право ссылать своихъ крестьянъ

не только на поселеніе въ Сибирь (это ужъ было ранѣе), но и на каторгу, „за дерзости“ помѣщику. Помѣщикъ во всякое время могъ отдать крестьянина въ солдаты, не дожидаясь времени рекрутскаго набора. Когда же эти мѣры не привели къ подавленію крестьянскихъ волненій, и крестьяне продолжали волноваться и жаловаться на помѣщиковъ, то указомъ 1767 года крестьянамъ было запрещено подавать какія бы то ни было жалобы на помѣщиковъ. Въ комиссіи 1767—1768 годовъ были собраны представители всѣхъ классовъ общества, но не было ни одного владѣльческаго крестьянина. Учрежденія 1775 года давали право самоуправленія всѣмъ классамъ мѣстнаго общества, кромѣ владѣльческихъ крестьянъ. Всѣ эти указы и мѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что на крестьянъ смотрѣли не какъ на гражданъ, а какъ на помѣщичью собственность. Грамота дворянству 1785 года, не говоря прямо о существѣ помѣщичьей власти надъ крестьянами, косвенно признавала крестьянъ частной собственностью дворянина вмѣстѣ съ прочимъ его имѣніемъ.

Но такой взглядъ на крестьянство не повелъ къ полному уничтоженію гражданской личности крестьянъ: они продолжали считаться податнымъ классомъ общества, имѣли право искать въ судахъ и быть свидѣтелями на судѣ, могли вступать въ гражданскія обязательства и даже записываться въ купцы съ согласія помѣщика. Казна даже допускала ихъ къ откупамъ за поручительствомъ помѣщика. Въ глазахъ закона, такимъ образомъ, крестьянинъ одновременно былъ и частнымъ рабомъ и гражданиномъ. И даже, касаясь частныхъ отношеній крестьянина и его владѣльца, законъ не доходилъ до признанія полнаго его рабства и считалъ возможнымъ и должнымъ ограничивать право распоряженія крестьяниномъ. Помѣщикъ могъ продавать и отпускать на волю крестьянъ, но законъ запрещалъ ему торгъ крестьянами во время рекрутскихъ наборовъ (а равно запрещалъ и торгъ отдѣльными людьми съ молотка) и отпускъ на волю такихъ крѣпостныхъ, которые не могли прокормить себя по болѣзни или старости.

Такая двойственность законодательства въ отношеніи крестьянъ указывала на отсутствіе твердаго взгляда на нихъ у правительства. Это отсутствіе и было причиною того, что въ то самое время, какъ Екатерина грамотами 1785 года опредѣлила государственное положеніе дворянъ и горожанъ, положеніе крестьянъ осталось неопредѣленнымъ, и крѣпостное право не получило законодательной формулы и общихъ опредѣленій. Въ правительствѣ было уже два извѣстнымъ намъ направленія въ вопросѣ о крестьянахъ: императрица хотѣла ихъ освобожденія, окружающіе ее—дальнѣйшаго развитія помѣщичьихъ правъ. Смотря по тому, чьи взгляды брали перевѣсъ, отдѣльныя мѣры о крестьянахъ принимали тотъ или другой характеръ. Вотъ почему въ положеніи крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ наблюдаемъ рядъ замѣчательныхъ противорѣчій.

Для примѣра возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Рядомъ указовъ Екатерина старалась ограничить распространенiе крѣпостного права и прямо запрещала свободнымъ людямъ и вольноотпущеннымъ вновь вступать въ крѣпостную зависимость. Учреждая новые города изъ селъ, населенныхъ крѣпостными, правительство выкупало крестьянъ и обращало ихъ въ горожанъ. Вся масса, около миллiона крестьянъ, принадлежащихъ духовенству, была окончательно изъята изъ частнаго владѣнiя и превращена въ особый разрядъ государственныхъ крестьянъ подъ именемъ экономическихъ (1763). Но рядомъ съ этимъ Екатерина щедро раздавала приближеннымъ людямъ имѣнiя и число новыхъ крѣпостныхъ въ этихъ имѣнiяхъ достигало громадной цифры. Далѣе, во все свое царствованiе Екатерина искренно строила проекты освобожденiя крестьянъ; уже во вторую половину ея царствованiя видѣли проектъ закона о томъ, чтобы объявить свободными всѣхъ дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ, рожденныхъ послѣ Жалованной грамоты 1785 г. Но рядомъ съ этимъ Екатерина воспретила свободный переходъ малорусскихъ крестьянъ и тѣмъ формально водворила въ Малороссiи крѣпостное право, хотя надо сказать, что сама жизнь до нея уже подготовила его.

Результатомъ такихъ противорѣчiй было не прекращенiе или ограниченiе крѣпостного права, а еще большiй его расцвѣтъ. Изслѣдователи исторiи крѣпостного права замѣчаютъ, что вѣкъ Екатерины былъ временемъ наибольшаго развитiя крестьянской зависимости. И какъ разъ въ это же самое время общественная мысль обратилась къ теоретическому обсужденiю крѣпостного права. Не одна императрица задумывалась надъ ненормальнымъ явленiемъ рабства. Послѣ манифеста о вольности дворянской и у крестьянъ и у дворянъ явилась мысль о томъ, что съ уничтоженiемъ повинности дворянъ естественнымъ стало уничтоженiе и крестьянской зависимости. Въ обществѣ явился такъ называемый крестьянскiй вопросъ и два взгляда на него: одинъ въ пользу освобожденiя крестьянъ, другой противъ освобожденiя. Екатерина допустила обсужденiе этого вопроса не только въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ судьба крестьянства давно составляла вопросъ, но и въ сферѣ общественной жизни. Въ Петербургскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, устроенномъ въ 1765 г. для поощренiя полезныхъ знанiй въ области сельскаго хозяйства, съ первыхъ же минутъ его дѣятельности былъ возбужденъ вопросъ о бытѣ крестьянъ. Близкiй къ императрицѣ человѣкъ, Гр. Гр. Орловъ, предложилъ (въ 1766 г.), чтобы Общество поставило на публичное обсужденiе вопросъ о крѣпостной зависимости и о правахъ крестьянъ. Тема дѣйствительно была дана Обществомъ и вызвала массу трактатовъ о крестьянскомъ вопросѣ, присланныхъ въ Общество и изъ Россiи и изъ-за границы. Премiя была присуждена Обществомъ сочиненiю Ахенскаго ученаго Беарде-Делабея, который высказался въ освободительномъ

духѣ. Далѣе, въ Комиссіи 1767 г. допущено было широкое обсужденіе крестьянскаго вопроса.

Таковы были главнѣйшіе факты законодательной дѣятельности императрицы Екатерины. Въ противоположность Петру Великому, Екатерина выступила на поле дѣятельности съ широкимъ преобразовательнымъ планомъ, въ основаніе котораго легли отвлеченные принципы. Она не успѣла выполнить своего плана цѣликомъ и не провела послѣдовательно своихъ идей. Мысли Наказа не перешли въ практику, законодательство не было перестроено на новыхъ основаніяхъ, отношенія сословій остались по существу прежними и развивались въ томъ направленіи, какое дано было въ предшествующее время. Развитіе крѣпостного права и сословность самоуправленія прямо противорѣчили тѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ, какимъ поклонялась императрица, но за то прямо соотвѣтствовали желаніямъ самаго вліятельнаго сословія—дворянскаго. Коллизія личныхъ взглядовъ Екатерины и русской дѣйствительности всегда приводила Екатерину къ уступкамъ дѣйствительности во всѣхъ важныхъ ея мѣропріятіяхъ. На Екатеринѣ оправдалась справедливость историческаго положенія о безсиліи личности измѣнить общій ходъ событій. Какъ историческій дѣятель, Екатерина осталась вѣрна тѣмъ началамъ русской жизни, какія были завѣщаны ея времени временами предыдущими; она продолжала свою дѣятельность въ томъ же направленіи, въ какомъ работали ея предшественники, хотя иногда и не сочувствовала имъ и не желала дѣйствовать такъ, какъ они. Сила событій и отношеній была сильнѣе ея личной силы и воли.

Однако не слѣдуетъ думать, что личность Екатерины и ея личные взгляды прошли безслѣдно въ ея правительственной дѣятельности. Они сказались, съ одной стороны, въ общихъ пріемахъ, просвѣщенныхъ и либеральныхъ, всей государственной дѣятельности Екатерины и во многихъ отдѣльныхъ ея мѣропріятіяхъ; съ другой стороны, они отразились на самомъ русскомъ обществѣ и много содѣйствовали распространенію образованія вообще и гуманно-либеральныхъ идей XVIII вѣка въ частности.

Отдѣльныя мѣропріятія. Изъ отдѣльныхъ мѣропріятій просвѣщеннаго правительства Екатерины особенно замѣчательны мѣры относительно народнаго образованія и заботы о народной гигіенѣ. Съ Петра образованіе въ Россіи носило практическій характеръ—усвоеніе знаній для потребностей службы и жизни. Екатерина II въ своемъ Наказѣ первая заговорила о воспитательномъ значеніи образованія и стала затѣмъ заботиться объ учрежденіи воспитательныхъ заведеній. „Одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина“, такъ говорила Екатерина (въ своихъ „Учрежденіяхъ, касающихся до воспитанія“): „но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей

лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце его не вкоренены..... Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе". Для того же, чтобы воспитать русское общество, Екатерина лучшимъ средствомъ считала „произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей", нравственно совершенныхъ. Эта новая порода людей должна была вырасти въ воспитательныхъ училищахъ подъ надзоромъ опытныхъ педагоговъ, въ полномъ разобщеніи съ семьей и обществомъ. Такими воспитательными училищами явились: воспитательные дома въ Москвѣ (1763) и Петербургѣ (1767), закрытые институты отдѣльно для дѣвицъ-дворянокъ и для дѣвицъ-горожанокъ (съ 1764) и кадетскіе корпуса. Кромѣ заведеній воспитательныхъ, Екатерина заботилась также и о распространеніи открытыхъ училищъ: въ каждомъ уѣздномъ городѣ должны были явиться Малыя народныя училища, въ каждомъ губернскомъ городѣ—Главныя народныя училища, наконецъ, въ Екатеринославѣ, Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ предполагалось учредить университеты. Хотя этотъ планъ по недостатку средствъ и не осуществился вполнѣ, однако для народнаго образованія при Екатеринѣ сдѣлано было очень много. Энергія въ этомъ дѣлѣ Екатерины и ея помощника И. И. Бецкаго заслуживаетъ благодарнаго воспоминанія, хотя современная намъ педагогія и строится на иныхъ основаніяхъ чѣмъ основанія педагогической системы Бецкаго.

Заботы о народномъ здоровьѣ и гигіенѣ вызвали при Екатеринѣ попытку правильно организовать врачебную помощь во всей странѣ. Медицинская комиссія, учрежденная въ 1763 г., и Приказы общественнаго призрѣнія должны были блюсти медицинскую часть въ Имперіи. Каждый городъ обязанъ былъ имѣть врачей не только для города, но и для уѣзда, обязанъ также былъ устраивать госпитали и больницы, заводить пріюты для неизлечимо больныхъ и сумасшедшихъ (богоугодныя заведенія). Такъ какъ не доставало врачей, ихъ выписывали изъ-за границы и заботились объ образованіи русскихъ лекарей и хируговъ. Въ то же время основывали аптеки и фабрики хирургическихъ инструментовъ.

Весь этотъ рядъ заботъ объ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи народа и его физическомъ здоровьѣ сильно отражалъ на себѣ идеи вѣка, усвоенныя Екатериной. Та же зависимость отъ западно-европейскихъ идей сказалась и въ отношеніи Екатерины къ русской торговлѣ и промышленности. Она стремилась покровительствовать имъ: дала въ 1785 г. Жалованную грамоту городамъ, подтверждая ею права городского самоуправленія; желала лучше организовать кредитъ и учредила Государственный Заемный Банкъ съ большимъ капиталомъ; изыскивала средства увеличить вывозъ. Но ея экономическая политика отличалась существенно отъ политики предыдущихъ царствованій. Съ Петра Великаго у насъ установилась надъ торговлей и промышленностью система

строгаго правительственнаго надзора, и дѣятельность торгово-промышленнаго класса была стѣснена регламентаціей. Екатерина сняла эти стѣсненія, уничтожила самые органы контроля Бергъ и Мануфактуръ-Коллегію и стала держаться въ отношеніи торговли и промышленности извѣстнаго принципа „laisser faire, laisser passer“. Этотъ принципъ въ ея время былъ уже высказанъ и англійскими и французскими экономистами и сочувственно принимался корифеями французской философіи. Екатерина усвоила его: она содѣйствовала развитію промышленности и торговли, но она не направляла это развитіе въ ту или другую сторону.

Такъ отражались взгляды и образованіе Екатерины въ правительственной практикѣ. Небезслѣдно проходила ея личность и въ общественной жизни. Изученіе литературы XVIII вѣка покажетъ вамъ, какою широкою струей при Екатеринѣ вливались въ русскую общественную жизнь идеи, выработанныя на Западѣ, какъ оживилась и быстро шла впередъ общественная мысль, какъ развивалась наша литература и журналистика. Однимъ изъ дѣятелей этой литературы и однимъ изъ наиболѣе раннихъ проводниковъ въ русское общество европейскихъ идей была сама Екатерина. Такимъ образомъ, подчиняясь практической необходимости, Екатерина отступала иногда отъ своихъ теорій, но не оставляла ихъ совсѣмъ, и если жизнь разбивала ея философскія мечты и заставляла противорѣчить слову дѣломъ, то въ другихъ случаяхъ мечты Екатерины дѣйствовали на русскую жизнь и влекли ее за собою.

Внѣшняя политика Екатерины II.

Не трудно замѣтить, что внутренняя политика Екатерины II не стремилась возвратить русское общество къ формамъ быта, существовавшимъ при Петрѣ. Екатерина не подражала въ этомъ Елизаветѣ. Она желала широкой законодательной реформой поставить общественную жизнь Россіи на обще-европейскія основанія и не могла осуществить своего плана: вмѣсто общей реформы, въ русской жизни продолжали развиваться тѣ явленія, какія мы наблюдали въ первой половинѣ XVIII вѣка. Однако, не подражая ни Петру, ни Елизаветѣ, Екатерина еще менѣе подражала нѣмецкимъ правительствамъ, бывшимъ на Руси: при ней у дѣлъ стояли русскіе люди, и интересы Россіи понимались чисто по-русски. Екатерина была національной государыней не менѣе, чѣмъ Елизавета.

И во внѣшнихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ Екатерина не стремилась подражать кому бы то ни было изъ своихъ предшественниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣла понять исконныя задачи русской политики и потому была прямою подражательницею Петра. Мы видѣли, что изъ трехъ вопросовъ русской внѣшней политики, стоявшихъ на очереди при Петрѣ,—

шведскаго, польскаго и турецкаго,—Петръ разрѣшилъ только первый. Его ближайшіе преемники не разрѣшили ни второго, ни третьяго. Ихъ разрѣшила Екатерина II, и хотя нѣкоторые и думаютъ, что ея рѣшеніе произведено съ ошибками, тѣмъ не менѣе у Екатерины нельзя отнять той чести, что она поняла и счастливо закончила то, чего не успѣлъ закончить Петръ. Ко времени Екатерины задачи Россіи состояли въ томъ, чтобы взять у Турціи Крымъ и сѣверные берега Чернаго моря, иначе говоря, достигнуть на югѣ естественныхъ географическихъ границъ имперіи. По отношенію къ Польшѣ задачи Россіи состояли въ томъ, чтобы освободить православно-русское населеніе Польши отъ католическо-польскаго владычества, то-есть, взять у Польши старо-русскія земли и достигнуть съ этой стороны этнографическихъ границъ русской народности. Екатерина счастливо исполнила все это: Россія при ней завоевала Крымъ и берега Чернаго моря и присоединила отъ Польши всѣ русскія области, кромѣ Галиціи. Въ этомъ заключались важнѣйшіе результаты внѣшней политики Екатерины, увеличившей народонаселеніе имперіи на 12 милліоновъ душъ; но этимъ не исчерпывалось ея содержаніе.

Вступая на престолъ, Екатерина застала конецъ Семилѣтней войны въ Европѣ, а въ Россіи—охлажденіе къ Австріи и сближеніе съ Пруссіей, наконецъ, приготовленія къ войнѣ съ Даніей, сдѣланныя Петромъ III. Прекративъ ихъ и сохранивъ нейтралитетъ въ Семилѣтней войнѣ, Екатерина уничтожила прусское вліяніе при русскомъ дворѣ и постаралась поставить себя внѣ всякихъ союзовъ и дипломатическихъ обязательствъ. Она хотѣла мира, чтобы упрочить свое положеніе, и избѣгала обязательствъ, чтобы развязать себѣ руки относительно Польши, гдѣ ожидали смерти Августа III и гдѣ слѣдовало посадить удобнаго для Россіи короля. Между тѣмъ европейскіе дворы искали союза съ Россіей, чтобы съ ея помощью получить выгодныя условія мира при окончаніи Семилѣтней войны, и потому Екатеринѣ нужно было большое искусство и не мало труда, чтобы отъ всѣхъ отдѣлаться и никого не обидѣть. „Со всѣми государями Европы я веду себя, какъ искусная кокетка", говорила сама о себѣ Екатерина. Въ сущности, ей не удалось достигнуть своей цѣли. Положеніе дѣлъ заставило Екатерину связать себя союзомъ съ Пруссіей, воевать въ Польшѣ и принять войну съ Турціей, объявленную вслѣдствіе интригъ Франціи. Это были главнѣйшія внѣшнія событія первой половины царствованія Екатерины. Всѣ они находились въ зависимости одно отъ другого и отъ внѣшняго положенія дѣлъ въ Европѣ. На первый взглядъ, въ нихъ много случайнаго. Но Екатерина не руководилась только случайностями и мимолетными соображеніями. Съ первыхъ же лѣтъ ея политики у нея явилась извѣстная политическая система, и, отзываясь на ту или другую политическую случайность, она сообразовалась съ требованіями своей системы. Эта система родилась въ головѣ русскаго дипломата нѣмца

Корфа, была разработана Панинымъ и принята Екатериной. Система была извѣстна подъ своеобразнымъ названіемъ „Сѣвернаго аккорда“ и по содержанію была большою утопіей. Корфъ и Панинъ желали „на сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ“ изъ Россіи, Пруссіи, Польши, Англіи и др. сѣверныхъ государствъ и съ цѣлями мира противопоставить его французско-австрійскому союзу. Невозможно было ждать, чтобы всѣ сѣверныя государства, имѣвшія между собой много счетовъ и неудовольствій, могли сблизиться въ прочный и долгій союзъ. Однако идея „Сѣвернаго аккорда“ была причиной разрыва традиціоннаго союза Россіи съ Австріей, державшагося со времени Петра Великаго. Въ 1764 г. Россія вступила въ союзъ съ врагомъ Австріи, Фридрихомъ Прусскимъ, для совмѣстныхъ дѣйствій въ Польшѣ.

Мы не станемъ останавливаться на внѣшнихъ подробностяхъ военныхъ и политическихъ событій времени Екатерины, весьма извѣстныхъ. Относительно перваго раздѣла Польши замѣтимъ лишь, что въ тѣхъ религіозныхъ и политическихъ смутахъ, какія начались въ Польшѣ со смертью Августа III и вступленіемъ на престолъ Августа IV (Понятовскаго), Россія была заинтересована болѣе другихъ сосѣдей Польши, потому что ей приходилось одновременно защищать двоякаго рода интересы: политическіе и религіозно-національные. Какъ европейская держава, сосѣдняя съ Польшей, Россія не желала никакихъ перемѣнъ въ Польшѣ и договоромъ 1768 г. гарантировала польскому королю неизмѣняемость политическаго строя Польши. Но, какъ государство православное, Россія годомъ раньше добилась важной реформы въ польскомъ государственномъ строѣ: всѣхъ политическихъ правъ для лицъ, не исповѣдующихъ католицизмъ. Двойственность интересовъ создавала такимъ образомъ двойственность политики: защищая православіе въ Польшѣ, Россія въ то же время гарантировала неприкосновенность правъ польскихъ пановъ на православныхъ крестьянъ. Одновременно съ этимъ настойчивое вмѣшательство Россіи въ польскую жизнь создавало другое неудобство—боязнь чрезмѣрнаго усиленія Россіи. Франція, дѣйствовавшая противъ Россіи прямо въ самой Польшѣ, дѣйствовала и посредствомъ Турціи: она подбила Турцію на войну, и съ 1769 г. силы Россіи подѣлились между двумя врагами.

Обѣ войны затянулись, но окончились успѣшно для Россіи, несмотря на то, что польскимъ конфедератамъ помогали Франція и Саксонія, а Турціи хотѣла помочь Австрія. Силы конфедераціи были уничтожены, движеніе затихло и, пользуясь удобной минутой, Фридрихъ прусскій пустилъ въ ходъ излюбленную свою мысль о раздѣлѣ Польши между ея сосѣдями: Россіей, Пруссіей и Австріей. Мысль эта была стара; съ планами раздѣла былъ знакомъ еще Петръ I и не сочувствовалъ имъ. Но Екатерина согласилась на раздѣлъ потому, что была подъ

сильнымъ давленіемъ Пруссіи и Австріи, не могла имъ дать отпора, находясь въ войнѣ съ Турціей. Вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ мы склонны думать, что, получивъ въ 1772—1773 г.г. Бѣлоруссію, Екатерина не была довольна исходомъ дѣла, потому что чувствовала всю горечь невольныхъ, вынужденныхъ уступокъ и союзницѣ своей Пруссіи, и явно враждебной Австріи. Врядъ ли могъ быть доволенъ и Панинъ, система котораго нарушалась раздѣломъ Польши и участіемъ въ немъ Австріи.

За то императрицу могли радовать успѣхи противъ турокъ. Несмотря на рядъ политическихъ затрудненій, война со стороны Россіи была ведена энергично. Русскій флотъ обошелъ всю Европу, явился въ Архипелагѣ, возмутилъ Морею противъ турокъ и одерживалъ надъ ними побѣды. Правда, онъ не могъ, какъ было предположено, пройти въ Черное море, ибо турки укрѣпили Дарданеллы; но эффектъ отъ блестящаго морского предпріятія получился полный какъ въ Турціи, такъ и въ Европѣ. Не менѣе блестящи были побѣды Румянцева, перешедшаго даже Дунай, и кн. Долгорукаго, занявшаго весь Крымъ. Миръ 1774 г. далъ Россіи берега Чернаго и Азовскаго морей и сдѣлалъ Крымскаго хана не зависимымъ отъ Турціи. Результатомъ этихъ условій явилось присоединеніе въ 1783 г. Крыма. Такимъ образомъ цѣль была достигнута: на югѣ пріобрѣтены естественныя границы.

1774-мъ годомъ окончился первый, трудный и тревожный періодъ Екатерининскихъ войнъ. Сложныя дипломатическія комбинаціи, направленныя противъ Россіи во время этихъ войнъ, потеряли свою остроту и опасность. Военное могущество Россіи было доказано и давало русской дипломатіи весьма увѣренный тонъ, высокое чувство собственнаго достоинства и сознаніе силы представляемаго ею государства. У Екатерины и ея помощниковъ (особенно у Г. А. Потемкина) росли грандіозные планы завоеваній, зрѣлъ такъ называемый „греческій проектъ". Онъ состоялъ въ томъ, чтобы завоевать Турцію, которая казалась уже очень слабымъ государствомъ, и на ея мѣстѣ возстановить Греческую имперію съ русскимъ правительствомъ. Исторія этого проекта, быть можетъ, находится въ связи съ древне-русскими мечтами о взятіи Царьграда и съ планомъ турецкой войны Петра въ 1711 году. Взятый же отдѣльно греческій проектъ представляется блестящей мечтой, но невыполнимымъ дѣломъ; однако къ этому дѣлу шли приготовленія: былъ занятъ Крымъ, колонизовался и устраивался Черноморскій край (Новая Россія), заводился Черноморскій флотъ. Для дѣйствій противъ Турціи Екатерина вступила даже въ союзъ съ Австріей и оставила союзъ съ Пруссіей.

Эта перемѣна союза въ 1787 году и воинственные замыслы Россіи послужили причиною новыхъ войнъ, упавшихъ на Россію во вторую половину царствованія Екатерины. Пруссія и Англія, ея союзница, подняли Турцію на новую войну съ Россіей (1787—1791) и вызвали на

то же самое Швецію (1788—1790 г.). Шведская война кончилась ничѣмъ, отъ Турціи Россія получила Очаковъ. Еще не окончились эти войны, какъ Екатерина должна была вмѣшаться въ польскія дѣла. 3-го мая 1791 года въ Польшѣ было провозглашено новое государственное устройство, при тайномъ сочувствіи и участіи Пруссіи въ этомъ переворотѣ. Но Россія, гарантировавшая неприкосновенность стараго польскаго устройства, немедленно послала въ Польшу войска. Въ 1793 году къ русскимъ войскамъ присоединились прусскія, и произведенъ былъ второй раздѣлъ Польши, давшій Россіи 4500 квадратныхъ миль. Когда же въ Польшѣ явилась попытка возстановить прежнія границы, то въ 1795 году послѣдовало окончательное уничтоженіе Польскаго государства. По третьему раздѣла Россія получила Литву и Курляндію. Этимъ закончилась вторая серія Екатерининскихъ войнъ, доставившая Россіи новыя завоеванія. Русскія земли, въ теченіе многихъ вѣковъ бывшія подъ властью Литвы и Польши, возвратились къ Россіи: взято было много и лишняго. Но Червонная Русь или Галиція отдана была Австріи.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе внѣшней политики Екатерины и результаты, ею достигнутые. При постоянномъ воздѣйствіи западныхъ державъ, при очень сложныхъ политическихъ затрудненіяхъ, дипломатія Екатерины не всегда могла достигнуть того, къ чему стремилась, не всегда ясно сознавала, къ чему ей слѣдуетъ стремиться, словомъ, терпѣла неудачи и дѣлала ошибки, но завершила успѣшнымъ концомъ вѣковыя стремленія нашего племени и, оканчивая рѣшеніе старыхъ задачъ, спѣшила ставить новыя, въ родѣ „аккорда“ и греческаго проекта, не всегда вытекавшія изъ реальныхъ потребностей времени и народа, но иногда близкія народному духу.

Историческое значеніе дѣятельности Екатерины II.

Историческое значеніе дѣятельности Екатерины II опредѣляется довольно легко на основаніи того, что было сказано нами объ отдѣльныхъ сторонахъ Екатерининской политики.

Мы видѣли, что Екатерина, по вступленіи на престолъ, мечтала о широкихъ внутреннихъ преобразованіяхъ, а въ политикѣ внѣшней отказалась слѣдовать за своими предшественниками, Елизаветой и Петромъ III. Она сознательно отступала отъ традицій, сложившихся при Петербургскомъ дворѣ, а между тѣмъ результаты ея дѣятельности, по своему существу, были таковы, что завершили собою именно традиціонныя стремленія русскаго народа и правительства.

Въ дѣлахъ внутреннихъ законодательство Екатерины II завершило собой тотъ историческій процессъ, который начался при временщикахъ.

Равновѣсіе въ положеніи главныхъ сословій, во всей силѣ существовавшее при Петрѣ Великомъ, начало разрушаться именно въ эпоху временщиковъ (1725—1741), когда дворянство, облегчая свои государственныя повинности, стало достигать нѣкоторыхъ имущественныхъ привилегій и большей власти надъ крестьянами—по закону. Наращеніе дворянскихъ правъ наблюдали мы во время и Елизаветы, и Петра III. При Екатеринѣ же дворянство становится не только привилегированнымъ классомъ, имѣющимъ правильную внутреннюю организацію, но и классомъ, господствующимъ въ уѣздѣ (въ качествѣ землевладѣльческаго класса) и въ общемъ управленіи (какъ бюрократія). Параллельно росту дворянскихъ правъ и въ зависимости отъ него падаютъ гражданскія права владѣльческихъ крестьянъ. Расцвѣтъ дворянскихъ привилегій въ XVIII вѣкѣ необходимо соединялся съ расцвѣтомъ крѣпостного права. Поэтому время Екатерины II было тѣмъ историческимъ моментомъ, когда крѣпостное право достигло полнаго и наибольшаго своего развитія. Такимъ образомъ дѣятельность Екатерины II въ отношеніи сословій (не забудемъ, что административныя мѣры Екатерины II носили характеръ сословныхъ мѣръ) была прямымъ продолженіемъ и завершеніемъ тѣхъ уклоненій отъ старо-русскаго строя, какія развивались въ XVIII вѣкѣ, Екатерина въ своей внутренней политикѣ дѣйствовала по традиціямъ, завѣщаннымъ ей отъ ряда ближайшихъ ея предшественниковъ, и довела до конца то, что они начали.

Напротивъ, въ политикѣ внѣшней Екатерина, какъ мы видѣли, была прямою послѣдовательницей Петра Великаго, а не мелкихъ политиковъ XVIII вѣка. Она сумѣла, какъ Петръ Великій, понять коренныя задачи внѣшней русской политики и умѣла завершить то, къ чему стремились вѣками московскіе государи. И здѣсь, какъ въ политикѣ внутренней, она довела до конца свое дѣло, и послѣ нея русская дипломатія должна была ставить себѣ новыя задачи, потому что старыя были исчерпаны и упразднены. Если бы въ концѣ царствованія Екатерины всталъ изъ гроба московскій дипломатъ XVI или XVII вв., то онъ бы почувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, такъ какъ увидѣлъ бы рѣшенными удовлетворительно всѣ вопросы внѣшней политики, которые такъ волновали его современниковъ. Итакъ, Екатерина—традиціонный дѣятель, несмотря на отрицательное ея отношеніе къ русскому прошлому, несмотря, наконецъ, на то, что она внесла новые пріемы въ управленіе, новыя идеи въ общественный оборотъ. Двойственность тѣхъ традицій, которымъ она слѣдовала, опредѣляетъ и двоякое отношеніе къ ней потомковъ. Если одни не безъ основанія указываютъ на то, что внутренняя дѣятельность Екатерины узаконяла ненормальныя послѣдствія темныхъ эпохъ XVIII вѣка, то другіе преклоняются передъ величіемъ результатовъ ея внѣшней политики. Какъ бы то ни было, историче-

ское значеніе Екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что въ эту эпоху были подведены итоги предыдущей исторіи, завершились историческіе процессы, раньше развивавшіеся. Эта способность Екатерины доводить до конца, до полнаго разрѣшенія тѣ вопросы, какіе ей ставила исторія, заставляетъ всѣхъ признать въ ней первостепеннаго историческаго дѣятеля, независимо отъ ея личныхъ ошибокъ и слабостей.

Время Павла I.

(1796—1801)

Лишь съ недавняго времени личность и судьба императора Павла получили надлежащее освѣщеніе въ исторической литературѣ. Кромѣ стараго, но не старѣющаго труда Д. Ѳ. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", мы имѣемъ теперь для общаго ознакомленія съ царствованіемъ Павла труды Е. С. Шумигорскаго („Имп. Марія Ѳеодоровна", „Е. И. Нелидова" и „Имп. Павелъ I"), въ которыхъ господствуетъ благожелательное отношеніе къ Павлу, и затѣмъ монографіи Н. К. Шильдера („Имп. Павелъ" и „Имп. Александръ I") съ тенденціей противъ Павла. Кромѣ того, цѣнны по матеріаламъ и по изложенію отдѣльныхъ сторонъ Павловскаго времени: Панчулидзева „Исторія кавалергардовъ", т. II; Брикнера „Смерть Павла I" и сборникъ „Цареубійство 11 марта 1801 года" (СПБ. 1907). Въ самое послѣднее время (1916) вышелъ обстоятельный трудъ проф. М. В. Клочкова „Очерки правительственной дѣятельности времени императора Павла I", въ которомъ сдѣлана попытка научнаго изученія внутренняго управленія Россіи при Павлѣ. Съ освобожденіемъ Павловской эпохи отъ условій государственной тайны наука получаетъ возможность не только изучить причины странностей этого государя и обстоятельства его смерти, но и понять его психологію и истинные мотивы возмущенія противъ него.

Личность и внутренняя дѣятельность императора Павла I. Наслѣдовавшій императрицѣ Екатеринѣ ея сынъ Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ 6 ноября 1796 года, уже 42 лѣтъ отъ роду, переживъ много тяжелыхъ минутъ въ своей жизни и испортивъ свой характеръ подъ вліяніемъ холодныхъ, неискреннихъ и даже враждебныхъ отношеній, существовавшихъ между нимъ и его матерью. Императрица Екатерина не только не любила своего сына, но даже подозрительно относилась къ нему, такъ какъ не могла не видѣть въ немъ претендента на власть, перешедшую къ ней помимо Павла, отъ его отца, Петра III. Конечно благодаря этой подозрительности, она держала Павла вдали отъ дѣлъ, не допуская его ни къ участію въ своемъ Совѣтѣ и въ администраціи, ни къ командованію войсками. Отсутствіе любви къ сыну вызывало въ Екатеринѣ небрежность въ обращеніи съ нимъ; такая же небрежность усвоена была и всѣми любимцами

императрицы. Павелъ былъ въ открытой опалѣ при дворѣ и не былъ гарантированъ даже отъ дерзостей со стороны придворныхъ его матери.

Понятно, какъ должно было все это угнетать и раздражать самолюбиваго Павла, который, при всей своей вынужденной сдержанности, не могъ не понимать, что право на его сторонѣ, что униженія и оскорбленія, которымъ онъ подвергался, составляютъ не просто дерзость и невѣжливость, а преступленіе. Чувство личной обиды соединялось у Павла и съ чувствомъ обиды за своего отца Петра III: судьба Петра оставалась ему въ точности неизвѣстна до самой смерти Екатерины (когда онъ узналъ, что смерть Петра III была случайной, и что Екатерина въ ней нисколько неповинна); не былъ въ точности извѣстенъ ему и характеръ Петра III. Отношеніе Павла къ матери поэтому было очень сложно и не могло быть безпристрастно.

Находясь въ сторонѣ отъ двора и политики, Павелъ искусственно ограничивалъ свои интересы семьею, личнымъ хозяйствомъ и командой надъ тѣми немногочисленными войсками, которыя составляли гарнизонъ вновь устроеннаго Павломъ городка Гатчины. На государственное управленіе и на придворную жизнь смотрѣлъ онъ со стороны, какъ чуждый зритель, и поэтому оцѣнивалъ факты государственной жизни съ полною свободой критики. Несовпаденіе его личныхъ идеаловъ съ тѣмъ, что совершалось на его глазахъ, вызывало въ немъ чувство глубокаго недовольства ходомъ дѣлъ, осужденіе и правящихъ лицъ, и самой системы управленія. Онъ рвался къ дѣятельности, а возможности дѣйствовать у него не было никакой. Силы ума поневолѣ растрачивались на мелочи и не обогащались необходимымъ опытомъ государственной дѣятельности.

При такихъ условіяхъ императоръ Павелъ, вступая во власть, обнаружилъ явную вражду къ порядкамъ, существовавшимъ при дворѣ его матери, и къ людямъ, имѣвшимъ вліяніе на дѣла при Екатеринѣ. Съ первыхъ минутъ его царствованія стало ясно, что новый государь будетъ дѣйствовать съ помощью новыхъ людей и совершенно въ новомъ направленіи. Властные фавориты Екатерины потеряли всякое значеніе; раньше унижаемый ими Павелъ теперь высказывалъ самое высокое представленіе о существѣ своей власти. Исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній, онъ стремился всей душой къ благу государства, но отсутствіе правительственныхъ навыковъ мѣшало ему дѣйствовать удачно. Недовольный системою управленія, онъ не могъ найти вокругъ себя способныхъ людей, чтобы замѣнить ими прежнюю администрацію. Желая водворить порядокъ при дворѣ и въ администраціи, онъ громко осуждалъ и искоренялъ старое, новое же насаждалъ съ такою строгостью, что оно всѣмъ казалось горше стараго. Неподготовленность къ дѣламъ сказывалась на всемъ, что дѣлалъ Павелъ, и, соединяясь съ неровностью его характера, сообщала всѣмъ его мѣрамъ колоритъ чего-то случайнаго,

болѣзненнаго и капризнаго. Съ годами горячность и впечатлительность Павла перешли въ тяжелую способность терять самообладаніе изъ-за пустяковъ; любовь къ порядку и законности замѣнялась пристрастіемъ къ внѣшнимъ формамъ подчиненія и благочинія; вспыльчивость обратилась въ припадки жестокости. Если бы всѣ эти черты Павла оставались въ узкихъ рамкахъ его личной жизни, онѣ были бы едва замѣтны для историка, но Павелъ свои случайныя настроенія переносилъ въ законодательство и политику, и они стали неизбѣжнымъ матеріаломъ для характеристики его, какъ правителя.

А между тѣмъ какую симпатію будитъ въ насъ личность Павла въ дѣтскіе годы! Онъ росъ подъ руководствомъ умнаго Никиты Ив. Панина. Ни Панинъ. ни Порошинъ (одинъ изъ младшихъ наставниковъ Павла, день за днемъ отмѣчавшій въ своемъ извѣстномъ дневникѣ всѣ поступки маленькаго Павла), и рѣшительно никто не замѣчалъ въ мальчикѣ ненормальныхъ психическихъ чертъ или несимпатичныхъ сторонъ характера. Наоборотъ, читая дневникъ Порошина, мы видимъ передъ собой Павла живымъ, способнымъ мальчикомъ, интересующимся серьезными для его возраста вещами. Павелъ 10—12 лѣтъ охотно занимался съ Порошинымъ математикой и любилъ читать. Во время обѣда, когда обыкновенно приходилъ его воспитатель, Н. И. Панинъ, за столомъ шелъ интересный и часто серьезный для лѣтъ Павла разговоръ, умѣло поддерживаемый Панинымъ; къ сожалѣнію, другія служебныя обязанности отвлекали Панина отъ воспитательской должности, да и обращался онъ съ Павломъ сухо и нѣсколько свысока, что въ значительной степени парализовало вліяніе воспитателя на воспитанника. Но въ болѣе позднее время Павелъ ближе сошелся съ Панинымъ, горячо его любилъ и горько оплакивалъ его кончину.

Важнѣйшіе факты внутренней дѣятельности императора Павла не могутъ быть изложены въ видѣ стройной и правильной системы управленія именно потому, что въ основѣ дѣятельности Павла лежали его личныя чувства и взгляды, не всегда постоянные и опредѣленные. Первымъ правительственнымъ актомъ большой важности въ царствованіе Павла былъ актъ о престолонаслѣдіи, обнародованный при короновакіи его 5-го апрѣля 1797 года. Порядокъ наслѣдованія опредѣлялся „учрежденіемъ объ императорской фамиліи“ очень подробно по праву „естественному“. Вмѣсто прежняго, установленнаго Петромъ Великимъ въ 1722 г., порядка произвольнаго назначенія наслѣдника престола лицомъ царствующимъ, установлялся неизмѣнный порядокъ перехода престола по прямой нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать“. Учрежденіе императора Павла, какъ не трудно замѣтить,

возстановляло и узаконяло старый до-Петровскій обычай перехода власти. Нарушеніе этого обычая Петромъ дало горькіе плоды въ XVIII в. и на самомъ Павлѣ отразилось тяжелымъ образомъ. Подъ вліяніемъ холодныхъ отношеній къ матери у него создалась мысль о возможности лишиться своего законнаго права; мысль эта угнетала Павла задолго до смерти Екатерины; самый актъ о престолонаслѣдіи составленъ былъ имъ и его супругой Маріей Θеодоровной (урожденная Софія-Доротея Вюртембергская, внучка сестры Фридриха II прусскаго) задолго до обнародованія его, еще въ 1788 году, въ тѣ дни, когда Павелъ думалъ ѣхать изъ Петербурга на театръ шведской войны.

Менѣе важны были мѣропріятія императора Павла въ сферѣ управленія и относительно сословій. Недовольный пріемами Екатерининской администраціи и безпорядкомъ въ дѣлахъ, Павелъ перенесъ свое недовольство отъ злоупотребленій на административную систему, при которой эти злоупотребленія существовали. Онъ, можно сказать, пытался даже измѣнить эту систему: возстановилъ упраздненныя при Екатеринѣ коллегіи, измѣнилъ административное дѣленіе Россіи (уменьшивъ число губерній), возвратилъ прежнія формы управленія окраинамъ государства, тѣмъ областямъ, которыя отошли къ Россіи отъ Швеціи и Польши, отмѣнилъ многое въ томъ мѣстномъ самоуправленіи, на которомъ была построена при Екатеринѣ мѣстная администрація. Всѣ эти мѣры императора Павла, нарушая стройность прежней системы, ничего новаго однако взамѣнъ не создавали: онѣ мало приносили пользы, иногда же клонились и ко вреду. Общія формы управленія, дѣйствовавшія во всемъ государствѣ, были распространены Екатериной на недавно пріобрѣтенныя провинціи западныя и юго-западныя, конечно съ цѣлями скорѣйшаго сліянія ихъ населенія съ основнымъ населеніемъ государства; реформы Павла испортили это разумное дѣло. Возстановленіе коллегій не вдохнуло новой жизни въ отжившія учрежденія, и преемникъ Павла, императоръ Александръ, замѣнилъ коллегіи министерствами.

Въ отношеніи сословій политика императора Павла проникнута была тѣмъ же духомъ противорѣчія политикѣ Екатерины, какой замѣтенъ и въ его административныхъ мѣрахъ. Рядъ привилегій, данныхъ Екатериной дворянству и въ меньшей степени горожанамъ, не согласовался съ личными взглядами Павла на государственное положеніе русскихъ сословій. Императоръ не допускалъ возможности существованія въ государствѣ привилегированныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе цѣлыхъ группъ, и высказалъ это въ очень рѣзкихъ фразахъ. „Въ Россіи великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и только пока я съ нимъ говорю“, такъ выразился однажды Павелъ въ бесѣдѣ о русскихъ аристократахъ. Ясно, что не только закрѣпленія, но и соблюденія сословныхъ правъ, созданныхъ Екатериною, отъ Павла ожидать было трудно. И дѣйствительно,

Павелъ уничтожилъ нѣкоторыя привилегіи высшихъ классовъ (при немъ дворяне и горожане снова подпали тѣлеснымъ наказаніямъ за уголовныя преступленія); Павелъ ограничилъ во многомъ дѣйствіе Жалованныхъ грамотъ 1785 г., стѣснилъ мѣстное самоуправленіе. Онъ установилъ, закономъ 1797 г., высшую норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщиковъ (три дня барщины въ недѣлю) и такимъ образомъ положилъ первое ограниченіе помѣщичьей власти. Къ тому же ограниченію вело и запрещеніе продавать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли съ молотка. Такое направленіе мѣръ Павла въ защиту низшаго класса и въ ущербъ интересамъ высшихъ классовъ указываетъ на начало переворота въ правительственной дѣятельности, который наступилъ яснѣе въ эпоху императора Александра I и позднѣе повелъ къ паденію крѣпостного права и исключительныхъ сословныхъ привилегій. Подъ вліяніемъ распоряженій Павла крестьянство заговорило о свободѣ отъ помѣщиковъ, и уже въ 1797 г. начались крестьянскія волненія во внутреннихъ губерніяхъ. Однако, отмѣчая противодворянскія тенденціи Павла, не слѣдуетъ придавать имъ характера сознательной и планомѣрной дѣятельности въ пользу простонародья и противъ крѣпостничества. Твердо стоя на одномъ принципѣ самовластія, Павелъ въ прочемъ не выдерживалъ своихъ настроеній и, какъ во всемъ, далекъ былъ отъ строгой послѣдовательности и въ сословной политикѣ. При немъ въ Новороссіи былъ воспрещенъ существовавшій тамъ свободный переходъ крестьянъ, а въ центральныхъ мѣстахъ масса казенныхъ населенныхъ земель была пожалована въ частное владѣніе, и тѣмъ самымъ крестьяне государственные обращались въ частновладѣльческихъ, т. е. крѣпостныхъ. Въ 4 года царствованія Павелъ раздалъ болѣе полумилліона крестьянъ, тогда какъ Екатерина за 36 лѣтъ своего царствованія раздала ихъ 800,000 (обоего пола).

Внѣшняя политика императора Павла I. Въ моментъ смерти Екатерины II Россія находилась въ формальномъ союзѣ съ Австріей, Англіей и Пруссіей противъ Франціи. А. В. Суворовъ получилъ приказаніе сформировать армію въ 60.000 чел. для совмѣстнаго дѣйствія съ австрійцами. Императрица Екатерина считала, такимъ образомъ, необходимымъ противодѣйствовать французской революціи и возстановить монархію. Императоръ Павелъ сначала не признавалъ этой необходимости. Вступая на престолъ, онъ заявилъ, что „остается въ твердой связи съ своими союзниками", но отказывается отъ прямой войны съ Франціей, ибо Россія, будучи въ „непрерывной" войнѣ съ 1756 г., нынѣ нуждается въ отдохновеніи. Итакъ, вопреки своей матери, Павелъ желалъ держаться политики невмѣшательства. Но это желаніе онъ не могъ исполнить и почти все свое царствованіе провелъ или въ войнѣ съ Франціей, или въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Англіей, довольно случайно мѣняя свой политическій фронтъ.

Сперва рядъ произвольныхъ дѣйствій французскаго правительства на западѣ обнаружилъ передъ Павломъ полное неуваженіе директоріи къ международному праву и приличію. Загадочныя приготовленія Франціи къ какой-то войнѣ (это была египетская экспедиція), арестъ русскаго консула на Іоническихъ островахъ, покровительство польскимъ эмигрантамъ, слухи о намѣреніи французовъ напасть на сѣверный берегъ Чернаго моря—все это заставило Павла примкнуть къ коалиціи, образовавшейся (1799) противъ Франціи, изъ Англіи, Австріи, Турціи и Неаполя. Русскій флотъ дѣйствовалъ противъ французовъ въ Средиземномъ морѣ и посылалъ десанты въ Италію на помощь неаполитанскому королю Фердинанду VI. Русская армія, въ соединеніи съ австрійскими войсками подъ начальствомъ Суворова, дѣйствовала противъ французовъ въ сѣверной Италіи. Суворовъ не только опытный и отважный боевой генералъ, но и самостоятельный тактикъ, одаренный замѣчательнымъ талантомъ военнаго творчества,—быстро, всего въ полтора мѣсяца, очистилъ всю сѣверную Италію отъ французскихъ войскъ, разбивъ французовъ на рѣкѣ Аддѣ. Когда же французскія арміи Моро и Макдональда устремились на него съ цѣлью лишить завоеваній и вытѣснить изъ Италіи, Суворовъ заставилъ Моро отступить безъ боя, а Макдональда разбилъ въ трехдневной битвѣ на берегахъ Требіи. Назначеніе новаго французскаго главнокомандующаго (вмѣсто Моро), Жубера, не поправило дѣла: Жуберъ былъ разбитъ и убитъ въ битвѣ при городѣ Нови. Съ паденіемъ крѣпости Мантуи сѣверная Италія окончательно перешла во власть Суворова, но въ это время Суворовъ былъ оттуда отозванъ для дѣйствій въ Швейцаріи. Вступивъ въ Швейцарію послѣ упорныхъ битвъ съ французами у Сенъ-Готарда, русскія войска не были во-время поддержаны австрійцами и попали въ отчаянное положеніе, такъ какъ были лишены припасовъ и снарядовъ и окружены превосходными силами непріятеля въ Мутенской долинѣ. Съ громадными усиліями удалось однако Суворову одержать нѣсколько блестящихъ побѣдъ, пробиться къ Гларису, а оттуда уйти въ южную Германію. Другой же русскій корпусъ Римскаго-Корсакова, дѣйствовавшій въ Швейцаріи, былъ разбитъ французами при Цюрихѣ. Съ полнымъ основаніемъ Суворовъ приписывалъ неудачи компаніи плохимъ распоряженіямъ австрійскаго военнаго совѣта (гофкригсрата), желавшаго изъ Вѣны руководить всѣми движеніями на театрѣ войны. Императоръ Павелъ раздѣлялъ мнѣніе Суворова и, обвиняя австрійцевъ въ пораженіи отряда Римскаго-Корсакова, отозвалъ свои войска въ Россію и разорвалъ союзъ съ Австріей, отозвавъ своего посла изъ Вѣны въ 1800 году. Въ томъ же году отозванъ былъ русскій посолъ изъ Лондона по совершенно аналогичнымъ причинамъ: императоръ Павелъ былъ недоволенъ отношеніемъ англичанъ къ вспомогательному русскому корпусу, дѣйствовавшему противъ французовъ въ Голландіи.

Такъ совершился разрывъ Павла съ его союзниками. Въ 1800 г., вслѣдствіе этого разрыва, Россія заключаетъ миръ съ Франціей и готовится къ войнѣ съ прежними союзниками. Императоръ Павелъ заключаетъ союзъ съ Пруссіей противъ Австріи и союзъ съ Пруссіей же, Швеціей и Даніей противъ Англіи. Особенно дѣятельно идутъ приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Англіи: донское казачье войско уже выступило въ походъ къ Оренбургу съ цѣлью нападенія на Индію. Но смерть Павла (11 марта 1801 года) прекратила эти приготовленія.

Итакъ, принципъ невмѣшательства не былъ выдержанъ императоромъ Павломъ. Отвлеченное чувство законности и страхъ подвергнуться нападеніямъ со стороны Франціи заставили Павла воевать съ французами; личное чувство обиды заставило его отступить отъ этой войны и готовиться къ другой. Элементъ случайности такъ же силенъ былъ въ политикѣ внѣшней, какъ и въ политикѣ внутренней: и тамъ, и здѣсь Павелъ руководился скорѣе чувствомъ, чѣмъ идеей.

Смерть императора Павла. Рано нарушенное духовное равновѣсіе Павла не возстановилось въ пору его царствованія; напротивъ, власть, доставшаяся ему поздно, кружила ему голову еще сильнѣе, чѣмъ страхъ передъ матерью. Пока онъ жилъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ своею женою Марьею Ѳеодоровною и продолжалъ свою платоническую дружбу съ фрейлиною Нелидовою, эти обѣ женщины, дружныя одна съ другою, вліяли благотворно на Павла, смягчали его настроеніе, тушили его гнѣвъ, сглаживали его безтактности. Но семейному миру Павла пришелъ конецъ въ первой половинѣ 1798 года. Послѣ рожденія сына Михаила Павелъ отдалился отъ Маріи Ѳеодоровны и попалъ подъ иныя вліянія: онъ сталъ жертвою кружка, въ центрѣ котораго находились его брадобрей Кутайсовъ и Лопухины. Его увѣрили въ томъ, что жена желала держать его подъ своимъ „игомъ“, и побудили порвать съ нею. Императрица и Нелидова „узнали свою бѣду“ и подверглись гоненію. Въ семьѣ Павла началась драма, потому что Павелъ явно увлекся дѣвицей Лопухиной, а къ семьѣ сталъ рѣзко враждебенъ. Подчиненный внушеніямъ низменныхъ угодниковъ и интригановъ, Павелъ готовъ былъ видѣть въ женѣ недруга, желавшаго будто бы повторить 28 іюня 1762 года, а въ старшемъ сынѣ Александрѣ—соперника, готоваго захватить престолъ. Такое настроеніе государя сказывалось открыто и грубо и стало для него роковымъ. Павлъ переносилъ опалы съ подданныхъ на родныхъ, угрожалъ самой династіи; и это придавало видъ лойяльности мятежному противъ него движенію. Лица, желавшія свергнуть Павла, руководились разными побужденіями: и чувствомъ личной мести, и злобы, и сословными инстинктами, и видами чужой (говорятъ, англійской) дипломатіи; но напоказъ у всѣхъ было желаніе избавить

страну отъ тирана и спасти императорскую семью отъ болѣзненной жестокости невмѣняемаго отца и мужа.

Въ первомъ періодѣ заговора самую видную роль игралъ вице-канцлеръ Никита Петровичъ Панинъ (племянникъ Никиты Ив. Панина, намъ извѣстнаго). Въ дружбѣ съ англійскимъ посломъ Витвортомъ и Зубовымъ онъ составилъ кругъ заговорщиковъ, имѣвшихъ цѣлью, въ виду душевной болѣзни Павла, создать регентство и вручить его Александру, убѣдивъ Павла лечиться. Въ эти планы, какъ кажется, Панинъ вовлекъ и самого Александра, который никогда не могъ этого простить Панину, считая его начальнымъ виновникомъ смерти отца. Раньше, чѣмъ заговорщики приготовились дѣйствовать, Павелъ началъ подозрѣвать Панина и осенью 1800 года выслалъ его въ подмосковную деревню. Дѣло замедлилось, но не надолго. Руководство заговоромъ перешло въ руки Петербургскаго военнаго губернатора, графа Палена, любимца Павла, который повелъ его къ опредѣленному и рѣшительному концу—„къ совершенному устраненію Павла отъ престола какою бы то ни было цѣною". Заговоръ окрѣпъ въ веснѣ 1801 года. Въ немъ принимало участіе Петербургское офицерство, опиравшееся на солдатскую массу, пассивно шедшую за своимъ начальствомъ. 11 марта 1801 года заговорщики къ полуночи проникли въ новый дворецъ Павла, Михайловскій замокъ, построенный на мѣстѣ стараго Лѣтняго дворца. Изъ 40 или 50 человѣкъ заговорщиковъ до комнатъ Павла дошло человѣкъ 8, и въ запальчивомъ объясненіи съ ними Павелъ былъ убитъ, въ отсутствіи графа Палена. Неизвѣстно, насколько преднамѣренно было совершено убійство, но разсказывали, что заговорщики открыто величались своимъ поступкомъ въ первые дни по кончинѣ Павла.

Такъ кончилась жизнь императора Павла, перваго изъ русскихъ государей послѣ Петра, не служившаго дворянскимъ интересамъ.

Время Александра I.
(1801—1825).

Вступленіе на престолъ. Въ моментъ смерти Павла два его старшіе сына Александръ и Константинъ находились въ Михайловскомъ замкѣ подъ домашнимъ арестомъ и ждали грозы отъ отца, не вѣдая за что. О движеніи противъ отца Александръ зналъ; но онъ и мысли не допускалъ о возможности кровавой развязки. Поэтому, когда Паленъ сообщилъ ему, придя изъ покоевъ Павла, о происшедшемъ, Александръ впалъ въ обморокъ и потомъ обнаружилъ сильнѣйшее отчаяніе. Паленъ не былъ въ силахъ убѣдить Александра „начать царствовать" и, говорятъ, только окрикомъ привелъ его въ себя. Положеніе Александра

было очень тяжело: онъ чувствовалъ, что, зная и попуская умыслы на власть отца, онъ рисковалъ подпасть обвиненію и въ томъ, что случилось. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на невольнаго участника убійства и боялся, что такъ посмотрятъ на него и другіе. Горше всего было то, что въ первыя минуты послѣ кончины Павла его супруга и мать Александра отнеслась къ Александру съ подозрѣніемъ и какъ бы ждала его оправданій. Въ отчаяніи и гнѣвѣ она требовала отчета въ происшедшемъ, настаивала на наказаніи виновныхъ, хватаясь за власть, боясь, что Александръ ея не достоинъ. Надобны были большія усилія, чтобы ее успокоить и уничтожить недоразумѣнія между нею и сыномъ. Такова была обстановка воцаренія Александра. Мучительныя движенія совѣсти при воспоминаніи объ отцѣ; трудность положенія между матерью и заговорщиками, которыхъ пока не было возможности наказать; необходимость уживаться до времени съ тѣми, кто, произведя одинъ переворотъ, могъ отважиться и на другой,—все это удручало Александра и дѣлало его глубоко печальнымъ и тоскующимъ безутѣшно. Такимъ явился онъ передъ своими подданными, и его трогательное горе подкупало сердце тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ любящаго сына.

Характеренъ былъ манифестъ императора Александра I, обнародованный 12-го марта; „Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнѣйшаго родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11 на 12 число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственный Императорскій Всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почившей Августѣйшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему Отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по Ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы“ и пр. Новая власть свидѣтельствовала, что она не солидарна съ только что прекратившеюся властью Павла и желаетъ возвратить страну къ порядкамъ, которые онъ осуждалъ и преслѣдовалъ. Отсутствіе опалъ и гоненій на участниковъ переворота и милостивое увольненіе отъ дѣлъ, въ іюнѣ 1801 г., гр. Палена еще болѣе утверждали въ мысли, что новый государь очень далекъ отъ режима императора Павла. Казалось, воскресаетъ „бабушкинъ вѣкъ“ (выраженіе самого Александра) дворянской царицы Екатерины II. Однако такое заключеніе было бы несправедливо: въ лицѣ Александра для государства явился не подражатель Екатерины, а руководитель совсѣмъ новаго склада и необычнаго типа, уразумѣть который было очень трудно. Не понимая Александра, современники звали его „очаровательнымъ сфинксомъ“ и догадывались, что его разгадку надобно искать въ его воспитаніи.

Личность Александра дѣйствительно становится намъ понятна лишь тогда, когда мы вдумаемся въ обстоятельства его воспитанія и въ его семейную обстановку. Судьба поставила его между бабкою и отцомъ, какъ предметъ ревности и спора. Когда Александръ родился, Екатерина взяла его у родителей на свое собственное попеченіе и сама его воспитывала, называя его „мой Александръ", восхищаясь здоровьемъ, красотою и добрымъ характеромъ ласковаго и веселаго ребенка. Выросши бабушкинымъ внукомъ, Александръ не могъ, разумѣется, уйти и отъ вліянія родителей и понялъ, какая бездна раздѣляетъ большой дворъ Екатерины и скромный гатчинскій кругъ его отца. Чувствуя на себѣ любовь и бабки и Павла, Александръ привыкъ дѣлать свѣтлое лицо и тамъ и здѣсь. У бабки въ большомъ дворцѣ онъ умѣлъ казаться любящимъ внукомъ, а, переѣзжая въ Гатчину, умѣлъ принимать видъ сочувствующаго сына. Неизбѣжная привычка къ двуличію и притворству была послѣдствіемъ этого труднаго положенія между молотомъ и наковальней. Но умѣнье мѣнять по произволу свое настроеніе и прятать свои мысли и чувства могло бы стать для Александра удобною привычкою общежитія, если бы эта привычка выработалась не въ столь тяжкихъ условіяхъ. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни Екатерина пришла къ мысли о необходимости отстранить Павла отъ престола и воспользоваться закономъ 1722 года для того, чтобы передать престолъ, мимо Павла, Александру. Въ 1796 году она пыталась посвятить въ это дѣло самого Александра, который и ранѣе (1793—1794) могъ уже ловить сторонніе намеки на этотъ проектъ. На сообщеніе Екатерины Александръ отвѣтилъ ей ласковою благодарностью за довѣріе и благоволеніе; въ то же время въ письмѣ къ отцу именовалъ его пока не принадлежавшимъ ему титуломъ „величества", а за спинами ихъ обоихъ говорилъ, что сумѣетъ уклониться отъ передачи ему власти, и собирался даже „спастись въ Америкѣ". Надо вдуматься въ дѣло, чтобы понять, какой ужасъ переживалъ Александръ въ своей душѣ за это время, и какъ тяжела была для него необходимость двоиться между Екатериною и Павломъ и умѣть казаться „своимъ" для обѣихъ сторонъ. Воспитанныя семьей двойственность и двуличіе остались навсегда свойствомъ Александра; онъ отлично входилъ во всякую роль, какую хотѣлъ играть, и никогда не внушалъ увѣренности, что онъ въ данную минуту искрененъ и прямъ. Сперанскій назвалъ Александра „сущимъ прельстителемъ" за умѣнье овладѣть собесѣдникомъ; но именно Сперанскій на себѣ могъ познать, какъ неожиданно исчезало благоволеніе прельстителя, и какъ призрачно бывало его расположеніе.

Но если жизнь рано вытравила въ характерѣ Александра искренность и непосредственность и сдѣлала его двуличнымъ, то умственное его воспитаніе сообщило двойственность его міровоззрѣнію. Екатерина стре-

милась поставить воспитаніе Александра на высоту современныхъ ей педагогическихъ требованій и желала вести внука въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка. Поэтому она и ввѣрила его „передовому“ воспитателю, швейцарскому гражданину Лагарпу. Въ умственной обстановкѣ, созданной Лагарпомъ, Александръ дѣйствительно шелъ въ уровень съ вѣкомъ и сталъ какъ бы жертвою того великаго перелома, который произошелъ въ духовной жизни человѣчества на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій. Переходъ отъ раціонализма къ раннимъ фазамъ романтизма сказался въ Александрѣ смѣною настроеній, очень характерною. Въ его молодыхъ письмахъ находимъ слѣды политическихъ мечтаній крайняго оттѣнка: онъ желаетъ свободныхъ учрежденій для страны (constitution libre) и даже отмѣны династическаго преемства власти; свою задачу онъ видитъ въ томъ, чтобы привести государство къ идеальному порядку силою законной власти и затѣмъ отъ этой власти отказаться добровольно. Мечтая о такомъ „лучшемъ образцѣ революціи“, Александръ облпчаетъ въ себѣ послѣдователя раціоналистическихъ утопій XVIII столѣтія. Когда же онъ предполагаетъ, по отказѣ отъ власти, уйти въ сентиментальное счастье частной жизни „на берегахъ Рейна“ или меланхолически говоритъ о томъ, что онъ не созданъ для придворной жизни,— предъ нами человѣкъ новыхъ вѣяній, идущій отъ разсудочности къ жизни чувства, отъ политики къ исканію личнаго счастья. Вліяніе двухъ міровоззрѣній чувствуется уже въ раннюю пору на личности Александра и лишаетъ ее опредѣленности и внутренней цѣльности. Мы поэтому не удивимся, если будемъ наблюдать и во всѣ прочія эпохи жизни Александра ту же неопредѣленность и раздвоенность его умственнаго настроенія и мало понятные переходы отъ религіознаго равнодушія почти къ религіозному экстазу, отъ освободительныхъ стремленій—къ реакціи, отъ Сперанскаго—къ Аракчееву и т. п. Человѣкъ переходной поры, Александръ не успѣлъ пріобрѣсти твердыхъ убѣжденій и опредѣленнаго міросозерцанія и, по житейской привычкѣ приноравливался къ различнымъ людямъ и положеніямъ, легко приноравливался къ совершенно различнымъ порядкамъ идей и чувствъ.

Пониманіе основного свойства натуры Александра (именно его внутренней раздвоенности) и его господствующей манеры (именно склонности и способности носить личину) даетъ намъ ключъ къ пониманію тѣхъ рѣзкихъ и частыхъ перемѣнъ въ системѣ и личномъ поведеніи Александра, какія удивляли современниковъ и изслѣдователей и заслужили Александру названіе сфинкса.

Первое время царствованія. Застигнутый врасплохъ извѣстіемъ о кончинѣ отца, Александръ потерялся. Извѣстныя слова гр. Палена: „C'est assez faire l'enfant! allez régner!“ заставили его совладать съ горемъ и смущеніемъ, но пока не сдѣлали хозяиномъ положенія.

Можно думать, что первые шаги новаго правительства, именно манифестъ 12-го марта и группировка вокругъ Александра дѣльцовъ „бабушкина вѣка", произошли безъ его дѣятельнаго участія. Но скоро Александръ осмотрѣлся: со свойственною ему мягкостью и благовоспитанностью онъ успѣлъ удалить гр. Палена, считавшаго себя временщикомъ, и собралъ вокругъ себя близкихъ себѣ людей. Вѣрный мечтаніямъ юности, онъ далъ рядъ распоряженій либеральнаго характера, даровавъ свободу и прощеніе заключеннымъ и сосланнымъ во время императора Павла, отмѣнивъ разнаго рода ограниченія и запрещенія, возстановивъ дѣйствіе грамотъ 1785 года и т. п. Эти распоряженія и личное поведеніе Александра, чарующее и ласкающее, доставили ему удивительную популярность. Многимъ казалось, что Александръ „это—сердце и душа Екатерины II, и во всѣ часы дня онъ исполняетъ обѣщаніе, данное въ манифестѣ". Но Александръ не ослѣплялся достоинствами Екатерининской политики и ея дѣльцовъ. Онъ жестоко и насмѣшливо критиковалъ Екатерининскій дворъ и презиралъ ея придворныхъ. Не подражать старому и ветхому онъ хотѣлъ, а повернуть дѣла по своему, по новому. Отсюда его отношенія къ дѣламъ и людямъ. Текущую практику управленія предоставляетъ онъ опытнымъ чиновникамъ, выбирая ихъ изъ старшихъ поколѣній, изъ людей „бабушкина вѣка". Съ ними онъ ласковъ, хотя иногда и не стѣсняется въ отзывахъ о нихъ за глаза (о гр. П. В. Завадовскомъ: „il est nul... un vrai mouton"). Общіе же принципы и задачи управленія Александръ пытается установить не съ этими старыми чиновниками, а съ личными своими друзьями, и не въ первенствующихъ учрежденіяхъ Имперіи, а въ безформенномъ дружескомъ кружкѣ, которому участники его даютъ шутливое наименованіе, взятое изъ практики французской революціи,—„comité du salut public". Въ составъ этого интимнаго комитета входятъ четыре лица: Н. Н. Новосильцевъ, графъ В. П. Кочубей, графъ П. А. Строгановъ и князь Адамъ Чарторыжскій, всѣ четыре—мало прикосновенные къ служебнымъ дѣламъ и всѣ четыре настолько не старые, что заслужили отъ стариковъ презрительное наименованіе „молодыхъ наперсниковъ Александровыхъ". Вліяніе этого интимнаго комитета на дѣла было настолько ощутительно, что раздражало не принадлежащихъ къ составу комитета сановниковъ и вызывало съ ихъ стороны осужденіе и даже брань. Однако это не мѣшало Александру нѣсколько лѣтъ управлять съ одними, а совѣтоваться съ другими лицами. Это и составляло особенность первыхъ лѣтъ правленія Александра.

Несмотря на то, что интимный комитетъ не былъ вовсе оформленъ, его занятія велись систематически, и даже существовало нѣчто въ родѣ журналовъ комитета, составляемыхъ П. А. Строгановымъ. Записки графа Строганова, изданныя цѣликомъ великимъ княземъ Николаемъ Михайло-

вичемъ въ его трудѣ „Графъ П. А. Строгановъ“, даютъ намъ прочное основаніе для сужденія о дѣятельности комитета. Созданный по мысли П. А. Строганова, комитетъ былъ впервые собранъ въ засѣданіе 24 іюня 1801 года, тотчасъ же по увольненіи графа Палена. Свою задачу комитетъ понялъ очень широко: по ознакомленіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и съ внѣшнею политикою Россіи, онъ полагалъ начать съ частичныхъ реформъ управленія и закончить установленіемъ общихъ основъ правопорядка. Можно безъ колебанія признать, что все движеніе законодательства и всѣ перемѣны въ административномъ строѣ въ первыя пять лѣтъ царствованія Александра вышли прямо или косвенно изъ интимнаго комитета, и потому значеніе комитета надобно признать весьма важнымъ. Переустройство высшихъ органовъ управленія (Сената и Государственнаго Совѣта) и образованіе министерствъ вмѣсто отжившихъ коллегій было назрѣвшимъ очереднымъ вопросомъ того времени, и онъ разрѣшенъ былъ въ 1802 году съ участіемъ именно комитета. Вопросы сословнаго устройства также обсуждались въ комитетѣ: и въ частности вопросъ о крѣпостномъ правѣ на крестьянъ много занималъ комитетъ. На помѣстное дворянство члены комитета смотрѣли неблагосклонно: „это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупое (dont l'esprit est le plus bouché)“, такъ высказывался Строгановъ, и Александръ, очевидно, раздѣлялъ его взглядъ. Оставлять за такою средою право на личность и трудъ крестьянъ казалось несправедливымъ. Но какъ отмѣнить это право, комитетъ не додумался, и императоръ Александръ ограничился, въ области положительныхъ мѣропріятій, закономъ 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Мысль, легшая въ основаніе закона, была подана государю не въ комитетѣ, но она вполнѣ соотвѣтствовала настроенію комитета и самого Александра. Помѣщикамъ предоставлялось освобождать своихъ крѣпостныхъ на условіяхъ, выработаныхъ по ихъ взаимному соглашенію и утвержденныхъ правительствомъ; освобожденные крестьяне составляли особое состояніе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Законъ 1803 года остался почти безъ примѣненія, но послужилъ для общества достовѣрнымъ признакомъ, по которому можно было заключить о направленіи правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Если правительство не пошло здѣсь далѣе частной мѣры, то причина этого не въ его настроеніи, а въ трудности дѣла. Интимный комитетъ нашелъ въ крѣпостномъ правѣ камень преткновенія и, не разрѣшивъ этого основного вопроса русскаго общественнаго устройства, ему современнаго, не могъ успѣшно разрѣшить и вопросъ объ основаніяхъ того будущаго идеальнаго правопорядка, къ которому мечталъ вести страну. Обратясь въ негласный совѣтъ государя по дѣламъ текущимъ и обнаруживъ свою неспособность или неподготовленность къ тому, чтобы рѣшить широкую задачу, для которой онъ былъ образо-

вамъ, интимный комитетъ потерялъ прежнее расположеніе государя и понемногу распался. Совершилось это настолько постепенно, что даже нѣтъ возможности установить точную дату: дѣло начало разстраиваться съ 1804-го года, а въ эпоху Аустерлица и Тильзита комитетъ окончательно пересталъ существовать, и его члены перестали быть въ непосредственной близости къ Александру.

Одновременно съ распаденіемъ комитета произошла перемѣна и во внѣшней политикѣ императора Александра. Вступая на престолъ, императоръ Александръ намѣревался сохранять миръ и нейтралитетъ. Онъ остановилъ приготовленія въ войнѣ съ Англіей и возобновилъ дружбу какъ съ этою державою, такъ и съ Австріей. Отношенія съ Франціей стали отъ этого хуже, чѣмъ были предъ кончиною императора Павла, такъ какъ Франція въ то время находилась въ острой враждѣ съ Англіей. Однако никто въ Россіи не думалъ о войнѣ съ французами въ первые годы императора Александра. Война сдѣлалась неизбѣжна только послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній между Наполеономъ и русскимъ правительствомъ. Наполеонъ превратилъ Французскую республику въ монархію; его громадное честолюбіе раздражало Александра, а его безцеремонность въ дѣлахъ средней и южной Европы казалось опасною и недопустимою. Наполеонъ, не обращая вниманія на протесты русскаго правительства, насильственно распоряжался въ Германіи и Италіи, и это заставило Александра постепенно готовить новую коалицію противъ Франціи. Главными союзниками его были Австрія и Англія. Въ 1805 году открылась война съ Наполеономъ. Русскія войска, подъ командою одного изъ учениковъ Суворова, Мих. Илар. Голенищева-Кутузова, двинулись въ Австрію на соединеніе съ австрійскими войсками. Но раньше, чѣмъ они достигли театра военныхъ дѣйствій, Наполеонъ разбилъ и плѣнилъ австрійскую армію и взялъ Вѣну. Кутузовъ успѣлъ увернуться отъ неравнаго боя съ Наполеономъ и искусными маршами отвелъ свои войска назадъ, на сѣверъ отъ Вѣны. Однако вслѣдъ затѣмъ, по личному настоянію императора Александра, онъ принялъ бой съ Наполеономъ у г. Аустерлица, хотя и не вѣрилъ въ побѣду надъ Французами своихъ усталыхъ солдатъ и разстроенныхъ неудачами австрійцевъ. Дѣйствительно, подъ Аустерлицемъ Наполеонъ разбилъ русскихъ и австрійцевъ и принудилъ императора Франца къ миру. Русская же армія должна была отойти на родную границу. Такъ окончилась компанія 1805 года. Въ слѣдующемъ 1806 году императоръ Александръ возобновилъ войну противъ Наполеона въ союзѣ съ Пруссіей. Пруссія не дождалась русскихъ войскъ и одна начала военныя дѣйствія. Французы разбили пруссаковъ одновременно въ двухъ битвахъ, подъ Іеною и Ауэрштедтомъ. Наполеонъ занялъ Берлинъ и овладѣлъ прусскими землями до самой Вислы. Прусскій король (Фридрихъ Вильгельмъ III) укрылся со своимъ дворомъ

въ Кенигсбергѣ и рѣшился съ русскою помощью продолжать войну. Всю зиму 1806—1807 гг. шла кровопролитная борьба вблизи Кенигсберга. Русская армія подъ начальствомъ Бенигсена оказала упорное сопротивленіе французамъ, между прочимъ, отразивъ армію Наполеона въ большомъ сраженіи при г. Прейсишъ-Эйлау. Но лѣтомъ 1807 года Наполеону удалось разбить русскихъ подъ г. Фридландомъ, и война окончилась. Все Прусское королевство оказалось въ рукахъ Наполеона, а русская армія ушла на правый берегъ Нѣмана, въ родные предѣлы. Тогда императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ перемиріе и имѣлъ съ нимъ свиданіе у г. Тильзита въ павильонѣ, поставленномъ на плотахъ среди р. Нѣмана. Настроенный ранѣе не въ пользу Наполеона, Александръ послѣ перваго свиданія сдѣлалъ видъ, что вошелъ съ нимъ въ дружбу. Оба монарха лично договорились объ условіяхъ мира. Александръ настоялъ на томъ, чтобы не уничтожать Прусскаго королевства (какъ того хотѣлъ Наполеонъ); но онъ не могъ сохранить за прусскимъ королемъ всѣхъ его владѣній. У Пруссіи была отобрана добрая половина земель. Между прочимъ, изъ большей части тѣхъ польскихъ областей, которыя достались Пруссіи при раздѣлахъ Польши, было образовано „герцогство Варшавское", отданное саксонскому королю. Россія получила при этомъ отъ Пруссіи Бѣлостокскую область. Кромѣ того, Пруссія подпала вполнѣ вліянію Наполеона и должна была принять въ свои города французскіе гарнизоны. Россія выходила изъ неудачной войны безъ потерь и униженія. Но императоръ Александръ, не ограничиваясь заключеніемъ мира, вступилъ съ Наполеономъ въ союзъ, условія котораго были тайно выработаны въ Тильзитѣ. Основою союза было признаніе за Наполеономъ права господства на западѣ Европы, а за Александромъ права господства на востокѣ. Наполеонъ прямо указывалъ Александру, что Россія должна усилиться на счетъ Швеціи и Турціи, предоставивъ Наполеону Германію и Италію. Оба государя согласились дѣйствовать сообща противъ Англіи, и Александръ принялъ измышленную Наполеономъ „континентальную систему". Она состояла въ томъ, что континентальныя страны отказывались отъ торговыхъ сношеній съ Англіей и не пускали въ свои гавани англійскихъ кораблей и товаровъ; Наполеонъ думалъ достигнуть этимъ путемъ экономическаго разоренія Англіи. Тильзитскій миръ и союзъ заключили собою первый періодъ царствованія Александра.

На пространствѣ первыхъ шести лѣтъ императоръ Александръ успѣлъ показать, что онъ способенъ къ быстрымъ перемѣнамъ. Его внутренняя политика не удовлетворила ни людей „бабушкина вѣка", ни членовъ интимнаго комитета: и тѣ и другіе увидѣли, что не владѣютъ волею и настроеніемъ Александра и не могутъ положиться на его постоянство. Однихъ онъ раздражалъ дружбою съ „молодыми наперсни-

ками", попиравшими старину; других удивлялъ своею сдержанностью въ вопросахъ преобразованія, и „молодые наперсники" съ неудовольствіемъ замѣчали, что онъ легко давалъ „задній ходъ" ихъ начинаніямъ, которыя, казалось, такъ соотвѣтствовали его собственнымъ недавнимъ мыслямъ. Двойственность настроенія Александра уже тогда дѣлала его „сфинксомъ". Происшедшій же въ 1807 году поворотъ его внѣшней политики и союзъ съ Наполеономъ, совершенно непонятный для русскаго общества, сдѣлали его сфинксомъ и для широкой публики. Возвратясь изъ Тильзита въ Петербургъ, Александръ могъ ловить вокругъ себя, вмѣсто прежнихъ знаковъ бурнаго обожанія, молчаливые недоумѣнные взгляды.

Годы 1807—1812, составляющіе второй періодъ царствованія императора Александра, характеризуются внутри государства вліяніемъ Сперанскаго, а внѣ—союзомъ съ Наполеономъ.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ умовъ Россіи XIX вѣка, Сперанскій, при Александрѣ получилъ значеніе чрезвычайно разностороннее. Въ первую пору своей близости къ государю онъ предназначался, повидимому, къ тому, чтобы замѣнить собою павшій интимный комитетъ. Практикъ и даже канцеляристъ, онъ представлялся способнымъ на дѣлѣ осуществить реформу, о которой мечталъ Александръ со своими друзьями, и дать этой реформѣ житейски-пригодный видъ. Александръ вручилъ ему бумаги комитета, изложилъ свои намѣренія и далъ полномочіе изъ хаоса мыслей, рѣчей и проектовъ создать дѣловой, приспособленный къ русской практикѣ планъ преобразованія государственнаго порядка. Такъ возникъ знаменитый „проектъ" Сперанскаго. Въ то же время разносторонность талантовъ Сперанскаго, соединявшаго въ себѣ умъ теоретика-систематика съ способностями администратора-практика, повела къ тому, что его вліянію подпала вся текущая дѣятельность правительства до внѣшней политики включительно. Сперанскій явился кодификаторомъ и финансистомъ; ему было поручено устройство финляндскихъ дѣлъ; онъ проектировалъ отдѣльныя мѣропріятія самаго разнообразнаго содержанія; онъ пересматривалъ и переустраивалъ дѣйствующія учрежденія. Словомъ, онъ вѣдалъ все, что интересовало государя, и сталъ вліятельнѣйшимъ фаворитомъ, умѣвшимъ однако держаться не только скромно, но даже уединенно.

Проектъ государственнаго устройства Сперанскаго или „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ" имѣетъ задачею реформу общественнаго строя и государственнаго управленія. Сперанскій расчленяетъ общество на основаніи различія правъ. „Изъ обозрѣнія правъ гражданскихъ и политическихъ открывается, что всѣ они въ разсужденіи принадлежности ихъ на три класса могутъ быть раздѣлены: 1) права *гражданскія общія*, всѣмъ подданнымъ принадлежащія; 2) права *гражданскія*

частныя, кои должны принадлежать тѣмъ только, кои образомъ жизни и воспитанія къ нимъ будутъ пріуготовлены; 3) права *политическія* принадлежащія тѣмъ, кои имѣютъ собственность. Изъ сего происходитъ слѣдующее раздѣленіе состояній: 1) дворянство; 2) люди средняго состоянія; 3) народъ рабочій". Дворянству Сперанскій усвоиваетъ всѣ категоріи правъ, причемъ права политическія „не иначе какъ на основаніи собственности". Люди средняго состоянія имѣютъ права гражданскія общія, но не имѣютъ особенныхъ, а политическія имѣютъ „по ихъ собственности". Народъ рабочій имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ.

Если мы будемъ помнить, что Сперанскій разумѣетъ подъ общими гражданскими правами—гражданскую свободу личности, а подъ политическими правами—участіе въ государственномъ управленіи, то поймемъ что проектъ Сперанскаго отвѣчалъ либеральнѣйшимъ стремленіямъ Александра: онъ отрицалъ крѣпостное право и шелъ къ представительству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рисуя двѣ „системы" коренныхъ законовъ, Сперанскій изображалъ одну изъ нихъ, какъ уничтожающую самодержавную власть въ ея *существѣ*, а другую—какъ облекающую власть самодержавную внѣшними *формами* закона съ сохраненіемъ ея существа и силы. Указывая, что вторая система существуетъ во Франціи (которою тогда увлекался Александръ), Сперанскій какъ-бы соблазнялъ Александра слѣдовать именно этой системѣ, ибо при ней закономъ созданное представительство на дѣлѣ было бы „подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной". Съ другой стороны, въ сферѣ „особенныхъ" гражданскихъ правъ, принадлежащихъ одному дворянству, Сперанскій сохранялъ „право пріобрѣтать недвижимою собственность *населенную*, но управлять ею не иначе, какъ по закону". Эти оговорки сообщали будущему строю гибкость и неопредѣленность, которыми можно было пользоваться въ любую сторону. Устанавливая „гражданскую свободу" для крестьянъ помѣщичьихъ, Сперанскій одновременно продолжаетъ ихъ называть „крѣпостными людьми". Говоря о „народномъ представленіи", Сперанскій и при немъ готовъ опредѣлять существо верховной власти, какъ истинное самодержавіе. Очевидно, что очень либеральный по принципамъ проектъ Сперанскаго могъ быть очень умѣренъ и остороженъ по исполненію.

Формы государственнаго управленія представлялись Сперанскому въ такомъ видѣ: Россія дѣлится на *губерніи* (и области на окраинахъ), губерніи—на *округа*, округа на *волости*. Въ порядкѣ законодательномъ въ волости составляется изъ всѣхъ землевладѣльцевъ *волостная дума*, избирающая членовъ мѣстной администраціи и депутатовъ въ *окружную думу*; въ округѣ—такая же роль принадлежитъ *окружной думѣ*, состоящей изъ депутатовъ думъ волостныхъ, а въ губерніи—*губернской думѣ*

состоящей изъ депутатовъ думъ окружныхъ. Губернскія думы посылаютъ своихъ депутатовъ въ *Государственную думу*, составляющую законодательное сословіе имперіи. Въ порядкѣ судномъ дѣйствуютъ *суды* волостные, окружные и губернскіе подъ верховенствомъ *Сената*, который „есть верховное судилище для всей имперіи". Въ порядкѣ исполнительномъ дѣйствуютъ *управленія* волостныя, окружныя и губернскія подъ руководствомъ *министерствъ*. Всѣ отрасли управленія соединяются *Государственнымъ Совѣтомъ*, который служитъ посредствующимъ звеномъ между державною властью и органами управленія и составляется изъ особъ, назначаемыхъ государемъ.

Исполненіе проекта Сперанскаго предполагалось начать съ 1810 г. Въ новый годъ, 1 января 1810 года, былъ открытъ въ преобразованномъ видѣ Государственный Совѣтъ, въ 1811 году были преобразованы министерства. Но далѣе дѣло не пошло, а въ 1812 году Сперанскій уже лишился довѣрія государя и настала новая эпоха въ жизни Александра.

Если бы роль Сперанскаго ограничилась составленіемъ проекта преобразованій, о Сперанскомъ можно было-бы говорить немного, такъ какъ его проектъ остался безъ всякаго вліянія на строй общества и государства. Значеніе этого проекта замѣтнѣе въ исторіи идей, чѣмъ въ исторіи учрежденій: онъ служилъ показателемъ извѣстнаго направленія въ русскомъ обществѣ и возбудилъ противъ себя протестъ представителей иныхъ направленій. Извѣстна записка Н. М. Карамзина „О древней и новой Россіи", поданная императору Александру противъ проекта Сперанскаго. Охранительный тонъ этой записки и ея рѣзкость вызвала неудовольствіе Александра; но Карамзинъ мѣтко указывалъ на то, что Сперанскій спѣшилъ (или, вѣрнѣе, самъ Александръ спѣшилъ) съ общею реформою въ духѣ произвольнаго заимствованія со стороны, отъ той самой Франціи, которую все русское общество считало тогда очагомъ политическихъ и соціальныхъ опасностей. Быть можетъ, реформа Сперанскаго потому и не была осуществлена, что Александръ боялся ея скороспѣлости и убѣдился въ ея непопулярности среди окружающихъ его сановниковъ и чиновниковъ, не любившихъ Сперанскаго.

Гораздо дѣйствительнѣе были работы Сперанскаго въ сферѣ текущей правительственной дѣятельности. Въ званіи товарища министра юстиціи Сперанскій завѣдывалъ комиссіей законовъ, которая подготовляла проектъ новаго гражданскаго уложенія, составленный подъ очевиднымъ вліяніемъ французскаго Code civil (или „кодекса Наполеона"). Внесенный въ Государственный Совѣтъ, этотъ проектъ однако не получилъ санкціи. Хотя отношеніе современниковъ и ученыхъ къ проекту кодекса никогда не было благопріятнымъ, однако нельзя не признать нѣкотораго значенія въ исторіи русской кодификаціи за первыми работами въ этой сферѣ Сперанскаго. Для самого же Сперанскаго его первыя законода-

тельныя работы были подготовкою къ позднѣйшимъ его трудамъ по составленію Свода Законовъ. Привлеченный императоромъ Александромъ къ устройству управленія въ новопріобрѣтенной Финляндіи, Сперанскій сопровождалъ Александра во время его поѣздки на сеймъ въ Борго, редактировалъ его сеймовыя рѣчи, писалъ проекты устройства финляндскаго сената, руководилъ комиссіей финляндскихъ дѣлъ, образованной въ Петербургѣ. Та самая гибкость и неопредѣленность политическихъ понятій о верховной власти и о народномъ „представленіи", которую мы видѣли въ общемъ проектѣ Сперанскаго, наблюдается въ актахъ о Финляндіи, редактированныхъ Сперанскимъ. Вѣрный своей мысли о законодательномъ сословіи, которое „на самомъ дѣлѣ было бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной", Сперанскій такъ стремился поставить и финляндскій сеймъ, учрежденный, но не дѣйствовавшій при Александрѣ. Одновременно съ дѣлами финляндскими, получивъ съ 1809 года вліяніе въ сферѣ финансоваго управленія, Сперанскій и здѣсь сумѣлъ оставить яркій слѣдъ своего ума и энергіи. Финансы Россіи на 1810 годъ опредѣлялись такъ: 125 милліоновъ дохода, 230 милліоновъ расхода, 577 милліоновъ долга, ни малѣйшаго запаснаго фонда (слова графа М. А. Корфа). Сперанскому предстояло найти выходъ изъ положенія, неправильность котораго создалась еще въ XVIII вѣкѣ. Манифестомъ 2-го февраля 1810 года было между прочимъ установлено: признать ассигнаціи государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ „на всѣхъ богатствахъ имперіи"; новый выпускъ ассигнацій пресѣчь; государственные расходы по возможности сократить, а доходы увеличить чрезъ временныя прибавки въ податяхъ; публиковать ежегодно роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Начала, изложенныя въ этомъ манифестѣ, легли въ основаніе ряда огромныхъ финансовыхъ операцій 1810—1812 гг., руководимыхъ Сперанскимъ и знаменовавшихъ собою переломъ въ отношеніи власти къ финансовымъ задачамъ государства. Можно сказать, что въ эту пору дѣйствій Сперанскаго сформировались идеи и подготовлены были люди, съ которыми была проведена позже финансовая реформа Канкрина.

Указываютъ обыкновенно на редактированныя Сперанскимъ распоряженія 1809 года о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на гражданскіе чины, какъ на причину нелюбви къ Сперанскому знати и чиновничества. Указъ о придворныхъ званіяхъ призналъ ихъ отличіями, не приносящими никакого чина. Указъ объ экзаменахъ на чины поставилъ производство въ чины VIII и старшихъ классовъ въ зависимость отъ образовательнаго ценза. Можетъ быть, неудовольствіе потерпѣвшихъ отъ новыхъ служебныхъ порядковъ и сыграло свою роль въ паденіи Сперанскаго; но во всякомъ случаѣ его паденіе послѣдовало много спустя послѣ указовъ 1809 года и совершилось совсѣмъ внезапно. Государь

въ мартѣ 1812 года выслалъ Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Пермь.

Удаленіе Сперанскаго стояло въ несомнѣнной связи съ перемѣною во внѣшней политикѣ Александра. Тильзитскій миръ 1807 г. сдѣлалъ Александра союзникомъ и другомъ Наполеона, пріобщилъ Россію къ извѣстной „континентальной системѣ" Наполеона и раздѣлилъ Европу на двѣ сферы вліянія, отдавъ ея западъ Наполеону, а востокъ Александру. Послѣдствіемъ были войны со Швеціей и съ Турціей. Первая война дала Россіи Финляндію, вторая Бессарабію. Кромѣ того, въ 1809 г. Александръ участвовалъ въ войнѣ Наполеона съ Австріей и получилъ отъ послѣдней часть восточной Галиціи (Тарнопольскій округъ, который по окончаніи борьбы съ Наполеономъ, снова отошелъ къ Австріи). Переходъ отъ вражды къ сближенію съ Франціей, разрывъ съ старыми союзниками, тяжести континентальной системы и непрерывныхъ войнъ, французское вліяніе на внутреннія дѣла, проводникомъ котораго считали именно Сперанскаго,— все это очень вліяло на общественное настроеніе и вызывало ропотъ. Когда добрыя отношенія Александра и Наполеона стали портиться, вражда русскаго общества къ Наполеону и Франціи достигла большого напряженія, а Сперанскій въ общественномъ мнѣніи сталъ почитаться уже прямо измѣнникомъ. Какъ первое лицо въ пору сближенія съ Франціей, Сперанскій сталъ какъ бы символомъ этого сближенія и долженъ былъ конечно, сойти со сцены при перемѣнѣ политическаго фронта.

Такъ въ 1812 году обозначилась новая перемѣна въ Александрѣ. Какъ раньше друзья Александра по интимному комитету убѣдились въ непрочности его дружбы, такъ теперь пришлось убѣдиться въ этомъ Сперанскому. Прощаясь съ нимъ со слезами, Александръ имѣлъ видъ человѣка, уступающаго необходимости пожертвовать Сперанскимъ безъ повѣрки обвиненій, взведенныхъ на него доносами. За глаза же Александръ давалъ волю негодованію на Сперанскаго и даже говорилъ о смертной казни. И самъ Наполеонъ много разъ имѣлъ случай убѣдиться въ двойственности своего союзника. Любезный и сдержанный, обворожительный и скрытный, Александръ никогда не отдавалъ всего себя дружбѣ съ Наполеономъ и при случаѣ давалъ ему отпоръ или уклонялся отъ откровенности, сохраняя свою свѣтлую улыбку и чарующій взглядъ.

Послѣдняя борьба съ Наполеономъ. Александръ съ 1810 года уже обнаруживалъ разочарованіе въ своей дружбѣ съ Наполеономъ. Она не приводила къ добру. Недовольство подданныхъ, торговыя потери, разстройство финансовъ, удары самолюбію и угрозы миру—вотъ что стяжалъ Александръ этою дружбою. Охладѣвъ понемногу къ Наполеону, Александръ началъ протестовать противъ его дѣйствій и сталъ постепенно готовиться къ войнѣ, на тотъ случай, если Наполеонъ нападетъ на него. Въ свою очередь, Наполеонъ велъ приготовленія для вторженія въ Россію. Обѣ

стороны старались скрывать свои военныя приготовленія и обвиняли другъ друга въ стремленіи уничтожить дружбу и нарушить миръ. Для всѣхъ становилось ясно, что подготовлялась война между Россіей и Франціею. Причина ея лежала въ глубокой противоположности стремленій французской и русской политики. Наполеонъ стремился къ міровому владычеству и желалъ подчиненія Россіи его видамъ, Александръ не только не считалъ возможнымъ подчиниться Наполеону, но самъ желалъ вліять на дѣла Европы, какъ преемникъ Екатерины, при которой Россія достигла необыкновенныхъ политическихъ успѣховъ и большого международнаго значенія. Со стороны Франціи продолжался еще завоевательный порывъ; со стороны Россіи сказывалось чувство національной силы и гордости. Франція желала господства надъ Россіей, Россія—равенства съ Франціей. Борьба была неизбѣжна, и обѣ стороны имѣли къ ней достаточные поводы.

Уже въ 1811 году близость разрыва между Франціей и Россіей чувствовалась всѣми. Съ начала 1812 года императоръ Александръ усиленно приготовлялся къ войнѣ. Онъ рѣшился не нападать, а только обороняться, и отклонилъ проекты наступательныхъ дѣйствій. Болѣе 200 тысячъ русскихъ войскъ ожидали нашествія врага. Войска были разставлены на границѣ, вдоль р. Нѣмана, и раздѣлены на двѣ арміи: первою командовалъ военный министръ, генералъ Мих. Богд. Барклай-де-Толли, второю—генералъ Суворовской школы, князь П. И. Багратіонъ. Самъ императоръ Александръ находился при войскахъ, въ г. Вильнѣ. Было большою ошибкою разбросать войска на значительномъ разстояніи и не соединить ихъ въ одну сильную армію. Наполеонъ замѣтилъ эту ошибку и хотѣлъ ею воспользоваться, чтобы раздѣлить и ослабить русскія силы. Съ громадною арміей въ 600.000 человѣкъ онъ въ іюнѣ 1812 года безъ объявленія войны переправился черезъ Нѣманъ, въ предѣлы Россіи (у г. Ковно) и почти безъ всякого сопротивленія со стороны русскихъ разрозненныхъ отрядовъ, бывшихъ передъ нимъ, быстро дошелъ до Вильны, гдѣ и остановился на полмѣсяца для окончательнаго устройства своей арміи, составленной изъ войскъ какъ французскихъ, такъ и союзныхъ (нѣмецкихъ, польскихъ, голландскихъ, швейцарскихъ и т. д.). Русскія арміи Барклая-де-Толли и Багратіона оказались отрѣзанными одна отъ другой и настолько слабыми, что, по неравенству силъ, не могли и думать о генеральномъ сраженіи съ врагомъ. Въ эту тяжелую минуту окружающіе императора Александра убѣдили его оставить театръ войны и уѣхать въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ, для общаго руководства государственною обороною. Главное начальство надъ войсками получилъ Барклай. Понимая невозможность открытаго боя съ Наполеономъ, Барклай принялъ систему отступленія внутрь страны и повелъ свою армію на Витебскъ и Смоленскъ, приказавъ и Багратіону отступать и идти на соединеніе съ нимъ. Мысль о необходимости и пользѣ отступленія при-

надлежала не одному только Барклаю. Многіе тогда вспоминали примѣръ Петра Великаго, отступавшаго передъ шведами до Полтавы, и разсчитывали, что, отступая, русская армія легко можетъ быть усилена рекрутами и снабжена всѣмъ необходимымъ, тогда какъ непріятель тѣмъ больше ослабѣетъ и истощится, чѣмъ дальше отойдетъ отъ своей родины. Такъ разсуждали многіе; но Барклай яснѣе всѣхъ понималъ, какъ именно слѣдуетъ исполнить отступленіе и до какихъ поръ его вести. Онъ искусно уклонялся отъ большихъ боевъ съ преслѣдовавшимъ непріятелемъ и старательно берегъ свою армію отъ потерь и внутренняго разстройства. Онъ благополучно достигъ Смоленска и тамъ соединился съ Багратіономъ, который пришелъ туда отъ Нѣмана съ великимъ трудомъ, безпрерывно преслѣдуемый французами. Такимъ образомъ, отступленіе удалось въ томъ смыслѣ, что Наполеонъ не успѣлъ ни разъединить русскія арміи, ни разбить ихъ порознь. Въ военномъ отношеніи это былъ большой успѣхъ.

Однако постояннымъ отступленіемъ Барклая не были довольны ни государь, ни армія, ни все русское общество. Русскіе люди стыдились того, что армія какъ будто боялась открытаго боя съ врагомъ. Почти никто не понималъ, что въ военномъ отношеніи отступленіе не было позорнымъ дѣломъ, и всѣ обвиняли Барклая или въ трусости, или даже въ измѣнѣ. Общественное мнѣніе требовало смѣны Барклая. Императоръ Александръ думалъ о томъ же; по совѣту приближенныхъ, онъ назначилъ главнокомандующимъ М. И. Голенищева-Кутузова. Но еще раньше, чѣмъ послать его въ армію, государь потребовалъ отъ Барклая, чтобы отступленіе было, наконецъ, пріостановлено. Вслѣдствіе такого желанія государя и подъ вліяніемъ общаго настроенія, Барклай изъ Смоленска попытался было начать наступленіе на французовъ къ Витебску, но вовремя остановился. Оказалось, что Наполеонъ кружнымъ путемъ спѣшилъ въ обходъ русскихъ къ Смоленску и чуть было не отрѣзалъ нашей арміи отъ Смоленска и Москвы. Съ большими усиліями русскимъ отрядамъ (генераловъ Невѣровскаго, Раевскаго и Дохтурова) удалось задержать французомъ подъ Смоленскомъ, пока главная армія наша вернулась съ витебской дороги мимо Смоленска на московскую дорогу. Нѣсколько дней шелъ бой подъ древними стѣнами Смоленска раньше, чѣмъ Барклай приказалъ оставить эту крѣпость и продолжать отступленіе къ Москвѣ. Онъ видѣлъ, что еще не пришла пора помѣриться силами съ Наполеономъ. Въ это время (16-го августа), на пути арміи отъ Смоленска къ Можайску, пріѣхалъ въ армію новый главнокомандующій, Кутузовъ. Онъ 26-го августа рѣшился дать Наполеону генеральное сраженіе при селѣ Бородинѣ (на берегахъ рѣчки Колочи, впадающей въ р. Москву, верстахъ въ 10 отъ Можайска). Это сраженіе показало, что Барклай былъ правъ, и что русскіе еще не въ силахъ побѣдить врага. Давъ битву въ

угоду общественному мнѣнію, Кутузовъ послѣ боя продолжалъ отступленіе по примѣру Барклая.

Бородинская битва—одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи: до ста тысячъ человѣкъ было убито, ранено и пропало безъ вѣсти въ одинъ день изъ обѣихъ сразившихся армій. Со стороны русскихъ въ бою было около 110 тысячъ человѣкъ, со стороны французовъ—около 130 тысячъ. Весь день Наполеонъ велъ атаку на русскія позиціи; послѣ отчаяннаго боя (въ которомъ погибъ Багратіонъ) непріятелю удалось оттѣснить русскія войска на нѣсколько сотъ саженъ назадъ. Но вечеромъ французы оставили взятыя ими русскія укрѣпленія и ушли ночевать въ свой лагерь. Русскіе же ночевали на полѣ битвы, и казацкіе разъѣзды тревожили врага во всю ночь. Обѣ стороны имѣли трофеи: отбили другъ у друга пушки, знамена, плѣнныхъ. Каждая армія считала себя побѣдительницею. Сгоряча Кутузовъ рѣшилъ на утро возобновить бой и напасть на врага. Но когда обнаружилось, что половина русской арміи уничтожена въ бою, онъ понялъ, что слѣдуетъ отойти и сохранить оставшіяся силы отъ окончательнаго разгрома. Русскіе потянулись къ Москвѣ. Слѣдомъ за ними наступали французы, надѣясь на скорое окончаніе войны со взятіемъ Москвы. Подъ Москвою (въ деревнѣ Филяхъ) Кутузовъ собралъ военный совѣтъ и, обсудивъ положеніе дѣлъ, рѣшилъ оставить Москву безъ битвы. Онъ надѣялся на то, что, сохранивъ и усиливъ свои войска, заморитъ ослабѣвшую непріятельскую армію въ опустѣлой Москвѣ. Москва была оставлена войсками. Еще ранѣе, узнавъ о приближеніи французовъ, стали покидать Москву ея жители. Московскій генералъ-губернаторъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, сначала возбуждавшій москвичей къ вооруженной защитѣ города, затѣмъ необыкновенно энергично хлопоталъ объ оставленіи его и даже, говорятъ, приготовилъ людей къ тому, чтобы зажечь городъ. 2-го сентября въ брошенную столицу вступилъ Наполеонъ.

Вопреки ожиданіямъ французовъ, занятіе ими Москвы не привело къ миру. Попытки Наполеона начать переговоры окончились неудачею. Императоръ Александръ не отвѣчалъ Наполеону, потому что твердо рѣшился вести войну до послѣдней возможности и не полагать оружія, пока хотя одинъ врагъ останется въ русскихъ предѣлахъ. Съ первыхъ же дней пребыванія французовъ въ Москвѣ городъ сталъ горѣть и весь обратился въ развалины: въ немъ нельзя было зимовать и нечѣмъ было питаться. Кутузовъ съ арміею сталъ немного южнѣе Москвы; онъ получалъ изъ черноземныхъ губерній все необходимое и увеличивалъ свои боевыя силы, а французовъ не допускалъ запасаться провіантомъ въ окрестностяхъ столицы, окруживъ ее казаками. Наполеонъ не имѣлъ возможности двинуться и на Петербургъ, потому что Петербургъ былъ защищенъ особою арміей (графа Витгенштейна), а кромѣ того, Куту-

зовъ могъ въ этомъ случаѣ напасть на врага съ тыла. Въ довершеніе всего французская армія, очень разстроенная дальнимъ походомъ и Бородинскою битвою, окончательно потеряла порядокъ въ Москвѣ, гдѣ скоро привыкла къ грабежу и распущенности. Сообразивъ всѣ невыгоды своего положенія, Наполеонъ рѣшился покинуть Москву и отступить на зимовку въ Смоленскъ и Вильну, съ тѣмъ, чтобы на будущую весну возобновить военныя дѣйствія. Такую рѣшимость поддержало въ немъ извѣстіе о пораженіи его передового отряда русскими у села Тарутина (близъ г. Малаго Ярославца). Кутузовъ напалъ здѣсь на Мюрата и разбилъ его на-голову. Въ срединѣ октября французская армія покинула Москву, сожженную и разграбленную, съ оскверненными храмами и взорванными стѣнами Кремля. Наполеонъ сдѣлалъ попытку пройти отъ Москвы къ Калугѣ, чтобы отступать не старою разоренною дорогою. Но Кутузовъ не допустилъ этого, онъ далъ отпоръ французамъ при Маломъ Ярославцѣ, послѣ чего они повернули на Смоленскъ по разоренной дорогѣ. Русская армія шла параллельно непріятельской, но Кутузовъ совсѣмъ не стремился къ открытому бою съ ней, говоря, что она развалится и безъ боя. Дѣйствительно, армія Наполеона разваливалась съ необыкновенною быстротою. Тому были многія причины. Во-первыхъ, пребываніе въ Москвѣ, грабежъ и мародерство настолько расшатали дисциплину среди французовъ, что боевая сила ихъ войскъ замѣтно упала. Французы отступали безпорядочно, нуждаясь въ необходимомъ, но волоча за собою награбленную въ Москвѣ добычу. За исключеніемъ немногихъ полковъ (гвардіи), они напоминали собою простыя шайки грабителей. Во-вторыхъ вокругъ французской арміи загорѣлась народная война: жители коренныхъ русскихъ губерній поднялись на врага. Вооружаясь чѣмъ попало, они нападали на отдѣльные французскіе отряды и истребляли ихъ, жгли французскіе запасы, грабили непріятельскіе обозы, словомъ, наносили врагу какой только могли вредъ. При такомъ возбужденіи народа маленькіе отряды кавалеристовъ и казаковъ, высланные на французовъ изъ русской арміи, могли съ чрезвычайною легкостью и удобствомъ вредить врагу, нападая на него со всѣхъ сторонъ внезапно и украдкою, ведя съ нимъ „партизанскую войну". (Среди партизановъ особенно были извѣстны Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ). Народъ всячески помогалъ партизанамъ, укрывалъ ихъ, доставлялъ имъ свѣдѣнія о движеніи непріятеля, поддерживалъ въ бояхъ. Народная и партизанская война страшно вредила французской арміи и разстраивала ее. Въ-третьихъ, наконецъ, холода, наступившіе въ ноябрѣ, причинили страшное бѣдствіе французамъ, не имѣвшимъ теплой одежды и надлежащей обуви. Ни сражаться, ни двигаться, ни добывать пищу они не были въ состояніи и устилали дороги трупами замерзшихъ и голодныхъ. Когда Наполеонъ со своей бѣдствующей арміей подошелъ къ р. Березинѣ (притокъ р. Днѣпра), у го-

рода Борисова русскими была сдѣлана попытка окружить его. Но она не удалась: Наполеонъ успѣлъ переправиться и уйти къ Вильнѣ. Однако отъ Березины шла уже не армія, а лишь жалкіе ея остатки. Они добѣжали до Вильны, не смогли въ ней удержаться и побѣжали дальше къ Нѣману. Въ самый день Рождества Россія торжественно праздновала (и до сихъ поръ церковно празднуетъ) избавленіе отъ нашествія французовъ и „съ ними двадесяти языкъ". Наполеонъ вывелъ съ собою изъ Россіи не болѣе 15—20 тысячъ солдатъ, сохранившихъ строй и дисциплину; все остальное погибло или осталось въ плѣну, или же обратились въ бродягъ. Такъ кончился походъ Наполеона въ Россію.

Многіе полагали, что съ изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи война окончена и что русскимъ можно спокойно выжидать дальнѣйшихъ событій. Самъ Кутузовъ, повидимому, былъ такого же мнѣнія. Но императоръ Александръ думалъ иначе: онъ желалъ воспользоваться пораженіемъ Наполеона, чтобы окончательно сломить его силы и избавить отъ его гнета европейскія государства. По велѣнію государя русскія войска вслѣдъ за французами перешли русскую границу. Россія начала войну за освобожденіе Европы, и Александръ призывалъ всю Германію къ борьбѣ съ Наполеономъ. На его зовъ первая отозвалась Пруссія, затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній Австрія. Къ новой коалиціи примкнули Швеція и Англія. Къ лѣту 1813 года Наполеонъ сумѣлъ собрать новую армію и встрѣтилъ своихъ противниковъ въ Германіи. Борьба разыгралась на Эльбѣ. Послѣ многихъ упорныхъ битвъ (при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ), произошло генеральное сраженіе при Лейпцигѣ. Оно длилось четыре дня: въ немъ дѣйствовало до полумилліона человѣкъ и было убито и ранено болѣе 100.000. Въ бою лично принимали участіе императоры Наполеонъ и Александръ, присутствовали императоръ Австрійскій (Францъ) и короли Прусскій и Саксонскій. Въ этой „битвѣ народовъ" Наполеонъ былъ разбитъ и съ громадными потерями отступилъ за Рейнъ. Союзники преслѣдовали его и вторглись въ его имперію. Это случилось ровно черезъ годъ послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи: въ день Рождества Христова въ 1813 году императоръ Александръ объявилъ своей арміи походъ съ самую Францію. Такъ совершилось освобожденіе Германіи отъ долгаго французскаго господства. Энергія императора Александра поставила его во главѣ этого дѣла и онъ занялъ первое мѣсто среди союзныхъ государей.

Обезсиленная Наполеоновскими войнами, Франція не могла оказать большого сопротивленія громаднымъ союзнымъ арміямъ. Отвлекши Наполеона въ сторону отъ Парижа, союзники поспѣшили сами къ Парижу и овладѣли имъ послѣ сраженія съ войсками гарнизона. Императоръ Александръ съ прусскимъ королемъ торжественно въѣхали въ Парижъ 19-го (31) марта 1814 года. Французскій сенатъ, выражая неудо-

вольствіе всей Франціи чрезмѣрными тягостями Наполеоновской политики, объявилъ Наполеона лишеннымъ императорскаго престола. Побѣжденному Наполеону не оставалось иного исхода, кромѣ отказа отъ власти. Въ городѣ Фонтенбло подписалъ онъ актъ отреченія отъ престола Франціи и получилъ отъ союзниковъ островъ Эльбу (лежащій между его роднымъ островомъ Корсикою и итальянскимъ берегомъ). Во Франціи была возстановлена королевская династія Бурбоновъ (въ лицѣ Людовика XVIII). Было рѣшено созвать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ конгрессъ государей и дипломатовъ для того, чтобы возстановить въ европейскихъ государствахъ нормальный порядокъ, нарушенный завоевательной политикою Франціи. Подъ вліяніемъ поразительныхъ успѣховъ Александра высшія учрежденія Россіи (Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ) поднесли государю прошеніе о принятіи имъ наименованія „благословенный“ (1814). Хотя Александръ и не изъявилъ на то прямого согласія, такое наименованіе было ему усвоено впослѣдствіи офиціально.

Конгрессъ въ Вѣнѣ состоялся въ томъ же 1814 году. Устроивъ дѣла второстепенныхъ государствъ, монархи Россіи, Австріи и Пруссіи обсудили вопросъ и о вознагражденіи своихъ державъ за жертвы и потери, понесенныя въ борьбѣ съ Наполеономъ. Это вознагражденіе главнымъ образомъ намѣчалось въ видѣ надѣленія землями прежней Польши. Императоръ Александръ съ большою настойчивостью желалъ соединить польскія области подъ своею властью въ одно государство съ Россіей. Союзники сначала не соглашались на это и дѣло едва не дошло до разрыва и войны. Согласились, однако, на томъ, что императоръ Александръ получилъ почти все герцогство Варшавское подъ именемъ „Царства Польскаго“, но уступилъ Познань Пруссіи и Галицію Австріи.

Во время занятій конгресса въ Вѣну (1815) пришло извѣстіе, что Наполеонъ прибылъ съ о. Эльбы во Францію и возстановилъ тамъ свою имперію. Снова на границы Франціи отправились союзныя арміи; но еще до прихода русскихъ войскъ Наполеонъ былъ разбитъ англичанами и пруссаками (при Ватерлоо), отдался въ руки англичанамъ и былъ ими отвезенъ на о. Св. Елены. Тѣмъ не менѣе, русская армія была опять введена во Францію и осталась тамъ до полнаго утвержденія порядка и спокойствія.

Годы 1812—1815 въ личной жизни Александра имѣли характеръ рѣшительнаго перелома. Въ началѣ отечественной войны Александръ думалъ неотлучно быть при арміи. Находя это неполезнымъ для дѣла, новый (смѣнившій Сперанскаго) государственный секретарь Шишковъ вмѣстѣ съ Балашовымъ и Аракчеевымъ написали Александру „посланіе“, въ которомъ просили его отдѣлить его судьбу отъ судьбы арміи. Александръ послушался и изъ арміи отправился чрезъ Москву въ С.-Петербургъ.

Въ Москвѣ народная масса встрѣтила его съ необыкновеннымъ подъемомъ патріотическаго чувства, а дворянство и купечество на пріемѣ во дворцѣ проявили полную готовность жертвовать не только имуществомъ, но и собою для защиты родины. Александръ былъ пораженъ мощью народнаго чувства; онъ нѣсколько разъ повторялъ: „этого дня я никогда не забуду!“ Въ сущности, онъ мало цѣнилъ то общество, которымъ управлялъ; теперь же оно встало передъ нимъ такою силою, которая вызывала его изумленіе и уваженіе. Отношеніе къ управляемой средѣ въ немъ измѣнилось кореннымъ образомъ, и онъ понялъ, выражаясь его словами, что „Россія представляетъ ему болѣе способовъ, чѣмъ непріятели думаютъ“. Съ тѣхъ поръ онъ любилъ повторять, что будетъ вести борьбу до конца, что, утративъ армію, созоветъ „дорогое дворянство и добрыхъ крестьянъ“, отроститъ бороду и будетъ питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ своихъ крестьянъ скорѣе, чѣмъ подпишетъ постыдный миръ. Эта перемѣна въ оцѣнкѣ общества была для Александра первымъ изъ послѣдствій „двѣнадцатаго года“. Вторымъ послѣдствіемъ былъ переломъ въ его религіозномъ сознаніи. Онъ самъ говорилъ, что пожаръ Москвы освѣтилъ его душу и согрѣлъ его сердце вѣрою, какой раньше онъ не ощущалъ. Деистъ превратился въ мистика. Мало интересовавшійся Библіей и не знавшій ея, Александръ теперь не разстается съ нею и не скрываетъ своего новаго настроенія. Онъ теперь убѣжденъ, что для народовъ и для царей слава и спасеніе только въ Богѣ, и на себя смотритъ лишь какъ на орудіе Промысла, карающаго злобу Наполеона. Глубокое смиреніе было естественнымъ послѣдствіемъ этихъ взглядовъ; но эти же новые взгляды, убѣдившіе Александра въ его высокомъ предназначеніи, вели его иногда къ необычайному упорству и раздражительности въ отстаиваніи своихъ мнѣній и желаній. Онъ получалъ видъ человѣка, увѣреннаго въ своей непогрѣшимости, съ которымъ было безполезно и рискованно препираться. Не разъ онъ терялъ свое обычное самообладаніе и впадалъ даже въ рѣзкость; такъ, однажды близкаго къ нему князя Волконскаго онъ при всѣхъ обѣщалъ „услать въ такое мѣсто, котораго князь не найдетъ на всѣхъ своихъ картахъ“. Такой складъ мыслей и такое настроеніе Александръ сохранилъ до конца своихъ дней. Въ послѣдующіе годы въ немъ стали замѣтны утомленіе жизнью, стремленіе уйти отъ ея повседневныхъ мелочей въ созерцательное одиночество, склонность къ унынію и загадочной печали.

Правительственная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра находилась подъ вліяніемъ этого сложнаго и страннаго настроенія имп. Александра и потому отличалась отсутствіемъ внутренней цѣльности: она характеризуется уже не двойственностью и неопредѣленностью, а прямыми противорѣчіями. Побѣда надъ Наполеономъ привела Европу къ „священному союзу“. Исправивъ карту Европы,

приведенную въ безпорядокъ революціей и Наполеономъ, и распредѣливъ вознагражденіе державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, главенствующіе монархи связали себя актомъ Священнаго Союза, который былъ попыткою приложить къ политикѣ принципы христіанства. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ Александру и вышелъ изъ его мистическаго настроенія. Актъ „Священнаго Союза" (14-го сентября 1815 года) говорилъ о томъ, что союзные монархи рѣшились весь порядокъ взаимныхъ своихъ отношеній „подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя", и въ политическихъ отношеніяхъ „руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира". Взаимно обязались они пребывать въ вѣчномъ мирѣ и всегда „подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь", а подданными своими управлять, „какъ отцы семействъ", въ томъ же духѣ братства. Императоромъ Александромъ при составленіи этого акта руководилъ высокій религіозный порывъ и искреннее желаніе внести въ политическую жизнь умиротворенной Европы начала христіанской любви и правды. Но союзники Александра, въ особенности австрійскіе дипломаты (съ Меттернихомъ во главѣ), воспользовались новымъ союзомъ въ практическихъ цѣляхъ. Обязанность государей всегда и вездѣ помогать другъ другу была истолкована такъ, что союзные государи должны вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ и поддерживать въ нихъ законный порядокъ. Обычай „вмѣшательства" былъ укрѣпленъ на тѣхъ конгрессахъ, которые созывались послѣ Вѣнскаго (въ 1818—1822 годахъ въ городахъ Ахенѣ, Троппау, Лейбахѣ и Веронѣ) и имѣли цѣлью полюбовное разрѣшеніе разныхъ международныхъ дѣлъ по принципамъ „Священнаго Союза". Собиравшіеся на этихъ конгрессахъ государи и ихъ дипломаты обсуждали, между прочимъ, внутреннія замѣшательства, происходившія въ государствахъ всѣхъ трехъ южныхъ полуострововъ Европы, и пришли къ тому рѣшенію, чтобы вооруженной силою вмѣшаться въ дѣла Италіи и Испаніи и поддержать тамъ законныя правительства противъ народныхъ возстаній. Во имя идей „Священнаго Союза" происходило подавленіе всякаго національнаго движенія и поддержка непопулярныхъ и недостойныхъ правителей. Даже возстаніе грековъ-христіанъ противъ притѣсненій турокъ вначалѣ разсматривалось, какъ недозволительный бунтъ подданныхъ противъ законнаго государя. Императоръ Александръ видѣлъ въ этомъ возстаніи „революціонный признакъ времени" и не считалъ себя въ правѣ заступиться за угнетенныхъ единовѣрцевъ. Такая дѣятельность „Священнаго Союза" (его прямолинейный легитимизмъ и принципъ вмѣшательства) возстановили противъ него европейское общество и союзъ получилъ славу реакціонной силы, противной всякому движенію впередъ. Благородная мысль императора Александра на практикѣ выродилась въ несоотвѣтственныя ей формы

потому что Александръ допустилъ во всемъ актѣ „Священнаго Союза“ смѣшеніе идей совершенно различныхъ порядковъ. Онъ надѣялся подчинить право и политику велѣніямъ морали и религіи, а на дѣлѣ политика въ ловкихъ рукахъ Меттерниха обратила мораль и религію въ практическое средство къ достиженію реакціонныхъ цѣлей. Стоявшій во главѣ союза Александръ, казалось, сталъ и во главѣ европейской реакціи. Но въ то же время онъ насаждалъ въ новомъ Царствѣ Польскомъ конституціонный порядокъ, а въ 1818—1819 году поручилъ Новосильцеву воскресить проектъ Сперанскаго. Новосильцевъ составилъ „Уставную Грамоту“, но она, какъ и при Сперанскомъ, не получила санкціи, а вновь устроенный либеральный порядокъ въ Польшѣ и Финляндіи не былъ пущенъ полнымъ ходомъ. Борьба противоположныхъ принциповъ въ дѣйствіяхъ Александра была здѣсь очевидна, но необъяснима. Необъяснимымъ казался и пріемъ внутренняго управленія. Не оставившій еще мысли объ „Уставной Грамотѣ“, Александръ на дѣлѣ далеко отошелъ отъ настроеній молодыхъ лѣтъ. Онъ остылъ и сталъ равнодушенъ къ внутреннимъ дѣламъ и вопрасамъ гражданскаго управленія; текущую административную работу онъ возложилъ на графа Аракчеева и вполнѣ довѣрился этому неизмѣнному своему любимцу, съ которымъ его еще въ юности связывали какія-то таинственныя, историками еще не разгаданныя, нити. Аракчеевъ превратился во временщика и возбудилъ къ себѣ общую ненависть не только несносною кичливостью и мелкимъ злопамятствомъ, но и общимъ пріемомъ управленія, невѣжественнымъ, грубымъ и жестокимъ, являвшимъ собою безобразную реакцію по отношенію ко всему тому, что прельщало общество въ первые годы правленія Александра. Люди разныхъ положеній и направленій одинаково осуждали Аракчеева, называя его „проклятымъ змѣемъ“, „извергомъ“, „вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи“, но никто не могъ съ нимъ бороться. Насталъ тяжелый режимъ, напоминавшій предыдущее царствованіе, въ особенности тѣмъ, что на первомъ планѣ стали внѣшнія мелочи военно-казарменнаго быта и знаменитый вопросъ объ устройствѣ военныхъ поселеній. Цѣлая треть русской арміи была переведена въ новыя условія быта поселенныхъ войскъ. Условія эти сводились къ тому, чтобы устроить войска, не отрывая солдатъ въ мирное время отъ ихъ семей и хозяйства, и облегчить государственную казну, возложивъ расходы по продовольствію войскъ на тотъ самый округъ, въ коемъ войска поселены. Жители мѣстностей, назначенныхъ для водворенія войскъ, зачислялись въ „военные поселяне“ и подчинялись военному управленію, а сыновья ихъ зачислялись въ „кантонисты“ и служили для пополненія войскъ. При Аракчеевѣ были созданы поселенія въ губерніяхъ Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской. При большомъ своемъ развитіи поселенія представляли собою сложную и крупную реформу, ломавшую

быть значительной части населенія, возбуждавшую серьезное неудовольствіе подпавшихъ реформѣ лицъ. Столь же явное несочувствіе со стороны общества вызывали попытки (по выраженію Карамзина) „мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ“, которыя находились въ прямомъ соотношеніи съ мистическимъ настроеніемъ самого Александра. Религіозный экстазъ государя содѣйствовалъ успѣхамъ въ русскомъ обществѣ искренняго и лицемѣрнаго мистицизма, истиннаго благочестія и показного ханжества. Трудно тогда было разобраться въ томъ, кто лицемѣритъ изъ-за карьеры, а кто искрененъ въ дѣлахъ вѣры и церкви; но большое число явныхъ и неопрятныхъ „лицемѣровъ“ сильно компрометировало тѣ мѣры, которыми Александръ и его министръ „духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ кн. А. Н. Голицинъ думали поднять истинное благочестіе въ Россіи. Въ соединеніи съ господствомъ Аракчеева всѣ эти мѣры производили на общество впечатлѣніе самой рѣшительной реакціи и даже консервативный Карамзинъ не скрывалъ своего отвращенія отъ возобладавшихъ тогда тенденцій.

Случилось такъ, что въ то самое время, когда правительство императора Александра стало на путь реакціи и піэтизма, въ русскомъ обществѣ получили ходъ и преобладаніе иные вкусы. Отечественная война поставила въ ряды арміи на защиту отечества массу дворянъ, до того времени не дорожившихъ службою, особенно военною; а войны 1813—1814 г.г., перебросивъ русскую арміи за-границу, познакомили эту массу дворянъ съ западно-европейскою жизнью и съ умственнымъ движеніемъ западно-европейскаго общества. Ранѣе рѣдкія поѣздки русскихъ людей за-границу были единичными случайностями, и иноземныя впечатлѣнія ограничивались узкимъ кругомъ лицъ, побывавшихъ на чужбинѣ. Теперь, въ пору освободительныхъ войнъ, русскіе люди въ большомъ числѣ и надолго оказались поставленными въ условія европейской жизни, подпали длительному вліянію чуждыхъ нравовъ и идей, близко познакомились съ умственнымъ движеніемъ времени, вывезли домой цѣлыя библіотеки. Успѣхи французской гражданственности подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка, могучее движеніе нѣмецкаго націонализма и нѣмецкой философской мысли не могли пройти безслѣдно для русскихъ умовъ, потрясенныхъ и возбужденныхъ великою борьбою за собственную родину. Русскіе люди втягивались въ умственные интересы Запада и начинали съ новыхъ точекъ зрѣнія смотрѣть на родную дѣйствительность. Иногда мы даже можемъ услѣдить, какъ именно совершалось это перерожденіе русской души: въ запискахъ декабриста князя С. Г. Волконскаго читаемъ, напримѣръ, откровенное указаніе, что на путь политической критики привело его знакомство съ нѣмецкимъ патріотомъ Ю. Грунеромъ, отъ котораго Волконскій получилъ „болѣе познаній объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству“.

Два теченія въ русской общественности образовалось подъ вліяніемъ указаннаго знакомства съ западомъ. Одно можно назвать теоретическимъ, другое практическимъ. Первое, стремясь усвоить и примѣнить къ русской дѣйствительности результаты отвлеченнаго европейскаго мышленія, выразилось въ занятіяхъ новой идеалистической философіей. Пройдя нѣсколько фазъ, это теченіе привело къ созданію у насъ извѣстныхъ философско-публицистическихъ направленій „славянофильства“ и „западничества“. О нихъ рѣчь пойдетъ дальше. Второе теченіе—практическое — стремилось перенести въ русскую жизнь тѣ формы политическаго и общественнаго строя, которыя были выработаны въ новѣйшую эпоху въ западной Европѣ. На почвѣ политической оно стремилось къ представительной, даже республиканской формѣ правленія; на почвѣ общественной оно отрицало крѣпостное право. Это теченіе привело къ образованію кружковъ, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усваивали революціонный оттѣнокъ. Недовольство дѣйствительностью въ этихъ кружкахъ было тѣмъ болѣе напряжено, чѣмъ болѣе безпощадно была реакція и Аракчеевскій режимъ.

Существованіе кружковъ оппозиціоннаго характера можно было наблюдать уже тотчасъ по возвращеніи войскъ изъ заграничнаго похода. Первоначально они пользовались дозволенной тогда (до 1822 года) въ Россіи масонской организаціей, затѣмъ получили видъ политическихъ сообществъ. Изъ нѣсколькихъ такихъ сообществъ выслѣженъ былъ въ 1816 году большой „Союзъ спасенія“ или „Союзъ благоденствія“, уставъ котораго („зеленая книга“) сталъ извѣстенъ даже самому императору Александру. Слишкомъ большая огласка союза повела въ 1820—1821 г.г. къ его добровольному закрытію. Но, закрывъ этотъ союзъ, его руководители составили новые союзы, болѣе тайные и съ болѣе опредѣленными программами дѣйствій. Это были союзы: „сѣверный“ съ Н. Муравьевымъ и Рылѣевымъ во главѣ; „южный“, руководимый Пестелемъ, и „славянскій“. Первый былъ умѣреннѣе прочихъ, высказываясь за монархическое начало; второй былъ республиканскимъ, а третій отличался фантастическими крайностями. Во всякомъ случаѣ всѣ эти союзы были вѣтвями одного заговора, направленнаго къ коренному перевороту.

Когда императоръ Александръ получилъ первые доклады о происходящемъ движеніи, онъ отнесся къ нимъ такъ, что смутилъ докладчиковъ. „Вы знаете“, сказалъ онъ одному докладчику, „что я самъ раздѣлялъ и поддерживалъ эти иллюзіи; не мнѣ ихъ карать!“ Другому докладчику онъ отвѣтилъ невниманіемъ. Однако послѣдующія извѣстія уже не о предосудительныхъ иллюзіяхъ, а объ опредѣленномъ заговорѣ, заставили Александра въ послѣдній годъ его жизни начать дознаніе. Во время этого дознанія онъ и скончался.

Въ такой неутѣшительной обстановкѣ окончилась дѣятельность того, чье появленіе на престолъ уподоблялось „Свѣтлому празднику“. Рядъ перемѣнъ въ настроеніи и направленіи власти оставался непонятнымъ для управляемаго общества; двойственность натуры Александра удивляла окружающихъ, а способность къ быстрымъ перемѣнамъ отдаляла отъ него всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ быть увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ. „Сущій прельститель“, Александръ въ концѣ дней своихъ какъ бы потерялъ свои чары и стоялъ очень далеко отъ всѣхъ, кого ранѣе чаровалъ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи и кончина императора Александра I. Александръ не имѣлъ сыновей, а двѣ его дочери умерли въ младенчествѣ. Бездѣтность государя сообщала право наслѣдованія старшему по немъ брату, цесаревичу Константину Павловичу. Но и Константинъ не имѣлъ дѣтей, да къ тому же во второмъ бракѣ онъ былъ женатъ на графинѣ Грудзинской, которая не принадлежала ни къ царствующему, ни къ владѣтельному дому, и пользовалась титуломъ свѣтлѣйшей княгинѣ Ловичъ. По закону 1820 года, дѣти отъ такого брака „съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства“, лишены были права на наслѣдованіе престола. Разнаго рода личныя соображенія привели Константина къ твердому рѣшенію отречься отъ правъ на престолъ. Въ 1823 году это отреченіе было имъ оформлено съ согласія императора Александра и матери ихъ, императрицы Маріи Θеодоровны. Константинъ заявилъ объ отреченіи своемъ въ офиціальномъ письмѣ государю: государь по этому поводу далъ 16 августа 1823 года манифестъ, въ коемъ, принимая отреченіе брата Константина, назначалъ наслѣдникомъ престола слѣдующаго за нимъ брата, великаго князя Николая Павловича. Но, оформивъ дѣло, Александръ почему-то не желалъ огласить его. Манифестъ 16-го августа былъ врученъ московскому архіепископу Филарету для секретнаго храненія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а копіи съ манифеста, тоже секретно, были положены на храненіе въ Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и Синодѣ. На всѣхъ пакетахъ съ текстомъ манифеста было государемъ написано: „хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія“. Секретный для подданныхъ, манифестъ 16 августа былъ секретомъ и для великаго князя Николая Павловича. Онъ о немъ ничего не зналъ. если же и думалъ когда либо о возможности царствовать, то лишь на основаніи бѣглаго и немного загадочнаго разговора съ нимъ императора Александра въ іюлѣ 1819 года. Безо всякаго внѣшняго повода императоръ Александръ сообщилъ ему тогда за обѣдомъ, въ присутствіи лишь одной супруги Николая Павловича, Александры Θеодоровны, о томъ, что онъ имѣетъ въ виду отречься отъ престола и поэтому смотритъ на великаго князя Николая, какъ на своего наслѣдника, ибо и братъ Констан-

тинъ рѣшилъ не принимать престола. Пораженный такимъ открытіемъ, Николай однако не имѣлъ затѣмъ ни одного случая вернуться къ этой темѣ и не видѣлъ основанія вѣрить въ отреченіе Константина.

Таинственность, излишняя въ такомъ дѣлѣ, какъ передача правъ наслѣдованія мимо второго брата третьему, принесла непредвидѣнныя неудобства. Императоръ Александръ, отвезя свою больную супругу Елизавету Алексѣевну для леченія въ Таганрогъ, неожиданно тамъ скончался 19-го ноября 1825 года отъ случайной простуды, полученной во время поѣздки по Крыму. Извѣстіе о его кончинѣ было отправлено генералъ-адъютантомъ Дибичемъ въ Варшаву Константину Павловичу и въ Петербургъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ,—и случилось такъ, что въ Таганрогѣ и Петербургѣ считали императоромъ Константина и принесли ему присягу, а въ Варшавѣ Константинъ объявилъ императоромъ Николая. Началось междуцарствіе, которое продолжалось до 13-го декабря. Николай Павловичъ не считалъ себя въ правѣ занять престолъ, разъ онъ присягнулъ Константину. Несмотря на то, что князь А. Н. Голицынъ поставилъ его въ извѣстность о существованіи секретнаго манифеста объ отреченіи Константина, Николай настаивалъ на пріѣздѣ Константина въ Петербургъ для выясненія дѣла. Константинъ же рѣшительно уклонялся отъ этого и просилъ Николая принять власть. Между Варшавою и столицею летали фельдъегеря, и по важности дѣла посредникомъ между двумя братьями ѣздилъ третій братъ Михаилъ Павловичъ. Наконецъ, къ вечеру 12-го декабря выяснилось, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ престола не приметъ и въ Петербургъ не пріѣдетъ. Николаю оставалось, призвавъ войска и народъ къ присягѣ на свое имя, объявить манифестомъ о вступленіи своемъ на престолъ. Этимъ моментомъ и воспользовались заговорщики для революціонной попытки.

Время Николая I.

(1825—1855).

14-е декабря 1825 года. Принесеніе присяги новому государю было назначено на понедѣльникъ 14-го декабря, наканунѣ же вечеромъ предполагалось засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ которомъ императоръ Николай желалъ лично изъяснить обстоятельства своего воцаренія въ присутствіи младшаго своего брата Михаила, „личнаго свидѣтеля и вѣстника отъ цесаревича Константина“. Дѣло немного затягивали потому, что Михаилъ Павловичъ находился тогда на пути изъ Варшавы въ Петербургъ и могъ вернуться въ Петербургъ только вечеромъ 13-го декабря. Но такъ какъ онъ опоздалъ, то засѣданіе государственнаго совѣта состоя-

лось безъ него, въ полночь съ 13-го на 14-го декабря, а утромъ 14-го, также еще до пріѣзда Михаила, принесена была присяга начальниками гвардейскихъ войскъ, и затѣмъ эти начальники отправились въ свои части приводить къ присягѣ солдатъ. Въ церквахъ въ то же время читался народу манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая.

Новый государь не съ полнымъ спокойствіемъ ждалъ конца присяги. Еще 12-го декабря узналъ онъ по донесенію, присланному изъ Таганрога, о существованіи заговора или заговоровъ, а 13-го у него уже могли быть свѣдѣнія и о томъ, что въ самомъ Петербургѣ готовится движеніе противъ него. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ на всѣ вопросы по этому дѣлу отвѣчалъ успокоительно; но онъ не имѣлъ о заговорѣ правильнаго понятія и не считалъ нужнымъ принять принудительныя мѣры, несмотря на то, что 13-го обнаружились кое-какіе признаки агитаціи въ полкахъ. Первый безпорядокъ 14-го декабря произошелъ въ конной артиллеріи, гдѣ офицеры и солдаты желали видѣть у присяги великаго князя Михаила Павловича. Въ городѣ знали, что онъ не присягалъ до того дня никому, и удивлялись его отсутствію въ такую важную минуту. Въ это время Михаилъ уже пріѣхалъ въ Петербургъ; не медля онъ явился въ артиллерійскія казармы и успокоилъ смутившихся. Но затѣмъ пришла во дворецъ вѣсть, что части гвардейскихъ Московскаго и Гренадерскаго полковъ не присягнули и, увлеченныя нѣкоторыми офицерами, послѣ насилій надъ начальниками, вышли изъ казармъ и сгруппировались въ двѣ толпы на Сенатской площади близъ памятника Петра Великаго. Къ нимъ пристали матросы гвардейскаго экипажа и уличная публика. Среди собравшихся раздавалось „ура Константину Павловичу"! Противъ возмутившихся были поставлены со всѣхъ сторонъ гвардейскія войска, и самъ императоръ Николай пріѣхалъ на Сенатскую площадь. Попытки увѣщанія не привели ни къ чему: успокаивавшій мятежниковъ графъ Милорадовичъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. Натискъ на мятежниковъ конной гвардіи не удался: толпа устояла противъ скользившихъ по гололедицѣ лошадей и стрѣльбою изъ ружей отбила атаку. Тогда прибѣгли къ пушкамъ: нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ изъ орудій, стоявшихъ у адмиралтейства, разсѣяли толпу, и она побѣжала по Галерной улицѣ и вдоль Невы. Оставалось искать виновныхъ.

Въ сущности происшедшій уличный безпорядокъ не былъ серьезнымъ бунтомъ. Онъ не имѣлъ никакого плана и общаго руководства, не имѣлъ и военной силы. Весь день толпа провела въ бездѣйствіи и разсыпалась отъ первой картечи. Внѣшнее значеніе этого эпизода такъ и было понято императоромъ Николаемъ, по словамъ котораго бунтовавшія роты „впали въ заблужденіе". Но важность происшедшаго 14 декабря мятежа состояла въ томъ, что онъ былъ внѣшнимъ выраженіемъ скрытаго поли-

тическаго движенія, которое выразилось и другими подобными же признаками, вродѣ мятежа въ Черниговскомъ полку на югѣ. Руководители этого движенія были обнаружены и задержаны очень скоро послѣ 14 декабря. Къ лѣту 1826 года заговоръ былъ уже изученъ, и виновные, въ числѣ до 120 человѣкъ, были преданы особому верховному суду, въ составъ котораго были введены „государственныя сословія“: Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ. По приговору суда, смягченному нѣсколько императоромъ Николаемъ, пять виновныхъ были преданы смертной казни, остальные были сосланы въ каторжныя работы и на поселеніе въ Сибирь. Такъ закончилось „дѣло декабристовъ“, послужившее прологомъ къ царствованію императора Николая I.

Это дѣло было самою существенною частностью въ той обстановкѣ, въ какой совершилось воцареніе Николая; оно всего болѣе опредѣлило настроеніе новой власти и направленіе ея дѣятельности. Новая власть вступила въ жизнь не совсѣмъ гладко, подъ угрозою переворота и „цѣною крови своихъ подданныхъ“ („au prix du sang de mes sujets“, какъ выразился императоръ Николай). Попытка переворота исходила изъ той же дворянской среды, которая въ XVIII вѣкѣ не разъ дѣлала подобныя попытки, а орудіемъ переворота избрана была та же гвардія, которая въ XVIII столѣтіи не разъ служила подобнымъ орудіемъ. Въ XVIII вѣкѣ перевороты иногда удавались, и создаваемая ими власть получала тотъ или иной характеръ, то или иное направленіе въ зависимости отъ условій минуты. Теперь, въ 1825 году, попытка переворота не удалась, но тѣмъ не менѣе она оказала вліяніе на новую власть. Не только самое существованіе заговора и мятежъ, но и планы заговорщиковъ, ихъ идеи и проекты, обнаруженные слѣдствіемъ, дали толчекъ правительственной мысли. Императоръ Николай и его совѣтники сдѣлали изъ 14 декабря два вывода. Изъ нихъ одинъ, болѣе широкій, можно назвать политическимъ; другой болѣе узкій—административнымъ.

Изучая оппозиціонное движеніе, бывшее для многихъ совершенною неожиданностью, императоръ Николай неизбѣжно долженъ былъ замѣтить, что оно направлялось не только противъ реакціоннаго настроенія послѣдняго десятилѣтія жизни императора Александра, но и противъ общихъ основъ русскаго правопорядка, построеннаго на крѣпостномъ правѣ. Крестьянскій вопросъ былъ однимъ изъ существенныхъ пунктовъ въ освободительныхъ мечтаніяхъ декабристовъ, и освобожденіе крестьянъ связывалось въ ихъ проектахъ съ другими не менѣе существенными реформами общественной жизни и общественнаго устройства. Проекты декабристовъ получили особенное значеніе въ глазахъ новаго государя потому, что они не стояли уединенно: многое изъ того, что говорили привлеченные къ слѣдствію заговорщики, говорилось не только въ замкнутыхъ кружкахъ тайныхъ обществъ, но и въ широкомъ кругу

непричастныхъ къ заговору лицъ. Французскій посолъ Лаферроне, бесѣдовавшій о декабристахъ съ самимъ имъ Николаемъ, думалъ, что въ оппозиціи состоитъ все высшее русское общество. „Главная бѣда въ томъ (писалъ онъ), что люди самые благоразумные, тѣ, кто съ ужасомъ и отвращеніемъ взирали на совершившіяся событія (14 декабря), думаютъ и говорятъ, что преобразованія необходимы, что нуженъ сводъ законовъ, что слѣдуетъ совершенно видоизмѣнить и основанія и формы отправленія правосудія, оградить крестьянъ отъ невыносимаго произвола помѣщиковъ, что опасно пребывать въ неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но идти за вѣкомъ и немедленно готовиться къ еще болѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ". Если бы мы и рѣшились признать такой взглядъ излишне пессимистичнымъ и пугливымъ, мы всетаки должны помнить, что онъ отражаетъ настроеніе самого императора Николая и потому имѣетъ для насъ большую важность. Онъ показываетъ, что самъ Николай считалъ реформы (и въ томъ числѣ крестьянскую) назрѣвшимъ дѣломъ, котораго желало общество. Но вопросъ о реформахъ имѣлъ не одну оппозиціонную генеалогію: императоръ зналъ, что его братъ и предмѣстникъ мечталъ о реформахъ и былъ сознательнымъ противникомъ крѣпостного права на крестьянъ, а отецъ своею мѣрою о барщинѣ положилъ начало новому направленію правительственныхъ мѣропріятій въ крестьянскомъ вопросѣ. Поэтому реформы вообще, и крестьянская въ частности, становились въ глазахъ императора Николая правительственною традиціею. Настоятельная ихъ необходимость дѣлалась для него очевидною потребностью самой власти, а не только уступкою оппозиціонному движенію различныхъ кружковъ. Именно мысль о необходимости реформъ была первымъ (какъ мы его назвали, политическимъ) выводомъ, какой былъ сдѣланъ императоромъ Николаемъ изъ тревожныхъ обстоятельствъ воцаренія.

Второй выводъ былъ спеціальнѣе. Не было тайною, что заговоръ декабристовъ явился новымъ проявленіемъ старой шляхетской привычки мѣшаться въ политику. Измѣнились съ XVIII вѣка общественныя условія и строй понятій; въ зависимости отъ этого получила новый видъ организація и внутренній характеръ движенія декабристовъ. Вмѣсто сплошной дворянской массы XVIII вѣка, гвардейское солдатство стало въ XIX вѣкѣ разночиннымъ; но офицерство, втянутое въ движеніе, было по-прежнему сплошь дворянскимъ, и оно думало въ своихъ видахъ руководить гвардейской казармой. Вмѣсто прежнихъ династическихъ и случайныхъ цѣлей того или иного движенія, декабристы подъ видомъ вопроса о престолонаслѣдіи преслѣдовали цѣли общаго переворота. Но отъ этого не мѣнялся общій смыслъ факта: представители сословія, достигшаго исключительныхъ сословныхъ льготъ, теперь проявили стре-

мленіе къ достиженію политическихъ правъ. Если раньше императоры Павелъ и Александръ высказывались противъ дворянскаго преобладанія, созданнаго въ русскомъ обществѣ законами Екатерины, то теперь, въ 1825 году, власть должна была чувствовать прямую необходимость эмансипироваться отъ этого преобладанія. Шляхетство, превратившееся въ дворянство, переставало быть надежною и удобною опорою власти, потому что въ значительной части ушло въ оппозицію; надобно, значитъ, искать иной опоры. Таковъ второй выводъ, сдѣланный императоромъ Николаемъ изъ обстоятельствъ воцаренія.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ выводовъ и опредѣлились отличительныя черты новаго правительства. Подавивъ оппозицію, желавшую реформъ, правительство само стремилось къ реформамъ и порвало съ внутреннею реакціею послѣднихъ лѣтъ императора Александра. Ставъ независимо отъ заподозрѣнной дворянской среды, правительство пыталось создать себѣ опору въ бюрократіи и желало ограничить исключительность дворянскихъ привилегій. Таковы исходные пункты внутренней политики императора Николая, объясняющіе намъ всѣ ея свойства. Если мы примемъ еще во вниманіе личныя особенности самого императора, свѣжаго и бодраго человѣка, серьезно смотрѣвшаго на свой жребій, но не подготовленнаго къ власти и не введеннаго своевременно въ дѣла, то поймемъ, что новое правительство, при опредѣленномъ направленіи своемъ и большой энергіи, вступало во власть безъ той широты юныхъ замысловъ, которая придавала такое обаяніе первымъ днямъ власти Александра I. Кромѣ того, встрѣченное на первыхъ же порахъ попыткою декабристовъ и отвѣтившее на нее репрессіей, новое правительство получило въ общемъ сознаніи, какъ своемъ, такъ и чужомъ, характеръ охранительный, несмотря на то, что было готово на реформы.

Внутреннія дѣла времени императора Николая I. Съ первыхъ же мѣсяцевъ царствованія императоръ Николай поставилъ на очередь вопросъ о реформахъ. Онъ устранилъ отъ дѣлъ знаменитаго Аракчеева и явилъ полное свое равнодушіе къ мистицизму и религіозному экстазу. Настроеніе при дворѣ рѣзко измѣнилось по сравненію съ послѣдними годами Александрова царствованія. Къ дѣятельности были призваны иные люди. Снова получилъ большое значеніе Сперанскій; во главѣ государственнаго совѣта былъ поставленъ Кочубей, сотрудникъ императора Александра въ годы его юности; стали на виду и другіе дѣятели первой половины царствованія Александра. Рѣшимость императора Николая начать реформы сказывалась не только въ рѣчахъ его, но и въ мѣропріятіяхъ. Одновременно съ отдѣльными мѣрами въ разныхъ отрасляхъ управленія, былъ въ концѣ 1826 года учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Кочубея особый секретный комитетъ (извѣстный подъ названіемъ „комитета 6-го декабря 1826 года“) для разбора бумагъ императора Александра и

вообще „для пересмотра государственнаго управленія“. Работая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ комитетъ выработалъ проекты преобразованія какъ центральныхъ, такъ и губернскихъ учрежденій, а, кромѣ того, приготовилъ обширный проектъ новаго закона о сословіяхъ, въ которомъ предполагалось, между прочимъ, улучшеніе быта крѣпостныхъ. Изъ трудовъ комитета многое осталось безъ дальнѣйшаго движенія. Законъ о сословіяхъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и имъ одобренъ, но не былъ обнародованъ вслѣдствіе того, что революціонныя движенія 1830 года на Западѣ внушили страхъ передъ всякою реформою. Съ теченіемъ времени лишь нѣкоторыя мѣры изъ проектовъ „комитета 6-го декабря 1826 года“ были осуществлены въ видѣ отдѣльныхъ законовъ. Но въ цѣломъ труды комитета остались безъ всякаго успѣха, и реформа, проектированная имъ, не удалась.

Пока комитетъ обсуждалъ общій планъ необходимыхъ преобразованій, правительство принимало цѣлый рядъ практическихъ мѣръ для улучшенія разныхъ отраслей администраціи и для упорядоченія государственной жизни. Изъ такихъ мѣръ наиболѣе замѣчательны: 1) устройство отдѣленій „собственной Его Величества канцеляріи“; 2) изданіе Свода Законовъ; 3) уничтоженіе ассигнацій; 4) мѣры для улучшенія быта крестьянъ и 5) мѣры въ области народнаго просвѣщенія.

1. Собственная Его Величества канцелярія существовала и до императора Николая, но не играла замѣтной роли въ управленіи государствомъ, служа личною канцеляріею государя по дѣламъ, которыя онъ бралъ въ свое личное вѣдѣніе. При императорѣ Николаѣ въ личное вѣдѣніе государя взято было столько дѣлъ, что маленькая канцелярія очень разрослась и была подѣлена на отдѣленія. *Первое* отдѣленіе канцеляріи продолжало завѣдывать тѣми дѣлами, которыя раньше составляли ея предметъ, то-есть исполняло личныя повелѣнія и порученія государя, представляло государю поступающія на его имя бумаги и объявляло по нимъ его рѣшенія. *Второе* отдѣленіе было образовано (въ 1826 году) съ цѣлью привести въ порядокъ русское законодательство, давно нуждавшееся въ упорядоченіи. *Третье* отдѣленіе канцеляріи (также съ 1826 года) должно было вѣдать высшую полицію въ государствѣ и слѣдить за законностью и порядкомъ въ управленіи и общественной жизни. Чины этого отдѣленія должны были „наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьею-либо личною властью, или преобладаніемъ сильныхъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ“. Но вскорѣ надзоръ за законностью вообще перешелъ въ надзоръ за политическимъ настроеніемъ общества, и „третье отдѣленіе“ замѣнило собою тѣ тайныя канцеляріи по политеческимъ дѣламъ, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ. *Четвертое* отдѣленіе было основано послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны (1828). Оно замѣ-

нило собою канцелярію государыни по управленію тѣми образовательными и благотворительными учрежденіями, которыя императоръ Павелъ по вступленіи своемъ на престолъ (1796) передалъ въ вѣдѣніе своей супруги. Совокупность этихъ заведеній (институтовъ, училищъ, пріютовъ, богадѣленъ и больницъ) впослѣдствіи получила наименованіе „вѣдомства учрежденій императрицы Маріи“ въ память основательницы этого вѣдомствъ. Наконецъ, при императорѣ Николаѣ, кромѣ четырехъ постоянныхъ отдѣленій его канцеляріи, бывали еще временныя. Николай все свое царствованіе держался обычая брать въ свое непосредственное управленіе тѣ дѣла, успѣхъ которыхъ его особенно интересовалъ. Поэтому канцелярія императора Николая въ государственномъ управленіи всегда играла громадную роль.

2. Мы знаемъ, что въ XVIII столѣтіи попытки привести въ порядокъ дѣйствующее законодательство не удавались. Не увѣнчались успѣхомъ и позднѣйшія законодательныя работы Сперанскаго. Тотчасъ по воцареніи императоръ Николай обратилъ особое вниманіе на безпорядокъ въ законахъ и поручилъ второму отдѣленію своей канцеляріи дѣло кодификаціи. Составленіе законодательнаго кодекса было ввѣрено и на этотъ разъ М. М. Сперанскому, который сумѣлъ постепенно пріобрѣсти полное довѣріе и привязанность Николая. Сперанскій повелъ дѣло такимъ образомъ, что сначала собралъ всѣ законы, изданные съ 1649 года, то-есть со времени Уложенія, а затѣмъ изъ этого собранія законодательнаго матеріала составилъ систематическій сводъ дѣйствующихъ законовъ. Такой способъ работы былъ указанъ самимъ императоромъ Николаемъ, который не желалъ „сочиненія новыхъ законовъ“, а велѣлъ „собрать вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ“. Въ 1833 году трудъ Сперанскаго былъ законченъ. Было отпечатано два изданія: во-первыхъ, „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ и, во-вторыхъ, „Сводъ Зaноновъ Россійской Имперіи“. Полное Собраніе заключало въ себѣ всѣ старые законы и указы, начиная съ уложенія 1649 года и до воцаренія императора Николая. Они были расположены въ хронологическомъ порядкѣ и заняли 45 большихъ томовъ *). Изъ этихъ законовъ и указовъ было извлечено все то, что еще не утратило силы дѣйстзующаго закона и годилось для будущаго свода. Извлеченный законодательный матеріалъ былъ распредѣленъ по содержанію въ извѣстной системѣ („Основные государственные законы“; „Учрежденія“; „Законы о состояніяхъ“; „Законы гражданскіе“ и т. п.). Эти-то законы

---

*) Законы, данные въ царствованіе Николая I и Александра II (1825—1881), также были впослѣдствіи напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ и составили *второе* „Полное Собраніе Законовъ“ (въ 57 книгахъ). Законы, изданные съ 1881 года, печатаются ежегодно въ *третьемъ* „Полномъ Собраніи Законовъ“.

и были напечатаны въ систематическомъ порядкѣ въ 15-ти томахъ подъ названіемъ „Свода Законовъ“.

Такъ было завершено крупное и трудное дѣло составленія кодекса. Оно удалось благодаря исключительнымъ способностямъ и энергіи Сперанскаго, а также благодаря упрощенному плану работы. Собрать и систематизировать старый русскій законодательный матеріалъ было, конечно, легче и проще, чѣмъ заимствовать матеріалъ чуждый и согласовать его съ потребностями и нравами русскаго общества, или же „сочинять новое уложеніе“ на отвлеченныхъ, еще не испытанныхъ жизнью, принципахъ. Однако и болѣе простой пріемъ, принятый при императорѣ Николаѣ, удался такъ блестяще лишь потому, что во главѣ дѣла былъ поставленъ такой талантливый и усердный человѣкъ, какъ Сперанскій. Понимая всѣ трудности кодификаціи, Сперанскій не удоволствовался тѣмъ, что было имъ сдѣлано для составленія Свода: онъ предложилъ планъ устройства постоянныхъ работъ надъ исправленіемъ и дополненіемъ Свода въ будущемъ. По этому плану „второе отдѣленіе“ (превратившееся въ одно изъ отдѣленій государственной канцеляріи) непрерывно слѣдитъ за движеніемъ законодательства и постоянно вноситъ дополненія и измѣненія въ Сводъ; когда текстъ какого-либо тома Свода существенно измѣнится отъ подобныхъ дополненій и измѣненій, то его печатаютъ новымъ „изданіемъ“ въ отмѣну старыхъ, и такимъ образомъ составъ Свода постепенно обновляется въ уровень съ движеніемъ законодательства.

3. Императоръ Николай наслѣдовалъ отъ времени Александра большое разстройство финансовыхъ дѣлъ. Борьба съ Наполеономъ и дѣйствіе континентальной системы окончательно потрясли государственное хозяйство Россіи. Усиленные выпуски ассигнацій были тогда единственнымъ средствомъ покрывать дефициты, изъ года въ годъ угнетавшіе бюджетъ. Въ теченіе десяти лѣтъ (1807—1816) было выпущено въ обращеніе болѣе 500 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ. Немудрено, что курсъ бумажнаго рубля за это время чрезвычайно упалъ: съ 54 копѣекъ онъ дошелъ до 20 копѣекъ на серебро и только къ концу царствованія Александра поднялся до 25 копѣекъ. Такъ и укрѣпился обычай вести двоякій счетъ деньгамъ: на серебро и ассигнаціи, при чемъ одинъ серебряный рубль стоилъ приблизительно 4 ассигнаціонныхъ. Это вело ко многимъ неудобствамъ. При расчетахъ продавцы и покупатели обыкновенно условливались, какими деньгами (монетою или бумажками) произвести платежъ; при этомъ они расцѣнивали самыя деньги, и болѣе ловкій изъ нихъ обманывалъ или прижималъ менѣе догадливаго. Такъ, напримѣръ, въ 1830 году въ Москвѣ рубль крупнымъ серебромъ цѣнили въ 4 рубля ассигнаціями, рубль мелкимъ серебромъ—въ 4 руб. 20 коп. ассигнаціями, а за рубль мѣдью давали на ассигнаціи 1 руб.

08 копѣекъ). При такой путаницѣ люди бѣдные и мало понимавшіе въ расчетахъ несли убытки при каждой сдѣлкѣ и покупкѣ. Въ государствѣ не существовало устойчиваго курса ассигнацій; само правительство не могло установить его и сладить съ произвольною расцѣнкою денегъ (съ „простонароднымъ лажемъ“). Истиннымъ зломъ для народнаго рынка былъ этотъ „простонародный лажъ“, произвольная оцѣнка денежныхъ знаковъ при торговыхъ сдѣлкахъ. Крестьянинъ, продавая на рынкѣ, напримѣръ, сѣно, получалъ за него ассигнаціями по 3 руб. 35 коп. за серебряный рубль; а, покупая себѣ тутъ же на рынкѣ, напримѣръ, сукно, платилъ за него въ лавкѣ ассигнаціями по 3 руб. 60 коп. за серебряный рублъ; иначе говоря, получивъ ассигнаціонный рубль за 30 копѣекъ, онъ долженъ былъ отдать его за 28 копѣекъ. Казна же держала на ассигнаціи свой курсъ и при пріемѣ отъ того же крестьянина казенныхъ платежей считала ассигнаціонный рубль въ 29, примѣрно, копѣекъ. Такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же мѣстѣ приходилось считаться съ троякимъ курсомъ бумажныхъ денегъ. Попытки правительства уменьшить количествомъ ассигнацій не привели къ хорошему результату. Въ послѣдніе годы Александра было уничтожено много ассигнацій (на 240 милліоновъ рублей); но ихъ осталось еще на 600 милліоновъ и цѣнность ихъ нисколько не поднялась. Надобны были иныя мѣры.

Министромъ финансовъ при императорѣ Николаѣ былъ ученый финансистъ генералъ Е. Ф. Канкринъ, извѣстный своею бережливостью и умѣлою распорядительностью. Ему удалось составить въ государственномъ казначействѣ значительный запасъ золота и серебра, съ которымъ можно было рѣшиться на уничтоженіе обезцѣненныхъ ассигнацій и на замѣну ихъ новыми денежными знаками. Помимо случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ (большая добыча золота и серебра), образованію металлическаго запаса помогли выпущенные Канкринымъ „депозитные билеты“ и „серіи“. Особая депозитная касса принимала отъ частныхъ лицъ золото и серебро въ монетѣ и слиткахъ и выдавала вкладчикамъ сохранныя расписки, „депозитные билеты“, которые могли ходить, какъ деньги, и размѣнивались на серебро рубль за рубль. Соединяя всѣ удобства бумажныхъ денегъ съ достоинствами металлическихъ, депозиты имѣли большой успѣхъ и привлекли въ депозитную кассу много золота и серебра. Такой же успѣхъ имѣли и „серіи“, то-есть билеты государственнаго казначейства, приносившія владѣльцу небольшой процентъ и ходившія, какъ деньги, съ безпрепятственнымъ размѣномъ на серебро. Депозитки и серіи доставляли казнѣ цѣнный металлическій фондъ, въ то же время пріучали публику къ новымъ видамъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, имѣвшихъ одинаковую цѣнность съ серебряною монетою.

Мѣры, необходимыя для уничтоженія ассигнацій, составили предметъ долгаго обсужденія, въ которомъ дѣятельное участіе принималъ, между прочимъ, Сперанскій. Было рѣшено (1839) объявить монетною единицею серебряный рубль и считать его „законною мѣрою всѣхъ обращающихся въ государствѣ денегъ". По отношенію къ этому рублю былъ узаконенъ постоянный и обязательный для всѣхъ курсъ ассигнацій по расчету 350 рублей ассигнаціями за 100 рублей серебромъ. (Такимъ образомъ была совершена „девальвація", то-есть узаконеніе пониженнаго курса бумажныхъ денегъ). А затѣмъ (1843) былъ произведенъ выкупъ по этому курсу въ казну всѣхъ ассигнацій съ обмѣномъ ихъ на серебряную монету или же на новые „кредитные билеты", которыя размѣнивались на серебро уже рубль за рубль. Металлическій запасъ и былъ необходимъ для того, чтобы произвести этотъ выкупъ ассигнацій и чтобы имѣть возможность поддержать размѣнъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Съ уничтоженіемъ ассигнацій денежное обращеніе въ государствѣ пришло въ порядокъ: въ употребленіи была серебряная и золотая монета и равноцѣнныя этой монетѣ бумажныя деньги.

4. Начиная со времени императора Павла, правительство обнаруживало явное стремленіе къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ. При императорѣ Александрѣ I, какъ мы знаемъ, былъ данъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, въ которомъ какъ бы намѣчался путь къ постепенному и полюбовному освобожденію крестьянъ отъ власти ихъ владѣльцевъ. Однако этимъ закономъ помѣщики не воспользовались почти вовсе, и крѣпостное право продолжало существовать, несмотря на то, что возбуждало противъ себя негодованіе прогрессивной части дворянства. Вступая на престолъ, императоръ Николай зналъ, что предъ нимъ стоитъ задача разрѣшить крестьянскій вопросъ, и что крѣпостное право въ принципѣ осуждено какъ его державными предшественниками, такъ и его противниками—декабристами. Настоятельность мѣръ для улучшенія быта крестьянъ не отрицалась никѣмъ. Но по прежнему существовалъ страхъ предъ опасностью внезапнаго освобожденія милліоновъ рабовъ. Поэтому, опасаясь общественныхъ потрясеній и взрыва страстей освобождаемой массы, Николай твердо стоялъ на мысли освобождать постепенно и подготовлять освобожденіе секретно, скрывая отъ общества подготовку реформы.

Обсужденіе мѣръ, касающихся крестьянъ, производилось при Николаѣ въ секретныхъ комитетахъ, не одинъ разъ для этой цѣли образуемыхъ. Началось оно въ секретномъ „комитетѣ 6-го декабря 1826 года" и коснулось какъ государственныхъ крестьянъ, такъ и крестьянъ владѣльческихъ. Въ отношеніи государственныхъ крестьянъ были выработаны болѣе существенныя и удачныя мѣры, чѣмъ въ отношеніи крѣ-

постныхъ. Положеніе первыхъ было улучшено болѣе, чѣмъ положеніе вторыхъ.

Въ составѣ класса государственныхъ крестьянъ были прежніе „черносошные“ крестьяне, населявшіе государевы черныя земли; далѣе— крестьяне „экономическіе“, бывшіе на церковныхъ земляхъ, секуляризованныхъ государствомъ; затѣмъ—однодворцы и прочіе „ландмилицкіе“ люди, то-есть потомки того мелкаго служилаго люда, который когда-то заселялъ южную границу Московскаго государства. Разнородныя группы казеннаго крестьянства были на разной степени благосостоянія и имѣли различное врутреннее устройство. Предоставленные мѣстной администраціи (казеннымъ палатамъ и нижнымъ земскимъ судамъ), казенные крестьяне были нерѣдко угнетаемы и разоряемы. Въ комитетѣ 6-го дакабря 1826 года Сперанскій заговорилъ о необходимости „лучшаго хозяйственнаго управленія для крестьянъ казенныхъ“ и высказалъ мнѣніе, что такое управленіе „послужило бы образцомъ для частныхъ владѣльцевъ“. Мысль Сперанскаго встрѣтила одобреніе государя, который привлекъ къ этому дѣлу графа П. Д. Киселева. Это былъ одинъ изъ образованныхъ русскихъ людей, сдѣлавшихъ походы 1812—1814 годовъ и видѣвшихъ европейскіе порядки. Приближенный императоромъ Александромъ, Киселевъ еще въ его время интересовался крестьянскимъ дѣломъ и представилъ государю проектъ уничтоженія крѣпостного права. Какъ знатокъ крестьянскаго вопроса, онъ обратилъ на себя вниманіе императора Николая и пріобрѣлъ его довѣріе. Киселеву было поручено все дѣло о казенныхъ крестьянахъ. Подъ его управленіемъ временно возникло (1836) пятое отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи для лучшаго устройства управленія государственными имуществами вообще и для улучшенія быта казенныхъ крестьянъ. Это пятое отдѣленіе скоро было преобразовано въ Министерство государственныхъ имуществъ (1837), которому и ввѣрено было попечительство надъ казенными крестьянами. Подъ вѣдѣніемъ Министерства государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ стали дѣйствовать „палаты“ (теперь „управленія“) государственныхъ имуществъ. Онѣ завѣдывали казенными землями, лѣсами и прочими имуществами; онѣ же наблюдали и надъ государственными крестьянами. Эти крестьяне были устроены въ особыя сельскія общества (которыхъ оказалось почти 6.000); изъ нѣсколькихъ такихъ сельскихъ обществъ составлялась волость. Какъ сельскія общества, такъ и волости пользовались самоуправленіемъ, имѣли свои „сходы“, избирали для управленія волостными и сельскими дѣлами „головъ“ и „старшинъ“, а для суда (волостной и сельской „расправы“) особыхъ судей. Такъ было устроено по мысли Киселева самоуправленіе казенныхъ крестьянъ; впослѣдствіи оно послужило образцомъ и для крестьянъ частновладѣльческихъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Но заботами

но самоуправленіи крестьянъ Киселевъ не ограничился. При его долгомъ управленіи министерство государственныхъ имуществъ провело рядъ мѣръ для улучшенія хозяйственнаго быта подчиненнаго ему крестьянства: крестьянъ учили лучшимъ способамъ хозяйства, обезпечивали зерномъ въ неурожайные годы; малоземельныхъ надѣляли землею; заводили школы; давали податныя льготы и т. д. Дѣятельность Киселева составляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ царствованія императора Николая. Довольный Киселевымъ, Николай шутливо называлъ его своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части".

Въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ сдѣлано было меньше, чѣмъ въ отношеніи казенныхъ. Императоръ Николай не разъ образовывалъ секретные комитеты для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крѣпостныхъ. Въ этихъ комитетахъ Сперанскій и Киселевъ не мало поработали надъ уясненіемъ исторіи и юридической природы крѣпостного права и надъ проектами его уничтоженія. Но дѣло не пошло далѣе отдѣльныхъ мѣръ, направленныхъ на ограниченіе помѣщичьяго произвола. (Была, напримѣръ, запрещена продажа крестьянъ безъ земли и „съ раздробленіемъ семействъ"; было стѣснено право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь). Самою крупною мѣрою въ отношеніи крѣпостного права былъ предложенный Киселевымъ законъ 1842 года объ „обязанныхъ крестьянахъ". По этому закону, помѣщикъ получалъ право освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, давая имъ земельный надѣлъ (въ наслѣдственное пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ добровольнымъ соглашеніемъ). Получая личную свободу, крестьяне оставались сидѣть на владѣльческой землѣ и за пользованіе ею обязаны были (откуда и названіе „обязанныхъ") нести повинности въ пользу владѣльца. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ торжественно обсуждаемъ въ Государственномъ Совѣтѣ, при чемъ императоръ Николай въ пространной рѣчи высказалъ свой взглядъ на положеніе крестьянскаго дѣла въ его время. „Нѣтъ сомнѣнія (говорилъ онъ), что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь — было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ". Поэтому крестьянское освобожденіе государь считалъ дѣломъ будущаго и думалъ, что оно должно совершиться лишь постепенно и съ непремѣннымъ сохраненіемъ права помѣщиковъ на ихъ землю. Въ этомъ смыслѣ и былъ данъ законъ 1842 года, сохранявшій крестьянскіе надѣлы въ вѣчной собственности помѣщиковъ. Однако и на такомъ условіи помѣщики не стали освобождать своихъ крѣпостныхъ, и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ не получилъ почти никакого примѣненія въ жизни.

Между тѣмъ, общій ходъ русской жизни такъ вліялъ на всю систему крѣпостныхъ хозяйствъ и крѣпостныхъ отношеній, что надобно было

ждать скораго паденія крѣпостного строя. Патріархальныя формы крѣпостного труда уже не соотвѣтствовали измѣнившимся общественнымъ условіямъ: крѣпостной трудъ вообще былъ мало производителенъ и невыгоденъ. Помѣщичьи хозяйства были почти бездоходны и впадали въ задолженность, особенно въ неурожайные годы, когда помѣщики должны были кормить своихъ голодныхъ крестьянъ. Масса дворянскихъ населенныхъ имѣній была заложена въ казенныхъ ссудныхъ учрежденіяхъ; считаютъ, что къ концу царствованія императора Николая въ залогѣ находилось больше половины крѣпостныхъ крестьянъ (около 7-ми милліоновъ человѣкъ изъ 11-ти милліоновъ крѣпостныхъ мужескаго пола). Естественнымъ выходомъ изъ такой задолженности была окончательная уступка заложенной земли и крестьянъ государству, о чемъ и думали нѣкоторые помѣщики. Къ экономическимъ затрудненіямъ помѣщиковъ присоединялась боязнь крестьянскихъ волненій и безпорядковъ. Хотя въ царствованіе императора Николая не было бунтовъ въ родѣ Пугачевскаго, но крестьяне волновались часто и во многихъ мѣстахъ. Ожиданіе конца крѣпостной зависимости проникло въ ихъ массу и возбуждало ее. Вся жизнь складывалась такъ, что вела къ ликвидаціи крѣпостного права.

5. Мѣры въ области народнаго просвѣщенія при императорѣ Николаѣ I отличались двойственностью направленія. Съ одной стороны, очевидны были заботы о распространеніи образованія въ государствѣ; съ другой же стороны, замѣтенъ былъ страхъ передъ просвѣщеніемъ и старанія о томъ, чтобы оно не стало проводникомъ революціонныхъ идей въ обществѣ.

Заботы распространеніи образованія выразились въ учрежденіи весьма многихъ учебныхъ заведеній. Учреждались спеціальныя учебныя заведенія: военныя (кадетскіе корпуса и академіи военная и морская), техническія (Технологическій институтъ и Строительное училище въ Петербургѣ, Межевой институтъ въ Москвѣ); возобновленъ былъ Главный Педагогическій институтъ для приготовленія преподавателей. Всѣ эти учебныя заведенія имѣли въ виду удовлетвореніе практическихъ нуждъ государства. Для образованія общаго сдѣлано также не мало. Учреждено было нѣсколько женскихъ институтовъ. Основывались пансіоны съ гимназическимъ курсомъ для сыновей дворянъ. Было улучшено положеніе мужскихъ гимназій. По мысли министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, среднее образованіе, даваемое гимназіями, должно было составлять удѣлъ лишь высшихъ сословій и предназначалось для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Оно было сдѣлано „классическимъ“, чтобы „основать новѣйшее русское образованіе тверже и глубже на древней образованности той націи, отъ которой Россія получила и святое ученіе вѣры, и первые начатки своего просвѣщенія“ (то-есть, Византіи). Для дѣтей купцовъ и мѣщанъ предназначались уѣздныя училища, при чемъ правительство при-

нимало нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы лица изъ этихъ сословій не попадали въ гимназіи. Однако стремленіе къ знанію настолько уже созрѣло въ населеніи, что эти мѣры не приводили къ цѣли. Въ гимназіи вмѣстѣ съ дворянами поступали въ большомъ числѣ такъ называемые „разночинцы", то-есть лица, уволенныя изъ податныхъ сословій, но не принадлежащія къ дворянамъ потомственнымъ или личнымъ. Наплывъ разночинцевъ въ гимназіи и университеты составлялъ интересное и важное явленіе того времени: благодаря ему, составъ русскаго образованнаго общества, „интеллигенціи", пересталъ быть, какъ прежде, исключительно дворянскимъ.

Опасенія правительства относительно того, что учебныя заведенія станутъ распространителями вредныхъ политическихъ вліяній, выразились въ рядѣ стѣснительныхъ мѣръ. За университетами должны были наблюдать попечители учебныхъ округовъ. Уставъ университетовъ, выработанный (1835) графомъ Уваровымъ, давалъ университетамъ нѣкоторыя права самоуправленія и свободу преподаванія. Но когда на Западѣ въ 1848 году произошелъ рядъ революціонныхъ движеній, русскіе университеты подверглись чрезвычайнымъ ограниченіямъ и исключительному надзору. Преподаваніе философіи было упразднено; посылка за границу молодыхъ людей для подготовленія къ профессурѣ прекращена; число студентовъ ограничено для каждаго университета опредѣленнымъ комплектомъ (300 человѣкъ); студентовъ стали обучать военной маршировкѣ и строевымъ уставамъ. Эта послѣдняя мѣра была введена и въ старшихъ классахъ гимназіи. Министерство народнаго просвѣщенія, которому была въ то время подчинена цензура, чрезвычайно усилило строгости, запрещая всякую попытку въ журналахъ, книгахъ и лекціяхъ касаться политическихъ темъ. Послѣдніе годы царствованія императора Николая I заслужили поэтому славу необыкновенно суровой эпохи, когда была подавлена всякая общественная жизнь и угнетены наука и литература. Малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что какое-либо лицо утратило „непорочность мнѣній" и стало неблагонадежнымъ, влекло за собою опалу и наказаніе безъ суда.

Отношеніе общества къ дѣятельности императора Николая I. Знакомясь съ правительственной дѣятельностью изучаемой эпохи, мы приходимъ къ заключенію, что первое время царствованія Николая I были временемъ бодрой работы, поступательный характеръ которой, по сравненію съ концомъ предшествующаго царствованія, очевиденъ. Однако позднѣйшій наблюдатель съ удивленіемъ убѣждается, что эта бодрая дѣятельность не привлекала къ себѣ ни участія, ни сочувствія лучшихъ интеллигентныхъ силъ тогдашняго общества и не создала императору Николаю I той популярности, которою пользовался въ свои лучшіе годы его предшественникъ Александръ.

Одну изъ причинъ этого явленія можно видѣть въ томъ, что само правительство императора Николая I желало дѣйствовать независимо отъ общества и стремилось ограничить кругъ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ сферою бюрократіи. На это мы уже указывали. Другая же причина сложнѣе. Она коренится въ обстоятельствахъ, создавшихъ попытку декабристовъ и репрессію 1825—1826 года. Какъ мы видѣли, умственное движеніе, породившіе заговоръ декабристовъ, имѣло и другія вѣтви. Когда одни изъ его участниковъ устремились въ практику, другіе предались умозрѣнію; когда одни мечтали о немедленной перемѣнѣ жизненныхъ условій, другіе ограничивались критикою этихъ условій съ точки зрѣнія абсолютнаго знанія и опредѣленіемъ идеальныхъ основъ русской общественности. Настроеніе различныхъ кружковъ было различно, и далеко не вся интеллигенція сочувствовала бурнымъ планамъ декабристовъ. Но разгромъ декабристовъ болѣзненно отразился не на одномъ ихъ кругѣ, а на всей той средѣ, которая образовала свои взляды и симпатіи подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей. Единство культурнаго корня живо чувствовалось не только всѣми вѣтвями даннаго умственнаго направленія, но даже и самимъ правительствомъ, подозрѣніе котораго направлялось далѣе предѣловъ уличенной среды; а страхъ предъ этимъ подозрѣніемъ и отчужденіе отъ карающей силы охватывали не только причастныхъ къ 14 декабря, но и непричастныхъ къ нему сторонниковъ западной культуры и послѣдователей европейской философіи. Поэтому какъ бы хорошо ни зарекомендовала себя новая власть, какъ бы ни была она далека отъ уничтоженной ею „аракчеевщины", она все таки оставалась для людей даннаго направленія карающею силою. А между тѣмъ именно эти люди и стояли во главѣ умственнаго движенія той эпохи. Когда они сгруппировались въ два извѣстныхъ намъ лагеря „западниковъ" и „славянофиловъ", оказалось, что оба эти лагеря одинаково чужды правительственному кругу, одинаково далеки отъ его взглядовъ и работъ и одинаково для него подозрительны. Не удивительно, что въ такомъ положеніи очутились западники. Мы знаемъ, какъ, преклоняясь предъ западною культурою, они судили русскую дѣйствительность съ высоты европейской философіи и политическихъ теорій; они, конечно, находили ее отсталою и подлежащею безпощадной реформѣ. Труднѣе понять, какъ оказались въ оппозиціи славянофилы. Не одинъ разъ правительство императора Николая I (устами министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова) объявляло свой лозунгъ: православіе, самодержавіе, народность. Эти же слова могли быть и лозунгомъ славянофиловъ, ибо указывали на тѣ основы самобытнаго русскаго порядка, церковнаго, политическаго и общественнаго, выясненіе которыхъ составляло задачу славянофиловъ. Но славянофилы понимали эти основы иначе, чѣмъ представители „офиціальной народности". Для послѣднихъ слова „правосла-

44*

віе“ и „самодержавіе“ означали тотъ порядокъ, который существовалъ въ современности: славянофилы же идеалъ православія и самодержавія видѣли въ московской эпохѣ, гдѣ церковь имъ казалась независимою отъ государства носительницею соборнаго начала, а государство представлялось „земскимъ“, въ которомъ принадлежала, по словамъ К. Аксакова, „правительству сила власти, землѣ—сила мнѣнія“. Современный же имъ строй славянофилы почитали извращеннымъ, благодаря господству бюрократизма въ сферѣ церковной и государственной жизни. Что же касается термина „народность“, то официально онъ означалъ лишь ту совокупность чертъ господствующаго въ государствѣ русскаго племени, на которой держался данный государственный порядокъ; славянофилы же искали чертъ „народнаго духа“ во всемъ слявянствѣ и полагали, что государственный строй, созданный Петромъ Великимъ, „угашаетъ народный духъ“, а не выражаетъ его. Поэтому ко всѣмъ тѣмъ, кого славянофилы подозрѣвали въ служеніи „официальной народности“, они относились враждебно; отъ официальныхъ же сферъ держались очень далеко, вызывая на себя не только подозрѣнія, но и гоненіе.

Такимъ образомъ установилось своеобразное отчужденіе между властью и тѣми общественными группами, которыя по широтѣ своего образованія и по сознательности патріотическаго чувства могли бы быть наиболѣе полезны для власти. Обѣ силы—и правительственная, и общественная—сторонились одна отъ другой въ чувствахъ взаимнаго недовѣрія и непониманія и обѣ терпѣли отъ рокового недоразумѣнія. Лучшіе представители общественной мысли, имена хоторыхъ мы теперь произносимъ съ уваженіемъ (Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, историкъ Соловьевъ) были подозрѣваемы и стѣснены въ своей литературной дѣятельности и личной жизни, чувствовали себя гонимыми и роптали (а Герценъ даже эмигрировалъ). Лишенные довѣрія власти, они не могли принести той пользы отечеству, на какую были способны. А власть, уединивъ себя отъ общества, должна была съ теченіемъ времени испытать всѣ неудобства такого положенія. Пока въ распоряженіи императора Николая I находились люди предшествующаго царствованія (Сперанскій, Кочубей, Киселевъ), дѣло шло бодро и живо. Когда же они сошли со сцены, на смѣну имъ не являлось лицъ, имъ равныхъ по широтѣ кругозора и теоретической подготовкѣ. Общество таило въ себѣ достаточное число способныхъ людей, и въ эпоху реформъ императора Александра II они вышли наружу. Но при императорѣ Николаѣ I къ обществу не обращались и отъ него не брали ничего; канцеляріи же давали только исполнителей формалистовъ, далекихъ отъ дѣйствительной жизни. Къ концу царствованія императора Николая I система бюрократизма, отчуждавшая власть отъ общества, привела къ господству именно канцелярскаго формализма, совершенно лишеннаго той

бодрости и готовности къ реформамъ, какую мы видѣли въ началѣ этого царствованія.

Внѣшняя политика императора Николая I имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ принципъ легитимизма, лежавшій въ основѣ Священнаго союза. Сталкиваясь съ обстоятельствами, волновавшими тогда юго-востокъ Европы, принципъ легитимизма подвергался серьезному испытанію: приходилось, наблюдая броженіе балканскихъ христіанъ (славянъ и грековъ), поддерживать „законную“ власть фанатическихъ мусульманъ надъ гонимыми „подданными“—христіанами и притомъ православными, единовѣрными Россіи. Императоръ Александръ такъ и поступалъ: онъ „покинулъ дѣло Греціи, потому что усмотрѣлъ къ войнѣ грековъ революціонный признакъ времени“. Императоръ Николай не могъ сохранить такой прямолинейности и, въ концѣ концовъ, жертвуя своимъ руководящимъ принципомъ, сталъ за христіанъ противъ турокъ. Вступая на престолъ, онъ засталъ отношенія Россіи и Турціи очень недружелюбными; но все-таки сначала не видѣлъ необходимости воевать съ турками изъ-за грековъ. Онъ согласился лишь на то, чтобы совмѣстно съ Англіей и Франціей принять дипломатическія мѣры противъ турецкихъ звѣрствъ и постараться примирить султана съ греками. Только въ 1827 году, когда стало ясно, что дипломатія безсильна и что нельзя допускать дальнѣйшихъ истязаній греческаго населенія,—Англія, Франція и Россія условились силою прекратить борьбу турокъ съ греками. Соединенныя эскадры, русская, англійская и французская, заперли турецкій флотъ, дѣйствовавшій противъ грековъ, въ гавани г. Наварина (древній Пилосъ на западномъ берегу Пелопонеса) и сожгли его послѣ кровопролитной битвы (20-го октября 1827 года). Наваринская битва была турками приписана главнымъ образомъ враждебному вліянію русскаго правительства, и Турція стала готовиться къ войнѣ съ Россіей. Война началась въ 1828 году. Русскія войска перешли Дунай и осадили турецкія крѣпости Варну и Шумлу. Взятіе Варны позволило русскимъ получать припасы моремъ, при посредствѣ своего флота, и открыло дорогу за Балканы. Но Шумла не сдалась и послужила оплотомъ для многихъ наступательныхъ движеній турокъ. Положеніе русской арміи не разъ становилось труднымъ. Только тогда, когда русскому главнокомандующему, генералу Дибичу, удалось выманить турецкую армію изъ Шумлы и нанести ей страшное пораженіе (у д. Кулевчи), дѣла измѣнились къ лучшему. Дибичъ двинулся за Балканы и взялъ Адріанополь, вторую столицу Турціи. Въ то же время въ Азіатской Турціи графъ Паскевичъ успѣлъ взять турецкія крѣпости Карсъ и Ахалцыхъ и послѣ удачныхъ боевъ съ турецкой арміей занялъ Эрзерумъ. Побѣды русскихъ получили рѣшительный характеръ, и турки просили мира. Миръ былъ заключенъ въ 1829 году, въ Адріанополѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

Россія пріобрѣла лѣвый берегъ нижняго Дуная, съ островами въ дунайскихъ устьяхъ, и восточный берегъ Чернаго моря (отъ устья р. Кубани до порта Св. Николая, также г. Ахалцыхъ съ его областью). Кромѣ того, турецкое правительство давало свободу торговли русскимъ въ Турціи и открывало свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы кораблямъ всѣхъ дружественныхъ націй.

Важнымъ условіемъ мира было еще и то, что подвластныя Турціи княжества Молдавія, Валахія и Сербія получили полную внутреннюю автономію и стали подъ покровительство Россіи. По русскому настоянію, была также признана турками независимость греческихъ земель на югѣ Балканскаго полуострова (изъ этихъ земель въ 1830 году, по соглашенію державъ, образовано было королевство Греція). Такимъ образомъ, въ силу условій Адріанопольскаго мира, Россія получила право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, какъ заступница и покровительница одноплеменныхъ и единовѣрныхъ ей подданныхъ султана. Вскорѣ (1833) самъ султанъ прибѣгъ къ помощи Россіи во время возстанія противъ него египетскаго паши. Русскій флотъ пришелъ въ Константинополь и высадилъ войска на малоазіатскій берегъ для защиты Босфора отъ египетскихъ войскъ. Дѣло не дошло до боя, такъ какъ европейская дипломатія успѣла склонить возставшихъ къ покорности султану. Но султанъ въ благодарность за защиту заключилъ съ Россіей особый договоръ, которымъ обязался запереть Босфоръ и Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Этимъ договоромъ создано было преобладающее вліяніе Россіи въ ослабѣвшей Турціи. Изъ врага, наиболѣе грознаго и ненавидимаго Турціей, Россія превратилась какъ бы въ друга и защитника „больного человѣка“,—такъ императоръ Николай называлъ разлагавшуюся Турецкую имперію. Преобладаніе Россіи въ турецкихъ дѣлахъ, создавшееся очень быстро, произвело тревогу среди европейскихъ правительствъ и придало острый характеръ „восточному вопросу“. Подъ общимъ именемъ „восточнаго вопроса“ тогда стали разумѣть всѣ вопросы, какіе только возникали въ связи съ распаденіемъ Турціи и съ преобладаніемъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Европейскія державы не могли быть довольны политикою императора Николая, который считалъ себя одного покровителемъ балканскихъ славянъ и грековъ. Его притязаніями нарушалось политическое равновѣсіе Европы, отъ его побѣдъ чрезмѣрно, въ глазахъ европейскихъ правительствъ, выростали силы и вліяніе Россіи. Европейская дипломатія поэтому постаралась парализовать успѣхи Россіи и добилась того, что новыя междоусобія, происшедшія въ Турціи, были переданы на сужденіе общеевропейской конференціи. Эта конференція (собравшаяся въ Лондонѣ въ 1840 году) установила общій протекторатъ надъ Турціей пяти державъ: Россіи, Англіи, Австріи, Франціи и Пруссіи. Съ тѣхъ поръ „во-

сточный вопросъ“ сталъ общеевропейскимъ, и вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ начало падать столь же быстро, какъ быстро возникло.

Допустивъ въ восточныхъ дѣлахъ уклоненіе отъ принципа легитимизма, императоръ Николай очень скоро о немъ вспомнилъ: когда въ 1830 году произошла революція во Франціи и Бельгіи и разразилось польское возстаніе, принявшее видъ упорной войны съ Россіей, Николай возвратился къ старому принципу и сдѣлалъ борьбу съ революціоннымъ духомъ времени своею главною задачею. Въ 1833 г. между Россіей, Австріей и Пруссіей состоялось въ этомъ смыслѣ соглашеніе, повлекшее за собою непрестанное вмѣшательство Россіи въ дѣла Европы съ цѣлью „поддерживать власть вездѣ, гдѣ она существуетъ, подкрѣплять ее тамъ, гдѣ она слабѣетъ, и защищать ее тамъ, гдѣ открыто на нее нападаютъ“. Право вмѣшательства, которое императоръ Николай чувствовалъ за собою по отношенію ко всѣмъ государствамъ и націямъ, привело его къ тому, что онъ считалъ нужнымъ даже открытою силою подавить въ 1849 году венгерское возстаніе противъ законнаго правительства. Русская армія сдѣлала очень серьезную „венгерскую компанію“ въ интересахъ чуждой и даже враждебной намъ австрійской власти. Неуклонность русскаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь разныхъ странъ и въ дѣятельность разныхъ правительствъ стала, разумѣется, тяготить тѣхъ, кого императоръ Николай думалъ благодѣтельствовать, и потому при возникшихъ между Россіей и Турціей недоразумѣніяхъ противъ Россіи очень легко составилась коалиція, имѣвшая цѣлью уничтожить тяготившее Европу преобладаніе Россіи. Такъ произошла знаменитая Восточная война, въ которой императоръ Николай увидалъ противъ себя, можно сказать, всю Европу, но не только тѣхъ, кто поднялъ противъ него оружіе, но и тѣхъ, кто яко-бы соблюдалъ нейтралитетъ (Австрія и Пруссія).

Постоянно противодѣйствуя русскому вліянію, англійская и французская (въ особенности англійская) дипломатія къ серединѣ XIX вѣка сумѣла достичь большихъ успѣховъ въ Константинополѣ. Турки не теряли своего страха передъ русскими, но охотно уходили отъ русскихъ дипломатовъ подъ защиту и вліяніе англичанъ и французовъ. Престижъ русскаго имени падалъ въ Турціи. Это выражалось въ рядѣ отдѣльныхъ мелочей, пока, наконецъ, не произошло случайнаго, но крупнаго столкновенія между русскимъ и турецкимъ правительствомъ по вопросу о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ. Султанъ далъ нѣкоторыя преимущества католическому духовенству въ ущербъ духовенству греческому, православному (между прочимъ, ключи отъ Вифлеемскаго храма были взяты отъ грековъ и переданы католикамъ). Императоръ Николай вступился за православныхъ и потребовалъ возстановленія ихъ привилегій. Султанъ, подъ вліяніемъ ходатайствъ французской дипломатіи,

отвѣтилъ отказомъ. Тогда императоръ Николай ввелъ русскія войска въ находившіяся подъ властью султана автономныя княжества Молдавію и Валахію—„въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи". Турція протестовала. Державы, участвовавшія въ протекторатѣ надъ Турціей, созвали въ Вѣнѣ конференцію по турецкимъ дѣламъ (изъ уполномоченныхъ Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи). Россія показывала склонность подчиниться рѣшенію этой конференціи. Но когда султанъ обнаружилъ упорство, то и императоръ Николай отказался отъ всякихъ уступокъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Турція объявила войну (осенью 1853 года), а флоты Англіи и Франціи появились въ Босфорѣ, какъ бы угрожая Россіи.

Военныя дѣйствія начались на Дунаѣ и въ Закавказьѣ. На Черномъ морѣ (въ ноябрѣ 1853 года) русская эскадра подъ начальствомъ адмирала Нахимова истребила послѣ жаркаго боя турецкій флотъ, стоявшій въ бухтѣ города Синопа (въ Малой Азіи). Послѣ этой славной битвы англійская и французская эскадры вышли изъ Босфора въ Черное море, не скрывая, что имѣютъ въ виду помогать туркамъ. Слѣдствіемъ этого былъ открытый разрывъ Россіи съ Англіей и Франціей. Императоръ Николай увидалъ, что за Турціей стоятъ болѣе грозные враги, и сталъ готовиться къ защитѣ на всѣхъ русскихъ границахъ. Къ довершенію зла, даже и тѣ державы, которыя не объявили прямой войны императору Николаю, именно Австрія и Пруссія, обнаруживали неблагопріятное для Россіи настроеніе. Приходилось держать войска и противъ нихъ. Такимъ образомъ, императоръ Николай оказался одинъ противъ могущественной коалиціи, не имѣя союзниковъ, не возбуждая къ себѣ сочувствія ни европейскихъ правительствъ, ни европейскаго общества. Россія должна была теперь нести послѣдствія своей политики „вмѣшательства", которая со временъ Вѣнскаго конгресса заставляла Европу бояться вторженія русскихъ войскъ. Въ 1854 году русская армія перешла за Дунай и осадила крѣпость Силистрію, но въ виду враждебныхъ дѣйствій Австріи была вынуждена вернуться на лѣвый берегъ Дуная. Австрія потребовала отъ Россіи очищенія княжествъ Молдавіи и Валахіи, какъ автономныхъ и нейтральныхъ земель. Русскимъ становилось невозможно вести войну на Дунаѣ при томъ условіи, что австрійцы будутъ грозить имъ въ тылъ и сбоку. Поэтому русскія войска оставили княжества, и война на Дунаѣ прекратилась. Россія вездѣ, кромѣ Закавказья, перешла къ оборонительному образу дѣйствій. Союзники же не сразу обнаружили мѣсто, куда рѣшили направить свои удары. Они на Черномъ морѣ бомбардировали Одессу, на Бѣломъ морѣ—Соловецкій монастырь. Въ то же время на Балтійскомъ морѣ англо-французская эскадра взяла Аландскіе острова и появлялась предъ Кронштадтомъ; наконецъ, непріятельскія суда дѣйствовали на дальнемъ Востокѣ, даже у Камчатки (бом-

бардировали Петропавловскъ). Но нигдѣ союзники не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій, заставляя русскихъ очень разбрасывать свои силы и напрягать вниманіе. Къ осени 1854 года обнаружилось, что главнымъ театромъ войны непріятели избрали Крымъ и въ частности Севастополь. Въ этомъ городѣ находилась главная стоянка нашего черноморскаго флота; союзники разсчитывали, взявъ Севастополь, истребить русскій флотъ и уничтожить все военно-морское устройство Россіи на Черномъ морѣ. Въ сентябрѣ 1854 года близъ города Евпаторіи (на западномъ берегу Крыма) высадилось значительное количество французскихъ, англійскихъ и турецкихъ войскъ (болѣе 60 тысячъ), подъ прикрытіемъ огромнаго флота. Флотъ союзниковъ заключалъ въ себѣ много паровыхъ судовъ и потому былъ совершеннѣе и сильнѣе русскаго, состоявшаго почти исключительно изъ парусныхъ кораблей. Въ виду явнаго перевѣса непріятельскихъ силъ русскимъ судамъ нельзя было отважиться на бой въ открытомъ морѣ. Пришлось защищаться въ Севастополѣ.

Такъ началась знаменитая Крымская кампанія. Союзники, подвигаясь на югъ къ Севастополю, встрѣтили 30-тысячное русское войско на р. Альмѣ (впадающей въ море южнѣе Евпаторіи). Русскіе были здѣсь побѣждены и открыли врагу дорогу на Севастополь. Если бы союзники знали, что Севастополь съ сѣвера защищенъ слабо, они могли бы сразу овладѣть имъ. Но враги не надѣялись на скорый успѣхъ. Они прошли мимо Севастополя и укрѣпились на юго-западной оконечности Крымскаго полуострова. Оттуда они начали добывать Севастополь правильною осадою. Оборона Севастополя была поручена на первое время морякамъ подъ командою адмираловъ Корнилова, Нахимова и Истомина. Они съ горемъ рѣшились затопить свои боевые корабли при входѣ въ севастопольскую бухту, чтобы сдѣлать невозможнымъ вторженіе въ нее съ моря. Пушки и прочее вооруженіе съ кораблей были переданы на береговыя укрѣпленія. Вокругъ Севастополя, не имѣвшаго стѣнъ, военный инженеръ Тотлебенъ проектировалъ рядъ земляныхъ сооруженій (бастіоновъ и батарей), которые замѣнили собою сплошную крѣпостную стѣну. Эти бастіоны и батареи были сооружены усиленною работою матросовъ, солдатъ и жителей города. Когда непріятель началъ свои подступы, Севастополь уже могъ защищаться. На бомбардировку непріятеля городъ отвѣчалъ такою же бомбардировкою изъ сотенъ орудій. Штурмы отбивались съ отчаяннымъ мужествомъ. Направивъ свои силы противъ самаго южнаго бастіона (№ 4), непріятель не имѣлъ никакого успѣха. Осада затянулась. Но и русскимъ не удавалось стянуть къ Севастополю большія силы и выбить врага изъ его укрѣпленнаго лагеря. Войска были нужны на другихъ театрахъ войны и на границахъ австрійской и прусской. Поддерживать далекій Севастополь и снабжать его всякими при-

пасами безъ хорошихъ дорогъ и морского пути было очень трудно. Не особенно большая русская армія стояла вблизи Севастополя (подъ командою сначала князя Меншикова, а затѣмъ князя Горчакова). Она помогала гарнизону крѣпости, чѣмъ могла; но всѣ ея попытки перейти въ наступленіе и штурмовать непріятельскій лагерь (сраженія при с. Инкерманѣ и на р. Черной), оканчивались неудачными. Обѣ стороны были безсильны одержать рѣшительный верхъ одна надъ другой. Осада продолжалась многіе мѣсяцы (всего 350 дней). Погибли славные предводители русскаго флота, адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, убитые на бастіонахъ. Городъ былъ наполовину разрушенъ бомбардировками. Укрѣпленія, разбиваемыя непріятелемъ, едва держались. Но гарнизонъ не падалъ духомъ и дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ мужествомъ. Тогда враги, оставивъ надежду овладѣть южнымъ, „четвертымъ", бастіономъ, перенесли свое вниманіе на восточную часть укрѣпленій на „Малаховъ курганъ". Однако Тотлебенъ сумѣлъ и здѣсь укрѣпиться и надолго задержать непріятеля. Севастопольская осада сосредоточила на себѣ всѣ усилія боровшихся сторонъ и стала предметомъ общаго удивленія. Императоръ Николай, въ воздаяніе мужества и страданій севастопольцевъ, приказалъ считать за годъ каждый мѣсяцъ службы въ Севастополѣ. Такъ истекъ тяжелый 1854 годъ.

Въ началѣ 1855 года (18 февраля) императоръ Николай скончался, и 19 февраля началось царствованіе его преемника, императора Александра II. Въ ходѣ Крымской кампаніи ничего не измѣнилось. Крѣпость держалась. Каждый шагъ впередъ союзники покупали цѣною большихъ усилій и потерь. Только въ августѣ 1855 года имъ удалось подвести свои траншеи совсѣмъ близко къ боевой оградѣ Малахова кургана, и 27-го августа они начали общій штурмъ Севастополя. На этотъ разъ французамъ удалось ворваться на Малаховъ курганъ и овладѣть имъ. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ штурмъ былъ отбитъ. Однако послѣ потери Малахова кургана нельзя было держаться въ городѣ, такъ какъ съ высокаго кургана врагъ видѣлъ весь городъ, легко могъ войти въ него и съ тыла взять остальныя его укрѣпленія. Поэтому было рѣшено оставить Севастополь (собственно, его южную сторону). Русскіе перешли изъ города по мосту черезъ рейдъ (заливъ) на сѣверъ и все, что могли, уничтожили въ самомъ Севастополѣ. Непріятель не преслѣдовалъ и, не спѣша, занялъ развалины крѣпости. Такъ окончилась одна изъ самыхъ славныхъ кампаній въ русской исторіи.

Послѣ паденія Севастополя осенью 1855 года русскимъ войскамъ удалось достигнуть блестящаго успѣха на азіатскомъ театрѣ войны. Генераломъ Н. Н. Муравьевымъ была взята важная турецкая крѣпость Карсъ. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ военныя дѣйствія шли вяло и къ зимѣ вездѣ настало полное затишье. Александръ II осенью посѣ-

тилъ Крымъ и лично благодарилъ многострадальную севастопольскую армію за ея подвиги и труды. Личное знакомство съ положеніемъ дѣлъ на югѣ убѣдило Александра въ томъ, что продолжать войну очень трудно, а побѣда подъ Карсомъ давала ему возможность начать переговоры о мирѣ безъ ущерба для чести его государства. Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ желалъ мира и даже самъ искалъ случая начать переговоры. Въ началѣ 1856 года (при посредствѣ Австріи и Пруссіи) удалось собрать въ Парижѣ конгрессъ европейскихъ дипломатовъ для заключеніе мира. Мирный трактатъ былъ подписанъ въ мартѣ 1856 года на условіяхъ, довольно тяжкихъ для Россіи. По Парижскому трактату Россія получала обратно потерянный ею Севастополь въ обмѣнъ на Карсъ, возвращаемый Турціи. Въ пользу Молдавіи Россія отказалась отъ своихъ владѣній въ устьяхъ Дуная (и такимъ образомъ перестала быть въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Турціей). Россія потеряла право имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ; Черное море было объявлено нейтральнымъ, и проливы Босфоръ и Дарданеллы были закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ государствъ. Наконецъ, Россія теряла право покровительства надъ христіанами подданными Турціи, которые были поставлены подъ протекторатъ всѣхъ великихъ державъ.

Краткій обзоръ времени императора Александра II и великихъ реформъ.

Личность императора Александра Николаевича. Родившійся въ 1818 году сынъ великаго князя Николая Павловича Александръ съ самыхъ первыхъ дней своей жизни всѣми почитался какъ будущій монархъ, ибо онъ былъ старшимъ въ своемъ поколѣніи великимъ княземъ. „Это маленькое существо призвано стать императоромъ“,—такъ выразилась о немъ его мать, соображая, что ни у императора Александра I, ни у цесаревича Константина нѣтъ сыновей. Поэтому и поэтъ В. А. Жуковскій привѣтствовалъ „милаго пришельца въ Божій свѣтъ“, какъ „прекрасное Россіи упованіе“, и на „высокой чредѣ“ царства желалъ ему внутреннихъ добродѣтелей и внѣшней славы. Будущаго монарха, естественно, старались приготовить наилучшимъ образомъ къ высокому жребію, его ожидавшему. Воспитаніе императора Александра II было поставлено прекрасно. Съ малыхъ лѣтъ воспитателемъ его былъ гуманный и умный человѣкъ капитанъ Мердеръ. Лѣтъ девяти Александръ началъ учиться подъ главнымъ руководствомъ своего „наставника“ В. А. Жуковскаго. Жуковскій предварительно составилъ глубоко обдуманный планъ ученія цесаревича, утвержденный Нико-

лаемъ. По этому плану цѣлью всего ученія было — сдѣлать будущаго государя человѣкомъ просвѣщеннымъ и всесторонне образованнымъ, сохранивъ его отъ преждевременныхъ увлеченій мелочами военнаго дѣла. Жуковскому удалось осуществить свою программу ученія; но уберечь цесаревича отъ вліянія тогдашней военной „муштры" онъ не могъ. Вѣрный традиціямъ своего отца и старшихъ братьевъ, императоръ Николай внушалъ Мердеру, что Александръ „долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ". На Александра поэтому легла печать того вѣка съ его наклонностью къ плацъ-параду, дисциплинѣ и военной торжественности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ много учился и имѣлъ хорошихъ учителей. Между прочимъ, самъ знаменитый М. М. Сперанскій велъ съ нимъ „бесѣды о законахъ", послужившія повидимому поводомъ къ составленію его „Руководства къ познанію законовъ". Домашнія кабинетныя занятія Александра Николаевича дополнялись образовательными поѣздками. Изъ нихъ особенно памятно большое путешествіе по Россіи и Западной Сибири въ 1837 году. Двадцати трехъ лѣтъ цесаревичъ вступилъ въ бракъ съ Маріей Александровною, принцессою Гессенъ-Дармштадтской, съ которою онъ познакомился во время большого заграничнаго путешествія. Съ этого времени началась служебная дѣятельность Александра Николаевича. Императоръ Николай систематически знакомилъ сына съ разными отраслями государственнаго управленія и даже поручалъ ему общее руководство дѣлами на время своихъ отъѣздовъ изъ столицы. Въ теченіе десяти лѣтъ наслѣдникъ престола былъ ближайшимъ помощникомъ своего отца и свидѣтелемъ всей его правительственной работы.

По всей видимости, Александръ Николаевичъ находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ отца. Отличаясь отъ отца характеромъ онъ уступалъ ему волею. Суровый и непреклонный умъ Николая порабощалъ мягкую и доступную вліяніямъ натуру его сына и Александръ, любя отца и восторгаясь имъ, усвоивалъ его взгляды и готовъ былъ идти ему вослѣдъ. Съ своей стороны, Николай очень любилъ Александра, вѣрилъ ему и поручалъ ему серьезныя дѣла. Въ практической школѣ отца блекли и выцвѣтали тѣ завѣты романтической гуманности, которые вкладывалъ въ душу своего воспитанника кроткій Жуковскій. Но врожденное добродушіе и мягкость натуры, въ свою очередь, не допустили Александра воспитать въ себѣ ту каменную крѣпость духа, какой обладалъ его отецъ. Вотъ почему личность Александра II не отличается опредѣленностью чертъ и въ разные моменты его жизни и дѣятельности производитъ не одинаковое впечатлѣніе.

Первые годы царствованія императора Александра II были посвящены ликвидаціи Восточной войны и тяжелыхъ порядковъ Николаевскаго времени. Въ отношеніи внѣшней политики новый госу-

дарь явилъ себя послѣдователемъ „началъ Священнаго союза“, руководившихъ политикою императоровъ Александра I и Николая I. Въ этомъ смыслѣ онъ высказался на первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса и показалъ дипломатамъ, что готовъ продолжать войну, если не достигнетъ почетнаго мира. Такимъ образомъ Европа была въ правѣ считать Александра прямымъ продолжателемъ политики его отца и поборникомъ отжившихъ свое время принциповъ Вѣнскаго конгресса. Въ такой же мѣрѣ, по первымъ рѣчамъ Александра, и русскіе люди могли судить о желаніи молодого государя слѣдовать отцу въ дѣлахъ внутренняго управленія. Однако же практика новаго правительства показала существенныя отличія его пріемовъ отъ предшествующаго режима. Повѣяло мягкостью и терпимостью, характеристичными для темперамента новаго монарха. Сняты были мелочныя стѣсненія съ печати; университеты вздохнули свободнѣе; общество стало „бодрѣе духомъ“; говорили, что „государь хочетъ правды, просвѣщенія, честности и свободнаго голоса“. Это было справедливо, потому что Александръ, наученный горькимъ опытомъ правительственнаго неустройства и безсилія въ тяжелое время Крымской войны, дѣятельно требовалъ правды и „откровеннаго изложенія всѣхъ недостатковъ“. Но отъ него не исходило пока никакихъ опредѣленныхъ правительственныхъ программъ или обѣщанія реформъ. Можно думать, что на первыхъ порахъ программы и не было, ибо трудности военнаго времени не давали Александру возможности оглядѣться и сосредоточиться на внутреннихъ дѣлахъ. Только по окончаніи войны нашелъ Александръ умѣстнымъ помѣстить въ манифестѣ 19-го марта 1856 г. о заключеніи мира знаменательную фразу касательно Россіи: „да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности“... Въ этихъ словахъ заключалось какъ бы обѣщаніе внутренняго обновленія, необходимость котораго чувствовалась одинаково какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Одновременно съ этимъ манифестомъ, въ томъ-же мартѣ 1856 года, государь, принимая представителей московскаго дворянства въ Москвѣ, сказалъ имъ краткую, но очень важную рѣчь о крѣпостномъ правѣ. Онъ объяснилъ, что не имѣетъ намѣренія „сейчасъ“ уничтожить крѣпостное право, но призналъ, что „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ“. По выраженію государя, „лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“. Посему Александръ и приглашалъ дворянъ „обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе“.

Послѣ этихъ мартовскихъ заявленій уже не могло быть сомнѣнія, что императоръ готовъ вступить на путь преобразованій. Неясна была

только ихъ программа; неизвѣстны оставались тѣ начала, на которыхъ предполагалось упраздненіе крѣпостного порядка. Несмотря на такую неопредѣленность, подъемъ общественнаго настроенія былъ необыченъ, и коронація государя (августъ 1856 г.) обратилась въ свѣтлый праздникъ нашей общественности. „Просвѣщенная благость“ государя смѣнившаго недавнюю суровость власти „незабвенными словами: отмѣнить, простить, возвратить“ — вызывала восторги. Рѣшимость государя на реформы,—на „подвиги, болѣе согласные съ требованіями вѣка“, чѣмъ „громъ оружія“,— возбуждала самыя свѣтлыя надежды. Въ русскомъ обществѣ началась неудержимая работа мысли, направленная на такое или иное разрѣшеніе коренного вопроса того времени—объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Теперь уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что данный вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права къ серединѣ XIX вѣка достаточно назрѣлъ въ общественномъ сознаніи и владѣніе душами было осуждено какъ въ силу отвлеченно-моральныхъ мотивовъ, такъ и по соображеніямъ практическаго порядка. Не разъ говорилось выше, что еще со временъ императрицы Екатерины II владѣніе душами составляло тяжелую моральную проблему для чуткихъ людей изъ русской интеллигенціи, и крестьянское свобожденіе обратилось для нихъ въ нравственный постулатъ. Отъ царскаго дворца, гдѣ Екатерина II, Александръ I и Николай I не забывали трудной задачи улучшенія участи крестьянъ, до подцензурной публицистики, гдѣ отъ Радищева и до Бѣлинскаго господствовало отрицаніе крѣпостного права,—вся Россія, можно сказать, уразумѣла нравственную и политическую необходимость выйти изъ условій крѣпостного порядка и уничтожить злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, обращавшія это право въ открытое рабство. Самые разномыслящіе круги интеллигенціи сходились въ своемъ отношеніи къ крѣпостному порядку, и Чернышевскій съ большою выразительностью указывалъ на это въ печати, говоря, что между самыми различными направленіями русской общественной мысли „согласіе въ сущности стремленій такъ сильно что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому только туманныхъ вопросахъ; какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности.... тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же“. „Можно и должно у насъ (заключалъ онъ) не разрывать рукъ, соединенныхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины“.

Если теоретическая мысль и моральное чувство объединяли русскихъ людей въ одинаковомъ пожеланіи крестьянской реформы и отмѣны крѣпостного строя, то, съ другой стороны, практическія, житейскія условія указывали на естественное вырожденіе стараго крѣпостного порядка. Подъ вліяніемъ государственнаго роста, завоеваній XVIII вѣка и

успѣховъ внѣшней торговли, Россія первой половины XIX вѣка „разрывала съ натуральнымъ строемъ прежняго времени, въ которомъ обмѣнъ и обрабатывающая промышленность играли незначительную роль, и быстро переходила къ расширенію обмѣна и къ увеличенію фабрично-заводскаго производства“ (слова проф. Довнаръ-Запольскаго). Въ этой экономической эволюціи землевладѣльческое дворянство приняло свое участіе. Оно увеличило запашки, въ цѣляхъ хлѣбнаго экспорта, и испытывало разные виды фабричнаго производства. Вся тяжесть усиленнаго землепашества и новыхъ формъ труда пала на крѣпостное крестьянство и истощала его физическія силы. Приростъ крѣпостного населенія въ сѣверной половинѣ государства сталъ падать, а съ 1835 г. вмѣсто прироста уже наблюдалась убыль, объясняемая не только перемѣщеніемъ населенія на югъ, но также и истощеніемъ его на непосильной работѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ становилось явнымъ обѣднѣніе и оскудѣніе крѣпостного крестьянства, и росло въ его средѣ острое недовольство своимъ положеніемъ. Такимъ образомъ ростъ торгово-промышленнаго оборота въ странѣ ухудшилъ и обострилъ крѣпостныя отношенія и возбуждалъ въ помѣщикахъ опасенія за будущее. Въ то же время попытки усовершенствованія и усложненія помѣщичьяго хозяйства не содѣйствовали увеличенію матеріальнаго благополучія самихъ помѣщиковъ. Водвореніе новыхъ формъ хозяйства далеко не всегда удавалось; помѣщичьи фабрики обычно не выдерживали конкуренціи съ купеческими болѣе богатыми и технически совершенными. Подневольный барщинный трудъ оказывался непригоднымъ для улучшенныхъ способовъ производства: одинъ изъ ученыхъ хозяевъ того времени (Вилькинсъ) справедливо замѣтилъ, что барщиною обычно называлось „то, что медленно, нерадиво безъ всякой охоты дѣлается“. Поэтому среди крѣпостныхъ владѣльцевъ къ серединѣ XIX вѣка выросло разочарованіе въ успѣхѣ ихъ земельнаго и фабричнаго хозяйствъ и сознаніе того, что они попали въ кризисъ. Недовольны положеніемъ дѣлъ были даже тѣ помѣщики, которые въ черноземной полосѣ вели барщиннымъ трудомъ примитивное полевое хозяйство. Плотное крѣпостное населеніе черноземнаго района, не уходившее въ отхожіе промыслы и не имѣвшее кустарныхъ, умножилось настолько, что не все могло быть использовано на пашнѣ; некуда было дѣвать рабочія руки и надо было даромъ кормить лишніе рты. Это естественно порождало мысль о необходимости коренныхъ хозяйственныхъ перемѣнъ и даже о преимуществахъ наемнаго труда. Затрудненность хозяйственной обстановки помѣщиковъ усложнялась ихъ долгами. По разнымъ причинамъ къ серединѣ XIX столѣтія болѣе половины помѣщичьихъ имѣній оказались заложенными въ правительственной „сохранной казнѣ“; по нѣкоторымъ подсчетамъ, „въ среднемъ, задолженность помѣщиковъ составляла болѣе 69 рублей съ души крѣпостныхъ“ что составляло болѣе $^2/_3$ ихъ средней стоимости. Столь огромная задол-

женность была вызвана какъ тяжестями военнаго времени начала XIX вѣка, такъ и хозяйственными неудачами и неумѣніемъ жить сообразно со своими доходами. Сознаніе хозяйственнаго кризиса угнетало помѣщиковъ; настроеніе недовольной крѣпостной массы ихъ пугало; недостатокъ денежныхъ средствъ приводилъ къ мысли о несовершенствахъ и устарѣлости крѣпостного порядка. Даже и тѣ помѣщики, которые не были захвачены высокой освободительною идеей, думали, что близокъ конецъ стараго порядка, и не сомнѣвались въ томъ, что нужна его реформа; они только боялись, что реформа окончательно ихъ разоритъ.

Ходъ крестьянской реформы. Такъ сложилась реальная обстановка въ ту минуту, когда въ 1856 году необходимость реформы была провозглашена съ высоты престола и Александръ пригласилъ дворянъ „обдумать", какъ бы привести въ исполненіе его намѣреніе покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Послѣ словъ его московскому дворянству начались работы по крестьянскому дѣлу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и обращеніе въ обществѣ и въ правящихъ сферахъ различныхъ частныхъ записокъ о способахъ ликвидаціи крѣпостного строя. Въ этихъ запискахъ хорошо отразилось настроеніе (въ пользу освобожденія крестьянъ съ земельными надѣлами) передовой части дворянства. И такъ какъ со стороны губернскихъ дворянскихъ обществъ формальныхъ заявленій не поступало и дворянство до поры до времени не рисковало выступать съ сословнымъ почииомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, то частнымъ запискамъ и личнымъ вліяніямъ суждено было сыграть большую роль въ великой реформѣ. Изъ многихъ записокъ особое значеніе имѣли записки К. Д. Кавелина, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго, а также записка великой княгини Елены Павловны (вдовы великаго князя Михаила Павловича), „Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами", составленная съ помощью Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина для устройства свободнаго быта крестьянъ въ имѣніяхъ великой княгини. Обладавшая большимъ умомъ, благородная и просвѣщенная великая княгиня была горячею и сознательною сторонницею освобожденія крестьянъ съ землею. Она поддерживала эту идею, какъ могла и гдѣ могла, собирала вокругъ себя ея сторонниковъ и сумѣла повліять на самого государя въ этомъ именно смыслѣ. Съ другой стороны, въ томъ же направленіи дѣйствовалъ братъ императора, великій князь Константинъ Николаевичъ, горячо желавшій реформы и всячески ей содѣйствовавшій. Личное вліяніе на государя этихъ близкихъ къ нему людей было, конечно, существенно важно *).

*) См. объ этихъ лицахъ прекрасныя статьи гг. Бахрушина и Любавскаго въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы" (М., 1911) и А. Ѳ. Кони въ 5-мъ томѣ изданія „Великая реформа" (М., 1911).

Оно поддерживало въ немъ неслабѣющій интересъ къ крестьянскому дѣлу и вниманіе къ частнымъ проектамъ, къ которымъ государь вначалѣ относился съ нѣкоторою осторожною сдержанностью и даже съ подозрѣніемъ. Но еще большее воздѣйствіе на настроеніе государя въ пользу освобожденія крестьянъ съ землей оказалъ близкій къ Александру начальникъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ. По офиціальному порученію Александра принявъ участіе въ работахъ по крестьянскому дѣлу, Ростовцевъ понемногу входилъ въ разумѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, сдѣлался сторонникомъ крестьянскихъ интересовъ, увѣрился въ необходимости освобожденія съ землею—и въ рядѣ интимныхъ писемъ къ государю развилъ свои взгляды и желанія. Письма Ростовцева, встрѣченныя Александромъ вполнѣ довѣрчиво, окончательно укрѣпили его взгляды на дѣло и поддержали рѣшимость довести реформу до опредѣленнаго результата.

Такъ, ранѣе, чѣмъ началась офиціальная работа надъ крестьянскимъ дѣломъ, это дѣло стало предметомъ частныхъ проектовъ и негласныхъ вліяній. Подъ такими воздѣйствіями со стороны наладилась, наконецъ, и офиціальная работа, сказался починъ и со стороны дворянскихъ обществъ. Въ началѣ 1857 года сталъ дѣйствовать „секретный“ комитетъ, учрежденный для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ. Комитетъ предположилъ совершить освобожденіе крестьянъ постепенно, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ. Но это не соотвѣтствовало намѣреніямъ Александра Николаевича, который желалъ скораго и опредѣленнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Поэтому, когда въ комитетъ поступило заявленіе дворянъ литовскихъ губерній (Виленской, Ковенской и Гродненской) о желаніи ихъ освободить своихъ крестьянъ безъ земли, то государь приказалъ ускорить обсужденіе этого дѣла. Мнѣнія по данному дѣлу въ комитетѣ раздѣлились: часть членовъ комитета (во главѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ) высказалась за то, чтобы разрѣшить освобожденіе съ землею, а не безъ земли, и притомъ сдѣлать это гласно—такъ, чтобы всѣ узнали о намѣреніи правительства немедля приступить къ преобразованію крестьянскаго быта. Александръ одобрилъ это мнѣніе, и рескриптъ его, данный (въ ноябрѣ 1857 года) Виленскому генералъ-губернатору Назимову, возвѣстилъ всему государству о томъ, что реформа началась. Литовскимъ дворянамъ было указано образовать по губерніямъ дворянскіе *губернскіе комитеты* для обсужденія условій освобожденія крестьянъ и составленія проекта „положеній“ объ устройствѣ крестьянскаго быта. Правительство ожидало, что, узнавъ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ, дворянскія общества прочихъ губерній сами поймутъ необходимость приступить къ обсужденію условій крестьянской реформы и станутъ ходатайствовать объ устройствѣ у себя такихъ же губернскихъ

комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Дѣйствительно, изъ разныхъ губерній стали поступать адресы дворянства съ выраженіемъ готовности приняться за улучшеніе быта крестьянъ, и государь разрѣшалъ открытіе въ губерніяхъ губернскихъ комитетовъ, составленныхъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Для руководства занятіями этихъ комитетовъ была дана общая для всѣхъ ихъ программа. Для объединенія же всѣхъ мѣръ по крестьянскому дѣлу „секретный“ комитетъ былъ преобразованъ въ *главный комитетъ* подъ предсѣдательствомъ самого Александра (1858).

Такъ началось официальное обсужденіе крестьянской реформы. Когда губернскіе комитеты изготовили свои проекты положеній объ улучшеніи быта крестьянъ, они должны были представить ихъ на разсмотрѣніе главнаго комитета и прислать въ Петербургъ своихъ депутатовъ для совмѣстнаго обсужденія дѣла въ главномъ комитетѣ. Такъ какъ проекты губернскихъ комитетовъ во многомъ различались между собою, то для ихъ разсмотрѣнія и согласованія была образована при главномъ комитетѣ особая редакціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева (1859). Комиссія эта по ходу дѣла была раздѣлена на четыре отдѣленія или четыре *редакціонныя комиссіи*. Въ составъ ихъ вошли какъ чиновники разныхъ министерствъ, такъ и дворяне по приглашенію Ростовцева. Кромѣ того, дворянскіе депутаты изъ губерній дважды вызывались въ Петербургъ для занятій въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Съ ихъ участіемъ комиссіи обсудили всѣ основанія крестьянской реформы и составили проектъ положенія объ освобожденіи крестьянъ. Проектъ этотъ былъ очень благожелателенъ для крестьянъ благодаря стараніямъ прогрессивныхъ членовъ коммиссій, Н. А. Милютина, князя Черкасскаго, Ю. Ѳ. Самарина и другихъ. Въ самый разгаръ работъ комиссій ихъ предсѣдатель Я. И. Ростовцевъ скончался и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Панинъ. Ростовцевъ былъ горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ; Панина же считали „крѣпостникомъ“. Тѣмъ не менѣе работы редакціонныхъ комиссій продолжались и при Панинѣ въ томъ же духѣ, какъ при Ростовцевѣ. Въ концѣ 1860 года комиссіи окончили свое дѣло и были закрыты. Составленные ими законопроекты были переданы въ главный комитетъ.

Главный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, разсмотрѣлъ выработанный комиссіями проектъ положенія объ освобожденіи крестьянъ и придалъ ему окончательную форму. Послѣ этого, въ началѣ 1861 года, проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и, по желанію государя, немедленно разсмотрѣнъ. Александръ лично открылъ занятія Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу и въ замѣчательной по твердости и силѣ рѣчи указалъ Совѣту, что уничтоженіе крѣпостного права „есть его прямая воля“. Въ исполненіе этой воли совѣтъ разсмотрѣлъ и одобрилъ проектъ закона

объ освобожденіи крестьянъ. Въ годовщину своего вступленія на престолъ, 19 февраля 1861 года, императоръ Александръ подписалъ знаменитый манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права и утвердилъ „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. Великое дѣло было совершено: 5-го марта „воля“ была обнародована и принята народомъ спокойно, безъ всякихъ общественныхъ потрясеній.

По новому закону, крѣпостное право помѣщиковъ на крестьянъ было отмѣнено навсегда, и крестьяне признаны свободными безо всякаго выкупа въ пользу помѣщиковъ. Государственная власть не видѣла въ этомъ никакого нарушенія правъ помѣщиковъ. Въ своей рѣчи Государственному Совѣту императоръ Александръ указывалъ на то, что крѣпостное право въ Россіи имѣло государственный характеръ: „право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его“. Въ то же время земля, на которой жили и работали крестьяне, была признана собственностью помѣщиковъ. Крестьяне освобождались съ тѣмъ, что помѣщики предоставятъ имъ въ пользованіе ихъ усадебную осѣдлость и нѣкоторое количество полевой земли и другихъ угодій („полевой надѣлъ“). Но крестьяне за усадьбу и полевые надѣлы должны были отбывать въ пользу помѣщиковъ повинности деньгами или работою. По закону крестьяне получили право выкупить у помѣщиковъ свои усадьбы и, сверхъ того, могли по соглашенію со своими помѣщиками пріобрѣсти у нихъ въ собственность полевые надѣлы. Пока крестьяне пользовались надѣлами, не выкупивъ ихъ, они находились въ зависимости отъ помѣщиковъ и назывались *временно-обязанными* крестьянами. Когда же выкупъ былъ произведенъ, то крестьяне получали полную самостоятельность и становились *крестьянами-собственниками*. Вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне соединялись по мѣсту жительства въ „сельскія общества“, изъ которыхъ для ближайшаго управленія и суда составлялись „волости“. Въ селахъ и волостяхъ крестьянамъ дано было самоуправленіе по тому образцу, какой былъ установленъ для крестьянъ государственныхъ при графѣ Киселевѣ. Въ сельскихъ обществахъ было введено общинное пользованіе полевою землею, при которомъ крестьянскій „міръ“ передѣлялъ землю между крестьянами и всѣ повинности съ своей земли отбывалъ за круговою порукою.

Одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ въ дѣлѣ крестьянской реформы было опредѣленіе размѣровъ крестьянскаго полевого надѣла. Земледѣліе не вездѣ было главнымъ занятіемъ крестьянъ. Только въ южномъ черноземномъ районѣ крестьяне усиленно пахали и на себя, и на помѣщиковъ, отбывая на барскомъ полѣ тяжелую „барщину“. Въ центральныхъ же областяхъ, гдѣ земледѣліе не было при-

бычно, крестьяне чаще „ходили на оброкѣ“, то-есть занимались промыслами на сторонѣ и вмѣсто барщиннаго труда платили ежегодно помѣщикамъ условленную сумму—оброкъ. На югѣ помѣщику было выгоднѣе отпустить крестьянъ на волю безъ земли, а землю удержать за собою, потому что именно земля тамъ и представляла главную цѣнность. На сѣверѣ же помѣщикамъ была невыгодна потеря именно крестьянскаго оброка, а не земли. Поэтому одни помѣщики старались по возможности уменьшить крестьянскіе земельные надѣлы, а другіе были къ этому равнодушны. Съ другой стороны, въ южныхъ губерніяхъ пахотной земли было много, и потому крестьяне пользовались землею безъ стѣсненій; въ центрѣ же государства при большомъ ростѣ населенія сильно чувствовалось малоземелье. Подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ мѣстныхъ условій и приходилось опредѣлять размѣры крестьянскаго полевого надѣла особо для каждой „полосы“ государства (нечерноземной, черноземной и степной) и для отдѣльныхъ губерній и даже уѣздовъ. Размѣры надѣла опредѣлились отъ 1 до 12 десятинъ на „душу“ (то есть, на лицо, записанное въ крестьянахъ за помѣщикомъ по ревизіи). Дворовые же люди, находившіеся въ личномъ услуженіи помѣщикамъ и не пахавшіе земли, освобождались безъ земельнаго надѣла и, по прошествіи двухъ лѣтъ временно-обязаннаго состоянія подъ властью помѣщиковъ, могли приписаться къ какому-либо сельскому или городскому обществу.

Указанный въ законѣ выкупъ усадебъ и полевыхъ надѣловъ для крестьянъ былъ бы невозможенъ, если бы правительство не пришло на помощь крестьянству устройствомъ особой „выкупной операціи“. Въ положеніи 19-го февраля было опредѣлено, что помѣщики могутъ получать отъ правительства немедленно „выкупную ссуду“, какъ только устроены будутъ ихъ земельныя отношенія съ крестьянами и будетъ точно установленъ крестьянскій замельный надѣлъ. Ссуда выдавалась помѣщику доходными процентными бумагами и засчитывалась за крестьянами, какъ казенный долгъ. Крестьяне должны были погасить этотъ долгъ въ разсрочку, въ теченіе 49 лѣтъ, „выкупными платежами“.

Порядокъ осуществленія крестьянской реформы требовалъ соглашенія между помѣщиками и ихъ крестьянами какъ о размѣрахъ надѣла, такъ и о всякихъ обязательныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ бывшимъ господамъ. Это соглашеніе надлежало изложить въ „уставной грамотѣ“ въ теченіе одного года со дня освобожденія. Конечно, нельзя было надѣяться на то, что помѣщики и крестьяне сами сумѣютъ достигнуть мирнаго и справедливаго конца своихъ давнихъ отношеній, не всегда согласныхъ и гладкихъ. Для разбора могущихъ возникнуть недоразумѣній, споровъ и жалобъ была учреждена должность *мировыхъ посредниковъ*, избираемыхъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Мировые посредники

должны были слѣдить за правильностью и справедливостью сдѣлокъ помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными, выходящими на волю. Они утверждали уставныя грамоты. Они наблюдали за ходомъ крестьянскаго самоуправленія въ сельскихъ обществахъ и волостяхъ. Важнѣйшія и сомнительныя дѣла посредники докладывали уѣздному мировому съѣзду, состоявшему изъ мировыхъ посредниковъ всего уѣзда. Общее же руководство дѣломъ крестьянской реформы по губерніямъ было возложено на *губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія*. Эти присутствія дѣйствовали подъ предсѣдательствомъ губернатора и состояли изъ важнѣйшихъ чиновъ губерніи и представителей мѣстнаго дворянства.

Такъ было совершено великое дѣло отмѣны крѣпостного права. Освобожденіе крестьянъ существенно измѣнило всѣ основы русскаго государственнаго и общественнаго быта. Оно создало въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Россіи новый многолюдный (21—22 милліона) общественный классъ. Прежде для управленія имъ довольствовались помѣщичьею вотчинною властью. Теперь же управлять имъ должно было государство. Старыя Екатерининскія учрежденія, установившія въ уѣздахъ дворянское самоуправленіе, совсѣмъ уже не годились для новаго разносословнаго уѣзднаго населенія. Надобно было создать заново мѣстную администрацію и судъ. Крестьянская реформа, такимъ образомъ, неизбѣжно вела къ другимъ преобразованіямъ.

Прочія реформы. Уже въ 1864 году дано было новое „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“. Прежніе законы знали только сословное самоуправленіе; теперь созданы были учрежденія всесословныя. Къ завѣдыванію хозяйственными дѣлами каждой губерніи и каждаго уѣзда привлекались выборныя лица отъ населенія. Именно, всѣ землевладѣльцы, торговцы и промышленники, обладающіе недвижимыми имуществами опредѣленной цѣнности, а также сельскія общества получили право избирать изъ своей среды на три года представителей („гласныхъ“) въ *уѣздныя земскія собранія*. Эти собранія, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, собираются ежегодно на короткій срокъ для руководства хозяйственными дѣлами уѣзда. Уѣздное земское собраніе избираетъ изъ своей среды *уѣздную земскую управу*, состоящую изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Управа есть учрежденіе постоянное; на основаніи закона и полномочій земскаго собранія она вѣдаетъ всѣ земскія дѣла своего уѣзда. Каждый годъ въ губернскомъ городѣ происходитъ съѣздъ депутатовъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній всей губерніи. Подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства эти депутаты составляютъ *губернское земское собраніе*. Оно имѣетъ своимъ предметомъ общее руководство хозяйственными дѣлами цѣлой губерніи. Для постояннаго веденія этихъ дѣлъ оно избираетъ изъ своей среды *губернскую земскую управу*, состоящую изъ предсѣдателя

и нѣсколькихъ членовъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій („земствъ“) подчинена надзору губернаторовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ случаяхъ недоразумѣній земствамъ предоставлено обращаться съ жалобами въ Сенатъ.

Вѣдѣнію земствъ подлежатъ дѣла по народному образованію, попеченіе о народномъ здравіи, продовольственное дѣло, дорожное дѣло, страховое дѣло, ветеринарное дѣло. Школы, благотворительность, медицинская помощь, устройство дорогъ и мостовъ, взаимное страхованіе отъ огня и прочія земскія дѣла требуютъ большихъ средствъ. Поэтому земствамъ предоставлено право облагать населеніе уѣздовъ сборами и повинностями на земскія нужды, образовывать земскіе капиталы, пріобрѣтать имущества. Про своемъ полномъ развитіи земская дѣятельность должна была достичь большой сложности и охватить собою всѣ стороны мѣстной жизни. Такимъ образомъ, новыя формы мѣстнаго самоуправленія не только сдѣлали его всесословнымъ, но и расширили кругъ его полномочій. Ранѣе, до реформъ, всѣмъ уѣздомъ управляла дворянская корпорація, представлявшая собою весь составъ полноправнаго уѣзднаго населенія. Право самоуправленія имѣло тогда въ виду односословные, дворянскіе интересы. Въ новыхъ земствахъ за дворянами было сохранено преобладаніе; но къ участію въ веденіи земскаго хозяйства были привлечены и всѣ прочіе жители уѣзда, обладающіе имущественнымъ цензомъ, а также и крестьянскія общества. Мѣсто сословныхъ интересовъ заступили общеземскія нужды и интересы. Самоуправленіе получило столь широкій характеръ, что многими было понято какъ переходъ къ представительному образу правленія. Поэтому со стороны правительства, вскорѣ же по введеніи земскихъ учрежденій, стало замѣтно намѣреніе удерживать дѣятельность земствъ въ кругѣ исключительно мѣстныхъ дѣлъ и не дозволять общенія между собою земскихъ корпорацій различныхъ губерній.

Немногимъ позднѣе земскаго самоуправленія созданы были новыя формы городского самоуправленія. „Городовое положеніе 1870 года“ оставило въ силѣ старое раздѣленіе горожанъ на купцовъ съ ихъ гильдіями, ремесленниковъ съ ихъ цехами и т. д. Независимо отъ этихъ корпорацій, по новому закону всѣ горожане, платящіе городскія повинности съ ихъ земли, торга или промысла, получили право сообща избирать гласныхъ въ *городскую думу*, которая должна была вѣдать городское хозяйство такъ же, какъ земства вѣдали земское хозяйство. Гласные избираютъ изъ своей среды городского голову и членовъ *городской управы*. Дума собирается по мѣрѣ надобности; управа же дѣйствуетъ какъ постоянный исполнительный органъ думы. Срокъ выборныхъ полномочій въ городахъ—четырехлѣтній. За дѣятельностью городскихъ думъ и управъ наблюдаетъ *губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе* подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Не только новый порядокъ управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общая перемѣна въ общественномъ строѣ повліяла благотворно на развитіе городской жизни въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка. До крестьянской реформы въ большинствѣ губерній продолжалось господство патріархальныхъ формъ крѣпостного помѣщичьяго хозяйства, сохранившаго въ себѣ до послѣдняго времени черты хозяйства натуральнаго. Города имѣли мало покупателей и потребителей изъ уѣздовъ, были скудны капиталами; населеніе ихъ не отличалось предпріимчивостью, было бѣдно и невѣжественно. Съ освобожденіемъ крестьянъ оживилась уѣздная жизнь; возникло земство съ его хозяйственными предпріятіями; началась усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ; было основано много торгово-промышленныхъ предпріятій и банковъ, Ростъ хозяйственной жизни государства отозвался на городахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ; города ожили и, пользуясь новымъ самоуправленіемъ, приняли совсѣмъ иной видъ. Изъ административныхъ центровъ они стали превращаться въ центры народно-хозяйственной дѣятельности.

Одновременно съ земскою реформою была подготовлена и судебная. Въ 1864 году были изданы новые „Судебные Уставы", измѣнившіе старыя формы нашего судоустройства и судопроизводства.

Вмѣсто сословныхъ Екатерининскихъ судовъ былъ учрежденъ судъ безсословный, „равный для всѣхъ подданныхъ" Мелкія дѣла были отнесены къ вѣдомству *мирового суда*. *Мировые судьи*, избираемые уѣздными земскими собраніями и городскими думами, должны были судить въ уѣздахъ и городахъ мелкія преступленія и разбирать тяжбы, склоняя по возможности стороны къ примиренію и полюбовному рѣшенію дѣлъ. Недовольные приговоромъ мирового судьи могли жаловаться на него въ мѣстный *съѣздъ мировыхъ судей*. Мировымъ судьямъ было подвѣдомственно все населеніе „мировыхъ участковъ", кромѣ крестьянъ, которымъ были дарованы особые волостные суды для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ въ крестьянской средѣ. Для суда по дѣламъ болѣе важнымъ въ губернскихъ городахъ были открыты *окружные суды* съ отдѣленіями уголовными и гражданскими. Дѣла гражданскія разбирались судьями (предсѣдателемъ и членами суда) безъ присяжныхъ засѣдателей. По дѣламъ же уголовнымъ (болѣе важнымъ) въ составъ суда обыкновенно входили *присяжные засѣдатели*, привлекаемые по жребію изъ мѣстнаго населенія. Присяжные засѣдатели рѣшали по совѣсти вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго; судьи же на основаніи вердикта присяжныхъ или освобождали его отъ суда или же приговаривали къ соотвѣтственному наказанію. На приговоры окружныхъ судовъ можно было приносить жалобы въ *судебныя палаты* или же въ *Сенатъ*. Для окончательнаго рѣшенія дѣлъ по жалобамъ на низшія инстанціи были назначены кассаціонные департаменты *Сената*, которому принадлежалъ общій надзоръ

за отправленіемъ правосудія въ государствѣ. Такимъ образомъ новые суды были обособлены отъ администраціи. Судьямъ была дана несмѣняемость и независимость. Въ суды былъ введенъ общественный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей. Приняты мѣры къ ускоренію дѣлопроизводства опредѣленіемъ точныхъ сроковъ для различныхъ судебныхъ дѣйствій. Императоръ Александръ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать, что даетъ своему государству „судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ".

Въ новыхъ судахъ были измѣнены всѣ основанія судопроизводства. Дореформенный судъ заслужилъ дурную славу тѣмъ, что нисколько не обезпечивалъ правосудія. Старые суды находились подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи и были доступны подкупамъ. Слѣдствіе велось полиціей неумѣло, мѣшкотно; подозрѣваемаго въ преступленіи стращали и истязали, чтобы добиться признанія. Самый судъ происходилъ въ отсутствіе обвиняемаго, на основаніи бумажныхъ свѣдѣній о дѣлѣ. Защиты не существовало. Приговоръ постановлялся не по живому убѣжденію судей, а по формальнымъ соображеніямъ. Жаловаться на приговоръ было трудно. Судебные уставы 1864 года ввели новые порядки. Слѣдствіе о всякомъ дѣлѣ поручается особому *судебному слѣдователю*. Добытый имъ на „предварительномъ слѣдстіи" обвинительный матеріалъ поступаетъ въ судъ. Судъ въ своемъ засѣданіи, въ присутствіи обвиняемаго и присяжныхъ засѣдателей, производитъ новое „судебное слѣдствіе" по дѣлу. У обвиняемаго при этомъ долженъ быть защитникъ изъ опытныхъ адвокатовъ-юристовъ. На судѣ можетъ присутствовать публика. Такимъ образомъ судъ производится устно и гласно. Обвинитель-прокуроръ и адвокатъ-защитникъ принимаютъ всѣ мѣры къ выясненію дѣла. Между ними происходитъ какъ бы состязаніе, высшая цѣль котораго—обнаруженіе истины въ дѣлѣ. На основаніи судебнаго слѣдствія присяжные выносятъ свой вердиктъ (послѣ тайнаго совѣщанія), а судъ постановляетъ приговоръ. Въ гражданскихъ дѣлахъ тяжущіяся стороны (истецъ и отвѣтчикъ, или же ихъ повѣренные—адвокаты) представляютъ суду доказательства своей правоты и основанія своихъ исковъ. Судъ, оцѣнивъ объясненія сторонъ, постановляетъ свое рѣшеніе въ пользу той, которую признаетъ правой, такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, судоговореніе имѣетъ характеръ состязательный, дающій возможность участникамъ дѣла выяснить всѣ его подробности.

Судебные уставы 1864 года пользуются прекрасною славою, какъ по высокимъ гуманнымъ началамъ, положеннымъ въ ихъ основу, такъ и по достоинствамъ своего исполненія. Они дали государству хорошіе суды, заслужившіе любовь и довѣріе населенія, и положили начало воспитанію нашего общества въ чувствахъ законности. Одновременно съ введеніемъ новыхъ судебныхъ установленій была значительно смягчена

и система наказаній, существовавшая въ Россіи; именно, были отмѣнены разные виды тѣлесныхъ наказаній (розги, плети, шпицрутены или палки, наложеніе клеймъ на преступниковъ и т. п.).

Въ связи съ общимъ обновленіемъ русской общественной жизни стояла реформа воинской повинности. Въ 1874 году данъ былъ Уставъ о всеобщей воинской повинности, совершенно измѣнявшій порядокъ пополненія войскъ. При Петрѣ Великомъ всѣ сословія привлекались къ военной службѣ: дворянство поголовно, податныя сословія — поставкою рекрутъ. Когда законами XVIII вѣка дворянство постепенно было освобождено отъ обязательной службы, рекрутчина оказалась удѣломъ низшихъ классовъ общества, и притомъ бѣднѣйшихъ, такъ какъ богатые могли откупаться отъ солдатства, нанимая за себя рекрута. Въ такой формѣ рекрутская повинность стала тяжелымъ и ненавистнымъ бременемъ для населенія. Она разоряла бѣдныя семьи, лишая ихъ кормильцевъ, которые, можно сказать навсегда уходили отъ своихъ хозяйствъ. Срокъ службы (25 лѣтъ) былъ таковъ, что человѣкъ, попавъ въ солдаты, на всю жизнь отрывался отъ своей среды. По новому закону къ отбыванію воинской повинности призываются ежегодно всѣ молодые люди, достигшіе въ данномъ году 21 года. Правительство опредѣляетъ каждый годъ потребное для войскъ общее число новобранцевъ и по жребію беретъ изъ всѣхъ призывныхъ только это число; остальные зачисляются въ ополченіе. Взятые въ службу числятся въ ней 15 лѣтъ: 6 лѣтъ въ строю и 9 въ запасѣ. Новая система комплектованія войскъ, по самой идеѣ своей, должна была привести къ глубокимъ перемѣнамъ въ военныхъ порядкахъ. Вмѣсто суровой солдатской муштровки, основанной на взысканіяхъ и наказаніяхъ, вводилось разумное и гуманное воспитаніе солдата, несущаго на себѣ не простую сословную повинность, какъ было раньше, а священный гражданскій долгъ защиты отечества. Кромѣ военной выучки, солдатъ учили грамотѣ и старались развить въ нихъ сознательное отношеніе къ своему долгу и пониманіе своего солдатскаго дѣла. Долговременное управленіе военнымъ министерствомъ графа Д. А. Милютина было ознаменовано рядомъ просвѣтительныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью насадить военное образованіе въ Россіи, поднять духъ арміи, улучшить военное хозяйство.

Всеобщая воинская повинность отвѣчала двумъ потребностямъ времени. Во-первыхъ, невозможно было оставить старый порядокъ пополненія войска при тѣхъ общественныхъ реформахъ, которыя вели къ уравненію всѣхъ классовъ общества предъ закономъ и государствомъ; во-вторыхъ, надобно было поставить русское военное устройство въ уровень съ западно-европейскимъ. Въ государствахъ Запада, по примѣру Пруссіи, дѣйствовала всеобщая воинская повинность, превращавшая населеніе въ „вооруженный народъ“ и сообщавшая военному дѣлу

значеніе общенароднаго. Арміи стараго типа не могли равняться съ новыми ни по силѣ національнаго воодушевленія, ни по степени умственнаго развитія и технической подготовки. Россіи нельзя было отставать отъ сосѣдей въ этомъ отношеніи.

Государственное хозяйство. Военные расходы, вызванные Восточною войною, и предпринятая правительствомъ выкупная операція заставляли правительство выходить изъ рамокъ обыкновеннаго бюджета. Государственныхъ доходовъ не хватало на покрытіе расходовъ; требовались займы для погашенія ежегодныхъ дефицитовъ. Правительство было вынуждено обращаться къ кредиту: оно занимало деньги за границею, прибѣгало къ внутреннимъ (выигрышнымъ) займамъ и дѣлало новые выпуски кредитныхъ билетовъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Послѣдствія такихъ мѣръ выражались въ томъ, что платежи процентовъ по займамъ очень отягощали бюджетъ, а кредитные билеты стали падать въ цѣнѣ, какъ въ былое время падали ассигнаціи. Предъ правительствомъ становилась задача—упорядочить государственное хозяйство, чтобы возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ и поднять курсъ бумажныхъ денегъ. Были предприняты нѣкоторыя финансовыя реформы (1863). Установленъ опредѣленный и точный порядокъ составленія ежегодныхъ смѣтъ прихода и расхода по всѣмъ вѣдомствамъ. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ ежегодно публиковалась во всеобщее свѣдѣніе. Введено было „единство кассы", при которомъ движеніе всѣхъ денежныхъ суммъ въ казначействахъ имперіи подчинялось общему распоряженію министерства финансовъ, тогда какъ прежде каждое министерство имѣло свои особыя кассы и само собирало свои доходы и производило расходы. За правильностью исполненія смѣтъ долженъ былъ слѣдить заново преобразованный государственный контроль. Такимъ образомъ достигнута была бо̀льшая правильность финансоваго управленія и установленъ большій порядокъ въ веденіи государственнаго хозяйства. Но равновѣсіе бюджета достигнуто не было.

Для увеличенія государственныхъ доходовъ былъ принятъ рядъ мѣръ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна отмѣна винныхъ откуповъ, существовавшихъ у насъ со времени Екатерины II. Старый порядокъ состоялъ въ томъ, что частныя лица покупали у правительства („откупали") право продажи вина въ извѣстномъ округѣ за опредѣленную сумму. По новому порядку, установленному при Александрѣ II, вино могло продавать всякое частное лицо; но все вино, поступавшее въ продажу, облагалось „акцизомъ" (особымъ налогомъ въ пользу казны). Такимъ же акцизомъ были обложены табакъ и соль (также сахаръ). Были увеличены нѣкоторыя таможенныя пошлины. Главнымъ же средствомъ поднять экономическую жизнь страны и государственное хозяйство считалась постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ. Не имѣя возможности строить дороги

казенными средствами, правительство привлекало къ этому дѣлу на очень льготныхъ условіяхъ частныхъ лицъ и иностранные капиталы. Несмотря на то, что къ желѣзнодорожному строительству устремилось много недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, эксплоатировавшихъ казну и дороги для своей наживы, — сѣть желѣзныхъ дорогъ (въ 20 тысячъ верстъ) была сооружена въ скоромъ времени и оказала громадное вліяніе на развитіе русской промышленности и торговли. Въ связи съ постройкою дорогъ нашъ иностранный отпускъ выросъ въ десять разъ; почти такъ же увеличился и ввозъ товаровъ въ Россію. Число торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, фабрикъ и заводовъ, замѣтно умножилось. Явились кредитныя учрежденія — банки, во главѣ кототыхъ сталъ Государственный Банкъ (1860). Россія начала терять характеръ патріархальнаго земледѣльческаго государства. Освобожденный отъ крѣпостной зависимости и другихъ стѣсненій народный трудъ находилъ себѣ примѣненіе въ разныхъ отрасляхъ промышленности, созданныхъ новыми условіями общественной жизни.

Образованіе. Въ началѣ своего царствованія императоръ Александръ II отмѣнилъ тѣ стѣснительныя мѣры, которыя были приняты въ отношеніи учебныхъ заведеній въ послѣдніе годы императора Николая I. Преподаваніе въ университетахъ получило больше свободы; комплекты студентовъ были уничтожены; мало того, былъ открытъ доступъ въ университеты вольнослушателямъ. Въ университетскихъ аудиторіяхъ появилась посторонняя публика, мужская и женская. Въ университетскую жизнь было внесено такое же оживленіе, какое царило тогда во всемъ обществѣ. Новизна и сложность возникшаго положенія скоро привели студенчество къ волненіямъ и безпорядкамъ (1861). Въ связи съ ними послѣдовали нѣкоторыя ограниченія университетской свободы. Въ 1863 году данъ былъ общій уставъ университетовъ, по которому профессорская корпорація получила самоуправленіе. Совѣтъ профессоровъ къ каждомъ университетѣ избиралъ всѣхъ университетскихъ должностныхъ лицъ и завѣдывалъ хозяйствомъ университета; попечителю учебнаго округа принадлежало только наблюденіе за законностью дѣйствій совѣта. Но учащіеся въ университетѣ студенты разсматривались какъ отдѣльные посѣтители, не имѣющіе права на корпоративное устройство; посторонніе же лица и вовсе не допускались къ посѣщенію лекцій. Такое положеніе учащихся давало имъ частые поводы къ неудовольствію и „студенческимъ безпорядкамъ", составлявшимъ одно изъ частыхъ и печальныхъ явленій той эпохи.

Подъ вліяніемъ общественнаго броженія и студенческихъ безпорядковъ задумана была министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ реформа средней школы. Въ началѣ царствованія императора Александра II (при министрѣ А. В. Головнинѣ) доступъ въ гим-

назіи былъ открытъ для дѣтей „всѣхъ состояній безъ различія званія и вѣроисповѣданія". Самыя гимназіи были двоякаго типа: классическія (съ древними языками) и реальныя (безъ древнихъ языковъ), съ преобладаніемъ естествознанія). Графъ Толстой (поддерживаемый М. Н. Катковымъ) находилъ, что реальное образованіе есть „одна изъ важныхъ причинъ такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго самомнѣнія". Единственнымъ средствомъ борьбы съ этимъ зломъ министръ считалъ установленіе строго-классической системы образованія въ гимназіяхъ. Въ 1871 году онъ составилъ новый уставъ гимназій, одобренный государемъ. Классическая гимназія сдѣлана была единственнымъ типомъ общеобразовательной и всесословной средней школы, питомцы которой одни имѣли право поступленія въ университеты. Реальныя гимназіи были замѣнены „реальными училищами": цѣль ихъ была въ томъ, чтобы доставлять учащемуся юношеству всѣхъ состояній общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній. Реформою гр. Толстого было создано полное преобладаніе классической школы въ государствѣ. Къ сожалѣнію, школьному классицизму приданъ былъ внѣшній формальный характеръ: дѣло ограничивалось грамматическимъ изученіемъ древнихъ языковъ, при очень большомъ числѣ учебныхъ часовъ на этотъ предметъ. За отсутствіемъ достаточнаго числа русскихъ преподавателей латыни и греческаго языка, пришлось выписывать спеціалистовъ изъ заграницы (преимущественно чеховъ); ихъ преподаваніе не могло нравиться по незнанію ими русскаго языка и русской школы. Реформа графа Толстого вообще не вошла въ нравы нашего общества и возбудила противъ себя прямую ненависть, хотя въ основѣ своей имѣла правильную мысль о высокомъ воспитательномъ значеніи классицизма.

Одновременно съ реформою мужской средней школы шли мѣропріятія въ области женскаго образованія. До времени императора Александра II для дѣвицъ существовали только институты и частные пансіоны: въ нихъ получали образованіе почти исключительно дворянки. Съ конца 50-хъ годовъ начинаютъ возникать женскія гимназіи для приходящихъ ученицъ всѣхъ сословій. Сначала эти гимназіи основывались въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи (по почину Н. А. Вышнеградскаго), а затѣмъ и въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Параллельно съ ними въ духовномъ вѣдомствѣ, для дочерей лицъ духовнаго званія, стали открываться женскія епархіальныя училища съ соотвѣтствующимъ курсомъ. Такимъ образомъ въ царствованіе императора Александра дѣло женскаго образованія было поставлено широко. Естественно рождалась мысль о возможности и высшаго образованія для женщинъ. Первую попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ началь-

никъ петербургскихъ женскихъ гимназій Н. А. Вышнеградскій; по его мысли, при женскихъ гимназіяхъ были основаны „педагогическіе женскіе курсы" для приготовленія преподавательницъ (1863). Затѣмъ кружкомъ передовыхъ женщинъ, при содѣйствіи профессора К. Н. Бестужева-Рюмина (1878), были открыты „Высшіе женскіе курсы" („Бестужевскіе") въ Петербургѣ. Наконецъ, въ Петербургѣ же существовали нѣкоторое время (съ 1872 года) медицинскіе женскіе курсы для женщинъ-врачей. По примѣру Петербурга и въ другихъ университетскихъ городахъ стали возникать по частному почину высшіе женскіе курсы. Такимъ образомъ вопросъ о высшемъ образованіи женщинъ получилъ успѣшное разрѣшеніе, несмотря на то, что правительство съ большой осторожностью относилось къ дѣлу разрѣшенія женскихъ курсовъ.

Въ отношеніи низшаго, начальнаго или народнаго образованія въ царствованіе императора Александра II достигнуты были большіе результаты. Созданъ былъ, кромѣ стараго типа начальныхъ народныхъ училищъ — церковно-приходскихъ школъ, новый типъ свѣтской начальной школы, перешедшей на попеченіе земствъ. Къ концу царствованія Александра II народныя школы считались уже десятками тысячъ и составляли одну изъ самыхъ важныхъ заботъ земства. Для приготовленія учителей въ начальныя школы какъ министерство народнаго просвѣщенія, такъ и земства устраивали „учительскія семинаріи". Несмотря, однако, на рядъ усилій поднять народную грамотность, въ эпоху реформъ она стояла еще на низкомъ уровнѣ.

Первыя послѣдствія реформъ. Таковъ былъ кругъ великихъ преобразованій императора Александра II. Основная реформа его царствованія — освобожденіе крестьянъ — внесла коренную перемѣну въ русскій общественный порядокъ и необходимо повлекла за собою остальныя реформы. Съ паденіемъ крѣпостного права пали прежнія формы преобладанія дворянства въ русской жизни, созданныя законами императрицы Екатерины II. Въ дореформенной Россіи дворянское сословіе было господствующимъ какъ въ мѣстной жизни, такъ и въ правительственномъ управленіи. Въ уѣздахъ землевладѣльческое дворянство правило всѣми дѣлами безраздѣльно; всѣ правительственныя должности замѣщались въ губерніяхъ и въ столицѣ чиновниками изъ дворянъ; другіе классы населенія въ государственной жизни не пользовались никакимъ значеніемъ. Съ отмѣною же крѣпостного права, въ уѣздахъ рядомъ съ дворянскими обществами создались крестьянскія сельскія общества; появились землевладѣльцы и изъ горожанъ. Оживилась дѣятельность торгово-промышленная: города расцвѣли съ освобожденіемъ крестьянъ, потому что паденіе крѣпостныхъ хозяйствъ и освобожденіе крестьянскаго труда создало для городскихъ рынковъ новыхъ потребителей, открыло новыя сферы для предпріимчивости, привлекло рабочія руки. Между городами и уѣздами

создались новыя связи, уничтожавшія прежнюю сословную разобщенность. Жизнь получала характеръ безсословный и демократическій.

За такимъ направленіемъ жизни слѣдовало законодательство, создавая всесословные суды, всесословное земство, всесословную школу, всеобщую воинскую повинность. На дворянство, какъ на образованную среду, правительство возлагало руководство новымъ земскимъ самоуправленіемъ; изъ дворянъ по-прежнему назначались высшіе чиновники. Но это уже не былъ старый порядокъ, при которомъ дворянству по праву принадлежало исключительное господство въ государствѣ. Дворянство было теперь только первымъ изъ прочихъ граждански-равноправныхъ общественныхъ классовъ. Утративъ свое исключительно льготное положеніе вслѣдствіе реформы, дворянство пережило вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый матеріальный кризисъ. Оно въ большинствѣ не смогло перейти отъ старыхъ формъ хозяйства при даровомъ крѣпостномъ трудѣ на новыя формы съ трудомъ наемнымъ и потому разорилось и потеряло массу своихъ земель, перешедшихъ въ крестьянскія и купеческія руки.

Такимъ образомъ, упадокъ дворянства и демократизація общества были первымъ послѣдствіемъ реформъ 60-хъ годовъ XIX столѣтія.

Вторымъ послѣдствіемъ реформъ было умственное броженіе радикальнаго политическаго характера. Преобразованіе государственнаго и общественнаго строя, предпринятое императоромъ Александромъ II, не имѣло въ виду измѣнить въ Россіи образъ правленія и ввести политическое представительство. За дарованіемъ новыхъ учрежденій, судебныхъ и земскихъ, въ которыхъ дѣйствовали выборные представители общества, не послѣдовало политической реформы, которая бы привлекла этихъ представителей общества къ высшему управленію государствомъ. Напротивъ, въ концѣ 60-хъ годовъ правительство усвоило охранительную политику. Между тѣмъ, возбужденное рядомъ глубокихъ перемѣнъ, русское общество не могло быстро успокоиться. Печать отзывалась на каждое правительственное начинаніе, обсуждала всѣ реформы, оцѣнивала ихъ послѣдствія, привѣтствовала созданный реформами новый общественный строй, основанный на демократическомъ безсословномъ началѣ. Общественныя мечты шли дальше намѣреній правительства. Дарованіе мѣстнаго земскаго самоуправленія возбуждало надежды на то, что земство будетъ призвано и къ участію въ управленіи государствомъ; высказывалась мысль о представительномъ правленіи. Паденіе крѣпостной зависимости, уравненіе всѣхъ предъ судомъ, созданіе новыхъ либеральныхъ формъ общественной жизни привели къ небывалой ранѣе свободѣ личности. Чувство этой свободы вело къ желанію развить ее до послѣднихъ предѣловъ. Создались мечты объ установленіи новыхъ формъ семейной и общественной жизни — такихъ, которыя бы обезпечивали полное равенство людей и безусловную свободу каждой отдѣльной лич-

ности. Люди, мечтавшіе о такой свободѣ, отрицали весь современный имъ порядокъ жизни и ни въ чемъ не признавали его для себя обязательнымъ; поэтому они и получили названіе „нигилистовъ“. Основъ будущаго идеальнаго устройства отрицатели искали въ соціализмѣ, съ которымъ усиленно знакомили русскую публику. Такимъ образомъ создались крайнія, „радикальныя“ направленія въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ и образовалась „отрицательная“ литература. Представителями ея были журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“ въ Россіи и „Колоколъ“ за границею („Современникъ“, во главѣ съ публицистами Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, имѣлъ характеръ политическій; „Русское Слово“, съ Писаревымъ во главѣ, занималось проповѣдью нигилизма. Что же касается до лондонскаго „Колокола“, то его издатель, эмигрантъ А. И. Герценъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, главною цѣлью своей считалъ добиться освобожденія крестьянъ и свободы печати въ Россіи; вліяніе „Колокола“ въ эти годы было очень велико). Развитіе радикальной журналистики доставляло правительству много неудовольствій и опасеній. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ было признано необходимымъ ограничить свободу журнальной печати. Когда же 4-го апрѣля 1866 года революціонеръ Каракозовъ выстрѣлилъ въ Александра II у воротъ Лѣтняго сада, то власти усилили цензурныя строгости и навсегда закрыли „Современникъ“ и „Русское Слово“. Однако, вліяніе отрицательной литературы настолько распространилось, что эта мѣра не остановила умственнаго броженія. Въ нѣкоторой части общества стало зрѣть революціонное настроеніе, требовавшее прямого государственнаго и общественнаго переворота. Въ разныхъ городахъ стали образовываться революціонные кружки, поставившіе себѣ цѣлью распространеніе въ народѣ соціалистическихъ идей и подготовку революціи. Дѣятельность этихъ кружковъ вызывала преслѣдованіе со стороны властей. Въ теченіе 70-хъ годовъ происходили большіе политическіе процессы, показавшіе значительные размѣры революціонной пропаганды въ обществѣ. Ссылка и другія наказанія, постигавшія агитаторовъ, не могли подавить движенія. Оно росло и принимало все болѣе и болѣе крайній характеръ. Одна изъ революціонныхъ организацій (усвоившая себѣ названіе „земли и воли“, а позже „народной воли“) желала достигнуть своей цѣли—революціоннаго переворота — путемъ „террора“, то-есть ряда насильственныхъ актовъ противъ правительственныхъ лицъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ начались покушенія и на жизнь самого Александра. Россія такимъ образомъ вступила въ періодъ тяжелой внутренней смуты.

Польское возстаніе 1863 года. Въ теченіе четверти вѣка послѣ польскаго возстанія 1831 года польскія области были спокойны. Конечно, поляки-патріоты не могли помириться съ потерею политической автономіи. При первой же возможности они должны были проявить

свое недовольство порядкомъ вещей, установившимся въ Царствѣ Польскомъ послѣ подавленія неудачнагс мятежа. Благопріятная минута для этого наступила съ воцареніемъ императора Александра II. Тяжелый режимъ Николаевскаго времени былъ тогда смягченъ. Польскимъ эмигрантамъ было разрѣшено вернуться въ Царство; дана амнистія сосланнымъ за мятежъ въ Сибирь полякамъ. Однимъ этимъ было уже поднято настроеніе польскаго общества. Видя начало реформъ въ Россіи, оно стало ждать и требовать реформъ у себя. Въ польскихъ городахъ начались политическія демонстраціи: ношеніе національнаго траура, пѣніе патріотическихъ пѣсенъ, процессіи и т. п.

Правительство не было чуждо мысли произвести въ Польшѣ преобразованія. Руководясь совѣтами польскаго патріота, маркиза Веліопольскаго, государь рѣшился дать Царству Польскому самоуправленіе (1861). Былъ учрежденъ государственный совѣтъ для Царства изъ поляковъ; для мѣстнаго самоуправленія устроены по губерніямъ совѣты изъ выборныхъ отъ населенія; судъ, школы и церковныя дѣла предположено было отдать въ вѣдѣніе мѣстныхъ польскихъ „комиссій" (министерствъ). Во главѣ всей польской администраціи былъ поставленъ самъ Веліопольскій. Намѣстникомъ же Царства былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, сторонникъ либеральныхъ преобразованій въ Польшѣ. Но мысль Веліопольскаго — спасти порядокъ въ Польшѣ посредствомъ умѣренной реформы—совершенно не удалась. Патріоты польскіе не пошли за нимъ; они, въ расчетѣ на уступчивость русскаго правительства, требовали возстановленія государственной независимости и старыхъ границъ Польши („короны" и „княжества") до Западной Двины и Днѣпра и вели дѣло къ открытому мятежу. На жизнь великаго князя было сдѣлано покушеніе; нападеніямъ подвергся и Веліопольскій. Наконецъ, въ январѣ 1863 года разразился открытый бунтъ. Въ условленный день въ разныхъ мѣстахъ Польши и Литвы банды „повстанцевъ" напали на русскія войска и началась война. Мятежомъ руководилъ тайный комитетъ съ именемъ „ржонда народоваго", то-есть народнаго правительства. Онъ держалъ въ страхѣ всю страну системою террора и казнями лицъ, шедшихъ противъ возстанія. Тогда политика Веліопольскаго была оставлена. Рѣшено было подавить мятежъ крутыми мѣрами. Въ Царствѣ Польскомъ это было поручено новому намѣстнику, графу Бергу, а въ Литвѣ — Мих. Никол. Муравьеву. Муравьевъ быстро справился со своею задачею. Съ твердостью и безпощадностью, доходившею до жестокости, онъ преслѣдовалъ мятежниковъ; съ чрезвычайной настойчивостью и послѣдовательностью онъ защищалъ русское населеніе своего края отъ вліянія и насилій революціоннаго польскаго элемента. Въ полгода онъ подавилъ мятежъ въ своемъ краѣ, снискавъ себѣ жгучую ненависть поляковъ и грозную славу среди

западно-русскаго населенія, имъ поднятаго и ободреннаго. Въ царствѣ Польскомъ дѣло подавленія возстанія шло медленнѣе. Но и тамъ къ лѣту 1864 года былъ водворенъ порядокъ: вожаки движенія частью были захвачены, а частью бѣжали за границу.

Въ разгаръ мятежа (въ апрѣлѣ 1863 года) послы Англіи, Франціи и Австріи обратились къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ, князю Горчакову, съ заявленіемъ, что ихъ правительства надѣются на скорое дарованіе прочнаго мира польскому народу. Это было вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Россіи. Лѣтомъ 1863 года оно повторилось со стороны многихъ европейскихъ державъ, при чемъ Франція и Англія требовали созванія европейской конференціи по польскому вопросу для того, чтобы совмѣстно обсудить будущее устройство Царства Польскаго. Россіи, недавно пережившей Восточную войну, грозила, въ случаѣ отказа отъ предлагаемой конференціи, опасность возбудить противъ себя новую европейскую коалицію. Однако императоръ Александръ не нашелъ для себя возможнымъ согласиться на требованія державъ. Онъ приказалъ князю Горчакову отвѣтить твердымъ отказомъ и протестомъ противъ сторонняго вмѣшательства въ дѣла Россіи. Отвѣтъ князя Горчакова былъ опубликованъ и вызвалъ въ русскомъ обществѣ живѣйшее сочувствіе. При первыхъ же слухахъ о вмѣшательствѣ державъ всѣ слои русскаго общества обнаружили высокій подъемъ патріотическаго чувства. Выразителемъ его, наиболѣе яркимъ и рѣшительнымъ, явился московскій публицистъ М. Н. Катковъ; своими статьями о польскомъ вопросѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ онъ много содѣйствовалъ тому, что русское общество стало сознательно относиться къ польскимъ притязаніямъ и горячо поддержало правительство въ борьбѣ съ мятежомъ. Мужественный отвѣтъ, данный государемъ на представленія европейскихъ державъ, вызвалъ въ обществѣ восторженный откликъ. Державы могли убѣдиться въ томъ, что въ Россіи народилось общественное мнѣніе и что оно оказываетъ власти могучую нравственную помощь. Быть можетъ, въ этомъ была главная причина, почему европейская дипломатія не повела далѣе своего вмѣшательства и предоставила Польшу ея участи.

Вслѣдъ за усмиреніемъ мятежа послѣдовало переустройство Царства Польскаго. Самое названіе Царства было отмѣнено. Раздѣленное заново на 10 губерній, Царство получило наименованіе „Привислинскаго края“. Въ краѣ прежде всего была проведена крестьянская реформа на основаніяхъ, близкихъ къ „Положеніямъ 19 февраля 1861 года“. Крестьяне были надѣлены землею, и выкупъ ихъ земли былъ произведенъ немедленно, безъ „временно-обязанныхъ“ отношеній къ помѣщикамъ, причемъ имъ было даровано самоуправленіе въ сельскихъ гминахъ (волостяхъ). Устройство крестьянскаго дѣла въ Польшѣ было возложено на Н. А. Милютина, виднѣйшаго дѣятеля крестьянской реформы въ Россіи,

и проведено имъ съ его друзьями и сотрудниками (княземъ Черкасскимъ, Ю. Самаринымъ и др.). Цѣлью крестьянской реформы въ польскихъ губерніяхъ было привязать къ Россіи низшіе классы польскаго населенія и въ нихъ получить опору для русской власти. Другіе классы польскаго общества были лишены самоуправленія. Въ польскихъ губерніяхъ была введена общерусская администрація, съ дѣлопроизводствомъ на русскомъ языкѣ. Русскій языкъ сталъ обязательнымъ и въ школахъ. Привислинскій край былъ занятъ большимъ количествомъ войскъ. Наконецъ, послѣдніе представители уніи въ Холмской епархіи (тогда Люблинской губерніи) были присоединены къ православію (1875). Такимъ образомъ послѣдовало уничтоженіе всѣхъ особенностей, отличавшихъ Польшу въ порядкѣ самоуправленія отъ прочихъ частей имперіи. Таковы были для поляковъ послѣдствія ихъ неудачнаго возстанія.

Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ коренное населеніе, русское или литовское, подвергалось ополяченію и отчасти было увлечено въ мятежъ, послѣ подавленія мятежа началась усиленная работа М. Н. Муравьева надъ уничтоженіемъ польскаго преобладанія. Онъ хотѣлъ достигнуть того, „чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда-либо сдѣлаться польскимъ“. Съ этою цѣлью онъ желалъ въ краѣ „упрочить и возвысить русскую народность и православіе“, „поддержать русское духовенство“, въ администрацію допускать лишь русскихъ людей, создать русскую колонизацію и русское землевладѣніе въ краѣ и всячески устранять изъ края враждебный Руси польскій элементъ. Рядъ мѣръ, проведенныхъ въ этомъ духѣ, подорвалъ силу польскаго вліянія и уничтожилъ внѣшніе признаки польскаго преобладанія въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Преслѣдованіе польскихъ помѣщиковъ и польскаго духовенства за прикосновенность къ мятежу, гоненіе на польскій языкъ въ школахъ и публичныхъ мѣстахъ создали Муравьеву репутацію деспота въ тѣхъ кругахъ, которые отъ него терпѣли. Но русскіе дѣятели, трудившіеся вмѣстѣ съ Муравьевымъ для русскаго дѣла въ Западномъ краѣ, сохранили глубокое уваженіе къ его патріотизму, уму, твердости и прямотѣ, съ которыми онъ стремился къ обрусѣнію ввѣреннаго ему края.

Азія и Кавказъ. Въ царствованіе императора Александра II Россія пріобрѣла въ Азіи значительныя пространства земли.

На дальнемъ Востокѣ путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Китаемъ была пріобрѣтена уступленная Китаю при царевнѣ Софьѣ обширная Амурская область (по Айгунскому договору 1858 года, заключенному графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ); а затѣмъ присоединенъ былъ Уссурійскій край (по договору графа Игнатьева въ Пекинѣ въ 1860 г.). Такимъ образомъ для русской колонизаціи открыты были оба берега Амура и было пріобрѣтено устье этой важной рѣки. Далѣе,

въ обмѣнъ на Курильскіе острова, отъ японцевъ была получена южная половина о. Сахалина. Пустынная сѣверо-западная оконечность Американскаго материка (Аляска), принадлежавшая Россіи по праву первой заимки, была тогда же уступлена Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ за 7 милліоновъ долларовъ.

Въ Средней Азіи (Туркестанѣ, Туранѣ) была твердо укрѣплена русская власть. Въ среднеазіатской низменности существовали тогда три мусульманскія ханства: *Коканъ*—на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи, *Бухара*—между рр. Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей, *Хива*—на лѣвомъ берегу р. Аму-Дарьи. Въ зависимости отъ нихъ находились частью осѣдлые, частью кочующіе (тюрко-монгольскіе) народцы: киргизы, туркмены, узбеки и т. д. Окруженные песками и степями, среднеазіатскія ханства были трудно уязвимы. Пользуясь выгодами своего положенія, кокандцы, бухарцы и хивинцы издавна не только торговали съ Русью дорогими азіатскими товарами, но и грабили пограничныя русскія мѣста, уводя плѣнниковъ. При Петрѣ Великомъ начались попытки русскаго правительства взять подъ свое главенство Среднюю Азію. Хотя хивинскіе ханы и изъявили Петру Великому на словахъ покорность и просили его помощи въ своихъ междоусобіяхъ, однако при случаѣ истребляли русскіе отряды, отправляемые къ нимъ. (Такъ въ 1717 году погибъ цѣлый отрядъ князя Бековича-Черкасскаго). Приходилось медленно приближаться къ враждебнымъ ханствамъ, строя въ степяхъ и пескахъ укрѣпленія для защиты колонизуемыхъ русскими окраинъ. Наступленіе велось съ двухъ сторонъ: съ Сѣвера отъ Сибири и р. Урала, и съ запада отъ Каспійскаго моря. Главными опорными пунктами для этого наступленія въ XVIII вѣкѣ были города: Оренбургъ, Орскъ, Семипалатинскъ—съ сѣвера, Красноводскъ при Каспіѣ—съ запада. Въ серединѣ XIX вѣка киргизы сѣвернаго Туркестана были уже покорены, и русскіе отряды стали прочно на р. Сыръ-Дарьѣ (крѣпость Перовскъ) и на лѣвомъ берегу р. Или (г. Вѣрный). А затѣмъ началось покореніе самыхъ ханствъ.

Въ 60-хъ годахъ генералы Веревкинъ и Черняевъ начали наступленіе на Коканъ и взяли важнѣйшіе города этого ханства, Туркестанъ и Ташкентъ. Лишенный части своихъ владѣній, кокаискій ханъ былъ приведенъ въ полную зависимость отъ Россіи. Когда же въ 70-хъ годахъ въ Коканѣ началось, на почвѣ религіознаго фанатизма, мятежное движеніе противъ русскихъ, то русскія войска подъ начальствомъ генерала Скобелева подавили возстаніе и завладѣли всѣмъ ханствомъ (1876). Оно было обращено въ Ферганскую область. Съ Бухарою началась война вскорѣ послѣ первыхъ столкновеній съ Кокаyомъ. Часть бухарскихъ земель съ городомъ Самаркандомъ была присоединена къ Россіи (1868); въ остальной же части ханъ сохранилъ свою власть подъ русскимъ

протекторатомъ, при условіи уничтоженія рабства и открытія Бухарскихъ рынковъ для русскихъ купцовъ. Въ 1873 году настала очередь и Хивы. Послѣ труднѣйшаго похода черезъ безводные пески русскіе отряды, направленные съ трехъ сторонъ (отъ Каспійскаго моря, отъ Самарканда и съ Сыръ-Дарьи), подошли къ Хивѣ и взяли этотъ городъ. Хивинскій ханъ сдался генералу Кауфману. Хану была оставлена часть его владѣній въ полной зависимости отъ Россіи. Такимъ образомъ былъ положенъ конецъ многовѣковому безначалію, какое господствовало въ Средней Азіи. Оставалось только умиротворить полукочевыя разбойничьи племена туркменъ, что и было достигнуто въ короткій срокъ. Продвигаясь къ персидскимъ, афганскимъ и китайскимъ границамъ, русскіе отряды постепенно усмиряли безпокойное туземное населеніе. Въ особенности сильный ударъ былъ нанесенъ генераломъ Скобелевымъ туркменскому племени „теке" взятіемъ ихъ крѣпости Геокъ-тепе (1881). Когда русскія войска продвинулись до Афганистана и приблизились къ предѣламъ Британской Индіи, англійская дипломатія проявила большое безпокойство. Сосѣдство русскихъ съ Индостаномъ казалось угрозою для англійской власти надъ индійскими племенами и Афганистаномъ. Поэтому англичане стремились всѣми средствами сдержать движеніе русскихъ въ Средней Азіи и ставили Россіи рядъ дипломатическихъ требованій. Переговоры принимали по временамъ тревожный характеръ, но до войны дѣло не дошло. Движеніе Россіи не могло быть остановлено до тѣхъ поръ, пока ею не были достигнуты твердыя границы и пока не былъ водворенъ прочный порядокъ среди безпокойныхъ и некультурныхъ среднеазіатскихъ племенъ. Культурная работа русскихъ въ Средней Азіи составляетъ одну изъ славнѣйшихъ страницъ въ исторіи царствованія императора Александра II.

На Кавказѣ въ царствованіе Александра II было достигнуто окончательное замиреніе. Мюридизмъ (воинствующая секта) получилъ тамъ на время силу въ дѣятельности имама Шамиля, но сталъ затѣмъ быстро падать по мѣрѣ того, какъ остывалъ религіозный порывъ, его вызвавшій. Власть Шамиля на время объединила горскіе народцы восточнаго Кавказа, но не въ силахъ была образовать изъ нихъ прочнаго союза. Когда намѣстникъ Кавказа, князь А. И. Барятинскій, началъ (1857) систематическое наступленіе противъ Шамиля въ горы Дагестана, многіе приверженцы стали покидать Шамиля и населеніе нѣкоторыхъ ауловъ легко подчинилось русскимъ. Въ три года князю Барятинскому удалось покорить весь восточный Кавказъ (отъ Военно-грузинской дороги до Каспійскаго моря). Геройское сопротивленіе Шамиля было сломлено; самъ Шамиль, осажденный въ аулѣ Гунибъ, сдался въ плѣнъ и былъ увезенъ въ Россію (1859). Оставалось еще замирить западный Кавказъ, прилегающій къ Черному морю. Русскія войска кольцомъ охватили области

„немирныхъ“ черкесовъ и вытѣсняли жителей мятежныхъ ауловъ изъ горъ на равнину и морской берегъ. Черкесамъ предоставляли или селиться на указанныхъ русскими мѣстахъ, или же уѣзжать въ Турцію. До 200.000 горцевъ выѣхало съ Кавказа, переселяясь въ Турцію; остальные покорились русской власти. Кавказъ такимъ образомъ былъ окончательно замиренъ (1864).

Турецкая война и Берлинскій конгрессъ. Послѣ Парижскаго мира 1856 года „восточный вопросъ“ для Россіи не потерялъ своей остроты. Русское правительство не могло отказаться отъ стараго права покровительства и защиты православныхъ подданныхъ султана, тѣмъ болѣе, что другія державы, пріобрѣтя право протектората надъ балканскими славянами, мало заботились объ устройствѣ ихъ быта и объ охранѣ ихъ безопасности. Нежеланіе турокъ смягчить свое управленіе въ славянскихъ областяхъ, заселенныхъ сербами и болгарами, вело за собою вмѣшательство русской дипломатіи. Это вмѣшательство озлобляло турокъ и вызывало безпокойство и ревность со стороны Англіи, такъ какъ Англія боялась соперничества Россіи въ Турціи, какъ боялась его и въ Средней Азіи. Такимъ образомъ мало-по-малу создалась постоянная непріязнь между Россіей и Англіей по поводу балканскихъ дѣлъ и тайная поддержка турокъ англичанами. Вступаясь въ турецкія дѣла, Россія всегда имѣла противъ себя Англію.

Положеніе на Востокѣ обострилось въ 1875 году, когда вспыхнуло противъ турокъ возстаніе въ населенныхъ сербами турецкихъ областяхъ Босніи и Герцеговинѣ, а затѣмъ и въ Болгаріи. Возстаніе возникло вслѣдствіе притѣсненій при сборѣ податей. Турки подавляли его съ неимовѣрными жестокостями, но безуспѣшно. Турецкія звѣрства вызвали негодованіе противъ турокъ и сочувствіе возставшимъ со стороны княжествъ Черногоріи и Сербіи. Несмотря на попытки державъ погасить возбужденіе, Черногорія и Сербія открыто (1876) начали войну съ Турціей. Во главѣ сербскихъ войскъ дѣйствовалъ отставной русскій генералъ Черняевъ (покоритель Ташкента). Вторгнувшись въ предѣлы Турціи, онъ, однако, не могъ одолѣть турокъ и долженъ былъ отойти обратно къ границамъ Сербіи. Тамъ на крѣпкихъ позиціяхъ (у г. Алексинца) Черняевъ геройски удерживалъ наступленіе турецкой арміи въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ и только осенью 1876 года былъ отброшенъ назадъ. Въ эту минуту Россія потребовала отъ турокъ прекращенія военныхъ дѣйствій и тѣмъ спасла Сербію отъ окончательнаго разгрома.

Страданія балканскихъ славянъ подъ игомъ турокъ и самоотверженная борьба черногорцевъ и сербовъ за своихъ угнетенныхъ братьевъ вызвали въ русскомъ обществѣ необыкновенное возбужденіе. Громко и рѣшительно высказывалось сочувствіе борцамъ за національное освобожденіе. Особые „славянскіе комитеты“ собирали пожертвованія въ пользу

возставшихъ. Въ разныхъ городахъ формировались отряды „добровольцевъ“ и спѣшили на помощь сербамъ, въ армію Черняева. Желаніе помочь „братьямъ славянамъ“ охватило все русское общество. Послѣ могучаго подъема патріотическихъ чувствъ по поводу польскаго мятежа 1863 года это было второе, столь же могучее выраженіе народныхъ чувствъ во имя славянскаго единенія. Общественное движеніе увлекло правительство къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи, не желавшей дать самоуправленія и амнистіи возставшимъ. Россія повела дѣло къ тому, чтобы созвать европейскую конференцію и общими силами державъ повліять на турокъ. Конференція европейскихъ дипломатовъ состоялась въ Константинополѣ въ началѣ 1877 года и потребовала отъ султана прекращенія звѣрствъ и немедленныхъ реформъ для славянскихъ провинцій. Султанъ послѣ долгихъ переговоровъ и объясненій отказался слѣдовать указаніямъ конференціи. Тогда императоръ Александръ II объявилъ Турціи войну (12 апрѣля 1877 года). Княжество Румынія (образованное въ 1859 году изъ Молдавіи и Валахіи) не только согласилось пропустить чрезъ свои земли русскія войска къ Дунаю, но и само объявило войну Турціи.

Къ лѣту русская армія подъ начальствомъ великаго князя Николая Николаевича была уже на берегахъ Дуная и совершила (15-го іюня) переправу черезъ него у Систова. Передовой русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Гурко быстро дошелъ до Балканскихъ горъ и овладѣлъ горными проходами на югъ (Шипкинскимъ переваломъ и др.). Но здѣсь пока прекратились русскіе успѣхи. Турки успѣли собраться съ силами и остановили генерала Гурко; а турецкій генералъ Османъ-паша засѣлъ на правомъ флангѣ русской арміи, въ укрѣпленномъ лагерѣ при городѣ Плевнѣ, и производилъ оттуда вылазки. Русскимъ предстояло прежде всего справиться съ Плевною; безъ этого нельзя было идти за Балканы. Генералу Гурко было поэтому приказано отойти назадъ. На Шипкинскомъ перевалѣ оставленъ былъ генералъ Радецкій, геройски отражавшій всѣ попытки турокъ овладѣть Шипкою. Съ востока защищалъ русскія позиціи отрядъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича. Главныя же русскія силы приступили къ осадѣ Плевны, въ которой сосредоточилась значительная турецкая армія. Дѣло затянулось надолго, до прибытія сильныхъ подкрѣпленій изъ Россіи.

Такая же задержка произошла и на азіатскомъ театрѣ войны. Русскіе отряды, бывшіе подъ общимъ начальствомъ великаго князя Михаила Николаевича, начали было весною 1877 года наступленіе къ Батуму и Карсу, но были остановлены неожиданно энергичнымъ сопротивленіемъ турокъ (подъ начальствомъ Мухтара-паши). Пришлось пріостановить военныя операціи до прихода подкрѣпленій и кое-гдѣ отступить предъ напоромъ турокъ. Только осенью удалось русскимъ разбить

турокъ, осадить Карсъ и взять его (16-го ноября), послѣ чего русскія войска быстро дошли до Эрзерума и зимовали въ виду этого города.

Почти одновременно со взятіемъ Карса былъ достигнутъ рѣшительный успѣхъ и подъ Плевной. Съ прибытіемъ на театръ войны гвардіи, удалось окружить Плевну желѣзнымъ кольцомъ русскихъ войскъ. Попытка Османа-паши пробиться сквозь русскіе ряды была отбита, и 28-го ноября Плевна сдалась. Одушевленныя этою побѣдою наши войска не прекратили на зиму военныхъ дѣйствій. Рѣшено было немедленно перейти черезъ Балканы въ Румелію, гдѣ мягче климатъ и гдѣ было много продовольствія. Начался геройскій зимній походъ на южную сторону Балканъ. Трудности его были чрезвычайны, но и успѣхъ необыкновенно великъ. Сопротивленіе турокъ было сломлено: городъ сдавался за городомъ; сдавались цѣлые корпуса турецкихъ войскъ. Отряды Гурко, Радецкаго и Скобелева заняли города Филиппополь и Адріанополь и приблизились къ самому Константинополю. Султанъ просилъ мира.

Но мирные переговоры очень осложнились вслѣдствіе вмѣшательства Англіи. Приближеніе русской арміи къ Босфору вызвало посылку англійскаго флота въ Мраморное море. Появленіе русскихъ въ виду Константинополя послужило для англичанъ поводомъ поставить свой флотъ у Принцевыхъ острововъ, также въ виду Константинополя. На вызывающій образъ дѣйствій Англіи императоръ Александръ II отвѣтилъ тѣмъ, что приказалъ перенести главную квартиру русской арміи въ мѣстечко Санъ-Стефано, на берегу Мраморнаго моря, верстахъ въ 10—15 отъ стѣнъ Константинополя. Тамъ 19-го февраля 1878 года были подписаны условія прелиминарнаго (предварительнаго) мирнаго договора. По этому договору, Турція признавала независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи; уступала Черногоріи и Сербіи нѣкоторыя области; соглашалась на образованіе изъ своихъ болгарскихъ и македонскихъ областей особаго княжества Болгаріи; обязывалась ввести въ Босніи и Герцеговинѣ необходимыя реформы. Россіи Турція уступала обратно устья Дуная, отошедшія отъ Россіи въ 1856 году, а сверхъ того — города Батумъ и Карсъ съ окружающей территоріей.

Условія Санъ-Стефанскаго мира были опротестованы Англіей и Австріей, которыя не соглашались на столь чувствительное ослабленіе Турціи и желали извлечь изъ обстоятельствъ свою пользу. Отношенія этихъ державъ къ Россіи обострились настолько, что Россія стала усиленно готовиться къ новой войнѣ. Посредничество Германіи привело къ тому, что война была предупреждена европейскимъ конгрессомъ въ Берлинѣ. Но предложенный германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ конгрессъ былъ веденъ имъ не въ пользу Россіи. Подъ давленіемъ всей европейской дипломатіи представители Россіи (съ княземъ Горчаковымъ во главѣ) должны были сдѣлать значительныя уступки и измѣнить условія мира, вы-

работанныя въ Санъ-Стефано. Пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи были сокращены; вмѣсто единой Болгаріи были созданы двѣ болгарскія области, а именно княжество Болгарія (между Дунаемъ и Балканами) и автономная провинція Восточная Румелія (на-югъ отъ Балканъ). Сербія и Румынія были признаны независимыми королевствами, а Болгарія и Восточная Румелія оставлялись подъ главенствомъ Турціи. Наконецъ, Боснія и Герцеговина поступили во временное распоряженіе Австро-Венгріи.

Берлинскій трактатъ 1878 года вызвалъ глубокое недовольство всего русскаго общества и повелъ къ охлажденію отношеній Россіи не только съ Англіей и Австріей, но и съ Германіей. Никто въ Россіи не могъ примириться съ тѣмъ, что европейскія державы умалили плоды русскихъ побѣдъ и испортили результаты освободительной войны. Бисмарка, называвшаго себя на конгрессѣ „честнымъ маклеромъ“, русскіе люди считали злымъ врагомъ и предателемъ Россіи. Настроеніе общественнаго мнѣнія и недовольство правительства въ Россіи были для Бисмарка столь явны, что онъ счелъ нужнымъ составить — на случай войны съ Россіей—тайный союзъ Германіи съ Австріей, а затѣмъ и съ Италіей („тройственный союзъ“).

Съ другой стороны, освобожденныя войною 1877 — 1878 годовъ Балканскія государства и народности не получили отъ Россіи и Европы всего того, на что они надѣялись. Называя императора Александра своимъ „освободителемъ“, они, однако, не скрывали своего недовольства и разочарованій. Между Россіей и Балканскими государствами (Румыніей, Сербіей и Болгаріей) началось охлажденіе и неудовольствія. Болгарія, устроенная на первыхъ порахъ своей независимой жизни русскими людьми и средствами, вскорѣ вышла изъ подъ русскаго вліянія.

Такимъ образомъ, слѣдствія войны за освобожденіе балканскихъ славянъ были мало удовлетворительны. Военный успѣхъ не сопровождался соотвѣтствующимъ политическимъ результатомъ. Россія не добилась своихъ цѣлей и осталась совершенно изолированною, безъ союзниковъ и друзей. Вотъ почему въ русскихъ людяхъ Восточная война и Берлинскій конгрессъ вызывали чувство глубокой неудовлетворенности и разочарованія.

Кончина императора Александра II. Восточная война, направивъ силы русскаго общества на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, отвлекла его вниманіе отъ внутренняго броженія. Съ окончаніемъ же войны это внутреннее броженіе дало себя знать рядомъ насильственныхъ актовъ не только противъ высшихъ должностныхъ лицъ, но и противъ самого Александра II. На его жизнь покушенія шли одно за другимъ: въ него стрѣляли на улицѣ, подготовляли взрывъ полотна желѣзной дороги подъ его поѣздами, даже устроили взрывъ въ одной изъ залъ

Зимняго дворца въ Петербургѣ. Никто не думалъ, что всѣ эти покушенія исходятъ изъ одного малочисленнаго революціоннаго кружка „народной воли“: напротивъ, всѣмъ казалось, что дѣйствуетъ какая-то таинственная многолюдная организація. Къ подобному выводу приводило и то обстоятельство, что въ обществѣ было вообще много недовольныхъ и желавшихъ продолженія внутреннихъ реформъ. Смѣшивая небольшую террористическую партію со всею оппозиціонною средою, правительство прибѣгало къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, падавшимъ своей тяжестью на все общество. Надзору и преслѣдованію подвергались всѣ тѣ, кто казался мало-мальски подозрительнымъ и неблагонадежнымъ человѣкомъ. Однако, эта необыкновенная строгость не помогала: революціонный терроръ не прекращался. Общество же, запуганное репрессіями, было взволновано и раздражено.

Въ такихъ обстоятельствахъ Александръ II для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ прибѣгъ къ экстренному мѣропріятію: въ началѣ 1880 года была учреждена „верховная распорядительная комиссія“, начальникъ которой, графъ Лорисъ-Меликовъ, получилъ обширнѣйшія полномочія и сталъ какъ бы первымъ министромъ въ государствѣ. Лорисъ-Меликовъ составилъ свою программу дѣйствій: по его плану, надлежало подавлять революціонную дѣятельность тайныхъ организацій, но въ то же время съ довѣріемъ отнестись къ прочему обществу и, постепенно успокоивъ его, возвратить государство къ законному теченію дѣлъ. Въ этомъ направленіи Лорисъ-Меликовъ и повелъ дѣло. Ему вскорѣ же показалось, что онъ достигъ успѣха, и что можно упразднить верховную распорядительную комиссію. Дѣйствительно, признаки общественнаго успокоенія стали замѣтны. Съ закрытіемъ комиссіи Лорисъ-Меликовъ занялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ съ особыми полномочіями. Третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи было упразднено съ передачей его обязанностей въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Лорисъ-Меликовъ готовилъ проекты новыхъ реформъ съ тѣмъ, чтобы удовлетворить ожиданіямъ либеральной части русскаго общества (между прочимъ, онъ проектировалъ привлеченіе представителей земствъ въ Государственный Совѣтъ). Но главные дѣятели „народной воли“ оставались не открытыми и не думали о прекращеніи своихъ покушеній.

Въ началѣ 1881 года они устроили подкопъ подъ Екатерининскую улицу въ Петербургѣ, по которой ѣздилъ императоръ Александръ. 1-го марта, ожидая его проѣзда, они готовы были взорвать этотъ подкопъ и въ то же время разставили своихъ людей съ бомбами и въ другихъ мѣстахъ предполагаемаго маршрута. Александръ не поѣхалъ мимо подкопа; но это не спасло его. На Екатерининскомъ каналѣ царскій экипажъ былъ взорванъ бомбою; когда же государь вышелъ изъ

поврежденной кареты, онъ былъ тяжело израненъ вторымъ снарядомъ, брошеннымъ ему въ ноги. Отвезенный въ Зимній дворецъ, онъ скончался въ тотъ же день. На престолъ вступилъ его сынъ, цесаревичъ Александръ Александровичъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ былъ уволенъ въ отставку, и программа его реформъ отвергнута. Дѣятели „народной воли" вскорѣ были обнаружены, осужденны и казнены.

Главною цѣлью своей дѣятельности императоръ Александръ III поставилъ утвержденіе самодержавной власти и государственнаго порядка, поколебленнаго революціоннымъ движеніемъ при его отцѣ. Цѣль это должна была достигаться прежде всего твердымъ подавленіемъ всякихъ революціонныхъ выступленій, а затѣмъ пересмотромъ и улучшеніемъ законовъ и учрежденій, созданныхъ въ эпоху великихъ реформъ Александра II. Борьба „съ крамолой" завершилась полнымъ успѣхомъ: революціонное движеніе было подавлено, и террористическія покушенія прекратились. Пересмотръ узаконеній времени Александра II коснулся всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни и былъ направленъ къ тому, чтобы усилить надзоръ и вліяніе правительства въ сферѣ суда и общественнаго самоуправленія и вообще укрѣпить и поднять авторитетъ верховной власти. Въ общемъ, въ либеральныя учрежденія 1860-хъ годовъ было введено не мало ограниченій, сообщившихъ всей дѣятельности Александра III строго охранительный и реакціонный характеръ.

Печально окончилась жизнь „царя-освободителя", Александра II, чутко и бодро свершившаго великую реформу народной жизни. „Если (говоритъ А. А. Кизеветтеръ) искусство править состоитъ въ умѣніи вѣрно опредѣлять назрѣвшія потребности эпохи, открывать свободный выходъ таящимся въ обществѣ жизнеспособнымъ и плодотворнымъ стремленіямъ, съ высоты безпристрастія умиротворять взаимно-враждебныя партіи силою разумныхъ соглашеній, — то нельзя не признать, что императоръ Александръ Николаевичъ вѣрно понялъ сущность своего призванія въ достопамятные 1855—1861 годы своего царствованія". За императоромъ Александромъ II навсегда останется имя великаго преобразователя, принесшаго русскому народу невѣдомыя ему дотолѣ блага гражданственности. Когда преобразованія Петра Великаго окончательно опредѣлили новый государственный и общественный порядокъ, Россійская имперія получила видъ типичнаго для этой эпохи „полицейскаго государства", послужившаго формою для „просвѣщеннаго абсолютизма" Петра. Во имя общаго благополучія, государство тогда отрицало личную предпріимчивость и общественную самодѣятельность, установивъ особое „крѣпостное право" государства на жизнь и трудъ всѣхъ сословій одинаково. Не было

ни сословнаго права, ни сословныхъ льготъ, были только сословныя службы и сословныя повинности. Ими опредѣлялось положеніе въ государствѣ общественныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ. Мы знаемъ, какія обстоятельства въ XVIII вѣкѣ содѣйствовали разложенію Петровскаго порядка и раскрѣпостили „шляхетство“, обративъ въ 1785 году крѣпостное право на крестьянъ въ сословное право помѣщиковъ на ихъ „подданныхъ“. Измѣненіе въ государственномъ положеніи сословій повело къ установленію „шляхетскаго“ режима въ странѣ, превращавшаго Россію въ односословную монархію. Только что былъ намѣченъ исторіей этотъ новый режимъ, какъ противъ него началась (съ императора Павла) правительственная реакція. Она не имѣла вида системы до 1825 года; послѣ же этого обратилась въ систему, направленную къ тому, чтобы создать чисто бюрократическую власть. Восточная война показала неудачу такой попытки и императоръ Александръ II обращается снова къ общественнымъ силамъ. Но теперь уже не шляхетскій режимъ и не принципъ сословнаго закрѣпленія ставится въ основу порядка. Въ новыхъ учрежденіяхъ все общество всесословно или безсословно, призывается къ работѣ надъ общественнымъ благоустройствомъ......

Въ условіяхъ нарожденія этихъ всесословныхъ учрежденій 1860-хъ годовъ кроется начало нашей современности, то есть тотъ моментъ, когда для насъ кончается исторія и начинается дѣйствительность, мучительно занятая поисками новыхъ формъ общественнаго и государственнаго быта, которыя привели бы Россію къ гражданской правдѣ и соціальному счастью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Часть I.

Часть II.

Стран.

Часть III.

Стран.

Стран.

Стран.

